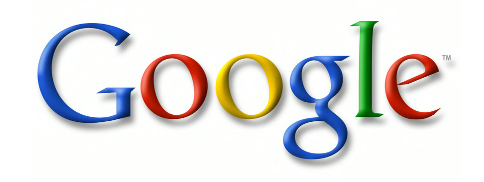

СОЧИНЕНІЯ

Н. А. ДОБРОЛЮБОВА.

Dobroliubov, N. A.

СОЧИНЕНІЯ

Н. А. ДОБРОЛЮБОВА.

ТОМЪ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе четвертое.
Л. Ф. ПАНТЕЛѢЕВА.
1885.

EWT

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Настоящее изданіе провѣрено по первому изданію, такъ какъ въ послѣдующихъ, особенно въ третьемъ, отъ чисто корректурныхъ недосмотровъ, встрѣчаются значительныя искаженія текста.

Въ Типографіи В. Безобразова и Комп.
(Вас. Остр., 8 линія, № 45).

Нѣкоторыя изъ критическихъ и историко-литературныхъ статей Н. А. Добролюбова имѣютъ между собою такую тѣсную связь по содержанію, что надобно было помѣстить ихъ рядомъ, хотя онѣ и писаны въ разное время. Вотъ эти группы:

1) о Собесѣдникѣ Любителей Русскаго Слова и о сатирическихъ журналахъ Екатерининскаго времени;

2) двѣ статьи о Педагогическомъ Институтѣ;

3) статьи по поводу педагогической дѣятельности г. Пирогова;

4) статьи о сочиненіяхъ С. Аксакова.

Первыя три группы связаны съ тремя статьями, которыя были первыми, напечатанными въ „Современникѣ" Добролюбовымъ; поэтому пришлось имъ занимать первое мѣсто въ настоящемъ изданіи. Чтобы не нарушать строгаго хронологическаго порядка въ ряду остальныхъ критическихъ статей, вслѣдъ за этими тремя группами помѣщена и четвертая.

Затѣмъ, начиная съ разбора сочиненій графа Соллогуба (томъ I, стр. 326), статьи, помѣщавшіяся Добролюбовымъ въ отдѣлѣ критики и библіографіи „Современника", идутъ въ хронологическомъ порядкѣ. Онѣ занимаютъ первые три тома настоящаго изданія.

Въ четвертомъ томѣ помѣщены другія статьи, написанныя Добролюбовымъ для „Современника" не въ формѣ разборовъ, статьи и стихи его изъ „Свистка" и стихотворенія, напечатанныя въ „Современникѣ" послѣ его смерти.

ОПЕЧАТКИ.

	Напечатано.	Должно быть.
Стран. 20 (6 строка сверху)	словѣ.	слогѣ.
» 122 (5 » снизу)	1662	1762
» 142 (13 » сверху)	liðertatis	libertatis
» 170 (17 » снизу)	за	на
» 272 (8 » »)	поклонникомъ;	поклонниковъ;
» 364 (9 » »)	сосоржанія —	содержанія —
» 468 (7 » »)	случайныхъ	случайнымъ
» 479 (17 » »)	заковъ,	законъ,

ОГЛАВЛЕНІЕ I ТОМА.

Современникъ, 1858.

КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

СТАТЬИ О ЛИТЕРАТУРѢ ЕКАТЕРИНИНСКАГО ВРЕМЕНИ.

I.

СОБЕСѢДНИКЪ
ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКАГО СЛОВА.

Изданіе кн. Дашковой и Екатерины II.

1783—1784.

Послѣ отвлеченныхъ философскихъ разсужденій, которыми отличалась наша критика въ сороковыхъ годахъ, наступило время обращенія къ фактамъ исторіи литературы. Любопытно наблюдать этотъ крутой поворотъ направленія, — одинъ изъ тѣхъ, которыхъ такъ много представляетъ исторія нашей словесности. За 15—20 лѣтъ передъ этимъ, ко всему хотѣли прилагать эстетическія и философскія начала, во всемъ искали внутренняго смысла, всякій предметъ оцѣнивали по тому значенію, какое имѣетъ онъ въ общей системѣ знаній или между явленіями дѣйствительной жизни. Тогда господствовали высшіе взгляды, тогда старались уловить духъ, характеръ, направленіе, оставляя въ сторонѣ мелкія подробности, не выставляя на показъ всѣхъ данныхъ, а выбирая изъ нихъ только наиболѣе характерныя. Тогда критика обыкновенно рисовала намъ прежде всего фасадъ зданія, потомъ представляла намъ его планъ, говорила о матеріалахъ, изъ которыхъ оно построено, разсказывала о внутреннемъ убранствѣ и затѣмъ анализировала впечатлѣніе, которое производитъ это зданіе.

Нынѣ это дѣлается не такъ [1]. Прежде всего намъ показываютъ отдѣльно каждый кирпичъ, каждое бревно, каждый гвоздикъ, употребленный при постройкѣ дома, разсказывая подробно, гдѣ

[1]) Разумѣемъ здѣсь большинство случаевъ, изъ которыхъ съ прошедшаго года начали появляться пріятныя исключенія.

каждый изъ нихъ купленъ, откуда привезенъ, гдѣ лежалъ до того времени, какъ занялъ свое настоящее мѣсто. Затѣмъ, занимаются изслѣдованіемъ, насколько, кѣмъ и какъ обрубленъ и обсѣченъ сырой матеріалъ, приготовленный для стройки. Наконецъ, представляютъ смѣту, сколько эти матеріалы стоили во время самой постройки и сколько они теперь стоятъ. Теперь дорожатъ каждымъ малѣйшимъ фактомъ біографіи и даже библіографіи. Гдѣ первоначально были помѣщены такіе-то стихи, какія въ нихъ были опечатки, какъ они измѣнены при послѣднихъ изданіяхъ, кому принадлежитъ подпись А или В въ такомъ-то журналѣ или альманахѣ, въ какомъ домѣ бывалъ извѣстный писатель, съ кѣмъ онъ встрѣчался, какой табакъ курилъ, какіе носилъ сапоги, какія книги переводилъ по заказу книгопродавцевъ, на которомъ году написалъ первое стихотвореніе, — вотъ важнѣйшія задачи современной критики, вотъ любимые предметы ея изслѣдованій, споровъ, соображеній. Верхъ ея искусства, апогей ея благотворности — если она захочетъ и сумѣетъ показать значеніе произведеній того или другаго писателя для его времени и потерю этого значенія въ наше время. Но часто и этого не видимъ мы въ современной критикѣ. Она занимается фактами, она собираетъ факты,—а что ей за дѣло до выводовъ! Выводы дѣлайте сами: при помощи современной критики это очень легко. Она вамъ указываетъ, гдѣ помѣщено то-то и то-то: возьмите и прочитайте! Если хотите сличеній, и здѣсь вамъ критика поможетъ. Она представляетъ вамъ весьма подробно всѣ перемѣны, какія сдѣланы въ этомъ произведеніи при различныхъ его редакціяхъ. Мало того: она разскажетъ вамъ, гдѣ и въ какихъ обстоятельствахъ писано такое-то произведеніе, она откроетъ вамъ гдѣ-нибудь надпись: село такое-то, мѣсяцъ такой-то, или обстоятельно, посредствомъ множества хитрыхъ соображеній, докажетъ, что это стихотвореніе, вѣроятно, писано было уже послѣ того времени, какъ авторъ переѣхалъ съ Мойки въ Галерную улицу, но еще прежде, нежели онъ купилъ собственный домъ. Результаты, по истинѣ, блистательные! Можно надѣяться, что далеко уйдетъ съ ними молодое поколѣніе. Много эта критика сообщитъ ему живыхъ воззрѣній, много породитъ отрадныхъ, прекрасныхъ явленій въ области умственной жизни, много подѣйствуетъ на развитіе общества! Имѣя своими высшими, совершеннѣйшими идеалами — Сопикова и Анастасевича, бойко и твердо пойдутъ наши геніальные, но тѣмъ не менѣе трудолюбивые, ученые по дорожкѣ, протоtренной этими безсмертными основателями русской библіографіи... Наполняя литературу указателями, помѣщая въ журналахъ указатели, основывая свою ученую славу на составленіи указателей, они смѣло будутъ говорить всей Россіи: вотъ гдѣ истинное ученое достоинство, вотъ гдѣ основательные, дѣльные труды, заслуживающіе безсмертія въ потомствѣ! Это не то, что какія-нибудь философскія умствованія, эстетическія соображенія, историческіе, литературные и всевозможные общіе взгляды, которые можетъ бросать

всякій мальчишка со школьной скамьи, для которыхъ слѣдуетъ только подумать нѣсколько часовъ, а не нужно проводить мѣсяцы и годы въ переборкѣ, сличеніи, переписываніи и выпискахъ изъ десятковъ и сотенъ книгъ.

Такъ думаютъ и говорятъ представители фактическаго, или, лучше, библіографическаго направленія критики. Такъ еще долго будутъ говорить они и, нельзя не сознаться, въ словахъ ихъ есть частица правды. Въ самомъ дѣлѣ, ихъ занятія трудны и почтенны, и если достоинство каждаго дѣла мѣрять его трудностью, то едва ли въ области умственной найдется трудъ болѣе достойный. Это несчастные носильщики, перетаскивающіе камни къ мѣсту стройки; это жалкіе рудокопы, копающіе землю, чтобы отыскать въ ея грудахъ зернышко золота. Они полезны, они необходимы, они даже достойны уваженія; но позвольте мнѣ все-таки болѣе уважать архитектора, распоряжающагося стройкой, геолога, указывающаго руду. Ихъ дѣло, можетъ быть, требуетъ менѣе постояннаго, тяжкаго, изнурительнаго труда; но я знаю, что они-то именно и придаютъ значеніе трудамъ каменьщиковъ и рудокоповъ, что отъ нихъ-то міръ можетъ ожидать открытій и плановъ, на исполненіе которыхъ всегда найдется довольно людей. Уважаю я трудъ библіографа, знаю, что и для него нужно нѣкоторое приготовленіе, предварительныя знанія, какъ для почтальона нужно знаніе городскихъ улицъ; но позвольте же мнѣ болѣе уважать критика, который даетъ намъ вѣрную, полную, всестороннюю оцѣнку писателя или произведенія, который произноситъ новое слово въ наукѣ или искусствѣ, который распространяетъ въ обществѣ свѣтлый взглядъ, истинныя, благородныя убѣжденія. Отъ этого критика я не узнаю, можетъ быть, даже названій всѣхъ произведеній писателя, и тѣмъ менѣе то, гдѣ они были помѣщены и гдѣ писаны, но за то мнѣ будетъ открытъ характеръ писателя, я буду ясно и вѣрно понимать лучшія его произведенія, горячо сочувствовать всему прекрасному, что въ нихъ заключается... И долго будетъ въ обществѣ отзываться звучный, ясный голосъ этого критика, долго будетъ чувствовать народъ благотворное вліяніе его убѣжденій, его горячей, смѣлой, задушевной проповѣди. Конечно, это направленіе тоже можетъ быть доводимо до крайностей: можно набросать громкихъ фразъ, не имѣя никакого собственнаго убѣжденія... Но и это не совершенно безполезно: по крайней мѣрѣ, подобная статья заставитъ читателя подумать... Библіографическіе же труды могутъ только составить чисто пассивное упражненіе памяти. Ихъ, конечно, можно ставить себѣ въ заслугу и успокоиваться на нихъ, точно такъ, какъ нѣкоторые ученые, покоящіеся на лаврахъ, ставятъ себѣ въ заслугу то, что читаютъ корректуры новаго изданія своихъ сочиненій. Но нельзя не замѣтить, что для подобнаго дѣла существуютъ корректоры, работающіе безъ всякихъ претензій на геніальность.

Страннымъ можетъ показаться такое вступленіе въ сочиненіе,

само имѣющее предметомъ одинъ изъ частныхъ фактовъ нашей литературы. Но оно было необходимо для того, чтобы показать, въ чемъ я полагаю задачу своего труда, какъ я смотрю на дѣло, за которое взялся, и чего читатель можетъ ожидать отъ этого обозрѣнія. Высказавъ теперь свои общія положенія о трудахъ подобнаго рода, я уже смѣлѣе могу говорить о своемъ собственномъ трудѣ, смѣлѣе могу предупредить, что это не будетъ библіографическій указатель, и тѣмъ менѣе сводный списокъ разныхъ статей, помѣщенныхъ въ «Собесѣдникѣ» и потомъ перепечатанныхъ въ разныхъ изданіяхъ. Пусть библіографы съ презрѣніемъ отвернутся отъ моего труда; пусть люди, ищущіе все только фактовъ, голыхъ. сырыхъ фактовъ,—пусть они обвиняютъ меня въ недостаткѣ научнаго, мозольнаго изслѣдованія, въ пристрастіи къ общимъ взглядамъ,—пусть мой трудъ покажется имъ неосновательнымъ, пустымъ, легкимъ. Я не боюсь этого обвиненія и надѣюсь найти защиту передъ читателями именно въ легкости моего обозрѣнія. Я всѣми силами старался скрыть черную работу, которая положена въ основаніе зданія, снять всѣ лѣса, по которымъ лазилъ я во время стройки, потому что почитаю ихъ совершенно излишними украшеніями. Я старался представить выводы, результаты, итоги, а не частные счеты, не множители и дѣлители. Можетъ быть, отъ этого трудъ мой потеряетъ *научное* достоинство, но за то его можно будетъ читать, а я хочу лучше служить для чтенія, нежели для справокъ. Впрочемъ, чтобы невѣрующіе не вздумали усомниться во всѣхъ моихъ выводахъ, я рѣшаюсь дать имъ *примѣчанія*. Эти примѣчанія довольно обширны, и потому я отношу ихъ къ концу сочиненія, подъ особымъ названіемъ: *Библіографическія замѣтки*. Здѣсь будетъ списано и оглавленіе «Собесѣдника», и представленъ счетъ страницъ его, и показаны опечатки, и высказаны «требовавшія обширной эрудиціи» соображенія о томъ, кого скрывала такая-то подпись изъ начальныхъ буквъ и кому могло бы принадлежать такое-то четверостишіе, безъ подписи, — словомъ, все то, что такъ постоянно оставалось неразрѣзаннымъ въ нашихъ журналахъ послѣднихъ годовъ. Въ самомъ же сочиненіи читатель найдетъ только готовые выводы и самыя необходимыя соображенія касательно важнѣйшихъ вещей. Это дастъ мнѣ болѣе свободы въ моемъ изложеніи, позволитъ подробнѣе и вѣрнѣе прослѣдить духъ и направленіе журнала, оставитъ болѣе простора соображеніямъ критическимъ и собственно литературнымъ.

Предметъ моего изслѣдованія дастъ много поводовъ для подобныхъ соображеній. Это не какая-нибудь «Поденьщина», «Мѣшенина» или «Пустомеля», которыя, дѣйствительно, могутъ довольствоваться и просто библіографическимъ описаніемъ. «Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова» долженъ занять видное мѣсто въ исторіи русской литературы и въ особенности журналистики. Онъ можетъ дать много важныхъ фактовъ для изучающаго состояніе русскаго общества и литературы въ концѣ прошлаго столѣтія.

Можно сказать, что въ продолженіе двухъ лѣтъ своего изданія онъ совмѣщалъ въ себѣ почти всю литературную дѣятельность русскихъ писателей того времени. Жизнь общества тогдашняго отражалась въ немъ болѣе, нежели въ какомъ-либо изъ другихъ изданій, и причину этого, конечно, должны мы искать въ самыхъ условіяхъ существованія «Собесѣдника». У насъ, вообще, журнальная литература всегда пользовалась наибольшимъ успѣхомъ и получила наибольшее развитіе, — потому ли, что русскіе авторы никогда не хотѣли или не умѣли сами хлопотать о продажѣ и объ изданіи своихъ сочиненій, или потому, что чтеніе мелкихъ, легкихъ статеекъ приходилось болѣе по вкусу образующагося общества, нежели чтеніе сочиненій обширныхъ и серьезныхъ. Да, впрочемъ, подобныхъ сочиненій у насъ никогда и не являлось слишкомъ много. Какъ бы то ни было, журналы различныхъ форматовъ, съ различнымъ направленіемъ и содержаніемъ, различными сроками выхода развелись у насъ во множествѣ уже въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Естественно, что они должны были слѣдить за современностію, угадывать потребности общества, если хотѣли имѣть успѣхъ. И дѣйствительно, пересматривая рядъ этихъ изданій, мы находимъ общее стараніе слѣдить за общественной жизнью и овладѣвать вниманіемъ публики, представляя посильное изображеніе того, что особенно ее занимало или могло занимать въ данное время. Отсюда объясняется раннее появленіе у насъ нравоописательныхъ изданій. При этомъ нельзя забыть и того особеннаго направленія, которое всегда проглядывало въ этихъ изображеніяхъ нравовъ — направленія сатирическаго. Молодое, развивающееся общество русское чувствовало, конечно, само свое несовершенство, видѣло, что ему еще многое нужно у себя исправить и передѣлать. Но не въ его волѣ было вдругъ отрѣшиться отъ всѣхъ своихъ недостатковъ, имѣвшихъ большею частію историческое происхожденіе, проникнувшихъ весь характеръ народа и нерѣдко связанныхъ съ самымъ общественнымъ его устройствомъ. Для этого нужно было время, приготовленіе; нужно было, чтобы появилось сначала сознаніе недостатковъ, чувство необходимости ихъ исправленія; сначала должно было теоретически овладѣть умами, чтобы потомъ практически выразиться въ жизни. Сатира явилась въ этомъ случаѣ могучимъ дѣятелемъ, какъ и всегда является она въ обществѣ. Это общество, столько перенесшее и выстрадавшее, такъ часто останавливаемое враждебными обстоятельствами въ естественномъ ходѣ своего развитія, такъ стѣсняемое въ самыхъ чистыхъ и высокихъ своихъ стремленіяхъ, связанное во всемъ по рукамъ и ногамъ, вслѣдствіе совершенно неравномѣрнаго распредѣленія въ немъ умственныхъ и вещественныхъ преимуществъ,—это общество, не имѣя возможности дѣйствовать, искало отрады, по крайней мѣрѣ, въ словѣ—умномъ, смѣломъ, благородномъ, выводившемъ на посмѣяніе все низкое и пошлое и выражавшемъ живое стремленіе къ новому, лучшему, разумному

порядку вещей. Никогда не замирало у насъ это направленіе, и во всемъ, что есть лучшаго въ нашей словесности, отъ первыхъ народныхъ пѣсенъ до произведеній Гоголя и стихотвореній Некрасова, видимъ мы эту иронію, то наивно открытую, то лукаво-спокойную, то сдержанно-желчную. Она нашла себѣ представителей и въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка. Число журналовъ, начавшихся «Всякою Всячиною» (1769 г.) и отличавшихся преимущественно сатирическимъ направленіемъ, довольно велико. Въ этомъ же году появились: «И то, и се», «Ни то, ни се», «Поденьщина», «Полезное съ пріятнымъ», «Смѣсь» и «Трутень».—Въ слѣдующемъ году издавался «Парнасскій Щепетильникъ», Новикова; въ 1771 г. «Трудолюбивый Муравей», Рубана; въ 1772 г. «Вечера» и «Живописецъ», Новикова, имѣвшіе такой блестящій успѣхъ, что «Живописецъ» снова перепечатанъ былъ въ слѣдующемъ же году. Съ этого времени Новиковъ рѣшительно овладѣлъ поприщемъ журналистики. Въ 1774 г. издалъ онъ «Кошелекъ», въ 1777—1780 годы «Утренній Свѣтъ»; въ 1781 г. «Московское Ежемѣсячное Изданіе»; въ 1782 г. «Вечернюю Зорю», какъ продолженіе «Утренняго Свѣта», и въ 1784 г. заключилъ все это «Покоящимся Трудолюбцемъ». Не всѣ новиковскія изданія отличаются одинаковымъ направленіемъ, а потому не всѣ имѣли одинаковый успѣхъ. Въ «Утреннемъ Свѣтѣ» является уже характеръ болѣе философскій, нежели сатирическій, и только стихотворенія да анекдоты все еще напоминаютъ веселую сатиру. Въ «Вечерней Зорѣ» уже преобладаютъ разсужденія — о постѣ, о безсмертіи души, о суетѣ суетъ, объ истинномъ блаженствѣ, о совѣсти, объ откровеніи, о египетской морали и догматикѣ, и т. п. Самыя стихотворенія представляютъ большею частію переложеніе молитвъ, псалмовъ и душеспасительныя размышленія. То же самое находимъ въ «Покоящимся Трудолюбцѣ», гдѣ въ каждой книжкѣ являются благочестивыя размышленія и духовныя оды на любовь, на злобу, на смерть, на рожденіе вообще или чье-нибудь рожденіе въ частности. Такое направленіе было очень почтенно и могло быть даже полезно въ то время; но для этого нужно было немножко получше взяться за дѣло. Въ виду смѣлыхъ и остроумныхъ нападеній величайшихъ умовъ того времени, нельзя уже было довольствоваться прежнею рутиною, обращеніями къ чувству, восклицательными знаками, изношенными сравненіями; нельзя уже было прятаться за авторитетъ египетскихъ, китайскихъ и другихъ мудрецовъ. А этимъ-то именно и отличаются разсужденія новиковскихъ журналовъ. Они чрезвычайно напоминаютъ сочиненія на заданныя темы, какими упражняютъ обыкновенно воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Это, впрочемъ, иначе и не могло быть, по самому составу сотрудниковъ журнала, которые всѣ почти были студенты Московскаго университета, какъ объявлялъ объ этомъ Новиковъ на первыхъ же листахъ каждаго журнала. Большая часть именъ остались совершенно неизвѣстными въ литературѣ; въ «Вечерней Зорѣ» можно только отмѣтить Лабзина и Пельскаго,

въ «Покоящимся Трудолюбцѣ» — Подшивалова, Антонскаго и Сохацкаго. Неудивительно, что эти классныя упражненія мало встрѣчали сочувствія въ публикѣ, которая, не обращая вниманія на дидактическіе журналы Новикова, въ это самое время жадно перечитывала во 2-мъ и 3-мъ изданіи его «Живописца» и «Вечера».

Гораздо большимъ вниманіемъ пользовался журналъ, издававшійся съ 1778 г. Григоріемъ Брайко (1) (по свидѣтельству м. Евгенія)—«Спб. Вѣстникъ». Этотъ журналъ, менѣе обнаруживавшій наклонности къ отвлеченнымъ безплоднымъ умствованіямъ, больше вникавшій въ жизнь и лучше ее понимавшій, нежели остальная журнальная братія, скоро овладѣлъ общимъ вниманіемъ и продолжался непрерывно, въ теченіе почти четырехъ лѣтъ, — явленіе очень рѣдкое въ то время (2). Въ немъ явилось нѣсколько поэтическихъ опытовъ Державина (см. объ этомъ статью г. Грота въ «Соврем.» 1845 г., № 4). Въ немъ участвовалъ Княжнинъ. Здѣсь же помѣщена была знаменитая въ свое время сатира Капниста (3). Вообще, стихотворный отдѣлъ отличается скорѣе сатирическимъ, нежели дидактическимъ направленіемъ. Въ прозаическихъ статьяхъ тоже разсматриваются предметы, болѣе близкіе къ жизни, нежели отвлеченные Есть нѣсколько статей историческаго и даже юридическаго содержанія (4). Статья «О началѣ россійскаго театра» можетъ быть небезполезна и нынѣ. Кромѣ того, живѣйшій интересъ придаваемъ былъ журналу тѣмъ, что онъ постоянно слѣдилъ за новостями политики и литературы. Въ его программѣ заключался отдѣлъ библіографіи — довольно полной и дѣльной для своего времени — и, сверхъ того, отдѣлъ, въ которомъ помѣщались распоряженія русскаго правительства и извѣстія о важнѣйшихъ политическихъ событіяхъ другихъ странъ. Все это придавало журналу небывалыя до того живость и разнообразіе и, конечно, много содѣйствовало его успѣху въ публикѣ. Причины его прекращенія неизвѣстны. Но послѣ «Ежемѣсячныхъ Сочиненій» это было самое продолжительное изданіе въ прошломъ вѣкѣ, и ужъ, конечно, прекратилось оно не по тѣмъ причинамъ, которыя, напримѣръ, заставили Туманскаго напечатать въ 1786 году на послѣдней страницѣ своего «Зеркала Свѣта» слѣдующія строки: «Сія часть оканчиваетъ изданіе «Зеркала Свѣта» понедѣльно. Разныя неудобства продолженіе онаго прерываютъ, а малое число подписателей, сей годъ бывшихъ, а и того меньше на будущій явившихся, подтвердили давно извѣстную о писателяхъ, общую пользу предметомъ имѣющихъ, истину». — Журналъ Туманскаго и «С.-Петербургскій Вѣстникъ» разнились такъ, какъ, напримѣръ, «Сынъ Отечества» и «Телеграфъ», и если первый прекратился *своею смертію*, то уничтоженіе послѣдняго, всего вѣроятнѣе, нужно искать въ обстоятельствахъ, теперь намъ неизвѣстныхъ.

«Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова» былъ прямымъ преемникомъ и продолжателемъ «С.-Петербургскаго Вѣстника», хотя безъ всякаго предварительнаго соглашенія, даже, вѣроятно,

безъ всякаго намѣренія, а совершенно случайно. Это продолженіе видимъ мы не во внутренней жизни, не въ существенныхъ убѣжденіяхъ и взглядахъ журнала: въ этомъ сходство между «Собесѣдникомъ» и «Вѣстникомъ» развѣ немногимъ чѣмъ больше, какъ и между всѣми другими журналами, которые всѣ отличались болѣе или менѣе полнымъ отсутствіемъ убѣжденій и болѣе или менѣе яркою пестротою противорѣчивыхъ понятій и взглядовъ. Нѣтъ, сходство это болѣе внѣшнее, но тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить его. Въ «Собесѣдникѣ» участвовали почти всѣ тѣ же писатели, которые участвовали въ «Вѣстникѣ»; изъ «Вѣстника» перепечатывалъ «Собесѣдникъ», особенно въ первыхъ частяхъ своихъ, значительное количество статей, иногда сказывая объ этомъ, а иногда и умалчивая (5). «Собесѣдникъ», какъ и «Вѣстникъ», защищалъ русскій языкъ отъ вторженія ненужныхъ иностранныхъ словъ, отличался любовію къ историческимъ изысканіямъ, пытался рисовать современные нравы и представлять въ легкой формѣ дѣльныя научныя истины; наконецъ въ немъ, какъ и въ «Вѣстникѣ», находимъ мы совершенное отсутствіе стихотворныхъ шарадъ и загадокъ, которыми наполнялись тогда всѣ журналы, особенно новиковскіе. Только отдѣлы критики и новостей были уничтожены здѣсь, потому, вѣроятно, что «Собесѣдникъ» не назначалъ себѣ срочнаго времени для выхода, а выпускалъ свои книжки по мѣрѣ накопленія статей.

Изъ этого коротенькаго обзора журналовъ, предшествовавшихъ «Собесѣднику», и изъ нѣсколькихъ словъ объ отношеніи его къ «С.-Петербургскому Вѣстнику» видно уже, что въ этомъ журналѣ смѣло можно искать отраженія современной жизни общества. Успѣхъ этого исканія представится намъ еще болѣе несомнѣннымъ, когда мы вспомнимъ о томъ, кто были его издатели. Это были—княгиня Дашкова и сама Императрица Екатерина II. Здѣсь не могли, слѣдовательно, имѣть мѣста никакія опасенія, никакая малодушная робость предъ сильными міра сего. Литературное слово обличенія и наставленія нисходило съ высоты престола, оно было *со властію*, было сильно, свободно и открыто, не щадило порока и низости на самыхъ высшихъ ступеняхъ общественныхъ, не было стѣсняемо никакими посторонними обстоятельствами, которыя, въ другихъ случаяхъ, такъ часто накладываютъ *печать молчанія на уста* писателя. Съ другой стороны, это не было изданіе оффиціальное, которое бы по необходимости должно было ограничиться узкой программой отчетовъ, мертвыхъ цифръ и другихъ, хотя краснорѣчивыхъ, но тѣмъ не менѣе нисколько не характеристическихъ, данныхъ. Это было изданіе собственно литературное, полное жизни, пользовавшееся полнымъ просторомъ въ выборѣ предметовъ и въ способѣ ихъ изображенія. Къ этому нужно присоединить и то, что вся литературная дѣятельность Екатерины II имѣетъ видъ высокой правды и безкорыстія, которое не могло не дѣйствовать и на другихъ писателей, дѣйствовавшихъ въ то время. Правда, по духу

того времени, Императрица не могла не терпѣть разныхъ, слишкомъ восторженныхъ, гиперболическихъ диѳирамбовъ; поэтъ прекрасно сказалъ отъ ея имени:

«Не запрещу я стихотворцамъ
Писать и чепуху и лесть.»

И въ то время, можетъ быть, даже больше, чѣмъ во всякое другое, встрѣчаемъ мы торжественныхъ, льстивыхъ одъ. Но это была дань своему вѣку и, обезпечивъ себя подобнымъ твореніемъ, каждый изъ писателей тѣмъ безбоязненнѣе и прямѣе могъ изображать современное общество и подсмѣиваться надъ его недостатками. Таковъ именно и есть характеръ «Собесѣдника», какъ покажетъ подробный разборъ его.

Мы не будемъ здѣсь много распространяться объ основаніи «Собесѣдника» Екатериною II: оно довольно общеизвѣстно, и извѣстіе о немъ помѣщается даже въ курсахъ литературы, обыкновенно предъ разборомъ «Фелицы» Державина (6). Трогательная исторія появленія этой оды-сатиры, въ самомъ дѣлѣ, тѣсно связана съ началомъ «Собесѣдника»: ода красуется на первыхъ его страницахъ. Въ сущности, впрочемъ, это обстоятельство довольно маловажно для нашего дѣла и потому, не останавливаясь на немъ, ограничимся только необходимыми историческими данными.

«Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова, содержащій разныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ нѣкоторыхъ россійскихъ писателей», начался въ 1783 году, «по желанію Академіи Наукъ директора, ея сіятельства Е. Р. Дашковой», какъ сказано въ предувѣдомленіи къ нему. Объ участіи Императрицы Екатерины II ничего тогда не было сказано, и оно нѣкоторое время оставалось тайною для многихъ, что доказывается смѣлыми вопросами фонъ-Визина, помѣщенными въ третьей книжкѣ, и не совсѣмъ благосклонными критиками «Любослововъ», помѣщавшимися въ самомъ же «Собесѣдникѣ» (7). Начался этотъ журналъ съ началомъ 1783 года: первая книжка его вышла мая 20-го, какъ видно изъ объявленія «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1783 года, № 40. Въ этотъ первый годъ вышло девять книжекъ журнала; остальныя семь вышли въ слѣдующемъ году. Съ шестнадцатою книжкою изданіе, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, прекратилось въ сентябрѣ 1784 года (8).

Изданіе это многіе до сихъ поръ относили къ основанію Россійской Академіи (Гречъ, Полевой и др.) (9). Но оно началось гораздо раньше, потому что указъ объ учрежденіи Россійской Академіи состоялся только 30 октября 1783 года, а до этого времени издано уже было пять книжекъ «Собесѣдника» [1]). Вмѣстѣ съ этой ошибкой курсы нашей литературы повторяютъ другую, именно: будто бы въ «Собесѣдникѣ» напечатана была рѣчь, говоренная

---

[1]) См. «Объ учрежденіи Росс. Академіи», въ первомъ томѣ «Сочиненій и Переводовъ Росс. Академіи» 1805 года.

при учрежденіи Академіи княгинею Дашковою; въ «Собесѣдникѣ» этой рѣчи нѣтъ (10). Впрочемъ, не совпадая хронологически, «Собесѣдникъ» и учрежденіе Россійской Академіи совпадаютъ по мысли, произведшей ихъ. Въ объявленіи о «Собесѣдникѣ», которое вошло и въ предувѣдомленіе къ нему, сказано, что княгиня Дашкова «почитаетъ нужнымъ не только пещись, по долгу званія своего (какъ директоръ Академіи Наукъ), о приведеніи наукъ въ Россіи въ цвѣтущее состояніе, но и стараться о доставленіи публикѣ хорошихъ россійскихъ сочиненій, чтобы тѣмъ подавать по мѣрѣ силъ своихъ способы сочинителямъ трудиться въ стихотворствѣ и въ прочихъ, до словесныхъ наукъ и нравоученія касающихся сочиненіяхъ. Польза, отъ сего происходящая, ощутительна, какъ въ разсужденіи россійскаго слова, такъ и вообще въ разсужденіи просвѣщенія». Въ концѣ первой книжки напечатано увѣдомленіе издателей, чтобы всѣ, кому угодно, присылали въ редакцію критики на статьи «Собесѣдника»: «ибо желаніе княгини Дашковой есть, чтобы россійское слово вычищалось, процвѣтало и сколько возможно служило къ удовольствію и пользѣ всей публики, а критика, безъ сомнѣнія, есть одно изъ наилучшихъ средствъ къ достиженію сей цѣли» [1]). Въ рѣчи при учрежденіи Россійской Академіи, княгиня Дашкова также говоритъ: «Учрежденіемъ Россійской Академіи предоставлено усовершить и возвеличить слово наше препрославленному вѣку Екатерины Вторыя... Многоразличныя древности нашего отечества, обильныя лѣтописи, дражайшіе памятники дѣяній праотцевъ нашихъ представляютъ намъ обширное поле... Звучныя дѣла государей нашихъ, знаменитыя дѣянія предковъ нашихъ, а наипаче славный вѣкъ Екатерины II явитъ намъ предметы къ произведеніямъ, достойнымъ громкаго нашего вѣка. Сіе, равномѣрно какъ и сочиненіе грамматики и словаря, да будетъ первымъ нашимъ упражненіемъ». Изъ этихъ словъ видно уже просвѣщенное стремленіе княгини Дашковой способствовать успѣхамъ родного слова; видно, что новый директоръ Академіи Наукъ съ жаромъ и умѣньемъ взялся за исполненіе своихъ важныхъ обязанностей. Назначенная директоромъ Академіи по непосредственному выбору Императрицы Екатерины II, княгиня Дашкова долго отговаривалась, утверждая, что она неспособна къ такой важной должности. Но Императрица сказала, что люди, прежде того занимавшіе эту должность, по способностямъ и качествамъ своимъ, были ниже княгини и настояла на своемъ выборѣ. Изъ собственныхъ записокъ княгини (11) видно, съ какимъ безкорыстіемъ и чистымъ усердіемъ принялась она за ввѣренное ей дѣло, съ какой ревностной, напряженной дѣятельностью заботилась о процвѣтаніи и возвышеніи русскаго просвѣщенія и русскаго слова. Съ перваго дня своего вступленія въ должность, она хлопочетъ о приведеніи въ порядокъ библіотеки, типографіи академической, о выборѣ но-

[1]) «Соб.», ч. I, стр. 160.

выхъ членовъ, о возобновленіи журнала Академіи, объ увеличеніи экономическихъ суммъ, на которыя умножаетъ число учениковъ въ академическомъ училищѣ, прибавляетъ жалованья профессорамъ, вводитъ новые курсы, издаетъ карты губерній Россійской имперіи (12). Но и этихъ трудовъ было для нея не довольно: она хотѣла еще непосредственнѣе дѣйствовать на распространеніе полезныхъ знаній и добрыхъ мыслей въ обществѣ и для этой цѣли, черезъ три мѣсяца послѣ своего назначенія въ должность директора Академіи, задумала литературный журналъ. Апрѣля 14-го, 1783 года, явилось въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» первое объявленіе объ изданіи «Собесѣдника». Мы не имѣемъ никакихъ точныхъ свѣдѣній о томъ, на какія суммы предпринято было это изданіе и кто первый возымѣлъ мысль о немъ—Екатерина ли, или сама княгиня Дашкова. Въ «Запискахъ» ея сказано, что этотъ журналъ «издавала Академія» [1]) и на заглавномъ листѣ каждой книжки стоитъ: «иждивеніемъ Императорской Академіи Наукъ». Потому можно предполагать, что на это употреблены были именно тѣ экономическія суммы, которыя умѣлъ сберечь новый директоръ Академіи. Чрезъ полгода послѣ начала этого изданія княгиня Дашкова успѣла уже привести къ совершенію учрежденіе Россійской Академіи, какъ ученаго общества, долженствующаго «хранить и утверждать языкъ»; такимъ образомъ, что она имѣла въ виду совершить частнымъ образомъ, посредствомъ своихъ сочиненій и кружка литераторовъ, помѣщавшихъ свои труды въ ея журналѣ, теперь высказалось оффиціально и возложено было на цѣлое сословіе ученыхъ, которые должны были усовершенствованіе отечественнаго слова поставить задачею своей дѣятельности. Вотъ въ какомъ отношеніи могутъ быть сближены «Собесѣдникъ» и Россійская Академія: они имѣли одну и ту же цѣль, явились вслѣдствіе одного и того же просвѣщеннаго стремленія—распространять просвѣщеніе въ обществѣ и возвысить значеніе отечественной литературы. Мы обращаемъ особенное вниманіе на это обстоятельство, потому что оно опредѣляетъ до нѣкоторой степени самый характеръ и направленіе журнала. Двойная цѣль изданія вполнѣ объясняетъ намъ, почему въ «Собесѣдникѣ», рядомъ со статьями о нравахъ, встрѣчаются опредѣленія синонимовъ, вмѣстѣ съ лучшими поэтическими произведеніями того времени—филологическія изслѣдованія о свойствахъ славянскаго языка, или критики, въ которыхъ ни единое *е*, ни единое *и*, нечаянно, не у мѣста поставленныя въ «Собесѣдникѣ», не пропущены [2]).

И «Собесѣдникъ», сколько мы можемъ теперь судить, дѣлалъ свое дѣло. При этомъ можно даже взять во вниманіе многочисленныя письма, помѣщавшіяся въ «Собесѣдникѣ» же и, прямо или косвенно, положительно или отрицательно, расхваливавшія этотъ

[1]) См. «Совр.» 1845 года, № 1, стр. 28.
[2]) «Соб.», ч. II, стр. 103.

журналъ. Многія изъ нихъ, очевидно, сочинялись въ редакціи, особенно тѣ, въ которыхъ журналъ хвалили подъ видомъ брани, вызванной будто-бы негодованіемъ лицъ, въ немъ осмѣянныхъ. Но многія изъ этихъ писемъ, особенно при посылкѣ разныхъ собственныхъ сочиненій (13), безъ сомнѣнія, дѣйствительно были получаемы въ редакціи, — и всѣ они наполнены комплиментами; въ большей части говорится о томъ, съ какою жадностію всѣ читаютъ «Собесѣдникъ». Теперь нѣтъ возможности узнать, чьему перу принадлежатъ всѣ эти письма, иногда очень оригинальныя. Въ 16-ти книжкахъ «Собесѣдника» ихъ напечатано слишкомъ 50. Они обозначены множествомъ различныхъ мѣстностей: есть письма изъ Архангельска, изъ Карасубазара, изъ Клина, изъ Симбирска, изъ Шлиссельбурга и пр. (14); но всего болѣе писемъ изъ Москвы (15) и Звенигорода (16), и въ этихъ-то послѣднихъ можно подозрѣвать самихъ издателей, равно какъ и въ тѣхъ, подъ которыми подписано, что они присланы «изъ-за тридевяти земель, изъ тридесятаго царства». Въ библіографическихъ замѣткахъ приведено нѣсколько выписокъ изъ нихъ; здѣсь же мы ограничимся только указаніемъ на то, какъ умѣли хвалить «Собесѣдникъ» подъ видомъ брани. Вотъ нѣсколько строкъ изъ письма къ сочинителю «Записокъ о Россійской Исторіи» [1]). «Вы, мнѣ кажется, не весьма удачнымъ образомъ въ свое сочиненіе вступили. Какое ваше, напримѣръ, о происхожденіи Россіянъ сухое и маловажное объясненіе! Не могли вы развѣ славному народу, каковъ есть нашъ, чудеснѣе сего дать колыбели? Не такъ, сударь, право, не такъ пишутъ исторію. Но вы, можетъ быть, не довольно въ древностяхъ упражнялись, чтобы о томъ надлежащее имѣть свѣдѣніе; вамъ все кажется: чему трудно повѣрить, того въ исторіи и писать не должно. Да намъ-то что жъ за забава читать лишь бытія простыя и возможныя?.. Вы больше всего, мнѣ кажется, остерегаетесь витійства слога. Итакъ, я вамъ мѣсто въ моей библіотекѣ подлѣ Тацита опредѣляю; надѣюсь, что и васъ такъ же скоро крысы почнутъ: имъ уже давно онѣ у меня питаются. Ваши Скиѳы и Славяне мнѣ, право, не нужны; что мнѣ до того, что они живали; мнѣ бы лучше про Гостомысла или про дочь его Умилу что-нибудь послушать хотѣлось». Подобное же письмо напечатано въ 6-й книжкѣ—о «Быляхъ и Небылицахъ». Послѣднее заставило самого автора «Былей» спросить, въ слѣдующей книжкѣ: «ай, сударь, заподлинно ли это критика, или хитро сложенный пукъ хвалы» [2])? По этому можно судить, каковы были тѣ статьи, которыя *прямо* расхваливали «Собесѣдникъ» (17). Въ послѣдней книжкѣ его помѣщена статья, съ слѣдующимъ заглавіемъ: «Историческія, философическія, политическія и критическія разсужденія о причинахъ возвышенія и упадка книги, во всѣхъ концахъ Россійской имперіи славившейся и по столич-

---

[1]) «Соб.», ч. III, стр. 167.
[2]) Ibid., стр. 167.

нымъ, губернскимъ, областнымъ и уѣзднымъ городамъ той Имперіи до сего дня читаемой, но не столько, какъ прежде, покупаемой, а именно «Собесѣдника Любителей Россійскаго Слова» [1]). Статья эта прерывается на 3-й главѣ и обѣщаетъ «продолженіе впредь, ежели читателямъ угодно». Но, вѣроятно, читателямъ неугодно стало *раскупать* эту книгу, и слѣдующей части «Собесѣдника» уже не вышло. Видно, что, несмотря на общій восторгъ, журналъ расходился не слишкомъ бойко. Первые 12 №№ объявлены были по рублю, 13-й и 14-й по 80 коп., 15-й и 16-й — уже по 50-ти, и при объявленіи о 15-мъ № прибавлено, что по 50-ти же копѣекъ можно теперь покупать и всѣ прежде вышедшія 14 частей (18). Ясно, что книга плохо шла съ рукъ. Какъ же согласить это съ извѣстіями о томъ, что всѣ и вездѣ читаютъ «Собесѣдникъ»? Нѣкоторое объясненіе на это можетъ дать слѣдующая выписка изъ одного письма къ издателямъ (на стр. 158, 3-й части «Собесѣдника»): «девять человѣкъ купцовъ и четыре священника сію книгу у моего дворецкаго брали читать». Видно, что и тогда, какъ нынѣ, распространенъ былъ обычай «взять книжку почитать»; покупать же находилось мало охотниковъ, вѣроятно, подъ тѣмъ предлогомъ, какой нынѣ представляютъ обыкновенно подобные даровые читатели: «зачѣмъ, дескать, на пустяки деньги тратить? прочтешь книгу,—вѣдь она такъ лежать будетъ»... Распространеніе подобнаго образа мыслей, конечно, не могло благопріятствовать успѣхамъ книжной торговли. Впрочемъ, конечно, не недостатокъ покупателей заставилъ Академію прекратить изданіе «Собесѣдника», а какія-нибудь обстоятельства другого рода. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Академія въ предисловіи къ своему изданію: «Новыя Ежемѣсячныя Сочиненія», которое началось съ половины 1786 года. Тамъ сказано: «Академія Наукъ чрезъ многіе годы издавала въ свѣтъ на россійскомъ языкѣ разныя періодическія сочиненія, коими наибольшая часть читателей были довольны; и не безполезность тѣхъ сочиненій, ниже неудовольствіе публики, но разныя перемѣны, которымъ подвержена была Академія, были причиною, что оныя сочиненія неоднократно останавливались, вовсе прерывались, и паки снова начинаемы были, когда обстоятельства Академіи то позволяли» [2]). Въ числѣ этихъ изданій нужно, конечно, разумѣть и «Собесѣдникъ», тѣмъ болѣе, что самыя «Новыя Ежемѣсячныя Сочиненія» могутъ быть названы какъ-бы продолженіемъ его, по своей цѣли, высказанной въ томъ же предисловіи: «способствовать *приращенію человѣческихъ знаній* и *обогащенію россійскаго языка*».

Главнымъ двигателемъ и распорядителемъ этого изданія былъ опять директоръ Академіи, кн. Е. Р. Дашкова (19), и оно продолжалось въ теченіе слишкомъ десяти лѣтъ, прекратясь только со

[1]) «Соб.», ч. XVI, стр. 3—11.
[2]) «Нов. Ежемѣс. Соч.» 1786 г. Т. I. Предисловіе, стр. 1, 2.

смертію Екатерины II. Журналъ этотъ имѣлъ болѣе ученый характеръ и, конечно, не замѣнилъ «Собесѣдника» въ отношеніи легкости и живости собственно литературнаго содержанія. «Собесѣдникъ», какъ видно, долго не переставали читать, и въ 1809 г. онъ вышелъ вторымъ изданіемъ: слѣдовательно, въ продолженіе 25 лѣтъ онъ не устарѣлъ для русской публики и могъ обращать вниманіе даже послѣ карамзинскихъ журналовъ.

Такова внѣшняя исторія этого изданія. Можно уже и изъ нея видѣть, что это было замѣчательное явленіе въ русской журналистикѣ. Но еще болѣе убѣдимся въ этомъ, когда поближе разсмотримъ внутреннее его содержаніе, характеръ и направленіе.

Взглянемъ прежде всего на составъ редакціи и на сотрудниковъ журнала. Одинъ перечень ихъ именъ покажетъ, что сюда принадлежало все лучшее, что только дѣйствовало тогда на литературномъ поприщѣ. Издатели были: кн. Е. Р. Дашкова, которая нерѣдко помѣщала здѣсь свои сочиненія (20), и Екатерина II, наполнявшая большую часть журнала своими «Записками касательно Русской Исторіи» и «Былями и Небылицами» (21). Кромѣ того, весьма дѣятельнымъ участникомъ въ изданіи былъ О. П. Козодавлевъ, молодой адвокатъ, какъ говоритъ кн. Дашкова въ своихъ «Запискахъ» (22). Затѣмъ постояннымъ вкладчикомъ до конца журнала былъ Богдановичъ, напечатавшій здѣсь до 20 стихотвореній (23), большею частію подписанныхъ полнымъ именемъ. Державинъ, никогда не подписывавшій своихъ стихотвореній, предоставляя узнавать ex ungue leonem, помѣстилъ здѣсь многія изъ лучшихъ своихъ стихотвореній: «Фелицу», «Оду на смерть Мещерскаго», «Оду къ сосѣду», «Благодарность Фелицѣ», «Ключъ», «Оду Рѣшемыслу», «Богъ» и др. (24). Княжнинъ также ревностно трудился для первыхъ книжекъ журнала, помѣщая въ немъ и стихи и прозу (25), впрочемъ, большею частію не подписывая ихъ. Капнистъ, тогда еще не писавшій ни своей «Ябеды», ни превосходной оды «На истребленіе въ Россіи званія раба» (26), но уже извѣстный своею сатирою, тоже участвовалъ въ журналѣ и даже перепечаталъ сюда изъ «Вѣстника» знаменитую сатиру (27). Костровъ также далъ сюда нѣсколько стихотвореній, и стихотворенія эти, по крайней мѣрѣ, не изъ худшихъ у Кострова (28). Фонъ-Визинъ, еще тогда не авторъ «Недоросля», но уже извѣстный «Бригадиромъ» (29), постоянно принималъ участіе въ «Собесѣдникѣ», печатая въ немъ свой опытъ «Сословника», свои «Вопросы», «Челобитную Россійской Минервѣ», «Поученіе іерея Василія» (30). По многимъ извѣстіямъ, здѣсь были также статьи Хераскова (31) и, дѣйствительно, въ «Собесѣдникѣ» находимъ нѣсколько прозаическихъ и стихотворныхъ произведеній, подписанныхъ буквами М. Х. Проза весьма сильно напоминаетъ Хераскова; но стихи плавнѣе, нежели обыкновенно у него. Въ полномъ собраніи сочиненій Хераскова нѣтъ ни одной изъ этихъ статей (32). Кромѣ того, въ «Собесѣдникѣ» находимъ мы по нѣсколько статей М. Муравьева (33), Д. Хвостова,

Нелединскаго-Мелецкаго, Боброва (34), Левшина (35). Плавильщикова и другихъ, менѣе извѣстныхъ, авторовъ (36). Здѣсь напечатано даже одно, дотолѣ неизвѣстное, стихотвореніе Ломоносова(37). Затѣмъ остается еще множество статей неподписанныхъ и принадлежащихъ неизвѣстнымъ авторамъ, но часто весьма умныхъ (38). По извѣстіямъ м. Евгенія, въ «Собесѣдникѣ» помѣщено много статей академиковъ Лепехина и Румовскаго (39). Но мы не могли рѣшить, какія статьи изъ неподписанныхъ нужно присвоить этимъ ученымъ. Можетъ быть, впрочемъ, что митрополитъ Евгеній самъ ошибся при этомъ, какъ ошибся онъ, сказавъ, что въ «Собесѣдникѣ» помѣщена была рѣчь кн. Дашковой, говоренная ею при учрежденіи Россійской Академіи (40).

Нельзя не согласиться, что этотъ перечень сотрудниковъ весьма блистателенъ и весьма много обѣщаетъ. Правда, иногда имена эти обманываютъ, какъ и нынѣ случается съ именами многихъ извѣстныхъ писателей. Муравьевъ, напримѣръ, помѣстилъ въ «Собесѣдникѣ» два весьма плохія стихотворенія; Богдановичъ втиснулъ сюда на половину пьесъ очень посредственныхъ; но вообще можно по справедливости сказать, что множество превосходныхъ произведеній выкупаютъ количество слабыхъ и даютъ журналу право на наше уваженіе. Одни произведенія Державина, фонъ-Визина и Капниста могли бы спасти его отъ забвенія; но мы увидимъ, что въ немъ есть и еще не мало замѣчательнаго.

Въ «Собесѣдникѣ», какъ и во всѣхъ тогдашнихъ журналахъ, не было никакого раздѣленія на разные отдѣлы. Это было введено только Карамзинымъ, поддержано Полевымъ и продолжалось по привычкѣ донынѣ. Теперь снова возвращаются къ прежнему и соединяютъ, напр., науки со словесностью, только—увы!—къ великой досадѣ славянофиловъ, совсѣмъ, кажется, не изъ подражанія старинѣ, а просто по примѣру иностранныхъ журналовъ. Въ «Собесѣдникѣ», такимъ образомъ, господствовало пріятное разнообразіе: стихи перемѣшаны были съ прозою, серьезныя статьи съ шуточными, сатирическія—съ дидактическими, которыхъ, впрочемъ надобно замѣтить, было очень мало. Открывалась книжка обыкновенно стихами; потомъ слѣдовала какая нибудь статья въ прозѣ, затѣмъ очень часто письмо къ издателямъ; далѣе опять стихи и проза, проза и стихи. Въ срединѣ книжки помѣщались обыкновенно «Записки о Россійской Исторіи»; къ концу относились «Были и Небылицы». Каждая статья обыкновенно отмѣчалась особымъ нумеромъ, какъ нынѣ главы въ безконечныхъ англійскихъ романахъ, и число статей этихъ въ разныхъ книжкахъ было весьма неодинаково. Въ первой ихъ XXXIII, въ 5-й—XI, въ 10-й—XVII, въ 15-й—VII, въ 16-й—XII (41).

Стихи въ «Собесѣдникѣ» не были роскошью только, но, какъ въ альманахахъ двадцатыхъ годовъ, составляли его существенную часть. Въ подтвержденіе этого стоитъ указать только на то, что изъ 242 статей, напечатанныхъ въ 16-ти книжкахъ «Собесѣдника»,

110 стихотвореній, и что они занимаютъ до 500 страницъ, изъ 2800 составляющихъ весь журналъ.

Приступая къ обозрѣнію содержанія «Собесѣдника», мы должны прежде всего обратить вниманіе на «Записки касательно Россійской Исторіи», занимающія почти половину журнала (1348 страницъ). Записки эти были изданы отдѣльно, въ 6 частяхъ, 1785—1797, исправленныя и дополненныя, съ именемъ Императрицы Екатерины II. Въ 1801 г. было третье ихъ изданіе. Въ «Собесѣдникѣ» онѣ доведены до 1224 г., въ отдѣльномъ изданіи продолжены до 1276 г. Исторія происхожденія этого творенія извѣстна довольно неопредѣленно, и до сихъ поръ на него никто изъ ученыхъ не обратилъ должнаго вниманія. Въ курсахъ исторіи литературы о «Запискахъ» этихъ едва упоминается. Карамзинъ, кажется, не имѣлъ ихъ въ виду; жизнеописатели Екатерины говорятъ только, что она составляла записки о русской исторіи — и болѣе ничего (42). Г. Старчевскій, обозрѣвая русскую литературу до Карамзина, сказалъ о «Запискахъ» нѣсколько словъ, не дающихъ никакого понятія объ этомъ сочиненіи (43). Г. Соловьевъ, въ статьѣ своей о писателяхъ русской исторіи въ XVIII вѣкѣ (44), о «Запискахъ» Екатерины II не говоритъ ни слова. Объ этомъ тѣмъ болѣе нужно сожалѣть, что спеціалистъ ученый, конечно, весьма легко могъ бы опредѣлить мѣру непосредственнаго участія Екатерины II и ея воззрѣній въ этомъ сочиненіи и произнести рѣшительный судъ о научномъ его достоинствѣ и объ отношеніи его къ другимъ историческимъ трудамъ прошедшаго вѣка, посвященнымъ нашему отечеству. Не принимая на себя подобной задачи, я попытаюсь представить здѣсь нѣсколько данныхъ, которыя могутъ служить для дальнѣйшихъ выводовъ объ этомъ замѣчательномъ трудѣ Екатерины II.

Слѣдя постоянно за движеніемъ умовъ на Западѣ, Императрица хорошо видѣла добрыя и дурныя его стороны. Понимая, что оно могло произвести гибельныя послѣдствія въ отношеніи къ существующему порядку вещей, она старалась всѣми силами противодѣйствовать распространенію его въ Россіи. Но изъ опасенія зла не желая лишить свой народъ всѣхъ выгодъ образованности и, такимъ образомъ, явиться въ глазахъ Европы противницею просвѣщенія, Императрица продолжала покровительствовать наукамъ, только рѣшилась сама наблюдать за правильнымъ ходомъ развитія понятій нашего общества. Зная всю важность наукъ историческихъ въ этомъ случаѣ, она сама принялась за исторію и въ своемъ трудѣ дала образецъ своихъ воззрѣній на то, какимъ путемъ должны развиваться въ Россіи историческія знанія. Взгляды Екатерины II не всѣ были приняты нашими учеными, и уже Стриттеръ дѣлалъ свои замѣчанія на «Записки о Русской Исторіи». Но Императрица, просматривая его трудъ и дѣлая на него свои замѣчанія, говоритъ: «я нашла во многомъ здравую критику «Записокъ касательно Россійской Исторіи»; но что написано, то написано: по крайней мѣрѣ

ни нація, ни государство въ оныхъ не унижено» (45). Послѣднія слова указываютъ намъ, какое значеніе придавала своему труду Государыня.

Съ самаго начала царствованія своего Екатерина II покровительствовала ученымъ трудамъ касательно русской исторіи (46). Скоро сама она стала заниматься ею, и профессорамъ Чеботареву и Барсову было поручено доставлять Императрицѣ выписки изъ лѣтописей. Г. Старчевскій говоритъ, что порученіе это дано было имъ въ 1783 г., и что сводныя выписки изъ лѣтописей они должны были дѣлать, начиная съ 1224 г. (47). Но какъ на этомъ году именно остановились «Записки» въ «Собесѣдникѣ», то нужно думать, что это уже относится къ продолженію «Записокъ», которое готовила Екатерина для отдѣльнаго изданія. Г. Старчевскій свидѣтельствуетъ также, что выписками изъ лѣтописей для Императрицы занимался и А. И. Мусинъ-Пушкинъ; но что это были за выписки— неизвѣстно (48). Вообще свидѣтельства о лицахъ, участвовавшихъ въ этомъ трудѣ, не приведены еще въ надлежащую ясность. Но какъ-бы то ни было, самая мысль составить исторію изъ свода лѣтописей уже замѣчательна для того времени, когда юные русскіе ученые, какъ всѣ вообще юноши, давая слишкомъ большой просторъ своему воображенію, отважно замѣняли цвѣтами его недостатокъ фактическихъ свѣдѣній. Ранѣе этого только Татищевъ вполнѣ понялъ у насъ необходимость обработки матеріаловъ, и только онъ сдѣлалъ попытку свода лѣтописей. Его трудъ, конечно, важнѣе, потому что онъ указываетъ, откуда именно бралъ то или другое извѣстіе; но «Записки о Россійской Исторіи» имѣютъ то преимущество, что облечены въ болѣе легкую форму, и, притомъ, событія представлены въ нихъ подробнѣе. Можетъ быть, болѣе научнаго достоинства имѣетъ трудъ Щербатова, котораго начало появилось около того же времени (49); но, во всякомъ случаѣ, въ прошедшемъ столѣтіи и началѣ нынѣшняго онъ пользовался гораздо меньшею извѣстностью, нежели «Записки» Екатерины. Самъ «Собесѣдникъ» свидѣтельствуетъ о важности, какую придавалъ имъ, говоря въ своей заключительной статьѣ [1]). «Сіи записки, собранныя рукою истиннаго и нелицемѣрнаго любителя россійскаго народа, дали сему изданію нѣкоторую степень важности, и сотворили оное книгою, полезною каждому Россіянину». Въ одномъ изъ писемъ къ издателямъ, изъ Звенигорода, сказано, что «посредствомъ Собесѣдника можно разсѣвать въ народѣ познанія, тѣмъ паче, что книга сія заключаетъ въ себѣ россійскую исторію, каковой *еще не бывало*, и для одного уже сего сочиненія всякой съ жадностію покупаетъ Собесѣдникъ» [2]). Можно даже предполагать, что прекращеніе этого изданія зависѣло отчасти отъ того, что не-

---

[1]) «Соб.», ч. XVI, стр. 9.
[2]) Ibid., ч. III, стр. 158.

достало матеріаловъ для продолженія «Записокъ о Россійской Исторіи».

Составленіе «Записокъ» изъ лѣтописей обнаруживаетъ себя даже въ ихъ слогѣ. Здѣсь нерѣдко попадаются цѣлые куски, взятые прямо изъ лѣтописи и внесенные въ сочиненіе даже безъ перемѣны въ словѣ. Эти мѣста тотчасъ можно отличить по славянскимъ формамъ. Иногда эти формы странно перемѣшиваются съ новыми; напр.: «Ольга, взявъ благословеніе патріарха константинопольскаго, *иде во* свою землю, и, пришедъ въ Кіевъ, уговаривала сына креститься; *онъ же* ей отвѣтствовалъ: какъ я *единъ* крещуся, а прочіе не хотятъ. *Она же рече:* ежели ты *токмо* крестишься, то всѣ будутъ тоже творить» [1]). Или: «и повелѣ Владиміръ себя крестить. Епископъ же корсунскій *со іереи* цесаревнины крестили его, и нареченъ во святомъ крещеніи Василій. Писатели сказуютъ, что во время крещенія *отпаде яко чешуя отъ очей* его, и прозрѣлъ» [2]).

Хотя собственно разборъ «Записокъ о Русской Исторіи» мало относится къ самому журналу, но я скажу нѣсколько словъ объ ихъ характерѣ, такъ какъ въ этомъ сочиненіи отразились воззрѣнія Императрицы Екатерины, принимавшей столь близкое участіе въ изданіи «Собесѣдника».

Цѣль этого труда состояла въ томъ, чтобы искуснымъ и подробнымъ изображеніемъ древнихъ доблестей русскаго народа и блестящихъ судебъ его уронить тѣ клеветы, которыя взводили на Россію тогдашніе иностранные писатели. При этомъ авторъ не бралъ на себя труда *только восхвалять* русскихъ: онъ хотѣлъ достигнуть своей цѣли другимъ способомъ. Въ предисловіи онъ говоритъ, что если сравнить какую-нибудь эпоху русской исторіи съ современными событіями въ Европѣ, то «безпристрастный читатель усмотритъ, что родъ человѣческій вездѣ и по вселенной единакія имѣлъ страсти, желанія, намѣренія, и къ достиженію употреблялъ нерѣдко единакіе способы» [3]). Для большаго удобства къ такимъ сравненіямъ, въ концѣ исторіи каждаго князя приложена таблица современныхъ ему государей европейскихъ и нѣкоторыхъ азіатскихъ и африканскихъ. Тѣмъ не менѣе, авторъ умѣлъ набросить на всѣ темныя явленія русской жизни и исторіи какой-то свѣтлый, даже отрадный колоритъ. Съ особеннымъ искусствомъ обходитъ онъ многія неправедныя дѣянія князей или старается придать имъ видъ законности не только по понятіямъ того времени, но и предъ судомъ новыхъ воззрѣній. Съ самаго начала идетъ коротенькій разсказъ о баснословномъ времени славянской исторіи (V—IX вѣка) и приводится разсказъ новгородскаго лѣтописца о скиѳахъ и славянахъ, которыхъ онъ почитаетъ единоплеменнымъ народомъ,

---

1) «Соб.», ч. III, стр. 94.
2) Ibid., ч. IV, стр. 64.
3) Ibid., ч. I, стр. 104, 105.

производя ихъ названія отъ именъ князей Скиѳа и Славяна, родныхъ братьевъ. Авторъ «Записокъ» замѣчаетъ, что здѣсь, вѣроятно, баснословное смѣшано съ истиною. «Князьямъ не дано ли имянъ народовъ Славянъ и Скиѳовъ. Князья названы братьями, хотя Славяне и Скиѳы были народы разные» [1]). Впрочемъ, объ отношеніяхъ этихъ народовъ другъ къ другу авторъ самъ имѣлъ, кажется, не совсѣмъ ясное понятіе. Ниже онъ говоритъ, что *скиѳы* было у грековъ общее названіе для многихъ народовъ, на великомъ пространствѣ Азіи, Африки и Европы жившихъ, [2]) и что подъ ними весьма часто разумѣли и славянъ. Поэтому онъ очень подробно и благосклонно описываетъ нравы и образованность скиѳовъ. Кореннымъ народомъ сѣверной Россіи считаетъ авторъ руссовъ, къ которымъ пришли потомъ славяне съ Дуная. Варяги же были народъ единоплеменный славянамъ, жившій по берегамъ Балтійскаго моря и издавна находившійся въ сношеніяхъ съ руссами, такъ что Гостомыслъ, умирая, просто указалъ своимъ согражданамъ на Рюрика съ братьями, какъ на людей, хорошо имъ извѣстныхъ и достойныхъ быть ихъ правителями.

Вотъ какъ понимаетъ авторъ «Записокъ» запутанный вопросъ о происхожденіи руссовъ и призваніи варяговъ. Въ описаніи свойствъ и нравовъ славянъ замѣчательно, что авторъ обращаетъ вниманіе на языкъ ихъ и говоритъ, что распространеніемъ и умноженіемъ славянскаго языка доказывается распространеніе славянскаго народа. До временъ Рюрика почти вся Россія уже славянскимъ языкомъ говорила. Многіе народы въ свѣтѣ завоеваніями теряли свой языкъ, но славянскій языкъ перенимали побѣжденные славянами народы [3]). Здѣсь же замѣчено, что славяне задолго до Рождества Христова «письмо имѣли», и что у нихъ были даже древнія письменныя исторіи, что доказывается сказаніями Нестора [4]). Объ Аскольдѣ и Дирѣ разсказано здѣсь, что Рюрикъ послалъ ихъ къ Кіеву для обороны жителей отъ Хозаръ [5]), и что Олегъ пошелъ въ Кіевъ, чтобы повѣрить жалобы на Аскольда, которыя «найдя знатно основательными», поступилъ съ нимъ какъ съ ослушнымъ подданнымъ, лишивъ его княженія. Ни о хитрости, ни объ убійствѣ нѣтъ ни слова [6]). Олегу приписывается начало Москвы [7]). Различены два договора Олега 907 и 911 годовъ (въ «Запискахъ»— 906 и 910, потому что авторъ, считая годъ съ сентября, весьма часто расходится съ Несторовымъ лѣтоисчисленіемъ съ марта), которые до позднѣйшаго времени принимали за одинъ (50). Святославъ характеризованъ въ «Запискахъ» совершенно словами лѣ-

---

1) «Соб.», ч. II, стр. 75, 76.
2) Ibid., стр. 91.
3) Ibid., стр. 81.
4) Ibid., стр. 81.
5) Ibid., ч. III, стр. 52.
6) Ibid., стр. 59, 60.
7) Ibid., стр. 59.

тописи [1]). Преданіе о мести Ольги древлянамъ разсказано весьма умѣренно, съ выпускомъ большей части лѣтописныхъ подробностей (51). О самомъ сватовствѣ кн. Мала (въ «Запискахъ» — Малдива) замѣчено, что «сіе мало имѣетъ вѣроятности, потому что великая княгиня Ольга была уже тогда шестидесяти лѣтъ; но съ другой стороны кн. Малдива могъ прельстить таковой союзъ, по участію великой княгини Ольги въ правленіи Россіею» [2]). Это замѣчаніе весьма сходно съ тѣмъ, которое отмѣчаетъ г. Соловьевъ у Щербатова, предложившаго подобное соображеніе о мнимомъ сватовствѣ къ Ольгѣ Константина Порфиророднаго [3]). Въ «Запискахъ», впрочемъ, замѣчено и о сватовствѣ Константина, что по старости Ольги оно невѣроятно, «вовсе же опровергается тѣмъ, что Константинъ тогда имѣлъ супругу, которая принимала и угощала Ольгу» [4]). Въ заключеніи правленія Ольги находимъ любопытную замѣтку: «Блаженная Ольга, будучи сама отъ рода князей славянскихъ, паки народъ славянскій возвысила. При ней всюду имена славянскія въ начальникахъ и правителяхъ оказываются. *Ольга и языкъ славянскій во употребленіе общее привела.* Извѣстно, что народы и языки народовъ *мудростію и тщаніемъ вышнихъ правителей умножаются* и распространяются. Каковъ государь благоразуменъ о чести своего народа и языка прилеженъ, потому и языкъ того народа процвѣтетъ. Многіе народные языки исчезли отъ противнаго сему» [5]). Въ этомъ прекрасно выражается стремленіе Императрицы Екатерины показывать во всемъ, въ чемъ только можно, что всякое добро нисходитъ отъ престола, и что въ особенности національное просвѣщеніе не можетъ обойтись безъ поддержки правительства. Говоря о смерти Святослава, «Записки» утверждаютъ, что онъ утонулъ въ Днѣпрѣ, во время боя [6]); видно, что авторъ боялся, чтобы не унизить достоинства великокняжескаго даже разсказомъ о позорѣ, учиненномъ надъ трупомъ князя. То же самое стараніе—представить всѣхъ князей русскихъ сколько возможно болѣе чистыми и высокими личностями—видно и въ послѣдующихъ главахъ этого труда. Такъ, говоря о Владимірѣ, авторъ «Записокъ» разсказываетъ всю исторію ссоры его съ братьями такъ искусно, что всѣ три князя остаются совершенно правыми, а вина вся падаетъ на Свѣнельда и Блуда (въ «Зап.» «*Блюдъ*») которые и не остаются безъ наказанія. Ярополкъ съ трогательнымъ братскимъ участіемъ заботится объ Олегѣ и гнѣвается на Свѣнельда, узнавъ, что Олегъ утонулъ [7]). Затѣмъ съ сожалѣніемъ прибавлено, что «люди иные порочили Ярополка, и

[1]) «Соб.», стр. 84—85.
[2]) Ibid., стр. 86.
[3]) См. статью его въ «Архивѣ», стр. 53.
[4]) «Соб.», ч. III, стр. 94.
[5]) Ibid., ч. III, стр. 102.
[6]) Ibid., стр. 108.
[7]) Ibid., ч. VI, стр. 36.

никто его не оправдалъ, но осужденіе отъ всѣхъ понесъ по сему несчастному дѣлу» [1]). Владиміръ представляется благороднымъ мстителемъ за брата, а Ярополкъ—кроткимъ княземъ, хотѣвшимъ мира и любви. Убійство его совершается безъ вѣдома Владиміра по предательству Блуда, который на третій же день и наказанъ Владиміромъ [2]). Говоря о войнѣ Владиміра съ полочанами, авторъ опять, чтобы не возбудить и мысли темной о князѣ, умалчиваетъ объ убійствѣ Рогволода, а женитьбу на Рогнѣдѣ представляетъ какъ слѣдствіе давно начатаго сватовства. Среди восторженныхъ похвалъ Владиміру встрѣчаются только два упоминанія о темныхъ сторонахъ его, и то въ высшей степени искусно прикрытыя: «Лѣтописцы говорятъ, что Владиміръ бѣ женолюбивъ, *яко же Соломонъ... Греческіе писатели описываютъ* Владиміра до крещенія упрямымъ и своевольствующимъ» [3]). Въ описаніи принятія христіанства Владиміромъ находимъ нѣсколько любопытныхъ соображеній. Избраніе греческаго исповѣданія Екатерина приписываетъ отчасти тому, что Владиміръ зналъ объ этомъ законѣ отъ своей бабки Ольги и жены, которая была родомъ чехиня [4]), и тому, что между близкими ко Владиміру людьми было уже много христіанъ или наклонность имѣющихъ къ христіанству [5]) О странномъ походѣ на грековъ въ 988 году замѣчено: «вѣроятно, что причина тому была паки неустойка Грекъ и неисполненіе тѣхъ договоровъ, кои повидимому возобновлялись въ восьмилѣтнее теченіе или по прошествіи того срока» [6]). Такимъ образомъ, дѣло это поставляется здѣсь въ совершенной отдѣльности отъ намѣренія принять христіанство, и слѣдовательно становятся ненужными всѣ разсужденія о томъ—гордость ли языческая, желаніе ли лучше научиться вѣрѣ, или что другое побудило Владиміра предпринять походъ на Корсунь. Замѣчательно, что, говоря о взятіи Корсуня, авторъ умалчиваетъ, что онъ взятъ былъ посредствомъ измѣны Анастасія. О повелѣніи народу креститься сказано слѣдующимъ образомъ: «По возвращеніи Владиміра въ Кіевъ, крестились дѣти его и вельможи. Слышавъ же сіе люди многіе съ радостію шли креститься на рѣку Почайну» [7]). Вслѣдъ затѣмъ разсказано о крещеніи новгородцевъ Добрынею, который «ласковыми словами увѣщевалъ ихъ», вмѣстѣ съ епископами. Но нѣсколько непослушныхъ произвели замѣшательство, и Добрыня, собравъ войско, «запрети безпорядки и грабленіе» [8]), потомъ крестилъ новгородцевъ. При этомъ случаѣ упоминается здѣсь объ «Іоакимѣ, который лѣтописецъ писалъ» [9]). Всѣ

1) «Соб.», ч. IV, стр. 37.
2) Ibid., стр. 44.
3) Ibid., стр. 51.
4) Ibid., стр. 57.
5) Ibid., стр. 58.
6) Ibid., стр. 60.
7) Ibid., стр. 64.
8) Ibid., стр. 68.
9) Ibid., стр. 66.

войны и походы Владиміра представляются славными и счастливыми, а къ концу его царствованія замѣчена слѣдующая любопытная черта: «Владиміръ, находя по сердцу своему удовольствіе въ непрерывномъ милосердіи, и распространяя ту добродѣтель даже до того, что ослабѣло правосудіе и судъ по законамъ, отъ чего умножились въ сіе время разбои и грабительства повсюду, такъ что наконецъ митрополитъ Леонтій со епископы стали говорить Владиміру о томъ, представляя ему, что всякая власть отъ Бога, и онъ поставленъ отъ всемогущаго Творца ради правосудія, въ которомъ есть главное злыхъ и роптивыхъ смирить и исправить, и добрымъ милость и оборону являть» [1]).

Святополкъ Окаянный, столь извѣстный въ исторіи братоубійствами, также находитъ себѣ оправданіе въ «Запискахъ». По ихъ словамъ, онъ, видя, что кіевляне къ нему нерасположены, собралъ бояръ и спросилъ, что дѣлать.... «Суровость того вѣка, и нравы людей, взросшихъ въ правилахъ, не сходныхъ со благочестіемъ и гражданскимъ добрымъ устройствомъ, видны по злочестивому совѣту. *Писатели сказываютъ*, что положили убить Бориса, и сокровенно послали то исполнить». — О Глѣбѣ еще лучше сказано, что просто «въ дорогѣ напали на него неизвѣстные вооруженные люди и всѣ подозрѣнія сего случая пали на Святополка» [2]). Объ убіеніи Святослава вовсе умолчено. Равнымъ образомъ ничего не сказано объ отношеніяхъ Ярослава къ новгородцамъ и о великодушіи, оказанномъ ими при затруднительныхъ обстоятельствахъ Ярослава, какъ будто бы этому такъ и должно было случиться.

Въ княженіи Ярослава упоминается о судебныхъ грамотахъ, которыя далъ онъ новгородцамъ; но какія льготы и вольности заключали онѣ въ себѣ, объ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго намека. Изгнаніе новгородцами Брячислава объясняется здѣсь тѣмъ, что они «хотѣли быть вѣрными Ярославу» [3]).

Здѣсь находимъ, между прочимъ, нѣсколько чертъ, обнаруживающихъ, что авторъ «Записокъ» замѣтилъ права старшаго въ родѣ, какія существовали въ древней Руси. Это видно и въ отвѣтѣ Бориса, который не хочетъ принять престола кіевскаго, ибо уважаетъ Святополка, какъ старшаго въ родѣ [4]), и въ распредѣленіи владѣній между Мстиславомъ и Ярославомъ, при чемъ послѣдній, какъ старшій въ родѣ, получаетъ великокняжескій престолъ [5]). Также точно замѣчено и о Всеволодѣ, братѣ Изяслава, что онъ «наслѣдовалъ брату, яко старшій, и предпочтеннѣйшій въ роду» [6]). Подобныя замѣчанія встрѣчаются и въ дальнѣйшемъ продолженіи труда [7]).

[1]) «Соб.», ч. IV, стр. 4.
[2]) Ibid., стр. 96.
[3]) Ibid., ч. V, стр. 42.
[4]) Ibid., ч. IV, стр. 94.
[5]) Ibid., ч. V, стр. 47.
[6]) Ibid., стр. 109.
[7]) Ibid., ч. VI, стр. 27, о Мономахѣ. Ч. VII, стр. 85, объ Ольговичахъ, и др.

Со времени Изяслава княжескія междоусобія дѣлаются столь постоянными, что ихъ невозможно было бы скрыть или сгладить. Но, сколько возможно, и въ этомъ періодѣ «Записки» щадятъ князей. Такъ, напр., о Ростиславѣ Владиміровичѣ не сказано, что онъ былъ отравленъ, а просто замѣчена кончина его, и при этомъ прибавлена похвала его добрымъ качествамъ. Такъ точно и Изяславъ съ братьями щадится и оправдывается постоянно авторомъ и въ вѣроломствѣ, и въ трусости, и въ жестокости. Дѣло освобожденія Всеслава представлено и здѣсь точно такъ, какъ у Татищева, у котораго одного только г. Соловьевъ нашелъ подробное его описаніе. Если оно не списано у Татищева (что, впрочемъ, нетрудно предположить), то нужно заключить, что у составителя «Записокъ» были подъ руками тѣ лѣтописи, которыми пользовался Татищевъ. Впрочемъ, здѣсь характеръ разсказа опять нѣсколько мягче. Напримѣръ, ничего не сказано о совѣтѣ заколоть Всеслава; вмѣсто цѣлаго вѣча кіевскаго представлены «нѣкоторые роптатели» [1]) и описаніе перваго возвращенія Изяслава въ Кіевъ 1069 г., весьма близкое къ лѣтописи, разнится отъ нея только тѣмъ, что раскаяніе кіевлянъ усилено, а условія, предложенныя ими князю, смягчены; противодѣйствіе братьевъ Изяславу въ этомъ случаѣ представлено ходатайствомъ предъ нимъ за кіевлянъ [2]). О казни освободителей Всеслава ничего не сказано, равно какъ и о гоненіи Изяслава на Антонія Печерскаго. Во вторичномъ изгнаніи Изяслава «Записки» считаютъ виновнымъ одного Святослава Черниговскаго, сходно, впрочемъ, съ лѣтописью [3]).

Но совсѣмъ не съ лѣтописнымъ простодушіемъ разсказывается здѣсь о нападеніи Всеслава на Новгородскую область [4]). Тамъ на первомъ планѣ дѣйствуютъ сами новгородцы, и, притомъ, разсказано, что они взяли Всеслава въ плѣнъ и только ради Христа отпустили его. «Записки» же говорятъ только, что князь Глѣбъ Тмуторaканскій собралъ войско новгородцевъ и побѣдилъ Всеслава. Далѣе [5]) о князѣ Глѣбѣ сказано, что онъ ходилъ съ новгородцами на Ямь въ Заволочье и въ бою убитъ: лѣтописи же говорятъ, что онъ, будучи выгнанъ новгородцами, бѣжалъ въ Заволочье и тамъ убитъ Чудью [6]).

Описывая княженіе Всеволода, «Записки» не говорятъ о несправедливости, оказанной имъ Святославичамъ, которымъ онъ не далъ областей, а, напротивъ, въ самомъ началѣ его княженія перечисляютъ удѣлы ихъ, объ однихъ прямо говоря, что онъ даровалъ ихъ, о другихъ же просто, что такой-то князь имѣлъ такой-то удѣлъ [7]).

---

1) «Соб.», ч. V, стр. 8.
2) Ibid., стр. 84, 85.
3) Ibid., стр. 89.
4) Ibid., стр. 86.
5) Ibid., стр. 16.
6) Соловьева, ч. II, прим. 65
7) «Соб.», ч. V, стр. 110.

Вообще составитель «Записокъ» имѣлъ особенный взглядъ на удѣльный періодъ. Онъ признаетъ великаго князя законнымъ полновластительнымъ государемъ, остальныхъ же князей — его подданными, которые отъ него зависятъ и обязаны ему повиноваться во всемъ. Поэтому, описывая ссоры удѣльныхъ князей, онъ еще довольно близко къ лѣтописи разсказываетъ дѣло, но, говоря о возстаніи удѣльнаго князя на великаго, всегда винитъ перваго, какъ нарушителя порядка и ослушника. Любопытнымъ подтвержденіемъ этого можетъ служить слѣдующая замѣтка, которою заключается описаніе правленія Всеволода. «Не малое великому князю Всеволоду безпокойство было отъ удѣльныхъ князей, ибо *не удовольствуясь удѣлами, имъ данными*, желали всегда больше имѣть. Между удѣльными князьями вражды и безпокойства продолжались; по большей части они *слушали совѣты ласкателей или молодыхъ людей*, окружавшихъ ихъ, которые находили способы ссоривать удѣльныхъ князей, брата съ братомъ и съ великимъ княземъ. Когда же онъ ихъ увѣщевалъ къ любви между братій, тогда негодовали на него и не принимали ни его совѣтовъ, ни совѣтовъ старѣйшинъ и вельможъ мудрыхъ; чрезъ что повсюду правосудія въ народѣ и обидимымъ обороны, а злымъ исправленія и наказанія не доставляли, и начали судіи грабить, и продавать правосудіе и судъ» [1]).

Святополкъ Изяславичъ, не имѣвшій никакихъ достоинствъ, похваляется въ «Запискахъ», по крайней мѣрѣ, за хорошее зрѣніе и память; нерѣшительность и слабость его обращены въ доброту, а его безразсудный образъ дѣйствій отнесенъ къ тому, что онъ былъ неостороженъ и слушался недобрыхъ людей [2]).

Пораженія, претерпѣнныя отъ половцевъ, оправдываются большею частію тѣмъ, что мы не могли противиться превосходному множеству [3]). Разсказывая о вѣроломномъ убійствѣ Китана и Итларя половецкихъ (1095 г.), авторъ говоритъ о томъ, что Владиміръ Мономахъ сначала противился этому, но не упоминаетъ ничего о томъ, что онъ наконецъ на это согласился [4]). О походѣ 1095 г., когда Святополкъ купилъ миръ у половцевъ, сказано въ «Запискахъ», что Святополкъ пошелъ на нихъ съ войскомъ, а они, «увѣдавъ о приходѣ великаго князя, не мѣшкавъ ушли» [5]).

Изъ всѣхъ князей того времени порицаніе «Записокъ» заслуживаетъ только Олегъ Святославичъ за свой «безпокойный нравъ и гордость». Да еще о Давидѣ Игоревичѣ авторъ рѣшился замѣтить, что это былъ «человѣкъ не твердый и ко враждѣ склонный» [6]). Злодѣйство его и великаго князя съ Василькомъ Теребовльскимъ не могло быть оправдано, и потому оно только смягчается присут-

[1]) «Соб.», ч. V, стр. 123, 124.
[2]) Ibid., ч. VI, стр. 28.
[3]) Ibid., стр. 34.
[4]) Ibid., стр. 41.
[5]) Ibid., стр. 51.
[6]) Ibid., стр. 63.

ствіемъ злыхъ совѣтчиковъ, послѣдующимъ раскаяніемъ и тѣмъ, что они были дѣйствительно ослѣплены страстью. Давидъ, впрочемъ, принимаетъ на себя всю тяжесть преступленія; великій князь участвуетъ въ немъ только своимъ вынужденнымъ согласіемъ и потому представляется почти правымъ.

Все княженіе Мономаха описано блестящими красками; иначе и не могло быть, потому что лѣтописи также говорятъ о немъ съ особеннымъ чувствомъ благоговѣйной любви.

Столько же похваляется въ «Запискахъ» и Мстиславъ, котораго могущество представляется столь великимъ, что онъ посылаетъ вельможу своего разобрать удѣльныхъ князей и раздѣлить по справедливости предѣлы ихъ владѣній [1]).

Не только Мстиславъ, дѣйствительно пользовавшійся большимъ значеніемъ, но даже Ярополкъ и Всеволодъ II представлены въ «Запискахъ» [2]) какъ полновластные владыки, совершенно законно и произвольно распоряжавшіеся удѣлами, переводившіе князей изъ одной отчины въ другую, отнимавшіе и раздававшіе области кому хотѣли. Всѣ притязанія князей выставляются какъ незаконныя посягательства, нарушавшія высшую власть великокняжескую и происходившія отъ ихъ своевольнаго, непокорнаго характера. Вслѣдствіе этого взгляда, великій князь никогда не является виною междоусобій, но всегда рѣшителемъ распрей, миротворцемъ князей, защитникомъ праваго, если только онъ слѣдуетъ внушеніямъ собственнаго сердца. Какъ скоро онъ дѣлаетъ несправедливость, которую нельзя скрыть или оправдать, то вся вина слагается на злыхъ совѣтчиковъ, всего чаще на бояръ и на духовенство.

При этомъ весьма странно разсказываются въ «Запискахъ» отношенія Новгорода къ князьямъ. Авторъ постоянно слѣдитъ его исторію, не пропускаетъ ничего, не порицаетъ новгородцевъ за своевольства, но не сообщаетъ и ихъ общественнаго устройства, отчего всѣ новгородскія событія кажутся непонятными. Здѣсь даже не упоминается нигдѣ о вѣчѣ, а всѣ происшествія представляются слѣдствіемъ замысловъ нѣкоторыхъ, или говорится просто: новгородцы рѣшили. Князьямъ приписывается слишкомъ большое значеніе въ Новгородѣ, а между тѣмъ разсказывается, какъ новгородцы прогоняли своихъ князей. Кажется, что авторъ какъ будто имѣлъ мысль, что князья сами были виноваты, не умѣли держать въ рукахъ безпокойныхъ гражданъ. Такъ, подъ 1113 г., говоря о печерской дани, которой не хотѣли платить новгородцы, авторъ замѣчаетъ: «Писатели приписываютъ сіе тому, что князь Всеволодъ Мстиславичъ, бывъ не токмо кротокъ, но и слабъ, не содержалъ ихъ въ надлежащемъ порядкѣ, оттого и своевольствовали» [3]). Такъ и послѣ описанія того, какъ схватили, осудили и

---

[1]) «Соб.», ч. VII, стр. 88.
[2]) Ibid., ч. VIII.
[3]) Ibid., стр. 67.

изгнали Всеволода изъ Новгорода, авторъ говоритъ, что великій князь весьма былъ недоволенъ Всеволодомъ, потому что «его неустройствомъ» новгородцы до того дошли, что передались Ольговичамъ [1]). О Святославѣ Ольговичѣ сказано, что въ 1140 г. новгородцы, тѣ, *«кои остались вѣрны князьямъ* рода Владиміра, предуспѣли выслать изъ Новгорода князя Святослава Ольговича» [2]), тогда какъ извѣстно, что онъ принужденъ былъ бѣжать, опасаясь суда вѣча и мщенія гражданъ за свои насилія. Слѣдовавшія затѣмъ изгнанія князей изъ Новгорода авторъ «Записокъ» разсматриваетъ именно съ той точки зрѣнія, что одни были вѣрны дому Мономаха, другіе же не хотѣли хранить вѣрности и искали другихъ князей. Конечно, въ отношеніи главной мысли всего труда это было лучшее объясненіе всѣхъ самоуправствъ вѣча новгородскаго.

Княженіе Изяслава II разсказано чрезвычайно подробно и вездѣ подлинными извѣстіями лѣтописей, которыя отличаются особеннымъ расположеніемъ къ этому князю. Только тонъ разсказа, по обычаю, измѣненъ и опять въ пользу значенія великаго князя. Напримѣръ: узнавши о вѣроломствѣ Давыдовичей, Изяславъ посылаетъ въ Кіевъ заявить объ этомъ *«народу»*; въ «Запискахъ» же сказано, что онъ посылалъ извѣстіе къ брату Владиміру, «который яко намѣстникъ вѣдалъ Кіевъ въ отсутствіе великаго князя, также ко митрополиту и тысяцкому кіевскому», и эти уже рѣшились «объявить объ этомъ всенародно, дабы Кіевляне, не теряя времени, вооружиться могли» [3]). Мирясь съ Давыдовичами, великій князь посылаетъ за совѣтомъ къ брату, князю смоленскому, и тотъ отвѣчаетъ — по лѣтописи: «братъ, ты меня старше, то какъ *хочешь*, такъ и дѣлай; если же ты удостоиваешь спрашивать моего совѣта, то я бы думалъ: ради русскихъ земель и ради христіанъ миръ лучше...» и пр. Въ «Запискахъ» же онъ отвѣчаетъ: «что онъ въ волѣ великаго князя, старѣйшаго своего брата, и повелѣніе его исполнитъ охотно, что онъ согласенъ со мнѣніемъ Изяслава, понеже миръ для сохраненія пользы всего государства лучше на сей случай, нежели война» [4]). Подобныя маловажныя, едва замѣтныя оттѣненія событій встрѣчаются здѣсь нерѣдко.

О Юріи, столь памятномъ въ исторіи ненавистью къ нему народа кіевскаго, «Записки» отзываются нехорошо, особенно въ то время, когда онъ былъ еще княземъ ростовскимъ и добывалъ Кіева, слѣдовательно былъ «виновенъ» въ незаконныхъ притязаніяхъ. Характеризованъ онъ почти словами Татищева [5]); большая часть его неудачъ и дурныхъ дѣйствій отнесена, впрочемъ, какъ всегда, насчетъ «любимцевъ и вельможъ», которыхъ онъ во всемъ

---

1) «Соб.», ч. VIII, стр. 81.
2) Ibid., стр. 111.
3) Ibid., ч. IX, стр. 68.
4) Ibid., стр. 92.
5) Ibid., ч. X, стр. 43.

слушался. То же обвиненіе относится отчасти къ послѣдующимъ князьямъ, Изяславу III и Ростиславу I [1]). Впрочемъ, ихъ княженія, равно какъ и слѣдующее, Мстислава II, не представляютъ особенно замѣчательныхъ соображеній автора. Только относительно дѣлъ новгородскихъ онъ говоритъ, что Ростиславъ «говорилъ имъ пространно о ихъ непорядкѣ и своевольствѣ, отчего землѣ и всей области новгородской происходитъ вредъ и наконецъ послѣдуетъ разореніе. Они же со слезами обѣщались сына его имѣть непремѣнно самовластнымъ княземъ и утвердили оное ротою» [2]). По исторіи извѣстно, что новгородцы приняли Святослава совсѣмъ не убѣжденные краснорѣчіемъ великаго князя, а потому, что были тогда очень въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, угрожаемые Андреемъ Боголюбскимъ. При первой возможности они Святослава и выгнали.

«По смерти Мстислава — говорятъ «Записки» — состояніе великокняженія Кіевскаго было таково, что единое токмо уже званіе имѣло. Князи не почитали власть великаго князя и изъ послушанія къ оному вышли даже до того, что себя ставили равными ему» [3]). Вслѣдствіе этого авторъ уже не слѣдитъ за однимъ кіевскимъ княземъ, какъ средоточіемъ историческаго движенія, а описываетъ наиболѣе замѣчательныя событія во всѣхъ княжествахъ довольно отрывочно, соблюдая только хронологическій порядокъ. Авторъ «Записокъ» не могъ оцѣнить еще всей важности поступка Андрея Боголюбскаго, не взявшаго Кіева, а оставшагося въ Владимірѣ; но онъ все-таки довольно много останавливается на этомъ князѣ, и съ того именно времени замѣчаетъ паденіе важности Кіевскаго княжества. Этого уже достаточно для его времени. О самомъ Андреѣ «Записки» говорятъ съ большимъ уваженіемъ, только замѣчаютъ, что въ послѣднее время жизни онъ «возгордился зѣло и гордостію многія неистовства изъявилъ» [4]). Вообще за высокоуміе «Записки» никого не хвалятъ, и пороки, наиболѣе подвергающіеся ихъ осужденію въ князьяхъ — это слабость, слушанье чужихъ совѣтовъ, гордость, безпокойный нравъ. Одобренія заслуживаютъ всего болѣе умъ, привѣтливость, твердость, попеченіе о расправѣ внутренней и дѣлахъ воинскихъ. Понятно, что качества, которыя предъ цѣлымъ свѣтомъ выказывала сама Императрица, не могли не возбуждать ея сочувствія и хвалы тогда, когда она видѣла ихъ въ другихъ.

Утомительно было бы для читателя слѣдить по «Запискамъ» всю нить мелкихъ происшествій, послѣдовавшихъ за смертію Боголюбскаго до 1224 года и разсказанныхъ очень подробно. Потому не станемъ разбирать этого повѣствованія, помѣщеннаго въ XIII—

[1]) «Соб.», кн. X, XI.
[2]) Ibid., кн. XI.
[3]) Ibid., ч. XII, стр. 23.
[4]) Ibid., стр. 53.

XIV книжкахъ, тѣмъ болѣе, что подробный разборъ «Записокъ» не входитъ въ планъ этого труда. Мы занялись имъ только желая указать на историческія воззрѣнія автора ихъ, въ надеждѣ, что кто-нибудь изъ занимающихся отечественной исторіей возьмется за это дѣло и сдѣлаетъ его полнѣе и совершеннѣе. Теперь, въ заключеніе нашего обзора, нужно прибавить только, что, по окончаніи 2-й эпохи исторіи съ 1224 годомъ, помѣщены въ XIV и XV книгахъ еще разныя приложенія. Первое изъ нихъ имѣетъ заглавіе: «Знаменитыя происшествія второй эпохи россійской исторіи отъ 862 по 1224 г.» [1]). Здѣсь разсказаны важнѣйшіе, по мнѣнію автора, факты изъ разсказанныхъ въ «Запискахъ». Затѣмъ слѣдуетъ краткая выпись о дѣлахъ государей современныхъ Рюрику [2]) и Игорю [3]). Третье приложеніе — о медаляхъ къ царствованіямъ Рюрика [4]) и Игоря [5]). Медалей этихъ для двухъ княженій авторъ предполагаетъ 49, и изъ нихъ нѣкоторыя интересны по подписямъ. Напримѣръ, № 19-й: «Рюрикъ усмирилъ новгородскія безпокойства». № 24-й: «Олегъ начинаетъ опекунское свое управленіе объѣздомъ областей русскихъ». Надпись: «попечительный обычай». Внизу: «Олегъ объѣзжаетъ области русскія». № 42-й: «Игорь послалъ къ Грекамъ ежегодной дани ради, и не получая пошелъ съ войскомъ въ ладіяхъ къ Царюграду». Надпись: «неисправныхъ исправить». Внизу: «Игорь идетъ въ ладіяхъ ко Царюграду, въ 941 году». Въ такомъ же родѣ и другія медали, проектированныя авторомъ «Записокъ».

Замѣтивъ главную мысль и направленіе этого сочиненія, мы должны прибавить еще нѣсколько словъ объ исполненіи. Слогъ ихъ и способъ представленія событій можно было видѣть изъ выписокъ. Но нужно еще сказать, что въ «Запискахъ» не только разсказываются одни дѣянія князей, но отмѣчаются, какъ въ лѣтописи, и необыкновенныя явленія природы и событія внутренней жизни государства, — напримѣръ, дѣйствія духовенства, народныя суевѣрія, ереси, и т. п. Въ самомъ изложеніи составитель весьма близко держится лѣтописныхъ сказаній, во многихъ мѣстахъ близко сходится съ Татищевымъ, только, распространяя его сжатый разсказъ, иногда прерываетъ простодушное повѣствованіе лѣтописи своими соображеніями. Вообще пріемъ изложенія и представленія событій очень сильно напоминаетъ тотъ пріемъ, которымъ воспользовался недавно другой ученый изслѣдователь русской исторіи — г. Соловьевъ. Въ «Запискахъ» попадаются даже страницы, которыя разнятся отъ разсказа г. Соловьева только слогомъ. Уже это одно много свидѣтельствуетъ въ их пользу.

---

[1]) «Соб.», кн. XIV, стр. 119—126; кн. XV, стр. 44—54.
[2]) Ibid., стр. 126—140.
[3]) Ibid., кн. XV, стр. 54—86.
[4]) Ibid., стр. 35—43.
[5]) Ibid., стр. 86—96.

Вообще въ «Запискахъ о Россійской исторіи» Императрица, давъ намъ образецъ своихъ взглядовъ на исторію, вмѣстѣ съ тѣмъ представила и образецъ умѣнья провести свою мысль во всемъ трудѣ и направить его къ подтвержденію своей идеи, не прибѣгая ни къ явнымъ натяжкамъ, ни къ совершенному искаженію достовѣрныхъ фактовъ. Иногда она давала имъ свой смыслъ, умалчивала объ одномъ и измѣняла тонъ разсказа о другомъ; но искусство разсказа было таково, что читающему даже не приходило въ голову, чтобы могло быть что-нибудь другое, кромѣ того, что ему сообщается.

И мы знаемъ, что сама Императрица высоко цѣнила свое искусство и «Записки о Русской исторіи» считала одною изъ заслугъ своихъ для русскаго просвѣщенія.

Вмѣстѣ съ «Записками касательно Русской Исторіи» въ первыхъ книжкахъ «Собесѣдника» (до VIII) помѣщался другой трудъ Императрицы Екатерины II: «Были и Небылицы». Отличаясь совершенно другимъ характеромъ, онѣ, конечно, не имѣли столь важнаго значенія, какъ «Записки». Самъ авторъ смотрѣлъ на нихъ только какъ на плоды досуга и говорилъ въ нихъ обо всемъ, что ему приходило въ голову. Нерѣдко онъ отвѣчалъ въ нихъ на разные толки, которые возбуждало появленіе этихъ и другихъ статей, отвѣчалъ на письма, мнимо или дѣйствительно адресованныя къ нему, посредствомъ редакціи «Собесѣдника». Словомъ, это былъ трудъ легкій, шутливый, совершенно противоположный важности «Записокъ». Это выражено даже въ одномъ письмѣ къ автору «Былей и Небылицъ»: «Съ вами все-таки, сударь, еще переписываться можно. Вы по крайней мѣрѣ на письма отвѣчаете; а какъ у васъ есть товарищъ, г. сочинитель «Записокъ о Русской Исторіи», такъ отъ того даже и о полученіи письма не дождешься отповѣди» [1]). Авторъ отвѣчалъ на это: «Государь мой! Намъ безграмотнымъ на всякія письма отвѣтствовать не трудно, понеже на то не болѣе надобно, какъ только чтобы чернила съ пера текли. Головоломныхъ мыслей у насъ не спрашивается, какъ то вамъ, государю моему, и всѣмъ читателямъ «Былей и Небылицъ» извѣстно» [2]). И дѣйствительно, головоломныхъ мыслей нельзя встрѣтить въ «Быляхъ и Небылицахъ». Въ нихъ все легко, шутливо, неглубоко, все писано какъ будто импровизаціей, безъ особеннаго плана и заботы о томъ, чтобы составить стройное цѣлое. Въ этомъ отношеніи лучшая оцѣнка «Былей и Небылицъ» сдѣлана самимъ авторомъ [3]): «Когда начинаю писать ихъ—говоритъ онъ—обыкновенно мнѣ кажется, что я коротокъ умомъ и мыслями, а потомъ слово къ слову приставляя, мало-по-малу строки наполняю: иногда самому мнѣ не въ догадъ, какъ страница написана и очутится на

[1]) «Соб.», ч. VII, стр. 164.
[2]) Ibid., стр. 177.
[3]) Ibid., ч. VIII, стр. 168, 169.

бумагѣ мысль краткодлинная, да и еще съ такимъ хвостомъ, что умные люди въ ней изыскиваютъ тонкомысліе, глубокомысліе, густомысліе и полномысліе; но съ позволенія сказать, все сіе въ собственныхъ умахъ ихъ, а не въ моихъ строкахъ кроется». Въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ, что издателямъ хорошо «имѣть возлѣ бока «Были и Небылицы»: когда листа недостаетъ въ книгѣ, тогда заказать можно листъ аки попадьямъ пирогъ у просвирни. Кто такъ послушливъ, чтобъ взялъ перо и наполнилъ листъ, правду сказать,—чѣмъ бы ни случилось! Таково дѣло имѣть съ безграмотнымъ: ни отъ одного грамотѣя вы такъ скоро не бываете служебны» [1]).

Въ самыхъ «Быляхъ» встрѣчаются страницы, которыя именно какъ будто для того только были написаны, чтобы чѣмъ-нибудь наполнить листъ. Часто авторъ самъ замѣчаетъ это и говоритъ, что, начавъ писать, еще не знаетъ, что будетъ говорить дальше [2]). Вотъ страницы полторы и написаны, — говоритъ онъ,—чего?— ничего [3]). По словамъ автора, онъ ничего и не хотѣлъ писать особеннаго; одного только не хотѣлъ онъ, чтобы его произведенія были скучны. Отъ этой скуки дѣлаетъ онъ заклятіе 64-мя подобранными наудачу глаголами, говоря: «пусть ее ищетъ, родитъ. несетъ, влечетъ, даетъ, наноситъ, приноситъ, кормитъ, бережетъ. сѣетъ, выкапываетъ, наговариваетъ, привозитъ, привлекаетъ, причиняетъ, производитъ, приключаетъ, выраниваетъ, наворчиваетъ, напихнетъ, натолкнетъ, напуститъ, надуетъ, накашляетъ, напрѣетъ, начихаетъ, насвиститъ, наиграетъ, напляшетъ, напоетъ, накричитъ, нажурчитъ, нареветъ, навертитъ, навернетъ, привьетъ, навинтитъ, натретъ, наскоблитъ, наложитъ, нашьетъ, наболтаетъ, намотаетъ, насчитаетъ, нальетъ, налѣпитъ, налаетъ, нахрапитъ, нагрузитъ, навалитъ, напыхтитъ, наворчитъ, набранитъ, насудитъ, нагрузитъ, назѣваетъ, насулитъ, нагрозитъ, наколотитъ, накладетъ, настроитъ, наломаетъ, изобрѣтетъ, или напишетъ кто изволитъ, лишь бы вы не встрѣтили ея, читая «Были и Небылицы» [4]). Повтореніе по нѣскольку разъ одного и того же глагола въ этомъ истинномъ наборѣ словъ показываетъ, что авторъ не заботился ни о чемъ болѣе, какъ только чтобы наставить глаголовъ побольше. Въ свое время, впрочемъ, и это считалось, вѣроятно, очень остроумнымъ.

Съ явнымъ желаніемъ дать просторъ остроумію написаны также, напримѣръ, слѣдующія строки: «если писать нечего, за неимѣніемъ умотеченія, станемъ писать, какъ и что у конца пера явится, о чемъ чрезъ сіе чиню объявленіе....

..........Уши прожужжали....

Предварительное.

«Когда лѣтомъ при открытыхъ окнахъ...

---

[1]) «Соб.», ч. VIII, стр. 172.
[2]) Ibid., стр. 135.
[3]) Ibid., стр. 159.
[4]) Ibid., стр. 160.

«NB. Зимой при закрытыхъ сіе не бываетъ, какъ самому читателю извѣстно.

«... Стрекоза влетаетъ въ низкія хоромы и, ища обратнаго пути, вмѣсто неизмѣримаго свода (т. е. неба), къ которому она привыкла, находитъ нѣсколько локтей отъ земли потолокъ, въ который она ударяетъ, не локтемъ, но головою и крыльями, произнося журчаніе, тѣмъ и другимъ обращаетъ вниманіе находящихся тутъ зрителей, подобно тому.... Теперь начинается, о чемъ дѣло... Что? «Были и Небылицы»? нѣтъ! не вовсе, я не то сказать хотѣлъ, и вылилось почти такъ, во время еще успѣлъ остановить словесный потокъ», и пр. Читатель все еще ждетъ чего-то, — но далѣе уже идетъ дѣло о письмахъ, полученныхъ авторомъ, на которыя онъ собирался отвѣчать и никакъ не можетъ собраться. Въ заключеніе, авторъ отъ всего сердца желаетъ читателю разумѣнія сихъ строкъ [1]). Желаніе, конечно, не напрасное, но весьма трудно исполнимое, особенно для тогдашнихъ читателей, которыхъ недогадливость о самыхъ простыхъ вещахъ равнялась только развѣ ихъ нетребовательности, что доказывается почти каждой страницей «Былей и Небылицъ».

Изъ всего этого можно уже видѣть, что статьямъ, печатавшимся въ «Собесѣдникѣ» подъ этимъ названіемъ, совсѣмъ нельзя придавать значенія серьезной сатиры, какъ хотѣли нѣкоторые критики. Самъ авторъ подсмѣивается надъ этимъ мнѣніемъ, разсказывая о томъ, какъ онъ приписывалъ своимъ статьямъ всеобщее исправленіе нравовъ, замѣченное имъ со времени появленія «Собесѣдника», и какъ среди этихъ мечтаній нашелъ вдругъ свои «Были» употребленными на папильотки и на обертку фруктовъ у разносчика [2]). Въ другомъ мѣстѣ, въ отвѣтъ на желаніе, выраженное въ одномъ письмѣ, чтобы въ «Быляхъ и Небылицахъ» было выведено человѣческое тщеславіе [3]), авторъ говоритъ: «не моему перушку передѣлать, перемѣнить, переломить, убавить, исправить и пр., и пр., и пр., что въ свѣтѣ водится. Я изъ тѣхъ людей, для которыхъ *свѣтъ поди, какъ можетъ*, а жить въ ономъ, *какъ опредѣлено*. Перемытаривать оный мнѣ казалось дѣло возможное, пока я не слегъ горячкою (которую у насъ запросто называютъ: къ бородѣ), но съ того времени вещи мнѣ инако казаться стали» [4]). И это не иронія, а искреннее убѣжденіе, искреннее, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ литературѣ. Императрица очень хорошо видѣла, что русское общество того времени далеко еще не такъ образовано, чтобы считать литературу за серьезную потребность, чтобы теоретическія убѣжденія вносить въ самую жизнь, чтобы выражать въ своихъ поступкахъ степень развитія своихъ понятій. Поэтому

---

[1]) «Соб.», ч. VIII, стр. 145, 146.
[2]) Ibid., ч. II, стр. 128.
[3]) Ibid., ч. VII, стр. 166.
[4]) Ibid., стр. 180.

она позволяла писать и то, что ей не нравилось, зная, что это не будетъ имѣть слишкомъ обширнаго вліянія на жизнь общества; возвышала чинами и наградами тѣхъ, чьи произведенія были ей пріятны, для того, чтобы этимъ самымъ обратить общее вниманіе на автора, а такимъ образомъ и на его сочиненія. Въ это время у насъ писали и печатали все безъ разбора: и переводы изъ энциклопедистовъ, и Эмиля, и поэму на разрушеніе Лиссабона, и путешествіе Радищева; но награды получали: Державинъ за «Фелицу», Петровъ за «Оду на Карусель», Костровъ за торжественныя оды, и т. п. Это уже много значило и необходимо должно было придать болѣе вѣса въ глазахъ общества твореніямъ послѣдняго рода.

Точно такъ, какъ, покровительствуя литературѣ, великая Екатерина умѣла тѣмъ самымъ указывать ей и надлежащее направленіе, такъ же точно, взявшись за сатирическое перо, она умѣла указать и предметы сатиры въ современномъ русскомъ обществѣ. Въ «Быляхъ и Небылицахъ» есть сатира и, вѣроятно, мѣткая и живая, потому что о ней было много толковъ въ то время. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многія письма къ издателямъ «Собесѣдника», свидѣтельствуютъ сами издатели, свидѣтельствуютъ мимолетныя замѣтки и намеки въ другихъ современныхъ произведеніяхъ. Сама Екатерина, въ отвѣтъ на присланное будто бы къ ней письмо Петра Угадаева, который угадывалъ лица, изображенныя въ «Быляхъ», писала: «буде вы и семья ваша между знакомыми вашими нашли сходство съ предложенными описаніями въ «Быляхъ и Небылицахъ», то сіе доказываетъ, что «Были и Небылицы» вытащены изъ обширнаго моря естества» [1]). Одинъ изъ издателей «Собесѣдника» (конечно, кн. Дашкова) замѣчаетъ, что это «совсѣмъ новаго рода сочиненіе служитъ къ украшенію сего изданія» [2]). Въ стихотвореніяхъ Державина встрѣчаемъ нѣсколько намековъ на лица, выведенныя въ «Быляхъ и Небылицахъ», и нѣсколько фразъ, пущенныхъ ими въ ходъ (52). Княжнинъ, въ исповѣданіи жеманихи, прямо обращается къ сочинителю «Былей и Небылицъ» и говоритъ, что въ нихъ «какъ въ зеркалѣ себя увидишь» (53). Въ нѣсколькихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Собесѣдникѣ», тоже выводятся лица изъ «Былей и Небылицъ» [3]).—Какія же обличенія и нападки возбуждали такъ сильно общее вниманіе? Въ первой же статьѣ [4]) осмѣиваются: самолюбивый, нерѣшительный, лгунъ, мотъ, щеголиха, вздорная баба, мелочной человѣкъ. Это самая обильная сатирическимъ элементомъ статья. Въ слѣдующихъ гораздо болѣе болтовни и менѣе подобныхъ портретовъ. Во второй статьѣ находятся насмѣшки надъ пренебреженіемъ къ литературѣ да нападки на мелочныхъ критиковъ, да еще выведенъ майоръ С. М. Л. Б. Е.,

---

[1]) «Соб.», ч. III, стр. 140.
[2]) Ibid., ч. VII, стр. 178.
[3]) Ibid., кн. VI, стр. XV; кн. XV, ст. VII и др.
[4]) Ibid., кн. 2, ст. XX.

въ которомъ «для закрытія» выпущены буквы А, О, Ю и I, какъ тотчасъ объясняетъ авторъ. Далѣе насмѣшки надъ человѣкомъ, который некстати высказываетъ свое недовольство надъ женой, не любящей мужа, надъ дѣвушкой, которая бѣлится, и т. д. Большая часть описаній, намековъ и остротъ слишкомъ общи и выражаютъ скорѣе общечеловѣческія страсти, нежели пороки тогдашняго общества. Можетъ быть, и дѣйствительно находились личности, которыя узнавали здѣсь себя, но, во всякомъ случаѣ, это не была характеристика общества. Гораздо болѣе характернаго находимъ мы въ бѣглыхъ замѣткахъ, которыя тамъ и сямъ понемножку разсѣяны въ «Быляхъ и Небылицахъ». Такъ, будто мимоходомъ, но постоянно, авторъ вооружается противъ пристрастія къ иноземному, особенно французскому; противъ того, когда человѣкъ тянется, чтобы выйти изъ своего состоянія, противъ непостоянства, часто мѣняющаго заведенный порядокъ, противъ умничанья, которое называетъ скучнымъ. Вообще, авторъ не любитъ тѣхъ, которые «болѣе плачутъ и разсуждаютъ, нежели смѣются», и въ своемъ завѣщаніи, въ которомъ передаетъ «Были и Небылицы» другому, желающему продолжать ихъ, заповѣдуетъ: «врача, лѣкаря, аптекаря не употреблять для писанія ихъ, чтобы не получили врачебнаго запаха; проповѣдей не списывать и нарочно оныхъ не сочинять» [1]). Такъ и въ этомъ выразился блестящій вѣкъ Екатерины—вѣкъ *веселый*, вѣкъ празднествъ, пировъ, безъ заботы объ отдаленномъ будущемъ, съ мыслію, что все на часъ, и что нужно скорѣе пользоваться жизнью.

Во многихъ мѣстахъ также встрѣчаемъ мысль, что нынѣ въ Россіи лучше, чѣмъ прежде. Любопытна въ этомъ отношеніи выходка дѣвушки, которая говоритъ, что «въ прежнее время люди охотнѣе упражнялись нынѣшняго въ разговорахъ, касающихся поправленія того-сего; разговоры же сіи вели въ полголоса или на ушко, дабы лишней какой бѣды оные кому изъ насъ не нанесли; слѣдовательно громогласіе между нами рѣдко слышно было; бесѣды же получали отъ того нѣкоторый блескъ и видъ вѣжливости, которой слѣды не столь примѣтны нынѣ: ибо разговоры, смѣхъ, горе, и все, что вздумать можешь, открыто и громогласно отправляется». Далѣе дѣвушка «для изъясненія сего говоритъ, будто мысли и умы, долго бывъ угнетены подъ тягостію тайны, вдругъ, яко плотина отъ сильной водополи, прорвались» [2]). Вообще Екатерина выставляла, какъ великое преимущество своего царствованія, то, что она позволяетъ говорить все, что угодно, и каждый почти стихотворецъ ея времени восхвалялъ ее особенно за это. Даже Вольтеръ воспѣваетъ монархиню:

Qui pense en grand homme et qui permet qu'on pense.

Императрица, разумѣется, охотно позволяла *говорить*, зная, что

[1]) «Соб.», ч. VIII, стр. 175.
[2]) Ibid., ч. II, стр. 137.

отъ этихъ разговоровъ ничего дурнаго быть не могло, и что чѣмъ больше, чѣмъ безпрепятственнѣе говорятъ, тѣмъ меньше обыкновенно дѣлаютъ. Но она же смѣялась надъ сплетнями и надъ людьми, которые умничали, равно какъ и надъ тѣми, которые выражали свое неудовольствіе, не понимая дѣла. Такъ, напримѣръ, въ «Быляхъ и Небылицахъ» [1]) разсказываетъ она объ одномъ человѣкѣ, который «мысли и понятія о вещахъ, которыя сорокъ лѣтъ назадъ имѣлъ, и теперь тѣ же имѣетъ, хотя вещи въ существѣ весьма перемѣнились. Напримѣръ, онъ не ѣдетъ жить въ деревню, боясь разбойниковъ по большой дорогѣ, и о бывшихъ говоритъ, какъ будто нынѣ состоялись. Понынѣ еще жалуется на несправедливость воеводъ и ихъ канцелярій, коихъ однако ужъ нигдѣ нѣтъ; жалуется на внутреннія пошлины по городамъ, какъ притѣсняющія торги, хотя сняты въ 1753 г.»... и пр. Но особенно сильно возстала она противъ *свободоязычія* по поводу вопросовъ фонъ-Визина. Самые отвѣты на эти вопросы, напечатанные въ III части «Собесѣдника» [2]), свидѣтельствуютъ, что вопросы не были пріятны Императрицѣ. Тѣмъ не менѣе она не только ихъ напечатала, но даже отвѣчала на нихъ. Только отвѣты эти такого рода, что большая часть изъ нихъ уничтожаютъ вопросы, не разрѣшая ихъ; во всѣхъ почти отзывается мысль, что не слѣдовало объ этомъ толковать, что это—свободоязычіе, простершееся слишкомъ далеко. Напримѣръ, самый первый вопросъ: «Отчего у насъ спорятъ сильно въ такихъ истинахъ, кои нигдѣ уже не встрѣчаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія»? получаетъ такой уклончивый отвѣтъ: «У насъ, какъ и вездѣ, всякій споритъ о томъ, что ему нравится или непонятно». Второй: «Отчего многихъ добрыхъ людей видимъ въ отставкѣ»? разрѣшается: «Многіе добрые люди вышли изъ службы, вѣроятно, для того, что нашли выгоду быть въ отставкѣ». На десятый вопросъ: «Отчего въ нашъ законодательный вѣкъ никто въ сей части не помышляетъ отличиться»? отвѣчено: «Оттого, что сіе не есть дѣло всякаго». Въ отвѣтъ на четырнадцатый вопросъ о томъ: «Почему многіе добиваются чиновъ пронырствомъ и плутовствомъ, чего прежде не было»? прямо замѣчается, что: «Сей вопросъ родился отъ свободоязычія, котораго предки наши не имѣли». Наконецъ на прямую обязанность подданнаго указываетъ смѣлому вопрошателю Императрица и въ отвѣтѣ на послѣдній вопросъ: «Въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ»?—«Въ остромъ и скоромъ понятіи всего», говоритъ она, «въ *образцовомъ послушаніи* и въ корени добродѣтелей, отъ Творца человѣку данныхъ». Вообще, если мы можемъ удивляться въ этомъ случаѣ смѣлости фонъ-Визина, то тѣмъ болѣе должны удивляться искусству Государыни, съ которымъ она умѣла отклонить своими отвѣтами самые вопросы и въ отвѣтахъ на са-

---

[1]) «Соб.», ч. V, стр. 140.
[2]) Ibid., ч. III, стр. 162—166.

мые щекотливые изъ нихъ давать чувствовать, что они неумѣстны и не могутъ ожидать прямого рѣшенія. Только на одинъ вопросъ отвѣчаетъ она прямо и рѣшительно, не уклоняясь отъ сущности дѣла. Это пятый вопросъ: «Отчего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжебъ своихъ и рѣшеній правительства»?—Императрица говоритъ: «Для того, что вольныхъ типографій до 1782 г. не было». За этотъ отвѣтъ краснорѣчиво и восторженно благодаритъ Екатерину фонъ-Визинъ въ письмѣ къ ней, напечатанномъ въ V части «Собесѣдника» [1]). «Способомъ печатанія тяжебъ и рѣшеній—говоритъ онъ—гласъ обиженнаго достигнетъ во всѣ концы отечества. Многіе постыдятся дѣлать то, чего дѣлать не страшатся. Всякое дѣло, содержащее въ себѣ судьбу имѣнія, чести и жизни гражданина, купно съ рѣшеніемъ судебнымъ, можетъ быть извѣстно всей безпристрастной публикѣ; воздастся достойная хвала праведнымъ судьямъ; возгнушаются честныя сердца неправдой судей безсовѣстныхъ», и пр. При всемъ томъ, сколько извѣстно, никто, кажется, у насъ не воспользовался благодѣтельнымъ разрѣшеніемъ великой Монархини, и темныя судейскія дѣла, къ сожалѣнію, попрежнему не выходятъ за стѣны судейскихъ архивовъ.

Мы видѣли, что въ самыхъ отвѣтахъ была довольно ясно высказана неумѣстность вопросовъ, что понялъ самъ фонъ-Визинъ, когда писалъ потомъ въ письмѣ своемъ: «по отвѣтамъ вашимъ вижу, что я нѣкоторые вопросы не умѣлъ написать внятно», и потомъ даже нѣсколько разъ принимался оправдываться. «Я думалъ честно—говоритъ онъ—и имѣю сердце, пронзенное благодарностью и благоговѣніемъ къ великимъ дѣяніямъ всеобщія нашея благотворительницы.... перо мое никогда не было и не будетъ смочено ни ядомъ лести, ни жолчью злобы.... Всякое ваше неудовольствіе—заключаетъ онъ—мною въ совѣсти моей ничѣмъ незаслуженное, если какимъ-нибудь образомъ буду имѣть несчастіе примѣтить, приму я съ огорченіемъ за твердое основаніе непреложнаго себѣ правила: во всю жизнь мою за перо не приниматься». Императрица уважила это письмо и замѣтила, что «сей поступокъ г. сочинителя вопросовъ сходствуетъ съ обычаемъ, достойнымъ похвалы, православнаго христіанина, по которому за грѣхомъ вскорѣ слѣдуетъ раскаяніе и покаяніе» [2]).

Однакожъ, этого не было довольно. И прежде, и даже послѣ этого письма, авторъ «Былей и Небылицъ» нѣсколько разъ высказывалъ свое недовольство вопросами и подсмѣивался надъ затруднительнымъ положеніемъ, въ которое поставленъ былъ авторъ ихъ «Отвѣтами». Въ 4-й части «Собесѣдника» [3]) дѣдушка сильно возстаетъ противъ вопросовъ (54) и хотя возможность говорить такъ смѣло опять относитъ къ преимуществамъ того времени, но заклю-

[1]) «Соб.», ч. V, стр. 145—148.
[2]) Ibid., стр. 151.
[3]) Ibid., ч. IV, стр. 168.

чаетъ свою выходку слѣдующимъ образомъ: на вопросъ—«Отчего прежде шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынѣ имѣютъ, и весьма большіе»,—онъ отвѣчаетъ: «Отчего? отчего? ясно, оттого, что въ прежнія времена врать не смѣли, а паче письменно, безъ опасенія».

Такой пріемъ не могъ ободрить фонъ-Визина, и онъ хотя обѣщалъ продолжать вопросы, но уже не осмѣлился сдѣлать этого. Вообще нужно сказать, что фонъ-Визинъ не умѣлъ вполнѣ понять великой Екатерины, и, конечно, вслѣдствіе этого онъ не пользовался расположеніемъ при Дворѣ, по свидѣтельству его біографа. Это былъ, конечно, одинъ изъ умнѣйшихъ и благороднѣйшихъ представителей истиннаго здраваго направленія мыслей въ Россіи, особенно въ первое время своей литературной дѣятельности, до болѣзни; но его горячія, безкорыстныя стремленія были слишкомъ непрактичны, слишкомъ мало обѣщали существенной пользы предъ судомъ Императрицы, чтобы она могла поощрять ихъ. И она сочла за лучшее не обращать на него вниманія, показавъ ему предварительно, что путь, которымъ онъ идетъ, не приведетъ ни къ чему хорошему.

Кромѣ «Былей и Небылицъ», изъ сочиненій Императрицы Екатерины помѣщена въ «Собесѣдникѣ»: «Ежедневная записка Общества Незнающихъ» [1]). Статья эта есть не что иное, какъ пространная насмѣшка надъ незнающими людьми, которые составляютъ общества, собираются, толкуютъ, отдаютъ преимущество мнѣнію того, у кого грудь сильнѣе, и все-таки разъѣзжаются, ничего не рѣшивъ, или кончаютъ дѣло тѣмъ, что записываютъ мнѣніе каждаго члена порознь и потомъ сдаютъ дѣло въ архивъ. Результатъ всѣхъ засѣданій состоитъ развѣ въ томъ, что на членовъ общества жалуются сосѣди за раннія ихъ собранія, говоря, что каретнымъ стукомъ мѣшаютъ многимъ спать [2]). Теперь трудно рѣшить, съ какимъ намѣреніемъ написана эта статья; но, вѣроятно, Императрица имѣла въ виду какое-нибудь дѣйствительно существовавшее общество, гдѣ дѣла рѣшались не обыкновеннымъ приказомъ, а общимъ собраніемъ, на которомъ каждый изъ членовъ имѣлъ право подавать голосъ.

Съ такимъ характеромъ является участіе великой Екатерины въ «Собесѣдникѣ». Мы нарочно долго останавливались на разборѣ произведеній, помѣщенныхъ здѣсь ею, имѣя въ виду прослѣдить ея участіе въ литературѣ нашей, не офиціальное, а, такъ сказать, приватное, домашнее. Для разбираемаго нами журнала это особенно важно. Во-первыхъ, Екатерина признавала себя однимъ изъ издателей его. Во вступленіи къ отвѣтамъ на вопросы фонъ-Визина прямо сказано: «Издатели «Собесѣдника» раздѣлили трудъ разсматривать присылаемыя къ нимъ сочиненія между собою по-

---

[1]) «Соб.», ч. VIII, стр. VI.
[2]) Ibid., стр. 40.

недѣльно, равно какъ и отвѣтствовать на оныя, ежели нужда того потребуетъ. Сочинитель «Былей и Небылицъ», разсмотрѣвъ присланные вопросы отъ неизвѣстнаго, на оные сочинилъ отвѣты» [1]). Эти слова ясно показываютъ, что Екатерина принимала участіе въ изданіи. Но даже если мы оставимъ въ сторонѣ это обстоятельство, то и тогда нельзя не видѣть, что образъ мыслей и воззрѣній Императрицы не могъ не имѣть сильнаго вліянія на духъ журнала, издававшагося однимъ изъ приближеннѣйшихъ къ ней лицъ и котораго большую часть она сама наполняла своими литературными трудами. Поэтому намъ было особенно важно разсмотрѣть собственные труды Императрицы, въ которыхъ выразились ея литературныя убѣжденія. Они могутъ намъ послужить ключемъ для объясненія многихъ другихъ статей, помѣщенныхъ въ «Собесѣдникѣ».

Вмѣстѣ съ Императрицею руководила изданіемъ кн. Е. Р. Дашкова. Ея имя напечатано на первыхъ же строкахъ объявленія о «Собесѣдникѣ». Сначала даже всѣ статьи для журнала присылались къ ней, и только уже по выходѣ 14 № «Собесѣдника» объявлено было, чтобы статьи присылались въ Академію, а еще позже— что онѣ будутъ принимаемы «въ той комнатѣ, гдѣ присутствуютъ находящіеся при Академіи совѣтники» (55). Такимъ образомъ, на кн. Дашковой лежалъ главный трудъ изданія. Касательно собственнаго участія въ своихъ «Запискахъ» она говоритъ, что «сама *иногда* только писала для журнала», и что особенно дѣятельнымъ ея помощникомъ былъ «молодой адвокатъ Козодавлевъ» (56). Вѣроятно, онъ раздѣлялъ трудъ по изданію, и ему, можетъ быть, должно приписать нѣкоторыя изъ писемъ къ издателямъ, явно сочиненныхъ лицомъ близкимъ къ редакціи. Изъ статей кн. Дашковой ни одна не подписана ея именемъ. По свидѣтельству митрополита Евгенія, ей принадлежитъ надпись къ портрету Екатерины, помѣщенная въ 1-й книжкѣ, непосредственно за Фелицею, и не заключающая въ себѣ ничего особеннаго. Ей же, можетъ быть, принадлежатъ отвѣты *отъ издателей*, не принадлежащіе самой Екатеринѣ. Кромѣ того, по сходству въ слогѣ и мысляхъ съ другими произведеніями кн. Дашковой, несомнѣнно ей принадлежащими (57), можно предположить, что ею же написаны въ «Собесѣдникѣ»: «Посланіе къ слову «такъ» [2]), «Сокращеніе катехизиса честнаго человѣка» [3]), «О истинномъ благополучіи» [4]), «Искреннее сожалѣніе объ участи издателей Собесѣдника» [5]), «Вечеринка» [6]), «Путешествующіе» [7]), «Картины моей родни» [8]), «Нѣчто

---

[1]) «Соб.», ч. III, стр. 160.
[2]) Ibid., ч. I, ст. III.
[3]) Ibid., ст. VII.
[4]) Ibid., ч. III, ст. III.
[5]) Ibid., ст. XIV.
[6]) Ibid., ч. IX, ст. VII.
[7]) Ibid., ч. XI, ст. IX.
[8]) Ibid., ч. XII, ст. V; ч. XIV, ст. X.

изъ Англинскаго Зрителя» [1]). Все это, впрочемъ, не болѣе какъ наше предположеніе: удачно ли оно или нѣтъ—это, можетъ быть, покажетъ современемъ открытіе какихъ-нибудь положительныхъ свидѣтельствъ. Что касается до стихотворныхъ произведеній, то здѣсь безъ положительныхъ данныхъ невозможно даже предположеніе (58). Изъ отвѣтовъ издателей болѣе другихъ заслуживаютъ вниманія, по своей обширности: отвѣтъ звенигородскому корреспонденту, заключающій въ себѣ обстоятельное разсужденіе о воспитаніи [2]), отвѣтъ Іоанну Пріимкову «объ архангелогородской кумѣ» [3]) и еще обращеніе одного изъ издателей къ сочинителю «Былей и Небылицъ» [4]).

Несмотря на то, что не можемъ указать навѣрное статей самой кн. Дашковой въ «Собесѣдникѣ», мы тѣмъ не менѣе не задумываемся приписать ей весьма большую долю участія въ направленіи и характерѣ всего этого изданія. Журналъ этотъ былъ ея задушевной мыслью: она надѣялась посредствомъ его дѣйствовать на распространеніе знаній, развитіе истинныхъ понятій, на образованіе самаго языка. Болѣе серьезно, нежели всѣ окружавшіе ее, проникнутая просвѣщенными идеями, умѣя вносить ихъ въ самую жизнь, трудившаяся не только для того, чтобы показать свои труды, но и для того, чтобы въ самомъ дѣлѣ быть полезною для другихъ, она стояла гораздо выше современнаго ей русскаго общества. Странно себѣ представить молодую дѣвочку того времени, проводившую ночи въ чтеніи потрясающихъ произведеній, отъ которыхъ были тогда въ волненіи умы всей Европы. Еще труднѣе повѣрить, что эта 15-ти-лѣтняя дѣвушка въ непродолжительномъ времени разстраиваетъ свое здоровье сильнымъ умственнымъ напряженіемъ, размышляя о томъ, что ею прочитано [5]). И вотъ ее для развлеченія везутъ въ столицу. Здѣсь она пристаетъ къ каждому иностранцу, надоѣдаетъ каждому путешественнику, котораго увидитъ, разспрашивая ихъ о другихъ странахъ, и потомъ ихъ отвѣты сравниваетъ съ тѣмъ, что видитъ у себя предъ глазами. Это въ ней рождаетъ непреодолимое желаніе путешествовать. Наконецъ она достигаетъ осуществленія своихъ желаній. Она видитъ Европу, посѣщаетъ Дидро, Вольтера, проводитъ время въ задушевныхъ разговорахъ съ этими знаменитостями Европы, столь дорогими ея сердцу еще по воспоминаніямъ дѣтскихъ чтеній (59). Съ обильнымъ запасомъ мыслей и знаній, съ просвѣщенною любовью къ родинѣ, съ желаніемъ служить ей на поприщѣ общественной жизни, возвращается она въ Россію, и здѣсь встрѣчаютъ ее назначенія, которыя заставляютъ ее трудиться на поприщѣ ученомъ и литературномъ. Въ этомъ

---

[1]) «Соб.», ч. XVI, ст. III.
[2]) Ibid., ч. II, ст. II.
[3]) Ibid., ч. X, ст. IV.
[4]) Ibid., ч. V, стр. 156—161.
[5]) См. «Москв.», 1852 г., № 1, стр. 101—4.

дѣлѣ кн. Дашкова могла сдѣлать много полезнаго, какъ по своей обширной начитанности и развитому уму, такъ и потому, что здѣсь ее не могли встрѣтить интересы, которые заставили бы ее измѣнить честности и правотѣ своихъ стремленій. Она, конечно, не была идеальною женщиной: намѣреніе возвысить сына вмѣсто Потемкина, навлекшее на нее столько зла и столько порицаній, доказываетъ, что и она поддавалась внушеніямъ житейскихъ расчетовъ. Но самая неудача въ этомъ дѣлѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими біографическими данными, свидѣтельствуетъ, что Дашкова была не совсѣмъ ловкій придворный и имѣла нѣчто священное въ сердцѣ своемъ, чѣмъ не могла жертвовать влеченію грубаго эгоизма. Ея чистое направленіе выразилось въ литературѣ уже самымъ выборомъ переводовъ съ французскаго и англійскаго, которые помѣщены ею въ «Трудахъ Вольнаго Россійскаго Собранія». Такое же направленіе отзывается и въ тѣхъ статьяхъ, о которыхъ мы сказали, что можно приписать ихъ Дашковой. Эти статьи сильно вооружаются противъ того, что вообще есть низкаго, гадкаго въ человѣкѣ и что особенно распространено было въ нѣкоторыхъ слояхъ русскаго общества того времени—противъ двоедушія, ласкательства, ханжества, суетности, фанфаронства, обмана, презрѣнія къ человѣчеству. Эти статьи отрадно читать и нынѣ: черезъ 70 лѣтъ еще можно угадывать правдивость, мѣткость, благородную энергію ихъ замѣтокъ. Видно, что эта сатира безкорыстная, не руководившаяся ничѣмъ, кромѣ желанія добра. Такъ, напримѣръ, въ посланіи къ слову *такъ*, написанномъ прозою и стихами, сильно поражается ласкательство, и нельзя не сознаться, что примѣры выбраны очень хорошо.

Авторъ пишетъ:

Лишь скажетъ кто изъ баръ: ученіе есть вредно,
Невѣжество одно полезно и безбѣдно,
Тутъ всѣ поклонятся: и умный, и дуракъ,
И скажутъ, не стыдясь: конечно, сударь, такъ.

Клиръ скажетъ, напримѣръ, что глупо Маркъ [1]) считалъ,
Когда сокровища свои онъ продавалъ,
Когда онъ все дарилъ солдатамъ изъ чертоговъ,
Хоть тѣмъ спасалъ народъ отъ тягостныхъ налоговъ.

Клиръ пустошь говоритъ; но тутъ, почтенья въ знакъ,
Подлецъ ему кричитъ: конечно, сударь, такъ.

Невѣжда, нарядясь въ кафтанъ золотошитый,
Смышляетъ честь купить, гордится подлой свитой;
Хоть чести не купилъ и мыслитъ въ томъ не такъ,
Дуракъ прискажетъ: такъ.

Такальщики всегда подлы; но—говоритъ авторъ—

---

[1]) Маркъ Аврелій.

Но самые и тѣ, которымъ потакаютъ,
Не лучше чувствуютъ, не лучше разсуждаютъ.
Кто любитъ *таканье* и слушаетъ льстеца,
Тотъ хуже всякаго бываетъ подлеца.

А между тѣмъ льстецовъ награждаютъ, тогда какъ умные всегда обойдены:

Другой пускай дуракъ,
Но, говоря все *такъ*,
Онъ чинъ за чиномъ получаетъ
И въ карты съ барами играетъ;
А тотъ въ передней пусть зѣваетъ
За то, что онъ не льстецъ,
Не трусъ и не подлецъ [1]).

Это «Посланіе къ слову *такъ*» возбудило толки. Въ 3-й книжкѣ «Собесѣдника» помѣщено весьма грубое письмо отъ защитника Клировыхъ мыслей. Авторъ этого письма говоритъ о Клирѣ, какъ о лицѣ, хорошо ему извѣстномъ, и оправдываетъ его отзывъ о Маркѣ Авреліи; въ заключеніе же говоритъ съ огорченіемъ: «критики, а особливо вмѣшивающіеся въ дѣла политическія, которыхъ не знаютъ ни малѣйшей связи, всегда будутъ имѣть прекрасное поле разсыпать свои разсказы» [2]). Издатели замѣчаютъ на это, что «онъ не знаетъ, можетъ быть, кто они таковы, и что письмо это помѣщается для того, чтобы публика сама могла судить, сколь мало благопристойно предложенное сочиненіе, которое если не послужитъ къ удовольствію читателей, то, конечно, служить можетъ образцомъ неучтивости» [3]). Впредь же мы будемъ помѣщать только учтивыя критики, говорятъ издатели.

Этимъ письмомъ, вѣроятно, вызванъ «Отвѣтъ отъ слова *такъ*», несомнѣнно сочиненный въ самой редакціи. Въ немъ находимъ обращеніе къ *сочинительницѣ* посланія къ слову *такъ*, чѣмъ еще подверждается наше мнѣніе о томъ, что его писала Дашкова [4]). Здѣсь разсказывается о разныхъ лицахъ, которыя обижались намеками этого посланія, узнавали себя въ вымышленныхъ именахъ, вступались за Клариссу, Клира и пр., такъ что «по рѣчамъ ихъ казалось. будто всѣ стихотворцами употребленныя имена имъ весьма знакомы». Впрочемъ вы ихъ не опасайтесь—говоритъ слово *такъ* автору—они ничего не осмѣлятся сдѣлать вамъ, потому что

Кто любитъ *таканье*, находитъ въ лести вкусъ,
Того душа подла; во всѣхъ дѣлахъ онъ трусъ;
Наединѣ всегда тотъ за себя брацится,
А въ публикѣ всѣмъ льститъ, съ злодѣями мирится. [5])

Это имѣли, кажется, въ виду издатели «Собесѣдника» постоянно,

---

[1]) «Соб.», ч. I, стр. 15—24.
[2]) Ibid., ч. II, стр. 42.
[3]) Ibid., стр. 45.
[4]) Ibid., ч. III, стр. 146.
[5]) Ibid.

во всѣхъ трудахъ своихъ. Они были въ такомъ положеніи, что нечего было имъ бояться, и притомъ кн. Дашкова, которая все-таки была главною распорядительницею журнала, глубоко была проникнута, какъ мы сказали уже, просвѣщенными и благородными стремленіями. Сама Императрица всегда старалась показывать просвѣщенную терпимость въ дѣлѣ литературы, сдерживая только тѣ порицанія и обличенія, которыя казались ей несправедливыми или опасными. Въ одномъ письмѣ къ издателямъ «Собесѣдника» сказано: «держитесь принятаго вами единожды навсегда правила: не воспрещать честнымъ людямъ свободно изъясняться. Вамъ нѣтъ причины страшиться гоненій за истину подъ державою Монархини,

«Qui pense en grand homme et qui permet, qu'on pense» [1]).

Такимъ образомъ, всѣ свободно могли говорить правду о порокахъ общества и находили себѣ пріютъ въ «Собесѣдникѣ». Изъ свидѣтельства самаго журнала мы знаемъ, что въ редакцію «присылались съ легкою и тяжелою почтою изъ всѣхъ концовъ Россіи огромныя кучи разнообразнаго вранья, и что выборъ былъ затруднителенъ для издателей» [2]). Поэтому въ составѣ книжекъ, въ помѣщеніи такихъ именно, а не другихъ статей, мы должны видѣть собственно участіе вкуса и направленія издателей, въ особенности когда имѣемъ дѣло со статьями неизвѣстныхъ авторовъ, принадлежащими, можетъ быть, лицамъ близкимъ къ редакціи. Соображая все это, мы не отдѣляемъ особенно тѣхъ статей, которыя приписываемъ самой кн. Дашковой, а будемъ разсматривать ихъ вмѣстѣ съ другими неподписанными, а иногда даже и подписанными произведеніями, имѣющими тотъ же характеръ, и будемъ слѣдовать порядку разныхъ предметовъ, которые разсматриваются въ этихъ статьяхъ.

Кромѣ «Посланія къ слову *такъ*» и краткихъ замѣтокъ въ другихъ статьяхъ, сильную тираду противъ ласкательства находимъ въ статьѣ: «Моя записная книжка» [3]). Здѣсь передается мнѣніе одного человѣка, котораго пріятель называетъ мизантропомъ. Вотъ это мнѣніе: «вельможа, украшенный титлами и чинами, болѣе ни о чемъ не помышляетъ, какъ сохранить только ту пышность и великолѣпія, которыя его окружаютъ, и удовольствовать свои страсти, какими бы средствами то ни было. Не погнушается онъ унижать себя всячески предъ вышними, дабы имѣть послѣ удовольствіе оказывать равномѣрную гордость низшимъ, а тѣ, подражая его примѣру, льстятъ его высокомѣрію, для того, чтобы удовольствовать собственныя свои пристрастія. Богатства и чины, будучи первымъ предметомъ желаній вашихъ, препятствуютъ вамъ почитать природныя дарованія. Дабы пріобрѣсти благосклонность вельможи, какимъ ласкательствамъ, какимъ низкостямъ не должно себя

[1]) Epitre de Voltaire à Catherine II.
[2]) «Соб.», ч. III, стр. 149.
[3]) Ibid., ч. XIII, ст. IV.

подвергнуть?.. Потому-то не тѣ занимаютъ мѣста, которые своимъ дарованіемъ и знаніемъ удобны ко исполненію, но тѣ, которые имѣли случай, способность и терпѣніе пріобрѣсти себѣ покровителей» [1]). Въ другихъ статьяхъ говорится нерѣдко съ насмѣшкою о разныхъ *милостивцахъ*, а въ статьѣ «Картины моей родни» [2]) выведена тетушка, которая говоритъ: «кто родню забываетъ, а особенно знатную, въ томъ нѣтъ уже Божіей благодати», и за то, что племянникъ рѣдко ѣздитъ къ ней *покланяться*, называетъ его «беззаконникомъ и даже антихристомъ».

Все это такія черты, которыя и донынѣ не утратили своего значенія. Онѣ рѣзко характеризуютъ тѣ грубыя понятія, тотъ жалкій образъ поведенія, который произошелъ у насъ отъ смѣшенія стариннаго невѣжественнаго барства съ новымъ чиновничествомъ. Какъ во всемъ почти, у насъ тогда и въ этомъ дѣлѣ обратили вниманіе только на внѣшность. Перестали гонять собакъ и жирѣть въ бездѣйствіи въ глуши деревень своихъ, стали служить дворяне со временъ Петра I; но чувство долга, сознаніе того, что они обязаны именно *служить*, а не считаться на службѣ, и служить для того, чтобы быть полезными отечеству, а не для своихъ выгодъ,— это сознаніе было еще недоступно даже большей части вельможъ того времени. Службу считали средствомъ для полученія чиновъ, для пріобрѣтенія богатства, и потому, вмѣсто того, чтобы служить, всѣ только прислуживались. а потомъ, выбравшись въ люди, сами начинали важничать и требовать, чтобы предъ ними унижались другіе. И выслужившійся вельможа пускался опять въ древнее барство, только менѣе, чѣмъ прежде, простодушное, а болѣе требовательное и нахальное. Противъ этого тщеславія внѣшними отличіями «Собесѣдникъ» тоже бросилъ мимоходомъ нѣсколько словъ, показывая, какъ они ничтожны и какъ часто бываютъ незаслужены.

Съ благороднымъ жаромъ говоритъ объ этомъ фонъ-Визинъ въ письмѣ своемъ по поводу отвѣтовъ на его вопросы. «Мнѣ случалось по землѣ своей поѣздить», говоритъ онъ. «Я видѣлъ, въ чемъ большая часть носящихъ имя дворянина полагаетъ свое любочестіе. Я видѣлъ множество такихъ, которые служатъ или паче занимаютъ мѣста въ службѣ для того, что ѣздятъ на парѣ. Я видѣлъ множество другихъ, которые пошли тотчасъ въ отставку, какъ скоро добились права впрягать четверню. Я видѣлъ отъ почтеннѣйшихъ предковъ презрительныхъ потомковъ,—словомъ, я видѣлъ дворянъ раболѣпствующихъ» [3]). Въ «Челобитной Россійской Минервѣ» фонъ-Визинъ такъ же рѣзко говоритъ о многихъ вельможахъ, которые, «пользуясь Высочайшей милостію, достигли до знаменитости, сами не будучи весьма знамениты, возмечтали о себѣ,

---

1) «Соб.», ч. XIII, стр. 38, 39.
2) Ibid., ч. XI, ст. V.
3) Ibid., ч. V, стр. 147.

что сіяніе дѣлъ, Минервою руководствуемыхъ, происходитъ якобы отъ искръ ихъ собственной мудрости, ибо, возвышаясь на степени, забыли они совершенно, что умы ихъ суть умы жалованные, а не родовые, и что по штатнымъ спискамъ всегда справиться можно, кто изъ нихъ и въ какой торжественный день пожалованъ въ умные люди». Подобную замѣтку находимъ въ статьѣ: «Путешествующіе» [1]. «Многіе изъ знатныхъ и богатыхъ — говоритъ авторъ — мыслятъ, что если кто не причастенъ благъ слѣпого счастія и щедротъ Плутуса, тотъ недостоинъ съ ними сообщенія; а тѣ, которые уже совсѣмъ въ бѣдномъ состояніи, тѣ имъ кажутся не имѣющими на себѣ подобнаго имъ человѣчества» [2]. Примѣръ тому, какъ достигается эта знатность, представляетъ намъ злая сатира «Повѣствованіе глухого и нѣмого»,—въ 4-й части «Собесѣдника». «Сосѣдъ нашъ — тамъ сказано — имѣлъ у двора ближняго свойственника и нелицемѣрнаго друга. Сія знаменитая особа былъ дворцовый истопникъ Касьянъ Оплеушинъ, получившій свое прозвище по данной ему отъ гофъ-фурьера оплеухѣ за то, что однажды печь закрылъ съ головнею. Я думаю, однакожъ, и всегда былъ того мнѣнія, что гофъ-фурьеръ поступилъ на сію крайность послѣдуя болѣе своему первому движенію, нежели правосудію, ибо Оплеушинъ былъ такой мастеръ топить печи, что тѣ, для которыхъ онъ топилъ, довели его своею протекціею наконецъ и до штабъ-офицерскаго чина» [3].

Люди, получавшіе чины и мѣста такимъ образомъ, не могли безкорыстно исполнять своихъ обязанностей, и оттого между чиновниками господствовали продажность, плутовство, приказныя увертки, направленныя къ преступному искаженію,—для своихъ выгодъ,—существующихъ законовъ. Это обстоятельство тоже не укрылось отъ сатирической наблюдательности сотрудниковъ «Собесѣдника», и въ немъ встрѣчаемъ нѣсколько горячихъ нападковъ на корыстолюбіе, нѣсколько рѣзкихъ картинъ, представляющихъ намъ, какъ велико было зло въ это время. Въ «Записной книжкѣ» разсказанъ слѣдующій случай. Авторъ заѣзжаетъ къ сосѣду своему Аггею и застаетъ у него какого то капрала, которому сосѣдъ разсказываетъ, что онъ, капралъ, законный и правильный наслѣдникъ пятидесяти душъ крестьянъ; но — прибавилъ онъ — «понеже ты человѣкъ неимущій и не знающій законовъ, то я, сжалися на твое состояніе, соглашаюсь у тебя купить сіе имѣніе, и ежели ты дашь мнѣ на оное купчую, то сначала даю тебѣ 50 рублей, а ежели выхлопочу дѣло, то еще 100 прибавлю. Нововыисканный сей наслѣдникъ, который и самъ не зналъ своего благополучія, благодарилъ ему и обѣщалъ купчую совершить. Я не налюбовался

---

[1] «Соб.», ч. XI, стр. 126.
[2] Ibid.
[3] Ibid., ч. IV, стр. 125.

на великодушіе моего сосѣда, который сими способами нажилъ уже изрядное имѣніе». Затѣмъ приходитъ одинъ приказный и показываетъ, какъ вывелъ онъ родословную какого-то Елисея, который уступаетъ пустошь сосѣду Аггею, и доказалъ, что Елисей «по мужескому колѣну двоюроднаго его брата внучатный племянникъ». «Ничего нѣтъ легче — прибавляетъ онъ — какъ вывести оное въ родословной и показать его законнымъ наслѣдникомъ, хотя, между нами будь сказано, и есть правильнѣе его наслѣдники, но они объ этой землѣ совсѣмъ не знаютъ, и намъ легко будетъ ихъ утаить или написать мертвыми; когда же купчая совершится, и они про то свѣдаютъ, то пусть просятъ и отыскиваютъ законнымъ порядкомъ, а между тѣмъ какъ въ справкахъ и выпискахъ пройдетъ лѣтъ десятка два-три, то можете вы весь лѣсъ вырубить и продать, а луга отдавать въ наемъ и ежегодно получать съ нихъ втрое больше доходу, нежели вы за всю дачу заплатите» [1]).

Подобныя вещи дѣлались въ Петербургѣ. О томъ, что происходило въ провинціяхъ, даютъ понятіе слѣдующія строки изъ 4-й части «Собесѣдника». — «Другой сосѣдъ нашъ былъ титулярный совѣтникъ Язвинъ, знаменитаго подъячаго рода. Онъ купилъ воеводское мѣсто въ Кинешмѣ за 500 рублей, т. е. за тогдашнюю обыкновенную таксу воеводскихъ мѣстъ среднихъ городовъ. Всякое время имѣетъ свои чудеса. Нынѣ часто деревни въ города обращаются; тогда нерѣдко города преображались въ деревни. Городъ Кинешма подпала подъ сей несчастный жребій. Лишь только Язвинъ въ него прибылъ, казалось, что въ него сама язва ворвалась. Въ первое еще лѣто его благополучнаго воеводствованія уже во всемъ уѣздѣ богатіи обнищаша и взалкаша. Въ два года опустошеніе сдѣлалось въ томъ краѣ всеобщее; наконецъ услышано стало моленіе убогихъ, и на смѣну Язвина присланъ былъ изъ Петербурга воеводою коллежскій ассесоръ Исай Глупцовъ. Между тѣмъ Язвинъ купилъ деревню въ нашемъ сосѣдствѣ и въ нее переселился» [2]). Замѣчательно, что здѣсь не оставлена безъ вниманія эта послѣдняя черта, характеризующая ловкость тогдашнихъ плутовъ увертываться изъ рукъ правосудія. Казалось бы, правительство увидѣло безчестные поступки воеводы, признало его недостойнымъ оставаться при прежней должности, и за всѣ его преступленія онъ долженъ понесть заслуженное наказаніе; но нѣтъ! онъ выходитъ въ отставку и преспокойно переселяется въ грабежемъ пріобрѣтенную деревню наслаждаться наворованнымъ добромъ. Къ сожалѣнію, нельзя не замѣтить, что эта черта подмѣчена слишкомъ вѣрно. Конечно, не безъ намѣренія также сказалъ авторъ, что на мѣсто *Язвина* присланъ былъ *Глупцовъ*. Это напоминаетъ стихи изъ сатиры Капниста:

---

[1]) «Соб.», ч. XIII, стр. 29—31.
[2]) Ibid., ч. IV, 129 («Повѣствованіе глухого и нѣмого»).

Куда ни кинь, такъ клинъ: тотъ честенъ, такъ глупецъ;
Другой уменъ, такъ плутъ, ханжа, обманщикъ, льстецъ [1]).

Въ сатирѣ этой, не пользующейся у насъ извѣстностью, которой бы заслуживала, и изъ которой поэтому я рѣшился сдѣлать нѣсколько выписокъ, находимъ также нѣсколько стиховъ противъ взятокъ. Авторъ говоритъ о своемъ пріятелѣ *Драчѣ:*

Драчъ совѣсть выдаетъ свою за образецъ,
А Драчъ такъ истцовъ дралъ, какъ алчный волкъ овецъ.
Онъ былъ моимъ судьей и другомъ быть мнѣ клялся,
Я взятки дать ему, не знавъ его, боялся;
Соперникъ мой его и зналъ, и самъ былъ плутъ,
Разграбя весь мой домъ, призвалъ меня на судъ.
Напрасно бралъ себѣ законъ я въ оборону,
Драчъ правдой покривить умѣлъ и по закону.
Тогда пословица со мной сбылася та,
Что хуже воровства честная простота:
Меня жъ разграбили, меня жъ и обвинили
И вору заплатить безчестье осудили.

Любопытна также слѣдующая замѣтка въ 12-й части «Собесѣдника»: «дядя мой мѣшался въ ученость и иногда забавлялъ себя чтеніемъ древней исторіи и миѳологіи, оставляя указы, которые онъ читалъ не для того, чтобы употреблять ихъ оградою невинности, но чтобы, силу ябеды присоединяя къ богатству своему, расширять своего владѣнія земли, что̀ онъ весьма любилъ, — и для того-то любилъ паче всего читать римскую исторію. Насильственнымъ завладѣніемъ чужаго находя онъ великое сходство въ себѣ съ Римскою имперіею, почиталъ потому себя древнимъ Римляниномъ» [2]).

Не приводимъ здѣсь нѣсколькихъ мелкихъ замѣтокъ о томъ же предметѣ, потому что и изъ приведенныхъ, кажется, можно хорошо видѣть, какъ живо, умно и смѣло нападалъ «Собесѣдникъ» на сутяжничество и взяточничество, и изъ этихъ нападеній можно заключать, какъ сильно распространенъ былъ у насъ этотъ порокъ. Неудивительно, что многіе сердились и возставали на издателей за подобныя обличенія; но они имѣли тогда щитъ, отражавшій всѣ нападенія. Сама Императрица ободряла сатириковъ своимъ примѣромъ, и они умѣли этимъ воспользоваться. Замѣчательно, что, несмотря на всю силу и ѣдкость нѣкоторыхъ статей «Собесѣдника», на нихъ нѣтъ жалобъ порочныхъ людей, которые себя въ нихъ узнавали; но за то очень много помѣщалось въ «Собесѣдникѣ» писемъ, въ которыхъ разныя лица жаловались на «Были и Небылицы», осмѣявшія ихъ. Видно, что редакція, зная автора ихъ, недоступнаго никакимъ осужденіямъ, нарочно помѣщала подобныя письма въ своемъ журналѣ, чтобы, такимъ образомъ, оградить отъ нареканій и свой образъ дѣйствія въ этомъ случаѣ.

---

[1]) «Соб.», ч. V, стр. 162.
[2]) Ibid., ч. XII, стр. 19 («Карт. моей родни»).

Обличая плутовство и корыстолюбіе чиновниковъ, «Собесѣдникъ» преслѣдовалъ и всякій обманъ, всякій нечистый поступокъ, приносящій вредъ матеріальному благосостоянію ближняго. Особенно подверглись его негодованію люди, не платящіе долговъ своихъ и мотающіе на чужой счетъ. Во 2-й книжкѣ напечатано коротенькое письмо г. *Рѣдкобаева*, который проситъ издателей «написать что-нибудь такое, чтобы принудило молодчиковъ да и родителей ихъ платить долги» [1]). Въ отвѣтѣ ему говорится, что, дѣйствительно, не платить долговъ нечестно, и что притомъ это вредитъ торговлѣ, потому что купцы, по необходимости, пропавшія суммы въ долгахъ наверстываютъ на покупателяхъ, возвышая цѣну на товаръ. Вслѣдъ затѣмъ напечатана статья подъ заглавіемъ: «*Покорно прошу прочесть*», въ которой разсказывается исторія *одного человѣка*, который разорился для своего милостивца, былъ имъ принимаемъ какъ свой и долго пользовался его ласками. Но когда дѣло пришло до платежа денегъ и разорившійся кліентъ напомнилъ ему о деньгахъ, которыя тотъ долженъ былъ заплатить, то милостивецъ заперъ для несчастнаго свои двери и оставилъ его на произволъ кредиторовъ, которые захватили все его имѣніе и пустили его по міру. Другой несчастный, замѣшанный въ эти же долги, попалъ въ тюрьму и приговоренъ былъ къ ссылкѣ; но — заключаетъ бѣднякъ разсказъ свой—«великодушіе общаго нашего милостивца, большаго боярина, участь его облегчило. Онъ взялъ его на выкупъ и возмечталъ, что онъ тѣмъ долгу человѣколюбія и правосудія удовлетворилъ совершенно» [2]).

Въ 9-й части «Собесѣдника» помѣщены «Записки Разнощика», который описываетъ, какъ онъ собиралъ долги свои. «Обходивъ нѣсколько домовъ для сбора должныхъ мнѣ денегъ, въ иномъ завтраками отпотчивали; въ другомъ отослали до будущаго понедѣльника, въ третьемъ не доложили госпожѣ за болѣзнію, которая приключилась ей оттого, что птичка ея вылетѣла изъ клѣтки и любимая собачка переломила ножку; однимъ словомъ, вмѣсто 300 рублей, которые считалъ я тотъ день получить, 13 рублей мнѣ отдалъ тотъ изъ должниковъ моихъ, который бы скорѣе извиненъ былъ въ неисправности, ибо онъ всѣхъ прочихъ бѣднѣе» [3]).

Вообще, всякій обманъ, предательство, вѣроломство встрѣчали сильное обличеніе въ «Собесѣдникѣ». Этого касаются отчасти даже «Были и Небылицы»; но гораздо сильнѣе говорятъ противъ того другія статьи. Въ 14-й части помѣщенъ цѣлый разсказъ «Клеантъ», въ которомъ выведенъ человѣкъ, обманывавшій своего друга ложною преданностью и между тѣмъ клеветавшій на него.

Въ сатирѣ Капниста есть стихи:

---

1) «Соб.», ч. II, стр. 54.
2) Ibid., стр. 64.
3) Ibid., ч. IX, стр. 10.

Злохват бѣжитъ ко мнѣ, прижавъ къ груди, цалуетъ
И благодѣтелемъ и другомъ именуетъ,
Клянется, что онъ всѣмъ пожертвовать мнѣ радъ,
И клятвами остритъ коварной злобы ядъ.
Онъ рвется, мучится, отчаяньемъ мятется,
Пока конца моей онъ жизни не дождется [1]).

Въ 4-й части находимъ общее обвиненіе; отецъ говоритъ сыну: «я испыталъ, что обращеніе свѣтское и служба за собою влечетъ предательство, ухищренія, зависть, злоключенія и самое умерщвленіе духа» [2]).

Видно, что въ самомъ дѣлѣ, понятія объ истинной чести и честности были весьма мало тогда развиты въ нашемъ обществѣ: иначе, трудно объяснить себѣ такое невольное обвиненіе, особенно въ устахъ отца, поучающаго сына своего на путь жизни.

Какъ самый отвратительный видъ двоедушія, ханжество и пустосвятство также вызвали порицанія и насмѣшки въ «Собесѣдникѣ». Нельзя не сказать, что насмѣшки эти очень удачны и остроумны. Въ нихъ схвачены черты очень рѣзкія и въ самомъ дѣлѣ поразительныя. Напр., въ «Повѣствованіи глухого и нѣмого» честный воевода Язвинъ характеризуется еще слѣдующею чертою: «однажды укралъ онъ изъ нашего табуна 12 лучшихъ лошадей и на другой день со всею своею окаянною семьею на тѣхъ же краденыхъ коняхъ отправился въ Ростовъ Богу молиться» [3]).

Въ «Картинахъ моей родни» постная тетушка хвалитъ своего брата за то, что онъ не жжетъ восковыхъ свѣчъ дома. «Ужъ нынѣ люди до чего дошли—говоритъ она—что не только равняются, но хотятъ перевысить иконы. Я и имъ, свѣтамъ, по разбору ставлю. Иныя у меня бѣлаго (воска) и въ праздники не видятъ, а и желтымъ такъ же таки пробавляются». Эта богомольная старушка оказываетъ особенное расположеніе одному племяннику, который «заслужилъ сіе равною съ ней охотою замаливать то, что вмѣстѣ согрѣшатъ, а послѣ опять нагрѣшить, чтобы имѣть удовольствіе замаливать» [4]). Эта же почтенная старушка старается поддержать гнѣвъ своего брата на слугъ, «несмотря на то, что она лишь съ церкви отъ вечерни пріѣхала» [5]). Эти слова замѣчательны для насъ потому, что они показываютъ въ авторѣ статьи свѣтлый взглядъ на истинное благочестіе. Не въ исполненіи пустыхъ обрядовъ, но въ чистой любви къ человѣчеству поставляется здѣсь угожденіе Богу. И эта мысль не случайно попадается здѣсь. Она встрѣчается очень во многихъ статьяхъ «Собесѣдника», и почти въ каждой книжкѣ можно найти или положительное провозглашеніе обязанностей человѣколюбія и сострадания, или сильное обличеніе

---

[1]) «Соб.», ч. V, стр. 166.
[2]) Ibid., кн. IV, стр. 116.
[3]) Ibid., ч. IV, стр. 129.
[4]) Ibid., ч. XIV, стр. 164, 166.
[5]) Ibid., ч. XII, стр. 22.

жестокосердія, презрѣнія къ ближнимъ и грубыхъ проявленій эгоизма. Не представляя разсужденій «Собесѣдника», возьмемъ нѣсколько отрывковъ, которые могутъ дать понятіе о лицахъ, какія описаны въ немъ, и какія, конечно, бывали у насъ въ то время.

Въ первой же книжкѣ «Собесѣдника» помѣщена статья «Пріятное путешествіе», въ которой разсказывается, между прочимъ, слѣдующій эпизодъ. Къ одному богачу, во время богатаго обѣда въ его загородномъ домѣ, является бѣдная женщина, которой мужъ былъ благодѣтелемъ этого богача. Увидавъ ее въ окошко, хозяинъ началъ роптать на безпокойство, которое ему причиняютъ бѣдные люди. Когда же она пришла, то онъ на всѣ мольбы о помощи ей и малолѣтнимъ дѣтямъ ея отвѣчалъ сухо, что помочь ей не можетъ, что издержки его и безъ подаянія велики. Такимъ образомъ, отказавъ ей, онъ еще оскорбилъ ее названіемъ нищей, замѣчаетъ авторъ. «Преисполненный омерзѣніемъ, авторъ вышелъ и уже къ недостойному тому богачу болѣе не возвращался» [1]). Затѣмъ слѣдуетъ еще нѣсколько рѣзкихъ обличеній на бездушныхъ богачей. Нѣсколько такихъ выходокъ есть также въ статьѣ «Путешествующіе» [2]), при разсказѣ одного подобнаго случая. Какой-то несчастный, будучи въ Лондонѣ, обратился здѣсь къ своему министру, въ надеждѣ, какъ у земляка и человѣка, найти у него прибѣжище; «но знатный мой, ополчася своимъ величіемъ, бѣдняка и до лица своего не допустилъ». Бѣднякъ принужденъ былъ наняться въ матросы на одномъ суднѣ, чтобы имѣть возможность возвратиться въ отечество [3]).

Въ 13-й части есть статья «Приключеніе», которой содержаніе состоитъ въ томъ, что проѣзжему, заблудившемуся въ пути, встрѣчается баринъ, возвращающійся съ охоты, и на просьбу о помощи отвѣчаетъ: «мнѣ не до васъ: я, право, не ужиналъ, такъ спѣшу домой». Потомъ встрѣчается дровосѣкъ и приглашаетъ проѣзжаго къ себѣ въ избушку [4]).

Это опять даетъ поводъ автору къ нѣсколько горячимъ словамъ обличенія. Въ 4-й части выведена еще любопытная личность майора Щелчкова «изъ солдатскихъ дѣтей, по женѣ разбогатѣвшаго».—«Лучшая его въ деревнѣ забава состояла въ томъ, чтобы, выбравъ сильныхъ мужиковъ, ставить ихъ на колѣни и щелкать по лбу. Онъ въ семъ искусствѣ такъ отмѣнно былъ силенъ, что во всемъ его селѣ не было лба, у котораго бы онъ однимъ щелчкомъ не отшибалъ памяти» [5]). Этотъ человѣкъ дѣлалъ что хотѣлъ въ уѣздѣ, и на него не было никакого суда; «ибо воевода и съ приписью подъячій, съ женами и дѣтьми, были не что иное,

---

[1]) «Соб.», ч. I, стр. 49—52.
[2]) Ibid., ч. XI, ст. IX.
[3]) Ibid., стр. 127—129.
[4]) Ibid., ч. XIII, стр. 130—135.
[5]) Ibid, ч. IV, стр. 124.

какъ твари, питавшіяся отъ крупицъ, падающихъ изъ майорскаго дома». Кто знаетъ нравы нашего общества того времени, особенно провинціальнаго, тотъ оцѣнитъ справедливость и грустное значеніе этихъ замѣтокъ.

Но ни на что не обращалось въ «Собесѣдникѣ» столькихъ преслѣдованій, какъ на легкое поведеніе тогдашнихъ женщинъ и на слѣпое пристрастіе ко всему французскому. По замѣткамъ современниковъ, по цѣлой литературѣ екатерининскаго времени мы знаемъ, какъ распространены были, дѣйствительно, эти недостатки въ тогдашнемъ обществѣ (60). И это было великое дѣло—возстать на пороки сильные, господствующіе, распространенные во всѣхъ классахъ общества, начиная съ самыхъ высочайшихъ, и чѣмъ выше, тѣмъ больше, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ первому. Смотря на эту сильную, настойчивую борьбу съ главнѣйшими недостатками эпохи, нельзя съ сожалѣніемъ не припомнить нашей литературы послѣдняго времени, которая большею частію сражается съ призраками и бросаетъ слова свои на воздухъ, которая осмѣливается нападать только на то, что не простирается за предѣлы какого-нибудь очень тѣснаго кружка или что давно уже осмѣяно и оставлено самимъ обществомъ. Это тѣмъ болѣе досадно, что съ нынѣшними своими средствами она могла бы сдѣлать гораздо больше для общества, нежели въ то время, когда она сама еще едва выходила изъ пеленокъ (61).

Рѣзкость и безцеремонность выраженій, въ которыхъ описывается въ «Собесѣдникѣ» тогдашній развратъ, можетъ показаться странною и непріятною для утонченныхъ нравовъ нашего времени, которые позволяютъ дѣлать нѣкоторыя вещи, но не позволяютъ говорить о нихъ. Принимая въ уваженіе это обстоятельство и не видя надобности приводить доказательства на столь общеизвѣстный предметъ, мы удержимся здѣсь отъ выписокъ изъ статей, въ которыхъ особенно рѣзко изображаются отношенія тогдашнихъ женщинъ къ мужьямъ, и пр. Въ каждой книжкѣ «Собесѣдника» можно найти непремѣнно насмѣшливое описаніе какой-нибудь четы, или госпожи съ *господчикомъ*, или просто госпожи, излагающей свои понятія объ этомъ предметѣ. Есть также нѣсколько эпиграммъ, въ которыхъ все остроуміе вертится на словѣ *рогатый*. Вотъ, напр., одна для образчика:

Филинтъ искалъ купить хорошую картину,
Изображающу рогатую скотину;
Онъ въ лавку только лишь ступилъ,
То зеркало купилъ [1]).

До какой степени доходило разстройство всѣхъ семейныхъ отношеній, можно видѣть изъ нѣсколькихъ стиховъ въ «Посланіи къ

[1]) «Соб.», ч. III, стр. 38.

слову *такъ*». Здѣсь жена проситъ мужа позволить ей *помахать* (техническое слово тогдашняго времени) для того,

Чтобъ свѣту показать, что мы живемъ *по модѣ*.

Мужъ *по модѣ* потакаетъ ей, и она продолжаетъ:

Mon cœur très obligé.
Вѣдь вѣрность наблюдать, конечно, préjugé?
И вѣрность въ женщинѣ не глупости ли знакъ?
Тутъ мужъ ей говоритъ: такъ, маменька, такъ, такъ [1]).

Въ этой же части помѣщено, будто бы полученное издателями, письмо отъ одной дамы, жалующейся на своего мужа, который не даетъ ей *махать*. «У него такія идеи премудреныя — говоритъ она—онъ совсѣмъ не слушаетъ резону, а еще умнымъ человѣкомъ считается. Я ему тысячу примѣровъ насказала, да онъ мнѣ отвѣчаетъ тѣми же глупостями. Я не знаю, что мнѣ съ нимъ дѣлать. Онъ, конечно, видитъ, что въ хорошихъ сосіететахъ за порокъ не почитаютъ махать отъ скучныхъ мужей, и что, напротивъ, такихъ женщинъ вездѣ хорошо принимаютъ; а ежели бы маханье было порокъ, то бы, всеконечно, ихъ въ хорошихъ домахъ не ласкали. Но со всѣмъ тѣмъ мужъ мой все при старыхъ капризахъ остается [2]).

Такимъ образомъ, видно, что развратъ вошелъ въ обычай, въ моду и даже считался признакомъ образованности. Многіе тогда не женились только потому, что «c'est du bon ton — быть холостымъ», какъ сказано въ другой статьѣ [3]). Слѣдовательно, модѣ этой подражали равно мужчины и женщины.

Въ «Собесѣдникѣ» есть нѣсколько статей, собственно посвященныхъ этому предмету. Таково письмо, изъ котораго приведена выписка [4]), «Исповѣданіе жеманихи» [5]), «Прогулка» [6]), «Маскарадъ» [7]). Кромѣ того, много замѣтокъ разсѣяно мимоходомъ въ другихъ статьяхъ. Даже «Были и Небылицы», въ которыхъ никакъ нельзя ожидать разсказовъ о подобныхъ предметахъ, касаются ихъ нерѣдко [8]). Впрочемъ, нельзя не отличить въ этихъ нападеніяхъ двухъ сторонъ: одна—на самое дѣло, и это насмѣшки, очень невинныя и снисходительныя,—другая—на тѣ средства, которыми хотятъ привлекать къ себѣ—на щегольство, *прикрасы личныя*, и пр. Это нападенія жестокія и нещадныя. Видно, атмосфера до того была заражена, что даже лучшіе люди не могли вполнѣ понять гадости самаго порока и смотрѣли на него какъ на вещь очень обыкновенную и неважную въ сущности, заслуживающую

---

1) «Соб.», ч. III, стр. 31.
2) Ibid., ч. I, стр. 84, 85.
3) Ibid., ч. II, стр. 20.
4) Ibid., ч. I. ст. XVI.
5) Ibid., ч. VIII, ст. XII.
6) Ibid., ч. VI, ст. XV.
7) Ibid., ч. XI, ст. XVII.
8) Ibid., ч. II, стр. 150—154: ч. V, стр. 142—145; ч. VII, стр. 130—133.

порицанія только смотря по формѣ, въ которой она проявляется. Изъ всѣхъ статей «Собесѣдника» видимъ, что тогда развратъ женщинъ осуждали только съ одной точки зрѣнія — за то, что здѣсь находили обманъ. Сущность же дѣла казалось очень милою, привлекательною и вовсе не беззаконною. Доказательствъ можно найти тысячу въ литературѣ того времени: въ сочиненіяхъ Державина, Богдановича, фонъ-Визина, Майкова, Екатерины, и пр., даже въ статьяхъ «Собесѣдника», даже въ тѣхъ самыхъ статьяхъ его, которыя вооружаются противъ «развращенія». Въ первой книжкѣ «Собесѣдника» помѣщена идиллія «Вечеръ», въ которой разсказывается встрѣча пастуха, вечеромъ, въ рощѣ, со спящею, разметавшеюся пастушкою [1]). *Идиллія* эта не отличается большою скромностію и напоминаетъ Богдановича въ сценѣ задуманнаго самоповѣшенія Душеньки. Вѣроятно, это и нравилось тогда. Каковы были требованія тогдашнихъ барынь отъ мужчины, видно отчасти изъ одного намека въ «Записной книжкѣ». Двѣ женщины восхищаются однимъ молодымъ человѣкомъ, и на вопросъ: что онѣ нашли въ немъ хорошаго? одна отвѣчаетъ: «ахъ, неужто ты того не примѣтила? посмотри, пожалуй, какой ростъ...» «Онъ головою выше моего мужа», пресѣкла другая [2]). Взглядъ на самую любовь былъ совершенно чувственный. Вотъ, напримѣръ, для доказательства начало оды *Къ любви*, изъ «Собесѣдника»:

О ты, что *чувства въ насъ питаешь,*
Томишь и услаждаешь кровь,
Пріятну страсть въ сердца вливаешь,
О ты, божественна любовь [3])....

Смотря на любовь какъ на волненіе крови, конечно, нельзя было имѣть строгаго взгляда на семейную нравственность.

Но корень всему злу было французское воспитаніе, и на него-то обращена большая часть самыхъ ожесточенныхъ нападеній. Причина этого настойчиваго преслѣдованія объясняется отчасти тѣмъ, что тогдашнее волненіе умовъ во Франціи грозило многимъ и въ политическомъ отношеніи, отчасти же и тѣмъ, что княгиня Дашкова, понимавшая истинную сущность дѣла, естественно должна была негодовать, видя, какъ русскіе люди, знакомясь съ литературой и нравами Франціи, перенимали самое пустое, самое глупое, самое ничтожное, не обращая вниманія на то, что составляло дѣйствительное сокровище, что могло въ самомъ дѣлѣ образовать и облагородить человѣка. Эти двѣ причины, до нѣкоторой степени противоположныя, если разсмотрѣть ихъ внимательно, произвели, однакожъ, одно слѣдствіе: осмѣяніе пустого подражанія французамъ (62). Въ этихъ насмѣшкахъ попадается нѣсколько характер-

---

[1]) «Соб.». ч. I, ст. V.
[2]) Ibid., ч. XIII, стр. 28.
[3]) Ibid., ч. IV, стр. 714.

ныхъ чертъ, которыя могутъ служить любопытнымъ выраженіемъ нравовъ того времени.

Имѣть учителя француза или *мамзель* француженку считалось необходимымъ въ порядочномъ семействѣ. Авторъ статьи «*О воспитаніи*» говоритъ: «нерѣдко случалось слышать, особливо въ замоскворѣцкихъ съѣздахъ или бесѣдахъ: *что ты, матушка, своей мамзели даешь?* — Дарага, праклятая, дарага! да что дѣлать! хочется воспитать дѣтей своихъ благородно: 180 руб. деньгами, да сахару по 5 и чаю по одному фунту на мѣсяцъ ей даю. — И, матушка, я такъ своей больше плачу: 250 руб. на годъ, да домашнихъ всякихъ принасовъ даю довольное число. Правду сказать, за то она уже моетъ кружево мое и чепчики шьетъ мнѣ, да и Танюшу выучила чепчики дѣлать. Нынче, матушка, ужъ и замужъ дочери не выдашь, коли по-французски она говорить не умѣетъ, а вѣдь постричь ее нельзя же. Какъ быть! да я сама-таки люблю французское благородство и надѣюсь, что дочь моя въ грязь лицомъ не ударитъ» [1]). При такомъ воспитаніи, при такихъ руководителяхъ съ первыхъ лѣтъ жизни, основательнаго образованія, разумѣется, нельзя было и ожидать. И вотъ выходили молодая дѣвушка или молодой человѣкъ съ презрѣніемъ къ отечеству, съ безпредѣльнымъ благоговѣніемъ ко всему французскому, съ легкой головой, съ пустымъ сердцемъ, — словомъ, нѣчто въ родѣ соллогубовскаго Ивана Васильевича съ своей матушкой. У дѣвушки тотчасъ является желаніе имѣть petite santé и тратиться свыше состоянія на французскія накладки, шпильки и булавки. Объ этомъ много говорится въ «Собесѣдникѣ», и въ статьѣ «О воспитаніи», и въ другихъ, напримѣръ, въ «Письмѣ нѣкоторой женщины» [2]), при которомъ есть даже примѣчаніе издателей, подсмѣивающееся не надъ безнравственностью его, а надъ тѣмъ, что въ немъ много французскихъ словъ. То же есть въ «Записной книжкѣ» сначала [3]), въ «Подражаніи Англинскому Зрителю» [4]), въ «Прогулкѣ» [5]), въ «Вечеринкѣ» [6]), во «Французской Лавкѣ» [7]), и пр. Не дѣлаемъ выписокъ, потому что и безъ того слишкомъ много выписывали; притомъ, изъ этихъ выписокъ мы узнали бы новаго развѣ только то, что тогда была мода носить дамамъ высокіе каблуки, растрепанные волосы, румяниться и притираться, что были въ употребленіи:

Флеръ, крепъ, лино, цвѣты, и перья, и накладки [8]).

И здѣсь, впрочемъ, зло было слишкомъ сильно, и «Собесѣдникъ»

---

1) «Соб.», ч. II, стр. 16.
2) Ibid., ч. I, ст. XVI.
3) Ibid., ч. XIII, стр. 19—22.
4) Ibid., ч. XV, ст. VI.
5) Ibid., ч. VI, ст. XV.
6) Ibid., ч. IX, ст. VII.
7) Ibid., ч. XI, ст. III.
8) Ibid., ч. XI, стр. 24.

старался только уменьшить, а не истребить его. Въ статьѣ «*О личныхъ прикрасахъ*» онъ прямо сознался, что это есть «необходимо нужное зло» [1]).

Молодой человѣкъ тогдашняго времени, при малѣйшей возможности, отправлялся въ *вояжъ* и прямо направлялъ путь свой въ Парижъ. Въ дорогѣ онъ ограничивалъ свою наблюдательность трактирами, честолюбіе его удовлетворялось названіями сіятельства и свѣтлости отъ трактирной прислуги; любознательность не шла далѣе покроя платья. Въ самомъ Парижѣ изучалъ онъ модныя лавки, гулянья, лоретокъ, и даже спектакли — для того, чтобы знакомиться съ актрисами. Возвращаясь въ отечество, онъ исполнялся горестію, что долженъ со слугами объясняться не по-французски, и что нельзя между невѣждами ввести образованной парижской жизни. Съ полнымъ презрѣніемъ ко всему родному, съ совершеннымъ отсутствіемъ серьезнаго образованія, эти люди были увѣрены, что они обо всемъ могутъ судить очень дѣльно, и потому говорили обо всемъ рѣшительнымъ образомъ, пренебрегая все то, что видятъ дома, а рѣшенія свои считая выше всякой апелляціи, потому что были въ Парижѣ. Такъ «Собесѣдникъ» описываетъ русскихъ путешественниковъ конца прошедшаго вѣка, въ статьяхъ своихъ «О воспитаніи» [2]), «Просвѣщенный Путешественникъ» [3]) и «Путешествующіе» [4]). Къ этому можно прибавить характерную замѣтку мизантропа, изъ «Записной книжки». Молодой путешественникъ— говоритъ онъ—спѣшитъ въ Парижъ, чтобы перенять разныя моды и со вкусомъ одѣваться, въ Римъ —чтобы посмотрѣть на хорошія картины, въ Лондонъ — чтобы побывать на конскомъ ристаніи и на дракѣ пѣтуховъ; но поговорите съ нимъ о правахъ, законахъ и обычаяхъ народныхъ, онъ скажетъ вамъ, что во Франціи носятъ короткіе кафтаны, въ Англіи ѣдятъ пуддингъ, въ Италіи — макароны» [5]).

Такимъ образомъ, немудрено повѣрить, что въ обществѣ царствовали величайшее легкомысліе, пустота и полное невѣжество въ отношеніи ко всѣмъ вопросамъ науки и литературы. Просвѣщенный путешественникъ говоритъ, что онъ не крестьянинъ, чтобы ему интересоваться успѣхами сельскаго хозяйства и задачами политической экономіи; что онъ не будетъ составителемъ календарей, чтобы ему заниматься математикой и физикой; что онъ не секретарь, чтобы тратить время на изученіе правъ народныхъ. При господствѣ такого образа мыслей, легко могло произойти то, что утверждаетъ мизантропъ: что если два человѣка съ талантами въ обширномъ городѣ встрѣчаются, то такъ другъ другу обрадуются, какъ двое русскихъ, которые бы въ первый разъ встрѣтились въ

[1]) «Соб.», ч. VI, стр. 172.
[2]) Ibid., ч. II, ст. II.
[3]) Ibid., ч. III, ст. XVIII.
[4]) Ibid., ч. XI, ст. IX.
[5]) Ibid., ч. XIII, стр. 37.

Китаѣ. О невѣжествѣ встрѣчаемъ довольно свидѣтельствъ въ «Собесѣдникѣ». Эти свидѣтельства нужно раздѣлить на два рода: одни относятся къ тѣмъ, которые не хотѣли знать литературы и науки, другія—къ тѣмъ, которые сами пускались въ писательство, но тоже умѣли доказывать свое невѣжество.

Въ отношеніи къ первому роду невѣждъ мы находимъ такого рода данныя. Множество было людей, которые ни о чемъ больше говорить даже не умѣли, какъ только о собакахъ [1]); другіе, имѣя претензію на высшую образованность, посвящали все свое время танцамъ, клавикордамъ или скрипкѣ и разговорамъ о театрѣ [2]), третьи заботились о томъ, «чтобъ издавать наряды своимъ соотечественникамъ» и забавлять компанію разговорами, не заботясь о томъ, правду или нѣтъ говорить придется [3]). Такимъ образомъ, когда дѣло доходило до серьезныхъ вопросовъ, то подобные господа рѣшительно терялись. Въ 11-й части «Собесѣдника» помѣщено письмо одного священника, который говоритъ: «недавно, въ немаломъ благородномъ собраніи, предложенъ былъ, между прочимъ, высокоблагородному важный вопросъ: что есть Богъ?—и по многимъ преніямъ многіе сего общества члены такія опредѣленія сей задачѣ изыскивали, что не безъ сожалѣнія можно было примѣтить, сколь много подобныхъ симъ найдется мудрецовъ за то одно незнающихъ святости христіанскаго закона, понеже никакого о немъ понятія не имѣютъ» [4]). Отъ этого безсилія предъ вопросами, требующими серьезнаго размышленія и положительныхъ знаній, развился въ то время и остался, кажется, надолго въ употребленіи у полузнаекъ особенный родъ остроумія, который хорошо очерченъ въ стихахъ г. XX*** [5]):

Не мыслить ни о чемъ и презирать сомнѣнье;
На все давать тотчасъ свободное рѣшенье;
Не много разумѣть, о многомъ говорить;
Быть дерзку, но умѣть продерзостями льстить;
Красивой пустошью плодиться въ разговорахъ,
И другу и врагу являть пріятство въ взорахъ;
Блистать учтивостью, но чтя пренебрегать;
Смѣяться дуракамъ и имъ же потакать;
Любить по прибыли, по случаю дружиться;
Душою подличать, а внѣшностью гордиться;
Казаться богачемъ, а жить на счетъ другихъ;
Съ осанкой важничать въ бездѣлицахъ самихъ,
Для остраго словца шутить и надъ закономъ,
Не уважать отцомъ, ни матерью, ни трономъ;
И, словомъ, лишь умомъ въ поверхности блистать,
Въ познаніяхъ одни только цвѣты срывать;
Тотъ узелъ разсѣкать, что развязать не знаемъ—
Вотъ остроуміемъ что часто мы считаемъ.

---

[1]) «Соб.», ч. I. ст. XX.
[2]) Ibid., ч. II, стр. 18.
[3]) Ibid., ч. III, стр. 175, 183.
[4]) Ibid., ч. XI, стр. 157.
[5]) Ibid., ч. III, стр. 115. («Модное остроуміе».)

Но у кого недоставало душевной наглости и для того, чтобы хоть такъ отдѣлываться отъ вопросовъ, тотъ просто не допускалъ ихъ въ свою голову. А дѣлалось это очень просто. Прибѣгали для этого къ карточной игрѣ [1]), къ сплетнямъ [2]), къ вину [3]). Иные отъ праздности придумывали еще лучшее занятіе. Напримѣръ, въ «Картинахъ моей родни» тетушка для развлеченія принимается ругать слугъ, а мужъ ея, опасаясь, чтобы послѣ того, какъ она всѣхъ перебранитъ, и ему не досталось, помогаетъ супругѣ нападать и «продолжаетъ всячески гнѣвъ ея на слугъ, спасительный для него» [4]). Нѣкоторые, отъ нечего дѣлать, занимались гаданьемъ на картахъ [5]), придавая, впрочемъ, ему серьезное значеніе. Если еще и теперь можно встрѣтить вѣрующихъ этому гаданью, то въ то время ихъ, конечно, было несравненно больше, судя по образчикамъ тогдашняго суевѣрія въ другихъ родахъ Тогда, напримѣръ, не вѣрили врачебной наукѣ и считали грѣхомъ лѣчиться: объ этомъ говоритъ «Собесѣдникъ». Въ четвертой части находимъ разсказъ о человѣкѣ, который ожесточенъ былъ противъ лѣкарствъ и еще болѣе утвержденъ въ своемъ предубѣжденіи отцомъ игуменомъ на Перервѣ, куда онъ ѣздилъ молиться Богу, — «его преподобіе имѣлъ такое мнѣніе, что всякій докторъ долженъ быть неминуемо колдунъ, и что весь корпусъ медиковъ есть не что иное, какъ сатанино сонмище, попущенное гнѣвомъ Божіимъ на пагубу человѣческаго рода» [6]).

Общество, столь мало или столь превратно развитое умственно и нравственно, не могло, разумѣется, отличаться сочувствіемъ къ литературѣ, — и это не разъ замѣчено было въ «Собесѣдникѣ», какъ дѣло весьма постыдное. Въ «Вечеринкѣ» является одинъ господинъ, который на вопросъ, читалъ ли онъ «Душеньку», отвѣчалъ: «не читалъ и не видалъ». — «Какъ не видали»? — «Я думалъ, что ее когда-нибудь сыграютъ». — «Да это не драма, а сказка въ стихахъ». — «А мнѣ сказывали, что это комедія». — «Надобно знать — прибавляетъ авторъ — что господинъ этотъ выдаетъ себя за человѣка просвѣщеннаго, за любителя наукъ и художествъ» [7]). Въ письмѣ къ Капнисту сказано прямо, что «публика наша еще не очень охотно читаетъ россійскія стихотворенія (63): «Душенька» и многія другія сочиненія въ стихахъ лежатъ въ книжныхъ лавкахъ не проданы, тогда какъ многіе переведенные романы печатаются четвертымъ тисненіемъ. Посему стихотворцы наши не могутъ еще безъ покровителей надѣяться на одобреніе публики» [8]).

---

[1]) «Соб.», ч. XIII, стр. 23, 25.
[2]) Ibid., ч. III, стр. 143, 145; ч. VI, стр. 183.
[3]) Ibid., ч. IV, стр. 129.
[4]) Ibid., ч. XII, стр. 20.
[5]) Ibid., ч. IX, стр. 242—246.
[6]) Ibid., ч. IV, стр. 130.
[7]) Ibid., ч. VII, стр. 245.
[8]) Ibid., ч. I, стр. 75.

Въ послѣдней книжкѣ «Собесѣдника» описанъ одинъ любитель чтенія, который заставляетъ своего дворецкаго читать себѣ книги, а самъ въ это время спитъ, по прочтеніи же отмѣчаетъ своей рукой на книгѣ: *прочтена.* «Зачѣмъ же вы это подписываете»? спрашиваютъ его. «А чтобы въ другой разъ не читать книги», наивно отвѣчаетъ онъ [1]).

Но, выставляя на посмѣяніе подобныхъ читателей, «Собесѣдникъ» не оставляетъ въ покоѣ и писакъ, которые пускались въ литературу, особенно тѣхъ, которые писали по-русски французскимъ складомъ. «Собесѣдникъ» самъ иногда помѣщалъ у себя для смѣху подобныя произведенія; но дорого стоила авторамъ ихъ честь попасть въ этотъ журналъ. Надъ ними долго нещадно смѣялись, разбирая по ниточкѣ уродливыя фразы ихъ. Особенно досталось двумъ авторамъ: «Любослову», который помѣстилъ въ «Собесѣдникѣ» свою критику [2]) на первую часть его, мелочную, правда, но большею частію справедливую, и потомъ «Начертаніе о россійскомъ языкѣ» [3]), и еще автору одного письма къ сочинителю «Былей и Небылицъ», приложившему при этомъ письмѣ и свое предисловіе къ исторіи Петра Великаго [4]). Перваго осмѣяли за мелочную придирчивость и за напыщенность выраженія, второго — за то, что, «пишучи по-русски, думалъ по-французски», и написалъ свое предисловіе совершенно по-французски, только русскими словами. За это особенно нападаетъ «Собесѣдникъ», и дѣло это, дѣйствительно, было важно для литературы. Даже Карамзинъ жаловался, какъ извѣстно, на то, что русскому писателю негдѣ взять образца для своего языка, потому что всѣ образованные люди говорятъ по-французски. Обычай этотъ, усиливаемый французскимъ воспитаніемъ и, въ свою очередь, поддерживавшій его жалкое вліяніе, былъ особенно распространенъ въ то время, и нельзя не отдать должной справедливости издателямъ «Собесѣдника» за стараніе противодѣйствовать этому злу. Осмѣивая неумѣстное употребленіе французскихъ фразъ въ обществѣ, они тѣмъ сильнѣе осмѣивали тѣхъ, которые съ подобною привычкой принимались писать по-русски. Объ одномъ изъ подобныхъ сочиненій «здравомыслящій человѣкъ» говоритъ: «мнѣ кажется, все сіе написано по-французски русскими словами; если вамъ угодно, я переведу все сіе сочиненіе на французскій языкъ, и, возвратя оное въ первобытное состояніе, оно болѣе смысла имѣть будетъ, нежели теперь въ русскихъ словахъ оно содержитъ. Авторъ же этотъ, хоть верхомъ или инако во французскомъ шарѣ летать будетъ, пока по-русски не выучится, русскимъ сочинителемъ не будетъ» [5]).

---

[1]) «Соб.», ч. XVI, ст. X.
[2]) Ibid., ч. II, ст. XI.
[3]) Ibid., ч. VII, ст. XV.
[4]) Ibid., ст. XIX.
[5]) Ibid., ч. IX, стр. 12, 13.

Плохимъ стихотворцамъ тоже доставалось отъ «Собесѣдника» особенно въ эпиграммахъ. Вотъ одна изъ нихъ:

Глупоновъ написалъ и прозу и стихи,
Чтобъ всякому читать за тяжкіе грѣхи.
Хоть грѣшниковъ и есть на свѣтѣ очень много,
Но ихъ наказывать не должно слишкомъ строго.

На плохихъ риѳмотворцевъ нападаетъ и Капнистъ въ своей сатирѣ, сожалѣя, что можно прекратить злодѣйства страхомъ наказаній, но никакъ нельзя стихотворцевъ заставить «безъ смысла не гремѣть» —

Не ставить на подрядъ за деньги гнусныхъ одъ
И рыломъ не мутить кастальскихъ чистыхъ водъ.

А что подобныхъ писакъ было и тогда очень довольно, свидѣтельствуетъ «Искреннее сожалѣніе объ участи издателей «Собесѣдника», въ которомъ сказано: «присылаемые къ вамъ разноманерные пакеты, запечатанные то пуговкою, то полушкою, правда, наполнены стихотвореніями, но по скольку добрыхъ стиховъ на сто худыхъ? Я увѣренъ, что не находится тутъ ниже по шести на сто указныхъ процентовъ» [1]). Письмо сочинено, очевидно, въ редакціи, и потому его увѣренность можно принять за положительное показаніе.

«Собесѣдникъ» открываетъ намъ еще одно странное явленіе тогдашней литературы. Были люди, которые нанимали другихъ, чтобы написали для нихъ сочиненія, которыя они потомъ издавали подъ своимъ именемъ. Этотъ обычай, какъ видно, тоже принесенъ изъ Франціи, гдѣ онъ получилъ освященіе отъ знаменитаго Ришелье. Фактъ этотъ разсказывается въ статьѣ: «Счастливое излеченіе зараженнаго болѣзнію сочинять» [2]). Статья незначительна сама по себѣ; содержаніе ея взято изъ одного анекдота, помѣщеннаго еще въ «Письмовникѣ» Курганова (64). Оно состоитъ въ томъ, что двое молодыхъ людей вздумали увѣрять своего пріятеля, что онъ слѣпъ, и для того среди темной ночи, когда онъ спалъ, подняли споръ объ одномъ словѣ, котораго будто бы не могли разобрать въ одной тетради. Проснувшись отъ шума, онъ спросилъ, о чемъ они спорятъ, и они попросили его разобрать, что тутъ написано. Онъ сказалъ, что безъ огня не видитъ; они начали смѣяться надъ нимъ и увѣряли, что теперь день. Такимъ образомъ, онъ увѣрился, что ослѣпъ. Разница между разсказомъ «Письмовника» и «Собесѣдника» та, что тамъ друзья рѣшаются настращать пріятеля за богохульство, въ которомъ онъ упражнялся съ вечера, а здѣсь за то, что онъ оскорбляетъ божество Таліи, осмѣливаясь писать комедіи по заказу одного господчика, который,

---

[1]) «Соб.», ч. III, стр. 152.
[2]) Ibid., ч. X, ст. X.

побывавъ въ Парижѣ (какъ видно, это было въ глазахъ издателей необходимое условіе глупости), слылъ между дворянами великимъ умникомъ, да и отъ мѣщанъ тоже хотѣлъ получить дань поклоненія своему генію.

Мы разсмотрѣли большую часть нравоучительныхъ статей «Собесѣдника», въ которыхъ являются сколько-нибудь живыя личности, сколько нибудь дѣйствительная жизнь. При этомъ мы не брали во вниманіе всѣмъ извѣстныхъ произведеній Державина, фонъ-Визина, Богдановича и пр., которыя могутъ еще дополнить картину тогдашнихъ нравовъ, представленную въ «Соб.». Нельзя не видѣть, что въ этихъ статьяхъ болѣе выводится на сцену дурная сторона нравовъ, и за это нельзя осуждать «Собесѣдника». Еще въ наше время испыталъ неудачу въ созданіи идеальныхъ русскихъ лицъ писатель, которому равнаго, конечно, не представитъ прошедшее столѣтіе въ нашей литературѣ. А между тѣмъ, наше время уже далеко не то, что тогдашнее. Тогда, какъ видимъ изъ «Собесѣдника» же, старинные предразсудки, невѣжество, грубость сердца, суевѣріе, боярская спѣсь упорно еще боролись противъ просвѣщенія, насильно вторгающагося въ русскую жизнь. Но остановить распространеніе свѣта они не могли, и молодое поколѣніе жадно бросилось перенимать французскій умъ, французскіе нравы и переняло, разумѣется, настолько, насколько можно перенимать умъ и нравы. Все было искажено, все перешло въ однѣ пошлыя, заученныя формы безъ души, потому что все вниманіе обращали только на внѣшность, не думая о томъ, что подъ нею скрывается. Да и самая внѣшность эта была непонята и, поразивъ сначала удивленіемъ непривычныхъ людей, скоро потомъ переходила къ намъ въ чудовищныхъ искаженіяхъ. Такъ, французская свобода обращенія въ переложеніи на наши нравы сдѣлалась семейнымъ развратомъ, французская веселость—шутовствомъ, ихъ легкомысліе и беззаботность — презрѣніемъ ко всякимъ серьезнымъ занятіямъ, ихъ насмѣшки надъ предразсудками —кощунствомъ, тѣмъ болѣе отвратительнымъ, что оно у насъ не имѣло никакого внутренняго основанія въ личныхъ убѣжденіяхъ. Словомъ, что у француза было естественно, чѣмъ онъ былъ по своей природѣ, тѣмъ русскій хотѣлъ сдѣлаться чрезъ подражаніе и, такимъ образомъ, считая правиломъ для себя то, что было только невольнымъ движеніемъ подвижной природы француза, разумѣется, впадалъ въ крайности, и достоинство обращалъ въ недостатокъ, а недостатокъ—въ отвратительный порокъ. Если, остепенившись потомъ, образованный по тогдашнему русскій принимался за дѣло, за службу, то выходило еще хуже. Изъ всего французскаго ученія онъ понималъ, конечно, легче всего то, что уничтожало предразсудки, которымъ онъ прежде вѣрилъ; но, взамѣнъ этихъ предразсудковъ, философія того времени не давала ему никакихъ принциповъ, къ которымъ бы могъ привязаться, которые бы могъ полюбить сердцемъ и мыслію человѣкъ, такъ мало приготовленный къ философскимъ отвлеченностямъ,

какъ были тогда офранцузившіеся русскіе. Плоды многолѣтнихъ, тяжелыхъ размышленій, идеи, добытыя вѣковыми горькими опытами и разочарованіями, пролетали черезъ головы нашихъ *господчиковъ* въ нѣсколько дней и, непереваренныя, часто непонятыя или понятыя навыворотъ, оставляли только въ сердцѣ пустоту, а въ головѣ — нѣсколько новыхъ фразъ, которыя, при первомъ же случаѣ, и пускались въ оборотъ, безъ убѣжденія и безъ сознанія. Такимъ образомъ, они оставались совершенно мертвымъ капиталомъ для своихъ владѣльцевъ, не сообщая имъ убѣжденій чести и добра, а только освобождая ихъ отъ страха, въ которомъ держали ихъ прежнія вѣрованія. Нечего говорить о томъ, каковъ долженъ былъ сдѣлаться въ жизни человѣкъ, потерявшій всякій страхъ передъ какимъ-нибудь судомъ внѣшнимъ и не имѣющій благородства внутренняго. Самый грубый, самый гадкій эгоизмъ дѣлался пружиною всѣхъ дѣйствій, и расплодились люди такого рода, какіе описаны въ стихахъ *Модное остроуміе.* Все это горькое переходное время тяжело отразилось на русскомъ обществѣ, и нельзя не отдать чести «Собесѣднику», по крайней мѣрѣ, за то, что онъ понялъ нелѣпость этого положенія и старался выводить на общее посмѣяніе, какъ упорное старинное невѣжество, такъ и пустоцвѣтъ французской цивилизаціи, столь дурно усвоенный у насъ тогдашними молодыми людьми. Если не прежде всѣхъ, то сильнѣе всѣхъ возсталъ онъ на употребленіе французскихъ фразъ въ русскомъ разговорѣ, на французское воспитаніе и на обольщеніе одною внѣшностью образованія; первый заговорилъ онъ съ такою энергіею о человѣколюбіи и объ уваженіи достоинства человѣка, осмѣивая жестокость, грубость, презрѣніе къ человѣчеству. Немного предшественниковъ имѣлъ онъ и въ нападеніяхъ своихъ на женскій развратъ и безумную расточительность. Нельзя не согласиться, что стремленія издателей «Собесѣдника» были честны и благородны; во всемъ изданіи нельзя не видѣть печати просвѣщеннаго вкуса и безкорыстнаго желанія добра, которыя всегда отличали княгиню Дашкову, въ ея ученой и литературной дѣятельности.

Что касается до исполненія, то оно, конечно, не имѣетъ тѣхъ достоинствъ, какихъ привыкли мы нынѣ требовать отъ литературныхъ произведеній. Прежде всего не понравится намъ языкъ тогдашній, неустановленный, съ формами старинными и простонародными, съ галлицизмами и сбивчивой орѳографіей (65). Касательно этого обстоятельства есть замѣчанія въ самомъ «Собесѣдникѣ». Любословы критиковали неправильности языка, а въ предисловіи къ этимъ критикамъ, въ то же время, издатели (вѣроятно, сама Екатерина) говорили: «одинъ изъ издателей нижайше проситъ, чтобы дозволено ему было и не всегда исправныя свои сочиненія въ «Собесѣдникѣ» помѣщать, такъ какъ онъ ни терпѣнья, ни времени не имѣетъ свои сочиненія переправлять, а притомъ и не хочетъ никого тяготить скукою поправлять его противъ грам-

матики преступленія» [1]). Въ самомъ дѣлѣ, хотя Императрица прекрасно изучила русскій языкъ, но все-таки это не былъ природный языкъ ея, и она никогда не могла привыкнуть къ сбивчивой его грамматикѣ, почему и признавалась открыто, что грамматики совсѣмъ не знаетъ (66) [2]).

Въ статьяхъ другихъ авторовъ тоже встрѣчаются нерусскіе обороты, странныя нынѣ окончанія, и т. п.; но, сравнительно съ общей массой литературныхъ произведеній того времени, статьи «Собесѣдника» большею частію были написаны удивительно чистымъ и легкимъ языкомъ. Дурнымъ изложеніемъ отличаются только статьи, надъ которыми самъ же «Собесѣдникъ» смѣется. Таковы—одно письмо къ автору «Былей и Небылицъ», «Начертаніе» Любослова. Начертаніе это, впрочемъ, смѣшно только напыщенностью длинныхъ періодовъ во вступленіи и заключеніи; изъ самаго же изложенія дѣла видно, что авторъ его серьезно занимался изслѣдованіями филологическими. Такъ, онъ приводитъ болѣе сотни словъ, сходныхъ въ русскомъ и латинскомъ языкахъ, и доказываетъ, что оба эти языка произошли отъ одного корня, что рѣзко отличаетъ его отъ тогдашнихъ филологовъ, которые были помѣшаны на заимствованіяхъ одного языка изъ другого и часто производили все отъ славянскаго. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, впрочемъ, и Любословъ приближается къ тому же, доказывая, что славянскій древнѣе латинскаго, потому что въ латин. есть *suadeo*, какъ одно слово, а у насъ оно является въ своихъ корняхъ—съ+вѣтъ, равно какъ слова *donec*=до+нелѣ, solidus=со+литъ (какъ-бы *слитой*),—и пр., и потому, что у насъ есть первоначальныя формы словъ, которыя въ лат. являются въ формѣ уже распространенной, напримѣръ, око = *oculus*, небо = nebula, грачъ=graculus, и пр. На этихъ немногихъ словахъ Любословъ основываетъ свое мнѣніе о древности славянскаго языка, простирающейся далѣе двухъ тысячъ лѣтъ [3]). Въ критикѣ своей Любословъ дѣлаетъ много вѣрныхъ замѣтокъ, напримѣръ, возстаетъ противъ употребленія окончанія глаголовъ на *ти* вмѣсто *ть*, противъ неправильныхъ удареній въ стихахъ, противъ невѣрной разстановки словъ, противъ подобныхъ фразъ: «изболъ глаза», «отверзивъ двери», «ты пишешь въ сказкахъ поученій», «отроч*а* рожд*енъ*», и пр. Замѣтимъ, что Державинъ, впослѣдствіи исправляя свои стихотворенія, принялъ во вниманіе нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній.

Кромѣ этихъ произведеній, въ «Собесѣдникѣ» были еще слѣдующія статьи, относящіяся къ языку: «Сумнительныя предложенія одного невѣжды, жалающаго пріобрѣсть просвѣщеніе», гдѣ онъ

---

1) «Соб.», ч. II, стр. 103.
2) Ibid., ч. VII, стр. 137.
3) Ibid., ч. VII, ст. XV.

дѣлаетъ нѣсколько замѣтокъ на «Фелицу» и на нѣкоторыя другія стихотворенія, помѣщенныя въ 1-й части «Собесѣдника». Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ его критикѣ, Державинъ и Богдановичъ представляли свои опроверженія, которыя оставили автора критики совершенно въ дуракахъ. Напримѣръ, онъ замѣчаетъ, что нельзя сказать *нѣжить чувства*. Державинъ отвѣчаетъ: «если нѣтъ у г. Невѣжды прекрасной женщины, которая бы пріятными своими объятіями нѣжила его осязаніе, то не благоволитъ ли онъ приказать себя кому хорошенько ожечь или высѣчь. Когда сіе ему сдѣлаетъ хотя небольшую боль, то, вѣроятнѣе всѣхъ ученыхъ доказательствъ, изъ собственнаго своего опыта познаетъ онъ, что оскорблять чувства, слѣдовательно и нѣжить—можно» [1]). Вѣроятно, испуганный такимъ тономъ, невѣжда болѣе не являлся въ «Собесѣдникѣ» съ своими сомнѣніями. По поводу предисловія къ «Исторіи Петра Великаго», написано прошеніе къ гг. издателямъ, чтобы они не отягощали публику сочиненіями, которыя писаны языкомъ неизвѣстнымъ; въ прошеніи есть и разборъ нѣкоторыхъ фразъ, несогласныхъ съ духомъ русскаго языка [2]). Въ той же книжкѣ «Собесѣдника» помѣщено письмо, представляющее наборъ какихъ-то словъ безъ смысла, въ видѣ пародіи на сочиненія Любослова [3]). Въ послѣдней книжкѣ, послѣдней статьей помѣщено мнѣніе о раздѣленіи россійскихъ согласныхъ буквъ въ разсужденіи правописанія *з* и *с* [4]). Здѣсь рѣшено то, что нынѣ и принято, т. е., чтобы предъ твердыми писать *з*, а предъ мягкими *с*. Только странно, что здѣсь твердыя (б, д) называются мягкими, а мягкія (п, т) наоборотъ твердыми. Есть еще въ 1-й части маленькая замѣтка о правописаніи слова *драма*.

Болѣе значительны статьи фонъ-Визина: «Опытъ россійскаго сословника» [5]), съ отвѣтомъ на критику его противъ Любослова [6]) и «О древнемъ и новомъ стихотвореніи», Богдановича [7]). Эти произведенія, впрочемъ, такъ извѣстны, что о нихъ нѣтъ нужды говорить здѣсь, тѣмъ болѣе, что статьи фонъ-Визина заключаютъ только опредѣленія словъ, а статьи Богдановича состоятъ почти изъ однѣхъ выписокъ стиховъ Ломоносова.

Изъ произведеній, имѣющихъ предметомъ своимъ литературу, можно еще остановиться на письмѣ «Именотворителя» [8]). Авторъ доказываетъ здѣсь важность именъ въ повѣстяхъ, особенно чувствительныхъ. «Одно имя *Аоннимія* и *Мемонидъ*—говоритъ онъ—въ изобильныя слезы нѣжную красавицу или сладкосердаго мо-

---

1) «Соб.», ч. IV, стр. 13.
2) Ibid., ч. VIII, ст. IV.
3) Ibid., ч. VIII, ст. X.
4) Ibid., ч. XVI, ст. X.
5) Ibid., ч. I, ст. XXIX; ч. IV, ст. X, стр. 8.
6) Ibid., ч. III, ст. XI.
7) Ibid., ч. II, ст. XVIII; ч. III, ст. II; ч. V, стр. 3; ч. VIII, ст. II.
8) Ibid., ч. XIII, ст. II.

лодца повергнетъ». Если же «сочинитель безъ вкуса станетъ описывать злосчастнѣйшія приключенія, но называетъ героевъ своихъ Брандышевыми, Брандаусовыми и Клонтубасовыми, то впечатлѣніе теряется, и хотя никто оспорить не можетъ, что Брандаусовъ и Клонтубасовъ имѣютъ столько же права быть несчастными, какъ какого бы имени христіанинъ ни былъ» [1]).

Для избѣжанія этого неудобства, Именотворитель предлагаетъ свои услуги, такъ какъ онъ набралъ до семисотъ французо-русскихъ именъ для романовъ да для ученыхъ сочиненій триста именъ, содержащихъ каждое не менѣе тринадцати буквъ, чрезъ что въ читателѣ возбуждаются довѣренность и уваженіе. Много именъ также собрано и для стиховъ, и, притомъ, они такъ остроумно сложены, что, по требованію стиха, можно и выпустить или прибавить слогъ совершенно незамѣтно. Важность именъ доказывается здѣсь, между прочимъ, и тѣмъ, что есть много комедій, въ которыхъ всю соль составляютъ имена, изображающія собою характеръ лицъ.

Такимъ образомъ, еще въ 1784 году находимъ мы насмѣшки надъ тѣмъ, противъ чего принуждена была вооружаться наша критика въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія и что отъ времени до времени и теперь появляется въ нѣкоторыхъ разсказахъ и комедіяхъ. И въ этомъ случаѣ «Собесѣдникъ» далеко опередилъ свое время.

Но, разсматривая до сихъ поръ свѣтлую сторону «Собесѣдника», мы еще не видѣли недостатковъ, составляющихъ его темную сторону. Недостатки эти происходили отъ неустановившихся еще убѣжденій въ самихъ писателяхъ, отъ нѣкотораго стѣсненія обществомъ, которое было еще неприготовлено понимать ихъ чистыя стремленія, и отъ недостатка послѣдовательности самимъ себѣ. Вообще, въ характерѣ тогдашней литературы была какая-то двойственность, какая-то нетвердость въ однажды начатомъ пути. Изобразивъ глупца, авторъ считалъ обязанностью рядомъ съ нимъ поставить и умнаго, который бы объяснялъ и поправлялъ глупости перваго; осмѣявъ ябеду, считали нужнымъ замѣтить, что собственно судьи полезны и даже необходимы, но только честные судьи, и т. п. Видно, что и публика еще требовала назиданій, да и авторъ не надѣялся на свои силы и хотѣлъ разсужденіями дополнить то, что опустилъ при изображеніи характера. Подобныхъ разсужденій, оговорокъ, восклицаній много есть и въ «Собесѣдникѣ». Есть цѣлыя статьи, предлинныя и прескучныя, дидактическаго направленія. Иногда онѣ облекались даже въ аллегорическую форму, въ которой, разумѣется, становились еще скучнѣе. Таковы двѣ статьи: «Египетская повѣсть» [2]) и «Новѣйшее путе-

---

[1]) «Соб.», ч. XШ, стр. 10.
[2]) Ibid., ч. II, ст. IV; ч. VI, ст. II; ч. X, ст. II.

шествіе во сновидѣніи» [1]), В. Левшина. Первая разсказываетъ путешествіе царевича *Нинея*, внука царицы *Идеи* (въ которой нетрудно узнать Екатерину), въ разныя страны, для того чтобы отыскать, гдѣ обитаютъ божества Правды, Человѣколюбія, Мужества и Мудрости. Путешествіе описано очень неискусно и даже, если въ немъ были какіе-нибудь современные намеки, то теперь нѣтъ возможности понять ихъ. «Египетская повѣсть» сама опасается, чтобы не навести на читателей *египетской скуки*, и, нужно сказать, опасеніе ея сбывается совершенно.

«Новѣйшее путешествіе» описываетъ нравы лунныхъ жителей и содержитъ престранныя размышленія объ эѳирѣ, о силѣ тяготѣнія и пр. Въ авторѣ видно желаніе доказать преимущество патріархальнаго, немудрствующаго о жизни, народа предъ нами, зараженными новѣйшимъ просвѣщеніемъ. Въ изложеніи довольно ясно проскальзываютъ непонятыя идеи Руссо. Одинъ старикъ разсказываетъ Нарсиму-путешественнику о своей жизни и сообщаетъ ему свои понятія, которыя Нарсиму и самому автору кажутся совершеннѣйшими. «Мы вѣруемъ во Всевышнее Существо — говоритъ старикъ — любимъ другъ друга, занимаемся земледѣліемъ и скотоводствомъ; прочія же науки, которыя стали было выдумывать люди, не любящіе трудовъ, отвержены. Кто пустится въ разныя выдумки, тому мы не даемъ ѣсть, и голодъ всегда заставляетъ его образумиться. Законовъ никакихъ мы не имѣемъ, потому что естественный довольно твердъ въ душахъ нашихъ; природа же наша, стараніемъ правителей семействъ, осталась еще въ той первобытной чистотѣ, въ какой развернулась въ первомъ человѣкѣ». Затѣмъ, для параллели, идетъ разсказъ о землѣ, на которую путешествовалъ одинъ изъ лунныхъ жителей, Квалбоко. Сущность разсказа состоитъ въ томъ, что все на землѣ дурно, что различіе между дикими народами и просвѣщенными маловажно: «дикіе производятъ то̀ наглостію, что просвѣщенные дѣлаютъ искусствомъ».

Послѣ этого слѣдуютъ еще два отрывка изъ путешествія, не имѣющіе никакой связи. Въ одномъ говорится о египетскихъ божествахъ и іероглифахъ, въ другомъ описываются путешествіе Квалбоко по Россіи и его восторгъ и изумленіе при видѣ необыкновенно разумнаго и благодѣтельнаго устройства этого государства подъ державою премудрой Монархини.

Обыкновенными дидактическими разсужденіями наполнены статьи: «Утро», «Полдень», М. X., «Сокращенный катихизисъ честнаго человѣка», «Объ истинномъ благополучіи», «Письмо изъ Карасубазара», «Письмо о великодушныхъ чувствованіяхъ», Богдановича, «Письмо отца и сына», сообщенное Яковомъ Дол., «Подражаніе Англинскому Зрителю», «Нѣкоторыя разсужденія о смѣхѣ»; отчасти также статьи: «Пріятное путешествіе», К—ва, «Путешествующіе», и др. (67). Сюда же можно бы отнести «Поученіе» фонъ-

[1]) «Соб.», ч. XIII, ст. X; ч. XIV, ст. II; ч. XV, ст. II; ч. XVI, ст. XIV.

Визина; но оно, по своему выраженію, можетъ скорѣе быть названо юмористическимъ произведеніемъ. Не относимъ сюда также и рѣчи Княжнина, сказанной имъ въ Академіи Художествъ, равно какъ и статьи «О системѣ міра», которая имѣетъ свое достоинство въ дѣльномъ изложеніи ученаго предмета.

Мы не будемъ ничего выписывать изъ дидактическихъ статей, потому что новаго въ нихъ ничего нѣтъ: тѣ же самыя стремленія, какія мы уже показали, выражаются и здѣсь, только нравоучительнымъ тономъ, то въ разсужденіяхъ о необходимости добродѣтели, то въ похвалахъ добрымъ людямъ, которые, однако же, очень рѣдко являются въ дѣйствіи живыми, то въ обращеніяхъ къ совѣсти, къ небесамъ, къ Минервѣ Россійской и пр. Всѣ эти статьи очень скучны; лучше другихъ «Разсужденіе объ истинномъ благополучіи» и «Подражаніе Англинскому Зрителю». Совершенно пусты, но любопытны по изложенію статьи: «Письмо Іоанна Пріимкова и «Отъ архангелогородской кумы». Въ послѣднемъ особенно интересна попытка поддѣлаться подъ простонародный языкъ [1]).

Иногда въ разсужденіяхъ авторовъ попадаются довольно странныя мысли, обличающія еще несовершенно просвѣтленный взглядъ или отреченіе отъ своихъ личныхъ убѣжденій по какимъ-нибудь житейскимъ расчетамъ. Такъ, напримѣръ, одна статья удивляется тому, что итальянцы подражаютъ французамъ, и считаетъ это преступленіемъ съ ихъ стороны потому, что Италія владѣла нѣкогда всѣмъ свѣтомъ [2]), какъ будто бы сила оружія и пространство имперіи условливаютъ и высшую образованность... Или: одинъ отецъ побуждаетъ сыновей служить—зачѣмъ же? затѣмъ, что иначе «дѣти отдаваемыхъ нами рекрутъ будутъ нашимъ дѣтямъ командиры» [3]). Дальше этого не простирался просвѣщенный разумъ чадолюбиваго родителя. А между тѣмъ, авторъ выставляетъ его человѣкомъ, достойнымъ уваженія и подражанія. Въ «Письмѣ изъ Карасубазара» старый служивый толкуетъ о дисциплинѣ и, между прочимъ, открываетъ въ ней вотъ какія свойства: «она вливаетъ въ душу воина храбрость и мужество, воспламеняетъ ее любовью къ отечеству, растрогиваетъ въ ней страсти и побужденія къ дѣламъ великимъ и честнымъ, а къ низкимъ даетъ омерзѣніе», и пр. [4]). Конечно, такихъ вещей нехитрому уму не выдумать и въ вѣкъ.

Но что особенно замѣчательно, такъ это постоянное выраженіе глубокаго благоговѣнія къ «Августѣйшей наукъ покровительницѣ, Россійской Минервѣ, Милосердой Монархинѣ», Императрицѣ Екатеринѣ. Нѣтъ почти ни одного произведенія, въ которыхъ бы какъ-нибудь, кстати или некстати — все равно — не выразились чувства благоговѣнія къ Государынѣ. Въ особенности сатирики

---

[1]) «Соб.», ч. XII, ст. X.
[2]) Ibid., ч. X, стр. 125.
[3]) Ibid., ч. VI, стр. 135.
[4]) Ibid., ч. VIII, стр. 13.

отличались этимъ, и даже чѣмъ острѣе, чѣмъ рѣзче была сатира, тѣмъ съ большимъ чувствомъ говорилось въ ней о благодѣяніяхъ, изливаемыхъ на народъ Императрицей, какъ будто бы авторъ хотѣлъ этимъ отстранить отъ себя всякій упрекъ въ *свободоязычіи* и старался заранѣе показать, что онъ предпринимаетъ обличать пороки единственно по желанію добра обществу. Вѣроятно, въ то время находились тоже люди, способные перетолковывать все въ дурную сторону, какъ перетолковали, напримѣръ, вопросы фонъ-Визина...

Но вѣрноподданническія чувства въ прозѣ все-еще не такъ сильно выражались, какъ въ стихахъ. До сихъ поръ мы очень мало говорили о стихотворной части «Собесѣдника», и, кажется, намъ не придется много говорить о ней. Это потому, что одна половина стихотвореній, принадлежащая Державину, Княжнину, Капнисту, Богдановичу, такъ общеизвѣстна и столько разъ была разобрана, что здѣсь и нечего сказать новаго. Другая же половина, принадлежащая неизвѣстнымъ піитамъ, не отличается ничѣмъ особеннымъ, что бы могло надолго остановить на себѣ вниманіе читателей.

Въ библіографическихъ замѣткахъ перечислены всѣ произведенія, принадлежащія извѣстнымъ поэтамъ и напечатанныя въ «Собесѣдникѣ». Здѣсь же можемъ только указать на то, что и тутъ выборъ стихотвореній обличаетъ свѣтлый взглядъ издателя. «Фелица», какъ извѣстно, напечатана безъ вѣдома Державина княгинею Дашковою, — и она осталась однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ стихотвореній во всемъ изданіи. Потомъ изъ «Санктпетербургскаго Вѣстника» перепечатаны были лучшія произведенія его же: «На смерть князя Мещерскаго, «Сосѣду», «На новый 1781 годъ» и др., а не были перепечатаны, напримѣръ, «Пѣснь Петру Великому» или «Пѣсенка отсутствующаго мужа». У Капниста издатели просили его сатиры для напечатанія въ «Собесѣдникѣ», въ исправленномъ видѣ, особымъ письмомъ, напечатаннымъ въ первой же книжкѣ журнала [1]). Изъ стихотвореній Княжнина перепечатаны изъ «Вѣстника» *стансы* «Къ Богу», по теплотѣ чувства и по чисто-христіанскому взгляду на Бога, единственно какъ на высочайшую любовь, стоящіе гораздо выше знаменитой оды Державина. Что касается до Богдановича, то онъ былъ, кажется, присяжнымъ участникомъ журнала и до послѣдной книжки помѣщалъ въ немъ всевозможный вздоръ. «Душенькой» своей онъ пріобрѣлъ такую славу, что съ радостью брали все, выходившее изъ-подъ пера его, и онъ подъ большей частью стихотвореній своихъ выписывалъ всѣми буквами: Ипполитъ Богдановичъ. Два его стихотворенія были въ первой книжкѣ «Собесѣдника» безъ подписи; но и тутъ Богдановичъ не удержался и показалъ, кто онъ, какъ только осмѣлилась критика коснуться въ нихъ нѣкоторыхъ выраженій.

Изъ писателей менѣе извѣстныхъ, помѣщавшихъ свои стихи въ

---

[1]) «Соб.», ч. I, ст. XIV.

«Собесѣдникѣ», особеннаго вниманія заслуживаетъ Козодавлевъ, по легкости своего стиха. Полнымъ его именемъ подписано здѣсь только одно стихотвореніе «На смерть князя Голицына» [1]), да буквами О. К. подписано «Посланіе къ татарскому мурзѣ» (Державину) [2]). Но ему можно приписать достовѣрно еще стихотворенія: «Клеліи» [3]), «Къ другу» [4]), изъ которыхъ послѣднее подписано: авторъ «Пріятнаго путешествія» и стиховъ «Клеліи»; «Пріятное» же «путешествіе» подписано: К—въ. Ему же принадлежитъ, по всей вѣроятности, письмо къ Ломоносову, въ которомъ онъ называетъ Державина своимъ другомъ и говоритъ, что писалъ къ нему посланіе [5]). Ему же принадлежитъ, можетъ быть, и шуточная пьеса «Сновидѣніе», которая напоминаетъ его по стиху и въ которой тоже говорится о «Клеліи» [6]).

Вотъ одна строфа изъ его оды «На смерть Голицына». Въ ней онъ такъ хвалитъ умершаго:

Коварства онъ терпѣть не могъ
И въ вѣкъ не оскверняйся лестью
Къ себѣ во всѣхъ дѣлахъ былъ строгъ,
Наполненъ былъ единой честью,
Несчастныхъ жребій облегчалъ
И никого не могъ обидѣть,
Желалъ людей въ блаженствѣ видѣть
И милосердіемъ дышалъ.

Въ стихахъ «Къ мурзѣ» есть мѣсто, замѣчательное по поэтическому представленію предмета, и потому выпишемъ его здѣсь. Козодавлевъ убѣждаетъ Державина писать стихи, не слушая невѣждъ, которые, можетъ быть, увѣряютъ, что люди дѣльные стиховъ не сочиняютъ.

О стихотворствѣ мысль оттуда ихъ идетъ,
Гдѣ въ вѣчной мрачности невѣжество живетъ.
Есть островъ на морѣ, проклятый небесами,
Заросшій весь кругомъ дремучими лѣсами,
Покрытый искони густѣйшимъ мракомъ тучъ,
Куда не проникалъ ни разу солнца лучъ,
Гдѣ вѣтры вѣчные кипяще море роютъ,
Вода пускаетъ громъ, лѣса, колеблясь, воютъ.
Исчадье мерзкое подземна бога тамъ
Построило себѣ желѣзный, мрачный храмъ.
Невѣжествомъ оно издревле нареченно,
Великимъ божествомъ невѣждами почтенно.
При входѣ въ сей чертогъ два стража вѣчно бдятъ,
Потупя внизъ глаза, со робостью стоятъ
И глупость на челѣ и подлость показуютъ;

---

1) «Соб.», ч. VII, ст. XIV.
2) Ibid., ч. VIII, ст. I.
3) Ibid., ч. VI, ст. VI.
4) Ibid., ч. VI, ст. VII.
5) Ibid., ч. XIII, ст. XI.
6) Ibid., ч. XVI, ст. IX.

Ихъ суевѣріемъ и рабствомъ именуютъ.
На тронѣ изъ свинца невѣжество сидитъ;
И взоромъ внизъ тупымъ недвижимо глядитъ.
Оттуда гадовъ тьма всечастно выползаетъ,
Которая ту мысль повсюду разсѣваетъ,
Что будто смертному считаются стихи
Самой Минервою за тяжкіе грѣхи,
И что съ величествомъ земнымъ владыкъ несходно,
Чтобъ мыслилъ и писалъ ихъ подданный свободно;
А паче правду кто стихами говоритъ,
Надъ тѣмъ ужъ мщеніе жестокое виситъ.
Не слушай ты невѣждъ, возьмись опять за лиру... [1]) и пр.

Въ «Письмѣ къ Ломоносову» Козодавлевъ смѣется надъ торжественными одами и говоритъ, что онѣ уже выходятъ изъ моды. Здѣсь же высказываетъ онъ взглядъ на тогдашнее положеніе стихотворцевъ въ отношеніи къ языку. Онъ говоритъ [2]):

Пусть выбираетъ всякъ предметъ себѣ по волѣ,
Не наполняя стихъ пустымъ лишь звономъ словъ.
Съ Олимпа не трудя безъ нужды къ намъ боговъ.
Иной летитъ наверхъ и бредитъ по славянски,
Другой ползетъ внизу и шутитъ по крестьянски.
И думаютъ они сравнитися съ тобой,
Забывъ, что ихъ стихи лишь только звонъ пустой.

Кромѣ Козодавлева, къ Мурзѣ писали еще нѣсколько піитовъ, которыхъ стихи помѣщены въ «Собесѣдникѣ». Такъ, какой-то Василій Жуковъ (68) написалъ *Сонетъ* къ нему [3]); г-жа М. С. прислала въ «Собесѣдникъ» «Письмо Китайца къ Мурзѣ» [4]), Костровъ тоже написалъ къ нему посланіе [5]).

Во всѣхъ этихъ стихотвореніяхъ, не отличающихся особеннымъ достоинствомъ, хвалятъ Державина не столько за хорошіе стихи, сколько за то, что онъ писалъ безъ лести. Затѣмъ рѣчь обращается къ самой Фелицѣ, и большая половина стихотворенія наполняется восторженными похвалами ея доблестямъ.

Еще болѣе, нежели къ Державину, обращались піиты съ хвалебными пѣснями къ княгинѣ Дашковой, при чемъ, разумѣется, величали и «Россійскую Минерву». Въ 1-й книжкѣ Богдановичъ помѣстилъ разговоръ Минервы съ Аполлономъ, гдѣ Дашкову вводятъ они въ сонмъ музъ [6]). Въ 6-й книжкѣ находимъ стихи М. Х. княгинѣ Дашковой, оканчивающіеся такъ:

Пойте, росски музы, пойте,
Есть наперсница у васъ;
Восхищайтесь, лиры стройте:
Ввѣренъ Дашковой Парнассъ [7]).

---

[1]) «Соб.», ч. XIII, стр. 171.
[2]) Ibid., ч. VIII, стр. 7.
[3]) Ibid., ч. III, ст. VII.
[4]) Ibid., ч. V, ст. I.
[5]) Ibid., ч. X, ст. V.
[6]) Ibid., ч. I. ст. XIII.
[7]) Ibid., ч. VI, стр. 22.

Г-жа М. С. напечатала стансы на учрежденіе Россійской Академіи, въ которыхъ превозноситъ златой вѣкъ Екатерины и называетъ Дашкову честью своего пола и красою музъ [1]). Княжнинъ помѣстилъ здѣсь письмо къ Дашковой, въ которомъ, впрочемъ, по обычаю, хвалитъ болѣе Екатерину, нежели саму Дашкову, и подсмѣивается надъ одами, которыя всегда уподобляли Екатерину райскому крину и въ своемъ восторгѣ, взятомъ взаймы, становили вселенную вверхъ дномъ [2]). Значитъ и тогда уже видѣли приторность, неестественность и неискренность этихъ торжественныхъ похвалъ.

Нѣсколькими стихотвореніями наградилъ «Собесѣдникъ» нѣкто Р.—Д.—Н. (69). Онъ помѣстилъ здѣсь «Цидулку», «Сонетъ» [3]), «Эклогу» [4]), потомъ вдругъ прислалъ письмо, въ которомъ говоритъ, что десять лѣтъ не писалъ стиховъ, а теперь сочинилъ подпись къ монументу Петра Великаго, и потому проситъ помѣстить ее въ «Собесѣдникѣ» [5]). Послѣ того прислалъ онъ еще стихи къ *** и «Эклогу», два стихотворенія, сочиненныя на однѣ и тѣ же заданныя риѳмы [6]). Стишки пустенькіе, за исключеніемъ сонета, въ которомъ (если это только не переводъ) тяжелымъ горемъ отзываются душевныя сомнѣнія. Вотъ мрачное окончаніе сонета:

Коль правосуднымъ жить мы созданы Творцомъ,
То Жизнодавецъ нашъ намъ долженъ быть отцомъ;
Но какъ мы здѣсь живемъ? Повсеминутно страждемъ,
Нашъ духъ отягощенъ и смущены умы;
Мы ищемъ помощи и только тщетно жаждемъ...
Творецъ иль виноватъ, иль заблуждаемъ мы [7]).

Кромѣ этихъ стихотвореній замѣчательно, по благородству и силѣ выраженія, «Посланіе Катона къ Юлію Цезарю» (ч. VIII, ст. V), подписанное буквами Др. (70). Въ началѣ Катонъ съ гордой грустью вспоминаетъ минувшую славу Рима, его героевъ-гражданъ, его Брутовъ, Регуловъ, Камилловъ, потомъ съ жёлчью негодованія нападаетъ на Цезаря за то, что онъ коварно захватилъ власть —

Чтобы отечество себѣ поработить
И на вселенную оковы наложить.

«Ты достигъ этого—говоритъ онъ—но не въ этомъ величіе»:

Внимай, чѣмъ славится великій человѣкъ;
Любя отечество, ему онъ служитъ вѣкъ,
Разитъ враговъ его, пороки истребляетъ,
Законы чтитъ его и вольность охраняетъ.

---

1) «Соб.», ч. IX, ст. IV.
2) Ibid., ч. XI, ст. I.
3) Ibid., ч. VII.
4) Ibid., ч. VIII.
5) Ibid., ч. XI.
6) Ibid., ч. XIV.
7) Ibid., ч. VII, стр. 122.

«А ты только хочешь быть всѣмъ страшнымъ, ты окружаешь себя стражей»

И сонмище убійцъ друзьями почитаешь.
Какіе жъ то друзья, въ которыхъ чести нѣтъ?
Толпа разбойниковъ тебя не сбережетъ.
Когда бъ ты, Римъ любя, служилъ ему, гонитель,
Тогда бы цѣлый Римъ былъ стражъ твой и хранитель;
А ты въ немъ съ вольностью законы истребя,
Насильствомъ, яростью мнишь сохранить себя.
Но гнуснымъ средствомъ симъ ты бѣдъ не отвращаешь,
Самъ больше на себя враговъ вооружаешь.

Не менѣе любопытна ода «На злато» [1]), въ которой рѣзко раскрыты всѣ бѣдствія, происшедшія отъ золота. Въ началѣ міра, когда еще не знали золота, — говоритъ поэтъ,

Тогда еще не возвышались
Чинами, славою пустой,
Еще поля не орошались
Той кровію, что льетъ герой.
Довольствуясь своей судьбою,
Не зрѣлъ владыки надъ собою
Рожденный вольнымъ человѣкъ.
Онъ Богу лишь повиновался,
Которымъ міръ сей основался.
О, коль счастливъ былъ оный вѣкъ!

Когда же открылось золото, и нѣкоторые хитростью завладѣли имъ, тогда другіе также захотѣли его, и — несчастные — «подло предались своимъ врагамъ». Неужели вы такъ безумны? восклицаетъ поэтъ:

Тираны вамъ готовятъ муки,
А вы лобзаете ихъ руки
И ихъ вѣнчаете главы.
Межъ тѣмъ, какъ всякъ изъ нихъ трудится
Отъ васъ себя обогащать,
Печаль на вашихъ лицахъ зрится,
Должны вы съ глада умирать.
Вы стонете и слезы льете
И вашихъ варваровъ клянете,
Что, къ злату лишь питая страсть
И не смягчаясь вашимъ рокомъ,
Презрительнымъ взираютъ окомъ
На злополучну вашу часть.

Ода оканчивается обращеніемъ къ добродѣтели:

Коснися къ намъ лучемъ твоимъ,
Да паки будемъ жить въ равенствѣ,
Въ покоѣ сладкомъ, въ благоденствѣ,
И вѣкъ златой возобновимъ....

Стихи здѣсь нѣсколько шероховаты, но все-таки видно, что это

[1]) «Соб.», ч. III, ст. X.

не подборъ фразъ, какъ всегда было въ торжественныхъ одахъ, а что, напротивъ того, стихотвореніе сильно прочувствовано авторомъ, скрывшимъ, къ сожалѣнію, свое имя.

Послѣ этихъ стихотвореній можно обратить вниманіе въ «Собесѣдникѣ» развѣ на шутливую оду «Къ безсмертію» (ч. X), принадлежащую, кажется, А. С. Хвостову (71), и «Дружескую пѣсню» (въ четвертой части), тоже, можетъ быть, имъ написанную. Вотъ начало оды:

Хочу къ безсмертью пріютиться,
Нанять у славы уголокъ,
Сквозь кучу риѳмачей пробиться,
Связать изъ мыслей узелокъ.
Хочу сварганить кой-какъ оду
И выкинуть такую моду,
Чтобъ былъ ненадобенъ Пегасъ,
Ни Аполлонъ, дѣтина строгій.
Хочу проселочной дорогой,
На долгихъ ѣхать на Парнассъ.

Въ такомъ же тонѣ написана вся ода, выражающая глубокое презрѣніе по всѣмъ правиламъ ложно-классической піитики.

Здѣсь—

.... Сципіонъ, явяся къ бою,
На Аннибала наплевалъ;
Помпея Цезарь въ ухо хлопнулъ,
Отъ Александра Дарій лопнулъ,
Ахилъ туза Гектору далъ....

И обо всѣхъ выраженія таковы: спуску нѣтъ никому.

Въ «Дружеской Пѣснѣ» поется:

Пускай, кто хочетъ, тотъ трудится
Узнать, сколь крѣпокъ Гибралтаръ,
И отчего могъ приключиться
Въ Константинополѣ пожаръ.
Мы умъ свой тѣмъ не отягчаемъ,

мы будемъ пить и веселиться съ друзьями, да прославлять дѣла нашей Монархини. До остальнаго намъ дѣла нѣтъ.

Таковы же пьесы «Старое и новое время» [1]) и «Народный обѣдъ» [2]), поэма въ 70 стихахъ, «Н. М. съ товарищи». Это какъ будто подражаніе «Елисею» Майкова. Вся острота состоитъ въ томъ, что высокія слова эпическихъ поэмъ примѣняются здѣсь къ кулачному бою мужиковъ изъ-за окорока и вина, которое было выставлено для народа, по случаю какого-то торжества.

Къ этому же роду нужно отнести «Баталію», Плавильщикова [3]).

Замѣтимъ еще «Эпитафію женѣ отъ ея мужа» [4]):

---

[1]) «Соб.», ч. XIII, ст. V.
[2]) Ibid., ч. II, ст. VI.
[3]) Ibid., ч. XV, ст. V.
[4]) Ibid., ч. XII, ст. VIII.

На мѣстѣ семъ моя покойная жена
Моимъ стараніемъ была положена.
Ахъ, какъ ей хорошо подъ мраморной доскою,
Для вѣчнаго ея и моего покою.

Затѣмъ остаются еще въ «Собесѣдникѣ» историческія надписи, А. Мейера, въ родѣ слѣдующей—къ Андрею Боголюбскому:

Сей во Владиміръ скиптръ пренесъ отъ града Кія.
Пресѣкли жизнь его Кучковичи презлые.

Или—Симеонъ Гордый:

Взявъ Новгородъ, онъ велъ съ Литовцами войну,
Но язвой въ пагубѣ зрѣлъ Русскую страну.

Остаются еще стихотворенія Муравьева, М. Х., торжественныя оды П. Икосова (72); остаются притчи Д. Хвостова, стихи Прохора Соловьева и другихъ писателей, благоразумно скрывшихъ имена свои отъ потомства. Перечисленіе всѣхъ ихъ относится къ библіографическимъ замѣткамъ (73). Читатель не потребуетъ отъ насъ разбора этихъ произведеній. Довольно и того, что они разъ были напечатаны. Зачѣмъ тревожить гроба мертвыхъ? Скажемъ только, что многія изъ нихъ—въ томъ официіально восторженномъ родѣ, который обличалъ въ піитахъ этихъ короткое знакомство не съ парнасскимъ сонмомъ боговъ и полубоговъ, а съ обычными обитателями лакейскихъ.

Но, и за исключеніемъ этихъ стихотвореній, въ «Собесѣдникѣ», какъ видѣли читатели, найдется много замѣчательнаго въ литературномъ отношеніи. Если въ наше время можно еще перечитывать журналы прошедшаго вѣка, то, конечно, только для того, чтобы видѣть, какъ отразилась въ нихъ общественная и домашняя жизнь того времени, чтобы прослѣдить въ нихъ тогдашнія понятія о важнѣйшихъ вопросахъ жизни, науки и литературы. И въ этомъ отношеніи едва ли какой-нибудь изъ тогдашнихъ журналовъ можетъ удовлетворить нашему любопытству въ такой степени, какъ «Собесѣдникъ». Въ немъ сосредоточивалось все, что составляло цвѣтъ тогдашней литературы; его издатели были люди, стоявшіе по образованію далеко выше большей части своихъ соотечественниковъ; стремленія ихъ клонились именно къ тому, чтобы изобразить нравы современнаго имъ русскаго общества, выставивъ напоказъ и дурное и хорошее. Правда, что и здѣсь встрѣчаемъ мы резонерство и торжественныя оды, стансы, сонеты и пр., воспѣвающіе нещадно своихъ милостивцевъ и прославляющіе *златой вѣкъ* тогдашній; но эти произведенія все-таки, относительно, занимаютъ немного мѣста въ «Собесѣдникѣ». Притомъ же, въ самомъ резонерствѣ издателей нельзя не видѣть, что это—резонерство умнаго человѣка. Да оно объясняется и оправдывается и самымъ состояніемъ русскаго общества въ то время. Въ письмахъ къ издателямъ мы видимъ одинаковыя похвалы и истинно-поэтическимъ произведеніямъ и сочи-

неніямъ дидактическимъ. Видно, что общество не довольствовалось однимъ изображеніемъ порока, а требовало еще указанія на то, что въ немъ именно дурно, и почему, — требовало поддержки и возбужденія для себя въ прямомъ поученіи, которое можно бы было просто принять, не трудясь надъ размышленіемъ и обсуживаніемъ предмета.

Какъ бы то ни было, «Собесѣдникъ» удовлетворялъ требованіямъ своего времени. Мы старались показать, какъ отразилось въ немъ тогдашнее общество русское, старались выставить на видъ главныя стремленія издателей, показать отчасти, какое вліяніе имѣли на ходъ изданія покровительство Екатерины и просвѣщенное участіе кн. Дашковой. Библіографы мало, конечно, найдутъ для себя данныхъ въ этомъ трудѣ; но объ этомъ мы не много и жалѣемъ. Можетъ быть, упрекнутъ насъ еще въ томъ, что слабо обозначено собственно литературное достоинство произведеній. Но худшія и не стоили разбора; лучшія же давно уже оцѣнены, и намъ не хотѣлось повторять того, что прежде и лучше насъ уже сказали другіе. Притомъ, мы смотрѣли на «Собесѣдникъ» какъ на памятникъ болѣе историческій, нежели чисто литературный.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

(1) Н. И. Гречъ, объявивъ въ своей учебной книжкѣ и въ «Чтеніяхъ о русскомъ языкѣ» издателемъ «С.-Петербургскаго Вѣстника» И. Ѳ. Богдановича, ввелъ въ ошибку многихъ изъ послѣдующихъ писателей. То же потомъ повторилось и въ курсахъ литературы у Плаксина («Ист. лит.», стр. 244), у Мизко («Столѣтіе русс. слов.», стр. 157) и др. Митрополитъ Евгеній, въ «Словарѣ свѣтскихъ писателей» (ч. 1, стр. 117. Снегир. изд.), говоритъ, правда, что Богдановичъ только участвовалъ въ изданіи «Вѣстника», въ продолженіе шестнадцати мѣсяцевъ, съ начала изданія: но и этому трудно повѣрить послѣ статьи въ № 7 «Вѣстника» на 1778 годъ «Объ историческомъ изображеніи Россіи», соч. Богдановича, — статьи, которая, несмотря на свою крайнюю умѣренность, возбудила въ немъ жесточайшій гнѣвъ. Оскорбленный авторъ напечаталъ въ № 64 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1778 года отвѣтъ на этотъ разборъ, гдѣ «далъ почувствовать гнѣвъ свой». Издателемъ «С.-Петербургскаго Вѣстника», по свидѣтельству Евгенія, былъ Григорій Брайко, поводомъ же къ ошибкѣ, вѣроятно, послужило то, что другой Богдановичъ—Петръ—дѣйствительно издавалъ другой, «Новый С.-Петербургскій Вѣстникъ» въ 1786 году и издалъ три книжки, вмѣсто обѣщанныхъ двѣнадцати.

(2) Большею частію журналы въ то время продолжались только по одному году, если успѣвали дожить до конца его. Нѣкоторые, являясь и на другой годъ, въ томъ же составѣ, при тѣхъ же издателяхъ, перемѣняли, однако, названіе; напримѣръ, Новиковъ, въ 1769 г. издавалъ «Трутень», въ 1770 — «Смѣсь», въ 1771—«Живописецъ», Рубанъ—въ 1769—«Ни то ни сё», въ 1771—«Трудолюбивый Муравей», въ 1772 — «Старина и Новизна».

(3) Изъ произведеній Державина помѣщены въ «Вѣстникѣ»: 1) Пѣснь «Петру Великому» (1778 г., № 6); 2) Надписи, числомъ шестнадцать, изъ которыхъ двѣ внесены въ «Полное собраніе сочиненій Державина», остальныя же подъ сомнѣніемъ (1779 г., № 2); 3) Пѣсенка отсутствующаго мужа (тамъ же); 4) Ода на смерть князя Мещерскаго (№ 9); 5) Ключъ (№ 10); 6) На рожденіе на сѣверѣ порфиророднаго отрока (№ 12); 7) На отсутствіе Императрицы Екатерины въ Бѣлоруссію (1780 г., № 5); 8) Ода къ сосѣду моему (№ 8); 9) Пѣсенка (тамъ же); 10) Застольная пѣсня, названная въ собраніи сочиненій: Кружка (№ 9); 11) На новый годъ (1781 г., № 1). Большая часть этихъ стихотвореній перепечатана въ «Собесѣдникѣ». Ни одно изъ нихъ не подписано.

Сатира Капниста помѣщена была въ № 6—1780 года и отсюда перепечатана въ «Собесѣдникѣ», съ нѣкоторыми измѣненіями.

(4) Изъ болѣе обширныхъ статей, помѣщавшихся въ «Вѣстникѣ», замѣтимъ: «Объ установленіи патріаршества въ Россіи» (1778 г., № 9); «Описаніе Тибетскаго государства» (1779 г., №№ 3, 4); Краткое извѣстіе о театральныхъ въ Россіи представленіяхъ (№№ 8—10); «О первомъ прибытіи въ Россію англичанъ» (1780 г., № 5); «О происхожденіи и разныхъ перемѣнахъ россійскихъ законовъ» (№№ 9, 10); «Обрѣтеніе пятой части свѣта» (1781 г., № 1); «Раздробленіе и механическое строеніе тѣла человѣческаго» (№ 3). Таковы же большія критическія статьи «О Россіадѣ» (1779 г., № 8) и «О Потерянномъ Раѣ» (1780 г., №№ 6, 7). Кромѣ ученыхъ статей, находимъ здѣсь также и нѣсколько повѣстей, довольно длинныхъ для тогдашняго времени, напримѣръ: «Повѣсть о блаженствѣ» (1778 г., № 12, 1779 г., №№ 1, 3); «Фонгъ Кіангъ, или торжество дружбы» (1779 г., № 2); «Розалія» (1780 г., № 11); «Повѣсть о Палемонѣ и Сильвіи» (1781 г., № 3); «Повѣсть о человѣческой бородѣ» (№ 5). Изъ одного этого указанія видно уже отчасти, какъ было разнообразно содержаніе «Вѣстника».

(5) Изъ «Вѣстника», кромѣ семи стихотвореній Державина, перепечатаны въ «Собесѣдникѣ» многія эпиграммы, сатира Капниста, нѣсколько стихотвореній Княжнина и статья «О правописаніи слова драма».

(6) Довольно полный разсказъ объ этомъ находится, напримѣръ, у Мизко («Стол. рус. сл.», стр. 83, 84); см. также словари Евгенія и Бантышъ-Каменскаго подъ именами Державина, Дашковой и Козодавлева. Подробнѣе же разсказано все это происшествіе въ объясненіяхъ къ сочиненіямъ Державина, Львова (ч. II, стр. 6—9) и въ статьѣ г. Грота о «Фелицѣ и Собесѣдникѣ» («Современникъ» 1845 г., № XI, стр. 120—12).

(7) Во второй книжкѣ «Собесѣдника» (стр. 106 — 117) помѣщено посланіе *Любослова*, содержащее въ себѣ нѣсколько придирчивую критику на первую книжку. Въ третьей же части (ст. IV, стр. 39—43) помѣщено письмо отъ защитника Клировыхъ мыслей, въ которомъ неизвѣстный защитникъ выразился объ издателяхъ такъ, что они сочли нужнымъ замѣтить, что, можетъ быть, онъ писалъ такъ, «не зная, кто они» (стр. 45).

(8) Для библіографовъ выписываю здѣсь плодъ усердныхъ разысканій моихъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1773—1774 годовъ. Первое объявленіе о «Собесѣдникѣ» явилось апрѣля 14-го 1783 г., въ № 30 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Въ № 33, 25 апрѣля, оно было повторено. Въ 38 № (мая 12) помѣщено объявленіе, что первая книжка уже совсѣмъ готова, и потому присланная статья «Египетская повѣсть» не будетъ уже въ ней помѣщена. Мая 19, № 40, объявлено, что первая книжка выйдетъ *завтра*, 20 мая, въ субботу. Въ послѣдующемъ нумерѣ объявлено о дѣйствительномъ ея выходѣ. Вторая книжка вышла 24 іюня («С.-Петербургскія Вѣдомости» 1783 г., № 56). Третья книжка— іюля 28; 4—августа 21, 5—сентября 16, 6—октября 10, 7—октября 28, 8—ноября 21, 9—декабря 22. Такимъ образомъ, въ 1783 году вышло девять книжекъ «Собесѣдника» (а не десять, какъ говоритъ г. Гротъ въ своей статьѣ, на стр. 128). Десятая книжка вышла въ 1783 году января 26, 11 — февраля 20, 12 — марта 22, 13 — апрѣля 23, 14 — мая 21, 15 — іюня 21, 16 — сентября 6.

Въ объявленіи о 13-мъ и 14-мъ № сказано, что они продаются по 80 коп., а всѣ предыдущіе по 1 рублю. Въ объявленіи о 15 № назначено 50 коп., какъ за этотъ №, такъ и за всѣ, прежде вышедшіе. 16-й № тоже объявленъ за 50 коп. Большой промежутокъ времени между двумя послѣдними книжками, которыя при всемъ томъ обѣ очень тощи, показываетъ, что уже въ это время были какія-то обстоятельства, задерживавшія изданіе.

(9) См. Остолопова «Ключъ къ сочиненіямъ Державина», стр. 26; Полевого — «Очерки русской литературы», ч. 1, стр. 15; Греча — «Чтенія о русскомъ языкѣ», ч. II, стр. 384; Савельева — предисловіе къ третьему изданію Державина, стран. XXXVII.

(10) Митрополитъ Евгеній въ Словарѣ своемъ (см. «Дашкова») говоритъ, что въ «Собесѣдникѣ» было помѣщено *много* сочиненій княгини Дашковой и, между прочимъ, рѣчь ея, говоренная при открытіи Россійской Академіи. Это извѣстіе перешло потомъ и въ «Словарь» Бантышъ-Каменскаго (ч. II, стр. 192), и въ книгу г. Мизко (стр. 155) и др. Всѣ они, безъ дальнихъ справокъ, перепечатывали Евгенія.

(11) Не имѣя подъ руками подлинныхъ Записокъ княгини Дашковой (или Дашкавой, какъ тогда писали), я долженъ былъ ограничиваться отрывками изъ нихъ, переведенными въ нашихъ журналахъ: «Москвитянинъ» 1842 г., №№ 1, 2, «Современникъ» 1845 г., № 1. Въ особенности интересенъ для насъ отрывокъ, помѣщенный въ «Современникѣ», потому что въ немъ разсказывается о назначеніи княгини директоромъ Академіи.

(12) Объ изданіи картъ русскихъ губерній говоритъ сама княгиня Дашкова, въ своихъ Запискахъ жалуясь на то, что тогдашній генералъ-прокуроръ, кн. Вяземскій, препятствовалъ ей въ этомъ дѣлѣ, «не присылая бумагъ, которыхъ она требовала, касательно опредѣленія границъ между губерніями» («Совр.» 1845 г., № 1, стр. 28), и даже «задерживая тѣ свѣдѣнія, которыя губернаторы, по ея просьбѣ, препровождали въ Академію» (ib., стр. 31). Въ «Спб. Вѣдом.», во все продолженіе 1783—1784 годовъ, помѣщались объявленія о постепенномъ изданіи картъ почти всѣхъ русскихъ губерній. Продавались эти карты по 55 и 60 коп.

(13) Таковы, напримѣръ, письмо А. Мейера, при посылкѣ историческихъ надписей россійскимъ государямъ кн. I, статья XXX); критика на эти надписи

(кн. II, ст. XV); письмо при посылкѣ сочиненія: «О системѣ міра» (кн. II, ст. XXII); письмо, при которомъ присланы вопросы фонъ-Визина (кн. III, ст. XVI); письмо, приложенное къ повѣствованію мнимаго глухого и нѣмого (кн. IV, ст. X); письмо г. Икосова, при посылкѣ его оды (кн. IV, ст. XI); письмо, содержащее критику на «Систему міра» (кн. IV, ст. XVI); письмо при посылкѣ стиховъ г. Голенищева-Кутузова (кн. V, ст. VII); письмо Любослова о напечатаніи его «Начертанія о россійскомъ языкѣ» (кн. VII, ст. XV); письмо о «Быляхъ и Небылицахъ», съ приложеніемъ предисловія къ «Исторіи Петра Великаго» (кн. VII, ст. XIX); письмо при посылкѣ стансовъ на учрежденіе Россійской Академіи (кн. IX, ст. IV); письмо съ пріобщеніемъ оды «Къ безсмертію» (кн. X, ст. XIII); письмо А. Мейера, въ отвѣтъ на критику его историческихъ надписей (кн. XI, ст. XIV); письмо А. Старынкевича, съ приложеніемъ «Стиховъ къ другу» (кн. XI, ст. XVI); письмо при посылкѣ стиховъ Р—Д—Н. (кн. XIV, ст. V).

(14) Такъ «сумнительныя» предложенія одного невѣжды присланы изъ Шлиссельбурга (ч. IV, ст. III); письмо со стихами Голенищева-Кутузова — изъ Симбирска (ч. V, ст. VII); письмо о дисциплинѣ — изъ Карасубазара (ч. VII, ст. II); письмо при посылкѣ оды «Къ безсмертію» — изъ Крыма (ч. X, ст. XIII); письмо при посылкѣ *притчи* — изъ Клина (ч. XI, ст. VII); письмо священника Старынкевича — изъ Бѣлоруссіи (ч. XI, ст. XV); письмо объ одной ошибкѣ въ «Гамбургскихъ Вѣдомостяхъ» — касательно Россіи — изъ Новгорода (ч. XII, ст. II); отъ Архангелогородской кумы — изъ Архангельска (ч. XII, ст. X). Кромѣ того, много помѣщено писемъ, подъ которыми мѣстность не обозначена. Во всѣхъ высказывается чрезвычайное уваженіе къ «Собесѣднику».

(15) Изъ Москвы прислано письмо о собачникахъ (ч. I, ст. XXII); письмо Рѣдкобаева (ч II, ст. VII); письмо съ приложеніемъ стиховъ Китайца къ татарскому мурзѣ (ч. V, ст. I); г-жи М. С., и ея же письмо при посылкѣ стансовъ на учрежденіе Россійской Академіи (ч. I, ст. IV). Кромѣ того, подписью: «прислано изъ Москвы отъ неизвѣстнаго» отмѣчены два стихотворенія: «Сонъ» (ч. VI, ст. XIV) и «Къ самому себѣ» (ч. VII, ст. XVII).

(16) Письма изъ Звенигорода назывались всегда письмами Звенигородскаго корреспондента и пользовались, какъ видно, уваженіемъ самихъ издателей. Въ «искреннемъ сожалѣніи» объ участи издателей «Собесѣдника» (ч. III, ст. XV), въ числѣ прочихъ средствъ улучшить журналъ и придать ему интересъ, совѣтуется издателямъ дѣятельнѣе продолжать переписку съ Звенигородскимъ корреспондентомъ (ч. III, стр. 153). Изъ писемъ его, первое помѣщено во второй части (ст. II), и заключаетъ вопросъ о воспитаніи; второе, въ III части (ст. XVI), содержитъ нѣкоторыя разсужденія объ истинной и ложной чувствительности. На второмъ письмѣ переписка эта и остановилась.

(17) Вотъ что, напримѣръ, говоритъ о «Собесѣдникѣ» какой-то г. А. Г., въ письмѣ своемъ, напечатанномъ въ 14-й книжкѣ (ст. VI): «Книга ваша есть зеркало, гдѣ порочные видятъ свои пороки, а добродѣтельные находятъ утѣшеніе, усматривая, что, хотя на словахъ, получаютъ возмездіе за свои дѣла; книга ваша есть прутъ, которымъ развращеніе наказывается и очищаются нравы; книга ваша есть изображеніе благоденствія нынѣшняго вѣка и процвѣтанія наукъ. Всѣ благомыслящіе люди читаютъ ее съ удовольствіемъ и утверждаютъ, что стараніемъ какой-то любительницы музъ россійскія словесныя науки придутъ вскорѣ въ такое совершенство, какому удивляемся мы у другихъ народовъ» (стр. 145). Въ письмѣ изъ Карасубазара говорится: «Собесѣдникъ читается уже и въ Карасубазарѣ съ такимъ же, или, можетъ быть, еще съ большимъ вниманіемъ и пріятностью, нежели въ Петербургѣ и Москвѣ. Мы радуемся отъ истиннаго сердца, что новое сіе изданіе, снимая послѣднія съ мыслей человѣческихъ оковы, подаетъ имъ отверстую дорогу для ихъ просвѣщенія» (ч. VII, стр. 8). Священникъ Старынкевичъ пишетъ, что небо послало ему счастіе видѣть первыя 4 книжки «Собесѣдника», и что онъ «съ толикимъ удовольствіемъ листы полезнѣйшаго сего сочиненія прочитывалъ, съ коликимъ утомленный долговременною жаждою изъ чистѣйшаго источника опаленный своей языкъ орошаетъ» (ч. XI, стр. 156). Подобныхъ любезностей много можно найти въ письмахъ къ издателямъ.

(18) См. «Спб. Вѣд.» 1784 г., № 50, іюня 21. Здѣсь помѣщено объявленіе

о выходѣ 15 книжки «Собесѣдника» и приглашеніе прислать свои статьи въ редакцію. Объявленіе о пониженіи цѣны на первыя книжки «Собесѣдника» сдѣлано безъ всякихъ объясненій: просто сказано: «15-ая книжка продается по 50 коп.; по той же цѣнѣ можно получать и всѣ прежде вышедшія». То же повторено и въ № 72, при объявленіи о выходѣ 16 книжки.

(19) Что кн. Дашкова завѣдывала изданіемъ «Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненій», по крайней мѣрѣ въ первые годы, это видно изъ письма Капниста, помѣщеннаго, въ 1790 г., въ 47 части «Н. Е. С.», гдѣ онъ проситъ ее помѣстить въ этомъ журналѣ его отвѣтъ «Пѣвцу Фелицы». Кромѣ того, можно заключать объ этомъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ посланія Николева къ кн. Дашковой («Н. Е. Соч.» ч. 60, 1791 г.). Здѣсь, между прочимъ, онъ обращается къ ней съ слѣдующими стихами:

Составя кругъ ученыхъ думъ,
Ты поощряешь мысль и умъ
Къ обогащенью росска слова...

Въ «Н. Е. Сочиненіяхъ» есть, по общему свидѣтельству біографовъ кн. Дашковой, и нѣсколько собственныхъ ея сочиненій (См. словари — Евгенія, Бантышъ-Каменскаго, энциклопедическіе — Плюшара и Старчевскаго. Впрочемъ, всѣ они списывали показанія м. Евгенія).

(20) Въ своихъ Запискахъ кн. Дашкова говоритъ сама, что она работала для «Собесѣдника» («Совр.» 1845, № 1, стр. 29). М. Евгеній, а за нимъ и другіе говорятъ, что здѣсь помѣщено *много* статей Дашковой. Впрочемъ, узнать ихъ навѣрное довольно трудно. Ниже представлены нѣкоторыя соображенія наши объ этомъ предметѣ.

(21) Въ Запискахъ кн. Дашковой сказано, что «Государыня сама иногда наполняла нѣсколько страницъ журнала». Но, вѣроятно, говоря это, кн. Дашкова не имѣла въ виду «Записокъ о Россійской Исторіи». Кромѣ этихъ Записокъ и «Былей и Небылицъ», въ «Собесѣдникѣ» помѣщены еще слѣдующія статьи, писанныя Екатериною: 1) отвѣты на вопросы фонъ-Визина (ч. III, ст. XVII); 2) отвѣтъ на письмо къ автору «Былей и Небылицъ» (ч. VII, ст. XX); 3) письмо неизвѣстнаго каноника ignorante bambinelli, по поводу того же письма (ч. VII, ст. X); 4) общества незнающихъ ежедневная записка, подписанная: скрѣпилъ извѣстный каноникъ (ч. VIII, ст. VI). Кромѣ того, ей же принадлежатъ, вѣроятно, нѣсколько предварительныхъ словъ къ критикѣ Любослова (ч. II, ст. XIII), и, можетъ быть, «Записки разнощика», подписанныя: Рыжій Фролка (ч. IX, ст. II). Послѣднихъ двухъ статей нѣтъ въ «Полномъ собраніи сочиненій Екатерины», а первыя четыре напечатаны въ III томѣ, какъ-то посреди «Былей и Небылицъ». Тутъ же перепечатано кстати и письмо фонъ-Визина (стр. 53—57); а одно мѣсто изъ «Былей и Небылицъ», ужъ неизвѣстно для какой цѣли, напечатано два раза, на одной и той же страницѣ (стр. 78). Здѣсь же перепечатано, неизвѣстно на какомъ основаніи, похвальное письмо къ Екатеринѣ, по поводу «Былей и Небылицъ», помѣщенное въ «Соб.», на стр. 175—178 VI части, и съ примѣчаніями издателей.

(22) О Козодавлевѣ кн. Дашкова говоритъ въ своихъ Запискахъ: «изъ сотрудниковъ журнала особенно дѣятеленъ былъ молодой адвокатъ Козодавлевъ, помѣщавшій въ немъ и прозу и стихи.» («Совр.» 1845 г., № 1, стр. 30). Изъ сочиненій Козодавлева одно только подписано полнымъ именемъ (ч. VII, ст. XIV); о другихъ соображенія представлены ниже.

(23) Изъ произведеній Богдановича помѣщены въ «Собесѣдникѣ»: 1) о древнемъ и новомъ стихотвореніи (ч. II, ст. XVIII; ч. III, ст. II; ч. V, ст. III; ч. VIII, ст. II); 2) басни: Пчелы и Шмель (ч. I, ст. XIX); Журавли и Комаръ (ч. II, ст. XXI); Слухъ и Видѣніе, и Левъ и Ребята (ч. V, ст. IV); басня на пословицу: воля со мною твоя, а по правдѣ усадьба моя (ч. VI, ст. XII; 3) письмо о великодушныхъ чувствованіяхъ (ч. I, ст. XXVIII); 4) идиллія бѣлыми стихами, перепечатанная откуда-то въ исправленномъ видѣ (ч. II, ст. IV); 5) къ Д. Г. Левицкому (ч. IV, ст. V); 6) къ моему другу (ч. V, ст. IV); 7) стихи на пословицу: не всякая любовь свершается бѣдой (ib.); 8) Гимнъ на бракосочетаніе Великаго Князя Павла Петровича (ч. VII, стр. XXI); 9) Старина ненапе-

чатанная (ч. X, ст. XII); 10) Стансъ къ Л. Ѳ. М. (ч. XI, ст. V); 11) Стансъ къ М. М. Хераскову (ч. XIII, ст. I); 12) Пріятность простой жизни (ч. XVI, ст. XX). Всѣ эти произведенія были подписаны полнымъ именемъ Богдановича и вошли въ собраніе его сочиненій. Кромѣ того, въ первой книжкѣ «Собесѣдника» напечатаны безъ подписи его стихотворенія: 13) «Разговоръ Минервы съ Аполлономъ» (ст. XIV) и «Къ деньгамъ» (ст. XV). Любословъ сдѣлалъ нѣсколько мелкихъ замѣчаній на эти стихотворенія. Богдановичъ, подъ строками, помѣстилъ «возраженія сочинителя» и подписалъ ихъ своимъ именемъ. Несмотря на это указаніе, оба эти стихотворенія, впрочемъ, пропущены въ собраніи сочиненій Богдановича.

(24) Въ «Собесѣдникѣ» помѣщались стихотворенія Державина, особенно въ большомъ числѣ въ первыхъ книжкахъ. Вотъ ихъ перечень: 1) Фелица (ч. I, ст. I). 2) Диѳирамбъ на выздоровленіе покровителя наукъ (ст. IV); 3) Ода на новый годъ (ст. IX); 4) Ода къ сосѣду моему Г. (ст. XX); 5) Ода на смерть князя Мещерскаго (ст. XXI); 6) Стихи на рожденіе на сѣверѣ порфиророднаго отрока (ст. XXIII); 7) Ода на отсутствіе Ея Величества въ Бѣлоруссію (ч. II, ст. I); 8) Ключъ (ч. III, ст. I); 9) Успокоенное невѣріе (ст. III); 10) Благодарность Фелицѣ (ст. XIX); 11) Ода Рѣшемыслу (ч. III, ст. I), подписанная: сочинялъ З... 12) Ода на присоединеніе Крыма (ч. XI, ст. X); 13) Богъ (ч. XIII, ст. XV). Ни одно изъ этихъ произведеній не подписано именемъ Державина. Половина изъ нихъ перепечатана изъ «Вѣстника», потому что (сказано въ примѣчаніи) авторъ исправилъ ихъ. Но поправки эти весьма ничтожны. Такъ, въ Одѣ на смерть князя Мещерскаго измѣнены слѣдующіе стихи:

ВЪ ВѢСТНИКѢ:	ВЪ СОБЕСѢДНИКѢ:
Зоветъ меня отъ жизни онъ	Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ.
Узрѣлъ я только лишь сей свѣтъ	Едва увидѣлъ я сей свѣтъ.
Монархъ и рабъ есть снѣдь червей	Монархъ и узникъ снѣдь червей.
Текутъ какъ въ морѣ рѣчны воды, Текутъ такъ въ вѣчность дни и годы	Какъ въ море льются быстры воды, Такъ въ вѣчность льются дни и годы.
И міры ею разрушатся, Твореньямъ всѣмъ она грозитъ.	И солнцы ею потушатся, И всѣмъ мірамъ она грозитъ.
Не мыслитъ смертный умирать	Не мнитъ лишь смертный умирать.
Громовы стрѣлы не быстрѣе Взлетаютъ къ гордымъ вышинамъ	Ея и громы не быстрѣе Слетаютъ къ гордымъ вышинамъ.
Здѣсь персть твоя, а духъ твой тамъ. Онъ тамъ, онъ тамъ, а гдѣ — не знаемъ, Мы только плачемъ и вздыхаемъ	Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ. Гдѣ жъ онъ? онъ тамъ. Гдѣ тамъ?... не знаемъ, Мы только плачемъ и взываемъ.
Гдѣ вкуса столъ, тамъ гробъ стоитъ	Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ.
Коимъ въ державу тѣсны міры	Кому въ державу тѣсны міры.
Глядитъ на всѣхъ, и на князей	Глядитъ на пышныхъ богачей.
За хаосъ въ бездну улетѣли	Хаоса въ бездну улетѣли.

Не сильно жжетъ мя красота	Не сильно нѣжитъ красота.
Желаньемъ пышности размученъ, Влечетъ меня и чести шумъ. Наградой чти судебъ ударъ	Желаніемъ честей размученъ, Зоветъ, я слышу, славы шумъ. Благословляй судебъ ударъ.

Въ одѣ *Къ сосѣду* измѣненъ только одинъ стихъ. Вмѣсто: *А то веселье непорочно*, напечатано: *Веселье то лишь непорочно.*

Въ стихотвореніи «Ключъ» измѣнены слѣдующіе стихи:

въ вѣстникѣ:	въ собесѣдникѣ:
Источникъ вижу я прекрасный	Прекрасный вижу я источникъ.
Источникъ милый и прозрачный, Поящій луги, долы злачны	Источникъ шумный и прозрачный, Луга поящій, долы злачны.
Гора, въ день стадомъ покровенна, Любуется, въ тебя смотрясь: Въ твоихъ водахъ изображенна Дубрава, вѣтеркомъ струясь, Со златомъ волнуются нивы. О, какъ съ высотъ пріятно зрится.	Гора въ день стадомъ покровенну Себя въ тебѣ любуясь зритъ, Въ твоихъ водахъ изображенну Дубраву вѣтерокъ струитъ, Волнуетъ жатву золотую. Прекраснѣй брегъ твой становится...
Равно ночною темнотою Прекрасенъ видъ твой при лунѣ	О, сколь ночною темнотою Пріятенъ видъ твой при лунѣ.
Лирный звонъ съ твоимъ стремленьемъ	Лирный гласъ съ твоимъ стремленьемъ.

Въ одѣ на отсутствіе Ея Величества въ Бѣлоруссію измѣнены только три фразы: вмѣсто *сладкой* пѣсни — поправлено: *громкой* пѣсни; вмѣсто *истина и совѣтъ* — истина и совѣсть, и вмѣсто съ велелѣпіемъ — въ велелѣпіи. Да еще поправлена опечатка, вмѣсто совѣтъ — напечатано *зоветъ.*

Столь же ничтожны перемѣны въ стихахъ «На рожденіе порфиророднаго отрока». Здѣсь только вмѣсто «полубогъ» поставлено — нѣкій богъ, и вмѣсто «возраждати» — возрождаючи, что въ собраніи сочиненій опять было измѣнено на — зарождаючи.

Болѣе перемѣнъ сдѣлано въ одѣ «На новый годъ». Впрочемъ, онѣ неважны.

Вотъ эти перемѣны:

въ вѣстникѣ:	въ собесѣдникѣ:
Мольбы и плески возшумѣли, Тимпаны, громы возгремѣли.	Сошелъ — и гласы раздалися, Мечты, надежды понеслися.
Среди текущаго блаженства Мы благъ желаемъ совершенства	И самаго среди блаженства Желаемъ блага совершенства.
Здоровье, хлѣбъ и совѣсть права, Одежда, сонъ и добра слава Меня равняютъ съ королемъ	Меня здоровье, совѣсть права, Достатокъ нужный, добра слава Творятъ счастливѣе царей.
Безсмертный воинъ хочетъ славы, Леандръ фортуны при игрѣ	Герой безсмертной славы жаждетъ, И счастія игрокъ въ игрѣ.
И въ здѣшней жизни пышной, страстной Нѣжнѣе гласы становятся	И въ здѣшней жизни коловратной Пріятны гласы становятся.
Петры, Траяны, Генрихъ, Титы	Петры, и Генрихи, и Титы.

Стихотворенія, которыя въ исправленномъ видѣ перепечатаны въ «Собесѣдникѣ», болѣе уже не передѣлывались, исключая двухъ или трехъ фразъ. Такъ, въ Одѣ къ сосѣду, вмѣсто — въ твой парусъ — въ собраніи сочиненій почему-то напечатано: въ твой Парнасъ (т. I, стр. 203).

Стихотворенія, напечатанныя, въ первый разъ въ «Собесѣдникѣ», большихъ измѣненій также не потерпѣли въ послѣдующихъ изданіяхъ. Въ одѣ «Фелица» исправлены только нѣсколько стиховъ. Вмѣсто «честно и правдиво», въ послѣдней поставлено *пышно* и правдиво; вмѣсто Лентягона и Брюзгой — лица изъ сказки о Хлорѣ, соч. Екатериной — просто: лѣнтяемъ и брюзгой. Вмѣсто стиховъ, замѣченныхъ еще Любословомъ:

Въ часы твоихъ отдохновеній
Ты пишешь въ сказкахъ поученій,

поставлено —

Въ твои отъ дѣлъ отдохновенья
Ты пишешь въ сказкахъ поученья.

Наконецъ, вмѣсто стиха:

Да сладкаго твоихъ словъ тока

поставлено —

Да словъ твоихъ сладчайша тока.

Въ одѣ «Богъ» — слѣдующія поправки:

въ собесѣдникѣ:	въ сочиненіяхъ:
Какъ день, когда зимой	Какъ въ ясный, мразный день зимой.
Въ бездонной пустотѣ текутъ	Въ неизмѣримости текутъ.
Какъ ежели сравнить съ Тобою	Когда дерзну сравнить съ Тобою.
Чтобъ духъ мой перстью облачился	Чтобъ духъ мой въ смертность облачился.
Отецъ — въ объятіе Твое	Отецъ, въ безсмертіе Твое.
Неизъясненный, непостижный	Неизъяснимый, непостижный.

Много измѣненій въ одѣ «На пріобрѣтеніе Крыма», которая въ первоначальномъ видѣ своемъ даже не имѣла смысла въ иныхъ стихахъ. Болѣе другихъ значительны слѣдующія поправки:

Вмѣсто — Увидя Марсъ, *тоуритъ* взоры — впослѣдствіи исправлено —

Увидѣлъ Марсъ, *нахмурилъ* взоры.

Вмѣсто стиховъ:

Его стенанье раздалося
Внутрь сердца зависти, и умъ,
Перо орудіемъ имѣя,
Едва ль гдѣ столь торжествовавшій,
Безсмертной славой возсіялъ,

поправлено:

Его паденье раздалося
Внутрь сердца зависти, и трость,
Водимая умомъ обширнымъ.
Безсмертной пальмой обвилась.

Далѣе измѣнена цѣлая строфа:

въ Собесѣдникѣ:	въ Сочиненіяхъ:
Текущаго съ полнощи свѣта Не можетъ снесть Цирцеинъ взоръ, Стонаетъ, что Минерва зиждетъ Людей разумныхъ изъ звѣрей. Осклабясь, Пиѳагоръ дивится, Что мнѣніе его сбылося: Животныхъ видитъ онъ людьми.	Цирцея отъ досады воетъ: Волшебство все ея ничто; Ахеянъ, въ тварей превращенныхъ, Минерва вновь творитъ людьми, Осклабясь, Пиѳагоръ дивится, Что мнѣніе его сбылось, Что зритъ онъ преселенье душъ.

Нѣсколько ничтожныхъ поправокъ есть также въ одѣ «Къ Рѣшемыслу».

Львовъ, въ объясненіяхъ къ сочиненіямъ Державина, говоритъ, что въ «Собесѣдникѣ» же были напечатаны стихотворенія: «Счастливое семейство» (ч. I, стр. 8) и «Видѣніе Мурзы» (II, стр. 13). Но это несправедливо: «Счастливое семейство» напечатано, по словамъ Львова же, въ 1782 году, когда еще «Собесѣдникъ» не издавался, а «Видѣніе Мурзы» явилось въ 56-ой части «Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненій», въ 1790 г. — Замѣчанія Львова внесены и въ Смирдинское изданіе сочиненій Державина, 1847; но Львовъ, кажется, совсѣмъ не зналъ «Собесѣдника», относя изданіе его то къ 1782, то къ 1792 г.

(25) Въ прозѣ Княжнинъ помѣстилъ здѣсь свою рѣчь, говоренную на актѣ въ Академіи Художествъ въ 1779 г. (ч. I, ст. XXXI); а въ стихахъ: «Посланіе къ россійскимъ питомцамъ свободныхъ художествъ» (ч. I, ст. XV); «Феридина ошибка» (ст. XXIII); «Моръ звѣрей» (ст. XXV); «Рыбакъ» (ст. XXVII. Перепечатано изъ «Спб. Вѣстника» 1778 года, № 9). Въ слѣдующихъ книжкахъ журнала помѣстилъ онъ оду «Утро» (ч. VII, ст. IX), «Стансы къ Богу» (ч. VIII, ст. IX; изъ «Вѣстника» 1780 г., № 8), — «Исповѣданіе жеманихи» (ч. VIII, ст. XII), неподписанное; сказку «Улиссъ и его спутники» (ч. X, ст. X), и письмо къ кн. Дашковой (ч. XI, ст. I).

(26) Ода эта написана была Капнистомъ въ 1786 г., по случаю указа 19 февраля 1786 г., о томъ, чтобы на просьбахъ не подписывались *рабъ*, но «вѣрноподданный» (См. П. С. З. Р. И. 1786 г. № 16329).

(27) Въ «Собесѣдникѣ», кромѣ сатиры (ч. V, ст. IX), напечатано письмо къ Любослову, который считалъ неприличнымъ то, что Капниста въ письмѣ къ нему (въ I части «Собесѣдника») назвали въ эпиграфѣ mortel (ч. VII, ст. III).

Сатира Капниста перепечатана изъ 6 № 1779 г. «Спб. Вѣстника». Тамъ она была названа «сатира первая», а здѣсь прибавлено: «и послѣдняя». Хотя въ примѣчаніи сказано, что она вновь поправлена, но исправленіе это весьма незначительно. Въ одномъ мѣстѣ вмѣсто *дерзость* поставлена *хищность*; въ другомъ — вмѣсто истреблять пороки — исправлять. Важно только исключеніе личныхъ намековъ, слишкомъ уже явныхъ. Такъ, въ двухъ мѣстахъ поставлено здѣсь имя дурнаго стихотворца — Мевій, вмѣсто *Рубовъ* (явный намекъ на Рубана). Вмѣсто прежнихъ двухъ стиховъ:

Котельскій, Никошевъ, Вларикинъ, Флезиновскій,
Обвѣсимовъ, Храстовъ, Весевкинъ, Кампаровскій, —

въ которомъ заключались изломанныя немного фамиліи здравствовавшихъ тогда авторовъ, — поставлено въ «Собесѣдникѣ» просто:

Толпа несмысленныхъ и мерзкихъ риѳмотворцевъ,
Слагателей вранья и сущихъ умоборцевъ.

Это, конечно, могло служить и хорошимъ комментаріемъ къ выставленнымъ прежде именамъ.

Впрочемъ, одна личность даже прибавлена при перепpавкѣ сатиры; но это самая невинная личность, — Василія Кирилловича Тредьяковскаго. Вмѣсто стиховъ:

А разумъ съ честностью такъ рѣдко видимъ въ свѣтѣ,
Какъ гладкій умный стихъ въ покойномъ Бредоретѣ,

напечатано:

И словомъ, въ свѣтѣ семъ, такъ рѣдки Аристиды,
Какъ гладкіе стихи въ творцѣ Тилемахиды.

(28) Изъ сочиненій Кострова помѣщены здѣсь: эклога «Три граціи» (кн. VIII, ст. III) и письмо къ творцу оды «Фелица» (кн. X, ст. V). Оба подписаны: Ер. Кост.

(29) «Недоросль» явился, какъ есть преданіе, въ одно время съ «Фелицей» и раздѣлялъ съ нею общее вниманіе; впрочемъ, въ «Собесѣдникѣ» ни разу о немъ не упоминается. О «Бригадирѣ» же говорится въ одной эпиграммѣ: «На нѣкоторую зрительницу комедіи Бригадиръ» («Собесѣдникъ», ч. III, стр. 38).

(30) Въ «Собесѣдникѣ» помѣщены изъ сочиненій фонъ-Визина: 1) «Опытъ россійскаго сословника» (ч. I, ст. XXIX; ч. IV, ст. XII; ч. X, ст. VIII); 2) «Примѣчанія на критику россійскаго сословника» (ч. III, ст. XII); 3) «Вопросы» (ч. III, ст. XVII); 4) «Челобитная россійской Минервѣ» (ч. IV, ст. II); 5) «Поученіе іерея Василія» (ч. VII, ст. VI).

(31) Въ числѣ сотрудниковъ «Собесѣдника» помѣщаютъ Хераскова — кн. Вяземскій («Фонъ-Визинъ», стр. 262), Гречъ («Чт. о рус. яз.», ч. II, стр. 384), Гротъ въ названной уже статьѣ о «Собесѣдникѣ».

(32) Произведенія, подписанныя въ «Собесѣдникѣ» буквами М. Х., слѣдующія: 1) «Комета 1767 года» (ч. IX, ст. X); 2) «Апрѣль» (ст. XI); 3) Кн. Дашковой (ч. VI, ст. IV); 4) «Вѣчность» (ч. VII, ст. I). Кромѣ этихъ стихотворныхъ произведеній есть еще двѣ статьи въ прозѣ: «Утро» (ч. I, ст. XII) и «Полдень» (ч. V, ст. II).

(33) Муравьева здѣсь два стихотворенія: «Письмо къ *» (ч. I, ст. XXXII) и «Время» (ч. II, ст. XIV). Въ одной критикѣ («Собесѣдникъ», ч. IV, ст. XVI) эти стихотворенія признаны справедливо очень дурными и названы опытами молодого писателя. Въ самомъ дѣлѣ, не имѣя почти никакого содержанія, по языку стихи эти могутъ быть сравнены развѣ съ твореніями Петрова.

(34) Д. Хвостовъ помѣстилъ въ «Собесѣдникѣ» нѣсколько притчъ: 1) «Мыши и орѣхи» (ч. IV, ст. XIV); 2) «Солнце и молнія» (ч. VI, ст. V); 3) «Павлинъ» (ч. V, ст. XI). Нелединскаго-Мелецкаго есть здѣсь «Ода на дружбу» (ч. VI, ст. VIII). Боброва — стихотвореніе «Дѣйствіе и слова зиждущаго духа», содержащее хвалы императрицѣ Екатеринѣ (ч. XII, ст. I). Подписано оно С. Б. — Левшинъ помѣстилъ здѣсь свое «Путешествіе въ луну», названное въ первыхъ отрывкахъ — «Новѣйшее путешествіе, сочиненное въ городѣ Бѣлевѣ», а потомъ — «Новѣйшее путешествіе во сновидѣніи» (ч. XIII, ст. X, ч. XIV, ст. X, ч. XV, ст. X, ч. XXI, ст. VIII).

(35) Плавильщиковъ, по показанію м. Евгенія, родился въ 1771 г. и, слѣд., не могъ участвовать въ журналѣ, издававшемся въ 1783 — 4; но это показаніе невѣрно: по другимъ извѣстіямъ, Плавильщиковъ род. 1760 г., и ему, дѣйствительно, принадлежитъ стихотвореніе *Баталія*, помѣщенное въ XVI ч. «Собесѣдника» (ст. V, стр. 97—106).

(36) Другіе авторы, участвовавшіе въ «Собесѣдникѣ» и подписывавшіе свои имена, были слѣдующіе: А. Мейеръ, напечатавшій «Историческія надписи въ стихахъ государямъ россійскимъ» (ч. I, ст. XXX) и «Отвѣтъ» на критику ихъ (ч. X, ст. XIV). В. Жуковъ, помѣстившій здѣсь «Сонетъ творцу оды къ Фелицѣ» (ч. III, ст. VII). Павелъ Икосовъ, напечатавшій оду на рожденіе Великой Княгини Александры Павловны (ч. IV, ст. XI) и идиллію на тотъ же случай (ч. V, ст. VI). Д. Левицкій, помѣстившій свое письмо въ «Собесѣдникѣ» (ч. VI, ст. III). Р—Д—Н., напечатавшій — Цыдулку къ * (ч. VII, ст. XI), сонетъ (ст. XII), эклогу (ч. VIII, ст. XI), письмо къ издателямъ (ч. XI, ст. IV), стихи къ *** и эклогу (ч. XIV, ст. V). Прох. Соловьевъ, сочинившій «Разговоръ о музахъ» при открытіи семинаріи въ Спб. (ч. X, ст. VII). Ѳ. Козельскій, написавшій надгробіе графу Воронцову (ч. X, ст. XV). Лабзинъ, подписавшійся подъ своимъ стихотвореніемъ «Французская лавка» (ч. XI, ст. III) цифрами, изъ которыхъ составляется его фамилія. Ѳед. Кам., помѣстившій стихи къ Ирисѣ (ч. XVI, ст. IV).

(37) Это «Стихи, сочиненные на дорогѣ въ Петергофъ, когда я въ 1761 г.

ѣхалъ просить о подписаніи привилегіи для Академіи, бывъ много разъ прежде за тѣмъ». Стихотвореніе это, состоящее всего изъ десяти стиховъ, содержитъ обращеніе къ кузнечику, который гораздо счастливѣе людей потому,

Что видитъ — все его, вездѣ въ своемъ дому,
Не проситъ ни о чемъ, не долженъ никому.

Стихи эти присланы кѣмъ-то изъ Москвы и напечатаны въ XI части, ст. XIV.

(38) Изъ неизвѣстныхъ авторовъ подписывались буквами, кромѣ выше названныхъ: Н. М. и товарищи—подъ стихами: «Народный обѣдъ» (ч. II, ст. VI).— С. подъ стихотвореніемъ «Городская жизнь», подр. нѣмецкому (ч. II, ст. XIV).— С. С. подъ статьей «Маскерадъ» (ч. XI, ст. XVII); этому же автору принадлежитъ статья «Прогулка» (ч. VI, ст. XV). — В. С. подъ статьями: «Волкъ и Лисица»; басня (ч. XIV, ст. 1); «Ночь», стихотвореніе (ст. VII), «Клеантъ» (ст. VIII); «Подражаніе англинскому зрителю» (ч. XV, ст. VI); «Нѣкоторыя разсужденія о смѣхѣ» (ч. XV, ст. V). — Ва-Сѣв. подъ одою «На кротость» (ч. XIV, ст. IX). — М. С. подъ письмомъ къ «Татарскому мурзѣ» (ч. V, ст. I) и подъ стансами на учрежденіе Россійской Академіи (ч. IX, ст. IV). — Х. Х. подъ стихами «Модное остроуміе» (ч. III, ст. IX). — N. подъ одою «Къ Любви» (ч. IX, ст. XV). — NN подъ сочиненіемъ «О системѣ міра» (ч. II, ст. XXII, ч. V, ст. X). — Др. подъ письмомъ Катона къ Юлію Цезарю (ч. VIII, ст. V). — А. Кр. подъ стихами Гр. В. П. М. П. (ч. X, ст. IX). — Д-й Р—ъ подъ стихами «Лизета и Дафнисъ» (ч. XIII, ст. IX). — А. Г. подъ письмомъ къ издателямъ (ч. XIV, ст. VI). — И. Ф. подъ баснею «Комаръ» (ч. XV, ст. I). Изъ статей, вовсе неподписанныхъ, замѣчательнѣе другихъ: «Повѣствованіе мнимо глухого и нѣмого», «Картины моей родни» и «Моя записная книжка», въ прозѣ; о нихъ много говорится ниже. Въ стихахъ замѣчательны: «Ода къ безсмертію», «Дружеская пѣсня», «Ода на злато», «Весна» (въ XII ч.) и «Сновидѣніе» (въ XVI). О нихъ — ниже. Замѣтимъ, что въ числѣ эпиграммъ также есть нѣсколько довольно удачныхъ. Между прочимъ, въ IV части (стр. 110) нашли мы эпиграмму Дмитріева:

Почто Ликаста осуждаютъ,
Что вялымъ слогомъ пишетъ онъ?
Вѣдь имъ одинъ лишь изданъ Сонъ:
Когда же складны сны бываютъ?

(39) См. м. Евгенія «Словарь свѣтскихъ писателей» часть II, стр. 10 и 158. Очень можетъ быть, что это показаніе тоже невѣрно. Въ «Собесѣдникѣ» почти нѣтъ ученыхъ статей. Развѣ сочиненіе «О системѣ міра» можно приписать одному изъ академиковъ?

(40) См. «Словарь свѣтскихъ писателей», подъ словомъ «Дашкова».

(41) Въ I-й кн. 33 статьи, во II — 22, III — 18, IV — 16, V — 11, VI — 15, VII—21, VIII—13, IX—8, X—17, XI—18, XII—10, XIII—11, XIV—10, XV—7, XVI — 12.

(42) Упоминанія объ этомъ находятся во всѣхъ курсахъ литературы и во всѣхъ біографическихъ словаряхъ нашихъ, но подробностей нигдѣ нѣтъ.

(43) Г. Старчевскій говоритъ («Лит. русской исторіи до Кар.», стр. 230): «Записки эти составлены изъ свода разныхъ русскихъ лѣтописей, со многими синхронистическими таблицами и съ критическими примѣчаніями». Болѣе ничего не сказано для ихъ характеристики.

(44) Г. Соловьевъ помѣстилъ въ «Архивѣ» г. Калачова статью о русскихъ историческихъ писателяхъ XVIII вѣка, въ которой разбираетъ нѣкоторыхъ писателей. Не знаемъ, почему именно тѣхъ, а не другихъ. Если онъ хотѣлъ разсмотрѣть только замѣчательнѣйшихъ, то неужели труды Елагина и Эмина замѣчательнѣе «Записокъ о русской исторіи»?

(45) Замѣчанія эти приведены въ книгѣ г. Старчевскаго, стр. 236.

(46) Извѣстно, что при Екатеринѣ начали издавать русскія лѣтописи. Много списковъ было собрано изъ Москвы и другихъ мѣстъ, но, по неимѣнію хорошо приготовленныхъ къ этому дѣлу людей, изданіе тогда не состоялось.

(47) См. Старчевскаго «Лит. рус. ист. до Кар.», стр. 218. Въ біографіи Чеботарева, въ «Словарѣ проф. Моск. унив.», г. Соловьевъ говоритъ неопредѣленно: *въ это время* Чеботаревъ занимался выписками изъ лѣтописей. По ходу его изложенія это можетъ относиться къ 1782 — 1790 г. Промежутокъ довольно значительный.

(48) Г. Старчевскій говоритъ, что онъ «самъ видѣлъ нѣсколько выписокъ изъ нашихъ лѣтописей, сдѣланныхъ для императрицы». Но онъ ничего не сообщаетъ объ ихъ содержаніи.

(49) Первый томъ исторіи Щербатова вышелъ въ 1770 г., а слѣдующіе 14 въ разные сроки выходили до 1792 г.

(50) Различіе этихъ договоровъ доказано въ недавнее время г. Срезневскимъ (см. статью его въ «Изв. V отд. Ак. Н.», 1852 г., т. II).

(51) Какъ видно, это сдѣлано было по убѣжденію императрицы, потому что даже въ ея замѣчаніяхъ на Стриттера мы находимъ обвиненіе въ томъ, что онъ возобновилъ нелѣпыя басни о мести Ольги древлянамъ, выброшенныя изъ «Записокъ о русской исторіи» (Старч., стр. 235).

(52) У Державина въ стихотвореніи «На счастіе» сказано о Екатеринѣ:

Комедьи пишетъ, чиститъ нравы
И припѣваетъ; хемъ, хемъ, хемъ.

Хемъ, хемъ — это дѣдушкинъ кашель, въ «Быляхъ и Небылицахъ». Львовъ же, въ Объясненіяхъ (ч. I, стр. 22), выдумалъ какое-то небывалое сочиненіе императрицы: «Разговоры дѣдушкины» и притомъ еще *палату съ чутьемъ*, для чтенія и обсуживанія этого сочиненія. Не знаемъ, есть ли правда въ послѣднемъ извѣстіи, но первое совершенно ложно.

(53) «Исповѣданіе жеманихи» напечатано въ VIII ч. «Собесѣдника», при «Быляхъ и Небылицахъ», какъ ихъ заключеніе; оно даже не отдѣлено особою цифрою, какъ дѣлалось всегда въ этомъ журналѣ.

(54) При этомъ-то дѣдушка и закашлялся особенно сильно. Изъ этого можно видѣть, какіе *безпорядки* ему не нравились. Львовъ говоритъ, что онъ припѣвалъ «хемъ, хемъ» только при видѣ какого-нибудь безпорядка.

(55) Въ 45 № «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1784 года, причиною такого измѣненія выставляется то, что «издателямъ извѣстно, что нѣкоторыя изъ присланныхъ сочиненій до нихъ не доходили». Къ этому прибавлено въ № 50: «а чтобы не принять неблагопристойнаго, то сочиненіе при принесшемъ же и прочтется, и буде оно согласно съ расположеніемъ «Собесѣдника», то и примется для напечатанія, буде же противно, то возвратится принесшему». Слѣдовательно, въ это время главный издательскій трудъ, — разсмотрѣніе и выборъ присылавшихся статей, — лежалъ уже не на княгинѣ Дашковой, а на совѣтникахъ Академіи, которые, такимъ образомъ, были въ то же время и цензорами статей.

(56) Ниже представлены нѣкоторыя соображенія касательно трудовъ Козодавлева, помѣщенныхъ въ «Собесѣдникѣ». Изъ другихъ же его произведеній, отдѣльно изданныхъ, извѣстны: переводъ поэмы Тиммеля «Вильгельмина», Спб. 1783 г. (Соп. библ., № 8636), и комедій «Нашла коса на камень», въ одномъ дѣйствіи, Спб. 1781 г. (Соп. библ., № 5475) и «Перстень», въ одномъ дѣйствіи, Спб. 1781 г. (Соп. библ., № 5549). Ему же, вѣроятно, принадлежитъ и слѣдующій переводъ: «Древняго и новаго вѣка люди, или уборный столъ г-жи маркизы Помпадуръ», соч. г. Вольтера, перевелъ съ французскаго О. К.» Спб. 1777 г. (Соп., № 3478).

(57) Кн. Дашковой принадлежатъ комедіи: «Таисёковъ» (Соп., № 5649 Тайсіоковъ), въ пяти дѣйствіяхъ, Спб. 1786 г., и «Сватьба Фабіана». Кромѣ того, ея произведенія помѣщены въ «Невинномъ упражненіи» на 1763 г. и въ «Трудахъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Московскомъ Университетѣ», съ 1774 г. Въ этомъ послѣднемъ изданіи именемъ ея отмѣчены: «Письмо къ другу» (ч. I, стр. 78—86); «Опытъ о торгѣ», переводъ изъ Юма (стр. 87—112); «Путешествіе одной россійской знатной госпожи по нѣкоторымъ англійскимъ провинціямъ» (ч. II, стр. 105—147); переводъ изъ англійскаго «Смотрителя» о шуткѣ (стр. 145—151). Ей же, кажется, принадлежатъ и слѣдующія статьи, отмѣченныя подписью

Англоманъ: «Письмо англомана» (ч. II, стр. 257—261); «Предложеніе объ исправленіи англійскаго языка, переводъ съ англійскаго, съ примѣчаніями относительно языка русскаго» (ч. III, стр. 1—38); переводъ стиховъ оксфордскаго студента къ портрету Локка (стр. 72 — 73). Въ письмѣ англомана представленъ также опытъ перевода знаменитаго монолога Гамлета: «быть или не быть». О принадлежности этихъ статей кн. Дашковой свидѣтельствуетъ сколько видное въ нихъ знаніе англійской литературы и жизни, весьма мало тогда у насъ распространенное, столько же и умѣнье владѣть языкомъ, и въ стихахъ и въ прозѣ,— умѣнье, которымъ, какъ увидимъ, также отличалась кн. Дашкова.

(58) Видно, однакожъ, что въ свое время кн. Дашкова всего болѣе извѣстна была своими стихотвореніями. Въ словарѣ Новикова читаемъ: «Княгиня Дашкова... писала стихи; изъ нихъ нѣкоторые, весьма изрядные, напечатаны въ ежемѣсячномъ сочиненіи: «Невинное упражненіе», 1763 г., въ Москвѣ. Впрочемъ, она почитается за одну изъ ученыхъ россійскихъ дамъ и любительницу свободныхъ наукъ». (Опытъ историч. словаря росс. писат. Нов. 1772 г., стр. 55).

(59) Въ Запискахъ своихъ кн. Дашкова говоритъ: «Бель, Монтескье, Буало и Вольтеръ были изъ числа любимыхъ моихъ писателей. Позднія занятія и расположеніе духа, происшедшее отъ такого изнуренія, произвели во мнѣ слабость и болѣзненные признаки, возбудившіе опасенія моего почтеннаго дяди». Докторъ Бурхавъ сказалъ, что болѣзнь происходитъ отъ безпокойства духа, и вслѣдствіе того — говоритъ княгиня — «я подвергалась тысячѣ распросовъ, — однакожъ, не сказала истины. Въ то время, какъ я приписывала свой блѣдный и истощенный видъ слабости нервовъ и головнымъ болямъ, умъ мой ежедневно крѣпнулъ и оживлялся отъ постояннаго упражненія (См. «Москв.» 1842 г., № 1, стр. 101—2, Матеріалы). Такого рода чтеніе, конечно, обѣщало самое богатое развитіе и совсѣмъ не походило на то безсознательное пристрастіе къ французамъ, надъ которымъ такъ много смѣялся «Собесѣдникъ». Касательно любознательности княгини Дашковой можно привести еще слѣдующую замѣтку: «съ самыхъ раннихъ лѣтъ — говоритъ она — политика была для меня самымъ занимательнымъ предметомъ; я распрашивала каждаго иностранца о его отечествѣ, формѣ правленія и законахъ, и сравненія, къ которымъ часто вели ихъ отвѣты, внушили мнѣ пламенное желаніе путешествовать» (см. «Москв.», ibid.).

(60) Кто знакомъ съ литературою того времени, тотъ не станетъ, конечно, требовать подтвержденія этихъ словъ. Для незнакомыхъ же достаточно привести хоть заглавія нѣкоторыхъ книгъ, выходившихъ въ то время, — напр.: «Гермель или можетъ ли добродѣтельная жена совершенно положиться на постоянство своего мужа?» переводъ съ французскаго. Спб., 1783 г.; «Дѣвушкины прогулки и молодкины увертки, или лабиринтъ женскихъ коварствъ». Спб., 1794 г.; «Кошкѣ игрушки, а мышкѣ слезки, или смѣшныя проказы трехъ красавицъ, чинимыя надъ простосердечными ихъ супругами, нравственное и счастливое твореніе». Спб., 1794 г.; «Нѣжныя объятія въ бракѣ и потѣхи съ любовницами продажными изображены и сравнены Правдолюбомъ». Спб., 1799 г., — и т. д. Такихъ и еще болѣе курьезныхъ и безцеремонныхъ книгъ выходило въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія чрезвычайно много. Нельзя не замѣтить, что здѣсь всегда виденъ шутливый взглядъ на предметъ, тогда какъ съ начала нынѣшняго вѣка является уже болѣе трагическій элементъ въ самыхъ заглавіяхъ, какъ, напримѣръ, «Мщеніе оскорбленной женщины, или ужасный урокъ для развратителей невинности». Москв., 1803 г.; «Жертва супружескаго тщеславія, или бѣдствія, отъ чрезмѣрной любви происходящія». М., 1809 г., и т. д.

(61) Чтобы не ходить далеко, укажемъ только на ходъ нашей комедіи. Не говоря о фонъ-Визинѣ и Капнистѣ, даже второстепенные, слабые дѣятели на этомъ поприщѣ въ прошломъ столѣтіи умѣли затрогивать живые общественные вопросы. Вспомнимъ «Опекуна» и «Лихоимца» Сумарокова, «Вояжера» Ефимьева, «Несчастіе отъ кареты» Княжнина, и т. п. А нынѣ при большихъ средствахъ и талантахъ, при большемъ кругѣ дѣйствія, что же дѣлаетъ комедія? пробавляется картежниками, шулерами, вертопрахами, женящимися на богатыхъ купчихахъ, отцами, насильно отдающими дочерей замужъ, жонами, обманывающими мужей, и т. д., всѣмъ, надъ чѣмъ уже давно притупили свое остроуміе комики всѣхъ народовъ. Правда, нельзя съ грустью не вспомнить и того, сколько

грубыхъ порицаній и злобныхъ обвиненій въ наше время навлекъ на себя писатель, осмѣлившійся поднять даже ничтожный кончикъ завѣсы, подъ которой скрываются пороки общества, да еще перенесшій ихъ въ дальній уѣздный городъ...

(62) Замѣчательно, что во время изданія «Собесѣдника», несмотря на частныя выходки нѣкоторыхъ журналовъ, въ литературѣ нашей еще господствовали полное довѣріе и уваженіе къ французамъ и ихъ ученію. «Собесѣдникъ» первый началъ настойчивое ихъ преслѣдованіе; вообще же противъ нихъ возстали у насъ только послѣ 1789 г. Тогда уже начали проявляться насмѣшливыя и ругательныя брошюрки, въ которыхъ доставалось, разумѣется, особенно Вольтеру,—таковы, наприм.: «Заблужденія Вольтеровы», 1793 г., «Изобличенный Вольтеръ», 1782 г., «Ахъ, какъ вы глупы, гг. Французы!», 1793 г., и пр.

(63) Равнодушіе публики тогдашней не находитъ себѣ оправданія даже въ дороговизнѣ книгъ, которыя, сравнительно, были тогда очень недороги. Такъ, напр., по объявленію въ «Спб. Вѣдомостяхъ» тѣхъ годовъ, «Душенька» продавалась по 1 р. 10 к. асс., сочиненія Ломоносова—3 р., сочиненія Сумарокова—17 р., «Росславъ» траг. Княжнина — 60 к., «Вильгельмина», поэма — 35 к., «Сказка о царевичѣ Хлорѣ»—15 к., «О царевичѣ Февеѣ»—8 к. Журналы тоже не были дороги: такъ «Живописецъ» Новикова стоилъ 2 р. асс. «Вечерняя Заря» 4 р. все изданіе.

(64) Статья «Собесѣдника» заимствована, конечно, изъ «Письмовника», первое изданіе котораго, подъ именемъ «Универсальной Грамматики», вышло еще въ 1769 г. Тамъ статья эта носитъ названіе: «Повѣсть о томъ, какъ нѣкоего юношу друзья его увѣрили, что онъ ослѣпъ». Помѣщена она (см. пятое изд., 1793 г.) тамъ подъ № 234, тотчасъ послѣ знаменитой въ свое время «Потѣшной повѣсти о педантѣ», которая одна даже могла бы дать понятіе о нравахъ того общества, въ которомъ печатались и имѣли успѣхъ подобныя вещи.

(65) Мы никакъ не осмѣлились бы пропустить безъ вниманія правописаніе «Собесѣдника», если бы только было въ немъ какое-нибудь правописаніе. Къ величайшему нашему сожалѣнію, мы нашли въ немъ только непослѣдовательность и непостоянство въ образѣ написанія даже однихъ и тѣхъ же словъ. Иногда напр., *океанъ*, *генералъ*, *грамматика* пишутся съ большой буквой, иногда съ маленькой; одинъ разъ встрѣчаете *желѣзо*, *терпѣть*, а въ другой *жѣлезо*, *тѣрпѣть*, и т. п. Конечно, мы могли бы послѣдовать здѣсь примѣру издателя, тщательно собравшаго въ своихъ примѣчаніяхъ орѳографическія ошибки Пушкина, но боимся употреблять во зло терпѣніе читателей.

(66) Въ «Запискахъ о Екатеринѣ Великой» статсъ-секретаря Грибовскаго (М. 1847 г.) приводятся слѣдующія слова, сказанныя ему Императрицей: «Ты не смѣйся надъ моею русскою орѳографіей. Я тебѣ скажу, почему я не успѣла ее хорошенько узнать: по пріѣздѣ моемъ сюда, я съ большимъ прилежаніемъ начала учиться русскому языку. Тетка Елисавета Петровна, узнавъ объ этомъ, сказала моей гофмейстеринѣ: полно ее учить, она и безъ того умна. Такимъ образомъ могла я учиться русскому языку только изъ книгъ, безъ учителя, и это есть причина, что я плохо знаю правописаніе». «Впрочемъ — замѣчаетъ Грибовскій—государыня говорила по-русски *довольно чисто* и любила употреблять простыя и коренныя русскія слова, которыхъ она множество знала» (Зап. Гриб., стр. 41).

(67) Чтобы оцѣнить эти грамматическіе труды, нужно принять въ соображеніе то, что тогда еще у насъ существовали всего только двѣ русскія грамматики: Ломоносова (1755 г.) и Барсова (1771), и что изслѣдованія о языкѣ пришли въ движеніе только послѣ учрежденія Россійской Академіи, хотя собственно академическая грамматика явилась уже въ 1802 г.

(68) Произведенія, имѣющія какую-нибудь подпись въ «Собесѣдникѣ» указаны въ прим. 32 и 38. Неподписанныя же статьи, названныя здѣсь, помѣщены въ слѣдующихъ книжкахъ «Собесѣдника»: «Сокращеніе катихизиса честнаго человѣка», кн. I, ст. VI; «Письмо къ Капнисту», ib., ст. XIV; «Обѣщать и исполнить суть два дѣла разныя», кн. II, ст. X; «Объ истинномъ благополучіи», кн. III, ст. III; «Письмо изъ Карасубазара», кн. VII, ст. II; «Путешествующіе», кн. XI, ст. IX; «Нѣчто изъ Англинскаго Зрителя», кн. XVI, ст. III. Кромѣ

того, не подписаны многія письма къ издателямъ. Остальныя изъ неподписанныхъ статей указаны въ самомъ текстѣ.

(69) Имени В. Жукова мы нигдѣ болѣе не встрѣчали. Въ Росписи Смирдина и у Сопикова есть Матвѣй и Петръ Жуковы; но Василій нигдѣ не упоминается. Въ старинныхъ журналахъ тоже не попадалось намъ этого имени.

(70) Изъ писателей того времени мы не знаемъ ни одного, въ фамиліи котораго могли бы умѣститься эти буквы. Только у Новикова находимъ упоминаніе о Николаѣ Раздеришинѣ, который, «будучи въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ, писалъ разныя стихотворенія, по большей части сатирическія, въ которыхъ весьма много соли, остроты и хорошихъ замысловъ; но они не напечатаны». «Нынѣ — прибавляетъ Словарь (1772) — онъ оберъ-офицеромъ въ арміи» (Слов., стр. 186). Можетъ быть, ему принадлежатъ стихотворенія, подписанныя въ «Собесѣдникѣ» Р—Д—Н; но, во всякомъ случаѣ, не имѣя возможности сличить ихъ съ произведеніями Раздеришина, не можемъ сдѣлать никакого положительнаго заключенія.

(71) Изъ извѣстныхъ намъ писателей того времени подпись Др. можетъ принадлежать троимъ: С. Друковцову, кромѣ хозяйственныхъ своихъ изданій напечатавшему: «Бабушкины сказки», въ 1778 г., и «Сова, ночная птица», 1779 г.; Дружерукову, извѣстному «Разговоромъ въ царствѣ мертвыхъ Ломоносова съ Сумароковымъ», 1787 г., и Я. А. Дружинину, переводившему шестую часть Анахарсисова путешествія и изъ Виланда — «Пиѳагоровыхъ учениковъ», 1794 г. Всѣ эти лица, конечно, могли писать стихи въ 1783 г., но дѣйствительно ли писали, этого сказать не можемъ.

(72) По указанію митрополита Евгенія, А. С. Хвостовъ написалъ шутливую «Оду къ безсмертію». Вѣроятно, эта самая ода и помѣщена въ «Собесѣдникѣ»; по крайней мѣрѣ, другой мы не знаемъ. Изъ другихъ литературныхъ трудовъ А. С. Хвостова извѣстны: переводъ комедій Теренція (1777), перев. статьи о Португаліи, изъ Бюшинговой Всеобщей географіи (1774), и собственная комедія «Любовные оборотни» (1770). Но всего болѣе, по свидѣтельству князя Вяземскаго (Фонъ-Визинъ, въ прилож.), митрополита Евгенія (Словарь св. пис., Хвостовъ), Аксакова (Семейн. хрон., Шишковъ), А. С. Хвостовъ извѣстенъ былъ своимъ остроуміемъ.

(73) Кромѣ этихъ твореній Пав. Икосовъ написалъ еще достойныя его имени творенія: «Письмо похвальное пуншу», 1789 г., и диѳирамбъ «Изображеніе ужасныхъ дѣяній французской необузданности, или плачевная кончина царственнаго мученика Людовика XVI», 1793 г.

(74) Неподписанныхъ и принадлежащихъ неизвѣстнымъ авторамъ стихотвореній въ «Собесѣдникѣ» было довольно много. Вотъ ихъ перечень: 1) идиллія «Вечеръ 1780 г., ноября 8» (кн. I, ст. V); 2) двѣ эпиграммы (ib., ст. XXV); 3) «Гоноръ и Сальмира» (кн. II, ст. V); 4) «Посланіе къ г. Чудихину» (ib., ст. IX); 5) «Стихи, присланные отъ неизвѣстнаго» (ib., ст. XII); 6) Городская жизнь, подраж. нѣмецкому» (ib., X, ст. IV); 7) эпиграммы, 3 (кн. III, ст. V); 8) «Ода на злато» (ib., ст. XI); 9) «Новыя чудеса» (кн. IV, ст. I); 10) «Тирсисъ и роза» (ib., ст. IV); 11) «Отвѣтъ на вопросъ: что есть піитъ» (ib., ст. VII); 12) «Дружеская пѣсня» (ib., ст. VIII): 13) эпиграммы, 4 (одна Дмитріева) (ib., ст. IX); 14) басня «Неравенъ путь къ возвышенію» (кн. VI, ст. X); 15) «Сонъ» (ib., ст. XIV); 16) басня «Зазнавшаяся мартышка» (кн. VII, ст. IV); 17) «Хоръ на аллегорич. изображеніе Россіи садомъ» (ib., ст. XVI); 18) «Стихи къ самому себѣ» (ib., ст. XVII); 19) «На отъѣздъ любовницы» (ib., ст. XVIII); 20) басня «Заслуги свои часто измѣряемъ несправедливо» (кн. VII, ст. VII); 21) «Слава» (кн. IX, ст. I); 22) эпиграммы, 3 (кн. IX, ст. III); 23) «На сочиненія Финтакова», эпигр. (ib., ст. VII); 24) «Ея Величеству Екатеринѣ II» (кн. X, ст. I); 25) мадригалъ (ib., ст. III); 26) «Стихи, присланные изъ Владиміра» (ib., ст. XVI); 27) Эпитафія, присланная изъ Владиміра (Р. И. Воронцову, отцу княгини Дашковой, ib., ст. XVII); 28) «Притча» (кн. XI, ст. XII); 29) «Превращеніе форели (ib., ст. VIII); 30) «Счастіе» (ib., ст. XII); 31) «Бесѣда первая» (ib., ст. XIII) и 32) вторая (кн. XIII, ст. III); 33) идиллія «Фебъ, Палемонъ и Дафнисъ» (кн. XI, ст. XV); 34) «Эпиграмма на Глупонова» (ib., ст. XVIII); 35) «Къ шатру моему» (кн. XII, ст. III); 36) «Стихи на разлуку» (ib., ст. IV);

37) эпиграмма (ib., ст. VI); 38) «Надгробная женѣ отъ ея мужа» (ib., ст. VIII); 39) эпиграмма (ib., ст. IX); 40) Старое и новое время (кн. XIII, ст. V); 41) «Эпитафія мудрецу» (кн. XV, ст. III); 42) мадригалъ (ib., ст. VII); 43) «Весна» (кн. XVI, ст. II); 44) «Подражаніе французскимъ стихамъ на заданныя риѳмы» (ib., ст. VI); 45) «Сновидѣніе», сказка (ib., ст. IX); 46) эпиграмма (ib., ст. XI).

Въ 10-мъ нумерѣ «Отеч. Зап.» нынѣшняго года, г. Галаховъ напечаталъ 43 страницы, которыхъ цѣль — «доказать односторонность или невѣрность выводовъ», заключающихся въ нѣсколькихъ строкахъ статьи г. Лайбова [1]) въ «Современникѣ» и относящихся къ «Былямъ и Небылицамъ» Императрицы Екатерины. Такая честь должна, конечно, быть очень лестною для г. Лайбова: вѣдь онъ лицо совершенно неизвѣстное въ литературѣ, а г. Галаховъ успѣлъ уже пріобрѣсти громкую извѣстность — какъ между учащимися своею хрестоматіею и разными статейками, такъ и между учеными—наивнымъ признаніемъ, что въ составленіи своей хрестоматіи (и, вѣроятно, своихъ статеекъ) онъ руководствовался «Чтеніями о Словесности» г. Ивана Давыдова (Зри «Отеч. Зап.» 1843 г., № 7). (Что, впрочемъ, и весьма замѣтно, какъ въ хрестоматіи, такъ и въ статейкахъ.) Когда такой ветеранъ литературы возвышаетъ голосъ, то люди неизвѣстные должны кланяться и благодарить, и, конечно, г. Лайбовъ не будетъ препираться съ тѣмъ, кто въ своихъ понятіяхъ сходится съ понятіями автора «Чтеній о словесности». Но, смотря на дѣло со стороны, нельзя не пожалѣть о г. Галаховѣ, который рѣшительно погубилъ свой трудъ даромъ, отчасти сражаясь съ вѣтряными мельницами, отчасти стараясь свить веревку изъ песку. Надѣюсь, что редакція «Современника» не откажется помѣстить нѣсколько моихъ замѣтокъ объ этомъ дѣлѣ, замѣтокъ человѣка, совершенно равнодушнаго къ личностямъ обоихъ авторовъ, между которыми зашелъ теперь споръ о «Быляхъ и Небылицахъ».

Г. Галаховъ прежде всего выдралъ изъ статьи г. Лайбова по нѣсколько строкъ, съ шести страницъ, оставивши въ сторонѣ связь мыслей и все, чѣмъ онѣ доказываются. Затѣмъ, рѣшаясь опровергать выводы г. Лайбова, г. Галаховъ сначала толкуетъ весьма пространно о томъ, что Императрица Екатерина всегда была вѣрна своимъ основнымъ принципамъ (противъ чего никто и не говорилъ ни слова); потомъ исчисляетъ пороки, которые Императрица осмѣивала въ своихъ комедіяхъ: неплатежъ долговъ, мотовство, щегольство, легкость семейныхъ отношеній. Затѣмъ слѣдуетъ 10 страницъ о стараніяхъ Императрицы положить предѣлъ иностранному воспитанію въ Россіи, потомъ еще столько же о суевѣріи и

---

[1]) Статья о «Собес. Люб. Р. Сл.» была подписана псевдонимомъ Н. Лайбовъ. *Прим. изд.*

тайныхъ обществахъ. Послѣ того говорится еще о вопросахъ фонъ-Визина, о самой формѣ «Былей и Небылицъ», о ихъ языкѣ, и изъ всего разсужденія выводится, что «Были и Небылицы»—истинная характеристика тогдашняго общества и что на нихъ можно смотрѣть какъ на сводъ всего, что писала Екатерина II *до* и *послѣ* 1783 года.

Доказываетъ г. Галаховъ свою мысль весьма оригинальнымъ способомъ: онъ дѣлаетъ десятки выписокъ изъ комедій Императрицы, изъ «Наказа», изъ сатиръ Кантемира и Сумарокова, изъ переписки Дидро съ Гриммомъ, Екатерины съ Циммерманомъ и Вольтеромъ, Вольтера съ Даламберомъ, и пр., все для того, чтобы доказать, что у насъ былъ извѣстный порокъ, напр., суевѣріе, и затѣмъ побѣдоносно представляетъ *одну* замѣтку «Былей и Небылицъ», чтобы доказать, что и онѣ объ этомъ говорили. Приведя около десятка подобныхъ заключительныхъ выписокъ во всей статьѣ, г. Галаховъ думаетъ, что дѣло его кончено, и что противникъ его уничтоженъ окончательно. Но тому, кто внимательно прочиталъ статьи г. Лайбова и г. Галахова, ясно видно, что г. критикъ говоритъ совсѣмъ не о томъ, о чемъ слѣдуетъ, и сражается съ вѣтряными мельницами. Пріемъ, имъ употребленный, похожъ на то, какъ если бы мы, стараясь доказать, что, наприм., Гоголь былъ стихотворецъ, а не прозаикъ, начали бы толковать о Гомерѣ, Данте, о Ломоносовѣ, Державинѣ, Пушкинѣ и пр. и, сказавъ, что всѣ они писали стихи, въ заключеніе рѣшили бы, что Гоголь, написавшій «Ганца Кюхельгартена» и «Италію»,—тоже стихотворецъ. Это очень логично, но къ дѣлу нисколько не относится.

Но, оставивъ въ сторонѣ странный способъ г. Галахова—разсуждать объ одномъ предметѣ, говоря совершенно о другомъ—мы видимъ много невѣрнаго, неопредѣленнаго и ложно понятаго въ самыхъ его положеніяхъ. Онъ вооружается особенно противъ тѣхъ словъ г. Лайбова, что самъ авторъ смотрѣлъ на «Были и Небылицы» какъ на плоды досуга и *говорилъ въ нихъ обо всемъ, что ему приходило въ голову*. Эти слова онъ называетъ безъ всякой церемоніи—*безсмысленными* («От. Зап.» 1856 г., № 10. Крит., стр. 45), на томъ основаніи, что Императрица отличалась вѣрностью своимъ принципамъ и пристрастіемъ къ своимъ идеямъ, безъ котораго не бываетъ ни великихъ дѣятелей, ни великихъ дѣлъ. Вполнѣ уважаемъ въ г. Галаховѣ этотъ благородный порывъ благоговѣнія къ великой монархинѣ и вполнѣ согласны съ его мнѣніемъ о томъ, что Екатерина II всегда вѣрна была своимъ идеямъ. Но мы думаемъ, что ея величіе и слава нимало не нуждаются въ томъ, чтобы бѣглыя замѣтки ея считались по своей важности и серьезности равными «Наказу». Слава ея не помрачается, а возвышается еще болѣе, когда мы смотримъ на ея дѣло съ точки зрѣнія истины и справедливости, къ которымъ такую любовь высказывала она сама. Если бы ея произведенія были дурны, и тогда она бы потребовала, чтобы ей сказали о нихъ правду; тѣмъ менѣе

могла бы она потерпѣть преувеличенные отзывы о значеніи того, чему она сама не придавала никакого значенія. Людовикъ XIV писалъ слабые стихи,—и развѣ помрачается этимъ его величіе? Петръ Великій занимался точеньемъ; но развѣ вещи, выточенныя имъ, должны непремѣнно отражать въ себѣ великія идеи преобразователя Россіи и занимать важное мѣсто въ исторіи токарнаго искусства? А «Были и Небылицы» были точно такъ же *отдыхомъ* для Екатерины, какъ для Петра—точенье. Съ этимъ согласенъ и самъ г. Галаховъ (стр. 81). А можно ли требовать отъ человѣка, чтобы онъ, въ часы отдыха, занимался важнымъ дѣломъ, по строго опредѣленному плану и системѣ? Не естественно ли, что плодъ этого досуга будетъ не болѣе, какъ забавная игрушка, и—если это литературное произведеніе—что въ немъ дѣло будетъ перемѣшано съ бездѣльемъ? Да и какъ не замѣтить этого съ перваго раза, при чтеніи «Былей и Небылицъ»? Это видно въ тѣхъ выпискахъ, которыя представлены въ статьѣ г. Лайбова... Конечно, Императрица не противорѣчила здѣсь самой себѣ, не шла противъ своихъ убѣжденій; но вѣдь объ этомъ никто и не говорилъ.

Г. Лайбовъ упрекается также за то, будто онъ вѣритъ разсказу автора «Былей и Небылицъ» объ употребленіи ихъ на обертку и на папильотки, и изъ этого, будто бы, выводитъ, что авторъ ихъ самъ не придавалъ имъ значенія (стр. 79). Но здѣсь г. Галаховъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, возражаетъ на собственныя мысли, а не на слова своего противника, которыя онъ не хотѣлъ даже привести въ своей выпискѣ (стр. 43) такъ какъ слѣдуетъ для полноты смысла. Послѣ разсказа о папильоткахъ, у него тотчасъ выписаны слова: «и это не иронія», и пр., а въ подлинникѣ сказано, что когда кто-то въ письмѣ просилъ автора «Былей» изобразить человѣческое тщеславіе, тогда онъ отвѣчалъ, что перемытаривать свѣтъ онъ не намѣренъ, и пр. (см. «Совр.» № 8, стр. 66). Здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, видно, что авторъ «Былей» не хотѣлъ даже и браться за серьезное изображеніе порока въ своихъ легкихъ, бѣглыхъ замѣткахъ, въ которыхъ именно (повторимъ слова статьи «Современика») все писано какъ-бы импровизаціей, безъ особеннаго плана и заботы о томъ, чтобы составить стройное цѣлое.

Точно такъ же опрометчиво поступилъ г. Галаховъ и въ слѣдующей выпискѣ, взятой имъ совершенно отдѣльно отъ предыдущихъ мыслей. Г. Лайбовъ разбираетъ тѣ попытки на представленіе характеровъ, которыя видимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «Былей», и находитъ, что осмѣиваются—самолюбивый, нерѣшительный, лгунъ и пр. («Современникъ», стр. 67). Здѣсь онъ и замѣчаетъ, что большая часть этихъ описаній характеровъ, съ ихъ намеками и остротами, очень общи, а гораздо болѣе характернаго — въ мимолетныхъ, случайныхъ замѣткахъ. Все это очень естественно и какъ нельзя лучше соглашается съ общимъ положеніемъ автора, что «Были и Небылицы» не имѣли значенія серьезной сатиры, а были

просто бѣглыми замѣтками обо всемъ, что автору ихъ приходило въ голову, и между прочимъ, иногда, конечно, и о вещахъ болѣе или менѣе серьезныхъ. Но у г. Галахова приведена только вторая половина мнѣнія, такъ что, прочитавъ выписку, думаешь, что г. Лайбовъ рѣзко противорѣчитъ себѣ. Замѣтимъ еще, что противъ степени характерности бѣглыхъ замѣтокъ въ «Быляхъ» г. Галаховъ не говоритъ ни слова, а между тѣмъ гордо обѣщался опровергнуть выводы, представленные имъ изъ статьи г. Лайбова, «начиная съ перваго и оканчивая послѣднимъ». Возстаетъ г. Галаховъ особенно еще противъ той мысли, что «Были и Небылицы» не были характеристикой общества. Онъ говоритъ: онѣ заключаются въ указаніи и осмѣяніи общественныхъ недостатковъ, тогда господствовавшихъ, тѣхъ самыхъ, съ которыми имѣли дѣло и другія сочиненія Императрицы, явившіяся и прежде и послѣ «Былей и Небылицъ», и ея правительственные уставы и учрежденіи, и произведенія современныхъ писателей. *Отсюда вытекаетъ прямое заключеніе,—вопреки заключенію г. Лайбова*, — что «Были и Небылицы»—живая и мѣткая сатира. Но то же самое, только съ большимъ ограниченіемъ, утверждаетъ и г. Лайбовъ, говоря, что въ «Быляхъ и Небылицахъ» есть сатира и, *вѣроятно*, *мѣткая* и живая, но изъ темныхъ явленій русской жизни «Были» представляютъ очень немногія и то не важнѣйшія. Онѣ болѣе обращаются къ внѣшней сторонѣ жизни, онѣ не заботятся о томъ, чтобы обнять все дурное, что представляется въ обществѣ, потому что онѣ именно написаны подъ вліяніемъ минутнаго расположенія духа, въ веселый часъ, во время отдыха, а не съ серьезной цѣлью. Авторъ отказался описать *мздоимца* и *ябедника*, онъ не хотѣлъ затрогивать *человѣческаго тщеславія*; равнымъ образомъ, ни г. Лайбовъ, ни г. Галаховъ не представили намъ, что «Были и Небылицы» изображали ханжество, ласкательство, подслуживанье и выслуживанье предъ высшими, грубость и жестокость съ низшими, отсутствіе собственныхъ убѣжденій, животное равнодушіе къ высшимъ вопросамъ, и т. п. А вѣдь нельзя не согласиться, что, при молчаніи объ этихъ недостаткахъ, вышла бы плохая *характеристика* общества, и еслибъ Императрица хотѣла писать *характеристику*, она бы, конечно, обратила на нихъ болѣе вниманія, нежели на все остальное. Недостатки эти существовали и были сильны тогда въ русскомъ обществѣ. Доказательство представляетъ тотъ же «Собесѣдникъ», въ которомъ помѣщены «Были и Небылицы». Изъ совокупности замѣтокъ этого журнала, дѣйствительно, можно составить довольно полную характеристику общества, что и сдѣлалъ г. Лайбовъ въ статьѣ своей. Сказать же, что характеристика общества заключается въ «Быляхъ и Небылицахъ», почти то же, что сказать, будто, напр., «Хвастунъ» Княжнина или «Говорунъ» Хмѣльницкаго представляютъ полную характеристику общественныхъ недостатковъ.

Но какія же новыя черты отыскалъ г. Галаховъ въ «Бы-

ляхъ»,—черты, которыя были бы упущены изъ виду г. Лайбовымъ и могли измѣнить взглядъ на это сочиненіе? Никакихъ. Онъ только распространилъ ненужными выписками изъ комедій Императрицы и пр. то самое, о чемъ упомянулъ и г. Лайбовъ. Стоитъ сравнить все содержаніе статьи г. Галахова съ 67—8 страницами статьи г. Лайбова въ № VIII «Современника» [1]), и каждый увидитъ, что г. Галаховъ ничего сколько-нибудь важнаго не прибавилъ къ тому, что мы узнали о «Быляхъ и Небылицахъ» отъ г. Лайбова, у котораго сказано было: «въ первой же статьѣ «Былей» осмѣиваются: самолюбивый, нерѣшительный, лгунъ, мотъ, щеголиха, вздорная баба, мелочной человѣкъ... Во второй находятся насмѣшки надъ пренебреженіемъ къ литературѣ... Далѣе насмѣшки надъ человѣкомъ, который некстати высказываетъ свое недовольство, надъ женой, не любящей мужа, надъ дѣвушкой, которая бѣлится, и пр.... авторъ вооружается противъ пристрастія къ иноземному, особенно французскому, противъ того, когда человѣкъ тянется, чтобы выйти изъ своего состоянія, противъ непостоянства, часто мѣняющаго заведенный порядокъ, противъ умничанья, которое онъ называетъ скучнымъ...» Г. Галаховъ счелъ нужнымъ распространить все это выписками; но такъ какъ «Были» давали ему матеріала очень мало, то онъ началъ выписывать изъ комедій, изъ Полнаго Собранія Законовъ, изъ «Словаря достопамятныхъ людей», изъ «Исторіи Московскаго Университета», и пр., и пр., воображая, что онъ представляетъ *характеристику* «Былей и Небылицъ». Да вѣдь дѣлать эти выписки—дѣло совсѣмъ нетрудное. Г. Лайбовъ, конечно, сумѣлъ бы надѣлать ихъ не менѣе г. Галахова, тѣмъ болѣе, что смирдинское изданіе русскихъ авторовъ и «Наказъ» Екатерины II (главные матеріалы г. Галахова) у всякаго подъ рукой. Такимъ образомъ, легко было бы, вмѣсто шести страницъ, написать о «Быляхъ» сорокъ три и, слѣдовательно, о всемъ «Собесѣдникѣ», вмѣсто ста, семьсотъ страницъ. Но г. Лайбовъ не въ правѣ былъ сдѣлать этого, говоря объ одномъ изъ сочиненій Екатерины II, а не объ общемъ характерѣ литературы. Если бъ онъ писалъ статью о «нравахъ русскаго общества въ вѣкъ Екатерины», тогда, конечно, онъ могъ выписывать все, что можно найти о нихъ въ современной литературѣ. Въ настоящемъ же случаѣ онъ, по нашему мнѣнію, хорошо сдѣлалъ, что помнилъ, *о чемъ* онъ пишетъ.

Г. Галаховъ самъ замѣтилъ неумѣстность своихъ разсужденій и оправдываетъ ихъ тѣмъ, что «историко-литературное разсужденіе должно выяснить вопросъ вполнѣ, поставить его въ соотношеніе и съ мѣрами правительственными и съ произведеніями словесности». Онъ говоритъ, что «нельзя оградить себя однѣми «Былями», что нужно начать издалека»... И все это для чего же? Для того, чтобы доказать, что у насъ, въ самомъ дѣлѣ, было въ прошломъ столѣтіи пристрастіе къ французскому воспитанію, что,

---

[1]) Стр. 34—35 настоящаго изданія. *Прим. изд.*

дѣйствительно, были суевѣрія, были масонскія общества, что точно были люди, не платившіе долговъ, мотавшіе, дурно исполнявшіе семейныя обязанности! Да, помилуйте, кто же въ этомъ сомнѣвается? Это уже дѣло рѣшенное. Ваша задача должна состоять только въ томъ, чтобы показать, *что́* и *какъ* отразилось въ «Быляхъ и Небылицахъ». И вы, несмотря на щедрыя выписки, успѣли представить изъ «Былей и Небылицъ» не болѣе характерныхъ чертъ, нежели г. Лайбовъ.

Г. Галаховъ не понимаетъ, откуда вывелъ г. Лайбовъ, что въ веселомъ тонѣ «Былей» выразился блестящій вѣкъ Екатерины, вѣкъ веселій, вѣкъ празднествъ и пр. («Отечественныя Записки», стр. 82). Самое это мнѣніе о вѣкѣ Екатерины онъ считаетъ ложнымъ (стр. 44). Почему господинъ Галаховъ отвергаетъ качество, всѣми признанное за этимъ блестящимъ вѣкомъ и оставившее столь яркіе слѣды и въ тогдашней литературѣ, и въ воспоминаніяхъ современниковъ,—этого онъ не считаетъ нужнымъ объяснять. Онъ, очевидно, не хочетъ обратить вниманія на то обстоятельство, что во время Екатерины II, по крайней мѣрѣ, столько же было писано одъ на празднества, сколько и на побѣды, что веселое направленіе выражалось во всемъ. А стоило бы, кажется, хоть припомнить конецъ оды Державина на смерть Мещерскаго, и тогда слова г. Лайбова о вѣкѣ Екатерины представились бы не болѣе, какъ перифразомъ ея заключительной строфы.

Но всего интереснѣе разсужденіе г. Галахова о тогдашнемъ воспитаніи. Нѣсколько страницъ объ этомъ порождены тремя строками одного изъ примѣчаній г. Лайбова («Современникъ», № 9, стр. 64), гдѣ сказано: «замѣчательно, что во время изданія «Собесѣдника», несмотря на частныя выходки нѣкоторыхъ журналовъ, въ литературѣ нашей еще господствовали полное довѣріе и уваженіе къ французамъ и ихъ *ученію*» [1]). Хотя передъ этимъ ничего не говорилось о воспитаніи, но г. Галаховъ вообразилъ, что ученіе именно употреблено здѣсь въ смыслѣ школьныхъ уроковъ, и написалъ грозную страницу, въ которой упоминаетъ и о фонъ-Визинѣ, и о сатирическихъ журналахъ 1769—74 гг. (которые оговорены были и г. Лайбовымъ), и даже о комедіяхъ Сумарокова. Съ маленькой натяжкой онъ могъ бы прибавить сюда и сатиры Кантемира и даже «Камень Вѣры» Стефана Яворскаго. Г. Лайбовъ говоритъ о философскихъ ученіяхъ, а г. Галаховъ воображаетъ, что дѣло идетъ о дѣтскихъ учителяхъ.

Въ доказательство того, что воспитаніе наше стремилось къ народности съ самаго восшествія на престолъ Императрицы Екатерины, онъ приводитъ много мѣстъ изъ «Полнаго Собранія Законовъ» и изъ «Наказа» и говоритъ, что Бецкій работалъ въ этомъ духѣ по идеямъ Императрицы. Но странно, какъ г. Галаховъ, умѣя приводить букву, не можетъ вникнуть въ истинный смыслъ и духъ

---

[1]) Стр. 87 настоящаго изданія. *Прим. изд.*

того, изъ чего онъ приводитъ. Какъ будто офиціальная бумага—такое литературное произведеніе, которое прямо вамъ объясняетъ внутренній характеръ всего дѣла. Совсѣмъ нѣтъ: здѣсь нужно добраться до сущности нѣкоторыми соображеніями. И, раскрывъ «Собраніе учрежденій и предписаній о воспитаніи въ Россіи» (Спб., 1789 г.), совсѣмъ не трудно сообразить дѣло, видя, что тутъ безпрестанно толкуется о грекахъ, персахъ и римлянахъ, приводятся выписки изъ *Локка*, *Сантеса*, *Гюма*, *Монтаня*, припоминаются мнѣнія *Ришелье*, помѣщаются *вегеціевы* наставленія; указывается на книгу о законахъ и домостроительствѣ *датскаго* королевства; для пополненія и разъясненія изложенныхъ здѣсь правилъ, говорится, что воспитательный домъ учреждается по примѣру Голландіи, Франціи и Италіи, выказывается безусловное восхищеніе кассельскимъ и ліонскимъ госпиталями для бѣдныхъ, и пр., и пр. Г. Галаховъ въ защиту своей мысли приводитъ также слова изъ офиціальной рѣчи Сумарокова на открытіе Академіи Художествъ (стр. 60) и замѣчаетъ, что Сумароковъ какъ бы повторяетъ здѣсь мысли Бецкаго. Но вотъ что тотъ же Сумароковъ говорилъ о Бецкомъ въ частной бесѣдѣ: «есть де нѣкто г. Таубертъ; онъ смѣется Бецкому, что онъ робятъ воспитываетъ на французскомъ языкѣ. Бецкій смѣется Тауберту, что онъ робятъ въ училищѣ, которое недавно заведено при Академіи, воспитываетъ на языкѣ нѣмецкомъ. А мнѣ кажется, и Бецкій, и Таубертъ—оба дураки: должно дѣтей въ Россіи воспитывать на языкѣ россійскомъ» («Семена Порошина Записки», стр. 436). Вотъ какая можетъ быть разница между самымъ дѣломъ и офиціальнымъ представленіемъ его: не худо г. Галахову замѣтить эту разницу.

II.

РУССКАЯ САТИРА

ЕКАТЕРИНИНСКАГО ВРЕМЕНИ.

(**Русскіе сатирическіе журналы** 1769—1774 годовъ. Эпизодъ изъ исторіи русской литературы прошлаго вѣка. Соч. *А. Аѳанасьева*. Москва. 1859 г.)

> А я бы повару иному
> Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить,
> Чтобъ тамъ рѣчей не тратить попустому,
> Гдѣ нужно власть употребить.
>
> Крыловъ.

Искусство говорить слова для словъ всегда возбуждало великое восхищеніе въ людяхъ, которымъ нечего дѣлать. Но такое восхищеніе не всегда можетъ быть оправдано. Конечно, и звукъ, какъ все на свѣтѣ, имѣетъ право на самостоятельное существованіе и, доходя до высокой степени прелести и силы, можетъ восхищать самъ собою, независимо отъ того, что имъ выражается. Такъ, насъ можетъ плѣнять соловьиное пѣніе, смысла котораго мы не понимаемъ, итальянская опера, которую обыкновенно понимаемъ еще меньше, и т. п. Но въ большинствѣ случаевъ звукъ занимаетъ насъ только какъ знакъ, какъ выраженіе идеи. Восхищаться въ офиціальномъ отчетѣ—его слогомъ или въ профессорской лекціи—ея звучностью означаетъ крайнюю односторонность и ограниченность, близкую къ идіотству. Вотъ почему, какъ только литература перестаетъ быть праздною забавою, вопросы о красотахъ слога, о трудныхъ риѳмахъ, о звукоподражательныхъ фразахъ и т. п. становятся на второй планъ: общее вниманіе привлекается содержаніемъ того, что пишется, а не внѣшнею формою. Такимъ образомъ, красивенькія описанія, звучные диѳирамбы и всякаго рода общія мѣста исчезаютъ предъ произведеніями, въ которыхъ

развивается общественное содержаніе. Является потребность въ изображеніи нравовъ; а такъ какъ нравы, отъ начала человѣческихъ обществъ до нашихъ временъ, были всегда очень плохи, то изображеніе ихъ всегда переходитъ въ сатиру. Такимъ образомъ, сатира, говоря слогомъ московскихъ публицистовъ, «служитъ доказательствомъ зрѣлости общественной среды и залогомъ грядущаго совершенствованія государства». Немудрено поэтому, что и у насъ сатира привлекаетъ къ себѣ особенную благосклонность образованной публики и приводитъ въ восторгъ лучшихъ нашихъ историковъ литературы, т. е. тѣхъ, которые уже переступили степень развитія, дозволяющую инымъ восхищаться слогомъ офиціальныхъ отчетовъ.

Относительно значенія и достоинства сатиры вообще, мы совершенно соглашаемся съ почтенными историками литературы нашей. Но мы позволимъ себѣ указать на одну особенность нашей родной сатиры, до сихъ поръ почти не удостоенную вниманія ученыхъ изслѣдователей. Особенность эта состоитъ въ томъ, что литература наша началась сатирою, продолжалась сатирою и до сихъ поръ стоитъ на сатирѣ—и, между тѣмъ, все-таки не сдѣлалась еще существеннымъ элементомъ народной жизни, не составляетъ серьезной необходимости для общества, а продолжаетъ быть для публики чѣмъ-то постороннимъ, роскошью, забавою, а никакъ не дѣломъ. Это значитъ, что и сатира у насъ вовсе не есть «слѣдствіе зрѣлости общественной среды», а объясняется совершенно другими причинами. Причины эти нетрудно понять: сатира явилась у насъ, какъ привозный плодъ, а вовсе не какъ продуктъ, выработанный самой народной жизнью. Кантемиръ, обличая приверженцевъ старины и вздорныхъ поклонниковъ новизны, сказалъ не думу русскаго народа, а идеи иностраннаго князя, пораженнаго тѣмъ, что русскіе не такъ принимаютъ европейское образованіе, какъ бы слѣдовало по плану преобразователя Россіи. Ставши подъ покровомъ офиціальныхъ распоряженій, онъ смѣло каралъ то, что̀ и такъ отодвигалось на задній планъ разнообразными реформами, уже приказанными и произведенными; но онъ не касался того, что̀ было дѣйствительно дурно—не для успѣха государственной реформы, а для удобствъ жизни самого народа. Въ то время, какъ вводилась рекрутская повинность, Кантемиръ изощрялся надъ неслужащими; когда учреждалась табель о рангахъ, онъ поражалъ боярскую спѣсь и мѣстничество; когда народъ отъ притѣсненій и непонятныхъ ему новостей всякаго рода бѣжалъ въ расколъ, онъ смѣялся надъ мертвою обрядностью раскольниковъ; когда народъ нуждался въ грамотѣ, а у насъ учреждалась академія наукъ, онъ обличалъ тѣхъ, которые говорили, что можно жить, не зная ни латыни, ни Эвклида, ни алгебры... Съ Кантемира такъ это и пошло на цѣлое столѣтіе: никогда почти не добирались сатирики до главнаго, существеннаго зла, не разражались грознымъ обличеніемъ противъ того, отъ чего происходятъ и развиваются общіе на-

родные недостатки и бѣдствія. Характеръ обличеній былъ частный, мелкій, поверхностный. И вышло то, что сатира наша, хотя, повидимому, и говорила о дѣлѣ, но въ сущности постоянно оставалась пустымъ звукомъ...

Любопытно прослѣдить, какъ это случилось, и мы не отказываемся, по мѣрѣ возможности, когда-нибудь серьезно заняться этимъ вопросомъ. Но теперь выскажемъ лишь нѣсколько общихъ замѣчаній, нужныхъ для настоящаго предмета нашей статьи.

Когда человѣкъ говоритъ о дѣлѣ, то прямая цѣль его словъ та, чтобы дѣло было сдѣлано; когда сатирикъ возстаетъ противъ недостатковъ, то у него непремѣнно есть стремленіе исправить недостатки. Но, чтобы подобная цѣль могла достигаться, нужно говорить дѣльно и договаривать до конца, иначе никакого толку не выйдетъ. Если меня, напримѣръ, порицаютъ за то, что я живу въ дурной квартирѣ и ѣмъ плохую пищу, между тѣмъ, какъ у меня нѣтъ денегъ для лучшей квартиры и пищи, то очевидно, что всѣ порицанія не принесутъ мнѣ ровно никакой пользы. Человѣкъ истинно желающій, чтобы я исправился отъ дурной привычки скудно ѣсть и жить въ бѣдности, непремѣнно обратитъ свои обличенія не на квартиру и столъ мой, а или на то, зачѣмъ я самъ ничего не дѣлаю для своего обезпеченія, или на то, зачѣмъ другіе не вознаграждаютъ моего труда, какъ слѣдуетъ. То же самое и въ нравственной жизни общества. Большая часть общественныхъ явленій не можетъ быть измѣнена просто волею частныхъ лицъ: нужно измѣнить обстановку, дать другія начала для общей дѣятельности, и тогда уже обличать тѣхъ, которые не сумѣютъ воспользоваться выгодами новаго устройства. Наши сатирики отчасти не хотѣли понять этого, а отчасти и понимали, да не могли выразить. Они нападали на необразованность, взяточничество и ханжество, отсутствіе законности, спѣсь и жестокость въ обращеніи съ низшими, подлость предъ высшими и пр. Но весьма рѣдко въ этихъ обличеніяхъ проглядывала мысль, что всѣ эти частныя явленія суть не что иное, какъ неизбѣжныя слѣдствія ненормальности всего общественнаго устройства. Большею частію нападали на взяточника такъ, какъ будто бы все зло взяточничества зависѣло единственно отъ личной наклонности такихъ-то къ обдиранію просителей. Никогда въ сатирахъ нашихъ вопросъ о взяткахъ не переходилъ въ разсмотрѣніе общаго вреда бюрократіи и тѣхъ обстоятельствъ, которыми сама бюрократія порождена и развита. То же было и во всѣхъ другихъ вопросахъ. Большая часть сатириковъ нашихъ уподоблялась человѣку, обличающему бѣдняка за то, что тотъ не живетъ въ роскоши, и добросовѣстно убѣжденному, что отъ этихъ обличеній жизнь бѣдняка пойдетъ лучше. Нѣкоторые же изъ обличителей задавались такой мыслью: «мы, дескать, будемъ обличать и ославлять бѣдняка за его скудость; когда это дойдетъ до хозяина, отъ котораго онъ получаетъ жалованье, такъ хозяинъ-то усовѣстится да и сдѣлаетъ ему при-

бавку». Разсужденіе это, замѣчательное по своей наивности, очевидно руководило весьма многими изъ нашихъ сатириковъ, отъ Сумарокова до нашихъ дней, и, вслѣдствіе того, обличенія бѣдняка въ скудости обыкновенно заканчивались увѣщаніемъ исправиться, оставаясь на службѣ у того же хозяина... Въ одной изъ нашихъ прежнихъ статей мы уже говорили о подобныхъ сатирикахъ, называя ихъ Маниловыми, и здѣсь не можемъ не повторить, что именно этотъ маниловскій характеръ и лишалъ постоянно нашу сатиру реальнаго значенія. Жевали, жевали, мяли, мяли у насъ въ литературѣ разные общественные вопросы, и подъ конецъ дошли—до чего же?—до эстетическаго открытія, что и сатира можетъ быть такимъ же словомъ для слова, какъ и звучное стихотвореніе Фета или Хомякова... Оказалось, что не однѣ розы и грезы, не одну географію славянскихъ рѣкъ, но и общественныя язвы можно воспѣвать только для процесса воспѣванія. Сатира явилась только другимъ видомъ или, если хотите, другою степенью старинныхъ эклогъ, рондо и мадригаловъ... Здѣсь былъ, конечно, уже не звукъ для звука, но и не звукъ для дѣла; это было — обличеніе для обличенія, споръ для спора, остроуміе для остроумія. До настоящаго дѣла было отсюда чрезвычайно далеко, не только въ выраженіи, но и въ мысли сатириковъ. Они твердили: не нужно прислуживаться къ начальству, не нужно брать взятокъ, не нужно эксплоатировать другихъ, и пр. Но какъ же быть, когда безъ прислуживанья и безъ взятокъ большинство чиновниковъ не можетъ выбиться изъ ничтожества, не можетъ содержать семьи, прилично одѣться, и т. д. Какъ быть, ежели, при современныхъ общественныхъ отношеніяхъ, всякій, кто не эксплоатируетъ другого, долженъ почти умирать съ голода? При этихъ вопросахъ, не только обличаемые, но и сами обличители становились въ тупикъ и начинали бить воздухъ отвлеченностями о томъ, что, во всякомъ случаѣ, надо, однако, быть честнымъ. Но такъ какъ этотъ аргументъ былъ уже слишкомъ слабъ даже предъ судомъ ихъ собственной совѣсти, въ родѣ докторскаго увѣренія больному, что слѣдуетъ беречь здоровье, то они обыкновенно пускались въ очарованія и надежды. «Конечно, разсуждали они, худосочіе и ревматизмъ нельзя уничтожить медикаментами; надо перемѣнить образъ жизни и всю внѣшнюю обстановку. Но въ настоящее время, когда все идетъ впередъ, не нужно особенныхъ усилій для того, чтобы сдѣлать такую радикальную перемѣну: она совершается сама собою. По сложности ученыхъ наблюденій, за послѣднія 50 лѣтъ, оказывается, что климатъ вообще смягчается въ сѣверныхъ странахъ, море осѣдаетъ, гастрономія дѣлаетъ новые успѣхи, многія изнурительныя для здоровья работы исполняются новоизобрѣтенными машинами», и пр., и пр... Нѣтъ сомнѣнія, что все это должно быть весьма утѣшительно для больного бѣдняка, потому что подаетъ ему надежду, что медленный, но вѣрный прогрессъ скоро коснется и его положенія и уничтожитъ

причины его болѣзни... Такія и подобныя разсужденія всегда составляли одну изъ необходимыхъ частей нашей сатиры; причины ихъ заключались въ неумѣньи или нерѣшимости указать дѣйствительныя средства поправить дѣло; слѣдствіемъ же ихъ была та двойственность, та безпрерывная цѣпь разочарованій и новыхъ надеждъ, та умилительная смѣсь негодованія и восторга, которыя доставили нашимъ сатирикамъ такъ много обломовской миловидности и такъ мало дѣйствительной силы...

Винить ли ихъ за то, что они не умѣли вылѣчить больного? Требовать ли отъ нихъ, чтобы они приняли на себя громадный трудъ измѣнить всю обстановку, благопріятствующую болѣзни? Нѣтъ, это было бы несправедливо и нелѣпо. Ихъ можно упрекать въ другомъ: зачѣмъ они придаютъ своимъ утѣшительнымъ фразамъ значеніе, котораго онѣ не имѣютъ? Зачѣмъ они, повторяя много лѣтъ однѣ и тѣ же фразы, наконецъ до того сами увлекаются ими, что говорятъ ихъ даже не въ смыслѣ простого утѣшенія, а прописываютъ въ видѣ дѣйствительнаго лѣкарства? Наконецъ, зачѣмъ они такъ мало имѣютъ послѣдовательности, такъ поверхностно смотрятъ на жизнь, что полагаютъ, будто новѣйшими успѣхами гастрономіи воспользуется желудокъ больного бѣдняка, или что поднятіе балтійскаго берега можетъ на нынѣшнюю осень предохранить отъ наводненія жителей Галерной гавани?...

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы говорили о современной нашей сатирѣ и выражали прискорбіе о ея мелочности и поверхностности. Мы высказали убѣжденіе, что отъ такой сатиры не выйдетъ истинной пользы для общества. Нѣкоторые приняли наши слова за убѣжденіе, что обличать вовсе не нужно и что сатира только портитъ эстетическій вкусъ публики. Но мы вовсе не то имѣли въ виду: мы хотѣли сказать, что наша сатира *не то* и *не такъ* обличаетъ... Плодить далѣе разсужденія объ этой матеріи мы считаемъ крайне неудобнымъ, потому что—извѣстное дѣло—о настоящемъ времени всегда трудно произносить откровенное и рѣшительное сужденіе, а у насъ въ настоящее время, когда поднято столько вопросовъ и сдѣлано столько начинаній, подобное сужденіе положительно невозможно. Но если аналогія можетъ къ чему-нибудь повести, то намъ представляется въ книгѣ г. Аѳанасьева превосходный случай прослѣдить одинъ «эпизодъ изъ исторіи русской литературы», во многихъ отношеніяхъ аналогическій настоящему времени. Этотъ эпизодъ представляетъ намъ сатира екатерининскаго періода. Книга г. Аѳанасьева, разсматривающая сатирическіе журналы того времени, даетъ намъ очень много данныхъ относительно того, что тогда дѣлала сатира. Къ сожалѣнію, онъ не обратилъ вниманія на то, какіе результаты произошли въ самой жизни отъ столь ярыхъ обличеній. Но мы постараемся сдѣлать за него нѣсколько указаній изъ источниковъ, всѣмъ постоянно доступныхъ: изъ учебника русской исторіи г. Устрялова, изъ

«Полнаго Собранія Законовъ» и изъ нѣсколькихъ журнальныхъ статей, напечатанныхъ въ послѣднее время.

Вѣкъ Екатерины долгое время являлся намъ въ какомъ-то волшебномъ сіяніи, златымъ вѣкомъ процвѣтанія Россіи по всѣмъ частямъ. До недавняго времени наше вниманіе привлекалось только свѣтлою стороною послѣдней половины прошлаго вѣка. Созваніе депутатовъ со всей Россіи, Наказъ, учрежденіе о губерніяхъ, громы суворовскихъ и румянцовскихъ побѣдъ, пріобрѣтеніе Крыма и Польши, развитіе народнаго просвѣщенія, процвѣтаніе наукъ и художествъ, оды Державина, поэмы Хераскова, комедіи фонъ-Визина и самой Екатерины,—все это преисполняло благоговѣніемъ даже самую нечувствительную душу. Но, «въ настоящее время, когда» Россія вступаетъ въ новый періодъ существованія, и для екатерининской эпохи наступила уже исторія. Теперь уже нужны не диѳирамбы, не безотчетныя хвалы, а безпристрастное и спокойное разсмотрѣніе фактовъ того времени во всей ихъ полнотѣ. Скрывать или искажать историческіе факты, бывшіе за сто или за 80 лѣтъ назадъ, было бы крайне невѣжественнымъ и зловреднымъ, почти іезуитскимъ, поступкомъ. Вотъ почему теперь безпрепятственно появляется въ печати множество матеріаловъ для екатерининской исторіи, которые до сихъ поръ не могли появиться въ свѣтъ. Въ «Русской Бесѣдѣ» напечатаны Записки Державина; въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ «Библіографическихъ Запискахъ» и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» недавно помѣщены были извлеченія изъ сочиненій князя Щербатова; въ «Чтеніямъ московскаго общества» и въ «Пермскомъ Сборникѣ» — допросы Пугачеву и многіе документы, относящіеся къ исторіи пугачевскаго бунта: въ «Чтеніяхъ» есть, кромѣ того, много записокъ и актовъ, весьма рѣзко характеризующихъ тогдашнее состояніе народа и государства; мѣсяцъ тому назадъ г. Иловайскій, въ статьѣ своей о княгинѣ Дашковой, весьма обстоятельно изложилъ даже всѣ подробности переворота, возведшаго Екатерину на престолъ; наконецъ сама книга г. Аѳанасьева содержитъ въ себѣ множество любопытныхъ выписокъ изъ сатирическихъ журналовъ—о ханжествѣ, дворянской спѣси, жестокостяхъ и невѣжествѣ помѣщиковъ, и т. п. Выписки эти въ прежнее время были невозможны; но теперь онѣ являются въ весьма значительномъ количествѣ, потому что «въ настоящее время, когда» крестьянскій вопросъ принялъ уже такіе обширные размѣры и преданъ правительствомъ такой широкой гласности, подобныя историческія указанія могутъ дѣлаться совершенно безопасно. Опираясь на эти примѣры и мы рѣшаемся раскрыть, насколько возможно по скудости источниковъ и другимъ обстоятельствамъ, истинное отношеніе сатиры екатерининскаго періода къ самой дѣйствительности того времени и показать, каковы были результаты тогдашнихъ литературныхъ толковъ для послѣдующей жизни народа и государства.

Ежели разсматривать сатиру екатерининскаго времени, какъ нѣчто самобытное и серьезное, и не обращать вниманія на факты, противорѣчащіе такому взгляду, то нельзя не удивляться ея силѣ и смѣлости, нельзя не притти въ восхищеніе и не подумать, что такая сатира должна была произвести благотворнѣйшіе результаты для всей Россіи. До такихъ именно убѣжденій и дошелъ г. Аѳанасьевъ, какъ видно изъ первыхъ словъ его книги.

«Блистательное царствованіе императрицы Екатерины II, столько замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ, извѣстно и своимъ благотворнымъ вліяніемъ на развитіе отечественной литературы и журналистики. *Успѣхи общественной жизни отразились и на серьезномъ содержаніи многихъ литературныхъ произведеній, и на благородномъ ихъ направленіи.* Защита просвѣщенія, борьба съ невѣжествомъ и предразсудками, открытая и мѣткая насмѣшка надъ нравственными общественными недугами и глубокое чувство истиннаго патріотизма — вотъ тѣ существенныя стремленія, которымъ служило перо лучшихъ сочинителей того времени».

Далѣе г. Аѳанасьевъ говоритъ, что «сатира, состоя въ тѣсной связи съ тѣми преобразованіями, какія задумывала и совершала великая Екатерина, *бросала на воспріимчивую почву русской народности живительное сѣмя*» (стр. 2). Какова была жатва, объ этомъ г. Аѳанасьевъ не считаетъ нужнымъ распространяться; но, по его словамъ, надо полагать, что, при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, и жатва должна быть очень хороша. Сѣмя живительное и почва воспріимчивая: чего же вамъ больше? Развѣ постороннія вліянія могли мѣшать: градомъ побивало растительность, саранча налетала? Да и того не могло быть; вѣдь сатира «состояла въ тѣсной связи съ преобразованіями великой Екатерины!» Очевидно по всѣмъ признакамъ, екатерининская сатира должна была принести прекраснѣйшіе плоды.

И, дѣйствительно, сами сатирики того времени были убѣждены въ громадности своего вліянія на исправленіе общественныхъ недостатковъ. Сознавая свою связь съ правительственными преобразованіями, они не отдѣляли своего дѣла отъ дѣла Екатерины и твердо уповали на скорое водвореніе въ Россіи златого вѣка, вслѣдствіе совокупныхъ усилій правительства и литературы. Безъ этой приправы не обходилось у нихъ ни одно обличеніе! Особенно восхищало ихъ то, что при Екатеринѣ уже не водили къ пыткѣ и не ссылали въ Сибирь за каждое нескромное слово. «Читая твой листокъ—писалъ кто-то къ «Живописцу»—я плакалъ отъ радости, что нашелся человѣкъ, который противъ господствующаго ложнаго мнѣнія осмѣлился говорить въ печатныхъ листахъ. Великій Боже! услыши моленіе восьмидесятилѣтняго старика, къ счастію нашему продли дни премудрыя государыни... Куда бы ты попалъ, бѣдняжка, если бъ эту пѣсню запѣлъ въ то время, когда я былъ помоложе». («Живоп.», ч. I, стр. 52). Это было напечатано въ «Живописцѣ» въ 1772 г., т. е. черезъ десять лѣтъ по вступленіи Екатерины на престолъ. Извѣстно, что «Живописецъ» посвященъ «сочинителю комедіи» «О, время!», т. е. самой Екатеринѣ, и въ посвященіи

этомъ прямо и положительно объясняется, что сатира принимаетъ смѣлость обличать пороки именно вслѣдствіе поощренія государыни, какъ правительственнаго, такъ и литературнаго. Новиковъ, прикидываясь, что не знаетъ, *кто* сочинилъ «О, время!», говоритъ здѣсь о Екатеринѣ и какъ объ авторѣ, и какъ о правительницѣ, и одну восхваляетъ предъ другимъ. Между прочимъ, онъ говоритъ автору комедіи:

«*Вы первый* съ такимъ искусствомъ и остротою заставили слушать ѣдкость сатиры съ пріятностью и удовольствіемъ; *вы первый съ такою благородною смѣлостію напали на пороки, въ Россіи господствовавшіе*.. Продолжайте, государь мой, прославлять себя вашими сочиненіями... Взгляните безпристрастнымъ окомъ на *пороки наши закоренѣлые, худые обычаи, злоупотребленія и на всѣ развратные наши поступки;* вы найдете *толпы* людей, достойныхъ вашего осмѣянія, и вы увидите, какое еще *пространное поле* къ прославленію вашему осталось».

Слова эти можно замѣтить, какъ свидѣтельство писателя, что въ 1772 г., несмотря на возгласы одописцевъ объ Астреѣ и золотомъ вѣкѣ, господствовало еще въ Россіи полное развращеніе, и ситира, упражнявшаяся надъ нимъ уже три года (считая съ 1769, когда начались сатирическіе журналы), по прежнему имѣла для себя еще «пространное поле». Впрочемъ, весь «Живописецъ» свидѣтельствуетъ объ этомъ еще лучше, и потому-то особенно любопытна та легкость, съ которою и онъ, вмѣстѣ съ другими, поетъ хвалы «златому вѣку», наставшему тогда въ Россіи. Видно, что для «златого вѣка» сатирики считали нужнымъ только дозволеніе говорить о порокахъ... На это преимущественно и сводитъ Новиковъ свое увѣщаніе автору комедіи «О, время» насчетъ продолженія его писаній. Сказавъ объ обиліи нашихъ пороковъ и злоупотребленій, онъ продолжаетъ:

«Вы первый достоинъ показать, что *дорованная вольность умамъ россійскимъ употребляется въ пользу отечества.* Но, государь мой, почто укрываете вы свое имя, имя всеобщія достойное похвалы? Я никакія не нахожу къ тому причины. Неужели, оскорбя столь жестоко пороки и вооружа противъ себя порочныхъ, опасаетесь ихъ злословія? Нѣтъ, такая слабость никогда не можетъ имѣть мѣста въ благородномъ сердцѣ. *И можетъ ли такая ваша смѣлость опасаться угнетенія въ то время, когда, къ счастію Россіи и ко благоденствію человѣческаго рода, владычествуетъ наша премудрая Екатерина? Ея удовольствіе, оказанное во представленіи вашея комедіи, удостовѣряетъ о покровительствѣ ея такимъ, какъ вы, писателямъ.* Чего-жъ осталось вамъ страшиться?» («Жив.», ч. I, стр. IV).

Изъ этого, не совсѣмъ ловкаго по нынѣшнимъ понятіямъ, указанія на удовольствіе Екатерины, выраженное ею при представленіи ея же пьесы, видно, какъ мало тогдашняя сатира имѣла собственной инициативы и какъ она нуждалась въ меценатствѣ и поощреніи сверху. Поощреніе это, дѣйствительно, даваемо было Екатериною, разумѣется, въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ она считала нужнымъ и сообразнымъ съ своими видами,— и благодарные сатирики не могли безъ умиленія отзываться о милостяхъ премудрой монархини. Они безпрестанно хвалились ея покровительствомъ и чрезъ то зажимали ротъ обскурантамъ, которымъ не нравилась

свобода слова. «Живописецъ» изображаетъ глупаго и жестокаго помѣщика, который пишетъ къ сыну своему Ѳалалею: «что за Живописецъ такой у васъ проявился? Какой-нибудь нѣмецъ, а православный этого не написалъ бы... О, коли бы онъ здѣсь былъ! То-то бы потѣшилъ свой животъ: всѣ бы кости у него сдѣлалъ какъ въ мѣшкѣ! Что и говорить: дали волю!.. Тутъ небось не видятъ, и знатные господа молчатъ!» («Живоп.», I, стр. 109). Въ «Трутнѣ» упоминается *суевѣръ*, называющій златой вѣкъ, въ коемъ *позволено всѣмъ мыслить*, желѣзнымъ вѣкомъ («Трут.», стр. 280). Сама Екатерина придавала очень большую цѣну тому, что свобода слова не стѣсняется ею. Въ «Быляхъ и Небылицахъ», напечатанныхъ въ 1783 г. (черезъ десять лѣтъ послѣ «Живописца»), она упоминаетъ выходку *дѣдушки* противъ «разговоровъ, касающихся поправленія того-сего».—«Въ прежнее время,— по словамъ дѣдушки,— разговоры сіи вели вполголоса или на ушко, дабы лишней какой бѣды оные кому изъ насъ не нанесли; слѣдовательно, громогласіе между нами рѣдко слышно было: бесѣды же получали оттого нѣкоторый блескъ и видъ вѣжливости, которой слѣды не столь примѣтны нынѣ: ибо разговоры, смѣхъ, горе и все, что вздумать можешь, открыто и громогласно отправляется».—Для изъясненія сего дѣдушка говоритъ, что «*будто мысли и умы, доло бывъ угнетены подъ тягостію тайны, вдругъ, яко плотина отъ сильной водополи, прорвались*» (см. «Собес. Люб. Рос. Сл.», ч. II, стр. 137). Въ «Собесѣдникѣ», издававшемся кн. Дашковою, подъ руководствомъ самой Екатерины, также находится одно письмо, въ которомъ говорится: «держитесь принятаго вами единожды навсегда правила: не воспрещать честнымъ людямъ свободно изъясняться. Вамъ нѣтъ причины страшиться гоненій за истину подъ державою монархини,

«*Qui pense en grand homme et qui permet qu'on pense*».

Въ то же время Державинъ прославлялъ свободу слова, данную Екатериной, въ обращеніи къ Фелицѣ (Соч. Держ., стр. 368):

Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто бы народу смѣло
О всемъ и въявь, и подъ рукой,
И знать, и мыслить позволяешь,
И о себѣ не запрещаешь
И быль и небыль говорить.

Къ этому же великодушному «позволенію знать и мыслить» возвращается Державинъ и позже, въ «Изображеніи Фелицы» (1789 г.), влагая ей въ уста слѣдующія слова къ народу (Держ., стр. 415):

«*Я вамъ даю свободу мыслить*
Не въ рабствѣ, а въ подданствѣ числить,
И въ ноги мнѣ челомъ не бить;

Даю вамъ право безъ препоны
Мнѣ ваши нужды представлять,
Читать и знать мои законы
И въ нихъ ошибки замѣчать.

Даже въ одѣ на кончину Екатерины (Память 6 ноября 1796 г.), сочиненной Капнистомъ (Соч. его, стр. 309), мы находимъ упоминаніе о томъ, что при ней

Мы крылья мыслей расширяли,
Дерзая правду ей вѣщать.

Такимъ образомъ, во все время царствованія Екатерины русская литература постоянно повторяла ту мысль, что писателямъ дана полная свобода откровенно высказывать все, что угодно. Мысль эта сдѣлалась постояннымъ и непреложнымъ мнѣніемъ и много разъ высказывалась и впослѣдствіи, долго спустя послѣ смерти Екатерины. Такъ, напримѣръ, Карамзинъ, въ своей запискѣ «О старой и новой Россіи», указавши на свободу печати при Екатеринѣ, приводитъ даже и объясненіе этого явленія, въ такомъ видѣ: «увѣренная въ своемъ величіи, твердая, неприклонная въ намѣреніяхъ, объявленныхъ ею, будучи единственною душою всѣхъ государственныхъ движеній въ Россіи, не выпуская власти изъ собственныхъ рукъ, безъ казни, безъ пытокъ вліявъ въ сердца министровъ, полководцевъ, всѣхъ государственныхъ чиновниковъ живѣйшій страхъ сдѣлаться ей неугоднымъ и пламенное усердіе заслуживать ея милость, *Екатерина могла презирать легкомысленное злословіе и позволяла искренности говорить правду. Сей образъ мыслей*, *доказанный дѣлами 34-лѣтняго владычества*, *отличаетъ ея царствованіе отъ всѣхъ прежнихъ въ новой россійской исторіи. Слѣдствіемъ были*: *спокойствіе сердецъ*, *успѣхи пріятностей свѣтскихъ*, *знаній*, *разума*» (Кар., Эйнерл., III, XLVII).

Впрочемъ, было бы величайшимъ заблужденіемъ думать, на основаніи возгласовъ тогдашнихъ литераторовъ, будто при Екатеринѣ можно было безнаказанно говорить и писать все, что только придетъ на умъ. Напротивъ, Императрица очень зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы въ обществѣ и въ народѣ не разсѣивались понятія и слухи, несообразные съ ея намѣреніями относительно устройства и управленія государствомъ. При самомъ восшествіи ея на престолъ начали ходить въ народѣ различные слухи, которые были ей непріятны. Вслѣдствіе того, въ 1763 г., іюля 4, изданъ былъ указъ «о воздержаніи каждому себя отъ непристойныхъ званію его толкованій и разсужденій» (Полн. Собр. Зак. № 12003). Въ этомъ указѣ говорится, между прочимъ: «со дня самаго вступленія нашего на всероссійскій престолъ, мы, Богу содѣйствующему, въ сердцѣ нашемъ никогда о пользѣ и добрѣ нашихъ подданныхъ пещись, яко мать о дѣтяхъ своихъ, не оставимъ, въ чемъ да управитъ и укрѣпитъ насъ Его жъ рука святая. Вслѣдствіе чего равное жъ желаніе и воля наша есть, чтобъ всѣ и каждый изъ нашихъ зѣрноподданныхъ единственно прилежалъ своему званію и

должности, удаляясь отъ всякихъ продерзкихъ и непристойныхъ разглашеній. Но противу всякаго чаянія, къ крайнему нашему прискорбію и неудовольствію, слышимъ, что являются *такіе развращенныхъ нравовъ и мыслей люди, кои не о добрѣ общемъ и спокойствіи помышляютъ, но какъ сами заражены страшными разсужденіями о дѣлахъ совсѣмъ до нихъ не принадлежащихъ, не имѣя о томъ прямаго свѣдѣнія, такъ стараются заражать и другихъ слабоумныхъ*, и даже до того попускаютъ свои слабости въ безразсудномъ стремленіи, что *касаются дерзостно своими истолкованіями не только гражданскимъ правамъ и правительству и нашимъ издаваемымъ уставамъ, но и самимъ божественнымъ узаконеніямъ*, не воображая знатно себѣ ни мало, какимъ таковыя непристойныя умствованія подвержены предосужденіямъ и опасностямъ». Затѣмъ говорится, что «хотя таковые умствователи праведно заслуживаютъ достойную себѣ казнь, *яко спокойствію нашему и всеобщему вредные*», но на первый разъ монархиня обращается къ нимъ лишь съ «материнскимъ увѣщаніемъ», надѣясь, что они сами постараются заслужить «благословеніе Божіе и монаршую милость, довѣренность и благоволеніе»; въ противномъ же случаѣ обѣщаетъ поступить съ ними «по всей строгости законовъ». Подобныя объявленія съ угрозами издавались не разъ и въ послѣдующіе годы. Источники чрезвычайно скудны насчетъ того, въ какой мѣрѣ исполнялись эти угрозы и много ли было людей, дѣйствительно захваченныхъ въ «вольныхъ рѣчахъ». Но нѣкоторыя свѣдѣнія изъ исторіи нашей литературы и законодательства показываютъ, что указы Екатерины не оставались пустыми словами и этимъ очень рѣзко отличались отъ сатирическихъ возгласовъ тогдашнихъ восторженныхъ обличителей. Въ мартѣ 1764 г. сожженъ на площади съ барабаннымъ боемъ «пасквиль, выданный подъ именемъ Высочайшаго указа и начинающійся словами: «время уже настало, что лихоимство искоренить, что весьма желаю въ покоѣ пребывать, однако весьма наше дворянство пренебрегаетъ», и пр... (П. С. З. № 12089). Въ январѣ 1765 г. (П. С. З. № 12313) повелѣно было сжечь на площади, чрезъ палача, непристойныя сочиненія, названныя въ указѣ «пасквилями», но не обозначенныя никакими подробностями относительно ихъ содержанія. Въ маѣ 1767 г., наказанъ плетьми въ Ярославлѣ и сосланъ въ Нерчинскъ дворовый человѣкъ Андрей Крыловъ, за то, что держалъ у себя тотъ самый пасквиль, о которомъ былъ указъ въ мартѣ 1764 г. (П. С. З. № 12890). Неизвѣстно, на какихъ именно условіяхъ дозволенъ былъ вообще выходъ книгъ въ Россіи до 1770 г. Но въ этомъ году дано разрѣшеніе иностранцу Гартунгу на учрежденіе первой въ Россіи вольной типографіи для печатанія книгъ на иностранныхъ языкахъ, и въ указѣ, данномъ по этому случаю, есть пунктъ, запрещающій ему выпускать изъ типографіи какія бы ни было книги «безъ объявленія для свидѣтельства въ Академію Наукъ и безъ вѣдома полиціи». Русскія же книги ему не

дозволено печатать, «дабы прочимъ казеннымъ типографіямъ въ доходахъ ихъ подрыву не было» (П. С. З. № 13572). Изъ этого видно, что размѣры тогдашней книжной дѣятельности были весьма ничтожны, но что и тѣ не были оставлены безъ строгаго правительственнаго контроля. Въ 1776 г. дано дозволеніе завести типографію и для русскихъ книгъ иностранцамъ Вейбрехту и Шнору; а въ 1780 г. тотъ же Шноръ получилъ разрѣшеніе завести типографію въ Твери. Въ январѣ 1783 г. дозволено наконецъ заводить вольныя типографіи кому угодно, *не спрашивая ни у кого дозволенія*, только съ тѣмъ, чтобы всѣ печатаемыя книги были свидѣтельствуемы Управою Благочинія (П. С. З. № 15633). Это дозволеніе также было прославлено въ свое время русскою литературою, и сама Императрица придавала ему большое значеніе. Въ «Собесѣдникѣ», издававшемся ею въ 1783—84 г., напечатаны были извѣстные «Вопросы» фонъ-Визина, между которыми былъ слѣдующій: «отчего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжебъ своихъ и рѣшеній правительства?» Екатерина отвѣчала съ величественнымъ лаконизмомъ: «*оттого, что вольныхъ типографій до 1782 г. не было*». Этотъ отвѣтъ привелъ въ восторгъ и умиленіе фонъ-Визина: сатирикъ увидѣлъ здѣсь косвенное дозволеніе частнымъ лицамъ печатать судебныя дѣла и рѣшенія. Въ особомъ письмѣ, напечатанномъ въ томъ же «Собесѣдникѣ» (ч. V, стр. 145), онъ краснорѣчиво излагаетъ пользу судебной гласности. «Отвѣтъ вашъ,—пишетъ онъ, — подаетъ надежду, что размноженіе типографій послужитъ не только къ распространенію знаній человѣческихъ, но и къ подкрѣпленію правосудія. Да облобызаемъ мысленно, съ душевною благодарностью, десницу правосуднѣйшія и премудрыя монархини. Она, отверзая новыя врата просвѣщенію, въ то же время и тѣмъ самымъ полагаетъ новую преграду ябедѣ и коварству. Она и въ семъ случаѣ слѣдуетъ своему всегдашнему обычаю; ибо разсѣчь однимъ разомъ камень претыканія и вдругъ источить изъ него два цѣлебные потока есть образъ чудодѣйствія, Екатеринѣ II весьма обычайный. Способомъ печатанія тяжебъ и рѣшеній гласъ обиженнаго достигнетъ во всѣ концы отечества. Многіе постыдятся дѣлать то, чего дѣлать не страшатся. Всякое дѣло, содержащее въ себѣ судьбу имѣнія, чести и жизни гражданина, купно съ рѣшеніемъ судебнымъ, можетъ быть извѣстно всей безпристрастной публикѣ; воздастся достойная похвала праведнымъ судіямъ, возгнушаются честныя сердца неправдою судей безсовѣстныхъ и алчныхъ», и пр.

Однако же судебные процессы не печатались у насъ при Екатеринѣ,— неизвѣстно по какимъ причинамъ. Была одна попытка въ 1791 г. Нѣкто Василій Новиковъ сталъ тогда издавать «Театръ судовѣдѣнія или чтеніе для судей», въ которомъ печаталъ замѣчательныя судебныя дѣла иностранныя и нѣсколько русскихъ, обыкновенно такихъ, въ которыхъ, по его выраженію, «нельзя было *не восплескать* мудрости судей». Но очевидно, что это было со-

всѣмъ не то, о чемъ говорилъ фонъ-Визинъ, и оттого неудивительно, что изданіе В. Новикова не пошло и прекратилось по выпускѣ шести книжекъ. Для насъ въ этомъ изданіи замѣчательно то, что и въ 1791 г. говорились о гласности тѣ же самыя фразы, какія, какъ мы видѣли, были въ ходу въ 1769 г. Вотъ, напримѣръ, тирада изъ IV части: «подъ покровомъ владычествующія на сѣверѣ Минервы, всѣ части человѣческихъ познаній достигаютъ своего совершенства. Ободренныя музы, будучи доступны къ ея престолу, вѣщаютъ ей о всемъ устнами самыя истины. Отверзаются врата ѳемидина храма, вступаютъ въ него минервины други; корыстолюбивый и незнающій судья трепещетъ, а достойный готовится къ новому торжеству своихъ подвиговъ» («Театръ судов.», ч. IV, стр. 4).

Во всѣхъ подобныхъ возгласахъ было очень много реторическаго самодовольства. Писатели того времени, не обращая вниманія на публику, для которой они писали, не думая о тѣхъ условіяхъ, отъ которыхъ зависитъ дѣйствительный успѣхъ добрыхъ идей, придавали себѣ и своимъ словамъ гораздо болѣе значенія, нежели слѣдовало. Когда имъ дозволяли сказать что-нибудь рѣзкое, они были убѣждены, что это означаетъ желаніе осуществить на дѣлѣ эти рѣзкія слова. Но, разумѣется, гораздо основательнѣе было бы судить объ этомъ иначе, и мы не можемъ не привести здѣсь сужденія типографщика Селивановскаго, которое находится въ его «Запискахъ», помѣщенныхъ въ «Библіографическихъ Запискахъ» прошлаго года (№ 17, стр. 518). «Цензуры въ то время (около 1790 г.) не было,—пишетъ онъ,—книги разсматривались при управѣ или оберъ-полицмейстеромъ, то есть предъявлялись, но не читались. *Въ ту пору книга была нѣчто пустое, неважное, и еще не думали, что она можетъ быть вредна*». Глубокую справедливость этого замѣчанія подтверждаютъ факты, послѣдовавшіе за 1783 годомъ. Немедленно послѣ дозволенія, даннаго въ этомъ году на открытіе вольныхъ типографій, ихъ развелось очень много, и книжная дѣятельность чрезвычайно усилилась. Новиковъ, еще въ 1779 году взявшій на откупъ московскую университетскую типографію и очень усердно печатавшій въ ней книги, теперь еще болѣе расширилъ свою дѣятельность заведеніемъ собственной типографіи—«компаніи типографической». Тутъ уже стали обращать серьезное вниманіе на литературу и нѣсколько опасаться *свободоязычія*, котораго Екатерина, какъ видно по всему, очень не любила. На вопросъ фонъ-Визина: «имѣя монархиню честнаго человѣка, что бы мѣшало взять всеобщимъ правиломъ—удостоиваться ея милостей одними честными дѣлами, а не отваживаться проискивать ихъ обманомъ и коварствомъ? отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, *а нынче имѣютъ и весьма большіе*»?—Екатерина отвѣчала: «сей вопросъ родился отъ *свободоязычія*, котораго предки наши не имѣли; буде же бы имѣли, то начли бы на нынѣшняго одного десять прежде бывшихъ» (Соч.

Ек. III, 31). Подобное этому свободоязычіе увидѣла она и въ изданіяхъ Новикова, и какъ скоро замѣтила, что оно можетъ повести къ какимъ-нибудь послѣдствіямъ «для спокойствія ея и всеобщаго вреднымъ», то и рѣшилась прекратить его. Уже въ 1784 году, за напечатаніе неблагопріятной для іезуитовъ исторіи ихъ ордена въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№№ 69—71), она выразила свой гнѣвъ на Новикова и велѣла отобрать эти листы «Вѣдомостей», объяснивъ причину своего гнѣва слѣдующимъ образомъ: «ибо давъ покровительство наше сему ордену, *не можемъ дозволить, чтобы отъ кого-либо малѣйшее предосуженіе оному учинено было*» (См. «Москв.» 1843 года № I, стр. 241). Въ 1785 году наряжено было слѣдствіе надъ Новиковымъ, въ 1786 г. повелѣно было запретить въ продажѣ нѣкоторыя книги, у него напечатанныя и «наполненныя странными мудрствованіями» (П. С. З. № 16362). Еще болѣе гнѣвъ Императрицы на литературу возбужденъ былъ извѣстнымъ «Путешествіемъ изъ Петербурга въ Москву», Радищева. Сентября 4-го, 1790 г., данъ былъ указъ о ссылкѣ его на десять лѣтъ въ Сибирь, «за изданіе книги, наполненной самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное къ властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства и, наконецъ, оскорбительными и неистовыми изреженіями противу сана и власти царской» (П. С. З. № 16901). Въ 1791 г., вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ расположеній, должна была закрыться типографическая компанія. Въ 1792 г. Новиковъ посаженъ въ Шлиссельбургъ, а нѣкоторые изъ его друзей сосланы на житье въ деревни. Наконецъ, въ 1796 г., сентября 16, послѣдовалъ именной указъ Сенату «объ ограниченіи свободы книгопечатанія и ввоза иностранныхъ книгъ, объ учрежденіи на сей конецъ цензуръ и объ упраздненіи частныхъ типографій» (П. С. З. № 17508). Въ указѣ этомъ говорится, что, «въ прекращеніе разныхъ неудобствъ, которыя встрѣчаются отъ свободнаго и неограниченнаго печатанія книгъ, признано за нужное: 1) учредить цензуру въ столицахъ и пограничныхъ приморскихъ городахъ, изъ одной духовной и двухъ свѣтскихъ особъ составляемую; 2) частными людьми заведенныя типографіи, въ разсужденіи злоупотребленій, отъ того происходящихъ, упразднить, тѣмъ болѣе, что для печатанія полезныхъ и нужныхъ книгъ имѣется достаточное количество таковыхъ типографій, при разныхъ училищахъ устроенныхъ». Эта мѣра уже слишкомъ рѣшительна; но Екатерина не опасалась на ней настаивать и, за нѣсколько дней до своей смерти, октября 22, подтвердила повелѣніе объ уничтоженіи вольныхъ типографій (П. С. З. № 17523). Постановленія о цензурѣ были развиты и организованы въ царствованіе Павла.—Но, въ сущности, и эти мѣры Екатерины, при всей ихъ крайности, не достигли цѣли, какъ сознавалось потомъ само наше законодательство. Запрещеніе печатать книги въ вольныхъ типографіяхъ было вызвано подозрѣніями, не

имѣвшими прочнаго основанія, какъ доказали послѣдствія. Подозрѣнія эти получили свою силу преимущественно вслѣдствіе опасеній Екатерины, чтобы въ Россіи не отозвалось то волненіе умовъ, которое въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія совершалось во Франціи. Но состояніе тогдашняго русскаго общества вовсе не было таково, чтобы въ немъ могло развиться что-нибудь серьезно опасное для существующаго порядка. Книга Радищева составляла едва-ли не единственное исключеніе въ ряду литературныхъ явленій того времени, и именно потому, что она стояла совершенно одиноко, противъ нея и можно было употребить столь сильныя мѣры. Впрочемъ, если бы этихъ мѣръ и не было, все-таки «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» осталось бы явленіемъ исключительнымъ, а за авторомъ его послѣдовали бы, до конечныхъ его результатовъ, развѣ весьма немногіе. Стало быть, съ этой точки зрѣнія, излишнія строгости противъ тогдашняго книгопечатанія были совершенно ненужны: Екатерина ни въ какомъ случаѣ не могла страшиться неблагосклонныхъ отзывовъ и «противныхъ ея и всеобщему спокойствію» выходокъ со стороны литературы, которая всегда такъ усердно и громко прославляла ее и всегда была готова безпрекословно слѣдовать по указанному отъ нея направленію. Если же предположить другую цѣль строгостей Екатерины, т. е. ту, чтобы вообще менѣе писали и разсуждали, то и въ этомъ отношеніи ея мѣры вовсе не достигли, цѣли. Русское общество даже и въ то время, такъ уже привыкло «читать книгу», что невозможно было вовсе лишить его «книги», выгнать «книгу» изъ государства.... Что бы тамъ ни печаталось, что бы ни говорилось, до этого обществу дѣла еще не было; но «книга» была ему нужна. Вслѣдствіе того, въ самомъ указѣ объ упраздненіи всѣхъ вольныхъ типографій упомянуто объ оставленіи «достаточнаго количества типографій при училищахъ, для напечатанія нужныхъ и полезныхъ книгъ», и кромѣ того, дано дозволеніе «быть типографіямъ въ губерніяхъ при намѣстническихъ правленіяхъ, для облегченія тамошнихъ канцелярій». По свидѣтельству Сопикова (Оп. Рус. Библ. I, стр. 40), всѣ упраздненныя типографіи немедленно и разошлись по губерніямъ. Кромѣ того, найденъ былъ, разумѣется, и другой способъ распространенія въ публикѣ сочиненій, которыя почему-нибудь имѣли для нея интересъ. Вслѣдствіе всего этого, Императоръ Александръ, вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, указомъ 9 февраля 1802 г., снова далъ дозволеніе привозить изъ-за границы всѣ иностранныя книги и заводить повсемѣстно вольныя типографіи. Въ указѣ этомъ находится прямое и откровенное указаніе на причины, вызвавшія распоряженіе Императора. Упомянувъ сначала о запрещеніи 1796 г., указъ продолжаетъ: «но какъ, съ одной стороны, внѣшнія обстоятельства, къ мѣрѣ сей правительство побудившія, прошли и нынѣ уже не существуютъ, а съ другой—*пятилѣтній опытъ доказалъ, что средство сіе было и весьма недостаточно къ достиженію пред-*

полагаемой имъ цѣли, то по уваженіямъ симъ и признали мы справедливымъ, освободивъ сію часть отъ препонъ, по времени содѣлавшихся излишними и безполезными, возвратить ее въ прежнее положеніе.....» Далѣе, послѣ разрѣшенія вновь заводить вольныя типографіи и печатать въ нихъ всякія книги съ освидѣтельствованіемъ Управы Благочинія, въ указѣ повелѣвается—«цензуры всякаго рода, въ городахъ и при портахъ учрежденныя, *яко уже не нужныя*, упразднить» (П. С. З. № 20139). Вскорѣ послѣ того, въ 1804 г., изданъ первый цензурный уставъ, усовершенствованный потомъ въ 1828 г.

Такимъ образомъ, обращаясь снова къ литературѣ, и преимущественно сатирѣ, екатерининскаго времени, мы должны сказать, что сатирики были не совсѣмъ правы, воображая, будто имъ такъ ужъ и позволятъ печатать все, что бы ни пришло въ голову. Но за это, разумѣется, нельзя строго судить ихъ: во-первыхъ, послѣ Бирона, послѣ ужаснаго «слова и дѣла», та льгота, какая была дана при Екатеринѣ, должна была показаться верхомъ всякой свободы; во-вторыхъ, литература наша въ то время была еще такъ нова, такъ несовершеннолѣтня, что не могла не увлекаться и не обольщаться, когда ей давали позволеніе поиграть и порѣзвиться, и очень легко могла вѣрить въ міровое значеніе своихъ забавъ. Притомъ же, большая часть тогдашнихъ литераторовъ даже и не видѣла грани, которая отдѣляла позволенное имъ—игрушечное, отъ непозволеннаго—серьезнаго. И почти ни у кого не являлось охоты переступить эту грань, потому что вся литература тогда была дѣломъ не общественнымъ, а занятіемъ кружка, очень незначительнаго...

При такомъ положеніи дѣлъ, можетъ быть странно только одно: какимъ же образомъ сатирики въ теченіе десятковъ лѣтъ могли оставаться въ столь забавной иллюзіи, воображая, что отъ ихъ словъ можетъ произойти «поправленіе нравовъ» въ цѣлой Россіи? Но и это объясняется довольно удовлетворительно двумя обстоятельствами: во-первыхъ, тѣмъ, что сатира не отдѣляла своего дѣла и своихъ стремленій отъ идей и распоряженій правительства, подававшихъ, особенно сначала, весьма большія надежды; во-вторыхъ, тѣмъ, что, разъ ставши подъ покровительство «Премудрыя Минервы», сатирики того времени могли позволять себѣ, въ самомъ дѣлѣ, значительную свободу въ своихъ обличеніяхъ частныхъ недостатковъ и злоупотребленій. Оба эти обстоятельства требуютъ нѣсколько подробнѣйшаго разсмотрѣнія.

Восшествіе на престолъ Императрицы Екатерины, какъ можно видѣть даже изъ учебника Устрялова (ч. II, стр. 163—167), совершилось столь счастливо потому всего болѣе, что предшественникъ ея навлекъ на себя своими распоряженіями всеобщее негодованіе. До сихъ поръ не были у насъ изображены всѣ обстоятельства ея вступленія на царство; но недавно г. Иловайскій, по давно извѣстнымъ источникамъ иностраннымъ, напечаталъ и на

русскомъ языкѣ почти всѣ подробности этого дѣла (См. «От. Зап.» 1859 г., № IX), и, слѣдовательно, о нихъ можно говорить положительнѣе. Впрочемъ, намъ даже нѣтъ надобности говорить отъ своего лица: стоитъ только привести двѣ выдержки изъ манифеста, изданнаго Екатериною тотчасъ по вступленіи на престолъ, и намъ будетъ совершенно ясно, въ какомъ положеніи становилась она съ самаго начала предъ лицомъ своихъ подданныхъ. Въ началѣ манифеста она указываетъ на общее неудовольствіе русскихъ противъ Петра и затѣмъ продолжаетъ описывать его поступки слѣдующимъ образомъ (Указы Екат. II съ 1762 по 1763 г., стр. 18):

«Между тѣмъ, когда все отечество къ мятежу неминуемому уже противу его наклонялося, онъ паче и паче старался умножать оскорбленіе развращеніемъ всего того, что великій въ свѣтѣ монархъ и отецъ своего отечества, блаженныя и вѣчно незабвенныя памяти государь императоръ Петръ Великій, нашъ вселюбезнѣйшій дѣдъ, въ Россіи установилъ, и къ чему онъ достигъ неусыпнымъ трудомъ тридцати-лѣтняго своего царствованія, а именно: законы въ государствѣ всѣ пренебрегъ, судебныя мѣста и дѣла презрѣлъ и вовсе о нихъ слышать не хотѣлъ, доходы государственные расточать началъ не полезными, но вредными государству издержками, изъ войны кровопролитной начиналъ другую безвременную и государству Россійскому крайне безполезную; возненавидѣлъ полки гвардіи, освященнымъ его предкамъ вѣрно всегда служившіе, превращать ихъ началъ въ обряды неудобь носимые, которые не токмо храбрости военной не умножали, но паче растравляли сердца болѣзненныя всѣхъ вѣрноподанныхъ его войскъ и усердно за вѣру и отечество служащихъ и кровь свою проливающихъ. Армію всю раздробилъ такими новыми законами, что будто бы не единаго государя войско то было, но чтобъ каждый въ полѣ удобнѣе своего поборника губилъ, давъ полкамъ иностранные, а иногда и развращенные виды, а не тѣ, которые въ ней единообразіемъ составляютъ единодушіе. Неутомимые и безразсудные его труды въ таковыхъ вредныхъ государству учрежденіяхъ столь чувствительно напослѣдокъ стали отвращать вѣрность россійскую отъ подданства къ нему, что ни единаго въ народѣ уже не оставалося, кто бы въ голосъ съ отвагою и безъ трепета не злословилъ его, и кто бы не готовъ былъ на пролитіе крови его. Но заповѣдь Божія, которая въ сердцахъ нашихъ вѣрноподанныхъ обитаетъ къ почитанію власти предержащей, до сего предпріятія еще не допускала, а вмѣсто того всѣ уповали, что Божія рука сама коснется и низвергнетъ утѣсненіе и отягощеніе народное, его собственнымъ паденіемъ».

Разсказавши затѣмъ всю исторію переворота и приведши вполнѣ письмо Петра, въ которомъ онъ отрекается отъ престола, Екатерина переходитъ къ объясненіямъ относительно ея собственныхъ намѣреній и понятій о власти ею принятой. Вотъ заключеніе манифеста (Указы, стр. 22, 23):

«Таковымъ, Богу благодареніе, дѣйствіемъ престолъ самодержавный нашего любезнаго отечества приняли мы на себя безъ всякаго кровопролитія, но Богъ единъ и любезное наше отечество чрезъ избранныхъ своихъ намъ помогали. Въ заключеніе же сего неисповѣдимаго промысла Божія, мы всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ обнадеживаемъ всемилостивѣйше, что просить Бога не оставимъ денно и нощно, да поможетъ намъ поднять скипетръ *въ соблюденіе нашего православнаго закона, въ укрѣпленіе и защищеніе людезнаго отечества, въ сохраненіе правосудія, въ искорененіе зла и всякихъ неправдъ и утѣсненій, и да укрѣпитъ насъ на вся благая.* А какъ наше искреннее и нелицемѣрное желаніе есть прямымъ дѣломъ доказать, сколь мы хотимъ быть достойны любви нашего народа, для котораго признаваемъ себя быть возведенными на престолъ: то такимъ же образомъ здѣсь *наиторжественнѣйше обѣщаемъ нашимъ импе-*

раторскимъ словомъ, узаконить такія государственныя установленія, по которымъ бы правительство любезнаго нашего отечества въ своей силѣ и принадлежащихъ границахъ теченіе свое имѣло такъ, чтобъ и въ потомки каждое государственное мѣсто имѣло свои предѣлы и законы къ соблюденію добраго во всемъ порядка, и тѣмъ уповаемъ предохранить цѣлость имперіи и нашей самодержавной власти, бывшимъ несчастіемъ нѣсколько испровсерженную, а прямыхъ вѣрноусердствующихъ своему отечеству сыновъ вывести изъ унынія и оскорбленія. Напротиву того не сомнѣваемся, что всѣ наши вѣрноподданные клятву свою предъ Богомъ не преступятъ въ собственную свою пользу и благочестіе, почему и мы пребудемъ ко всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ непремѣнны нашею высочайшею императорскою милостію. Данъ въ Санктпетербургѣ, іюля 6-го дня, 1762 года.

Понятно значеніе подобнаго манифеста: взявъ въ свои руки власть отъ человѣка, которымъ были недовольны, Екатерина, очень естественно, старается показать всѣмъ, что въ ея рукахъ эта власть не будетъ уже источникомъ недовольства. Вслѣдствіе этого она «наиторжественнѣйше обѣщаетъ» сдѣлать такія постановленія, которыя «сохранятъ добрый во всемъ порядокъ и предохранятъ цѣлость имперіи и самодержавной власти». Послѣднее указаніе очень важно: оно доказываетъ, что обѣщанія Императрицы не были фразою, довольно обыкновенною въ подобныхъ случаяхъ, а вызваны были дѣйствительною необходимостью. Она чувствовала, что ей нужно добрымъ управленіемъ сохранить и упрочить свою власть, и поспѣшила всенародно высказать свое убѣжденіе. Такихъ данныхъ уже совершенно достаточно было образованнымъ людямъ того времени—и особенно писателямъ, людямъ скромнымъ и негосударственнымъ—для того, чтобы предаться отраднымъ ожиданіямъ и даже представить себѣ уже осуществленную мечту далекаго будущаго о златомъ вѣкѣ. И нельзя сказать, чтобъ ихъ мечты не имѣли основанія: въ первые годы царствованія Екатерины каждый сколько-нибудь важный указъ ея начинался заявленіемъ материнской ея заботливости о благѣ народномъ, и во многихъ указахъ, дѣйствительно, дѣлались льготы и улучшенія, какія были нужны по тогдашнему времени. Одно уничтоженіе тайной канцеляріи было уже такою мѣрою, которая способна была внушить всякому наилучшее расположеніе къ правительству и полное довѣріе къ его гуманности. Извѣстно, какое страшное орудіе составляла тайная канцелярія, вмѣстѣ съ «словомъ и дѣломъ», въ рукахъ клевретóвъ Бирона; извѣстно также, что не одинъ Биронъ пользовался этимъ ужаснымъ средствомъ—держать всѣхъ въ безмолвномъ страхѣ и повиновеніи. Со времени Петра I тайныя канцеляріи, подъ разными названіями, постоянно, въ теченіе полвѣка, были страшилищемъ народа. Петръ III, вскорѣ по вступленіи на престолъ, указомъ 21-го февраля 1762 г., уничтожилъ ее (П. С. З. № 11445), но Екатерина новымъ указомъ, 19-го октября того же года (П. С. З. № 11678), еще разъ ее уничтожила и вторично запретила ненавистное «слово и дѣло», повторивши слово въ слово весь указъ о томъ Петра III. Въ указѣ этомъ, по обычаю того времени, изла-

гаются и побудительныя причины принятаго рѣшенія. Начало указа таково:

«Всѣмъ извѣстно, что къ учрежденію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ канцелярій, сколько разныхъ имянъ имъ ни было, побудили вселюбезнѣйшаго нашего дѣда, государя императора Петра Великаго, вѣчной славы достойныя памяти, монарха великодушнаго и человѣколюбиваго, тогдашнихъ временъ обстоятельства и неисправленные еще въ народѣ нравы. Съ того времени отъ часу меньше становилось надобности въ помянутыхъ канцеляріяхъ. Но какъ тайная розыскныхъ дѣлъ канцелярія всегда оставалась въ своей силѣ: то злымъ, подлымъ и бездѣльнымъ людямъ подавался способъ, или ложными затѣями протягивать вдаль заслуженныя ими казни и наказанія, или же злостнѣйшими клеветами обносить своихъ начальниковъ или непріятелей. Мы, послѣдуя нашему человѣколюбію и милосердію, и прилагая крайнее стараніе, не токмо неповинныхъ людей отъ напрасныхъ арестовъ, а иногда и самыхъ истязаній защитить, но паче и самымъ злонравнымъ пресѣчь пути къ произведенію въ дѣйство ихъ ненависти, мщенія и клеветы, а подагать способы къ ихъ исправленію: повелѣваемъ тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи не быть, и оную совсѣмъ уничтожить; а дѣла, буде иногда такія случатся, кои до сей канцеляріи принадлежали бъ; смотря по важности, разсматриваны и рѣшены будутъ въ Сенатѣ. Но дабы сія наша милость для всѣхъ добрыхъ и вѣрныхъ подданныхъ совершенное дѣйство имѣла, а напротиву того не показалось бы безстрашно составлять хотя и тщетные, и всегда на собственную погибель злодѣевъ обращающіеся умыслы противу нашего императорскаго здравія, персоны и чести нашего величества, то есть перваго указомъ 1730 года, апрѣля 14 дня, описаннаго пункта, или же завести бунтъ, или сдѣлать измѣну противъ насъ и государства, то есть втораго, тѣмъ же указомъ истолкованнаго пункта: то восхотѣли мы чрезъ сіе точнѣе объявить наши соизволенія; и потому:

1) Вышеупомянутая тайныхъ розыскныхъ дѣлъ канцелярія уничтожается отъ нынѣ на всегда; а дѣла оной имѣютъ быть взяты въ Сенатъ; но за печатью къ вѣчному забвенію въ архиву положатся.

2) Ненавистное израженіе, а именно: слово и дѣло, не долженствуетъ значить отъ нынѣ ничего; и мы запрещаемъ не употреблять онаго никому. А есть ли кто отъ нынѣ оное употребитъ въ пьянствѣ, или въ дракѣ, или избѣгая побоевъ и наказанія, таковыхъ тотчасъ наказывать такъ, какъ отъ полиціи наказываются озорники и безчинники.

3) Напротиву того, буде кто имѣетъ дѣйствительно и по самой правдѣ донести о умыслѣ по первому, или второму пункту: такой долженъ тотчасъ въ ближайшее судебное мѣсто, или къ ближайшему жъ воинскому командиру немедленно явиться, и доносъ свой на письмѣ подать; а только въ случаѣ, есть ли кто не умѣетъ грамотѣ, тотъ можетъ доносить словесно, однакожъ не инако, какъ тѣмъ порядкомъ, то есть пришедъ въ ближайшее судебное мѣсто, или къ воинскому командиру со всякимъ благочиніемъ.»

Далѣе говорится подробно о томъ, какъ поступать съ доносчиками, чтобы дознаться, справедливъ ли доносъ. Доносчика велѣно брать подъ караулъ, разспрашивать, впрочемъ безъ пытки, изслѣдовать его прежнюю жизнь и поведеніе, дѣлать строгую повѣрку его словъ, не принимать доносовъ отъ преступниковъ предъ казнью, за ложный доносъ наказывать, и пр... Словомъ, мѣры для отвращенія клеветъ и ложныхъ доносовъ приняты самыя благоразумныя. Въ заключеніе говорится: «объявляемъ притомъ точно нашимъ императорскимъ словомъ, что за справедливый доносъ всегда учинено будетъ, смотря по важности дѣла, достойное награжденіе, а напротивъ того—виновные, такъ же смотря по дѣлу, или на-

рочно учреждаемою на то время коммиссіею, или же какимъ учрежденнымъ уже судебнымъ мѣстомъ по сущей правдѣ и справедливости судимы будутъ...»

Читая этотъ указъ въ 1762 г., современники, разумѣется, не могли предвидѣть, что черезъ нѣсколько лѣтъ явится на поприщѣ полицейскихъ изслѣдованій знаменитый Шешковскій и что послѣдующія обстоятельства заставятъ саму же Екатерину возстановить, къ концу своего царствованія, уничтоженную ею тайную канцелярію, подъ именемъ тайной экспедиціи. Да если бъ это и могли предвидѣть, то все-таки не могли не радоваться при данномъ облегченіи, хотя бы и на краткое время.

Но не одно уничтоженіе тайной канцеляріи привлекло къ Екатеринѣ сердца ея подданныхъ въ самомъ началѣ ея царствованія. Она и вообще каждымъ своимъ распоряженіемъ напоминала, что она, по ея выраженію въ «секретнѣйшемъ наставленіи» кн. Вяземскому, при опредѣленіи его генералъ-прокуроромъ (см. «Чт. Моск. Общ. Ист.» 1858 г., кн. I. Смѣсь, стр. 101), «иныхъ видовъ не имѣла, какъ наивящее благополучіе и славу отечества; инаго не желала, какъ благоденствія своихъ подданныхъ, какого бы званія они ни были». Въ указѣ «о выходѣ бѣглымъ изъ-за границы», данномъ 19 іюля 1762 г., то есть черезъ три недѣли по вступленіи Екатерины на престолъ, она говоритъ: «положили мы главнымъ намѣреніемъ нашимъ, чтобъ всегдашнее стараніе имѣть о цѣлости нашея имперіи и о благоденствіи вѣрныхъ подданныхъ нашихъ, *чему мы и дѣйствительные опыты въ краткое время государствованія нашего показали, и впредь еще больше, да и съ великимъ удовольствіемъ, о томъ попеченіе прилагать не оставимъ*» (П. С. З. № 11618). И, дѣйствительно, немедленно по вступленіи на престолъ, Екатерина отмѣнила разныя обременительныя положенія, утвержденныя Петромъ III, относительно гвардейскихъ полковъ, увеличила жалованье и пайки солдатамъ нѣкоторыхъ полковъ, велѣла понизить повсюду цѣну соли, объявила амнистію всѣмъ бѣглымъ, скрывавшимся въ Польшѣ и Литвѣ, установила апелляціонные сроки для тяжебныхъ дѣлъ, издала подробный указъ «о коммерціи, торгахъ и откупахъ», въ отмѣну указа Петра III отъ 28 марта, въ которомъ оказались «многія неудобства, клонящіяся ко вреду и тягости общенародной» (П. С. З. № 11634); повелѣла, «вмѣсто бывшихъ сыщиковъ, сдѣлать въ губерніяхъ и провинціяхъ *благопристойнѣйшее* учрежденіе, какъ бы воровъ и разбойниковъ искоренять» (П. С. З. № 11634); весьма рѣзко и энергически возстала противъ лихоимства.... Словомъ, почти съ каждымъ днемъ являлись новые знаки ея заботливости о благосостояніи государства, и при этомъ нужно еще замѣтить, что Екатерина нисколько не старалась замаскировать печальное положеніе, въ которомъ она застала государство, принимая власть въ свои руки. Напротивъ, она сама старалась выставлять сколько можно рѣзче существовавшее до нея зло, чтобы тѣмъ болѣе за-

ставить цѣнить тѣ мѣры, какія принимались ею для уничтоженія этого зла. Вотъ, напримѣръ, манифестъ ея «о лихоимствѣ», данный 18 іюля 1762 г., спустя 20 дней послѣ воцаренія Екатерины. Сила и откровенность его должны поразить удивленіемъ даже и современнаго читателя, для котораго тогдашнее положеніе дѣлъ есть уже преданіе чуть не миѳологическое.

«Божіемъ содѣйствіемъ престолъ нашъ утвердивши, вступили мы дѣломъ самымъ въ правленіе всего государства, тѣмъ усерднѣе, чѣмъ больше народное обремененіе и государственныя нужды того отъ насъ востребовали.

«Мы уже манифестомъ нашимъ отъ 6 сего мѣсяца объявили всенародно и торжественно, что наше главное попеченіе будетъ изыскивать всѣ средства къ утвержденію правосудія въ народѣ, которое есть первое отъ Бога намъ преданное святымъ Его писаніемъ повелѣніе, дабы милость и судъ мы оказывали всѣмъ нашимъ подданнымъ и сами себя непостыдно оправдать могли предъ Богомъ, въ хожденіи по заповѣди Его. Сіе есть путь нашъ непорочный, которымъ мы, изыскивая блаженство нашего народа, ищемъ достигнуть будущаго вѣчнаго за то воздаянія. Почему за долгъ себѣ вмѣняемъ непреложный и непремѣнный, объявить въ народъ съ истиннымъ сокрушеніемъ сердца нашего, что мы уже отъ давняго времени слышали довольно, а нынѣ и дѣломъ самымъ увидѣли, *до какой степени въ государствѣ нашемъ лихоимство возрасло, такъ что едва есть ли малое самое мѣсто правительства, въ которомъ бы божественное сіе дѣйствіе* (судъ) *безъ зараженія сей язвы отправлялся.* Ищетъ ли кто мѣста, платитъ; защищается ли кто отъ клеветы, обороняется деньгами; клевещетъ ли на кого кто, всѣ происки свои хитрые подкрѣпляетъ дарами; напротиву того: многіе судящіе, освященное свое мѣсто, въ которомъ они именемъ нашимъ должны показывать правосудіе, въ торжище превращаютъ; вмѣняя себѣ, ввѣренное отъ насъ званіе судіи безкорыстнаго и нелицепріятнаго, за пожалованный будто имъ доходъ въ поправленіе дому своего, а не за службу приносимую Богу, намъ и отечеству, и мздопріимствомъ богомерзкимъ, претворяютъ клевету въ праведный доносъ, разореніе государственныхъ доходовъ въ прибыль государственную, а иногда нищаго дѣлаютъ богатымъ, а богатаго нищимъ. Мы бы неправосудны были предъ Богомъ, ежели бы о всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ того же мнѣнія были: но добросовѣстные и честные люди, которыми государство наше наполнено, не измѣнятъ лица своего, слыша и читая сіе наше съ материнскимъ соболѣзнованіемъ негодованіе, а причастники сего зла, всеконечно, должны угрызеніе своей совѣсти почувствовать, *тѣмъ паче, когда они воззрятъ только на наше дѣйствіе, въ которомъ намъ Богъ предводительствовалъ, и наше праведное передъ Богомъ намѣреніе, съ какимъ мы воцарилися. Не снисканіе высокаго имени обладательницы россійской, не пріобрѣтеніе сокровищъ которыми паче всѣхъ царей земныхъ намъ можно обогатиться, не властолюбіе и не иная какая корысть, но истинная любовь къ отечеству и всего народа, какъ мы видѣли, желаніе, насъ понудили принять сіе бремя правительства.* Почему мы не токмо все, что имѣемъ или имѣть можемъ, но и самую нашу жизнь на очечество любезное опредѣлили, не полагая ничего себѣ въ собственное, ниже служа себѣ самимъ, но всѣ труды и попеченіе подъемлемъ, для славы и обогащенія народа нашего. Въ такомъ богоугодномъ намѣреніи для отечества нашего, *сколь трудно бы было намъ царствовать, ежели бы правосудіе на судахъ не содѣйствовало нашему желанію, и сколь при томъ огорчительно, когда мзда и корысть оными обладаютъ въ сердцахъ таковыхъ злонравныхъ*, которые, забывъ многіе предковъ нашихъ блаженной и вѣчнодостойной памяти государей, а особливо дѣда нашего вселюбезнѣйшаго, государя императора Петра Великаго, строжайшіе о лихоимствѣ указы, судей недостойно, а лихоимцевъ праведно имя носять, и свою алчбу къ имѣнію, служа не Богу, но единственно чреву своему, насыщаютъ мздопріимствомъ, льстя себя надеждою, что все что они дѣлаютъ по лакомству, прикрыто будто добрымъ и искуснымъ канцелярскимъ или приказнымъ порядкомъ, а Сердцевѣдца Бога не памятуютъ Судью Всевышняго, Который всѣ злыя ихъ помышленія и совѣты открываетъ путями неизвѣстными

и насъ самихъ, яко законоположительницу, наконецъ побудитъ на гнѣвъ и отмщеніе. Таковымъ примѣромъ, которые вкоренилися отъ единаго безстрашія въ важнѣйшихъ мѣстахъ. послѣдуютъ наипаче во отдаленныхъ находящіеся *и самые малые судьи, управители и разные къ досмотрамъ приставленные командиры, и берутъ съ бѣдныхъ самыхъ людей, не только за дѣла безвинныя, дѣлая привязки по силѣ будто указовъ, въ самомъ дѣлѣ во зло только ими истолкованныхъ и разоряя ихъ за то домы и имѣнія*, но и за такія, которыя не инако. какъ нашего благоволенія и милости высочайшей достойны, такъ что *сердце наше содрогнулося, когда мы услышали отъ* нашего лейбъ-кирасирскаго вице-полковника *князя Михаила Дашкова, что въ проѣздъ его нынѣ изъ Москвы въ Санктпетербургъ, нѣкто новгородской губернской канцеляріи регистраторъ Яковъ Ремберъ, приводя нынѣ къ присягѣ намъ въ вѣрности бѣдныхъ людей бралъ и за то съ каждаго себѣ деньги, кто присягалъ*; котораго Рембера мы и повелѣли сослать на вѣчное житье въ Сибирь на работу, по единому только еще нашему матернему милосердію; потому что онъ за такое ужасное, хотя малокорыстное преступленіе праведно лишенъ быть долженъ живота.

«Сильное однакожъ наше на Бога упованіе и природное наше великодушіе, не лишаетъ насъ еще надежды, что всѣ тѣ, которые почувствуютъ отъ сего милосердаго къ нимъ напоминанія нѣкоторое въ совѣсти своей обличеніе, не помыслили, сколь великое зло есть въ государственныхъ дѣлахъ мздопріимство, а на судѣ, гдѣ правда божественная поборствовать должна скверное лакомство и лихоимство; и потому видя нашу умѣренность матернюю ко всѣмъ вѣрноподданнымъ, не отчаяваемся, чтобъ каждой, вразумя себѣ наше сіе милостивое упоминаніе, не отринулъ отъ себя прежнихъ поступковъ, ежели онъ ими зараженъ былъ. Но когда и послѣ сего, что при вступленіи нашемъ на престолъ, въ совершенномъ еще незлобіи сердца нашего, всѣмъ здѣсь лихоимцамъ и мздопріемникамъ мы восхотѣли сдѣлать увѣщаніе милосердое, не подѣйствуетъ оное въ сердцахъ ихъ окаменѣлыхъ и зараженныхъ сею пагубною страстію; *то вѣдали бы они же, что мы установленнымъ противу сего зла законамъ, сами за правило себѣ примемъ и впредь твердо содержать будемъ, повиноваться, не давъ уже болѣе милосердію нашему мѣста. По чему и никто обвиненный въ лихоимствѣ (ежели только жалоба до насъ дойдетъ праведная) яко прогнѣвающій Бога, не избѣжитъ и натего гнѣва, такъ какъ мы милость и судъ въ пути непорочномъ царствованія нашего Богу и народу обѣщали.* Давъ въ Санктпетербургѣ, іюля 18 дня 1762 года».

Трудно вообразить себѣ что-нибудь болѣе рѣшительное, самоувѣренное и откровенное, чѣмъ этотъ манифестъ. Здѣсь не только прямо указывается зло, не только дѣлаются обѣщанія въ общихъ словахъ, но даже называется по имени преступникъ, сообщается во всеобщее свѣдѣніе сдѣланное ему наказаніе и прямо объявляется, что манифестъ этотъ изданъ именно для предупрежденія другихъ отъ подобныхъ поступковъ, за которыми послѣдуетъ строгое наказаніе. Но, не ограничиваясь и этимъ, Императрица высказываетъ еще болѣе искренности и откровенности, говоря, что самый способъ ея восшествія на престолъ заставляетъ ее какъ можно болѣе стараться о томъ, чтобы не возбуждать противъ себя неудовольствія, и что этого она не можетъ иначе достигнуть, какъ позаботясь о водвореніи въ государствѣ правосудія. Изъявленія своихъ намѣреній, сдѣланныя подобнымъ образомъ, съ представленіемъ такихъ причинъ, необходимо должны были увлечь самыхъ упорныхъ скептиковъ, если бы таковые нашлись. И это тѣмъ болѣе, что подобныя расположенія высказывались Екатериною не въ однихъ торжественныхъ манифестахъ и указахъ, но даже въ се-

кретныхъ ея приказаніяхъ ближайшимъ къ ней лицамъ. Въ примѣръ этого можно указать на «Секретнѣйшее наставленіе» кн. Вяземскому, данное ему при опредѣленіи его въ генералъ-прокуроры и недавно напечатанное въ «Чтеніяхъ». Наставленіе это показываетъ, между прочимъ, и то, какъ зорко смотрѣла Екатерина на многіе насущные вопросы и какъ хорошо понимала она всю совокупность государственнаго управленія. Кн. Вяземскій опредѣленъ генералъ-прокуроромъ въ 1774 году, и, слѣдовательно, документъ этотъ относится къ самому началу царствованія Екатерины. Приведемъ изъ него нѣкоторые пункты («Чт. М. О. И.» 1858 г. Кн. I, стр. 101—104).

«4-е. Всѣ мѣста, и самый Сенатъ, вышли изъ своихъ основаній разными случаями, какъ неприлежаніемъ къ дѣламъ моихъ нѣкоторыхъ предковъ, а болѣе случайныхъ при нихъ людей пристрастіями. Сенатъ установленъ для исполненія законовъ, ему предписанныхъ, а онъ часто выдавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деньги, деревни,—однимъ словомъ, почти все, и утѣснилъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ, такъ что и мнѣ случилось слышать въ Сенатѣ, что одной коллегіи хотѣли сдѣлать выговоръ за то только, что она свое мнѣніе осмѣлилась въ Сенатъ представить, до чего, однако же, я тогда не допустила, но говорила господамъ присутствующимъ, что имъ радоваться надлежитъ, что законъ исполняютъ. Чрезъ такія гоненія нижнихъ мѣстъ, они пришли въ толь великій упадокъ, что и регламентъ вовсе позабыли, которымъ повелѣвается: противъ сенатскихъ указовъ, есть ли оные не въ силѣ законовъ, представлять въ Сенатъ, а напослѣдокъ и къ намъ. *Раболѣпство персонъ, въ сихъ мѣстахъ находящихся, неописанное, и добра ожидать не можно, пока сей вредъ не пресѣчется; одна форма лишь канцелярская исполняется, и обдумать еще и нынѣ прямо не смѣютъ, хотя въ томъ часто интересъ государственный страждетъ.* Сенатъ же, вышедъ единожды изъ своихъ границъ, и нынѣ съ трудомъ привыкаетъ къ порядку, въ которомъ ему быть надлежитъ. Можетъ быть, что и для любочестія инымъ чинамъ прежніе примѣры прелестны; однако жъ, покамѣсть я живу, то останется какъ долгъ велитъ. Россійская Имперія есть столь обширна, что кромѣ самодержавнаго государя, всякая другая форма правленія вредна ей; ибо всѣ прочія медлительнѣе въ исполненіяхъ и многое множество страстей разныхъ въ себѣ имѣютъ, которыя всѣ къ раздробленію власти и силы влекутъ, нежели одного государя, имѣющаго всѣ способы къ пресѣченію всякаго вреда, и почитающаго общее добро своимъ собственнымъ; а другіе всѣ, по слову евангельскому, наемники суть.

«5-е. Весьма, по обширности имперіи, *великая нужда состоитъ въ умноженіи циркуляціи денегъ;* а у насъ, по счетамъ монетнаго департамента, не болѣе 80,000,000 рублей серебромъ въ народѣ, которую сумму, расположа по числу людей, придетъ по 4 руб. на человѣка, естьли еще не менѣе. *Разные были проекты, изъ которыхъ, наконецъ, вышла мѣдная монета, на которую много очень жалобъ;* однако жъ, пока не будетъ знатнаго умноженія серебра въ государствѣ, сей вредъ сносить должно, а паче въ ономъ стараться надлежитъ, какъ уже начато, чтобъ не было разнаго вѣсу монеты, содержащей одинакую цѣну, такъ какъ и разныхъ цѣнъ одного вѣсу и металла, *да чтобъ серебра всевозможнымъ способомъ вовлечь въ государство такъ, какъ хлѣбнымъ торгомъ, какъ о томъ и коммиссіи о коммерціи уже приказано.*

«6-е. О выписаніи серебра инаго сказать не могу, какъ только, что сія матерія весьма деликатна и многихъ о семъ непріятно слышать; однако жъ вамъ надлежитъ и въ сіе дѣло вникнуть. Все сіе пишу, дабы васъ ввести въ наисекретнѣйшія матеріи, дабы вы въ семъ, при вступленіи въ дѣла, не новы были, и могли сами разбирать, которыя дѣйствительно полезны, или только оными быть кажутся.

«7-е. Труднѣе вамъ всего будетъ править канцеляріею сенатской, и не быть подчиненными обмануту. Сію мелкость яснѣе вамъ чрезъ примѣръ представлю. Французской кардиналъ де Ришелье, сей премудрый министръ, говаривалъ, что ему менѣе труда править государствомъ и Европу вводить въ свои виды, нежели править королевскою антикаморою, понеже всѣ празднолживущіе придворные ему противны были и препятствовали его большимъ видамъ своими низкими интригами. Одинъ для васъ только способъ остается, котораго Ришелье не имѣлъ: перемѣнить всѣхъ сомнительныхъ и подозрительныхъ безъ пощади.

«8-е. *Законы наши требуютъ поправленія:* 1-е) чтобъ все ввести въ одну систему, которой и держаться надлежитъ; 2-е) чтобъ отрѣшить тѣ, которые оной прекословятъ; 3-е) чтобъ раздѣлить временные и на персонъ данные отъ вѣчныхъ и непремѣнныхъ. О семъ уже было помышляемо, но короткость времени меня къ произведенію сего въ дѣйство еще не допустила.

«9-е. *Великое отягощеніе есть для народа соль и вино*, на такомъ основаніи, какъ оныя находятся. Въ корчемствѣ столько винныхъ есть, что и наказывать ихъ почти невозможно, понеже цѣлыя провинціи себя оному подвергли; а что пресѣчь нельзя, не худо бы къ тому *изыскивать способы къ поправленію и облегченію народному.*

«10-е. Малая Россія, Лифляндія и Финляндія суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привилегіями, и нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно бъ было; однако жь, *и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи, есть больше, нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностію глупостъ*. Сіи провинціи, такъ же и Смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобъ онѣ перестали глядѣть, какъ волки къ лѣсу».

Нѣтъ сомнѣнія, что наставленій подобнаго рода, какъ письменныхъ, такъ еще болѣе изустныхъ, не мало составлено было Екатериною въ первые годы ея царствованія. Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что они производили хотя нѣкоторое дѣйствіе и на тѣхъ, которые были исполнителями ея воли. Все должно было проснуться отъ давней дремоты; апатическій застой невѣжественнаго общества долженъ былъ уступить мѣсто смѣлому и быстрому стремленію впередъ, къ улучшеніямъ и усовершенствованіямъ во всѣхъ частяхъ народнаго быта и государственнаго управленія. Мы видѣли, что Екатериною было поднято чрезвычайно много существеннѣйшихъ вопросовъ государственной жизни, что она не оставила безъ вниманія ни финансы, ни торговлю и промышленность, ни положеніе войска, ни судопроизводство, ни законодательство. Въ особенности, относительно законодательства, она дала такіе задатки своего мудраго попеченія о благѣ народа, что возбудила изумленіе цѣлой Европы. Извѣстенъ фактъ созванія ею коммиссіи для составленія новаго уложенія. Въ январѣ 1766 г. объявлено было, чтобы въ теченіе полугода собрались въ Петербургъ депутаты изъ всѣхъ провинцій Россіи, отъ всѣхъ племенъ и сословій, не исключая и крестьянъ. Въ іюлѣ, дѣйствительно, собрались депутаты, коммиссія была открыта и получила себѣ въ руководство знаменитый «Наказъ» (П. С. З. № 12945 и 12949). Коммиссія составилась изъ 645 депутатовъ; на нее отпущено было 200,000 рублей; въ декабрѣ 1768 г. она пріостановлена, ничего не сдѣлавши. Срокъ окончанія ея занятій нѣсколько разъ былъ отсрочиваемъ: сначала до 1 мая 1772 г., потомъ до 1 августа, потомъ до ноября, затѣмъ до 1 фе-

враля 1773 г. Наконецъ, оказавшись совершенно неспособною къ законодательству, коммиссія для составленія проекта новаго уложенія осталась только по имени; въ 1796 г. она была переименована Павломъ I въ коммиссію составленія законовъ, въ 1804 г. снова преобразована, и т. д. Но несмотря на нѣкоторую безплодность созванія государственныхъ сословій въ 1767 году, оно произвело въ то время необыкновенный восторгъ не только въ русскихъ, но и за-границею. «Наказъ» обошелъ всю Европу, какъ блистательное свидѣтельство высокихъ качествъ ума и сердца Императрицы русской. Созваніе (по выраженію объяснителя къ сочиненіямъ Державина) «депутатовъ изъ всѣхъ народовъ, составляющихъ Россійскую имперію, отъ дальнѣйшихъ краевъ Сибири, камчадаловъ, тунгусовъ, отъ каждой области по два человѣка, даже якутовъ, и пр.»—оставило памятникъ по себѣ и въ слѣдующихъ стихахъ пѣвца Екатерины (Держ. I, стр. 144):

Ее изобрази мнѣ ты,
Чтобы, сшедъ съ престола, подавала
Скрижалей заповѣдь святыхъ,
Чтобъ вселенна признавала
Гласъ Божій, гласъ природы въ нихъ;
Чтобъ дики люди, отдаленны,
Покрыты шерстью, чешуей,
Пернатыхъ перьемъ испещренны,
Одѣты листьемъ и корой,
Сошедшися къ ея престолу
И кроткихъ внявъ законовъ гласъ,
По желтосмуглымъ лицамъ долу
Струили токи слезъ изъ глазъ....

Но особенно рельефно выразился всеобщій энтузіазмъ того времени къ великому начинанію—въ рѣчи, которая произнесена была представителемъ всѣхъ депутатовъ, 27 сентября 1767 г., при поднесеніи Императрицѣ титула Премудрой, Великой, Матери отечечества. Мы приведемъ изъ этой рѣчи, помѣщенной въ Полномъ Собраніи Законовъ (№ 12978), двѣ тирады: одна изображаетъ мрачное положеніе Россіи предъ вступленіемъ на престолъ Екатерины, другая—благоденствіе отечества подъ ея правленіемъ.

Плачевное отечества нашего состояніе до преславнаго и навѣки достопамятнаго восшествія Богомъ избранныя и вѣнчанныя всеавгустѣйшія нашея самодержицы на всероссійскій императорскій престолъ, не токмо всѣмъ россіянамъ, но и цѣлому свѣту извѣстно. Когда мысленно воззримъ на минувшее, духъ въ насъ еще трепещетъ, и паденіе имперіи живо представляется воображенію. Видѣли мы *вѣру поруганную, законы приведенные въ замѣшательство, правосудіе, изнемогшее съ паденіемъ законовъ, съ правосудіемъ истребленную совѣсть и добронравіе. Государственные доходы истощались, потеряна была довольность и угнетена торговля; грабительство, лакомство, корыстолюбіе и прочіе пороки, покровительствомъ многихъ лицъ ободренныя, возростали съ гибелью народа* и усугубляли бѣдствія отечества нашего, и наконецъ вездѣ неустройства торжествовали, гдѣ слѣдовало царствовать порядку...

Перемѣна дивная вдругъ послѣдовала! Радость прогнала тьму печалей... Со дня восшествія ея императорскаго величества на престолъ, всѣ дни ея можно исчислить благодѣяніями; *вреды и неустройства исправлены и прекра-*

щены; православная вѣра наша торжествуетъ и зритъ монархиню, дающую примѣръ подданнымъ во благочестіи; *правосудіе царствуетъ купно съ ея величествомъ на престолѣ.* Человѣколюбіе обитаетъ въ ея душѣ и безъ послабленія смягчаетъ строгость законовъ. *Пороки исчезаютъ и корень ихъ пресѣкается,* но съ кротостью исправляются нравы, просвѣщаются умы, и добродѣтели, подъ священною сѣнію престола, процвѣтаютъ; нужнѣйшія роду человѣческому искусства — земледѣліе и домоводство — монаршимъ взоромъ ободряются, торговля возрастаетъ и съ нею изобиліе рукодѣлій умножается; *вездѣ введены полезныя учрежденія, и словомъ во всѣхъ частяхъ государственныхъ, во всѣхъ дѣлахъ разумъ и добродѣтели нашея великія государыни сіяютъ и не обрѣтаютъ ничего выше силъ своихъ.* Но печась о настоящемъ, премудрая наша самодержица печется и *изливаетъ благодѣянія на времена и будущія,* и пр....

Эту рѣчь можно назвать первообразомъ той сатиры, которая получила такое развитіе въ журналахъ 1769—1774 гг. и разсмотрѣнію которой посвящена книга г. Аѳанасьева. Въ рѣчи депутатовъ мы видимъ двѣ половины, противоположныя одна другой: въ первой излагается ужасное положеніе Россіи до Екатерины, разстроенное до послѣдней степени и грозившее паденіемъ имперіи; во второй прославляются неимовѣрные успѣхи, совершенные Россіею въ пятилѣтній періодъ отъ 1762 до 1767 года. Тѣ же двѣ стороны находимъ мы и въ сатирическихъ произведеніяхъ екатерининскаго времени: всѣ они съ необычайною рѣзкостью возстаютъ противъ общественныхъ пороковъ, но во всѣхъ выражается довольно ясно та мысль, что эти пороки и недостатки суть исключительно слѣдствія стараго неустройства, остатки прежняго времени, и что теперь уже настала пора для ихъ искорененія, явились новыя условія жизни, вовсе имъ неблагопріятныя. Эта мысль, положенная въ основаніе всякаго обличенія, всякой сатиры, служитъ даже объясненіемъ рѣзкости тогдашнихъ журналовъ, удивительной и для настоящаго времени, когда наша гласность сдѣлала такіе огромные успѣхи. Сатирики 1770-хъ годовъ, проникнутые вѣрою въ близкое усовершенствованіе Россіи, вслѣдствіе принятыхъ Императрицею мѣръ, считали священнымъ долгомъ содѣйствовать путемъ литературнымъ всѣмъ ея начинаніямъ. И чѣмъ болѣе проникались они благоговѣйнымъ восторгомъ къ дѣйствіямъ Екатерины, тѣмъ смѣлѣе и безпощаднѣе становилось ихъ обличительное слово противъ старыхъ злоупотребленій, потому что все доброе и полезное они соединяли съ волею Императрицы, а все злое и недостойное разумѣли какъ противоборство ея намѣреніямъ и желаніямъ. Такимъ образомъ, сатира на все современное общество являлась въ мысляхъ благородныхъ сатириковъ ни чѣмъ инымъ, какъ особымъ способомъ прославленія премудрой монархини. Указывая недостатки управленія и карая вопіющія злоупотребленія во всѣхъ родахъ, сатирики отнюдь не думали дѣлать укоры самому правительству; напротивъ, они говорили: вотъ какъ презрѣнны и низки нѣкоторые люди, не понимающіе благотворныхъ видовъ монархини и не желающіе имъ содѣйствовать. И, отправляясь отъ этой мысли, сатирики уже не церемонились съ безумными и порочными, въ которыхъ видѣли противниковъ обожаемой монархини.

Иногда обличенія тогдашнихъ журналовъ заключали въ себѣ и прискорбную мысль о томъ, что такъ трудно прогрессивному правительству бороться съ невѣжествомъ и недобросовѣстностью отсталыхъ людей; но и это бывало очень рѣдко. Чаще же всего горькія истины обличенія скрашивались отраднымъ убѣжденіемъ, что все-таки дѣло прогресса идетъ впередъ и что скоро правда и свѣтъ одержатъ рѣшительную побѣду надъ ложью и мракомъ. Издатель «Вечеровъ» въ самомъ началѣ своего журнала говоритъ о томъ, что ябеды узловатѣе становятся, а крючки больше ростутъ, подъячіе богатѣютъ, и пр. Но вслѣдъ затѣмъ онъ прибавляетъ: «*однако вскоръ возсіяетъ истина, исчезнутъ совсъмъ приказныя сплетни, воспоютъ музы, прославятъ царствующую на землъ Астрею*, прославятъ такими стихами, которые ея достойны, а недостойные умолкнутъ» («Веч.» Ч. I, стр. 5). Такія надежды — и не при началѣ только сатирическихъ изданій, а во все продолженіе царствованія Екатерины — выражались нерѣдко даже въ видѣ положительной увѣренности, хотя, обращаясь къ дѣйствительности, самъ авторъ тутъ же находилъ вещи, совершенно неидущія къ златому вѣку. Такъ, напримѣръ, Василій Новиковъ, въ посвященіи своего «Театра судовѣдѣнія», 1791 г., говоритъ: «во дни благословеннаго державствованія, *въ странъ, гдъ царствуетъ правосудіе и торжествуетъ невинность, гдъ изгоняется порокъ и водворяется добродътель, гдъ низится невъжество и возвышается просвъщеніе*, въ сіи дни блаженства я рожденный и воспитанный, пріемлю смѣлость», и пр.... А черезъ нѣсколько страницъ, въ заключеніе своего предисловія, онъ же пишетъ: «*великимъ бы почелъ я торжествомъ* для моихъ трудовъ, если бы чтеніе сей книги заступило мѣсто карточной игры и другихъ пустыхъ времяпровожденій, столь мало приличныхъ важности судейскаго званія» («Т. Суд.» Ч. I, стр. 6). Сличенія подобныхъ мѣстъ могутъ наводить на мысль, что восторги тогдашнихъ писателей были не болѣе, какъ реторическою фразою, которая ставилась, можетъ быть, съ умысломъ, чтобы подъ ея защитою смѣлѣе поражать пороки. Но такое заключеніе будетъ несправедливо: характеръ всей сатиры екатерининскаго времени отличается самымъ искреннимъ уваженіемъ къ существующимъ постановленіямъ и преслѣдованіемъ исключительно однихъ только злоупотребленій. Доказательствомъ этого служитъ и манера обличеній, и даже внѣшняя исторія сатиры. Замѣчательно, что прекращеніе сатирическихъ журналовъ совпадаетъ съ концомъ первой турецкой войны и усмиреніемъ пугачевскаго бунта. Въ первые годы царствованія Екатерины было чрезвычайно много матеріаловъ для сатиры, потому что много было людей, осмѣливавшихся возставать противъ правленія Екатерины. Въ 1662 г. разносились по Россіи ложные слухи о ея намѣреніяхъ, издавались фальшивые манифесты, волновались крестьяне разныхъ мѣстностей, какъ видно изъ указовъ по этимъ предметамъ, данныхъ чуть не въ первые дни царствованія Екатерины. Въ 1763 г. со-

ставленъ былъ заговоръ Хрущовыми и Гурьевыми; въ 1764 г. произошла попытка Мировича. Съ этихъ поръ, въ теченіе десяти лѣтъ, постоянно каждый годъ выходило по нѣскольку указовъ — то о публичномъ сожженіи пасквилей и о наказаніи тѣхъ, у кого они окажутся, то о предостереженіи отъ продерзкихъ рѣчей, то объ усмиреніи крестьянъ, увлекшихся ложными слухами. Въ 1771 г. было серьезное волненіе по поводу моровой язвы; наконецъ въ 1773 г. разразился пугачовскій бунтъ... Все это очень безпокоило тогдашнее правительство, и Екатерина прилагала всѣ старанія, чтобы своими распоряженіями привлечь къ себѣ сколько можно болѣе приверженцевъ и предупредить могшее возродиться недовольство. Однимъ изъ орудій ея въ этомъ дѣлѣ была литература. Конечно, въ тогдашнемъ обществѣ литература почти ничего не значила; но къ ней обратились, вѣроятно, отчасти вообще по естественной людямъ наклонности къ благопріятной для нихъ гласности, а всего болѣе—по соображенію того, какое значеніе имѣла литература, и особенно сатира, во французскомъ обществѣ. Видя, какъ французъ боится насмѣшки, зная, какое страшное вліяніе имѣлъ Вольтеръ, надѣялись, вѣроятно, что и въ Россіи сатира можетъ занять довольно почетное мѣсто въ ряду другихъ средствъ, служащихъ къ уничтоженію противниковъ благихъ мѣръ Екатерины. Этимъ отчасти можетъ быть объяснено даже то усердіе, какое сама она прилагала къ сочиненію комедій и сатирическихъ бездѣлицъ, подъ названіемъ «Былей и Небылицъ». Но въ видахъ Екатерины вовсе не было того, чтобы дать литературѣ неограниченное право разсуждать о политическихъ предметахъ и смѣяться надъ всѣмъ, что не будетъ нравиться писателямъ. Она очень не любила, когда подъ видомъ гласности въ литературу прокрадывались какія нибудь «продерзкія рѣчи». Вотъ почему, когда внутреннее спокойствіе было совершенно возстановлено, а конецъ первой турецкой войны возвеличилъ имя Екатерины и въ Европѣ, когда остатки стараго недовольства и недовѣрія къ ней стали ей уже нестрашны, она охладѣла къ сатирѣ, какъ къ вещи уже ненужной и могущей быть только вредною для ея спокойствія. Съ 1773 г. она перестала писать комедіи и возвратилась къ этому занятію только уже черезъ десять лѣтъ, когда, вмѣстѣ съ княгиней Дашковой, вздумала подвинуть впередъ русскую науку заведеніемъ Россійской Академіи. Въ 1774 г. прекращаются и сатирическіе журналы. Разумѣется, сатира, разъ явившись, все-таки не могла быть совершенно уничтожена; но, по крайней мѣрѣ, съ этихъ поръ нѣтъ уже у насъ того внѣшняго признака, по которому можно слѣдить дѣйствія сатиры шагъ за шагомъ и судить о ея распространеніи въ обществѣ и о степени успѣха; нѣтъ болѣе періодическихъ изданій, отличающихся сатирическимъ характеромъ. Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, по которымъ бы можно было утверждать, что сатирическія изданія вообще послѣ 1774 г. подвергались у насъ какимъ-нибудь офиціальнымъ стѣсненіямъ и преслѣ-

дованіямъ. Но самый характеръ ихъ объясняетъ до нѣкоторой степени ихъ паденіе. Они были живы, блестящи, эффектны, интересны, даже дерзки до тѣхъ поръ, пока имѣли дѣло съ остатками отжившаго порядка, противъ котораго шла сама Екатерина. Надъ этими остатками и потѣшались они въ теченіе пяти лѣтъ. Но мало-по-малу люди стараго времени замѣнились людьми свѣжими, противники новаго направленія удалены, въ силу вошли его приверженцы, приняты мѣры, какихъ прежде не было, сдѣланы преобразованія въ старинномъ порядкѣ. Если теперь и были въ администраціи и въ обществѣ недостатки, то недостатки эти уже нельзя было сваливать на старое время: нужно было говорить прямо противъ существующаго порядка. А этого-то и не могла тогдашняя сатира; до этого-то и не доросла она, не доросло и само общество, въ которомъ приходилось ей дѣйствовать. Ясно, что кругъ ея дѣйствій долженъ былъ очень сузиться: она могла, напримѣръ, возставать противъ ужасовъ пытки, когда сама Императрица неоднократно высказывала отвращеніе отъ этой ненавистной судебной мѣры (см., напр., два указа 15 января 1763 г.); но когда потомъ обстоятельства привели къ возстановленію тайной экспедиціи и когда явился страшный Шешковскій, тогда, разумѣется, кричать противъ пытки стало не очень повадно. Сатирики не хотѣли подвергаться опасности и молчали. Подобнаго рода обстоятельства парализировали смѣлость и откровенность сатиры и въ отношеніи къ другимъ предметамъ. Такимъ образомъ, значеніе сатирическихъ изданій потерялось въ публикѣ: сатиры на дурныхъ стихотворцевъ, на подражателей французамъ, на скупцовъ и мотовъ, на хвастуновъ и рогатыхъ мужей, и т. п., конечно, оставались въ полномъ распоряженіи литературы; но эти предметы не могли уже такъ занять публику, какъ обличеніе дурныхъ судей, помѣщиковъ, поповъ, вельможной спѣси и невѣжества, пытокъ, ханжества, и т. п. За то, вмѣсто новыхъ журналовъ, въ теченіе многихъ лѣтъ и перепечатывались тѣ изъ старыхъ, въ которыхъ съ особенной рѣзкостью затрогивались эти предметы. Особенный успѣхъ имѣли «Живописецъ», «Трутень» и «Вечера». «Живописецъ» имѣлъ шесть изданій, послѣднее—въ 1829 г.!

Мы сказали, что, кромѣ внѣшней исторіи екатерининской сатиры, самая манера ея служитъ доказательствомъ того, что тогдашніе сатирики не любили добираться до корня зла и могли поражать пороки только подъ покровомъ «премудрой Минервы, позволявшей имъ знать и мыслить». Манера эта не совсѣмъ незнакома намъ: она состояла главнымъ образомъ въ употребленіи *заднихъ чиселъ*. Существующее зло обличалось обыкновенно какъ исключительное явленіе, составляющее странную аномалію съ существующимъ порядкомъ. Трудно объяснить положительно, отчего это происходитъ. Иногда такая мѣра бываетъ неискренняя, и тогда она совершенно понятна; но у тогдашнихъ сатириковъ замѣчается при этомъ какое-то трогательное простодушіе. Они, кажется, до

того увлекались созерцаніемъ будущихъ благополучій, что наконецъ воображали ихъ уже наступившими и, принимая слова за дѣла, считали всѣ гадости дѣйствительнаго міра лишь дряхлыми остатками прежняго, отживающими послѣдніе дни. Такъ, описывается ли у нихъ судья-взяточникъ, онъ уже непремѣнно отставленъ и бранится за это; говорится ли о своевольномъ помѣщикѣ, онъ непремѣнно представляется сожалѣющимъ о томъ, что теперь уже нѣтъ прежняго простора для его произвола; осмѣиваются ли подлость и ласкательство—тутъ же неизбѣжно прибавляется замѣчаніе, что теперь ужъ этими качествами нельзя выйти въ люди, какъ прежде. Въ «Вечерахъ», напримѣръ, одинъ господинъ разсуждаетъ: «я свое благополучіе считаю въ томъ, когда меня большіе бояре ласкаютъ. Правду сказать, я до сего счастія съ великимъ трудомъ достигаю, *особливо въ нынѣшнее время*: какъ я ни хвалю ихъ въ глаза, какъ я ни стараюсь услуживать имъ, но все не клеится». Къ этому услужливому господину пристаетъ судья, отставленный за взятки, и ведетъ такую рѣчь: «правду ты говоришь, что нынѣ *услуги не награждаются*: тому примѣромъ я служить всѣмъ могу. Я знаю всѣ указы наизусть, умѣю ихъ толковать по своему желанію; но *не смотря на сіе, меня отставили*... Вѣдь, кажется, все равно государству, что у меня деньги въ карманѣ, что у того, съ кого взялъ; *но въ нынѣшнее время объ ономъ не разсуждаютъ*» («Веч.» II, 173). Въ «Вечерахъ» же изображается господинъ *Оттяговъ*, который «всѣхъ меньше дѣло смыслилъ, всѣхъ чаще на поклоны ѣздилъ *и за сіи великія достоинства получилъ чистую отставку*» («Веч.» I, 57). Въ «Живописцѣ» напечатанъ цѣлый рядъ писемъ къ Ѳалалею отъ уѣздныхъ дворянъ, его отца, матери и дяди. Весь смыслъ этихъ писемъ заключается въ томъ, что нынѣшнее время не такъ благопріятно для своевольства, жестокостей, обмановъ и пр., какъ прежнее блаженное время. Это похоронный плачъ о погибшей дворянской волѣ, это вопль проклятія просвѣщенію и правдѣ, торжественно и незыблемо воцарившимся въ области тьмы и застоя. Въ книгѣ г. Аѳанасьева приведено, въ разныхъ мѣстахъ, много выписокъ изъ этихъ писемъ, а на стр. 139—145 три письма помѣщены вполнѣ. Письма эти очень замѣчательны по мастерству своего лукаваго юмора; и мы даже рѣшаемся привести отрывокъ одного изъ нихъ, хотя онъ и довольно длиненъ.

«Сыну нашему Ѳалалею Трифоновичу, отъ отца твоего Трифона Панкратьевича, и отъ матери твоей Акулины Сидоровны, и отъ сестры твоей Варюшки низкой поклонъ и великое челобитье.

«Пиши къ намъ про свое здоровье таки такъ ли ты поживаешь, ходишь ли въ церковь, молишься ли Богу, и не потерялъ ли ты святцевъ, которыми я тебя благословилъ. Береги ихъ; вѣдь это не шутка: меня ими благословилъ покойный дѣдушка, а его отецъ духовной, Ильинскій батька. Онъ былъ боленъ черною немочью и по обѣщанію ѣздилъ въ Кіевъ: его Богъ помиловалъ и кіевскіе чудотворцы помогли; и онъ оттуда привезъ этотъ канонникъ и благословилъ дѣдушку, а онъ его возомъ муки, двумя тушами свиными, да стягомъ говяжьимъ. Не тѣмъ-то покойникъ свѣтъ будь помянутъ! онъ ничего своего даромъ не давалъ: дѣдушкины-то свѣтъ грѣшки дорогоньки становились. Кабы онъ покойникъ

поменьше съ попами водился, такъ бы и намъ побольше оставилъ. Домъ его былъ, какъ полная чаша, да и тутъ процѣдили. Вѣдь и нашъ батька Иванъ, кабы да я не таковъ былъ, такъ онъ бы готовъ хоть кожу содрать; то-то поповскіе завидливые глаза, прости, Господи, мое согрѣшеніе! А ты, Ѳалалеюшка, съ попами знайся, да берегись; ихъ молитва до Бога доходна, да убыточна... Какъ отнесетъ молебенъ, такъ можно ему поднести чару вина, да дать ему шесть денегъ, такъ онъ и доволенъ. Чего жъ ему больше. прости, Господи, вѣдь не рожна? *Да полно, нынче и винцо-то въ сапогахъ ходитъ — экое времечко; вотъ до чего дожили*: и своего вина нельзя привезть въ городъ; ней-де вино государево съ кружала, да дѣлай прибыль откупщикамъ. Вотъ какое разсужденіе! *А говорятъ, что все хорошо дѣлаютъ*; поэтому скоро и изъ своей муки нельзя будетъ испечь пирога. *Да что ужъ и говорить, житье-то наше дворянское нынече стало очень худенько.* Сказываютъ, что дворянамъ дана вольность: да чортъ ли это слыхалъ, прости, Господи, какая вольность? *Дали вольность, а ничего не можно своею волею сдѣлать: нельзя у сосѣда и земли отнять; въ старину-то побольше было намъ вольности.* Бывало отхватишь у сосѣда земли цѣлое поле; такъ ходи же онъ да проси, такъ еще десять полей потеряетъ; а вина бывало кури сколько хочешь, про себя сколько надобно, да и продашь на сотню мѣста. Коли воевода пріятель, такъ кури смѣло въ его голову: то-то была воля-то! *Нынече и денегъ отдавать въ проценты нельзя:* больше шести рублей брать не велятъ; а бывало такъ бирали на сто и по двадцати по пяти рублей. *Нѣтъ-ста, кто что ни говори, а старая воля лучше новой. Нынече только и воли, что можно выйти изъ службы, да поѣхать за-море: а не слыхать, что тамъ дѣлать?* хлѣбъ-отъ мы и русскій ѣдимъ, да таково жъ живемъ. *А изъ службы тогда хоть и не вольно было выйти, такъ были на это лекари;* отнесешь ему барашка въ бумажкѣ, да судьѣ другого, такъ и оставятъ за болѣзнями. *Да ужъ бывало какъ пріѣдешь въ деревню-то. такъ это наверстаешь:* былъ бы только умъ, да зналъ бы приказныя дѣла, такъ сосѣди и не куркай. *То-то было житье!* Ты, Ѳалалеюшка, не запомнишь этого.

«Сестра твоя Варя посажена за работу, батько Иванъ самъ ей началъ азбуку въ ея именины; ей минуло пятнадцать лѣтъ: пора. другъ мой, и объ томъ подумать; вишь, ужъ скоро и женихи станутъ свататься; а безъ грамоты замужъ ее выдать не годится: и указа самой прочесть нельзя.

«Отпиши, Ѳалалеюшка, что у васъ въ Питерѣ дѣлается: сказываютъ, что великія затѣи, колокольню строятъ и хотятъ сдѣлать выше Ивана Великаго: статочное ли это дѣло; то дѣлалось по благословенію патріаршему, а имъ какъ это сдѣлать? *Вѣра-то тогда была покрѣпче*, во всемъ. другъ мой, надѣялись на Бога, *а нынече она пошатнулась*, по постамъ ѣдятъ мясо, и хотятъ сами все сдѣлать, а все эта проклятая некрестъ дѣлаетъ: отъ нѣмцевъ житья нѣтъ! Какъ поводимся съ ними еще, такъ и намъ съ ними быть въ адѣ. Пожалуйста, Ѳалалеюшка не погуби себя, не заводи съ ними знакомства, провались они проклятые! *Нынече и за-море ѣздить не запрещаютъ*, а въ *Кормчей книгѣ* положено за это проклятіе. *Нынече все ничего; и коляски пошли съ дышлами, а и за это также положено проклятіе; нельзя только взятки брать, да проценты выше указныхъ: это имъ пуще пересола; а объ этомъ въ Кормчей книгѣ ничего и не написано.* На моей душѣ проклятіе не будетъ; я и по сю пору ѣзжу въ зеленой своей коляскѣ съ оглоблями. *Меня отрѣшили отъ дѣлъ за взятки;* процентовъ большихъ не бери, такъ отчего же и разбогатѣть: вѣдь не всякому Богъ даетъ кладъ; а съ мужиковъ. ты хоть кожу сдери, такъ не много прибыли. Я, кажется, таки и такъ не плошаю, да что ты изволишь сдѣлать? Пять дней ходятъ они на мою работу, да много ли въ пять дней сдѣлаютъ? Сѣку ихъ нещадно, а все прибыли нѣтъ; годъ отъ году все больше нищаютъ мужики: Господь на насъ прогнѣвался; право Ѳалалеюшка, и ума не приложу, что съ ними дѣлать.

«Пріѣхалъ къ намъ сосѣдъ *Брюжжаловъ* и привезъ съ собою какіе-то печатные листочки, и будучи у меня читалъ ихъ. *Что это у васъ, Ѳалалеюшка, дѣлается, никакъ съ ума сошли всѣ дворяне?* чего они смотрятъ? да я бы ему проклятому и ребра живаго не оставилъ. Что за Живописецъ такой у васъ проявился? Какой-нибудь нѣмецъ, а православный этого не написалъ бы. Гово-

ритъ, что помѣщики мучатъ крестьянъ, и называетъ ихъ тиранами: а того проклятый и не знаетъ, что въ старину тираны бывали некрещеные, и мучили святыхъ: посмотри самъ въ Чети-минеи; а наши мужики вѣдь не святые: какъ же намъ быть тиранами? Нынече же это и ремесло не въ модѣ, скорѣе въ воеводы добьешься, нежели во... Да полно, это не наше дѣло. Изволитъ уничижать, что мужики бѣдны: эдакая бѣда! неужто хочетъ онъ, чтобъ мужики богатѣли, а мы бы дворяне скудѣли; да этого и Господь не приказалъ: кому-нибудь одному богатому быть надобно, либо помѣщику, либо крестьянину; вѣдь не всѣмъ старцамъ въ игумнахъ быть. И во святомъ писаніи сказано: *работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся Ему съ трепетомъ. Пріимите наказаніе, да не когда прогнѣвается Господь, егда возгорится вскорѣ ярость Его.*—Да на что они и крестьяне? его такое дѣло, что работать безъ отдыху. Дай-ко имъ волю, такъ они и не вѣдь что затѣютъ. Вотъ тѣ на! до чего дожили! только я на это смотрѣть не буду; ври себѣ онъ что хочетъ: а я знаю, что съ мужиками дѣлать.... О, коли бы онъ здѣсь былъ! то-то бы потѣшилъ свой животъ: всѣ бы кости у него сдѣлалъ какъ въ мѣшкѣ. *Что и говорить, дали волю: тутъ небось не видятъ, и знатные господа молчатъ*; кабы я былъ большимъ бояриномъ, такъ управилъ бы его въ Сибирь. Эдакіе люди за себя не вступятся! Вѣдь и бояре съ мужиками-то своими поступаютъ не по нѣмецки, а все-таки тоже по русски, и ихъ крестьяне не богатѣе нашихъ. *Да что ужъ и говорить, - и они свихнулись.* Не далеко отъ меня деревня Григорья Григорьевича Орлова; такъ знаешь ли, по чему онъ съ нихъ беретъ? стыдно и сказать: по полтора рубля съ души; а угодьевъ-то сколько! и мужики какіе богатые: живутъ себѣ да и гадки не маютъ, богатѣе иного дворянина. Ну, а ты разсуди самъ, какая ему отъ этого прибыль, что мужики богаты? кабы перетаскалъ въ свой карманъ, такъ бы это получше было: эдакой умъ! То-то, Ѳалалеюшка, не къ рукамъ эдакое добро досталось. Кабы эта деревня была моя, такъ бы я по тридцати рублей съ нихъ бралъ, да и тутъ бы ихъ въ мирѣ еще не пустилъ; только что мужиковъ балуютъ. *Эхъ! перевелись-ста старые наши большіе бояре: то-то были люди! не только что со своихъ, да и съ чужихъ кожи драли.* То-то пожили да поцарствовали, какъ сыръ въ маслѣ катались: и царское, и дворянское, и купецкое, все было ихъ; у всѣхъ, кромѣ Бога, отнимали; да и у Того чуть тани не отни.... *А нынѣшніе господа что за люди, и себѣ добра не хотятъ.* Что ужъ и говорить: все пошло на нѣмецкій манеръ. Нутка, Ѳалалеюшка, вздумай да взгадай, да поди въ отставку; полно, другой мой, вѣдь ты уже послужилъ: лбомъ стѣну не проломишь; а коли не то, такъ хоть въ отпускъ пріѣзжай. Скосырь твой живъ и Налетка; мать твоя бережетъ ихъ пуще своего глаза; намнясь Налетку укусила было бѣшеная собака; да спасибо скоро захватили, ворожея заговорила. Ну да полно, и было за это людямъ! Сидоровна твоя всѣмъ кожу спустила; то-то проказница: я за то ее и люблю, что ужъ коли примется сѣчь, такъ отдѣлаетъ! Перемѣнъ двѣнадцать подадутъ: попроситъ небось воды со льдомъ; да это нѣтъ, ничего, лучше смотрятъ. За симъ писавый кланяюсь. Отецъ твой Трифонъ, благословеніе тебѣ посылаю.»

На первый взглядъ письмо это можетъ показаться чрезвычайно рѣзкимъ, даже и для нынѣшняго читателя. Но если всмотримся въ него повнимательнѣе, то найдемъ, что оно составляетъ не что иное, какъ прославленіе правительственныхъ мѣръ Екатерины. Приведши его, г. Аѳанасьевъ справедливо замѣчаетъ, что «въ подобныхъ жалобахъ - лучшая похвала екатерининскому вѣку» (стр 112). Въ самомъ дѣлѣ, что такое представляетъ собою обличаемый Трифонъ Панкратьевичъ? Вѣдь это въ нѣкоторомъ родѣ неблагонамѣренный либералъ, безпокойный человѣкъ, осмѣливающійся порицать, во имя невѣжества и своеволія, благодѣтельныя мѣры Императрицы... Какая же надобность щадить такого человѣка? какъ же не вылить на него всей желчи благороднаго негодованія,

накипѣвшаго въ груди у сатирика? Какъ не осмѣять, не опозорить его нелѣпыя понятія и о значеніи священнаго сана, и о крестьянахъ? Нападенія на *такихъ* людей, недовольныхъ просвѣщенными дѣйствіями правительства, съ *такой* точки не могли служить ни къ чему иному, какъ только къ большему проявленію заботливости Екатерины о благѣ своихъ подданныхъ. Сатира говорила обществу прямо и ясно: «смотрите, вотъ каковы тѣ, которые высказываютъ недовольство современными правительственными реформами; неужели кто-нибудь захочетъ присоединиться къ фалангѣ *такихъ* людей? Само собою разумѣется, что когда сатира имѣетъ такой смыслъ, то чѣмъ она рѣзче, тѣмъ выгоднѣе для правительства.

Между тѣмъ, самая рѣзкость словъ давала сатирикамъ поводъ думать, что слова эти имѣютъ большое значеніе и на дѣлѣ. И вотъ второе обстоятельство, которымъ поддерживалось въ тогдашнихъ сатирикахъ самодовольство, сильно мѣшавшее имъ вникнуть въ свое положеніе, понять свои отношенія къ обществу, среди котораго они говорили, и приняться серьезно отыскивать коренныя причины зла. Поставивъ себя на условную точку зрѣнія, о которой мы говорили выше, они, уже не стѣсняясь, выговаривали все, что было у нихъ на душѣ, по поводу ежедневныхъ мелкихъ злоупотребленій, и часто до того доходили, что пугали своихъ собратьевъ и, наконецъ, даже самихъ себя. «Трутень», напримѣръ, въ преслѣдованіи взяточничества зашелъ такъ далеко, что «Всякая Всячина», издававшаяся статсъ-секретаремъ Козицкимъ, и сама иногда слегка затрогивавшая судей, сочла нужнымъ напечатать противъ него такую отповѣдь, въ видѣ письма Правдомыслова.

«Случалося мнѣ слышать отъ одной части моихъ сограждан изреченіе такое: правосудія нѣтъ. Сіе родило во мнѣ любопытство узнать, отъ чего бы такой вредъ къ намъ вкрался? и справедливы ли жалобы о неправосудіи? *наипаче тогда, когда всякій согражданинъ признаться долженъ, что можетъ быть никогда и нигдѣ, какое бы то ни было правленіе не имѣло болѣе попеченія о своихъ подданныхъ, какъ нынѣ царствующая надъ нами монархиня имѣетъ о насъ*, въ чемъ ей, сколько намъ извѣстно, и изъ самыхъ опытовъ доказывается, стараются подражать и главныя правительства вообще. *Мы всѣ сомнѣваться не можемъ, что ей, великой государынѣ, пріятно правосудіе, что она сама справедлива, и что желаетъ въ самомъ дѣлѣ видѣти справедливость и правосудіе въ дѣйствіи во всей ея обширной области.* О томъ многіе изданные манифесты свидѣтельствуютъ, а наипаче Наказъ коммиссіи уложенія, гдѣ упомянуто въ 520 отдѣленіи, что никакой народъ не можетъ процвѣтать, если не есть справедливъ. Гдѣ же теперь болячка, на которую жалуются, то есть, что правосудія нѣтъ? Станемъ искать. 1) Въ законахъ ли? 2) Въ судьяхъ ли? 3) Въ насъ ли самихъ?

«Законы у насъ запутаны; о томъ сумнѣнія нѣтъ. Сію неудобность мы имѣемъ вобще съ Европою; *но предъ ней имѣемъ мы выгоду ту, что* ея величествомъ *созвана вся нація для составленія новаго проекта узаконеній: слѣдовательно питаемся надеждою о поправленіи тогда, когда Европа вся не видитъ конца конфузіи. А между тѣмъ*, когда новые поспѣютъ, *будемъ жить, какъ отцы наши жили*, съ тѣмъ барышемъ противу нихъ, что мы *ощущаемъ болѣе отъ вышней власти человѣколюбіе*, нежели они. Но я скажу и то, что справедли-

востью распутывать можно и весьма запутанные, да и самые противурѣчущіе законы. *И такъ неправосудіе не въ самихъ законахъ.*

«Судіи у насъ, какъ и вездѣ, всякіе; у насъ ихъ опредѣляютъ обыкновенно изъ военнослужащихъ или изъ приказныхъ людей безъ великаго знанія. Во многихъ европейскихъ земляхъ, а наипаче во Франціи, покупаютъ за деньги судейскія мѣста другъ у друга, какъ товаръ. И такъ у кого есть деньги, тотъ судья, хотя бы онъ никакого знанія не имѣлъ. По чему въ семъ случаѣ наши обычаи не много разнствуютъ отъ обычаевъ другихъ народовъ нашего шара. Но врождена ли справедливость во всѣхъ судьяхъ такъ, чтобъ могла наградить недостатокъ знаній? — то никакъ утвердить не можно. Слѣдовательно, жалоба на неправосудіе отчасти падаетъ на судей и на нравы.»

Говоря о нравахъ, Правдомысловъ обвиняетъ общество въ страсти къ тяжбамъ и утверждаетъ, что половина жалобъ на судей несправедливы и происходятъ оттого, что неправая сторона, будучи обвинена, всегда остается недовольною и старается очернить правосудіе. А чтобы правая сторона была осуждена, это, по мнѣнію Правдомыслова, можетъ быть не часто. «Чтобъ подобныхъ дѣлъ много могло проходить сквозь строгое разсматриваніе *трехъ апелляцій*, разсуждаетъ онъ, и въ присутствіи тяжущихся, тому вѣрить не можно; ибо не много такихъ людей, которые бы захотѣли лихо творити въ лицѣ почти цѣлаго свѣта, и оставить на бумагѣ писанныя свидѣтельства своего плутовства, *за которыя подобные имъ получили возмездіе по достоинству своему*». Говоря объ апелляціяхъ, о присутствіи тяжущихся, о достойномъ возмездіи за неправосудіе, «Всячина», очевидно, разумѣетъ новыя распоряженія Екатерины, направленныя къ возстановленію правосудія. Здѣсь сатира, можно сказать, даетъ сама себѣ тонкій намекъ, что продолженіе нападокъ на судей можетъ, наконецъ, принять видъ неблагонамѣренности и непокорства. Продолжая свои разсужденія и замѣчая самъ, что, «однако, приведенное доказательство слабо», Правдомысловъ выражаетъ наконецъ, безъ обиняковъ, слѣдующую мысль: «но долгъ нашъ, какъ христіанъ и какъ согражданъ, *велитъ имѣти повѣренность и почтеніе къ установленнымъ для нашего блага правительствамъ, и не поносить ихъ такими поступками и несправедливыми жалобами, коихъ право я еще не видалъ, чтобъ съ умысла случались*». Въ заключеніе письма, Правдомысловъ ругаетъ *дурныхъ шмелей* (Трутень?), которые «прожужжали ему уши своими разговорами о *мнимомъ* неправосудіи судебныхъ мѣстъ» («Всяч.», стр. 277—280).

Письмо Правдомыслова есть какая-то монитёрская статья, отчасти противная даже направленію самой «Всячины», слабѣйшей и осторожнѣйшей, чѣмъ всѣ другіе журналы, ей современные. Но, тѣмъ не менѣе, основной ея мотивъ, т. е. что «у насъ теперь все-таки лучше, чѣмъ когда-нибудь и гдѣ нибудь», и что «нужно имѣть повѣренность и почтеніе къ установленнымъ правительствамъ», мотивъ этотъ вовсе не чуждъ былъ екатерининской сатирѣ. Относительно почтенія «Адская Почта» объяснялась, что «*знатныхъ и въ правленіи великія мѣста имѣющихъ людей она никогда въ лицо не трогала своими критическими замѣчаніями*».

При этомъ она, впрочемъ, съ большимъ достоинствомъ замѣтила, что «дѣлала сіе не для ласкательства, но для того, чтобы переправляя такіе столбы, на которыхъ огромное опирается зданіе, цѣлому строенію не причинить вреда» («Ад. Почта», стр. 78). Въ этомъ же смыслѣ, вѣроятно, и Новиковъ говоритъ самому себѣ въ предисловіи къ «Живописцу»: «никогда не разлучайся съ тою прекрасною женщиною, съ которою иногда тебя видалъ; ты легко отгадать можешь, что она называется *Осторожность*» («Жив.» I, 10). Этой осторожностью, чтобы не повредить зданію существующаго порядка, постоянно руководились сатирики временъ Екатерины, и, слѣдовательно, они дѣйствительно убѣждены были, что зданіе само по себѣ совершенно хорошо, но что его нужно только очистить нѣсколько отъ накопленнаго въ немъ сора. А для того, чтобы вымести этотъ соръ, они чувствовали въ себѣ достаточно силъ и не щадили себя для того, чтобы сдѣлать чище и удобнѣе жилище россійской Минервы. «По указанію Екатерины Великой,— говоритъ г. Аѳанасьевъ,—періодическія изданія выступили съ своимъ обличительнымъ словомъ, и въ этомъ общемъ увлеченіи сатирическимъ направленіемъ нельзя не признать высокой нравственной стороны современной эпохи. *Старинныя суевѣрія, предразсудки и ложь отживали свой вѣкъ; въ ихъ дикомъ воплѣ противъ сатиры и правительственныхъ мѣръ слышится уже близкое торжество всеобновляющей правды*» (стр. 111). Точно такъ думали о себѣ и о своемъ значеніи и сами сатирики 1770-хъ годовъ. «Парнасскій Щепетильникъ» совершенно соглашается съ мнѣніемъ г. Аѳанасьева, говоря: «я съ восхищеніемъ вижу въ нѣкоторыхъ головахъ цѣлительное дѣйствіе; ибо многіе, присматриваясь пристально къ описаннымъ весьма худыми красками лицамъ и находя въ нихъ не знаю какое-то съ собою подобіе, *совершенно бросили юродствовать* и принялись за разумъ» («Парн. Щеп.», стр. 29). Правда, слѣдуетъ замѣтить, что слова «Щепетильника» относятся не ко всѣмъ вообще обличаемымъ, а только къ дурнымъ стихотворцамъ, слѣдовательно воззрѣніе г. Аѳанасьева гораздо шире; но въ пользу «Щепетильника» можно привести то обстоятельство, что онъ на 90 лѣтъ опередилъ нашего ученаго. Впрочемъ, нѣкоторыми изданіями воззрѣніе г. Аѳанасьева на жизненное значеніе сатиры было уже принято и въ то время. Такъ, «Полезное съ Пріятнымъ» пишетъ въ своемъ объявленіи: «видя, съ какою жадностью пріемлетъ общество издаваемыя еженедѣльныя сочиненія для увеселенія онаго, не можно не возчувствовать истинной радости. Съ какимъ бы намѣреніемъ кто ни желалъ имѣть оныя, однако то неоспоримо, что тамъ найдетъ и такое, которое *напослѣдокъ и порочное сердце устыдить и къ нѣкоторому исправленію побудить можетъ*; а сіе самое и есть предметомъ трудящихся въ таковыхъ изданіяхъ» (Аѳ., стр. 19). А «Всячина» выражается еще рѣшительнѣе: «мы не сомнѣваемся,—говоритъ она,—*о скоромъ исправленіи нравовъ* и ожидаемъ *немедленно искорененія всѣхъ пороковъ*,

ибо уже начали твердить наизусть «Всякую Всячину» («Всяк. Всяч.», стр. 123). Къ сожалѣнію, въ этой замѣткѣ слышна иронія; а то мы сказали бы, что «Всячина» уже чувствовала «торжество всеобновляющей правды», о которомъ такъ лестно отзывается г. Аѳанасьевъ...

Признаемся, мы не удивляемся самоувѣренности сатириковъ и еще менѣе дивимся отзывамъ о нихъ г. Аѳанасьева. Дѣйствительно, если бы дѣло было только въ томъ, чтобы уничтожить злоупотребленія, опозорить людей, препятствующихъ правильному ходу общественной машины въ томъ видѣ, какъ она есть, то отъ сатиры ничего и требовать нельзя было бы болѣе того, что она давала при Новиковѣ. И ежели она, въ самомъ дѣлѣ, не имѣла практическаго успѣха, то не отъ слабости нападеній на тѣ или другіе пороки: нѣтъ, на что она нападала, тому доставалось отъ нея очень сильно. Но слабая ея сторона заключалась въ томъ, что она не хотѣла видѣть коренной дрянности того механизма, который старалась исправить. Этой стороны не замѣчаетъ г. Аѳанасьевъ, и потому сужденія его о великой важности сатиры 1770-хъ годовъ отзываются весьма естественнымъ преувеличеніемъ. Но стоитъ нѣсколько поднять уровень нравственныхъ требованій, и мы увидимъ, что и новиковская сатира была еще очень слаба и занималась менѣе важными предметами, оставляя въ сторонѣ главные и существенные. Чтобы не пускаться въ далекія разсужденія, возьмемъ примѣръ. Въ журналахъ Новикова было много обличеній противъ жестокихъ помѣщиковъ. Это было очень хорошо и сообразно съ намѣреніями государыни, находившей, что злоупотребленія помѣщичьей власти составляютъ страшное зло и служатъ поводомъ ко многимъ безпокойствамъ въ государствѣ. Но весьма немногія изъ тогдашнихъ сатиръ брали зло въ самой его сущности; немногіе руководились въ своихъ обличеніяхъ радикальнымъ отвращеніемъ къ крѣпостному праву, въ какой бы кроткой формѣ оно ни проявлялось. А еще это одинъ изъ наиболѣе простыхъ и ясныхъ вопросовъ, и новиковская сатира его поставила много лучше другихъ. Въ отношеніи къ другимъ условіямъ, составляющимъ основу общественнаго быта, сатирики еще легче скользили по поверхности.... Принявши аксіому, что

Законы святы,
Да исполнители—лихіе супостаты,

они всѣ темныя явленія русской жизни считали противозаконнымъ исключеніемъ и очень часто ссылались, для подкрѣпленія своихъ обличеній, на вновь изданные указы. Такимъ образомъ, они сами ставили свою дѣятельность въ зависимость отъ существовавшей тогда администраціи, и, слѣдовательно, всѣ основные недостатки въ организаціи русскаго общества, незамѣченные, а иногда даже и освященные закономъ, избѣгали и пера сатириковъ... Этимъ-то и объясняется то, на первый взглядъ очень странное, явленіе, что

сатира тогдашняго времени, при своей рѣзкости, благородствѣ и постоянномъ соотвѣтствіи съ правительственными мѣрами, ничего, однако же, не исправила и не передѣлала. Человѣка, который свалился съ ногъ отъ тяжелой болѣзни, она хотѣла заставить ходить, расправляя его ноги разными специями.... Разумѣется, старанія ея должны были остаться безуспѣшными.

Чтобы видѣть, до какой степени безполезны въ практическомъ отношеніи всѣ нападки на частныя проявленія зла, безъ уничтоженія самаго корня его, мы можемъ представить теперь нѣсколько примѣровъ того, какъ поставленъ былъ сатирою екатерининскаго времени вопросъ объ отношеніяхъ крестьянъ и помѣщиковъ. Въ настоящее время, когда крестьянскій вопросъ разсматривается уже правительствомъ во всей его обширности, можно, кажется, совершенно спокойно и безбоязненно повторить то, что говорилось почти за столѣтіе назадъ лучшими людьми временъ Екатерины. Притомъ же, характеръ этихъ обличеній таковъ, что они имѣютъ теперь уже только историческое значеніе, и если кто рѣшится увидѣть въ нихъ какое-нибудь отношеніе къ современности, тотъ докажетъ только, что онъ цѣлымъ столѣтіемъ опоздалъ родиться....

Въ приведенномъ выше письмѣ Трифона Панкратьича мы уже видѣли, что жестокимъ помѣщикомъ является человѣкъ стараго времени, съ отсталыми понятіями, жалующійся на то, что невѣжество и грубость уже отжили свой вѣкъ въ царствованіе Екатерины. Такой же точно господинъ является въ «Трутнѣ» (1769 года, стр. 202—208, 233—240), въ «отпискахъ» крестьянъ своему барину и въ копіи съ его господскаго «указа». Эти документы такъ хорошо написаны, что иногда думается: не подлинные ли это? Вотъ выписка изъ крестьянской отписки:

«Государю Григорью Сидоровичу. Бьютъ челомъ *** отчины твоей староста Андрюшка со всѣмъ міромъ.

«Указъ твой господской мы получили и денегъ оброчныхъ съ крестьянъ на нынѣшнюю треть собрали; съ сельскихъ ста душъ — 123 рубля 20 алтынъ, съ деревенскихъ 50 душъ — 61 рубль 17 алтынъ; а въ недоимкѣ за нынѣшнюю треть осталось на сельскихъ 26 рублевъ 4 гривны, на деревенскихъ 13 рублевъ 49 копѣекъ, да послано къ тебѣ, государь, прошлой трети недоборныхъ денегъ съ сельскихъ и деревенскихъ 43 рубли 20 копѣекъ; а больше собрать не могли: крестьяне скудны, взять негдѣ, нынѣшнимъ годомъ хлѣбъ не родился, насилу могли сѣмена въ гумна собрать. Да Богъ посѣтилъ насъ скотскимъ падежемъ, скотина почти вся повалилась; а которая и осталась, такъ и ту кормить нечѣмъ, сѣна были худыя, да и соломы мало, и *крестьяне твои, государь, многіе пошли по-міру. Неплательщиковъ по указу твоему господскому на сходкѣ сѣкъ нещадно, только они оброку не заплатили, говорятъ, что негдѣ взять*. Съ Филаткою, государь, какъ поволишь? денегъ не платитъ, говоритъ, что взять негдѣ: онъ самъ все лѣто прохворалъ, а сынъ большой померъ, остались маленькіе робятишки; и онъ нынѣшнимъ лѣтомъ хлѣба не сѣялъ, некому было землю пахать, во всемъ дворѣ одна была сноха, а старуха его и съ печи не сходитъ. *Подушныя деньги за него заплатитъ міръ, видя его скудость;* а за твою, государь, недоимку, по указу твоему, продано его двѣ клѣти за три рубли за десять алтынъ; корова за полтора рубли, а лошади у него всѣ пали, другая коровенка оставлена для робятишекъ, кормить ихъ нечѣмъ: міромъ сказали, буде ты его въ томъ не простишь, то они за ту корову деньги отдадутъ, *а робятишекъ поморитъ, и его*

въ конецъ разорить не хотятъ. При семъ послана къ милости твоей Филаткина челобитная, какъ съ нимъ самъ изволишь, то и дѣлай; а онъ уже не плательщикъ, покуда не подростутъ робятишки; безъ скотины, да безъ дѣтей нашъ братъ твоему здоровью не слуга. Міромъ, государь! тебѣ бьютъ челомъ о завладѣнной у насъ *Нахрапцовымъ* землѣ, прикажи ходить за дѣломъ: онъ насъ здѣсь разоряетъ, и землю отрѣзалъ по самыя наши гумна, некуда и курицы выпустить, а на дѣло по указу твоему собрано тридцать рублей, и къ тебѣ посланы безъ доимки; за неплательщиковъ положили тяглые; только прикажи, государь, добиться по дѣлу. *Нахрапцовъ* на насъ въ городѣ подалъ явочную челобитную, будто мы у него гусями хлѣбъ потравили, и по тому его челобитью была за мною изъ города посылка. Меня въ отчинѣ тогда не было, посыльные забрали въ городъ шесть человѣкъ крестьянъ въ самую работную пору; и я, государь, въ городъ ѣздилъ, просилъ секретаря и воеводу, и крестьянъ вашихъ выпустили, только по тому дѣлу стало міру денегъ шесть рублевъ, возъ хлѣба, да пять вововъ сѣна. *Нахрапцовъ* попался намъ на дорогѣ и грозился насъ опять засадить въ тюрьму: секретарь ему родня; и онъ насъ очень обижаетъ. *Отпиши, государь, къ прокурору: онъ бояринъ доброй, ничего не беретъ, когда къ нему на поклонъ придешь,* и онъ твою милость знаетъ, авось либо онъ за насъ вступится и секретаря уйметъ, а воевода никакихъ дѣлъ не дѣлаетъ, ѣздитъ съ собаками, а дѣла всѣ знаетъ секретарь. Вступись, государь, за насъ своихъ сиротъ; коли ты за насъ не вступишься, такъ насъ совсѣмъ разорятъ, и *Нахрапцовъ* всѣхъ насъ пуститъ въ міръ. Да еще твоему здоровью всѣмъ міромъ бьютъ челомъ о сбавкѣ оброчныхъ денегъ, намъ уже стало не въ моготу; *послѣ переписки у насъ въ селѣ и въ деревнѣ померло больше тридцати душъ, а мы оброкъ платимъ все тотъ же;* покуда смогли, такъ мы таки твоей милости тянулись, а нынче стало уже не въ мочь. Буде не помилуешь, государь, то *мы всѣ въ конецъ разоримся: неплательщики все прибавляются, и я по указу твоему сборъ дѣлалъ всякое воскресенье, и неплательщиковъ сѣку въ сходѣ, только имъ взять негдѣ, какъ ты съ ними ни изволишь.* Еще твоей милости доношу, ягоды и грибы нынѣшнимъ лѣтомъ не родились, бабы просятъ, чтобы изволилъ ты взять деньгами, по чему укажешь за фунтъ, да еще просятъ, чтобы за пряжу и за холстину изволилъ ты взять деньгами. *Лѣсу твоего господскаго продано крестьянамъ* на дрова на семь рублевъ съ полтиною; да на двѣ избы, по десяти рублевъ за избу. И деньги, государь, всѣ съ Антошкою посланы. При семъ еще послано штрафныхъ денегъ, съ Ипатки за то, что онъ въ челобитьѣ своемъ тебя, государь, оболгалъ и на племянника сказалъ, будто онъ его не слушался, и затѣмъ съ нимъ разошолся, взято по указу твоему тридцать рублей; съ Антошки *за то, что онъ тебя въ челобитной назвалъ отцомъ, а не господиномъ, взято пять рублей, и онъ на сходкѣ высѣченъ.* Онъ сказалъ: *я-де это сказалъ съ глупости и на-предки онъ тебя, государя, отцомъ называть не будетъ.* Дьячку при всемъ мірѣ приказъ твой объявленъ, что бы онъ впредь такъ не писалъ. Остаемся рабы твои староста Андрюшка со всѣмъ міромъ земно кланяемся.»

За этою отпискою помѣщено слезное прошеніе Филатки, о которомъ говорится въ отпискѣ старосты, а затѣмъ напечатана «копія съ помѣщичьяго указа», въ которомъ чрезвычайно ярко выражаются безчеловѣчность и невѣжество помѣщика. Никакія человѣческія чувства его не трогаютъ, никакія страданія не возбуждаютъ въ немъ жалости, никакіе резоны не внушаютъ ему здраваго распоряженія. Онъ привыкъ дѣйствовать совершенно произвольно, и тотъ же произволъ передаетъ человѣку своему, Семену Григорьеву, котораго посылаетъ въ деревню для распоряженія. Вотъ выдержка изъ его указа, напечатаннаго въ «Трутнѣ»:

Копія съ помѣщичьяго указа.

«Человѣку нашему Семену Григорьеву.

«Ѣхать тебѣ въ *** наши деревни и по пріѣздѣ исправить слѣдующее:

«1) Проѣздъ отсюда до деревень нашихъ и оттуда обратно имѣть насчетъ старосты Андрея Лазарева.

«2) Пріѣхавъ туда *старосту при собраніи всѣхъ крестьянъ высѣчь нещадно* за то, что онъ за крестьянами имѣлъ худое смотрѣніе и запускалъ оброкъ въ недоимку; и послѣ *изъ старостъ его смѣнить; а сверхъ того взыскать съ него штрафу сто рублей.*

«3) Сыскать въ самую истинную правду, какъ староста и за какія взятки оболгалъ насъ ложнымъ своимъ докладомъ? За то *прежде всего его высѣчь,* а потомъ начинать слѣдствіемъ порученное тебѣ дѣло.

«4) Старосты Андрюшки и крестьянина Панфила Данилова, по коемъ староста учинилъ ложный доносъ, обоихъ ихъ *домы опечатать и опредѣлить караулъ; а ихъ самихъ отдать подъ караулъ въ другой домъ.*

«5) Еслижъ въ чемъ либо будутъ они чинить запирательство, то объяви имъ, что они будутъ *отданы въ городъ для наказанія по указамъ.*

«6) *И какъ нѣтъ сумнѣнія, что староста доносъ учинилъ ложный,* то за оное перевесть его къ намъ на житье въ село ***; буде же онъ за дальнымъ разстояніемъ перевозиться и разорять себя не похочетъ, то *взыскать съ него за оное еще пятьдесятъ рублей.*

«7) Сколько пожитковъ всякаго званія осталося послѣ крестьянина Анисима Иванова и получено крестьяниномъ Панфиломъ Даниловымъ, то все съ него Данилова *взыскать и взять въ господскій дворъ,* учиня всему тому опись.

«8) Крестьянъ въ раздѣлѣ земли по просьбѣ ихъ поровнять, *по твоему благоразсужденію;* но притомъ однакожь объявить имъ, что *сбавки съ нихъ оброку не будетъ,* и чтобы они, не дѣлая никакихъ отговорокъ, оный платили бездоимочно; неплательщиковъ же *при собраніи всѣхъ крестьянъ сѣчь нещадно.*

«9) Объявить всѣмъ крестьянамъ, что къ будущему размежеванію земель потребно взять выпись; и для того на оное *собрать тебѣ со крестьянъ, сколько потребно будетъ,* на взятье выписи.

«10) Въ начавшійся рекрутскій наборъ съ нашихъ деревень рекрута не ставить; ибо здѣсь за нихъ поставленъ въ рекруты Гришка Ѳедоровъ, за чиненныя имъ неоднократно пьянствы и воровства вмѣсто наказанія, *а со крестьянъ за поставку того рекрута собрать* по два рубля съ души.

«11) За ложное показаніе Панфила Данилова и утайку свойства другихъ *взять съ него, вмѣняя въ штрафъ, сто рублей;* а его перевесть къ намъ въ село *** на житье; а когда онъ просить будетъ, чтобы полученные имъ неправильно пожитки оставить у него, и его оставить на прежнемъ жилищѣ, то за оное *взыскать съ него, опричь штрафныхъ, двѣсти рублей.*

«12) По просьбѣ крестьянъ, у Филатки корову оставить, *а взыскать за нее деньги съ нихъ;* а чтобы они и впредь такимъ лѣнивцамъ потачки не дѣлали, то *купить Филаткѣ лошадь на мірскія деньги;* а Филаткѣ объявить, чтобы онъ впредь пустыми своими челобитными не утруждалъ, и платилъ бы оброкъ безъ всякихъ отговорокъ бездоимочно.

«13) Старосту выбрать міромъ и подтвердить ему, чтобы онъ о сборѣ оброчныхъ денегъ имѣлъ неусыпное попеченіе, *и неплательщиковъ бы сѣкъ нещадно*; буде же какія впредь явятся недоимки, то оное *взыскано будетъ все со старосты.*

«14) За грибы, ягоды и пр. взять съ крестьянъ деньгами.

«15) Выбрать шесть человѣкъ изъ молодыхъ крестьянъ и привезть съ собою, для обученія разнымъ мастерствамъ.

«16) По исправленіи всего вышеописаннаго, ѣхать тебѣ обратно; а старостѣ накрѣпко приказать неусыпное имѣть попеченіе о сборѣ оброчныхъ денегъ».

«Трутень» ничего не прибавляетъ отъ себя къ этому указу; но смыслъ его ясенъ самъ по себѣ: въ немъ обличается безчело-

вѣчное обхожденіе помѣщика съ крестьянами, или, говоря иначе, «злоупотребленіе помѣщичьей власти». Вслѣдъ за «указомъ» Григорья Сидорыча, въ «Трутнѣ» помѣщенъ рецептъ *Злораду* (стр. 211), думающему, «что слугъ ему подчиненныхъ къ исполненію своихъ должностей ничѣмъ инымъ принудить невозможно, какъ строгостію или паче звѣрствомъ и жестокими побоями. Для сей причины подчиненныхъ ему слугъ и за самомалѣйшія слабости и оплошности наказываетъ звѣрски.... Одѣваетъ, обуваетъ и кормитъ онъ своихъ слугъ весьма худо, утверждая, что когда сіи безумія его несчастные невольники чувствуютъ голодъ и холодъ, тогда ежеминутно памятуютъ они свое рабство и, по его мнѣнію, слѣдовательно тѣмъ побуждаются къ исполненію своихъ должностей. Любовь къ человѣчеству онъ опровергаетъ, но утверждаетъ, что рабамъ жестокость и наказаніе такъ, какъ дневная пища, необходимо нужны. Надлежитъ думать, что онъ имѣетъ сердце, напоенное лютымъ звѣрствомъ и жестокостью, когда не слышитъ вопіющаго гласа природы: и рабы человѣки»! Этому Злораду приписывается рецептъ: «чувствованій истиннаго человѣчества — 3 лота, любви къ ближнему—2 золотника и соболѣзнованія къ несчастію рабовъ — 3 зол.». Въ «Трутнѣ» же помѣщенъ былъ и другой рецептъ—для г. *Безразсуда* (стр. 188 — 190), отличающійся тенденціею довольно радикальною для того времени. Приведемъ его вполнѣ.

«Безразсудъ боленъ мнѣніемъ, что крестьяне не суть человѣки, но крестьяне, а что такое крестьяне, о томъ знаетъ онъ только потому, что они крѣпостные его рабы. Онъ съ ними точно такъ и поступаетъ, собирая съ нихъ тяжкую дань, называемую *оброкъ*. Никогда съ ними не только что не говоритъ ни слова, но и не удостоиваетъ ихъ наклоненія своей головы, когда они по восточному обыкновенію предъ нимъ по землѣ распростираются. Онъ тогда думаетъ: *я господинъ, они мои рабы, они для того и сотворены, чтобы, претерпѣвая всякія нужды, и день и ночь работать и исполнять мою волю исправнымъ платежемъ оброка; они памятуя мое и свое состояніе должны трепетать моего взора*. Въ дополненіе къ сему прибавляетъ онъ, что точно о крестьянахъ сказано, *въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой*. Бѣдные крестьяне любить его какъ отца не смѣютъ, но почитая въ немъ своего тирана, его трепещутъ. Они работаютъ день и ночь, но со всѣмъ тѣмъ едва-едва имѣютъ дневное пропитаніе, затѣмъ, что насилу могутъ платить господскіе поборы. Они и думать не смѣютъ, что у нихъ есть что-нибудь собственное, но говорятъ: *это не мое, но Божіе и господское*. Всевышній благословляетъ ихъ труды и награждаетъ, а *Безразсудъ* ихъ обираетъ. Безразсудный! развѣ забылъ то, что ты сотворенъ человѣкомъ, неужели ты гнушаешься самимъ собою, во образѣ крестьянъ, рабовъ твоихъ? развѣ не знаешь ты, что между твоими рабами и человѣками больше сходства, нежели между тобою и человѣкомъ? Вообрази рабовъ твоихъ состояніе, оно и безъ отягощенія тягостно: когда же ты гнушаешься тѣми, которые для удовольствованія страстей твоихъ трудятся почти безъ отдохновенія, то подумай, какъ должны гнушаться тобою истинные человѣки, человѣки господа, господа отцы своихъ дѣтей, а не тираны своихъ, какъ ты, рабовъ. Они гнушаются тобою яко извергомъ человѣчества, преобращшимъ нужное подчиненіе въ иго рабства. Но *Безразсудъ* всегда твердитъ: *я господинъ, они мои рабы; я человѣкъ, они крестьяне*.

«Отъ сей вредной болѣзни *рецептъ: Безразсудъ* долженъ всякій день по два раза разсматривать кости господскія и крестьянскія до тѣхъ поръ, покуда найдетъ онъ различіе между господиномъ и крестьяниномъ».

Рецептъ заставляетъ думать, что у автора была идея о несправедливости человѣческой власти вообще. «Крестьяне суть тоже человѣки и даже болѣе похожи на людей, чѣмъ иные помѣщики; а человѣку человѣкомъ владѣть какъ вещью—не должно». Таковы, кажется, его основныя мысли. Но, всматриваясь пристальнѣе, находимъ, что и здѣсь была на умѣ у автора только отвлеченная мораль, потому что онъ тутъ же восхваляетъ «человѣковъ господъ, господъ — отцовъ своихъ дѣтей, а не тирановъ своихъ рабовъ». Слѣдовательно, и въ этой статейкѣ та же непослѣдовательность, которою страдаетъ вообще сатира прошлаго столѣтія. Вмѣсто прямаго вывода: «крестьяне тоже человѣки, слѣдовательно помѣщики не имѣютъ надъ ними никакихъ правъ», подставленъ другой, очень непóлный: «крестьяне тоже человѣки, слѣдовательно, не нужно надъ ними тиранствовать».

Гораздо далѣе всѣхъ обличителей того времени ушелъ г. И. Т., котораго «Отрывокъ изъ путешествія» напечатанъ въ «Живописцѣ» (стр. 179—193). Въ его описаніяхъ слышится уже ясная мысль о томъ, что вообще крѣпостное право служитъ источникомъ золъ въ народѣ. Вотъ начало этого отрывка:

«Я останавливался во всякомъ почти селѣ и деревнѣ, ибо всѣ они равно любопытство мое къ себѣ привлекали; но въ три дня сего путешествія ничего не нашелъ я похвалы достойнаго. Бѣдность и рабство повсюду встрѣчалися со мною въ образѣ крестьянъ. Непаханныя поля, худой урожай хлѣба возвѣщали мнѣ, какое помѣщики тѣхъ мѣстъ о земледѣліи прилагали раченіе. Маленькія, покрытыя соломою хижины изъ тонкаго заборника, дворы огороженные плетнями, небольшіе одоньи хлѣба, весьма малое число лошадей и рогатаго скота — подтверждали, *сколь велики недостатки тѣхъ бѣдныхъ тварей, которыя богатство и величество цѣлаго государства* составлять должны...

«Не пропускалъ я ни одного селенія, чтобы не разспрашивать о причинахъ бѣдности крестьянской. И, слушая ихъ отвѣты, къ великому огорченію всегда находилъ, что помѣщики ихъ сами тому были виною. О человѣчество! тебя не знаютъ въ ихъ поселеніяхъ. О господство! ты тиранствуешь надъ подобными тебѣ человѣками. О блаженная добродѣтель любовь,—ты употребляешься во зло: глупые помѣщики сихъ бѣдныхъ рабовъ проявляютъ тебя болѣе къ лошадямъ и собакамъ, а не къ человѣкамъ!» («Жив.», стр. 179, 180).

Далѣе слѣдуетъ описаніе возмутительной бѣдности и грязи, въ которой живутъ крестьяне *деревни Разоренной*. Между прочимъ, смотря на плачущихъ младенцевъ, брошенныхъ безъ призора, г. И. Т. восклицаетъ: «кричите, бѣдныя твари, произносите жалобы свои! Наслаждайтесь послѣднимъ симъ удовольствіемъ во младенчествѣ: когда возмужаете, тогда и сего утѣшенія лишитесь»! (Стр. 185). Затѣмъ авторъ пускается въ размышленія о томъ, какъ нелѣпо судьба распоряжается людьми: праздношатающіеся «любимцы Плутовы» веселятся, обремененные всевозможными гадостями, а труженики-крестьяне страдаютъ за тяжелой работой, да и то не для себя. Вотъ нѣкоторыя изъ его сближеній:

«Между тѣмъ, солнце, совершивъ свое теченіе, погружалось въ бездну воды, и сама природа призывала всѣхъ отъ трудовъ къ покою. Между тѣмъ, богачи, любимцы Плутовы, препроводя весь день въ веселіи и пированіяхъ, къ

новымъ приготовлялися увеселеніямъ... Худой судья и негодный подъячій веселились, что въ минувшій день сдѣлали прибытокъ своему карману и пролили новые источники невинныхъ слезъ... Игроки собирались ко всеночному бдѣнію за карточными столами, и тамъ, теряя честь, совѣсть и любовь къ ближнему, приготовлялись обманывать и разорять богатыхъ простячковъ всякими непозволенными способами. Другіе игроки везли съ собою въ карманѣ труды и потъ своихъ крестьянъ цѣлаго года и готовились поставить на карту. Купецъ веселился, считая прибытокъ того дня, полученный имъ на совѣсть, и радовался, что на дешевый товаръ много получилъ барыша. Врачъ благодарилъ Бога, что въ этотъ день много было больныхъ, и радовался, что отправленный имъ на тотъ свѣтъ покойникъ былъ весьма молчаливый человѣкъ. Стряпчій доволенъ былъ, что въ минувшій день умѣлъ разорить зажиточнаго человѣка и придумать новыя плутовства для разоренія другихъ по законамъ. *А крестьяне, мои хозяева, возвращаясь съ поля, въ пыли, въ потѣ, измучены, и радовалися, что для прихотей одного человѣка всѣ они въ прошедшій день много сработали!*» (Стр. 188—190).

Тирада эта очень рѣзка и, кажется, тогдашнее *благочиніе* вообще строго посмотрѣло на эту статью. Нѣкоторыхъ мѣстъ изъ нея даже нельзя было напечатать. Въ одномъ мѣстѣ издатель дѣлаетъ примѣчаніе: «я не заключилъ въ сей листокъ разговоръ путешественника съ крестьяниномъ *по нѣкоторымъ причинамъ*: благоразумный читатель и самъ ихъ отгадать можетъ». Видно, и въ то время существовали «нѣкоторыя причины», мѣшавшія писателю говорить откровенно всю правду, какъ скоро онъ удалялся отъ тѣхъ покрововъ, подъ которыми ратовала тогдашняя сатира вообще. Слѣды боязни полной гласности попадаются и въ другихъ мѣстахъ сатирическихъ журналовъ. Въ защиту «Отрывка», Новиковъ помѣстилъ въ «Живописцѣ» особую статью, въ одномъ мѣстѣ которой находимъ такое примѣчаніе: «тутъ слѣдовали многія другія упреканія, относящіяся къ худымъ помѣщикамъ; но я ихъ исключилъ, *опасаясь навлечь на себя сугубое негодованіе*» (стр. 71). Въ «Трутнѣ», въ числѣ сатирическихъ вѣдомостей, есть такое объявленіе: «издателю Трутня, для наполненія еженедѣльныхъ листовъ, потребно простонародныхъ басенъ и сказокъ: *ибо изъ присылаемыхъ къ нему сатирическихъ пьесъ многихъ не печатаютъ*; а напечатанныя безъ всякаго стыда многія принимаютъ на свой счетъ и его злословятъ за то повсемѣстно» (стр. 142). Изъ этого можно видѣть, что противодѣйствіе невѣжественныхъ и сильныхъ обскурантовъ много вредило въ то время свободѣ слова, и писатели только и могли защищаться дозволеніемъ и милостію монархини. Но Екатеринѣ, несмотря на обнаруженную ею любовь къ литературѣ, иное могло быть представлено въ превратномъ видѣ; инымъ авторамъ могли быть въ ея глазахъ приписаны неблагонамѣренныя тенденціи, и тогда уже нельзя было расчитывать на ея защиту. Извѣстны два анекдота о Державинѣ: одинъ—о «Фелицѣ», другой—о «Переложеніи псалма 81». «Фелица», этотъ «хитросложенный пукъ хвалы», какъ выразилась однажды сама Екатерина, сдѣлалась извѣстною Императрицѣ случайно, и Державинъ пришелъ въ ужасное безпокойство, потому что въ этой «одѣ» были намеки на Потемкина, Алексѣя Орлова, Нарышкина и другихъ важныхъ

лицъ. Но само собою разумѣется, что Екатерина не могла разгнѣваться на пьесу, которая начиналась обращеніемъ къ ней: «Богоподобная Царевна!» и оканчивалась стихами:

Прошу великаго пророка,
Да праха ногъ твоихъ коснусь, и пр.

Притомъ же, стихотвореніе это представлено ей было княгинею Дашковою... И вотъ Державину, несмотря на его «смѣлые» намеки на важныхъ лицъ, прислали золотую табакерку съ 500 червонныхъ и удостоили большихъ милостей. Но черезъ 12 лѣтъ вздумалъ онъ поднести Императрицѣ тетрадь своихъ сочиненій. Въ числѣ ихъ находилось Переложеніе 81-го псалма [1]). Послѣ этого нѣсколько разъ бывши при дворѣ, Державинъ «примѣчалъ въ Императрицѣ къ себѣ холодность, а окружающіе его бѣгали, какъ бы боясь съ нимъ даже встрѣтиться, не токмо говорить». Державинъ не могъ понять, что это значитъ, но вскорѣ узналъ, что переложеніе 81-го псалма принято за «якобинскіе стихи» и что уже велѣно секретно допросить поэта черезъ Шешковскаго, «для чего онъ и съ какимъ намѣреніемъ пишетъ такіе стихи». Въ это время Державину было уже слишкомъ 50 лѣтъ, онъ былъ тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ; слѣдовательно, трудно было подозрѣвать его въ санкюлотствѣ. И, дѣйствительно, узнавъ въ чемъ дѣло, онъ чистосер-

---

[1]) Вотъ эти стихи:

Возсталъ Всевышній Богъ, да судитъ
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ.
«Доколѣ, рекъ, доколь вамъ будетъ
Щадить неправедныхъ и злыхъ?
Вашъ долгъ есть охранять законы,
На лица сильныхъ не взирать,
Безъ помощи, безъ обороны,
Сиротъ и вдовъ не оставлять.
Вашъ долгъ — спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Несчастливымъ подать покровъ,
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ,
Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ.»
— Не внемлютъ! Видятъ и не знаютъ!
Покрыты мздою очеса:
Злодѣйства землю потрясаютъ,
Неправда зыблетъ небеса;
Цари! Я мнилъ, вы боги властны,
Никто надъ вами не судья;
Но вы, какъ я подобно, страстны
И такъ же смертны, какъ и я.
И вы подобно такъ падете,
Какъ съ древъ увядшій листъ падетъ;
И вы подобно такъ умрете,
Какъ вашъ послѣдній рабъ умретъ!
Воскресни, Боже, Боже правыхъ,
И ихъ моленію внемли:
Приди, суди, карай лукавыхъ
И будь единъ царемъ земли!..

дечно объяснилъ, что заподозрѣнные стихи суть не что иное, какъ псаломъ царя Давида, который, конечно, не былъ якобинцемъ, что псаломъ этотъ переложенъ имъ въ простотѣ души и, наконецъ, что переложеніе сдѣлано еще въ 1787 году, тогда же напечатано было въ «Зеркалѣ Свѣта» и до сихъ поръ не только не произвело вредныхъ для государства послѣдствій, но даже не было замѣчено самими блюстителями благочинія. Послѣ этого объясненія и ходатайства Зубова, къ которому обратился Державинъ, невинность поэта была признана, и Императрица возвратила ему свое благоволеніе. («Записки Держ.» См. «Рус. Бес.» 1859 г., т. IV, стр. 380—382.)

Случаи съ Державинымъ очень характерны. Они показываютъ, какъ безсознательно многое говорилось и какъ легко принималось, пока какая-нибудь случайность не привлекала на статью или книгу чьего-нибудь неблагонамѣреннаго вниманія. «Отрывокъ изъ путешествія», о которомъ мы сейчасъ только-что говорили, можетъ служить новымъ доказательствомъ этого. Онъ, какъ видно, очень понравился публикѣ: въ «Живописцѣ» онъ перепечатывался нѣсколько разъ, и даже въ послѣдніе годы царствованія Екатерины (пятое изданіе—1793 г.), когда она уже не позволяла писать такъ рѣзко, когда Радищевъ за подобную книгу поплатился ссылкою въ Сибирь, когда даже Державина подозрѣвали въ якобинствѣ. Мало того: отрывокъ этотъ былъ перепечатанъ въ 1806 г. въ «Московскомъ Собесѣдникѣ» (Ч. II, стр. 163). И однакожъ, дѣло было такъ щекотливо, что Новиковъ, напечатавъ обѣщаніе *продолжать* эти отрывки, не могъ сдержать слова, да и первый-то отрывокъ могъ помѣстить не иначе, какъ съ такимъ послѣсловіемъ: «сіе сатирическое сочиненіе, подъ названіемъ путешествія въ **, получилъ я отъ г. И. съ прошеніемъ, чтобы оно помѣщено было въ моихъ листахъ. Если бы это было въ то время, когда умы наши и сердца заражены были французскимъ народомъ, то *не осмѣлился бы я читателя моего попотчивать съ этого блюда, потому что оно приготовлено очень солоно* и для нѣжнаго вкуса благородныхъ невѣждъ горьковато. *Но нынѣ премудрость, сѣдящая на престолѣ, истину покровительствуетъ во всѣхъ дѣяніяхъ.* Итакъ, я надѣюсь, что сіе сочиненьице заслужитъ вниманіе людей, истину любящихъ» («Жив.», ч. II, стр. 194). Но и эта приписка плохо помогла: стали обвинять автора и издателя въ неблагонамѣренности, замѣтивъ, можетъ быть, что въ «Отрывкѣ» бросается сильное сомнѣніе на законность самаго принципа крѣпостныхъ отношеній. Вслѣдствіе такихъ толковъ, издатель счелъ необходимымъ помѣстить, подъ названіемъ «Англинской Прогулки», защиту «Отрывка», увѣряющую, что авторъ вовсе не имѣлъ въ виду оскорбить «цѣлый дворянскій корпусъ», что онъ болѣе ни о чемъ не говоритъ, какъ только о злоупотребленіяхъ, которыхъ, конечно, сами дворяне не одобряютъ, и проч. Въ «Прогулкѣ» выводится пріятель издателя, который говоритъ ему:

«Я совсѣмъ не понимаю, продолжалъ онъ, почему нѣкоторые думаютъ, что будто сей листокъ огорчаетъ цѣлый дворянскій корпусъ. *Тутъ описанъ помѣщикъ, не имѣющій ни здраваго разсужденія, ни любви къ человѣчеству, ни сожалѣнія къ подобнымъ себѣ; и слѣдовательно описанъ дворянинъ, власть свою и преимущество дворянское во зло употребляющій... Кто не согласится, что есть дворяне, подобные описанному вами? Кто посмѣетъ утверждать, что сіе злоупотребленіе не достойно осмѣянія?* И кто скажетъ, что худое раченіе помѣщиковъ о крестьянахъ не наноситъ вреда всему государству? Пусть вникнутъ въ сіе здравымъ разсужденіемъ: тогда увидятъ, отъ чего останавляются и приходятъ въ недоимку государственные поборы; отъ чего происходитъ то, что крестьяне наши бываютъ бѣдны; отъ чего у худыхъ помѣщиковъ и у крестьянъ ихъ частые бываютъ неурожаи хлѣба.. Не все ли проистекаетъ отъ употребленія во зло преимущества дворянскаго? Когдажъ неустроенію сему причиною худые дворяне, то не достойны ли они справедливаго порицанія? Пусть скажутъ господа критики, *кто больше оскорбляетъ почтенный дворянскій корпусъ, — я еще важнѣе скажу: кто дѣлаетъ стыдъ человѣчеству, дворяне ли, преимущество свое во зло употребляющіе, или ваша на нихъ сатира?* И такъ, вѣрьте, примолвилъ онъ, что такія ваши сатиры *не только что не огорчаютъ дворянъ, украшенныхъ добродѣтелію и знающихъ человѣчество, но паче еще и превозносятъ ихъ.* Правда, что въ числѣ вашихъ критиковъ были и такіе, которые порицали васъ, будучи побуждаемы слѣпымъ пристрастіемъ ко преимуществу дворянскому; но коль чудно и странно сіе пристрастіе! Какъ? *защищать упорно такое преимущество, которымъ сами они, и всѣ честные и добросердечные дворяне никогда не пользуются!........* Я знаю еще недовольныхъ вашимъ листкомъ; но неудовольствіе сихъ людей достойно того, чтобы вы имѣли къ нимъ почтеніе: ибо они *не вѣдая вашей цѣли, никакого не могли по началу сдѣлать правильнаго заключенія; и потому изъ любви ко ближнему болѣе сожалѣли, нежели охуждали, что вы не съ той стороны принялися за сію сатиру.* (??) Напротивъ того бранили васъ надменные дворянствомъ люди, которые думаютъ, что дворяне ничего не дѣлаютъ неблагороднаго; что подлости одной свойственно утопать въ порокахъ; и что наконецъ, хотя нѣкоторые дворяне и имѣютъ слабость забывать честь и человѣчество, однакожъ, будто они, яко благорожденные люди, отъ порицанія всегда должны быть свободны! Сіи гордые люди утверждаютъ, что будто точно сказано о крестьянахъ: *накажу ихъ жезломъ беззаконія;* а подлинно, они часто наказываются беззаконіемъ!»

Нельзя не сознаться, что объясненіе это очень искусно написано. Но, тѣмъ не менѣе, оно парализировало истинную силу «Отрывка» и придало ему тотъ же недалекій видъ, какимъ отличалась вообще сатира того времени... Обличители хотѣли внушить помѣщикамъ правила человѣколюбія, безъ ограниченія ихъ произвола и безъ измѣненія ихъ юридическихъ отношеній къ крестьянамъ. Они никакъ не хотѣли понять, что пока личному произволу оставлена хоть малѣйшая доля участія въ распоряженіи общественными дѣлами и отношеніями, до тѣхъ поръ не можетъ быть прочныхъ гарантій для сохраненія безопасности и правъ личности. Отъ этого-то непониманія и происходила та двойственность и половинчатость сатиры, которая лишила ее практическаго вліянія на перемѣну нравовъ.

Для нѣкоторыхъ можетъ показаться страннымъ, что мы говоримъ о слабости сатиры, которая, какъ видно изъ нашихъ же выписокъ, была такъ рѣзка и безпощадна. Наше сужденіе можетъ показаться особенно несправедливымъ въ отношеніи къ крестьянскому вопросу, который такъ безбоязненно и серьезно поставленъ

на видъ тогдашнею сатирою. Въ другихъ вопросахъ самостоятельное значеніе сатиры уменьшается тѣмъ, что она шла обыкновенно вслѣдъ за административными распоряженіями и карала зло, уже офиціально пораженное. Но здѣсь совсѣмъ другое. Дѣло эманципаціи только еще теперь осуществляется. Но и «въ настоящее время, когда» вопросъ этотъ уже близится къ своему разрѣшенію, недостатки прошлаго положенія дѣлъ не представлены въ столь рѣзкихъ и живыхъ картинахъ, какъ въ сатирѣ Новикова, въ то время, когда эти недостатки были еще во всей силѣ и распространены были повсюду въ Россіи. Извѣстно, что при Екатеринѣ у насъ не только не хотѣли отказываться отъ принципа крѣпостного права, но еще распространяли его значеніе. Въ 1762 г., въ первые дни по вступленіи на престолъ, Екатерина раздала много крестьянъ разнымъ лицамъ, содѣйствовавшимъ ея воцаренію, и издала указъ, чтобы помѣщичьи крестьяне, подъ страхомъ строгаго наказанія, не слушали злонамѣренныхъ разглашеній о томъ, будто ихъ велѣно отъ помѣщиковъ отписывать на казну. Затѣмъ, подобные указы повторялись каждый годъ по нѣсколько разъ. Раздача крестьянъ была при Екатеринѣ самою обыкновенною наградою дворянамъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ положительныхъ свѣдѣній о количествѣ розданныхъ тогда крестьянъ, но стоитъ только заглянуть въ какіе-нибудь современные мемуары, чтобы тотчасъ же напасть на исчисленіе сотенъ и тысячъ пожалованныхъ крестьянъ. Раскройте, напримѣръ, Грибовскаго, и у него вы найдете мимоходомъ сдѣланныя замѣчанія, что Остерману было пожаловано 6,000 душъ (Гриб. Записки, стр. 65), Трощинскому 1,700, В. С. Попову—1,500 въ Малороссіи да 1,000 въ польскихъ губерніяхъ (стр. 81), иностранцу Алтести—6,000 душъ польскихъ (стр. 78), графу Маркову—4,000 душъ (стр. 75), графу Безбородко—16,000 (стр. 70), Н. И. Салтыкову — 6,000 (стр. 61)... Державинъ въ своихъ Запискахъ жалуется, что ему въ день торжества мира съ турками, въ 1793 г., ничего не пожаловали, между тѣмъ какъ онъ «въ сей день провозглашалъ съ трона публично награжденія отличившимся въ сію войну чиновникамъ нѣсколькими тысячами душъ» («Рус. Бес.», IV, стр. 349). Въ 1783 г. закрѣплены крестьяне въ Малороссіи. Все это должно бы заставить сатириковъ молчать о вопросѣ помѣщичьемъ; но они говорили рѣзко, смѣло, свободно. Можно ли не отдать имъ дани справедливаго удивленія и благодарности?

Да, конечно, усилія сатириковъ все-таки заслуживаютъ нашей благодарности, какъ и Державинъ заслуживаетъ благодарности за переложеніе псалма 81. Но не слѣдуетъ преувеличивать ихъ значенія. Заслуги ихъ можно бы восхвалять сколько угодно: отъ этого ничего дурнаго не вышло бы. Но не хорошо, однако, когда дѣлу придаютъ такое значеніе, какого оно не имѣло: это имѣетъ ту дурную сторону, что очень стѣсняетъ наши требованія и заставляетъ довольствоваться исполненіемъ, которое вовсе неудовлетворительно. Поэтому, мы считаемъ необходимымъ замѣтить слѣдующее.

Во-первыхъ, сатира новиковская нападала, какъ мы видѣли, не на принципъ, не на основу зла, а только на *злоупотребленія* того, что въ нашихъ понятіяхъ есть уже само по себѣ зло. Во-вторыхъ, даже и рѣзкость нападокъ на самыя злоупотребленія была большею частію слѣдствіемъ недоразумѣнія и наивности, въ родѣ державинскаго переложенія псалма. Конечно, Екатерина указами запрещала вѣрить слухамъ объ освобожденіи; но уже это самое доказываетъ, что были объ этомъ слухи, и довольно распространенные. И, говорятъ, дѣйствительно, мысль объ освобожденіи была и у Екатерины въ первое время ея царствованія. Есть извѣстіе, что былъ даже предложенъ вопросъ объ этомъ которой-то академіи, и академики сочинили даже разсужденіе, котораго содержаніе понятно изъ эпиграфа: in favorem libertatis omnia jura clamant; sed est modus in rebus [1]). Хорошему всегда вѣришь охотнѣе, а писатели екатерининскаго времени такъ увлечены были мечтою о златомъ вѣкѣ, такъ довѣряли мудрости россійской Минервы, такъ привыкли ждать всего прекраснаго отъ царствующей надъ ними Астреи, что готовы были не только повѣрить первому слуху объ освобожденіи ею крестьянъ, но даже и сочинить на этотъ слухъ восторженную оду. Нѣкоторые намеки, ложно растолкованные въ первыхъ манифестахъ Екатерины, подали имъ надежду, а отобраніе въ казну имѣній монастырскихъ и церковныхъ убѣдило ихъ въ легкости исполненія ожидаемаго. И затѣмъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, ничто уже не могло разубѣдить ихъ. Не только Новиковъ, въ 1769 и 1772 г., но даже писатели послѣ 1783 г., то есть послѣ закрѣпленія малороссійскихъ крестьянъ, поддавались первой вѣсти о свободѣ и приходили въ неописанный восторгъ. До какой степени легко возбуждался этотъ восторгъ и какіе удивительные размѣры и формы придавалъ онъ и самымъ обыкновеннымъ и невозможнымъ вещамъ, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Указомъ 15 февраля 1786 года, Екатерина повелѣла не подписываться на прошеніяхъ къ ней *рабомъ*, но *вѣрноподданнымъ*. Понятно, что это было дѣло простой формальности и не давало русскому народу никакихъ особенныхъ правъ. Но что же дѣлаетъ литература? Одинъ изъ замѣчательныхъ ея дѣятелей и, притомъ, сатирикъ, приходитъ въ восторгъ неслыханный и пишетъ «Оду на истребленіе въ Россіи званія раба», въ которой придаетъ измѣненію формальности въ подписи вотъ какое значеніе. (Соч. Капниста, стр. 294).

Теперь, — о радость несказанна!
О день — свѣтлѣе всѣхъ побѣдъ!
Царица, небомъ низпосланна,
Неволи тяжки узы рветъ.
Россія! ты свободна нынѣ!
Ликуй! во вѣкъ въ Екатеринѣ
Ты благость Бога зрѣть должна.
Она тебѣ вновь жизнь даруетъ

---

[1]) Въ пользу свободы вопіютъ всѣ права; но всему есть мѣра.

И счастье съ вольностью связуетъ
На всѣ грядущи времена...
Обиліе рѣкой польется
И ризу позлатитъ полей;
Гласъ громкихъ пѣсней разнесется,
Гдѣ раздавался звукъ цѣпей.
Дѣвицъ и юношъ хороводы
Выводятъ ужь во слѣдъ свободы
Забавы въ рощи за собой;
И старость, игомъ лѣтъ согбенна,
Предъ гробомъ зрится восхищенна,
Съ свободой встрѣтя вѣкъ златой!

И все это оттого, что измѣнена форма подписи на прошеніяхъ! Вотъ и судите по этому, до какой степени простиралась наивность нашихъ сатириковъ прошлаго столѣтія! Вѣдь этотъ же самый Капнистъ въ другомъ настроеніи духа, готовъ былъ бы написать и сатиру на тѣхъ, которые вздумали бы увѣрять, что указъ 15 февраля 1786 г. вовсе не даетъ освобожденія.

И вѣдь любопытно то, что никакой опытъ не научаетъ русскаго поэта. Всѣ иллюзіи Капниста, разумѣется, разлетѣлись прахомъ. По случаю открывшихся въ 1787 г. войнъ съ Турціею и Польшею, раздача вотчинъ усилилась; еще большіе размѣры приняла она при Павлѣ I, который, въ первые же дни по вступленіи на престолъ, роздалъ, какъ замѣчено въ объясненіяхъ къ сочиненіямъ Державина (стр. 527). до 300,000 крестьянъ. Можно бы ожидать, что послѣдующія событія будутъ уже приниматься осмотрительнѣе, что духъ надежды нѣсколько упадетъ. Но вотъ насталъ 1801 годъ, вступилъ на престолъ Александръ I, и оживились замолкшія было надежды. Въ 1803 г., 20 февраля, изданъ указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Какъ извѣстно, указъ этотъ имѣлъ самое ограниченное примѣненіе; но въ воображеніи нѣкоторыхъ піитъ размѣры его вышли громаднѣйшіе. «Свобода и блаженство всей Россійской имперіи» — вотъ что увидѣли въ этомъ частномъ распоряженіи,—ни болѣе, ни менѣе. По этому случаю М. В. Храповицкій, не только стихотворецъ, но даже отчасти государственный человѣкъ, сочинилъ тоже *оду*, гдѣ сначала описывается, какъ ужасно было положеніе раба, который

Едва вздохнуть на небо знаетъ,
Питать надежды не дерзаетъ,
Чтобъ могъ престать онъ быть рабомъ;

а затѣмъ поэтъ восклицаетъ въ лирическомъ порывѣ: «престалъ!» и изображаетъ благодѣтельныя слѣдствія, уже происшедшія отъ этого:

Теперь лишь жить онъ начинаетъ!
Исчезъ бича всегдашній страхъ!
Какъ немощію удрученный,
Весны дыханьемъ облегченный,
Усмѣшку кажетъ на устахъ;
Усмѣшкою такъ растворилось

Угрюмо ратая чело,
Такъ радостію оживилось
Въ немъ сердце. — Миновалось зло,
Которо тяжкою судьбою
Вѣками видѣлъ надъ главою:
Свободный хлѣбопашецъ онъ,
Свободенъ въ ремеслѣ полезномъ,
И сынъ въ отечествѣ любезномъ:
Его подъ кровъ прiялъ законъ.

Въ дальнѣйшемъ своемъ теченiи ода принимаетъ даже обличительный характеръ:

Пусть индѣ, обольстясь, мечтаютъ,
Что вольность обрѣли себѣ, —
Ахъ, сердцемъ сжатымъ оправдаютъ,
Что строгой преданы судьбѣ.
У насъ, подъ сѣнью мирна трона,
Благотворенiемъ закона
Свобода корень пуститъ свой, —
Ни въ буряхъ, ни въ порывахъ злѣйшихъ,
Но солнца при лучахъ теплѣйшихъ,
И кротко, тихо какъ весной.

На этотъ разъ, впрочемъ, поэтъ надѣялся не напрасно: за пятьдесятъ пять лѣтъ онъ предсказалъ мирное разрѣшенiе крестьянскаго вопроса, которое осуществляется въ настоящее время, когда во всѣхъ частяхъ народной жизни приводятся въ исполненiя благiя надежды нѣсколькихъ поколѣнiй.

Но возвратимся къ екатерининской сатирѣ. Мы видѣли, что даже въ вопросѣ объ отношенiяхъ помѣщиковъ и крестьянъ сатира думала итти за Великою Монархинею, которая совсѣмъ и не намѣрена была поднимать этого вопроса. Тѣмъ болѣе привязывали тогдашнiе сатирики всѣ свои дѣйствiя къ правительственнымъ мѣрамъ, во всѣхъ другихъ отношенiяхъ. Спѣшимъ оговориться, что мы вовсе не ставимъ этого въ упрекъ тогдашней сатирѣ, а только хотимъ представить фактъ, какъ онъ есть, съ тою цѣлью, чтобы не преувеличивать его значенiя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не хотимъ скрывать и послѣдствiй такой несамостоятельности сатиры; а слѣдствiемъ было то, что она проглядѣла многiя явленiя, которыя по своему вредному влiянiю весьма важны въ русской жизни. Дѣло въ томъ, что не все дурное можетъ быть открыто и указано закономъ. Законъ караетъ преступленiе и проступокъ, но не дурной характеръ, не внутреннее развращенiе человѣка: это-то зло, недоступное для кары закона, и должно быть уловлено и опозорено сатирою. Кромѣ того, есть цѣлыя отношенiя общественныя, правильно организованныя и даже признанныя положительнымъ закономъ, но тѣмъ не менѣе противныя естественному праву; примѣръ — крѣпостныя отношенiя. Сатира должна преслѣдовать всѣ подобныя явленiя въ самомъ ихъ корнѣ, въ принципѣ. Наконецъ, сами законы никогда не бываютъ совершенны: въ данное время они имѣютъ извѣстный условный смыслъ, но съ теченiемъ времени,

по требованію обстоятельствъ, они должны измѣняться; сатира, обличая порокъ, должна смотрѣть не на то, какой статьѣ закона онъ противорѣчитъ, а на то, до какой степени противоположенъ онъ тому нравственному идеалу, который сложился въ душѣ сатирика. Вотъ почему мы находимъ, что сатира екатерининскаго времени, при всей своей рѣзкости, не могла удовлетворить высокому назначенію истинной сатиры, именно потому, что она слишкомъ тѣсно связала себя съ существовавшимъ тогда законодательствомъ. Конечно, она не могла поступать иначе: мы это очень хорошо понимаемъ, помня исторію Новикова и др., и вовсе не думаемъ обвинять тогдашнихъ писателей за недостатокъ самостоятельности. Но вѣдь надо же объяснить общественный фактъ, представляющійся намъ въ исторіи нашей литературы; надо же, наконецъ, бросить хоть догадку, хоть намекъ (если еще невозможно настоящее объясненіе) на то, отчего наша литература сто лѣтъ обличаетъ недуги общества, и все-таки недуги не уменьшаются. По нашему мнѣнію, причина этого заключается (по крайней мѣрѣ, заключалась во время Екатерины) въ постоянной зависимости сатиры отъ случайностей положительнаго законодательства, и эту мысль мы стараемся доказать въ нашей статьѣ, безъ всякихъ упрековъ и обвиненій кого бы то ни было. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ.

Сатира во время Екатерины преслѣдовала между прочимъ ростовщиковъ. Въ большей части указаній на нихъ главный пунктъ обвиненія состоитъ въ томъ, что они берутъ очень большіе проценты. Рядомъ съ тѣмъ представляются отсталые и гнусные люди, которые жалуются на то, что уже нельзя брать болѣе указныхъ процентовъ. Все это есть очевидное слѣдствіе указа 3 апрѣля 1764 г., которымъ запрещено брать болѣе шести процентовъ. Но что же было слѣдствіемъ и закона, и обличеній? Только новыя прижимки ростовщиковъ заемщикамъ. Во времена Екатерины были конечно, между писателями люди, которые способны были разсудить о ростѣ, какъ, напримѣръ, разсуждаетъ неизвѣстный авторъ старинной записки объ указныхъ процентахъ, недавно напечатанной («Чт. Моск. Общ. Ист.» 1858 г., кн. II, стр. 175 — 177). Вотъ нѣкоторыя изъ его соображеній:

«Законъ сей (объ указныхъ процентахъ), повидимому, весьма благонамѣренный, достигнулъ ли и удобенъ ли достигнуть своей цѣли?

«Всеобщій опытъ убѣдительно доказываетъ совершенно тому противное, по крайней мѣрѣ въ Россійской имперіи; ибо едва-ли есть кто изъ заимодавцевъ частнымъ людямъ, который отдавалъ свои деньги въ займы за указные проценты, и слѣдственно, едва ли кто изъ заимщиковъ пользуется благопріятствомъ помянутаго закона, исключая мѣстъ казенныхъ, да и изъ нихъ опекунскіе совѣты берутъ по 7 и по 9 на сто; въ рукахъ же частныхъ кредиторовъ возвышаются они до десяти, двадцати и болѣе, смотря по обстоятельствамъ и лицамъ. *Сіе происходитъ уже издавна и существуетъ наиболѣе во времена настоящія*, когда промышленность наша начинаетъ нѣсколько распространяться, а съ нею вмѣстѣ и потребность капиталовъ умножается.

«Восходя къ источнику неумѣренности процентовъ, нельзя скрыть, что *самъ законъ весьма важное занимаетъ тутъ мѣсто,* по слѣдующимъ причинамъ:

«Произвольное назначеніе малыхъ процентовъ и большаго наказанія за неисполненіе повелѣннаго отвлекаетъ изъ общественной ссуды великіе частныхъ людей капиталы; ибо всѣ тѣ, которые, чтя святость закона, не смѣютъ преступать онаго и брать проценты свыше установленныхъ, принуждены деньги свои, вмѣсто заимообразной раздачи, обращать на другія какія-либо заведенія и промыслы, приносящіе имъ болѣе прибыли, нежели указные проценты. Изъ чего слѣдуетъ, что остаются, для удовлетворенія нуждающихся заимщиковъ, тѣ единственно капиталисты, кои, презирая стыдъ и страхъ наказанія, осмѣливаются отъ исполненія закона уклоняться, и для которыхъ другаго правила уже быть не можетъ, какъ чтобы съ заимщиковъ брать процентовъ сколько можно болѣе, дабы вознаградить свою отважность и опасность. Такъ точно въ азіатскихъ земляхъ, гдѣ ростъ или лихва запрещены вовсе по закону Алкорана, берутся проценты весьма великіе, ради трудности избѣгнуть закона, сіе не дозволяющаго, и за сомнительную выручку обратно своихъ денегъ.

«Такимъ образомъ законъ остается неисполненъ къ ущербу своего достоинства; существованіе онаго производитъ дѣйствія, намѣренію его совершенно противныя, а кредитъ общественный ощущаетъ чрезъ то немалое стѣсненіе.

«Хотя же, въ другихъ европейскихъ государствахъ, установлены, подобно какъ и у насъ, указные проценты, но и тамъ законъ сей остается безъ исполненія, ежели мѣра процентовъ назначена ниже пріобрѣтаемой на капиталы прибыли чрезъ торговлю и промыслы. А къ избѣжанію силы онаго вездѣ есть средства, коихъ правительство отвратить не въ состояніи.

«Изъ чего видно, что количество процентовъ не подчиняется другимъ уставамъ, кромѣ изобилія, или недостатка въ ссудныхъ капиталахъ, и что гдѣ можно получать много прибыли отъ обращенія денегъ въ торговлю или промыслы, тамъ обыкновенно и за ссуду даютъ болѣе процентовъ; а сіе послѣднее въ мѣстахъ, капиталами недостаточныхъ, бываетъ необходимо.

«По всему сказанному лучше, кажется, такой законъ, который, вмѣсто пользы, явной вредъ причиняетъ, вовсе отмѣнить, нежели сохранять его по одному виду благонамѣренности, не имѣя средства преподать ему, къ желаемому дѣйствію, надлежащую силу.»

Вмѣсто подобныхъ соображеній, сатира прошлаго столѣтія руководилась благоговѣніемъ къ закону о процентахъ и была убѣждена, что онъ, вспомоществуемый ея усиліями, можетъ уничтожить лихву и разгромитъ ростовщиковъ. Оттого всѣ ея «сатирическія вѣдомости» о вексельномъ курсѣ у Кащея, объ условіяхъ займа у Жидомора, и т. п., оказывались просто переливаньемъ изъ пустого въ порожнее. Возьмемъ другой примѣръ. Въ новиковскихъ журналахъ нѣсколько разъ попадаются жалобы невѣжественныхъ и дикихъ людей на то, что нѣтъ болѣе свободнаго винокуренія, а надо брать вино изъ «государева кружала», чтобы откупщику прибытокъ дѣлать. Видно, что сатирики, вѣрные своему характеру слѣдовать за правительственными реформами, не только не возставали противъ откуповъ, но скорѣе ободряли ихъ и готовы были смѣяться надъ тѣми, кто ими тяготился. Иначе имъ, конечно, и нельзя было по ихъ положенію. Откупа только-что введены были во всей Россіи съ 1767 года. Въ предварительномъ указѣ о нихъ, отъ 1 августа 1765 г., они признаны самымъ лучшимъ способомъ сбиранія дохода для казны и, вслѣдствіе того, откупщикамъ предоставляются многія права и преимущества, для привлеченія ихъ

къ этому дѣлу. Во-первыхъ, имъ предоставляется полная свобода «столько кабаковъ имѣть и въ такихъ мѣстахъ, сколько гдѣ сами похотятъ». Потомъ облагораживается самое званіе кабака: «такъ какъ, отъ происшедшихъ злоупотребленій, названіе кабака сдѣлалось весьма подло и безчестно, то называть ихъ впредь питейными домами и поставить на нихъ гербы яко на домахъ, подъ нашимъ защищеніемъ находящихся». Сами откупщики и повѣренные ихъ получаютъ особенныя отличія: «такъ какъ питейная продажа есть коронная регалія,—сказано въ указѣ,—то обнадеживаются откупщики монаршимъ покровительствомъ, и служба ихъ признается казенною, а они именуются коронными повѣренными служителями и носятъ шпаги». Кромѣ того — въ этомъ же указѣ утверждается неподсудность ихъ, за исключеніемъ уголовныхъ дѣлъ, никому, кромѣ губернатора или камеръ-коллегіи (П. С. З. № 12444). Все это дѣлалось для того, чтобы посредствомъ откуповъ увеличить доходъ казны, и дѣйствительно, онъ увеличился страшно: по свидѣтельству Щербатова, винные сборы въ Москвѣ и С.-Петербургѣ простирались при Елизаветѣ до 700,000, а въ 1785 г. доходили уже до 10 милліоновъ!.... («Моск. Вѣд.» 1859 г., № 142). Но съ кого же выбиралась вся эта сумма?... Намъ нѣтъ надобности говорить о несовершенствахъ откупной системы, всѣми признанной теперь разорительною для народа и безполезною для государства. Мы упоминаемъ здѣсь объ этомъ фактѣ только потому, что замѣтили въ сатирикахъ прошлаго вѣка наклонность подсмѣиваться, во имя административныхъ распоряженій, надъ сознаніемъ простыхъ людей, съ самаго начала враждебно взглянувшихъ на откупа.

Но намъ могутъ сказать, что сатира должна порожать зло уже развившееся, господствующее, обнаружившее свое вліяніе, а не то, которое находится еще въ зародышѣ. Сатира должна дѣйствовать въ настоящемъ, и нельзя отъ нея требовать предвѣдѣнія будущаго... Правда,—но въ томъ-то и бѣда, что наша сатира, «отъ Нестора до нашихъ дней», постоянно была въ положеніи, которое заставляло ее обращать свои обличенія вовсе не на сильное и настоящее, а на слабое и прошедшее. Откупной системы никто не обличалъ не потому, чтобы при ея началѣ никто не могъ понять могущаго произойти отъ нея вреда, а просто потому, что она получила тогда законную силу и, вслѣдствіе того, сдѣлалась уже недоступною для сатиры, во всѣхъ своихъ обличеніяхъ опиравшейся на постановленія закона. Для полнѣйшаго убѣжденія въ справедливости этой мысли, стоитъ вспомнить, что на откупа никто у насъ не вооружался до тѣхъ поръ, пока не было рѣшено паденіе нынѣшней откупной системы.

И не въ отношеніи къ однимъ откупамъ сатира прошлаго вѣка выказала слѣпое послѣдованіе буквѣ закона. Возьмемъ другое явленіе, напримѣръ, - рекрутчину. Въ сатирическихъ журналахъ много есть замѣтокъ, обличающихъ плутни, бывшія при рекрутскихъ наборахъ въ противность законамъ. Замѣтки эти были иногда очень

практичны и полезны и указывали на возникшія злоупотребленія очень прямо. Напримѣръ, въ «Трутнѣ» 1769 г. (стр. 190) помѣщено такое письмо:

«Г. издатель! При нынѣшнемъ рекрутскомъ наборѣ, по причинѣ запрещенія чинить продажу крестьянъ въ рекруты, и съ земли до окончанія набора, показалося новоизобрѣтенное плутовство. Помѣщики, забывшіе честь и совѣсть, съ помощію ябеды выдумали слѣдующее: продавецъ, согласясь съ покупщикомъ, велитъ ему на себя бить челомъ въ завладѣніи дачъ; а сей, имѣвъ нѣсколько хожденія по тому дѣлу, наконецъ подастъ, обще съ истцомъ, мировую челобитную, уступая въ искъ того человѣка, котораго онъ продалъ въ рекруты».

Извѣстіе очень полезное, и нѣтъ сомнѣнія, что такія вещи дѣйствительно дѣлались. Но въ нихъ ли было главное зло въ этомъ случаѣ, и можно ли было ихъ уничтожить, безъ измѣненія причинъ, которыя ихъ производили? А отчего происходили подобныя злоупотребленія? Во-первыхъ, опять-таки отъ крѣпостнаго права, во-вторыхъ, отъ чрезвычайнаго излишества наборовъ, произведенныхъ въ царствованіе Екатерины. Извѣстно что рекрутскіе наборы, иногда по два въ годъ, по одному человѣку съ 300 и 200 душъ, страшно обременяли Россію во все время ея царствованія. Въ прошломъ году напечатана у насъ записка кн. М. М. Щербатова о первой турецкой войнѣ (1768—1774 г.). найденная въ его бумагахъ г. Заблоцкимъ («Библ. Зап.» 1858 г. № 13, стр. 408—410). Цифры и указанія Щербатова наводятъ на мысли очень невеселыя. По его вычисленію, въ 50 лѣтъ, съ 1718 г., въ Великой Россіи «взято 1,132,001 рекрутъ, то есть 6-й человѣкъ изъ положенныхъ въ подушный окладъ, а конечно, не меньше третьяго изъ работниковъ». Въ первые годы царствованія Екатерины до турецкой войны, въ семь наборовъ, собрано до 327,044 человѣка, кромѣ церковныхъ причетниковъ. И этого количества было еще недостаточно. «Колико наборы ни разорительны государству,—пишетъ Щербатовъ,—ибо считая со всего числа душъ уже почти 23-й человѣкъ въ рекруты взятъ, а съ числа работниковъ смѣло положить можно 11-й или 10-й: а со всѣмъ тѣмъ армія не удовольствована, ибо предводители оныхъ безпрестанно жалуются на малое число людей оныя». Изыскивая причины этого, Щербатовъ находитъ, что все это, исключая военной необходимости, объясняется небрежностью и дурными распоряженіями при производствѣ наборовъ. Во-первыхъ, тогда было въ обычаѣ, что помѣщики многихъ крестьянъ ссылали въ Сибирь на поселеніе, съ зачетомъ ихъ въ рекруты; это было до того распространено, что наборъ 1767 года, по свидѣтельству Щербатова, «только и служилъ для расчета съ тѣми, которые въ зачетъ людей отдали, да и то большую часть на поселеніе въ Сибирь». Во-вторыхъ, наборы производились неправильно, внезапно, форсированно, такъ что взятые вдругъ рекруты принуждены были «не токмо въ дальній путь итти, но и перемѣнить воздухъ, такъ что пришедъ въ неукомплектованные полки, гдѣ, по нуждѣ людей, имъ выгодъ и отдыху дать

неможно было, токмо число мертвыхъ пріумножили, и армія по-прежнему въ некомплектѣ осталась». Соображая все это, Щербатовъ приходитъ къ заключенію, что, вмѣсто двухъ наборовъ, спѣшно произведенныхъ въ 1765 г. по одному съ трехсотъ, лучше уже было бы сдѣлать своевременно одинъ наборъ по одному со ста душъ: и армія бы укомплектовалась, да и народу было бы лучше... Всѣ эти соображенія относятся какъ разъ къ тому времени, когда особенно процвѣтала наша сатира. Но она далека была отъ мысли взглянуть на войну съ той точки, чего она стоитъ народу; сатирическіе журналы въ это самое время печатали высокопарныя привѣтствія по случаю побѣдъ. Такъ, напримѣръ, «Всякая Всячина» начинаетъ свой «Барышекъ» 1770 года поздравленіемъ по случаю успѣховъ россійскаго оружія, и говоритъ такъ: «да восплещутъ убо руками всѣ языцы, да возрадуются народы и племена, тяжкимъ игомъ чрезъ многія лѣта угнетенныя, да взыграетъ море, острова и земля, видя приближающееся свое отъ горькія работы спасеніе и избавленіе, коего единственною виновницею премудрую Екатерину и разумно ею устроенный совѣтъ не только настоящій провозгласитъ вѣкъ, но и грядущія еще громчая прославятъ времена» («Всяч.», стр. 412). Что могло быть виною подобныхъ гимновъ, какъ не постоянная связь сатиры съ офиціальнымъ ходомъ русской жизни? И что же мудренаго при этомъ, что воззванія сатиры противъ частныхъ злоупотребленій при наборахъ мало имѣли успѣха? Одно общее злоупотребленіе неминуемо вызываетъ другія, мелкія; а изъ записки Щербатова мы ясно видимъ, что въ самомъ основаніи производства наборовъ въ то время было большое злоупотребленіе. Его записка относится къ началу семидесятыхъ годовъ; но то же, конечно, продолжалось и въ послѣдующія 25 лѣтъ. Въ 1796 г., незадолго до смерти Екатерины, назначенъ былъ рекрутскій наборъ; но Павелъ I, вступивъ на престолъ, нашелъ возможнымъ и нужнымъ отмѣнить его и тотчасъ же отмѣнилъ.

«Но вѣдь литература не можетъ имѣть претензіи на прямое административное значеніе: довольно съ нея и того, если она старалась вообще внушать гуманныя идеи и благородныя чувствованія. А это она дѣлала въ вѣкъ Екатерины постоянно и очень усердно. Гдѣ ни раскройте сатирическіе журналы, вездѣ вамъ попадается—то насмѣшка надъ глупою спѣсью, то обличеніе безчеловѣчныхъ поступковъ, то злая выходка противъ эгоистическихъ расчетовъ, то внушеніе правилъ человѣколюбія, снисходительности къ низшимъ, правдивости передъ высшими, честности, любви къ отечеству, и пр. Въ этомъ-то постоянствѣ добрыхъ стремленій, насколько было возможно ихъ обнаруживать по обстоятельствамъ времени, въ этой-то неуклонной послѣдовательности направленія, враждебнаго всему злому и безчестному, и состоитъ высокое нравственное достоинство сатиры екатерининскаго періода. Пусть она не отличалась всеобъемлемостью, пусть она даже впадала въ ошибки и шла иногда вслѣдъ за такими явленіями

русской жизни, которымъ бы должна была итти навстрѣчу. Но за это нельзя обвинять ее, нельзя надъ нею трунить: это будетъ нимало не остроумно и даже недобросовѣстно. Нужно, напротивъ, поблагодарить ее за то, что она честно дѣлала свое дѣло и проложила дорогу намъ, людямъ позднѣйшаго времени, для продолженія борьбы съ порокомъ уже въ гораздо большихъ размѣрахъ».

Такъ непремѣнно возразятъ намъ почтеннѣйшіе историки литературы и другіе дѣятели русской науки, о которыхъ говорили мы въ началѣ нашей статьи. У нихъ вѣчно на языкѣ «уваженіе къ честнымъ дѣятелямъ мысли», «благодарность къ глашатаямъ правды и добра», и т. п. Смѣемъ увѣрить почтенныхъ историковъ литературы, трудолюбивыхъ библіографовъ и московскихъ публицистовъ, что мы ничуть не менѣе ихъ одушевлены уваженіемъ и любовью къ такимъ людямъ, какъ, напримѣръ, Новиковъ. Но неужели въ русскомъ обществѣ даже до сихъ поръ степень нравственнаго достоинства благородныхъ общественныхъ дѣятелей можетъ быть разсматриваема нераздѣльно со степенью ихъ успѣха? И неужели мы, говоря, что всѣ старанія ихъ были безуспѣшны, чрезъ то самое бросаемъ тѣнь на ихъ благородство? Наконецъ, неужели мы обижаемъ кого-нибудь, стараясь указать причины этой безуспѣшности, такъ часто независѣвшія отъ воли самихъ дѣятелей? Мы вѣдь не упрекаемъ нашихъ сатириковъ въ подлости и ласкательствѣ за то, что они писали иногда пышные диѳирамбы златому вѣку, мы не подозрѣваемъ ихъ въ боярской спѣси за то, что они мало обращали вниманія на состояніе простого народа въ ихъ время. Подобныхъ подозрѣній мы не только не высказываемъ, мы вовсе не имѣемъ ихъ. Но надо же (повторимъ здѣсь еще разъ) выяснить истинное значеніе факта, о которомъ такъ много и такъ восторженно кричатъ сами наши историки литературы. Если наша точка зрѣнія и различается нѣсколько отъ воззрѣній библіографическихъ, такъ это давно бы пора уже понять и не коверкать нашихъ словъ. Положимъ, что мы разсуждаемъ съ вами, напримѣръ, при началѣ итальянской войны; вы приходите въ неописанный восторгъ отъ статей, въ которыхъ доказывается, что наконецъ пришла пора свободы Италіи, и что австрійское иго нестерпимо, и т. п., а мы спокойно замѣчаемъ вамъ, что вѣдь это однако ничего не значитъ, что надежды восхваляемыхъ вами статей неосновательны, что союзомъ съ Франціей Италія теперь не пріобрѣтетъ себѣ истинной свободы. И вдругъ вы бросаетесь на насъ съ обвиненіемъ въ томъ, что мы не сочувствуемъ дѣлу Италіи, и стараетесь насъ поразить, указывая литературныя достоинства статей, которыя привели васъ въ восторгъ. «Посмотрите, какъ это сильно сказано, какъ это логически выведено, какъ остроумно задѣта здѣсь австрійская система, какъ горячо выразилось тутъ сочувствіе къ итальянской народности», и пр. «Все это прекрасно, отвѣчаемъ мы; статьи написаны превосходнымъ слогомъ и дѣлаютъ честь благородству чувствованій ихъ авторовъ; но насъ интересуетъ не слогъ и не

благородство писателей, а практическое значеніе ихъ идей. И съ этой стороны мы находимъ ихъ статьи, къ крайнему своему прискорбію, не только неважными, но и вполнѣ незначительными»... Затѣмъ мы сдѣлаемъ, пожалуй, даже объясненіе причинъ, по которымъ такъ думаемъ, въ родѣ того, какое сдѣлано въ майскомъ и августовскомъ политическомъ обозрѣніи «Современиика». Но вы все-таки будете толковать о нашемъ неуваженіи къ Кавуру и итальянскимъ патріотамъ: проницательно ли и добросовѣстно ли будетъ это съ вашей стороны?

Итакъ, не заподозрѣвая и не унижая благородныхъ стремленій нашихъ сатириковъ, мы однако рѣшимся утверждать, что ихъ обличенія были безуспѣшны въ вѣкъ Екатерины. Причиною же безуспѣшности мы признаемъ главнымъ образомъ наивность сатириковъ, воображавшихъ, что прогрессъ Россіи зависитъ отъ личной честности какого-нибудь секретаря, отъ благосклоннаго обращенія помѣщика съ крестьянами, отъ точнаго исполненія указовъ о винокуреніи и о шести процентахъ, и т. д. Они не хотѣли видѣть связи всѣхъ частныхъ беззаконій съ общимъ механизмомъ тогдашней организаціи государства, и отъ ничтожнѣйшихъ улучшеній ожидали громадныхъ слѣдствій, какъ, напр., уничтоженія взяточничества отъ учрежденія прокуроровъ, и т. п. И за то какихъ результатовъ добились они, не говоря о сферѣ административной, и т. д., даже въ той области, которая была ихъ спеціальностью — въ дѣлѣ улучшенія общественной нравственности? Сдѣлаемъ коротенькій очеркъ того положенія, въ какое пришли нравы послѣ всѣхъ этихъ обличеній.

Главные предметы обличенія сатиры екатерининскаго времени были: во-первыхъ, недостатокъ воспитанія, невѣжество и грубость нравовъ; во-вторыхъ, ложное образованіе, т. е. французскія моды, роскошь, вѣтренность, и т. п., въ-третьихъ, приказное крючкотворство и взяточничество. По этимъ тремъ предметамъ г. Аѳанасьевъ даже раздѣляетъ разсмотрѣніе сатиры того времени по тремъ особымъ главамъ. Посмотримъ же, что ею сдѣлано.

Какимъ образомъ сатирическіе журналы осмѣивали невѣжество, грубость и дурное воспитаніе, это уже мы отчасти видѣли изъ предыдущихъ выписокъ. Прибавимъ, что они очень вѣрно понимали круговую поруку дурнаго воспитанія и грубости помѣщичьяго быта того времени. Худо воспитанные люди, изображаемые въ сатирическихъ журналахъ, — преимущественно «господчики», какъ тогда выражались. Такъ, одинъ изъ подобныхъ господчиковъ, уже исправившійся, разсказываетъ о своемъ воспитаніи: «отецъ мой, дворянинъ, живучи съ малыхъ лѣтъ въ деревнѣ, былъ человѣкъ простого нрава и сообразовался во всемъ древнимъ обычаямъ; а жена его, моя мать, была сложенія тому совсѣмъ противнаго, отчего нерѣдко происходили между ними несогласія, и всегда другъ друга не только всякими бранными словами, какія вздумать можно, ругали, но не проходило почти того дня, чтобы они между

собою не дрались, или людей на конюшнѣ плетьми не сѣкли. Я, будучи въ домѣ ихъ воспитанъ и имѣя въ глазахъ таковые поступки моихъ родителей, чрезмѣрную возымѣлъ къ онымъ склонность и положилъ за правило себѣ во всемъ онымъ послѣдовать. Намѣреніе мое было гораздо удачно; ибо я въ скорое время, къ удивленію всѣхъ домашнихъ, уже совершенно выражалъ всѣ бранныя слова, которыя, бывало, отъ родителей своихъ слышу; а что до тиранства принадлежало, то уже въ томъ и родителей своихъ превосходилъ, хотя и они въ семъ искусствѣ гораздо не плохи были» («Жив.» II, 180). Далѣе сообщается еще любопытная черта того времени: «матушка моя, пришедши изъ конюшни, въ которой по обыкновенію ежедневно дѣлала расправу крестьянамъ и крестьянкамъ, читаетъ, бывало, французскую любовную книжку и мнѣ всѣ прелести любви и нѣжность любезнаго пола по-русски ясно пересказываетъ»... Слѣдствіемъ этого было то, что тринадцати лѣтъ мальчикъ уже былъ совершенно развращенъ, и «влюбившись въ комнатную дома нашего дѣвку сдѣлался въ короткое время невольникомъ рабы своея», а потомъ, спознавшись съ сыномъ сосѣдняго помѣщика, воспитаннымъ такъ же хорошо, принялся за игру, пьянство и пр. Другой господчикъ пишетъ во «Всякой Всячинѣ»: «провождая дни свои въ деревнѣ, былъ я воспитанъ бабушкою, которая любила меня чрезвычайно. Первыя мои лѣта упражнялся я, проигрывая съ крестьянскими ребятами цѣлые дни на гумнѣ; часто случалося, что бивалъ ихъ до крови, и когда приходили они къ учителю (который былъ старый дьячекъ нашего прихода) то онъ отгонялъ ихъ. Бабушка моя подъ жесточайшимъ гнѣвомъ запретила ему ниже словомъ не огорчать меня». Четыре года учась у этого учителя, мальчикъ до 13 лѣтъ едва выучился разбирать букварь. Тутъ отецъ хотѣлъ ему выписать француза, но бабушка воспротивилась; «такъ прошелъ еще годъ, которое время проводилъ я, рѣзвяся съ дѣвками и играя со слугами въ карты» («Вс. Всяч.» стр. 242). Въ письмѣ къ Ѳалалею, отецъ его также вспоминаетъ, какъ онъ, маленькій, вѣшивалъ собакъ на сучьяхъ и поролъ людей такъ, что родители, бывало, животики надорвутъ со смѣха («Жив.» I, 94). Въ «Трутнѣ» разсказывается о дворянинѣ, который «ѣздилъ въ Москву, чтобы сыскать учителя пятнадцатилѣтнему своему сыну, но, не нашедъ искуснаго, возвратился и поручилъ его воспитаніе дьячку своего прихода, *человѣку весьма дородному*» («Тр.» стр. 125). Подобными замѣтками исполнены всѣ сатирическіе журналы 1770-хъ годовъ; но большая часть изъ нихъ обращена назадъ, на времена прошедшія. А во время самаго разгара дѣйствій сатиры все было уже такъ хорошо, что сами худо воспитанные вразумлялись и очень искренно сожалѣли о небрежности своего воспитанія. Только люди стараго времени продолжали держаться своихъ понятій и сердились на новое направленіе молодежи, какъ напр., въ письмѣ дяди къ племяннику, помѣщенномъ въ «Трутнѣ» (стр. 113—150). Ты подавалъ

большія надежды отцу,— пишетъ дядя,— потому что до двадцати лѣтъ жилъ дома и не читалъ книгъ, совращающихъ съ пути истины, а занимался часовникомъ и житіями святыхъ. «Куда это все дѣвалося? Сказывали мнѣ, будто ты по постамъ ѣшь мясо, и оставя священныя книги, принялся за свѣтскія: чему ты научишься изъ тѣхъ книгъ? Вѣрѣ ли несомнѣнной, любви ли къ Богу и ближнимъ, надеждѣ ли быти въ райскихъ селеніяхъ, въ нихъ же водворяются праведники? Нѣтъ, отъ тѣхъ книгъ погибнешь ты невозвратно. Я самъ грѣшникъ, вѣдаю, что беззаконія моя превзыдоша главу мою; знаю, что я преступникъ законовъ, что окрадывалъ государя, разорялъ ближняго, утѣснялъ сираго, вдовицу и всѣхъ бѣдныхъ, судилъ на мздѣ и, короче сказать — грѣшилъ, по слабости человѣческой еще и нынѣ грѣшу; но не погасилъ любви къ Богу, исповѣдаю бо Его предъ всѣми творцемъ всея вселенныя», и пр.... Затѣмъ дядя перечисляетъ свои бдѣнія, посты и молитвы и опять переходитъ къ брани на ученье, изъ котораго происходитъ только гордость... Все это, разумѣется, клонится къ тому, что старое невѣжество отживаетъ и на мѣсто его водворяется свѣтъ знанія... Это еще положительнѣе выражается въ «Живописцѣ». Тамъ одна барышня говоритъ: «здѣсь вовсе свѣту подражать не умѣютъ; а все то испортили училища да ученые люди: куда ни посмотришь, вездѣ ученый человѣкъ лишь сумасбродитъ и чепуху городитъ» («Жив.» I, 63). Не упоминаемъ восторженныхъ изъявленій радости о водвореніи гуманныхъ понятій волею Россійской Минервы; мы много ихъ привели уже выше.

И что же? Какой успѣхъ имѣла въ этомъ дѣлѣ сатира, которая готова была вѣрить, что она добиваетъ уже остатки прежняго невѣжества? Дѣйствительно, обличаемыя ею явленія были у насъ въ силѣ еще задолго прежде. Изъ записокъ Болотова (1753—54 г.), изъ воспоминаній Данилова, родившагося въ 1722 г., мы видимъ, что такъ же было и за 20—30 лѣтъ ранѣе. Еще раньше — было, разумѣется, еще хуже. Но лучше ли было и послѣ? Вспомнимъ разсказы нашихъ современниковъ о томъ, какъ шло ихъ воспитаніе, въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Прочтите «Семейную хронику» и «Дѣтскіе годы» С. Т. Аксакова, прочтите «Годы въ школѣ» г. Бицына («Рус. Бес.» 1859 г. № 1—4), «Незатѣйливое воспитаніе», изъ записокъ А. Щ. въ «Атенеѣ» (1858 г. № 43—45),— не та ли же самая исторія повторялась у насъ въ частномъ воспитаніи, вплоть до француза по крайней мѣрѣ?

А общественное воспитаніе, т. е., то собственно, что мы называемъ образованіемъ? — Оно тоже было не въ блестящемъ положеніи въ то время, когда сатирическіе журналы выступили на свое поприще. Приведемъ одну выдержку изъ «Живописца» о томъ, какъ все общество враждебно расположено было къ образованію.

«Что въ наукахъ,—говоритъ Наркисъ:—астрономія умножитъ ли красоту мою паче звѣздъ небесныхъ? Нѣтъ; на что мнѣ она?

Маѳиматика прибавитъ ли моихъ доходовъ? Нѣтъ! Чертъ ли въ ней? Физика изобрѣтаетъ ли новыя таинства въ природѣ, служащія къ моему украшенію? Нѣтъ! Куда она годится»! и пр. Этотъ *Наркисъ* танцуетъ прелестно, одѣвается щегольски, поетъ «какъ ангелъ, красавицы почитаютъ его Адонисомъ», словомъ, это — свѣтскій человѣкъ. Совсѣмъ другое говоритъ худовоспитанникъ, офицеръ-бурбонъ. «Науки сдѣлаютъ ли меня смѣлѣе, — разсуждаетъ онъ, — прибавятъ ли мнѣ храбрости, сдѣлаютъ ли исправнѣйшимъ въ моей должности? Нѣтъ! Такъ онѣ для меня и не годятся. Вся моя наука состоитъ въ томъ, чтобы умѣть кричать: «пали! коли! руби!» и быть строгу до чрезвычайности къ своимъ подчиненнымъ». Однако — времена перемѣнились, и *худовоспитанникъ* не можетъ получить высшаго чина, потому что ни о чемъ не умѣетъ разсудить; обиженный, онъ выходитъ въ отставку и «ѣдетъ въ другую непріятельскую землю, а именно во свое помѣстье. Служа въ полку, собиралъ онъ иногда съ непріятелей контрибуцію, а здѣсь со крестьянъ своихъ собираетъ тяжкія подати. Тамъ рубилъ невѣрныхъ, а здѣсь сѣчетъ и мучитъ правовѣрныхъ. Тамъ не имѣлъ онъ никакія жалости; нѣтъ у него и здѣсь никому и никакой пощады, и если бы можно было ему съ крестьянами своими поступать въ силу Военнаго Устава, то не отказался бы онъ ихъ аркебузировать». *Кривосудъ* имѣетъ тоже сильные резоны противъ наукъ. Онъ спрашиваетъ: «по наукамъ ли чины раздаются? Я ничему не учился; однакожъ я судья. Моя наука теперь въ томъ состоитъ, чтобъ знать наизусть всѣ указы и въ случаѣ нужды умѣть ихъ употребить въ свою пользу. Науками ли получаются деньги? Науками ли наживаются деревни? Науками ли пріобрѣтаютъ себѣ покровителей? Науками ли доставляютъ себѣ въ старости спокойную жизнь? Науками ли дѣлаютъ дѣтей своихъ счастливыми? Нѣтъ! Такъ къ чему же онѣ годятся? будь ученый человѣкъ хоть семи пядей во лбу, да попадись къ намъ въ приказъ, то переучимъ его на свой салтыкъ, буде не захочетъ ходить по міру». Въ этомъ же родѣ разсуждаетъ и *Молокососъ*, которому даютъ чины по милости дядюшки, деньги присылаетъ батюшка, котораго начальники не только любятъ, но еще стараются угождать ему, дѣлая тѣмъ услугу знатнымъ его родственникамъ, и пр. *Щеголиха* говоритъ: «какъ глупы тѣ люди, которые въ наукахъ самыя прекрасныя лѣта погубляютъ. Ужасть, какъ смѣшны ученые мужчины! А наши сестры, ученыя, — о, онѣ-то совершенныя дуры! Въ словѣ *умѣть нравиться* всѣ наши заключаются науки», и пр. *Волокита* разсуждаетъ такъ: «какая польза мнѣ въ наукахъ? Науками ли приходятъ въ любовь у прекраснаго пола? Науками ли нравятся? Науками ли упорныя побѣждаются сердца? Науками ли украшаютъ лобъ (мужа)? Науками ли торжествуютъ надъ солюбовниками? Нѣтъ! Такъ онѣ для меня и не годятся» («Живоп.» I, стр. 11—30).

Почти то же самое, и даже въ подобной же діалогической формѣ,

говорилъ за сорокъ лѣтъ ранѣе Кантемиръ въ сатирѣ «На хулящихъ ученіе». И скажемъ по совѣсти: хоть одно изъ всѣхъ приведенныхъ нами разсужденій «Живописца» потеряло ли свою свѣжесть и справедливость даже *въ настоящее время, когда*, и пр.?— Не повторяетъ ли до сихъ поръ какой-нибудь Вышневскій мыслей Кривосуда, Вихоревъ—Волокиты, и т. п.? Что же это значитъ? Конечно то, что общество наше не очень далеко ушло въ послѣднія 90 лѣтъ на поприщѣ образованія! Въ самомъ дѣлѣ—оглянитесь вокругъ себя: чего долженъ ожидать и чему подвергается въ нашемъ обществѣ человѣкъ, посвятившій себя занятіямъ наукою, даже если онъ не школьный педантъ? «Дойти до степеней извѣстныхъ» ему не удается, если онъ честенъ и гордъ; такъ-называемая ученая карьера у насъ вовсе не пользуется почетомъ и представляетъ какую-то пародію на карьеру. Состояніе до сихъ поръ наукою у насъ не пріобрѣтается; развѣ какой-нибудь спекуляторъ сочинитъ плохой учебникъ да напечатаетъ его двадцать изданій для заведеній, въ которыхъ начальствуетъ онъ самъ или его сваты и пріятели. Въ обществѣ нашемъ человѣку, серьезно образованному, нечего дѣлать: если онъ не сядетъ за карты, то непремѣнно нагонитъ тоску на всѣхъ присутствующихъ. О женщинахъ нечего и говорить: онѣ еще долго не перестанутъ быть танцующими и говорящими куклами; сердце ихъ еще долго будетъ замирать при видѣ усовъ и эполетъ; для того чтобъ привлечь ихъ расположеніе, долго еще надо будетъ «умѣть одѣваться и чесать волосы по модѣ, говорить всякія трогающія бездѣлки, воздыхать кстати, хохотать громко, сидѣть разбросану, имѣть пріятный видъ, плѣняющую походку, быть совсѣмъ развязану» («Живоп.» I, 26)... Гдѣ же нашъ прогрессъ, гдѣ результаты сатирическихъ обличеній?

«Гдѣ жъ плоды той работы полезной?»

Надо, впрочемъ, замѣтить, что вопросъ объ образованіи поставленъ очень широко въ приведенныхъ нами разсужденіяхъ. Здѣсь уже вина равнодушія къ наукамъ падаетъ не на личныя качества отдѣльныхъ особъ, а на устройство и направленіе цѣлаго общества. Дѣйствительно, глупо и непрактично въ этомъ обществѣ заботиться объ украшеніи ума науками, и всѣ тупоумныя выходки Кривосудовъ, Худовоспитанниковъ и другихъ имѣютъ въ сущности глубоко-справедливое основаніе. Если бы сатира наша сумѣла утвердиться на этомъ основаніи, она бы дошла до многаго. Въ самомъ дѣлѣ, припомните всѣ выходки, сгруппированныя «Живописцемъ», и задайте вопросъ: что же нужно, чтобы въ этомъ обществѣ могла водвориться разумность, могло распространиться истинное образованіе? Отвѣтъ будетъ простой: нужно измѣненіе общественныхъ отношеній. Надо, чтобъ никакія преимущества знатности и протекціи не имѣли вліянія на опредѣленіе судьбы человѣка; тогда и *Молокососъ* будетъ учиться, чтобы сумѣть чего-нибудь достигнуть. Нужно, чтобы въ судахъ не было произвола, чтобы за-

коны не были достояніемъ одной касты, а строго и равно охраняли права каждаго: тогда и *Кривосудъ* пойметъ необходимость науки. Нужно, чтобы всякій изъ людей служащихъ былъ не слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ другаго, а имѣлъ свою долю участія въ общественныхъ интересахъ: тогда и въ бесѣдахъ нашихъ необходимо появится дѣльный разговоръ, и какой-нибудь *Наркисъ* принужденъ будетъ отказаться отъ своихъ трогающихъ бездѣлокъ для разговора болѣе дѣльнаго; а при этомъ онъ необходимо долженъ будетъ почувствовать цѣну образованія... Наконецъ, самое главное, нужно, чтобы значеніе человѣка въ обществѣ опредѣлялось его личными достоинствами, и чтобы матеріальныя блага пріобрѣтались каждымъ въ строгой соразмѣрности съ количествомъ и достоинствомъ его труда: тогда всякій будетъ учиться уже и затѣмъ, чтобъ дѣлать какъ можно лучше свое дѣло, и невозможны будутъ тунеядцы, подобные *Худовоспитаннику*, который выходитъ въ отставку, чтобы въ деревнѣ безобразничать надъ крестьянами. Тогда даже и *Волокиты* (самый безнадежный народъ, больше все изъ военныхъ) захотятъ чему-нибудь выучиться, потому что иначе имъ не на что будетъ не только одѣться со вкусомъ, но даже и убрать свои волосы... Да и *Щеголихи* тогда перемѣнятъ свои воззрѣнія, если только сами онѣ уцѣлѣютъ при такомъ измѣненіи общественныхъ отношеній... А пока продолжается то положеніе дѣлъ, какое изображала сама же сатира екатерининскаго періода, до тѣхъ поръ должно продолжаться «темное царство», которое недавно обозрѣвали мы въ сочиненіяхъ Островскаго. Просимъ читателя припомнить или просмотрѣть то, что мы говорили тогда о возможности и значеніи образованія въ «темномъ царствѣ», подъ вліяніемъ самодурныхъ отношеній.

Къ сожалѣнію, екатерининская сатира не удержалась на точкѣ зрѣнія общественности и не развила тѣхъ идей, которыхъ зародышъ заключался въ приведенномъ нами изъ «Живописца» очеркѣ русскихъ воззрѣній на образованность. Кажется, сатирики и сами, впрочемъ, не совсѣмъ ясно сознавали возможное значеніе этого очерка. Изъ другихъ статей сатирическихъ журналовъ видно, что они полагали всю надежду на книги и училища. Что касается до книгъ, то мы уже говорили выше, много ли значенія могли имѣть онѣ и какія затрудненія встрѣтились имъ тотчасъ же, какъ только стало похоже на то, что всѣ пріобрѣтаютъ самостоятельное значеніе. Прибавимъ, однако, что до конца царствованія Екатерины наши сатирики не переставали восхвалять данную имъ свободу мыслить и говорить. Въ 1788 г. фонъ-Визинъ задумалъ было издавать сатирическій журналъ: «Другъ честныхъ людей или Стародумъ». Для этого изданія написалъ онъ нѣсколько мелкихъ статеекъ, и между прочимъ письмо къ Стародуму, съ просьбою у него статей въ журналъ. «Не страшусь я строгости цензуры,—пишетъ онъ,—ибо вы, конечно, не напишете ничего такого, что бы напечатать было невозможно. Вѣкъ Екатерины Вторыя ознаменованъ

дарованіемъ Россіянамъ свободы мыслить и изъясняться. Недоросль мой, между прочимъ, служитъ тому доказательствомъ, ибо назадъ тому тридцать лѣтъ ваша собственная роль могла ли быть представлена и напечатана? Правда, что есть и нынѣ люди, стремящіеся вредить всему тому, что невѣжество и порокъ ихъ обличаетъ; *но таковое* немощной злобы усиліе, кромѣ смѣха, ничего другого нынѣ произвести не можетъ». Въ отвѣтъ на это Стародумъ, съ своей стороны, тоже восхваляетъ «вѣкъ, въ которомъ честный человѣкъ можетъ мысль свою сказать безбоязненно». Между прочимъ, онъ пишетъ (Соч. фонъ-Визина, стр. 545—46):

«Я самъ жилъ большею частію тогда, когда каждый, слушавъ двоихъ такъ бесѣдующихъ, какъ я говорилъ съ Правдинымъ, бѣжалъ прочь отъ нихъ стремглавъ, трепеща, чтобъ не сдѣлали его свидѣтелемъ вольныхъ разсужденій о дворѣ и о дурныхъ вельможахъ; но чтобъ мой сей разговоръ приведенъ былъ въ театральное сочиненіе, о томъ и помышлять было невозможно: ибо погибель сочинителя была бы наградою за сочиненіе. Екатерина расторгла сіи узы. Она, отверзая пути къ просвѣщенію, сняла съ рукъ писателя оковы и позволила вездѣ охотникамъ заводить вольныя типографіи, дабы умы имѣли повсюду способы выдавать въ свѣтъ свои творенія. И такъ, россійскіе писатели! какое обширное поле предстоитъ вашимъ дарованіямъ! Если какая робкая душа, обитающая въ тѣлѣ знатнаго вельможи, устремится на васъ отъ страха, чтобъ не терпѣть униженія отъ вашихъ обличеній, если какой-нибудь безсовѣстный лихоимецъ дерзнетъ, подкапываясь подъ законы, простирать хищную руку на грабежъ отечества и своихъ согражданъ то перо ваше можетъ ясно обличить ихъ предъ трономъ, предъ отечествомъ, предъ свѣтомъ. *Я думаю, что таковая свобода писать, каковою пользуются нынѣ Россіяне, поставляетъ человѣка съ дарованіемъ, такъ сказать, стражемъ общаго блага. Въ томъ государствѣ, гдѣ писатели наслаждаются дарованною намъ свободою, имѣютъ они долгъ возвысить громкій гласъ свой противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредящихъ отечеству, такъ что человѣкъ, съ перомъ въ рукахъ, можетъ быть иногда полезнымъ совѣтователемъ государю, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества*».

Нельзя не замѣтить, что Стародумъ нѣсколько далеко хватилъ въ своемъ самодовольствѣ; но это даетъ намъ мѣру той благородной довѣрчивости и наивности, съ которою тогдашніе сатирики смотрѣли на свое дѣло.

Скажемъ нѣсколько словъ и объ училищахъ. О заведеніи ихъ заботилась Екатерина съ самаго начала своего царствованія. Преимущественно обращено было ея вниманіе на заведеніе «воспитательныхъ училищъ», въ которыхъ цѣль была, по выраженію Бецкаго, произвести въ Россіи «новую породу людей» (докладъ Бецкаго, 12 марта 1764 г.). Въ этихъ видахъ основаны были женскія воспитательныя училища, гдѣ и положено начало тому закрытому, казенному воспитанію, противъ котораго такъ сильно возстаетъ современная педагогика, за то, что оно отчуждаетъ дѣтей отъ семьи; на тѣхъ же началахъ основано было нѣсколько кадетскихъ корпусовъ. Собственно же къ устройству училищъ, не имѣющихъ воспитательнаго значенія, Екатерина приступила только уже во вторую половину своего царствованія, да и то потому, что на устройство воспитательныхъ заведеній во всѣхъ городахъ, по пер-

воначальному плану, недостало денегъ. Въ 1775 г., при учрежденіи губерній, вмѣнено было въ обязанность приказамъ общественнаго призрѣнія—стараться о заведеніи училищъ; но это ни къ чему не повело: приказы не открыли почти ни одного училища, отзываясь тоже неимѣніемъ средствъ. По мѣстамъ и пробовали открывать формальнымъ образомъ: но ни учителей, ни книгъ не откуда было взять, и ученики не являлись. Это все было около того времени, когда литература пѣла уже разлитіе лучей просвѣщенія по всѣмъ закоулкамъ русскаго царства. Наконецъ, въ 1782 г., составлена коммиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ. Въ коммиссіи этой, вмѣстѣ съ Бецкимъ и Завадовскимъ, участвовалъ извѣстный педагогъ Янковичъ ди Миріево. Въ обзорѣ дѣятельности этого человѣка, изданномъ въ прошломъ году г. Вороновымъ, находятся любопытныя свѣдѣнія о первоначальномъ заведеніи училищъ при Екатеринѣ. Нужно сказать, что 1782—84 годы были временемъ особенно-литературнаго и ученаго настроенія Императрицы. Тутъ она основала Россійскую академію, дозволила заведеніе вольныхъ типографій, составила планъ сравнительнаго словаря всѣхъ языковъ и нарѣчій, издавала съ Дашковою «Собесѣдникъ». Тутъ же шло и дѣло объ училищахъ. Предварительныя работы коммиссіи были представлены черезъ три года, и 5 авг. 1786 г. изданъ былъ указъ объ открытіи народныхъ училищъ во всѣхъ городахъ Россійской Имперіи. Въ то же время приказано было коммиссіи составить планъ для учрежденія гимназій и четырехъ университетовъ, сначала въ Екатеринославѣ, а потомъ во Псковѣ, Пензѣ и Черниговѣ, съ тѣмъ притомъ, чтобы профессора были русскіе. Коммиссія была въ затрудненіи и обратилась въ академію наукъ и въ московскій университетъ съ просьбою, не могутъ-ли они удѣлить нѣсколько профессоровъ для новыхъ университетовъ. Тѣ отвѣчали, что у нихъ у самихъ мало. Вслѣдствіе того, коммиссія донесла въ 1787 г., что необходимо вызвать ученыхъ иностранцевъ, да и то на четыре университета вдругъ набрать трудно, и потому не достаточно ли покамѣстъ учредить хоть одинъ. При этомъ представлялся и планъ новаго университета. Это было въ 1788 г. Но тутъ политическія заботы помѣшали, и до смерти Екатерины не было учреждено ни одного университета.

Гимназіи также были открыты уже въ царствованіе Александра.

Немногимъ лучше устроилось дѣло и собственно народныхъ училищъ. Въ то время какъ изданъ былъ указъ объ ихъ открытіи, государственные финансы были уже крайне истощены, и потому вся хозяйственная часть предположенныхъ училищъ отнесена была не на государственное казначейство, а на счетъ приказовъ общественнаго призрѣнія. Но и въ приказахъ денегъ было очень мало, и потому многія изъ предполагавшихся училищъ вовсе не открыты, а другія и открывались, да потомъ сами не рады были. Администрація ихъ была самая сложная: они зависѣли и отъ своего ди-

ректора или смотрителя, и отъ предсѣдателя и чиновниковъ приказа, и отъ губернатора, и отъ коммиссіи училищъ. Средства были очень скудныя, помѣщеніе плохое, жалованье учителямъ ничтожное, содержаніе казеннымъ ученикамъ выдавалось неисправно, учебныхъ пособій почти никакихъ не давали. Естественно, что ни у кого не являлось охоты ни учиться, ни быть учителемъ, тѣмъ болѣе, что ученье не вознаграждалось никакими преимуществами, а учителя даже чиновъ не получали и должны были непремѣнно прослужить въ своей должности—преподаватели въ высшихъ классахъ не менѣе 23, а въ низшихъ—не менѣе 36 лѣтъ, для того, чтобы получить чинъ коллежскаго асессора, и выйти въ отставку безъ всякой пенсіи. Вообще ученье было въ загонѣ, и имъ вовсе не дорожили даже и по внѣшности. Дворяне обыкновенно записывались прямо въ полкъ, послѣ такого воспитанія, какое описывалось въ «Живописцѣ» и въ «Трутнѣ», и когда при Императорѣ Александрѣ послѣдовалъ указъ о производствѣ въ офицеры только грамотныхъ, то оказалось чрезвычайно много не знавшихъ грамоты унтеръ-офицеровъ изъ дворянъ. Таковы были результаты стараній о заведеніи народныхъ училищъ,—стараній, на которыя тогдашняя литература возлагала такія надежды и по поводу которыхъ воспѣвала златой вѣкъ и царство знаній въ Россіи.

Но откуда же эта скудость денежныхъ средствъ, помѣшавшая осуществленію просвѣщенныхъ намѣреній Екатерины? Мы знаемъ, что она начала свое царствованіе повелѣніемъ бить мѣдную монету по 16 рублей изъ пуда, вмѣсто 32, какъ было прежде, начертаніемъ новыхъ правилъ для нашей заграничной торговли, «къ облегченію тягости народной», пониженіемъ цѣны на соль и пр. Значитъ, большой скудости при началѣ не было. А въ теченіе своего царствованія она ввела новый порядокъ сбора податей, повелѣла генералъ-прокурору составлять ежегодные бюджеты, которыхъ прежде не было, вообще, по учебнику Устрялова, «чрезвычайно увеличила государственные доходы, безъ отягощенія подданныхъ»: при началѣ ея царствованія наши доходы составляли 20 милліоновъ, а при концѣ доходили до 50. (См. Устр. II, 259). Какая же могла быть скудость, судя по этимъ свѣдѣніямъ, занесеннымъ даже въ учебникъ?.. Правда, судя по этому мѣсту учебника, нельзя предполагать оскудѣнія финансовъ, но это потому, что здѣсь излагаются, между прочими дѣяніями Екатерины, и благотворныя мѣры ея для улучшенія финансовой части. Указаній же на разстройство финансовъ при Екатеринѣ нужно искать въ другомъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ излагаются г. Устряловымъ благотворныя мѣры Императора Павла для улучшенія финансовой части. Тамъ, дѣйствительно, и находимъ (стр. 275—76):

«Государственные финансы въ послѣдніе годы царствованія Екатерины находились не въ цвѣтущемъ состояніи: обременительныя войны съ Турціею, Швеціею, Польшею, Персіею истощили казну; доходы не покрывали расходовъ; внѣшній долгъ, незначительный до начала второй турецкой войны, отъ новыхъ

займовъ увеличился до 46 милліоновъ рублей сер., долгъ внутренній, составившійся отъ выпуска ассигнацій, простирался до 157 милліоновъ; заграничные переводы были невыгодны: денежный курсъ съ каждымъ годомъ быстро понижался; ассигнаціонный рубль со времени второй турецкой войны постепенно упадалъ, и въ 1796 г. стоилъ только 68 к. на серебро; всеобщее потрясеніе европейской торговли французскою революціею разстроило и наши коммерческіе обороты; банкротства увеличились; общественный кредитъ колебался».

Такъ вотъ къ чему привело непомѣрное увеличеніе доходовъ. Однако же, все-таки отчего это? Конечно, войны были, да вѣдь войны всѣ оканчивались счастливо; мы пріобрѣли въ царствованіе Екатерины 32,000 квадратныхъ миль земли и на 12 милліоновъ увеличили народонаселеніе. Кромѣ того, были экстраординарные источники доходовъ. Напримѣръ, монастырскіе крестьяне, въ числѣ 900,000, были взяты въ казну и обложены довольно высокою по тогдашнему времени податью (указъ 26 февр. 1764 г.); раскольниковъ, которыхъ Петръ III велѣлъ было освободить отъ всякихъ розысковъ (февр. 1762 г.), велѣно было указомъ 3 марта 1764 г. при новой ревизіи всѣхъ переписать аккуратно и обложить двойнымъ подушнымъ окладомъ. Но дѣло въ томъ, что подобныхъ доходовъ было все-таки, мало для покрытія необычайныхъ расходовъ, которые нужны были въ то время. Причиною этихъ расходовъ была всеобщая роскошь, распространившаяся въ то время, и противъ нея-то, между прочимъ, возставали тогдашніе сатирики съ особенною силою, хотя, разумѣется, опять не проводили уровня своей сатиры надъ всѣмъ обществомъ, а выбирали, что помельче. «Трутень» изображаетъ мота, который «то въ день съѣдаетъ, что бы въ годъ ему съѣсть надлежало: держитъ шесть каретъ и шесть цуговъ лошадей, опричь верховыхъ и санныхъ, и сноситъ въ годъ до двадцати паръ платья» («Трут.» стр. 219). «Смѣсь» обличаетъ такихъ, которые на одинъ столъ издерживали въ годъ до 14,000 рублей. «Живописецъ» обличаетъ модныхъ дамъ, которыя прогуливались по гостиному двору и обнаруживали «превеликое желаніе покупать, или лучше сказать, брать всякіе нужные и ненужные товары» («Жив.» II, 133). Въ «Трутнѣ» осмѣивался помѣщикъ, который содержалъ «великое число псовой охоты и ѣздилъ на ярмарки верстъ на 260 весьма великолѣпно, а именно: самъ въ четвероместномъ дѣдовскомъ берлинѣ въ 10 лошадей, и еще 12 колясокъ, запряженныхъ 6 и 4 лошадьми, исключая повозокъ и фуръ съ палатками, поваренною посудою и всякимъ его господскимъ стяжаніемъ»... Объ этомъ дворянинѣ, однакожъ, замѣчается, что онъ проживаетъ не больше ежегоднаго своего дохода, а получаетъ онъ шесть тысячъ рублей («Трут.» 125). Изъ этого отчасти уже видно, что сатира того времени признавала главнымъ источникомъ роскоши—не дѣдовское житье со всей его сытностью и раздольемъ, а нѣчто другое. Это другое заключалось именно въ подражаніи французамъ. Бóльшая часть нашихъ злобныхъ сатиръ на французовъ произошла не столько изъ «любви къ отечеству и народной гордости», сколько съ досады на то, что они насъ ра-

зоряютъ. Нападали на французскихъ парикмахеровъ за то, что они съ иныхъ «господчиковъ» получаютъ по 30 руб. въ мѣсяцъ, а съ другихъ берутъ 200 р. въ годъ, платье, столъ и экипажъ («Ад. Почт.», стр. 14). Обличали французскихъ портныхъ, которые «продаютъ искусство свое весьма дорого» («И то, и се», нед. 24), самозванныхъ учителей, которые ни за что, ни про что получали большія деньги, обыкновенно рублей 500 со столомъ, прислугою и экипажемъ («Веч.» I, 12; Кошел. 140). Особенное зло причиняло это помѣщикамъ, которыхъ французскіе гувернеры безъ церемоніи надували и обворовывали. «Этотъ манеръ завелся и у деревенскихъ бояръ,—пишетъ Стародуровъ,—въ «Полезномъ съ пріятнымъ» (стр. 24), такъ что за инымъ не болѣе 300 душъ, а у него живетъ иноземецъ и деретъ съ него очень и очень порядочныя денежки». Сатириковъ нашихъ очень возмущали также постыдныя спекуляціи, на которыя пускались учителя французы. Напримѣръ, въ «Кошелькѣ» осмѣивается французскій гувернеръ, самъ себя произведшій въ Шевалье де-Мансонжъ: этотъ плутъ, поступивши къ одному помѣщику, «въ свободное время занимался передѣлкою простого табаку въ *розовый* и продавалъ его по 5 и по 10 руб. за фунтъ». Но особенно было ужасно то, что они научали мотовству юношество, которое попадало въ ихъ руки. Ученье француза гувернера обыкновенно оканчивается въ нашихъ сатирическихъ разсказахъ тѣмъ, что воспитанникъ выучивается играть на бильярдѣ, въ банкъ и въ *квинтичъ*, и проматываетъ все отцовское состояніе. Не менѣе азартныхъ игръ разоряли тогда дворянъ «французскія моды». Не говоря уже о томъ, что парижскіе парикмахеры и портные брали очень дорого, и что балы обходились въ большія суммы, жизнь по модѣ вредна была еще тѣмъ, что разстраивала домашнее хозяйство. Модница уже не можетъ сидѣть дома и смотрѣть за хозяйствомъ. Въ «Трутнѣ» (1770, стр. 43) помѣщено письмо одной барыни, которая, сдѣлавшись модницей при помощи французской мадамы, съ отвращеніемъ вспоминаетъ о томъ, что она прежде «только и знала, когда и какъ хлѣбъ сѣютъ, капусту садятъ, и пр., и не умѣла ни танцовать, ни одѣваться». Если модной женѣ мужъ «осмѣлится напоминать о домашней экономіи, о которой модная женщина считаетъ за подлость имѣть понятіе, тутъ онъ пропалъ»! («Веч.» I, 188). Замѣчательно, что въ сатирическихъ нападкахъ на французовъ экономическая и внѣшняя сторона играетъ очень видную роль, а собственно идеи французовъ не подвергались осмѣянію до самаго того времени, какъ политическое движеніе во Франціи заставило ихъ опасаться. Въ 1770 годахъ, напротивъ, господствовало даже, и въ обществѣ, и въ самой литературѣ, полнѣйшее уваженіе и къ господину Вольтеру, и къ женевскому философу Жанъ-Жаку Руссо, и къ ученому Дидероту, и пр. Эти насъ не разоряли, да притомъ же ихъ уважала сама Императрица въ это время.

Но и экономическую сторону вопроса сатирики разсматривали

въ очень малыхъ размѣрахъ. Конечно, въ обличеніяхъ мотовъ средняго состоянія могли скрываться намеки и на то, что дѣлалось первокласными и знатными богачами. Но это предположеніе, если оно и справедливо, не свидѣтельствуетъ въ пользу *силы* тогдашней сатиры. Притомъ же, наши сатирики и вообще литераторы умѣли нерѣдко и мѣнять точку зрѣнія на предметъ, какъ скоро дѣло превосходило тѣ размѣры, которые были имъ по плечу. Такимъ образомъ, въ нѣкоторыхъ описаніяхъ пировъ знатныхъ вельможъ и въ разсказахъ о жизни ихъ, расточительность принимала названіе *щедрости*, а роскошь называлась великолѣпіемъ. Для примѣра можно указать изъ знаменитыхъ — на фонъ-Визина, писавшаго біографію Н. И. Панина, на Державина, который воспѣвалъ пиры Потемкина, забывая остроумные намеки, которые самъ же дѣлалъ на него въ «Фелицѣ», и пр. Между тѣмъ въ этой-то, воспѣваемой ими, *щедрости* и *великолѣпіи* и заключалась причина финансоваго разстройства Россіи. Тутъ даже и французскіе парикмахеры и гувернеры были виноваты очень мало. И безъ нихъ были другія побужденія и другіе способы мотать неслыханныя суммы. Сама Екатерина отличалась умѣренностью и простотою, какъ свидѣтельствуютъ современныя ей записки и литературныя обращенія къ ней. Вспомнимъ стихи Державина:

Мурзамъ твоимъ не подражая,
По часту ходишь ты пѣшкомъ,
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ, и пр.

Но примѣру, воспѣтому Державинымъ, не подражали приближенные Императрицы. О роскоши, какую они себѣ позволяли, остались свѣдѣнія изумительныя, предъ которыми должно поблѣднѣть и исчезнуть все, что изображала сатира екатерининскаго вѣка. «Трутень» обличалъ, напримѣръ, господчиковъ, у которыхъ на столъ выходило 14 тысячъ въ годъ. А въ Запискахъ Грибовскаго находимъ, что у Пл. Ал. Зубова, графа Н. И. Панина и у графини Браницкой столъ каждый день стоилъ около 400 рублей, исключая винъ и прочихъ напитковъ, которыхъ тоже выходило каждый день рублей на 200! («Гриб. Зап.», стр. 60). Онъ же разсказываетъ удивительныя вещи о пирахъ Л. А. Нарышкина, о выѣздахъ Остермана въ его золоченой каретѣ, о праздникахъ Безбородко. Безбородко былъ весь засыпанъ золотомъ и брильянтами въ своемъ домѣ. Танцовщицѣ Давіи онъ давалъ 2000 р. золотомъ въ мѣсяцъ, а когда она уѣзжала въ Италію, подарилъ ей деньгами и брильянтами на 500,000 р. Потомъ онъ содержалъ Сандунову, а когда эта вышла замужъ, то взялъ на ея мѣсто танцовщицу Ленушку; отъ этой онъ имѣлъ дочь, которую потомъ выдалъ замужъ, давши ей въ приданое домъ въ 300,000 р., и имѣнье съ 80,000 р. доходу («Гриб.», стр. 72). Откуда брались столь огромныя суммы? Конечно, отъ щедротъ Екатерины: хотя извѣстно, что Безбородко и безъ того былъ очень богатъ, но его собственныхъ

средствъ не хватило бы на такую пышность. Въ примѣръ того, какіе размѣры должны были имѣть эти щедроты, можно указать на Н. И. Салтыкова, о которомъ свѣдѣнія находимъ тоже у Грибовскаго. По словамъ его, Салтыковъ имѣлъ всего 6000 душъ крестьянъ, а проживалъ ежегодно по 200,000 р., да еще въ теченіе 10 лѣтъ умѣлъ сдѣлать такую экономію изъ своихъ доходовъ, что прикупилъ потомъ еще 10,000 душъ («Гриб.», стр. 61). Была, впрочемъ, у вельможъ тогдашнихъ, кромѣ щедротъ Императрицы, и другая возможность получать большія деньги. Такъ, въ «Запискахъ Державина» («Рус. Бес.» 1859 г., т. IV, стр. 233—337) находимъ изложеніе дѣла извѣстнаго банкира Сутерланда, который «былъ со всѣми вельможами въ великой связи, потому что онъ имъ ссужалъ казенныя деньги, которыя принималъ изъ государственнаго казначейства для перевода въ чужіе краи, по случавшимся тамъ министерскимъ надобностямъ». Такихъ суммъ набралось до 2,000,000, переведенныхъ въ Англію. Но вдругъ министръ донесъ оттуда, что денегъ тамъ нѣтъ. Навели слѣдствіе, открылось, по книгамъ Сутерланда, что деньги еще не переведены; потребовали, чтобъ онъ перевелъ ихъ немедленно, а въ это время у него не случилось денегъ, и онъ объявилъ себя банкротомъ. По дальнѣйшимъ разысканіямъ открылось, что всѣ деньги «забраны— Потемкинымъ, Безбородкою, Остерманомъ, Вяземскимъ, Морковымъ и даже великимъ княземъ». Одинъ Потемкинъ взялъ 800,000 р. Это было уже послѣ смерти его, и Екатерина, на докладъ Державина, «извинивъ, что князь многія надобности имѣлъ по службѣ и нерѣдко издерживалъ свои деньги, приказала принять на счетъ свой государственному казначейству» (стр. 337). Потемкинъ, дѣйствительно, не только самъ тратилъ большія суммы, но и другимъ разрѣшалъ подобныя траты. У Державина же находимъ мы разсказъ о купцѣ Логиновѣ, котораго Потемкинъ не только допустилъ къ откупамъ безъ залоговъ, но еще кредитовалъ 400,000 рублей, изъ коммиссаріатскихъ суммъ. Между тѣмъ, Логиновъ этотъ, нажившись отъ откупа, не только не внесъ долга, но не платилъ рѣшительно ничего и даже самъ *скрылся*, то-есть постоянно показывался въ неизвѣстной отлучкѣ, «и хотя всѣмъ былъ виденъ проживающимъ въ Петербургѣ, однако не сысканъ и не представленъ въ Москву *около 20 лѣтъ*» (стр. 330). Въ Запискахъ же Державина есть любопытный разсказъ о расхищеніи 600,000 р. изъ государственнаго заемнаго банка, въ чемъ главными виновниками оказались—главный директоръ банка Завадовскій, съ кассиромъ Кельбергомъ и вторымъ директоромъ Зайцовымъ; они «вошли между собою въ толь короткую связь, что брали казенныя деньги на покупку брильянтовъ, дабы, продавъ ихъ Императрицѣ съ барышемъ, взнести въ казну забранныя ими суммы и, сверхъ того, имѣть себѣ какой-либо прибытокъ» («Рус. Бес.» IV, стр. 377).

Подобные разсказы объясняютъ очень удовлетворительно (по крайней мѣрѣ, гораздо удовлетворительнѣе сатирическихъ напа-

докъ на французскія моды), отъ чего произошло подъ конецъ царствованія Екатерины такое разстройство финансовъ. Ясно, что приближенные Екатерины, не довольствуясь ея милостями, прибѣгали еще и къ непозволеннымъ ею средствамъ обогащенія. Она часто вовсе и не знала, что дѣлаютъ эти вельможи; но это довѣріе къ нимъ все-таки обращалось потомъ ей въ упрекъ. Даже Державинъ, восторженный пѣвецъ ея, сказавшій о ней:

Какъ солнце, какъ луну поставлю,
На память будущимъ вѣкамъ
Превознесу тебя, прославлю.
Тобой безсмертенъ буду самъ —

и онъ, въ заключеніе своихъ воспоминаній о ней, говоритъ слѣдующее:

«Коротко сказать, — сія мудрая и сильная государыня, ежели въ сужденіи строгаго потомства не удержитъ по вѣчность имя великой, то потому только, что не всегда держалась священной справедливости, но угождала своимъ окружающимъ, а паче своимъ любимцамъ, какъ бы боясь раздражить ихъ; и потому добродѣтель не могла, такъ сказать, сквозь сей закоулокъ пробиться и вознестись до настоящаго величія. Но если разсуждать, что она была человѣкомъ, что первый шагъ ея возшествія на престолъ былъ не непороченъ, то и должно было окружить себя людьми несправедливыми и угодниками ея страстей, противъ которыхъ явно возставать, можетъ быть, и опасалась, ибо они ее поддерживали. Когда же привыкла къ изгибамъ по своимъ прихотямъ съ любимцами, а особливо въ послѣдніе годы съ княземъ Потемкинымъ упоена была славою своихъ побѣдъ, то уже ни о чемъ другомъ и не думала, какъ только о покореніи скиптру своему новыхъ царствъ». («Рус. Бес.», 1859 г. Кн. IV, стр. 387.)

Совершенно согласно съ Державинымъ, но гораздо обстоятельнѣе и солиднѣе, отзывается объ истощеніи Россіи къ концу царствованія Екатерины графъ А. Р. Воронцовъ, бывшій при Императорѣ Александрѣ государственнымъ канцлеромъ. Недавно, въ первой книжкѣ «Чтеній Московскаго Общества Исторіи и Древностей» напечатаны чрезвычайно любопытныя его «Примѣчанія на нѣкоторыя статьи, касающіяся до Россіи». Примѣчанія эти написаны были въ 1801 г. и представлены Императору Александру. Начинаются они, разумѣется, съ того, что «благополучное состояніе, которымъ всѣ Россіяне нынѣ пользуются, не оставляетъ ничего болѣе желать, какъ только непоколебимости онаго» («Чт. М. О. И.» 1859 г. Кн. I, см. стр. 91). Но затѣмъ онъ приводитъ свои мысли о внутреннемъ состояніи Россіи, между прочимъ замѣчаетъ: «можно сказать, къ сожалѣнію, что Россія никогда прямо устроена не была, хотя еще съ царствованія Петра Великаго о семъ весьма помышляемо было». Очертивши вкратцѣ дѣйствія преемниковъ Петра и дойдя до времени Екатерины, Воронцовъ говоритъ:

«О революціи, коею возведена была императрица Екатерина Вторая на престолъ россійскій, нѣтъ нужды распространяться, понеже всѣ сіи обстоятельства еще въ свѣжей памяти; но того умолчать нельзя, что самый сей образъ вступленія на престолъ заключалъ въ себѣ многія неудобности, кои имѣли вліяніе и на все ея царствованіе. Оно было, конечно, съ большимъ блескомъ, особ-

ливо по внѣшнимъ дѣламъ; большія пріобрѣтенія сдѣланы, служащія и къ безопасности Россіи, и къ лучшему составленію всей массы. Но нельзя не признать, чтобъ сердце Россіи почти ежегодными рекрутскими наборами не было истощено; къ тому же прибавились налоги, прежде еще зрѣлости своей, чтобъ Россія могла оные безъ изнуренія выносить»... («Чт. М. О. И.» 1859 г. Кн. I, см. стр. 95.)

Далѣе (на стр. 96), Воронцовъ говоритъ, что къ концу царствованія Екатерины «роскошь, послабленіе всѣмъ злоупотребленіямъ, жадность къ обогащенію и награжденія участвующихъ во всѣхъ сихъ злоупотребленіяхъ довели до того, что люди едва ли уже не желали въ 1796 г. скорой перемѣны, которая, по естественной кончинѣ сей государыни, и воспослѣдовала». Въ особенности Воронцовъ обвиняетъ Потемкина. Говоря о военной части, онъ замѣчаетъ, что «воинскія учрежденія, сдѣланныя коммиссіею, на то опредѣленную при вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины II, имѣли много основательнаго и полезнаго, да и на правилахъ хозяйства основаны были»; затѣмъ продолжаетъ: «страшныя злоупотребленія и расточенія, вкравшіяся по сей части, и кои начало свое взяли и далѣе простирались отъ 1775 года, отнюдь не отъ самыхъ учрежденій произошли, а отъ необузданности временщиковъ». Далѣе Воронцовъ замѣчаетъ, что злоупотребленія эти «сдѣлались общими и не по одной военной, но по всѣмъ частямъ государства распространились» (стр. 99), и при этомъ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе, очень характеристическое:

«Прямою эпохою водворенія сихъ злоупотребленій почитать должно самовластіе и властолюбіе покойнаго князя Потемкина; *а на него глядя и видя, что не только нѣтъ взысканія и отчета на обогащеніе людей, но и къ почестямъ и къ вознагражденіямъ было лучшею дорогою, рѣдкій, по части ему ввѣренной, не находилъ для себя выгоднымъ по тѣмъ же слѣдамъ идти;* ибо не всякій имѣетъ въ себѣ столько твердости души, чтобъ худымъ примѣрамъ не послѣдовать, *особливо когда они многія пріятности въ жизни доставляютъ.*» (Стр. 100.)

Эта замѣтка чрезвычайно важна въ томъ отношеніи, что показываетъ намъ существенную сторону вреда, который производится для государства расточительностью временщиковъ. Они сами, положимъ, и немного растратятъ; но важно уже то, что они истратили хоть одинъ лишній рубль, принадлежащій не имъ, а государству. Какъ скоро это сдѣлано хоть однимъ человѣкомъ, каковы бы ни были его заслуги,. чинъ и положеніе,—зараза неминуемо распространяется дальше. Какъ скоро разъ произошло нарушеніе законности, — нѣтъ причины не произойти ему и въ другой разъ. Общественное благо вообще и общественная или государственная казна въ частности — можетъ быть съ усердіемъ охраняема каждымъ членомъ общества только до тѣхъ поръ, пока она знаетъ, что это благо, эти права, это имущество — неприкосновенны для насилія, недоступны для произвола; тутъ есть часть каждаго, и на желаніи полнаго обезпеченія этой части со стороны общества основывается и стремленіе каждаго поддерживать общее благо. Но какая же мнѣ

охота заботиться объ общемъ благѣ, когда я вижу, что мое собственное достояніе не обезпечено, мои права не ограждены? И вотъ отсюда-то происходитъ эгоистическій образъ дѣйствій, который выражается съ одной стороны во взяточничествѣ, казнокрадствѣ, обманѣ и барышничествѣ всякаго рода, а съ другой—въ совершенной безпечности и небрежности въ исполненіи своихъ обязанностей.

О томъ, до какой степени доходило у насъ въ девяностыхъ годахъ общее разстройство управленія по всѣмъ частямъ, всего лучше разсказываетъ князь Щербатовъ въ своемъ «Разсужденіи о нынѣшнемъ, въ 1787 году, почти повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи», въ «Размышленіи о ущербѣ торговли, происходящемъ выхожденіемъ великаго числа купцовъ въ дворяне и офицеры», и въ сочиненіи «О состояніи Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба, въ началѣ 1788 г., при началѣ турецкой войны». Эти сочиненія вполнѣ не напечатаны; но въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» нынѣшняго года, въ іюнѣ и іюлѣ №№ 142, 143, 154, 172, 177) помѣщены были довольно обстоятельныя извлеченія изъ нихъ, сдѣланныя г. М. Щепкинымъ. Мы воспользуемся нѣкоторыми изъ напечатанныхъ тамъ свѣдѣній и приведемъ нѣкоторыя сужденія Щербатова, вполнѣ подтверждающія то, что мы до сихъ поръ говорили о причинахъ тогдашняго финансоваго разстройства.

Изыскивая эти причины, Щербатовъ говоритъ между прочимъ: «у насъ войны съ 1774 г. не было, а и война была самая успѣшная, области наши не разорены, доходы государственные разработаніемъ рудниковъ, умноженіемъ винной продажи, пріобщеніемъ къ короннымъ доходамъ монастырскихъ деревень и положеніемъ на нихъ по три рубля съ души, умноженіемъ торговли, положеніемъ въ окладъ денежный Малороссіи и Лифляндіи, населеніемъ Новой Россіи, пріобрѣтеніемъ Бѣлоруссіи, учиненіемъ новой ревизіи и прочими способами знатно умножились. *А однако отъ безденежья и отъ недостатка кредита Россійской народъ болѣе страждетъ, нежели другія страны и послѣ всенародныхъ несчастій страдали.* Отчего же сіе происходитъ?» Это объясняется во-первыхъ, по выраженію Щербатова, *сластолюбіемъ*, вслѣдствіе котораго произошелъ упадокъ земледѣлія и бѣдность народа, и потомъ ошибочными банковыми операціями.

Перечисляя огромныя затраты денегъ, произведенныя правительствомъ съ самаго вступленія на престолъ Екатерины, Щербатовъ указываетъ на большія суммы, перешедшія въ Пруссію и Польшу, когда тамъ были наши войска, и затраченныя въ Польшѣ для возведенія на престолъ Станислава Понятовскаго, противъ воли поляковъ и литовцевъ. Къ этимъ издержкамъ присоединилась и придворная роскошь, которая, несмотря на старанія Екатерины соблюдать умѣренность, увеличилась при дворѣ ея, сравнительно съ дворомъ Елизаветы Петровны. Большія выдачи денегъ придворнымъ съ самаго начала затрудняли государственное казначейство, но отказывать было невозможно. «Извѣстно,—говоритъ Щербатовъ,—

что восшествіе на престолъ Императрицы Екатерины послѣдовало по возмущеніи; учинившихъ сіе возмущеніе надлежало наградить: даны имъ были—единымъ деревни, другимъ деньги, а всѣмъ чины придворные» («Моск. Вѣд.», № 154). Деньги эти, разумѣется, проѣдались и проматывались на разныя блестящія, но безполезныя затѣи, большею частію заграничныя. А относительно земель вотъ что говоритъ Щербатовъ: «розданы онѣ вельможамъ, которые, бывъ обогащены и безъ того милостями государя, малое прилежаніе о населеніи и обработываніи ихъ прилагаютъ. А и проданныя суть по большей части людямъ богатымъ, захватившимъ многія тысячи десятинъ и употребляющимъ ихъ для скотоводства, и не помышляя довольно ихъ населить и запахать. И тако впадаетъ въ правило народа хлѣбоводителя, которому не въ примѣръ болѣе земли надобно, чѣмъ хлѣбопашцу» («Моск. Вѣд.», № 142). Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ, неудобство котораго увеличивалось ненормальными отношеніями крестьянъ къ помѣщикамъ, сельское хозяйство шло плохо. А между тѣмъ постоянно былъ большой отпускъ хлѣба за-границу. Да еще это бы ничего само по себѣ; но бѣда была въ способѣ, которымъ эта операція производилась. Дѣло въ томъ, что плодородныя губерніи были отдалены отъ мѣста заграничнаго отпуска хлѣба, а пути сообщенія были въ самомъ жалкомъ состояніи. На улучшеніе дорогъ издавна былъ установленъ особый сборъ, и деньги постоянно собирались, но дѣвались неизвѣстно куда, а дороги не поправлялись вовсе; мосты были такъ худы, что по многимъ совершенно не было проѣзда. Когда же въ 1781 г. послѣдовалъ указъ объ исправленіи дорогъ и мостовъ, оказалось, что собранныя на этотъ предметъ деньги такъ ничтожны, что съ ними ни за что и приняться нельзя («Моск. Вѣд.», № 172). Поэтому земледѣльцы не могли прямо участвовать въ заграничной операціи, и вся она попала въ руки посредниковъ-торговцевъ, которые одни обогащались, давая впередъ задатки крестьянамъ и покупая у нихъ по сравнительно низкимъ цѣнамъ весь хлѣбный товаръ. Къ этому надо еще присоединить и то, что количество вывозимаго хлѣба вовсе не соображалось съ потребностями самого народа въ Россіи. Въ примѣръ безразсудства, господствовавшаго въ этомъ дѣлѣ, Щербатовъ приводитъ слѣдующій фактъ. «По именному указу, губернатору Архангельскаго порта Головцыну дозволено было выпускать до 200,000 четвертей хлѣба, но съ тѣмъ, чтобы онъ вошелъ предварительно въ сношеніе съ казанскимъ губернаторомъ, и если только тотъ увѣдомитъ его, что въ его губерніи есть излишній хлѣбъ. Но этотъ указъ вовсе не исполнялся. Въ самый 1774 годъ, когда, послѣ разоренія Казанской губерніи Пугачевымъ, народъ съ голоду умиралъ и поля были не засѣяны, выпущено было изъ сѣвернаго порта не только 200,000 четвертей, но и гораздо болѣе» («Моск. Вѣд.», № 143).

Въ числѣ причинъ, парализировавшихъ успѣхи земледѣлія и вслѣдствіе того самое благосостояніе народа, Щербатовъ приво-

дить нововведенные тогда откупа и также новое положеніе объ экономическихъ крестьянахъ, отобранныхъ отъ монастырей. Откупа увеличили сидку и гонку вина, на которое употреблялось тогда до 600,000 четвертей, и Щербатовъ предлагаетъ даже въ своемъ разсужденіи — уменьшить эту пропорцію на половину, расчитывая, что оставшимся отъ того количествомъ хлѣба можетъ питаться до полумилліона народа въ теченіе 10 мѣсяцевъ. Относительно бывшихъ монастырскихъ крестьянъ Щербатовъ сообщаетъ слѣдующее. Когда ихъ приписали къ Коллегіи Экономіи, то оброкъ, положенный на нихъ по 3 рубля на душу, былъ сравнительно очень высокъ, и вслѣдствіе того многіе крестьяне покинули поля и обратились къ другимъ, болѣе прибыльнымъ занятіямъ, такъ что большая часть земель вокругъ монастырей запустѣла. Между тѣмъ, мѣстное начальство постоянно увѣряло правительство, что хозяйство въ этихъ вотчинахъ находится въ наилучшемъ положеніи. Чрезъ 4 года, въ 1767 г., возникли какія-то темныя подозрѣнія и Коллегіи Экономіи велѣно было собрать точныя вѣдомости, сколько въ предыдущіе годы посѣяно было хлѣба на бывшихъ монастырскихъ земляхъ. Отовсюду были донесенія самыя благопріятныя: оказалось, что въ послѣдніе годы посѣвъ даже увеличился противъ прежняго, благодаря стараніямъ новаго управленія. Для повѣрки этихъ свѣдѣній отправленъ Г. Н. Тепловъ и, разумѣется, нашелъ, что въ донесеніяхъ была самая наглая ложь. Результаты своей поѣздки представилъ онъ Коллегіи Экономіи и самой Екатеринѣ. Но дѣло оставлено безъ всякихъ послѣдствій, и не только не было обращено никакого вниманія на земледѣліе, но и самые казначеи, за ложныя свои донесенія не были подвергнуты никакому наказанію. «А слѣдствіе сему, прибавляетъ Щербатовъ, и вышло такое, какого надлежало ожидать: ибо въ 1760 году рожь въ Московской губерніи въ Гжатской пристани была по 86 к. четверть, въ 1763 г. поднялась до 95 коп., а потомъ, часъ отъ часу подымаясь цѣною, уже въ 1773 г. вошла въ 2 р. 19 к., а нынѣ уже до семи рублевъ дошла, безъ надежды, чтобы и могла унизиться. Равно сему и во всѣхъ другихъ городахъ, какъ можно сіе усмотрѣть изъ вѣдомостей провіантской канцеляріи. По всѣмъ симъ вышеозначеннымъ обстоятельствамъ удивительно ли, что цѣна хлѣба часъ отъ часу возвышалась, и при бывшихъ худыхъ урожаяхъ въ двухъ прошедшихъ 1785 и 1786 годахъ не токмо до чрезвычайности дошла, но даже и сыскать хлѣба на пропитаніе людей негдѣ, и люди ѣдятъ листъ, сѣно и мохъ, и съ голоду помираютъ, а вызябшій весь ржаной хлѣбъ, въ нынѣшнюю съ 1786 на 1787 зиму, въ плодоноснѣйшихъ губерніяхъ не оставляетъ и надежды, чѣмъ бы обсѣменить къ будущему году землю и вящимъ голодомъ народъ угрожаетъ» («Моск. Вѣд.», № 143).

Не надо, впрочемъ, думать, чтобы бѣдствіе было повсемѣстное: въ южныхъ краяхъ его не было, и въ это самое время, къ которому относятся слова Щербатова, зимою 1787 г., Екатерина со-

вершила знаменитое свое путешествіе въ Тавриду, своимъ великолѣпіемъ изумившее иностранныхъ пословъ, сопровождавшихъ Императрицу. Въ этомъ путешествіи Георгій Конисскій сказалъ ей знаменитую свою рѣчь: «Оставимъ астрономамъ доказывать, что земля вокругъ солнца обращается; наше солнце вокругъ насъ ходитъ, и ходитъ для того, да мы въ благополучіи почиваемъ». Въ этомъ путешествіи приняла она поклоненіе императора Іосифа, которому внушала благоговѣніе къ себѣ своею мудростію и великолѣпіемъ. Объ этомъ путешествіи съ умиленіемъ разсказываетъ восторженный историкъ Екатерины. «Ея появленія—говоритъ онъ—походили на радостныя, посмѣнныя торжества: толпы народа окружали карету, воины въ строю встрѣчали, дворяне, прочія сословія наперерывъ учреждали угощенія: вездѣ арки, лавровые вѣнки, обелиски, освѣщенія; вездѣ пиршества, прославленія, милость, удовольствія... Принцъ де-Линь пишетъ отсюда такъ: каждый день знаменовался раздачею брильянтовъ, балами, фейерверками и иллюминаціями верстъ на десять въ окружности. Сначала появились лѣса на горахъ въ огнѣ, потомъ мелкіе кустарники освѣтились, по приближеніи же нашемъ все пылало!» (См. «Черты Екат. Вел.», собр. Пав. Сумароковымъ, стр. 203, 221). Полгода продолжалось это путешествіе; только въ іюнѣ возвратилась Императрица въ Москву.

Но здѣсь ожидало ее другое зрѣлище, которое, впрочемъ, постарались удалить отъ ея взоровъ. Вслѣдствіе голода, московскія улицы наполнились толпами нищихъ, больныхъ, голодныхъ, оборванныхъ. Мѣстное начальство, боясь навлечь на себя гнѣвъ Императрицы, позаботилось предъ ея пріѣздомъ выслать ихъ всѣхъ изъ города, «дабы не обезпокоить ее видѣніемъ такого числа нищихъ» («Моск. Вѣд.», № 172). Противъ этого распоряженія сильно возстаетъ Щербатовъ въ своемъ сочиненіи, и немудрено: онъ вообще въ разсужденіяхъ о народѣ выказываетъ много гуманности, и притомъ онъ близко видѣлъ всѣ дѣйствія голода. Вотъ, напримѣръ, какъ изображаетъ онъ бѣдствія голода 1787 года во вступленіи къ сочиненію «О состояніи Россіи въ разсужденіи денегъ и хлѣба». Вступленіе это приведено г. Щепкинымъ въ № 154 «Моск. Вѣд.»

«Московская, Калужская, Тульская, Рязанская, Бѣлогородская, Тамбовская губерніи и вся Малороссія претерпѣваютъ непомѣрный голодъ, ѣдятъ солому, мякину, листья, сѣно, лебеду, но и сего уже недостаетъ, ибо къ несчастію и лебеда не родилась и оной четверть *по четыре рубля* покупаютъ. Когда мнѣ изъ Алексинской моей деревни привезли хлѣбъ, испеченный изъ толченаго сѣна, два изъ мякины и три изъ лебеды, онъ въ ужасъ меня привелъ, ибо едва на четверть тутъ четверка овсяной муки положена. Но какъ я нѣкоторымъ и сей показалъ, мнѣ сказали, что еще сей хорошъ, а есть гораздо хуже. А однако никакого распоряженія дальше, то-есть до исхода февраля мѣсяца не сдѣлано о прокормленіи бѣднаго народа, — для прокормленія того народа, который сочиняетъ силу имперіи, котораго въ самое сіе время родственники и свойственники идутъ сражаться со врагами, которые въ степяхъ, въ холодѣ, въ нуждѣ и въ сырыхъ землянкахъ безъ ропота умираютъ, который даетъ доходы не токмо

на нужды государственныя, но и на самый роскошъ. Ниже для всего сего, а паче ради человѣколюбія, ниже малое количество курки вина уменьшено, и не токмо, чтобы убавить какихъ съ нихъ податей, но и самые способы отнимаютъ, чтобы работою своею пріобрѣтши себѣ деньги, хотя нѣсколько жизнь свою продлить. Отдаленный стонъ народный не бываетъ внушаемъ среди роскошей столичныхъ городовъ. Но здѣсь и сей отговорки быть не можетъ. Толпы нищихъ наполняютъ перекрестки, жалобнымъ своимъ воплемъ останавливаютъ проѣзжающія кареты, содрогшіе отъ голода младенцы, среди холода и вьюги, единое чувствіе глада имѣютъ, безвинныя руки протягиваютъ, исчисляютъ число времени ихъ пощенія и милостыни просятъ, которой еще и не получаютъ довольно; ибо частные люди всѣхъ прокормить не могутъ и *случайная милостыня не иное что можетъ произвести, какъ умножить число нищихъ*, а правительство глухо, и слѣпо, и нечувствительно на сіе является. То если глаголовъ моихъ повѣритъ потомство, что скажетъ оно о нашемъ вѣкѣ?»

Видно, что Щербатовъ былъ очень сильно взволнованъ зрѣлищемъ народнаго бѣдствія и въ своей горячности забылъ о томъ, что въ это время, какъ справедливо замѣчаетъ г. Щепкинъ, «правительство Императрицы Екатерины, жадно слѣдя за побѣдоносным шагомъ арміи, не имѣло времени вглядываться въ народныя нужды, прислушиваться къ воплю оголодавшей толпы, и тѣмъ менѣе заботиться о врачеваніи язвъ, нанесенныхъ голодомъ народному организму» (М. В., № 154).

Однакоже, народное бѣдствіе должно было немпнуемо отразиться и на теченіи правительственныхъ дѣлъ. Финансовый кризисъ, издавна подготовленный указанными выше обстоятельствами, теперь подошелъ очень близко. Народъ, находясь въ такомъ положеніи, не могъ, разумѣется, сполна отбывать всѣхъ своихъ податей и повинностей; а другой важный источникъ доходовъ—промышленность и заграничная торговля—въ то время еще былъ слишкомъ незначителенъ, да и тутъ не обходилось безъ большихъ злоупотребленій. Державинъ разсказываетъ, что въ 1794 г. по балансу, представленному отъ Коммерцъ-Коллегіи, вывозъ значился болѣе ввоза за 31 милліонъ, а курсъ былъ не выше 22 штиверовъ или 44 копѣекъ. Когда Державинъ изслѣдовалъ это странное явленіе, оказалось, «что при упадкѣ курса превосходный балансъ ничто иное есть, какъ плутовство иностранныхъ купцовъ съ сообществомъ нашихъ таможенныхъ служителей и бываетъ именно оттого, что выпускные наши товары объявляются ниже 10 процентами, и узаконенныя пошлины въ казну съ той цѣны берутся, слѣдовательно, болѣе десяти частей уменьшаютъ балансъ, въ товарахъ и болѣе 10 процентовъ крадутъ пошлинъ» (Р. Б. IV, стр. 336).

Ясно, что при такомъ порядкѣ разстройство дѣлъ было неизбѣжно. Но зло еще увеличивалось тѣмъ, что никто ничего не зналъ и знать не хотѣлъ о томъ, что дѣлалось. «Россія,—говоритъ по этому поводу Щербатовъ,—не яко другія страны, гдѣ правительство тщится обнаружить свои операціи передъ народомъ; но о самыхъ вещахъ, касающихся непосредственно до народа, въ совершенной тайнѣ сіе содержитъ. Что я говорю о народѣ? Самыя таковыя дѣла главному правительству неизвѣстны, а знаетъ токмо ихъ тотъ,

кому они препоручены. А по сему правительство такой повѣренной особѣ сопротивляться не можетъ, самыя операціи его зависятъ отъ хотѣнія того; народъ пребываетъ въ невѣдѣніи и въ неудовольствіи иногда и понапрасну; желающіе научиться способа не имѣютъ; размышленія остановлены, ошибки или злоупотребленія неисправляемы остаются, и ошибку ошибкою, и зло зломъ, яко бы для поправленія умножаютъ» (М. В., № 154). Въ самомъ дѣлѣ, обстоятельства наконецъ до того запутались, что сама Екатерина не хотѣла ихъ выслушивать спокойно. Державинъ разсказываетъ, что послѣ открытой имъ штуки съ торговымъ балансомъ, «вмѣсто оказательства какого-либо ему благоволенія, хладнокровно о томъ замолчали. Послѣ вышла еще непріятность. Сказываютъ, что будто таковая правда была Императрицѣ непріятною, что въ ея правленіи и при ея учрежденіи могла она случиться, или лучше сказать, обнаружиться. Вотъ каково самолюбіе въ властителяхъ міра! и вредъ не вредъ, и польза не польза, когда только имъ не благоугодны!» (Р. Б. IV, стр. 336). Впрочемъ, само правительство, учреждая Ревизіонъ-Коллегію, созналось, что «доселѣ счету никогда не бывало: а оттого происходитъ, что и по сіе время нѣтъ совершенно извѣстія о приходѣ и расходѣ и остаткахъ».

Для поправленія финансовыхъ затрудненій, въ 1768 г. учрежденъ Екатериною ассигнаціонный банкъ. Но, по словамъ Щербатова, «коренные пороки, случаи, незнаніе, желаніе выслужиться и неразсмотрѣніе, которые навсегда Россійскую Имперію отягощаютъ, и на сіе благое учрежденіе ядъ свой разлили». Именно, Щербатовъ находитъ, что, во-первыхъ, директору банка предоставлена слишкомъ большая власть, «каковая есть непристойна во всякомъ благоучрежденномъ правленіи»; оттого всегда и возможны были случаи въ родѣ того, который Державинъ разсказываетъ о Завадовскомъ и Кельбергѣ. «Во-вторыхъ—говоритъ Щербатовъ—не посмотря на карту, ниже вошедъ въ обстоятельство тихости обращенія монеты въ Россійской имперіи, по причинѣ ея пространства и малой внутренней торговли, положили сумму въ банкъ едва половину въ сравненіи съ суммой надѣланныхъ ассигнацій, хотя чрезъ сіе выслужиться, что яко бы умножена монета.» (М. В., № 154). Но *половина* была еще совершенно достаточна. Въ первые годы по выпускѣ ассигнацій, бумажный рубль ходилъ 98 и 99 копѣекъ, а съ 1774 г., когда изданъ былъ указъ, чтобы не обращалось въ имперіи болѣе 20 милліоновъ бумажныхъ денегъ, держался даже al pari съ серебрянымъ рублемъ. Но когда въ 1786 г. выпущено на 100 милліоновъ ассигнацій, съ учрежденіемъ государственнаго заемнаго банка, бумажный рубль въ первый же годъ упалъ до 92 копѣекъ и затѣмъ быстро понижался. Вмѣстѣ съ тѣмъ падалъ и нашъ заграничный курсъ. Въ 1789 г. бумажный рубль ходилъ еще по 90 копѣекъ, а во внѣшней торговлѣ, по свидѣтельству Щербатова, нашъ рубль серебряный стоилъ уже 36 штиверовъ, т. е. 72 копѣйки, «а прибавя къ тому еще 10

копѣекъ промѣну, учинитъ, что рубль 10 копѣекъ стоитъ 36 штиверовъ», т. е. что на заграничныхъ товарахъ мы постоянно теряли 38%. А между тѣмъ выпускъ ассигнацій продолжался; въ послѣднія шесть лѣтъ царствованія Екатерины выпущено ихъ еще на 57 милліоновъ, и вслѣдствіе того бумажный рубль, стоившій въ 1790 году 89 к., въ 1792 г. стоилъ уже 79, въ 1794 — 71, а въ 1795—68, между тѣмъ какъ серебряный рубль поднялся во внутреннемъ обращеніи до 146 коп. Въ 1788 г. уже почувствовался недостатокъ даже въ мѣдной монетѣ, «вдругъ начали деньги оскудѣвать въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, пошли мѣнять; тамъ учинили затрудненія, яко бы не довольно было счетчиковъ, не получившіе пошли безъ мѣдныхъ денегъ, другимъ разсказали, и кредитъ банка государственнаго и монарша слова (Екатерина дала «торжественное монаршее слово, что каждая ассигнація должна почитаться за наличныя деньги и вѣрно будетъ плачена») пропалъ.» Затрудненія при размѣнѣ ассигнацій достигли до того, что банкъ прекратилъ уплаты и, «прибѣгнувъ даже къ самымъ насильственнымъ мѣрамъ», заперъ ворота и поставилъ къ нимъ караулъ, чтобы никого на дворъ не пускать. Вслѣдствіе этого размѣнъ денегъ стоилъ огромныхъ процентовъ: въ нѣкоторыхъ городахъ доходилъ до 15, даже до 20 копѣекъ на рубль. «То довольно видно каждому—заключаетъ Щербатовъ—коль есть сіе чувствительное разореніе всему народу, когда принуждены двадцатую, десятую или больше частей за промѣнъ такихъ денегъ терять, которыя монаршимъ словомъ утверждены быть равныя мѣдной монетѣ, которыя знаки, яко векселя отъ правительства ходятъ и которые торжественнымъ монаршимъ словомъ предъ народомъ утверждены» (М. В. № 154).

Императоръ Павелъ, вступивши на престолъ, старался исправить дѣло изданіемъ строгаго банкротскаго устава и возвышеніемъ всѣхъ налоговъ, какъ-то: подушныхъ, гильдейскихъ повинностей, гербовыхъ пошлинъ, и пр. (см. Устрялова Учебникъ).

Таковы были результаты того направленія русской жизни, которое обличала сатира семидесятыхъ годовъ подъ именемъ мотовства, роскоши и пристрастія къ французскимъ модамъ. Вѣроятно, въ частной жизни многихъ лицъ ея обличенія имѣли успѣхъ, потому что когда бѣдствія голода и всеобщей дороговизны стали чувствительны и среднему классу, когда рубль сталъ ходить 68 коп., то, конечно, многіе стали поневолѣ умѣреннѣе въ своихъ издержкахъ. Но въ общемъ ходѣ дѣлъ, въ развитіи богатства страны и общественнаго кредита, что произвели всѣ эти выходки противъ частной расточительности и противъ ростовщиковъ, берущихъ неуказные проценты?

Говорить ли намъ еще объ одной сторонѣ екатерининской сатиры—о борьбѣ ея со взяточничествомъ и крючкотворствомъ? Это былъ конекъ ея, тутъ она показывала себя смѣлѣе, чѣмъ гдѣнибудь, и оказывалась рѣшительно достойною послѣдовательницею

манифеста Екатерины о лихоимствѣ, который мы приводили выше. Но мы боимся распространяться объ этомъ предметѣ: онъ такъ уже надоѣлъ всѣмъ читателямъ со времени «Губернскихъ Очерковъ». Желающіе насладиться чтеніемъ выходокъ нашихъ сатириковъ противъ взятокъ не только мелкихъ чиновниковъ, но и воеводъ, могутъ обратиться къ книжкѣ г. Аѳанасьева, который посвятилъ спеціальному восхищенію этимъ предметомъ цѣлыхъ 27 страницъ (220 — 246). Мы же замѣтимъ здѣсь только о томъ, что и въ вопросѣ бюрократическомъ сатира не нападала на общее устройство администраціи, хотя она дѣйствовала уже наканунѣ новаго «учрежденія о губерніяхъ», которымъ откровенно и рѣшительно признана была совершенная негодность прежняго воеводскаго управленія (1775 г., ноября 1). Сатира была въ восторгѣ отъ учрежденія прокуроровъ и надѣялась отъ нихъ великаго блага для земли русской, да и вообще находила, что «теперь ужъ десятой доли нѣтъ, противъ прежняго, выгодъ для подъячихъ, хотя еще можно и теперь нажить на службѣ деревеньку» («Трут.» 1769 г., стр. 12). Можно вообразить, въ какой восторгъ пришла бы сатира, если бы ея процвѣтаніе продолжалось до «учрежденія о губерніяхъ»! Вѣроятно, счастливѣе русской администраціи она бы ужъ ничего не нашла въ цѣломъ мірѣ и, конечно, стала бы еще яростнѣй обличать тѣхъ, кто приличился бы въ какихъ-нибудь грѣшкахъ даже и послѣ этого учрежденія. Но вотъ сужденіе о немъ гр. А. Р. Воронцова, о которомъ мы уже говорили выше (Чт. М. О. И. 1858 г., кн. I, стр. 95 — 96).

«Въ царствованіе императрицы Екатерины Второй, начавшаяся уже еще при Елисаветѣ Первой роскошь и всѣ слѣдствія оной, далѣе и далѣе простираясь, возрастала; узаконенія Петра Перваго болѣе и болѣе въ ослабленіе приходили, такъ что въ средѣ своего царствованія, послѣ разныхъ неудачныхъ опытовъ (какъ-то: собраніе депутатовъ для сочиненія новыхъ узаконеній), вмѣсто того, чтобъ поправить то, что изъ узаконеній Петра Великаго въ ослабленіе пришло, рѣшилась она внутреннему управленію дать нѣкоторымъ образомъ новую форму, издавъ учрежденіе для управленія губерній. Нельзя не признать, чтобъ оно не шло (хотя нѣсколько и излишнихъ судовъ надѣлано было) на внутреннія россійскія губерніи, гдѣ многаго не доставало; но едва ли была нужда распространять оное на присоединенныя и завоеванныя нами провинціи, кои имѣли у себя болѣе устройства, нежели внутри Россіи, или на азіатскія, коимъ, по пространству земель ихъ и по образу жизни и нравовъ тамошнихъ жителей, такое управленіе несвойственно и неудобно. Но сіе учрежденіе о губерніяхъ, хотя и не безъ пользы было, стало уже весьма ослабѣвать въ послѣдніе годы самой учредительницы онаго. Непомѣрная роскошь, послабленіе всѣмъ злоупотребленіямъ, жадность къ обогащенію и награжденія участвующихъ во всѣхъ сихъ злоупотребленіяхъ довели до того, что и самое учрежденіе о губерніяхъ считалось почти въ тягость, да и люди едва ль уже не желали въ 1796 году скорой перемѣны, которая, по естественной кончинѣ сей государыни, и воспослѣдовала».

Вообще, несмотря на усилія сатиры, даже спеціальный ея вопросъ о чиновничьихъ злоупотребленіяхъ какъ-то плохо подвигался къ разрѣшенію. Безсиліе свое въ этомъ дѣлѣ сознавала, впрочемъ, и сама сатира. Въ «Живописцѣ» помѣщено письмо къ

нему отъ нѣкотораго помѣщика, бывшаго чиновника, Ермолая, изъ сельца Краденова. Въ письмѣ этомъ взяточникъ издѣвается надъ безсиліемъ сатириковъ и дѣлаетъ замѣтки очень основательныя. Безъ сомнѣнія, письмо это писано въ редакціи журнала, и въ немъ выразилась, вмѣстѣ съ долею нѣкотораго самодовольства, и досада писателя на свое положеніе въ дѣлѣ обличеній. Вотъ какъ разсуждаетъ отрѣшенный отъ дѣлъ (нельзя же иначе?) взяточникъ («Жив.» I, стр. 106):

«Ты, забывъ законы духовные, воинскіе и гражданскіе, осмѣлился назвать меня яко бы воромъ. Чѣмъ ты это докажешь? Я хотя и отрѣшенъ отъ дѣлъ, однакожъ не за воровство, а за взятки; а взятки не что иное какъ акциденція. Воръ тотъ, который грабитъ на проѣзжей дорогѣ, а я біралъ взятки у себя въ домѣ, а дѣла вершилъ въ судебномъ мѣстѣ: кто себѣ добра не захочетъ? А къ тому же я никого до смерти не убилъ; правда, согрѣшилъ передъ Государемъ: многихъ пустилъ по міру; да это дѣло постороннее, и тебѣ до него нужды нѣтъ. Какъ передъ Богомъ не согрѣшить? Какъ Царя не обмануть, какъ у него не украсть? Грѣшно украсть изъ кармана у своего брата, а это дѣло особое: у кого же и украсть, какъ не у Царя; благодаря Бога, домъ у него какъ полная чаша, то хотя и украдешь, такъ не убудетъ. Глупый человѣкъ! да это и указами за воровство не почитается, а называется похищеніемъ казеннаго интереса. А похищеніе и воровство не одно: первое — не что иное какъ только утайка; а другое — преступленіе противъ законовъ, и достойно кнута и висѣлицы. Правда, бывали и такіе примѣры, что и за утайку сѣкали кнутомъ; это случалось; *но нынѣ благодаря Бога люди стали разсудительнѣе, и за рѣченную утайку кнутомъ сѣкутъ только тѣхъ, которые малое число утаятъ: да это и дѣльно; не заводи дѣла изъ бездѣлицы. Видишь ли ты, глупый человѣкъ, что ты умничаешь по пустому. Кто тебя послушается?* Я помню, какъ одинъ господинъ въ бытность мою у него разсуждалъ о тебѣ такъ: онъ-де дѣлаетъ безчестье всѣмъ дворянамъ, пиша эдакія письма; что-де подумаютъ иностранные объ насъ, когда увидятъ, что у насъ есть дураки, плуты. . . . .
. . . .
. . . .
. . . . Понимаешь ли ты, что и вѣрить этому не хотятъ, что есть безсовѣстные судьи, безчеловѣчные помѣщики, безразсудные отцы, безчестные сосѣди и грабители управители. *Что ты изъ пустаго въ порожнее пересыпаешь? Мнѣ кажется, братъ, что ты похожъ на постельную жены моей собачку, которая брешетъ на всѣхъ, и никого не кусаетъ; а это называется брехать на вѣтеръ. По нашему, коли брехнуть, такъ ужь и укусить, да и такъ укусить, чтобы больно да и больно было. Да на это есть другія собаки, а постельнымъ хотя и дана воля брехать на всѣхъ, только никто ихъ не боится. Такъ-то и ты пишешь все пустое: кто тебя послушается, или кто испугается, когда не слушаются и не боятся законовъ, опредѣляющихъ казнь за преступленіе?*»

Разсужденія отрѣшеннаго взяточника имѣютъ значительную долю справедливости. Для подтвержденія этого, вспомнимъ, какъ въ теченіе двухъ столѣтій у насъ преслѣдовалось зло взятокъ, какъ противъ нихъ возставали люди государственные въ докладныхъ запискахъ и проектахъ, какъ онѣ запрещались указами, какъ ихъ обличала литература. Ради курьеза приведемъ, пожалуй, рядъ свидѣтельствъ о взяткахъ, изъ разныхъ періодовъ русской литературы и общественнаго развитія.

1666 годъ. Кошихинъ, стр. 93. «А кто будетъ судья возьметъ посулъ и дѣло учнетъ писать по посуламъ и про то сыщется, и о такихъ судьяхъ о на-

казаніи подлинно писано въ уложенной книгѣ. Однако жь хотя на такое дѣло положено наказаніе, и чинятъ о тѣхъ посулахъ крестное цалованіе съ жестокимъ проклинательствомъ, что посуловъ не имати и дѣлати въ правду, по царскому указу и по положенію: ни во что ихъ вѣра и заклинательство, и наказанія не страшатся, отъ прелести очей своихъ и мысли содержати не могутъ и руки свои ко взятію скоро допущаютъ, хотя не сами собою, однако по задней лѣстницѣ чрезъ жену, или дочерь, или чрезъ сына и брата, и человѣка, и не ставятъ того себѣ во взятые посулы, будто про то и не вѣдаютъ. Однако чрезъ такую ихъ прелесть приходитъ душа ихъ, злоиманіемъ, въ пучину огня негасимаго, и не токмо враждаютъ своими душами, но и царскою, взявъ посулы облыгаютъ другихъ людей злыми словами, и не стыдятся того дѣлати потому: кто можетъ всегда приходити къ царю и видѣти часто отъ простыхъ людей? но и сами они судіи видаютъ времянемъ, и рѣдко когда прилучатъ говорити съ нимъ о дѣлѣхъ».

1729 годъ. Кантемиръ, сатира 1 (стр. 11, изд. 1762 г.).

Хочешь ли судьею стать, — вздѣнь парикъ съ узлами,
Брани того, кто проситъ съ пустыми руками,
Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ,
Спи на стулѣ, когда дьякъ выписку читаетъ.
Если жь кто вспомнитъ тебѣ граждански уставы,
Иль естественный законъ, иль народны правы, —
Плюнь ему въ рожу, скажи, что вретъ околесну,
Налагая на судей ту тягость несносну.

1762 годъ. Манифестъ императрицы Екатерины о лихоимствѣ (см. выше, стр. 116—117).

1769 годъ, «*Трутень*», стр. 14. «У насъ въ приказныхъ дѣлахъ какія науки? Кто правъ, такъ и безъ наукъ правъ, лишь бы только была у него догадка, какъ приняться за дѣло; а судейская наука вся въ томъ и состоитъ, чтобы умѣть искусненько пригибать указы по своему желанію,—въ чемъ и секретари намъ много помогаютъ».

«*Всякая Всячина*», стр. 308. «Колико трудно найти средство къ поправленію сихъ людей! Вспомните всеобщій крикъ о взяткахъ, когда подъячіе не получали жалованья, но велѣно имъ было кормиться съ дѣлъ; и не въ нашемъ ли вѣкѣ сіе все было? Нынѣ же имъ дано жалованье, — и жалоба происходитъ, что лѣнятся для того, что кормъ имѣютъ... Иной скажетъ: зачѣмъ лихоимцу давать? Отвѣчаю: безъ того дѣла продолжаютъ и пакостятъ, а чрезъ волокиту и неправое рѣшеніе челобитчики въ конецъ разоряются, — да не только спорными дѣлами, но и неспорными, и подлежащими межеванію».

1796 годъ. Капнистъ. Посвященіе «Ябеды».

Монархъ! Пріявъ вѣнецъ, ты правду на престолѣ
Съ собою воцарилъ...
Я кистью Таліи порокъ изобразилъ;
Мздоимства, ябеды всю гнусность обнажилъ,
И отдаю теперь на посмѣянье свѣта.
Не мстительна отъ нихъ страшуся я навѣта, —
Подъ Павловымъ щитомъ почію невредимъ;
Но бывъ по мѣрѣ силъ споспѣшникомъ твоимъ.
Сей слабый трудъ тебѣ я посвятить дерзаю,
Да именемъ твоимъ успѣхъ его вѣнчаю.

1801 годъ. Указъ Императора Александра I правительствующему Сенату, отъ 18 ноября (П. С. З. № 20516). «Изъ доходящихъ къ намъ безпрестанно слуховъ, съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ заключаемъ, что пагубное лихоимство или взятки въ имперіи нашей не только существуютъ, но и распространяются между тѣми самыми, которые бы гнушаться ими и всемѣрно пресѣкать ихъ должны. Правительствующій Сенатъ вѣдаетъ, какіе можетъ зло сіе производить безпорядки во всѣхъ частяхъ правленія», и пр...

1821 годъ. Адмиралъ Мордвиновъ, въ мнѣніи о росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1821 годъ (Чт. М. О. И. 1859 г. №I, стр. 3). «Жалуются на повсемѣстное въ судахъ лихоимство; но можно ли почитать его (страннымъ?) тамъ, гдѣ существуетъ житейскій недостатокъ, и можетъ ли преступленіе быть въ томъ, что естественнымъ правомъ оправдано быть должно и чего гражданскіе законы воспретить не въ состояніи? Ибо и служителямъ правосудія, равно какъ всякому другому человѣку, пристанище, пища и одежда необходимо потребны, а получаемые ими отъ казны оклады жалованья недостаточны къ доставленію оныхъ, слѣдственно, что невозможно, того и ожидать не должно. Доколѣ правосудіе въ Россіи не будетъ достаточно вознаграждено удовлетвореніемъ всѣхъ необходимыхъ нуждъ исполнителей онаго, то правда не возсядетъ на судѣ; ибо правду не можно водворить тамъ, гдѣ скудость обитаетъ. Она несовмѣстна съ нищетою, коей первое дѣйствіе — охлажденіе сердца и ослабленіе умственныхъ способностей».

Продолжать ли дальше? Да чего продолжать? Стоитъ только сказать: въ 1835 году явился «Ревизоръ», въ 1856 — «Губернскіе Очерки»,—съ безчисленною свитою...

Вотъ результаты вѣковыхъ усилій сатиры по вопросу о взяткахъ!...

Представимъ теперь, въ заключеніе нашей статьи, общій итогъ всего, что дѣлала сатира въ вѣкъ Екатерины, и какъ ея дѣло отражалось въ жизни русскаго общества.

Она кричала о свободѣ слова и мысли, по поводу уничтоженія тайной канцеляріи въ 1762 г. и затѣмъ открытія вольныхъ типографій въ 1782 г. Къ концу царствованія Екатерины, тайная канцелярія возстановлена подъ именемъ тайной экспедиціи; въ 1796 году вольныя типографіи уничтожены.

Она сказала свое слово противъ пытокъ и вообще старалась о распространеніи гуманныхъ идей и о смягченіи нравовъ. При восшествіи на престолъ Императора Алексардра—не только существовала еще пытка, формально уничтоженная потомъ его указомъ отъ 27 сентября 1801 г. (П. С. З. № 20022), но по городамъ, при публичныхъ мѣстахъ, стояли висѣлицы, «вновь поставленныя въ 1799—1800 годахъ, для прибитія къ нимъ именъ разныхъ чиновниковъ»; висѣлицы эти уничтожены также въ 1801 году, по указу 8 апрѣля (П. С. З. № 19824).

Сатира обличала дурныхъ помѣщиковъ и старалась защищать человѣческія права крестьянъ. Съ 1762 г. идетъ рядъ указовъ о повиновеніи крестьянъ помѣщикамъ. Въ 1783 году утверждается крѣпостное право въ Малороссіи. До воцаренія Императора Александра сотни тысячъ крестьянъ раздаются во владѣніе частныхъ лицъ. Въ 1857 году поднимается вопросъ объ освобожденіи крестьянъ.

Сатира въ семидесятыхъ годахъ нападала на суевѣріе, невѣжество и дурное воспитаніе, на гувернеровъ-французовъ, на отсутствіе истинныхъ началъ образованія. Въ 1784 г., по освидѣтельствованію частныхъ пансіоновъ въ Петербургѣ, оказалось, что во всѣхъ нихъ 72 учителя, изъ которыхъ только 20 русскихъ, и изъ всего числа половина—учители танцевъ и рисованія (Янк. ди Миріево, Воронова). Послѣ 1786 года не открывались, несмотря на указъ, народныя училища, потому что негдѣ было взять учителей и средствъ для учебныхъ пособій и содержанія училищъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія нашлось много дворянъ — кандидатовъ въ офицеры, не умѣющихъ грамотѣ... противъ слѣпого поклоненія французамъ ратовалъ еще Грибоѣдовъ, уже гораздо послѣ того, какъ мы брали Парижъ.

Сатира писала обличенія противъ роскоши и мотовства. Въ 1786 г. учрежденъ ассигнаціонный банкъ, въ 1786 г. выпущено вдругъ на 100 милліоновъ ассигнацій. Потемкинъ и другіе вельможи забирали изъ казны деньги цѣлыми милліонами и сотнями тысячъ бросали на танцовщицъ и на брильянты. Во внѣшней торговлѣ, и безъ того слабой, господствовали безпорядки; звонкая монета исчезла. Бумажный рубль стоилъ 68 копѣекъ; заграничный курсъ дошелъ до 44.

Сатирическіе журналы иногда поражали тѣхъ, кто не заботился объ общемъ благѣ, кто разоряетъ народъ. Въ это самое время вводились откупа, народъ истощался рекрутскими наборами, бросалъ свои земли, не въ состояніи будучи платить за нихъ слишкомъ высокія подати, страдалъ отъ неурожая и дороговизны, бродилъ безъ работы, помиралъ съ голоду цѣлыми тысячами.

Сатира очень зло возставала противъ лихоимства и неправосудія. Въ концѣ прошлаго столѣтія пороки эти если не усилились, то стояли на той же степени процвѣтанія, какъ и предъ началомъ царствованія Екатерины.

Пусть историки литературы восхищаются бойкостью, остроуміемъ и благородствомъ сатирическихъ журналовъ и вообще сатиры екатерининскаго времени; но пусть же не оставляютъ они безъ вниманія и жизненныхъ явленій, указанныхъ нами. Пусть они скажутъ намъ, отчего этотъ разладъ, отчего у насъ это безсиліе, эта безплодность литературы? Неужели они не найдутъ другого, болѣе обстоятельнаго и практическаго объясненія, кромѣ пошлой сентенціи, приводимой г. Аѳанасьевымъ—что «предразсудки живучи»?

Нѣтъ, лучше, кажется, для объясненія этой печальной безпл ности, припомнить письмо къ «Живописцу», приведенное на нѣсколько выше.... Или, еще лучше—обратить вниманіе на сл указа Императора Александра объ уничтоженіи тайной экспедиі объясняющія вредъ личнаго произвола и необходимость гласно и законности общей для всѣхъ. Мы упраздняемъ тайную экс дицію, говоритъ указъ, потому, что «хотя она дѣйствовала всевозможнымъ умѣреніемъ и правилась личною мудростью и с ственнымъ государыни всѣхъ дѣлъ разсмотрѣніемъ, но впослѣдст времени *открылося, что личныя правила, по самому сущест своему перемѣнѣ подлежащія, не могли положить надежнаго опло злоупотребленіямъ*, и потребна была сила закона, чтобы присвоі положеніямъ симъ надлежащую непоколебимость», и притомъ общe въ «благоустроенномъ государствѣ всѣ преступленія долж быть объемлемы, судимы и наказываемы *общею силою закон* (П. С. З. № 19813).

Ссылкою на эти слова мы и заключимъ нашу статью, по лѣвши еще разъ, что сатира екатерининскаго вѣка не наході возможности развивать свои обличенія изъ этихъ простыхъ по женій — о вредѣ личнаго произвола и о необходимости для бл общества «общей силы закона», которою бы всякій равно м пользоваться.

ОТЧЕТЫ ГЛАВНАГО ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА.

I.

Описаніе Главнаго Педагогическаго Института въ нынѣшнемъ его состояніи. Спб. 1856.

Актъ девятаго выпуска студентовъ Главнаго Педагогическаго Института, 21 іюня 1856. Спб. 1856.

Обѣ эти книжки изданы почти въ одно время и служатъ необходимымъ дополненіемъ одна другой. *Описаніе* представляетъ намъ состояніе Института во всѣхъ частяхъ его жизни и управленія. Актъ заключаетъ въ себѣ отчетъ объ учебной дѣятельности Института за истекшій академическій годъ и рѣчь профессора Лоренца, на латинскомъ языкѣ, *о томъ, съ какой цѣлію Императоръ Николай учредилъ Педагогическій Институтъ.*

Педагогическій Институтъ, безспорно, есть одно изъ важнѣйшихъ учебныхъ заведеній нашихъ, по тому вліянію, какое могутъ имѣть его воспитанники, всѣ дѣлающіеся учителями въ гимназіяхъ, на развитіе просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ. Знанія, убѣжденія, направленіе, принятое ими, не остаются только ихъ достояніемъ, а передаются ими новому поколѣнію, идущему по слѣдамъ ихъ. Поэтому все, что касается Института, должно возбуждать живѣйшее любопытство во всѣхъ, кому дорого отечественное просвѣщеніе, и мы съ особеннымъ удовольствіемъ обращаемъ вниманіе читателей на изданныя нынѣ брошюры, изъ которыхъ можно получить довольно полное понятіе объ устройствѣ и значеніи Института.

Начнемъ съ рѣчи. Профессоръ Лоренцъ избралъ предметомъ ея чрезвычайно важный вопросъ и въ началѣ рѣчи прекрасно, хотя и кратко, обрисовываетъ дѣятельность Карла Великаго для распространенія образованности; затѣмъ, сравнивая съ нимъ въ Бозѣ по-

чивающаго Государя Императора Николая I-го, говоритъ о цѣли учрежденія Института и необходимѣйшихъ предметахъ общаго образованія. Хотя рѣчь профессора Лоренца, по обычаю сочиненій подобнаго рода, написана очень краснорѣчивымъ слогомъ, но тѣмъ не менѣе въ ней встрѣчается нѣсколько мыслей, въ которыхъ мы узнаемъ проницательный умъ историка, столь уважаемаго нами за его курсъ всеобщей исторіи. Говоря о цѣли учрежденія Института, г. Лоренцъ прекрасно выражаетъ ее въ слѣдующихъ краткихъ чертахъ: «Государь Императоръ хотѣлъ, чтобы общественное и частное воспитаніе утверждалось на прочныхъ основаніяхъ и слѣдовало тому направленію, которое не приводитъ только къ гуманности грубые нравы и дѣлаетъ изъ пустыхъ и безполезныхъ людей благородныхъ и полезныхъ членовъ общества, но которое особенно укореняетъ въ душѣ страхъ Божій, любовь къ отечеству и повиновеніе начальству». (Стр. 9.)

Къ достиженію этихъ высокихъ цѣлей направлено все устройство Института, свѣдѣнія о которомъ сообщаются въ «Описаніи» его. Строжайшій надзоръ и повѣрка всѣхъ дѣйствій студентовъ, предупрежденіе всякаго случая, гдѣ бы студенты могли дѣйствовать сами по себѣ, подведеніе всѣхъ возможныхъ случайностей подъ неизмѣнныя правила Устава, доведены здѣсь до изумительнаго совершенства. Студенты ни въ чемъ не предоставлены самимъ себѣ; попечительное начальство слѣдитъ за ними на каждомъ шагу и опредѣляетъ ихъ дѣйствія до малѣйшихъ подробностей. На лекціяхъ профессора не ограничиваются чтеніемъ лекцій, но постоянно обращаются къ учащимся съ вопросами и, по надлежащимъ съ ихъ стороны усвоеніи пройденныхъ предметовъ, заставляютъ самихъ студентовъ о нихъ объясняться». («Опис.» стр. 12.) Учебными книгами студенты снабжаются «по требованію преподавателей и распоряженію инспектора» (стр. 20), а изъ неучебныхъ могутъ брать изъ библіотеки только «книги, одобряемыя профессоромъ, съ разрѣшенія директора или инспектора, и не болѣе какъ по одному сочиненію для каждаго изъ изучаемыхъ ими предметовъ» [1]) (стр. 21). Независимо отъ наблюденія профессоровъ и прочихъ преподавателей за поведеніемъ студентовъ, въ классахъ общій надзоръ за благоустройствомъ и тишиною учащихся имѣетъ еще инспекторъ (стр. 22). Весь день студентовъ распредѣленъ очень подробно. Вотъ что говоритъ «Описаніе» (стр. 23—4):

---

[1]) Впрочемъ, на стр. 16 сказано, что, для нѣкоторыхъ спеціальныхъ ученыхъ изслѣдованій по части филологіи и исторіи, студенты, по указанію профессоровъ, получали доступъ въ Императорскую Публичную Библіотеку и въ Румянцевскій Музеумъ. Здѣсь, конечно, нужно разумѣть *доступъ* со стороны самого начальства Института, которое, безъ особеннаго указанія профессоровъ, не дозволяетъ студентамъ бывать въ Библіотекѣ и Музеѣ, но никакъ не со стороны начальства этихъ послѣднихъ учрежденій, которыя открываютъ доступъ къ своимъ сокровищамъ всѣмъ и каждому, безъ всякихъ особенныхъ ходатайствъ и указаній.

«Въ 7 часовъ утра студенты должны быть чисто, опрятно и по формѣ одѣты и собираться въ классныхъ комнатахъ *для приготовленія уроковъ.* Въ 8 часовъ они всѣ въ порядкѣ идутъ въ столовую на молитву и занимаютъ тамъ каждый опредѣленное мѣсто. Послѣ утреннихъ молитвъ, читаются апостолъ и евангеліе, по положенію православной церкви, на церковнославянскомъ языкѣ. По окончаніи евангелія, студенты завтракаютъ. Въ 9 часовъ начинаются классы и продолжаются до 3 часовъ. *Въ классахъ студенты занимаютъ опредѣленныя мѣста, назначаемыя имъ по успѣхамъ и поведенію.* Въ $3^1/_4$ часа студенты обѣдаютъ за общимъ столомъ, *соблюдая благопристойность.* Во время стола *они могутъ говорить о предметахъ лекцій своихъ, безъ нарушенія общей тишины, со всею скромностію, отличающею людей образованныхъ.* Отъ $4^1/_2$ до 6 въ I и II курсахъ лекціи. Студенты старшихъ курсовъ употребляютъ это время *на самостоятельныя занятія и отдохновеніе;* въ младшихъ—студентамъ дается для отдохновенія одинъ часъ по окончаніи послѣ-обѣденной лекціи. *Посѣщеніе студентовъ посторонними лицами дозволяется въ свободное отъ занятій время, съ крайнею осмотрительностью, не иначе, какъ въ пріемной залѣ и, притомъ, всякій разъ съ разрѣшенія директора.* Въ 7 часовъ всѣ собираются въ классныхъ комнатахъ, *для повторенія и приготовленія уроковъ.* Въ $8^1/_2$ часовъ ужинъ и потомъ вечерняя молитва. Послѣ вечерней молитвы и кратковременнаго отдохновенія, студенты занимаются приготовленіемъ своихъ уроковъ до $10^1/_2$ часовъ и потомъ отправляются въ спальни, въ сопровожденіи своихъ надзирателей»...

Такимъ образомъ, мы видимъ, что не только учебныя занятія студентовъ, или, какъ говоритъ «Описаніе», составленное г. Смирновымъ, *приготовленіе ими уроковъ,* но даже предметы ихъ разговора, мѣста въ классахъ и за столомъ, свиданія съ знакомыми, отдохновеніе и *самостоятельныя* занятія,—все опредѣляется Уставомъ до мельчайшихъ подробностей. Чтобы не было упущеній во всемъ этомъ, «при студентахъ неотлучно находятся комнатные надзиратели, наблюдающіе неусыпно за всѣми ихъ дѣйствіями. Имъ помогаютъ въ этомъ *старшіе,* избираемые изъ отличныхъ студентовъ». («Опис.» стр. 23.) Кромѣ того, старшій надзиратель наблюдаетъ надъ всѣми ихъ поступками и старается вселять въ нихъ чувства чести, добродѣтели, наблюдая, чтобы они возвращались во-время съ прогулокъ и изъ отпусковъ и не оставались праздными въ назначенные для повторенія уроковъ и приготовленія къ классамъ часы (стр. 25—6). «Директоръ также имѣетъ неусыпное попеченіе объ успѣхахъ и поведеніи студентовъ и употребляетъ всѣ зависящія отъ него мѣры къ поощренію прилежанія и благонравія» (стр. 7).

«Для поощренія же употребляются слѣдующія средства: 1) предоставленіе первыхъ мѣстъ въ классахъ, за столомъ и въ комнатахъ; 2) избраніе отличныхъ студентовъ въ старшіе (для надзора за товарищами); 3) похвальный отзывъ о студентѣ въ присутствіи директора» (стр. 25).

Чтобы показать, до какой степени простирается предусмотрительность институтскаго начальства, выпишемъ еще нѣсколько статей изъ «Описанія». Студенты обязываются «въ дортуарахъ не отворять форточекъ и трубъ, а въ репетиціонныхъ и классныхъ залахъ не трогать лампъ и наблюдать осторожность въ отношеніи къ мебели и паркетнымъ поламъ» (стр. 41). «Дежурные надзиратели обязаны наблюдать, чтобы студенты, идучи въ церковь, сто-

ловую, классы или выходя со двора, были застегнуты на всѣ пуговицы» (стр. 43). При встрѣчѣ съ высшими извѣстными лицами требуется соблюденіе должной учтивости, какъ это исполняется въ отношеніи къ начальникамъ и наставникамъ.

Изъ всего этого читатели могутъ видѣть, какъ ревностно стремится Педагогическій Институтъ къ своей цѣли. Вся исторія его служитъ тому подтвержденіемъ. Въ приложеніи къ «Описанію» напечатанъ алфавитный списокъ выпущенныхъ въ учебную службу изъ Института въ продолженіе 28 лѣтъ его существованія. Число ихъ простирается до 575, и между ними мы находимъ 10 именъ, получившихъ нѣкоторую извѣстность въ литературѣ или наукѣ (въ томъ числѣ г. Касторскій, двое гг. Лавровскихъ и г. Лешковъ). Но по службѣ студенты идутъ весьма счастливо: по указаніямъ г. Смирнова, уже болѣе 30 изъ нихъ занимаютъ мѣста директоровъ и инспекторовъ гимназій или штатныхъ смотрителей училищъ. Это можетъ служить самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ, что идеи строгой подчиненности и тщательнаго исполненія приказаній начальства особенно сильно вкореняются въ душахъ студентовъ и не оставляются ими и по выходѣ изъ заведенія, во все время ихъ службы.

Лежащій передъ нами *Актъ*, съ *напутственнымъ словомъ* директора Института, И. И. Давыдова, и благодарственною рѣчью одного изъ окончившихъ курсъ студентовъ, Александра Чистякова, подтверждаетъ ту же истину. Почтенный директоръ Института торжественно свидѣтельствуетъ здѣсь свою радость о томъ, что окончившіе курсъ студенты «готовы знаніями своими и вѣрною службою Государю принести честь мѣсту своего воспитанія» и только опасается, чтобы они, лишась руководства наставниковъ и воспитателей, не ослѣпились пріобрѣтенною ими мудростію. Для избѣжанія этого, онъ рекомендуетъ имъ, какъ лучшее средство, «сознаніе своей слабости и испрашиваніе помощи Всемогущаго», скрѣпляя свой совѣтъ назидательнымъ изреченіемъ одного учителя Церкви: «не надо знать, чтобы вѣровать, а должно вѣровать, дабы знать».

Студентъ Чистяковъ отвѣчалъ на это рѣчью, исполненною мыслей и чувствованій чисто отроческихъ и ученическихъ, какихъ, конечно, и слѣдовало ожидать отъ системы институтскаго воспитанія, къ которой студенты не могутъ не чувствовать самой горячей признательности.

Этого уже было бы довольно, чтобы судить о высокомъ совершенствѣ, котораго достигъ Главный Педагогическій Институтъ; въ помѣщенномъ «Актѣ» его мы находимъ объ этомъ свидѣтельства еще болѣе ясныя. Въ прошедшемъ году «Отчетъ» г. Смирнова заключался тѣмъ, что Институтъ *сдѣлалъ ощутительные успѣхи въ стремленіи къ предназначенной ему цѣли*; нынѣ же онъ достигъ полнаго совершенства, по единогласному свидѣтельству воспитателей и воспитанниковъ. Благодарственная рѣчь студента Чистя-

кова называетъ Институтъ *«средоточіемъ умственной жизни»* и говоритъ, что здѣсь «всѣ потребности души были предупреждены и удовлетворены»: едва ли хоть одно изъ нашихъ заведеній можетъ похвалиться подобнымъ совершенствомъ!..

Отрадно слышать такое безпристрастное признаніе собственныхъ заслугъ, и еще отраднѣе видѣть, что оно вполнѣ подтверждается каждою строкою правдиваго и откровеннаго «Отчета». Послѣ всего этого справедливо можно надѣяться, что вышедшіе изъ Института сѣятели соберутъ обильную жатву на поприщѣ службы и гражданскаго благочинія.

Но, занявшись внутреннимъ устройствомъ Института и увлеченные горячимъ участіемъ къ его совершенствамъ, мы было позабыли сообщить факты о внѣшнемъ его состояніи. Спѣшимъ исправить свою вину, представляя цифры изъ «Отчета».

Число студентовъ въ Институтѣ нельзя опредѣлить съ точностью, потому что на стр. 5-й напечатано: «нынѣ состоятъ въ Институтѣ 207 студентовъ; изъ нихъ 27 окончившихъ полный курсъ и 81 продолжающихъ ученіе»—явная ошибка, для разрѣшенія которой мы сочли студентовъ по приложенному тутъ же списку (стр. 19—22); но тамъ оказалось продолжающихъ курсъ только 78. Такимъ образомъ, число студентовъ Института колеблется между 105, 107 и 108.

Въ теченіе года выбыло изъ Института 12 студентовъ. Причины этого безвременнаго выбытія не указаны.

Нынѣ кончившіе курсъ студенты пробыли въ Институтѣ пять лѣтъ (вслѣдствіе раздѣленія двухгодичныхъ курсовъ на годичные, въ прошломъ году), и послѣ этого 17 изъ нихъ выпущены старшими учителями гимназій, а 10—младшими. Двое получили золотыя медали, 7 человѣкъ—серебряныя.

Большая часть изъ кончившихъ курсъ — въ «Отчетѣ» названо 19 студентовъ — представили диссертаціи для полученія степени. Изъ продолжающихъ курсъ, пять студентовъ тоже представили сочиненія, поименованныя въ «Отчетѣ».

Результатъ этихъ цифръ, конечно, не блестящъ, даже по сравненію съ прежними годами того же Педагогическаго Института; но еще разъ повторимъ, что все это съ избыткомъ замѣняется нравственными совершенствами, которыя такъ хорошо развиваются въ студентахъ вышеуказанными *поощреніями* и *кондуитными списками*, имѣющими, по словамъ г. Смирнова, «рѣшительное вліяніе на опредѣленіе достоинства студентовъ».

Во всякомъ случаѣ, обозрѣвъ общій характеръ устройства Института, мы имѣемъ полное право сказать, что онъ во всемъ вѣренъ мыслямъ, выраженнымъ въ этихъ словахъ его непосредственнаго начальника и руководителя: «мудрость земная не даетъ того, что озаряетъ путь жизни, часто омрачаемый страстями и заблужденіями. Не надобно знать, чтобъ вѣровать, а должно вѣровать, чтобъ знать».

II.

Краткое историческое обозрѣніе дѣйствій главнаго Педагогическаго Института. 1828—1859 г. Спб. 1859 г.

Невозможно безъ чувства глубочайшаго омерзѣнія смотрѣть на людей, ругающихся надъ потерявшимъ силу человѣкомъ, предъ которымъ они падали до ногъ въ то время, какъ онъ былъ силенъ, и которому своимъ раболѣпствомъ даже помогали въ достиженіи его цѣлей. Нужды нѣтъ, что онъ былъ, можетъ быть, величайшій злодѣй и негодяй; нужды нѣтъ, что онъ по своимъ нравственнымъ качествамъ заслуживаетъ, можетъ быть, самаго страшнаго поруганія. Все-таки отвратительно смотрѣть на осла, который лягаетъ безсильнаго льва, приговаривая: «пускай ослиное копыто знаетъ». Тотъ, кто и прежде, въ дни силы этого льва, выходилъ на борьбу съ нимъ и не преклонялся предъ нимъ, тотъ еще имѣетъ право, хотя уже и безплодное, позорить его и во дни его одряхлѣнія: онъ, по крайней мѣрѣ, можетъ сказать, что руководствуется началомъ чистой справедливости и всегда равно возстаетъ противъ своего врага, не обращая вниманія на его положеніе... Но чѣмъ можетъ оправдать себя тотъ, кто подличалъ и пресмыкался предъ неправою силою, пока могъ отъ нея ожидать себѣ чего-нибудь, а потомъ, когда она сломлена и уничтожена, вдругъ выпрямляется и начинаетъ обличать то зло, которое этою силою было произведено!... Такіе люди, позднимъ своимъ возстаніемъ, только увеличиваютъ то презрѣніе, которое и безъ того возбуждается въ душѣ всякаго порядочнаго человѣка раболѣпствомъ ихъ предъ сильною неправдою. Подобное раболѣпство можетъ еще находить нѣкоторое извиненіе себѣ въ слабой степени умственнаго развитія раболѣпствующихъ: они могутъ не понимать всей нелѣпости и зловредности дѣйствій сильнаго лица, которому подчиняются; они могутъ добродушно вѣрить ему, благоговѣть предъ его системою и оставаться вѣрными ей постоянно, даже послѣ его паденія. О такихъ людяхъ можно душевно сострадать, можно ихъ не уважать, какъ людей крайне ограниченныхъ; но не за что питать къ нимъ озлобленіе и отвращеніе. Совершенно противное расположеніе возбуждаютъ люди, доказывающіе, послѣ паденія сильнаго негодяя (котораго они были орудіемъ), что они никогда не сочувствовали его дѣйствіямъ, что ихъ образъ мыслей совершенно противоположенъ тому, что они принуждены были дѣлать прежде. Подобнымъ объявленіемъ эти люди обнаруживаютъ только то, что они до сихъ поръ были подлы по расчетамъ, раболѣпны изъ видовъ, содѣйствовали дурнымъ затѣямъ сильнаго бездѣльника совершенно сознательно, очень хорошо понимая всю ихъ мерзость... Такіе люди гнусны и презрѣнны до послѣдней сте-

пени; нѣтъ въ русскомъ языкѣ столь крѣпкаго слова, которое могло бы вполнѣ выразить всю силу презрѣнія, которое долженъ питать къ нимъ всякій порядочный человѣкъ.

Всѣ эти мысли пришли намъ въ голову по поводу многихъ легкомысленныхъ толковъ, сопровождавшихъ закрытіе Главнаго Педагогическаго Института. Люди, которые прежде не говорили о немъ ни одного слова, или даже всячески восхваляли его, принялись теперь бранить его, на чемъ свѣтъ стоитъ. Начали толковать о его коренной несоотвѣтственности съ требованіями здравой педагогіи, о ложности системы, господствовавшей въ немъ въ послѣднее время, о недостаткахъ его административнаго и хозяйственнаго устройства, и т. п. Положимъ, что эти толки даже и справедливы, положимъ, что недостатковъ было дѣйствительно много... Но зачѣмъ же молчали о нихъ во все время существованія Института, зачѣмъ только въ послѣднее время заговорили о нихъ и въ обществѣ, и въ администраціи, и въ литературѣ? Сколько намъ помнится, до закрытія Института только одинъ насмѣшливый голосъ раздался противъ мелочности и формальности, слишкомъ уже укоренившихся въ немъ. Голосъ этотъ раздался, ровно три года назадъ, въ «Современникѣ», и на него въ свое время обратили вниманіе многіе изъ интересующихся дѣловъ, но потомъ, разумѣется, и о немъ забыли, а новыхъ голосовъ не было слышно... И вдругъ теперь поднялись съ возгласами противъ Педагогическаго Института даже тѣ, которые еще очень недавно ницъ падали предъ его совершенствами... «Современникъ» не послѣдуетъ ихъ примѣру: онъ теперь не будетъ ни смѣяться, ни ругаться *надъ умершимъ*, а только представитъ спокойное и безпристрастное изложеніе исторіи Института, по отчету, составленному и недавно обнародованному ученымъ секретаремъ, старшимъ надзирателемъ и адъюнктомъ Института, А. Смирновымъ.

Главный Педагогическій Институтъ основанъ въ 1828 г. Первымъ деректоромъ его былъ, до 1847 г., Ѳ. И. Миддендорфъ, вторымъ — до 1859 г. (до самаго рѣшенія о закрытіи) академикъ И. Давыдовъ. При Ѳ. И. Миддендорфѣ особая забота была обращена на приготовленіе наставниковъ особенно практическимъ методомъ, и потому при основныхъ, спеціально-педагогическихъ отдѣленіяхъ Института были тогда учреждены три прибавочныхъ отдѣленія, собственно для практики молодыхъ педагоговъ. Все ученіе продолжалось девять лѣтъ, въ трехъ курсахъ, каждый по три года: 1) *малолѣтнее* отдѣленіе, изъ дѣтей 12 — 14 лѣтъ, 2) *предварительный* курсъ, соотвѣтствовавшій общему университетскому, и 3) *окончательный*, собственно педагогическій курсъ, студенты котораго занимались практическимъ преподаваніемъ въ малолѣтнемъ отдѣленіи и въ учрежденномъ при Институтѣ съ 1838 года «Второмъ разрядѣ института», назначенномъ собственно для приготовленія приходскихъ и уѣздныхъ учителей. Такимъ образомъ, прямая цѣль Института, приготовленіе учителей, постоянно имѣлась

въ виду, хотя и ученое образованіе воспитанниковъ не оставлялось безъ вниманія. Изъ пяти выпусковъ, бывшихъ при Ѳ. И. Миддендорфѣ, до 400 воспитанниковъ поступили на педагогическую службу, въ томъ числѣ въ высшія учебныя заведенія поступили — 35. При выбытіи Ѳ. И. Миддендорфа изъ Института, въ немъ было до 170 воспитанниковъ; а въ кассѣ Института до 60 тысячъ рублей экономической суммы.

Съ поступленіемъ въ Институтъ новаго директора, начался новый періодъ его существованія. *Самъ* «*Отчетъ*» признается нынѣ, что періодъ этотъ гораздо слабѣе предыдущаго, вслѣдствіе перемѣнъ, произведенныхъ въ немъ новымъ директоромъ. Къ сожалѣнію, обозрѣніе г. Смирнова сдѣлано слишкомъ на-скоро, и потому въ немъ нѣтъ надлежащей подробности и отчетливости. Даже больше: почти весь отчетъ о второмъ періодѣ Института взятъ *почти буквально*, съ небольшими (по мѣстамъ, впрочемъ, довольно характеристическими) измѣненіями, изъ «Историческаго Обозрѣнія перваго двадцатипятилѣтія Института», читаннаго тѣмъ же г. Смирновымъ, на актѣ юбилея Института, въ 1853 году. Мы рѣшаемся представить здѣсь сличеніе нѣкоторыхъ мѣстъ, подчеркивая только тѣ мѣста, въ которыхъ сдѣланы измѣненія.

Актъ 1853 г., стр. 26.

Таково было направленіе и устройство Главнаго Педагогическаго Института до увольненія перваго директора *онаго, дѣйствительнаго ст. сов. Ѳ. И. Миддендорфа, который, по преклонности лѣтъ и разстройству здоровья, Всемилостивѣйше уволенъ отъ должности, 23 октября 1846 г., при чемъ онъ пожалованъ чиномъ тайнаго совѣтника. Во все время управленія Институтомъ онъ былъ душею всей его дѣятельности; всѣ приращенія къ оному произошли не безъ его желанія и участія и возбуждали въ немъ самое живѣйшее сочувствіе.* Воспитанники его времени, обязанные своимъ наставникамъ пріобрѣтенными теоретическими познаніями въ наукахъ и развитіемъ своихъ способностей, одолжены преимущественно ему своимъ практическимъ умѣньемъ передавать ученикамъ въ классахъ познанія *въ мѣру возраста и постиженіемъ способовъ* развивать умственныя способности дѣтей. *Польза его дѣятельности оправдывается полезною и похвальною службою его питомцевъ.*

Обозрѣніе 1859 г., стр. 8.

Таково было направленіе и устройство Главнаго Педагогическаго Института при первомъ директорѣ *его*, Ѳ. И. Миддендорфѣ. Воспитанники его времени, обязанные своимъ наставникамъ развитіемъ своихъ способностей и пріобрѣтенными познаніями въ наукахъ, одолжены преимущественно ему своимъ практическимъ умѣньемъ передавать ученикамъ въ классахъ познанія, *приноравливаясь* къ ихъ возрасту и понятіямъ, и развивать умственныя способности дѣтей. *При выбытіи его изъ Института, въ стѣнахъ сего заведенія воспитывалось до 170 студентовъ и воспитанниковъ; а въ кассѣ Института было до 59,314 руб. 96 коп. экономической суммы. Одобрительные отзывы бывшаго тогда министромъ народнаго просвѣщенія, С. С. Уварова, объ основательности и хорошемъ направленіи преподаванія въ Институтѣ, неоднократно сдѣланные во всеподданнѣйшихъ отчетахъ (1841—1846 годовъ), свидѣтельствуютъ, что устройство Института въ то время соотвѣтствовало цѣли учрежденія.*

Къ первому періоду Института относится пять выпусковъ, причисляя сюда выпускъ 1847 года. Въ теченіе

этого времени поступило на педагогическую службу до 400 питомцевъ Института изъ разныхъ отдѣленій; изъ этого числа, по окончаніи курса въ факультетахъ, довершили высшее образованіе за-границею и поступили въ высшія учебныя заведенія 21, по особенномъ приготовленіи въ самомъ Институтѣ, поступили въ высшія учебныя заведенія 14, прочіе опредѣлены въ старшіе и младшіе учители гимназій, въ уѣздные и весьма малое число въ приходскіе учители и комнатные надзиратели.

Нельзя не замѣтить, что въ послѣднемъ отчетѣ представлено болѣе фактовъ, свидѣтельствующихъ о процвѣтаніи Института предъ поступленіемъ въ него новаго директора, хотя въ «Обозрѣніи» 1853 г. тѣ же самыя фразы, и даже съ добавленіями еще болѣе громкими. Въ отчетѣ о второмъ періодѣ заимствованій еще больше, измѣненія еще незначительнѣе.

Актъ 1853 г., стр. 27.

Со вступленіемъ въ управленіе Главнаго Института *нынѣшняго Директора, Д. С. С. Ивана Ивановича Давыдова, начался въ исторіи Института новый періодъ. До него Институтъ,* 1) увеличиваясь въ числѣ курсовъ и воспитанниковъ, *несоразмѣрно истощалъ средства содержанія онаго и бѣднѣлъ въ хозяйственномъ отношеніи:* 2) обращая все вниманіе на практику молодыхъ педагоговъ, *упускалъ изъ виду современное быстрое движеніе наукъ, благодаря ихъ развѣтвленію, и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, слабѣлъ въ сравненіи съ университетами, преобразованными уставомъ 1835 года, такъ что питомцы Института, по окончаніи ученія, затруднялись съ такою увѣренностію и честію стремиться къ пріобрѣтенію высшихъ учебныхъ степеней,* по Положенію 1837 г., какъ студенты университетовъ, къ курсамъ которыхъ это положеніе было примѣнено. *Прежде въ этомъ случаѣ помогала студентамъ Института посылка ихъ въ заграничные университеты, для усовершенствованія въ наукахъ; но, съ теченіемъ времени, эта посылка сдѣлалась чрезвычайно затруднительною и, наконецъ, совершенно отмѣнена. Студенты Института могли бы усиленнымъ трудомъ, при помощи своихъ знаменитыхъ профессоровъ, восполнить и этотъ недо-*

Обозрѣніе 1859 г., стр. 9.

По вступленіи въ управленіе Главнымъ Педагогическимъ Институтомъ И. И. Давыдова, *измѣнилось устройство Института и направленіе его дѣятельности. Новый директоръ нашелъ, что Институтъ,* 1) увеличиваясь въ числѣ курсовъ и воспитанниковъ, *долженъ былъ слишкомъ ограничить себя въ статьяхъ содержанія студентовъ и воспитанниковъ;* 2) обращая все вниманіе на практику молодыхъ педагоговъ, *еще не вполнѣ приготовленныхъ къ своему дѣлу, слишкомъ развлекалъ студентовъ и не позволялъ имъ съ надлежащею самодѣятельностію заниматься изученіемъ литературы избранныхъ наукъ и письменными упражненіями;* 3) что въ Институтѣ *распредѣленіе предметовъ по факультетамъ не соотвѣтствовало университетскому и было неудобоприложимо къ положенію объ испытаніяхъ на ученыя степени.*

статокъ: но, употребляя много времени на приготовленіе къ преподаванію наукъ въ двухъ прибавочныхъ отдѣленіяхъ Института и на самое преподаваніе, они не имѣли времени на самодѣятельное обработываніе факультетскихъ предметовъ, на ознакомленіе съ литературою наукъ и на письменныя упражненія, а посему должны были ограничиться честію хорошихъ учителей гимназій; высшая же, почетнѣйшая честь— быть достойнымъ профессоромъ—оставалась недостижимою.

И здѣсь вы встрѣчаете почти однѣ и тѣ же фразы; только въ отчетѣ 1853 г., писанномъ еще при директорствѣ г. И. Давыдова, изложено все дѣло нѣсколько пространнѣе и краснорѣчивѣе. Посмотримъ далѣе.

Актъ 1853 г., стр. 28.

И. И. Давыдовъ, посвятившій всю жизнь педагогическому званію и указавшій уже не одной тысячѣ молодыхъ людей путь въ самое высшее святилище наукъ, будучи притомъ самъ уже заслуженнымъ профессоромъ и ординарнымъ академикомъ, при самомъ вступленіи въ свою настоящую должность, увидѣлъ недостатки въ устройствѣ Гл. Пед. Инст., и быстро сообразивъ средства къ приведенію его въ соотвѣтственное Уставу значеніе, немедленно приступилъ къ исполненію оныхъ. По его представленію, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, Графъ *Сергій Семен. Уваровъ,* исходатайствовалъ, 26 іюля 1847 г, Высочайшее соизволеніе на преобразованіе Г. П. Института *на слѣдующихъ основаніяхъ.*

Такъ какъ, съ одной стороны, при нынѣшнемъ отличномъ состояніи гимназій, уѣздныя училища уже достаточно *снабжаются* учителями изъ учениковъ гимназій *и тѣми изъ воспитанниковъ предварительнаго курса, которые не имѣютъ отличныхъ способностей, чтобы сдѣлаться достойными профессорами или учителями гимназій,*—съ другой стороны, *является много* изъ окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ желающихъ поступить въ Институтъ, для спеціальнаго педагогическаго образованія, то второй разрядъ и малолѣтнее отдѣленіе Института, съ принадлежащимъ къ оному классомъ полупансіонеровъ, *исполнившіе временное свое назначеніе, стали болѣе ненужными.*

Обозрѣніе 1859 г., стр. 10.

Желая возвысить уровень педагогическаго образованія питомцевъ Института распространеніемъ курса ихъ субъективнаго образованія, онъ исходатайствовалъ, чрезъ г. Министра народнаго просвѣщенія, графа Уварова, Высочайшее соизволеніе, 26 іюля 1847 г., на преобразованіе Института *въ таковомъ видѣ.*

Полагая, что уѣздныя училища достаточно *могутъ снабжаться* учителями изъ учениковъ гимназій и что лучшіе воспитанники гимназій *съ охотою будутъ* поступать въ Институтъ для высшаго педагогическаго образованія, *онъ нашелъ* второй разрядъ и малолѣтнее отдѣленіе Института, съ принадлежавшимъ къ послѣднему классомъ полупансіонеровъ, *излишними.*

Далѣе—цѣлыхъ двѣ страницы взяты прямо изъ отчета 1853 г., такъ что ихъ и сравнивать нечего. Затѣмъ слѣдуетъ опять маленькая разница, которую мы отмѣтимъ.

Актъ 1853 г., стр. 32.	Обозрѣніе 1859 г., стр. 11.
Въ скоромъ времени, *по соображенію общаго устройства учебныхъ заведеній, представилась возможность произвести новое преобразованіе въ курсахъ Института.* Такъ какъ среднія учебныя заведенія, при однообразіи и опредѣлительности своихъ программъ и руководствъ, *нынѣ* достаточно *приготовляютъ* лучшихъ своихъ воспитанниковъ къ слушанію высшихъ наукъ, то предварительный курсъ, для сей цѣли при Институтѣ существовавшій, оказывался излишнимъ, и пр.	Въ скоромъ времени, *желая привлечь въ Институтъ лучшихъ воспитанниковъ гимназій, начальство нашло нужнымъ привести устройство Института еще къ большему специализированію.* Такъ какъ среднія учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія, при однообразіи и опредѣлительности своихъ программъ и руководствъ, *могли* достаточно *приготовлять* своихъ воспитанниковъ къ слушанію высшихъ наукъ, то предварительный курсъ, для сей цѣли существовавшій при Институтѣ, оказывался излишнимъ, и пр.

Далѣе, буквально сходно въ обоихъ отчетахъ, разсказывается объ уничтоженіи предварительнаго курса и объ ограниченіи времени ученья въ институтѣ четырьмя годами, вмѣсто шести. Затѣмъ дѣлаются выводы:

Актъ 1853 г., стр. 32.	Обозрѣніе 1859 г., стр. 11.
Курсы приняли надлежащій специальный видъ, и Главный Педагогическій Институтъ могъ теперь надежнѣе приступить къ довершенію высшаго подагогическаго образованія юношей, посвящающихъ себя званію наставниковъ, съ надлежащимъ приготовленіемъ и полнымъ сознаніемъ своихъ силъ и своего важнаго назначенія.	*Эта мѣра, сокративъ время педагогическаго приготовленія, не вполнѣ достигла ожидаемаго успѣха: воспитанниковъ гимназій съ этого времени поступало въ Институтъ не больше прежняго: можетъ быть, причиною тому былъ продолжительный срокъ обязательной службы за институтское образованіе, а еще болѣе, кажется, правила закрытаго заведенія, каковъ былъ въ строгомъ смыслѣ, по уставу своему, Институтъ.*

Затѣмъ въ «Обозрѣніи» г. А. Смирновъ разсказываетъ перемѣны въ Институтѣ, происшедшія уже послѣ 1853 г. Всѣ эти перемѣны вели къ большему спеціализированію занятій студентовъ и къ возвышенію уровня ихъ образованія, съ цѣлію приготовить изъ нихъ не только отличныхъ учителей гимназій, но и достойныхъ профессоровъ университета. Къ сожалѣнію, мѣры эти не были вполнѣ удачны, такъ что изъ студентовъ послѣднихъ выпусковъ, образованныхъ по новой системѣ, только *двое* поступили въ высшія учебныя заведенія (изъ прежнихъ выпусковъ—35). Самое количество воспитанниковъ въ Институтѣ постоянно уменьшалось и, вмѣсто полнаго по штату числа 154, дошло до 94. Причинами этого «Обозрѣніе» полагаетъ, между прочимъ, то, что «быстро

возраставшая въ послѣднее время дороговизна на жизненные припасы, улучшеніе нѣкоторыхъ хозяйственныхъ статей и отнесеніе значительныхъ издержекъ на экономическую сумму Института, истощая средства заведенія, не позволяли по прежнему увеличивать число питомцевъ Института» (стр. 17).

Въ 1853 г. отчетъ г. А. Смирнова оканчивался слѣдующими знаменательными строками, выражавшими тѣ надежды, какія питало начальство заведенія, въ бытность директоромъ его г. И. Давыдова.

«*Преобразованія Главнаго Педагогическаго Института, совершившіяся съ 1847 года, принесли уже утѣшительные плоды: Институтъ, въ хозяйственномъ отношеніи, достигъ блестящаго состоянія; объемъ курсовъ его и направленіе преподаванія дали ему возможность образовать молодыхъ педагоговъ, изъ которыхъ нѣкоторые, прямо по выпускѣ изъ заведенія, съ честію заняли въ университетахъ и Главномъ Педагог. Институтѣ профессорскія каѳедры; не утративъ своего практическаго спеціальнаго направленія, Институтъ съ честію опять (?!) сталъ на почетное мѣсто въ ряду высшихъ учрежденій по части народнаго просвѣщенія*» (стр. 36).

Но, къ сожалѣнію, какъ видно изъ нынѣшняго «Обозрѣнія», надежды эти не оправдались. Опытъ послѣднихъ лѣтъ доказалъ несостоятельность всѣхъ мѣръ, какія были принимаемы новымъ директоромъ Института. Видя, что всѣ доселѣ сдѣланныя преобразованія такъ неудачны, г. И. Давыдовъ самъ рѣшился отказаться отъ нихъ и опять обратиться къ тому же устройству, какое было при Миддендорфѣ. Желая провести эту мысль, онъ въ декабрѣ 1857 г. подалъ г. министру народнаго просвѣщенія записку о новомъ преобразованіи Института. Вотъ что, между прочимъ, приводится изъ записки въ «Обозрѣніи» г. А Смирнова:

«Несмотря на пользу, доставляемую Институтомъ въ нынѣшнемъ его состояніи, до которагo доведенъ онъ путемъ опыта и указаніемъ потребностей, представляется возможность придать ему характеръ, совершенно отличный отъ всѣхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній и тѣмъ содѣйствовать *новому его совершенствованію.*

«Главное затрудненіе въ учебномъ образованіи будущихъ наставниковъ юношества нынѣ встрѣчаетъ Институтъ въ недостаточномъ приготовленіи для этой цѣли поступающихъ въ Институтъ питомцевъ изъ гимназій и семинарій. Для ученаго образованія необходимо основательное изученіе древнихъ языковъ и новыхъ иностранныхъ, вмѣстѣ съ словесностію и исторіею, или всего круга знаній, называемыхъ *studia humaniora*; это—тщательно воздѣланная почва, которой можно повѣрять всѣ добрыя сѣмена; безъ этого приготовительнаго общаго ученія нельзя ожидать вѣрныхъ успѣховъ отъ высшихъ спеціальныхъ курсовъ; нимало не помогутъ педагогическія практическія занятія тѣмъ, которые слабо приготовлены въ начальномъ ученіи.

«Для восполненія недостатка приготовительнаго изученія древнихъ и новыхъ иностранныхъ языковъ, нужныхъ для ученаго образованія, необходимо четырехъгодичное ученіе институтское обратить въ шестилѣтнее и раздѣлить его на три двухъ-годичные курса: 1-й курсъ — общій (*humaniora*), 2-й — спеціальный или факультетскій и 3-й — практическій. Въ первомъ курсѣ студенты должны пре-

имущественно заниматься изученіемъ языковъ древнихъ и новыхъ иностранныхъ, русской словесности, элементарной математики и историческихъ наукъ. Тутъ всѣ учащіеся, поступающіе изъ разныхъ заведеній, могутъ сравняться въ знаніяхъ по всѣмъ преподаваемымъ предметамъ. Во второмъ курсѣ студентовъ предполагалось распредѣлять по факультетамъ историко-филологическому и физико-математическому. Въ третьемъ они должны были заниматься факультетскими предметами практически и упражняться въ педагогикѣ въ общемъ курсѣ, подъ руководствомъ преподавателей. При этомъ раздѣленіи курса ученія, выпуски изъ Института предполагалось производить черезъ каждые два года.»

«Такимъ образомъ,—говоритъ г. Смирновъ—(стр. 19), Институтъ нашелъ необходимымъ возвратиться къ устройству 1828 и 1848 годовъ и положить въ основаніе педагогическаго образованія то, чѣмъ такъ особенно дорожилъ и прежній директоръ, Ѳ. И. Миддендорфъ, — основательное изученіе древнихъ и новыхъ языковъ. Въ этомъ новое направленіе Института сходилось со старымъ. Но такой педагогической практики, если она оказалась необходимою, при новомъ предполагавшемся образованіи Института, питомцы онаго не могли имѣть, какъ имѣли при старомъ устройствѣ 1832—1847 годовъ».

Но при развитіи новыхъ педагогическихъ понятій и требованій и при измѣненіи взгляда на дѣятельность Института во второмъ періодѣ, ошибочность которой созналъ самъ ея виновникъ, предложеніе г. И. Давыдова не было принято. «Главное правленіе училищъ (говоритъ г. Смирновъ) въ засѣданіи 21 октября 1858 г., по разсмотрѣніи дѣла о преобразованіи Главнаго Педагогическаго Института, нашло, что недостатки сего заведенія заключаются въ двухъ главныхъ основаніяхъ его настоящей организаціи: 1) въ условіяхъ *пріема* студентовъ, при которыхъ можетъ нерѣдко случиться, что въ Институтъ поступятъ молодые люди, кои не окажутъ впослѣдствіи ни наклонности, ни достаточныхъ способностей къ званію, къ которому готовятся, и 2) въ самомъ *курсѣ*, лишенномъ практическаго, въ необходимыхъ размѣрахъ, примѣненія преподаваемыхъ студентамъ теорій. Для устраненія этихъ недостатковъ главное правленіе училищъ, обсудивъ основные только вопросы, такъ какъ всѣ дальнѣйшія затѣмъ подробности предполагаемыхъ преобразованій должны зависѣть отъ ближайшихъ соображеній министерства, полагало сообразнымъ съ цѣлію, *упраздивъ Главный Педагогическій Институтъ*, *устроить взамѣнъ онаго*, *особые педагогическіе курсы*, въ которые будутъ принимаемы молодые люди, окончившіе уже курсъ въ университетѣ и избирающіе, слѣдовательно, предлежащее имъ педагогическое поприще сознательно; съ другой стороны, начальство педагогическихъ курсовъ можетъ имѣть достаточное ручательство въ знаніяхъ и природныхъ ихъ способностяхъ. Педагогическіе курсы, соединяя факультетское образованіе съ спеціальнымъ и практическимъ, будутъ продолжаться по два года; они должны быть заведеніями открытыми».

Вскорѣ послѣ этого рѣшенія, директоръ Института, г. И. Да-

выдовъ, назначенъ въ Правительствующій Сенатъ въ Москву; въ Институтѣ остались начальствующими, подъ главнымъ наблюденіемъ г. попечителя Спб. учебн. округа, И. Д. Делянова, г. Тихомандрицкій, самъ бывшій воспитанникомъ Института перваго выпуска и служившій въ немъ инспекторомъ съ 1848 г., и г. А. Смирновъ, тоже давнишній воспитанникъ Института, служившій въ немъ старшимъ надзирателемъ съ 1840 г. Такимъ образомъ они, можно сказать, видѣли начало Института, участвовали въ его дѣятельности, во второмъ ея періодѣ, и теперь видѣли закрытіе этого заведенія...

ПО ПОВОДУ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ Г. ПИРОГОВА.

I.

О ЗНАЧЕНІИ

АВТОРИТЕТА ВЪ ВОСПИТАНІИ.

(Мысли по поводу «Вопросовъ жизни» г. Пирогова.)

Умственное движеніе, возбужденное въ нашемъ обществѣ событіями послѣднихъ годовъ, обратилось недавно и къ вопросамъ о воспитаніи. Теперь у насъ основано уже два педагогическихъ журнала и, кромѣ того, статьи о воспитаніи появляются отъ времени до времени и въ другихъ изданіяхъ. Но первый обратилъ вниманіе на это важное дѣло «Морской Сборникъ», помѣстившій въ началѣ прошлаго года статью о воспитаніи г. Бема, за которою послѣдовали и другія статьи, болѣе или менѣе новыя и справедливыя. Многія изъ этихъ статей находили сочувствіе въ читателяхъ, но ни одна изъ нихъ не имѣла такого полнаго и блестящаго успѣха, какъ «Вопросы жизни» г. Пирогова. Они поразили всѣхъ—и свѣтлостью взгляда, и благороднымъ направленіемъ мыслей автора, и пламенной, живой діалектикой, и художественнымъ представленіемъ затронутаго вопроса. Всѣ, читавшіе статью г. Пирогова, были отъ нея въ восторгѣ, всѣ о ней говорили, разсуждали, дѣлали свои соображенія и выводы. Въ этомъ случаѣ общество предупредило даже литературную критику, которая только подтвердила общія похвалы, не пускаясь въ подробный анализъ статьи и не дѣлая никакихъ своихъ заключеній. Это явленіе весьма много говоритъ въ пользу русской публики, и оно тѣмъ болѣе замѣчательно, что статья Пирогова вовсе не отличается какими-нибудь сладкими разглагольствіями или пышными возгласами для усыпленія нерадивыхъ отцовъ и воспитателей, вовсе не старается поддѣлаться подъ существующій порядокъ вещей, а, напротивъ, бросаетъ прямо въ лицо всему обществу горькую правду; не оби-

нуясь говорить о томъ, что у насъ есть дурного, смѣло и горячо, во имя высочайшихъ, вѣчныхъ истинъ, преслѣдуетъ мелкіе интересы вѣка, узкія понятія, своекорыстныя стремленія, господствующія въ современномъ обществѣ. Сочувствіе публики къ такой статьѣ имѣетъ глубокій, святой смыслъ. Значитъ, при всемъ своемъ несовершенствѣ, при всѣхъ увлеченіяхъ на практикѣ, общество наше хочетъ и умѣетъ, по крайней мѣрѣ, понимать, что хорошо и справедливо, къ чему должно стремиться. Оно уже имѣетъ столько внутренней силы, что не пугается сознанія своихъ недостатковъ, а сознаніе прошедшаго и настоящаго зла есть лучшее ручательство за возможность добра въ будущемъ. Съ глубокой радостью и искреннимъ сочувствіемъ привѣтствуя этотъ благородный порывъ русскихъ людей, мы рѣшаемся высказать по поводу статьи г. Пирогова нѣсколько соображеній, на которыя наводитъ она всякаго мыслящаго читателя. Дѣлаемъ это тѣмъ съ большею смѣлостью, что до сихъ поръ нигдѣ еще не встрѣчали болѣе честнаго развитія тѣхъ мыслей, которыя заключаются въ общихъ афористическихъ положеніяхъ г. Пирогова.

Сущность мыслей, изложенныхъ въ «Вопросахъ жизни», состоитъ въ слѣдующемъ: главныя и высшія основы нашего воспитанія находятся въ совершенномъ разладѣ съ господствующимъ направленіемъ общества Изъ этого выходитъ, что, оканчивая курсъ воспитанія и вступая въ общество, мы находимъ себя въ необходимости, *или* отречься отъ всего, чему насъ учили, чтобы поддѣлаться къ обществу, *или* слѣдовать своимъ правиламъ и убѣжденіямъ, становясь такимъ образомъ противниками общественнаго направленія. Но жертвовать святыми, высшими убѣжденіями для житейскихъ расчетовъ—слишкомъ безнравственно и отвратительно; а итти противъ общества — гдѣ же взять силъ на это? къ такой борьбѣ съ ложнымъ направленіемъ общества воспитаніе совсѣмъ не готовитъ насъ. Оно даже совсѣмъ не заботится о томъ, чтобы вкоренить въ насъ высшія, человѣческія убѣжденія; оно хлопочетъ только о томъ, чтобы сдѣлать насъ учеными, юристами, врачами, солдатами и т. п. Между тѣмъ, вступая въ жизнь, человѣкъ хочетъ имѣть какое-нибудь убѣжденіе, хочетъ опредѣлить, что̀ онъ такое, какая его цѣль и назначеніе. Всматриваясь въ себя, онъ находитъ уже готовое рѣшеніе этихъ вопросовъ, данное воспитаніемъ, а присматриваясь къ обществу, видитъ въ немъ стремленія, совершенно противоположныя этимъ рѣшеніямъ. Онъ хочетъ бороться со зломъ и ложью, — но здѣсь-то и оказывается вся несостоятельность его прежняго воспитанія: онъ не приготовленъ къ борьбѣ, онъ долженъ сначала перевоспитать себя, чтобы выйти на арену бойца... А между тѣмъ, годы летятъ, жизнь не ждетъ, нужно дѣйствовать... и человѣкъ дѣйствуетъ, какъ попало, часто падаетъ подъ бременемъ тяжелыхъ вопросовъ, увлекаясь стремительнымъ теченіемъ толпы то въ ту, то въ другую сторону,— потому что самъ собою онъ не умѣетъ дѣйствовать, въ немъ не

воспитанъ внутренній человѣкъ, въ немъ нѣтъ убѣжденій. А убѣжденія даются не легко: только тотъ можетъ имѣть ихъ, кто *пріученъ съ раннихъ лѣтъ проницательно смотрѣть въ себя*, кто пріученъ съ первыхъ лѣтъ жизни *любить искренно правду*, *стоять за нее горою* и *быть непринужденно откровеннымъ* — какъ *съ наставниками*, такъ и съ сверстниками».

На этомъ останавливается г. Пироговъ. Онъ указываетъ зло въ воспитаніи и доказываетъ свои положенія съ безпощадной, неотразимой логической силой. Онъ даетъ понимать и угадывать причину зла: преобладаніе внѣшности въ самомъ воспитаніи, пренебреженіе внутренняго человѣка. Но какимъ образомъ именно убивается въ дѣтяхъ внутренній человѣкъ, отчего внѣшнее развивается въ нихъ болѣе, отъ какихъ частныхъ вліяній они выходятъ на жизненное поприще неприготовленными, безсильными, — этого г. Пироговъ не разбираетъ подробно, а опять предоставляетъ только угадывать. Мы рѣшаемся высказать здѣсь нѣсколько мыслей объ этомъ, родившихъ въ насъ по прочтеніи «Вопросовъ жизни».

Трактуя съ своихъ педагогическихъ высотъ вопросы о воспитаніи, мы до сихъ поръ очень сильно напоминали басню, въ которой поставили волковъ въ начальники надъ овцами. Здѣсь всѣ обстоятельства были прекрасно соображены, всѣ голоса собраны, только одного не доставало: не спросили самихъ овецъ. Такъ точно, большая часть нашихъ педагогическихъ разсужденій, отлично разбирая вопросы высшей философіи, представляя вѣрныя и полезныя правила съ точки зрѣнія религіозной, государственной, нравственной, обще-психологической и т. п., упускаетъ изъ виду одно весьма важное обстоятельство — дѣйствительную жизнь и природу дѣтей, и вообще воспитываемыхъ... Оттого дитя нерѣдко жертвуется педагогическимъ расчетамъ. Вознесшись на своего нравственнаго конька, воспитатель считаетъ воспитанника своей собственностью, вещью, съ которой онъ можетъ дѣлать что ему угодно. «Дитя не должно имѣть своей собственной воли, — говорятъ премудрые педагоги: оно должно слѣпо подчиняться требованіямъ родителей, учителей, вообще старшихъ. Приказаніе воспитателя должно быть для него высшимъ закономъ и исполняться безъ малѣйшихъ разсужденій. Безусловное повиновеніе — главное и единственное необходимое условіе воспитанія. Воспитаніе своей послѣдней цѣлью и имѣетъ именно то, чтобы на мѣсто *неразумной* воли ребенка, поставить *разумную* волю воспитателя».

Не правда ли, что все это кажется очень логическимъ и справедливымъ? Но, припоминая характеристику этого *разумнаго* воспитанія, сдѣланную въ «Вопросахъ жизни», и сами еще не слишкомъ отдаленные отъ впечатлѣній собственнаго воспитанія и ученія, мы не можемъ безъ недовѣрчивой улыбки слушать логическія разсужденія. Всѣ они, очевидно, обнаруживаютъ только одно: страшную, педантическую гордость почтенныхъ педагоговъ, соеди-

13*

ненную съ презрѣніемъ къ достоинству человѣческой природы вообще. Говоря, что въ лицѣ воспитателя осуществляется для ребенка нравственный законъ и разумное убѣжденіе, они, очевидно, ставятъ воспитателя на недосягаемую высоту, непогрѣшительнымъ образцомъ нравственности и разумности. Не трудно, конечно согласиться, что если бъ возможенъ былъ такой идеальный воспитатель, то безусловное, слѣпое слѣдованіе его авторитету не принесло бы особеннаго вреда ребенку (если не считать важнымъ вредомъ замедленіе самостоятельнаго развитія личностей). Но, во-первыхъ, идеальный наставникъ не сталъ бы и требовать *безусловнаго* повиновенія: онъ постарался бы какъ можно скорѣе развить въ своемъ воспитанникѣ разумныя стремленія и убѣжденія. А, во-вторыхъ, искать непогрѣшимыхъ, идеальныхъ наставниковъ и воспитателей въ наше время было бы еще слишкомъ смѣлая и совершенно напрасная отвага. Для этого требуется слишкомъ много условій. Прежде всего, нравственныя правила воспитателя должны быть безусловно вѣрны и строго проведены по всѣмъ, самымъ частнымъ и мелочнымъ, случайностямъ жизни. Темныхъ вопросовъ, сомнительныхъ случаевъ для него никогда и никакихъ не должно быть: иначе—что же онъ станетъ дѣлать, если въ подобномъ случаѣ придется приказывать ребенку, который всякое предписаніе исполняетъ безусловно, слѣдовательно, вызвать на разсужденіе и соображеніе никакъ не можетъ? Кромѣ того, въ воспитателѣ предполагается еще при этомъ совершенное безстрастіе: онъ не можетъ увлечься ни гнѣвомъ, ни любовью, не можетъ чувствовать лѣни и утомленія, для него не можетъ существовать хорошее и дурное расположеніе духа, онъ долженъ быть не обыкновеннымъ человѣкомъ, а особеннаго рода снарядомъ, въ которомъ долженъ, безъ всякихъ уклоненій, осуществляться нравственный законъ. Но, сколько намъ извѣстно, подобные снаряды еще не изобрѣтены, а если иные и объявляютъ, будто они открыли секретъ такого изобрѣтенія, то въ этомъ опять выражается только ихъ презрѣніе къ человѣческой природѣ и желаніе, во что бы то ни стало, не походить на людей. Если же въ воспитателѣ допустить возможность увлеченія, то какъ можно поручиться за безусловную непогрѣшимость его дѣйствій въ отношеніи къ ребенку? И не лучше ли съ самыхъ первыхъ лѣтъ пріучать ребенка къ разумному разсужденію, чтобы онъ какъ можно скорѣе пріобрѣлъ умѣнье и силы не слѣдовать нашимъ приказаніямъ, когда мы приказываемъ дурно?

Въ умственномъ отношеніи отъ идеальнаго наставника тоже требуется ясность, твердость и непогрѣшимость убѣжденій, чрезвычайно высокое, всестороннее развитіе, обширныя и разнообразныя познанія, приведенныя въ полную гармонію съ общими принципами. Самая натура его должна стоять гораздо выше натуры ребенка во всѣхъ отношеніяхъ. Иначе, что выйдетъ, если учитель будетъ, напримѣръ, восхищаться Державинымъ и заставитъ ученика учить оду Богъ; а тому нравится уже Пушкинъ, а ода Богъ

представляетъ совершенно непонятный наборъ словъ? Что, если цѣлый годъ морятъ надъ музыкальными гаммами ребенка, у котораго пальцы давно уже свободно бѣгаютъ по клавишамъ и который только и порывается играть и играть... Что, если дитя восхищается картиной, статуей, пьесой, любуется цвѣтами, насѣкомыми, съ любопытствомъ всматривается въ какой-нибудь физическій или химическій приборъ, обращается къ своему воспитателю съ вопросомъ, а тотъ не въ состояніи ничего объяснить?... Тутъ уже плохое безусловное повиновеніе! А много ли найдется наставниковъ и воспитателей, которые бы умѣли объяснить *всѣ* дѣтскіе вопросы? Многимъ, конечно, не разъ случалось видать, какъ иногда семи или восьми-лѣтнее бойкое дитя забьетъ въ-пухъ и поставитъ втупикъ иного почтеннаго старичка. А между тѣмъ, этотъ почтенный старичокъ имѣетъ своего воспитанника, который обязанъ безусловно его слушаться!... Этотъ ужъ, конечно, никого втупикъ не поставитъ.

Такимъ образомъ, идеальный воспитатель, не желающій, чтобы ребенокъ разсуждалъ и убѣждался, а требующій только, чтобы онъ слушался, долженъ быть готовъ на все, долженъ знать все, долженъ еще предварительно разрѣшить *всѣ* вопросы, какіе могутъ родиться у воспитанника, обсудить всѣ мнѣнія, соображенія и заключенія, какія могутъ когда-нибудь составиться въ душѣ ребенка. Только съ этой предупредительностью онъ можетъ еще какъ-нибудь вести воспитаніе, не насилуя дѣтской природы. А затѣмъ онъ долженъ имѣть силы вести воспитанника вѣрнымъ и самымъ лучшимъ путемъ на всякомъ поприщѣ. Откроетъ ли онъ въ ребенкѣ наклонность къ музыкѣ, къ живописи, страсть къ батаникѣ, легкость математическаго соображенія, поэтическое чувство, способность къ изученію языковъ, и пр., пр., онъ долженъ быть вполнѣ способенъ развить все это въ своемъ питомцѣ. Если же онъ не можетъ за это взяться, значитъ онъ самъ еще не столько приготовленъ, не столько развитъ, чтобы руководить другихъ. А если такъ, то онъ и не имѣетъ права требовать, чтобы его слушались безусловно.

Но даже если мы допустимъ, что воспитатель всегда можетъ стать выше личности воспитанника (что и бываетъ, хотя, конечно, далеко, далеко не всегда), то во всякомъ случаѣ онъ не можетъ стать выше цѣлаго поколѣнія. Ребенокъ готовится жить въ новой сферѣ, обстановка его жизни будетъ уже не та, что была за 20 — 30 лѣтъ, когда получилъ образованіе его воспитатель. И обыкновенно воспитатель не только не предвидитъ, а даже просто не понимаетъ потребностей новаго времени и считаетъ ихъ нелѣпостью. Онъ старается удержать своего питомца въ тѣхъ понятіяхъ, въ тѣхъ правилахъ, которыхъ самъ держится: стараніе совершенно естественное и понятное, но тѣмъ не менѣе вредное въ высшей степени, какъ скоро оно доходитъ до стѣсненія собственной воли и ума ребенка. Изъ этого происходитъ то, что есте-

ственный смыслъ воспитанника раскрывается медленнѣе, воспріимчивость къ явленіямъ и потребностямъ той жизни, того общества, среди которыхъ придется ему дѣйствовать,—совсѣмъ иногда заглушается старыми предразсудками и мнѣніями, на вѣру принятыми въ дѣтствѣ отъ воспитателей. Такое воспитаніе, безъ сомнѣнія, есть врагъ всякаго усовершенствованія и успѣха и ведетъ къ мертвой неподвижности и застою... вліяніе его отражается уже не на однѣхъ отдѣльныхъ личностяхъ, а на цѣломъ обществѣ.

Если предразсудки и заблужденія стараго поколѣнія насильно, съ малыхъ лѣтъ, вкореняются во впечатлительной душѣ ребенка, то просвѣщеніе и совершенствованіе цѣлаго народа надолго замедляется этимъ несчастнымъ обстоятельствомъ. Горькій опытъ жизни убѣждаетъ, правда, цѣлое поколѣніе въ невѣрности того, о чемъ толковали ему въ дѣтствѣ, и человѣкъ теряетъ часть своего дѣтскаго энтузіазма къ давнимъ внушеніямъ, не оправданнымъ жизнью; но все еще по привычкѣ онъ держится этихъ внушеній и передаетъ ихъ дѣтямъ, только съ меньшею восторженностью, чѣмъ ему самому передавали ихъ. Новое поколѣніе утрачиваетъ еще частичку благоговѣнія къ внушеннымъ мнѣніямъ; но за то родовая привычка усиливается, и чѣмъ дальше, тѣмъ безсознательнѣе и, потому самому, тѣмъ крѣпче держится народъ за преданіе отцовъ. Нужно, чтобы жизнь сдѣлала невозможнымъ приложеніе этихъ, давно ставшихъ мертвыми, преданій; нужно, чтобы явился мощный геній мысли, чтобы заставить общество почувствовать нужду и возможность измѣненія въ принятыхъ неразумныхъ началахъ. И послѣ этого открытія,—какъ медленно, какъ слабо принимается новая мысль, какъ долго не проникаетъ она въ глубину души людей и не распространяется въ массахъ! Прошли столѣтія послѣ того, какъ доказано движеніе земли, а до сихъ поръ простолюдинъ нашъ, слыша безпрестанно, что солнышко взошло и закатилось, смотритъ на него какъ на огромный фонарь, подвигающійся по небесному своду отъ востока до запада. Девять вѣковъ уже Россія оглашается божественнымъ ученіемъ христіанства, но въ народѣ до сихъ поръ живы повѣрья о домовыхъ, водяныхъ и лѣшихъ. Даже тѣ, которые впослѣдствіи теоретически освобождаются отъ дѣтскихъ вѣрованій, на практикѣ долго еще имъ подчиняются. Много есть образованныхъ людей, имѣющихъ хорошее понятіе о явленіяхъ электричества и все-таки прячущихся отъ ужаса въ темную комнату во время грома; точно такъ же, какъ есть множество другихъ, достигшихъ до умѣнья разсуждать объ истинномъ достоинствѣ человѣка, и все-таки въ своемъ знакомомъ цѣнящихъ болѣе всего изящество французскаго выговора и модный жилетъ. Отчего происходитъ это, какъ не отъ вліянія неразумныхъ впечатлѣній дѣтства, перешедшихъ къ ребенку, по несчастію, отъ тѣхъ, кого онъ любитъ или уважаетъ?... «Вліяніе старшихъ поколѣній на младшія неизбѣжно,—скажете вы,—и его нельзя уничтожить, тѣмъ болѣе, что, при дурныхъ сторонахъ, оно

имѣетъ и много хорошихъ: всѣ сокровища знаній, собранныя въ прошедшихъ вѣкахъ, передаются ребенку именно подъ этимъ вліяніемъ, и безъ него нельзя поставить человѣка на ту точку, съ которой онъ долженъ начать въ жизни собственное продолженіе всего, что до него было сдѣлано человѣчествомъ». Возраженіе совершенно справедливое, и мы поступили бы безумно, если бы стали требовать уничтоженія того, что естественно; само по себѣ является, существуетъ и уничтожиться не можетъ. Но мы не видимъ также причины и ратовать за то, что неизбѣжно само по себѣ. Младшее поколѣніе необходимо должно быть подъ вліяніемъ старшаго, и отъ этого проистекаетъ неизмѣримая польза для развитія и совершенствованія человѣка и человѣчества. Никто не станетъ спорить противъ такой очевидной истины; мы говоримъ только о томъ,—зачѣмъ же ставить прошедшее идеаломъ для будущаго, зачѣмъ требовать отъ новыхъ поколѣній *безусловнаго, слѣпого* подчиненія *мнѣніямъ* предшествующихъ? Для чего уничтожать самостоятельное развитіе дитяти, насилуя его природу, убивая въ немъ вѣру въ себя и заставляя дѣлать только *то, чего я хочу*, и только *такъ, какъ я хочу*, и только *потому, что я хочу?*... А объявляя такое *безусловное* повиновеніе, вы именно уничтожаете разумное, правильное, свободное развитіе дитяти. Какъ это вредно дѣйствуетъ на все нравственное существо ребенка, ясно можно видѣть изъ безчисленныхъ опытовъ, равно какъ и изъ теоретическихъ соображеній. Представимъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Прежде всего опредѣлимъ яснѣе, что нужно разумѣть подъ *безусловнымъ* повиновеніемъ. *Безусловный* — значитъ независящій ни отъ какихъ условій и обстоятельствъ, неизмѣнно остающійся при всѣхъ возможныхъ случайностяхъ, не происходящій вслѣдствіе какихъ нибудь внѣшнихъ или внутреннихъ причинъ, но существующій самобытно и самъ въ себѣ заключающій свое оправданіе. Таково именно бываетъ повиновеніе, котораго требуютъ у насъ отъ дѣтей, и котораго необходимость еще недавно доказывалъ весьма сильно въ «Морскомъ Сборникѣ» (1856 г., № 14) г. пасторъ Зедергольмъ. Изъ этого слѣдуетъ, что ребенокъ долженъ слушаться безъ разсужденій, слѣпо вѣровать своему воспитателю, признавать его приказанія единственно непогрѣшительными, а все остальное несправедливымъ, и наконецъ дѣлать все не потому, что это хорошо и справедливо, а потому что это приказано и, слѣдовательно, должно быть хорошо и справедливо.

Посмотримъ же, какое психологическое дѣйствіе можетъ произвести подобное отреченіе отъ своей воли въ дитяти.

Предположимъ сначала идеальныхъ воспитателей и наставниковъ. Ихъ внушенія всегда справедливы, всегда послѣдовательны, всегда соразмѣрны со степенью духовнаго развитія ребенка; они сами любимы и уважаемы дѣтьми. Предположимъ, что подобные воспитатели требуютъ отъ дѣтей повиновенія *безусловнаго*, а не *разумнаго*. Что изъ этого выходитъ?

Отдается приказаніе; ребенокъ исполняетъ его безпрекословно; за это его хвалятъ и награждаютъ. Но въ самомъ поступкѣ нѣтъ ничего достойнаго награды, — ребенокъ потому и исполнилъ приказъ тотчасъ, что приказанное дѣло казалось ему совершенно естественнымъ, что это согласно было съ его собственнымъ желаніемъ; за что его хвалятъ?—Очевидно, за послушаніе.

Дается другое приказаніе; воспитаннику оно не нравится, онъ находитъ его несправедливымъ, неумѣстнымъ и представляетъ свои возраженія. Ему говорятъ, чтобы слушался, а не разсуждалъ, и гнѣваются. Онъ поневолѣ повинуется. Но мысль, что его возраженія были справедливы, остается у него во всей силѣ; за что же, значитъ, бранили его!—Ясно, за что- за непослушаніе.

Подобные случаи повторяются часто, и въ душѣ ребенка мало-по-малу погасаетъ чувство правды, уваженіе къ разумному убѣжденію, и мѣсто его занимаетъ слѣпое послѣдованіе авторитету.

Вы скажите, что впослѣдствіи, сдѣлавшись поумнѣе, воспитанникъ самъ пойметъ, какъ разумны были приказанія воспитателя. Это, конечно, и бываетъ очень часто, и это прекрасно, но только для воспитателя, который такимъ образомъ пріобрѣтаетъ себѣ болѣе уваженія,—но никакъ не для воспитанника, на котораго всѣ подобныя открытія имѣютъ совершенно противное вліяніе. Увидѣвши, черезъ годъ, черезъ мѣсяцъ, недѣлю, день, часъ наконецъ, но во всякомъ случаѣ поздно (потому что дѣло уже сдѣлано и сдѣлано не по убѣжденію, а по приказу),—увидѣвши, что его противорѣчіе было глупо и неосновательно, ребенокъ теряетъ довѣріе къ собственному разсудку, лишается отваги и энергіи въ своихъ собственныхъ разсужденіяхъ, боится составить какое-нибудь собственное мнѣніе и не смѣетъ слѣдовать собственному убѣжденію даже тогда, когда оно представляется ему яснымъ, какъ солнце... А можетъ быть, думаетъ онъ, что-нибудь тутъ не такъ... Вотъ, можетъ быть, пройдетъ нѣсколько времени, и окажется, что я неправъ... Отсюда нерѣшительность, медленность, вялость, выжиданіе въ дѣйствіяхъ, — черты, сохраняющіяся на всю жизнь и нерѣдко поражающія насъ въ людяхъ, одаренныхъ замѣчательной силой соображенія въ теоріи, но не имѣющихъ отваги осуществить свои мысли на практикѣ.

А что еще, если ребенокъ былъ правъ въ абсолютномъ смыслѣ, если его противорѣчіе было истинно, съ точки зрѣнія высшихъ принциповъ, а несообразно было только съ житейскими обстоятельствами? Житейскія обстоятельства оправдываютъ воспитателя; ребенокъ понимаетъ это; такъ какъ онъ еще не утвердился въ принципѣ сознательнымъ убѣжденіемъ, то мало-по-малу высшая правда, какъ несогласная съ жизнью, поступаетъ въ разрядъ отвлеченныхъ, негодныхъ мнѣній, пустыхъ бредней...

Вотъ примѣры. Мальчикъ сказалъ въ семействѣ про своего товарища что онъ воръ. Отецъ сталъ бранить сына и приказалъ ему не говорить этого никогда. Мальчику сначала досадно, онъ на-

ходитъ несправедливымъ это запрещеніе, но чрезъ недѣлю, на одномъ вечерѣ, другой его товарищъ упрекнулъ маленькаго вора въ воровствѣ. Поднялась кутерьма: два семейства поссорились, откровеннаго болтуна наказали... Отецъ говоритъ мальчику: вотъ видишь, что можетъ выйти изъ этого?...

Мальчикъ входитъ въ близкія отношенія съ старымъ слугой; гордый гувернеръ бранитъ его и запрещаетъ говорить со старикомъ. Но мальчикъ не слушается и въ одно время такъ зашаливается въ лакейской, что старикъ-слуга безъ церемоніи беретъ его за руку и выпроваживаетъ отъ себя съ приличными поученіями. Мальчику непріятно; гувернеръ, увидя это, приходитъ въ ужасъ и, поддразнивая самолюбіе мальчика, говоритъ: а все оттого, что не слушался! Погоди, онъ тебя еще бить будетъ, если станешь по-прежнему быть съ нимъ за-панибрата!... И мальчикъ раскаивается въ своей дружбѣ со старикомъ, какъ будто въ преступленіи.

Гувернантка приказываетъ дѣвочкѣ вести себя благопристойно,— станъ выпрямить, итти плавно, голову держать прямо, говорить только, когда спрашиваютъ, и т. п. Съ такими правилами пріѣзжаетъ она въ гости. Тамъ много дѣтей, и все такія рѣзвыя, веселыя; они бѣгаютъ, шумятъ, болтаютъ, хохочутъ. Ей тоже хотѣлось бы пристать къ нимъ, но гувернантка говоритъ, это это неблаговоспитанно, и она скучаетъ, съ завистью смотря на веселящихся подругъ, особенно на одну, которая шалитъ больше всѣхъ, и которой, кажется, всѣхъ веселѣй... Но вдругъ эта рѣзвая дѣвочка упала и сломала себѣ ногу... Торжествующая гувернантка говоритъ своей скромной воспитанницѣ: вотъ что значитъ вести себя неприлично!..

И тому подобное. Разсудите безпристрастно, насколько безусловное повиновеніе служитъ здѣсь къ развитію нравственнаго чувства? Не убиваетъ ли, напротивъ, такое воспитаніе и тѣхъ добрыхъ, святыхъ началъ, которыя природны ребенку? Не естественно ли, что при этомъ онъ приметъ исключеніе за правило, извращенный порядокъ за естественный? И кто въ этомъ будетъ виноватъ? Неужели самъ онъ?

А между тѣмъ, какое пышное развитіе могъ бы получить умъ, какая энергія убѣжденій родилась бы въ человѣкѣ и слилась со всѣмъ существомъ его, если бы его съ первыхъ лѣтъ пріучали *думать* о томъ, что дѣлаетъ, если бы каждое дѣло совершалось ребенкомъ съ сознаніемъ его необходимости и справедливости, если бы онъ привыкъ самъ отдавать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и исполнять то, что другими велѣно, не изъ уваженія къ приказавшей личности, а изъ убѣжденія въ правдѣ самаго дѣла!.. Правда, тогда многимъ воспитателямъ пришлось бы отступиться отъ своего дѣла, потому что ихъ воспитанники доказали бы имъ, что они не умѣютъ приказывать!

Убивая въ ребенкѣ смѣлость и самостоятельность ума, *безу-*

словное повиновеніе вредно дѣйствуетъ и на чувство. Соз
своей личности и нѣкоторыхъ правъ человѣческихъ начинает
дѣтяхъ весьма рано (если только оно *начинается*, а не прям
дится съ ними). Это сознаніе необходимо требуетъ удовлет
нія, состоящаго въ возможности слѣдовать *своимъ* стремлен
а не служить безсознательнымъ орудіемъ для какихъ-то чу:
невѣдомыхъ цѣлей. Какъ скоро стремленія ребенка удовл
ряются, т. е. дается ему просторъ думать и дѣйствовать
стоятельно (хотя до нѣкоторой степени), ребенокъ бываетъ
селъ, радушенъ, полонъ чувствъ самыхъ симпатичныхъ, вы
ваетъ кротость, отсутствіе всякой раздражительности, самое
и разумное послушаніе въ томъ, справедливость чего онъ
знаетъ. Напротивъ, когда дѣятельность ребенка стѣсняется, с
ленія его подавляются, не находя ни желаемаго удовлетво
ни даже разумнаго объясненія, когда, вмѣсто сознательной,
ной жизни, дитя, какъ трупъ, какъ автоматъ, должно быть т
послушнымъ орудіемъ чужой воли,—тогда естественно, что
ное и тяжелое расположеніе овладѣваетъ душою ребенка: онъ
новится угрюмъ, вялъ, безжизненъ, выказываетъ непріязнь къ
гимъ и дѣлается жертвою самыхъ низкихъ чувствъ и распо
ній. Въ отношеніи къ самому воспитателю, до тѣхъ поръ,
не усвоитъ себѣ *безусловнаго* достоинства машины, воспитан
бываетъ очень раздражителенъ и недовѣрчивъ. Да и впослѣд
успѣвши даже до нѣкоторой степени обезличить себя, онъ все
остается въ непріятныхъ отношеніяхъ къ воспитателю, тр
щему только *безусловнаго* исполненія приказаній, справедливо,
и смутнымъ инстинктомъ постигая въ немъ притѣснителя и
своей личности, отъ которой, при всѣхъ усиліяхъ, человѣкъ ни
не можетъ совершенно отрѣшиться.

Нужно ли говорить о томъ губительномъ вліяніи, какое
изводитъ привычка къ *безусловному* повиновенію на развитіе
Кажется, совершенно излишне, и мы бы охотно прошли м
ніемъ этотъ пунктъ, если-бы не имѣли предъ глазами стран
положеній г. Зедергольма («Морской Сборникъ» № 14, стр. 38-
утверждающаго, что «усиліе, которое дѣлаетъ дитя, чтобы пр
лѣть собственную волю и подчинить ее чужой, развиваетъ его
ственную силу (!). Этимъ однимъ возбуждается въ душѣ его
вое проявленіе нравственности, первая нравственная борьб
только съ нея начинается собственно *человѣческая* жизнь. А
безпрестаннаго упражненія въ этой борьбѣ, силы его воли
пятся такъ, что онъ послѣ, когда его воспитаніе окончено, в
стояніи повиноваться *самому себѣ* и исполнять то, что разсу
и совѣсть требуютъ отъ него». Все это разсужденіе очень на
наетъ намъ одного благоразумнаго родителя, который, желая
вить въ сынѣ тѣлесную ловкость, клалъ его спиною попере
узкую доску, поднятую аршина на полтора отъ земли, и застав
такимъ образомъ балансировать. Ребенокъ болталъ руками

гами, стараясь найти себѣ точку опоры, не находилъ ея, изнемогалъ и съ страшнымъ крикомъ скатывался съ доски. Развился онъ при такихъ умныхъ мѣрахъ очень уродливо, да еще въ добавокъ никогда не могъ впослѣдствіи даже пройти моста безъ внутренняго содроганія. Вообще эта система—клинъ клиномъ выбивать—давно у насъ извѣстна, и давно мы видимъ ея страшные результаты. Дитя боится темноты,—его запираютъ въ темную комнату; дитя питаетъ отвращеніе къ какому-нибудь кушанью,—его цѣлую недѣлю кормятъ нарочно этимъ кушаньемъ; дитя любитъ сидѣть за книжкой, — его посылаютъ гулять; оно хочетъ бѣгать, — ему велятъ сидѣть на мѣстѣ, — и это дѣлается весьма часто не изъ сознанія необходимости или пользы того, что приказываютъ, а изъ чистыхъ и безкорыстныхъ педагогическихъ видовъ, — чтобы пріучить ребенка къ послушанію... Впрочемъ, наши практическіе воспитатели нѣсколько послѣдовательнѣе г. Зедергольма; они просто говорятъ: «нужно привыкать къ покорности; если теперь его характеръ не переломить, то уже послѣ поздно будетъ». Такимъ образомъ они откровенно признаются, что имѣютъ въ виду подарить обществу будущихъ Молчалиныхъ. Но г. Зедергольмъ увѣряетъ, что послушаніемъ укрѣпляется сила воли! Да помилуйте, вѣдь это все равно, какъ если бы я, уничтожая всякій порывъ разсудка въ моемъ воспитанникѣ, каждый разъ говоря ему: не разсуждайте (какъ и дѣлается обыкновенно у воспитателей, требующихъ *безусловнаго* повиновенія), вздумалъ бы вывести такого рода заключеніе: «этимъ развиваются его умственныя способности, потому что тутъ онъ долженъ соображать внутренно и взвѣшивать справедливость моего мнѣнія и несправедливость своихъ возраженій». Не правда ли, что это столь же логическое предположеніе, какъ и г. Зедергольма? И какъ легко такимъ образомъ воспитывать дѣтей!

Напрасно г. Зедергольмъ указываетъ на *борьбу*. Здѣсь собственно нѣтъ борьбы, а есть только уступка безъ бою, которая, при частомъ повтореніи, производитъ не крѣпость воли, а нравственное разслабленіе. Да если и бываетъ въ самомъ дѣлѣ борьба, то самая неразумная: съ одной стороны, внутренняя сила, природное влеченіе, которое ребенку представляется правильнымъ, а съ другой — внѣшнее, непонятное давленіе чужаго произвола, или того, что ребенокъ считаетъ произволомъ... При *безусловномъ* повиновеніи побѣда обыкновенно остается на сторонѣ *внѣшней* силы, и это обстоятельство неизбѣжно должно убить внутреннюю энергію и отбить охоту отъ противодѣйствія внѣшнимъ вліяніямъ. Притомъ не нужно упускать изъ виду еще одного обстоятельства: многія изъ приказаній, отдаваемыхъ ребенку, бываютъ такого рода, что онъ не имѣетъ о нихъ опредѣленнаго мнѣнія, и ему лично все равно — исполнить ихъ или не исполнить. Не понимая, зачѣмъ и почему, онъ дѣлаетъ то, что велѣно, только потому, что это велѣно. Тутъ уже борьбы никакой нѣтъ, а господствуетъ полная безсознательность, обращающаяся потомъ въ привычку. Воспитан-

ный такимъ образомъ человѣкъ во всю свою жизнь остается подъ различными вліяніями, которыя опредѣляются не разумной необходимостью, не обдуманнымъ выборомъ, а просто случаемъ. Въ чьи руки человѣкъ прежде всего попадается, тому будетъ слѣдовать.

Каково вліяніе *безусловныхъ* приказаній на *совѣсть* (на что указываетъ также г. Зедергольмъ), можно понять изъ всего, что было до сихъ поръ сказано. Привыкая дѣлать все безъ разсужденій, безъ убѣжденія въ истинѣ и добрѣ, а только по приказу, человѣкъ становится безразличнымъ къ добру и злу и безъ зазрѣнія совѣсти совершаетъ поступки, противные нравственному чувству, оправдываясь тѣмъ, что «*такъ приказано*».

Это все слѣдствія, необходимо вытекающія изъ самой методы абсолютнаго повиновенія. Но вспомните еще, сколько съ ней сопряжено другихъ неудобствъ, являющихся при исполненіи. Приказанія воспитателя могутъ быть несправедливы, непослѣдовательны и, такимъ образомъ, будутъ искажать природную логику ребенка. Если наставниковъ и воспитателей нѣсколько, они могутъ противорѣчить другъ другу въ своихъ приказаніяхъ, и дитя, обязанное всѣхъ ихъ равно слушаться, попадаетъ въ темный лабиринтъ, изъ котораго выйдетъ не иначе, какъ только совершенно потерявши сознаніе нравственнаго долга (если не успѣетъ дойти само до *своихъ* правилъ и, слѣдовательно, до презрѣнія наставниковъ). Всѣ недостатки воспитателя, нравственные и умственные, легко могутъ перейти и къ воспитаннику, пріученному соображать свои дѣйствія не съ нравственнымъ закономъ, не съ убѣжденіемъ разума, а только съ волею воспитателя.

Такимъ образомъ, отсутствіе самостоятельности въ сужденіяхъ и взглядахъ, вѣчное недовольство въ глубинѣ души, вялость и нерѣшительность въ дѣйствіяхъ, недостатокъ силы воли, чтобы противиться постороннимъ вліяніямъ, вообще обезличеніе, а вслѣдствіе этого легкомысліе и подлость, недостатокъ твердаго и яснаго сознанія своего долга и невозможность внести въ жизнь что-либо новое, болѣе совершенное, отличное отъ прежде установленныхъ порядковъ, — вотъ дары, которыми *безусловное* повиновеніе при воспитаніи надѣляетъ человѣка, отпуская его на жизненную борьбу!.. И съ такими-то качествами человѣкъ долженъ ратовать за свои убѣжденія противъ цѣлаго общества, и онъ, привыкшій жить чужимъ умомъ, дѣйствовать по чужой волѣ, онъ долженъ вдругъ поставить *себя* мѣркою для цѣлаго общества, долженъ сказать: вы ошибаетесь, я правъ; вы дѣлаете дурно, а вотъ какъ нужно дѣлать хорошо!... Да гдѣ же онъ возьметъ столько силы? Во имя чего онъ будетъ бороться? Неужели во имя авторитета своихъ наставниковъ, которые до сихъ поръ управляли его жизнью и понятіями? Да кто же, наконецъ, далъ ему право на это? Собственно говоря, его отношенія и теперь нисколько не измѣнились: до сихъ поръ были подчиненныя отношенія въ воспитаніи и обученіи, теперь настали точно такія же отношенія въ службѣ и общежитіи.

Какая же голова можетъ переварить такое умозаключеніе: вотъ черта—пятнадцать, двадцать лѣтъ, — до которой ведутъ тебя, заставляя безпрекословно и *безусловно слушаться* другихъ; это дѣлается для того собственно, чтобы, перешедши черезъ эту черту, ты умѣлъ *бороться* съ другими. Гораздо естественнѣе заключить, что и въ послѣдующей жизни человѣкъ долженъ вести себя именно такъ, какъ до сихъ поръ заставляли его.

Всѣ эти соображенія имѣютъ въ виду, разумѣется, совершенный успѣхъ системы *безусловнаго* повиновенія. Но есть натуры, съ которыми подобная система никакъ не можетъ удаться. Это натуры гордыя, сильныя, энергическія. Получая нормальное, свободное развитіе, онѣ высоко поднимаются надъ толпою и изумляютъ міръ богатствомъ и громадностью своихъ духовныхъ силъ. Эти люди совершаютъ великія дѣла, становятся благодѣтелями человѣчества. Но задержанные въ своемъ самобытномъ развитіи, сжатые пошлою рутиною, узкими понятіями какого-нибудь, весьма ограниченнаго, наставника, не имѣя простора для размаха своихъ крыльевъ, а принужденные брести тѣсной тропинкой, которая воспитателю кажется совершенно удобной и приличной, эти люди или впадаютъ въ апатичное бездѣйствіе, становясь лишними на бѣломъ свѣтѣ, или дѣлаются ярыми, слѣпыми противниками именно тѣхъ началъ, по которымъ ихъ воспитывали. Тогда они становятся несчастны сами и страшны для общества, которое принуждено гнать ихъ отъ себя. Самый яркій примѣръ подобнаго оборота дѣла представляетъ *Вольтеръ*, воспитанный въ благочестивыхъ, основанныхъ на строгомъ, мертвомъ повиновеніи, правилахъ іезуитскихъ школъ. Одинъ разъ дошедши до убѣжденія въ неправости своего учителя, подобный ученикъ уже не останавливается... Да и что могло бы остановить его? И хорошее и дурное, и ложное и справедливое у него перемѣшано въ приказаніяхъ безусловныхъ и представляется ему подъ призмой стѣсненія его личности. Нравственное чувство въ немъ не развито, умъ не пріученъ къ спокойному, медленному обсуживанію своихъ дѣйствій; все, что онъ знаетъ и чему вѣритъ, вбито ему въ голову насильно, безъ всякаго участія его собственной воли и чувства. Поэтому весь внутренній міръ, какъ развитый имъ не отъ себя, а навязанный извнѣ, представляется ему чѣмъто чуждымъ, внѣшнимъ, и весь, разомъ, безъ большого труда, опрокидывается, особенно, если при этомъ вмѣшается еще какоенибудь вліяніе, совершенно противоположное вліянію воспитателей. Въ ожесточеніи противъ угнетавшихъ его, онъ развиваетъ въ себѣ духъ противорѣчія и становится противникомъ уже не злоупотребленій только, а самыхъ началъ, принятыхъ въ обществѣ. Разумѣется, его ждетъ скорая гибель, или жизнь, полная скорбнаго недовольства самимъ собою и людьми, пропадающая въ безплодныхъ исканіяхъ, съ неумѣньемъ остановиться на чемъ-нибудь. И сколько благородныхъ, даровитыхъ натуръ сгибло такимъ образомъ, жертвою учительской указки, иногда съ жалобнымъ шумомъ, а

чаще, просто, въ безмолвномъ озлобленіи противъ міра, безъ шума, безъ слѣда.

Но чего вы хотите? спросятъ насъ: — неужели же можно предоставить ребенку полную волю, ни въ чемъ не останавливая его, во всемъ уступая его капризамъ?...

Совсѣмъ нѣтъ. Мы говоримъ только, что не нужно дрессировать ребенка, какъ собаку, заставляя его выдѣлывать тѣ или другія штуки, по тому или другому знаку воспитателя. Мы хотимъ, чтобы въ воспитаніи господствовала разумность, и чтобы разумность эта вѣдома была не только учителю, но представлялась ясно и самому ребенку. Мы утверждаемъ, что всѣ мѣры воспитателя должны быть предлагаемы въ такомъ видѣ, чтобы могли быть вполнѣ и ясно оправданы въ собственномъ сознаніи ребенка. Мы требуемъ, чтобы воспитатели выказывали болѣе уваженія къ человѣческой природѣ и старались о развитіи, а не о подавленіи *внутренняго человѣка* въ своихъ воспитанникахъ, и чтобы воспитаніе стремилось сдѣлать человѣка нравственнымъ — не по привычкѣ, а по сознанію и убѣжденію.

«Но это смѣшная и нелѣпая претензія,—скажутъ глубокомысленные педагоги, презрительно улыбаясь въ отвѣтъ на наши доводы. Развѣ можно отъ маленькаго дитяти требовать правильнаго обсужденія высокихъ нравственныхъ вопросовъ, развѣ можно *убѣждать* его, когда онъ не развитъ на столько, чтобы понимать убѣжденія? Безумно было бы, посылая мальчика гулять, читать ему цѣлый курсъ физіологіи, чтобы доказать, почему и какъ полезна прогулка, точно такъ, какъ было бы нелѣпо, задавая таблицу умноженія, перебирать всѣ математическія дѣйствія, въ которыхъ она необходима, и отсюда уже вывести пользу ея изученія... Главная задача воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы добиться, во что бы то ни было, безпрекословнаго исполненія воспитанникомъ приказаній высшихъ, и если нельзя достигнуть этого посредствомъ убѣжденія, то надо добиться посредствомъ страха».

Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ одинъ недостатокъ — принятіе нынѣшняго statu quo за нормальное положеніе вещей. Я съ вами согласенъ, что дѣти неразвиты еще для яснаго пониманія своихъ обязанностей; но въ томъ-то и состоитъ ваша обязанность, чтобы развить въ нихъ это пониманіе. Для этого они и воспитываются. А вы, вмѣсто того, чтобы внушать имъ сознательныя убѣжденія, подавляете и тѣ, которыя въ нихъ сами собою возникаютъ, и стараетесь только сдѣлать ихъ безсознательными, послушными орудіями вашей воли. Увѣрившись, что дѣти не понимаютъ васъ, вы преспокойно сложили руки, воображая, что вамъ и дѣлать нечего больше, какъ сидѣть у моря и ждать погоды: авось, дескать, какъ-нибудь раскроются способности, когда подростетъ ребенокъ, — тогда и потолковать съ нимъ можно будетъ, а теперь пусть дѣлаетъ себѣ что приказано. — Въ такомъ случаѣ, на что же вы и поставлены, о, глубоко-мудрые педагоги? Зачѣмъ же тогда и вос-

питаніе?... Вѣдь вашъ прямой долгъ—добиться, чтобы васъ понимали!... Вы для ребенка, а не онъ для васъ; вы должны приноровляться къ его природѣ, къ его духовному состоянію, какъ врачъ приноравливается къ больному, какъ портной къ тому, на кого онъ шьетъ платье. «Ребенокъ еще не развитъ»,—да какъ же онъ и разовьется, когда вы нисколько объ этомъ не стараетесь, а еще напротивъ задерживаете его самобытное развитіе? По вашей логикѣ, значитъ, нельзя выучиться незнакомому языку сколько-нибудь разумнымъ образомъ, — потому что, начиная учиться, вы его не понимаете,— а надобно вести дѣло, заставляя ученика просто повторять и заучивать незнакомые звуки, безъ знанія ихъ смысла; послѣ, дескать, когда много словъ въ памяти будетъ, такъ и смыслъ ихъ какъ-нибудь, мало-по-малу, узнается!... Во всѣхъ этихъ возраженіяхъ, едва ли что-нибудь выказывается такъ ярко, какъ желаніе спрятать свою лѣнь и разные корыстные виды подъ покровомъ священнѣйшихъ основъ всякаго добра. Но унижая разумное убѣжденіе, заставляя воспитанника дѣйствовать безсознательно, можно несравненно скорѣе подкопать ихъ, нежели всяческимъ предоставленіемъ самой широкой свободы развитію ребенка... Всѣ эти близорукія сужденія о неразвитости дѣтской природы чрезвычайно напоминаютъ тѣхъ господъ, которые возстаютъ противъ Гоголя и его послѣдователей за то, что эти писатели просто пересыпаютъ изъ пустого въ порожнее, что они никого не научаютъ, и что людей, на которыхъ они нападаютъ, можно пронять только дубиной. а никакъ не убѣжденіемъ... Какъ будто бы дубина можетъ когонибудь и чему-нибудь научить! Какъ будто бы, побивши человѣка, вы чрезъ то дѣлаете его нравственно лучшимъ или можете внушить ему какое-нибудь убѣжденіе, кромѣ развѣ убѣжденія, что вы такъ или иначе сильнѣе его!... Для дрессировки, правда, argumentum baculinum очень достаточенъ: такимъ образомъ лошадей выѣзжаютъ, медвѣдей плясать выучиваютъ и изъ людей дѣлаютъ ловкихъ спеціальныхъ фокусниковъ. Но при всей ловкости въ своемъ мастерствѣ, — ни лошади, ни медвѣди, ни многіе изъ людей, воспитанные такимъ образомъ, ничуть не дѣлаются оттого умнѣе!...

«А какъ же, — говорятъ еще ученые педагоги, — предохранить дитя отъ вредныхъ вліяній, окружающихъ его? Неужели позволить ему доходить до сознанія ихъ вредности собственнымъ опытомъ? Такимъ образомъ ни одинъ ребенокъ не остался бы цѣлъ. Испытавши, напримѣръ, что такое ядъ, или что значитъ свалиться въ окошко изъ четвертаго этажа, дитя навѣрное не останется очень благодарнымъ тому педагогу, который, по особенному уваженію человѣческой природы, принялся бы въ критическую минуту за убѣжденія, а не рѣшился бы просто отнять ядъ или оттащить ребенка отъ окошка»... Оставляя въ сторонѣ всю шутовскую, нелѣпую сторону этого возраженія, по которому, напримѣръ, подчиненный не можетъ спасти утопающаго начальника (потому что онъ отъ него не можетъ требовать безусловнаго повиновенія, а безъ этого спа-

сеніе невозможно), замѣтимъ одно. Дѣти потому-то часто и падаютъ изъ оконъ, и берутъ мышьякъ вмѣсто сахару,—что система безусловнаго повиновенія заставляетъ ихъ только слушаться и слушаться, не давая имъ настоящаго понятія о вещахъ, не пробуждая въ нихъ никакихъ разумныхъ убѣжденій.

Да и хоть бы справедливы были жалобы на неразумность дѣтей! А то и онѣ оказываются чистѣйшею клеветою, придуманною для своихъ видовъ досужимъ воображеніемъ неискусныхъ педагоговъ. Прежде всего можно замѣтить, что не воспитаніе даетъ намъ разумность, такъ же, какъ, напр., не логика выучиваетъ мыслить, не грамматика—говорить, не піитика—быть поэтомъ, и т. п. Воспитаніе, точно такъ, какъ всѣ теоретическія науки, имѣющія предметомъ внутренній міръ человѣка, имѣетъ своею задачею только возбужденіе и проясненіе въ сознаніи того, что уже давно живетъ жизнью непосредственною, безсознательно и безотчетно. Придайте разумность обезьянѣ, съ вашей системой *безусловнаго* повиновенія, и тогда цѣлый міръ съ благоговѣніемъ преклонится предъ этой системой и будетъ по ней воспитывать дѣтей своихъ. Но вы этого не можете сдѣлать, и потому должны смиренно признать права разумности въ самой природѣ ребенка и не пренебрегать ею, а благоразумно пользоваться тѣми выгодами, какія она вамъ представляетъ.

А разумности въ дѣтяхъ гораздо больше, нежели предполагаютъ. Они очень умны и проницательны, хотя обыкновенно и не умѣютъ опредѣлительно и отчетливо сообразить и высказать свои понятія. Логика ребенка весьма ясно выражается въ самое первое время его жизни, и лучшимъ доказательствомъ тому служитъ языкъ. Можно положительно сказать, что трехъ или четырехъ-лѣтнее дитя не слыхало и половины тѣхъ словъ, которыя употребляетъ. оно само составляетъ и производитъ ихъ, по образцу слышанныхъ, и производитъ почти всегда правильно. То же самое нужно замѣтить о формахъ: ребенокъ, не имѣющій понятія о грамматикѣ скажетъ вамъ совершенно правильно всѣ падежи, времена, наклоненія и пр. незнакомаго ему слова, ничуть не хуже, какъ вы сами сдѣлаете это, изучая, уже въ совершенномъ возрастѣ, какой-нибудь иностранный языкъ. Изъ этого слѣдуетъ, что, по крайней мѣрѣ, способность къ наведенію и аналогіи, умѣнье классифицировать весьма рано развивается въ ребенкѣ.

То же самое нужно сказать и о пониманіи связи между причинами и слѣдствіями. Ожогши одинъ разъ палецъ на свѣчкѣ, ребенокъ въ другой разъ уже не схватитъ свѣчи рукою; видя, что зимою бываетъ снѣгъ, а лѣтомъ нѣтъ, ребенокъ при таяніи снѣга, весною, догадывается, что лѣто приближается, и пр., и пр. Всякое дитя ласкается къ тому, кто его ласкаетъ, и удаляется отъ того, въ комъ встрѣчаетъ грубое обращеніе, и т. п.

Мало этого: дѣти очень рано умѣютъ составлять понятія. Узнавши, что такое домъ, книга, столъ и пр., ребенокъ безоши-

бочно узнаетъ всѣ другіе дома, книги, столы, хотя бы вновь увидѣнные имъ не походили на тѣ, которые онъ видѣлъ прежде. Это значитъ, что у него въ головѣ уже составилось понятіе, а для составленія понятія, какъ извѣстно, нужно умѣть сдѣлать и сужденіе, и умозаключеніе...

Съ чего же пришло въ голову многоученымъ педагогамъ, что дитя неспособно понимать разумное убѣжденіе, а можетъ быть управляемо только страхомъ, обманомъ и т. п.? Я никакъ не могу сообразить, отчего же бы это ложное убѣжденіе скорѣе принялось въ душѣ ребенка, нежели правильное. Утѣшить дитя разумно, если оно плачетъ,—нельзя; а сказать: «не плачь, а то тебя бука съѣстъ», или: «перестань, а не то—высѣку»,—можно. Желалъ бы я знать, какое отношеніе между дѣтскимъ плачемъ и букой или розгой, и какая логика предполагается въ ребенкѣ при подобныхъ увѣщаніяхъ?

«Но,—говорятъ,—ребенокъ еще не можетъ разсуждать правильно о частныхъ случаяхъ, потому что онъ не имѣетъ данныхъ: онъ еще такъ мало видѣлъ и знаетъ». Это въ высшей степени справедливо, и обязанность воспитателя въ томъ именно и состоитъ, чтобы сообщить дитяти, сколько возможно скорѣе, возможно наибольшее количество всякаго рода данныхъ, фактовъ, заботясь при этомъ особенно о полнотѣ и правильности воспріятія ихъ ребенкомъ. Поводы къ подобному сообщенію фактовъ можетъ представлять самое противорѣчіе ребенка, на которое не отвѣчать можетъ наставникъ только по лѣности или по трусости своей, а никакъ не по разумному убѣжденію. Вы заставляете вашего воспитанника сдѣлать что-нибудь; онъ говоритъ, что сдѣлать этого нельзя;—а вы ему покажете, *какъ* это сдѣлать. Онъ самъ что-нибудь хочетъ совершить, а вы говорите, что это невозможно, и спрашиваете его, какъ онъ хотѣлъ бы исполнить свое намѣреніе. Онъ разсказываетъ свои мечтательные планы; вы послѣдовательно и подробно доказываете неисполнимость его предпріятія. И въ этомъ одномъ сколько представляется вамъ прекрасныхъ поводовъ передать ребенку множество вѣрныхъ, живыхъ свѣдѣній о законахъ природы, о явленіяхъ духовной жизни человѣка, объ устройствѣ общества! И повѣрьте, что ребенокъ сумѣетъ понять ваши объясненія и принять ихъ къ свѣдѣнію.

Вообще можно сказать, что въ непонятливости дѣтей большею частію виноваты сами взрослые. У насъ обыкновенно жизненныя случайности потрясаютъ нѣсколько твердость чистой логики; de jure и de facto неразрѣшимо переплетаются, и мы, по привычкѣ къ уклоненіямъ, часто допускаемъ такія примѣненія основныхъ принциповъ, или такіе общіе выводы изъ частныхъ фактовъ, которыхъ чистое мышленіе никакъ принять не можетъ. Чистая дѣвственная логика дѣтской головы этого не допускаетъ, и потому всѣ нелогичности, допускаемыя нами незамѣтно для насъ самихъ, изъ деликатнаго почтенія къ statu quo, упорно не понимаются

дѣтьми. Если вы наполнили умъ дитяти вѣрными данными, то вамъ трудно уже будетъ вбить ему въ голову ложное заключеніе, выведенное изъ этихъ данныхъ; если вы заставили его сначала принять ложное основаніе, то вы долго не добьетесь, чтобы онъ правильно смотрѣлъ на слѣдствія, выводимыя вами и логически несоотвѣтствующія принятому началу. Твердое настаиваніе на этихъ нелогичностяхъ, безъ подробнаго и откровеннаго разъясненія обстоятельствъ, ихъ вызвавшихъ, непремѣнно ведетъ къ искаженію природнаго здраваго смысла въ ребенкѣ, и, къ сожалѣнію, такое искаженіе происходитъ у насъ слишкомъ часто.

Столь же много вредитъ понятливости дѣтей и неестественный порядокъ, принятый у насъ вообще въ обученіи. Познанія могутъ быть пріобрѣтаемы только аналитическимъ путемъ; сама наука развивалась такимъ образомъ; а между тѣмъ, даже въ самомъ первоначальномъ обученіи начинаютъ у насъ съ синтеза! Порядокъ совершенно извращенный, отъ котораго происходитъ въ занятіяхъ неясность, запутанность, безжизненность. Каждая наука начинается, напр., введеніемъ, въ которомъ говорится о сущности, важности, пользѣ, раздѣленіи науки, и т. п. Спрашиваю васъ, какъ же вы хотите, чтобы мальчикъ понялъ все это прежде, чѣмъ онъ изучитъ самую науку?—Исторія раздѣляется на древнюю, среднюю и новую; каждая часть дѣлится на слѣдующіе періоды, и пр. На чемъ держится это дѣленіе, къ чему оно примкнетъ въ головѣ мальчика, который объ исторіи понятія не имѣетъ? Географія есть наука, показывающая, и т. д.; она состоитъ изъ трехъ частей: математической, физической и политической. Первая говоритъ о томъ-то, вторая о томъ-то, и пр... Можно ли ожидать, чтобы, начиная съ этого географію, ребенокъ могъ разумно усвоить себѣ что-нибудь?

А между тѣмъ, посмотрите сколько любознательности, сколько жаднаго стремленія къ изслѣдованію истины выказываютъ дѣти. Инстинктъ истины говоритъ въ нихъ чрезвычайно сильно, можетъ быть, даже сильнѣе, нежели во взрослыхъ людяхъ. Они не интересуются призраками, которые создали себѣ люди и которымъ придаютъ чрезвычайную важность. Они не занимаются геральдикой, не пускаются въ филологическія тонкости, не стремятся къ чинамъ и почестямъ (разумѣется, если имъ не натолковали объ этомъ чуть не со дня рожденія). За то, какъ охотно они обращаются къ природѣ, съ какою радостію изучаютъ все дѣйствительное, а не призрачное, какъ ихъ занимаетъ всякое живое явленіе. Они не любятъ отвлеченностей, и въ этомъ ихъ спасеніе отъ насильственно вторгающихся въ ихъ душу умствованій, которыхъ доказать и объяснить часто не можетъ даже тотъ, кто хлопочетъ о вкорененіи ихъ въ душѣ воспитанниковъ. Да, счастливы еще дѣти, что природа не вдругъ теряетъ надъ ними свои права, не тотчасъ оставляетъ ихъ на жертву извращенныхъ, пристрастныхъ, одностороннихъ людскихъ теорій!...

«Но,—скажутъ,—въ дѣтяхъ сильно влеченіе ко злу; необходимо дѣятельно противиться злымъ отъ природы наклонностямъ ребенка». Не разбирая подробно этого мнѣнія, позволимъ себѣ отвѣтить на него словами г. Пирогова, которому, конечно, вполнѣ можно повѣрить, когда дѣло идетъ о свойствахъ человѣческой природы. Вотъ его слова: «добро и зло довольно уровновѣшены въ насъ. Поэтому нѣтъ никакой причины думать, чтобы наши врожденныя склонности, даже и мало развитыя воспитаніемъ, влекли насъ болѣе къ худому, нежели къ хорошему. А законы хорошо устроеннаго общества, вселяя въ насъ довѣренность къ правосудію и зоркости правителей, могли бы устранить и послѣднее влеченіе ко злу».

Но если даже и справедливо, что въ природѣ нашей есть природное влеченіе ко злу, то развѣ вы можете взяться за его уничтоженіе? Вы ли, безпрестанно противорѣчащіе сами себѣ, опровергающіе своими поступками свои же правила, осуждающіе теоретическими принципами свои же поступки, на каждомъ шагу падающіе, жертвующіе велѣніями высшей природы своекорыстнымъ требованіямъ грубаго эгоизма,—вы ли бросаете камень въ невиннаго ребенка и съ фарисейской надменностью возстаете противъ того немногаго, что въ немъ замѣчаете? Нѣтъ, перевоспитайте прежде самихъ себя, и тогда уже принимайтесь за поправленіе природы человѣка во ввѣренныхъ вамъ дѣтяхъ.

Если въ дѣтяхъ нельзя видѣть идеала нравственнаго совершенства, то, по крайней мѣрѣ, нельзя не согласиться, что они несравненно нравственнѣе взрослыхъ. Они не лгутъ (пока ихъ не доведутъ до этого страхомъ), они стыдятся всего дурного, они хранятъ въ себѣ святыя чувства любви къ людямъ, свободной отъ всякихъ житейскихъ предразсудковъ. Они сближаются съ сверстникомъ, не спрашивая, богатъ ли онъ, равенъ ли имъ по происхожденію; у нихъ замѣчена даже особенная наклонность сближаться съ обиженными судьбою, съ слугами, и т. п. И чувства ихъ всегда выражаются на дѣлѣ, а не остаются только на языкѣ, какъ у взрослыхъ; ребенокъ никогда не съѣстъ даннаго ему яблока безъ своего брата или сестры, которыхъ онъ любитъ; онъ всегда принесетъ изъ гостей гостинцы своей любимой нянюшкѣ: онъ заплачетъ, видя слезы матери, изъ жалости къ ней. Вообще, мнѣніе, будто бы въ дѣтяхъ преобладающее чувство — животный эгоизмъ, рѣшительно лишено основанія. Если въ нихъ не замѣтно сильнаго развитія любви къ отечеству и человѣчеству, это, конечно, потому, что кругъ ихъ понятій еще не расширился до того, чтобы вмѣщать въ себѣ цѣлое человѣчество. Они этого не знаютъ, а чего не знаешь, того и не любишь.

Нѣтъ, не напрасно дѣти поставлены въ примѣръ намъ даже Тѣмъ, предъ Кѣмъ съ благоговѣніемъ преклоняются народы, чье ученіе столько вѣковъ оглашаетъ вселенную. Да, мы должны учиться, смотря на дѣтей, должны сами переродиться, *сдѣлаться какъ дѣти*, чтобы достигнуть вѣдѣнія истиннаго добра и правды. Если уже

мы хотимъ обратить вниманіе на воспитаніе, то надо начать
того, чтобы перестать презирать природу дѣтей и считать ихъ н
способными къ воспріятію убѣжденій разума. Напротивъ, на
пользоваться тѣми внутренними сокровищами, которыя предста
ляетъ намъ натура дитяти. Многія изъ этихъ природныхъ б
гатствъ намъ еще совершенно неизвѣстны, многое, по слову Ева
гелія, утаено отъ премудрыхъ и разумныхъ и открыто младе
цамъ!

Эта апологія правъ дѣтской природы противъ педагогическа
произвола, останавливающаго естественное развитіе, имѣла цѣл
указать на одинъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ нашего воспи
нія. Мы не пускались въ подробности, а выставляли на видъ толь
общія положенія, въ надеждѣ, что умные воспитатели, если
гласятся съ нашимъ мнѣніемъ, то и сами увидятъ, что и ка
нужно имъ дѣлать и чего не дѣлать. Искусства обращаться
дѣтьми нельзя передать дидактически; можно только указать осн
ванія, на которыхъ оно можетъ утверждаться, и цѣль, къ котор
должно стремиться. И мы думаемъ, главное, что долженъ имѣ
въ виду воспитатель, это—уваженіе къ человѣческой природѣ
дитяти, предоставленіе ему свободнаго, нормальнаго развитія, ст
раніе внушить ему прежде всего и болѣе всего правильныя пон
тія о вещахъ, живыя и твердыя убѣжденія, заставить его дѣйст
вать сознательно, по уваженію къ добру и правдѣ, а не и
страха и не изъ корыстныхъ видовъ похвалы и награды...

Исполнить это трудно, но не невозможно. Начало подобнаго обр
щенія къ естественному смыслу дѣтей было уже положено сли
комъ за полвѣка назадъ,—благороднымъ и безкорыстнымъ фила
трономъ воспитателемъ — Песталоцци. По поводу его-то шко
сдѣлано г-жею Сталь многозначительное замѣчаніе, что «непон
маніе дѣтей происходитъ всегда болѣе отъ темноты изложенія,
жели отъ трудности самыхъ наукъ» (De l'Allemagne). Тысячи оп
товъ подтвердили это замѣчаніе съ тѣхъ поръ, какъ оно было в
сказано, и мы съ горестью должны сознаться, что оно и до си
поръ не потеряло своей справедливости. И не только умственн
но,—что еще болѣе грустно,—даже нравственное воспитаніе дѣт
страдаетъ у насъ тою же голословностью, внѣшностью, мертве
ностью. Освободиться отъ этого жалкаго состоянія, обратить вн
маніе не на мертвую букву, а на живой духъ, не на исполнен
внѣшней формы, а на развитіе внутренняго человѣка, — вотъ з
дача, которой выполненіе предстоитъ современному русскому во
питанію.

—⁂—

II и III.

Собраніе литературныхъ статей *Н. И. Пирогова.* **Съ портретомъ автора. Изданіе редакторовъ Одесск. Вѣстника,** *А. Богдановскаго* **и** *А. Георгіевскаго.* **Одесса.** 1858.

Рѣчи и отчетъ, **читанные въ торжественномъ собраніи Московской Практической Академіи коммерческихъ наукъ,** 17 **дек.** 1858 **г. Москва.** 1858 **г.**

Обѣ эти книжки, въ одно время попавшія къ намъ къ руки, навели насъ на размышленія очень грустныя. Въ нашей общественной жизни бываютъ явленія, которыя могутъ иногда увлечь на минуту добродушнаго человѣка и внушить ему отрадное чувство. Къ числу такихъ явленій принадлежитъ «Отчетъ Московской Практической Академіи», составленный инспекторомъ ея, извѣстнымъ профессоромъ М. Я. Киттары. Но рядомъ съ этими явленіями у насъ такъ много неразрѣшенныхъ вопросовъ и неудовлетворенныхъ потребностей, такъ давно уже тревожатъ насъ разнородныя ожиданія чего-то новаго и лучшаго, что мы мгновенно падаемъ, какъ бы съ облаковъ, при первомъ звукѣ строгаго голоса, провозглашающаго высшія требованія разума и справедливости. Внезапно очнувшись, мы видимъ, что то̀, чѣмъ мы сейчасъ восхищались, представляетъ не болѣе, какъ намекъ на то, что̀ нужно дѣйствительно, мы убѣждаемся, что относительное улучшеніе сочли за положеніе нормально-хорошее, и намъ становится грустно и горько. Мы видимъ предъ собою робкія начинанія, слабыя попытки, больше словъ, чѣмъ дѣла, и даже въ словахъ какую-то нерѣшительность, дуализмъ, желаніе отдѣлаться или прикрыться фразами. И все это вызывается самимъ обществомъ, вынуждается силой обстоятельствъ— даже отъ лучшихъ, отъ передовыхъ людей! Смѣшно становится на самого себя за свои прежнія радужныя надежды, и невольно удивляешься въ это время тѣмъ людямъ, которые умѣютъ силою строгой мысли возвыситься надъ обольщеніями мелочей жизни. Къ числу такихъ людей безспорно принадлежитъ Н. И. Пироговъ, и напечатанныя нынѣ «Литературныя статьи» его служатъ новымъ

тому доказательствомъ, — особенно когда разсматриваемъ ихъ рядомъ съ «Отчетомъ о воспитанiи въ Московской Практической Академiи».

Въ «Собранiи литературныхъ статей» Н. И. Пирогова помѣщены: знаменитая статья его «Вопросы жизни», рѣчь его на новосельи Ришельевскаго лицея и три статьи изъ «Одесскаго Вѣстника»: «Одесская талмудъ-тора», «Быть и казаться» и «Нужно ли сѣчь дѣтей, и сѣчь въ присутствiи другихъ дѣтей». Всѣ эти статьи — педагогическаго содержанiя, и всѣ онѣ предъявляютъ требованiя столь простыя и разумныя, и въ то же время столь высокiя, что предъ ними рѣшительно совѣстно дѣлается похвастаться чѣмъ-нибудь совершеннымъ у насъ доселѣ въ отношенiи къ воспитанiю. Сдѣлаемъ маленькую пробу хоть на «Отчетѣ» профессора Киттары.

Отчетъ его — одинъ изъ тѣхъ, которые могутъ прiятно поразить человѣка, привыкшаго въ офицiальныхъ вѣдомостяхъ видѣть только педантство и формалистику. Г. Киттары начинаетъ свою рѣчь тѣмъ, что «считаетъ нужнымъ представить на благосклонный судъ своихъ слушателей не только отчетъ за прошлый годъ, но и тѣ убѣжденiя, которыя служатъ основой его дѣйствiй». И дѣйствительно, онъ говоритъ о своихъ идеяхъ и направленiи, какое даетъ онъ воспитанiю, о цѣляхъ, которыя имѣетъ въ виду. Все это оживляетъ его отчетъ и даетъ ему характеръ болѣе литературный, нежели офицiальный. Прежде всего разсуждаетъ онъ о цѣли Московской Практической Академiи наукъ и говоритъ, что цѣль ея — «приготовить отечеству честныхъ, образованныхъ, дѣятельныхъ слугъ въ области промышленности, приготовить будущихъ купцовъ русскихъ, возвратить родителямъ, довѣрившимъ воспитанiе дѣтей заведенiю, добрыхъ помощниковъ, достойныхъ преемниковъ ихъ имени». Здѣсь г. Киттары прибавляетъ, что цѣль эта — *«великая и вовсе нелегкая въ исполненiи, особенно въ настоящую пору»*. Тѣмъ интереснѣе знать, какъ же г. Киттары достигаетъ этой великой и нелегкой цѣли. Онъ объясняетъ, что утверждается въ своихъ дѣйствiяхъ на религiозно-нравственномъ основанiи.

«Нравственное воспитанiе (говоритъ онъ) составляетъ первую и главную заботу заведенiя; въ этомъ случаѣ цѣль воспитанiя — развить сознательно два святыя чувства человѣческаго сердца: любовь къ Богу, любовь къ ближнимъ. Религiозно-нравственное направленiе безуклонно проводится по всѣмъ классамъ, по всѣмъ возрастамъ учащихся; въ теченiе всѣхъ восьми лѣтъ преподается имъ законъ Божiй, обязанности христiанскiя, излагаются догматы вѣры. Строго соблюдаются не только всѣ посты, но даже и дни постные въ недѣлѣ. Въ храмѣ нашемъ постоянно слушается всенощная и обѣдня въ дни праздничные, сопровождаемыя пѣнiемъ двухъ хоровъ, составившихся по усердiю къ церкви изъ самихъ же воспитанниковъ. Основываясь на годичномъ знакомствѣ моемъ съ Академiей, я смѣло могу засвидѣтельствовать, что, благодаря усердiю ревностнаго настоятеля нашей церкви и преподавателя закона Божiя, а равно благодаря добрымъ обычаямъ и мѣрамъ, недавно введеннымъ въ заведенiи, наши воспитанники обѣщаютъ быть добрыми христiанами, набожными и религiозными не по наружи только».

Не менѣе обращается вниманія, по словамъ г. Киттары, и на развитіе второго, столь же святого чувства—любви къ ближнему, которое, какъ источникъ честности, «нужно всякому, *а купцу въ особенности*». Для достиженія этихъ цѣлей, въ Практической Академіи находятся надзиратели, которые не только смотрятъ за тишиной и порядкомъ, но и руководятъ дѣтей, изучая ихъ нравы и наклонности. При воспитанникахъ младшихъ классовъ надзиратели находятся безотлучно; начиная съ 3-го класса, присмотръ за нравственностью дѣлается легче; въ 5 и 6-мъ классѣ на нравы дѣйствуютъ преимущественно преподаватели, направляющіе умъ и сердце воспитанниковъ къ добру и пользѣ. Взысканія распредѣлены по возрастамъ; въ низшихъ классахъ употребляются выставка, лишеніе рекреацій, отпуска, отмѣтка на отпускномъ билетѣ, и только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ—тѣлесное наказаніе. «Въ среднихъ и высшихъ классахъ,—говоритъ г. Каттары,—случаи мѣръ взысканія столь рѣдки, что, уважая амбицію этихъ классовъ, я не позволяю себѣ о нихъ распространяться, тѣмъ болѣе, что всѣ они основаны именно на этой амбиціи».

Вообще г. Киттары даетъ видѣть, что заведеніе, ввѣренное его смотрѣнію, находится въ блестящемъ положеніи. «Взыскать за проступокъ не трудно, — говоритъ онъ, — труднѣе предотвратить его; *въ этомъ отношеніи въ заведеніи нашемъ дѣлается все, что позволяетъ возможность и средства*» (стр. 10). При концѣ курса поправки нравственности воспитанниковъ уже поздны; «*къ счастію нужда въ нихъ у насъ не часта*» (стр. 7). «У насъ есть *черная книга*, для ежедневнаго записыванія проступковъ воспитанниковъ и взысканій за нихъ; *понятно*, *что такая система*, сколь ни скучна и ни хлопотлива она въ исполненіи, *вполнѣ достигаетъ цѣли* и опредѣляетъ разумную послѣдовательность самыхъ мѣръ въ исправленіи нравственности» (стр. 7). «Въ заведеніи нашемъ имѣетъ мѣсто и забота о разнообразіи въ жизни воспитанниковъ. Средства, которыми я пользуюсь — развитіе изящнаго вкуса, *а съ нимъ* музыкальные вечера и домашніе концерты, дѣтскій домашній спектакль, московскіе театры, экскурсіи... *Все это дополняетъ жизнь*, *придаетъ ей колоритъ*, *не убиваетъ энергіи*, *а наоборотъ возбуждаетъ*, *потому что* (!) съ правомъ на эти удовольствія тѣсно связаны добрая нравственность и успѣхи. Недавній домашній концертъ въ нашей Академіи доказалъ, что и у насъ можетъ развиться тонкое чувство и вкусъ. *Къ большему развитію этихъ достоинствъ теперь прилагаются у насъ всѣ силы*» (стр. 12). Въ отношеніи къ спеціальному обученію, не совсѣмъ достаточны были доселѣ средства заведенія; но, — говоритъ почтенный профессоръ М. Я. Киттары,—«благодаря теплому сочувствію и одобренію высказанныхъ выше убѣжденій господина попечителя Московской Практической Академіи коммерческихъ наукъ, его сіятельства графа Арсенія Андреевича Закревскаго, гг. членовъ совѣта и общества

любителей коммерческихъ знаній,—многому уже положено начало» (стр. 29).

Послѣ всего этого, г. Киттары имѣлъ, конечно, полное право воскликнуть, въ заключеніе своего отчета: «вотъ наша скромная жизнь, къ которой мы привыкли и которую измѣнять нѣтъ надобности». Онъ смѣло могъ, конечно, отдаться на судъ своихъ слушателей,—между которыми были, безъ сомнѣнія, и упомянутые имъ члены совѣта и пр., и сказать: «вотъ, мм. гг., самый бѣглый очеркъ всѣхъ сторонъ жизни нашего заведенія. Какъ много въ немъ отраднаго или подающаго надежды въ будущемъ, предоставляю вашему безпристрастному обсужденію» (стр. 31).

Итакъ, все содержаніе отчета г. Киттары можно назвать очень отраднымъ. Но пріятное чувство, внушаемое имъ, мгновенно смѣняется грустью и недовольствомъ, когда припомнишь тѣ строгія требованія правды и добра, какія высказываются въ статьяхъ г. Пирогова. Читая Пирогова, мы чувствуемъ, что его разсужденія въ высшей степени просты и естественны, и въ то же время мы невольно смущаемся, сознавая, что не можемъ,—со всѣми нашими такъ-называемыми успѣхами,—выдержать самой легкой его критики. Въ самомъ тонѣ его мы находимъ какую-то особенную силу и самобытность, недостижимую для большей части другихъ, даже очень почтенныхъ людей. Духомъ правды, благородства и глубокаго убѣжденія вѣетъ на насъ все, написанное имъ, и читая его, мы убѣждаемся, что истинно-надежнымъ и всегда-полезнымъ дѣятелемъ у насъ можетъ быть только тотъ, кто не склоняется робко предъ тѣмъ, что мы называемъ разными житейскими конвенансами, кто прямо и твердо идетъ по своей дорогѣ, не позволяя себѣ никакихъ виляній, ни одного двусмысленнаго движенія. Слыша энергическій голосъ, подобный тому, какой раздается въ «Вопросахъ жизни», невольно начинаешь чувствовать, какъ пошло и какъ гадко многое, на что въ другое время смотришь равнодушно и снисходительно. Мы часто говоримъ: «что за бѣда, что такой-то покривилъ душою, погрѣшилъ противъ своихъ убѣжденій; онъ вѣдь сдѣлалъ необходимую уступку обществу; это не мѣшаетъ ему оставаться человѣкомъ честнымъ и почтеннымъ». Конечно, такъ: нельзя презирать человѣка за то только, что онъ, не имѣя съ семьею куска хлѣба, принялъ мѣсто—хоть бы по откупамъ... точно такъ, какъ нельзя винить человѣка который подъ пыткою наклепалъ на себя небывалыя преступленія. Но не зачѣмъ такихъ людей возводить въ герои, и даже вообще трудно положиться на нихъ, если они служатъ по откупамъ и врутъ на себя небывальщину—рѣшительно безъ всякой необходимости. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, способный говорить не то что думаетъ, рѣшающійся самодовольно выставлять предъ другими то, чего самъ не уважаетъ, набирающій пышныя фразы для представленія вещи съ казоваго конца, умѣющій ловко примѣниться къ обстоятельствамъ, ловко польстить чу-

жому самолюбію и даже невѣжеству, — и все это дѣлающій безъ особенной надобности, такъ только, для конвенансовъ,—подобный человѣкъ едва ли можетъ быть вполнѣ надежнымъ общественнымъ дѣятелемъ! Едва ли можно отъ него ожидать непоколебимой твердости и неуклоннаго благородства во всей его дѣятельности. Онъ можетъ быть честнымъ и почтеннымъ человѣкомъ, можетъ имѣть много ума и прекрасныхъ стремленій. Но двусмысленность и противорѣчіе его дѣйствій или словъ все-таки обличаютъ въ немъ, по малой мѣрѣ, легкомысленность и чрезвычайную слабость внутренняго суда надъ собою. Человѣкъ, строго наблюдающій надъ собою, не вступаетъ въ лицемѣрныя отношенія, не говоритъ вовсе о томъ, о чемъ, вслѣдствіе какихъ нибудь неблагопріятныхъ обстоятельствъ, нельзя высказать своихъ мыслей, а если ужъ начинаетъ рѣчь, то говоритъ прямое честное слово. Къ сожалѣнію, немного такихъ неуклонно честныхъ и твердыхъ людей въ нашемъ обществѣ, которое, по замѣчанію г. Пирогова, съ самыхъ первыхъ лѣтъ развиваетъ въ насъ нравственную двойственность, разладъ между «*быть и казаться*». Большая часть изъ насъ, сбиваясь съ толку какой-то странной и произвольной телеологіей, считаетъ лишнимъ строгій судъ надъ дѣлами человѣка, если только они направлены къ хорошей цѣли. Всѣ мы бранимъ іезуитскую школу, но всѣ мы, по словамъ г. Пирогова, «употребляя названіе этой школы, какъ эпитетъ коварства и лжи, подчасъ позволяемъ себѣ пользоваться упругостью ея догмъ». И тутъ, разумѣется, нечего винить отдѣльныхъ людей; надо винить общество и неблагопріятныя обстоятельства развитія. Общественныя отношенія служатъ даже оправданіемъ многихъ не вполнѣ безукоризненныхъ нашихъ дѣйствій, какъ замѣчаетъ и г. Пироговъ. «Свѣта мы, конечно, не исправимъ,—говоритъ онъ:—онъ останется, несмотря на всѣ возгласы моралистовъ, такимъ, какимъ онъ былъ и есть. Такъ почему же въ практической жизни, извѣстной своею непослѣдовательностью, не воспользоваться человѣческими слабостями къ достиженію общей благой цѣли, если эти слабости невинны и непредосудительны». Но, во всякомъ случаѣ, едва ли заслуживаетъ похвалы та легкость, съ которою иные рѣшаются не только просто пользоваться слабостями ближняго для общей благой цѣли, но даже и льстить имъ и притомъ въ такихъ случаяхъ, гдѣ этой лестью ничего, или почти ничего, не достигается. Къ несчастію, многіе изъ нашихъ общественныхъ дѣятелей не хотятъ понять той простой истины, что невеликую пользу для человѣчества можетъ доставить то дѣло, которое надо защищать обманомъ, лицемѣріемъ и потворствомъ рутинѣ и предразсудкамъ.

Рѣдкое исключеніе изъ числа этихъ *многихъ* составляетъ г. Пироговъ. Его идеи и стремленія, рѣзко опредѣленныя, всегда рѣзко и прямо высказываются, и предъ ними нерѣдко блѣднѣетъ все то, что кажется хорошимъ у другихъ. Мы хотѣли это показать на отчетѣ г. Киттары, но увлеклись отступленіемъ, которое, впрочемъ,

какъ увидитъ внимательный читатель, не совершенно напрасно. Обратимся же къ нашему сравненію.

Въ началѣ отчета г. Киттары мы читаемъ, что цѣль Практической Академіи: «*приготовить будущихъ купцовъ русскихъ*, честныхъ слугъ отечеству». Какъ это напоминаетъ извѣстный эпиграфъ къ «Вопросамъ жизни»: «намъ необходимы негоціанты, солдаты, моряки, врачи, юристы, а не люди»... Повидимому, приготовленіе честныхъ купцовъ, вѣрныхъ слугъ отечеству, есть задача превосходная, и мы должны были бы остаться очень довольны мыслью, выраженною у г. Киттары. Но довольство наше пропадаетъ, когда мы вспоминаемъ основныя мысли г. Пирогова объ общемъ образованіи. Намъ уже кажутся очень слабыми и односторонними понятія, провозглашающія науку средствомъ къ приготовленію—не самостоятельныхъ, для себя нормально развитыхъ людей, а *слугъ* какой-то другой, посторонней силы. Мы непріятно поражаемся тѣмъ, что мальчику говорятъ: «учись для того, чтобы *быть достойнымъ преемникомъ имени твоего отца и слугою государства на поприщѣ промышленности*: такова цѣль твоего ученья и всей твоей жизни». Рядомъ съ этимъ внушеніемъ мы ставимъ слова г. Пирогова: «нужно учиться безъ всякой задней мысли, изъ одного глубокаго убѣжденія, что образованіе необходимо, какъ пища. Отецъ, готовый всѣмъ жертвовать для нравственно-жизненной необходимости сына, пусть будетъ твердо увѣренъ, что все прочее въ жизни должно прійти само собою; а если и не придетъ, то онъ все-таки ничего не потеряетъ въ сущности; сынъ съ раннихъ лѣтъ пусть видитъ въ образованіи нравственную необходимость и цѣнитъ его, какъ самую жизнь». Вотъ высшая точка зрѣнія на образованіе,—и какъ неловко спуститься съ ея высоты до мысли о приготовленіи *слугъ и купцовъ!*...

Но въ отчетѣ г. Киттары есть отрадныя мысли, которыя должны сгладить это первое впечатлѣніе. Онъ говоритъ, напримѣръ, тоже въ началѣ отчета, что въ Практической Академіи ищутъ общаго образованія, что «потребность образованія въ быту купеческомъ, къ полной чести этого сословія, достаточно понята». Прекрасно и утѣшительно!... Но что, если это фраза, которая на дѣлѣ оказывается чѣмъ-то очень неопредѣленнымъ, ни да, ни нѣтъ? На такое печальное подозрѣніе наводятъ насъ слѣдующія слова г. Пирогова, грустную правду которыхъ сознаетъ всякій, кто сколько-нибудь присматривался къ нашему обществу. «Мы говоримъ, что любимъ просвѣщеніе. Да это немудрено: намъ нельзя сказать иначе, во-первыхъ потому, что мы привыкли къ этой фразѣ, а во-вторыхъ—мы стыдимся сказать противное, точно такъ же, какъ мы стыдимся показаться на улицѣ въ старомодномъ платьѣ»...

Правда, въ подтвержденіе своей отрадной мысли, г. Киттары указываетъ на увеличеніе воспитанниковъ въ Практической Академіи, въ которую принимаются дѣти *самаго ранняго возраста*, 8, 9, 10 лѣтъ, и изъ которой выпускаются, послѣ осьмилѣтняго

курса, уже зрѣлыми юношами. Въ десять лѣтъ число воспитанниковъ Академіи возросло «*отъ скромной цифры 40 до 220*». Фактъ утѣшительный самъ по себѣ; но и о немъ невеселыя мысли являются въ головѣ, когда перечтешь слѣдующія строки изъ «Вопросовъ жизни».

«На чемъ основано приложеніе реальнаго воспитанія къ самому дѣтскому возрасту?

Одно изъ двухъ: *или* въ реальной школѣ, назначенной для различныхъ возрастовъ (съ самаго перваго дѣтства до юности), воспитаніе для первыхъ возрастовъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго, общепринятаго; *или* же воспитаніе этой школы, съ самаго его начала и до конца, есть совершенно отличное, направленное исключительно къ достиженію одной извѣстной практической цѣли.

Въ первомъ случаѣ, нѣтъ никакой надобности родителямъ отдавать дѣтей до юношескаго возраста въ реальныя школы, даже и тогда, если бы они, во что бы то ни стало, самоуправно и самовольно назначили своего ребенка еще съ пеленокъ для той или другой касты общества.

Во второмъ случаѣ, можно смѣло утверждать, что реальная школа, имѣя преимущественною цѣлію практическое образованіе, не можетъ въ то же самое время сосредоточить свою дѣятельность на приготовленіи нравственной стороны ребенка къ той борьбѣ, которая предстоитъ ему впослѣдствіи при вступленіи въ свѣтъ.

Да и приготовленіе это должно начаться въ томъ именно возрастѣ, когда въ реальныхъ школахъ все вниманіе воспитателей обращается преимущественно на достиженіе главной, ближайшей цѣли, заботясь, чтобы не пропустить времени и не опоздать съ практическимъ образованіемъ. Курсы и сроки ученія опредѣлены. Будущая карьера рѣзко обозначена. Самъ воспитанникъ, подстрекаемый примѣромъ сверстниковъ, только въ томъ и полагаетъ всю свою заботу, какъ бы скорѣе выступить на практическое поприще, гдѣ воображеніе ему представляетъ служебныя награды, корысть и другіе идеалы окружающаго его общества...

Значитъ ли это, что я предлагаю вамъ закрыть и уничтожить всѣ реальныя и спеціальныя школы?

Нѣтъ, я возстаю только противъ двухъ вопіющихъ крайностей.

Для чего родители самоуправно распоряжаются участью своихъ дѣтей, назначая ихъ, едва выползшихъ изъ колыбели, туда, гдѣ, по разнымъ соображеніямъ и расчетамъ, предстоитъ имъ болѣе выгодная карьера?

Для чего реально-спеціальныя школы принимаются за воспитаніе тѣхъ возрастовъ, для которыхъ общее человѣческое образованіе несравненно существеннѣе всѣхъ практическихъ приложеній?»

Неужели это справедливо и въ отношеніи къ тому заведенію, которое такъ прекрасно управляется попеченіями г. Киттары? — подумали мы, и, къ сожалѣнію, въ самомъ же «Отчетѣ» нашли нѣкоторыя подтвержденія мыслей г. Пирогова. Въ Практической Академіи, куда поступаютъ дѣти съ самаго ранняго возраста, многіе изъ предметовъ общаго образованія проходятся очень сжато и легко; исторія всеобщая и русская (вмѣстѣ), равно какъ и естественная исторія, начинается только съ четвертаго класса, по два урока въ недѣлю, да и то въ шестомъ классѣ естественная исторія обращается уже «въ изученіе предметовъ природы, имѣющихъ техническое и торговое приложеніе». Физика преподается только въ 5 и 6 классѣ, математика обращена отчасти въ коммерческую ариѳметику и бухгалтерію; 7-й и 8-й классъ посвящены исключительно техническимъ и торговымъ спеціальностямъ. Такимъ обра-

зомъ, для предметовъ общаго образованія остается немного времени, и самъ г. Киттары сознается, что «эти обстоятельства заставляютъ другія науки излагать въ меньшемъ объемѣ, сравнительно съ гимназіями, выбравъ изъ нихъ только главнѣйшее и существенно-необходимое». Но къ этому признанію г. Киттары дѣлаетъ еще слѣдующее прибавленіе, смыслъ котораго, признаемся, мы не совсѣмъ хорошо поняли. «Этимъ я, впрочемъ, не хочу сказать, — замѣчаетъ онъ, — чтобы въ программахъ гимназическихъ наукъ было много несущественнаго, неглавнаго или ненужнаго (намъ показалось, что онъ сожалѣетъ о невозможности вести въ Академіи курсы столько же пространные, какъ въ гимназіяхъ, а выходитъ совершенно наоборотъ: г. Киттары опасается, чтобъ его слова не приняты были за обиду гимназіямъ); программы эти, безспорно, строго обдуманы, повѣрены длиннымъ опытомъ, направлены къ своей цѣли; я хочу сказать только, что *къ этой цѣли у насъ присоединяется другая* — приготовить учащихся къ спеціальному коммерческому курсу» (стр. 22). Изъ этихъ словъ выводится довольно вѣроятное заключеніе, что г. Киттары считаетъ курсъ Коммерческой Академіи выше гимназическаго, какъ удовлетворяющій двумъ цѣлямъ, вмѣсто одной. Неужели это такъ?... Неужели онъ не признаетъ превосходства общаго образованія и цѣнитъ въ немъ только латинскій языкъ, о которомъ одномъ отзывается съ любовію, говоря, что онъ, *къ сожалѣнію*, не имѣетъ мѣста въ Коммерческой Академіи!...

Въ отношеніи къ самымъ средствамъ воспитанія, г. Киттары, какъ ни старается изобразить ихъ въ свѣтѣ наиболѣе благопріятномъ, но самъ въ одномъ мѣстѣ сознается, что многія изъ этихъ средствъ «вытекаютъ не изъ личнаго его убѣжденія, а обусловлены временной необходимостью» (стр. 12). Такое признаніе опять приводитъ насъ къ словамъ г. Пирогова, который по поводу одесской талмудъ-торы говоритъ: «чтобы сдѣлать училище хорошимъ, нужно дѣйствовать не врозь, не порознь, а общими силами. Чтобы дѣйствовать общими силами, нужно имѣть и общія убѣжденія. А гдѣ ихъ взять! Словъ — сколько угодно; а убѣжденій — это иное дѣло»...

Къ чему приводитъ недостатокъ въ обществѣ твердыхъ убѣжденій, можно видѣть изъ одного частнаго случая, упоминаемаго въ «Отчетѣ» г. Киттары. Говоря о взысканіяхъ съ воспитанниковъ, онъ касается, между прочимъ, и тѣлеснаго наказанія и объявляетъ себя *врагомъ розогъ*. «Я прибѣгаю къ нимъ очень рѣдко, — говоритъ онъ, — въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, *въ минуты сомнѣнія въ непогрѣшимости моего взгляда*»... Далѣе онъ замѣчаетъ между прочимъ, что, «внушая дѣтямъ любовь къ ближнему, воспитатели и сами не должны забывать этого чувства въ отношеніи къ дѣтямъ» (стр. 8—9). Такимъ образомъ, у г. Киттары педагогика перемѣшивается съ филантропіей, и потому на него даже находятъ минуты сомнѣнія въ непогрѣшимости его взгляда — относительно розогъ!... Посмотрите же, какъ разсуждаетъ объ этомъ г. Пиро-

говъ, руководясь не филантропической боязнью обидѣть дитя или выказать къ нему недостатокъ состраданія, а спокойными педагогическими разсужденіями, чрезвычайно простыми и сильными. Вотъ нѣсколько строкъ изъ его статейки: «Нужно ли сѣчь дѣтей?»...

«Въ чемъ состоитъ основная мысль тѣлеснаго наказанія вообще? 1) выместить причиненную обиду; 2) пристыдить; 3) устрашить. Вотъ три чувства, на которыхъ человѣчество съ незапамятныхъ временъ основываетъ всѣ свои физическія исправительныя мѣры. Оставивъ месть въ сторонѣ, какъ чувство, несвойственное ни христіанству, ни здравой нравственности, руководившее только первобытныхъ законодателей младенчествующаго общества, остановимся на двухъ современныхъ: — *стыдъ и страхъ.* — Но тотъ, кто хочетъ тѣлеснымъ наказаніемъ пристыдить виновнаго, не значитъ ли, — хочетъ стыдомъ дѣйствовать на человѣка, потерявшаго стыдъ? Если бы онъ его еще не потерялъ, то для него достаточна была бы одна угроза быть тѣлесно наказаннымъ. Да и самое средство, направленное къ цѣли, не таково ли, что оно уничтожаетъ самую цѣль? Остается, значитъ, одинъ только страхъ. Но какой? — не тотъ нравственный страхъ заслуженнаго наказанія, который возбуждается внутреннимъ чувствомъ совѣсти за нарушеніе предписываемыхъ ею правилъ, — а страхъ боли и истязаній. Неужели нужно у ребенка поставить совѣсть въ зависимость отъ розги? И ежели можно этого достигнуть, если можно достигнуть того, чтобы физическая боль или одно воспоминаніе о боли пробуждало совѣсть, то желательно ли, утѣшительно ли это? Положимъ, вы достигли вашей цѣли, вамъ удалось возбудить самый лучшій физическій страхъ въ ребенкѣ: — чѣмъ вы будете его поддерживать? Вамъ еще понадобится его усиливать: ребенокъ ко всему скоро привыкаетъ. Гдѣ положить границу усиліямъ? А если онъ хоть на минуту освободится изъ-подъ дамоклесова меча; если онъ хоть на минуту убѣдится, что его проступки могутъ остаться незамѣченными, — какъ вы думаете, воспользуется ли онъ или нѣтъ своею мнимою свободою? Вотъ уже и двойственность, вотъ уже и опять — «быть и казаться». Покуда розга въ виду — все хорошо и въ приличномъ видѣ; когда исчезла изъ виду — кутежъ и разливъ. И это нравственность»!

Да, къ сожалѣнію, въ большинствѣ нашего общества такова нравственность, — не только въ поступкахъ, но даже въ словахъ и въ понятіяхъ... Много у насъ есть такихъ убѣжденій и требованій, которыя мы рѣшаемся высказывать только въ тѣ минуты, когда мы освобождаемся изъ-подъ дамоклесова меча, упоминаемаго г. Пироговымъ... Но все скрыто, замаскировано, искажено, ни въ чемъ нѣтъ прямоты, стройности и цѣльности, когда мы видимъ или даже только предполагаемъ надъ головой своей этотъ мечъ. А находятся еще добрые люди, которые не только считаютъ это неважнымъ, но даже потворствуютъ такимъ *слабостямъ!*...

Въ образецъ того, какъ идетъ преподаваніе наукъ въ Практической Академіи, г. Киттары указываетъ на изложеніе преподаванія географіи, представленное въ рѣчи г. учителя Телѣгина. Въ этой рѣчи, между нѣсколькими дѣльными мыслями, мы нашли, въ объясненіяхъ исторіи географическими данными, телеологію, доходящую до фатализма. Какъ долженъ преподавать географію учитель, въ рѣчи о географіи задающій такіе вопросы? (стр. 37).

«Почему Всеблагій Промыслъ велъ народъ Израильскій путемъ, который представлялъ наиболѣе трудности — чрезъ Черное море, чрезъ Синайскую пустыню, и куда же? — въ страну, занятую горцами, въ средоточіе воинственныхъ народовъ, которые окружали со всѣхъ сторонъ эту мѣстность и, казалось

тотчасъ по вступленіи Израиля въ нее овладѣютъ имъ; а между тѣмъ онъ прожилъ на ней до времени явленія Спасителя. Какимъ же образомъ эта горсть народа, окруженная отовсюду завоевателями, могла удержаться независимой столь долгое время? На это отвѣчаетъ самой природой устроенная мѣстность».

И такъ, *мѣстность* объясняетъ, почему *Промыслъ* велъ народъ черезъ море!... Странно; тутъ что-нибудь да не такъ, и ученики едва ли хорошо сдѣлаютъ, если усвоятъ логику г. Телѣгина.

Вообще «Рѣчи и Отчетъ Практической Московской Академіи», прочитанные нами подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ мыслей г. Пирогова, не вполнѣ удовлетворили насъ. Мы не ставимъ г. Пирогова на пьедесталъ непогрѣшимости, мы не съ тѣмъ на него указываемъ, чтобы его авторитетомъ унизить кого-нибудь... Вовсе нѣтъ, у г. Пирогова могутъ быть конечно и увлеченія, и погрѣшности, какъ у всякаго другого... Но мы видимъ въ немъ ту смѣлость и безпристрастіе взгляда, ту искренность въ признаніи недостатковъ, ту независимость въ отношеніи къ обществу, которыя у другихъ находимъ въ гораздо слабѣйшей степени... Разумѣется, здѣсь многое зависитъ отъ разницы положенія и обстоятельствъ, и потому мы никогда не рѣшимся никого обвинять за кажущуюся непослѣдовательность взгляда, пока болѣе яркіе факты не рѣшатъ дѣла... Что касается до г. Киттары, то мы знаемъ, что его чистая и благородная репутація вполнѣ заслужена, мы знаемъ, что онъ не разъ оставался на стражѣ правды и чести, даже въ такихъ случаяхъ, когда другіе, добрые и почтенные люди, оказывались слабыми или безпечными... Но именно въ силу того уваженія, которое питаемъ мы къ г. Киттары, мы желали бы отъ него болѣе рѣзкаго и прямого выраженія его собственныхъ взглядовъ, менѣе уступокъ рутинѣ и менѣе неопредѣленныхъ фразъ, имѣющихъ иногда характеръ довольно двусмысленный. Нужно признаться, что фразъ у него много; безъ нихъ не обошлась даже и та часть статьи, въ которой говорится о религіозномъ воспитаніи дѣтей...

А посмотрите, какое сужденіе обо всѣхъ этихъ фразахъ дѣлаетъ г. Пироговъ. Онъ говоритъ, обращаясь къ ученикамъ, кончившимъ курсъ въ одной изъ нашихъ прекрасныхъ школъ:

«Васъ водили въ храмъ Божій. Вамъ объясняли Откровеніе. Привилегированные инспекторы, субъ-инспекторы, экзаменованные гувернеры, гувернантки, а иногда даже и сами родители, смотрѣли за вашимъ поведеніемъ. Науки излагались вамъ въ такомъ духѣ и въ такомъ объемѣ, которые необходимы для образованія просвѣщенныхъ гражданъ. Безнравственныя книги, остановленныя цензурою, никогда не доходили до васъ. Отцы, опекуны, высокіе покровители и благодѣтельное правительство открыли для васъ ваше поприще.

После такой обработки, кажется, вамъ ничего болѣе не остается дѣлать какъ только то, что пекущимся объ васъ хотѣлось, чтобы вы дѣлали.

Это значитъ, чтобы вы, какъ струна, издавали извѣстный звукъ. А звучат для общей гармоніи, согласитесь, есть высокое призваніе.

Чего, казалось бы, еще не доставало для вашего счастія и для блага цѣлаго общества?

Выходитъ другое.

Выступивъ на поприще жизни, вы видите совсѣмъ не то, чему васъ учи и вамъ невольно приходитъ на мысль, что вы мистифированы».

Поручится ли г. Киттары, что его воспитанники, когда выступятъ на поприще жизни и начнутъ размышлять самостоятельно, не найдутъ ни малѣйшей мистификаціи въ своемъ воспитаніи подъ руководствомъ почтеннаго профессора?

Рѣчи и отчетъ, читанные въ торжественномъ собраніи Московской Практической Академіи Коммерческихъ наукъ, 17 декабря 1859 г. Москва. 1859.

Какъ хорошъ нынѣшній отчетъ инспектора Московской Коммерческой Академіи, г. Киттары!... Такъ хорошъ, что, кажется, сама Академія не сравнится съ нимъ въ своихъ достоинствахъ!

Въ прошломъ году мы разбирали рѣчь г. Киттары параллельно съ разсужденіями г. Пирогова, и дѣлали сравненія, невыгодныя для почтеннѣйшаго инспектора Практической Академіи. Это, какъ нужно полагать, огорчило его, и онъ, оканчивая нынѣшнюю рѣчь, говоритъ, обращаясь какъ будто бы къ публикѣ, но явно кивая на нашу рецензію [1]).

«Я буду искренно благодаренъ за всякое указаніе, за всякую замѣтку, за всякій добрый совѣтъ, какъ лучшіе знаки вашего ко мнѣ вниманія и довѣрія, но *попрошу объ одномъ: не сравните меня съ кѣмъ-нибудь изъ знаменитыхъ педагоговъ-публицистовъ, врачей общества;* сравненіе будетъ парадоксально. Нравственные принципы, ими высказываемые, могутъ быть совершенно справедливы, разумны, законны, но, несмотря на то, въ *практикѣ не всегда и не вездѣ удобоприложимы.* Это, надѣюсь, понимаетъ каждый» (стр. 68).

Ну, какъ не понимать! Самъ же г. Пироговъ далъ намъ понять это болѣе, нежели кто-нибудь другой... И ужъ мы теперь не станемъ превозносить его предъ г. Киттары; напротивъ, теперь мы на г. Киттары готовы смотрѣть какъ на образецъ для г. Пирогова. И сейчасъ представимъ резоны,—почему.

Г. Киттары скроменъ и податливъ; въ хорошихъ рукахъ и при хорошей обстановкѣ онъ былъ бы отличнѣйшимъ дѣятелемъ въ чемъ хотите. Гдѣ нужна долгая борьба, жертвы, самостоятельная и независимая энергія,—тамъ, конечно, на дѣятельность его нельзя возлагать особенныхъ надеждъ; но вѣдь на кого же въ этомъ отношеніи можно надѣяться?... Г. Киттары хорошъ по крайней мѣрѣ тѣмъ, что никого ужъ не обманываетъ на счетъ характера своихъ дѣйствій. Весь тонъ его нынѣшняго, напр., «Отчета» говоритъ вамъ: «да, я сознаю, что то и то дурно; но я не въ силахъ

---

[1]) Впрочемъ, оговоримся: съ мѣсяцъ спустя послѣ нашего разбора, такой же точно параллель между г. Киттары и Пироговымъ появился еще въ Спб. Вѣдомостяхъ, — такъ что слова г. Киттары могутъ быть и къ нимъ отнесены.

этого передѣлать, — по крайней мѣрѣ теперь, и потому считаю нужнымъ покориться и даже хвалить то, что считаю лишь временнымъ и вовсе безполезнымъ въ сущности». А другіе какимъ высокимъ тономъ говорятъ о себѣ! Подумаешь, что и въ самомъ дѣлѣ они шагу не уступятъ, и ужъ—или передѣлаютъ все на свой ладъ, или костьми лягутъ... А посмотришь потомъ—точно такъ же не сладятъ съ обстоятельствами и надѣлаютъ уступокъ, иногда вовсе не ничтожныхъ и не забавныхъ... Да хоть бы тутъ смирялись, — такъ нѣтъ! Все продолжаютъ свысока, докторальнымъ тономъ и, принимаясь сѣчь мальчика, точно такъ же считаютъ долгомъ выхвалить свое отвращеніе отъ розги, какъ и въ прежнее время, когда не дошли до практическихъ примѣненій. Вотъ, напр., какъ хорошо г. Пироговъ разсуждаетъ о гнусности и негодности розогъ и какъ величественно, съ совершеннымъ сознаніемъ своей философской непогрѣшимости, признаетъ онъ ихъ необходимость въ гимназіяхъ, вслѣдствіе *трудности* придумать, вмѣсто нихъ, что-нибудь другое! Такъ и съ другими бываетъ. Послушаешь, — такъ ихъ наклонности слаще кіевскаго варенья, а заглянешь въ самое дѣло, такъ того и гляди—порютъ кого-нибудь!

Г. Киттары не таковъ. Въ прошломъ году, напримѣръ, слѣдуя общей рутинѣ, онъ написалъ красивую рѣчь, съ реторическими возгласами о томъ, какъ въ Академіи воспитанники на клиросѣ поютъ, постные дни соблюдаютъ,—вотъ, говоритъ, какова у насъ *нравственность!*—о томъ, какъ онъ готовитъ отечеству *слугъ*, достойныхъ преемниковъ капитала и имени предковъ, — вотъ говоритъ, какая высокая цѣль у насъ! — о томъ, какъ онъ сѣчетъ дѣтей только въ минуты сомнѣнія въ непогрѣшимости своего взгляда на розги,—вотъ, дескать, какъ мы гуманны!—о томъ какъ много хорошаго начинается и какъ прекрасно все продолжается въ Академіи, *благодаря сочувствію и одобренію* такихъ-то особъ, — вотъ, дескать, какъ мы смиренны! и пр. Ему замѣтили, что можно бы обойтись и безъ этакихъ возгласовъ, —онъ нынѣ и обошелся, да еще и все оговаривается: «вы,—говоритъ,—не подумайте, что я фразу говорю,—о томъ, что напр. у насъ нравственность въ Академіи процвѣтаетъ. Я бы охотно сказалъ, если бы дурно было; но ей-богу же не могу: что же мнѣ дѣлать, если всѣ такъ хорошо ведутъ себя!.. Не могу же я врать!» Серьезно такъ: вотъ его слова въ одномъ мѣстѣ «Отчета» (стр. 37).

«Примѣры *серьезныхъ* недостатковъ въ Академіи немногочисленны. Изъ 254 человѣкъ учащихся, не болѣе пяти, возраста отъ 9 до 14 лѣтъ, вызываютъ особенную заботу объ ихъ исправленіи, а это менѣе 2 процентовъ. Процентъ очень небольшой, *можетъ быть дѣйствительно блестящій; но я не могу говорить неправду* и всякому желающему повѣрить слова мои могу представить нашу штрафную книгу, *черную* книгу, какъ называютъ ее воспитанники».

Такая восхитительная совѣстливость выражается на многихъ страницахъ нынѣшняго «Отчета» г. Киттары. Но, не довольствуясь частными оговорками въ родѣ приведенной нами, онъ при концѣ

своей рѣчи сдѣлалъ слѣдующее объясненіе, которое хотя и не совсѣмъ складно, но тѣмъ не менѣе плѣнительно въ своей натуральной неуклюжести (стр. 68).

«Закончу же мою рѣчь совершенно сторонней мыслью: чему больше вѣры — слову ли похвалы, или слову осужденія? Думаю, что вы не затруднитесь въ отвѣтѣ, отдадите скорѣе вашу вѣру послѣднему; таково уже общее наше современное направленіе, конечно, вытекшее изъ опыта жизни. Я не держусь буквально этого направленія и прошу васъ, мм. гг., не прилагать его ко всему мною сказанному, какъ въ нынѣшней рѣчи, такъ и въ прошлой. *Оградивъ* (?) мою дѣятельность, какъ инспектора Академіи, стѣнами этого заведенія и соприкасаясь чрезъ него съ извѣстнымъ слоемъ общества, я предпочитаю говорить болѣе о хорошемъ, благотворномъ для самой Академіи, предпочитаю умалчивать о недостаткахъ, которые вообще сродны человѣчеству. Не считаю этого ни уступкой обществу, ни лестью: умалчиваю же просто потому, что слово осужденія не принесло бы пользы, а ввѣренному мнѣ дѣлу могло бы принести еще вредъ».

Мы не говоримъ, чтобъ очень легко было выразумѣть теченіе и связь мыслей г. Киттары въ этой тирадѣ. Но все-таки нельзя не согласиться, — въ ней есть что-то плѣнительное, невольно располагающее васъ въ пользу изобрѣтателя этихъ мыслей и заставляющее предполагать въ немъ прекраснѣйшаго, мягкосердечнѣйшаго человѣка.

Какъ, напримѣръ, онъ современнымъ прогрессомъ восхищается! « 1859-й годъ, — говоритъ, — *не похожъ* на своихъ предшественниковъ; жизнь русская сдѣлала въ немъ шагъ *крупнѣе прежнихъ*; посмотрите кругомъ, *какая энергія, какая свобода мысли и слова — вездѣ и во всемъ*; *мы много выросли*» (стр. 30). И тотчасъ же, съ тѣмъ же невозмутимымъ простодушіемъ, онъ говоритъ, что при столкновеніяхъ съ многими родителями и посторонними лицами, «Недоросль фонъ-Визина живо рисовался въ его памяти; каждый разъ глубоко чувствовалось, что сатира этого писателя недостаточно еще была остра и жгуча, что нельзя не пожелать новаго фонъ-Визина и для нашего времени» (стр. 31). Вотъ тебѣ и энергія и свобода мысли — *вездѣ и во всемъ!..* Ну, не прелестное ли это добродушіе?..

Тѣмъ же самымъ характеромъ отличается, напр., замѣчаніе почтеннѣйшаго профессора о галунахъ. Съ прошлаго года онъ ввелъ, видите, въ Академіи, какъ наказаніе, — лишеніе галуновъ. Съ нѣкоторой робостью говоритъ онъ объ этомъ своемъ изобрѣтеніи; но въ то же время никакъ не можетъ скрыть внутренняго довольства этой мѣрой, «приносящей самые *положительные результаты*» (стр. 38). А впрочемъ онъ «принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые понимаютъ, какъ излишня мундирность, не только въ Академіи, но и во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ». Такъ зачѣмъ же онъ самъ способствуетъ тому, чтобы усиливалось въ Академіи значеніе мундирности?.. Да это ужъ такъ: вѣдь все равно — есть ужъ она, эта мундирность, такъ отчего же не обратить вниманіе и на ея развитіе? Притомъ же, въ свое оправданіе

г. Киттары приводитъ еще слѣдующее обстоятельство: «нужно,— говоритъ,—прибавить, что мѣра эта употребляется у насъ въ *самыхъ крайнихъ случаяхъ* и считается взысканіемъ *самымъ сильнымъ*... Конечно, это не только измѣняетъ видъ дѣла, но, кромѣ того, служитъ еще разительнымъ свидѣтельствомъ того, до какой высоты развитія дошелъ *духъ* воспитанниковъ Академіи, ввѣренной попеченіямъ почтеннѣйшаго г. Киттары.

Но особенно хорошо рисуетъ г. Киттары любезное признаніе его о томъ, какъ онъ въ прошломъ году измѣнилъ мотивъ сѣченія дѣтей, и сѣкъ ихъ—уже не по причинѣ *сомнѣнія*, а вслѣдствіе *отчаянія*. По его словамъ, это были «минуты тяжелыя, *можетъ быть непонятныя стороннему наблюдателю*». Легко можетъ быть; но за то тѣмъ, кого сѣкъ г. Киттары, въ эти минуты онѣ были вѣроятно очень понятны... по крайней мѣрѣ—чувствительны...

Теперь однакоже г. Киттары подаетъ надежду, что больше сѣчь ужъ не будетъ. Мы, разумѣется, не предаемся преждевременной радости: мало ли что говорятъ и обѣщаютъ современные публицисты и педагоги!.. Очень можетъ случиться, что г. Киттары найдетъ новыя, — столько же, какъ и прежде, уважительныя, — причины сѣчь воспитанниковъ. Въ третьемъ годѣ они платились за то, что воспитатель ихъ сомнѣвался, въ прошломъ—за то, что онъ отчаявался, въ нынѣшнемъ—ихъ спина можетъ пострадать отъ того, что на воспитателя найдутъ, напримѣръ, минуты меланхоліи... Мы узнаемъ это не раньше, какъ черезъ годъ, изъ слѣдующаго отчета, а теперь можемъ заявить предъ читателями только признанія и обѣщанія г. Киттары. Для большей важности приводимъ и подлинныя его слова (стр. 39).

«Заговоривъ о мѣрахъ исправленія, съ грустью долженъ сознаться, что несмотря на все отвращеніе мое къ розгамъ, *увы!* у меня недостало ни умѣнья, ни терпѣнья избѣжать ихъ; и если въ прошломъ году на меня не находили, какъ я выразился въ первой рѣчи моей, *минуты сомнѣнія въ непогрѣшимости моего взгляда*, то приходили за то *минуты отчаянія, минуты тяжелыя, которыя, можетъ быть, непонятны стороннему наблюдателю. Слава Богу, что ихъ было немного* — всего 4 (четыре минуты?) и относились онѣ только къ тремъ личностямъ, на закоренѣломъ упрямствѣ которыхъ оказывались недѣйствительными всѣ другія мѣры. Но принесли ли пользу розги, можетъ быть, спросятъ меня, исправили ли онѣ, снимали ли сразу порокъ? По совѣсти долженъ сказать — нѣтъ.

«Порокъ возобновлялся; сначала робко, а потомъ сильнѣе, и *если я не теряю надежды въ борьбѣ съ нимъ, то, конечно, не въ расчетѣ на новое повтореніе розогъ*, нѣтъ: я пользуюсь интерваломъ затишья той или другой наклонности и *въ сознаніи моей минутной слабости ищу новыхъ силъ, новыхъ мѣръ*. Время, т. е. увеличивающійся возрастъ воспитанника, въ этомъ случаѣ главная помога усилію. Замѣчу еще, что наказанныя розгами личности были однѣ изъ тѣхъ, объ которыхъ говорилось и въ прошломъ отчетѣ, а что надежды мои сбыточны — лучшимъ доказательствомъ служитъ, что въ нынѣшнемъ году нѣкоторые уже встали на путь радикальнаго исправленія и не доводили меня до отчаянія».

Читая такія объясненія, несмотря на ихъ нестройное, неуклюжее краснорѣчіе, вы чувствуете, что тутъ есть что-то милое...

Передъ вами человѣкъ, который хлопочетъ, суетится, дѣлаетъ тамъ уступку, здѣсь промахъ, говоритъ, что взглядъ его не выработался, понятія смутны,—и они дѣйствительно смутны,—но все это такъ просто и добросовѣстно, а въ результатѣ выходитъ доброе дѣло и всеобщее удовольствіе!.. Почтеннѣйшій воспитатель доволенъ, совѣтъ Академіи къ нему благосклоненъ, родители благодарны, сослуживцы сочувствуютъ, воспитанники ужасно его любятъ,—по крайней мѣрѣ такъ самъ онъ думаетъ... Да и отчего же не думать? Его наивная хлопотливость съ безпрестанными прибавками, «что, можетъ быть, онъ не понимаетъ того дѣла, за которое взялся», можетъ, конечно, казаться забавною, но она не лишена своей прелести и привлекательности: такъ и тянетъ познакомиться съ почтеннѣйшимъ педагогомъ, собственно за его милый «Отчетъ»...

Въ «Отчетѣ» своемъ г. Киттары много разъ обращается съ просьбою, чтобы мыслители и педагоги русскіе сдѣлали свои замѣчанія на его дѣйствія. Будемъ ждать отъ нихъ полезныхъ замѣчаній,—ихъ обсужденію представляются важные вопросы: сѣченіе дѣтей въ минуты отчаянія, лишеніе галуновъ за тяжкія преступленія, пожалованіе нашивками за успѣхи въ наукахъ, система надзора старшихъ воспитанниковъ за младшими, вводимая г-номъ Киттары, «но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не столь развившаяся, какъ бы ему желалось» (стр. 40), и пр. Кромѣ того, имъ предстоитъ разсмотрѣть подробныя *программы* Академіи и опредѣлить ихъ значеніе и достоинство. Въ прошломъ году, разбирая «Отчетъ» г. Киттары, мы замѣтили, что онъ возвышаетъ курсъ Практической Академіи предъ гимназическимъ. Нынѣ онъ отрекается отъ подобной мысли и говоритъ, что хотѣлъ указать только разницу гимназій съ Академіей. Чтобы эта разница яснѣй была, къ нынѣшнему «Отчету» онъ приложилъ цѣлую книгу программъ Практической Академіи, съ слѣдующимъ предостереженіемъ (стр. 53).

«Въ прошломъ «Отчетѣ» моемъ я позволилъ себѣ сравнить эти классы съ гимназіями и указалъ на ту разницу, какую находилъ въ этомъ сравненіи. Сознаюсь, что слова мои могли быть неясны, потому что не были полны; съ этой цѣлью, къ настоящему «Отчету» приложены программы наукъ, принятыя въ заведеніи; онѣ укажутъ каждому, насколько, ради спеціальной цѣли, мы грѣшимъ противу общаго образованія. Искренно порадуюсь, если будутъ высказаны эти указанія, и отъ имени педагогической конференціи Академіи смѣло заявляю, зная составъ ея, что ни одно изъ нихъ не останется безъ обсужденія и принятія, если это окажется возможнымъ и полезнымъ».

На программы, разумѣется, ничего нельзя сказать, не зная, какъ онѣ исполняются: особенныхъ нелѣпостей въ нихъ не такъ много, чтобы сейчасъ же ихъ и вытянуть при бѣгломъ взглядѣ. Разумѣется, не очень отрадно, что до сихъ поръ въ Академіи употребляется Хрестоматія Пенинскаго; не очень весело въ программѣ исторіи русской литературы читать такіе, напр., параграфы: «Лермонтовъ: *подражаніе Жуковскому и Пушкину, достоинства подражаній; переводы изъ Байрона, Гёте и Гейне*, вліяніе *Барбы*

(въ «Опечаткахъ» поправлено *Барбье*. Отчеты Практической Академіи отличаются тѣмъ, что въ нихъ почти на каждой строкѣ опечатка, и въ ороографіи полнѣйшее презрѣніе!..). Отличительный характеръ поэзіи Лермонтова» (стр. 95). Можно, конечно, накинуться на это и сказать, что учитель не понимаетъ, вѣроятно, своего дѣла; а между тѣмъ это очень можетъ оказаться несправедливымъ. Можетъ быть онъ отлично знаетъ свой предметъ и умѣетъ излагать его, а такъ только въ программѣ нелѣпо выразился... То же самое нужно сказать и о другихъ программахъ. Наприм., для исторіи представлена собственно коротенькая программа для IV класса; а въ послѣдующихъ все то же самое, только подробнѣе. Какъ же тутъ разберешь удобство и достоинство преподаванія? Можно разсуждать только о достоинствѣ самой системы, принятой въ Академіи—чтобы сначала читать ученикамъ общій обзоръ, а потомъ ужъ вводить подробности. Но и это опять дѣло условное. Извѣстно, что дѣти, чѣмъ моложе, тѣмъ болѣе наклонны къ подробнымъ разсказамъ и отвращаются отъ общихъ обзоровъ. Слѣдовательно, если преподаватель дѣйствительно только *обзоръ* даетъ, такъ это очень дурно. Но если онъ разсказываетъ имъ во всей подробности важнѣйшія событія и вовсе пропускаетъ мелкія и неважныя,—въ этомъ смыслѣ преподаваніе не будетъ безполезно... Какъ именно это дѣлается въ Академіи, намъ неизвѣстно, и потому рѣшительное сужденіе произнести трудно. А впрочемъ нѣмцы очень много написали объ *эпизодическомъ* преподаваніи въ первое время ученья и поэтому легко можетъ быть, что кто-нибудь изъ нашихъ знаменитыхъ педагоговъ или ученыхъ напишетъ блестящую статью по этой части...

Что касается до насъ, то мы въ подробныя сужденія входить не будемъ, а сдѣлаемъ лишь нѣсколько общихъ замѣтокъ. Насъ удивляетъ то, что въ Практической Академіи географія начинается только съ 3-го класса, а естественная исторія — съ 4-го, первые же два класса заняты большею частію только языками. Въ «Отчетѣ» и помину нѣтъ о наглядномъ обученіи; есть только въ программѣ русскаго языка указаніе на *вещественный* разборъ, то есть на объясненіе самаго значенія вещей, при грамматическомъ разборѣ словъ. Но вѣдь этого очень недостаточно: общее понятіе о тѣлахъ природы, о разныхъ естественныхъ явленіяхъ на земномъ шарѣ, о разныхъ предметахъ житейскихъ нуждъ, и т. п.—весьма много помогло бы развитію и воображенія учениковъ, и точности ихъ понятій, и даже расширенію ихъ круга зрѣнія. Во всякомъ случаѣ, опредѣленіе нѣсколькихъ часовъ для подобныхъ занятій было бы гораздо полезнѣе, нежели совокупное и одновременное изученіе двухъ и трехъ языковъ. По «Отчету» видно, что въ Академію поступаютъ мальчики лѣтъ 8; и вдругъ ихъ начинаютъ занимать— въ первомъ классѣ 7 уроковъ французскихъ и 10 нѣмецкихъ; во второмъ—6 французскихъ, 7 нѣмецкихъ и 3 англійскихъ. И при этомъ г. Киттары еще жалуется, что изученіе языковъ, несмотря

на всѣ его старанія, идетъ плохо! (стр. 57). Еще бы оно шло хорошо при такихъ стараніяхъ! Извѣстное дѣло, что языки новые изучаются только тогда, когда объ этомъ начальственныхъ стараній бываетъ какъ можно меньше. Мудрость-то вѣдь не Богъ знаетъ какая. А между тѣмъ, какъ съ самаго-то начала засадятъ мальчика за вокабулы двухъ языковъ, да насядутъ на него съ тремя уроками въ день изъ этихъ милыхъ предметовъ,— ну, онъ и отупѣетъ, да кромѣ того—такое отвращеніе къ языкамъ почувствуетъ, что никакія нашивки не помогутъ...

Впрочемъ, о нашивкахъ мы не смѣемъ судить: г. Киттары говоритъ, что онѣ очень поддерживаютъ энергію къ изученію французскаго и нѣмецкаго языковъ. Какъ видно, почтеннѣйшій профессоръ вѣруетъ въ симпатическія средства. Немудрено, впрочемъ: онъ самъ-то такой симпатическій.

IV.

ВСЕРОССІЙСКІЯ ИЛЛЮЗІИ,

РАЗРУШАЕМЫЯ РОЗГАМИ.

Tu quoque Brute!..

Въ русской жизни возникаютъ иногда отрадныя явленія, способныя привести въ умиленіе даже человѣка не совсѣмъ простодушнаго,—являются герои мысли и слова, выступающіе прямо и безбоязненно на смертельную борьбу съ застарѣлыми предразсудками и общественной неправдой. Посмотришь на нихъ, оглянешься вокругъ себя—и невольно склонишь голову предъ ихъ доблестью. Около нихъ со всѣхъ сторонъ тѣснятся враги, ихъ окружаетъ безчисленное войско рутинистовъ, невѣждъ, негодяевъ, пошляковъ всякаго рода, и, несмотря на то,— благородные герои смѣло подымаютъ новое, враждебное злу знамя, и самоотверженно подвергаютъ себя всѣмъ опасностямъ неравнаго боя. Невольно сами враги изумляются богатырской доблести, и въ нѣкоторой части непріятельскаго лагеря даже проявляется движеніе въ пользу отважныхъ героевъ и желаніе стать подъ ихъ знамя. Еще немного— и вотъ, кажется, совершится одна изъ тѣхъ чудесныхъ побѣдъ, о которыхъ разсказывается намъ въ богатырскихъ сказкахъ...

Но времена богатырскихъ сказокъ давно прошли, и мы всегда жестоко ошибаемся, когда вздумаемъ примѣнять ихъ міросозерцаніе къ настоящему времени. Воображеніе наше, еще въ раннемъ дѣтствѣ разстроенное фантастическими бреднями нянюшекъ, нерѣдко обливаетъ для насъ какимъ-то волшебнымъ свѣтомъ простыя явленія дѣйствительной жизни; но за то, какъ приходится намъ краснѣть и стыдиться, когда эти явленія вдругъ предстанутъ намъ въ своемъ настоящемъ свѣтѣ!

Насъ лично нельзя упрекнуть въ особенной наклонности къ увлеченіямъ розовыми надеждами. Мы не разъ отзывались холодно и даже насмѣшливо о такихъ явленіяхъ, отъ которыхъ другіе ожи-

дали чуть не установленія всеобщаго благоденствія. Но и мы не остались совершенно чистыми отъ ребяческихъ увлеченій. Со стыдомъ и прискорбіемъ пришлось намъ недавно вспомнить объ одномъ изъ нихъ, и мы спѣшимъ очистить себя публичнымъ покаяніемъ и откровеннымъ изложеніемъ дѣла.

Начнемъ съ нѣсколькихъ общихъ объясненій.

Извѣстно, что въ послѣднее время обнаружилось въ Россіи много хорошихъ литераторовъ во всѣхъ сферахъ общественной дѣятельности — въ полицейской, въ медицинской, въ коммиссаріатской, въ судебной, въ откупной, и пр., и пр. Современные Фамусовы, полагающіе, что

Написано — и съ плечъ долой,

возложили на этихъ литераторовъ твердыя надежды относительно всѣхъ предстоявшихъ усовершенствованій русскаго быта. Мы съ самаго начала смотрѣли довольно недовѣрчиво на эти надежды, и, дѣйствительно, когда доходило въ чемъ-нибудь до дѣла, то спеціальные литераторы оказывались по большей части или совсѣмъ неподходящими къ своимъ теоретическимъ убѣжденіямъ, или, по крайней мѣрѣ, весьма податливыми на *уступки.* Уступокъ этихъ мы могли бы здѣсь указать много, но не считаемъ этотъ предметъ такимъ мало-извѣстнымъ, чтобъ о немъ стоило распространяться. Притомъ же, практическая уступчивость рьяныхъ теоретиковъ не представляетъ сама по себѣ ничего необычайнаго: она, напротивъ, совершенно въ порядкѣ вещей. Человѣкъ выступаетъ на битву и вдругъ видитъ, что противъ него тысяча враговъ: естественно, что онъ долженъ — или бѣжать совсѣмъ, или сдѣлать нѣсколько такихъ уступокъ, послѣ которыхъ хотя часть противниковъ перешла бы на его сторону. За то у него остается надежда побить самыхъ закоснѣлыхъ враговъ. Начальникъ, преслѣдующій взятки, но чувствующій себя безсильнымъ для ихъ искорененія, наконецъ допускаетъ *благодарность* и ограничивается тѣмъ, что запрещаетъ лишь *вымогательство.* На такого начальника нельзя очень сильно нападать; можно только спорить, дѣйствительно ли примѣнима и практична предположенная имъ грань между благодарностью *вынужденною* и *невынужденною.* Да можно еще сожалѣть о той средѣ, которая принуждаетъ начальника, желающаго добра, къ подобнымъ уступкамъ... А впрочемъ и на эту *среду* напускаться особенно тоже не стоитъ: ея развитіе зависитъ отъ многихъ внѣшнихъ условій, которыхъ она не могла до сихъ поръ ни отвратить, ни измѣнить. Стало быть, съ которой стороны ни возьми дѣло, — волноваться не стоитъ, а слѣдуетъ только, подобно старому подьячему, при назначеніи новаго, неумѣлаго начальника, сказать совершенно спокойно: «приняться-то нашъ герой хочетъ какъ будто и прытко, да концовъ-то не сведетъ; упрыгается на первыхъ же порахъ, угомонится, и пойдетъ все опять по старому»...

Такъ большею частію мы и говорили, когда новые Фамусовы

показывали намъ какую-нибудь статейку и восклицали: «смотрите, *что написано!* смотрите, *какъ написано!* Теперь эта часть у насъ отлично пойдетъ: о ней ужъ такъ много *написано*»... и т. п. Но разъ и мы уподобились Фамусову: это было въ началѣ нынѣшняго года, когда въ литературѣ нашей уже замиралъ, сопровождаемый «Свисткомъ», одинъ изъ горячихъ вопросовъ нашей литературы,— вопросъ *о розгахъ*, о томъ, *бить или не бить*.

Вопросъ этотъ, какъ извѣстно, еще въ 1857 г. обсуживался въ «Земледѣльческой Газетѣ» г. Орловымъ-Давыдовымъ и рѣшался положительно: *бить!* «Современникъ» имѣлъ тогда наивность удивиться такому явленію въ литературѣ, ставящей себѣ въ главную заслугу свои гуманныя стремленія. Но другимъ статейка г. Орлова-Давыдова показалась нисколько не странною, и вскорѣ послѣ нея начали появляться другія статейки, трактовавшія о томъ,

> Какъ человѣка разложить, —
> По строгимъ правиламъ науки...

Извѣстно, что въ защитѣ розогъ отличались, между прочимъ гг. Петрово-Соловово и Рощаковскій, но что вся отвѣтственность пала на князя Черкасскаго, предложившаго 18 ударовъ... Противъ него написаны были краснорѣчивыя *замѣтки* и *письма*, которыя до того убѣдили его, что онъ печатно отрекся отъ своихъ положеній. А г. Аксаковъ, кромѣ того, объявилъ, что требованіе восьмнадцати розогъ княземъ Черкасскимъ было не что иное, какъ *уступка* съ его стороны, изъ снисхожденія къ господствующимъ понятіямъ большинства дворянъ. Конечно, по ходу дѣла *уступка* эта оказалась ненужною и слишкомъ уже издалека предусмотрѣнною, но, тѣмъ не менѣе, послѣ *сказанія объ уступкѣ*, поведеніе князя Черкасскаго въ этомъ вопросѣ оказалось такимъ же,—ни хуже, ни лучше,—какъ и поведеніе почти всѣхъ нашихъ публицистовъ и передовыхъ людей нашей словесности — почти во всѣхъ другихъ вопросахъ.

Вскорѣ послѣ образца такой уступки въ дѣлѣ о тѣлесномъ наказаніи крестьянъ, мы увидѣли подобную же уступчивость одного изъ передовыхъ людей нашихъ—въ вопросѣ о сѣченіи дѣтей. Въ февралѣ прошлаго года, разбирая Отчетъ о Московской Коммерческой Академіи г. Киттары, мы замѣтили, что онъ, не одобряя собственно розогъ, сѣкъ однако же воспитанниковъ Академіи, «*въ минуты сомнѣнія въ непогрѣшимости своего взгляда*». Насъ очень поразило тогда это странное обстоятельство, что нѣкоторые изъ воспитанниковъ должны были платиться своею кожею за то, что подвертывались инспектору съ проступками въ тѣ минуты, когда онъ «сомнѣвался въ непогрѣшимости своего взгляда». Насъ очень опечалило тогда не только самое открытіе, что дѣтей сѣкутъ еще въ заведеніи, ввѣренномъ начальству такого человѣка, какъ г. Киттары, но и то, что этотъ человѣкъ такъ легко и наивно отзывается объ этомъ предметѣ... Подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній

прочитали мы брошюрку г. Пирогова, въ которой, между прочимъ, была статейка: «*нужно ли сѣчь дѣтей?*» — и прониклись восторженнымъ удивленіемъ къ твердости и ясности воззрѣній знаменитаго хирурга и педагога. Мы поспѣшили выразить свой восторгъ, сопоставивши сомнѣнія г. Киттары съ твердою и простою рѣчью г. Пирогова, убѣжденнаго и убѣждавшаго тогда, что розга всегда и для всякаго — вредна, позорна и безнравственна. Указывая на г. Пирогова, какъ на образецъ непреклонной послѣдовательности своимъ убѣжденіямъ, какъ на одну изъ личностей, на которыхъ дѣйствительно могутъ покоиться надежды общества, — мы говорили:

«Мы, конечно, не ставимъ г. Пирогова на пьедесталъ непогрѣшимости: мы не съ тѣмъ указываемъ на него, чтобы его авторитетомъ унизить кого-нибудь. Вовсе нѣтъ; у г. Пирогова могутъ быть, конечно, и увлеченія, и погрѣшности, какъ у всякаго другого.... Но мы видимъ въ немъ *ту смѣлость и безпристрастіе взгляда*, ту искренность въ признаніи недостатковъ, *ту независимость въ отношеніи къ обществу*, которыя у другихъ находимъ въ гораздо слабѣйшей степени».... («Совр.» 1859, № 2. Библ. 282.—Стр. 222 наст. изд.).

Къ этому отзыву мы прибавляли еще слѣдующее замѣчаніе: «разумѣется, здѣсь многое зависитъ отъ разницы положенія и обстоятельствъ, и мы никогда не рѣшимся никого обвинять за кажущуюся непослѣдовательность взгляда, *пока болѣе яркіе факты не рѣшатъ дѣла*». Слѣдовало бы прибавить: «и никогда не осмѣлимся никого превозносить за кажущуюся твердость и послѣдовательность взгляда, пока это не выкажется рѣшительно въ практической дѣятельности». Но мы тогда, въ своемъ восторгѣ, не сообразили этого. Намъ казалось, что прекрасныя педагогическія убѣжденія г. Пирогова будутъ проводиться имъ и на практикѣ такъ же неуклонно, какъ проводятся въ его статейкахъ. Мы надѣялись, что, по своему положенію находясь въ обстоятельствахъ сравнительно очень благопріятныхъ, онъ будетъ въ состояніи весьма близко подойти къ осуществленію своихъ идей о воспитаніи. Но всего болѣе мы были увѣрены въ томъ, что въ заведеніяхъ, ввѣренныхъ попечительству г. Пирогова, не будутъ сѣчь дѣтей...

За свое легковѣріе мы недавно были наказаны горькимъ разочарованіемъ!

Въ XI № «Журнала для воспитанія» за 1859 г. напечатаны «*Правила о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій Кіевскаго учебнаго округа*», изданныя г. Пироговымъ 22 іюля 1859 г. Правила эти составлены для того, чтобы устранить разнообразіе во взглядѣ начальниковъ на проступки гимназистовъ и назначеніе самыхъ наказаній. Цѣль эта выражена г. Пироговымъ въ слѣдующихъ строкахъ.

«Нехорошо, если въ томъ же учебномъ округѣ (въ которомъ иногда ученики переходятъ изъ одного заведенія въ другое), за тотъ же самый проступокъ одинъ директоръ будетъ сѣчь или исключать ученика, а другіе прощать его или слабо наказывать. При такихъ противорѣчіяхъ и упущеніяхъ нельзя

развиться чувству законности въ учащихся. Воспитанники, видя такую разнообразность взглядовъ и дѣйствій воспитателей, непремѣнно придутъ къ тому заключенію, что дѣйствіями ихъ управляетъ не законъ, а случай, капризъ, произволъ и пристрастіе. Довѣріе къ законности дѣйствій въ такомъ случаѣ нарушается, а вмѣстѣ съ этимъ исчезаетъ и всякое чувство правды и законности».

Чтобы предотвратить такое печальное явленіе, г. Пироговъ считаетъ необходимымъ не только составленіе общихъ правилъ для всѣхъ гимназій, но и ознакомленіе съ этими правилами самихъ учениковъ, съ самаго вступленія ихъ въ гимназію, для того, «чтобы учащіеся были убѣждены, что никакой ихъ проступокъ не останется скрытымъ и необсужденнымъ и что *каждое наказаніе проистекаетъ, какъ бы само собою, изъ сущности и характера проступка*».

Читая это вступленіе къ «Правиламъ», мы еще продолжали чувствовать прежнее удивленіе къ непреклонности и твердости г. Пирогова въ проведеніи своихъ общихъ принциповъ. Мы видѣли во фразахъ, подчеркнутыхъ нами выше, полнѣйшее отрицаніе розги, которая никакъ ужъ не можетъ служить къ развитію въ дѣтяхъ *чувства законности* и никакъ не принадлежитъ къ числу раціональныхъ наказаній, *вытекающихъ изъ сущности самаго проступка*. Читая далѣе, мы еще болѣе утвердились въ своей увѣренности, увидѣвши, что «Правила о наказаніяхъ» составлены были подъ предсѣдательствомъ г. Пирогова цѣлымъ комитетомъ, членами котораго были: помощникъ попечителя Кіевскаго округа, директоры гимназій, инспекторъ казенныхъ училищъ, нѣкоторые профессора (исторіи—В. Шульгинъ, педагогики—Гогоцкій) и нѣкоторые учителя. Такой составъ комитета не могъ внушать никакихъ опасеній, и мы читали далѣе «Правила», въ полной увѣренности найти въ нихъ только раціональныя, естественныя, гуманныя мѣры, пользу которыхъ всегда проповѣдывалъ г. Пироговъ. Тѣмъ тяжелѣе было наше разочарованіе.

Насъ очень непріятно поразила уже таблица о числѣ высѣченныхъ въ 1858 г. гимназистовъ въ Кіевскомъ округѣ. По свѣдѣніямъ, вытребованнымъ г. Пироговымъ изъ разныхъ дирекцій, оказалось слѣдующее:

Въ 1858 г. наказано было розгами:

1)	Въ	Кіевской 2-й	гимназіи	изъ	625	»	43
2)	»	Житомирской	»	»	600	»	290
3)	»	Немировской	»	»	600	»	67
4)	»	Подольской	»	»	400	»	37
5)	»	Полтавской	»	»	399	»	39
6)	»	Ровенской	»	»	300	»	6
7)	»	Нѣжинской	»	»	260	»	20
8)	»	Новгородсѣверской	»	»	250	»	8
9)	»	Черниговской	»	»	240	»	18
10)	»	Бѣлоцерковской	»	»	220	»	38
11)	»	Кіевской 1-й	»	»	215	»	3

Одна эта таблица способна уже убѣдить внимательнаго педагога въ томъ, какъ напрасно и неразумно употребляется розга въ нашемъ воспитаніи. Одно сравненіе этихъ данныхъ можетъ оправдать самое рѣшительное изгнаніе розги изъ гимназій. Мы видимъ, напр., что въ Житомирской гимназіи сѣкутъ въ *семь* разъ чаще, чѣмъ въ Кіевской 2-й, и въ *35* разъ чаще, чѣмъ въ Кіевской 1-й. Въ Кіевской первой было только *три* случая, когда понадобились розги, въ Житомирской же ихъ было 290, т. е. половина изъ всего числа гимназистовъ была пересѣчена! А если мы припомнимъ § 205 Училищнаго Устава 1828 г., по которому розги дозволяется употреблять *только въ трехъ низшихъ классахъ*, то окажется, что *каждый* мальчикъ былъ (по среднему расчету) непремѣнно разъ высѣченъ въ теченіе года, а если кто избѣжалъ этого удовольствія, то, значитъ, вмѣсто него, надо считать за другимъ *двойное* или *тройное* и т. д. розочное наставленіе... Да еще изъ выраженія, употребленнаго въ «Правилахъ», не видно, считается ли въ этой таблицѣ *каждый разъ*, или только *каждый человѣкъ*. Не сказано: «было *столько-то случаевъ* сѣченья», а говорится только: «*столько-то учениковъ* высѣчено»... т. е. можетъ быть, если одинъ и тотъ же ученикъ 50 разъ въ году высѣченъ, такъ все это считается за *единицу*... Но даже если и не такъ, то все-таки — какой ужасъ и мракъ должна представлять собою Житомирская гимназія! Въ году менѣе двухсотъ учебныхъ дней; а тутъ 290 человѣкъ подвергаются поркѣ; значитъ каждый божій день въ Житомирской гимназіи порютъ, да еще и не по одному человѣку!... И все это дѣлается въ 1858 году, который—кромѣ того, что вообще принадлежитъ *настоящему времени*, *когда* и пр. — замѣчателенъ въ этомъ случаѣ еще и тѣмъ, что въ теченіе второй его половины (съ августа) Кіевскій учебный округъ находился подъ попечительствомъ г. Пирогова! И замѣтьте еще, что цыфра 290 стоитъ въ отчетѣ, доставленномъ попечителю самою дирекціею. Между тѣмъ кто же не знаетъ, что гдѣ наказанія такъ обыкновенны и часты, тамъ почти нѣтъ возможности свести имъ вѣрный счетъ за цѣлый годъ. Другое дѣло — 1-я Кіевская гимназія, Ровенская и Новгородсѣверская: тамъ въ цѣлый годъ случилось высѣчь — въ одной трехъ, въ другой—6, въ третьей—8 человѣкъ. Тутъ сосчитать нетрудно, и мы не имѣемъ причинъ прямо сомнѣваться въ вѣрности показаній. Но 290 въ годъ — тутъ весьма нетрудно сбиться въ счетѣ! Да и едва ли кому-нибудь изъ начальства Житомирской гимназіи казалось особенно важнымъ вести точный счетъ экзекуціямъ, которыя оно раздавало такъ щедро и которымъ, какъ видно, вовсе не придавало какого нибудь чрезвычайнаго значенія.

Но г. Пироговъ довѣрчиво останавливается на цыфрѣ, показанной дирекціею, и дѣлаетъ слѣдующія соображенія: «разность въ численности тѣлесныхъ наказаній нельзя объяснить различною численностію учениковъ и различною степенью ихъ нравственнаго развитія; мы видимъ, что въ гимназіяхъ, одинаково многолюдныхъ

и при сходныхъ условіяхъ, число тѣлесныхъ наказаній было далеко не одно и то же; потому *этотъ фактъ не можетъ быть иначе объясненъ, какъ неопредѣлительностью взглядовъ гг. директоровъ и наставниковъ на проступки и наказанія учениковъ*. Неужели нравственное развитіе учениковъ 2-й Кіевской, напримѣръ, и Житомирской гимназіи такъ различно, чтобы имъ однимъ можно было объяснить, почему въ одной изъ нихъ, почти при одинаковомъ числѣ учащихся (625—600), высѣчены были въ прошломъ году *только* (только!!) 43, а въ другой почти 300 учениковъ!»

Какъ видите, г. Пироговъ чрезвычайно легко и снисходительно смотритъ на вопіющіе ужасы, представленные ему въ свѣдѣніяхъ о числѣ высѣченныхъ мальчиковъ. Его не возмущаетъ злодѣяніе, регулярно совершающееся надъ несчастными мальчиками въ одномъ изъ подвѣдомственныхъ ему заведеній; онъ имѣетъ духъ сказать даже: «*только*» въ приложеніи къ той гимназіи, въ которой сѣкутъ нѣсколько меньше. Всего болѣе озабочиваетъ его то обстоятельство, что взгляды разныхъ директоровъ не приведены къ единству... Признаемся, не такого тона, не такихъ чиновническихъ разсужденій ожидали мы отъ автора «Вопросовъ жизни»!

Но окончательно пристыжены мы были въ своемъ прежнемъ восторгѣ отъ г. Пирогова, когда дошли до того мѣста «Правилъ», гдѣ почтенный педагогъ доходитъ до изложенія теоретическихъ и практическихъ соображеній своихъ относительно тѣлеснаго наказанія. Тутъ происходитъ въ «Правилахъ» такое неловкое и неуклюжее балансированіе на розгахъ, что невольно сердце замираетъ со страха за шаткое положеніе балансирующихъ. Сначала говорится, что розга, — «гнусна, вредна», что ее *нужно* вовсе изгнать; потомъ, что изгнать *нельзя*; потомъ, что это *трудно*, наконецъ — что ее слѣдуетъ употреблять, только рѣдко... Все это такъ плохо вяжется съ прежними убѣжденіями автора «Вопросовъ жизни», такъ несообразно само по себѣ, такъ противорѣчитъ основной цѣли составленія «Правилъ», что мы, для полнаго вразумленія, нѣсколько разъ прочитали этотъ странный пунктъ и, наконецъ, убѣдившись въ печальной истинѣ и вспомнивъ прежнюю защиту дѣтей отъ розогъ г. Пироговымъ, могли только воскликнуть внутренно: tu quoque, Brute!!

Но постараемся прослѣдить съ нѣкоторой обстоятельностью эту странную игру фантазіи и остроумія г. Пирогова. Постараемся сдѣлать свои замѣчанія возможно спокойными и умѣренными. Предметъ самъ по себѣ, правда, таковъ, что о немъ спокойно говорить почти невозможно: тутъ нужно — или оплакивать паденіе человѣка и принципа, или добродушнѣйшимъ образомъ смѣяться надъ иллюзіями и разочарованіями человѣчества. Мы болѣе были бы наклонны къ послѣднему; но насъ отчасти останавливаетъ слѣдующее заключеніе, которымъ оканчивается первая часть «Правилъ» г. Пирогова.

«Я долженъ объявить дирекціямъ, что и таблицу, и мнѣнія, обсужденныя

комитетомъ о проступкахъ и наказаніяхъ, нисколько не разсматриваю я, какъ совершенно уже законченныя и неподлежащія улучшеніямъ и измѣненіямъ, на которыя можетъ указать время и опытъ. Потому *я прошу всѣхъ и каждаго изъ воспитателей* сообщить мнѣ, чрезъ педагогическій совѣтъ, или въ видѣ отдѣльныхъ мнѣній, сдѣланныя имъ замѣчанія, замѣченные недостатки, и указать на придуманныя каждымъ исправленія».

Такимъ образомъ, г. Пироговъ самъ проситъ, чтобы на его «Правила» дѣлали замѣчанія всѣ воспитатели. Мнѣнія и указанія ихъ онъ желаетъ принять къ свѣдѣнію. Но, кромѣ того, г. Пироговъ самъ печатаетъ свои «Правила» въ журналѣ и, слѣдовательно, подвергаетъ ихъ обсужденію не однихъ уже воспитателей, а всей публики. Это черта такого просвѣщеннаго и благороднаго воззрѣнія на свое дѣло, что уже ею одной значительно умѣряется раздраженіе, которое способны возбудить во многихъ сами «Правила». Г. Пироговъ не ошибся, рѣшившись обнародовать все, что ни предпринимаетъ онъ въ администраціи Кіевскаго учебнаго округа. Теперь многія изъ его распоряженій могутъ быть критикованы, могутъ обнаружиться ошибки, указываться уклоненія отъ его собственныхъ воззрѣній, и т. п. Но никогда нападенія на него не могутъ достичь той степени ожесточенія и судорожной ярости, до какой они дошли бы непремѣнно, если бы все дѣло велось втихомолку, и литература должна была бы выискивать посторонніе предлоги, чтобы добраться до г. Пирогова. Теперь, по крайней мѣрѣ, дѣло чистое, и никто не можетъ быть обманутымъ. Публика видитъ, что напечатано г. Пироговымъ, видитъ и то, что печатается противъ него. Слѣдовательно, какъ бы ни жестоки были нападки, все-таки г. Пироговъ въ общемъ мнѣніи получаетъ лишь то, чего онъ дѣйствительно заслуживаетъ.

Приведемъ же въ подлинникѣ фатальную страницу «Правилъ», трактующую о розгахъ, чтобы читатели, неимѣющіе подъ руками «Журнала для воспитанія», сами могли провѣрить наши замѣчанія. Вотъ сентенціи «Правилъ»:

«Опытомъ дознано, что уменьшеніе числа преступленій въ обществѣ и улучшеніе нравственности зависитъ *не столько отъ строгости наказаній, сколько отъ распространенія убѣжденія, что ни одно преступленіе не останется неоткрытымъ и безнаказаннымъ*. Это же убѣжденіе должно стараться распространить и между учащимися и доказывать имъ его на дѣлѣ. Имѣя это въ виду, предлагаемыя здѣсь правила о проступкахъ и наказаніяхъ и опредѣляютъ только для немногихъ, исключительныхъ случаевъ, *строгія тѣлесныя наказанія*. Извѣстно, что какъ бы наказаніе ни было жестоко и унизительно, къ нему можно привыкнуть. Человѣкъ пріучится хладнокровно смотрѣть и на смертную казнь. Такъ и розга, часто употребляемая, теряетъ свое нравственно-исправительное дѣйствіе. Поэтому, гораздо надежнѣе и несравненно сообразнѣе съ правилами благоразумной педагогики принять въ основаніе *не строгость, а соотвѣтственность наказанія съ характеромъ проступка*. Идеалъ справедливаго наказанія есть тотъ, чтобы *оно проистекало*, такъ сказать, *само собою изъ сущности самаго проступка*. Розгу изъ нашего русскаго воспитанія нужно бы было изгнать совершенно. Если для доказательства ея необходимости и пользы приводятъ въ примѣръ воспитаніе въ Англіи, то на это нужно замѣтить, что розга въ рукахъ англійскаго педагога имѣетъ совершенно другое значеніе. Гдѣ

чувство законности глубоко проникло всѣ слои общества, тамъ и самыя нелѣпыя мѣры не вредны, потому-что онѣ не произвольны. А тамъ, гдѣ нужно сначала еще распространить это чувство, розга не годится. Унижая нравственное чувство, замѣняя въ виновномъ свободу сознанія робкимъ страхомъ, съ его обыкновенными спутниками: ложью, хитростью и притворствомъ, розга окончательно разрываетъ нравственную связь между воспитателемъ и воспитанникомъ; она и тамъ ненадежна, гдѣ еще существуютъ патріархальныя отношенія. И если грубое тѣлесное наказаніе и отъ рукъ родного отца дѣлается иногда невыносимымъ, то въ воспитаніи, основанномъ на административномъ началѣ, оно дѣлается унизительнымъ. Но нельзя еще у насъ вдругъ вывести розги изъ употребленія. Пока сѣченныя дома дѣти будутъ поступать въ наши воспитательныя учрежденія, трудно еще придумать что-нибудь другое для наказанія (по крайней мѣрѣ вначалѣ) въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства. Намъ покуда ничего не остается болѣе, какъ принять за правило: употреблять это средство съ крайнею осторожностью и только тамъ, гдѣ позорная вина требуетъ быстраго, сильнаго и мгновеннаго сотрясенія. Но это сотрясеніе тогда только и можетъ достигнуть своей цѣли, когда оно будетъ употреблено рѣдко, но безотлагательно, слѣдуя непосредственно за проступкомъ, очевидность котораго не подлежитъ никакому сомнѣнію» («Журн. для восп.» 1859 г. № XI, стр. 115).

Сообразите этотъ пунктъ съ общей цѣлью «Правилъ», прослѣдите отдѣльныя положенія этой самой тирады, и вамъ представится изумительная путаница понятій, безтолковѣйшій разладъ противорѣчащихъ мыслей. Какъ будто вы читаете нелѣпѣйшую хрію начинающаго обучаться реторикѣ семинариста,—гдѣ всѣ основанія подобраны для подтвержденія вывода, совсѣмъ противнаго тому, какой дѣйствительно сдѣланъ имъ въ заключеніи, сообразно заданной темѣ. Возьмите, напримѣръ, хоть слѣдующія положенія изъ «Правилъ».

Первая посылка. «При господствѣ административнаго начала въ нашихъ учебныхъ учрежденіяхъ, первымъ шагомъ къ улучшенію нравственной стороны воспитанія *можетъ служить только чувство законности и справедливости между учащимися»* («Ж. для восп.», стр. 115).

Вторая посылка. «Гдѣ чувство законности глубоко проникло всѣ слои общества, тамъ и самыя нелѣпыя мѣры не вредны, потому что онѣ не произвольны. *А тамъ, гдѣ нужно сначала еще распространить это чувство, розга не годится»* (стр. 115).

Можно, конечно, спорить противъ второй посылки, можно спросить: отчего же развитіе чувства законности даетъ привилегію на розгу? И что это за странное правило: пока въ человѣкѣ нѣтъ чувства законности, такъ его пороть не слѣдуетъ; а какъ только это прекрасное чувство появилось —пори его: *не вредно*, дескать... Но оставимъ это въ сторонѣ, станемъ безпрекословно на точку зрѣнія г. Пирогова и повторимъ его слова:

«*Чувство законности, такъ еще мало замѣтное въ нашемъ обществѣ, нигдѣ между тѣмъ столько не нужно, какъ у насъ въ Россіи*» (стр. 110). Поэтому при воспитаніи общественномъ «*надо какъ можно болѣе стараться о развитіи чувства законности. Для развитія этого чувства розга не годится*».

Ясно, стало быть, — возрадуемся: въ Кіевскомъ округѣ дѣтей

не будутъ пороть, потому что розга совершенно противорѣчитъ достиженію тѣхъ благихъ цѣлей, какія имѣлъ г. Пироговъ при составленіи своихъ «Правилъ»... Не такъ ли?

Выходитъ, что не такъ!.., Весьма краснорѣчиво доказавши гнусность и возмутительность розочной науки, г. Пироговъ вдругъ поражаетъ насъ крутымъ оборотомъ: *«но нельзя еще у насъ вдругъ вывести розгу изъ употребленія»*.

Отчего же нельзя? спрашиваете вы въ изумленіи. — Оттого *нельзя*, что «*трудно* придумать что-нибудь другое для наказанія въ гимназіи дѣтей, уже прежде сѣченныхъ дома»...

Но скажите пожалуйста,—неужели это удовлетворительный отвѣтъ? И во-первыхъ—развѣ *трудно* и *нельзя* одно и то же? *Трудно* придумать что-нибудь другое;—но, значитъ, все-таки *можно?* Ну и потрудитесь. На то вѣдь и существуютъ всѣ эти педагогическіе совѣты, инспекторы, директоры, попечители, и т. д... Не за исправностію же пуговицъ смотрѣть они поставлены; не могутъ же они ограничить свою дѣятельность только механическимъ примѣненіемъ къ новому поколѣнію старой рутины... Не въ томъ же только и состоитъ ихъ задача, чтобы составлять полицейскія расписанія: за что лишать ученика пирога, за что супа, а за что и цѣлаго обѣда; за какой проступокъ держать его подъ арестомъ одинъ день, за какой—три. Всѣ эти подвиги на пользу воспитанія слишкомъ жалки, чтобы изъ-за нихъ уволить себя отъ другихъ заботъ—напримѣръ, о томъ, чтобы пріискать новые способы наказаній въ училищахъ, болѣе раціональные и менѣе позорные (особенно для наказывающаго), чѣмъ розги...

Далѣе—что это значитъ: «нельзя *вдругъ* изгнать розгу»? Какая же тутъ можетъ быть постепенность? Уменьшать число ударовъ, что ли? Такъ вѣдь тутъ дѣло не въ числѣ ударовъ, а въ самомъ способѣ наказанія. Или вы хотите соблюсти постепенность тѣмъ, чтобы не опредѣлять розогъ даже и за нѣкоторые такіе случаи, за которые прежде пороли нещадно? Но въ опредѣленіи частныхъ случаевъ вы должны руководиться уже частными педагогическими соображеніями, которыя, во всякомъ случаѣ, должны согласоваться съ принятыми въ нашемъ кодексѣ принципами. Если вы допустили розгу въ своемъ принципѣ воспитанія, то вы тѣмъ самымъ признали уже законность ея, какъ полезной педагогической мѣры. Значитъ, вы и должны будете удерживать ее постоянно, покамѣстъ не измѣнится нашъ взглядъ на сущность самыхъ проступковъ, признанныхъ по вашему достойными розогъ... Такимъ образомъ, ваше *вдругъ* не имѣетъ никакого практическаго смысла, потому что ни одна человѣческая голова не въ состояніи вывести разумной постепенности, которой вы, повидимому, добиваетесь въ отмѣненіи розогъ... Кажется, это ясно...

Намъ могутъ замѣтить, что г. Пироговъ,—или кіевскій комитетъ, что одно и то же,— вовсе не признаетъ *пользы* розогъ, а только видитъ *невозможность* отъ нихъ избавиться.— Но мы съ

этимъ никакъ не можемъ согласиться. Помилуйте, какая же можетъ быть *невозможность—не сѣчь?*... Если бы сѣченіе мальчиковъ было такою же настоятельной, естественной потребностью и необходимымъ условіемъ жизни, какъ, напр., пища и питье, тогда бы можно говорить о невозможности. Не ѣсть, не пить—дѣйствительно нельзя; но не сѣчь—это очень можно, кажется! А для попечителя округа очень легко даже и другихъ остановить отъ сѣченія. Стоитъ только положить правиломъ, что сѣчь въ гимназіяхъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ,—и не будутъ сѣчь.... И безъ всякаго сомнѣнія г. Пироговъ такъ бы и сдѣлалъ, если бы онъ признавалъ розги рѣшительно ни къ чему негодными. Если же онъ допустилъ еще ихъ оставаться въ гимназіяхъ, то, конечно, потому, что признаетъ ихъ пользу, хотя до нѣкоторой степени. Иначе сказать—онъ призналъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ розга составляетъ самое лучшее наказаніе, какое только возможно *въ настоящее время.*

И выходитъ, стало быть, что розги торжествуютъ въ кіевской педагогикѣ потому, что оказалось въ нихъ какое-то удобство, а вовсе не потому, чтобы невозможно было ихъ отмѣнить!

Да тутъ, впрочемъ, даже и выводить-то нечего: г. Пироговъ самъ сознается, что розгу и можно бы замѣнить, но что только *трудно* придумать что-нибудь вмѣсто нея!...

Въ чемъ же, однако, состоитъ это удобство розги, по мнѣнію кіевскаго педагогическаго комитета? Онъ не объясняетъ своихъ воззрѣній, но дѣло ясно само по себѣ. Тѣмъ-то именно и хороша розга, что избавляетъ почтенныхъ педагоговъ отъ придумыванья новыхъ, болѣе гуманныхъ и толковыхъ, педагогическихъ пріемовъ. «Нельзя же вдругъ», говорятъ «Правила», и въ этомъ восклицаніи является передъ вами вся прелесть, все барское блаженство обломовщины.... Вы помните, какъ Обломовъ говоритъ: «да какъ же это вдругъ?», когда ему является надобность перемѣнить квартиру. Онъ, въ своей барской наивности и лѣни, воображаетъ, что квартиру мѣнять можно исподволь, понемножку,—сначала переднюю сдѣлать въ другомъ домѣ, потомъ кухню перенести на новую квартиру, такъ чтобы обѣдъ оттуда на старую носить, и т. д. Подобно этому и наши педагоги воображаютъ, что розги отмѣнить можно какъ-то исподволь, не вдругъ.... Можетъ быть, на слѣдующій годъ въ Житомирской гимназіи высѣкутъ ужъ не 290, а только 289 человѣкъ, потомъ 288, и т. д. Посмотришь—черезъ три столѣтія дойдетъ до того, что и вовсе перестанутъ сѣчь. Значитъ, дѣло-то само собою обдѣлается! А то—шутка ли?—сиди да думай, чѣмъ и какъ замѣнить розгу! А это такъ *трудно!...*

Скажутъ, что мы преувеличиваемъ,—что самъ г. Пироговъ, съ своимъ комитетомъ, вовсе не хочетъ розогъ, что онъ ихъ оставляетъ только какъ временное, необходимое зло, что *вдругъ* имѣетъ значеніе—«сейчасъ же, въ сію минуту»,—т. е. до тѣхъ поръ, пока еще не придуманы другія мѣры въ замѣну розогъ.... Да, мы сами желали бы такъ думать; но, къ сожалѣнію, все это не ладится съ

«Правилами»,—исключая, разумѣется, того, что кіевскій комитетъ дѣйствительно самъ не хочетъ розогъ.... Дѣло, видите ли, въ томъ, что г. Пироговъ отрекается отъ всякой иниціативы въ этомъ дѣлѣ, не только теперь, но и въ будущемъ, на неопредѣленныя времена. Онъ говоритъ, что розгу нельзя изгнать изъ учебныхъ заведеній до тѣхъ поръ, *«пока сѣченныя дома дѣти будутъ поступать въ наши воспитательныя учрежденія»*. Значитъ, учрежденія эти не подадутъ благого примѣра, а будутъ попрежнему пороть дѣтей—болѣе или менѣе—до тѣхъ поръ, пока пороньe это не будетъ истреблено во всѣхъ концахъ и закоулкахъ Россіи!... Какая утѣшительная перспектива! И какъ она хорошо отвѣчаетъ тѣмъ надеждамъ, какія мы имѣемъ на близкое будущее, въ отношеніи къ развитію народнаго образованія! Теперь, какъ извѣстно, гимназическимъ ученіемъ пользуются почти исключительно дѣти дворянъ, чиновниковъ и купцовъ. Съ развитіемъ промышленности и освобожденіемъ крестьянъ, можно ожидать, что въ гимназіи будетъ поступать значительное число дѣтей мѣщанъ, торговцевъ, ремесленниковъ всякаго рода и земледѣльцевъ. Ежели теперь, изъ привилегированныхъ классовъ общества, поступаютъ въ гимназіи дѣти, уже сѣченныя дома, то, конечно, нельзя ожидать, чтобы въ низшихъ классахъ розга очень скоро вывелась въ семейномъ воспитаніи. Слѣдовательно, сѣченныя дома дѣти будутъ еще очень долго поступать въ наши заведенія, и на этомъ основаніи наша родная педагогика останется вѣрною розгѣ!... А можетъ, для ускоренія возможности изгнать розгу, запретятъ поступать въ гимназіи дѣтямъ ремесленниковъ и вообще низшихъ классовъ.

Что жъ? судя по основательности и дальновидности, какія обнаружены кіевскимъ комитетомъ, можно думать, что еще и эта мѣра когда-нибудь будетъ пущена въ ходъ,—если не въ видахъ изгнанія розги, то по какимъ нибудь другимъ соображеніямъ....

А на какомъ основаніи,—спросимъ еще,—кіевскіе педагоги рѣшили, что съ дѣтьми уже разъ сѣченными иначе нельзя обойтись, какъ посредствомъ розги?... Этого они опять не объясняютъ въ своихъ «Правилахъ». А такъ ужъ, видно,—коли прежде пороли, такъ и потомъ надо пороть... Способъ воззрѣнія, какъ видите, тотъ же самый, по которому говорили, бывало, иные мыслители: «нельзя мужика на волю отпустить, пока онъ коснѣетъ въ своей грубости и не имѣетъ чувства законности и сознанія собственнаго достоинства». Милые мыслители не хотѣли и слышать о томъ, что мужикъ до тѣхъ поръ и не пріобрѣтетъ всѣхъ этихъ прелестныхъ вещей, пока не будетъ на волѣ. Такъ точно и кіевскіе педагоги ни подъ какимъ видомъ не хотятъ, какъ видно, допустить, что натура «сѣченныхъ дома дѣтей» тогда только и смягчится и сдѣлается чувствительною къ наказаніямъ болѣе человѣчнымъ, когда хоть въ школѣ-то не станутъ ихъ драть, а будутъ обращаться съ ними по-человѣчески. А то, разумѣется,—дома дерутъ, въ гимна-

зіи дерутъ, вездѣ розочная круговая порука,—поневолѣ тутъ огрубѣешь!...

И вѣдь хоть бы что-нибудь устраивалось и обезпечивалось этимъ умилительнымъ допущеніемъ розогъ въ педагогику кіевскихъ воспитателей! А то рѣшительно ничего, кромѣ разрушенія прямой цѣли «Правилъ» (розга мѣшаетъ «развитію чувства законности», для котораго составлены «Правила»).... Вѣроятно, тѣ практики, которые изъ 600 гимназистовъ сѣкутъ въ годъ 290, остались очень довольны уступкою, сдѣланною въ пользу ихъ постоянныхъ воззрѣній, и, признаемся,—только желаніемъ сдѣлать имъ угодное и можемъ мы объяснить торжество розогъ, допущенное г. Пироговымъ въ сонмѣ педагоговъ Кіевскаго учебнаго округа. Только совершеннымъ несогласіемъ истинныхъ убѣжденій г. Пирогова съ принятою мѣрою можно до нѣкоторой степени оправдать ту страшную легкомысленность и противорѣчія, какія встрѣчаются въ каждой строчкѣ «Правилъ» тамъ, гдѣ говорится о тѣлесномъ наказаніи. Заглянемъ въ *табличку* проступковъ и наказаній, которая, по словамъ г. Пирогова, должна быть развѣшена на стѣнахъ во всѣхъ классахъ гимназій Кіевскаго округа, и къ которой провинившагося ученика должно подводить и молча указывать ему то мѣсто, гдѣ поименованъ его проступокъ съ соотвѣтствующимъ ему наказаніемъ. Въ этой табличкѣ мы найдемъ рѣшительное уничтоженіе всѣхъ общихъ фразъ, сказанныхъ г. Пироговымъ въ пользу розогъ въ гимназіяхъ.

Г. Пироговъ утверждаетъ, что поневолѣ приходится дѣтей, уже сѣченныхъ дома, сѣчь и въ гимназіи—«*по крайней мѣрѣ вначалѣ*». Изъ этихъ словъ можно заключить, что розги принимаются въ гимназіи собственно для того, чтобы не слишкомъ рѣзокъ былъ переходъ отъ жесткаго домашняго воспитанія къ гуманному обращенію въ гимназіи. Сначала мальчика станутъ посѣкать понемножку, а потомъ постепенно будутъ отставать отъ этого пріятнаго упражненія.... Если бы такъ, то въ такомъ образѣ дѣйствій была бы еще нѣкоторая послѣдовательность. Но посмотрите въ таблицу, и вы увидите совсѣмъ не то: каждый мальчикъ можетъ быть наказанъ розгами *только одинъ разъ* и, затѣмъ, послѣ вновь сдѣланнаго проступка *увольняется изъ заведенія*. Значитъ, какой же смыслъ имѣетъ оговорка г. Пирогова, что сѣчь *нужно—по крайней мѣрѣ вначалѣ?* Какія же тутъ «*по крайней мѣрѣ*», когда положено: высѣчь разъ мальчика, а потомъ въ слѣдующій разъ—уже выгнать изъ заведенія? «Вначалѣ»—хорошо начало!

Недурно также и общее опредѣленіе случаевъ, когда розга необходима. Она, видите, необходима «въ случаяхъ, *не терпящихъ отлагательства*, и должна слѣдовать *непосредственно* за проступкомъ, тамъ, гдѣ позорная вина требуетъ *быстраго*, *сильнаго и мгновеннаго сотрясенія*».

Да проститъ насъ почтеннѣйшій кандидатъ филологическихъ

наукъ, Н. А. Миллеръ-Красовскій, котораго мы такъ рѣзко упрекали въ прошломъ году за изобрѣтенное имъ *моментное дѣйствіе!* Намъ не шутя совѣстно передъ нимъ.... Мы почли его тенденціи чудовищно-рѣдкимъ явленіемъ въ средѣ нашихъ педагоговъ; мы имѣли наивность выразить мнѣніе, что уже самая степень кандидата университета должна была бы оградить его отъ подобныхъ нелѣпостей. Каемся: мы тогда имѣли слишкомъ розовый, слишкомъ лестный взглядъ на нашихъ педагоговъ вообще. Теперь мы видимъ, что г. Миллеръ-Красовскій былъ только однимъ изъ представителей этого почтеннаго и премудраго сословія,—не болѣе. Онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ даже послѣдовательнѣе многихъ изъ своихъ собратій. Такъ, напр., проводя свою идею о «моментномъ сотрясеніи», онъ находитъ, что розга беретъ все-таки, сравнительно, довольно много времени, и потому гораздо лучше вмѣсто нея употреблять пощечину. Это, по крайней мѣрѣ, логично. Въ «Правилахъ» Кіевскаго округа и того нѣтъ. Тамъ положено, что розги (долженствующія собственно слѣдовать *непосредственно* за проступкомъ, для произведенія *быстраго, сильнаго и мгновеннаго сотрясенія*) назначаются не иначе, какъ «по опредѣленію педагогическаго совѣта, по большинству трехъ четвертей голосовъ по закрытой баллотировкѣ». Скажите же, скоро ли вся эта исторія можетъ быть произведена въ гимназіи? И возможно ли, по поводу каждаго изъ подобныхъ проступковъ, немедленно собирать педагогическій совѣтъ? Да притомъ же, многіе изъ проступковъ, подлежащихъ розгамъ, могутъ, по самому существу своему, нуждаться въ предварительномъ разслѣдованіи, во время котораго, по кодексу г. Пирогова, для виновнаго назначается арестъ. Гдѣ же тутъ *непосредственное* слѣдованіе наказанія за проступкомъ? Гдѣ тутъ *мгновенное* сотрясеніе? Нѣтъ, ужъ право лучше пощечина г. Миллеръ-Красовскаго!

А не угодно ли полюбоваться, какіе проступки наказываются розгами. Мы ихъ сейчасъ перечислимъ; замѣтимъ только напередъ, что всѣ наказанія имѣютъ три степени, опредѣляемыя разными обстоятельствами проступка. Розгами наказывается: *воровство, къ которому причисляется и кража собакъ* [1]), — во второй степени. Затѣмъ розги опредѣлены,—въ третьей степени,—«за оскорбленіе посторонних и принадлежащихъ къ заведенію лицъ внѣ ихъ службы (т. е. начальниковъ, надзирателей, чиновниковъ и прислуги)—словомъ, письмомъ и дѣломъ, — за оскорбленіе товарищей словомъ, письмомъ и дѣломъ; во второй степени «за оскорбленіе начальствующихъ лицъ во время исправленія ими служебныхъ обязанностей,—словомъ, письмомъ и дѣломъ». Наконецъ, розгами же наказывается — что бы вы думали?... этого, кажется, и самому г. Миллеръ-Красовскому никогда бы въ голову не пришло! — розгами наказывается—дико повторить! — «*оскорбленіе товарищей за*

[1]) Такъ замѣчено въ «Правилахъ»!

вѣру (фанатизмъ)»!!! Мы долго не хотѣли вѣрить глазамъ своим; но наконецъ не могли не убѣдиться. Въ графѣ проступковъ, под № 27, стоитъ въ таблицѣ: *«оскорбленіе товарищей за вѣру»*; в скобкахъ поставлено: *«фанатизмъ»*. Въ графѣ наказаній стоит противъ этого отмѣтка *«наказывается, какъ оскорбленіе посторон нихъ лицъ.—см. № 14»*. Смотримъ № 14: тамъ стоитъ «оскорбле ніе постороннихъ лицъ», и пр., — наказывается: въ первой сте пени — *выговоромъ*, во второй — *выговоромъ съ угрозою розогъ*, в третьей—*розгами!*... Итакъ, дѣйствительно, «Правила» предпися ваютъ *сѣчь за религіозный фанатизмъ!!*

Оставимъ пока въ сторонѣ все инквизиціонное безобразіе по слѣдняго случая, и спросимъ объ одномъ; какія изъ указанных *преступленій* могутъ быть подведены подъ тѣ основанія, которы утверждаетъ г. Пироговъ необходимость розги. Отчего именно з воровствомъ, къ которому причисляется и кража собакъ, за оскор бленіемъ разнаго начальства и за фанатизмомъ должно слѣдоват безотлагательное, мгновенное сотрясеніе посредствомъ розги? I припомните еще, что розга назначается только въ трехъ низших классахъ, да и тамъ уже дѣлается изъятіе для 16-ти лѣтних если таковые случатся. Значитъ, въ большинствѣ случаевъ будут пороть мальчиковъ, которыхъ проступки еще не заключаютъ в себѣ ничего серьезнаго. Мальчикъ разъ стащилъ у товарища ка рандашъ,—ему выговоръ отъ совѣта; въ другой разъ онъ завел чужую собаку — его выпорютъ. Поссорился мальчикъ съ гуверне ромъ, который самъ его на это вызвалъ — подъ арестъ мальчика опять поссорился, уже безъ вызова съ той стороны,—его сѣкутъ А за розгами — не надо забывать — слѣдуетъ непремѣнно удалені изъ гимназіи послѣ вновь сдѣланнаго проступка! И это, при про свѣщенныхъ «Правилахъ», можетъ произойти вслѣдствіе брюзгли вости и неуживчивости какого-нибудь гувернера, учителя или чи новника гимназіи. «Правила» явно узаконяютъ эту брюзгливост и всѣ капризы начальства, когда въ графѣ обстоятельствъ, *опре дѣляющихъ три степени вины и наказанія*, ставятъ противъ оскор бленія начальства, *вызовъ со стороны начальника!!* Это, конечно признается за circonstance atténuante и *уменьшаетъ наказаніе*. Какое великодушіе! Мальчика не сѣкутъ за то, къ чему его сами же принудили! А намъ кажется, что ужъ если непремѣнно хочется сѣчь кого-нибудь, то во всѣхъ подобныхъ случахъ гораздо было бы основательнѣе—высѣчь этого начальника, который такъ ловко умѣетъ вести себя съ воспитанниками. Ему-то именно и было бы полезно мгновенное сотрясеніе, чтобы заставить его образумиться. Да притомъ, видя такое безпристрастіе со стороны «Правилъ» гимназисты дѣйствительно подвигнулись бы къ уваженію закона А то вѣдь стоитъ только повторить слова того же г. Пирогова въ тѣхъ же самыхъ «Правилахъ», чтобы видѣть, какъ эта казн за обиду, вызванную начальникомъ, разрушаетъ все зданіе закон ности, которое г. Пироговъ желалъ построить на своемъ кодекс

ростунковъ и наказаній. «Произволъ и капризъ воспитателя—говоритъ г. Пироговъ — вызываетъ, по закону противорѣчія, такой же произволъ и капризъ и въ воспитанникѣ». Стало быть, сколько вы воспитанниковъ ни сажайте подъ арестъ, сколько ни сѣките, сколько ни исключайте, — но пока у васъ остаются воспитатели капризные и вызывающіе на грубость, до тѣхъ поръ въ остальныхъ воспитанникахъ (хотя бы ихъ, послѣ вашего разгрома, оставалась только десятая доля) неминуемо будетъ проявляться и дерзость, и оскорбленіе начальства, и произволъ.

И — странное дѣло! — «Правила» *начертаны* для того, чтобы развить въ воспитанникахъ чувство законности и справедливости опредѣленіемъ *точныхъ, положительныхъ и одинакихъ правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ*; а между тѣмъ произволу начальства вездѣ оставленъ самый широкій просторъ, и именно за проявленіе личности воспитанника, за его нежеланіе подчиняться произволу, каждое гимназическое начальство можетъ, при первомъ удобномъ случаѣ, выдрать его, а потомъ выгнать безъ дальнихъ словъ. Обязанности начальниковъ всякаго рода и учителей въ отношеніи къ гимназистамъ не опредѣлены; напротивъ, самъ кодексъ говоритъ, что начальникъ можетъ быть безразсуденъ и грубъ—можетъ *самъ вызывать* на обиду. Представьте же теперь положеніе мальчика, воспитывающагося въ одной изъ гимназій Кіевскаго округа. У него въ классѣ на стѣнѣ виситъ *таблица проступковъ и наказаній*; возлѣ этой таблицы стоитъ или сидитъ взбалмошный учитель (или такихъ ужъ не бываетъ никогда?), который назойливо напрашивается на грубость, подвергая ученика всевозможнымъ оскорбленіямъ. Но учитель въ это время все-таки *исправляетъ свою служебную обязанность*: за грубость ему—строгій арестъ, розги, исключеніе... Мальчикъ это знаетъ, что ему дѣлать? Скрѣпиться и вынести все безропотно. А какія мысли, какія чувства прорѣжутъ въ это время его молодую голову и сердце? Вѣроятно, въ немъ будетъ развиваться въ эти минуты благоговѣніе къ кодексу г. Пирогова, чувство законности и справедливости?!..

Опредѣляя значеніе своего кодекса, г. Пироговъ боится, чтобы ученики не воображали, что теперь судьба ихъ зависитъ отъ мертвой буквы, и для того говоритъ: «напротивъ, опытъ долженъ скоро убѣдить ихъ, что самое главное дѣло—*точное изслѣдованіе и правосудное* приложеніе правилъ, содержащихся въ кодексѣ, къ каждому данному случаю — *все-таки предоставлено воспитателямъ*». Замѣтимъ, что воспитателямъ предоставлено кодексомъ *не только правосудное, но и совершенно неправосудное* приложеніе правилъ: они ничѣмъ не связаны въ своихъ дѣйствіяхъ, личность ихъ строжайшимъ образомъ ограждена отъ всякаго протеста гимназистовъ. Но положимъ, что воспитатели всѣ идеально-хороши; мы все-таки не понимаемъ, какимъ образомъ при этомъ условіи кодексъ г. Пирогова можетъ достигать своей цѣли—развитія чувства законности. Вѣдь самъ же г. Пироговъ сознается, что истинно-справедливое

наказаніе есть только то, «которое естественно, само собою проистекаетъ изъ сущности проступка»... А изъ какого же проступка естественно проистекаетъ розга? И какимъ образомъ случилось, что большинство наказаній тѣлесныхъ опредѣляется за оскорбленіе начальства? Не въ правѣ ли воспитанники уже въ самомъ этомъ опредѣленіи видѣть—не законность, а самый неосновательный, самый возмутительный произволъ? Кажется, у начальства и безъ розогъ довольно много средствъ оградить свою личность отъ оскорбленій воспитанниковъ. Да и, наконецъ, кто же мѣшаетъ начальству всякой гимназіи поставить воспитанника въ такое положеніе: «ты къ намъ поступилъ, такъ насъ уважай и слушайся; если же не хочешь исполнять этого условія, то убирайся вонъ». Мы знаемъ, что многіе хорошіе учителя употребляютъ эту мѣру въ классахъ. Если ученикъ шалитъ и шумитъ, они говорятъ ему: «если не хотите слушать, то не угодно ли вамъ выйти изъ класса»! И послѣ этого ученикъ обыкновенно присмирѣетъ... Скажутъ, что выгнать изъ гимназіи—вовсе не то, что выслать изъ класса; увольненіе во многихъ случаяхъ можетъ доконать мальчика, если онъ не имѣетъ возможности поступить въ другое заведеніе. Но вѣдь, во-первыхъ, мы предполагаемъ начальство идеально хорошее, неуваженіе къ которому вполнѣ заслуживаетъ подобнаго распоряженія; во-вторыхъ, и по кодексу г. Пирогова за розгами слѣдуетъ непремѣнно удаленіе ученика изъ гимназіи, — да еще не просто увольненіе, а *исключеніе*, которое всегда соединено съ отмѣткою неодобрительнаго поведенія и съ повѣщеніемъ по всѣмъ гимназіямъ округа. Это значитъ, — если примѣнить къ учителю, — по нашему учитель просто высылаетъ ученика изъ класса, а по кодексу—прибьетъ сначала, потомъ выгонитъ, да еще въ педагогическомъ совѣтѣ пожалуется. Разумѣется, такимъ образомъ дѣйствій учитель доказываетъ только свой мстительный характеръ и отсутствіе всякаго уваженія къ самому себѣ.

А какова соразмѣрность наказаній въ «Правилахъ»!... Воровство, какъ мы видѣли, наказывается въ первой степени—*выговоромъ отъ совѣта съ угрозою розогъ*, во второй—*розгами*, въ третьей—*исключеніемъ*. *Лихоимство* же—*черной доской*, *черной книгою* и, наконецъ, *увольненіемъ по прошенію!*... А между тѣмъ, что же такое лихоимство, какъ не самый гнусный видъ воровства? И не должно ли его наказывать строже ужъ и потому, что въ жизни всякаго гимназиста, когда онъ будетъ служить, представится гораздо болѣе поводовъ къ лихоимству, нежели къ простому воровству, слѣдовательно, при самомъ воспитаніи, въ самыхъ юныхъ лѣтахъ, нужно какъ можно тщательнѣе слѣдить за проявленіемъ этого порока и уничтожать самые первые его зародыши. Какими же соображеніями руководился г. Пироговъ съ своимъ комитетомъ, когда воровство такъ грозно каралъ сравнительно съ лихоимствомъ? Точно такъ же оскорбленіе начальства требуетъ *розогъ* и *исключенія*, а «уничтоженіе письменныхъ распоряженій начальства» —

только *карцера* и *увольненія*, которыя могутъ быть назначены, напримѣръ, и за *куреніе табаку*, наказываемое по «Правиламъ» какъ нарушеніе благочинія и формы въ школѣ». Вотъ какого свойства *законность*, вводимая «Правилами»!

Такихъ несообразностей много въ «Правилахъ», но мы ужъ не станемъ разбирать ихъ въ подробности, потому что всѣ «Правила»—въ своей общности—составляютъ одну изумительнѣйшую несообразность съ здравымъ смысломъ. Предоставляемъ разборъ ихъ записнымъ педагогамъ. Мы же остановимся только на томъ, что прямо относится къ розгамъ, которыми мы занялись спеціально въ этой замѣткѣ... Въ отношеніи къ этому предмету есть еще весьма любопытныя вещи въ «Правилахъ».

Какъ вамъ понравится, напримѣръ, то, что г. Пироговъ заставляетъ самихъ же гимназистовъ низшихъ классовъ сѣчь своихъ товарищей,—то есть не руками сѣчь, а опредѣлять имъ наказаніе розгами. Странно, какъ это учрежденіе пресловутаго Ehrengericht могло совмѣститься съ розочными понятіями; но это совмѣщеніе—несомнѣнный фактъ. Подъ № 15, за оскорбленіе товарищей опредѣлено, кромѣ прошенія извиненія у обиженнаго съ удовлетвореніемъ его, — въ первой степени для всѣхъ классовъ *выговоръ отъ совѣта*, во второй — выговоръ отъ совѣта съ угрозою розогъ, для низшихъ классовъ, и съ угрозою исключенія, для высшихъ, въ третьей — розги для низшихъ, а для высшихъ исключеніе. Внизу этого нумера приписано: «*опредѣленіе степени вины и наказанія предоставляется товарищамъ*». Такимъ образомъ, бѣдные мальчики принуждены выбирать одну изъ трехъ казней для своего товарища, и если они очень раздражены, то, опредѣляя *третью* степень, должны сами обречь товарища на порку!...

Какой миръ и согласіе должны послѣ этого господствовать въ классѣ!... И вотъ какъ прививаются нашимъ дѣтямъ гуманныя чувства!...

Не забудемъ еще, что къ числу этихъ оскорбленій товарищей отнесенъ потомъ и *фанатизмъ*. Вспомнимъ и то, что такое постановленіе сдѣлано въ Кіевскомъ округѣ, гдѣ католиковъ въ гимназіяхъ едва ли не больше, чѣмъ православныхъ. По крайней мѣрѣ въ Кіевскомъ университетѣ въ прошломъ году было православныхъ только 376, а католиковъ 525, а извѣстно, что большая часть поступающихъ въ университетъ выходятъ изъ гимназій (въ нынѣшнемъ году въ Кіевскомъ университетѣ—864). Слѣдовательно, религіозные споры и столкновенія могутъ быть весьма часты; ихъ нужно бы устранять, примирять. А тутъ г. Пироговъ велитъ ученикамъ разсудить самимъ, высѣчь ли товарища ихъ за религіозный фанатизмъ, или только выговоръ ему дать. Само собою разумѣется, что при этомъ классъ раздѣлится на два враждебные лагеря; католики будутъ говорить свое, русскіе—свое, и которыхъ больше, тѣ и побѣдятъ. Два-три случая такихъ — и раздраженіе

товарищей другъ противъ друга дойдетъ до неимовѣрной степени... Очень хорошо!

Но довольно. Намъ самимъ стало какъ-то скверно, когда мы погрузились въ этотъ грязный и темный омутъ, названный «Правилами о проступкахъ и наказаніяхъ». Боимся, чтобы того же самаго не сдѣлалось съ читателемъ... Во всякомъ случаѣ читатель видитъ, что кодексъ г. Пирогова вполнѣ противорѣчитъ той цѣли, какая объявлена самимъ его составителемъ. Втиснувъ всѣ дѣтскіе проступки въ 27 нумеровъ и въ три степени, оговоривъ для каждаго по 2—4 смягчающихъ и усиливающихъ обстоятельства, г. Пироговъ надѣется устранить этимъ произволъ и разнообразіе взглядовъ на проступки въ разныхъ гимназическихъ начальствахъ. Какая наивность, достойная скорѣе какого-нибудь московскаго публициста, нежели автора «Вопросовъ жизни»! Какъ будто разница наказаній въ школахъ зависитъ главнымъ образомъ отъ разницы взгляда начальства на тотъ *родъ* проступковъ, къ которому данный случай относится!... Вовсе нѣтъ. Всѣ начальники могутъ быть согласны въ теоретическомъ возрѣніи на преступность, напримѣръ, дерзости. Но одинъ можетъ видѣть дерзость въ нарушеніи ученикомъ основныхъ правилъ школы, другой — въ противорѣчивомъ отвѣтѣ, третій — въ томъ, что мальчикъ смотритъ ему прямо въ глаза... То же самое и во всѣхъ другихъ случаяхъ. И повѣрьте, что и при вашемъ кодексѣ вовсе не устраняется возможность того, что въ гимназіяхъ будутъ сѣчь отъ 40 до 300 человѣкъ изъ 600!... Повѣрьте, что не одни наказанія зависятъ отъ наказывающихъ, а не отъ наказываемыхъ, но и значительная доля самыхъ проступковъ. Не оттого только въ одной гимназіи больше дерутъ, а въ другой меньше, что въ одной смотрятъ на проступки иначе, чѣмъ въ другой... Нѣтъ, въ нихъ и ведутъ воспитанниковъ различно: къ чему въ одной гимназіи не подаютъ ни малѣйшаго повода, о чемъ въ ней и понятія не имѣютъ, съ тѣмъ ученики другой гимназіи сталкиваются каждый день, и часто поневолѣ должны измѣнять свое поведеніе. Съ человѣкомъ спокойнымъ, разсудительнымъ и благожелательнымъ трудно завести ссору и пойти на грубость и оскорбленіе. Но человѣкъ грубый, взбалмошный, безтолковый—хоть кого выведетъ изъ терпѣнія и вызоветъ на дерзость и даже на оскорбленіе болѣе существенное. Это одинъ видъ школьныхъ проступковъ; но въ жизни училищъ много и другихъ видовъ, которые точно такъ же обусловливаются общей организаціей школы и той обстановкой, въ какой находятся воспитанники... Вотъ на это-то и слѣдовало бы обратить вниманіе г. Пирогову. Какъ попечитель округа, онъ имѣлъ къ этому полную возможность.

Но оставимъ г. Пирогова съ его «Правилами» и скажемъ теперь нѣсколько словъ о себѣ и о той общественной морали, какая выводится изъ кіевскихъ розогъ. Для этого обратимся къ началу

нашей статьи и повторимъ: «время сказочныхъ богатырей давно прошло! Не нужно намъ ни сказокъ, ни богатырей! Стыдно тому, кто еще до сихъ поръ возлагаетъ свои надежды на какихъ-то современныхъ Добрынь и Еруслановъ!»

Да, стыдно человѣку современнаго общества быть столько малодушнымъ и наивнымъ, стыдно—это мы сами первые сознаемъ и заявляемъ публично. Не то горько намъ, что мы, превознося въ прошломъ году г. Пирогова, показали себя легковѣрными и увлекающимися, не то горько, что между нашими похвалами знаменитому педагогу оказалось нѣсколько незаслуженныхъ преувеличеній. Нѣтъ, насъ смущаетъ совершенно другое. Хвалить статьи г. Пирогова, восхищаться силою его логики, его послѣдовательностью и твердостью — мы имѣли полное право, и въ этомъ отношеніи намъ не въ чемъ раскаиваться. Но мы обнаружили крайнее тупоуміе и совершенное непониманіе жизни русской, когда осмѣлились выразить что-то въ родѣ надеждъ на практическую дѣятельность восхваляемаго писателя. Мы сами впали тогда въ примѣненіе къ нашему времени старинныхъ сказокъ о богатырѣ, побившемъ цѣлое войско... Сами не понимаемъ, какъ мы не сообразили тогда, что вѣдь это только въ сказкахъ и бываетъ... и намъ до сихъ поръ совѣстно за этотъ удивительный столбнякъ, нашедшій на насъ въ то время...

Но еще это все бы ничего: не тяжело публично сознаться въ своей ошибкѣ, которую самъ же первый и замѣтилъ, хотя и поздновато. Главное горе вотъ въ чемъ: наши прошлогодніе восторги сдѣлали насъ участниками въ созиданіи того пьедестала мудрости, на которомъ возвышается теперь г. Пироговъ. Мы поставили его въ примѣръ практическимъ педагогамъ, мы указали одному изъ нихъ, сомнѣвавшемуся въ отвратительности розогъ, на непреклонныя, незыблемыя убѣжденія г. Пирогова, рѣшительно отвергшаго тѣлесное наказаніе, какъ педагогическую мѣру, и заклеймившаго розги рядомъ энергическихъ, неопровержимыхъ силлогизмовъ... Теперь этотъ сомнѣвающійся педагогъ съ торжествомъ скажетъ намъ: «вы опирались на авторитетъ Пирогова; смотрите же, къ чему пришелъ онъ, какъ только коснулся практики... Невозможно уничтожить розгу въ гимназіяхъ!»... И сотни, тысячи подобныхъ сомнѣвающихся педагоговъ покончатъ съ своимъ сомнѣніемъ и рѣшатъ дѣло въ пользу розогъ, узнавъ о томъ, что *самъ Пироговъ* призналъ ихъ нужными и полезными... А сотни и тысячи другихъ, давно увѣренныхъ въ благотворности всякихъ экзекуцій, поднимутъ голову и, подъ защитою имени Пирогова, яростно накинутся на тѣхъ *мальчишекъ*, которые кричатъ противъ розогъ,—до тѣхъ поръ, какъ говорятъ, пока еще чувствуютъ боль розогъ, ими самими полученныхъ... И сами эти *мальчишки*, при всей своей увѣренности, все-таки будутъ немало сконфужены, когда увидятъ, что противъ нихъ выставленъ любимый авторитетъ ихъ, что ихъ поражаютъ ихъ же собственнымъ оружіемъ... Можетъ быть, многіе

мальчишки и не найдутся, что сказать, и можетъ быть — нѣкоторые потеряютъ бодрость и согласятся съ почтенными старцами розго-раздаятелями.

Вотъ что надѣлали восхваленія и надежды, повсюду раздававшіяся въ честь г. Пирогова со времени появленія «Вопросовъ жизни», и мы, мы въ этомъ сдѣлались участниками!!... Какъ хотите, а это очень горько!...

Потребность очистить себя отъ этого тяжелаго грѣха составляетъ для насъ нравственную необходимость. Вотъ почему мы поспѣшили обратить вниманіе нашихъ читателей на новыя тенденціи г. Пирогова, проявившіяся уже въ практической сферѣ. Вотъ почему считаемъ необходимымъ, для предупрежденія дальнѣйшихъ недоразумѣній подобнаго рода, высказать здѣсь еще нѣсколько мыслей о томъ, какъ здравомыслящему человѣку слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, смотрѣть на такъ-называемыхъ общественныхъ дѣятелей и насколько примыкать къ нимъ свою собственную дѣятельность.

Человѣкъ, сдѣлавшій, или даже только сказавшій что-нибудь хорошее, есть, безъ всякаго сомнѣнія, человѣкъ, сдѣлавшій или сказавшій что нибудь хорошее. Бранить его за это нельзя; напротивъ, нужно сказать, что его поступокъ хорошъ, или что слова его хороши. Но сказать это нужно не на вѣтеръ, не легкомысленно, а съ полнымъ сознаніемъ той общей идеи, въ силу которой вы утверждаете, что такое-то слово или дѣло хорошо. Не предавайте своей задушевной мысли, своего внутренняго убѣжденія — ни за какія всенародныя благодѣянія, ни за какіе всемірные подвиги, совершенные человѣкомъ. Если человѣкъ, спасшій отъ смерти тысячи голодныхъ бѣдняковъ, станетъ васъ увѣрять, что слѣдуетъ пользоваться плодами чужихъ трудовъ для собственнаго обогащенія,—не вѣрьте ему, не считайте этихъ понятій правильными потому только, что вы слышите ихъ отъ *такого* человѣка. Не будьте дѣтьми и дикарями, и внутренней, прекрасной истины не превращайте въ безобразный кумиръ. Разсудите: вы уважали этого человѣка за то, что видѣли въ немъ *любовь* къ бѣднякамъ, желаніе *дать* имъ средства къ жизни; только въ силу этого пріобрѣлъ онъ свой авторитетъ предъ вами, внушилъ вамъ уваженіе къ себѣ. Не забывайте же этого. Какъ скоро вы видите въ немъ черты противоположныя, какъ скоро оказывается, что онъ возстаетъ *противъ* трудящихся бѣдняковъ, что онъ хочетъ *отнять* у нихъ средства къ жизни, добываемыя ими, — вы уже не смотрите на него какъ на авторитетъ и т. п., а судите его какъ и всякаго обыкновеннаго человѣка. Можетъ еще оставаться тутъ вопросъ личный: что же значитъ это противорѣчіе—перемѣну ли, слабость ли характера, или даже прежнюю неискренность? И если окажется, что все прежнее было неискренно, то нужно карать человѣка этого, какъ лицемѣра и негодяя; если же просто окажется онъ слабымъ или перемѣнчивымъ, то можно пожалѣть о немъ... Но все это бу-

детъ дѣломъ чисто-личнымъ, и никакъ не должно быть примѣшиваемо къ суду объ общественномъ дѣлѣ, котораго онъ является защитникомъ или противникомъ... Тамъ нужно судить только о дѣлѣ, несмотря на то, кѣмъ оно защищается и кѣмъ оспаривается. Всѣ личныя уваженія здѣсь въ сторону! Если можно, то слѣдуетъ воздержаться и отъ всякаго увлеченія блестящею формою, въ которую иной умѣетъ облечь темное дѣло. Но ужъ на это, разумѣется, у кого умѣнья хватитъ... Очень многіе могутъ прійти въ восторгъ отъ плохой музыкальной пьесы, искусно сыгранной отличнымъ музыкантомъ, и за это нельзя строго винить такихъ любителей музыки. Но если придется судить о самой пьесѣ, то, конечно, лучше отдѣлить личность исполнителя отъ сущности пьесы, потому что какъ бы исполнитель ни былъ хорошъ, но пьеса сама по себѣ не сдѣлается отъ этого лучше, чѣмъ какою она сотворена своимъ авторомъ...

Что же касается до опредѣленія собственной дѣятельности сообразно съ дѣятельностью извѣстнаго общественнаго авторитета,— тутъ, кажется, нужно еще болѣе осторожности и строгости, нежели при простомъ обсужденіи дѣла. Разумѣется, нѣтъ людей совершенныхъ и непогрѣшимыхъ, и потому, если мы сами не чувствуемъ себя въ силахъ проложить новую дорогу и вести по ней другихъ, то намъ, чтобы не стоять безполезно на мѣстѣ, нужно итти за кѣмъ нибудь, и для этого выбрать себѣ руководителя. Но отправляясь за нимъ, мы все-таки должны заботиться всего болѣе о томъ, чтобы самимъ имѣть понятіе о цѣли пути и о самой дорогѣ. Кромѣ того, мы не должны думать, что въ этой дорогѣ руководитель нашъ будетъ насъ кормить, поить, одѣвать, и пр... Поэтому необходимо все-таки самимъ работать для себя, ни на мигъ не опускать руки, и зорко смотрѣть впередъ и по сторонамъ. Говоря ближе къ разсматриваемому нами предмету,—нѣтъ надобности полагать свое спасеніе въ дѣятельности какого-нибудь извѣстнаго лица и слѣпо вѣрить ему, а надо дѣлать сообща, пока идетъ сообща, и продолжать въ одиночку, если другіе свернутъ въ сторону, хотя бы эти *другіе* были превознесены всѣми похвалами и украшены всѣми вѣнками. Очень простительно и даже, можетъ быть, не безполезно было всему свѣжему и порядочному въ средѣ русскихъ педагоговъ примкнуть къ г. Пирогову и дѣйствовать подъ его знаменемъ. Но все таки само дѣло должно быть впереди. Какъ скоро является предложеніе сѣчь дѣтей за фанатизмъ, да еще по суду товарищей, тутъ уже все равно, кто бы ни сдѣлалъ это предложеніе — г. Миллеръ-Красовскій, г. Орловъ-Давыдовъ, или г. Пироговъ. Смущаться тутъ не слѣдуетъ, и тотъ, кто изъ уважаемаго человѣка не дѣлаетъ себѣ идола, никогда не смутится этимъ...

Но (послѣднее замѣчаніе) намъ могутъ сказать, что иногда слѣдуетъ прощать почтеннымъ личностямъ отдѣльные ихъ недостатки и даже не мѣшать ихъ ошибкамъ, изъ уваженія къ тому добру, которое они дѣлали и дѣлаютъ... Иногда это возможно, правда;

но чрезвычайно рѣдко, и то въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ, и то, если ошибки и недостатки болѣе касаются личности, нежели общаго дѣла. Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ рѣшиться на такую поблажку, нужно строго и строго разсудить: до такой ли степени важна и могуча дѣятельность такого-то почтеннаго лица въ общемъ ходѣ дѣлъ и до такой ли степени значительны мы сами въ ряду общественныхъ явленій, чтобы отъ нашего болѣе или менѣе лицемѣрнаго и потачливаго обращенія съ такимъ-то лицомъ могъ измѣниться ходъ событій... Тутъ можно бы распространиться вообще о значеніи личностей въ исторіи; но это было бы ужъ слишкомъ длинно и, можетъ быть, неумѣстно. Удовольствуемся повтореніемъ того, что времена сказочныхъ богатырей прошли, что общественная жизнь слагается не по щучьему велѣнью, иванушкину прошенью, и что отъ вліянія окружающей среды не могутъ освободиться и самыя лучшія личности. Стало быть, нечего возлагать надежды на чужую дѣятельность, а надобно хлопотать о томъ, чтобы самому понимать дѣло и умѣть вести его, по мѣрѣ силъ и возможности. Тогда мы пріобрѣтемъ двѣ выгоды: не будемъ лжецами предъ самимъ собою и не будемъ испытывать мучительныхъ сомнѣній отъ идей г. Миллера-Красовскаго, даже въ томъ случаѣ, если намъ станетъ проповѣдывать ихъ *самъ* г. Пироговъ.

V.

ОТЪ ДОЖДЯ ДА ВЪ ВОДУ.

«Впредь утро похвалю, какъ вечеръ ужъ наступитъ»

И. ДМИТРІЕВЪ.

По случаю прощанья Кіевскаго учебнаго округа съ Н. И. Пироговымъ, 4-го апрѣля нынѣшняго года, русская журналистика сочла нужнымъ вспомнить и меня съ моею статейкою: «Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами», напечатанною въ первой книжкѣ «Современника» прошлаго года. Очищая прощальную дорогу знаменитому хирургу и педагогу, нашли, что минута тріумфальнаго удаленія его будетъ очень удобна для того, чтобы бросить нѣсколько комковъ грязи въ темнаго журналиста, осмѣлившагося когда-то жестко отозваться объ одномъ изъ распоряженій г. Пирогова [1]).

[1]) Впрочемъ, какъ бы опасаясь не попасть въ такую маленькую цѣль, нѣкоторые господа придумали — къ подписи моей статьи — *бовъ* прибавить еще три слога и такимъ образомъ обращались уже не къ имени, которымъ подписана статья, а къ г. *Добролюбову*. Такъ, напримѣръ, сдѣлалъ г. Драгомановъ, въ 54 № «Русской Рѣчи». Г. Драгомановъ (какъ видно изъ брошюрки «Прощаніе Кіевскаго учебнаго округа съ Н. И. Пироговымъ») — студентъ одного изъ первыхъ курсовъ университета, а потому для будущей его дѣятельности въ литературѣ (къ которой онъ, повидимому, имѣетъ наклонность) не мѣшаетъ ему узнать кое-что о литературныхъ приличіяхъ. Видите-что. Мы всѣ желаемъ, конечно, самой рѣшительной и полной гласности во всѣхъ дѣлахъ общественныхъ, и жаловаться на нее въ этихъ случаяхъ я считаю недостойнымъ человѣка, хоть сколько-нибудь уважающаго себя. Но въ отношеніяхъ частныхъ, семейныхъ и личныхъ — усердіе къ гласности должно, по-моему, быть сдерживаемо нѣкоторымъ чувствомъ деликатности. Если приверженцы г. Пирогова нашли въ моихъ словахъ уголовное преступленіе, пусть начинаютъ судебный искъ — я не спрячусь за свою полуподпись, я явлюсь къ суду и не буду противиться обнародованію процесса съ моимъ полнымъ именемъ. Если, по мнѣнію господъ, вооружающихся противъ меня, поступокъ мой не подходитъ подъ тѣ, которые караются закономъ, но тѣмъ не менѣе остается возмутительнымъ и невыносимымъ для нихъ, — пусть требуютъ отъ меня какихъ-угодно личныхъ удовле-

Долгое время не бывши въ Петербургѣ, я только на дняхъ могъ прочитать нѣкоторыя изъ статей, написанныхъ противъ меня по поводу кіевскихъ «Правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ». Не ради этихъ статей, слишкомъ легкихъ и бездоказательныхъ, и не ради самого г. Пирогова, навѣрное лучше другихъ понявшаго сущность моихъ возраженій,—но ради самаго дѣла, которое теперь, по удаленіи г. Пирогова, остается въ большей опасности, чѣмъ какъ было при немъ,—я рѣшаюсь снова поднять старый вопросъ, пользуясь для своихъ объясненій полемическими статейками противъ меня.

Я не знаю, долженъ ли оправдываться противъ обвиненій, будто

твореній: я опять не откажусь объявить мое имя и адресъ. Но покамѣстъ дѣло остается въ предѣлахъ литературнаго спора, я не могу признать за моими возражателями право называть меня произвольными именами. Кромѣ того, что эта бреттерская привычка не хороша уже сама по себѣ, какъ свидѣтельство полицейскаго неуваженія къ инкогнито,—я нахожу въ ней слѣдующія два неудобства для моей личности. Во-первыхъ, разъ допустивши произвольную подстановку фамиліи писателя, нельзя уже будетъ остановить порывовъ журнальнаго остроумія... Вотъ, напримѣръ, г. Драгомановъ, припомнивъ, кажется, одну изъ комедій фонъ-Визина (Бригадиръ: *Добролюбовъ, любовникъ Софьи*), называетъ меня Добролюбовымъ, а какой-то другой господинъ въ («Сынѣ Отечества», кажется, или, можетъ быть, въ «Иллюстраціи»), вдохновляясь очевидно другой комедіею фонъ-Визина (Недоросль: *Скотинины всѣ родомъ крѣпколобы*)—увѣрялъ, что моя фамилія—*Крѣпколобовъ*. Третій послѣ этого скажетъ, что я—*Деризубовъ*, четвертый—*Подлолюбовъ*, и т. д. Все это будетъ, конечно, нимало не остроумно, но то-то и дурно... Второе обстоятельство вотъ какое: пока вы говорите о—*бовъ*, вы говорите о его статьѣ и о томъ, что можно заключить изъ его статьи,—и только. Тутъ я васъ не боюсь: вы можете меня не понять, исказить, оклеветать—вамъ же хуже. Публика имѣетъ предъ глазами мою статью, мы судимся открыто и гласно, наши шансы равны. Но когда вы, вмѣсто моей подписи, называете полную фамилію (вѣрно или невѣрно—все равно), публика видитъ, что у васъ были какія-то частныя свѣдѣнія объ авторѣ, кромѣ того, что извѣстно всѣмъ изъ печати. И если вы, говоря о статьѣ—*бова*, увѣряете, что *г. Добролюбовъ*—умный человѣкъ, но поборникъ либеральнаго деспотизма, и затѣмъ даете видѣть, что онъ легкомысленъ и неблагонамѣренъ, то вѣдь читатель-то въ правѣ подумать, что вы все это говорите—или по личному знакомству съ г. Добролюбовымъ, или по достовѣрнымъ частнымъ свѣдѣніямъ. И вслѣдствіе того читатель можетъ рѣшить: «конечно, изъ статьи —*бова* не видно того, что выводитъ объ авторѣ г. Драгомановъ; но, какъ видно, онъ имѣетъ и другія данныя для характеристики г. Добролюбова,—надо ему повѣрить»... И вамъ не совѣстно было бы, г. Драгомановъ, подобнымъ путемъ пріобрѣсть довѣріе читателя, когда вы и сами-то, вѣроятно, имѣете обо мнѣ развѣ лишь самыя смутныя свѣдѣнія, перешедшія черезъ Богъ-знаетъ сколько рукъ!... Кстати, для предостереженія публики отъ подобныхъ вамъ господъ, я замѣчу здѣсь (преодолѣвая неохоту говорить о себѣ), что кромѣ трехъ или четырехъ литераторовъ, съ которыми одними я по моимъ занятіямъ веду постоянныя сношенія, хоть мнѣ и приходилось встрѣчаться со множествомъ другихъ, но разговоры наши обыкновенно ограничивались взаимными вѣжливостями, и въ разсужденія обо мнѣ и моихъ литературныхъ занятіяхъ я никогда ни съ кѣмъ изъ нихъ не пускался. Изъ печатныхъ же отзывовъ обо мнѣ (въ послѣднее время довольно частыхъ) я вижу, что эти господа не имѣютъ понятія не только о моемъ характерѣ, но даже и объ образѣ мыслей. Поэтому мнѣ очень странно, что такъ безцеремонно поступили со мною г. Драгомановъ, о существованіи котораго узналъ я изъ его статейки, и «Русская Рѣчь», ни одного изъ редакторовъ которой я и въ глаза не видывалъ.

я написалъ свою статейку съ намѣреніемъ унизить и оскорбить г. Пирогова. Можетъ быть, и надо бы: вѣдь рѣдко кто захочетъ провѣрить обвиненія и для этого перечитать статейку, напечатанную полтора года тому назадъ, — въ этомъ положеніе мое передъ обвинителями очень невыгодно. Притомъ же «Современникъ» вообще извѣстенъ тѣмъ, что находитъ ехидное наслажденіе въ попираніи всякихъ заслугъ, въ опозореніи всего священнаго и возвышеннаго, въ «облаяніи» всякой благородной личности! Объ этомъ такъ часто и такъ усердно кричали, что робкихъ людей можетъ быть и увѣрили... Поэтому неудивительно, что иные читатели весьма серьезно примутъ, напримѣръ, такія выходки: «Отечественныя Записки» говорятъ, что г. Пироговъ «былъ предметомъ *оскорбительной* статьи» въ «Современникѣ», и затѣмъ даютъ мнѣ совѣтъ: «не торопитесь, не обращая вниманія на среду, въ которой они (люди подобные г. Пирогову) дѣйствуютъ, *бросать въ нихъ камнемъ и грязью*» («Отечественныя Записки IV, стр. 62). Въ VI № тѣ же «Отечественныя Записки» «съ искреннею благодарностью» помѣщаютъ письмо какого-то Е. Суд., который выражается такъ: «*самымъ неделикатнымъ образомъ*, во имя либерализма и гуманности, г. — *бовъ* отнесся къ г. Пирогову» (стр. 183). Не больно ли, когда какой нибудь *журнальный крикунъ*, во имя либерализма и гуманности, *вздумаетъ посягать* на такую личность, какъ Пироговъ?» (стр. 142). Г. Драгомановъ также читаетъ мнѣ свысока назиданіе: «не мѣшало бы *имѣть побольше дѣйствительнаго уваженія къ личности* и долго подумать, прежде нежели окрестить человѣка *обиднымъ прозвищемъ эгмантатора*. А то мы всѣ какъ-то много фразерствуемъ о гуманности, а между тѣмъ *слишкомъ торопимся негуманно обращаться съ лицами*, особенно во имя гуманной идеи. Это наконецъ начинаетъ надоѣдать. Пора отъ этого отдѣлаться» («Русск. Рѣчь», № 54, стр. 29).

Ну, словомъ, я — обидчикъ, крикунъ, клеветникъ; мое призваніе состоитъ въ томъ, чтобы *посягать* на благородныя личности и бросать въ нихъ грязью и каменьями... Что жъ мнѣ съ этимъ дѣлать? Защищаться? Противно очень, да по всей вѣроятности и безполезно: вѣдь кого интересуетъ задѣтый вопросъ, тотъ можетъ и справиться съ моей прошлогодней статьей, а кто не интересуется, такъ для того что же и хлопотать? Меня же лично эти обвиненія нисколько не безпокоятъ: крики о страсти журнала, въ которомъ я пишу, къ поруганію всего высокаго сдѣлались уже такимъ неизбѣжнымъ общимъ мѣстомъ всякой полемики противъ насъ, что я бы очень удивился, если бы журнальная братія не воспользовалась такимъ великолѣпнымъ случаемъ, какъ моя статья о «Всероссійскихъ иллюзіяхъ».

Да впрочемъ что же за дѣло публикѣ до моихъ тайныхъ намѣреній? Я могъ бы доказать, положимъ, — что писалъ статью свою съ наилучшими расположеніями; но если она вышла несправедливо-оскорбительна, все-таки мнѣ пришлось бы сознаться въ дурномъ

поступкѣ и просить прощенія. Отсутствіе злонамѣренности могло бы служить только облегчающимъ обстоятельствомъ. Но я беру самый фактъ и утверждаю, что статья моя не заключаетъ въ себѣ ничего оскорбительнаго для честнаго и справедливаго дѣятеля, какимъ представляется намъ г. Пироговъ, — и, несмотря на всѣ противные крики, несмотря на послѣдующія объясненія нѣкоторыхъ обстоятельствъ, несмотря на охлажденіе первыхъ впечатлѣній, — я ничего не могу взять назадъ изъ этой статьи.

Часто случалось мнѣ слышать упреки, что я обращаюсь къ почтеннымъ лицамъ въ небрежномъ и насмѣшливомъ тонѣ: тонъ статейки о г. Пироговѣ не можетъ подвергнуться даже этому упреку. Въ серьезности и горячности тона именно и высказалось то глубокое уваженіе, которое питалъ я къ г. Пирогову, и то огорченіе, которое почувствовалъ я при видѣ жалкаго факта, допущеннаго и освященнаго его авторитетомъ. Незадолго до того, восхищаясь непреклонной логикой автора «Вопросовъ жизни» и свѣтлымъ его взглядомъ, я вмѣстѣ съ другими предавался, противъ моего обычая, безразсудной иллюзіи, что вотъ *этотъ-то* человѣкъ можетъ неуклонно провести свои взгляды на практикѣ и одолѣть сопротивленіе среды. Это я высказалъ тогда и печатно, въ назиданіе профессора Киттары, который, при всей своей гуманной репутаціи, показался мнѣ на практикѣ весьма несостоятельнымъ. Но горькій опытъ разрушилъ восторженныя иллюзіи: и г. Пироговъ оказался слабымъ передъ средою, и онъ уступилъ, уступилъ не въ мелочи, а въ принципѣ, уступилъ въ томъ, противъ чего рѣшительно и ясно заявлялъ свое мнѣніе прежде. Я увидѣлъ, что, вмѣстѣ со множествомъ другихъ, я преувеличивалъ свои надежды, увидѣлъ, что напрасно считалъ возможнымъ для одного человѣка побѣду надъ мрачною средою, окружающею всѣхъ насъ, и счелъ нужнымъ высказать это для заявленія своего мнѣнія предъ тѣми, которые, можетъ быть, мною же отчасти введены были въ ошибку подобную моей. Поэтому смыслъ всей статьи вышелъ таковъ: вотъ мы бѣгаемъ за разными авторитетами, воображая получить отъ нихъ все, чего желаемъ: увлеченіе, достойное наивнаго дѣтства. Суровый опытъ говоритъ намъ постоянно, что подъ давленіемъ нашей среды не могутъ устоять самыя благородныя личности: посмотрите — вотъ одна изъ лучшихъ, Н. И. Пироговъ, — а между тѣмъ съ своимъ комитетомъ онъ принужденъ постановлять закономъ то, что прежде самъ же объявлялъ несправедливымъ и дикимъ. Горько будетъ, если и въ этомъ несчастномъ уклоненіи послѣдуютъ за нимъ тѣ, которые шли за нимъ по прямой дорогѣ. И заключеніе статьи состояло въ предостереженіи, которое я позволю себѣ выписать здѣсь.

«Нѣтъ надобности полагать свое спасеніе въ дѣятельности какого-нибудь извѣстнаго лица и слѣпо вѣрить ему, а надо дѣлать дѣло сообща, пока идетъ сообща, и продолжать въ одиночку, если другіе свернутъ въ сторону, хотя бы эти *другіе* были превознесены

всѣми похвалами и украшены всѣми вѣнками... Времена сказочныхъ богатырей давно прошли, общественная жизнь слагается не по щучьему велѣнью, иванушкину прошенью,—отъ вліянія окружающей среды не могутъ освободиться даже самыя лучшія личности; стало быть, нечего возлагать надежды на чужую дѣятельность, а надобно хлопотать о томъ, чтобы самому понимать дѣло и умѣть вести его, по мѣрѣ силъ и возможности. Тогда мы пріобрѣтемъ двѣ выгоды: не будемъ лжецами предъ самими собою и не будемъ испытывать мучительныхъ сомнѣній отъ идей г. Миллеръ-Красовскаго, даже въ томъ случаѣ, если намъ станетъ проповѣдывать ихъ *самъ* г. Пироговъ».

Чѣмъ же могъ бы тутъ оскорбиться г. Пироговъ? Неужели тѣмъ, что изъ него не дѣлаютъ и не совѣтуютъ дѣлать кумира? Неужели тѣмъ, что убѣждаютъ принимать сознательно и съ критикою его мнѣнія? Неужели тѣмъ, что вызываютъ свѣжія силы—не откликнутся ли онѣ изъ той самой среды, мертвящему вліянію которой долженъ былъ уступить самъ г. Пироговъ, дѣйствительно пріобрѣтшій себѣ на Руси репутацію характера твердаго и непреклоннаго.

«Нѣтъ, — говорятъ намъ наши противники,—не то было оскорбительно въ статьѣ, а вотъ что: въ ней нападали на Пирогова, какъ будто на измѣнившаго своимъ убѣжденіямъ, а между тѣмъ онъ имъ вовсе не измѣнялъ, а только уступилъ—во-первыхъ большинству комитета, а во-вторыхъ—статьямъ училищнаго устава, которыхъ онъ не въ правѣ былъ отмѣнить». По мнѣнію г. Праздношатающагося, въ «Отечественныхъ Запискахъ», г. Пироговъ этимъ обстоятельствомъ совершенно оправдывается, а по увѣренію гг. Е. Суд. и М. Драгоманова даже особенно возвышается. Г. Драгомановъ пространно разсуждаетъ, что «это подчиненіе коллегіи не отрицательно только хорошій фактъ, не порокъ только, но добродѣтель. Пироговъ не только подчинился рѣшенію коллегіи, которую создалъ,—*онъ не хотѣлъ иначе дѣйствовать какъ посредствомъ коллегіи* [1]). На коллегіальномъ принципѣ основана была вся его дѣятельность, въ этомъ главная его заслуга».... и пр.... То же говоритъ и г. Е. Суд.—«Пироговъ уступилъ большинству. За такія уступки его еще болѣе стали уважать люди, разумно слѣдившіе за ходомъ его общественной дѣятельности. Мы видѣли въ Пироговѣ начальника, который уважаетъ общее мнѣніе, никому не навязываетъ своего», и пр., и пр.

Изъ этого, разумѣется, и выходитъ, что я—поборникъ либеральнаго деспотизма, что, по моему, Пироговъ долженъ былъ произвольно отвергнуть мнѣніе комитета и заставить всѣхъ насильно быть гуманными. Характеризуя мое направленіе, гг. Е. Суд. и М. Драгомановъ доходятъ до удивительнаго и трогательнаго *единогласія*. Одинъ гласитъ:

---

[1]) Курсивъ у автора.

«Пора намъ понять, что мало пользы приносятъ и возмутительны Калиновичи, которые, считая себя «высшими организмами относительно всей этой массы», ломятъ ее съ озорниковскимъ pour leur bien, что недалеко ушли эти господа цивилизаторы отъ ремесленниковъ, которые бьютъ своихъ учениковъ, говоря: «тебя же, дурака, добру учатъ» («Русск. Рѣчь», стр. 30).

Такъ же точно и г. Е. Суд. провозглашаетъ, что по-моему Пироговъ долженъ былъ «оказаться либеральнымъ черезчуръ, или, пожалуй, щедринскимъ озорникомъ, высшимъ организмомъ относительно всей этой массы, благодаря неусыпному попечительству котораго мужикъ понимаетъ, что и онъ—ничего, и сходъ его—ничего... и только просвѣщенный взглядъ администратора можетъ освѣтить этотъ хаосъ» и пр. («От. Зап.», стр. 140). Все это почтенный г. Е. Суд., для большей убѣдительности, пропечаталъ даже курсивомъ.

«Мы много фразерствуемъ о гуманности, а сами торопимся слишкомъ негуманно обращаться съ лицами, особенно во имя гуманной идеи; пора отъ этого отдѣлаться»,—восклицаетъ г. Драгомановъ. Да, г. Драгомановъ,—пора: вотъ хоть бы вамъ, или г. Суд., прежде чѣмъ бросать въ меня стрѣлы своего краснорѣчія, чтобы хоть перелистовать мою статейку!... Вы бы тогда и увидали, что краснорѣчіе ваше тратится понапрасну, мало того—что оно даже отзывается недобросовѣстностью. Кто васъ прочтетъ, тотъ вѣдь подумаетъ, что я въ самомъ дѣлѣ обрушился на одного г. Пирогова, что о комитетѣ и коллегіальномъ принципѣ я, можетъ быть, и не зналъ, и не думалъ совсѣмъ... А между тѣмъ, въ статейкѣ моей нападенія вовсе не обращены исключительно на г. Пирогова: иной разъ говорится: «г. Пироговъ», а въ другой—«кіевскій комитетъ», «кіевскіе педагоги», или просто «Правила», или же—«г. Пироговъ съ своимъ комитетомъ». Мало того,—вѣдь весь смыслъ статейки состоялъ въ томъ, что «вотъ какъ подчиняется у насъ вліянію неблагопріятной среды дѣятельность даже самыхъ лучшихъ людей». Выходитъ, что ярые защитники благородной личности г. Пирогова совершенно напрасно поторопились обозвать меня озорникомъ, Калиновичемъ (и дался же имъ этотъ Калиновичъ—точно безсмертный типъ какой!) и пр. Выходитъ, что я нападалъ не на личность, а на комитетъ, и на Пирогова, какъ на его предсѣдателя, слѣдовательно, какъ на одного изъ вліятельнѣйшихъ членовъ, да еще притомъ заявившаго себя незадолго передъ тѣмъ цѣлой Россіи отвращеніемъ отъ тѣхъ мѣръ, какія въ комитетѣ были допущены. Впопыхахъ негодованія, мои жаркіе противники просмотрѣли это обстоятельство и не могли придумать для моей статьи лучшаго мотива, какъ «теорію либеральнаго деспотизма». Вотъ попали-то!...

А впрочемъ, я даю поводъ подозрѣвать, что я увертываюсь: вѣдь статья моя точно отзывается очень жестко о г. Пироговѣ, какъ будто о человѣкѣ, имѣвшемъ возможность поступить иначе,

чѣмъ онъ поступилъ. А поступить иначе онъ могъ, только послѣдовавъ «теоріи либеральнаго деспотизма», или, что все равно, «принципамъ г. Добролюбова», выведеннаго на свѣтъ божій г. Драгомановымъ. Ясно, стало быть, что я осердился на благородную личность именно за то, что она не оказалась такимъ «озорникомъ», какъ я...

На это я могъ бы возразить, что не всѣ такъ узко понимаютъ меня: «Отеч. Записки», напримѣръ, сообразили, что, по моимъ требованіямъ, г. Пироговъ долженъ былъ бы выйти въ отставку, видя невозможность провести на практикѣ свои убѣжденія. Поэтому онѣ возражаютъ: «что будетъ съ нами, если честные дѣятели, изъ за того, что имъ невозможно вдругъ, всецѣло осуществить своихъ благородныхъ стремленій, покинутъ дѣло и удалятся съ поприща дѣйствительной дѣятельности, на которомъ, къ сожалѣнію, они и безъ того долго не остаются?»... Вотъ то-то и есть, что не остаются,—замѣчу я кстати: не оттого ли и не остаются, что уже слишкомъ податливы? Вѣдь если бы всѣ умные и честные дѣятели приняли за правило—вступать въ общественную дѣятельность не иначе, какъ съ условіемъ развивать свою программу, такъ ихъ программа скорѣе пошла бы въ ходъ, потому что, какъ хотите, а безъ честныхъ и умныхъ дѣятелей никакъ не обойдешься, ни въ какой отрасли общественной жизни. Самое ихъ удаленіе было бы, во-первыхъ, живымъ протестомъ, во-вторыхъ, свидѣтельствомъ ихъ независимой силы и, въ-третьихъ, горькимъ урокомъ для тѣхъ, которые до сихъ поръ привыкли пользоваться ихъ услугами, въ то же время налагая различныя «уступки» на ихъ убѣжденія...

Впрочемъ, рѣчь шла и не объ этомъ. Радикальная теорія могла бы, конечно, доказать, что для г. Пирогова и для Россіи, или, по крайней мѣрѣ, для Кіевскаго учебнаго округа, было бы вовсе не безполезно, если бы г. Пироговъ рѣшился скорѣе отказаться отъ своей должности, нежели допускать водвореніе нелѣпости, противъ которой самъ же вооружался... Но я, признаюсь, даже и этого не имѣлъ въ виду: куда намъ до такихъ воззрѣній... Мотивъ моихъ нападеній, насколько они касались г. Пирогова, былъ гораздо проще и ближе къ обыкновенному житейскому пониманію. Онъ состоялъ вотъ въ чемъ.

Г. Пироговъ не просто уступилъ рѣшенію комитета, не просто склонился предъ необходимостью... Онъ не сталъ просто въ пассивное положеніе человѣка, которому связали руки; нѣтъ, онъ и со связанными руками бросился впередъ, чтобы заслонить собою тѣхъ, которые его связали... Ну, естественно, что сильнѣйшіе удары и пришлись по нему... Кто писалъ предисловіе и текстъ объясненій къ «таблицѣ наказаній»? Н. И. Пироговъ.—Отъ чьего лица пишетъ онъ? коллективно или нѣтъ?—Нѣтъ, онъ говоритъ: «*я* предполагаю», «*я* нахожу»... Значитъ, основанія «Правилъ»—его. Мало того, въ заключеніе предисловія онъ говоритъ: «я предлагаю дирекціямъ... слѣдующія положенія комитета, *вполнѣ раздѣ-*

ляемыя и мною» («Ж. для восп.», 1859, № XI, стр. 112). И противъ этихъ словъ нигдѣ нѣтъ никакого протеста, никакой оговорки. Скажите, добрые люди,—такой образъ дѣйствій тоже необходимо требовался, чтобы не впасть въ «либеральный деспотизмъ», не сдѣлаться «озорникомъ», и пр.?... Кажется, никто, ни въ какихъ комитетахъ, никогда не обязывался мгновенно дѣлаться рыцаремъ противныхъ убѣжденій, какъ скоро они утверждены большинствомъ. Г. Пироговъ могъ уступить рѣшенію комитета, но могъ тутъ же, ясно и рѣшительно, заявить пункты своего несогласія съ нимъ. Тогда бы вышло совсѣмъ другое: отсталость кіевскаго комитета и училищнаго устава не покрывалась бы гуманнымъ авторитетомъ г. Пирогова, и не было бы намъ съ г. Е. Суд. никакой причины горячиться.. Но г. Пироговъ этого не сдѣлалъ... Да что же я говорю—не сдѣлалъ?... Онъ, напротивъ, постарался мотивировать ненавистный параграфъ о розгахъ... Чѣмъ же? Тѣмъ ли, что комитетъ желаетъ ихъ удержать, и что попечитель не имѣетъ права измѣнять училищнаго устава? Нѣтъ, а тѣмъ, что 1) нельзя *вдругъ* вывести розгу изъ употребленія, 2) *трудно* придумать что нибудь вмѣсто нея, 3) въ школу поступаютъ дѣти, *уже сѣченныя дома*, 4) въ нѣкоторыхъ случаяхъ проступки требуютъ *сильнаго мгновеннаго сотрясенія*...

Такимъ образомъ, г. Пироговъ дѣлался предъ судомъ публики (имѣющей полное право не знать интимностей комитета) не человѣкомъ, «съ болью въ сердцѣ вырвавшимъ у самого себя уступку», а просто-на-просто сообщниковъ кіевскихъ педагоговъ (мудрость которыхъ мы еще увидимъ впереди,—по подлиннымъ свидѣтельствамъ самихъ кіевлянъ). И, послѣ этого, я виноватъ, что не отдѣлилъ тайныхъ убѣжденій г. Пирогова отъ того, что онъ редижировалъ для комитета? Да какое же мнѣ-то было дѣло до тѣхъ его убѣжденій, которыхъ онъ самъ знать не хотѣлъ? Вы можете кричать на меня, сколько вамъ угодно, а я, по совѣсти говоря, не раскаиваюсь теперь даже въ тѣхъ ироническихъ фразахъ, въ которыхъ говорилось, что, вѣроятно, среди кіевскаго комитета г. Пироговъ дѣйствительно нашелъ какое-то удобство въ розгѣ и быстро убѣдился въ ея полезности.

Но, если ужъ пошло на то, чтобы пристыдить васъ, господа противники «принциповъ г. Добролюбова», я вамъ скажу, что я въ своей статейкѣ сдѣлалъ болѣе, чѣмъ отъ меня требовалось: я проникъ въ то, во что могъ бы и не заглядывать. Видите ли, въ одномъ мѣстѣ моей статьи (стр. 266) я говорилъ: «*только совершеннымъ несогласіемъ истинныхъ убѣжденій г. Пирогова съ принятою мѣрою можно*, до нѣкоторой степени, *оправдать* тѣ *противорѣчія*, какія встрѣчаются въ каждой строчкѣ «Правилъ», тамъ гдѣ говорится о тѣлесномъ наказаніи». Въ числѣ этихъ противорѣчій было указано мною слѣдующее: причиною допущенія розги выставлена, между прочимъ, потребность сильнаго, *мгновеннаго* сотрясенія и, потому, оно должно слѣдовать *непосредственно*, *безот*-

лагательно за проступкомъ; а между тѣмъ розга назначается не иначе, какъ по опредѣленію педагогическаго совѣта, послѣ разслѣдованія и обсужденія дѣла... Въ «Отчетѣ о слѣдствіяхъ введенія Правилъ» (рекомендуемомъ мнѣ г. Драгомановымъ, который даже сожалѣетъ, что я не читалъ его, когда писалъ свою статью!), г. Пироговъ самъ сознается въ слѣдующемъ: «замѣчу здѣсь мимоходомъ, что намъ указали нѣкоторые на противорѣчіе въ «Правилахъ», относящееся до тѣлеснаго наказанія. Мы приняли, что это наказаніе тогда только можетъ достигнуть цѣли, когда оно будетъ употребляться безотлагательно, и вслѣдъ за проступкомъ, а между тѣмъ опредѣленіе его предоставили педагогическому совѣту. *Это дѣйствительно противорѣчіе*, но такое, которое говоритъ само за себя. Мнѣ оно казалось необходимымъ. Когда большинство въ комитетѣ сочло невозможнымъ уничтожить совсѣмъ тѣлесное наказаніе, то *это противорѣчіе выразило мой личный протестъ, который долженъ былъ напомнить педагогическимъ совѣтамъ, какого я мнѣнія о розгѣ. Вотъ и все*» («Ж. для восп.» 1861 г. № IV, стр. 216).

Прочли ли это мѣсто мои возражатели? Если прочли, то какъ же они не замѣтили, какъ оно для меня благопріятно? Вѣдь нельзя не согласиться, что *протестъ* г. Пирогова былъ уже слишкомъ тонокъ, такъ что кромѣ меня, дѣйствительно, едва ли кто-н замѣтилъ его. А я замѣтилъ и указалъ печатно — позвольте ужъ похвалиться этимъ!.. Или, напротивъ, и тутъ я виноватъ въ чемъ нибудь?

Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, чтобы ни говорили о неприличіи моего обращенія съ г. Пироговымъ, — дѣло разъясняется въ мою пользу, или, лучше сказать, въ пользу самаго дѣла: издавая свои «Правила», г. Пироговъ не только не протестовалъ противъ нѣкоторыхъ пунктовъ ихъ, но даже сказалъ, что *вполнѣ раздѣляетъ* мнѣнія комитета, даже принялся ихъ оправдывать; это многихъ могло ввести въ заблужденіе (и вводило) и заставить думать, что г. Пироговъ дѣйствительно оправдываетъ розгу, какъ полезную мѣру наказанія. Теперь г. Пироговъ уже положительно объявляетъ, что онъ питаетъ къ розгѣ прежнее отвращеніе и никогда не переставалъ питать его, но что ему дѣлать было нечего противъ комитета. Съ этой стороны, значитъ, можно быть спокойнымъ: педагоги розочныхъ принциповъ не имѣютъ за себя, по крайней мѣрѣ, авторитета г. Пирогова.

Вотъ я и покончилъ съ моими строгими судьями. Но дѣло мое только что начинается. Вообразите, — вѣдь розгу все-таки отстаиваютъ!...

«Какъ же это однако, — восклицаетъ читатель: — послѣ всего, что сказали сами поборники г. Пирогова, послѣ его собственныхъ признаній, — кто же еще можетъ осмѣлиться отстаивать розгу? Вѣдь они ужъ всѣ объяснились, что и рады бы, да нельзя, или,

какъ говоритъ г. Сухаревъ (это тоже нашъ антагонистъ) въ «Русской Рѣчи»: «хотѣли бы, да Фатей не велитъ!»... Ну, послѣ этого ужъ и молчи»...

Читатель оказывается недогадливымъ: онъ забываетъ *среду*. *Среда* требуетъ, читатель, какъ же ея не послушаться?

Вы опять удивляетесь: «какъ, законодатель долженъ постановлять нелѣпые законы, если среда нелѣпа, долженъ освящать закономъ всякія гадости, если къ нимъ среда привыкла!... Да вѣдь онъ на то и законодатель, чтобы»...

Позвольте, читатель, — вы слишкомъ торопитесь. Я сейчасъ объясню вамъ, въ чемъ дѣло.

Въ моей статейкѣ было замѣчено, что остановить сѣченіе въ школахъ вовсе не такая ужъ невозможность, какъ многимъ кажется: «попечитель могъ положить, чтобъ не сѣкли,—и не стали бы сѣчь». Эта послѣдняя фраза, дѣйствительно, слишкомъ отважная и вызванная именно преувеличеннымъ довѣріемъ къ моральной силѣ и вліянію г. Пирогова,—послужила, кажется, однимъ изъ сильнѣйшихъ поводовъ къ возстанію на меня. Разумѣется, если бъ мнѣ просто сказали: «гдѣ же, дескать, попечителю усмотрѣть за всѣми въ одиннадцати гимназіяхъ округа»,—такъ мнѣ бы и возражать нечего было. Но нѣтъ, г. Драгомановъ, подхватившій мою фразу, не съ этой стороны напалъ на нее, а забралъ гораздо выше: «воспрещать сѣчь, это, видите ли, значитъ приказывать учителямъ насильно быть либералами», т. е. опять таки «дѣйствовать по принципамъ г. Добролюбова». А ужъ это—чего хуже!...

Мы съ вами, простосердечный читатель, думали до сихъ поръ, что есть разница между положительными и отрицательными фактами. Оказывается, что никакой. Вы не допускаете вора стянуть вашъ кошелекъ, — вы, значитъ, насильно заставляете его быть честнымъ человѣкомъ; вамъ запрещаютъ драться, — хотятъ изъ васъ насильно сдѣлать либерала... Если вы встрѣтите на улицѣ г. Козлянинова, тузящаго женщину или ребенка, — вы, можетъ быть, почувствуете порывъ отнять у него беззащитную жертву. Удержите же вашъ порывъ, если не хотите заслужить обвиненіе «въ послѣдованіи принципамъ г. Добролюбова». Вы разсудите, что вѣдь у насъ *среда такая:* дерутся, да и только... Ну, положимъ, вы и прекратите безобразіе на улицахъ: что же изъ того? Вѣдь дома—мужья женъ бьютъ, отцы—дочерей, разные франты—своихъ любовницъ; а ужъ если дома дерутся, то какъ же на улицѣ-то воспретить? Оно хорошо бы, слова нѣтъ, — очень бы хорошо, да еще никакъ нельзя: хоть и воспретишь на бумагѣ, а на дѣлѣ все будетъ продолжаться... Обратитесь къ городовымъ и спросите: есть ли возможность предупредить драки на улицахъ и оскорбленіе женщинъ? — «Никакой возможности, — отвѣтятъ вамъ городовые, по большинству голосовъ, — ибо, дескать, у насъ ужъ грубость нравовъ такая»... Что дѣлать въ этомъ случаѣ?... Ясно что: разсмотрѣть различные случаи публичныхъ ссоръ и оскорбленій, под-

вести ихъ подъ рубрики и, по совѣщаніи съ городовыми, постановить правила, въ какихъ случаяхъ г. Козляниновъ имѣетъ право узить публично женщинъ и дѣтей, въ какихъ нѣтъ.

Вы думаете, мы это на смѣхъ выдумали? — вовсе нѣтъ. Я думаю, что если бы спросить объ этомъ мнѣнія, напр., г. Драгоманова, такъ онъ разсудилъ бы именно такимъ образомъ. Посмотрите, напр., какъ онъ доказываетъ необходимость узаконенія розги.

«Намъ могутъ привесть еще одно возраженіе: какъ ни толкуй, а дѣтей все-таки сѣкутъ. — *Это конечно очень прискорбно.* Но (внимайте же!), во-первыхъ, сѣкутъ гораздо меньше (радость-то какая!). Во-вторыхъ, количество высѣченныхъ въ гимназіяхъ (27 гимназистовъ) — капля въ морѣ сравнительно съ высѣченными дома (ну да,—количество побитыхъ г. Козляниновымъ съ компаніею,—то же значитъ въ сравненіи съ числомъ тѣхъ, кому дома задаютъ потасовку!): родители, все-таки, не перестаютъ сѣчь своихъ дѣтей. *Что дѣлать, если общество такъ неразвито* (конечно, другого нечего и дѣлать, какъ утвердить его закономъ въ его неразвитости!). Вотъ два примѣра (г. Левъ Камбекъ могъ бы насчитать и больше). Въ Полтавской губерніи, говорилъ намъ человѣкъ, близко знакомый съ дѣломъ, многіе родители взяли своихъ дѣтей изъ одного уѣзднаго училища, заслышавъ, что тамъ ужъ не сѣкутъ; въ К—ѣ процвѣтаетъ *частный* пансіонъ, въ которомъ воспитываются мальчики довольно богатыхъ родителей и въ которомъ ученикамъ дѣлается систематическая порка (ясно, что именно этотъ пансіонъ и долженъ служить образцомъ для кіевскихъ педагоговъ!). Въ-третьихъ—наказаніе розгами такъ ограничено «Правилами», назначается за такіе проступки, что оно достается только тому, кого дома любезные родители разъ по 5 въ годъ сѣкутъ (это *въ-третьихъ* рѣшительно совпадаетъ съ *первымъ* и *вторымъ*, но г. Драгомановъ въ жару защиты забываетъ требованія логики; не будемъ слишкомъ требовательны къ юношѣ). *Наконецъ*, скажемъ мы съ Пироговымъ, самые драконовскіе законы не будутъ страшны, если будутъ законно примѣняться» (т. е. неудобство розги г. Драгомановъ видитъ только въ излишней строгости этого наказанія, а не въ моральномъ его безобразіи: вѣдь такъ надо понимать его, если только онъ изучалъ древнюю исторію и помнитъ, въ чемъ упрекали драконовскіе законы). («Русск. Рѣчь», стр. 30.)

Я бы не привелъ отзыва г. Драгоманова, если бы не нашелъ подобной же мысли въ самомъ «Отчетѣ о слѣдствіяхъ введенія правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ», писанномъ г. Пироговымъ. Онъ тоже оправдываетъ свой образъ дѣйствій тѣмъ обстоятельствомъ, что «нравы общества не приготовлены еще къ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія». Предложивъ сначала эту отмѣну, но «не нашедъ сочувствія въ большинствѣ членовъ»,—г. Пироговъ «вскорѣ убѣдился, что безполезно было бы уничтожить на одной бумагѣ,

кто-нибудь, при составленіи проекта новаго училищнаго устава, будетъ руководствоваться этимъ мнѣніемъ, то поступитъ очень неосмотрительно. Конечно, при неразвитости общества часто не достигаютъ цѣли самые лучшіе законы; но, съ другой стороны, надо замѣтить, что чѣмъ человѣкъ неразвитѣе, тѣмъ чаще дѣйствуетъ онъ безъ сознанія, по рутинѣ, и, слѣдовательно, тѣмъ болѣе расположенъ (разумѣется тамъ, гдѣ не мѣшаетъ личная выгода) въ своихъ дѣйствіяхъ соображаться съ тѣмъ, что ему положено свыше. Поэтому, узаконите розгу—это розочникамъ на много лѣтъ придастъ бодрости; отмѣните ее—и на дѣйствіяхъ ихъ все-таки хоть сколько-нибудь отразится сознаніе, что установленная надъ ними сила закона—не въ ихъ пользу.

«Но въ практической дѣятельности,—возражаютъ намъ,—г. Пироговъ достигъ самыхъ лучшихъ результатовъ, какихъ только возможно было желать. Вотъ доказательство, что всѣ теоретическія умствованія противъ его системы—совершенно несостоятельны».

Объ этомъ мы сейчасъ поговоримъ.

Противъ практической дѣятельности г. Пирогова, противъ его личности мы рѣшительно ничего не имѣемъ. Во-первыхъ, мы знаемъ, что онъ былъ связанъ въ своей дѣятельности существующимъ уставомъ и не имѣлъ никакой практической возможности явиться реформаторомъ. Во-вторыхъ, мы знаемъ теперь, что онъ употреблялъ усилія сдѣлать то, чего мы желаемъ, но встрѣтилъ препятствія въ большинствѣ. Въ-третьихъ, мы видимъ, что, несмотря на всѣ препятствія, вліяніе его благородной личности было въ самомъ дѣлѣ сильнѣе, нежели, можетъ быть, самыя рѣшительныя и строгія запрещенія при другомъ начальникѣ.

Но признавши все это и присоединивъ свой отдаленный голосъ къ благодарнымъ голосамъ, раздававшимся вокругъ г. Пирогова при его проводахъ, я все-таки не могу отстать отъ своихъ нападеній на *систему* и на нѣкоторыя положенія, допущенныя въ «Правилахъ». Сначала скажу о частностяхъ; объ опасности, грозящей самому дѣлу отъ принятой системы, поговорю въ заключеніе.

Въ «Правилахъ» не одно *допущеніе* розги мною признано несправедливымъ, но и то, *за что* она допущена. Ею наказываются *воровство* и *дерзость* или вообще—*оскорбленіе*. Судя по «Правиламъ», я заключалъ, что тѣлесное наказаніе положено также и за *фанатизмъ*, такъ какъ противъ него въ таблицѣ стоитъ то же наказаніе, какъ и за оскорбленіе постороннихъ лицъ, то есть розги, въ третьей степени,—для низшихъ классовъ, и исключеніе—для высшихъ. Это было бы уже слишкомъ нелѣпо, и теперь г. Пироговъ объясняетъ въ «Отчетѣ», что тутъ былъ «недостатокъ редакціи», а на самомъ дѣлѣ за фанатизмъ никогда не предполагалось сѣчь, такъ какъ въ низшихъ классахъ не считаются возможными серьезныя его проявленія [1]).

[1]) Это, впрочемъ, тоже кажется мнѣ не вполнѣ основательнымъ. Г. Пироговъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ отзывается о моей замѣткѣ по этому

Но почему же за *воровство*—тѣлесное наказаніе? Какое соотвѣтствіе между тѣмъ и другимъ? Вотъ что спрашивалъ я еще въ прошломъ году, и чего никто до сихъ поръ не объяснилъ хорошенько. Почему также и дерзость или оскорбленіе заслуживаютъ

поводу. «Нѣкоторые рецензенты,—говоритъ онъ,—безъ дальнѣйшаго размышленія хотѣли заставить насъ думать, что мы наказываемъ также розгою и оскорбленія товарищей за вѣру, хотя въ нашихъ правилахъ нарочно прибавлено къ этому проступку слово «фанатизмъ», въ скобкахъ. Мнѣ кажется, что *ни одинъ воспитатель* не вздумаетъ искать фанатизма въ глупыхъ выходкахъ учениковъ низшихъ классовъ, *т. е. дѣтей 10—12 лѣтъ,* противъ товарищей не одной съ ними вѣры, а тѣлесное наказаніе дозволяется только въ этихъ классахъ. *Такъ можно исказить все, желая видѣть одно худое и не понимая смысла, или притворяясь, что не понимаемъ*» («Восп.» III, стр. 118). Въ самомъ дѣлѣ — я былъ злонамѣренъ и глупъ... *Ни одинъ воспитатель*, благодаря Бога, таковъ не будетъ... А впрочемъ — посмотримте, что же это такое... Вотъ № IV того же «Воспитанія»; тутъ напечатано окончаніе «Отчета» г. Пирогова; на стр. 213, г. Пироговъ, самъ же г. Пироговъ, пишетъ: «Недосмотръ въ редакціи сдѣлалъ то, что наказанія, опредѣленныя правилами за оскорбленіе за вѣру, *не только были перетолкованы воспитателями,* но вмѣнены намъ *даже* въ преступленіе нѣкоторыми журналами». Значитъ, не я одинъ подумалъ, что «Правила» велятъ сѣчь за фанатизмъ? И между *воспитателями* нашлись такіе? Какъ же послѣ того г. Пирогову могло казаться, что «*ни одинъ воспитатель*», и пр. (см. выше)?.. Правда, впрочемъ, что воспитатели, предполагавшіе фанатизмъ въ дѣтяхъ *10—12 лѣтъ*, должны были быть ужъ очень плохи... Вѣдь въ гимназіяхъ Кіевскаго округа, въ первыхъ трехъ классахъ бываютъ *только* дѣти отъ 10 до 12 лѣтъ... Однако — какъ же это... мы помнимъ въ «Правилахъ» общую оговорку, что розга назначается только до 16 лѣтъ, а ученики старше 16 лѣтъ, хотя бы и въ низшихъ классахъ, наказываются уже не розгою, а увольненіемъ. Значитъ, въ низшихъ классахъ могутъ быть ученики и старше 16 лѣтъ? Въ нихъ вѣдь ужъ и фанатизмъ можетъ быть? Да, но это, вѣрно, сказано только на всякій случай, въ дѣйствительности же вовсе не бываетъ... Да впрочемъ вотъ, въ томъ же III № «Воспитанія», гдѣ такъ презрительно сказано о моемъ — либо тупоуміи, либо неблагонамѣренности, — тутъ же, на стр. 113, указаны самимъ г. Пироговымъ лѣта нѣкоторыхъ наказанныхъ. Вотъ, напримѣръ, одинъ ученикъ Подольской гимназіи — 19 лѣтъ... Что же это?... Онъ долженъ былъ находиться въ 3 классѣ 15 лѣтъ? Нѣтъ, онъ вѣроятно перешелъ изъ 3 въ 4 — 12, а потомъ въ каждомъ классѣ сидѣлъ по два года... Вотъ другой — ученикъ 5 класса 18 лѣтъ... Это же какъ? Если онъ въ 4 и 5 сидѣлъ по два года, а все-таки въ 3-мъ то былъ уже 14 лѣтъ... Ну, ужъ это я не знаю какъ... А вотъ еще — ученикъ Немировской гимназіи 1 класса 13 лѣтъ... Значитъ, сколькихъ же лѣтъ будетъ онъ въ 3 классѣ,—12 или 15?.. Нѣтъ, едва ли не напрасно г. Пироговъ такъ свысока отзывается о непониманіи рецензентовъ... Просто признаться въ недосмотрѣ — было бы, вѣроятно, благоразумнѣе, а то вѣдь вотъ я и не утерпѣлъ, чтобы не вывести новыхъ недосмотровъ — на этотъ разъ уже прямо самого г. Пирогова. Оскорблять я никого не хочу, но не могу выносить, когда сваливаютъ что-нибудь съ больной головы на здоровую.

Кстати здѣсь замѣчу еще о стихотвореніи, въ которомъ осмѣивалось сѣченье за фанатизмъ. Признаюсь, я принимаю на себя полнѣйшую за него отвѣтственность, потому что предметъ стоилъ такого осмѣянія, и въ этомъ случаѣ малодушно было бы удерживаться даже уваженіемъ къ такой личности какъ г. Пироговъ. А кто знаетъ, можетъ быть эти стихи, вмѣстѣ съ моими нападками, и послужили еще къ разъясненію дѣла для тѣхъ *воспитателей*, которые *перетолковали* положеніе «Правилъ». Г. Драгомановъ толкуетъ, будто стихи заключаютъ тотъ смыслъ, что «присужденіе розогъ совѣтомъ установлено Пироговымъ для большей торжественности церемоніи, а не для ограниченія произвола». Ну, такъ вѣдь вольно ему такъ толковать...

розгу по преимуществу? Да и какъ опредѣлить степени оскорбле-нія, какъ подвести подъ одинъ уровень взглядъ наставниковъ на дерзость? Если ужъ въ самомъ комитетѣ большинство отличалось такою мудростью, что напр. за лихоимство постановило наказаніе меньше, чѣмъ за простое воровство (о чемъ я тоже замѣтилъ въ прошломъ году [1]), то какихъ подчасъ премудрыхъ соображеній можно ожидать отъ иныхъ педагогическихъ совѣтовъ! И сколько тутъ можетъ быть произвола, объ уничтоженіи котораго такъ хлопочетъ г. Пироговъ.

На первый разъ, подъ управленіемъ Пирогова, при «Правилахъ» дѣйствительно умѣрились наказанія. Это видно изъ одной таблицы высѣченныхъ за 1858 (до кодекса) и за 1859—60 г. (послѣ кодекса). Вотъ эта таблица:

			Въ 1858.		Въ 1859 — 60.
Въ	Кіевской 1-й	гимназіи	изъ	215 — 3;	изъ	201 — 1
»	Кіевской 2-й	»	»	625 — 44;	»	650 — 2
»	Бѣлоцерковской	»	»	220 — 38;	»	266 — 0
»	Волынской	»	»	600 — 290;	»	635 — 5
»	Ровенской	»	»	300 — 6;	»	354 — 5
»	Подольской	»	»	400 — 37;	»	470 — 7
»	Немировской	»	»	600 — 67;	»	568 — 5
»	Черниговской	»	»	240 — 18;	»	276 — 0
»	Новгородсѣверской	»	»	250 — 8;	»	288 — 0
»	Нѣжинской	»	»	260 — 2;	»	264 — 2
»	Полтавской	»	»	399 — 39;	»	338 — 0
Во	всѣхъ	»	»	4109 — 561;	»	4310 — 27

Одно сличеніе цыфръ въ этой таблицѣ показываетъ, какъ несправедливы увѣренія будто розгу нельзя вывести изъ воспитанія, будто общественное мнѣніе этому противится. Гимназіи не опустѣли. Пироговымъ остались всѣ довольны, несмотря на то, что его дѣйствіями произведена была такая рѣзкая перемѣна, какъ, наприм., въ Волынской гимназіи, гдѣ число высѣченныхъ вдругъ вмѣсто 290—стало 5. Замѣчательно еще, что *вовсе перестали сѣчь* тѣ гимназіи, въ которыхъ до того *наиболѣе сѣкли*. Пропорція высѣченныхъ всѣхъ выше была (послѣ Волынской) въ Бѣлоцерковской и Полтавской гимназіи,—а теперь тамъ не было ни одного случая. Мы не знаемъ, чему это приписать,—перемѣнѣ ли личностей начальственныхъ, «Правиламъ» ли,—но вѣрно одно: нравы населенія въ этихъ мѣстностяхъ и натура гимназистовъ не получили же мгновенно волшебнаго превращенія. А между тѣмъ, вѣдь началь

[1]) Вообще моимъ обвинителямъ не мѣшаетъ замѣтить, что замѣчанія мо статьи не были серьезно опровергнуты никѣмъ, а подтвержденій, напроти получили довольно много. Крича противъ моей непрактичности и легкомысл они забываютъ это.

ство этихъ гимназій въ прежнее, еще столь недавнее, время имѣло конечно свои резоны для оправданія необходимости тѣлеснаго наказанія тамъ, гдѣ оно было употреблено... Вѣрьте же послѣ этого ихъ отзывамъ и основывайте на нихъ ваши законы!

Насъ спрашиваютъ: «да что же вы придумаете вмѣсто розги»? И видя, что мы ничего не придумываемъ, торжествуютъ... Но въ сущности это довольно забавно: мы—профаны, а вы, призванные во святилище педагогики; вы берете на себя руководить дѣтей нашихъ,—и руководите ихъ, между прочимъ, розгой. Мы говоримъ: «это намъ не нравится, этакъ-то и безъ васъ можно бы воспитывать; а вы придумайте что-нибудь другое, если ужъ взялись». А вы намъ отвѣчаете: «да что жъ придумать-то? Скажите намъ, мы тогда и придумаемъ»... И затѣмъ вы глумитесь надъ нами, что мы ничего не умѣемъ придумать, а туда же — смѣемъ быть недовольны... Почтенные педагоги! войдите же наконецъ въ ваше собственное положеніе и разсудите: кто къ кому долженъ обращаться съ требованіями въ вопросахъ о воспитаніи,—вы къ намъ, или мы къ вамъ?

Впрочемъ, вѣдь если нужна не радикальная перемѣна всей системы воспитанія, а только улучшеньица въ старой системѣ, такъ тутъ и мѣры нужно придумывать не особенно замысловатыя. А напримѣръ (если бы въ вашихъ рукахъ была власть отмѣнить розги,—разумѣется) — отчего бы прямо не замѣнить розги увольненіемъ? Жестоко, скажете? — Нѣтъ, не такъ жестоко, какъ кажется. Вѣдь вы только разъ допускаете розги, а потомъ увольняете; сѣчете за воровство во-первыхъ. За воровство мальчика сѣчь вы сами присуждаете только тогда, когда оно имѣетъ не характеръ шалости, а обнаруживаетъ испорченность воли. Въ такихъ мальчикахъ, имѣющихъ серьезную наклонность къ чужому съ дѣтства, прокъ бываетъ рѣдко; держаться за нихъ нечего... Жаль, что въ «Отчетѣ» г. Пирогова не сказано, всѣ ли высѣченные за воровство исправились, и вообще какія послѣдствія имѣло сѣченіе на характеръ и поведеніе высѣченныхъ. Это было бы очень любопытно. Но даже если и замѣчены были исправленія, то здравый смыслъ не позволялъ отнести ихъ къ тѣлесной боли отъ розги, развѣ къ стыду... но стыда навѣрное было больше во время открытія и разслѣдованія поступка, нежели во время экзекуціи. Притомъ же позволительно думать, что во многихъ случаяхъ наказаны были мальчики, не имѣвшіе положительной испорченности въ этомъ смыслѣ, а таскавшіе чужое просто по глупости... Этихъ можно бы унять и безъ розги.

Относительно дерзости тоже надо сказать: или это вспышка дитяти, и тогда не безчеловѣчно ли пороть за нее, какъ бы становиться самому ребенкомъ и вымещать свою обиду? Или же дерзость, или всякое другое оскорбленіе, имѣетъ серьезный видъ, происходя либо отъ испорченнаго нрава ученика, либо отъ его антагонизма съ начальникомъ. Въ этихъ случаяхъ увольненіе —

самое лучшее, потому что, если послѣ розги ученикъ и сдѣлается тише въ отношеніи къ нелюбимому наставнику, такъ вѣдь тайная то ненависть загорится еще сильнѣе. Скрытность и лицемѣріе — самые прямые результаты употребленія розги въ подобномъ случаѣ.

Но, говорятъ, сами родители часто просятъ, чтобы ихъ дѣтей сѣкли... Ну, вотъ для этихъ случаевъ и сохраните вашу розгу, если ужъ вамъ такъ жалко съ нею разстаться. Можете даже положить, что если еще остается хоть какая-нибудь надежда на возможность исправленія мальчика, если онъ обнаружилъ полное раскаяніе при полученіи увольненія, и родители его упрашиваютъ лучше высѣчь, но оставить въ гимназіи, — то можно, уступая ихъ просьбѣ, дѣлать опытъ. Вотъ вамъ и требованія *среды* будутъ удовлетворены.

«Да такъ навѣрное придется больше сѣчь, чѣмъ теперь, при «Правилахъ»—доносятся до меня восклицанія гг. Е. Суд., Драгоманова, Сухарева и мало ли еще кого... Но я не смущаюсь. Очень можетъ быть, говорю я; но только навѣрное количество случаевъ сѣченья будетъ быстро уменьшаться, потому что отцы возымѣютъ же наконецъ амбицію, и потомъ всѣ эти случаи сѣченья будутъ походить на случаи самопроизвольнаго отравленія или голодной смерти преступниковъ. У насъ вѣдь не казнятъ ни ядомъ, ни голодной смертью, — а иной возьметъ да и отравится или уморитъ себя голодомъ въ тюрьмѣ. Ну, что же съ этимъ дѣлать? Такъ ужъ ему, стало быть, понравилось...

Что же касается до системы, принятой при Н. И. Пироговѣ — дѣйствовать лично, на дѣлѣ, а въ законъ допустить то, чего среда требуетъ,—за эту систему я очень боюсь. Пока г. Пироговъ былъ въ Кіевѣ, все шло отлично,—слова нѣтъ. И произвола было меньше и сѣкли меньше, и учились лучше, и пр., и пр. Но что тутъ дѣйствовало,—«Правила» или личность? Вѣдь изъ самыхъ рѣчей, сказанныхъ г. Пирогову на прощаньи, даже изъ выходокъ противъ насъ, видно, что тутъ *личность* покрывала все. Дерзнули не согласиться съ «Правилами» Пирогова,—и никто даже не вздумалъ вникнуть въ пункты несогласія, а всѣ увидѣли только то, что о Пироговѣ говорится какъ-то не то чтобъ совсѣмъ неуважительно, а такъ,—не совсѣмъ въ обычномъ тонѣ. Въ разныхъ рѣчахъ безпрестанно говорится: «вы ограничили произволъ», «вы эманципировали дѣтей отъ безумнаго и унижающаго человѣческое достоинство тѣлеснаго наказанія», «вы укрѣпляли приверженцевъ добра, увлекали ихъ теплотою чувствъ и закрѣпляли ихъ увлеченіе убѣжденіемъ и разсудкомъ», «вы старались разумно вызвать въ насъ педагогическую дѣятельность», и пр., и пр. Честь и слава Н. И. Пирогову, и горько, что онъ не остался дольше на своемъ мѣстѣ. Мы вполнѣ сочувствуемъ его и общему желанію, чтобъ его вліяніе продолжалось какъ можно дольше въ Кіевскомъ учебномъ округѣ, и во всей Россіи, если можно. Но вѣдь вотъ его нѣтъ... и мы что имѣемъ предъ собою? Все-таки (ограничиваясь лишь на-

шимъ вопросомъ) «Правила» весьма неудовлетворительныя, допускающія розгу и дающія широкій просторъ произволу воспитателей въ ихъ примѣненіи...

Произволъ выказывался уже и при г. Пироговѣ, какъ видно изъ «Отчета»: изъ 27 случаевъ тѣлеснаго наказанія, про двухъ еще неизвѣстно, наказаны ли они по опредѣленію педагогическаго совѣта; въ одномъ случаѣ наказаніе было опредѣлено несообразно «Правиламъ», а въ 4-хъ другихъ.-директоръ поступилъ произвольно («Восп.», III, стр. 111). Г. Пироговъ умѣлъ остановить эти безпорядки, и директоръ, поступившій произвольно, перешелъ уже въ 1860 г. (по замѣчанію «Отчета») въ другой округъ. Но всѣ ли сумѣютъ и захотятъ останавливать?

При Пироговѣ, разумѣется, гимназіи старались отличить себя малымъ количествомъ или отсутствіемъ экзекуцій. Но чѣмъ, кромѣ подобнаго гуманнаго вліянія начальства, обезпечено такое стремленіе на будущее время? Вѣдь только благодарною памятью о Пироговѣ. А «Правила»-то даютъ полную волю—пороть за дерзость, даже *вызванную* самимъ начальникомъ или наставникомъ. Кажется, въ этомъ случаѣ логичнѣе было бы поставить, положимъ, замѣчаніе... да нѣтъ, впрочемъ, и замѣчанія ненужно для ученика... но за то для учителя или гувернера непремѣнно строжайшій публичный выговоръ, а затѣмъ — при новомъ разѣ — прямо увольненіе. А вѣдь въ «Правилахъ» за оскорбленіе начальника на должности положено, въ самой низшей степени вины, т. е. при всѣхъ облегчающихъ обстоятельствахъ, даже при вызовѣ со стороны самого начальника, строгій арестъ съ угрозою розогъ, а во второй степени розги, а тамъ исключеніе. Какую дисциплину можно завести въ гимназіи на основаніи одного этого правила, которое при Пироговѣ, конечно, не смѣли примѣнять къ дѣлу!..

«Но педагоги, бывшіе подъ вліяніемъ г. Пирогова, будутъ всегда вѣрны его началамъ. Вѣдь онъ самъ говорилъ имъ на прощаньи: мои убѣжденія въ сущности — ваши убѣжденія; моя заслуга только въ томъ, что я угадалъ ваши взгляды», и пр.

Конечно такъ, г. Пироговъ говорилъ это. А все бы вѣрнѣе, кабы «Правила»-то получше существовали... Вѣдь когда г. Пироговъ говоритъ не дружескія фразы, а самое дѣло, такъ и онъ тоже оказывается не слишкомъ высокаго мнѣнія о нашихъ педагогахъ вообще, а слѣдовательно и о кіевскихъ. Говоря о журнальныхъ разборахъ «Правилъ», онъ именно упрекаетъ ихъ за слишкомъ высокія требованія. Слова его вовсе неутѣшительны.

«Въ правѣ ли мы требовать, — говоритъ г. Пироговъ, — отъ нашихъ педагоговъ высокаго призванія, опыта жизни, самоотверженія, христіанской любви и труднаго искусства индивидуализировать? Откуда могутъ вдругъ взяться у насъ такія личности? Кто велъ, кто приготовлялъ ихъ этимъ путемъ? Гдѣ и у кого могли они заимствовать образецъ высокихъ качествъ? У прежнихъ ли ихъ наставниковъ, въ жизни ли общества, въ окружающей ли ихъ средѣ, въ семьѣ ли своей, въ воспитательныхъ ли заведеніяхъ?.. Требовательные идеологи вовсе позабыли, что нашихъ учителей никто до сихъ поръ не училъ трудному дѣлу

педагогіи, нашихъ инспекторовъ и директоровъ никто не выбиралъ по ихъ педагогическимъ заслугамъ, которыхъ и доказать даже было имъ невозможно... Можно ли забыть, что наши надзиратели, инспекторы и директоры покуда всетаки остаются тѣми же чиновниками-воспитателями, какъ и прежде, — одни изъ нихъ завалены письменными дѣлами дирекціи, а другіе, исполняя неисполнимыя обязанности нравственнаго надзора за 500 — 600 учениками, поневолѣ ограничиваются одною офиціальностью?.. Не ясно ли для всякаго, кто любитъ смотрѣть правдѣ въ глаза, что мы вводили наши правила, убѣжденные опытомъ въ вопіющихъ недостаткахъ общественнаго воспитанія и воспитателей?» («Восп.» II, 57—58).

Далѣе находимъ, что и на розгу г. Пироговъ согласился, главнымъ образомъ, въ уваженіе *неискусства* педагоговъ нашихъ: «тѣлесное наказаніе можно еще назначить безъ большого вреда и безъ большого искусства (!), соображаясь съ однимъ свойствомъ проступка; самый простой воспитатель можетъ безъ труда различить въ проступкѣ ребенка проявленіе дикой, животной чувственности, и прибѣгнуть къ тѣлесному наказанію, если не умѣетъ владѣть инымъ, лучшимъ средствомъ». Чтобы употребить съ успѣхомъ другія, нравственныя мѣры, — продолжаетъ «Отчетъ», — нужно воспитателю гораздо болѣе развитія и искусства: а можно ли этого требовать отъ нашихъ педагоговъ?... Потому, конечно, и неудивительно замѣчаніе г. Пирогова: «съ одной стороны, судя по журнальнымъ статьямъ, можно подумать, что всѣ передовые люди общества требуютъ, во что бы то ни стало, *отмѣнить розгу въ училищахъ*; но съ другой стороны, судя по отзывамъ многихъ дирекцій и педагогическихъ совѣтовъ, а слѣдовательно также общества, да еще самаго правогласнаго въ дѣлѣ воспитанія, нужно заключить *совсѣмъ противное*» (стр. 62). Вообще г. Пироговъ сознается, что «какъ ни желательна гегемонія школы надъ жизнью и какъ ни пошла еще наша жизнь, но она пересиливаетъ» (стр. 64).

Послѣ этихъ признаній я замѣчаю въ прошлогодней моей статьѣ ошибку, которой замѣчать никому не приходило въ голову. Правда, отъ г. Е. Суд. я уже заслужилъ что-то въ родѣ упрека за то, что «обрушился на *среду*, морально разслабляющую самыя лучшія личности»; но мнѣ именно слѣдовало въ десять разъ усилить ту часть статьи, гдѣ говорилось о гибельномъ вліяніи среды. Изъ признаній г. Пирогова вы видите, какъ она уже сама по себѣ, своей пошлостью, ограничиваетъ дѣятельность передовыхъ людей. Но не надо забывать, что она не всегда остается пассивною, она тоже принимаетъ порою участіе въ этой дѣятельности, и тогда происходятъ явленія до того странныя, до того нелѣпыя, что здравый смыслъ рѣшительно теряется въ ихъ путаницѣ. За примѣрами ходить недалеко, — возьмемъ хоть нашу полемику съ поклонниками г. Пирогова и представимъ изъ нея главныя черты.

Человѣкъ въ теоріи отвергаетъ розгу и формализмъ; у него множество послѣдователей и поклонникомъ; онъ хочетъ провести свою теорію въ практикѣ, но, по несчастію, долженъ отказаться отъ этого намѣренія и уступить противнымъ вліяніемъ; вслѣдъ за

ой уступкой раздаются рѣзкія возраженія и упреки: за такой браз дѣйствій, высказанные подъ вліяніемъ той же теоретичекой мысли, которой держится и самъ упрекаемый. Какъ вы полагаете, каково должно быть въ этомъ случаѣ впечатлѣніе людей, *знательно* принимающихъ ту же теорію? Какъ эти возраженія лжны быть приняты въ кругу людей,

Служащихъ дѣлу, а не лицамъ?

Перенесемтесь въ старое время, когда еще у насъ формально ществовало крѣпостное право. Смѣлый эманципаторъ искренно горячо говоритъ объ освобожденіи и увлекаетъ за собою толпу слѣдователей. Вдругъ ему достается наслѣдство; онъ, разумѣется, емедленно хочетъ отпустить крестьянъ на волю, но встрѣчаетъ льныя препятствія и *покамѣстъ* уступаетъ. Вдругъ, въ толпѣ у сочувствовавшихъ, раздается обличительный голосъ, изображаюій крѣпостное право такъ, какъ оно стоитъ, провозглашающій ятость свободныхъ принциповъ и укоряющій эманципатора за тупку. Какъ вы думаете, что почувствуютъ при этомъ голосѣ кренніе, сознательные приверженцы эманципаціи? Осердятся на ѣльчака, сочтутъ слова его посягательствомъ, обидой? Нѣтъ, къ бы они ни любили своего друга-эманципатора, но если они обятъ и понимаютъ также и самое дѣло, то не могутъ они не образить, что вѣдь въ этомъ голосѣ для нихъ помощь, новое едство обороны, что онъ увеличиваетъ ихъ силу, что съ нимъ и смѣлѣе могутъ итти противъ обскурантовъ, мѣшающихъ дѣлу анципаціи. Что за дѣло, если даже нѣсколько рѣзкихъ выходокъ задѣнетъ ихъ друга и учителя, — но вѣдь за то самое дѣло игрываетъ, за то обскуранты знаютъ, что вотъ какіе голоса одымаются даже за одну невольную и временную уступку ихъ ребованіямъ. И разумные приверженцы эманципатора, равно какъ самъ онъ, радуются возраженіямъ, довольны упреками, желаютъ, тобы какъ можно больше раздавалось подобныхъ голосовъ: вѣдь и выходятъ изъ тѣхъ же началъ, высказываютъ тѣ же идеи, оторымъ служатъ и сами эти эманципаторы, — только высказыаются рѣзче и прямѣе, раздаются громче и внятнѣе, не будучи глушаемы противнымъ скрипомъ обоза практическихъ мелочей.

Чего бы естественнѣе, кажется, такое отношеніе либеральныхъ рактическихъ педагоговъ къ полемикѣ о розгахъ? Но дѣло вышло овершенно не такъ.

О самомъ г. Пироговѣ я не говорю: онъ вездѣ трактуетъ журналистовъ свысока, и потому, конечно, и мою статью не удостоилъ лесть ни обидой, ни поддержкой для себя. Можетъ быть, онъ и шибается въ своихъ понятіяхъ о журналистикѣ, — но это другой опросъ. Собственно же въ этой полемикѣ г. Пироговъ остается ъ сторонѣ. Предъ нами одни его послѣдователи.

Они, какъ оказывается, поняли все дѣло совершенно *лично*. Какія могли быть, напримѣръ, хоть у г. —*бова* личности съ г. Пи-

роговымъ, способенъ ли такой-то человѣкъ изъ-за личностей искажать дѣло, можетъ ли согласиться такой-то журналъ сдѣлаться органомъ чьихъ-нибудь антипатій, наконецъ, такой ли характеръ, такую ли цѣль имѣетъ статья, — объ этомъ разсудить никому какъ будто не пришло въ голову. Возраженій на мои замѣчанія, серьезнаго разбора статьи никто не напечаталъ, а напечатали только какія-то беззубыя выходки противъ моей *негуманности* (!) въ обращеніи съ г. Пироговымъ... Мнѣ и всей русской публикѣ сообщали за новость, что «онъ можетъ ошибаться и ошибается, какъ всякій человѣкъ, но ошибки *не отнимаютъ у него* высокаго ума благородно-либеральныхъ стремленій и сильнаго характера для возможныхъ у насъ разумныхъ реформъ»... А я-то, видите ли, отнималъ у него всѣ прописанныя качества!

Таковы-то оказались господа, оскорбившіеся за Пирогова *и напечатавшіе* свои возраженія на мою статью...

А то были еще другіе господа, тоже оскорбившіеся и писавшіе что то такое, но нигдѣ не напечатавшіе своихъ писаній. Объ этомъ сообщаютъ гг. Е. Суд. и М. Драгомановъ. Нѣсколько статей и писемъ, по ихъ словамъ, послано было изъ Кіева въ столичные журналы для опроверженія «Всероссійскихъ иллюзій», но ни одна изъ нихъ не была напечатана. Читателей «Современника», вѣроятно, удивитъ это еще больше, чѣмъ самого г. Е. Суд., восклицающаго изъ глубины души: «чудныя дѣла дѣлаются на Руси! Одинъ журналъ взноситъ нелѣпости на человѣка *слишкомъ* (?) почтеннаго, а остальные журналы, какъ бы по взаимному уговору, не хотятъ принимать никакихъ опроверженій» («Отечественныя Записки», VI, стр. 138). Въ самомъ дѣлѣ чудно, — я этому удивляюсь едва ли не больше всѣхъ. Извѣстно положеніе «Современника» въ нашей журналистикѣ, извѣстно, съ какимъ рвеніемъ всѣ журналы стремятся предохранить публику отъ его нелѣпыхъ тенденцій, въ особенности же отъ его посягательствъ на всевозможные авторитеты. Не довольствуясь собственнымъ трудолюбіемъ по этой части, разныя редакціи обогащаютъ русскую литературу этюдами гг. Цвѣтовъ, Н. Ч. Воскобойниковыхъ, подыскиваютъ даже волюминозные трактаты въ скромныхъ стѣнахъ Кіевской духовной академіи... Ужъ отъ кіевскихъ ли педагоговъ не приняли бы статьи! «Положимъ, онѣ были дурно изложены, — скажемъ словами г. Драгоманова, — почему-жъ гг. редакторы не обратили вниманія хоть на факты, которые были представлены въ нихъ вѣрно, и не отвѣчали г. Добролюбову (то есть — *бову*) отъ себя? — Благородный общественный дѣятель былъ оскорбленъ, и въ защиту его было сказано только нѣсколько словъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», и то мимоходомъ, въ письмѣ изъ Полтавы. Что заключить изъ такого факта»? Для насъ возможно только одно заключеніе: вѣроятно, статьи были ужъ такъ плохи, что редакціи поняли, что выступать съ ними противъ «Современника» значило бы только срамить себя. Да вѣрно и факты-то въ нихъ были въ томъ родѣ, что Н. И. Пи-

оговъ — благородный человѣкъ, что въ «Уставѣ» удержана розга, что при Пироговѣ въ гимназіяхъ сѣкутъ меньше. А впрочемъ ѣтъ, вѣрно и того не было... Вѣдь вотъ теперь напечатаны же татьи гг. Драгоманова и Е. Суд., а въ нихъ вѣдь тоже никакихъ ругихъ фактовъ нѣтъ, да еще и логики недостаетъ... Должно ыть, другія-то возраженія были ужъ еще хуже, хоть это и трудно себѣ представить.

А то нашлись еще такіе господа—тоже хороши!—которые возблагоговѣли предъ статейкою (тоже не понявъ ея) и внезапно почувствовали... потерю уваженія къ г. Пирогову!... Такое открытіе дѣлаетъ г. Е. Суд., и г. Драгомановъ подтверждаетъ его. Въ замѣткѣ г. Е. Суд. объясняется: «бойкая статейка г.—*бова* производила свое *желанное* (?) вліяніе даже на кіевлянъ, на тѣхъ людей, которые могли бы, кажется, получше присмотрѣться къ характеру общественной дѣятельности своего попечителя»...

Какое же это было *желанное* (вѣроятно мною) вліяніе? А вотъ акое: «статейка, *по виду* весьма гуманная и либеральная, *соблазнительно* дѣйствовала на *неопытную* публику (бѣдняжка публика, очно бѣдная Лиза!), подрывая во многихъ уваженіе къ тому, которaго она уже привыкла уважать». *Неопытность* соблазненной публики дошла до того, что она «заподозрила въ отсутствіи *гра- отности* (вѣроятно надо читать *гуманности*) и истиннаго либерализма не г.—*бова* (какъ слѣдовало бы, разумѣется), а Пирогова, *малодушно отвернулись отъ него даже тѣ, которые уважали его, соотвѣтственно своей степени умственнаго и нравственнаго развитія*»... А въ статейкѣ-то, между тѣмъ, даже среди самыхъ горячихъ тирадъ, при выраженіяхъ, которыя могли бы показаться наиболѣе непріятными для самолюбія,—все-таки безпрестанно проглядываетъ мотивъ всей этой горячности, состоящій въ томъ, что авторъ чрезвычайно высоко цѣнитъ Пирогова и что именно такого-то человѣка тяжело ему видѣть слабѣющимъ и падающимъ подъ гнетомъ среды, въ которую онъ поставленъ. Да, *слабѣющимъ и падающимъ*—я не боюсь повторить это: въ отсутствіи яснаго протеста противныхъ его кореннымъ убѣжденіямъ пунктовъ комитетскихъ «Правилъ» видно уже послабленіе, а въ согласіи мотивировать, оправдывать ихъ и провозгласить, что вполнѣ ихъ «раздѣляетъ»,—было его паденіе въ этомъ случаѣ. Вотъ объ этомъ-то я и писалъ: «тутъ нейдите, господа, говорилъ я:—тутъ *самъ Пироговъ* упалъ»... И вѣдь я писалъ не для идіотовъ, а для людей разсуждающихъ, которые могли бы понять, что въ статьѣ дѣло идетъ о дѣлѣ, о фактѣ, въ которомъ Пироговъ принялъ участіе, а вовсе не объ общей и окончательной оцѣнкѣ всѣхъ его общественныхъ заслугъ, талантовъ, характера, и пр. Я указалъ на его ошибку, положимъ даже преувеличивъ ея значеніе; я надѣялся, что это выяснитъ дѣло и поможетъ торжеству новыхъ, разумныхъ началъ надъ рутиною; но, признаюсь,—никакъ не расчитывалъ я на такой эффектъ, какой указывается г-мъ Е. Суд. И отчего это?

Вѣдь не оттого же въ самомъ дѣлѣ, что статейка была уже до невозможности соблазнительна, irrésistible, такъ сказать, а просто по причинѣ самихъ же господъ соблазненныхъ. Я ихъ никого не знаю, но г. Е. Суд., кіевлянинъ, рисуетъ ихъ характеристику вотъ какими лестными красками: «большинство сослуживцевъ его (Пирогова), *не сознавая самихъ принциповъ*, подчиняется вліянію личности, стремится къ общественной пользѣ *только потому*, что исполняетъ желанія попечителя, человѣка прославленнаго, знаменитаго всѣми уважаемаго»... И какъ только оказался, видите ли, человѣкъ, который не преклоняется безусловно предъ «человѣкомъ прославленнымъ», и пр.,—эти господа сейчасъ же и перемѣнили свои расположенія и перестали «стремиться къ общественной пользѣ»... И все это—замѣтьте—отъ «раздражительныхъ выходокъ» журнальнаго крикуна, озорника, который и желалъ бы быть Калиновичемъ, да соотвѣтственнаго чина не имѣетъ, и потому принужденъ озорство свое ограничивать литературою... Что же теперь будетъ,—спрашиваю я безпристрастныхъ читателей, не исключая и кіевлянъ, очень склонныхъ къ искреннимъ признаніямъ,—что же будетъ, если на нихъ насядетъ, уже не въ литературѣ, а въ дѣйствительной жизни, какой-нибудь Калиновичъ, если ихъ *соблазнять* станетъ уже не журнальный, а какой-нибудь другой крикунъ? Въ какой мѣрѣ и надолго ли удержится тогда благодѣтельное вліяніе благородной личности г. Пирогова? Что станется съ самими педагогическими совѣтами, если ихъ будутъ составлять такія личности, которыя «не сознавая принциповъ, подчиняются личности» и стремятся къ общественной пользѣ *только потому*, да, *только потому*, что этого желаетъ начальство... И вѣдь такихъ *большинство*.... Можетъ быть г. Е. Суд. судитъ слишкомъ строго, скажете вы;—но вѣдь его слова согласны въ сущности съ тѣмъ, что написано въ «Отчетѣ» самого г. Пирогова. А то вотъ еще отзывъ г. Драгоманова, «недавняго гимназиста», какъ о немъ было сказано въ одной изъ прощальныхъ рѣчей: «старое поколѣніе (воспитателей)—говоритъ онъ—дѣйствуетъ по отсталымъ принципамъ, а молодое пока умѣетъ только говорить о новыхъ. Это, конечно, очень прискорбно, но тѣмъ не менѣе это фактъ, фактъ, фактъ... (Видите, какъ сильно!)... Если все предоставить нравственному вліянію, то необходимо положиться исключительно на педагогическій смыслъ и любовь къ дѣлу воспитателей. Ну, а положитесь-ка на смыслъ и любовь къ искусству нашихъ воспитателей... *Мы не можемъ удержаться отъ улыбки*»... Въ началѣ письма г. Драгомановъ въ силлогизмѣ (котораго первая посылка, вслѣдствіе опечатки, потеряла впрочемъ всякій смыслъ) доказываетъ, что если бы г. Пироговъ хотѣлъ заставить учителей дѣйствовать сообразно его началамъ, то «долженъ былъ бы выгнать *почти всѣхъ* учителей»... Таковы они были... Изъ этого г. Драгомановъ, съ свойственною ему послѣдовательностью, выводитъ: «что сталось бы съ преобразованіями Пирогова, если бы онъ основывалъ ихъ на личномъ, а не на коллегіальномъ началѣ»... И разу-

мѣетъ, конечно, что тогда преобразованіямъ пришлось бы плохо.

Но какую же прочность и достоинство имѣетъ это коллегіальное начало между воспитателями, не имѣющими ни педагогическаго смысла, ни любви къ дѣлу, или дѣйствующими по отсталымъ началамъ, или только умѣющими говорить о новыхъ, не сознающими здравыхъ принциповъ и только изъ угожденія начальству дѣлающими что-нибудь порядочное? Чѣмъ сдѣлаются пресловутыя «Правила» и «Таблицы» при отсутствіи личнаго вліянія г. Пирогова, при сохраненіи административнаго начала въ воспитаніи, при неопредѣленности нѣкоторыхъ пунктовъ, при просторѣ, предоставленномъ воспитателямъ въ опредѣленіи проступковъ, при узаконеніи въ «Правилахъ» «безумнаго и унижающаго человѣческое достоинство тѣлеснаго наказанія»? Смотря на «Правила» просто какъ на кодексъ, совершенно независимо отъ личности г. Пирогова, наблюдавшаго за ихъ исполненіемъ,—на нихъ нельзя возлагать большихъ надеждъ: г. Пироговъ сознается, что они «несовершенны»; я уже говорилъ и доказывалъ, что мнѣ они кажутся очень и очень несовершенными. Г. Пироговъ однако доказываетъ фактами, что они принесли пользу; но изъ фактовъ этихъ не видно одного: дѣйствовали ли тутъ «Правила», или болѣе,—а можетъ быть *только*—и «желаніе угодить попечителю, человѣку прославленному», и пр... Подождемъ, что будетъ безъ г. Пирогова, дождемся слѣдующихъ двухъ-трехъ отчетовъ,—тогда и окажется, до какой степени полезны сами «Правила», безъ личнаго участія г. Пирогова въ примѣненіи ихъ...

Вотъ опасность, о которой я намекнулъ выше, что она грозитъ дѣлу, отъ системы, принятой г. Пироговымъ, то есть отъ системы уступокъ большинству, которое, по словамъ его же поклонниковъ, ничего лучше не желало, какъ сдѣлать угодное начальнику.... Положеніе должно было представляться тѣмъ болѣе комическимъ, что г. Пироговъ не могъ же предоставить большинству, или вообще коллегіямъ, всѣхъ правъ и всѣхъ условій, необходимыхъ для успѣшности ихъ дѣйствій: административное начало, учебная формалистика, прежніе уставы и законоположенія—все это оставалось и связывало свободную дѣятельность коллегій, если бы онѣ даже и оказались наклонны къ какимъ-нибудь свободнымъ нововведеніямъ.... Я опять не осуждаю здѣсь г. Пирогова (считаю не лишнею эту оговорку); я вѣрю, что въ его положеніи онъ не могъ сдѣлать ничего лучше того, что сдѣлалъ.... Но я опять не вѣрю и громадности тѣхъ послѣдствій отъ «Правилъ» и коллегіальнаго начала, которыя высчитаны въ дюжинѣ торжественныхъ рѣчей, сказанныхъ г. Пирогову. Если къ отмѣнѣ розги нельзя было вдругъ привести педагоговъ и общество, то можно ли, въ два съ половиною года (время попечительства г. Пирогова), привести ихъ къ отмѣнѣ произвола и къ строгому уваженію законности.

«Вотъ мы и правы были,—кричатъ гг. Е. Суд. и М. Драгома-

новъ:—вотъ г.—*бовъ* и самъ договорился до теоріи либеральнаго деспотизма, утверждая, что система уступокъ коллегіямъ со стороны г. Пирогова была нехороша и даже грозитъ какою-то опасностью дѣлу»...

Нѣтъ, господа, вы все-таки не правы. Я уже сказалъ, что меня занимаютъ не личныя достоинства г. Пирогова, а самое дѣло. Г. Пироговъ дѣйствовалъ отлично, насколько могъ; но дѣло отто мало подвинулось... Что оно мало подвинулось, это ужъ не о г. Пирогова зависѣло, а отъ того положенія, въ которое онъ былъ поставленъ. Можетъ быть, если бъ онъ дѣйствовалъ иначе, было бы хуже, можетъ быть—вышло бы въ концѣ концовъ то же самое; но во всякомъ случаѣ, погодите кричать о великихъ прогрессахъ, о неизмѣримо-благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ, о внезапномъ перерожденіи, и пр... Этого, господа, не бываетъ... На торжественныхъ проводахъ можно говорить что угодно, особенно если это пріятно г. Пирогову: отчего же не воздать честь человѣку? Но честь честью, а дѣло дѣломъ. А дѣло могло бы пойти успѣшно только тогда, когда бы—Пироговъ ли или кто другой—направилъ всѣ свои усилія на рѣшительное и коренное измѣненіе того положенія, которое оказалось препятствіемъ для г. Пирогова на пути болѣе широкихъ реформъ. И въ этомъ-то состоитъ наше требованіе отъ передовыхъ общественныхъ дѣятелей: въ сравненіи съ нимъ всѣ остальныя требованія,—весьма почтенныя сами по себѣ,—кажутся намъ слабы и мелки... Но мы сами ошибались, думая нѣкогда, что такое требованіе выполнимо хоть до нѣкоторой степени для единичной личности; теперь, на примѣрѣ же г. Пирогова, мы убѣдились, что оно рѣшительно невыполнимо даже для самыхъ лучшихъ личностей, если онѣ дѣйствуютъ только сами собой... Нужно, чтобъ общество, чтобъ сама *среда* обратила вниманіе на свое положеніе и почувствовала необходимость измѣнить его. Среда же—это всѣ мы: и г. Пироговъ, и г. Е. Суд., и я, и г. Драгомановъ—всѣ принадлежимъ къ этой средѣ и всѣ обязаны хлопотать, насколько есть силъ и умѣнья, о существенномъ измѣненіи нашего положенія, чтобы развязаны были намъ руки на проведеніе нашихъ задушевныхъ убѣжденій. Вотъ смыслъ и цѣль—какъ предыдущей, такъ и настоящей моей статьи по поводу кіевскихъ «Правилъ».

Поймутъ ли меня г. Драгомановъ и компанія? Не очень надѣюсь, но желалъ бы, чтобъ поняли: въ людяхъ молодыхъ и свѣжихъ все же больше силы, даже для того, чтобъ, не стыдясь прежнихъ увлеченій, перейти къ новымъ требованіямъ.

Но зачѣмъ же я самъ составилъ такое жалкое изображеніе этой среды, къ которой еще разъ обращаюсь? Вѣдь, если прежде сказали, что я написалъ статью для оскорбленія г. Пирогова, такъ теперь рѣшатъ, пожалуй, что я писалъ для оскорбленія всѣхъ кіевскихъ педагоговъ, всего учебнаго округа... Пожалуй, что и рѣшатъ. Но вѣдь это не мое изобрѣтеніе,—я сгруппировалъ лишь нѣкоторыя черты, сообщенныя самими кіевлянами... А зачѣмъ

ировалъ ихъ?... Да положимъ хоть за тѣмъ, чтобъ имѣть удо-
гвіе видѣть потомъ ошибочность своихъ мрачныхъ предполо-
... Можетъ быть, на зло этой статейкѣ, кіевляне дѣйстви-
о проникнутся *истинными* началами г. Пирогова, будутъ
, во имя ихъ, итти противъ всякаго крикуна, разумно и гу-
разбирать проступки гимназистовъ и совсѣмъ выведутъ изъ
ебленія розгу. Когда наступитъ этотъ безмятежный вечеръ
евской педагогикѣ (что мы узнаемъ изъ будущихъ отчетовъ),
я съ радостью похвалю утро, принесенное въ Кіевъ г. Пи-
ымъ.

а потомъ мы намѣрены обратить вниманіе читателей на одну сторону воспоминаній г. Аксакова [1]), особенно насъ заинтересовав-

---

[1]) Мы называемъ «Дѣтскіе годы» воспоминаніями г. Аксакова, несмотря на то, что онъ самъ прикрылся здѣсь именемъ Багрова, отъ лица котораго велъ «Семейную хронику». Не понимая, къ чему можетъ служить дальнѣйшее удержаніе псевдонима, раскрытаго уже самимъ авторомъ, мы не считаемъ нескромностью называть здѣсь С. Т. Аксакова собственнымъ именемъ. Мы, конечно, не осмѣлились бы сдѣлать этого, если бы предъ нами не было «Воспоминаній» г. Аксакова, изданныхъ имъ два года тому назадъ отъ своего имени и служащихъ непосредственнымъ продолженіемъ «Дѣтскихъ годовъ». Послѣдняя глава «Дѣтскихъ годовъ» оканчивается тѣмъ, что родители Багрова, Алексѣй Степановичъ и Софья Алексѣевна, отправляются, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Сережей въ Казань, помолиться тамошнимъ чудотворцамъ, изъ села Чурасова, Симбирской губерніи, гдѣ они гостили у тетушки, Прасковьи Ивановны. Съ ними отправилась Параша, нянька Сережи, а младшій братъ и сестра его остались въ Чурасовѣ. Это было въ январѣ мѣсяцѣ. «Я поѣхалъ,—говоритъ Сережа Багровъ,—не мечтая о томъ, что ожидало меня впереди. А впереди ожидало меня начало важнѣйшаго событія въ моей жизни».... При этомъ г. Аксаковъ замѣчаетъ: «здѣсь прекращается повѣствованіе Багрова-внука о своемъ дѣтствѣ. Онъ утверждаетъ, что дальнѣйшіе разсказы относятся уже не къ дѣтству его, а къ отрочеству». Эти самые разсказы, относящіеся къ отрочеству, находимъ мы въ «Воспоминаніяхъ» самого г. Аксакова, которыя начинаются такимъ образомъ. «Въ серединѣ зимы 1799 г. мы пріѣхали въ губернскій городъ К. Мнѣ было восемь лѣтъ.... Сестра моя и братъ, оба меня моложе, остались въ Симбирской губерніи, въ богатомъ селѣ Чурасовѣ, у двоюродной тетки моего отца, отъ которой въ будущемъ ожидали мы наслѣдства... Отецъ и мать ѣздили въ соборъ помолиться, и еще куда-то, по своимъ дѣламъ, но меня не брали съ собою, боясь жестокихъ крещенскихъ морозовъ. Обѣдали они дома, но послѣ опять уѣхали; утомленный новыми впечатлѣніями, я заснулъ ранѣе обыкновеннаго, болтая и слушая болтовню пріѣхавшей съ нами женщины Параши». Уже одного этого начала достаточно было бы для убѣжденія внимательнаго читателя въ тождествѣ Аксакова и Багрова. Но далѣе, въ продолженіи собственныхъ воспоминаній г. Аксакова, безпрестанно попадаются такія вещи, которыя, наконецъ, уничтожаютъ всякое сомнѣніе въ головѣ самаго недогадливаго читателя. Село Багрово, описанное въ «Дѣтскихъ годахъ», совершенно то же, что и Аксаково въ «Воспоминаніяхъ»: и въ томъ и въ другомъ селѣ — тотъ же Бугурусланъ. тѣ же Антошкины мостки, Мордовскій врагъ, тѣ же слуги — Никаноръ Танайченокъ, Иванъ Мазанъ — тотъ же дядька Ефремъ Евсеичъ — та же ключница Палагея съ тою же сказкою объ «аленькомъ цвѣточкѣ»; въ окрестностяхъ тѣ же села — Неклюдово и Мордовскій Бугурусланъ. Даже самыя ничтожныя подробности сходятся слишкомъ близко, чтобы не замѣтить ихъ тождества. Вотъ примѣръ. Въ Багровѣ описывается маленькій островокъ на Бугурусланѣ, такимъ образомъ: «тамъ было очень хорошо; берега были обсажены березами, которыя разрослись, широко раскинулись и давали густую тѣнь; липовая аллея пересѣкала островъ по серединѣ: она была тѣсно насажена и подъ нею вѣчно былъ сумракъ и прохлада.... На островъ нерѣдко съ нами хаживала тетушка Татьяна Степановна. Сидя подъ освѣжительной тѣнью, на берегу широко и рѣзво текущей рѣки, иногда съ удочкой въ рукѣ, охотно слушала она мое чтеніе.... Тетушка любила дѣлать надписи на бѣлой и гладкой кожѣ березъ и даже вырѣзывала иногда ножичкомъ или накалывала толстой булавкой разные стишки изъ своего пѣсенника» («Дѣтскіе годы», стр. 375—7). А вотъ описаніе подобнаго же островка уже не въ Багровѣ, а въ Аксаковѣ. «Это было любимое мѣсто моей тетки Евгеніи Степановны, все засаженное по берегу рѣки березами и пересѣченное по серединѣ липовой аллеей.... Евгенія Степановна, хотя и не получила никакого воспитанія, какъ и всѣ ея сестры, но имѣла въ душѣ какое-то влеченіе къ образованности и любовь къ природѣ. У ней водились ко-

щую, — именно на то, какою является въ его разсказахъ жизнь нашихъ старинныхъ помѣщиковъ въ ихъ деревняхъ.

Всѣ воспоминанія, находящіяся въ «Дѣтскихъ годахъ», относятся къ деревенской жизни помѣщиковъ,—родныхъ Багрова, въ Багровѣ и Чурасовѣ, и къ переѣздамъ изъ одного села въ другое. Немного страницъ посвящено описанію жизни въ Уфѣ. Въ изображеніяхъ природы и своихъ личныхъ впечатлѣній, авторъ отличается тою же обстоятельностью, какая замѣтна была и въ прежнихъ его произведеніяхъ. Намъ кажется даже, что здѣсь эта обстоятельность выразилась еще болѣе, нежели въ прежнихъ произведеніяхъ г. Аксакова. Причина этого очень понятна: воспоминанія дѣтства всегда живѣе представляются человѣку, нежели воспоминанія о послѣдующихъ годахъ его жизни. Тѣмъ болѣе должно было проявиться это въ г. Аксаковѣ, который, какъ видно изъ его воспоминаній, всегда отличался болѣе субъективной наблюдательностью, нежели испытующимъ вниманіемъ въ отношеніи къ внѣшнему міру. Эта субъективная наблюдательность началась въ немъ весьма рано. Онъ разсказываетъ, что помнитъ себя, когда отнимали его отъ кормилицы, и даже нѣсколько раньше. «Я помню себя,—говоритъ онъ,—лежащимъ ночью то въ кроваткѣ, то на рукахъ матери, и горько плачущимъ: съ рыданіемъ и воплями повторялъ я одно и то же слово, призывая кого-то, и кто-то являлся въ сумракѣ слабо освѣщенной комнаты, бралъ меня на руки, клалъ къ груди, и мнѣ становилось хорошо». Такимъ простодушно-правдивымъ характеромъ отличаются всѣ записки о дѣтскихъ годахъ Багрова, и мы ни на одной страницѣ ихъ не нашли, чтобы авторъ ихъ усиливался возвысить какою нибудь художественною прибавкою простую правду своихъ воспоминаній. Видно, что онъ

какія книжечки: старинные романы (вѣроятно доставленные ей братомъ) и театральныя пьесы. Тетка любила читать книжку на островѣ и удить рыбку въ глубокой Старицѣ. На многихъ березахъ вырѣзала она свое имя и числа разныхъ годовъ и мѣсяцевъ, даже какіе-то стишки изъ пѣсенника» (Сем. хр. и Восп., стр. 236). Примѣровъ такого сходства всего Багровскаго съ Аксаковскимъ мы могли бы найти очень много; но — полагаемъ — довольно и одного для полнаго убѣжденія, что подъ именемъ Багрова С. Т. Аксаковъ разсказываетъ свои собственныя воспоминанія. Мы особенно настаиваемъ на этомъ тождествѣ именно потому, что хотимъ разсматривать не художественную, а фактическую сторону «Дѣтскихъ годовъ». Какъ бы факты ни были согласны съ самою природой вещей, какъ бы рельефно и осязательно ни были они представлены, но все же—то, что случалось съ неизвѣстнымъ намъ миѳическимъ Багровымъ, никогда не можетъ имѣть такого реальнаго, историческаго значенія, какъ то, о чемъ разсказываетъ намъ, какъ очевидецъ, С. Т. Аксаковъ. Его воспоминаніями мы будемъ пользоваться какъ мемуарами, заключающими въ себѣ дѣйствительно случившіяся событія, безъ всякой примѣси поэтическаго вымысла. Вотъ почему постарались мы прежде всего обратить вниманіе на тождество Багрова съ авторомъ «Воспоминаній», тождество, уже раскрытое, но не объясненное прямо самимъ авторомъ. Сдѣлавши эти необходимыя замѣчанія, мы уже нисколько не стѣсняясь, будемъ употреблять имя г. Аксакова вмѣсто вымышленнаго имени Багрова, — гдѣ это будетъ нужно.

безыскуственно повѣрялъ бумагѣ все, что ему рисовала его память, не стѣсняясь даже тѣмъ, что въ дѣтской жизни его было много моментовъ, до извѣстной степени повторявшихъ другъ друга. Онъ дорожилъ каждою подробностью и записывалъ ее столько разъ, сколько разъ она припоминалась. Такъ, много разъ описываетъ онъ дорогу, уже знакомую читателямъ, много страницъ занимаетъ подробнымъ изображеніемъ своихъ чувствъ, уже не въ первый разъ появляющихся въ его душѣ [1]).

Каждый изъ этихъ частныхъ моментовъ, изъ этихъ особенныхъ состояній, внесенъ авторомъ въ записки, конечно, потому, что для него самого они имѣютъ все-таки свои оттѣнки, свои различія, хотя различія эти почти неуловимы для читателя. Но за то тѣмъ болѣе довѣрія внушаютъ разсказы г. Аксакова, тѣмъ живѣе является передъ нами эта жизнь, не составленная художественнымъ образомъ изъ обломковъ и лоскутковъ, а просто изображенная въ своей фактической вѣрности. Видно, что авторъ дорожилъ всѣмъ, что только сохранила его память: много страницъ посвящаетъ онъ

[1]) Чтобы не дѣлать длинныхъ выписокъ, мы ограничимся здѣсь, для подтвержденія своихъ словъ, тѣмъ, что выпишемъ изъ «Дѣтскихъ годовъ» изображеніе того, какъ встрѣчаютъ молодыхъ Багровыхъ каждый разъ, какъ они пріѣзжаютъ въ это село.

(Стр. 77.) «Бабушка и тетушка встрѣтили насъ на крыльцѣ. Онѣ съ восклицаніями и, какъ мнѣ показалось, со слезами обнимались и цаловались съ моимъ отцомъ и матерью, а потомъ и насъ съ сестрой перецаловали»...

(Стр. 107.) «Двери были растворены настежъ; въ сѣняхъ уже стояли бабушка, тетушка и двоюродныя сестрицы. Дождь лилъ, какъ изъ ведра, такъ что на крыльцо нельзя было выйти, подъѣхала карета, въ окошкѣ мелькнулъ образъ моей матери, и съ этой минуты я ничего не помню»....

(Стр. 202.) «Насъ ожидали, догадались, что это мы ѣдемъ, и потому, несмотря на ночное время и стужу, бабушка и тетушка Татьяна Степановна встрѣтили насъ на крыльцѣ: обѣ плакали навзрыдъ»...

(Стр. 256.) «Когда мы подъѣхали къ дому, бабушка, въ полгода очень постарѣвшая, и тетушка Татьяна Степановна стояли уже на крыльцѣ. Бабушка съ искренними, радостными слезами обняла моего отца и мать».

(Стр. 327.) «Тетушка выбѣжала на крыльцо и очень намъ обрадовалась, а бабушка еще больше: изъ мутныхъ, безцвѣтныхъ и какъ будто потухшихъ глазъ ея катились крупныя слезы. Она благодарила отца и особенно мать».... и проч.

(Стр. 450.) «Нашу карету увидѣли издали, когда она начала спускаться съ горы, а потому не только тетушки и дяди, но вся дворня и множество крестьянъ и крестьянокъ собрались у крыльца. Можно себѣ вообразить, сколько тутъ было слезъ, рыданій, причитаній, обниманья и цалованья»....

Въ этихъ шести встрѣчахъ есть нѣкоторая разница; но она понятна болѣе для автора, нежели для читателя, который, при однообразіи общей формы, легко можетъ перемѣшать ихъ. Если бы С. Т. Аксаковъ составлялъ изъ своихъ воспоминаній какое-нибудь художественное цѣлое, то, конечно, онъ сумѣлъ бы, съ обыкновеннымъ своимъ искусствомъ, избѣгнуть всѣхъ повтореній и ненужныхъ подробностей. Но его разсказъ постоянно поражаетъ насъ безыскусственною, наивною простотою лѣтописи, и это обстоятельство еще болѣе возвышаетъ въ нашихъ глазахъ значеніе его записокъ, какъ несомнѣннаго памятника временъ минувшихъ. Для того, чтобы ярче выставить это значеніе «Дѣтскихъ годовъ», мы и останавливаемся нѣсколько на той подробности, съ которою авторъ передаетъ каждый отдѣльный моментъ своихъ дѣтскихъ впечатлѣній.

описанію кормежекъ лошадей и ночевокъ въ дорогѣ; на многихъ страницахъ изображаетъ свои удочки и уженье, свое засыпаніе и пробужденіе, свои книжки, свои болѣзни, и проч. [1]). Для иныхъ изъ читателей можетъ показаться излишнимъ и утомительнымъ безпрестанное описыванье одной и той же дороги, то весной, то лѣтомъ, то осенью, то зимою; одного и того же уженья, то на Мешѣ, то на Демѣ, то на Бѣлой, то на Бугурусланѣ. Но мы увѣрены, что такое мнѣніе можетъ явиться только у тѣхъ читателей, которые совершенно несправедливо захотятъ видѣть въ «Дѣтскихъ годахъ» простое произведеніе легкой литературы. Напротивъ, кто обратитъ вниманіе на историческое значеніе записокъ С. Т. Аксакова, тотъ не посѣтуетъ на автора за излишнюю растянутость его воспоминаній. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, такія же требованія предъявлялись нѣкоторыми по поводу «Записокъ Болотова», печатавшихся въ одномъ изъ нашихъ журналовъ: говорили, что онѣ слишкомъ длинны и требовали сокращенія. Намъ тогда еще казались не совсѣмъ справедливыми жалобы на растянутость мемуаровъ, и мы не понимали, какъ можно сокращать ихъ, по тому уваженію, что то или другое можетъ показаться скучнымъ для большинства читателей. Такого рода сокращенія можно дѣлать въ посредственныхъ драмахъ для сцены, да въ легкихъ произведеніяхъ беллетристики. Но въ истинномъ историческомъ повѣствованіи каждая подробность можетъ, при случаѣ, пригодиться, если не тому, такъ другому. Напримѣръ, для людей, спеціально занимающихся педагогическими вопросами, будутъ, вѣроятно, интересны въ «Дѣтскихъ годахъ» многія мелочи, которыя могутъ показаться скучными для охотниковъ и рыболововъ; а эти послѣдніе, въ свою очередь, найдутъ здѣсь много частныхъ замѣтокъ о птицахъ и рыбахъ, лесахъ, поплавкахъ и удочкахъ, — замѣтокъ, не интересныхъ для большинства, но для нихъ, можетъ быть, очень важныхъ. Точно такъ—для врачей могутъ быть не лишены любо-

---

[1]) Для образца того, съ какою подробностію авторъ описываетъ всѣ самыя мелочныя обстоятельства своей дѣтской жизни, приведемъ здѣсь описаніе приготовленія миндальнаго пирожнаго.

(Стр. 118 — 119.) «Миндальное пирожное всегда приготовляла она сама (мать Багрова), и смотрѣть на это приготовленье было однимъ изъ любимыхъ моихъ удовольствій. Я внимательно наблюдалъ, какъ она обдавала миндаль кипяткомъ, какъ счищала съ него разбухшую кожицу, какъ выбирала миндалины только самыя чистыя и бѣлыя, какъ заставляла толочь ихъ, если пирожное приготовлялось изъ миндальнаго тѣста, или какъ сама рѣзала ихъ ножницами и, замѣсивъ эти обрѣзки на яичныхъ бѣлкахъ, сбитыхъ съ сахаромъ, дѣлала изъ нихъ чудныя фигурки: то вѣнки, то короны, то какія-то шапки или звѣзды; все это сажалось на желѣзный листъ, усыпанный мукою, и посылалось въ кухонную печь, откуда приносилось уже передъ самымъ обѣдомъ, совершенно готовымъ и поджарившимся. Мать, щегольски разодѣтая, по данному ей отъ меня знаку, выбѣгала изъ гостиной, надѣвала на себя высокій бѣлый фартукъ, снимала бережно ножичкомъ чудное пирожное съ желѣзнаго листа, каждую фигурку окропляла малиновымъ сыропомъ, красиво накладывала на большое блюдо и возвращалась къ гостямъ.

пытства многія подробности о болѣзняхъ и о нервныхъ раздраженіяхъ Сережи, для психологовъ — его субъективныя наблюденія, для историковъ литературы — замѣчанія о книжкахъ, какія онъ читалъ и какія были тогда въ ходу, и пр., Такъ точно для насъ показались особенно интересными тѣ части воспоминаній г. Аксакова, въ которыхъ рисуется деревенская жизнь нашихъ старинныхъ помѣщиковъ, и мы весьма благодарны автору, что онъ не скрывалъ и не сокращалъ ничего въ тѣхъ фактахъ, которые сохранились въ его памяти. Мы даже сожалѣли, что нашли въ книгѣ г. Аксакова менѣе подробностей объ этомъ предметѣ, нежели сколько ожидали, судя по тому, что дѣтскіе годы Багрова проходятъ среди тѣхъ людей, воспоминанія о которыхъ доставили г. Аксакову такой богатый матеріалъ для созданія нѣкоторыхъ типовъ «Семейной хроники». Скудость изображеній, относящихся къ жизни людей, окружавшихъ ребенка, объясняется, впрочемъ, весьма удовлетворительно, отчасти тѣмъ, что въ этой жизни не было почти ничего рѣзкаго и поражающаго, отчасти же особенностями личнаго характера автора. По природѣ своей и по первоначальному воспитанію, подъ вліяніемъ матери, съ которой, конечно, хорошо знакомы читатели «Семейной хроники», авторъ вовсе не принадлежалъ къ числу дѣтей, рано втягивающихся въ практическую жизнь и съ первыхъ дней жизни изостряющихъ всѣ свои способности для живого и пытливаго наблюденія ея явленій. Кругъ интересовъ маленькаго Сережи долгое время былъ ограниченъ только міромъ внутренняго чувства, и изъ внѣшняго міра онъ обращалъ вниманіе только на то, какое ощущеніе—пріятное или непріятное—производили на него предметы. Восхищеніе пріятными предметами и отвращеніе отъ непріятныхъ, доходящее часто до нервической болѣзни, выражается вездѣ у автора весьма ярко. Но пытливаго вопроса, наклонности къ работѣ мысли почти вовсе незамѣтно, точно такъ, какъ и въ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ автора изъ періода гимназіи. Нѣсколько разъ, правда, уклоненія отъ логики, естественной каждому человѣку и еще не поврежденной въ ребенкѣ, вызываютъ и его размышленіе и вопросъ. Напримѣръ, когда мать Сережи упрашивала его отца смѣнить старосту Мироныча, въ селѣ, принадлежащемъ ихъ тетушкѣ, за то, что онъ обременяетъ крестьянъ и, между прочимъ, одного больного старика, и когда отецъ говорилъ ей, что этого нельзя сдѣлать, потому что Миронычъ родня Михайлушкѣ, а Михайлушка въ большой силѣ у тетушки, то Сережа никакъ не могъ сообразить этого и задавалъ себѣ вопросы: «за что страдаетъ больной старичекъ, что такое злой Миронычъ, какая это сила Махайлушка и бабушка? Почему отецъ не позволилъ матери сейчасъ же прогнать Мироныча? Стало, отецъ можетъ это сдѣлать? Зачѣмъ же онъ не дѣлаетъ? Вѣдь онъ добрый, вѣдь онъ никогда не сердится» (58 стр.). Для разрѣшенія своихъ сомнѣній, мальчикъ прибѣгаетъ къ родителямъ; тѣ стараются объяснить дѣло какъ умѣ—

отъ. Но легко понять, что ихъ объясненія остаются крайне несостоятельными предъ чистой дѣтской логикою, и дѣло оканчивается тѣмъ, что ребенку велятъ читать книжку или заняться игрушками. Такъ почти каждый разъ останавливается пытливость мальчика, особенно со стороны матери, которая часто находитъ случай сказать ему: «ты еще, другъ мой, малъ и ничего не понимаешь». Немудрено, если ребенокъ не умѣлъ и не хотѣлъ бродить одинъ въ лабиринтѣ запутанныхъ отношеній, среди которыхъ прошло его дѣтство и которыя трудно было бы разобрать и опытному взгляду, свободному отъ все примиряющей и все обезсмысливающей рутины. Немудрено, что живой, воспріимчивый мальчикъ обратился исключительно къ природѣ и своему внутреннему чувству сталъ жить въ этомъ мірѣ, въ которомъ не встрѣчалъ столько противорѣчій, какъ въ окружающихъ его житейскихъ явленіяхъ. Впрочемъ, все это объяснится всего лучше тогда, когда мы разсмотримъ эту самую жизнь, какъ изображаютъ ее намъ воспоминанія г. Аксакова, хотя его наблюденія по этой части и не столько обильны, какъ мы бы желали.

Прежде всего мы должны замѣтить, что жизнь, которую хотимъ мы представить читателямъ, по запискамъ, относящимся по своему содержанію къ концу прошедшаго столѣтія, вовсе не похожа на жизнь нынѣшнихъ помѣщиковъ. Нынѣ распространившееся образованіе измѣнило во многомъ даже деревенскую жизнь. Помѣщики, конечно, поняли нынѣ свои отношенія къ крестьянамъ гораздо лучше, чѣмъ прежде: доказательствомъ этого можетъ служить то радостное чувство, съ которымъ принимается ими, за исключеніемъ самыхъ грубыхъ и необразованныхъ, Высочайшая воля объ освобожденіи крестьянъ. Нынѣ уже рѣдки помѣщики, которые живутъ одними только трудами своихъ крестьянъ, и сами ничего не дѣлаютъ; нынѣ дворяне считаютъ своей обязанностью служить, или вне службы имѣть какія-нибудь полезныя занятія. Съ теченіемъ времени все большее и большее количество дворянъ начинаютъ вводить у себя улучшенія по сельскому хозяйству, принимать участіе въ промышленныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ, и т. п. Рѣдкій помѣщикъ, живущій въ деревнѣ, въ наше время не выписываетъ журналовъ и хорошихъ книгъ... Слѣдовательно, у нихъ есть куда дѣвать свое время не безъ пользы, и, кромѣ того, есть сознаніе необходимости трудиться самому и, при помощи просвѣщающаго вліянія новыхъ книгъ, есть уваженіе къ человѣческому достоинству и въ лицѣ крестьянина. Съ перемѣною крѣпостныхъ отношеній исчезнетъ, безъ всякаго сомнѣнія, и послѣдняя возможность такихъ явленій, какія бывали въ помѣщичьемъ быту въ старину, и тогда разсказы о Степанѣ Михайловичѣ Багровѣ и Михайлѣ Максимовичѣ Куролесовѣ покажутся неправдоподобной выдумкой. Впрочемъ, они и теперь существуютъ уже только въ воспоминаніяхъ старыхъ людей, и къ нимъ-то относятся «Дѣтскіе годы Багрова-внука».

Отецъ маленькаго Сережи жилъ сначала въ Уфѣ и служилъ тамъ. Мать его зналъ цѣлый городъ, какъ дочь бывшаго товарища намѣстника, и потому знакомство у нихъ было обширное; ихъ безпрестанно посѣщали гости и, значитъ, для всего семейства было развлеченіе отъ скуки. Но таково было вліяніе воспитателей того времени, непривычки къ серьезному труду и неумѣнья найти высшіе интересы жизни; такова была сила ложныхъ отношеній въ какихъ стояли тогда Багровы и всѣ ихъ родственники и знакомые,—что даже и въ городской жизни выражалась та же праздность и апатія, въ какую они погружались въ деревнѣ. Такъ, два дяди Сережи и ихъ пріятель, адъютантъ Волковъ, забавлялись тѣмъ, что дразнили столяра Михея, желая видѣть, какъ онъ разсердится; потомъ ту же забаву перенесли на нервнаго, раздражительнаго Сережу, и его дразнили, сочиняя указы о солдатствѣ, по которымъ, будто бы, возьмутъ его въ рекруты, или рядныя записи, по которымъ Волковъ женится на маленькой сестрѣ его... Забавы, какъ видите, очень филантропическія и благоразумныя. Когда же ребенокъ одинъ разъ вышелъ изъ терпѣнія и пустилъ молоткомъ въ одного изъ своихъ мучителей, его оставили безъ обѣда, заперли въ пустой комнатѣ, велѣли просить прощенья у обиженнаго имъ и довели наконецъ до того, что мальчикъ захворалъ. Все это казалось необходимымъ, по правиламъ тогдашняго воспитанія, для того, чтобы *переломить характеръ* ребенка. Вообще, на воспитаніе дѣтей никто въ домѣ, какъ видно, не обращалъ большого вниманія. Отецъ каждый день поутру уѣзжалъ въ должность, а вечеромъ принималъ гостей или самъ уѣзжалъ въ гости. Даже мать, хоть и очень любила своего сына и часто говорила съ нимъ, но болѣе ограничивалась ухаживаньемъ за нимъ, оставляя его воспитаніе на рукахъ Параши и Евсеича; часто разспросы ребенка прекращала она словами: «ты еще малъ», или: «объ этомъ мы поговоримъ послѣ». Для первоначальнаго ученья мальчика приглашенъ былъ учитель изъ народнаго училища, и одинъ разъ даже посылали Сережу самого въ училище. Здѣсь воспоминанія автора рисуютъ намъ картину, отвратительную не столько вообще по своей грубости, сколько по той ужасной противоположности, какая представляется въ обращеніи школьнаго учителя съ Сережей, сыномъ достаточнаго и значительнаго барина, приглашавшаго его къ себѣ на домъ для уроковъ, и съ бѣдными мальчиками, порученными его смотрѣнію въ училищѣ. Вотъ сцена, оставшаяся въ памяти Сережи и представленная имъ съ удивительной яркостью.

Въ одинъ, очень памятный для меня, день, отвезли насъ съ Андрюшей въ саняхъ, подъ надзоромъ Евсеича, въ народное училище, находившееся на другомъ краю города и помѣщавшееся въ небольшомъ деревянномъ домишкѣ. Евсеичъ отдалъ насъ съ рукъ на руки Матвѣю Васильичу, который взялъ меня за руку и ввелъ въ большую, неопрятную комнату, изъ которой несся шумъ и крикъ, мгновенно утихнувшій при нашемъ появленіи,—комнату, всю установленную рядами столовъ со скамейками, какихъ я никогда не видывалъ; передъ

первымъ столомъ стояла, утвержденная на какихъ-то подставкахъ, большая черная четверо-угольная доска, у доски стоялъ мальчикъ съ обвостреннымъ мѣломъ въ одной рукѣ и съ грязной тряпицей въ другой. Половина скамеекъ была занята мальчиками разныхъ возрастовъ; передъ ними лежали на столахъ тетрадки, книжки и аспидныя доски; ученики были пребольшіе, превысокіе и очень маленькіе, многіе въ однѣхъ рубашкахъ, а многіе одѣты какъ нищіе. Матвѣй Васильичъ подвелъ меня къ первому столу, велѣлъ ученикамъ потѣсниться и посадилъ съ края, а самъ сѣлъ на стулъ передъ небольшимъ столикомъ, недалеко отъ черной доски; все это было для меня совершенно новымъ зрѣлищемъ, на которое я смотрѣлъ съ жаднымъ любопытствомъ. При входѣ въ классъ, Андрюша пропалъ. Вдругъ Матвѣй Васильичъ заговорилъ такимъ сердитымъ голосомъ, какого у него никогда не бывало, — и съ какимъ-то напѣвомъ: «не знаешь? на колѣни!», и мальчикъ, стоявшій у доски, очень спокойно положилъ на столъ мѣлъ и грязную тряпицу и сталъ на колѣни позади доски, гдѣ уже стояло трое мальчиковъ, которыхъ я сначала не замѣтилъ и которые были очень веселы; когда учитель оборачивался къ нимъ спиной, они начинали возиться и драться. Классъ былъ ариѳметическій. Учитель продолжалъ громко вызывать учениковъ по списку, одного за другимъ, — это была въ то же время перекличка; оказалось, что половины учениковъ не было въ классѣ. Матвѣй Васильичъ отмѣчалъ въ спискѣ, кого нѣтъ, приговаривая иногда: «въ третій разъ нѣтъ: въ четвертый нѣтъ,—такъ розги!» Я оцѣпенѣлъ отъ страха. Вызываемые мальчики подходили къ доскѣ и должны были писать мѣломъ требуемыя цыфры и считать ихъ какъ-то съ правой руки къ лѣвой, повторяя: «единицы, десятки, сотни». При этомъ учетѣ многіе сбивались, и мнѣ самому казался онъ непонятнымъ и мудренымъ. Хотя я давно уже выучился самоучкой писать цыфры. Нѣкоторые ученики оказались знающими; учитель хвалилъ ихъ; но и самыя похвалы сопровождались бранными словами, по большей части неизвѣстными мнѣ. Иногда бранное слово возбуждало общій смѣхъ, который вдругъ вырывался и вдругъ утихалъ. Перекликавъ всѣхъ по списку и испытавъ въ степени знанія, Матвѣй Васильичъ задалъ урокъ на слѣдующій разъ: дѣло шло тоже о цыфрахъ, о ихъ мѣстахъ и о значеніи нуля. Я ничего не понялъ, сколько потому, что вовсе не зналъ, о чемъ шло дѣло, столько и потому, что сидѣлъ, какъ говорится, ни живъ, ни мертвъ, пораженный всѣмъ видѣннымъ. Задавъ урокъ, Матвѣй Васильичъ позвалъ сторожей; пришли трое, вооруженные пучками прутьевъ, и принялись сѣчь мальчиковъ, стоявшихъ на колѣняхъ. При самомъ началѣ этого страшнаго и отвратительнаго для меня зрѣлища, я зажмурился и заткнулъ пальцами уши. Первымъ моимъ движеніемъ было убѣжать, но я дрожалъ всѣмъ тѣломъ и не смѣлъ пошевелиться. Когда утихли крики и звѣрскія восклицанія учителя, долетавшія до моего слуха, несмотря на заткнутыя пальцами уши, я увидѣлъ живую и шумную вокругъ меня суматоху: забирая свои вещи, всѣ мальчики выбѣгали изъ класса, и вмѣстѣ съ ними наказанные, также веселые и рѣзвые, какъ и другіе. Матвѣй Васильичъ подошелъ ко мнѣ съ обыкновеннымъ ласковымъ видомъ, взялъ меня за руку и прежнимъ тихимъ голосомъ просилъ «засвидѣтельствовать его нижайшее почтеніе батюшкѣ и матушкѣ» (стр. 140—43).

Испытавши такія впечатлѣнія, Сережа, разумѣется, явился домой, разстроенный и взволнованный. Но его стали увѣрять, что это ничего, что такъ и должно быть, что въ томъ и состоитъ обязанность Матвѣя Васильича, чтобы сѣчь мальчиковъ, не знающихъ урока. Такъ въ то время понимали задачу воспитанія. Но мальчикъ никакъ не могъ удовлетвориться такими понятіями; онъ не могъ примириться съ мыслью, что, по его выраженію, «видѣнное имъ не было исключительнымъ злодѣйствомъ, за которое слѣдовало бы казнить Матвѣя Васильича; что такіе поступки не только дозволяются, но требуются отъ него, какъ исполненіе его должности; что сами родители высѣченныхъ мальчиковъ благодарятъ учителя

за строгость, а мальчики будутъ благодарить современемъ; что Матвѣй Васильичъ могъ браниться звѣрскимъ голосомъ, сѣчь своихъ учениковъ и оставаться въ то же время честнымъ, добрымъ и тихимъ человѣкомъ». Несмотря на всѣ увѣренія въ невинности Матвѣя Васильича, Сережа получилъ къ нему такое отвращеніе, что уже не могъ болѣе у него учиться. Черезъ мѣсяцъ учителю отказали, и такъ какъ другого учителя во всемъ городѣ не было, то отецъ и мать сами замѣнили его. Но ихъ заботы ограничились немногимъ: всего больше они смотрѣли за тѣмъ, чтобы мальчикъ писалъ какъ можно похожѣе на прописи. А между тѣмъ, мать автора принадлежала, по своей образованности и уму, къ числу женщинъ рѣдкихъ въ то время, и удивляла высотою своего просвѣщенія лучшихъ людей своего времени, какъ, напр., Новикова. Она съ крайней неохотой отправлялась на житье въ Багрово, именно потому, что тамъ «все люди грубые и необразованные, съ которыми слова сказать нельзя», и что жизнь въ деревенской глуши безъ общества умныхъ людей, ужасна. Къ сожалѣнію, авторъ не сохранилъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что это было за общество умныхъ людей и что дѣлали молодые Багровы въ своемъ избранномъ обществѣ. По своимъ лѣтамъ и по степени своего развитія авторъ не могъ еще тогда обратить надлежащее вниманіе на это обстоятельство. Впрочемъ, одинъ особенный случай, разсказанный авторомъ, показываетъ, что жизнь большей части уфимскихъ жителей ограничивалась тогда скорѣе кругомъ личныхъ интересовъ, нежели сочувствіемъ къ явленіямъ, важнымъ въ общественномъ смыслѣ. Случай этотъ—полученіе въ Уфѣ извѣстія о кончинѣ Императрицы Екатерины. Всѣхъ оно огорчило: но губернаторъ В. «публично показывалъ свою радость, что скончалась государыня, цѣлый день велѣлъ звонить въ колокола и вечеромъ пригласилъ всѣхъ къ себѣ на балъ и ужинъ» (стр. 190). Все это дѣлалось «потому, что новый государь его очень любилъ, и онъ надѣялся при немъ сдѣлаться большимъ человѣкомъ». Всѣ были въ негодованіи на явное выраженіе радости губернаторомъ, и всѣ соглашались, когда мать Сережи убѣждала, что не надо ѣхать на балъ къ В. Но тутъ выразилось безсиліе всѣхъ этихъ людей предъ принятой формой, передъ привычкой—являться на каждое приглашеніе губернатора. Убѣжденные, что ѣхать на балъ къ В. не должно и стыдно, всѣ рѣшили, что, однако, *нельзя не ѣхать*, и даже отецъ Сережи отправился туда; «но скоро воротился и сказалъ, что балъ похожъ на похороны и что веселъ только В., двое его адъютантовъ и старый депутатъ, С. И. Аничковъ, который не могъ простить покойной государынѣ, зачѣмъ она распустила депутатовъ, собранныхъ для совѣщанія о законахъ, и говорилъ, что «пора мужской рукѣ взять скипетръ власти» (стр. 191). Случай этотъ, показывая до какой степени общіе интересы и убѣжденія уступали мѣсто частнымъ расчетамъ, не представляетъ въ особенно-хорошемъ свѣтѣ избранное уфимское общество. Равнымъ

разомъ, не видимъ мы доказательства особенной развитости этого щества въ томъ обстоятельствѣ, что здѣсь «всегда говорили тихоньку» объ извѣстіяхъ, получавшихся изъ Петербурга и всѣхъ иводившихъ въ смущеніе. Скрытность даже въ семействѣ была къ велика, что не смѣли говорить вслухъ, даже при шестилѣтмъ Сережѣ. «Одного только нельзя было скрыть, — замѣчаетъ ъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»:—государь приказалъ, чтобы всѣ, о служитъ, носили какіе-то сюртуки особеннаго покроя съ гербыми пуговицами (сюртуки назывались *оберроками*); и кромѣ го—чтобъ жены служащихъ чиновниковъ носили, сверхъ своихъ радныхъ платьевъ, что-то въ родѣ курточки, съ такимъ же итьемъ, какое носятъ ихъ мужья на своихъ мундирахъ. Мать ла мастерица на всякія вышиванья и сейчасъ принялась шить картѣ серебряныя петлицы, которыя очень были красивы на лубомъ воротникѣ бѣлаго спензера или курточки» (стр. 234).

Таковы въ «Дѣтскихъ годахъ» немногія свѣдѣнія о томъ, какъ оходила жизнь родныхъ Сережи въ городѣ. Но большая часть ниги занята изображеніемъ деревенской жизни, то въ Багровѣ, въ Чурасовѣ. Изъ этой-то жизни мы и представимъ теперь ѣкоторыя черты, наиболѣе характеристичныя.

Въ первый разъ Сережа былъ въ Багровѣ еще при жизни дѣушки, Степана Михайловича, уже извѣстнаго читателямъ изъ Семейной хроники». Степанъ Михайловичъ вовсе не былъ дурымъ исключеніемъ изъ своихъ собратій; напротивъ, если онъ и тличался отъ другихъ, подобныхъ ему помѣщиковъ, то именно тличался своими хорошими качествами. Онъ обладалъ твердою олей, неизмѣнною правдивостью, практическою сообразительностью; нъ требовалъ только должнаго (по крайней мѣрѣ согласно его онятіямъ); онъ благодѣтельствовалъ крестьянамъ въ голодные оды, разсуждая, что благосостояніе крестьянъ есть вмѣстѣ и его обственное благосостояніе. Все это — такія качества, которыя не всѣхъ помѣщиковъ можно было найти въ то время. Своими добродѣтелями Степанъ Михайловичъ заслужилъ общее уваженіе и аже любовь, что опять не всякому помѣщику удается. Но при семъ этомъ — посмотрите, что сдѣлало изъ этой твердой, доброй благородной натуры то положеніе, въ какомъ онъ находился. го понятія о чести, добрѣ и правдѣ перепутаны, его стремленія елки, кругъ зрѣнія узокъ, страсти никогда не сдерживаются разудкомъ, внутренняя сила, не находя себѣ правильнаго, естественаго исхода, разражается только домашнею грозою. Мы не говоимъ уже объ этихъ дикихъ вспышкахъ, когда Степанъ Михайловичъ стаскивалъ волосникъ съ своей старухи жены и таскалъ е за косы, — если только она осмѣливалась попросить за свою дочь, на которую старикъ разсердился: въ этихъ вспышкахъ ясно выражается произволъ, къ которому всегда приводило человѣка полное, безотвѣтное обладаніе людьми, безгласными противъ его воли. Можно, конечно, объяснить припадки гнѣва въ старикѣ Ба-

грове тѣмъ, что таковъ ужъ его характеръ былъ, что онъ не могъ сдержать себя. Но отчего же—спросимъ мы—съ распространеніемъ образованія перевелся въ дворянствѣ и обычай бить своихъ женъ? Развѣ теперь уже вспыльчивыхъ характеровъ нѣтъ? Ужели русскій человѣкъ имѣетъ болѣе пылкія страсти, нежели всѣ другіе образованные народы? Отчего же бы русскому человѣку имѣть непремѣнно бо́льшую наклонность къ собственноручной расправѣ, чѣмъ, напримѣръ, хоть бы итальянцу, который, какъ извѣстно, тоже не отличается особенной холодностью крови? А между тѣмъ, одинъ изъ русскихъ путешественниковъ недавно напечаталъ толстую книгу, въ которой поноситъ Италію именно за то, что тамъ ему не позволяли драться, не взирая даже на то, что онъ состоялъ, кажется, въ четвертомъ классѣ. Драться, по его мнѣнію, необходимо *для порядка*. Къ такимъ мнѣніямъ, выражаемымъ, конечно, на дѣлѣ еще чаще, чѣмъ на словахъ, приводитъ именно возможность давать просторъ своей страсти, какъ замѣчаетъ самъ г. Аксаковъ, говоря о Куролесовѣ, въ «Семейной хроникѣ»: «избалованный страхомъ и покорностью всѣхъ его окружающихъ людей, онъ скоро забылся и пересталъ знать мѣру своему бѣшеному своеволію». Дѣйствительно, дѣйствіе этого психологическаго закона, имѣющаго такое громадное практическое приложеніе, каждый человѣкъ, даже самый кроткій, испытывалъ, вѣроятно, на себѣ. Когда вы раздражены,—хотя бы и справедливо,—и начинаете выражать свое неудовольствіе, то сначала вы слѣдите за собой, соображаете свои выраженія, умѣете сказать именно то и столько, сколько считаете нужнымъ и возможнымъ. Но, видя, что отпора нѣтъ, что вашему гнѣву не полагается преградъ, вы, — даже и въ несправедливомъ гнѣвѣ,—ободряетесь, вашъ собственный голосъ своимъ звукомъ, все болѣе крѣпкимъ и высокимъ, подстрекаетъ васъ, и вы кончаете тѣмъ, что забываете всякую мѣру и даете полную волю страсти. Въ нашей общественной жизни это явленіе еще не такъ рѣзко кидается въ глаза, потому что опасеніе отвѣтственности предъ закономъ или сознаніе принятыхъ приличій часто останавливаетъ насъ, несмотря на отсутствіе видимаго противодѣйствія со стороны тѣхъ, на кого падаетъ нашъ гнѣвъ. Но отнимите это сознаніе всякой отвѣтственности, поставьте предъ нами существа беззащитныя, безотвѣтныя, состоящія въ полномъ нашемъ распоряженіи,—и замѣтка г. Аксакова о Куролесовѣ вполнѣ оправдается на каждомъ человѣкѣ, который долгою работою надъ самимъ собою не пріобрѣлъ нравственной независимости отъ внѣшнихъ развращающихъ вліяній. Мысль эта оправдывалась и на практикѣ во всѣ времена. Характеры, подобные старому Багрову и Куролесову, неизбѣжны при тѣхъ бытовыхъ отношеніяхъ, при той нравственной обстановкѣ, въ какой находились эти люди. По общему психологическому закону, при недостаточномъ развитіи однѣхъ способностей души, сила развитія обращается на другія, которыя встрѣчаютъ менѣе препятствій, и слѣдствіемъ неравно-

мѣрности вліяній бываетъ всегда одностороннее развитіе. Какія же вліянія могли благопріятствовать развитію нравственныхъ началъ и здравыхъ понятій въ людяхъ, находившихся въ положеніи Багрова и Куролесова? Оба они служили въ полку: Степанъ Михайловичъ даже русскую грамоту зналъ плохо и любилъ хвалиться тѣмъ, что умѣлъ считать на счетахъ; Куролесовъ же, хотя умѣлъ писать бойко и зналъ кое-что, но никакого солиднаго образованія тоже не получилъ. Да и на что жъ имъ было образованіе, когда они съ малолѣтства чуяли возможность простымъ и даровымъ способомъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ жизни? На что имъ были какія-то нравственныя начала, когда они видѣли впереди сферу, въ которой никакая нравственность ихъ стѣснять не будетъ, въ которой они будутъ полными, безсудными господами, и ихъ воля будетъ закономъ для окружающихъ! Произволъ, господствовавшій встарь, въ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ и особенно дворовымъ, существовалъ совершенно независимо отъ того, вспыльчивъ былъ баринъ или нѣтъ. Произволъ этотъ былъ общимъ, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ тогдашняго положенія землевладѣльцевъ. Еще болѣе же онъ увеличивался ихъ необразованностью, которая, опять, какъ извѣстно, обусловливалась ихъ положеніемъ. Какое сознаніе правъ человѣка могло развиться въ томъ, кого съ малыхъ лѣтъ воспитывали въ той мысли, что у него есть тысяча, или сотня, или десятокъ (все равно) людей, которыхъ назначеніе — служить ему, выполнять его волю и съ которыми онъ можетъ сдѣлать все, что хочетъ? Естественно, что человѣкъ, пропитанный такими внушеніями, привыкалъ ставить самого себя центромъ, къ которому все должно стремиться, и своими интересами, своими прихотями мѣрилъ пользу и законность всякаго дѣла. Еще въ недавнее время жили такія понятія, и даже нашъ знаменитый писатель, отъ котораго ведетъ свое начало современное направленіе литературы, писалъ къ помѣщику совѣты о томъ, какъ ему побольше наживать отъ мужиковъ денегъ, и совѣтовалъ для этого называть мужика бабою, неумытымъ рыломъ, и т. п. Бить не совѣтовалъ только потому, что «мужика этимъ не проймешь: онъ къ этому уже привыкъ»! Но въ то время, когда эти мысли были высказаны, энергическое обличеніе уже встрѣтило ихъ со всѣхъ сторонъ, и весь авторитетъ писателя, какъ онъ ни былъ великъ, не спасъ его отъ сарказмовъ, крайне ядовитыхъ по своей справедливости.—Не то было въ старину. Тогда многіе помѣщики считали единственнымъ здравымъ началомъ въ управленіи крестьянами — стараніе получить отъ нихъ сколько возможно болѣе выгоды. Подъ этотъ уровень подходили всѣ помѣщичьи натуры, за весьма немногими исключеніями. Звѣрски жестокій буйный и пьяный Михаилъ Максимычъ Куролесовъ сходился въ этомъ съ благодѣтельнымъ, правдивымъ, строго-нравственнымъ по-своему Степаномъ Михайловичемъ Багровымъ. Куролесовъ въ два-три года поправилъ разстроенное хозяйство, оставивъ по себѣ память, что

онъ *крутенекъ*. Главнымъ изъ употребленныхъ имъ средствъ улучшенія хозяйства было переселеніе крестьянъ на новыя мѣста. Багровъ сдѣлалъ то же самое съ своими крестьянами, по тому же расчету собственныхъ выгодъ. Его не остановилъ вопль и плачъ крестьянъ, «прощавшихся навсегда съ стариною, съ церковью, въ которой крестились и вѣнчались, и съ могилами дѣдовъ и отцовъ». Его не удержала мысль о трудностяхъ, которыя должны встрѣтить крестьяне, переселяясь слишкомъ за четыреста верстъ, со всѣмъ своимъ хозяйствомъ. Онъ не подумалъ о томъ, что, какъ замѣчаетъ авторъ записокъ о немъ, «переселеніе, тяжкое вездѣ, особенно противно русскому человѣку; но переселеніе тогда, въ неизвѣстную бусурманскую сторону, про которую, между хорошими, ходило много недобрыхъ слуховъ, гдѣ, по отдаленности церквей, надо было и умирать безъ исповѣди, и новорожденнымъ младенцамъ долго оставаться некрещенными, — казалось дѣломъ страшнымъ» («Сем. хр.», стр. 18). Степанъ Михайлычъ не думалъ ни о чемъ этомъ, точно такъ же, какъ не думалъ о нравственномъ значеніи своихъ поступковъ, когда осматривалъ свое паровое поле, обработанное крестьянами, и употреблялъ слѣдующую хозяйственную мѣру: «онъ приказывалъ возить себя взадъ и впередъ по вспаханнымъ десятинамъ. Это былъ его обыкновенный способъ узнавать доброту пашни: всякая цѣлизна, всякое нетронутое сохою мѣстечко сейчасъ встряхивало качкія дроги, и если онъ бывалъ не въ духѣ, то на такомъ мѣстѣ втыкалъ палочку или прутикъ, посылалъ за старостой, если его не было съ нимъ, и расправа производилась немедленно» («Сем. хр.», стр. 38). Принципъ, управляющій его дѣйствіями, очевиденъ: надо дѣйствовать строгостью, чтобъ хозяйство хорошо шло. При этомъ принципѣ никакія философскія размышленія о правахъ человѣка, никакія экономическія соображенія о трудѣ, задѣльной платѣ, и т. п., не могли имѣть мѣста. «Есть люди, которые должны трудиться для того, чтобы я могъ жить въ довольствѣ и спокойствіи; если они этого не дѣлаютъ, я долженъ принудить ихъ,—а самая лучшая принудительная мѣра—собственноручная расправа съ личностью, или же тѣлесное наказаніе болѣе солиднаго характера, иногда даже съ «*кошечками*», какъ у Михайла Максимыча» [1]). Такая логика не заключаетъ въ себѣ ничего страннаго. Разъ сознавши основную посылку, т. е., что есть люди, назначенные къ тому, чтобы работать

[1]) Объ этихъ кошкахъ Куролесовъ говорилъ «не люблю палокъ и кнутьевъ; что въ нихъ? Какъ разъ убьешь человѣка. То-ли дѣло — кошечка: и больно, и не опасно». Несмотря на то, онъ сѣкъ ими такъ, что жизнь наказанныхъ людей спасали только завертывая ихъ въ теплыя, только что снятыя шкуры барановъ, тутъ же зарѣзанныхъ... Кошками назывались у Куролесова «ременныя плетки, оканчивающіяся семью хвостами изъ сыромятной кожи, съ узлами на концѣ каждаго хвоста». «Въ Порошинѣ,—прибавляетъ г. Аксаковъ,—долго хранились въ кладовой, разумѣется безъ употребленія, эти отвратительныя орудія и я самъ ихъ видѣлъ».

для чужого, а не для своего счастія, человѣкъ чрезвычайно логически доходитъ уже до самыхъ крайнихъ выводовъ изъ этого безнравственнаго положенія. Прекрасно выражены подобные выводы въ одной изъ статей Новиковскаго «Живописца». Хотя это сатирическая, слѣдовательно все-таки вымышленная вещь, но мы приведемъ ее здѣсь, на-ряду съ чисто историческими свѣдѣніями; — вотъ на какихъ основаніяхъ. Новиковъ, какъ извѣстно, былъ первый и, можетъ быть, единственный изъ русскихъ журналистовъ, имѣвшій взяться за сатиру смѣлую и благородную, поражавшую порокъ сильный и господствующій. Сатира его, какъ и вообще русская сатира, не произвела своего вліянія, такъ что нѣкоторыя изъ его нападеній могутъ относиться даже къ нравамъ настоящаго времени. Притомъ и сатирѣ Новикова недоставало литературныхъ достоинствъ и той прямоты и откровенности, какая неизбѣжна въ обличеніи порока. Онъ затрогивалъ такіе вопросы и интересы, которые только еще въ настоящее время находятъ свое разрѣшеніе и о которыхъ, поэтому, во времена Новикова нельзя еще было говорить всего, что нужно. При всемъ томъ — жизнь и сила составляютъ отличительныя достоинства «Трутня» и «Живописца». Лучшее время Новикова было первое десятилѣтіе царствованія Екатерины, когда онъ еще не пускался въ мистицизмъ и не навлекъ на себя подозрѣній правительства. Это было вообще золотое время русской сатирической литературы, которое только теперь обѣщаетъ наконецъ повториться, если опять не встрѣтитъ препятствій въ невѣжествѣ и малодушной подозрительности нѣкоторыхъ личностей. Широко и бодро расправили тогда крылья русскіе сатирики, во главѣ которыхъ стояла сама Императрица. Новиковъ посвятилъ ей (по тогдашнему *приписалъ*) свой «Живописецъ», говоря въ предисловіи, что когда на престолѣ возсѣдаетъ сама мудрость, покровительствующая истинѣ во всемъ, то можно обличать смѣло и свободно всѣ пороки и предразсужденія, не опасаясь негодованія знатныхъ людей. Негодованіе знатныхъ было въ то время единственной, но крѣпкой преградой для сатиры: вспомнимъ, какъ Державинъ страшился за свою «Фелицу» и за переложеніе псалма: «Властителямъ и судіямъ». Въ то время, какъ и долго еще спустя, были тупоумные и злонамѣренные люди, которые во всякомъ литературномъ обличеніи, особенно если оно немножко рѣзко, искали какихъ-то намековъ, вредныхъ мыслей, указаній на себя и на своихъ знакомыхъ. Противъ такихъ злонамѣренныхъ тупоумцевъ вооружается Новиковъ всей силою своей логики, въ одной изъ статей «Живописца». Смыслъ этой длинной статьи таковъ. Непонятно, какъ могутъ быть люди тупые и безсовѣстные настолько, чтобы рѣшаться высказывать свое неудовольствіе по поводу статей, въ которыхъ представляются дурные помѣщики и вообще дворяне. Неужели они не видятъ, что своимъ неудовольствіемъ только доказываютъ, что узнали самихъ себя въ этихъ изображеніяхъ? Но

они говорятъ, что вступаются за честь дворянскаго сословія. Это еще хуже, еще нелѣпѣе. Если изображеніе жестокости, невѣжества, глупой спеси помѣщика оскорбляетъ честь дворянскаго сословія, то, видно, оно поставляетъ свою честь и преимущества въ возможности совершать, безъ страха суда и обличенія, всякія жестокости, насилія, дурачества, и т. п. Можно бы еще нападать на меня, говоритъ «Живописецъ», если бы я лгалъ. Но — «кто не согласится, что есть дворяне, подобные описанному? Кто посмѣетъ утверждать, что сіе злоупотребленіе не достойно осмѣянія? И кто скажетъ, что худое раченіе помѣщиковъ о крестьянахъ не наноситъ вреда всему государству»? Если же это такъ, то можно ли человѣку, имѣющему здравый смыслъ и хоть сколько-нибудь честности и благородства, обижаться правдивымъ представленіемъ всего, что есть? «Пусть скажутъ господа критики, кто больше оскорбляетъ почтенный дворянскій корпусъ, я еще важнѣе скажу: кто дѣлаетъ стыдъ человѣчеству: дворяне-ли, преимущество свое во зло употребляющіе, или сатира на нихъ»? Въ заключеніе говорится, что нѣкоторые порицали листки Живописца «по слѣпому пристрастію ко преимуществу дворянскому», и утверждали, что хотя нѣкоторые дворяне и имѣютъ слабость забывать честь и человѣчество, однакожъ будто они, яко благорожденные люди, отъ порицанія всегда должны быть свободны, и что будто точно о крестьянахъ сказано: «накажу ихъ жезломъ беззаконія»... «И подлинно они часто наказываются беззаконіемъ». «Но со стороны людей порядочныхъ, коль чудно и странно,— замѣчаетъ Новиковъ,— защищать упорно такое преимущество, которымъ сами они, и всѣ честные и добросердечные дворяне никогда не пользуются»! (См. «Живоп.», изд. 5, стр. 76 — 77.)

Такъ говорилъ «Живописецъ», и послѣ такой его защиты можно, кажется, приводить описанныя имъ явленія, какъ несомнѣнно существовавшія. Не можемъ сказать, какъ долго продолжались тѣ мнѣнія и тотъ образъ дѣйствій помѣщиковъ, о которомъ онъ упоминаетъ; потому, что, по несчастью, голосъ обиженныхъ сатирою тупоумцевъ успѣлъ заглушить голосъ правды, и скоро самъ Новиковъ, въ своей сатирѣ, пустился въ ту же мелочь, какою занимались и другіе. Съ тѣхъ поръ слишкомъ полвѣка нужно было, чтобы русская литература, и въ особенности сатира, могли убѣдить «знатныхъ господъ», какъ выражался «Живописецъ», въ своей благонамѣренности, правдивости и пользѣ. Въ недавнее время они еще существовали: на нихъ жаловался и надъ ними смѣялся Гоголь. Существуютъ, конечно, и въ наше время такіе невѣжественные противники литературы, которые желали бы запретить все, что хоть сколько-нибудь рѣзко и колко. Но теперь такіе запретители встрѣчаются уже общимъ презрѣніемъ и изумленіемъ; общество смотритъ на нихъ какъ на что-то необычайное, едва вѣря возможности ихъ существованія. И если бы въ наше время нашлись люди, полагаю-

щіе, что теперь нельзя печатать, напр., того, что, напр., печаталъ Новиковъ въ пяти изданіяхъ своего «Живописца» [1]), то всѣ, кажется, съ горькимъ недоумѣніемъ обратились бы на нихъ и стали показывать пальцами, спрашивая другъ друга: правда ли? правда ли? Неужели это правда?

Читатель извинитъ насъ за длинное отступленіе, относящееся къ Новикову и его сатирѣ. Мы должны были его сдѣлать для того, чтобы оправдать себя въ томъ, что обращаемся къ сатирическимъ изображеніямъ, какъ будто къ фактическимъ даннымъ. Теперь, объяснивши, въ чемъ дѣло, приведемъ нѣсколько выписокъ изъ «Живописца» и «Трутня» въ подтвержденіе той же мысли, что произволъ и своекорыстные расчеты были весьма обыкновеннымъ явленіемъ въ отношеніи старинныхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ. Вотъ, напр., отрывокъ изъ письма одного помѣщика изъ деревни къ сыну («Живоп.», ч. I, стр. 80—90).

«Меня отрѣшили отъ дѣлъ за взятки; процентовъ большихъ не бери: такъ отъ чего же разбогатѣть? Вѣдь не всякому Богъ кладъ даетъ. А съ мужиковъ ты хоть кожу сдери, такъ не много прибыли. Я, кажется, таки и такъ не плошаю, да что ты изволишь сдѣлать? Пять дней ходятъ они на мою работу, да много ли въ пять дней сдѣлаютъ? Сѣку ихъ нещадно, а все прибыли нѣтъ; годъ отъ году все больше нищаютъ мужики: Господь на насъ прогнѣвался!.. Пріѣхалъ къ намъ сосѣдъ Брюжжаловъ и привезъ съ собою какіе-то печатные листочки, и будучи у меня читалъ ихъ... Что это за Живописецъ такой у васъ проявился?— какой нибудь нѣмецъ, а православный этого не написалъ бы. Говоритъ, что помѣщики мучатъ крестьянъ и называетъ ихъ тиранами; а того, проклятый, и не знаетъ, что въ старину тираны бывали некрещеные, и мучили святыхъ. А наши мужики вѣдь не святые, какъ намъ быть тиранами? Изволитъ умничать, что мужики бѣдны: этакая бѣда! неужто хочетъ онъ, чтобъ мужики богатѣли, а мы бы, дворяне, скудѣли? Да этого и Господь не приказалъ: кому-нибудь одному богатому быть надобно,—либо помѣщику, либо крестьянину; вѣдь не всѣмъ старцамъ въ игуменахъ быть. Да на что они и крестьяне, его такое дѣло, что работай безъ отдыху. Дай-ка имъ волю, такъ они и невѣдь что затѣютъ... Вотъ-те на! до чего дожили! Только я на это смотрѣть не буду. Ври себѣ онъ, что хочетъ, а я знаю, что съ мужиками дѣлать... Ка-бы я былъ большимъ бояриномъ, какъ управилъ бы его въ Сибирь. Этакіе люди — за себя не вступятся! Вѣдь и бояре съ мужиками-то своими поступаютъ не по-нѣмецки, а все такъ же по-рус-

---

[1]) Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, чтобы «Живописецъ» былъ ужъ очень распространенъ, при своихъ пяти изданіяхъ: въ тѣ времена—книги, на расходъ которыхъ сильно расчитывали, печатались въ числѣ 200 экземпляровъ, о чемъ упоминаетъ самъ Новиковъ. Отъ этого малаго круга дѣйствія, сатира Новикова, несмотря на свою живость и смѣлость, мало имѣла вліянія. Она могла поддерживаться только покровительствомъ государыни, служа какъ бы отголоскомъ ея просвѣщенныхъ мнѣній и намѣреній. Но какъ скоро Новиковъ лишился этой поддержки, и сатира его не могла удержаться въ своемъ независимомъ, твердомъ положеніи: она скоро измельчала. Впрочемъ, силы у нея не могло быть и въ цвѣтущее ея время, и къ ней справедливо приложить то, что писалъ къ Живописцу одинъ раздраженный приказный (стр. 109): «Мнѣ кажется, братъ, что ты похожъ на постельную жены моей собачку, которая брешетъ на всѣхъ и никого не кусаетъ, а это называется брехать на вѣтеръ. По нашему, коли брехнуть, такъ ужъ и укусить, да и такъ укусить, чтобы больно да и больно было. Да на это есть другія собаки. А постельнымъ, хотя и дана воля брехать на всѣхъ, только никто ихъ не боится».

ски и ихъ крестьяне не богатѣе нашихъ. Да что ужъ и говорить! И они свихнулись!... Недалеко отъ меня деревня Григорья Григорьевича Орлова; такъ знаешь ли, по чему онъ съ нихъ беретъ? Стыдно и сказать: по полтора рубля съ души! А угодьевъ-то сколько! и мужики какіе богатые! живутъ себѣ да и гадки не маютъ, богатѣе иного дворянина. Ну, а ты разсуди самъ, какая ему отъ этого прибыль, что мужики богаты? Ка-бы перетаскалъ въ свой карманъ, такъ это бы получше было. Этакій умъ!... То-то не къ рукамъ этакое добро досталось! Ка-бы эта деревня была моя, такъ бы я по тридцати рублей съ нихъ бралъ, да и тутъ бы ихъ въ міръ еще не пустилъ. Только-что мужиковъ балуютъ. Эхъ, перевелись-ста старые наши большіе бояре: то-то были люди,—не только-что со своихъ, да и съ чужихъ кожи драли!»

Въ томъ же письмѣ къ сыну, разсудительный папенька извѣщаетъ, что его собаку Налетку укусила другая бѣшеная собака, и что людямъ за это досталось хорошо. «Сидоровна твоя (мать) всѣмъ кожу спустила. То-то проказница! Я за то ее и люблю, что ужъ коли примется сѣчь, такъ отдѣлаетъ»! О самомъ сынкѣ батюшка вспоминаетъ такія пріятныя вещи: помнишь ли, говоритъ, какъ ты въ молодыхъ лѣтахъ забавлялся: «вѣшивалъ собакъ на сучьяхъ, которыя худо гонялись за зайцами, и сѣкалъ охотниковъ за то, когда собаки ихъ перегоняли твоихъ. Куда какой ты былъ проказникъ смолоду! Какъ, бывало, примешься пороть людей, такъ пойдетъ крикъ такой и хлопанье, какъ будто за угломъ въ застѣнкѣ сѣкутъ. Молись, мой другъ, Богу,—ничего,—правду, сказать,—ума у тебя довольно, можно вѣкъ прожить»! (стр. 24).

Въ такомъ же родѣ находимъ мы въ «Трутнѣ» «Отписку старосты Андрюшки», и приказъ барина, въ отвѣтъ на отписку. Староста доноситъ о сборѣ оброку съ крестьянъ и извиняетъ недоимки тѣмъ, что «крестьяне скудны, взять негдѣ нынѣшнимъ годомъ, хлѣбъ не родился, насилу могли сѣмена въ гумны собрать, да Богъ посѣтилъ насъ скотскимъ падеміемъ». Затѣмъ увѣдомляетъ, что неплательщиковъ, «по указу твоему господскому, сѣкъ нещадно», но что они все-таки денегъ не дали, потому что взять негдѣ. Далѣе дѣло идетъ о Филаткѣ, за которымъ числятся недоимки, потому что онъ самъ хворалъ все лѣто, и старшій сынъ у него умеръ, а остались малые ребятишки. Двѣ клѣти у него проданы для уплаты недоимки, лошади пали, одну корову продали, а другую оставили пока для ребятишекъ. «Міромъ сказали: буде ты его въ томъ не простишь, то они за ту корову деньги отдадутъ, а ребятишекъ поморить и его въ конецъ разорить не хотятъ». Плохо уже и то, теперь безъ лошади никуда не годится: господскихъ работъ исправлять не можетъ. Далѣе идетъ рѣчь о томъ, что крестьянъ сосѣди обижаютъ, что имъ оброкъ тяжелъ, что староста каждое воскресенье сборъ дѣлаетъ, и неплательщиковъ сѣчетъ нещадно, но что толку отъ этого нѣтъ вовсе. Потомъ староста увѣдомляетъ о хозяйственныхъ распоряженіяхъ: лѣсу господскаго продано крестьянамъ на дрова на семь рублей съ полтиной, да на двѣ избы, по пяти рублей за избу; да съ Антошки взято пять рублей за то, что осмѣлился назвать барина въ челобитной отцомъ, а н-

эсподиномъ. «И онъ на сходѣ высѣченъ. Онъ сказалъ: я-де это сказалъ съ глупости,—и на-предки онъ тебя, государя, отцомъ навать не будетъ».—Въ отвѣтъ на эту отписку, въ одномъ изъ тѣдующихъ листовъ «Трутня» (стр. 236 и сл.) помѣщена «копія ь помѣщичьяго указа,—человѣку нашему Семену Григорьеву», который посылался въ деревню для ревизіи. Вотъ нѣкоторыя статьи каза.

«1) Проѣздъ отсюда до деревень нашихъ, и оттуда обратно, имѣть на счетъ таросты Андрея Лазарева.

2) Пріѣхавъ туда, старосту при собраніи всѣхъ крестьянъ высѣчь нещадно ı то, что онъ за крестьянами имѣлъ худое смотрѣніе и запускалъ оброкъ въ эдоимку, и послѣ изъ старостъ его смѣнить; а сверхъ того взыскать съ него трафу сто рублей.

3) Сыскать въ самую истинную правду, какъ староста и за какія взятки ıсъ оболгалъ (обманулъ) ложнымъ доносомъ? За то прежде всего его высѣчь, потомъ начинать слѣдствіемъ порученное тебѣ дѣло.

6) И какъ нѣтъ сомнѣнія, что староста доносъ учинилъ ложный, то за оный эревесть его къ намъ на житье въ село; буде же онъ за дальнимъ разстояніемъ эревозиться и разорять себя не похочетъ, то взыскать съ него за оное еще ятьдесятъ рублей.

8) Крестьянъ въ раздѣлѣ земли, по просьбѣ ихъ, поровнять, по твоему благоазсужденію; но при томъ однакожъ объявить имъ, что сбавки съ нихъ оброку е будетъ, и чтобы они, не дѣлая никакихъ отговорокъ, платили бездоимочно, еплатильщиковъ же, при собраніи всѣхъ крестьянъ, сѣчь нещадно.

9) Объявить всѣмъ крестьянамъ, что къ будущему размежеванію земель поребно взять выпись; и для того на оное собрать тебѣ съ крестьянъ, сколько отребно будетъ на взятье выписи.

10) Въ начавшійся рекрутскій наборъ съ нашихъ деревень рекрута не стаять; ибо здѣсь за нихъ поставленъ въ рекруты Гришка Ѳедоровъ, за чиненныя иъ неоднократно пьянство и воровства, вмѣсто наказанія, а съ крестьянъ за эставку того рекрута собрать по два рубля съ души.

12) По просьбѣ крестьянъ, у Филатки корову оставить, а взыскать за нее еньги съ нихъ; а чтобы они впредь такимъ лѣнивцамъ потачки не дѣлали, то пить Филаткѣ лошадь на мірскія деньги; а Филаткѣ объявить, чтобы онъ редь пустыми своими челобитными не утруждалъ, и платилъ бы оброкъ бездоочно.

13) Старосту выбрать міромъ и подтвердить ему, чтобы онъ о сборѣ оброчахъ денегъ имѣлъ неусыпное попеченіе и неплательщиковъ бы сѣкъ нещадно; 'де же какія впредь явятся недоимки, то оное взыскано будетъ все со стаэсты.

16) По исправленіи всего вышеписаннаго, ѣхать тебѣ обратно; а старостѣ ı крѣпко приказать неусыпное имѣть попеченіе о сборѣ оброчныхъ денегъ».

Если это письмо вымышлено, то нужно признаться, оно вымышлено съ большимъ талантомъ и знаніемъ дѣла и недостатковъ 'ого времени. Какъ ярко проглядываетъ здѣсь старинный произволъ омѣщичьей власти, не имѣющей въ виду ничего, кромѣ собственнаго обогащенія! Какъ сильно и ярко выражается полное, невѣжественное пренебреженіе ко всѣмъ человѣческимъ правамъ и требованіямъ крестьянъ! И все это безъ ожесточенія, безъ злобы, а овершенно спокойно: внушать имъ, чтобы платили; а не станутъ латить, такъ сѣчь нещадно! Переселить его въ отдаленное село; не захочетъ разоряться, такъ взять съ него 50 рублей! И за-

мѣчательно, что, не умѣя самъ опредѣлить границъ своихъ правъ въ отношеніи къ крестьянамъ, самъ не зная мѣры своему произволу, помѣщикъ передаетъ тотъ же произволъ и человѣку своему. «Поровняй,—говоритъ,—ихъ по твоему благоразсужденію; возьми съ нихъ сколько потребно будетъ», т. е. сколько тебѣ покажется нужнымъ. Тутъ уже «человѣкъ» Семенъ Григорьевъ получилъ участіе въ интересахъ своего господина и, вслѣдствіе того, получаетъ такую же произвольную власть. Этотъ просторъ произвола грубаго и невѣжественнаго виденъ почти во всѣхъ типахъ большихъ господъ прошедшаго столѣтія, сохраненныхъ воспоминаніями современниковъ или литературными созданіями. Въ «Дѣтскихъ годахъ» мы видимъ двѣ такія личности, кромѣ старика Багрова, который тутъ также является съ своимъ обычнымъ характеромъ.

Важное мѣсто въ воспоминаніяхъ г. Аксакова занимаетъ Прасковья Иванова Куроѣдова, его двоюродная бабушка. Это была женщина, много испытавшая на своемъ вѣку, имѣвшая доброе сердце и свѣтлый взглядъ на вещи. Она хотѣла, между прочимъ, чтобы мужики ея были богаты. Но при всемъ томъ, и она избаловалась отъ постоянной раболѣпной покорности всѣхъ окружающихъ. Вся цѣль жизни опредѣлилась для нея тѣмъ, чтобы ничѣмъ не озабочивать себя и не имѣть никакихъ преградъ для своихъ желаній. Поэтому она поручила все управленіе крестьянами Михайлушкѣ, хотя и знала, что онъ плутъ. Главное для нея было то, чтобъ ее ничѣмъ не безпокоили; съ Михайлушкой она этого достигла, и съ нея было довольно. Многочисленная дворня ея была безобразно избалована и безнравственна; она не хотѣла ничего замѣчать. Если же какъ-нибудь случайно наткнется она на пьянаго лакея или какого-нибудь двороваго, то сейчасъ прикажетъ Михайлушкѣ отдать виноватаго въ солдаты; не годится—спустить въ крестьяне. Замѣтитъ нескромность поведенія въ женскомъ полѣ—опять прикажетъ отослать такую-то въ дальнюю деревню ходить за скотиной и потомъ отдать за крестьянина.

«Но,—замѣчаетъ г. Аксаковъ въ своихъ Запискахъ,—для того чтобы могли случиться такія строгія и возмутительныя наказанія, надобно было самой барынѣ *нечаянно* наткнуться, такъ сказать, на виноватаго или виноватую. А какъ это бывало очень рѣдко, то все вокругъ нея утопало въ безпутствѣ, потому что она ничего не знала и очень не любила, чтобъ говорили ей о чемъ-нибудь подобномъ» (стр. 314). Привычка ничѣмъ не стѣснять себя, ничего не дѣлать для общества, а, напротивъ, требовать, чтобы другіе все дѣлали для нея, постоянно выражается во всѣхъ поступкахъ Прасковьи Ивановны; гостями своими она забавляется, какъ ей вздумается, или ругаетъ ихъ въ глаза, если захочетъ; отъ родныхъ своихъ она требуетъ повиновенія и никогда не встрѣчаетъ противорѣчія, даже въ самыхъ важныхъ случаяхъ. Такъ, Алексѣя Степаныча Багрова, гостившаго у ней, она не хотѣла отпустить къ умирающей матери, сказавши, что «вздоръ! она еще не такъ слаба»,—

и Алексѣй Степанычъ не смѣлъ ея ослушаться, пробылъ у ней лишнее время и не засталъ въ живыхъ матери. Такъ, она не захотѣла, чтобы дѣти обѣдали съ большими, и Софья Николаевна, никогда не обѣдавшая врозь съ своимъ милымъ Сережей, не смѣла даже заикнуться о томъ, чтобы посадить дѣтей за общій столъ. Неограниченный произволъ съ одной стороны и полное безгласіе съ другой—развивались въ ужасающихъ размѣрахъ, среди этой беззаботной, пышной жизни на трудовые крестьянскіе гроши. Даже въ тѣхъ поступкахъ, которые происходили просто отъ радушія, веселости, отъ доброты сердца, наконецъ, и въ нихъ этотъ грубый произволъ, это незнаніе мѣры своеволію въ обхожденіи съ людьми, которыхъ и за людей не считали, выглядываетъ подобно безобразному пятну на хорошей картинѣ. Въ воспоминаніяхъ г. Аксакова находимъ мы, между прочимъ, изображеніе сценъ такого рода. Между гостями Прасковьи Ивановны бывалъ часто Александръ Михайловичъ Карамзинъ, котораго всѣ называли богатыремъ за его огромный ростъ и необыкновенную силу. «Однажды, въ припадкѣ веселости, схватилъ онъ толстую и высокую Дарью Васильевну (приживалку Прасковьи Ивановны) и началъ метать ею, какъ ружьемъ, солдатскій артикулъ. Отчаянный крикъ испуганной старухи, у которой свалился платокъ и волосникъ съ головы, и сѣдыя косы растрепались по плечамъ, поднялъ изъ-за картъ всѣхъ гостей, *и долго общій хохотъ раздавался по всему дому*» (стр. 426). Эти добрые, благородные люди, гости Прасковьи Ивановны, могли смѣяться, смотря на такую сцену! Да отчего же имъ было и не смѣяться, когда они тысячу разъ видали сцены гораздо посерьезнѣе. «Но мнѣ жалко было бѣдную Дарью Васильевну»,—прибавляетъ г. Аксаковъ,—и, разумѣется, какъ всегда, непосредственное чувство ребенка, еще чистаго и неиспорченнаго, служитъ и здѣсь горькою уликою взрослымъ.

Другая изъ личностей, упоминаемая г. Аксаковымъ, и относящаяся къ тому же разряду, о которомъ мы говорили выше, есть богатый помѣщикъ Д., употребившій свое богатство очень хорошо: на оранжереи, мраморы, статуи, оркестръ, удивительныхъ заморскихъ свиней, величиною съ корову, и т. п. Мать Сережи отозвалась о Д., что онъ человѣкъ добрый. То же самое говорилъ о немъ и одинъ изъ крестьянъ, который, между прочимъ, вотъ что разсказывалъ о немъ.

«Когда умерла одна изъ великолѣпныхъ свиней (которыхъ было двѣ у Д.), то-то горе-то у насъ было,—говорилъ мужикъ.—Баринъ у насъ, дай ему Богъ много лѣтъ здравствовать, добрый, милостивый, до всякаго скота жалостливый, такъ печаловался, что уѣхалъ изъ Никольскаго: ужъ и мы ему не взмилились. Оно и точно такъ: насъ-то у него много, а чушекъ-то всего было двѣ, и тѣ изъ-за моря; а мы доморощина. А добрый баринъ, ужъ сказать нельзя, какой добрый; да и затѣйникъ! У насъ на выѣздѣ изъ села было два колодца: вода преотмѣнная, родниковая, холодная. Мужички, выѣзжая на поле, завсегда ею пользовались. Такъ онъ приказалъ надъ каждымъ колодцемъ по деревянной дѣвкѣ поставить, какъ есть—одѣтыя въ кумачные сарафаны, подпоясаны золотымъ позументомъ, только босыя; одной ногой стоитъ на колодцѣ, а другую

подняла, ровно прыгнуть хочетъ. Ну, всякъ, кто ни ѣдетъ, и конный, и пѣшій, остановится и заглядится. Только крестьяне-то воду изъ колодцевъ брать перестали: говорятъ, что непригоже»! (стр. 474).

Видите, какъ прихотливая затѣя тогдашняго богатаго помѣщика, затѣя самая невинная и добродушная, выказываетъ однако полное неуваженіе обычаевъ, взглядовъ и нуждъ его крестьянъ. Ему нѣтъ нужды, что его деревянныя нимфы лишаютъ крестьянъ воды; за то проѣзжіе останавливаются и дивятся! Это такая же невинная штучка, какъ выкидываніе артикула посредствомъ Дарьи Васильевны. Въ этомъ же родѣ были и затѣи старика Багрова, когда онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ послѣ ужина заставлялъ, напримѣръ, двухъ слугъ своихъ, Мазана и Танайченка, драться на кулачки и бороться. При этомъ онъ самъ, смѣха ради, ихъ поддразнивалъ до того, что они не шутя начинали колотить другъ друга, и даже вцѣплялись другъ другу въ волосы. Такая забава, дѣйствительно, не должна была казаться дикою и безнравственною тому человѣку, въ которомъ считалось большою милостью, когда онъ, будучи въ хорошемъ расположеніи духа, позволилъ мужику «жениться, не дожидаясь зимняго времени, и не на той дѣвкѣ, которую назначилъ самъ («Сем. хр.», стр 43).

Само собою разумѣется, что многое изъ того, что намъ кажется теперь безчеловѣчнымъ и безнравственнымъ, происходило и отъ общей тому времени недостаточности здравыхъ понятій обо всемъ на свѣтѣ. Сближеніе съ Европою для многихъ важныхъ бояръ послужило только средствомъ получать изъ-за границы болѣе предметовъ, служащихъ въ роскошной жизни, а роскошь была причиною многихъ безнравственныхъ поступковъ. Князь Щербатовъ, въ своемъ сочиненіи «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», главною причиною всего зла полагаетъ *сластолюбіе* [1]). Приводимые имъ примѣры сильно свидѣтельствуютъ въ пользу его мнѣнія. Но ясно, что *сластолюбіе* могло быть только ближайшею причиною развращенія. Остается вопросъ: откуда бралось такое сластолюбіе и, главное, откуда получало оно средства для удовлетворенія своихъ прихотей? Человѣкъ, обязанный пріобрѣтать средства для жизни своими трудами, не скоро можетъ предаться вліяніямъ «сластолюбія». Напротивъ, человѣкъ, получающій огромные доходы безъ всякихъ съ своей стороны усилій, естественно предается всѣмъ излишествамъ, всякой роскоши, зная, что на него работаютъ другіе, и что, благодаря этимъ другимъ, средства его неистощимы. Конецъ концовъ — вся причина опять сводится къ тому же главному источнику всѣхъ бывшихъ у насъ внутреннихъ бѣдствій — крѣпостному владѣнію людьми. Оно-то и внушало владѣльцу его безпечность.

[1]) См. разборъ сочиненія кн. Щербатова, написанный С. В. Ешевскимъ и помѣщенный въ «Атенеѣ», 1858 г. № 3. Статья эта, и особенно выписки изъ Щербатова, сдѣланныя въ ней, чрезвычайно любопытны для объясненія многихъ явленій въ государственной дѣятельности Россіи прошлаго вѣка.

его лѣнь, спесь и презрѣніе къ тѣмъ, которые были осуждены служить для его прихотей. Общему будто бы непониманію человѣческаго достоинства въ тотъ вѣкъ — приписать поступки, подобные вышеприведеннымъ, нельзя. Правда, что въ то время и вообще нравы были грубѣе; но вспомнимъ только, что голосъ евангельскаго ученія о братской любви къ человѣчеству раздался въ нашемъ отечествѣ за восемьсотъ лѣтъ предъ тѣмъ... Что въ вѣкъ Екатерины достоинство и право человѣка понимались уже очень ясно; доказательствомъ можетъ служить ея Наказъ. Мало того, даже въ литературѣ раздавались голоса противъ неуваженія человѣческихъ правъ. Въ «Живописцѣ» есть одна статья, называющая безразсудствомъ мнѣніе о какой-то неблагорожденности крестьянъ и приписывающая его именно помѣщичьему положенію и привычкамъ. Мы приведемъ эту статью («Жив.», стр. 137).

«*Безразсудъ* боленъ мнѣніемъ, что крестьяне не суть человѣки, но крестьяне, а что такое крестьяне, о томъ знаетъ онъ только потому, что они крѣпостные его рабы. Онъ съ ними точно такъ и поступаетъ, собирая съ нихъ тяжкую дань, называемую *оброкъ*. Никогда съ ними не только-что не говоритъ ни слова, но и не удостоиваетъ ихъ наклоненія своей головы, когда они, по восточному обыкновенію, предъ нимъ по землѣ распростираются. Онъ тогда думаетъ: «я господинъ, они мои рабы; они для того и сотворены, чтобы претерпѣвая всякія нужды, и день и ночь работать и исполнять мою волю исправнымъ платежемъ оброка; они, памятуя мое и свое состояніе, должны трепетать моего взора». Въ дополненіе къ сему прибавляетъ онъ, что точно о крестьянахъ сказано: въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой. Бѣдные крестьяне любитъ его, какъ отца, не смѣютъ; но, почитая въ немъ своего тирана, его трепещутъ. Они работаютъ день и ночь, но совсѣмъ тѣмъ едва-едва имѣютъ дневное пропитаніе, за тѣмъ, что на-силу могутъ платитъ господскіе поборы. Они и думать не смѣютъ, что у нихъ есть что-нибудь собственное, но говорятъ: это не мое, но *Божіе* и господское! Всевышній благословляетъ ихъ труды, а Безразсудъ обираетъ ихъ! Безразсудный! развѣ не знаешь ты, что между твоими рабами и человѣками гораздо болѣе сходства, нежели между тобою и человѣкомъ? Вообрази рабовъ твоихъ состояніе: оно и безъ отягощенія тягостно. Когда-жъ ты гнушаешься тѣми, которые для удовольствованія страстей твоихъ трудятся почти безъ отдохновенія, то подумай, какъ должны гнушаться тобою истинные человѣки»!

Заключеніемъ этой статьи служитъ «Рецептъ», въ которомъ Безразсуду предписывается, какъ средство для излеченія отъ безразсудства, упражненіе въ разсматриваніи костей господскихъ и крестьянскихъ, до тѣхъ поръ, пока онъ найдетъ между ними различіе («Живопис.», ч. I, стр. 140).

Что подобныя «безразсудства» не вымышлены «Живописцемъ», а дѣйствительно существовали, очевидно изъ фактовъ, уже представленныхъ нами, и множества другихъ, которые мы могли бы представить изъ записокъ современниковъ. Даниловъ, напр., разсказываетъ одинъ случай изъ своего отрочества (Записки Данилова, М. 1842, стр. 42—44), фактически доказывающій, какъ смотрѣли иные помѣщики на крестьянъ. Даниловъ былъ одно время въ деревнѣ у родственницы своей, какой-то вдовы, у которой былъ племянникъ Ванюша. Разъ этотъ племянникъ затащилъ Данилова

и еще одного «молодого слугу» тихонько обивать яблоки. Но какъ тѣ не хотѣли приниматься за это, то онъ одинъ управился съ яблонью. Тетушкѣ донесли о такомъ поступкѣ; она велѣла призвать виновныхъ и, въ страхъ племяннику, велѣла «поднять слугу на козелъ, и сѣкли его очень долгое время немилостиво». Племяннику же сдѣлали выговоръ. – О той же вдовѣ, Даниловъ разсказываетъ, что она, каждый день рѣшительно, призывала во время обѣда кухарку и тутъ же, въ столовой, приказывала сѣчь ее: «и потуда сѣкутъ, и кухарка кричитъ, пока не перестанетъ вдова щи кушать; это такъ уже введено было во всегдашнее обыкновеніе, видно для хорошаго аппетита» (стр. 43). Въ такихъ развлеченіяхъ нельзя не видѣть той самой мысли, какую подмѣтилъ «Живописецъ» у Безразсуда.

Интересно видѣть, какъ произволъ и грубость въ обращеніи съ своими подвластными переходили въ старину у помѣщиковъ и въ ихъ собственныя семейныя отношенія. Степанъ Михайловичъ, привыкшій, чтобы его трепетали въ полѣ, на гумнѣ, на мельницѣ, не могъ уже не требовать страха и трепета и отъ домашнихъ. Свою Арину Васильевну онъ таскалъ за косы такъ, что она по цѣлому году съ пластыремъ на головѣ ходила. Дочери боялись и почитали его, какъ своего господина, а не какъ отца. Отсутствіе живыхъ семейныхъ связей и тупая покорность передъ силой очень ярко выразились въ семействѣ Багровыхъ послѣ смерти дѣдушки. Описаніе сценъ, послѣдовавшихъ за смертью Степана Михайловича принадлежитъ къ числу самыхъ живыхъ и интересныхъ страницъ «Дѣтскихъ годовъ» г. Аксакова. Любопытно, какъ относятся теперь мать и старшія сестры къ Алексѣю Степановичу и къ невѣсткѣ, которую прежде столько преслѣдовали. Старуха мать не смѣетъ сѣсть за столъ, пока не явится младшій сынъ, ставшій теперь *хозяиномъ* въ домѣ. Напрасно невѣстка ее упрашиваетъ не дожидаться; старуха отвѣчаетъ: «нѣтъ, нѣтъ, невѣстынька: по нашему не такъ, а всякъ сверчокъ знай свой шестокъ». Когда сынъ входитъ, она встаетъ и идетъ къ нему на встрѣчу съ поклономъ, а сестры даже падаютъ въ ноги брату, съ вытьемъ и просьбами— не оставить ихъ. Потомъ съ тѣми же униженными просьбами обращаются къ невѣсткѣ, какъ хозяйкѣ въ домѣ. Сцены эти могутъ нѣкоторымъ нравиться, какъ живой памятникъ патріархальныхъ отношеній домочадцевъ къ владыкѣ дома. Но мы, признаемся, не видимъ въ нихъ ничего, кромѣ чрезвычайной неразвитости и спутанности нравственныхъ понятій и кромѣ привычки—быть подъ началомъ, при отсутствіи всякихъ духовныхъ связей любви и истиннаго уваженія. Интересно, какъ выражается за обѣдомъ печаль по только-что умершемъ главѣ семейства. «За столомъ всѣ принялись такъ кушать,—говоритъ г. Аксаковъ,—что я съ удивленіемъ смотрѣлъ на всѣхъ». Между прочимъ, одна изъ дочерей покойника разливая уху и накладывая всѣмъ груды икры и печенокъ, просила покушать ихъ въ память того, что батюшка-то любилъ ихъ

И при этомъ слезы капали у ней въ тарелку. Несмотря на то, она, какъ и другіе, кушала съ удивительнымъ аппетитомъ. Послѣ обѣда же всѣ отправились спать и проспали до вечерняго чая. Въ девятый день опять былъ обѣдъ, и тутъ уже всѣ были спокойны, пока не подали блиновъ. Но какъ только явились на столъ блины, всѣ принялись кушать ихъ со слезами и даже съ рыданіями. Это выраженіе любви посмертное. А вотъ, что было при жизни. Во время житья въ Багровѣ, уже послѣ смерти дѣдушки, Сережа зашелъ въ одинъ амбаръ, отдѣленный для тетушки Татьяны Степановны, оставшейся незамужнею и жившей при родителяхъ. Тамъ увидѣлъ онъ сундучки, ларчики, ящики, посуду, даже бутылки съ новыми пробками и, наконецъ, кадушку съ колотымъ сахаромъ. Онъ обратился за объясненіемъ такого страннаго явленія къ своей нянѣ Парашѣ, и та, увлеченная благороднымъ негодованіемъ, объяснила, что барышня все это потихоньку натаскала у покойнаго дѣдушки, а бабушка ей потакала. Такова была семейная нравственность, таковы отношенія между людьми, въ сущности не злыми и не безчестными. Г. Аксаковъ замѣчаетъ (въ «Семейной хроникѣ»), что вообще, несмотря на свой трепетъ предъ Степаномъ Михайловичемъ, и жена, и дочери пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ надуть его и постоянно съ нимъ хитрили. Этого, разумѣется, и слѣдовало ожидать отъ людей, которые связываются между собою единственно узами страха и изъ которыхъ одинъ привыкъ своевольно распоряжаться, а другіе — безсловесно и неразумно трепетать предъ его волей.

Впрочемъ, и эти покорныя существа имѣли свою сферу, въ которой являлись уже сами распорядительницами. Во владѣніи бабушки Арины Васильевны находился свой особый міръ деревенскихъ дѣвокъ и дѣвчонокъ. Г. Аксаковъ разсказываетъ одну изъ сценъ бабушкина управленія, которой ему привелось быть свидѣтелемъ. Послѣ смерти мужа, Арина Васильевна, уже ослабѣвшая и отставшая отъ хозяйства, занималась главнымъ образомъ пряжей козьяго пуха. Множество дѣвочекъ, сидя вокругъ нея, должны были выбирать волосья изъ клочковъ козьяго пуха. Если выбрано было нечисто, то бабушка бранилась. Одинъ разъ, бабушка сидѣла такимъ образомъ за пряжей и весело разговаривала съ внучкомъ. слѣдовательно, была въ самомъ шелковомъ расположеніи духа, когда одна дѣвочка подала ей свой клочекъ пуху, уже разъ возвращенный назадъ. «Бабушка посмотрѣла на свѣтъ и, увидя, что есть волосья, схватила одной рукою дѣвочку за волосы, а другою вытащила изъ-подъ подушекъ ременную плетку и начала хлестать бѣдную дѣвочку» (стр. 269). Внучекъ былъ возмущенъ этимъ зрѣлищемъ и убѣжалъ отъ него; но для бабушки это была обыкновенная семейная расправа: на то ужъ и плетка лежала подъ подушками. Это даже не было собственно назначено для дворовыхъ и крестьянскихъ дѣвчонокъ; справедливость требуетъ сказать, что и съ родными дѣтьми такія потасовки были тогда не въ рѣдкость.

Руки, привыкшія къ размашистому управленію, требовали и въ семействѣ такой же дѣятельности, какъ на господскомъ дворѣ и запашкѣ. Не только у такихъ людей, какъ старики Багровы, но и у болѣе кроткихъ господъ воспитаніе дѣтей шло постоянно съ помощью собственноручной расправы. Болотовъ, напримѣръ, разсказываетъ о своей матери, что она была весьма кроткая и разумная женщина. О ея кротости, даже трусости, свидѣтельствують многія обстоятельства въ запискахъ Болотова. Когда, напримѣръ, одинъ сосѣдъ подалъ на нее въ судъ жалобу, что къ ней въ имѣнье убѣжала когда-то его крѣпостная баба и вышла тамъ замужъ за крѣпостного Болотовыхъ мужика, то мать Болотова крайне перепугалась, собрала домашнее совѣщаніе и, убѣдившись, что сосѣда требованіе правое, что онъ свою бабу требовать назадъ во всякое время и по всѣмъ законамъ можетъ, помѣщица рѣшилась стараться только объ одномъ: склонить сосѣда къ миру, хотя бы и съ большими уступками съ ея стороны. Другое обстоятельство: Болотова свихнула себѣ ногу, оттого, что очень скоро побѣжала и какъ-то второпяхъ неловко повернула ногу, при вѣсти о пріѣздѣ въ домъ ея брата, который извѣстенъ былъ крутымъ своимъ нравомъ. И эта, столь боязливая и нерѣшительная женщина, находила, однако же, силы собственноручно наказывать сына. «Нерѣдко случалось—говоритъ Болотовъ—(стр. 105), что она, поставивъ меня въ ногахъ у своей кровати, предпринимала меня всячески тазать, и иногда продолжала тазанье таковое съ цѣлый часъ времени». Какъ она обращалась съ своими людьми, Болотовъ не упоминаетъ; но объ этомъ можно догадываться изъ его же словъ, что «ее легко было подвигнуть на гнѣвъ, и въ семъ случаѣ должны были всѣ молчать и повиноваться ея волѣ». Подобныхъ лицъ и случаевъ можно было бы привести множество изъ разныхъ сочиненій, относящихся къ тогдашнему быту; но предметъ этотъ такъ общеизвѣстенъ, что распространяться о немъ, кажется, нѣтъ надобности.

Такимъ воспитаніемъ поддерживалось, конечно, продолженіе стараго порядка и въ слѣдующихъ поколѣніяхъ, и, такимъ образомъ, прогрессъ нравственныхъ понятій былъ весьма сомнителенъ. Съ теченіемъ времени, исчезла, мало-по-малу, прежняя грубость; самодовольство выражалось уже въ другихъ, менѣе оскорбительныхъ формахъ; но вовсе не выражаться оно не могло. О сочувствіи къ простому народу, о любви къ нему, о пониманіи его нуждъ и интересовъ не могло быть и рѣчи. Сильнѣйшее доказательство этого находимъ мы въ матери Сережи, Софьѣ Николаевнѣ. Ей было легче другихъ помѣщиковъ проникнуться любовью къ бѣднымъ земледѣльцамъ. Ея дѣдушка былъ уральскій казакъ, а мать изъ купеческаго званія; преслѣдуемая мачихой, она сама въ годы нѣжной юности, испытала всю тяжесть принужденной работы; ея природный умъ былъ ясенъ и крѣпокъ; образованіе было выше, чѣмъ у другихъ. Но и она, въ отношеніи къ своимъ слу—

гамъ и крестьянамъ, не могла стать на ту высоту, какая нынѣ требуется отъ человѣка истинно просвѣщеннаго. Она не дѣлала и не говорила ничего дурного прислугѣ, припоминаетъ г. Аксаковъ; при всемъ томъ ее не любили. Безъ сомнѣнія, прислуга видѣла въ ней этотъ величавый, безмолвно-подавляющій взглядъ, съ которымъ она относилась ко всему окружающему. Она запретила своимъ дѣтямъ всякое сношеніе съ прислугой въ Багровѣ и Чурасовѣ. Положимъ, что она была права, полагая, что багровская и чурасовская дворня ничему не можетъ научить дѣтей, кромѣ худого. Но вѣдь не запретила же она дѣтямъ разговаривать съ двоюродными ихъ сестрицами, которыя объяснили Сережѣ, что онѣ безпрестанно лгутъ и во всемъ обманываютъ родителей, что безъ этого нельзя, и пр. Тутъ, значитъ, кромѣ дѣтской нравственности, были и другія соображенія. Но это еще не важно; есть другія обстоятельства, болѣе значительныя. Узнавъ, что няня Сережи, Параша, сказала ему что-то нехорошее про тетушекъ (которыхъ Софья Николаевна сама не любила), мать его, хотя и знала, что все сказанное справедливо, тѣмъ не менѣе погрозила, если впередъ что-нибудь подобное услышитъ, сослать Парашу въ деревню за скотиной ходить, разлучивши съ мужемъ. Мы оставляемъ въ сторонѣ внутреннее побужденіе такой угрозы: это могло быть и неудовольствіе на то, что прислуга смѣетъ разсуждать о господахъ, и самолюбивое желаніе выставить себя ангеломъ, не позволяющимъ другимъ бранить враговъ своихъ, и материнская боязнь за сына, чтобы онъ не проникся враждой къ своимъ роднымъ. Можетъ быть, все это вмѣстѣ участвовало въ негодованіи на Парашу. Но каково проявленіе этого негодованія? «Я, дескать, сошлю тебя въ дальнюю деревню за скотиной ходить, а не за сыномъ моимъ»! Не правда ли, что здѣсь довольно сильно обнаруживается, какъ трудно человѣку не принять нѣкоторыхъ нехорошихъ замашекъ, оградить себя отъ нѣкоторыхъ излишествъ, къ которымъ его положеніе даетъ ему поводъ и даже какъ будто нѣкоторое право! Самое отстраненіе Софьи Николаевны отъ дѣлъ хозяйства и отъ крестьянъ происходитъ, очевидно, не отъ сознанія ложности своего положенія въ отношеніи къ нимъ, не отъ робкой застѣнчивости, думающей: что я имъ такое? Это вовсе не простодушіе Сережи, который, увидавъ, какъ въ Парашинѣ мужики кланяются его отцу и привѣтствуютъ его, спрашиваетъ съ изумленіемъ: «за что это они такъ насъ любятъ? что мы имъ сдѣлали»? Нѣтъ, тутъ скрывалось совсѣмъ другое чувство. Когда Алексѣя Степаныча ввели во владѣніе отцовскимъ имѣніемъ, онъ, вмѣстѣ съ женой и дѣтьми, долженъ былъ, по обычаю, выйти къ крестьянамъ. Но Софья Николаевна никакъ не хотѣла согласиться на это, несмотря на всѣ упрашиванья мужа и старухи свекрови, которую она должна была теперь замѣнить въ хозяйствѣ. Крестьяне были очень недовольны, что не видятъ молодой барыни, и Алексѣй Степанычъ долженъ былъ имъ сказать, что она нездо-

рова. Узнавъ объ этомъ, она принялась выговаривать мужу за то, что онъ солгалъ, такъ что онъ принужденъ былъ отвѣтить ей: «совѣстно было сказать, что ты не хочешь быть ихъ барыней и не хочешь ихъ видѣть; въ чемъ же они передъ тобой виноваты»? Потомъ, на вопросъ сына, отчего она не вышла къ крестьянамъ, мать отвѣчала, что отъ этого бабушкѣ и тетушкѣ было бы грустно. «Притомъ же я терпѣть не могу... ну, да ты еще малъ, и понять меня не можешь». Послѣднія слова заставили сына долго ломать голову надъ тѣмъ, чего мать терпѣть не можетъ? Неужели добрыхъ крестьянъ, которые сами говорятъ, что ихъ такъ любятъ? (стр. 263). Предположеніе мальчика были справедливы только отчасти; скорѣе нужно думать, что Софья Николаевна, не терпѣвшая всякой лжи, не могла терпѣть парадныхъ изъявленій восторга и любви отъ людей, для которыхъ она ничего не сдѣлала, которыхъ не знала и съ которыми нимало не могла симпатизировать. Намъ грустно за искаженіе естественныхъ человѣческихъ отношеній, когда мы думаемъ обо всѣхъ, принимавшихъ участіе въ этомъ случаѣ. Жаль видѣть бѣдную женщину, смутно сознающую ложность отношеній, въ которыя она поставлена къ извѣстнымъ ей людямъ. Выйти ей и принять привѣтъ крестьянъ? Да чѣмъ же она его заслужила? Что она для нихъ такое? И что же дѣлать, когда она не можетъ, не лицемѣря, показать имъ свое сочувствіе, потому что въ сердцѣ у нея живого сочувствія къ нимъ нѣтъ и не можетъ быть. Не выйти? Но тутъ опять встрѣчаютъ ее ложныя отношенія, отъ которыхъ становится еще болѣе грустно. Мужъ ея говоритъ: «развѣ они виноваты передъ тобой, что ты не хочешь быть ихъ барыней»? То есть, по его понятію, барыня дается мужикамъ какъ бы въ награду за хорошее поведеніе. Сами мужики едва ли не раздѣляютъ этой мысли: они такъ смиренны, такъ привыкли къ своему положенію, что ихъ желанія, дѣйствительно, не простираются далѣе господской милости. При такомъ положеніи дѣла, дѣйствительно, всѣ здравыя понятія перепутываются, даже въ душѣ самой неиспорченной. Маленькій Сережа признается, что уже не спрашивалъ въ это время, за что ихъ такъ любятъ крестьяне: «я убѣдился, что это непремѣнно такъ быть должно» (стр. 261).

Взглядъ Софьи Николаевны на крестьянъ объясняется аристократическимъ складомъ всѣхъ ея убѣжденій и чувствъ. Она любитъ изящное, доброе и благородное, но мысль поискать всего этого между крестьянами не приходитъ ей въ голову. Ей сильно препятствуетъ здѣсь то ложное положеніе, въ которомъ стоитъ она къ этому народу. Она, конечно, не стоитъ на степени развитія Простаковой, которая, узнавши, что Палашка лежитъ больная и бредитъ, восклицаетъ съ негодованіемъ: «лежитъ, бестія,—бредитъ, какъ будто благородная»! Но все-таки и Софья Николаевна не могла еще дойти до понятія о томъ благородствѣ, которое равно свойственно и помѣщику и крестьянину и которое нерѣдко можетъ

въ совершенно обратномъ отношенiи къ общественному по-
нiю лица. Она желала бы вовсе не знать о существованiи
:ьянъ, которыхъ положенiе вовсе ее не занимаетъ. Проѣзжая
:ъ Парашино и видя крестьянскiе запасы хлѣба, Алексѣй Сте-
чъ, по чувству ли хозяина или просто по добротѣ сердца,
iицаетъ: «вотъ такъ крестьяне! молодцы! сердце, глядя на нихъ,
:тся». Но Софья Николаевна не только не радуется. а даже
)бращаетъ вниманiя на слова мужа. Проѣзжая мимо хлѣбовъ,
овъ опять жалѣетъ, что не успѣютъ мужики убраться; жена
і тутъ слушаетъ его безъ малѣйшаго участiя. Маленькiй сынъ
ѣгаетъ къ ней съ восторженными разсказами о томъ, что онъ
іъ на полѣ, какъ крестьяне пашутъ, сѣютъ, косятъ: она не
:о безъ участiя, но даже съ неудовольствiемъ слушаетъ его
:азы.... Сыну хочется итти, вмѣстѣ съ отцомъ, посмотрѣть на
:у пруда: она его не пускаетъ, потому что «нечего ему дѣ-
въ толпѣ мужиковъ и не для чего слушать ихъ грубыя и не-
гойныя шутки, прибаутки и брань между собою». Мужъ на-
ю старается увѣрить ее, что ничего подобнаго не бываетъ
365—366). Въ ея присутствiи багровскiя дворовыя дѣвушки
ны отказаться отъ своихъ пѣсенъ и съ сожалѣнiемъ говорятъ
iну: «матушка ваша не любитъ нашихъ деревенскихъ пѣсенъ»
391). Словомъ, полное отчужденiе отъ простого быта крестьянъ,
:омѣрное пренебреженiе къ нему выражается почти въ каж-
поступкѣ Софьи Николаевны, хотя она не позволяетъ себѣ
кихъ жестокостей и грубостей.
'тчего же такое отчужденiе въ ней именно? У нея должно быть
аки больше развито чувство любви и уваженiя къ человѣче-
нежели, напримѣръ, хоть въ старикахъ Багровыхъ; почему
ни не чуждаются крестьянъ, а она чуждается? Если мы вду-
:я въ сущность этого явленiя, то неизбѣжно должны, кажется,
'и къ заключенiю, вовсе не отрадному. Какiя точки сопри-
)венiя съ крестьянами видимъ мы въ старинномъ быту помѣ-
въ? Во-первыхъ—корысть. Хозяйственныя распоряженiя неиз-
о сближали помѣщика, живущаго въ деревнѣ, съ крестьянами,
)ые должны исполнять его распоряженiя съ соблюденiемъ его
ъ. Вторымъ обстоятельствомъ, сближавшимъ помѣщиковъ съ
:ьянами, были тогда—равно низкая степень образованности
и другихъ. Нравы большинства помѣщиковъ того времени
грубы и невѣжественны, какъ мы уже видѣли изъ множества
ѣровъ; слѣдовательно, нечего было опасаться, чтобы какое-
ць жестокое выраженiе или грубый поступокъ не оскорбилъ
ственнаго чувства господина. Куролесовы, Багровы, и тому по-
ые, потому не боялись сближаться съ своими крѣпостными
ми, что не видѣли въ себѣ нравственной разницы съ ними.
омъ же, входя въ хозяйственныя сношенiя съ крестьянами и
пускаясь въ интимности съ домашней прислугой, они знали,
ни къ чему себя этимъ не обязываютъ. Они знали, что все-

таки эти люди находятся въ ихъ рукахъ. Куролесовъ, кутившій съ пьяной ватагой всякихъ сорванцевъ, тѣмъ не менѣе пробовалъ свои «кошечки» на томъ изъ нихъ, кто ему не нравился. Дочь Багрова, Татьяна Степановна, ничуть не считала неловкимъ бить свою Матрешку, вѣрную хранительницу ея заповѣднаго амбара со всѣми его секретами. Дѣло очень естественное: помощь, услуги, сообщничество этихъ людей,—все считалось обязательнымъ; они не могли и не смѣли не сдѣлать такъ, какъ это имъ приказано, слѣдовательно, принимая услуги ихъ, повѣряя имъ свои нужды, господинъ все-таки не терялъ своихъ правъ—могъ ихъ наказывать, ссылать, сѣчь, сколько его душѣ угодно было. При такихъ понятіяхъ, отчего же было и не сходиться съ крестьянами и дворовыми, отчего не сближаться съ ними по наружности? Вѣдь существенное-то разстояніе все-таки оставалось и не могло быть забыто ни тѣмъ, ни другимъ.... Этихъ-то воззрѣній не могла, конечно, понять Софья Николаевна; а до другихъ она не могла еще возвыситься, и потому остановилась на распутьи—на пренебреженіи къ простому народу и къ простому быту.

Вотъ въ какомъ видѣ представляются намъ, по запискамъ г. Аксакова, отношенія къ крестьянамъ въ разныхъ лицахъ семейства Багровыхъ. Выписки изъ подлинныхъ воспоминаній другихъ современниковъ того вѣка и изъ тогдашнихъ сатирическихъ нападеній могли бы совершенно подтвердить вѣрность и обыкновенность всего, что описываетъ намъ г. Аксаковъ. Надо признаться, что результаты этихъ фактовъ не слишкомъ отрадны. Неразвитость нравственныхъ чувствъ, извращеніе естественныхъ понятій, грубость, ложь, невѣжество, отвращеніе отъ труда, своеволіе, ничѣмъ не сдержанное, представляются намъ на каждомъ шагу въ этомъ прошедшемъ, теперь уже странномъ, непонятномъ для насъ и, скажемъ съ радостью, невозвратномъ.

Но вѣдь не постоянно же крѣпостныя отношенія вторгались въ деревенскую жизнь помѣщика,—замѣтитъ читатель. Изъ очерка этихъ отношеній мы все еще не составляемъ себѣ опредѣленнаго понятія о томъ, какъ именно проходила домашняя жизнь нашихъ предковъ-помѣщиковъ, чѣмъ они занимались въ деревнѣ, вообще какъ проводили свое время. Можетъ быть, здѣсь найдется и свѣтлая сторона нравовъ того времени, можетъ быть, семейныя добродѣтели старинныхъ помѣщиковъ и примирятъ насъ съ ними за тѣ ложныя и невѣжественныя отношенія, которыя развивали они въ своей жизни и которыя, впрочемъ, и не зависѣли отъ воли отдѣльныхъ личностей.

Мы должны сознаться, что требованіе читателя вполнѣ справедливо и что даже, судя по заглавію статьи, читатель могъ ожидать отъ насъ не того, что мы изложили. Мы обѣщали очеркъ деревенской жизни старинныхъ помѣщиковъ, а говорили объ ихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ и крѣпостной прислугѣ. Но, для своего оправданія, мы должны сказать, что такой оборотъ дѣла со-

ставляетъ не нашу вину. Что же дѣлать, когда крѣпостныя отношенія проникали собою всю жизнь старинныхъ помѣщиковъ, особенно жившихъ въ деревняхъ, и обнаруживали свое вліяніе даже тамъ, гдѣ всего менѣе можно было бы ожидать: въ домашнихъ забавахъ, въ родственныхъ отношеніяхъ, въ воспитаніи дѣтей помѣщиковъ. Изъ многихъ фактовъ, приведенныхъ нами въ продолженіе статьи, можно видѣть отчасти, какъ протекало время для старинныхъ деревенскихъ жителей, владѣвшихъ крестьянами. Но нужно сознаться, что точнаго и опредѣленнаго очерка *жизни* тогдашней не даетъ ни одинъ изъ авторовъ, писавшихъ мемуары о томъ времени. Должно быть, *жизни* собственно и не было въ этой темной удушливой средѣ; было какое-то прозябаніе, не оставлявшее по себѣ никакого слѣда и потому не могшее быть уловленнымъ воспоминаніями тѣхъ, кто старался изобразить этотъ бытъ. Подобно другимъ мемуарамъ, и записки г. Аксакова не представляютъ въ этомъ отношеніи удовлетворительнаго очерка. Прочитавъ эту толстую книгу, невольно спрашиваешь себя: «что же, однако, дѣлали эти люди всю свою жизнь? Какъ они ее прожили? Чѣмъ занималась все время своего тридцати-лѣтняго дѣвичества—хоть тетушка Татьяна Степановна? Какое занятіе было у самой матери Сережи»? На все это даются отвѣты очень смутные, отрывочные, неудовлетворительные. Для разъясненія дѣла можетъ отчасти служить «Добрый день Степана Михайловича», описанный въ «Семейной хроникѣ». Онъ даетъ нѣкоторое понятіе о той праздности и лѣни, въ которую погружено было цѣлое семейство, внѣ хозяйственныхъ заботъ, лежавшихъ почти вполнѣ на одномъ только главѣ дома. Просыпается Степанъ Михайловичъ рано, даже раньше слугъ своихъ, которыхъ будитъ въ добрый день—не калиновымъ подожкомъ, не пинкомъ и не стуломъ, какъ въ другіе дни, а просто—по-человѣчески. Только что онъ всталъ, и весь домъ на ногахъ: вся семья почтительно идетъ къ старику здороваться. Потомъ пьютъ чай, и затѣмъ отецъ отправляется на поле, гдѣ испытываетъ доброту пашни извѣстнымъ уже намъ способомъ. Съ поля онъ возвращается прямо къ обѣду, который ужъ непремѣнно долженъ быть готовъ къ его возвращенію. За стуломъ хозяина стоитъ, во все время обѣда, Николка Рузанъ, съ цѣлымъ пучкомъ березы, и обмахиваетъ его отъ мухъ. Въ столовую собираются дворовые мальчишки и дѣвчонки «за подачками»; они знаютъ, что Степанъ Михайловичъ веселъ и будетъ одѣлять ихъ кусками съ своего стола. Послѣ обѣда, бывшаго всегда въ полдень, всѣ ложатся спать, и спятъ часа четыре. Затѣмъ, отецъ ѣдетъ на мельницу и беретъ съ собою всю семью. Оттуда возвращаются домой, и баринъ толкуетъ со старостой, затѣмъ ужинаетъ; послѣ ужина, старикъ прохлаждается нѣсколько времени на крыльцѣ, забавляясь дракою своихъ слугъ, и наконецъ мирно ложится спать.

Вотъ вамъ цѣлый день, одинъ изъ лучшихъ дней. Какая дѣятельность выпадаетъ на долю Арины Васильевны и дочерей? и что дѣ-

лаетъ самъ Степанъ Михайловичъ, ежели онъ не ходитъ въ поле и не ѣздитъ на мельницу?—этого, право, мы не умѣемъ сказать. Должно быть, ничего не дѣлаетъ. Подтвержденіе этой мысли находимъ мы въ замѣчаніи г. Аксакова о Куролесовѣ, который умѣлъ вести себя хорошо въ первые два или три года, пока у него было дѣло на плечахъ, пока онъ занятъ былъ устройствомъ имѣнія. Но потомъ праздность одолѣла его: натура-то была у него широкая, а дѣла себѣ никакого не находила: и пустился Михаилъ Максимовичъ въ пьянство и буйство. Другіе не пускались въ такія художества, но прозябали безъ шума и слѣда, не думая ни о чемъ, и ни въ чемъ не пытая своихъ силъ. Богачъ Д* занимался своимъ крѣпостнымъ оркестромъ и заморскими чушками; Прасковья Ивановна — пріемомъ гостей и картами; Арина Васильевна—пряжей козьяго пуху, въ промежутки между сномъ и процессомъ наполненія желудка. Экстраординарными занятіями были — уженье, охота, собираніе грибовъ и ягодъ... А ужъ зимой,—постигнуть нельзя, что дѣлали въ деревнѣ зимой... Въ зимнее время, вѣроятно, увеличивались тѣ забавы и развлеченія, образцы которыхъ представили мы выше, въ выкидываньи артикула — Дарьей Васильевною, вмѣсто ружья. Тутъ же, конечно, помогали много и благодѣтельныя карты, служившія—то для игры въ дурачки, то для гаданья. Съ теченіемъ времени, т. е. въ поколѣніи, слѣдовавшемъ уже за Степаномъ Михайловичемъ, развивалась любовь къ чтенію: такъ, у Татьяны Степановны былъ уже свой любимый пѣсенникъ... Чего же больше?

Если мы сдѣлаемъ надъ собою усиліе и вообразимъ себя на мѣстѣ какой-нибудь Арины Васильевны или богача Д*, съ ихъ понятіями, съ ихъ матеріальными средствами, со всею обстановкою ихъ жизни, то мы не удивимся ихъ праздности. Вѣдь всякая дѣятельность непремѣнно чѣмъ-нибудь вызывается и поддерживается; всякій работаетъ прежде всего потому, что сознаетъ *потребность* труда, нравственную или физическую, чаще всего и ту и другую, нераздѣльно. Скажите, отчего же потребность труда могла бы родиться въ Прасковьѣ Ивановнѣ или въ богачѣ Д*? Что имъ была за надобность работать?.. Съ незапамятныхъ временъ, поколѣніе за поколѣніемъ, приходятъ люди-счастливцы на готовое. Кто-то прежде ихъ, для нихъ невѣдомо, приготовилъ все это, пожилъ, умеръ, оставилъ другимъ, другіе третьимъ. Наконецъ доходитъ до послѣднихъ; имъ даютъ состояніе и говорятъ: «пользуйтесь! тутъ есть неистощимый капиталъ, который можетъ давать столько процентовъ, сколько вы захотите, не выходя за предѣлы человѣческой возможности. Вамъ ничего не нужно для того, чтобы пользоваться этимъ капиталомъ и процентами; довольно того, что я вамъ вручаю его». И неужели отъ счастливца, получающаго этотъ кладъ, можно ожидать, что онъ отъ него откажется и скажетъ: нѣтъ,— я лучше хочу самъ трудиться, самъ пріобрѣтать себѣ хлѣбъ свой. Нѣтъ, только Геркулесъ способенъ былъ къ такому самоотверже-

нію, когда его встрѣтили съ своими предложеніями Нѣга и Трудъ. За то Геркулесъ и относится къ области миѳологіи. Люди историческихъ временъ поступаютъ уже не такъ. Въ этомъ отношеніи свойство дѣйствительныхъ людей изображаетъ намъ разсказъ Данилова о своемъ зятѣ Астафьевѣ. Астафьевъ этотъ служилъ въ полку; но потомъ, получивши богатое наслѣдство, неприлежно сталъ служить и, наконецъ, выпросился въ отпускъ, такъ какъ въ то время отставки получить нельзя было. При этомъ случаѣ онъ нашелъ *милостивца* въ полковомъ секретарѣ, который каждый годъ выправлялъ ему отпускъ за малые деревенскіе гостинцы: «душекъ двѣнадцать мужеска пола, съ женами и дѣтьми», съ тѣмъ, чтобы они были выведены, куда было имъ назначено (Дан. стр. 34). Вотъ это очень понятно и очень близко къ естественнымъ наклонностямъ большинства человѣковъ!..

Грустно становится, когда раздумаешься объ этихъ временахъ, которыхъ остатки существовали еще такъ недавно. Но и тутъ, какъ вездѣ, есть одна сторона отрадная, успокоивающая: это видъ добраго, свѣжаго крестьянскаго населенія, твердо переносящаго всѣ испытанія, безъ отчаяннаго унынія, но съ постоянной надеждой на милость Божію и царскую. Много силъ должно таиться въ томъ народѣ, который не опустился нравственно среди такой жизни, какую онъ велъ много лѣтъ, работая на Багровыхъ, Куролесовыхъ, Д** и т п... Весело смотрѣлъ маленькій Сережа на дружную работу косцовъ, и потомъ съ восхищеніемъ разсказывалъ, какъ это хорошо—косить. Ему отвѣчали, что смотрѣть-то хорошо, а работа очень тяжела, и онъ долго не могъ помириться съ мыслью, чтобы такая веселая и красивая работа могла быть тяжела. Въ другой разъ, онъ видѣлъ жнитво, при которомъ, на вопросъ отца его,—«не тяжело-ли»,—крестьяне отвѣчали: «тяжеленько, да какъ же быть: рожь сильна,—прихватимъ вечера». Тутъ маленькаго Сережу поразили тяжело дышащія, согнутыя надъ серпомъ крестьянки, обвязанные грязными тряпицами пальцы на рукахъ и босыхъ ногахъ работавшихъ, и особенно плачъ грудного ребенка, который былъ тутъ же, въ полѣ, съ матерью, какъ бы пріучаясь къ этой «страдѣ» крестьянской. Сережа съ любопытствомъ смотрѣлъ, какъ молодая женщина, воткнувъ серпъ въ связанный ею снопъ, подошла къ ребенку, и тутъ же, присѣвъ у стоящаго пятка сноповъ, начала цѣловать, ласкать и кормить грудью свое дитя, а потомъ снова положила его въ люльку и принялась жать съ особеннымъ усиліемъ, чтобы наверстать потерянное время и не отстать въ работѣ. «Невыразимое чувство состраданія къ работающимъ съ такимъ напряженіемъ силъ, на солнечномъ зноѣ, обхватило мою душу», говоритъ г. Аксаковъ (стр. 61). Черезъ нѣсколько времени, крестьянскія работы дали ему испытать еще новое чувство. Онъ увидалъ, какъ боронятъ замлю крестьянскіе мальчики, *и самъ* захотѣлъ попробовать боронить. Мать сначала говорила *ему*, что это вздоръ, что это не его дѣло, но, наконецъ, согласи-

лась на усиленныя просьбы сына. Разумѣется, оказалось, что Сережа не только боронить не можетъ, но даже ходить по вспаханной землѣ не умѣетъ. «Крестьянскій мальчикъ шелъ рядомъ со мной, — говоритъ онъ, — и смѣялся. Мнѣ было стыдно и досадно» (стр. 369).

Да, всѣ эти поколѣнія, прожившія свою жизнь даромъ, на счетъ другихъ—всѣ они должны были бы почувствовать стыдъ, горькій стыдъ, при видѣ самоотверженнаго, безкорыстнаго труда своихъ крестьянъ. Они должны бы были вдохновиться примѣромъ этихъ людей и взяться за дѣло, съ полнымъ сознаніемъ, что жизнь тунеядца презрѣнна и что только трудъ даетъ право на наслажденіе жизнью. А они не совѣстились присвоить себѣ это наслажденіе, отнимая его у другихъ. Горькое, тяжелое чувство сдавливаетъ грудь при воспоминаніи о давно минувшихъ несправедливостяхъ и насиліяхъ... Но радостно бьется сердце при мысли, что мы уже пережили эти времена, что теперь блеститъ уже новый день, что грядущія поколѣнія ожидаетъ не принужденный трудъ безъ вознагражденія, а свободная, живая дѣятельность, полная радостныхъ надеждъ на собраніе плодовъ, на неотъемлемую, собственную жатву того, что посѣяно. Скорѣе же прочь всѣ остатки отжившихъ свое время предразсудковъ! Своекорыстные расчеты и привычная лѣнь должны умолкнуть предъ величіемъ общаго начинанія ко благу человѣчества. Голосъ правды, голосъ любви призываетъ: не время оставаться въ прежней праздности и апатіи. Пусть воспоминанія того поколѣнія, которое возрастаетъ теперь, представятъ наше общество въ лучшемъ свѣтѣ, нежели въ какомъ являются предъ нами, въ воспоминаніяхъ правдивыхъ современниковъ, люди конца прошедшаго столѣтія!..

II.

Разныя сочиненія С. Аксакова. Москва. 1858.

Новая книга С. Т. Аксакова никакъ не можетъ вызвать серьезныхъ критикъ, подобныхъ тѣмъ, какимъ подвергались его «Семейная хроника» и «Дѣтскіе годы Багрова». Изданныя нынѣ «Разныя сочиненія» имѣютъ въ себѣ одно свойство, которое должно заставить критику,—каковъ бы ни былъ ея смыслъ,—принять совершенно не тотъ характеръ, что прежде. Рецензентъ при своемъ разборѣ всегда имѣетъ въ виду, будетъ ли публика читать разбираемую книгу, или нѣтъ. Если будетъ, то критика, предполагая содержаніе извѣстнымъ, старается разъяснить его смыслъ, прослѣдить развитіе идей автора, высказать свое мнѣніе о предметахъ, выводимыхъ авторомъ, и о способѣ ихъ изображенія. Такъ и поступила критика наша съ произведеніями г. Аксакова, изданными въ послѣдніе годы. Но если многія соображенія приводятъ критику къ убѣжденію, что публика не будетъ, да и не должна читать книги, то и разборъ, очевидно, долженъ имѣть другой смыслъ: онъ долженъ только дать понятіе о книгѣ, чтобы избавить любителей чтенія отъ напрасной траты времени. Именно такого рода разборъ мы считаемъ приличнымъ для «Разныхъ сочиненій» г. Аксакова.

Но предварительно, изъ уваженія къ таланту и литературному авторитету почтеннаго автора, скажемъ, почему мы полагаемъ, что его новая книга не будетъ читаться. Мы знаемъ, что онъ возбудилъ интересъ въ нѣкоторой части публики своими записками объ уженьи рыбы и о ружейной охотѣ. По поводу этихъ книгъ замѣчено было, что г. Аксаковъ пишетъ очень хорошимъ слогомъ, съ теплымъ чувствомъ описываетъ красоты природы и имѣетъ большія познанія относительно разныхъ породъ рыбъ и птицъ. Съ такою репутаціей оставался С. Т. Аксаковъ до 1856 г., когда издалъ «Семейную хронику». Отрывки изъ «Хроники» и «Воспоминаній» печатались еще прежде въ разныхъ журналахъ и возбуждали въ публикѣ большія ожиданія. Изданіе «Хроники» встрѣчено было съ такимъ восторгомъ, какого, говорятъ, не бывало со времени появленія «Мертвыхъ душъ». Всѣ журналы наполнились статьями о С. Т. Аксаковѣ. Не всѣ критики выказали одинаковую проницательность въ опредѣленіи достоинствъ «Семейной хроники»; но всѣ одинаково напомнили намъ тѣ времена, въ которыя существовали у насъ *россійскіе Пиндары, Мольеры и Вольтеры*. Одни изъ критиковъ увѣряли, что С. Т. Аксаковъ, по спокойствію и ясности своего міросозерцанія, есть не что иное, какъ новый Го-

меръ; другіе утверждали, что, по удивительному искусству въ развитіи характеровъ, онъ скорѣе всего есть русскій Шекспиръ; третьи, гораздо умѣреннѣе, говорили, что С. Т. Аксаковъ есть не болѣе, какъ нашъ Вальтеръ-Скоттъ. Ниже Вальтеръ-Скотта, впрочемъ, ни одинъ изъ критиковъ не спускался. Не знаемъ, читала ли публика всѣ критики на С. Т. Аксакова и вѣрила ли имъ, если читала; но достовѣрно то, что «Семейная хроника» вскорѣ вышла вторымъ изданіемъ, значитъ—читалась. Успѣху ея, кромѣ несомнѣнныхъ достоинствъ изложенія, много содѣйствовало и то обстоятельство, которое помогло успѣху «Старыхъ годовъ», г. Мельникова, «Прошлыхъ временъ», г. Салтыкова, и т. п. Тутъ была оглядка на прошлое, на которое мы до того времени боялись оглядываться, потому что оно еще не совсѣмъ прошло для насъ. Воспоминанія г. Аксакова предупредили нѣсколькими мѣсяцами произведенія гг. Щедрина, Печерскаго и др., и, кромѣ того, они стояли степенью выше ихъ въ отношеніи къ общественному интересу, котораго преимущественно ищетъ теперь публика въ литературныхъ произведеніяхъ. Въ обличительныхъ повѣстяхъ читатели видѣли притчу, аллегорію, сборникъ анекдотовъ; у г. Аксакова нашли правду, быль, исторію. Увлеченные своей основной идеей—карать порокъ, писатели-обличители дѣлали очень часто ту ошибку, что отбрасывали въ своихъ произведеніяхъ все, что казалось постороннимъ главной ихъ мысли; оттого разсказы ихъ и страдали часто нѣкоторой искусственностью и безжизненностью. У г. Аксакова не было такого односторонняго увлеченія: онъ просто писалъ прожитую и прочувствованную имъ правду, и оттого въ книгѣ его явилось болѣе жизненности и разносторонности; общественные интересы группировались съ частными, задушевными и выражались въ книгѣ именно настолько, насколько имѣли они значеніе въ самой жизни автора. Такимъ образомъ, книга С. Т. Аксакова поражала своей простотой, задушевностью, отсутствіемъ натяжекъ и заданныхъ положеній. Читатели охотно прощали автору и нѣкоторую растянутость его описанія, и ненужныя повторенія одного и того же въ разныхъ мѣстахъ книги, и подогрѣтый лиризмъ по поводу явленій давно минувшихъ, и остатки нѣкоторыхъ раболѣпныхъ отношеній къ разнымъ знаменитостямъ, съ которыми авторъ встрѣчался въ молодости. Все это прощалось ему за тѣ живыя страницы, въ которыхъ представлялъ онъ живые типы Багровыхъ, Куролесовыхъ, описывалъ свое гимназическое и университетское воспитаніе, передавалъ свѣжія впечатлѣнія природы, окружавшей его дѣтство. «Семейная хроника» и «Воспоминанія» г. Аксакова ясно и прямо говорили читателю, что это живая быль, а не выдумка, *въ самомъ дѣлѣ*, а не *нарочно*, — преимущество, котораго лишена была бо́льшая часть обличительныхъ повѣстей нашихъ. И вотъ чѣмъ, по нашему мнѣнію, всего болѣе объясняется успѣхъ книги г. Аксакова въ нашей публикѣ, обыкновенно такъ равнодушной къ художественнымъ достоинствамъ, а въ настоящее время

особенно падкой къ интересамъ общественнымъ. Критика не обратила въ свое время должнаго вниманія на эту сторону отношеній «Семейной хроники» къ современнымъ читателямъ, и занялась почти исключительно разборомъ художественной формы ея. Держась своей точки зрѣнія, критика съ прежней восторженностью встрѣтила и «Дѣтскіе годы Багрова», изданные г. Аксаковымъ въ прошломъ году. Въ нихъ находили то же мастерство разсказа, ту же задушевность и простоту, то же умѣнье живописать природу, и потому ожидали, что они будутъ имѣть такой же успѣхъ, какъ и «Семейная хроника». Но публика вовсе не обнаружила къ новому произведенію г. Аксакова прежняго энтузіазма; «Дѣтскіе годы» показались скучными, восторженныя журнальныя похвалы имъ возбуждали смѣхъ въ читателяхъ; изъ всѣхъ критикъ на г. Аксакова болѣе всѣхъ понравилась самая строгая (въ «Атенеѣ»), хотя вся сущность ея заключалась въ весьма основательномъ и остроумномъ развитіи одной главной мысли: «что книга г. Аксакова была бы хороша, если бы не была слишкомъ растянута». Мы тоже разбирали тогда «Дѣтскіе годы» и, чувствуя, что не могли бы удержаться отъ смѣха, если бы вздумали разсуждать объ ихъ художественныхъ достоинствахъ, рѣшились собрать изъ всей книги тѣ крупицы общеинтересныхъ фактовъ, которыя были разбросаны въ «Дѣтскихъ годахъ» между многими сотнями рыболовныхъ, пищеварительныхъ и чертежническихъ подробностей. Составляя свой разборъ, мы и тогда имѣли въ виду, что публика будетъ плохо читать новую книгу г. Аксакова; но мы не хотѣли явиться зловѣщими пророками для автора и замѣтили тогда: «авторитетъ С. Т. Аксакова установленъ публикой,—пусть же она сама и уничтожитъ его, если хочетъ; критикѣ же вовсе нѣтъ надобности кричать въ этомъ случаѣ наперекоръ публикѣ, потому что дѣятельность г. Аксакова не заключаетъ въ себѣ ничего вреднаго и неблагороднаго».

Наши предположенія сбылись, къ сожалѣнію, скорѣе и полнѣе, нежели мы ожидали; совершенное равнодушіе, даже нѣкоторое пренебреженіе и насмѣшливость явились теперь въ публикѣ вмѣсто прежняго восторга къ трудамъ г. Аксакова. Въ «Русской Бесѣдѣ» прошлаго года постоянно печатались его «Литературныя и театральныя воспоминанія», и постоянно пропускались мимо даже читателями «Бесѣды». Всѣ уже успѣли узнать, что талантъ г. Аксакова слишкомъ субъективенъ для мѣткихъ общественныхъ характеристикъ, слишкомъ полонъ лиризма для спокойной оцѣнки людей и произведеній, слишкомъ наивенъ для острой и глубокой наблюдательности. Въ «Воспоминаніяхъ», изданныхъ вмѣстѣ съ «Хроникой», видно уже было, что С. Т. Аксаковъ *слишкомъ несвободно* относится къ тѣмъ личностямъ и явленіямъ жизни, которыя занимали его молодость. И тамъ уже не совсѣмъ пріятно поражалъ по мѣстамъ паѳосъ автора, обращенный на удочки, на благородные спектакли и на знаменитости, подобныя Шушерину,

Кокошкину, и т. п. Въ новыхъ воспоминаніяхъ ожидали еще сильнѣйшаго паѳоса, еще болѣе мелочности, и не ошиблись. Вслѣдствіе того—литературная слава С. Т. Аксакова исчезла такъ же быстро, какъ и возникла, и новая книга его была встрѣчена съ холодностью, которая граничитъ съ пренебреженіемъ. Недавно мы слышали даже уподобленіе новыхъ воспоминаній С. Т. Аксакова запискамъ того господина, отрывокъ изъ дневника котораго помѣщенъ былъ въ прошломъ году въ «Современникѣ» (въ Замѣткахъ Новаго Поэта). Мы отъ всей души желали бы опровергнуть неблагопріятное мнѣніе публики разборомъ «Разныхъ сочиненій» г. Аксакова; но, къ несчастію, они вполнѣ оправдываютъ разочарованіе читателей, какъ сейчасъ увидимъ.

Болѣе половины книги «Разныхъ сочиненій» занимаютъ литературныя и театральныя воспоминанія. Болѣе половины остальной части—«Біографія Загоскина». Затѣмъ въ книгѣ находятся мелкія статьи: «Буранъ», «Нѣсколько словъ о М. С. Щепкинѣ» и «Воспоминаніе о Д. Б. Мертваго». Въ *приложеніяхъ* перепечатаны изъ старыхъ журналовъ еще три коротенькія статейки г. Аксакова, писанныя тридцать лѣтъ тому назадъ: «О заслугахъ кн. Шаховскаго въ драматической словесности», «О романѣ Юрій Милославскій» и «Письмо къ издателю Московскаго Вѣстника о Пушкинѣ».

Желая дать понятіе о характерѣ «Литературныхъ и театральныхъ воспоминаній», сравнительно съ прежними воспоминаніями г. Аксакова, мы воспользуемся однимъ замѣчаніемъ его о Мочаловѣ. По словамъ г. Аксакова, Мочаловъ былъ очень хорошъ тогда, когда игралъ совершенно просто. Въ одной пьесѣ онъ восхитилъ своей игрой кн. Шаховскаго, и тотъ заставилъ повторить пьесу и просилъ въ театръ какую-то важную особу изъ пріѣзжихъ, нарочно за тѣмъ, чтобъ посмотрѣть игру Мочалова. Узнавъ объ этомъ, Мочаловъ, по словамъ С. Т. Аксакова, «*постарался* и сыгралъ невыносимо дурно». Нѣчто подобное произошло и съ авторомъ «Семейной хроники». Замѣтивъ, что на него устремлено общее любопытство, услышавъ похвалы своему слогу, задушевности и правдѣ своихъ воспоминаній, С. Т. Аксаковъ видимо началъ *стараться* и результатъ вышелъ въ родѣ мочаловскаго. Всѣ недостатки, бывшіе въ зародышѣ въ «Хроникѣ» и «Воспоминаніяхъ» страшно разрослись теперь и заслонили собою скромныя достоинства, успѣвшія уберечься отъ тлетворнаго вліянія *стараній* г. Аксакова. И въ прежнихъ воспоминаніяхъ были у почтеннаго автора лирическія страницы, на которыхъ говорилось, напр., «съ какимъ сердечнымъ трепетомъ ожидалъ я, бывало, половины шестого, чтобы итти на Сѣнную площадь—къ Шушерину!... До сихъ поръ не могу вспомнить безъ восхищенія объ этомъ блаженномъ времени!» — или «невозможно передать словами того, что я чувствовалъ и какую ночь провелъ я, въ ожиданіи блаженной минуты, когда буду представленъ Шишкову»; или: «я опьянѣлъ отъ восторга и счастья,

удостоившись читать Державину его стихи! Да будетъ благословенно искусство чтенія, озарившее скромный путь моей жизни такимъ блаженствомъ, воспоминаніе о которомъ до сихъ поръ проливаетъ отраду во все существо мое»! Въ прежнихъ воспоминаніяхъ были также и подробности весьма спеціальныя, въ родѣ того, что въ такой-то сценѣ, на такомъ-то представленіи, Бобровъ былъ дуренъ, а Семенова—прелестна, что актеръ Фьяло очень натурально игралъ роль Неизвѣстнаго, что на такомъ-то домашнемъ спектаклѣ у одного изъ благородныхъ артистовъ нечаянно камзолъ разстегнулся, а С. Т. Аксаковъ взялъ да и застегнулъ его, и т. п. Но все это рѣшительно ничего не значитъ въ сравненіи съ той обстоятельностью, какою отличаются новыя воспоминанія г. Аксакова. Прежде у него изображались, по крайней мѣрѣ, Державинъ, Шишковъ, Шушеринъ; теперь являются предъ нами Николевъ, Ильинъ, Кокошкинъ, Шаховской, Писаревъ и пр. И, говоря объ этихъ людяхъ, авторъ до сихъ поръ обнаруживаетъ нѣкоторые остатки наивнаго подобострастія, которымъ былъ къ нимъ проникнутъ въ своей молодости «Такой-то меня обласкалъ... Этотъ очень полюбилъ... Этотъ обошелся со мной очень благосклонно»—вотъ выраженія, въ которыхъ г. Аксаковъ разсказываетъ о своихъ литературныхъ знакомствахъ. И не подумайте, чтобы такія отношенія существовали въ то время, когда авторъ былъ еще скромнымъ юношею; нѣтъ, такъ было постоянно — до тѣхъ поръ, пока С. Т. Аксаковъ самъ не сдѣлался «патріархомъ русской литературы». Вотъ, напр., какъ говоритъ онъ о своемъ знакомствѣ съ кн. И. М. Долгорукимъ, въ 1821 г, когда автору «Воспоминаній» было уже *тридцать* лѣтъ. Увидѣлъ его Иванъ Михайловичъ на одномъ домашнемъ спектаклѣ и расхвалилъ. «*Мнѣ совѣстно*,—трогательно замѣчаетъ авторъ черезъ тридцать восемь лѣтъ, — *повторять его похвалы, которыя были, конечно, черезчуръ преувеличены*»... Затѣмъ онъ продолжаетъ: «съ этихъ поръ князь меня очень полюбилъ. Я много читывалъ ему его ненапечатанныхъ сочиненій, и въ томъ числѣ огромную трагедію въ три тысячи варварскихъ стиховъ, которая происходила въ невѣдомомъ мѣстѣ, у неизвѣстнаго народа. Впрочемъ, сочинитель самъ подсмѣивался надъ своимъ твореніемъ» (стр 67). Итакъ—угодливость автора не ограничивалась тѣмъ, что онъ, въ цвѣтущей юности, съ восторгомъ читалъ Державину нелѣпыя его трагедіи: онъ то же самое дѣлалъ въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ для князя И. М. Долгорукова, который самъ надъ собою смѣялся! То же самое дѣлалъ онъ и для Николева, котораго, какъ самъ говоритъ, и не уважалъ вовсе. Въ первое свиданіе съ Николевымъ онъ сказалъ, что «былъ бы счастливъ, если бъ могъ услышать что-нибудь изъ его трагедіи «Малекъ-Адель». Николевъ началъ декламировать; С. Т. Аксаковъ былъ увлеченъ и превозносилъ автора искренними похвалами, и ему навѣки «врѣзались» въ память слѣдующіе четыре сильные стиха:

Блисталъ конь бѣлъ подъ нимъ, какъ снѣгъ Атлантскихъ горъ,
Стрѣла летяща — бѣгъ, свѣща горяща — взоръ,
Дыханье — дымъ и огнь, грудь и копыта — камень,
На немъ Малекъ-Адель или сраженій пламень.

Въ благоговѣйномъ вниманіи къ памяти Николева, г. Аксаковъ и теперь обращается съ этими стихами, какъ съ нѣкою святыней. Къ слову *«блисталъ»* онъ дѣлаетъ примѣчаніе: не отвѣчаю за слово *«блисталъ»*; иногда мнѣ кажется, что вмѣсто него стояло: *«сверкалъ»* (стр. 15). Видите, какая добросовѣстность!... Научитесь, юноши, какъ должно чтить преданія!...

Такимъ милымъ характеромъ отличается вся книга, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ дѣло касается Полевого. «Московскій Телеграфъ»—единственная тучка, потемняющая свѣтлый міръ воспоминаній г. Аксакова. О Полевомъ до сихъ поръ не рѣшается онъ сказать добраго слова; онъ пространно обвиняетъ его въ «дерзости, происходившей отъ самонадѣяннаго, поверхностнаго знанія», съ замѣтнымъ удовольствіемъ повторяетъ онъ выдохшіеся куплеты Писарева противъ издателя «Телеграфа»; не безъ самодовольствія припоминаетъ онъ слѣдующій подвигъ своего цензурнаго поприща: «издатель «Московскаго Телеграфа» сначала пробовалъ сблизиться со мной, но я откровенно сказалъ ему, что только какъ цензоръ я могу быть въ сношеніяхъ съ г. Полевымъ». Но особенное наслажденіе возбуждается въ С. Т. Аксаковѣ воспоминаніемъ о томъ, какъ при Полевомъ удалось ему прочесть изъ своего перевода сатиры Буало стихи, которые можно было приложить къ самоучкѣ-журналисту; объ этомъ знаменательномъ событіи онъ разсказываетъ на трехъ страницахъ (220—222)!...

За исключеніемъ Полевого, С. Т. Аксаковъ невыгодно отзывается еще только о своемъ товарищѣ по цензурѣ, К. М., который былъ уже очень свирѣпъ. Остальные всѣ милы почтенному автору, и онъ съ неподражаемымъ добродушіемъ сообщаетъ міру заднимъ числомъ бюллетени о состояніи ихъ здоровья, свѣдѣнія о томъ, когда они вставали и ложились въ разное время своей жизни, какой почеркъ имѣли, какъ пришепетывали, и т. п. Мы убѣждены, что любой изъ нашихъ библіографовъ счелъ бы себя счастливымъ, если бы могъ достигнуть такой мелочной обстоятельности, до которой возвысился С. Т. Аксаковъ. Смѣемъ увѣрить, что въ «Театральныхъ воспоминаніихъ» г. Аксакова кажутся еще очень крупными факты, подобные слѣдующимъ.

«Въ продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ 1827 г., прежде другихъ пьесъ, именно 7 января, шелъ переведенный Писаревымъ съ французскаго премиленькій водевиль «Дядя на-прокатъ», о которомъ я уже упоминалъ» (стр. 137).

«13-го января, въ бенефисъ актрисы г-жи Борисовой, была дана большая трилогія князя Шаховскаго «Керимъ-Гирей», взятая изъ «Бахчисарайскаго фонтана», съ удержаніемъ многихъ стиховъ Пушкина. Общаго успѣха она не имѣла; но многія мѣста были приняты публикой съ увлеченіемъ» (стр. 139).

«Бенефисъ г-жи Синецкой, бывшій 27 января, заканчивался небольшимъ водевилемъ Писарева, также переведеннымъ съ французскаго: «Двѣ записки

или безъ вины виноватъ». Этотъ водевиль слабѣе другихъ писаревскихъ водевилей; но куплеты, какъ и всегда, были остроумны, ловки и мѣтки. Переводчикъ былъ вызванъ.—Щепкинъ далъ въ свой бенефисъ (4 февраля) очень большую комедію въ прозѣ (подражаніе англійской комедіи «*The way to keep him*») подъ названіемъ «Школа супруговъ», переведенную съ французскаго Кокошкинымъ. Комедія имѣла много существенныхъ достоинствъ; но была тяжела, длинна и наскучила публикѣ» (стр. 140).

Это—крупные факты; это, такъ сказать, абрисъ того узора, по которому г. Аксаковъ лѣпитъ мозаику своихъ воспоминаній о томъ, какъ такой-то актеръ или актриса держали себя во время представленія или на репетиціяхъ.

Въ предисловіи къ воспоминаніямъ своимъ, С. Т. Аксаковъ говоритъ, что издаетъ ихъ какъ матеріалъ для исторіи литературы и какъ знакъ уваженія и благодарности къ людямъ, болѣе или менѣе даровитымъ, но не отмѣченнымъ такимъ яркимъ талантомъ, который, оставя блестящій свѣтъ за собою, долго не приходитъ въ забвеніе между потомками. Намѣреніе очень похвальное; но скажите, Бога ради, о многоученые библіографы, неужто вы сумѣете извлечь что-нибудь для исторіи литературы, — напр., хоть изъ разсказовъ о томъ, какъ С. Т. Аксаковъ съ Писаревымъ, Шаховскимъ и Кокошкинымъ рыбу удили на Бердинскомъ озерѣ?... Можетъ быть, вы внесете въ характеристику этихъ писателей слѣдующіе факты?

«Я громко сталъ требовать возвращенія домой, гдѣ ожидалъ насъ завтракъ: *сейчасъ избитое сливочное масло, редисъ, только что вынутый изъ парника, творогъ, сметана, сливки,* и пр. Требованія мои были уважены.

«Писаревъ встрѣтилъ насъ съ сіяющимъ лицомъ; ловъ былъ удаченъ, и рыба клевала очень хорошо: *онъ поймалъ двухъ щукъ, изъ которыхъ одну фунтовъ въ шесть, и десятка полтора окуней; въ числѣ ихъ были славные окуни, слишкомъ по фунту* (стр. 163).

«Рано позавтракавъ, рано сѣли обѣдать, а послѣ обѣда всѣ полегли спать, въ томъ числѣ и я... (стр. 168).

«Къ большой радости Писарева, на другой день уженье было такъ же удачно и съ большой лодки, какъ и съ маленькой, особенно потому, что наканунѣ было выброшено много снулой рыбешки и червей: это была отличная прикормка для хищной рыбы. Окуни и щуки точно дожидались насъ, и въ короткое время мы поймали также двухъ щукъ и болѣе вчерашняго крупныхъ окуней. Часу въ двѣнадцатомъ, мы отправились въ Москву» (стр. 170).

Мы не знаемъ, что извлечетъ будущій историкъ нашей литературы изъ того, что С. Т. Аксаковъ съ товарищами ѣлъ сейчасъ *избитое* масло, редисъ, только-что вынутый изъ парника, сметану, творогъ, и пр., и что Писаревъ поймалъ двухъ щукъ, одну фунтовъ въ шесть, и т. д.... Но насъ интересуетъ вопросъ: теперь ли только г. Аксаковъ вспомнилъ все это, или тогда же все записалъ,—предупреждая, такимъ образомъ, извѣстнаго гоголевскаго героя, писавшаго: «*сія дыня съѣдена такого-то числа*», и если кто присутствовалъ, то: «*участвовалъ такой-то*».

Впрочемъ, можетъ быть, С. Т. Аксаковъ излагалъ всѣ вышеприведенныя подробности—не по причинѣ исторической ихъ важ-

ности, а вслѣдствіе художественности своей натуры, увлекавшей его къ начертанію полной и живой картины.... Можетъ быть!.. Противъ художественности г. Аксакова мы ничего не можемъ сказать; мы дѣйствительно изумлялись тому мастерству, съ какимъ онъ вводитъ насъ въ кругъ тѣхъ бѣдныхъ и жалкихъ интересовъ, которыми поглощены были его молодые годы. Чѣмъ-то не здѣшнимъ, не нашимъ повѣяли на насъ его простодушныя, любезныя воспоминанія о тѣхъ временахъ, когда постановка пьесы на домашнемъ театрѣ казалась важнымъ дѣломъ и запечатлѣвалась въ памяти на всю жизнь; когда хорошее прочтеніе какихъ-нибудь стишковъ давало человѣку репутацію и было предметомъ долгихъ разговоровъ между образованными людьми; когда водевильный каламбурецъ праздновался торжественнымъ ужиномъ; когда друзья-литераторы занимались изобрѣтеніемъ разныхъ хитростей, чтобъ избавить себя отъ слушанія сочиненій своего друга-литератора; когда дружеская деликатность не позволяла откровенныхъ объясненій съ другомъ, у котораго начиналась чахотка; когда одинъ литераторъ бросался на шею къ другому и чуть не со слезами обнималъ и цѣловалъ его за то, что тотъ далъ ему хорошую удочку... Картина этихъ *старосвѣтскихъ литераторовъ* недурно набросана С. Т. Аксаковымъ, но — только набросана. Какое же сравненіе съ «Старосвѣтскими помѣщиками»! Тамъ все такъ ровно, ярко, цѣльно, закончено; а здѣсь все отрывочно, слабо, неопредѣленно. Видно, что С. Т. Аксаковъ *не выносилъ* еще въ душѣ своей идею своего произведенія (если только онъ хотѣлъ создать изъ своихъ воспоминаній художественное цѣлое). Въ его разсказахъ мало объективности, лирическіе порывы безпрестанно мѣшаютъ эпическому спокойствію разсказа; замѣтно, что авторъ недостаточно возвысился надъ тѣмъ міромъ, который изображаетъ. Оттого и герои, выведенные имъ, не производятъ на читателя того умилительнаго, грустнаго, кроткаго и примиряющаго впечатлѣнія, какъ гоголевскіе Аѳанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна....

Въ доказательство того, что г. Аксаковъ недостаточно выработалъ свои воспоминанія въ художественномъ смыслѣ, мы укажемъ на одинъ эпизодъ ихъ, который былъ имъ забытъ и вставленъ послѣ, тогда какъ онъ составляетъ рѣшительно лучшее мѣсто въ новой книгѣ г. Аксакова, и даже единственное, которое мы прочли съ полнымъ сочувствіемъ. Эпизодъ этотъ превосходно гармонируетъ съ старосвѣтскимъ обществомъ, рисующимся въ «Воспоминаніяхъ», и бросаетъ яркій свѣтъ на одно изъ обстоятельствъ его развитія. Приведемъ здѣсь вполнѣ разсказъ г. Аксакова.

«Начинаю продолженіе моихъ «Воспоминаній» пополненіемъ пропуска, сдѣланнаго мною въ предыдущей статьѣ. Я ни слова не сказалъ о замѣчательномъ спектаклѣ, котораго былъ самовидцемъ въ 1826 году, вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву. Это былъ спектакль-гратисъ для солдатъ и офицеровъ. Фрака не было ни одного въ цѣломъ театрѣ, кромѣ оркестра, куда иногда и я приходилъ, остальное же время я стоялъ или сидѣлъ за кулисами, но такъ глубоко, чтобы

ѣня не могли увидѣть изъ боковыхъ ложъ. Спектакль этотъ шелъ 13-го сентября. Въ шесть часовъ вечера я пріѣхалъ въ театръ. Ни одного экипажа не стояло около него. Я взглянулъ въ директорскую ложу и былъ пораженъ необычайнымъ и невиданнымъ мною зрѣлищемъ; но чтобъ лучше видѣть полную картину, я сошелъ въ оркестръ: при яркомъ свѣщеніи великолѣпной залы большого Петровскаго театра, вновь отдѣланной къ коронаціи, при совершенной тишинѣ, ложи всѣхъ четырехъ ярусовъ (всего ихъ находится пять) были наполнены гвардейскими солдатами разныхъ полковъ; въ каждой ложѣ сидѣло по десяти или двѣнадцати человѣкъ; передніе ряды креселъ и первый ярусъ ложъ, предоставленные генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, были еще пусты. Скоро стали наполняться и они, кромѣ послѣднихъ двухъ рядовъ креселъ, которые наполнились вдругъ предъ самымъ пріѣздомъ Государя. Всего болѣе поражала меня тишина, которая безмятежно царствовала при такомъ многочисленномъ стеченіи зрителей: даже на сценѣ и за кулисами было тихо или по крайней мѣрѣ, гораздо тише обыкновеннаго, несмотря на то, что всѣ актрисы и актеры, танцовщицы, хористы и пр. были давно одѣты и толпились на сценѣ. Нѣкоторые посматривали сквозь занавѣсь на чудный видъ залы и ложъ, полныхъ невиданными зрителями, въ разноцвѣтныхъ мундирахъ, сидящими неподвижно, какъ раскрашенныя восковыя фигуры. Всѣ служащіе при театрѣ, которымъ слѣдовало тутъ присутствовать, были въ мундирахъ. Наконецъ пробѣжалъ слухъ, что сейчасъ пріѣдетъ Государь, — и Кокошкинъ, Загоскинъ и Арсеньевъ поспѣшили его встрѣтить у подъѣзда. Черезъ нѣсколько минутъ, въ боковую малую императорскую ложу вошелъ Государь и, не показываясь зрителямъ, сѣлъ на кресло въ глубинѣ ложи; въ большой царской ложѣ помѣщались иностранные послы. По данному знаку, загремѣлъ оркестръ и черезъ нѣсколько минутъ, не дожидаясь окончанія увертюры, поднялась занавѣсь и началась извѣстная, очень забавная комедія князя Шаховскаго «*Полубоярскія затѣи*», за которою слѣдовалъ его же водевиль: «*Казакъ стихотворецъ*». Я слышалъ, что обѣ пьесы были назначены самимъ Государемъ. Тишина не прерывалась, и я не могу описать, какое странное дѣйствіе она на меня производила. На сценѣ кипѣла жизнь, движеніе, звучали людскія рѣчи, а кругомъ царствовали безмолвіе и неподвижность! Если бъ піеса давалась въ пустомъ театрѣ, то это было бы естественно; но театръ былъ полонъ людьми отъ верху до низу. Я сидѣлъ въ самой срединѣ оркестра и видѣлъ, что Государь часто смѣялся, но не хлопалъ, — и ни малѣйшаго знака одобренія или участія не выражалось между зрителями. Всѣ актеры, начиная со Щепкина, игравшаго главную роль, Транжирина, до послѣдняго оффиціанта, всѣ играли совершенно свободно; а Щепкинъ, какъ говорили видавшіе его прежде въ этой роли, превосходилъ самого себя. Я не удивлялся Щепкину: это такой артистъ, для котораго зрители не существуютъ; но я удивлялся всѣмъ другимъ актерамъ и актрисамъ. Я думалъ, что эта подавляющая тишина, это холодное безучастіе такъ на нихъ подѣйствуетъ, что пьеса будетъ играться вяло, безжизненно, и роли будутъ сказываться наизусть, какъ уроки, которые сказываютъ мальчики, не принимающіе въ нихъ никакого участія, стоя передъ своимъ строгимъ учителемъ; но комедія шла живо и весело, какъ будто сопровождаемая теплымъ сочувствіемъ зрителей. Пьесы кончились точно такъ же тихо, какъ и начались. Государь уѣхалъ; театръ ожилъ, зашумѣлъ, зрители въ ложахъ встали и стройно, безъ всякой торопливости и суеты, начали выходить. Я поспѣшилъ увидѣть, какъ эти маленькія, отдѣльныя кучки станутъ соединяться въ толпы, выходя изъ театра. Все происходило въ удивительномъ порядкѣ. Я сѣлъ на дрожки и отправился въ свою Таганку. По всей дорогѣ я обгонялъ множество солдатъ, идущихъ уже вольно и разговаривающихъ между собою. Это тоже было необыкновенное зрѣлище. Въ глухомъ гулѣ и міракѣ ночи, по улицамъ довольно плохо освѣщенной Москвы, особенно когда я переѣхалъ Яузу, по обоимъ троттуарамъ шла непрерывная толпа людей, веселый говоръ которыхъ наполнялъ воздухъ. Солдаты шли по одной со мной дорогѣ; они жили въ Крутицкихъ казармахъ [1]). Я по-

---

[1]) «Разумѣется, это была часть солдатъ, бывшихъ въ театрѣ. Нѣкоторымъ пришлось возвращаться въ лагерь на Ходынкѣ». С. А.

ѣхалъ шагомъ, желая вслушаться въ солдатскія рѣчи; но въ общемъ говорѣ мало долетало до меня отдѣльныхъ выраженій. Я думалъ, что видѣнный сейчасъ спектакль будетъ единственнымъ предметомъ разговоровъ, но я ошибся: солдаты говорили, судя по долетавшимъ до меня словамъ, о своихъ дѣлахъ; впрочемъ, раза два или три рѣчь явственно относилась къ театру, и я слышалъ имя Щенкина съ разными эпитетами: «хвата, молодца, лихача», и пр. Иногда они сопровождались такими прилагательными, которыя въ другихъ случаяхъ имѣютъ смыслъ бранныхъ словъ; но здѣсь это были слова похвальныя или знаки восклицанія, которыми русскій человѣкъ очень энергически любитъ украшать свою рѣчь. Впечатлѣніе видѣннаго мною спектакля долго владѣло мною и навело меня на множество размышленій. Можно себѣ представить, какое дѣйствіе произвело это зрѣлище на иностранцевъ»!...

Повторяемъ: это единственныя страницы въ «Разныхъ сочиненіяхъ», привлекшія наше полное сочувствіе. Мы сочли необходимымъ представить ихъ нашимъ читателямъ, которые, не читая книги г. Аксакова, не должны однако лишиться удовольствія прочесть этотъ великолѣпный эпизодъ.

Вся остальная часть книги отличается тѣмъ же характеромъ сладкаго добродушія, какъ и «Воспоминанія». «Біографія Загоскина» есть дружескій некрологъ, до нельзя растянутый приторными похвалами таланту и характеру Загоскина. Въ *приложеніи* помѣщенъ разборъ «Юрія Милославскаго», писанный г. Аксаковымъ въ 1830 г. Онъ говоритъ, что читателямъ, вѣроятно, любопытно будетъ сравнить мнѣнія одного и того же человѣка черезъ 22 года (біографія Загоскина писана въ 1852 г.). Мы сравнили— и не нашли никакой разницы. Тѣ же сравненія съ Вальтеръ-Скоттомъ, то же умиленіе отъ русской веселости Загоскина, то же провозглашеніе его единственнымъ нашимъ народнымъ писателемъ. Время не ослабило энтузіазма почтеннаго автора, а напротивъ. кажется, еще увеличило его. Разбирая, на цѣлыхъ десяти страницахъ, «Мирошева», С. Т. Аксаковъ говоритъ, что во время его появленія *рано еще было*, вѣроятно, оцѣнить его достоинства, но что «теперь, когда мы прямѣе, искреннѣе смотримъ на нравственную высоту души и лучше начинаемъ понимать русскаго человѣка», Мирошевъ будетъ, конечно, оцѣненъ гораздо выше. По мнѣнію г. Аксакова, Мирошевъ, — этотъ засушенный кисель, расплывающійся и трескающійся отъ всякой сырости, — есть идеалъ русскаго добродѣтельнаго человѣка и истиннаго героя. «Это русскій человѣкъ-христіанинъ,—говоритъ авторъ біографіи,—который дѣлаетъ великія дѣла, не удивляясь себѣ, а думая, что такъ слѣдуетъ поступить, и только русскій человѣкъ-христіанинъ, какимъ былъ Загоскинъ, могъ написать такой романъ» (стр. 299). Такова критика Загоскина, какъ писателя. Сужденіе о его личности выражается въ слѣдующихъ заключительныхъ словахъ диѳирамбическаго некролога, весьма приличныхъ надгробному слову: «въ заключеніе должно сказать, что ко всѣмъ прекраснымъ свойствамъ своего сча-стливаго нрава, къ младенческому незлобію души и неограниченной добротѣ, Загоскинъ присоединялъ высшее благо—теплую вѣру христіанина.!.. Да будетъ миръ его душѣ».

Такова старосвѣтская біографія и критика. Нѣтъ надобности говорить, что статьи о Шаховскомъ, Щепкинѣ, Мертваго отличаются тою же нѣжностью. Въ воспоминаніяхъ о Мертваго понравилась намъ поэтическая страница, посвященная его «дому, у Красныхъ воротъ, въ приходѣ Трехъ Святителей, принадлежавшему, послѣ смерти Д. Б. Мертваго, сначала А. П. Елагиной, а потомъ покойному сыну ея, И. Ѳ. Кирѣевскому».

Но какъ ни трогательна такая обстоятельность, а мы не совсѣмъ были рады, узнавши, что намъ угрожаетъ еще болѣе обстоятельное изложеніе воспоминаній г. Аксакова изъ его отроческой и юношеской поры. Одинъ изъ критиковъ замѣтилъ автору, что его воспоминанія о гимназіи и университетѣ—слабы; С. Т. Аксаковъ отвѣчаетъ ему нынѣ: «я самъ это чувствовалъ, когда писалъ ихъ; эта часть воспоминаній требуетъ *болѣе подробной* (увы!) и болѣе послѣдовательной, живой разработки; не знаю, удастся ли мнѣ поправить эту ошибку» (стр. 332). Господи, — кабы не удалось!

Вообще, отдавая полную справедливость чистотѣ и кротости старосвѣтскихъ понятій, которыхъ представителемъ и рыцаремъ является г. Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ, мы не можемъ, однако, удержаться отъ повторенія вопроса, который задавалъ когда-то еще Бѣлинскій, разбирая «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ». Сказавши о тихомъ, умиляющемъ впечатлѣніи, возбуждаемомъ этими добрыми, милыми людьми, Бѣлинскій замѣчаетъ: «но что, если бъ васъ спросили, хотите ли вы быть Аѳанасьемъ Ивановичемъ, или провести всю жизнь въ обществѣ такихъ людей»?... Бѣлинскій отвѣчаетъ на это: «*нѣтъ*», и С. Т. Аксаковъ, конечно, согласится съ нами, ежели мы скажемъ, что то же самое отвѣтитъ каждый изъ современныхъ читателей, которому случится пробѣжать нѣсколько страницъ изъ «Литературныхъ и театральныхъ воспоминаній».

1857.

Сочиненія графа В. А. Соллогуба. Спб. 1855—1856. Пять томовъ.

Тѣ, которые слѣдятъ за русской литературой только по петербургскимъ журналамъ, могли думать до прошедшаго года, что графъ Соллогубъ въ послѣднія восемь—десять лѣтъ почти совсѣмъ оставилъ литературное поприще: такъ рѣдко слышались въ литературѣ хоть какія-нибудь напоминанія объ этомъ писателѣ, нѣкогда столь извѣстномъ и любимомъ. Общее молчаніе о немъ въ послѣднее время было тѣмъ болѣе странно, что никакъ не соотвѣтствовало тѣмъ восторгамъ, какіе возбуждало начало его литературной дѣятельности. Дебютъ графа Соллогуба былъ въ счастливое, свѣтлое время русской литературы. Живая еще тогда утрата Пушкина возбуждала въ публикѣ, даже еще болѣе, чѣмъ при его жизни, горячее участіе къ чтенію и изученію его произведеній; а между тѣмъ, въ то же время новыя надежды возбуждала другая яркая звѣзда русской поэзіи,—такъ мгновенно блеснувшая и закатившаяся,—Лермонтовъ. Въ то время, какъ онъ писалъ своего «Героя»,—Гоголь, въ полной силѣ своего таланта и славы, готовилъ уже «Мертвыя души», и въ то же время критика гоголевскаго періода, окрѣпши въ своихъ силахъ, смѣло пошла впередъ и сдѣлалась выразительницею мнѣній лучшей части русской публики. При такомъ положеніи дѣлъ трудно было обратить на себя вниманіе писателю безъ замѣчательной силы таланта, безъ особенныхъ литературныхъ достоинствъ. Графъ Соллогубъ, несомнѣнно, обладалъ этой силою таланта и этими достоинствами, потому что, съ перваго своего шага на литературномъ поприщѣ, онъ возбудилъ живѣйшій восторгъ тогдашней публики и критики. Кто знаетъ нашу журналистику сороковыхъ годовъ, тотъ вспомнитъ, сколько шумныхъ, восторженныхъ похвалъ расточала графу Соллогубу, сколько высокихъ, блестящихъ достоинствъ находила въ его произведеніяхъ критика того времени. Имя графа Соллогуба упоминалось рядомъ съ именами Гоголя и Лермонтова; въ повѣстяхъ его находили высокую художественность, глубокія идеи, удивительное знаніе человѣческаго сердца, необыкновенно умное и живое изученіе быта всѣхъ слоевъ нашего общества, безукоризненное изящество, соединенное съ полной естественностью въ представленіи всѣхъ лицъ и положеній въ разсказѣ, вдохновенное, согрѣтое сердечнымъ чувствомъ краснорѣчіе, живое, веселое остроуміе, и пр., и пр. Публика соглашалась со всѣмъ этимъ и жадно перечитывала повѣсти Соллогуба, оставляя для него и фразёра Марлинскаго, и при—

торнаго Полевого, и веселаго Загоскина, и фантастическаго Вельтмана. Съ каждымъ годомъ слава графа Соллогуба росла, — и, нужно признаться, онъ умѣлъ ее поддерживать: за «Исторіей двухъ галошъ» слѣдовалъ «Большой свѣтъ», за нимъ — «Аптекарша», потомъ «Медвѣдь», далѣе «Теменевская ярмарка»... Всѣ эти произведенія, явившіяся въ теченіе пяти лѣтъ одно за другимъ, стоили другъ друга, и критика имѣла полное право говорить, что «графъ Соллолубъ не перестаетъ обогащать русскую литературу новыми созданіями изящнаго пера своего». Но такой постоянный успѣхъ не увлекъ блестящаго автора «Большого свѣта». Онъ занимался литературой какъ дилеттантъ, онъ хорошо понималъ, что дѣлаетъ ей нѣкоторое одолженіе, становясь въ ряды ея дѣятелей, и неоднократно, — мимоходомъ, намекомъ, но тѣмъ не менѣе ясно и твердо, — выражалъ, что смотритъ на нее нѣсколько свысока... 1845 годъ былъ самымъ блестящимъ и — увы! послѣднимъ годомъ его славной литературной дѣятельности. Намѣреваясь разстаться съ своими почитателями, графъ Соллогубъ усилилъ, предъ концомъ, свою дѣятельность, чтобы оставить добрую память по себѣ въ своихъ поклонникахъ. Въ это время издалъ онъ двѣ книжки: «Вчера и сегодня» и «Тарантасъ». То и другое было встрѣчено съ обычнымъ восторгомъ. Вскорѣ авторъ «Тарантаса» появился съ новыми повѣстями: «Балъ», «Двѣ минуты» и «Княгиня» (соединенными въ нынѣшнемъ изданіи подъ однимъ заглавіемъ «Жизнь свѣтской женщины»), — и, затѣмъ, замолкъ надолго, — по крайней мѣрѣ для обычнаго литературнаго круга. Имя его продолжало, правда, появляться на афишахъ Александринскаго театра, при заглавіяхъ новыхъ водевилей; оно украшало нѣсколько времени фельетонъ Иллюстраціи; мелкія статьи, стихотворенія, шутки, историческія и статистическія замѣтки графа Соллогуба печатались въ «Запискахъ Кавказскаго Отдѣла Географическаго общества», въ газетѣ «Кавказъ», въ «Зурнѣ», въ нижегородскихъ и симбирскихъ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ», и т. п. Эти статьи заняли цѣлыхъ три тома въ изданномъ нынѣ собраніи сочиненій графа Соллогуба, состоящемъ изъ пяти томовъ... Но, къ сожалѣнію, все это было чуждо любознательности большинства русскихъ читателей и потому никакъ не могло быть названо новымъ обогащеніемъ русской литературы. Публика слѣдила за литературой по журналамъ, а журналисты совсѣмъ не заботились о томъ, чтобы извлекать перлы созданій изящнаго беллетриста изъ малоизвѣстныхъ изданій. Только драма «Мѣстничество» да повѣсть «Старушка» порадовали многочисленныхъ почитателей графа Соллогуба; да и въ этихъ созданіяхъ нѣкоторые заносчивые критики примѣтили будто бы упадокъ таланта, нѣкогда столь прекраснаго. Ихъ мнѣніе не встрѣтило сильнаго противорѣчія, не возбудило ожесточенной полемики; повидимому, читателямъ и критикѣ было рѣшительно все равно, какъ бы кто ни думалъ о талантѣ графа Соллогуба. Имя его потеряло прежнюю привлекательность и далеко отодвинулось отъ именъ Пуш-

кина, Гоголя и Лермонтова, къ которымъ, бывало, прибавлялось непосредственно. Новыя имена, новыя произведенія заняли собою вниманіе публики, и никто не высказывалъ сожалѣній, что «столь даровитый беллетристъ пересталъ дарить нашу бѣдную литературу высоко-художественными произведеніями изящнаго пера своего»... О немъ не вспоминали, о немъ перестали говорить, имъ перестали интересоваться, —

«.... и скоро позабытый,
Надъ міромъ онъ прошелъ безъ всякаго слѣда», и пр...

Положеніе писателя, пережившаго свою литературную славу, не должно быть слишкомъ пріятно. Для автора «Тарантаса» это обстоятельство, конечно, менѣе имѣло значенія, чѣмъ для всякаго другого: онъ былъ вѣдь только дилеттантомъ литературы... Но все же послѣ шумныхъ похвалъ, громкихъ рукоплесканій, пламенныхъ восторговъ, и т. п. — вдругъ безвѣстно заглохнуть въ тихомъ забвеніи, не прерывая еще притомъ своей дѣятельности, — какъ хотите, а это незавидное положеніе. И мы не можемъ обвинить графа Соллогуба, чтобы онъ былъ нечувствителенъ къ охлажденію публики и не хотѣлъ возвратить ея благосклонности. Онъ дѣлалъ множество самыхъ разнообразныхъ попытокъ, чтобы привлечь на себя вниманіе публики. Онъ пробовалъ себя во всѣхъ родахъ литературы, такъ что едва ли кто изъ русскихъ писателей можетъ поспорить съ нимъ въ этомъ отношеніи, — развѣ Александръ Петровичъ Сумароковъ, своей всеобъемлемостью равнявшійся господину Волтеру. Въ самомъ дѣлѣ, не довольствуясь славою превосходнаго разсказчика, графъ Соллогубъ пробовалъ себя и въ лирическомъ родѣ, — писалъ альбомныя стихотворенія, описанія весны, серенады, казацкія пѣсни, и даже оды-симфоніи; подвизался и на драматическомъ поприщѣ, сочиняя драмы, комедіи, водевили, пословицы и оперы; вступалъ и въ ряды фельетонистовъ, описывая петербургскую жизнь, симбирскіе спектакли и тифлисскія иллюминаціи. Онъ рѣшился даже изъ свѣтлой сферы поэзіи спуститься въ область смиренной прозы и сдѣлался статистикомъ, этнографомъ, историкомъ, біографомъ, туристомъ, даже критикомъ и историкомъ литературы... Онъ составлялъ точныя свѣдѣнія «объ измѣненіяхъ на лезгинской линіи», описывалъ весьма тщательно «Алагирскій серебро-свинцовый заводъ», изображалъ грузинскіе нравы въ окрестностяхъ Тифлиса, составилъ біографію генерала Котляревскаго, написалъ «Нѣсколько словъ о началѣ кавказской словесности».

Все это было неизвѣстно доселѣ любителямъ литературы; но въ прошломъ году все это издано авторомъ въ пятомъ томѣ его сочиненій, подъ общимъ названіемъ: «Салалакскіе досуги», — названіе, пріятно напоминающее «Чаталагайскія оды», «Славянскіе вечера» и т. п. Вмѣстѣ съ разнообразіемъ позднѣйшихъ произведеній графа Соллогуба, замѣчательна еще ихъ животрепещущая со-

временность, также свидѣтельствующая въ пользу его благосклоннаго вниманія къ нашей публикѣ. Были въ модѣ благотворительные спектакли, — онъ писалъ пьесы для благотворительныхъ спектаклей (какъ говоритъ въ примѣчаніи къ пьесѣ—«Сотрудники»). Поднялось въ Петербургѣ цвѣтобѣсіе,—онъ написалъ водевиль—«Букеты». Обратилъ на себя вниманіе въ 1848 г. славянскій вопросъ, и вмѣстѣ съ нимъ громче прежняго сталъ выражаться вопросъ о старинномъ русскомъ бытѣ,—у графа Соллогуба явилась драма изъ старинной русской жизни—«Мѣстничество». Острякъ Живье ввелъ въ моду въ Петербургѣ пускать мыльные пузыри,—авторомъ «Салалакскихъ досуговъ» написана была шутка—«Мыльные пузыри». Событія послѣдней войны вызвали у него біографію Котляревскаго и оду-симфонію: «Россія предъ врагами», оканчивающуюся русскимъ народнымъ гимномъ «Боже, Царя храни».— Словомъ, графъ Соллогубъ никогда не пренебрегалъ современностью, никогда не прикидывался непонятымъ, непризнаннымъ, презирающимъ толпу, а, напротивъ, всегда старался угождать ея вкусу, старался итти на-ряду съ вѣкомъ, не отставать отъ современныхъ вопросовъ и не выходить изъ ряда современныхъ литературныхъ дѣятелей. Постоянство его усилій было, наконецъ, въ прошломъ году увѣнчано полнымъ успѣхомъ. Онъ взялся за одинъ изъ самыхъ живыхъ общественныхъ вопросовъ и основалъ на немъ комедію, которая снова обратила вниманіе публики и критики на талантъ графа Соллогуба. Читатели помнятъ, безъ сомнѣнія, какіе шумные толки возбуждены были въ прошломъ году комедіею «Чиновникъ», благодаря блестящей критикѣ г. Павлова. Къ сожалѣнію, въ этихъ толкахъ болѣе обращали вниманія на возбужденный вопросъ и на критическій талантъ г. Павлова, нежели на достоинства таланта графа Соллогуба. Результатомъ всѣхъ толковъ было опять полное равнодушіе къ автору «Чиновника»,—не измѣнившееся ни при полномъ изданіи его сочиненій, ни при новой пьесѣ, написанной имъ для столѣтняго юбилея русскаго театра. Это явленіе—замѣчательный фактъ въ исторіи нашей литературы, и оно требуетъ разбора болѣе подробнаго.

Кого винить въ этой перемѣнѣ общаго мнѣнія? Автора или публику? Авторъ, какъ легко предположить и какъ мы уже видѣли отчасти, никогда не хотѣлъ этого. Напротивъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе желалъ онъ одобренія, тѣмъ болѣе онъ придавалъ значенія литературной извѣстности. Вотъ что говоритъ онъ въ предисловіи къ изданію своихъ мелкихъ стихотвореній, въ 1855 г.

«....Кто единожды молвы
Отраву горькую извѣдалъ,
Кто бредъ тревожной головы
Хоть разъ читателю повѣдалъ,
Тотъ отуманится ужъ такъ,
И столько хмеля наберется,
Что онъ, какъ пьяница въ кабакъ,
Такъ въ типографію и рвется.

Во всемъ лиха бѣда — начать,
И вотъ, читатель благосклонный,
Зачѣмъ отважно я въ печать
Пустилъ свой стихъ неугомонный.
Но ты, принявъ сей тощій томъ,
Уваживъ скромное признанье,
Не будешь гнѣвенъ въ дѣлѣ томъ,
Гдѣ ты и судъ и оправданье».

Какъ видите, со стороны автора не было недостатка въ охотѣ и доброй волѣ для пріобрѣтенія новыхъ успѣховъ. Онъ не игралъ роли Расина или Россини, упорно хранившихъ въ теченіе многихъ лѣтъ строгое молчаніе, несмотря на мольбы своихъ поклонниковъ. Отчего же новыя произведенія графа Соллогуба не встрѣчали такого восторженнаго пріема, какъ первыя его повѣсти? Мы уже упомянули, что нѣкоторые находили причину этого въ упадкѣ таланта блестящаго беллетриста. Это мнѣніе заслуживаетъ вниманія, и оно легко можетъ быть повѣрено теперь, когда всѣ произведенія графа Соллогуба собраны и изданы вмѣстѣ. Мы рѣшаемся взяться за эту повѣрку тѣмъ съ большею охотою, что она даетъ намъ удобный случай высказать нѣсколько замѣчаній объ особенныхъ чертахъ таланта графа Соллогуба вообще.

Оставляя въ сторонѣ разные общественные вопросы, направленія и обстоятельства, обращая вниманіе только на субъективную сторону произведеній графа Соллогуба и прослѣдивши ихъ всѣ въ послѣдовательномъ порядкѣ, отъ «Исторіи двухъ галошъ» до «Года военныхъ дѣйствій за-Кавказомъ», мы можемъ сказать прямо и положительно, что въ сущности талантъ графа Соллогуба нисколько не измѣнился. Онъ и теперь отличается тѣмъ же характеромъ, направленіемъ, пользуется тѣми же внѣшними пособіями, выражаетъ тѣ же внутреннія убѣжденія, даже употребляетъ тотъ же способъ выраженія, какъ и прежде. Только иногда дѣлаетъ онъ уступки современнымъ требованіямъ, сдерживая свои собственныя чувства и стремленія; но эта сдержанность, по нашему мнѣнію, придаетъ еще болѣе цѣны тѣмъ чертамъ, которыя хотятъ, но не могутъ укрыться за нею. Притомъ, сдержанность эта,—какъ признается самъ авторъ,—явилась у него вслѣдствіе жизненной опытности и яснѣйшаго сознанія требованій искусства. Онъ говоритъ о своемъ «Тарантасѣ»: «тогда не расчетливая, сухая опытность водила перомъ, а *неразборчивое чувство* само-собою бросалось на бумагу, *не сдерживаясь разсудкомъ*, не признавая рѣзкихъ *предѣловъ, поставляемыхъ искусствомъ и жизнью*». (Т. V, стр. 455.) Такимъ образомъ, по собственному сознанію автора, разница между первыми и послѣдними его произведеніями состоитъ въ томъ, что онъ сталъ теперь опытнѣе, болѣе сталъ сдерживаться разсудкомъ и яснѣе созналъ предѣлы, полагаемые искусствомъ и жизнью. Согласитесь, что все это можетъ способствовать скорѣе возвышенію, нежели упадку таланта. И въ самомъ дѣлѣ, мы должны сознаться, что во многихъ мѣстахъ позднѣйшихъ произведеній графа Солло-

губа талантъ его кажется намъ созрѣвшимъ и укрѣпившимся, а совсѣмъ не упавшимъ. Начнемъ хоть съ самаго ничтожнаго и внѣшняго признака,—способа выраженія. До сихъ поръ весьма мало обращали вниманія на одну особенность графа Соллогуба, въ этомъ отношеніи равняющую его чуть-ли не съ самимъ Марлинскимъ,—на его блистательное краснорѣчіе въ описаніяхъ и разговорахъ дѣйствующихъ лицъ. Г. Павловъ обратилъ, правда, вниманіе на краснорѣчіе Надимова, но разсматривалъ его совсѣмъ съ другой стороны, почти не касаясь изящной выработки слога. Мы же хотимъ сказать именно объ этомъ достоинствѣ графа Соллогуба, которое совершенно несправедливо было пренебрегаемо нашей критикой, такъ много толковавшей о краснорѣчіи Марлинскаго. Приведемъ, для подтвержденія нашего отзыва, два описанія: одно изъ нихъ написано Марлинскимъ, другое графомъ Соллогубомъ.

Вотъ описаніе метели:

«Вдругъ вся природа содрогается. Летитъ метель на крыльяхъ вихря. Начинается что-то непонятное, чудное, невыразимое. Земля ли въ судорогахъ вьется къ небу, небо ли рушится на землю? — но все вдругъ смѣшивается, вертится, сливается въ адскій хаосъ. Глыбы снѣга, какъ исполинскіе саваны, поднимаются, шатаясь, кверху и, клубясь съ страшнымъ гуломъ, борятся между собой, падаютъ, кувыркаются, разсыпаются, и снова поднимаются еще больше, еще страшнѣе. Кругомъ—ни дороги, ни слѣда. Метель со всѣхъ сторонъ. Тутъ ея царство, тутъ ея разгулъ, тутъ ея дикое веселье»...

А вотъ описаніе грозы:

«Меркло. Тучи плескались какъ волны по небу, — грозили залить ледяной островъ Шагъ-дага. Только одно его темя блистало еще снѣгомъ, пылало огнемъ солнца, какъ душа поэта, какъ жерло волкана. Другіе хребты — слѣва, справа, отвсюду вздымались великанскими головами одинъ надъ другимъ, одинъ за другимъ, все выше, и синѣе, и мрачнѣе, подобно чудовищнымъ валамъ, вздутымъ Божіимъ гнѣвомъ въ страшный день потопа... Подъ кипучею пѣной облаковъ, казалось, они идутъ, идутъ грозные, крутятся, падаютъ горами, разступаются безднами; прыщутъ и воютъ! Ливень бичуетъ, хлещетъ, гонитъ ихъ, догоняетъ насъ... Дорога шумитъ и несется водопадомъ... проливается небо, земля тонетъ...»

Не правда ли, что эти отрывки очень схожи? Фигуры нарушенія, повторенія, единоначатія и т. п. украшенія реторики щедро разсыпаны въ томъ и другомъ. Пріемъ и манера рѣшительно тѣ же. Весь секретъ состоитъ, главное, въ подборѣ эпитетовъ почти синонимическихъ, въ умѣстномъ повтореніи нѣкоторыхъ глаголовъ и въ искусномъ избѣжаніи союза *и*, который, какъ извѣстно, *связываетъ* рѣчь. Краснорѣчивыя описанія, чтобы не лишиться своей свободы, большею частію вовсе не употребляютъ его, а если и употребляютъ, то не иначе, какъ съ повтореніемъ—попарно. Необходимо также при этомъ обращать вниманіе и на звучность фразы.

Разсматривая съ этой стороны краснорѣчіе графа Соллогуба, находимъ, что онъ не пренебрегъ рѣшительно ни одной мелочью, какая только могла служить для украшенія его слога. Его описа-

ніе метели, по нашему мнѣнію, рѣшительно не уступаетъ описанію грозы у Марлинскаго.

Мы не хотимъ дѣлать длинныхъ выписокъ, да онѣ и ненужны. Каждый изъ читателей самъ весьма легко можетъ найти краснорѣчивыя страницы въ сочиненіяхъ графа Соллогуба: ихъ такъ много вышло изъ-подъ изящнаго пера его! Мы здѣсь замѣтимъ только, какъ онъ, съ теченіемъ времени, подчинялся требованіямъ современности въ самомъ слогѣ своихъ произведеній, и для этого приведемъ описаніе метели изъ другого его произведенія, писаннаго нѣсколько позже, чѣмъ то, изъ котораго отрывокъ приведенъ нами выше.

Вотъ это описаніе:

«Вдругъ рванулъ вѣтеръ, — снѣгъ повалилъ хлопьями, бѣлое небо слилось съ бѣлой землей: снѣжные столбы начали вздыматься, качаться и кружиться по воздуху. Дорогу мигомъ занесло... Лошади дрожали и едва могли итти противъ бури»...

И только. Ранѣе разсказывается уже о томъ, какъ кучеръ принялся отыскивать дорогу. А между тѣмъ, какъ бы хорошо опять могла разыграться фантазія автора, — какую чудную картину могло нарисовать здѣсь краснорѣчивое перо его! Но разсказъ, изъ котораго мы взяли эти строки («Иванъ Васильевичъ на Кавказѣ»), писанъ уже въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ, когда авторъ сталъ «сдерживаться разсудкомъ и сознал *предѣлы, полагаемые искусствомъ и жизнью*». Поэтому описаніе его вышло короче, сообразнѣе съ требованіями современныхъ читателей. Неужели и въ этомъ не видно совершенствованіе, а не упадокъ таланта?

А какъ говорятъ герои и героини разсказовъ графа Соллогуба, — свѣтскіе люди большого свѣта! Боже мой, какъ они говорятъ! хоть сейчасъ отправьте ихъ на состязаніе съ любымъ членомъ парламента! И, что всего замѣчательнѣе, — каждый изъ героевъ, принимаясь говорить, дѣлается самъ не свой. Онъ уже не помнитъ, что̀ онъ, гдѣ онъ, съ кѣмъ онъ, забываетъ и свой характеръ, и степень своего образованія, и свои убѣжденія. Входя въ паѳосъ краснорѣчія, онъ уже какъ будто не самъ говоритъ, — просто

«Какимъ-то демономъ внушаемъ»...

И какъ краснорѣчиво и длинно!.. Въ продолженіе каждаго изъ спичей этихъ героевъ можно порядочно выспаться... Право... Василій Иванычъ такъ и дѣлалъ обыкновенно, слушая Ивана Васильевича, и еще всегда поспѣвалъ отвѣтить что-нибудь на его заключительную фразу. А тотъ и радъ, и опять понесется.

Мы останавливаемся на этой особенности повѣстей графа Соллогуба, потому что доселѣ критики наши сумѣли отмѣтить ее только у двухъ замѣчательныхъ писателей — Марлинскаго и Полевого. Мы рѣшительно утверждаемъ, что авторъ «Исторіи двухъ калошъ

алошъ» и «Чиновника» не только не уступитъ имъ въ этомъ отошеніи, а даже, можетъ быть, и превзойдетъ ихъ. Судите сами.

Вотъ объясняется Левъ (по имени).

«—Да, милая, любовь вездѣ и повсюду; она и въ пылинкахъ, сплывающихся въ кристаллы; она на вѣткѣ дерева и въ дикой берлогѣ; она въ чашечкѣ вѣтка, равно какъ въ сердцѣ человѣка; она въ стихіяхъ земли и въ мірахъ ебесныхъ»!.. и пр.

Вотъ объясненіе медвѣдя (по званію).

«—Нѣтъ, я вѣрую, что у каждаго человѣка должна быть своя прекрасная инута; вѣрую, что вы ниспосланы Небомъ осѣнить свѣтлымъ лучемъ мое тепеешнее одиночество. Кроткая душа ваша сжалилась надъ сиротскою моею изнью, и теперь, благодаря вамъ, я счастливъ, я силенъ, я гордъ судьбой воей...

«Глаза молодого человѣка засверкали...

« — Вотъ видите ли, здѣсь, подъ этимъ чистымъ небомъ, подъ этими деэвьями — душа расширяется, сердце наполняется радостью... О, какое было бы лаженство, если бъ...

«Онъ не посмѣлъ кончить»...

А вотъ еще объясненіе льва (по званію), о томъ же предметѣ.

«— Повѣрьте, источники истинныхъ наслажденій должны быть непорочны, исты. Любовь, не освященная супружествомъ, чѣмъ бы она ни извинялась, сегда будетъ преступна, и голосъ совѣсти всегда восторжествуетъ. Теперь хоть говоритъ романтическая школа, что бракъ — одно только пустое условіе; но то — коварный обманъ: не вѣрьте ему. Люди, которые излагаютъ свѣтскимъ енщинамъ подобныя правила, обнаруживаютъ не любовь свою, а холодное резрѣніе»...

Несмотря на разницу тона, въ этихъ трехъ рѣчахъ удивиельно много общаго. Возвышенныя фразы, пышная книжность ыраженій ярко обнаруживаютъ сильное чувство говорящаго. Разица же зависитъ единственно отъ разности положеній. Левъ Маринскаго, человѣкъ съ пылкими страстями, высказываетъ свою люэвь мечтательной Ольгѣ по тому поводу, что она испугалась грозы; едвѣдь Соллогуба, человѣкъ застѣнчивый, неловкій, нелюдимый,— этя очень умный,—говоритъ съ княжной, свѣтской, избалованой, вѣтренной дѣвушкой; левъ Соллогуба разсуждаетъ въ маскадѣ съ маской, которую онъ считаетъ невинной провинціалкой, воей невѣстой, недавно пріѣхавшей изъ деревни. При такихъ бстоятельствахъ - отъ медвѣдя и отъ льва даже трудно бы ожиать такого блестящаго краснорѣчія; но авторъ самъ потрудился а нихъ и вложилъ имъ въ уста такую изящную, краснорѣчивую ѣчь, какой и не слыхано доселѣ между русскими людьми. Графъ Соллогубъ помнилъ, вѣроятно, правило Карамзина, что у насъ олжно не писать такъ, какъ говорятъ, а говорить такъ, какъ напишетъ человѣкъ со вкусомъ, и хотѣлъ дать образецъ для подражанія нашимъ салоннымъ героямъ. Доселѣ попытка его еще мало, кажется, имѣла успѣха, но мы надѣемся, что современемъ она принесетъ полезные плоды и найдетъ достойныхъ подражателей въ

нашихъ гостиныхъ. Эту надежду, кажется, раздѣляетъ съ нами и самъ графъ Соллогубъ. Несмотря на всѣ измѣненія современнаго вкуса, онъ неуклонно продолжаетъ свою методу — заставлять создаваемыя имъ лица говорить такъ, какъ они *не говорятъ*, но *какъ должны говорить*. Въ этомъ отношеніи мы не находимъ ни малѣйшей разницы между первымъ и послѣднимъ произведеніемъ графа Соллогуба. Въ «Исторіи двухъ галошъ» молодой человѣкъ толкуетъ съ своимъ товарищемъ о славѣ слѣдующимъ образомъ.

«Слава, товарищъ, слава! Видишь отсюда? Толпа, покорная предъ именемъ твоимъ, волнуется передъ тобой; всюду гремитъ молва о твоей славѣ. Слава, слава тебѣ!.. Женщины кидаютъ тебѣ вѣнки; мужчины съ завистью рукоплещутъ тебѣ: бѣдный артистъ сдѣлается владыкой толпы; геній возьметъ свое мѣсто — музыка восторжествуетъ!.. А я смиренно пойду за тобой, и буду кидать цвѣты на славный путь твой»... и пр.

Это было писано въ 1839 году. А въ 1856 г. — кто же не помнитъ, какъ объяснялся г. Надимовъ, крича, что надо крикнуть на всю Россію, и пр. Способъ выраженія тотъ же самый. Мало этого: въ пьесѣ «Ночь передъ свадьбой, или Грузія черезъ 1000 лѣтъ», авторъ увѣряетъ, что въ 2853 г. будутъ выражаться слѣдующимъ образомъ.

«Благодарю васъ, друзья мои, что вы такъ радушно приняли мое приглашеніе. Согласіе между артистами, отсутствіе мелочнаго самолюбія для пользы искусства, — вотъ что отличаетъ наше полезное сословіе. Садись сюда, прекрасный иностранецъ... они тебя разсѣятъ»...

Все это рѣшительно убѣждаетъ насъ, что талантъ графа Соллогуба нисколько не измѣнился и блеститъ попрежнему, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ искусству выраженія. Рѣчь его и его героевъ всегда изящна и выработана, ее такъ и хочется слушать; къ ней никакъ уже нельзя приложить послѣднихъ двухъ стиховъ извѣстнаго четверостишія—

«Съ кого они портреты пишутъ,
Гдѣ разговоры эти слышатъ?
А если и случалось имъ,
Такъ мы ихъ слышать не хотимъ».

Намъ замѣтятъ, можетъ быть, что все краснорѣчіе да краснорѣчіе — утомительно; слишкомъ обточенныя и звучно-пышныя фразы не могутъ нравиться постоянно. Мы совершенно согласны, тѣмъ болѣе, что это даетъ намъ случай выставить предъ взоромъ взыскательнаго читателя новое достоинство слога графа Соллогуба: у него не вездѣ краснорѣчіе, а есть еще блестящее, поразительное остроуміе. Здѣсь опять авторъ «Мыльныхъ пузырей» совершенно несправедливо обиженъ судомъ критики и публики. О его остроуміи говорили всегда только мимоходомъ, какъ о достоинствѣ очень и очень второстепенномъ, между тѣмъ какъ авторъ нашъ, очевидно, съ чрезвычайной любовью и усердіемъ занимается подборомъ остроумныхъ фразъ, любитъ пощеголять ими и съ нѣкоторымъ самодо-

ольствіемъ выставляетъ ихъ на потѣху читателей, даже повторяя дачныя остроты въ различныхъ своихъ сочиненіяхъ. И при всемъ мъ — кричатъ объ остроуміи барона Брамбеуса, восхищаются тротами Петербургскаго Туриста, рукоплещутъ въ театрѣ камбурамъ Каратыгина 2-го, и никто не признаетъ остроумія, какъ собеннаго достоинства, за графомъ Соллогубомъ. А это одно изъ мыхъ постоянныхъ, *неувядаемыхъ* его свойствъ. Съ нимъ онъ ачалъ свое поприще, съ нимъ и продолжалъ его постоянно и немѣнно. На первой страницѣ первой его повѣсти говорится: «бѣдныя галоши! люди, которые исключительно имъ обязаны тѣмъ, что ни находятся *на приличной ногѣ* въ большомъ свѣтѣ, прячутъ хъ со стыдомъ и неблагодарностью въ уголкахъ передней. И какъ, кажите, не позавидовать имъ *блестящей* участи своихъ однослуживокъ, счастіемъ избалованныхъ лайковыхъ перчатокъ? Ихъ то дѣло *на рукахъ носятъ*», и пр. Черезъ 8 лѣтъ авторъ «Исторіи лошъ» говорилъ въ своихъ замѣткахъ объ одномъ литераторѣ, аксимѣ Ивановичѣ: «одѣтъ онъ всегда въ черное, вѣроятно, въ знаменованіе того, что привыкли держать литературу *въ черномъ тѣлѣ*...» Не правда ли, какое милое остроуміе?.. А въ другомъ, де позднѣйшемъ произведеніи графа Соллогуба, развѣ не остроуменъ слѣдующій разговоръ.

«Семенъ. Помилуйте, должокъ такой бездѣльный...
Гоня. Отъ того-то и не отдаютъ, что онъ бездѣльный; будь онъ дѣльный, къ и говорить бы не стали.
Семенъ. Да какъ же, батюшка, неужели по вашему пятнадцать рублей три мѣсяца не дѣльный долгъ?
Гоня. И говорить не смѣй, что онъ недѣльный: онъ мѣсячный»...

Или вотъ это — развѣ не остроумно?

«Олеговичъ. Вотъ, въ особенности, не уронилъ ли ты моей диссертаціи емлѣ тмутараканской?
Сидоръ. Помилуйте-съ: она тяжелая...
Прохоръ (*не разслыхавъ*). Какъ-съ?.. въ господскомъ домѣ нѣтъ-съ; — а ъ у насъ, такъ много, — не знаемъ, какъ сладить.
Олеговичъ. Я это привезъ въ подарокъ хозяину.
Прохоръ (*въ сторону*). Вишь, чудакъ, съ какими подарками ѣздитъ»!

Не правда-ли, что эти созвучія такъ и напоминаютъ пріятные знаменитые каламбуры: «сколько зла-то отъ злата!.. Моего гнѣва залить Невой. — Не вой, дружище, не вой», и т. п... А вѣдь пріобрѣли они такой знаменитости. Всему, подумаешь, своя дьба... И каламбуры sua fata habent.

А каково простодушіе Прохора? Не правда ли, что оно совершенно, какъ нельзя болѣе, въ русскомъ духѣ и даже приводитъ мысль ту прибаутку о глухомъ, въ которой разсказывается, къ кумъ разспрашивалъ, куда онъ ходилъ, и какъ кумъ потелъ наконецъ терпѣніе въ разспросахъ, и что изъ того вышло?..

Но пора намъ оставить восхищеніе внѣшними достоинствами афа Соллогуба. Ихъ трудно передать въ разговорѣ и пересказѣ;

надобно читать самому сочиненія автора «Метели» и «Сотрудниковъ», чтобы вполнѣ понять и оцѣнить ихъ краснорѣчіе и остроуміе. Поэтому, мы переходимъ теперь къ другой сторонѣ таланта графа Соллогуба, болѣе серьезной и внутренней: это его наблюдательность, его необыкновенное умѣнье изображать бытъ всѣхъ сословій. Дѣятельность графа Соллогуба поражаетъ насъ въ этомъ отношеніи прежде всего необыкновеннымъ разнообразіемъ. Главное его вниманіе устремлено, разумѣется, на большой свѣтъ, на львовъ и львицъ; но онъ ими не ограничивается. Въ произведеніяхъ его встрѣчаются вамъ и медвѣди, и студенты, и чиновники, и аптекари, и помѣщики-степняки, и помѣщики-вельможи, и художники, и купцы, и нѣмцы-ремесленники, и русскіе солдаты, ямщики, старосты церковные, и простые поселяне, и старинные русскіе бояре, и новѣйшіе литераторы различныхъ кружковъ, и пр., пр., всего не перечтешь. У него описываются и великосвѣтскіе балы, и маскарадныя интриги, и студентскія пирушки, и семейное счастіе и несчастіе, и ночлеги на постояломъ дворѣ, и провинціальное гостепріимство, словомъ, все что хотите... Передъ вами рисуется здѣсь и шумная жизнь Петербурга, и мирное спокойствіе нѣмецкаго городка, и сердитое спокойствіе нашей губернской жизни, и наша уѣздная безжизненность. Всюду, отъ великолѣпнѣйшихъ палатъ до бѣднѣйшихъ хижинъ, проникъ графъ Соллогубъ своимъ зоркимъ взглядомъ и всюду умѣлъ отмѣтить болѣе характеристическія особенности. Въ послѣднее время это умѣнье, какъ и другія достоинства графа Соллогуба, нисколько не уменьшилось; напротивъ, кругъ его наблюдательности еще расширился: онъ присоединилъ къ прежнимъ своимъ опытамъ и изученіямъ цѣлую обширную страну — Грузію съ Кавказомъ. Такимъ образомъ, позднѣйшія его произведенія получаютъ новый, особенный колоритъ оригинальности, свѣжести и величія, благодаря вліянію края, столь благодѣтельно дѣйствующаго всегда на нашихъ лучшихъ поэтовъ. Оригинальность графа Соллогуба выразилась особенно въ пьесѣ «Грузія черезъ тысячу лѣтъ». Здѣсь, вдохновенный прекрасной страной, авторъ отважно предается своимъ мечтамъ объ усовершенствованіи наукъ, искусствъ и жизни человѣчества, и рисуетъ намъ картину грузинскаго быта въ 2853 году. Тогда, по его понятіямъ, женщины и дѣти будутъ исправлять должности чиновниковъ и полицейскихъ, потому что это дѣло самое легкое... Тогда человѣкъ, спасающій другого, будетъ благодарить спасеннаго, извиняться передъ нимъ... Но — мы не можемъ удержаться, чтобы не привести вполнѣ этой сцены, свидѣтельствующей о будущемъ превращеніи всѣхъ нынѣшнихъ понятій.

Дѣло въ томъ, что Кайхосро, женихъ Кетеваны, привязанъ къ трубѣ одного тифлисскаго дома Шамилемъ, съ которымъ Кетевана вздумала бѣжать на воздушномъ шарѣ... Кайхосро стоитъ привязанный и мычитъ. Вдругъ — въ трубѣ слышна баркаролла, изъ трубы вылѣзаетъ трубочистъ и говоритъ:

«Что это за человѣкъ, привязанный къ т[illegible]
жетъ быть, онъ не разсердится. Помогу, въ самом [illegible] ощущеній,
важные (развязываетъ). Милостивый государь, вы [illegible] Чинов-
мнѣ всеуниженно благодарить васъ. Онъ

Кайхосро. За что же? (Надо замѣтить, что К[illegible] ч
проспавши 1000 лѣтъ, и потому остается еще съ н[illegible]
лаетъ прекрасный контрастъ, отлично оттѣняющій [illegible]

Трубочистъ. За то, что вы доставили мнѣ [illegible]
вамъ одолженіе.

Кайхосро. Да, кажется, мнѣ бы должно...

Трубочистъ. Вы не будете сердиться на меня, [illegible]
служиться вамъ?

Кайхосро. Что вы?..

Трубочистъ. Не обижайтесь, пожалуйста. Поза[illegible]
сдѣлать вамъ ничего непріятнаго, не хотѣлъ внушить [illegible]
благодарности. Виноватъ, простите меня.

Кайхосро. Не понимаю.

Трубочистъ. Не мстите мнѣ только. Я бѣдный человѣкъ. Вамъ легко будетъ меня уничтожить. Трубочисты и безъ того всегда въ черномъ тѣлѣ»...

Разговоръ еще продолжается въ этомъ родѣ; трубочистъ становится на колѣни передъ Кайхосро и проситъ у него поцѣловать ручку, называя его своимъ благодѣтелемъ и истинно-великодушнымъ человѣкомъ. Но мы останавливаемся на этомъ, чтобы замѣтить здѣсь, какъ просвѣщеніе распространяется черезъ тысячу лѣтъ въ Россіи: каламбуръ о черномъ тѣлѣ, сказанный недавно графомъ Соллогубомъ въ примѣненіи къ русской литературѣ, будетъ черезъ тысячу лѣтъ повторяться трубочистомъ, уже въ приложеніи къ нему, трубочисту... Мы даже думаемъ, что именно желаніе вложить этотъ каламбуръ въ уста трубочиста заставило автора написать всю эту сцену. По понятіямъ его, черезъ тысячу лѣтъ все будетъ дѣлаться машинами, и даже вотъ до какой степени. Карапетъ, отецъ Кетеваны, выходитъ на кровлю своего дома, чтобы посмотрѣть, что дѣлается на улицѣ. Вдругъ ему захотѣлось спать. Онъ заводитъ ключемъ отверстіе *въ трубѣ*, и изъ окна выѣзжаетъ кровать, которую подталкиваетъ машина съ колесами и пружинами. Карапетъ говоритъ: «машина, положи меня; машина, накрой меня; машина, погаси свѣчу и отвези въ комнату». Машина все это исполняетъ, и Карапетъ уѣзжаетъ, говоря: «ну, а теперь я самъ засну»... Когда только стоитъ завести ключемъ отверстіе въ трубѣ, чтобы произвести такія чудеса, то— скажите — многаго ли стоитъ завести машину для чистки трубъ? Къ чему же здѣсь трубочистъ? Очевидно, не для чего иного, какъ для каламбура...

Свѣжесть и величіе выразились особенно въ послѣднихъ стихотвореніяхъ графа Соллогуба. Подъ живительнымъ вліяніемъ Кавказа, онъ воспѣвалъ весну такими стихами.

«Отчего, подобье рая,
Изумрудная весна,
Ожиданьямъ измѣняя,
Въ дни живительнаго мая

Ты сурова и грозна?
Что тебя такъ взволновало?
Все тобой оживлено,
Ты всѣхъ радостей начало,
И тебѣ еще ли мало
Богомъ счастія дано»? и пр.

Въ виду величественнаго Кавказа вылились изъ души его слѣдующіе стихи торжественной оды-симфоніи.

«Законъ любви живетъ у насъ издавна:
«Одинъ за всѣхъ и всѣ за одного»!
Вотъ чѣмъ силенъ народъ нашъ православный,
И почему орелъ самодержавный
Не убоится никого»!..

Изъ всего этого очевидно, что, въ изображеніяхъ быта, природы и чувствъ, талантъ графа Соллогуба не только не утратилъ своей силы въ послѣднее время, но еще пріобрѣлъ новыя блестящія достоинства. При всемъ томъ, новѣйшая критика взвела на него обвиненіе, какое прежде и въ голову никому не приходило. Она вздумала упрекать графа Соллогуба въ томъ, что у него есть только даръ внѣшней наблюдательности, которой, по мнѣнію новой критики, очень недостаточно. По понятіямъ графа Соллогуба,— говоритъ критика,—нарядить графиню по модѣ, поставить передъ ней вазу съ цвѣтами, убрать ея столъ разными бездѣлками, посадить ее въ кресло, обитое бархатомъ, заставить непремѣнно ѣздить верхомъ, постлать коверъ, вынуть у нея изъ головы всякую мысль, а изъ сердца всякое путное чувство—это значитъ изобразить свѣтскую женщину, графиню... Но—продолжаетъ критика—этого мало: вѣдь въ свѣтской женщинѣ, въ графинѣ, несмотря на то, что она графиня, можетъ также быть воображенье, тонкость ума, живость чувства, какое-нибудь пониманіе того, что дышитъ, движется, мыслитъ и чувствуетъ около нея... Въ произведеніяхъ графа Соллогуба критика не находитъ ничего этого, и потому не признаетъ ихъ достоинствъ. Но, по нашему мнѣнію, критика совсѣмъ неправа: каждый писатель имѣетъ полное право изображать предметъ съ той стороны, съ которой его видитъ. Что же дѣлать, если ему не представлялось свѣтскихъ женщинъ чувствующихъ, понимающихъ, и пр.? Графъ Соллогубъ еще въ «Большомъ свѣтѣ» заранѣе отвѣтилъ всѣмъ подобнымъ критикамъ, замѣтивши, что въ петербургскихъ обществахъ царствуетъ какая-то вялость, которая отдаляетъ на почтительную дистанцію всякій поэтическій вымыселъ, и что «въ большомъ свѣтѣ только и есть внѣшность и внѣшность. Рѣзкія драмы внутренней жизни,—прибавляетъ онъ,— скрываются въ глубинѣ души, въ тайнѣ кабинета, подальше отъ насмѣшливыхъ взоровъ, тогда какъ внѣшняя жизнь тянется однообразно и прилично, безъ измѣненій и страстей». Эту-то разнообразную и приличную жизнь большого свѣта и взялся изобразить графъ Соллогубъ, и—нужно сознаться—изобразилъ ее превосходно.

аблюдательности внутренней, анализа душевныхъ ощущеній, мѣнья проникнуть въ духъ и смыслъ жизни — авторъ «Чиновика» и «Большого свѣта» никогда себѣ и не приписывалъ. Онъ скрыто говорилъ, что только описываетъ то, что вседневно и быкновенно встрѣчается въ жизни, что у каждаго предъ глазами— о что онъ совсѣмъ не хочетъ заглядывать въ душу своихъ героевъ... Слѣдовательно, критика съ этой стороны не можетъ предъвлять слишкомъ строгихъ требованій. Но за то жизнь внѣшнюю вторъ «Тарантаса» умѣетъ описывать съ рѣдкимъ искусствомъ, аскройте одну изъ страницъ, на которыхъ помѣщаются его удипительныя описанія, и вы изумитесь подробности и точности, съ акою здѣсь перечислены и перемѣчены всѣ предметы. И гдѣ кая скляночка стоитъ въ аптекѣ, и какія бездѣлки разбросаны на олѣ франта, и сколько сальныхъ огарковъ и пустыхъ баночекъ ляется на окнахъ у станціоннаго смотрителя, и насколько понняла матерія, которой обиты стулья у бѣднаго чиновника, и олько складокъ на платьѣ у княгини, и какая сбруя у ея лоадей,—все до послѣдней мелочи описано съ необыкновенной пообностью... И такое перечисленіе всѣхъ предметовъ составляетъ лную и живую картину быта, дополняемую разговорами дѣйвующихъ лицъ, большею частію очень краснорѣчивыми и остроными... Въ особенности описанія великосвѣтскаго общества хоши у графа Соллогуба. Онъ изображаетъ его съ любовью, съ жностью, вникаетъ въ малѣйшіе, едва уловимые, оттѣнки разичныхъ его явленій, разбираетъ его съ увѣренностью знатока и изкаго человѣка. Это, впрочемъ, совершенно натурально: авторъ Большого свѣта» самъ живетъ среди этого общества; онъ кровно язанъ съ нимъ, онъ ежедневно видитъ передъ глазами «эту бѣдную артину этого бѣднаго свѣта», какъ онъ самъ выражается... Немурено, что онъ такъ хорошо ее описываетъ: онъ полагаетъ здѣсь асть души своей, выражаетъ самого себя, разсказываетъ здѣсь асть собственной исторіи. И вотъ почему мы болѣе вѣримъ графу оллогубу, въ изображеніи великосвѣтской жизни, нежели всѣмъ о критикамъ. Ему бы, можетъ быть, и хотѣлось представить изкую ему среду въ розовомъ свѣтѣ; но, какъ талантъ истинный, ъ преклонился предъ строгой истиной и нарисовалъ намъ, въ зныхъ своихъ произведеніяхъ, картину большого свѣта мрачную, истинную. Попробуемъ собрать разсѣянныя черты и составить ъ нихъ общее понятіе о большомъ свѣтѣ, какимъ онъ рисуется произведеніяхъ графа Соллогуба. Постараемся говорить его бственными словами.

«Здѣсь все раболѣпствуетъ предъ значеніемъ, счастьемъ, богатствомъ, мой... Въ свѣтѣ первая добродѣтель — наружность, и человѣкъ цѣнится здѣсь за то, что онъ есть, а за то, чѣмъ онъ кажется... Здѣсь странный угаръ дей, вѣчно танцующихъ, вѣчно разряженныхъ, вѣчно ищущихъ чего-то; изъ йной надежды показаться чѣмъ-нибудь повыше, позначительнѣе сосѣда, мужны жертвуютъ своимъ благородствомъ, женщины — своимъ достоинствомъ... ѣшно и страшно видѣть большой свѣтъ наизнанку. Сколько происковъ, сколько

невѣдомыхъ подарковъ, сколько родныхъ и племянниковъ, сколько нищеты щегольской, сколько веселой зависти!.. Одно слово все живитъ и двигаетъ... и какое слово!.. самое безсмысленное — тщеславіе!..

«Какъ проходитъ жизнь свѣтской женщины? О чемъ она думаетъ? Она думаетъ, что Лядовъ хорошо играетъ на скрипкѣ, что розовый цвѣтъ ей къ лицу, что въ такой-то лавкѣ получены такіе-то наряды, что у такой-то дамы прекрасные брильянты, что тотъ волочился, другой волочится, а третій будетъ за нею волочиться. Иногда смущаютъ ее скучныя домашнія заботы. Но о нихъ она не думаетъ, думать не хочетъ. Домъ ея ей чужой. У нея нѣтъ дома. Ея домъ, ея жизнь — это свѣтъ, неугомонный, разряженный, болтливый, танцующій, играющій, тщеславный, взволнованный и ничтожный. Вотъ ея сфера, вотъ ея доля, вотъ для чего она родилась»!

А вотъ свѣтскій человѣкъ.

«Вы его видали вездѣ. Кресло у него въ театрѣ всегда въ первомъ ряду, вслѣдствіе какихъ-то особенныхъ знакомствъ. Лорнетъ у него складной, бумажный. Въ театрѣ онъ свой человѣкъ... Онъ не то, чтобы хорошъ, не то, чтобы дуренъ, не то, чтобъ уменъ, не то, чтобы глупъ, не богатъ и не бѣденъ. Въ большомъ свѣтѣ онъ занимаетъ какое-то почетное мѣсто отъ особаго искусства танцовать постоянно мазурку съ модной красавицей и заводить дружбу съ первостатейными любезниками и франтами... Онъ кое чѣмъ и занимался. Онъ читалъ всего Бальзака и слышалъ о Шекспирѣ. Что же касается до наукъ, то онъ имѣетъ понятіе объ англійскомъ парламентѣ, о крѣпости Бильбао, о свекловичномъ сахарѣ, о паровыхъ каретахъ и о лордѣ Лондондерри».

Такова яркая картина пустоты большого свѣта, начертанная графомъ Соллогубомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что она согласна съ истиной. И какъ же въ такой средѣ искать мысли, чувства, убѣжденій? Не понятно ли, почему авторъ «Большого свѣта» обратилъ исключительное вниманіе на внѣшность въ своихъ изображеніяхъ? Пріемъ этотъ былъ естественъ и до того сдѣлался привыченъ ему, что былъ перенесенъ имъ на изображенія другой среды, другого быта. Въ этомъ можно бы упрекнуть графа Соллогуба; но оправданіемъ ему служитъ все-таки та среда, въ которой онъ самъ жилъ и воспитался, изъ которой смотрѣлъ онъ и на другіе классы общества. Онъ, разумѣется, не могъ проникнуться ихъ духомъ, потому что былъ уже проникнутъ духомъ большого свѣта; не могъ вполнѣ понять ихъ нуждъ, жить ихъ жизнью, потому что преданъ былъ свѣтской жизни. Оттого-то и купцы, и художники, и крестьяне выходятъ у него на одну стать, съ той же пустотой и безжизненностью, съ какой изображаются имъ свѣтскіе люди... За это обвинять нельзя, какъ нельзя обвинять человѣка за то, что онъ не всемогущъ и не всеобъемлющъ. При этомъ намъ вспомнилось одно остроумное замѣчаніе изъ пьесы графа Соллогуба: «Мастерская русскаго живописца». Иванъ Кузьмичъ разсказываетъ о своемъ художникѣ изъ дворовыхъ. «Отличный мастеръ!... Русскій, а не хуже иностранца... Одинъ только у него недостатокъ, разумѣется, неважный, — людей писать не умѣетъ. За то, я вамъ доложу—на звѣряхъ собаку съѣлъ... А какъ человѣка начнетъ писать, все какъ-то на звѣря смахиваетъ»... Мы согласны съ Иваномъ Кузьмичемъ: недостатокъ, дѣйствительно, неважный... Художникъ м

жеть и не умѣть изображать людей; мы его не обвинимъ за это, если только онъ умѣетъ хорошо представить — хоть свѣтскихъ львовъ и медвѣдей... А мы видѣли, что у графа Соллогуба всѣ они обрисовываются превосходно; не удаются они ему только тогда, когда вздумаютъ разсуждать и походить на людей... Тогда ихъ краснорѣчіе и остроуміе ясно обнаруживаетъ, что говорятъ не они, а самъ авторъ за нихъ сочиняетъ крылатыя рѣчи.

Во всѣхъ произведеніяхъ графа Соллогуба, дѣйствительно, повторяется типъ одного звѣря, выразившійся особенно ярко въ Иванѣ Васильичѣ. Прежняя критика не хотѣла видѣть въ Иванѣ Васильичѣ ни малѣйшей частички субъективности автора, и всѣ разсужденія этого промотавшагося дворянчика относила прямо и исключительно къ его шутовской личности.... Но мы имѣемъ основаніе думать иначе. Иванъ Васильичъ, по нашему мнѣнію, принадлежитъ къ общему разряду типовъ, постоянно воспроизводимыхъ авторомъ «Тарантаса». Это типъ вотъ какого рода. Онъ не богатъ, и не слишкомъ бѣденъ; характеръ имѣетъ добрый и мягкій отъ природы, образованіе получилъ поверхностное (нерѣдко въ Дерптскомъ университетѣ). По окончаніи курса втянулся онъ въ большой свѣтъ; лѣзетъ изъ кожи, чтобы поддержать на себѣ приличную внѣшность, дѣлаетъ долги, кланяется важнымъ лицамъ, унижается, подличаетъ, волочится за модными красавицами, къ которымъ ничего не чувствуетъ. При столкновеніи съ другимъ кругомъ людей, онъ увлекается непремѣнно какимъ-нибудь чувствомъ (отъ непривычки къ чужой сферѣ), а потомъ опять легкомысленно жертвуетъ этимъ чувствомъ для своихъ обязанностей въ отношеніи къ свѣту... Если онъ не промотается, то будетъ свѣтскимъ человѣкомъ до конца, т. е. до выгодной женитьбы; если же поддерживать себя нечѣмъ, кредитъ потерянъ—то онъ спокойно исчезаетъ въ безвѣстности. Ни правилъ, ни взглядовъ у него нѣтъ; онъ по легкомыслію готовъ совершить доблестный подвигъ, такъ же какъ и покуситься на гнуснѣйшее преступленіе... Онъ почти никогда не думаетъ, а только кричитъ, повторяя то, что слышалъ отъ другихъ, и слова его никогда не сходятся съ поступками.

Авторъ самъ, какъ видно, не сознаетъ иногда полнаго согласія своихъ типовъ и къ однимъ изъ нихъ относится иначе, чѣмъ къ другимъ. Но въ сущности всѣ они одинаковы. Напримѣръ, Карлъ Шульцъ въ «Исторіи двухъ галошъ»,—по замыслу автора, очевидно, долженъ былъ принадлежать къ другому разряду людей: изъ него долженъ бы выйти благородный труженикъ искусства, съ пламенно-любящей душой, съ возвышенными стремленіями,—непонятый міромъ и гордо погибшій невинною жертвою судьбы.... Но изображеніе такой личности было бы не по средствамъ таланта нашего автора, и изъ Шульца вышло тоже что-то въ родѣ Ивана Васильича: существо слабое, безхарактерное, противорѣчащее себѣ на каждомъ шагу, ничего не дѣлающее само и во всемъ обвиняющее другихъ. Онъ сходитъ съ своего чердака въ великолѣпную

его же героевъ. Теперь это отношеніе обозначилось яснѣе, и мы видимъ, что многія изъ разсужденій Ивана Васильча и подобныхъ ему людей вполнѣ одобряются графомъ Соллогубомъ. Это видно отчасти и въ самомъ способѣ изображенія этихъ личностей, при которомъ авторъ изъ спокойнаго эпическаго разсказчика безпрестанно дѣлается вдохновеннымъ лирикомъ и горячимъ ораторомъ, невольно выражая свое субъективное настроеніе. Но особенно доказываетъ это сличеніе словъ самого графа Соллогуба съ словами его героевъ. Мы боимся представлять выписки, чтобы не обременить вниманіе читателей; укажемъ только нѣсколько примѣровъ. Иванъ Васильичъ жалѣетъ о гибели фамильныхъ преданій, о томъ, что генеалогія не уважается, — и графъ Соллогубъ, въ своихъ замѣткахъ, жалѣетъ о томъ же. Иванъ Васильичъ увѣряетъ, что все зло взяточничества происходитъ оттого, что чиновники происходятъ изъ простого класса, изъ дворовыхъ, а не изъ дворянъ: графъ Соллогубъ доказалъ «Чиновникомъ», что раздѣляетъ это убѣжденіе. Иванъ Васильичъ хлопочетъ о народности русской, находя, что лучшій залогъ настоящаго и будущаго величія Россіи — это могучее ея смиреніе; то же самое, почти слово въ слово, высказано графомъ Соллогубомъ отъ собственнаго лица, въ статьѣ «6-е декабря 1853 г. въ Тифлисѣ». Здѣсь онъ уже не могъ шутить: предметъ его описанія былъ слишкомъ серьезенъ для этого. Иванъ Васильичъ не находитъ во Франціи ничего, кромѣ вѣтренности и грязи, въ Германіи ничего, кромѣ педантизма, — и графъ Соллогубъ (умѣреннѣе, конечно, чѣмъ Иванъ Васильичъ) бранитъ ихъ за то же самое, — не только въ прозѣ, но даже и въ стихахъ. Иванъ Васильичъ раздѣляетъ русскую литературу на двѣ половины: смиренную, и потому умную, хорошую, — и крикливую, и бездарную, и увѣряетъ, что истинныя дарованія рѣдко появляются съ своими произведеніями, боясь быть смѣшанными съ этими крикунами. Въ свое время критика посмѣялась надъ такими выходками, какъ обличающими шутовское верхоглядство Ивана Васильича, но посмѣялась напрасно. Черезъ годъ, въ своихъ замѣткахъ, самъ графъ Соллогубъ написалъ, уже отъ себя, что отъ журнальныхъ крикуновъ «литература падаетъ въ грязь и внушаетъ отвращеніе къ себѣ въ тѣхъ юныхъ дарованіяхъ, которыя могли бы развиться и окрѣпнуть для чести и пользы русскаго слова». Мнѣній въ такомъ родѣ мы могли бы привести очень много: но надѣемся, что изъ представленныхъ примѣровъ можно видѣть, по крайней мѣрѣ, то, что авторъ «Тарантаса» совсѣмъ не хотѣлъ смѣяться надъ убѣжденіями своего героя, а старался выставить только противорѣчіе его словъ съ поступками. Это видно и въ той главѣ, гдѣ авторъ разсказываетъ воспитаніе Ивана Васильича и съ теплымъ участіемъ говоритъ о его умѣ, смѣтливости, пылкой натурѣ, сердечной любви къ Россіи, и пр.

Таковы же и прочіе герои. Левъ разсуждаетъ о свѣтской жизни ничуть не хуже самого автора повѣсти; княгиня задумывается о

пустотѣ своей жизни точно такъ, какъ авторъ за нее задумывается. Северинъ разсуждаетъ съ церковнымъ старостой о томъ, что каждому нужно оставаться въ томъ состояніи, въ какомъ онъ родился: «бариномъ быть, бариномъ надо и родиться; сдѣлай мужика бариномъ, барина мужикомъ, — обоимъ не сладить». Эта мысль весьма сильно и ярко изображается во всѣхъ произведеніяхъ графа Соллогуба. По его мнѣнію, и въ большой свѣтъ надо пускаться только тѣмъ, кто уже родился въ немъ, потому что тутъ нужны своего рода привилегіи; и чиновникомъ долженъ быть только дворянинъ, а ужъ никакъ не человѣкъ изъ простого званія... Для сохраненія чести своего званія нужно жертвовать всѣмъ, говоритъ старушка своему внуку, который хочетъ жениться на бѣдной дѣвушкѣ. Читая ея разсужденія, вы можете подумать, что авторъ хочетъ выставить ихъ въ смѣшномъ видѣ. Да и какъ иначе подумать, читая, напримѣръ, слѣдующія строки: «не легко въ наше время быть аристократомъ; вотъ для чего и надо оставаться аристократомъ. Теперь, когда всѣ убѣжденія въ Европѣ исчезаютъ, кому поддержать и спасти ихъ, какъ не дворянскому сословію? Теперь, когда владычествуютъ слова, а не начала, кому указать толпѣ на путь истинный, какъ не тѣмъ, которые выше толпы? Но этого достигнуть можно не умомъ, а характеромъ. Съ тѣхъ поръ, какъ булочники пишутъ стихи, а сапожники занимаются политикой, умъ ничего не значитъ. Другое дѣло — характеръ; но характеръ крѣпнетъ только послѣдовательностью и вѣрою въ законы, принятые при рожденіи»... и т. д. Далѣе, между прочимъ, говорится, что вся исторія человѣчества даетъ намъ слѣдующій урокъ: «счастливы тѣ государства, гдѣ каждое сословіе остается въ своихъ предѣлахъ, идетъ по собственному пути»... И тѣ же самыя мысли найдете у графа Соллогуба въ статьяхъ: «Община сестеръ милосердія», «6 декабря въ Тифлисѣ», «Симбирскій театръ», и другихъ. По соображеніи многихъ мѣстъ въ сочиненіяхъ графа Соллогуба, можемъ думать, что и будущность Россіи представляется ему именно въ томъ видѣ, какъ изобразилъ онъ ее въ снѣ Ивана Васильича. Иначе самый этотъ сонъ какъ то неестественъ: какъ могутъ такому человѣку, какъ Иванъ Васильичъ, сниться такія отвлеченныя вещи? Только наяву могъ онъ придумать, хоть напримѣръ, слѣдующую картину: «сельскій пастырь, сидя подъ ракитой, съ любовью глядѣлъ на дѣтскія игры. Кое-гдѣ надъ деревнями возвышались домы помѣщиковъ, строенные въ томъ же вкусѣ, какъ и простыя избы, только въ большемъ размѣрѣ. Эти домы, казалось, стояли блюстителями порядка, залогомъ того, что счастіе края не измѣнится, а, благодаря мудрой заботливости просвѣщенныхъ путеводителей, все будетъ еще стремиться впередъ, все будетъ еще болѣе развиваться, прославляя дѣла человѣка и милосердіе Создателя»...

Все, сказанное нами, доказываетъ, что и убѣжденія графа Соллогуба постоянно были одни и тѣ же. Только сначала они выска-

зывались не совсѣмъ опредѣленно, такъ что критика не умѣла отдѣлить личности автора отъ личности его героевъ и насмѣшки отъ истины. Теперь же они обозначились яснѣе, и въ этомъ опять мы видимъ доказательство того, что авторъ «Большого свѣта» постоянно крѣпнулъ въ своихъ силахъ и вырабатывалъ свои понятія...

Мы разобрали теперь всѣ достоинства графа Соллогуба, за которыя восхищалась имъ прежняя критика и которыя перечислены нами въ началѣ статьи. Разборъ ихъ показалъ, что и теперь блестящій беллетристъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ прежде, и прежде былъ тѣмъ же, что и теперь... Только теперь онъ сильнѣе и ярче выразился... При разборѣ нашемъ, не брали мы въ расчетъ біографіи Котляревскаго, почти не касались водевилей и драмъ графа Соллогуба, равно и «Салалакскихъ досуговъ» и альбомныхъ стихотвореній. Не на нихъ основана слава графа Соллогуба: онъ извѣстенъ русской публикѣ какъ юмористъ и повѣствователь, и мы старались разсматривать его съ этой стороны, чтобы объяснить фактъ охлажденія къ нему публики. Другія его произведенія были намъ нужны только для того, чтобы прослѣдить ходъ развитія его убѣжденій и стремленій — съ самаго начала до послѣдняго времени... Впрочемъ, считаемъ нужнымъ прибавить здѣсь, что даже и мелкія произведенія графа Соллогуба нисколько не противорѣчатъ общему нашему понятію о немъ и не могутъ уронить его славы. Въ нихъ онъ является тѣмъ же блестящимъ, остроумнымъ писателемъ, съ тѣмъ же истинно свѣтскимъ тономъ и взглядомъ на вещи, съ тѣми же чувствами и убѣжденіями... Напримѣръ, стихотворенія его такъ милы и изящны, что нельзя не любоваться ими. Они такъ и переносятъ въ благоуханную атмосферу гостиныхъ, такъ изящно очерченныхъ графомъ Соллогубомъ, они такъ и заставляютъ вспомнить барона, декламировавшаго —

«Всегда, вездѣ, и въ залѣ шумной,
Въ каретѣ, въ ложѣ, на конѣ,
И на-яву, и въ сладкомъ снѣ,
Любовью страстной и безумной
Тебя любилъ, тебя любилъ»!..

Правда, иногда попадается у графа Соллогуба шероховатость въ стихѣ: въ риѳму—*Руаньеми*—стоитъ, напр., *съ поэзіями всѣми*... Встрѣчается такое четверостишіе —

«Не въ сущей *добротѣ я ли*
Вамъ вѣрилъ, какъ дуракъ;
А вы вотъ и *затѣяли*
Меня цыганить такъ»...

Но стоитъ ли обращать вниманіе на такіе пустяки!...

Чѣмъ же, однако, объяснить охлажденіе публики къ графу Соллогубу? Талантъ его такъ же блестящъ и цвѣтущъ теперь, какъ прежде; дѣятельность не прерывалась, убѣжденія тверды попрежнему, словомъ, со стороны автора всѣ условія для успѣха тѣ же

что и прежде. Явно, что вина на сторонѣ публики и критики. Главное обстоятельство, неблагопріятное для автора «Тарантаса», было, по нашему мнѣнію, то, что критика долго не успѣла ясно и правильно понять его направленія. Пока графъ Соллогубъ высказывался неопредѣленно, полу-намеками, она хотѣла видѣть въ немъ убѣжденія, какими она сама была проникнута, и въ лицахъ его разсказовъ находила сознательное, художественное воспроизведеніе жизненной пошлости и пустоты. Впослѣдствіи оказалось, что взглядъ автора на своихъ героевъ не совсѣмъ сходился со взглядомъ критики, что многія изъ его лицъ смѣшны и пусты ненамѣренно, такъ какъ смѣшны и пусты кажутся намъ сильныя и идеальныя натуры въ повѣстяхъ Марлинскаго и Полевого. Критика перестала выражать свое восхищеніе повѣстями Соллогуба и ставить его рядомъ съ Гоголемъ и Лермонтовымъ; публика тоже увидала, въ чемъ дѣло, и не хотѣла восхищаться въ графѣ Соллогубѣ тѣмъ, чѣмъ восхищалась въ изображеніяхъ барона Фиренгейма и Ивана Васильича. Послѣдовало невниманіе и забвеніе... Другою причиною того же факта могла быть самая вѣрность графа Соллогуба принятому однажды воззрѣнію. Рѣшивши, что «большой свѣтъ» живетъ только внѣшностью и полонъ пустоты, взглянувши и на все остальное сквозь лорнетъ «большого свѣта», авторъ «Тарантаса» постоянно повторялъ одну и ту же тему, одинъ и тотъ же типъ, и это, наконецъ, пріучило публику думать, что ничего новаго отъ автора «Старушки» ожидать уже нельзя. Охлажденіе сдѣлалось еще полнѣе, когда многіе стали замѣчать, что не все же пустота въ большомъ свѣтѣ, что можно и тамъ отыскать какіе-нибудь серьезные интересы, если только самъ ими проникнутъ серьезно... И вотъ — забыла наша публика свои прежніе восторги, забыла, сколько наслажденія доставляли ей прежде прекрасныя картины графа Соллогуба, его художественныя описанія, краснорѣчивыя разсужденія, остроумные разговоры, мѣткія наблюденія надъ внѣшней стороной нашихъ нравовъ и изящный юморъ... Явился «Чиновникъ»,—публика вспомнила своего любимаго автора, но скоро опять отвернулась отъ него... Явилось полное собраніе его сочиненій,—и до сихъ поръ никто не занялся серьезнымъ разборомъ ихъ... Это очень грустное явленіе... Мы старались, какъ умѣли, разсмотрѣть и объяснить его, чтобы съ одной стороны отдать справедливость талантливому беллетристу, а съ другой—напомнить публикѣ о томъ, о комъ не должна забыть будущая исторія нашей литературы.

Стихотворенія А. Полежаева, съ портретомъ автора и статьею о его сочиненіяхъ, писанною В. Бѣлинскимъ. Изданіе В. Солдатенкова и И. Щепкина. Москва. 1857.

Полежаевъ пользуется у насъ довольно печальной извѣстностью въ кружкѣ тѣхъ читателей, которые доселѣ продолжаютъ читать его. Кому не случалось встрѣчать молодыхъ людей, хранившихъ размашисто переписанныя тетрадки съ непечатными стихами Полежаева? Эти юноши восхищаются темной стороной Полежаева, забывая, или не зная, о его истинныхъ достоинствахъ. Обвинять ли ихъ за это, считать ли людьми пустыми, ничтожными, неспособными возвыситься надъ грубыми животными побужденіями? Едва ли справедливо будетъ такое обвиненіе; по крайней мѣрѣ, мы никогда не рѣшимся произнести его. Иначе, мы должны были бы осудить на ничтожество самого Полежаева, который, конечно, болѣе всего долженъ подвергаться отвѣтственности за свои стихи. Нѣтъ, заблужденіе еще не порокъ, одностороннее развитіе — не преступленіе. Оно всегда есть прямое, неизбѣжное слѣдствіе тѣхъ обстоятельствъ, среди которыхъ суждено человѣку жить и развиваться. Можно жалѣть о человѣкѣ, для котораго обстоятельства сложились дурно, — можно горько задумываться о той жизненной обстановкѣ, которая можетъ губить лучшія силы души, направляя ихъ къ злу и пороку. Но напрасно было бы обвинять самого человѣка въ ошибочномъ направленіи, какое принимаетъ его дѣятельность, подъ вліяніемъ враждебныхъ обстоятельствъ. По нашему мнѣнію, только тотъ заслуживаетъ полнаго презрѣнія, кто совсѣмъ не обнаруживаетъ никакой дѣятельности, оставаясь во всю свою жизнь существомъ совершенно пассивнымъ. Такія существа, дѣйствительно, не заслуживаютъ никакого участія и могутъ быть заклеймены названіемъ людей неспособныхъ, негодныхъ, ничтожныхъ, унижающихъ свое человѣческое достоинство. Отъ нихъ ничего нельзя ожидать, какъ бы ни были благопріятны окружающія ихъ обстоятельства. Получивши разъ толчокъ отъ внѣшней силы, они безмятежно и ровно, по силѣ инерціи, движутся въ одномъ, данномъ имъ направленіи. Они часто достигаютъ предположенной цѣли весьма удачно, переходя отъ переписки бумагъ къ ихъ подписыванью, отъ перваго мѣста на школьной скамьѣ — къ наставнической каѳедрѣ, и пр. Но, со всѣмъ тѣмъ, трудно удержать въ себѣ порывъ презрѣнія и даже негодованія противъ этихъ людей, которыхъ все нравственное достоинство заключалось въ умѣренности, аккуратности и терпимости, и которыхъ труды, безсмысленные и мертвые, могутъ быть съ гораздо большимъ успѣхомъ исполняемы хорошею машиною. Отрекаясь отъ своей самостоятельности, дѣлаясь орудіемъ чужой силы, такіе люди сами становятся въ разрядъ низшихъ существъ, сами отказываются отъ

общаго братства людского и добровольно вызываютъ на себя презрѣніе даже тѣхъ, которые пользуются ихъ услугами. Подвигъ высокой доблести и самая отвратительная низость съ одинаковымъ хладнокровіемъ и аккуратностью совершаются пассивными натурами, какъ скоро данъ имъ внѣшній толчокъ, приводящій ихъ въ движеніе. Тутъ уже не можетъ быть заблужденій, борьбы, страданій, паденія... Тутъ, собственно говоря, нѣтъ и вины, какъ нѣтъ заслуги.. Но тяжкая вина, предъ судомъ общества и исторіи — лѣниво зарыть въ землю свой талантъ, попирать свое достоинство, рутиной и бездѣйствіемъ убивши силы, данныя отъ природы... За то и общество попираетъ ногами такихъ лѣнивцевъ. За то и исторія эти натуры обходитъ презрительнымъ молчаніемъ.

Не такова судьба тѣхъ несчастныхъ, но все-таки сравнительно высшихъ натуръ, которыя, чуя въ себѣ родникъ живыхъ силъ души, хотятъ непремѣнно пробиться съ нимъ сквозь кору житейскихъ дрязговъ, общественныхъ несправедливостей и людскихъ предразсудковъ. Теченіе ихъ жизни бываетъ бурно и мутно, часто гибельно; нерѣдко они теряются на дорогѣ, если сверху сушитъ ихъ солнечный зной, а внизу поглощаетъ сожженная, разсыпчатая почва; во всякомъ случаѣ, ихъ отдѣльная струя пропадаетъ въ общемъ океанѣ исторіи человѣчества. Но все же—это движеніе, жизнь, а не болотный застой. Въ болотѣ погибнуть такъ же легко, какъ и въ морѣ; но если море привлекательно-опасно, то болото опасно-отвратительно. Лучше потерпѣть кораблекрушеніе, чѣмъ увязнуть въ тинѣ. Моралисты—обыкновенно люди сонные; ихъ можно разбудить только грозой. При сильномъ ударѣ грома, они просыпаются, торопливо спрашиваютъ: «что случилось»? и потомъ начинаютъ кричать объ ударѣ рока, постигшемъ одного человѣка, убитаго громомъ. А передъ ихъ глазами, возлѣ нихъ, сотни и тысячи человѣкъ падаютъ отъ изнеможенія, задыхаются, гибнутъ безъ шума и слѣда; этого они не замѣчаютъ, а если и замѣчаютъ, то находятъ, что это совершенно въ порядкѣ вещей.

Всѣ эти мысли невольно приходятъ въ голову, послѣ прочтенія маленькой книжки стиховъ Полежаева и статьи о немъ, написанной Бѣлинскимъ. Съ обычной своей проницательностью и силой выражаетъ Бѣлинскій характеръ поэзіи Полежаева и отношеніе ея къ его жизни. Но у него есть одна фраза, которая можетъ подать поводъ къ ложному толкованію. «Полежаевъ не былъ жертвою судьбы,—говоритъ Бѣлинскій,— и, кромѣ самого себя, никого не имѣлъ права обвинять въ своей гибели». Мы уже сказали, что, по нашему мнѣнію, именно себя-то онъ и не могъ обвинять.

Пострадалъ ли Полежаевъ отъ судьбы, странно враждебной всѣмъ лучшимъ поэтамъ нашимъ, можно видѣть при внимательномъ взглядѣ на его портретъ, который приложенъ къ нынѣшнему изданію его сочиненій.

Повѣсть его жизни немногосложна, но изъ нея видно, что Полежаевъ принадлежалъ къ числу натуръ дѣятельныхъ, для ко-

торыхъ лучше паденіе въ борьбѣ, нежели страдательное отреченіе отъ всякой личности и самостоятельности. Начало его жизни было лучше, чѣмъ ея продолженіе, какъ это замѣтно изъ частыхъ сожалѣній поэта о потерянныхъ годахъ, какъ видно изъ его задушевныхъ воззваній къ прежнему времени.

«Гдѣ ты, время невозвратное
Незабвенной старины?
Гдѣ ты, солнце благодатное
Золотой моей весны?
Какъ видѣніе прекрасное
Въ блескѣ радужныхъ лучей,
Ты мелькнуло, самовластное,
И сокрылось изъ очей»!...

Но и это время, о которомъ онъ вспоминалъ потомъ съ грустнымъ сожалѣніемъ, не было продолжительно, такъ что онъ и не успѣлъ имъ воспользоваться какъ слѣдуетъ. Двадцатилѣтній юноша, увлекся онъ, какъ и всѣ увлекаются въ двадцать лѣтъ, страстностью своей натуры и пылкостью молодой крови; только его увлеченіе выразилось ярче, было сильнѣе, бурнѣе, чѣмъ бываетъ у другихъ, и къ этому-то времени студенчества въ Московскомъ университетѣ относится первая, непечатная извѣстность Полежаева. Предъ концомъ жизни, онъ такъ вспоминалъ объ этомъ бурномъ періодѣ своей жизни.

«Я подвигъ жизни совершилъ
И юныхъ дней фіалъ безвкусный,
Но долго памятный — разбилъ!
Давно ли я, въ оргіяхъ шумныхъ,
Ничтожность міра забывалъ,
И въ кликахъ радости безумныхъ
Безумство счастьемъ называлъ!
Тогда, вдали отъ глазъ невѣжды,
Или фанатика глупца,
Я сердцу милыя надежды
Питалъ съ улыбкой мудреца,
И счастливъ былъ! Самозабвенье
Таилось въ безднѣ пустоты»...
. . . .

Если бы мы захотѣли, мы могли бы найти у Полежаева много подобныхъ признаній, доказывающихъ, что онъ былъ человѣкъ не въ родѣ поручика Пирогова, и что порывъ, увлекавшій его къ наслажденіямъ чувственности, скоро смѣнился бы другимъ, болѣе благороднымъ увлеченіемъ. Онъ уже начиналъ, кажется, этотъ поворотъ жизни, когда надъ нимъ разразился новый ударъ судьбы, и—

«Миръ души погребла
Къ шумной волѣ любовь»....

Изъ молодого разгульнаго кружка своихъ товарищей внезапно попалъ Полежаевъ въ другой кругъ—гораздо болѣе грубый, порочный и невѣжественный, въ которомъ смотрѣли на поэта, какъ на

гупника и негодяя. Онъ не хотѣлъ и не могъ подчиниться , чему легко подчинялись другіе, а его заставляли подчи-ся.

«Порабощенье,
Какъ зло за зло,
Всегда влекло
Ожесточенье»,

леживъ ожесточился противъ людей и судьбы. Сначала у еще оставался какой-то геній, котораго онъ не называетъ обрымъ, ни злымъ, но который обѣщалъ ему свое покрови-ство, а потомъ забылъ его... Полежаевъ съ довѣрчивостью ъ его помощи, и надежда на этого генія поддерживала его остоянной борьбѣ съ обстоятельствами. Утомляясь борьбою, восклицалъ:

«Давно могучій вѣтеръ носитъ
Меня вдали отъ береговъ;
Давно душа покоя проситъ
У благодѣтельныхъ боговъ.
Казалось, теплыя молитвы
Уже достигли къ небесамъ,
И я, какъ жрецъ, на полѣ битвы
Курилъ свой свѣтлый ѳиміамъ,
И благодѣтельное слово
Въ устахъ правдиваго судьи,
Казалось, было ужъ готово
Изречь: воскресни и живи!
Я оживалъ; но ты, мой геній,
Исчезъ, забылъ меня, и я
Теперь одинъ въ цѣпи твореній
Пью грустно воздухъ бытія....
Темнѣетъ ночь, гроза бушуетъ,
Несется быстро мой челнокъ, —
Душа кипитъ, душа тоскуетъ
И, мнится, снова торжествуетъ
Надъ бѣднымъ плавателемъ рокъ»...

Іесмотря на эти минуты сомнѣнія и тоски душевной, долго крѣпился бѣдный поэтъ и гордо сражался съ гнетущей его бой.

«Увы, давно печаленъ, равнодушенъ,
Онъ привыкалъ къ лихой своей судьбѣ:
Неистовый, безжалостный къ себѣ,
Презрѣлъ ее въ отчаянной борьбѣ,
И гордо былъ несчастію послушенъ».

Стремленіе къ самостоятельной жизни развилось въ немъ еще ле среди несчастій и стѣсненій, и въ то время, какъ челнокъ уже тонулъ, онъ еще находилъ въ себѣ силы пѣть эту пѣснь бающаго пловца.

«Сокровенный
Сынъ природы,
Неизмѣнный

Другъ свободы
Съ юныхъ лѣтъ,
Въ море бѣдъ,
Я направилъ
Быстрый бѣгъ
И оставилъ
Мирный брегъ.
На равнинахъ
Водъ зеркальныхъ,
На пучинахъ
Погребальныхъ
Я скользилъ;
Я шутилъ
Грозной влагой,
Смертный валъ
Я отвагой
Побѣждалъ»....

Такимъ открытымъ выраженіемъ энергіи и силы смѣлаго бойца отличаются стихотворенія Полежаева до того времени, когда является въ нихъ упоминаніе о заключеніи и болѣзни. Извѣстно, что въ послѣднее время своей жизни, Полежаевъ страдалъ чахоткой и умеръ въ больницѣ, получивъ въ минуты предсмертнаго томленія офицерскій чинъ. Это послѣднее время тяжелой болѣзни вызвало у поэта нѣсколько отчаянныхъ, ожесточенныхъ стихотвореній. Онъ изнуренъ былъ битвою жизни, геній его не являлся къ нему на помощь, усилія его свергнуть съ себя гнетущее иго судьбы оказывались безплодными,—и одно отчаянное, страшное презрѣніе къ жизни осталось въ душѣ поэта. Ужасные звуки нашелъ онъ въ себѣ для выраженія силы своего отчаянія.

«Безъ чувства жизни, безъ желаній,
Какъ отвратительная тѣнь,
Влачу я цѣпь моихъ страданій,
И умираю ночь и день.
Порою, огнь души унылой
Воспламеняется во мнѣ:
Съ снѣдающей меня могилой
Борюсь, какъ будто бы во снѣ;
Стремлюсь, въ жару ожесточенья,
Мои оковы раздробить
И жажду сладостнаго мщенья
Живою кровью утолить.
Какъ рабъ испуганный, бездушный,
Кляну свой жребій я тогда,
И вновь взираю равнодушно
На жизнь позора и стыда».

Эта жизнь позора и стыда могла бы быть жизнью славы и величія. Человѣкъ, нашедшій такіе звуки для выраженія отчаянія, умѣлъ бы проникнуться какими угодно возвышенными чувствами и найти для нихъ выраженія въ словѣ и въ дѣлѣ. При другой жизненной обстановкѣ, не погибъ бы этотъ энергическій талантъ жертвою неравной и безплодной борьбы. Не звуки проклятій и злобы, а роскошные звуки чистыхъ, спокойныхъ стремленій могъ

: онъ завѣщать міру, потому что, кромѣ чрезвычайной силы, лантъ Полежаева отличается еще необыкновенной страстностью стремительностью. Она-то и увлекаетъ пылкихъ юношей въ нечатныхъ стихотвореніяхъ Полежаева. Мы не винимъ ихъ за это пустотѣ и ничтожности: можно этимъ увлекаться и не будучи чтожнымъ человѣкомъ. Но мы глубоко и тяжко должны сожалѣть гой средѣ, которая не представляетъ ничего лучшаго для увлечея молодыхъ людей; мы должны грустно, безотрадно задуматься о хъ преданіяхъ, которыми передаются, какъ драгоцѣнное наслѣ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, грязныя произведенія поэтовъ, итыхъ съ чистаго пути и столкнутыхъ въ вонючую лужу. Не инъ Полежаевъ погибъ у насъ въ этой мрачной и душной средѣ, дъ вліяніемъ этихъ развратныхъ преданій, поддерживаемыхъ стоемъ общественной жизни. Грустное раздумье одолѣваетъ всегда и воспоминаніи о гибели дѣятельной натуры. Напрасно стараься успокоить себя тѣмъ, что гибель эта не безплодна, что она ла необходима по законамъ исторіи. Все-таки остается въ душѣ отвязный вопросъ, такъ поэтически выраженный Полежаевымъ.

«Но зачѣмъ же вы убиты,
Силы мощныя души?
Или были вы сокрыты
Для бездѣйствія въ тиши?
Или не было вамъ воли
Въ этой пламенной груди,
Какъ въ широкомъ, чистомъ полѣ,
Пышнымъ цвѣтомъ разцвѣсти» ?...

Походъ аѳинянъ въ Сицилію и осада Сиракузъ. Соіненіе Владиміра Ведрова. Съ планомъ города Сиракузъ. пб. 1857.

Это древняя исторія, читатель, — очень древняя исторія. Это евность классическая, о которой мы съ вами весело вспоминаемъ дчасъ, при встрѣчѣ со школьными товарищами. Я предполагаю, о вы учились въ какой-нибудь школѣ, мой читатель, и потому чу разбудить въ васъ воспоминаніе о древнихъ классическихъ одѣлкахъ, которое невольно рождается въ каждомъ, прошедшемъ мназическій курсъ, при самомъ бѣгломъ обзорѣ книги г. Веова. Помните ли, какъ вы, въ старшихъ классахъ гимназіи, прились наконецъ за самостоятельное изученіе разныхъ предметовъ начали сами сочинять?... Какое это было наслажденіе, – сколько ѣчтаній и замысловъ являлось тогда въ вашей юной душѣ! Какъ хлопотали о томъ, чтобы дѣлать новыя открытія въ наукѣ, росать новые взгляды, казаться ученымъ, поглотившимъ всю воз-

можную ученость!.. У васъ былъ тогда благоразумный учитель, который предлагалъ вамъ—описать осаду Казани, по Карамзину, или Бородинскую битву, по Михайловскому-Данилевскому. Онъ имѣлъ при этомъ въ виду двоякую пользу: и фактъ вы изучили бы основательно, и пріемы историческаго изложенія могли бы усвоить по хорошимъ образцамъ. Но вы съ презрѣніемъ отвернулись тогда отъ такой задачи. Вы хотѣли казаться ученымъ, бросать собственные взгляды, а тутъ вамъ даютъ связывающую нить, заставляютъ быть какимъ-то компиляторомъ. Для взглядовъ вамъ нуженъ былъ просторъ, для учености—ссылки, а нельзя же было вамъ, перефразируя Карамзина, ссылаться на его разсказъ и писать въ выноскѣ его собственныя слова. Нѣтъ, вы рѣшительно отказывались отъ темы, предложенной учителемъ, и хотѣли писать или о происхожденіи Руси, или ужъ о чемъ-нибудь изъ иноземной исторіи. Вамъ опять учитель давалъ въ руки хорошія книги, съ тѣмъ, чтобы вы сдѣлали изъ нихъ извлеченіе. Но вамъ казалась унизительною подобная работа; вы услыхали какъ-то, что истинно ученые всегда разработываютъ науку *по источникамъ*, и вы сами захотѣли, во что бы то ни стало, заниматься *источниками*, чтобы имѣть истинно ученый видъ. Но что дѣлать съ источниками, какъ за нихъ приняться, да и гдѣ еще отыскать ихъ? Вы этого рѣшительно не знали, читатель, да если бы и знали, то мало бы было вамъ утѣшенія. Большей части источниковъ вы не могли читать. Гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, было вамъ разбирать средневѣковую латынь, древне-нѣмецкіе, французскіе, англо-саксонскіе памятники? Какъ могли вы пуститься въ изученіе источниковъ, изъ которыхъ почерпается знаніе ново-европейской исторіи? А за предѣлами Европы—тамъ ужъ вы рѣшительно терялись въ исторіи, какъ въ дремучемъ лѣсу. Въ такомъ затруднительномъ положеніи вамъ оставалось одно спасеніе — взяться за классическую древность. Источники тамъ не многочисленны, да и переведены большею частію на французскій и даже на русскій языкъ; мнѣнія о событіяхъ древней исторіи почти во всемъ уже установились, слѣдовательно, и свой взглядъ бросить уже не трудно; а между тѣмъ ученость—своимъ чередомъ. А ученость была тогда вашей слабостью. Теперь мы съ вами, читатель, уже выросли, одолѣли нѣсколько языковъ, пріобрѣли кое-какія понятія объ исторіи, и потому теперь мы не понимаемъ, почему же знакомство съ трудами Тьерри, Гиббона, Шлоссера не доказываетъ учености, а цитата изъ Ѳукидида, Тацита, Цицерона, Плутарха доказываетъ ее?.. Теперь мы знаемъ разработку древней исторіи у новыхъ писателей и потому прибѣгаемъ къ источникамъ только для повѣрки ихъ мнѣній, для рѣшенія спорныхъ вопросовъ, для образованія собственнаго взгляда на предметъ. Ни въ какомъ случаѣ не станемъ ужъ мы приводить цитаты изъ классическихъ писателей, говоря о томъ, что, напримѣръ, Сицилія была островъ, что тамъ былъ городъ Сиракузы, что городъ этотъ былъ очень богатъ, и т. п. Но въ то время мы

ь вами, читатель, только еще вступали въ святилище науки, намъ ;е еще было ново, мы еще не умѣли отличить истинъ всѣми признанзыхъ, избитыхъ, опошлившихъ вслѣдствіе частаго повторенія, отъ эпросовъ нерѣшенныхъ, изъ-за которыхъ доселѣ спорятъ ученые; амыя общія обыкновенныя, ничтожныя положенія мы смѣшивали съ ажными, особенными, характеристичными явленіями народной жизни. ъ головѣ нашей была путаница, насъ поражала масса незнакомыхъ актовъ, открытыхъ нами въ нашемъ *источникѣ*, и мы съ горостью, безъ всякаго выбора и разсужденія, выставляли ихъ на оказъ ученому міру, точно какое открытіе, и не подозрѣвая, что се это давно уже, и весьма строго, требуется отъ всякаго на ріемномъ университетскомъ экзаменѣ. Не имѣя понятія ни объ сторической критикѣ, ни о современномъ состояніи знаній, ни о ювыхъ научныхъ и общественныхъ требованіяхъ, не умѣя читать орошенько даже своихъ источниковъ, не въ состояніи будучи сдѣлать даже складнаго извлеченія изъ нихъ, мы принимались свысока трактовать какой-нибудь клочокъ какого-нибудь частнаго обытія древности, вырвавъ его изъ связи фактовъ и лишивъ всей го жизненной обстановки. Мы брали Ѳиванскую гегемонію, законодательство Дракона, жизнь кожевника Клеона или олигарха Критія, Сицилійскую экспедицію, и принимались сочинять. Мы не мѣли ничего порядочнаго прибавить къ нашему источнику: лучше сего было бы намъ перевести его. Но вспомните, читатель: съ дной стороны сильно говорило въ васъ желаніе сказать что-нибудь свое (почему знать: авось что-нибудь и скажется, думали вы), съ другой стороны, вы никакъ не могли преодолѣть своей страсти— написать сочиненіе, и сочиненіе ученое, со ссылками на разные источники, съ цитатами на разныхъ языкахъ. А цитаты представлялись вамъ не только украшеніемъ, но даже необходимостью; вы сами обо многомъ только что узнали, составляя ваше сочиненіе, и думали, что безъ цитатъ никто вамъ не повѣритъ. Вы узнали, напримѣръ, о чемъ бы?.. Ну, да что далеко ходить за примѣрами... Возьмемъ ихъ изъ лежащей передъ нами книжки господина Верова. Вы узнали, напримѣръ, читая свои источники, что Алкивіадъ былъ ловокъ и красивъ собой и, воображая, что это новость, сообщаете свое открытіе съ греческой ссылкой на Плутарха и съ латинской—на Корнелія Непота (стр. 14). Вы узнали, что на веденіе войны, кромѣ солдатъ и оружія, нужны еще значительныя издержки денежныя. Это васъ поразило изумленіемъ, вотъ вы, говоря о томъ, что много вышло у аѳинянъ денегъ на Сицилійскую экспедицію, приводите, для достовѣрности, по-гречески строчку изъ Ѳукидида, въ которой тоже говорится, что много денегъ вышло изъ Аѳинъ на эту экспедицію (стр. 45). Совѣсть ваша спокойна, а между тѣмъ и страница имѣетъ ученый видъ, будучи украшена цитатой: незнающій греческаго языка подумаетъ, что въ ней и Богъ вѣсть какая премудрость... Вы узнали также, что Алкивіада, въ его отсутствіе, обвинили въ ниспровер-

женіи гермовъ, — и опять двѣ строчки изъ Өукидида (стр. 64). Узнали, что Никій, стѣсненный у Эпиполя, принужденъ былъ принять уже оборонительное положеніе, вмѣсто наступательнаго, — и въ подтвержденіе этой новой для васъ истины опять цитируете Өукидида, и опять по-гречески (стр. 95). Такимъ образомъ, сочиненіе ваше пестрѣетъ цитатами, и вы довольны, воображая себя великимъ ученымъ,—хоть сейчасъ годнымъ въ профессора въ лучшій изъ университетовъ... Но для профессора мало ссылокъ, надо еще взгляды. Можно и взгляды... Смысла всего событія вы обсуживать не хотѣли, для васъ самихъ это была вещь довольно темная. Живое отношеніе частныхъ явленій къ общему ходу и значенію главнаго факта вы тоже не сочли нужнымъ прослѣдить, — можетъ быть потому, что на это источниковъ не нашлось... Но вамъ хотѣлось чѣмъ-нибудь показать, что и вы не просто же канцеляристъ, подшивающій бумаги, какъ онѣ слѣдуютъ по нумераціи главъ у Өукидида, — что и вы тоже разсуждать можете. Вотъ вы и принялись разсуждать... Какъ вы разсуждали, читатель, будучи въ гимназіи, мнѣ совѣстно напоминать объ этомъ. Такъ и быть,— я пощажу васъ и приведу вамъ для примѣра не ваше разсужденіе, а хоть... разсужденіе г. Ведрова же: оно можетъ напомнить вамъ ваши старинныя замашки. Вы вздумали, напримѣръ, оцѣнить достоинства Алкивіада и Никія, и доказываете, что Никій былъ не только боязливый и дрянной человѣкъ, но еще и безчестный гражданинъ, потому что, подъ видомъ пользы государственной, заботился о своихъ личныхъ интересахъ. Вотъ Алкивіадъ — дѣло другое... Это личность чарующая, и вы приводите его рѣчь, въ которой онъ доказываетъ, что его личные-то интересы именно и полезны государству... Послѣ этого, вы безъ дальнихъ разсужденій заключаете, что Алкивіадъ правъ, а Никій только и выказываетъ привязанность къ своимъ домашнимъ дѣламъ (стр. 35). Такъ вы судили тогда, потому что въ васъ еще сильно было пристрастіе къ печоринскому элементу даже въ исторіи, что вамъ нравилось все заносчивое, надменное, и вы, можетъ быть, даже въ себѣ считали достоинствомъ нахальную безцеремонность и ребяческую самоувѣренность, находя въ нихъ доказательство вашего глубокаго сочувствія и уваженія къ Аѳинамъ... Были также у васъ и другія, болѣе или менѣе отвлеченныя и высокія разсужденія, о томъ, напр., что бываютъ люди, измѣняющіе своимъ убѣжденіямъ, и все-таки счастливые, а бываютъ и другіе, измѣняющіе — несчастные (стр. 77—78), что бываютъ люди бойкіе на словахъ, но крайне плохіе на письмѣ и на дѣлѣ, а бываютъ другіе—и на словахъ и на дѣлѣ хорошіе люди, и пр.... Всѣ эти размышленія писались вами, читатель, съ плеча, безъ всякой обдуманности и даже съ крайней небрежностью въ языкѣ... У васъ попадались нерѣдко такія фразы, какими написана книжка г. Ведрова,—напр., «слава виновникамъ греческой свободы отъ другихъ народовъ и удивленіе отъ потомства! Достойный подвигъ не съ одними аѳинянами, но и съ ихъ союз-

никами, хотя онъ раздѣленъ съ коринѳянами и лакедемонянами»... (стр. 119). Или: «Ѳукидидъ не говоритъ такъ ясно, но даетъ понять изъ своихъ словъ, что искаженіе гермовъ было сложено на Алкивіада его врагами *съ тою же* вѣроятностью, какъ *и то*, *что* оскорбленіе святыни было дѣломъ враговъ народнаго правленія. Припомнимъ, что и *самый* Никій, желая отклонить *народъ* отъ задуманнаго *ими* предпріятія, указывалъ на олигархическую партію, *зная болѣе* всего, *чѣмъ* страдалъ народъ аѳинскій, что составляло для него вѣчную боязнь» (стр. 12—13). Не замѣчая всей нескладицы своего творенія, вы гордо считали его тогда чуть не докторской диссертаціей и подавали своему учителю, въ полной увѣренности, что онъ будетъ повергнутъ въ изумленіе вашей ученостью и геніальностью. Но добросовѣстный учитель терпѣливо прочиталъ тогда ваше сочиненіе, отмѣтилъ на каждой страницѣ историческіе ваши промахи и грамматическія ошибки и въ заключеніе, не входя въ серьезный разборъ, котораго вашъ трудъ не стоилъ, замѣтилъ вамъ, что напрасно вы хотите прикидываться ученымъ, не пріобрѣтши даже умѣнья складно выражаться и точно передавать подлинникъ, съ котораго переводите по клочкамъ ваше quasi-самобытное изслѣдованіе; что ваша неразборчивость въ цитатахъ доказываетъ, вмѣсто учености, только полное незнаніе дѣла; что ваши результаты ничтожны, разсказъ вялъ и спутанъ, мнѣнія бездоказательны и нелогичны, что вамъ еще много надо учиться для того, чтобы уразумѣть, какъ и для чего нужно пользоваться источниками. Вы были счастливы, читатель: вы имѣли хорошаго учителя, который остановилъ васъ на пути къ сочинительству и предохранилъ отъ ученаго самозванства; вы не напечатали вашего гимназическаго труда и благоразумно забыли о немъ. Но не всѣмъ выпадаютъ на долю умные учители, и многіе на всю жизнь остаются при классической древности гимназическаго курса.

Но мы съ вами, читатель, такъ увлеклись школьными воспоминаніями, что намъ и не остается времени поговорить о книжкѣ г. Ведрова. Впрочемъ, вѣдь мы брали же ее для примѣра: поэтому вы можете сами судить, что это за книжка; школьныя воспоминанія, можетъ быть, дополнятъ вамъ то, что нами не досказано... Не подумайте, однако, чтобы сочиненіе г. Ведрова принадлежало къ числу гимназическихъ опытовъ; нѣтъ, г. Ведровъ далекъ отъ этого. На брошюрѣ не выставлено, къ сожалѣнію, кто онъ такой, но, судя по логичности разсужденій и по манерѣ изложенія, мы имѣемъ основаніе думать, что это тотъ самый г. Ведровъ, который издалъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, диссертацію объ аѳинскомъ олигархѣ Критіи, гдѣ онъ предъявилъ удивительное открытіе, что Эпаминонда слѣдуетъ называть Эпаминондою, а Пиѳагора—Пиѳагорою, на томъ основаніи, что Ѳому называютъ Ѳомою.

У пристани. Романъ въ письмахъ, графини Евдокіи Ростопчиной. Девять частей («Библіотека для дачъ», книжки 76—84). Спб. 1857.

Письмо—это все равно, что разговоръ на бумагѣ. Слѣдовательно—новый романъ въ письмахъ графини Ростопчиной относится по своей формѣ собственно къ драматическому роду, въ которомъ талантъ этой писательницы оказывается особенно замѣчательнымъ. Всѣхъ, кто читалъ ея *жалостныя* пьесы: «Кто кого проучилъ», «Уѣдетъ или нѣтъ», и т. п., до сихъ поръ коробитъ, при воспоминаніи о нихъ, отъ невольнаго кислаго чувства,—точно такъ, какъ всѣ читавшіе ея комедіи: «Нелюдимка», «Семейная тайна» и пр., досѣлѣ не могутъ удержаться отъ хохота, вспоминая изображенные въ нихъ безтолковые поступки людскіе. Правда, комедіи эти носятъ названіе драмъ, а жалостныя пьесы—комедій, но le nom ne fait pas la chose, и мы совсѣмъ не хотимъ изъ ошибочнаго названія выводить какія-нибудь заключенія, неблагопріятныя для самой пьесы. Мы просто говоримъ, что авторъ ошибся, вѣроятно, въ названіи, которое, впрочемъ, могло быть и опечаткой, или даже просто прихотью автора. Одну подобную прихоть знаменитой писательницы мы уже знаемъ. Это было лѣтъ семь или восемь тому назадъ. У «Москвитянина» былъ тогда періодъ школьничества: онъ печаталъ школьныя бесѣды г. Погодина съ гг. Грановскимъ, Соловьевымъ и пр., педагогическія лекціи г. Шевырева, упражненія г. Покровскаго по корректурной и грамматической части, и т. п. Около этого времени и графиня Ростопчина вздумала помѣстить въ «Москвитянинѣ» составленную ею хрестоматію изъ лучшихъ иностранныхъ писателей,—съ собственными объясненіями. Цѣлый годъ печаталась эта хрестоматія, въ которой перепечатано было много стиховъ изъ Данте, Шекспира, Байрона, Гёте и пр., и какъ бы вы думали, какъ она называлась? «Поэзія и проза жизни, романъ въ стихахъ»!!... И хрестоматія нисколько не потеряла отъ этого, а «Москвитянинъ» даже выигралъ: подъ видомъ эпиграфовъ къ роману, онъ цѣлый годъ помѣщалъ на своихъ страницахъ прекрасные отрывки изъ классическихъ писателей...

На этомъ основаніи мы не хотимъ дѣлать никакихъ замѣчаній касательно названія «романъ въ письмахъ». Мы жалѣемъ только объ одномъ: зачѣмъ нѣтъ здѣсь предисловія, въ родѣ того, какое находится при послѣднемъ изданіи стихотвореній графини Ростопчиной. Оно бы всего лучше объяснило намъ, какъ самъ авторъ понимаетъ своихъ героевъ, и что онъ имѣлъ въ виду при созданіи своего романа. Такое объясненіе со стороны автора необходимо было бы потому, что романъ въ письмахъ, подобно всякому драматическому произведенію, не допускаетъ никакого вмѣшательства автора въ отношенія дѣйствующихъ лицъ и заставляетъ говорить

только ихъ самихъ. Такимъ образомъ, во всемъ романѣ авторъ нашелъ возможность сдѣлать отъ себя только два-три замѣчанія въ выноскахъ, въ которыхъ онъ даетъ читателямъ понятіе о томъ, что такое газета *Punch* и что за экипажъ *брэкъ*,—предметы, о которыхъ особы, пишущія письма, не считаютъ приличнымъ распространяться... А между тѣмъ, характеръ нѣкоторыхъ лицъ остается довольно загадочнымъ, безъ авторскаго объясненія. Напримѣръ, князь Суздальскій не представленъ, кажется, прямо пустымъ вралемъ, а между тѣмъ вретъ на каждомъ шагу. Въ одномъ письмѣ онъ говоритъ, напримѣръ, что совсѣмъ не знаетъ русской литературы и что недавно прочиталъ только, по указанію сосѣдки своей, «Горе отъ ума»,—а черезъ нѣсколько страницъ толкуетъ о печоринскомъ элементѣ, и въ другомъ письмѣ, еще прежде писанномъ, разсуждаетъ о языкѣ княгини Дашковой въ ея журналѣ. Въ одномъ письмѣ онъ толкуетъ о благосостояніи и просвѣщеніи своихъ крестьянъ, и въ томъ же самомъ письмѣ выражаетъ опасеніе, чтобы русскаго мужика грамота не испортила!... Въ ноябрѣ 1844 года онъ пишетъ, что ему только тридцать два года, самодовольно вспоминая свои *кутежи* съ лоретками, а въ январѣ 1845 года, собираясь жениться, онъ вдругъ хочетъ казаться степеннѣе и накидываетъ себѣ три года, увѣряя, что ему тридцать-пять лѣтъ. А между тѣмъ всѣ дѣйствующія лица романа превозносятъ его добродѣтели и стараются выставить его человѣкомъ, истинно благороднымъ и просвѣщеннымъ. Что хотѣлъ сказать авторъ, ставя своихъ лицъ въ такія мудреныя отношенія? Предисловіе могло бы объяснить это; но авторъ не захотѣлъ предисловія, предоставляя самому дѣлу говорить за себя. Онъ представилъ намъ драматическое произведеніе, не прибавляя ни слова отъ себя, и отыскать его идею, опредѣлить сущность характеровъ, прослѣдить все развитіе дѣйствія въ драмѣ составляетъ уже обязанность критики. Мы принимаемъ на себя эту обязанность, заранѣе сознаваясь, однако, передъ читателями, что мы не могли разъяснить нѣкоторыхъ загадочныхъ вещей въ романѣ, и что нѣкоторыя наши заключенія, можетъ быть, окажутся не вполнѣ вѣрными и удовлетворительными.

Прежде всего поражаетъ насъ двойственность интриги романа: двѣ пріятельницы, Сара и Маргарита, ведутъ между собою переписку и разсказываютъ другъ другу приключенія своей жизни, которыя во всемъ романѣ идутъ совершенно отдѣльно и не имѣютъ ни малѣйшаго вліянія одни на другія. Авторъ романа такъ хорошо знакомъ съ художественными требованіями, общими для всякаго литературнаго произведенія, что вѣрно не рѣшился бы нарушить ихъ, если бы не имѣлъ въ виду какой-нибудь особенной цѣли. И намъ кажется, что мы нашли эту цѣль. По нашему мнѣнію, авторъ имѣлъ въ виду доказать своимъ романомъ, что всѣ люди, какъ бы они умны или глупы, богаты или бѣдны, добродѣтельны или развратны ни были, всѣ рано или поздно придутъ къ

одной общей всѣмъ *пристани*, то есть, что всѣ люди смертны. Для такой широкой, всеобщей темы и содержаніе нужно было взять какъ можно шире. Такъ поступали, по крайней мѣрѣ, наши лучшіе сочинители. Г. Загоскинъ, въ романѣ «Кузьма Петровичъ Мирошевъ», провелъ исторію рода Мирошевыхъ черезъ нѣсколько поколѣній, многократно переходя отъ Петра Кузьмича къ Кузьмѣ Петровичу и обратно отъ Кузьмы Петровича къ Петру Кузьмичу: такъ необходимо было за тѣмъ, что авторъ имѣлъ въ виду изобразить жизнь русскихъ во времена Екатерины Великой. Въ знаменитомъ романѣ «Иванъ Выжигинъ», желающемъ доказать торжество нравственности надъ порокомъ, авторъ также не удовольствовался одной жизнью, а привелъ, по разсказамъ старыхъ людей, читавшихъ его романъ, цѣлое поколѣніе нравственныхъ людей: дѣдушку, сынка его и внучка—Петра Иваныча, въ нарочито сочиненномъ продолженіи. Имѣя предъ глазами такіе прекрасные примѣры, и графиня Евдокія Ростопчина не усомнилась пожертвовать узкими понятіями о художественномъ единствѣ желанію сколько возможно полнѣе разрѣшить свою высокую задачу. Но такъ какъ истинный талантъ никогда не бываетъ рабскимъ подражателемъ, то и графиня Евдокія Ростопчина уклонилась нѣсколько отъ своихъ высокихъ образцовъ и расширила свою тему не во времени, а въ пространствѣ. Она не удовольствовалась проведеніемъ своей идеи въ жизни одного лица, а взяла для этого двѣ параллельныя жизни, около которыхъ сгруппировала много другихъ лицъ, соединенныхъ съ главными почти одной только общей мыслью романа (то есть тѣмъ, что всѣ они умираютъ) безъ всякихъ побочныхъ интересовъ. Въ этомъ находимъ мы оправданіе двойственности интриги въ романѣ, которая, такимъ образомъ, нисколько не мѣшаетъ строгому единству общей мысли и даже служитъ къ ея усиленію и подкрѣпленію. Мы полагаемъ даже, что цѣль автора достигнута была бы еще вѣрнѣе, если бы онъ послѣдовалъ примѣру автора великолѣпной трагедіи «Деньги» и уморилъ бы въ своемъ романѣ нѣсколько сотъ человѣкъ. Тогда бы смертность человѣческая была еще неопровержимѣе для всякаго читателя. Впрочемъ, романъ «У пристани» оканчивается напоминаніемъ о Севастополѣ, и, по нашему мнѣнію, это сдѣлано не безъ глубокаго артистическаго соображенія: имя Севастополя служитъ послѣднимъ доводомъ автора, самымъ сильнымъ и даже дѣлающимъ ненужными всѣ остальные доводы. Кто не хочетъ читать романа, тотъ можетъ только заглянуть въ послѣднія его страницы, прочесть на нихъ слово: Севастополь, и въ немъ тотчасъ пробудится мысль о послѣдней *пристани* — смерти, чѣмъ цѣль автора романа будетъ вполнѣ достигнута...

Развитіе главной идеи въ романѣ доказываетъ намъ глубокое знаніе человѣческаго сердца и многостороннюю опытность автора. Субъективная личность автора и его воззрѣнія на жизнь, безъ всякаго сомнѣнія, много участвовали въ созданіи характеровъ романа:

иначе невозможенъ этотъ тонкій анализъ женскаго сердца, невозможно это умѣнье выставить наружу сокровеннѣйшія побужденія самыхъ тайныхъ женскихъ страстей, какое показала графиня Евдокія Ростопчина въ исторіи двухъ лицъ своего романа—Сары Волтынской и Маргариты Петровской. Самыя эти лица, оба представляютъ какъ бы разложеніе одного характера на двухъ особъ, такъ что въ этомъ случаѣ графиня Евдокія Ростопчина уподобляется любимому поэту своему—Байрону, который, по словамъ Пушкина, въ каждомъ изъ своихъ героевъ воспроизводилъ какую-нибудь одну сторону собственнаго характера. Разница только въ томъ, что у Байрона менѣе рефлексіи: онъ относится къ созданнымъ имъ лицамъ непосредственно, и оттого страсть представляется у него въ трагическомъ развитіи. Графиня Евдокія Ростопчина, напротивъ, силою рефлексіи отрѣшаясь отъ непосредственнаго увлеченія страстью, заставляетъ ее проходить предъ судомъ неумолимаго разсудочнаго анализа и, вслѣдствіе этого, относится къ ней уже комически, или, точнѣе сказать, сатирически. Въ романѣ, содержаніе котораго мы сейчасъ разскажемъ читателямъ, авторъ поражаетъ своей сатирой легкомысліе людей, надменно резонирующихъ, безъ всякаго прочнаго убѣжденія и съ постояннымъ противорѣчіемъ, какъ между словомъ и дѣломъ, такъ даже и между самыми словами. Выражается это резонерство преимущественно въ двухъ главныхъ лицахъ романа—Сарѣ и Маргаритѣ. Само собою разумѣется, что подобные характеры всегда заключаютъ въ себѣ достаточное количество глупости, прикидывающейся разумною. Авторъ и въ этомъ отношеніи удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ: его Сара и Маргарита изображены глупыми до невѣроятія. Равнымъ образомъ соблюдено и другое условіе художественной постройки романа—естественность и вѣрность дѣйствительности. Въ дѣйствительности резонеры обыкновенно бываютъ скучны: и авторъ сдѣлалъ письма своихъ героинь непомѣрно длинными и скучными. Романъ «У пристани» напечатанъ въ «Библіотекѣ для дачъ и пароходовъ» и пр. Но мы полагаемъ, что ни одинъ морякъ, послѣ самаго продолжительнаго штиля, не можетъ такъ жадно желать пристани, какъ тотъ, кто на пароходѣ вздумаетъ для развлеченія читать письма резонерокъ этого романа въ письмахъ. И никто, конечно, не станетъ проклинать замедленіе парохода съ такою яростію, какъ тотъ, кто возьметъ съ собою этотъ романъ, чтобы читать у пристани, въ ожиданіи парохода. До того скучны всѣ эти письма!... Можетъ быть, найдутся близорукіе критики, которые поставятъ это въ вину автору. Мы, напротивъ, видимъ здѣсь великое достоинство... Было бы совершенно нелѣпо, если бы онъ письма глупыхъ резонерокъ сдѣлалъ живыми и занимательными. Нужно было именно заставить ихъ писать скучно, безтолково, длинно, утомительно. Авторъ все это исполнилъ въ высшей степени совершенно. Можно судить о его искусствѣ и по одному слѣдующему факту: цѣлыхъ два тома (2-й и 3-й) заключаютъ въ

себѣ *одно* письмо Сары, наполненное нелѣпѣйшими и длиннѣйшими разсужденіями обо всемъ на свѣтѣ, отъ хаоса, который, по мнѣнію ея, кто-то считаетъ «родоначальникомъ вселенной», до достоинства сигаръ и ловкости юнкеровъ и пажей... Отвѣты Маргариты на письма своей подруги также длинны въ соразмѣрности.

Характеристика этихъ двухъ подругъ представляетъ для насъ только одно затрудненіе: мы боимся слишкомъ рѣзко выразить негодованіе, возбужденное въ насъ противъ подобныхъ женщинъ романомъ графини Евдокіи Ростопчиной. До того онѣ проникнуты суетностью и чувственностью, до того безсмысленны въ своихъ притязаніяхъ, до того нагло-безцеремонны въ своихъ выраженіяхъ, грязно-сальны въ своихъ шуткахъ! Обѣ онѣ — широкія натуры. Одна изъ нихъ сожалѣетъ, отчего она не мужчина и не можетъ участвовать въ ихъ *бурныхъ* подвигахъ и въ не менѣе бурныхъ развлеченіяхъ. Другая безпрестанно толкуетъ о своей страсти къ разгулу и удали, — признается, что еще въ дѣтствѣ была влюблена въ Макса Пикколомини, и всегда питала особенное сочувствіе къ героямъ въ родѣ Леоне Леони, Ускока и Манфреда. Она ругаетъ неприличными словами современныхъ *гуманистовъ* за то, что они не умѣютъ жить, какъ предки... А предки, говоритъ она, «пили, ѣли, лихо дрались, *лихо любили* (!) и слегли своевременно въ могилу, не клеветавши ни міра, ни жизни, не гнушаясь даромъ Божіимъ... А вы, — продолжаетъ она въ паѳосѣ, — а вы, жалкіе недоноски будущихъ поколѣній, бездольные междуумки», — да и пошла... «Вы, — говоритъ, — и кутить-то не умѣете, какъ предки: ихъ разгулъ былъ размашистѣе и *разгемистѣе* (что она хочетъ этимъ сказать!?); ихъ разврат кипѣлъ какимъ-то блистательнымъ увлеченіемъ, какимъ-то гордымъ безстрашіемъ и великодушіемъ, которыхъ въ васъ нѣтъ... Вы — пигмеи предъ Ловеласами и герцогами Ришельё прошлаго вѣка... Безсиліе и пустота, вотъ ваша сущность»!.. (Т. I, стр. 114.) И послѣ такой грозной филиппики на гуманистовъ она прибавляетъ: «это вопль моего сердца»!.. Немудрено повѣрить, судя по ея исторіи... Всѣ письма этой резонерки Сары Егоровны полны подобныхъ выходокъ противъ *вялости* нынѣшняго поколѣнія, въ пользу кипучести и ухарскихъ замашекъ прежняго времени. Вообще, удаль во всемъ ей нравится, и въ русской тройкѣ, и въ растрепанныхъ волосахъ, и въ пьяной оргіи, и въ дикой цыганской пѣснѣ: таковъ ужъ вкусъ у нея. Интересно разсказываетъ о ея любви къ цыганамъ князь Элимъ Суздальскій, тотъ самый шутъ, который, заботясь о просвѣщеніи крестьянъ, пугается грамотности. На святкахъ, онъ вздумалъ сдѣлать елку для дѣтей Сары Егоровны, а ее собственно захотѣлъ потѣшить цыганами, которыхъ, по его словамъ, и выписалъ изъ Нижняго (и тутъ совралъ, конечно: какіе въ Нижнемъ цыгане, на святкахъ!.. Другое дѣло—въ ярмарку...). И вотъ какое впечатлѣніе произвели на нее цыгане, по разсказу князя Элима. «Вся жизнь ея, вся душа, кажется, перешла въ слухъ и въ какое-то нѣмѣющее ожиданье...

Она ожила, она воскресла; душа ея рвалась и кровь кипѣла въ ней, а я, безъ ея вѣдома, читалъ на лицѣ ея всѣ бѣглыя выраженія живыхъ ея ощущеній и волненій. Яркій румянецъ игралъ на ея щекахъ; глаза блистали, дыханье занималось... нѣсколько разъ обращалась она ко мнѣ, чтобы крѣпко пожать мою руку и горячо благодарить меня за сюрпризъ. Я былъ въ полномъ удовольствіи своего успѣха»!.. (Т. VI, стр. 188.) Не по-русски, но сильно выразился князь Элимъ!..—Здѣсь простой разсказъ доходитъ даже до поэтическаго паѳоса, который можетъ быть сравненъ только развѣ съ увлекательнымъ стихотвореніемъ самой же графини Ростопчиной: «Посѣщеніе цыганскаго табора»...

И такая-то удалая женщина безпрестанно впадаетъ въ проповѣдническій тонъ и толкуетъ о нравственности и о религіозности. По ея понятіямъ, впрочемъ, нравственность состоитъ въ ухорскомъ увлеченіи, а религіозность... Но вотъ, какъ она разсуждаетъ объ этомъ предметѣ. Нынѣ, восклицаетъ она, науки не такъ преподаются; всѣ только и хлопочутъ о томъ, чтобы религію уничтожить... «Кто же виноватъ, если теперь всѣ высшія науки приводятъ къ этому ужасному исходу, если философія, геологія, отчасти исторія громко и безнаказанно (гдѣ же это?) преподаются такъ, что онѣ должны истреблять всѣ зачатки вѣры, всѣ стремленія духовности, если онѣ отрицаютъ идею высшаго начала и *восхваляютъ* (а надо *возбранять?*) вещество!.. Кто виноватъ, если основныя понятія вѣка отвергаютъ все, чему человѣкъ привыкъ вѣрить и поклоняться, и показываютъ грубый хаосъ родоначальникомъ вселенной и первобытной стихіей, изъ которой долженъ былъ образоваться человѣкъ? (Вонъ оно,—куда метнула!.. взявшись не за свое дѣло, безтолковая резонерка зарапортовалась: она и позабыла, что сказаніе о хаосѣ читается въ Книгѣ Бытія, а не въ новѣйшей философіи). Кто жъ виноватъ, что въ нашъ вѣкъ ученые и умные боятся прослыть невѣждами и суевѣрами (желаніе, кажется, довольно естественное!), если они не пытаются итти противъ доводовъ науки и раздѣляютъ мнѣнія высшихъ свѣтилъ, ее проповѣдующихъ»? и т. д. (Т. III, стр. 63—4.) Видите-ли: она думаетъ, что для религіозности необходимо нужно итти противъ науки!.. Тогда, конечно, и религіозность хороша будетъ,—въ родѣ той, какую исповѣдуетъ сама Сара Егоровна. Не угодно ли посмотрѣть, какіе силлогизмы сочиняетъ она, напримѣръ, о Провидѣніи... Разсуждаетъ она совершенно безцеремонно о томъ, кого мужчинѣ легче покорить—женщину или дѣвушку, и заключаетъ:

«Да! всѣ мы, сколько насъ ни есть, всѣ мы прямыя, настоящія дочери Еввы: всѣмъ намъ передала общая праматерь свое тревожное любознанье, свою страстную тоску по запретномъ... Всѣхъ насъ неодолимо тянетъ къ запрещенному плоду. Всѣ мы *должны* вкусить его, чтобъ удостовѣриться въ его горечи, познать наше заблужденіе и раскаяться въ нашей винѣ. Безъ того женщина словно не вполнѣ женщина, не достигаетъ своего совершеннаго развитія. Лучшія изъ насъ непремѣнно прошли эту школу. Пересмотри преданья первыхъ временъ христіанства, перебери исторію среднихъ вѣковъ, византійскія легенды,

записки XVI, XVII и даже начала XVIII ст., ты увидишь, что всѣ строжайшія жилицы монастырей и обителей, все, что убѣгало въ пустыни и спасалось въ уединеньи... было приведено къ мирной пристани только бурею житейской... Всѣ онѣ начали любовью, чтобы кончить покаяніемъ и молитвою. Стало быть, есть-же какая-то тайная сила, которая влечетъ насъ безъ нашего вѣдома и участья къ исполненію нашей участи... Стало быть, пути Провидѣнія неисповѣдимы (стало быть!!!), и оно заранѣе знаетъ цѣль, которой не видятъ наши близорукіе взоры! (стало быть!). Стало быть, нѣтъ силы и нѣтъ воли, которыя могли бы затаиться и укрыться отъ одного изъ первѣйшихъ условій жизни!» (Дѣло идетъ все о томъ же запретномъ плодѣ, который всѣ женщины наслѣдовали отъ праматери Еввы!)... (T. IV, стр. 85.)

Такія безобразныя понятія, призывающія Провидѣніе въ оправданіе своей удали и чувственности, конечно, должны ужасаться движенія здравыхъ философскихъ идей... Помѣшала имъ, видите, геологія съ исторіей: зачѣмъ, дескать, безнаказанно преподаются? А какое наказаніе получили учителя, передавшіе вамъ, Сара Егоровна, скандалезную исторію дебоширствъ всякаго рода и всѣхъ временъ, которую вы такъ подробно и отчетливо знаете, какъ видно изъ вашихъ писемъ?

Та, къ которой обращаются воззванія Сары Егоровны, Маргарита Петровская, тоже — бой-баба и, при размашистости своей натуры, не лишена нѣкоторой экзальтаціи. Она — дѣвушка, но это не налагаетъ на нее какой-нибудь особенной печати: ей уже 30 лѣтъ, она очень опытна и, судя по ея письмамъ, конечно уже не укрылась отъ «одного изъ первѣйшихъ условій жизни». Съ рѣдкою беззастѣнчивостью разсказываетъ она мужчинѣ о томъ, какъ другой мужчина, незваный, ломился къ ней въ комнату и пр... Онъ хотѣлъ, говоритъ она, сдѣлать изъ меня свою Аспазію, свою Эгерію... Какъ будто мало на то лоретокъ? — съ гордостью вопрошаетъ она въ заключеніе. Вообще, лоретки составляютъ любимый предметъ ея разсужденій, и она пишетъ о нихъ даже съ сильными претензіями на юморъ. О свойствѣ ея юмора можетъ дать понятіе слѣдующій примѣръ: «я, конечно, всею душою уважаю и люблю Тихопадскаго, — *но вѣдь только душою*... А матушка и онъ имѣютъ виды и планы гораздо возмутительнѣе для моей независимости и *безопасности*»... Не правда ли, что для письма дѣвушки это каламбурецъ довольно игриваго содержанія?...

Но пора намъ оставить характеристику героинь, и разсказать содержаніе романа, которое раздѣляется собственно на два сосоржанія—исторію Маргариты и исторію Сары, не имѣющія между собою ничего общаго, кромѣ того, что обѣ совершенно нелѣпы. Передадимъ сначала исторію Маргариты: она покороче.

Маргарита, дочь бѣднаго украинскаго помѣщика, воспитывается у княгини Г., своей крестной матери, вмѣстѣ съ дочерью ея, Китти. Она получаетъ блестящее воспитаніе, наравнѣ съ княжной, и вводится въ большой свѣтъ. Тутъ на нее обращаютъ вниманіе, и княжна съ княгиней начинаютъ за то преслѣдовать воспитанницу. Преслѣдованье продолжается два года: она все живетъ

у нихъ, очарованная, какъ сама говоритъ, своими свѣтскими успѣхами. Черезъ два года въ нее влюбляется графъ П. (дѣвица Маргарита Петровская чрезвычайно таинственна: она называетъ только буквами своихъ знакомыхъ князей и графовъ). Она тоже полюбила его... Онъ такъ искусно умѣлъ—говоритъ она—бросать мнѣ намеки о нашей будущности, о своихъ намѣреніяхъ!... Я должна была повѣрить, что эти намѣренія честны и прочны; я повѣрила, я почитала себя невѣстою любимаго и любящаго меня человѣка.

Далѣе слѣдуютъ точки... а еще далѣе графъ П. женится на княжнѣ Китти, извиняясь передъ Маргаритой тѣмъ, что его принудили... Графъ поселяется съ женой въ домѣ княгини Г., и Маргарита остается тутъ же,—хотя и могла бы удалиться къ матери. Черезъ полгода послѣ женитьбы, графъ снова началъ за ней ухаживать, сталъ ожидать ее на лѣстницахъ, преслѣдовать по заламъ и явно, открыто говорить о своей страсти. Она была «глубоко уязвлена», какъ сама говоритъ, и рѣшилась обороняться... Легче всего было бы уѣхать, но тогда не было бы геройства. А ей непремѣнно хотѣлось сценъ, борьбы, страданій, Богъ вѣсть ужъ зачѣмъ ей всей этой дряни было надобно... Она осталась ждать, и дождалась, разумѣется, до того, что однажды, въ отсутствіе жены, графъ забрался въ комнату Маргариты и хотѣлъ сдѣлать изъ нея свою Аспазію... Она не согласилась; но и этотъ урокъ не проучилъ ее. Она все-таки осталась въ этомъ домѣ, да еще пожаловалась на графа дядѣ его — старику Симборскому, отъ котораго графъ ждалъ богатаго наслѣдства. Симборскій влюбился въ нее самъ и сталъ ей оказывать свое вниманіе, а княгиня Г. и Китти опять стали ее преслѣдовать. Она все ждала и дождалась формальнаго предложенія отъ Симборскаго, отъ котораго однакоже отказалась. Самъ графъ совѣтовалъ ей выйти за старика за тѣмъ, что тогда,—объясняетъ она,—онъ надѣялся успѣшнѣе продолжать свое волокитство. Отказавши Симборскому, Маргарита потеряла послѣднюю защиту и подверглась сильнѣйшему гоненію княгини и Китти и новымъ, ужаснѣйшимъ прежняго преслѣдованіямъ со стороны графа. Наконецъ, ужъ тутъ рѣшилась она уѣхать домой,—къ матери... Пожила она съ матерью немножко и отправилась въ Одессу... Тамъ встрѣтила степеннаго помѣщика Тихопадскаго, котораго полюбила душою, и молодого человѣка Краснодольскаго, котораго полюбила сердцемъ. Краснодольскій, какъ само собой разумѣется, былъ образецъ всѣхъ совершенствъ въ глазахъ Маргариты, но ей нельзя было выйти за него, потому что онъ состоялъ уже въ законномъ бракѣ, къ которому принудили его разстроенныя обстоятельства, послѣ слишкомъ сильныхъ кутежей. Онъ въ нее страстно влюбился и пишетъ къ ней письма, ругая въ нихъ жену свою. Она отвѣчаетъ ему въ томъ же родѣ. Между тѣмъ Тихопадскій къ ней сватается; она отказываетъ. Скоро послѣ того умираетъ мать ея, имѣнье идетъ въ раздѣлъ, и у Маргариты ничего почти не остается. Тихопадскій повторяетъ сватовство, Маргарита

снова отказываетъ, чтобы не потерять своей независимости, и идетъ въ гувернантки къ Краснодольскому для воспитанія его дочери. Жена Краснодольскаго знаетъ, безъ всякаго сомнѣнія, ихъ прежнія сношенія и неохотно принимаетъ въ домъ свою соперницу, но не препятствуетъ. Маргарита съ своей воспитанницей поселяется въ отдѣльномъ флигелѣ, куда Краснодольскій каждый вечеръ приходитъ къ ней, и потомъ нерѣдко катаетъ ее по полю на лихой тройкѣ... Такъ проходитъ нѣсколько времени, въ продолженіе котораго Краснодольскій открываетъ связь своей жены съ какимъ-то пройдохою швейцарцемъ и хочетъ съ ней развестись. Маргарита очень рада; но вдругъ Краснодольскаго подстрѣливаетъ на охотѣ собственный егерь, подкупленный его женою, и Маргарита идетъ въ монастырь...

Если бы всѣ эти безразсудства она дѣлала въ простотѣ души, то она была бы просто глупа, и слава Богу, разумѣется. Но она себя выставляетъ какою-то героинею, безпрестанно резонируетъ, толкуетъ о высшихъ стремленіяхъ и потребностяхъ, о непоколебимости на пути добра, и т. п. А между тѣмъ, на каждомъ шагу выказываетъ она жалкое невѣдѣніе самыхъ простыхъ законовъ мышленія и общественной жизни, самое кривое пониманіе добра и зла... Оттого она нелѣпа и каррикатурна до отвратительности во всѣхъ своихъ поступкахъ, которые она считаетъ подвигами добродѣтели и самоотверженія. Напримѣръ, она пренаивно разсказываетъ о своихъ ночныхъ прогулкахъ съ Краснодольскимъ и потомъ прибавляетъ: «*иногда, возвращаясь съ нашихъ прогулокъ*, мы видимъ яркій свѣтъ въ окнахъ боскетной (предполагается, что тамъ сидитъ жена Краснодольскаго и съ нею швейцарскій пройдоха-гувернеръ), и оба останавливаемся невольно, пораженные одною и тою же мыслью. Въ такія минуты я боюсь взглянуть на него... Мнѣ совѣстно и стыдно за этого человѣка, оскорбленнаго во всемъ, что наиболѣе затрогиваетъ самолюбіе и гордость мужчины». Видите ли: ей стыдно за него — не потому, что онъ дѣлаетъ глупости, а потому, что его оскорбляютъ... Да чѣмъ же запоздалая бесѣда въ боскетной, да еще при *яркомъ свѣтѣ*, предосудительнѣе уединенной прогулки въ темнотѣ ночной?... Героическая Маргарита никакъ не хочетъ сообразить, что она произноситъ судъ сама надъ собою же... И подобныхъ выходокъ у ней безчисленное множество... Нельзя не сознаться, что этотъ типъ чрезвычайно удался графинѣ Евдокіи Ростопчиной. Трудно представить поведеніе болѣе легкое при болѣе скучномъ и исполненномъ высокихъ претензій резонерствѣ; трудно представить бо̀льшее отсутствіе здраваго смысла и бо̀льшую пошлость въ увлеченіяхъ... Типъ, еще болѣе исполненный всякихъ несообразностей въ мысляхъ и въ дѣлахъ, могло начертать только то же перо, которое создало образъ Маргариты Петровской. И графиня Евдокія Ростопчина дѣйствительно исполнила это: она изобразила Сару Волтынскую, и въ ея лицѣ, кажется, окончательно исчерпала свою задачу.

Сара получила, должно быть, довольно легкое воспитаніе, вышла очень молоденькая замужъ за Волтынскаго, черезъ нѣсколько лѣтъ овдовѣла и отправилась съ двоими дѣтьми въ свое имѣнье. Здѣсь познакомилась она съ сосѣдками — Фаиной Якимовной и Аграфеной Тихоновной, у которыхъ есть родственничекъ, Александръ Орбиновичъ. Это—малый, способный только бить баклуши, одинъ изъ самыхъ несносныхъ коптителей неба. Онъ годами пятью моложе Сары, и она считаетъ его мальчишкой, на котораго не стоитъ обращать вниманія. Онъ же, при своемъ нравственномъ ничтожествѣ, не имѣетъ даже и внѣшняго лоска, который могъ бы примирить съ нимъ свѣтскую женщину. Онъ застѣнчивъ, неловокъ, необтесанъ, не умѣетъ поддержать самаго пустого разговора. Сара все это замѣчаетъ при первомъ же знакомствѣ и потому цѣлый годъ они не сходятся другъ съ другомъ. Онъ спасаетъ ея утопавшаго сына,—она ему очень благодарна, обращаетъ на него вниманіе, ходитъ за нимъ, когда онъ дѣлается боленъ отъ простуды въ рѣкѣ; но онъ такъ глупо ведетъ себя, что и тутъ все дѣло оканчивается только усиленіемъ въ ней прежняго отвращенія къ дрянному мальчику. До сихъ поръ все шло хорошо; но тутъ начинаются удивительныя приключенія, которымъ никто не повѣрилъ бы, если бы ихъ не засвидѣтельствовала письменно сама Сара Егоровна. Она начинаетъ съ Александромъ сцены, въ которыхъ выходитъ изъ себя отъ негодованія, уязвленнаго самолюбія, и т. п. Но сама она воображаетъ, что одерживаетъ побѣды надъ мальчикомъ, въ своихъ спорахъ съ нимъ, и высокомѣрно утверждаетъ, что проучила его, дала ему урокъ, и т. п. Тѣмъ не менѣе, по просьбѣ тетки, Фаины Якимовны, она соглашается сопровождать Александра въ его прогулкахъ на лихой тройкѣ. Александру, видите, докторъ велѣлъ непремѣнно ѣздить каждый день, а онъ не хочетъ ѣздить безъ Сары. Такъ говоритъ ей Фаина Якимовна, и, разумѣется, Сарѣ нужно много самодовольной глупости для того, чтобы согласиться сопровождать Александра послѣ такого объясненія... Она, однако, соглашается и даже отчасти мирится съ презираемымъ ею мальчикомъ, замѣтивши признаки ухорства въ его умѣньѣ править лошадьми. Вскорѣ затѣмъ пріѣзжаютъ въ сосѣдство двое офицеровъ и навѣщаютъ Сару. Въ одномъ изъ нихъ она по походкѣ узнала бывшаго пажа: у пажей есть что-то особенно ловкое и аристократическое въ пріемахъ, замѣчаетъ она съ обычной своей проницательностью. Черезъ день, она уже называетъ пажа Гришей, катается съ нимъ, проводитъ длинные зимніе вечера. Орбиновичъ, какъ ни пустъ онъ, смекаетъ, однако, что не худо ему показать опять свою удаль: онъ является къ Сарѣ во время ея вечерней бесѣды съ Гришей и съ его товарищемъ, г. Лавровскимъ (который, впрочемъ, не имѣетъ ничего общаго ни съ однимъ изъ извѣстныхъ ученыхъ, братьевъ Лавровскихъ), ведетъ себя совершенно дико и производитъ впечатлѣніе. Впрочемъ, безтолковая во всемъ, Сара скоро забываетъ это впечатлѣніе и про-

водитъ время отъ Рождества и до поста въ танцахъ и катаньяхъ съ Гришей и другими. Орбиновичъ дѣлаетъ ей сцену въ домѣ своей тетушки; она клянется за то никогда не видать его, но потомъ встрѣчается съ нимъ случайно, замѣчаетъ, что онъ вынесъ какую то борьбу, возмужалъ, то есть пріобрѣлъ болѣе ухорское выраженіе, и тутъ—«что-то и охнуло и забилось у ней въ груди»... Это было въ прощальное воскресенье. Чистый понедѣльникъ провела Сара ровно въ какомъ-то оцѣпенѣніи, во вторникъ Гриша простился съ ней, отъѣзжая въ Петербургъ, и вслѣдъ за нимъ явился Александръ, съ словами: «это я... тотъ уѣхалъ... Богъ съ нимъ»... За этимъ неприличнымъ вступленіемъ послѣдовало колѣнопреклоненіе. Сара «нагнулась къ нему, чтобы поднять его, и вмѣсто того обвила руками его шею и очутилась въ его объятіяхъ». Поведеніе Сары Егоровны, высокомудрой, опытной вдовы, было бы совершенно неизвинительно по своей ребяческой безтолковости даже и тогда, когда бы этимъ все дѣло и оканчивалось. Но развязка ея похожденій еще далеко, и чѣмъ дальше, тѣмъ они страннѣе и нелѣпѣе. Кажется, молодая, независимая вдова въ двадцать семь лѣтъ, полюбивши молодого человѣка, котораго тетушка и бабушка давно уже и очень настойчиво намекали ей о свадьбѣ, должна была позаботиться о порядочномъ концѣ своей любви. Но это было бы для нея очень пошло: такъ могутъ поступать обыкновенныя женщины, которыхъ она называетъ чѣмъ-то среднимъ между лоретками и возвышенными существами, и потому «слово бракъ не было между ними произнесено». Онъ былъ бѣднѣе ея, она была старше его, и «взаимная деликатность сковывала уста». Деликатность эта соблюдалась, однако, только относительно формы: на дѣлѣ было не то, и графиня Евдокія Ростопчина съ истинно-художническимъ тактомъ подмѣтила эту черту безтолковой щепетильности Сары, на словахъ, и цинической безцеремонности, на дѣлѣ, заставивъ ее написать слѣдующее:

«Когда Александръ видѣлъ себя любимымъ, когда онъ всякій день проводилъ со мною длинные часы, въ полной короткости и непринужденности, съ него мало было, и высшая отрада раздѣленнаго чувства не наполняла ужъ его мятежнаго сердца... Мужчина страстный и чувственный проснулся вдругъ въ капризномъ ребенкѣ; онъ захотѣлъ полнаго торжества себѣ, полнаго самопожертвованья съ моей стороны... Сердце говорило мнѣ, что одна страсть должна повергнуть женщину въ объятія ея любовника. Упорно и добросовѣстно боролась я, пока стало силъ моихъ. Кромѣ чувства долга у замужнихъ женщинъ, кромѣ отвращенья отъ лжи и предательства, я вѣрю, что у всякой женщины, если она не отродье (?) своего пола, есть еще защитникъ — святой стыдъ! Нѣтъ! не мечта и не заблужденіе, не предразсудокъ, внушенный воспитаньемъ и страхомъ людей, это тайное, это всесильное чувство, которое изъ каждой изъ насъ дѣлаетъ весталку чистаго огня, хранительницу своей чести; это — чувство врожденное намъ, оно выражается въ насъ то боязнью, то отвращеньемъ, даже передъ любимымъ человѣкомъ. Чтобъ побѣдить его, нужно намъ высокое (!) самопожертвованье, нужно, чтобъ женщинѣ послѣднимъ доказательствомъ любви своей усвоить себѣ на вѣкъ осчастливленнаго ею, и выкупить его у всѣхъ соблазновъ жизни. И если часъ мой пробилъ, то это потому, что я съ самой собою думала отдать ему всю жизнь мою»!... (Т. III, стр. 34—35.)

Не взыщите, что Сара Егоровна такъ нескладно выражается по-русски: лучше она не умѣетъ, несмотря на то, что часто толкуетъ вкривь и вкось о русской литературѣ. Оставимъ въ покоѣ ея языкъ; гораздо болѣе любопытны ея слова, какъ образецъ безстыдства, съ какимъ пустая женщина можетъ иногда говорить о стыдѣ. Это все оттого что у ней вмѣсто сердца—чувственность, а вмѣсто нравственныхъ понятій—сентенціи, взятыя на прокатъ.

Жизни своей съ Александромъ, послѣ того, когда «часъ ея пробилъ», Сара не описываетъ, потому что счастья нельзя описывать, говоритъ она, и затѣмъ философствуетъ слѣдующимъ образомъ.

«Попытаюсь выразить мысль мою сравненьемъ. Объяснять свѣтъ труднѣе, чѣмъ объяснить мракъ, принимая въ соображеніе, что есть третье состояніе, которое собственно ни свѣтъ, ни мракъ, какъ бываетъ въ пасмурные дни, когда все въ природѣ тускло и безъ отблеска. Но блеснетъ солнце, и лучи его озолотятъ всѣ предметы, придавая имъ вдругъ и прозрачность, и яркость, и округлость, и сіянье — предметы въ сущности своей не измѣнились, но они озарены: это дѣйствіе свѣта»!... (Т. III, стр. 39.)

Какъ вамъ нравится эта философія, для которой надо принять въ соображеніе, что «есть третье состояніе, которое не есть ни свѣтъ, ни мракъ»... Таковы всѣ разсужденія этой, немножко фривольной, резонерки: всѣ они начинаются съ какихъ-то среднихъ, неопредѣленныхъ отношеній и вращаются около золотой средины, совершенно безцѣльныя и пошлыя. Таковы же и поступки ея. Цѣлыхъ три года она наслаждается съ Александромъ, и попрежнему взаимная деликатность мѣшаетъ имъ заговорить о свадьбѣ. Онъ поступаетъ съ нею какъ мальчишка и ревнуетъ ее ко всѣмъ старикамъ и уродамъ, преслѣдуетъ своимъ гнѣвомъ за всякое неловкое движеніе; а она вдругъ дѣлается предъ нимъ кроткой овечкой, ни слова не смѣетъ сказать ему, мучится, страдаетъ и бѣгаетъ за этимъ мальчикомъ, котораго въ глубинѣ души все-таки презираетъ за его тунеядство, тупую апатію и безтолковость. Но однажды, послѣ сцены съ своимъ возлюбленнымъ, Сара вдругъ, проводивши его, около полуночи, позвонила, созвала весь домъ — дворецкаго, приказчика, няню, весь свой домашній штатъ, — и приказала тотчасъ же готовить все къ отъѣзду въ Москву. «Въ домѣ поднялась тревога», говоритъ она; конечно, старая няня сожалѣла о внезапномъ поврежденіи ея разсудка, а дворецкій увѣрялъ, что она ужъ «съ роду такова». Но Сара, не теряя присутствія духа, среди этой тревоги, сочинила два прощальныхъ письма—къ Александру и къ его теткѣ, которая, говоритъ она, «нетерпѣливо, но съ удивительной скромностью ожидала времени, когда ей будетъ наконецъ позволено назвать меня своею племянницею». Бѣдная старушка не знала оригинальной деликатности резонерки.

Изъ Москвы Сара отправилась въ имѣнье своего свекра, Кирилла Захарьича, въ Саратовской губерніи. Она описываетъ характеръ свекра, главнѣйшимъ образомъ обращая вниманіе на ин-

тимныя отношенія его къ разнымъ дворовымъ «Лавальершамъ, Монтеспаншамъ и Помпадуршамъ», какъ она выражается. Боязнь ли потерять наслѣдство заставляетъ ее такъ подробно толковать о такихъ щекотливыхъ предметахъ, или просто сердечная склонность, рѣшить трудно. Хорошо еще, если первое; но кажется, что въ ней сильны были обѣ эти причины. Такова ея натура, и таково, вѣроятно, было воспитаніе, заставившее ее изучить до малѣйшихъ подробностей скандалёзную хронику временъ Людовика XIV и XV и всѣ дебоширства старинныхъ временъ. Въ старикѣ, свекрѣ Сары, грубомъ самодурѣ, нравится ей болѣе всего «его феодальное уваженіе къ имени, семейству и роду», да еще то, что «онъ рѣшился лучше пожертвовать цѣлою жизнію, чѣмъ подвергнуться мгновеннымъ насмѣшкамъ общества и свѣта». А самопожертвованіе его состояло въ томъ, что, поскользнувшись какъ-то на балѣ, онъ отъ стыда удралъ въ деревню, и оттуда уже никогда въ свѣтъ не показывался, а прожилъ весь вѣкъ съ своими Помпадуршами. Нечего сказать — высокая черта характера! Въ глазахъ такой женщины, какъ Сара Егоровна, Кириллъ Захарьичъ, дѣйствительно, долженъ казаться человѣкомъ съ великой энергіей и силою воли!...

У этого-то слабодушнаго сумасброда знакомится Сара съ княземъ Элимомъ Суздальскимъ, тѣмъ самымъ шутомъ, который боится грамоты и выписываетъ, для удовольствія Сары, нижегородскихъ цыганъ на святкахъ. Она пишетъ къ своей подругѣ, что князь оказываетъ ей свое вниманіе, и это ее безпокоитъ. «Зачѣмъ? что я ему? что онъ мнѣ? — спрашиваетъ она, и прибавляетъ: — онъ честный и благородный человѣкъ, онъ не имѣетъ какой-нибудь дурной, непозволительной цѣли. Онъ ничего не хочетъ отъ меня, кромѣ удовлетворенія какого-то страннаго, капризнаго любопытства на мой счетъ»... Это, не знаемъ почему, напомнило намъ восклицаніе Хлестакова: «нѣтъ, вы этого не думайте: я не беру совсѣмъ никакихъ взятокъ... Вотъ, если бы вы, напримѣръ, предложили мнѣ взаймы рублей триста, ну, тогда совсѣмъ другое дѣло»... Но это въ сторону. Съ Сарой случилось вотъ какое обстоятельство: въ село Кирилла Захарьича явился возлюбленный ея—Орбиновичъ. небритый, не приглаженный, съ измятымъ лицомъ, одѣтый неряхой. Она видитъ его въ первый разъ въ церкви и ужасается. Черезъ нѣсколько часовъ онъ проситъ позволенія видѣть ее, и она, — вы думаете отказывается отъ свиданія? — нѣтъ, она принимаетъ его въ своей комнатѣ, опасаясь, что «иначе онъ подниметъ шумъ въ домѣ». Шумъ, разумѣется, поднимаетъ онъ въ ея комнатѣ, узнавъ, что она его разлюбила и презираетъ. Въ порывѣ бѣшенства, онъ грозитъ показать ея письма къ нему князю Элиму, котораго считаетъ своимъ счастливымъ преемникомъ. Сара страшно изумляется такому мнѣнію, потому что она до сихъ поръ и мысли не имѣла о князѣ Элимѣ, по ея собственному признанію. Она оправдывается передъ Александромъ и прогоняетъ его отъ себя,

а потомъ ложится въ постель, сказавшись больною. Черезъ нѣсколько часовъ входитъ къ ней князь Элимъ, и говоритъ: «Сара Егоровна! вы не больны, вы огорчены; удостойте меня вашего довѣрія». Она и удостоиваетъ, — такъ, ни съ того, ни съ сего. Въ письмѣ къ Маргаритѣ, она, потомъ, обругавъ прежняго возлюбленнаго «*подлецомъ*», увѣряетъ, что какой-то «добрый геній шепнулъ ей ему (Элиму) повѣрить все». И продолжаетъ: «я заглушила въ себѣ голосъ приличій свѣтскихъ (да и всякихъ), — сопротивленіе женской скромности, ложный стыдъ за старые грѣхи... Я вылила всю душу, высказала все сердце. Откуда что бралось»!... (Томъ VII, стр. 111.) Подлинно, что такъ: откуда что бралось! Князь Элимъ, какъ настоящій шутъ, выслушавъ признаніе, ту же минуту самъ дѣлаетъ ей декларацію въ любви, — и она ту же минуту падаетъ къ нему въ объятія, и говоритъ: «да»... Казалось бы, хоть тутъ могъ быть конецъ глупостямъ. Но нѣтъ: на другой день князь Элимъ письменно дѣлаетъ Сарѣ формальное предложеніе; она соглашается, но требуетъ, чтобы ея рѣшеніе оставалось до времени въ тайнѣ!

Князь Элимъ соглашается. Проходитъ два мѣсяца, свекра Сары разбиваетъ параличъ; она ухаживаетъ за старикомъ, и свадьбы быть не можетъ. Вдругъ, черезъ мѣсяцъ еще, получаетъ она отъ тетки Александра письмо, съ извѣщеніемъ, что бабушка его умираетъ и что только пріѣздъ Сары можетъ спасти ее отъ смерти. Сара, все болѣе теряя употребленіе разсудка, бросаетъ все и ѣдетъ. Пріѣхавъ туда, находитъ, что старуха не умираетъ, а просто груститъ по внукѣ, и вызвала Сару затѣмъ, чтобы отправить ее въ Москву за Александромъ, который совсѣмъ отбился отъ рукъ и кутитъ тамъ напропалую. Вы думаете, что она разсердилась на это предложеніе, что человѣческое безуміе не можетъ простираться до согласія на такія вещи? Ошибаетесь: она поѣхала, вмѣстѣ съ теткой Александра, и «отправилась его отыскивать по Москвѣ, *въ полночь*»!... Нашли его гдѣ-то на Плющихѣ, въ домѣ, знакомства съ которымъ мы никакъ не рѣшились бы подозрѣвать въ сочинительницѣ писемъ, столь возвышенно резонирующихъ. Между тѣмъ, описаніе этого дома, его обитателей и пьяной оргіи, въ немъ происходящей, принадлежитъ къ самымъ живымъ и задушевнымъ мѣстамъ романа: несомнѣнно, что Сара Егоровна въ самомъ дѣлѣ хорошо знакома съ подобными жилищами и съ ихъ бытомъ. Въ комнатѣ, куда вошла Сара съ теткой Александра, нѣсколько пьяныхъ встрѣтили ихъ привѣтствіями такого рода: «милости просимъ, красотки! Къ кому же вы? Все равно, пожалуйте!... Мы добрые ребята, съ нами не соскучитесь»... Наши искательницы приключеній доблестно отбились отъ всѣхъ нападеній и заставили наконецъ провести себя къ Александру, хотя имъ и говорили, что «наврядъ ли онъ можетъ видѣть васъ». Онѣ нашли его «въ крошечномъ альковѣ, гдѣ была кровать, на которой сидѣла женщина, очень недурная, но съ наглою, дерзкою физіономіею, носящею

отпечатокъ безнравственности и порока. Подъ ногами у нея была скамейка, на скамейкѣ сидѣлъ человѣкъ въ грязномъ халатѣ, небритый, немытый, нечесанный, и упирался головой на колѣни этой женщины; то былъ Александръ Орбиновичъ»... Онъ былъ пьянъ; но Сара начинаетъ ему проповѣдывать о любви къ теткѣ. Онъ говоритъ, что всѣ женщины равны, лишь были бы хорошенькія, и цѣлуется съ своей Полей, приговаривая, что она — славная дѣвка, стоитъ всякой барыни... Кажется, ясно: Сарѣ надобно хоть сейчасъ отправляться къ своему Элиму. Не тутъ-то было: на другой день она опять является съ теткой къ Александру; Полю выталкиваютъ въ шею за двери, а его перевозятъ на другую квартиру и начинаютъ лѣчить. Сара за нимъ ухаживаетъ. Такое нелѣпое поведеніе наконецъ выводитъ изъ себя самого князя Элима: онъ пишетъ Сарѣ письмо, въ которомъ проситъ ее оставить Орбиновича. Она не слушается, потому что Фаина Якимовна проситъ ее дождаться выздоровленія Орбиновича, а сама, къ довершенію нелѣпости, уѣзжаетъ въ деревню, гдѣ умираетъ бабушка Аграфена Тихоновна. Сара остается одна съ больнымъ, въ отдѣльномъ флигелѣ въ Москвѣ. Князь Элимъ какъ разъ въ это время проѣзжаетъ черезъ Москву въ Петербургъ и, побывавши на дворѣ того дома, гдѣ живетъ Сара съ Александромъ, разспросилъ обо всемъ у дворника и уѣхалъ, чтобы не тревожить Сары, а потомъ прислалъ ей письмо, въ которомъ разсказалъ, что былъ у ней и что черезъ десять дней опять будетъ въ Москвѣ и возьметъ ее съ собой въ деревню. Для этого она должна оставить Орбиновича, ждать его въ гостиницѣ Дрезденъ или у Мореля. Она перебирается въ Дрезденъ, Александръ прибѣгаетъ туда къ ней, грозитъ застрѣлиться, дѣлаетъ страшный скандалъ и падаетъ въ безпамятствѣ. Его оставляютъ въ той же гостиницѣ. Между тѣмъ, князь Элимъ, пробывши въ Петербургѣ дольше чѣмъ расчитывалъ, предположилъ, что Сара уже уѣхала безъ него и, не справившись о ней въ гостиницѣ, уѣхалъ изъ Москвы одинъ. Она узнала объ отъѣздѣ его изъ газетъ и предположила, что онъ ее бросилъ за тотъ скандалъ, какой надѣлалъ съ нею Орбиновичъ. Вышло, видите, взаимное недоразумѣніе, достойное такихъ недоумковъ, какъ Сара и Элимъ. Вообразивши свое несчастіе, Сара рѣшается уже остаться до конца съ Александромъ и проводитъ его въ деревню къ бабушкѣ. Но мелкая душонка ея и тутъ не выдерживаетъ: она начинаетъ мучить и дразнить больного, чтобы выместить на немъ свою досаду. Несмотря на то, черезъ мѣсяцъ бабушка, умирая, проситъ ее выйти замужъ за Александра, и она соглашается!... На другой день Элимъ, провѣдавъ наконецъ, гдѣ она, является къ ней и разрѣшаетъ недоразумѣніе; но уже поздно... Она обручена съ другимъ, при постели умирающей Аграфены Тихоновны. У князя Элима достало столько смысла, чтобы сказать Сарѣ, что это вздоръ, что она можетъ избавиться отъ своего обязательства... Но она пишетъ ему мелодрамное объясненіе, въ которомъ говоритъ: нѣтъ,

Элимъ, нѣтъ князь!... Ужели я обману покойницу, и пр., на двѣнадцати страницахъ. Впрочемъ, это не рѣшимость, а опять только малодушіе; она ищетъ лазейки, надѣется, ждетъ, и еще цѣлый годъ не вѣнчается съ Орбиновичемъ. Наконецъ, она рѣшается на послѣдній шагъ, и то со злости: Орбиновичъ взбѣсился на нее, услыхавъ, что Элимъ ѣдетъ туда, гдѣ они живутъ, и попрекнулъ ее... Она взбѣсилась на Орбиновича и на завтра назначила день свадьбы... Элимъ отправляется путешествовать; Александръ на пятый годъ послѣ женитьбы умираетъ. Сара еще разъ видится съ Элимомъ на бастіонѣ Севастополя, гдѣ онъ былъ раненъ, а она была въ числѣ сестеръ милосердія. — Въ заключеніе авторъ говоритъ: стало быть названіе этой длинной повѣсти не солгано: всѣ дѣйствующія лица *у пристани*, каждый по своему, кто уже въ томъ мірѣ, кто еще въ этомъ, но уже готовый къ тому...

Намъ утомительно было пересказывать эту длинную исторію, въ которой женщина, толкующая о нравственности, о возвышенныхъ чувствахъ и о разумныхъ требованіяхъ, ведетъ себя такъ пошло, безумно и безнравственно... Но тѣмъ сильнѣе наше удивленіе къ искусству автора, умѣвшаго представить такую невообразимую, чудовищную несообразность со здравымъ смысломъ въ поведеніи женщины резонерки, сочиняющей письма въ два тома величиною... И, что всего замѣчательнѣе, авторъ ни на минуту не выпустилъ изъ виду своей роли драматическаго писателя: онъ нигдѣ не высказываетъ своего личнаго воззрѣнія на своихъ героевъ... Напротивъ, онъ до того входитъ въ ихъ положеніе, до того проникается ихъ интересами, что излагаетъ ихъ чувства и убѣжденія совершенно такъ, какъ будто свои собственныя. Несмотря на весь комизмъ водевильныхъ положеній дѣйствующихъ лицъ, несмотря на баснословную глупость и анекдотическую пошлость героевъ, авторъ ни разу не поддался искушенію выставить ихъ искусственно въ комическомъ свѣтѣ... Напротивъ, герои превозносятъ другъ друга совершенно серьезно, безъ малѣйшаго юмора, и даже Сара Волтынская описывается какъ «единственная женщина съ душою свѣтлою и теплою, какъ солнце, твердою и непоколебимою, какъ гранитъ», и пр. Это умѣнье автора—не высказывать своего взгляда на изображаемыя личности—можетъ, пожалуй, опять ввести многихъ въ заблужденіе. Могутъ подумать, судя по тону изложенія, что авторъ серьезно считаетъ свои лица людьми честными, благородными и неглупыми. Это было бы, безъ сомнѣнія, очень грустно для автора, и потому мы думаемъ, что, рѣшившись на такой подробный разборъ романа, оказываемъ автору услугу, ставя читателей на настоящую точку зрѣнія. И кто станетъ на эту точку, тотъ найдетъ въ романѣ графини Евдокіи Ростопчиной неисчерпаемый источникъ комическихъ сценъ, положеній и характеровъ... Забавнѣе Сары Егоровны, съ ея безконечными разглагольствіями, двухъ-томными письмами, обличеніями современныхъ идей, страстью къ ухорству и цыганамъ, мелочностью

и чувственностью, цитатами изъ временъ регенства, противорѣчіями самыми дикими и безтолковыми,—забавнѣе ея мы не знаемъ ни одной женщины въ русской литературѣ. Нѣкоторое слабое ея подобіе представляетъ госпожа Каурова въ пьесѣ: «Завтракъ у предводителя», но не болѣе, какъ слабое. Совершенное же полное и живое выраженіе этого типа представила намъ нынѣ графиня Евдокія Ростопчина.

Сборникъ, издаваемый студентами Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. Выпускъ I. Спб. 1857.

Давно уже въ Петербургѣ носились слухи о «Сборникѣ», предпринятомъ студентами университета. Съ осени прошлаго года, въ кружкахъ, близкихъ къ университету, безпрестанно слышались толки о предполагаемомъ изданіи, изъ котораго одни дѣлали журналъ, другіе—учено-литературный сборникъ, третьи—просто сборникъ студентскихъ диссертацій. Сначала находились скептики, отвергавшіе возможность подобнаго изданія; но 26-го октября 1856 года подано было студентами формальное прошеніе въ Совѣтъ университета, а 30 января 1857 г. вышло разрѣшеніе г. министра народнаго просвѣщенія, касательно изданія студентскаго «Сборника». Не теряя времени, студенты принялись за работу. Немедленно во всѣхъ журналахъ и газетахъ напечатаны были объявленія объ изданіи, повѣщены публикѣ имена редакторовъ, на которыхъ возлагалась отвѣтственность изданія, разосланы во всѣ концы Россіи и даже за-границу особо напечатанныя программы изданія, приглашенія, и пр. Въ одной изъ этихъ программъ было сказано, что «Сборникъ студентскій» хочетъ, между прочимъ, служить отзывомъ на призывъ, обращенный ко всѣмъ студентамъ издателями журнала «Voix des écoles». Это многихъ поставило было въ недоумѣніе относительно характера ожидаемаго студентскаго изданія,—такъ какъ извѣстно, что Voix des écoles» помѣщаетъ у себя школьные анекдоты, игривые разборы сорбонскихъ лекцій, и т. п. Но вскорѣ всѣ успокоились, когда объявлено было, что студентская редакція поступаетъ подъ надзоръ одного изъ профессоровъ М. И. Сухомлинова, извѣстнаго нашего молодого ученаго. Кромѣ того, студенты обращались къ нѣкоторымъ высокимъ особамъ, ученымъ и литераторамъ, съ просьбою ободрить ихъ начинаніе. Такъ обратились они къ С. Т. Аксакову, какъ автору «Семейной хроники» и «Записокъ объ уженьи рыбы и о ружейной охотѣ»,—столь памятныхъ русской публикѣ; такъ обратились они къ Н. И. Пирогову, какъ знаменитѣйшему изъ нашихъ врачей хирурговъ.

Г. Аксаковъ отвѣчалъ, что онъ очень радъ начинанію студентовъ и очень имъ благодаренъ за ихъ вниманіе; г. Пироговъ же написалъ имъ, между прочимъ, слѣдующее: «если вы уже научились имѣть убѣжденія, и если вы уже имѣете убѣжденія, что ваша дѣятельность будетъ полезна, тогда, никого не спрашиваясь, вѣрьте себѣ, и труды ваши будутъ именно тѣмъ, чѣмъ вы хотите, чтобъ они были. Если нѣтъ, то ни совѣты, ни убѣжденія не помогутъ» («Спб.», стр. VI пред.).

Ободренные такимъ образомъ высокимъ вниманіемъ просвѣщенныхъ особъ, студенты, подъ руководствомъ профессора Сухомлинова, приступили къ трудамъ по изданію. Учреждены были сходки студентовъ-редакторовъ черезъ каждыя двѣ недѣли на квартирѣ профессора-редактора, а 20 апрѣля былъ даже большой сходъ въ одномъ изъ залъ университета. Этотъ сходъ удостоенъ былъ посѣщеніемъ нѣсколькихъ любителей и любительницъ просвѣщенія, не принадлежащихъ къ университету. Одна изъ дамъ написала въ редакцію восторженное письмо, которое тоже напечатано въ «Сборникѣ». Письмо полно энтузіазма.—«Я вполнѣ сознала, — говоритъ неизвѣстная дама, — чего можно ожидать отъ всѣхъ этихъ пылкихъ головъ, отъ этихъ орлятъ, пробующихъ крылья... И закралась во мнѣ мысль, что въ журналѣ этомъ скажется слово и за женщину, что захочетъ молодое поколѣніе и въ будущихъ спутницахъ своихъ найти достойныхъ сотрудницъ, потому что вѣдь дѣло вѣковъ поправлять не легко... И позаботится молодое поколѣніе заранѣе научить женщину быть счастливою, основывая свое счастіе на счастьи всѣхъ ее окружающихъ, научитъ женщину сбросить пустую жизнь, убивающую всякую нравственную дѣятельность»... и пр., въ томъ же родѣ... Редакція ничего не прибавляетъ къ этому письму; но уже самое напечатаніе письма служитъ доказательствомъ, что она надѣется, съ своимъ почтеннымъ руководителемъ, исполнить всѣ надежды, высказываемыя восторженною корреспонденткой: иначе къ чему было и печатать ея письмо?

Впрочемъ первый выпускъ, являющійся нынѣ какъ результатъ всего, описаннаго выше, движенія, еще не выполняетъ ни одной изъ этихъ надеждъ. Въ немъ находимъ направленіе скорѣе чисто научное, нежели общественное. Большихъ статей въ первомъ выпускѣ четыре: «О Герберштейнѣ», гг. Григоровича, Корелкина и Новикова (сводъ въ одно трехъ диссертацій); «Теорія наибольшихъ и наименьшихъ величинъ функцій», статья А. Коркина, «Гюлистанъ Саади», статья Ю. Богушевича; «О новгородской судной грамотѣ», статья Ѳ. Панова. Достоинство всѣхъ этихъ разсужденій, какъ студентскихъ трудовъ, не нуждается въ нашемъ сужденіи: всѣ они напечатаны съ одобренія профессоровъ, къ факультету которыхъ относятся. Изъ профессорскихъ отзывовъ, напечатанныхъ въ «Сборникѣ», видно, что за авторами признаны и знаніе источниковъ и пособій, и трудолюбіе, и умѣнье правильно

подбирать данныя, и логическая послѣдовательность, и ясность изложенія. Конечно, нельзя отъ «Сборника» студентовъ ожидать какихъ-нибудь новыхъ плодотворныхъ взглядовъ на науку, замѣчательныхъ открытій, и т. п., — нельзя, кромѣ другихъ причинъ, уже и по самой организаціи изданія, какъ она теперь установлена. Но все же и въ этихъ статьяхъ, составляющихъ вообще не болѣе какъ подробнѣйшее развитіе профессорскихъ лекцій и мнѣній,—гораздо уже болѣе значенія, нежели въ «Трудахъ» разныхъ воспитанниковъ, издававшихся въ былое время другими заведеніями. Тамъ видали мы переводы, въ видѣ критическихъ обзоровъ, перифразы ненапечатанныхъ профессорскихъ записокъ, водяные историческіе разсказы по учебникамъ, да еще развѣ какія-нибудь глоссы, копотливо приведенныя въ алфавитный порядокъ, чѣмъ и ограничивались всѣ многотрудныя соображенія автора. Здѣсь, напротивъ, мы видимъ дѣйствительно, если не настоящую ученость, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое знакомство съ учеными пріемами. Здѣсь же видимъ мы и торжество той школы, которая отвергаетъ общіе взгляды и видитъ настоящую пользу университетскихъ занятій въ изученіи мелочей и частностей. Извѣстно, что есть люди, которые, занесшись слишкомъ высоко, полагаютъ, что юношество, вступающее въ университетъ, достаточно уже запаслось частными знаніями и фактами всякаго рода еще въ среднихъ заведеніяхъ, и что въ университетѣ оно уже должно изучать философію науки; что здѣсь должны господствовать духъ и идея, а буква и всѣ мелочи должны служить только для напоминанія, и потомъ для повѣрки. Эти люди жестоко ошибаются. Гораздо лучше ихъ понимаютъ положеніе нашихъ университетовъ тѣ, которые держатся мнѣнія совершенно противоположнаго. Они совсѣмъ и не думаютъ о какихъ-нибудь взглядахъ, они разсуждаютъ такъ: «если человѣкъ посвятитъ всю жизнь такому-то предмету, то, можетъ быть, и взглядъ какой-нибудь составитъ; а если нѣтъ, то на что ему взгляды? Будетъ только судить и рядить, не понимая дѣла. Пусть же лучше займется какъ слѣдуетъ, основательно». И на этомъ основаніи, вмѣсто философіи языка, читается просто перечень всѣхъ корней словъ въ языкѣ, или пространно толкуется о разныхъ тонкостяхъ правописанія, напримѣръ, съ большой или маленькой буквы писать прилагательныя, произведенныя отъ именъ собственныхъ. Вмѣсто обзора исторической жизни, останавливаются, по нѣсколько лекцій, на томъ, что значитъ какой-нибудь аористъ вмѣсто прошедшаго совершеннаго въ какомъ-нибудь греческомъ источникѣ. Вмѣсто характеристики писателя, представляютъ полное собраніе достовѣрныхъ, но разнорѣчащихъ свидѣтельствъ о томъ, какого числа онъ родился, на какомъ году написалъ первое стихотвореніе и на какой улицѣ жилъ передъ смертью. Въ такомъ же родѣ даютъ труды и студентамъ: сличить два изданія древняго памятника, подвести варіанты къ изданію по рукописи, сдѣлать сводъ всѣхъ свидѣтельствъ, въ которыхъ упоминается такое-то имя,

и т. п. Студенты работаютъ и, отвыкая отъ безплодныхъ высшихъ взглядовъ, пріучаются къ серьезному, основательному труду, начинаютъ находить вкусъ въ занятіяхъ и пріобрѣтаютъ усидчивость и ту примѣтливость къ мелочамъ, которая такъ необходима истинному ученому. Правда, при такомъ направленіи грозитъ имъ опасность остаться при однѣхъ мелочахъ; но это, собственно, не бѣда: все-таки хоть что-нибудь да есть, вмѣсто пустоты общихъ взглядовъ. Намъ могутъ возразить, что самое тщательное, мелочное изученіе предмета можетъ быть помирено съ живымъ и широкимъ взглядомъ на него. Но такое примиреніе нужно будетъ предоставить уже истинно ученымъ, какихъ у насъ крайне мало, а не студентамъ нашихъ университетовъ, для которыхъ лѣтописи и Мишле, варіанты ериковъ въ древнихъ спискахъ и Вильгельмъ Гумбольдтъ — вещи рѣшительно несовмѣстимыя. Если наши студенты будутъ рѣшаться на высказыванье собственныхъ общихъ взглядовъ, то обнаружатъ только бѣдность своихъ знаній и безсиліе своей мысли, которая весьма легко скрывается при занятіи частностями предмета. Напримѣръ, гг. Григоровичъ, Корелкинъ и Новиковъ представили сводную диссертацію свою о Герберштейнѣ. Все, что говорятъ они, не ново со времени Аделунга и Карамзина. Сначала идетъ біографія Герберштейна, составленная по сочиненію Аделунга; далѣе разбирается достовѣрность извѣстій Герберштейна о Россіи и перебираются лица, сообщавшія ему свѣдѣнія, разсматриваются обстоятельства, которыхъ онъ былъ очевидцемъ, приводятся древніе памятники, бывшіе у него въ рукахъ. Все это не болѣе, какъ подробнѣйшее развитіе разныхъ намековъ и указаній Карамзина, съ добавленіемъ кое-какихъ свѣдѣній, добытыхъ послѣ него нашими учеными. Но все же здѣсь видно трудолюбіе и внимательное изученіе предмета, какъ напримѣръ въ томъ отдѣлѣ, гдѣ диссертація слѣдитъ за Герберштейномъ, въ его изложеніи русской исторіи, и указываетъ подробнѣйшимъ образомъ, гдѣ онъ не понялъ лѣтописи, гдѣ сократилъ ея разсказъ, гдѣ измѣнилъ, гдѣ прибавилъ свое слово. При такомъ строго ученомъ слѣдованіи, трудно по крайней мѣрѣ впасть въ заблужденіе. Можно, конечно, дѣлать ошибки и тутъ, но и ошибки эти могутъ быть только такого свойства, что будутъ доказывать развѣ недостатокъ сообразительности и ограниченность круга зрѣнія автора. Совсѣмъ другое дѣло — статья г. Ю. Богушевича о Гюлистанѣ, въ которой авторъ широко раскидываетъ свои взгляды, выдавая за новость, что на Востокѣ умственный застой и что исламъ ниже христіанства. Съ этими высокими взглядами г. Богушевичъ добился только того, что и профессоръ (г. Березинъ) замѣтилъ въ немъ недостатокъ историческаго изученія, и даже редакція «Сборника» сама сознавалась, что статья «не выдерживаетъ исторической критики». Да еще и это все куда бы ни шло. Вышло нѣчто, еще болѣе неудачное: въ своемъ задорномъ стремленіи доказать зловредность ислама, г. Богушевичъ, исто-

щивши всѣ силы своей мыслительной способности, прибѣгъ къ пособію реторики, которая увлекла его къ тирадамъ въ родѣ слѣдующей.

«Послѣ первыхъ вѣковъ бурной жизни, когда исламъ разливался кровавою лавою, съ быстротою и неудержимостью горнаго весенняго потока, потрясая умы своимъ палящимъ фанатизмомъ и возбуждая ихъ къ новой жизни и дѣятельности, — послѣ этихъ первыхъ вѣковъ, когда страшный потокъ разлился въ разныя стороны и потерялъ единство своей идеи и цѣли, все застыло и превратилось, подобно лавѣ, въ твердую, почти безжизненную, бѣднопроизводительную массу, такъ что тотъ же исламъ, который прежде двинулъ Востокъ такъ далеко впередъ, на извѣстныхъ предѣлахъ остановилъ его, повисъ надъ нимъ неодолимою судьбою и надолго запечатлѣлъ его роковою печатью неподвижности» (стр. 181).

Подобныя тирады бываютъ роковыми для ихъ авторовъ: трудно ужъ подняться хоть сколько-нибудь въ глазахъ читателя, сунувши ему въ глаза такихъ десять строчекъ. Онъ ужъ все такъ и будетъ думать: «да нѣтъ, — это все какая-то нескладная аллегорія. Лава, кровь, весенній потокъ съ палящимъ фанатизмомъ, теряющій единство своей цѣли и вдругъ повиснувшій судьбою. Нѣтъ, это все не клеится. Вѣрно, и всѣ взгляды автора таковы же». И читатель будетъ имѣть право дѣлать такое сужденіе, потому что отъ всякаго, кто пускается въ высшіе взгляды, всегда требуются не громкія фразы, а ясное, отчетливое убѣжденіе, которое въ изложеніи должно быть доведено до простоты и осязательности факта. Для такого изложенія нужно въ самомъ дѣлѣ овладѣть предметомъ, и вотъ почему мы говоримъ, что для нашихъ студентовъ гораздо выгоднѣе заниматься разработкой частностей, нежели пускаться въ общіе обзоры. Тамъ можно и не доглядѣть многаго, и обойти многое—бѣды не будетъ. Напримѣръ, возьмемъ хоть ту же диссертацію о Герберштейнѣ: несмотря на подробный разборъ содержанія его записокъ, несмотря на множество ученыхъ сличеній, читатель, по прочтеніи всей диссертаціи, остается въ полномъ недоумѣніи относительно внутренняго характера Герберштейновыхъ записокъ, относительно его понятій, взглядовъ и убѣжденій. Авторы говорятъ, что это былъ мужъ ученый, добросовѣстный, любознательный, и т. п., но существа его характера, его мнѣній не объясняютъ нисколько. Двухъ страницъ, конечно, достаточно было бы, чтобы дать полную, живую отчетливую характеристику Герберштейна; но эти двѣ страницы должны бы были потребовать несравненно болѣе предварительнаго труда и учености, чѣмъ сколько ея потрачено на всю диссертацію, тремя авторами совокупно. Всякій понимаетъ это и не требуетъ невозможнаго. Читатель, по прочтеніи диссертаціи, спрашиваетъ себя: что же этотъ Герберштейнъ, — приближается ли онъ къ флетчеровскому роду, или представляетъ что-то въ родѣ «Путешествія по Святымъ мѣстамъ русскимъ»—или «Странствія въ Малороссію», князя

Петра Шаликова? Но отвѣта на такой вопросъ никто уже не станетъ требовать отъ студентовъ, видя, что они, съ своей стороны, разсмотрѣли данныя совершенно другого рода, бывшія имъ болѣе по силамъ. Это обстоятельство можетъ быть даже полезно: иной читатель, послѣ статьи о Герберштейнѣ, обратится самъ къ его запискамъ и прочтетъ переводъ ихъ, начало котораго напечатано въ первомъ же выпускѣ «Сборника». Вотъ о переводѣ нельзя не сказать, что это дѣло полезное. Жаль, что студенты не взялись за это дѣло въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Если бы они даже весь свой «Сборникъ» наполнили переводами иностранныхъ произведеній, по чему-нибудь замѣчательныхъ, то, конечно, ни отъ кого не услышали бы ничего, кромѣ благодарности. Именно такого рода труды всего болѣе удобны для студентовъ.

Кромѣ большихъ статей, въ «Сборникѣ» напечатано еще нѣсколько мелкихъ библіографическихъ замѣтокъ о Новиковѣ, Воейковѣ, и пр. Здѣсь напечатанъ, между прочимъ, «Сумасшедшій домъ», Воейкова. Остальное все составляетъ перепечатку изъ разныхъ старинныхъ изданій. Мы не считаемъ слишкомъ драгоцѣнными подобныя случайныя перепечатки и замѣтки. Особенной занимательности для всей публики такія мелкія указанія имѣть не могутъ, для библіографа же едва ли составятъ большое облегченіе. Пройдетъ пять, десять лѣтъ, и нынѣшнія изданія также будутъ старыми. Библіографъ, занимающійся хоть литературой двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, пересмотритъ тогдашніе журналы и альманахи, и его дѣло сдѣлано. А тутъ, между тѣмъ, подвертываются еще несносные журналы пятидесятыхъ годовъ, въ которыхъ тоже напечатаны замѣтки о тогдашней литературѣ. Нужно рыться и въ нихъ, и на это, пожалуй, пойдетъ труда еще больше, чѣмъ на самое дѣло. А окажется, что здѣсь только перепечатано то же самое, что было въ журналахъ двадцатыхъ годовъ. Пора бы нашимъ библіографамъ понять, что ихъ труды получаютъ нѣкоторое значеніе только при массѣ свѣдѣній и что отрывочныя, мелкія указанія вовсе и не стоитъ выпускать на божій свѣтъ, за тѣмъ только, чтобы они, затерянныя въ старыхъ изданіяхъ, еще разъ затерялись въ новыхъ. Совсѣмъ другое — указатели или сборники довольно значительныхъ размѣровъ: тѣ могутъ замѣнять сотни томовъ, въ тѣхъ можно всегда навести нужную справку. А то, что бы было, если бы журналы принялись, напримѣръ, печатать въ Смѣси хоть областныя слова и пословицы, да и помѣщали бы по десятку словъ да по парѣ пословицъ въ каждой книжкѣ? А что еще, если бы собиратели этихъ словъ стали гордиться своими трудами и придавать имъ важное значеніе для науки?

Въ заключеніе, не можемъ не замѣтить въ «Сборникѣ» статьи г. Богушевича: «Новое предпріятіе нашихъ студентовъ». Это предпріятіе касается сочиненія и изданія учебниковъ по восточнымъ языкамъ, т. е. грамматикъ, словарей и хрестоматій. Всѣхъ изданій насчитано 36. Дѣло еще остается «пока мыслью», по выраженію

г. Богушевича; но онъ выражаетъ твердую увѣренность, «что мыслью оно останется недолго». Мы, съ своей стороны, не можемъ оставить безъ вниманія стремленіе г. Богушевича сообщать русской публикѣ какъ можно поспѣшнѣе обо всемъ, что думаютъ и о чемъ толкуютъ его товарищи въ своемъ кружкѣ.

Въ лѣтописи внутренней жизни университета говорится всего болѣе объ изданіи «Сборника». Тутъ сообщаются тѣ самыя свѣдѣнія, которыя мы изложили въ началѣ нашей рецензіи. Но самое интересное здѣсь—таблица числа студентовъ въ университетѣ за послѣднія 20 лѣтъ. Въ 1835 году было всего 200 студентовъ, и съ каждымъ годомъ число это увеличивалось до 1848 г., когда ихъ было уже 650. Но въ 1849 г. число студентовъ вдругъ упадаетъ до цыфры 503, а въ 1850 г. до 387. Съ этихъ поръ идетъ довольно ровно до 1855 года, никогда не доходя до 400. Въ 1856 г. опять увеличивается до 478, а въ 1857 г. до 600. Это одинъ изъ знаменательныхъ фактовъ, краснорѣчиво свидѣтельствующихъ о томъ, какъ сильно сдѣлалось у насъ въ послѣдніе годы сознаніе необходимости просвѣщенія.

Библіотека римскихъ писателей въ русскомъ переводѣ. Томъ I—сочиненія Саллюстія; томы II и III—сочиненія Юлія Цезаря. Перев. съ латинскаго А. Клеванова. Москва. 1857.

Въ недавнее время громко заговорили у насъ о бѣдности нашей переводной литературы и о необходимости имѣть хорошіе переводы классическихъ сочиненій по разнымъ отраслямъ знаній. Необходимость эта такъ велика и такъ очевидна, что сознаніе ея выразилось съ разныхъ сторонъ почти въ одно и то же время, безъ всякаго предварительнаго соглашенія. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, полно и основательно былъ разсмотрѣнъ этотъ вопросъ В. И. Ламанскимъ, считающимъ недостатокъ переводовъ значительнымъ препятствіемъ къ распространенію у насъ просвѣщенія. Въ самомъ дѣлѣ, мы какъ будто нѣсколько отстали отъ умственной жизни другихъ народовъ въ послѣдніе два десятка лѣтъ. До тридцатыхъ годовъ у насъ еще печатались, время отъ времени, переводы замѣчательныхъ иностранныхъ сочиненій. Но съ начала четвертаго десятка нынѣшняго столѣтія переводная дѣятельность замѣтно слабѣетъ и вскорѣ совершенно упадаетъ, обратившись чуть не исключительно на переводы французскихъ водевилей и романовъ Поль-де-Кока, и затѣмъ Александра Дюма и Поля Феваля. Беллетристика пробавлялась ихъ затѣйливыми созданіями, нимало

не заботясь о существованіи въ иностранныхъ литературахъ истинно поэтическихъ произведеній, еще незнакомыхъ русской публикѣ. Наука же шла у насъ во все это время какъ-то своеобразно. Ученые наши сдѣлали изъ науки какую-то принадлежность касты и не иначе открывали ея таинства, какъ только посвященнымъ. Первымъ же условіемъ посвященія было занятіе подлинными источниками,—и новопринятые адепты клялись, надъ фоліантомъ Остромирова евангелія или надъ крошечнымъ изданіемъ Геродота, что они не будутъ профанировать науки, никому не откроютъ ключа къ ея іероглифамъ, будутъ заниматься не общими результатами, любопытными для всѣхъ, а только частными задачами, понятными лишь для записныхъ ученыхъ и, главное, всегда будутъ отуманивать читателя тьмою цитатъ, приведенныхъ въ подлинникѣ, на разныхъ языкахъ... Кто отступалъ отъ правилъ ученой касты, кто старался прояснить взглядъ общества на предметы науки, того закидывали грязью,—не только при жизни, но даже и по смерти,—увѣряя, что онъ самъ ничего не зналъ и совершенно лишенъ былъ способности быть ученымъ. Почтенные представители науки уподобились у насъ средневѣковымъ католическимъ монахамъ, запрещавшимъ народу читать библію и не дававшимъ ему даже подробнаго и яснаго катехизиса. «Что намъ за дѣло до необразованной русской публики,—говорили ученые:—мы хотимъ итти наравнѣ съ вѣкомъ, хотимъ двигать науку впередъ. Я, напримѣръ, знаю греческій языкъ и могъ бы предпринять переводъ греческихъ историковъ; но это уже будетъ профанація ученаго званія... Гораздо приличнѣе будетъ для меня заняться разборомъ трехъ сомнительныхъ строчекъ у такого-то писателя: если я разрѣшу сомнѣніе, то двину науку впередъ, на меня будутъ ссылаться, мое мнѣніе будетъ принято въ ученомъ мірѣ... Для этого стоитъ посидѣть нѣсколько лѣтъ... А одобреніе публики ничего для насъ не значитъ: пусть просвѣтится прежде,—тогда и будетъ для нея понятно значеніе нашихъ трудовъ». И, что всего забавнѣе, эти добродушные люди въ самомъ дѣлѣ вѣрили въ высокое значеніе своихъ трудовъ, были наверху блаженства отъ сознанія собственнаго величія, и говорили даже съ благороднымъ негодованіемъ и сокрушеніемъ сердечнымъ о необразованности общества, которое, восхищаясь какимъ-нибудь профессоромъ-артистомъ, не замѣчаетъ ученаго крохобора,—несмотря на необычайную силу его терпѣнія и трудолюбія. Ни дать ни взять — Крыловскій муравей на базарѣ!... Только наши муравьи были еще замысловатѣе: задумавши показывать людямъ свою силу, они сочинили—легко сказать—русскую науку!.. Не надо, дескать, намъ иноземщины, не надо чужихъ идей и взглядовъ, а надо постараться, во что бы то ни стало, сочинить народное воззрѣніе,—не такое, какое у насъ ужъ сложилось естественно, подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ,—а какое-нибудь особенное, небывалое въ человѣчествѣ... Если же и придетъ нужда неминучая отъ иноземцевъ что-нибудь позаимство-

вать,—такъ и тутъ надобно принимать все чужое не иначе, какъ «пропустивши его сквозь струю русскаго духа»... Теперь это направленіе уже ясно высказалось и опредѣлилось и—слава Богу, разглагольствуетъ себѣ, никому не мѣшая и даже, своимъ открытымъ выраженіемъ, смущая нѣсколько тѣхъ, которые исподтишка и рады бы его попридержаться... Прежде же было гораздо хуже: о русской наукѣ и о стараніяхъ двигать ее впередъ толковали многіе совсѣмъ не по приверженности къ славянофильству, а просто въ видахъ сохраненія собственнаго ученаго величія, въ интересахъ касты, мрачно-недоступной для празднаго любопытства черни дерзкой и непросвѣщенной. При столь высокихъ понятіяхъ о наукѣ и столь низкомъ взглядѣ на общество—до переводовъ ли было! Въ видахъ собственнаго возвеличенія, даже пріятно было держать публику въ невѣдѣніи о всемъ, что сдѣлано и дѣлается на этомъ гніющемъ Западѣ. Зачѣмъ ей слишкомъ много любопытствовать! Много будетъ знать, такъ скоро состарится и, сдѣлавшись опытнѣй, потеряетъ, пожалуй, прежнее уваженіе къ нашимъ авторитетамъ, сама станетъ судить да рядить не хуже нашего. Пусть же лучше остается публика только при томъ, что мы скажемъ, пусть на все смотритъ нашими глазами, пусть судитъ обо всемъ на основаніи воззрѣній, нами выработанныхъ. Мы заподозримъ Англію въ помѣшательствѣ, слѣды татарскаго ига назовемъ основными стихіями русской жизни, увѣримъ, что величайшій философъ на свѣтѣ—Сковорода, лучшій экономистъ—авторъ Домостроя, къ которому немножко приближается Жанъ Батистъ Сэ, и т. д. Публика будетъ вѣрить: она вѣдь необразована, она не знаетъ ни англійскихъ публицистовъ, ни германской философіи, ни разныхъ школъ политической экономіи.

Такова оказывается сущность воззрѣнія тѣхъ, которые, по какимъ бы то ни было соображеніямъ, становились стражами русскаго общества отъ заразы западныхъ идей... Эти люди, толкуя о серьезности научнаго образованія, и т. п., помогали, можетъ быть сами не замѣчая, тѣмъ обскурантамъ, которые именно старались лишить русское общество всякой возможности судить о чемъ нибудь самостоятельно, не спрашивая мнѣнія издавна-признанныхъ авторитетовъ. И въ самомъ дѣлѣ, не было общенія идей съ Западомъ, посредствомъ литературы,—и русская мысль облѣнилась, бросилась на какіе-то призрачные, абстрактные вопросы, стала разбиваться по мелочи, обратившись къ орѳографіи, и т. п.; проснулась русская мысль,—и тотчасъ чувствуется необходимость познакомиться съ тѣмъ, что выработала западная наука. И сознаніе это не есть легкомысленное стремленіе—схватить поскорѣе вершки, взять готовые результаты изъ новыхъ книжекъ. Напротивъ—вмѣстѣ съ желаніемъ узнать труды новѣйшихъ ученыхъ—является также и потребность познакомиться съ самыми источниками, изъ которыхъ они черпали свои положенія, разсмотрѣть ближе тѣ основанія, на которыхъ они утверждали свои выводы. Это неизбѣжно соединяется

всегда съ расширеніемъ круга зрѣнія, происходящимъ отъ знакомства съ общими результатами науки. Стоитъ припомнить здѣсь конецъ прошлаго и начало нынѣшняго столѣтія; русская мысль работала сильно, общество жадно искало истины, просвѣщенія, — и въ отвѣтъ на эту потребность является, въ царствованіе Екатерины и Александра (особенно въ первые годы), такое множество переводовъ, какого не представляетъ ни одинъ изъ послѣдующихъ періодовъ русской литературы... Тогда все переводилось, что только было замѣчательнаго въ какомъ-нибудь отношеніи. Не довольствовались доморощенными курсами философіи или краткимъ очеркомъ ея исторіи, а переводили и Платона, и даже Руссо, Вольтера и Даламбера; не ограничивались знаніемъ существующихъ постановленій, а переводили (не говоря о классическихъ сочиненіяхъ, какъ наприм. Бентама, Монтескьё и пр.) даже постановленія Юстиніана, положенія англійской конституціи, и т. п. Тоже было и относительно исторіи. Замѣчательные курсы исторіи, разсужденія, изслѣдованія переводились въ количествѣ весьма значительномъ; но этого мало: большая часть источниковъ историческихъ также была переведена. Такъ, изъ древнихъ авторовъ переведены были Геродотъ, Ксенофонтъ, Плутархъ, Полибій, Діодоръ Сицилійскій, Саллюстій, Цезарь, Тацитъ, Светоній, Корнелій Непотъ, Іосифъ Флавій и мн. др. И, конечно, переводы эти не оставались безъ читателей и, слѣдовательно, имѣли вліяніе на распространеніе знаній, на возбужденіе охоты къ изученію историческихъ фактовъ, и т. д. Это доказывается какъ самымъ обиліемъ переводовъ, такъ и тѣмъ, что нѣкоторые писатели были почти въ одно время переведены два раза (напр. Тацитъ въ 1805 и 1807 г.; Светоній въ 1776 и 1794), другіе издавались въ разныхъ видахъ, — то полнѣе, то сокращеннѣе (напр. Плутархъ), третьи выдерживали по нѣсколько изданій (напр. Светоній—2, Флавій—4). Теперь эти переводы исчезли изъ книжныхъ лавокъ; да и читать-то ихъ уже трудно: младшимъ изъ нихъ есть уже лѣтъ пятьдесятъ, а старшимъ будетъ за восемьдесятъ. Многіе изъ нихъ труднѣе понимать, чѣмъ самый подлинникъ. Это обстоятельство давно уже вызывало дѣятельность людей, знакомыхъ съ классическими литературами; но до послѣдняго времени, сколько мы знаемъ, только Ѳукидидъ и Ксенофонтъ были переведены у насъ, около 1840 г., въ «Военной библіотекѣ». Нынѣ, вмѣстѣ съ пробужденіемъ общаго стремленія къ просвѣщенію и къ распространенію круга знаній въ обществѣ, пробудилась и переводная дѣятельность, и нынѣ, какъ и всегда, она не ограничивается передачею послѣднихъ результатовъ науки, но старается ознакомить съ самыми источниками, съ самыми данными, изъ которыхъ выработались эти результаты. Такъ, новыя историческія сочиненія переводятся въ большомъ количествѣ: въ журналахъ нашихъ помѣщаются переводы изъ Маколея, изъ Грота; въ Москвѣ издается переводъ римской исторіи Момсена, готовится переводъ Гизо; въ Петербургѣ предпринимается цѣлое изданіе «Исторической библіо-

теки»... Въ то же время не забывается и древне-классическая литература: печатаются переводы трагиковъ, философовъ, безпрестанно появляются переводы лирическихъ стихотвореній древности, издаются, наконецъ, и переводы историческихъ сочиненій. Теперь вышли уже три книги, составляющія начало обширнаго изданія «Библіотеки римскихъ писателей въ русскомъ переводѣ», предпринятаго г. Клевановымъ. Въ этихъ книгахъ помѣщены сочиненія Саллюстія и Юлія Цезаря, за которыми должны вскорѣ послѣдовать переводы Тита Ливія, Цицерона и Тацита. Нельзя не поблагодарить переводчика за этотъ выборъ, доказывающій, что онъ хорошо понимаетъ, что теперь особенно нужно и интересно для нашей публики. Саллюстій и Цезарь—современники и дѣятели одной изъ интереснѣйшихъ эпохъ римской исторіи, и событія, описанныя ими, имѣютъ особенно важное значеніе. Записки Цезаря, о внутренней войнѣ, служатъ какъ бы продолженіемъ сочиненія Саллюстія о заговорѣ Катилины. Исторія войны югуртинской, бросая яркій свѣтъ на эпоху немножко предшествовавшую, служитъ поясненіемъ послѣдующихъ событій, разыгравшихся во время Цезаря. Если прибавить сюда рѣчи Цицерона, этого геніальнаго софиста и краснобая безъ всякаго убѣжденія въ душѣ, то послѣднее время римской республики весьма опредѣленно обрисуется передъ нашими глазами. Переводчикъ, очевидно, имѣлъ въ виду эту связь между сочиненіями избранныхъ имъ авторовъ: въ первомъ томѣ, въ дополненіе къ сочиненіямъ Саллюстія, онъ помѣстилъ также переводъ рѣчей Цицерона противъ Катилины, рѣчи Саллюстія и Цицерона другъ противъ друга и письма Саллюстія къ Цезарю,—хотя эти послѣднія рѣчи и письма доселѣ признаются сомнительными. Изъ этихъ приложеній достаточно ясно видны взаимныя отношенія трехъ знаменитыхъ писателей и государственныхъ людей Рима. Для большей полноты свѣдѣній, переводчикъ приложилъ еще жизнеописаніе Саллюстія, составленное имъ по сочиненію де-Бросса, и біографію Цезаря, сочиненную Светоніемъ. Въ біографіи Саллюстія замѣчательно мнѣніе, высказываемое о значеніи Катилины. Г. Клевановъ говоритъ, что историкъ заговора Катилины не умѣлъ понять его характера, и называетъ дерзкаго заговорщика «жертвою благородныхъ стремленій». Мнѣніе это прямо противорѣчитъ общепринятому убѣжденію, что Катилина задумалъ произвести возмущеніе изъ видовъ самыхъ гнусныхъ, для поправленія своего состоянія и для пріобрѣтенія большей свободы развратничать... Лѣтъ пять тому назадъ, въ «Пропилеяхъ» помѣщена была статья г. Бабста о Саллюстіи, въ которой авторъ, согласно съ общимъ мнѣніемъ, утверждаетъ, что катилинское возмущеніе произвела самая грязная и преступная часть римской аристократіи, въ надеждѣ возобновить грабежи и проскрипціи временъ Суллы. Трудно дѣлать рѣшительное заключеніе о событіи, переданномъ намъ довольно односторонно, въ показаніяхъ торжествующей партіи. Саллюстій, съ первыхъ же строкъ, рисуетъ Катилину развратнымъ негодяемъ, стре-

мившимся ловить рыбу въ мутной водѣ; Цицеронъ, личный врагъ Катилины, съ какою-то злобною радостью рисуетъ его самыми черными, отвратительными красками. При всемъ томъ, многое въ самомъ разсказѣ Саллюстія и даже въ обличеніяхъ Цицерона даетъ поводъ соглашаться съ тѣмъ мнѣніемъ, которое высказано у насъ въ первый разъ г. Клевановымъ. Полагая даже, что историкъ Катилины былъ совершенно безпристрастенъ и добросовѣстенъ въ изложеніи фактовъ, мы можемъ изъ многихъ представленныхъ имъ данныхъ вывести благопріятныя для Катилины заключенія. Даже обвиненія Цицерона въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приводятъ къ той же мысли. Катилина былъ, конечно, человѣкъ разгульнаго поведенія, какъ былъ самъ Саллюстій, какъ былъ Цезарь и другіе государственные люди Рима, которыхъ историки вовсе не считаютъ извергами. Катилина промотался и принялся искать средствъ поправить свое состояніе, — это правда. Но не забудемъ, что онъ былъ преторомъ въ Африкѣ и ничего не нажилъ, тогда какъ историкъ его, во время своего проконсульства въ той же провинціи, пріобрѣлъ несмѣтныя сокровища и жилъ никакъ не скромнѣе несчастнаго заговорщика. И Саллюстій и Цицеронъ (въ третьей рѣчи) согласно говорятъ, что Катилина пріучилъ себя ко всевозможнымъ лишеніямъ, умѣлъ проводить ночи безъ сна и въ трудахъ, легко переносить холодъ, голодъ и жажду. Такой человѣкъ совсѣмъ не похожъ на изнѣженнаго мота, который ищетъ только комфорта и для него готовъ пожертвовать благомъ родины. Развратъ въ домѣ Катилины и въ кружкѣ его пріятелей былъ, безъ сомнѣнія, предосудителенъ; но, съ одной стороны, молва легко могла преувеличивать его, въ чемъ сознается и самъ Саллюстій; съ другой стороны, кто же изъ тогдашнихъ римлянъ могъ похвастаться чистотою своихъ нравовъ; изъ всѣхъ замѣчательныхъ дѣятелей той эпохи только имя Марка Порція Катона сохранилось безукоризненнымъ. Тотъ же Саллюстій, столь строго осудившій Катилину, обличается Цицерономъ какъ бичъ всѣхъ мужей, и самъ, въ свою очередь, на Цицерона, такъ страшно возстававшаго на безнравственность Катилины, бросаетъ обвиненіе въ томъ, что онъ «свое ораторское искусство купилъ у М. Пизона постыдною цѣною»... Что Римъ въ то время наполненъ былъ негодяями безъ всякихъ убѣжденій, готовыми на всякую мерзость, лишь бы пожить весело, въ этомъ никто не сомнѣвается. Нечего говорить и о томъ, что всякій человѣкъ, выходящій изъ уровня посредственности, старался пользоваться этими людьми и употреблялъ ихъ для своихъ цѣлей. Мы знаемъ, что Марій набиралъ подъ свои знамена всякую сволочь, Сулла ограждалъ себя людьми, вмѣстѣ съ которыми онъ наслаждался своими танцовщицами въ разгульныхъ оргіяхъ; лагерь Помпея, во время борьбы его съ Цезаремъ, былъ убѣжищемъ всѣхъ промотавшихся развратниковъ, обремененныхъ неоплатными долгами; къ Цезарю также стекались во множествѣ негодяи, надѣявшіеся, среди безпорядковъ, поживиться на общественный счетъ, и

онъ считалъ себя обязаннымъ всячески покровительствовать людямъ, помогавшимъ ему, хотя бы они были величайшіе злодѣи и разбойники. При такомъ порядкѣ вещей, нечего удивляться образу дѣйствій Катилины, какъ чему-то необычайному и чудовищному. При своемъ обширномъ умѣ и глубокой проницательности, онъ, конечно, хорошо понималъ состояніе тогдашняго римскаго общества, видѣлъ, что люди, окружающіе его, совершенно ничтожны и что на нихъ можно дѣйствовать только поблажая ихъ грязнымъ наклонностямъ: такъ онъ и расположилъ свой образъ дѣйствій. Хвалить его за это нельзя, но нельзя также складывать всю вину на его собственный характеръ: таковъ былъ господствующій характеръ общества, противъ котораго не можетъ итти частный человѣкъ, добивающійся сильнаго вліянія. Впрочемъ, неуспѣхъ Катилины свидѣтельствуетъ, что онъ еще не дошелъ до высшей степени ипокритства и отреченія отъ всѣхъ убѣжденій, какое тогда нужно было римскому честолюбцу. Его стремленія были еще слишкомъ горды для того, чтобы наклониться до послѣднихъ низостей. Планы его были громадны, стремленія неукротимы, дѣятельность неутомима, по свидѣтельству враждебныхъ ему лицъ, — Саллюстія и Цицерона. Онъ увлекалъ всѣхъ своимъ краснорѣчіемъ, своей пылкостью и предпріимчивостью. Сначала онъ хотѣлъ добиться вліянія законнымъ порядкомъ, искалъ консульства и получилъ бы, если бы соперникъ его, Цицеронъ, не перехитрилъ его партіи. Видя неудачу, онъ рѣшился низвергнуть правительство, которое сдѣлалось ему ненавистнымъ. Замыслы его съ самаго начала не были тайною и возбудили въ обществѣ скорѣе сочувствіе, чѣмъ негодованіе. Саллюстій, несмотря на свое увѣреніе, что заговоръ былъ предпринятъ просто для грабежа, замѣчаетъ, что въ числѣ сообщниковъ Катилины было много именитыхъ людей изъ колоній и муниципій, и еще больше людей знатныхъ, желавшихъ перемѣны правительства болѣе изъ честолюбивыхъ видовъ, нежели по нуждѣ или по какой-нибудь другой причинѣ; что вообще молодежь, особенно благородная, желала успѣха Катилинѣ, не исключая и тѣхъ, которые безъ всякихъ смутъ имѣли возможность жить роскошно и пышно... Цезарь, почти навѣрное, былъ замѣшанъ въ заговорѣ; о Крассѣ также ходили сильныя подозрѣнія; Помпей совершенно холодно отвѣчалъ Цицерону, который съ гордою радостью увѣдомлялъ его объ уничтоженіи возстанія... Видно, что всѣ партіи недовольны были настоящимъ положеніемъ вещей и желали перемѣны... Только энергіи недоставало большинству: оно предпочитало выжидать, чѣмъ кончится дѣло, нежели само принять въ немъ дѣятельное участіе. Что пассивное сочувствіе къ Катилинѣ было сильно въ обществѣ и въ народѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ весь ходъ правительственныхъ дѣйствій, предпринятыхъ противъ него. Заговоръ былъ открытъ, глава его обличенъ Цицерономъ въ Сенатѣ; но чѣмъ же оканчивается грозное обличеніе? Ораторъ упрашиваетъ заговорщика оставить городъ, давая знать тутъ же, что по законамъ онъ достоинъ смертной казни. Катилина спокойно

выѣзжаетъ изъ города, не захвативши съ собою своихъ сообщниковъ, какъ просилъ Цицеронъ; но безъ главы своего эти сообщники ничего не значатъ и ничего не умѣютъ сдѣлать. Несмотря на то, ихъ не смѣютъ схватить; чтобы обвинить ихъ публично, нужны доказательства того, что они входили въ сношенія съ врагами отечества—и вотъ Цицеронъ добивается письменныхъ свидѣтельствъ о сношеніяхъ ихъ съ Аллоброгами, и тогда только рѣшается формально обвинить ихъ въ Сенатѣ. Но и послѣ того, Сенатъ все еще колеблется, не будетъ ли опасно казнить ихъ; только строгая рѣчь Катона придаетъ рѣшимость сенаторамъ. Цицеронъ говоритъ рѣчи къ народу, передъ которымъ старается очернить заговорщиковъ, увѣряя, что только по внушенію боговъ могъ онъ раскрыть ихъ ковы, но что на самомъ дѣлѣ эти люди такъ ничтожны, что ихъ нечего опасаться. Нечего и сравнивать, говоритъ онъ, ваши громадныя средства и силы съ положеніемъ этой шайки нищихъ грабителей, у которыхъ нѣтъ ничего, даже самаго необходимаго. А черезъ день, тотъ же Цицеронъ умоляетъ сенаторовъ принять поскорѣе рѣшительныя мѣры, потому что зло имѣетъ громадные размѣры, что оно, какъ гибельный ядъ, разлилось по всѣмъ жиламъ Италіи и заразило многія провинціи, и что онъ, Цицеронъ, спасшій Римъ отъ конечной гибели, долженъ стоять выше Сципіоновъ, Марія, Помпея. Онъ замѣчаетъ еще, что даже рабы не хотѣли принять участія въ судьбѣ Катилины; но Саллюстій говоритъ, что Катилина самъ отвергъ ихъ, потому что не хотѣлъ дѣло вольныхъ гражданъ мѣшать съ дѣломъ рабовъ. Въ другомъ мѣстѣ, Саллюстій опять разногласитъ съ Цицерономъ, относительно народнаго сочувствія къ заговору. Ораторъ указываетъ Сенату на народъ, собравшійся на площади, и торжественно восклицаетъ: смотрите, всѣ сословія собрались, чтобы единодушно защищать отечество!... Смотрите, съ какимъ рвеніемъ стремятся они на охраненіе общественнаго порядка! и прочее. Нужно замѣтить, что это было тогда уже, когда заговорщики были схвачены и опасность кончилась... Саллюстій, напротивъ, положительно говоритъ, что народъ (plebs) сильно сочувствовалъ Катилинѣ, потому что въ то время значеніе народа убавилось, и властью завладѣли немногіе. Аристократы забрали все въ свои руки, управляли провинціями, захватили всѣ должности, знать не хотѣли никакихъ законовъ и даже грозили судомъ всякому, кто въ гражданскихъ дѣлахъ склонялся на сторону народа. И какъ только явилась надежда на перемѣну, при началѣ смуты, старинное негодованіе снова взволновало умы. Если бы Катилина выигралъ, или, по крайней мѣрѣ, не проигралъ первую битву, то нѣтъ сомнѣнія, что страшное кровопролитіе и бѣдствіе постигли бы республику... Конечно, всякій безпорядокъ есть бѣдствіе для государства; но едва ли побѣда Катилины произвела бы такое страшное дѣйствіе, какого опасался историкъ. Онъ же самъ сохранилъ намъ двѣ рѣчи Катилины, въ которыхъ онъ рѣзко возстаетъ противъ тогдашней распутной аристократіи

и говоритъ о своей бѣдности, что трудно было говорить человѣку, проводившему жизнь слишкомъ роскошную, передъ тѣми, которые собирались къ нему пировать и развратничать... «Мы должны вооружиться за свою свободу,—говоритъ Катилина.—Съ тѣхъ поръ какъ нѣсколько аристократовъ замѣнили и судъ и всякую власть въ республикѣ, имъ платятъ свои дани и цари и правители, имъ идутъ деньги отъ всѣхъ народовъ и государствъ; а мы всѣ остальные, при всей своей дѣятельности и доблести, и незнатные и знатные, одинаково остаемся затертыми въ толпѣ, безъ всякой силы и вліянія: мы рабы предъ ними, тогда какъ могли бы страшить ихъ, если бы республика была въ силѣ. Можно ли сносить спокойно, что они отличаются богатствомъ, которое расточаютъ на постройку зданій на морѣ и на срытіе горъ, — а у насъ нѣтъ средствъ для самаго необходимаго; у нихъ по два дома или болѣе, а у насъ своего угла нѣтъ»... Въ этихъ словахъ видно не одно желаніе чужого имущества, а также и сочувствіе къ народу и ненависть къ аристократамъ, захватившимъ правленіе въ свои руки. Въ другой рѣчи, говоренной передъ послѣднею битвою, Катилина съ грустнымъ отчаяніемъ разсказываетъ своимъ приверженцамъ положеніе дѣлъ и свои планы и надежды. «Слова не помогутъ,—говоритъ онъ,—не сдѣлаютъ труса храбрымъ и лѣнивца дѣятельнымъ. Но я хочу только разсказать вамъ все дѣло. Вы знаете. что безпечность Лентула все испортила. Намъ теперь одна надежда на оружіе; оно можетъ доставить намъ богатство, честь, славу и вольность. Съ побѣдою получимъ мы и припасы, и спокойную жизнь. Но, кромѣ того, не забудьте, что мы сражаемся за отечество, за свободу, за жизнь. А наши враги совершенно напрасно бьются для господства немногихъ аристократовъ. Можно было и намъ остаться или въ добровольной ссылкѣ, или даже въ Римѣ, и, потерявши свое имѣнье, жить на чужой счетъ; но это было бы постыдно и низко. Своимъ мужествомъ должны мы достигнуть лучшей участи; если не удастся. падемъ, но отомстимъ за себя». Послѣднюю мысль этой рѣчи Катилина скоро выполняетъ на дѣлѣ: онъ врѣзался далеко въ средину непріятелей и палъ, далеко отъ своихъ, поражая враговъ на всѣ стороны. Ни одинъ изъ гражданъ римскихъ, бывшихъ въ его войскѣ, не отдался въ плѣнъ; всѣ до одного пали, обращенные лицомъ къ непріятелю. Въ этомъ опять нельзя не видѣть геройства, достойнаго лучшихъ временъ республики: такъ сражаются люди, имѣющіе въ душѣ крѣпкое убѣжденіе, котораго не хотятъ принести въ жертву ничему на свѣтѣ. Здѣсь же кстати можно упомянуть и о другомъ фактѣ несчастнаго заговора, засвидѣтельствованномъ Саллюстіемъ. Сенатъ опредѣлилъ награжденіе за открытіе подробностей заговора: невольнику—свободу и сто тысячъ сестерцій (около 5000 рублей серебромъ), а свободному—безнаказанность за участіе и двѣсти тысячъ сестерцій (а не сто и не двѣсти, какъ переводитъ г. Клевановъ: sestertium значитъ тысяча сестерцій, сестерцій же—мелкая монета въ два съ

половиною асса). Декретъ этотъ былъ потомъ повторенъ, и, несмотря на то, говоритъ Саллюстій, ни одинъ изъ множества сообщниковъ Катилины не польстился на обѣщанное награжденіе, и ни одинъ не ушелъ изъ лагеря Катилины. Да и не одни соучастники заговора, а также весь плебсъ былъ расположенъ къ перемѣнѣ и желалъ Катилинѣ успѣха, — добавляетъ добросовѣстный историкъ.

Всѣ представленные нами факты и сами по себѣ уже много говорятъ въ пользу того мнѣнія, которое хочетъ оправдать Катилину отъ обвиненія въ чудовищныхъ, гнусныхъ замыслахъ, гибельныхъ не для аристократіи, а для всего народа римскаго. Но еще болѣе получаютъ значенія всѣ эти обстоятельства, когда вспомнимъ рядъ происшествій, доведшихъ Цезаря до его цѣли—овладѣть правленіемъ государства. Едва ли въ Катилинѣ можно найти хоть одно общественное преступленіе, котораго не совершилъ бы, или на которое не покушался бы Цезарь. Избранный эдилемъ, Цезарь составилъ замыселъ совершенно такой же, какъ Катилина: онъ хотѣлъ, вмѣстѣ съ М. Крассомъ и еще нѣсколькими приверженцами, напасть на Сенатъ, убить многихъ сенаторовъ, провозгласить Красса диктаторомъ и затѣмъ захватить все управленіе въ свои руки. Крассъ струсилъ, и потому замыселъ не былъ выполненъ. Несмотря на это, Цезарь не отсталъ отъ своихъ намѣреній: онъ участвовалъ въ замыслахъ Пизона, не чуждъ былъ и участія въ заговорѣ Катилины. Назначенный правителемъ Испаніи, онъ отправился туда ранѣе срока, уговоривши своихъ кредиторовъ подождать присылки имъ денегъ изъ провинціи. Въ Лузитаніи онъ разграбилъ нѣсколько городовъ, въ Галліи похитилъ сокровища изъ храмовъ, во время консульства своего укралъ изъ Капитолія 3000 фунтовъ золота, положивъ туда, вмѣсто того, позолоченную мѣдь; съ Птоломеемъ сторговался за 6000 талантовъ, чтобы продать ему дружбу Рима. Роскошь и изнѣженность его доходили до смѣшного: напримѣръ, въ походахъ онъ приказывалъ возить съ собою особые штучные паркетные полы. Любовныя похожденія его неисчислимы. И при всемъ томъ, во время своего управленія государствомъ, онъ болѣе принесъ пользы народу, нежели предшествовавшее ему господство аристократіи. Онъ учредилъ, чтобы велись протоколы занятіямъ Сената и чтобы они постоянно обнародывались во всеобщее свѣдѣніе; онъ предложилъ новый поземельный законъ въ пользу народа; онъ раздѣлилъ казенное Кампанское поле двадцати тысячамъ гражданъ, имѣвшихъ троихъ дѣтей или болѣе; онъ пополнилъ Сенатъ, далъ права дѣтямъ опальныхъ гражданъ, далъ народу большія права при выборахъ чиновниковъ, и пр. Можно сказать, что народъ римскій, въ томъ состояніи, въ какомъ находился онъ во время Цезаря, не могъ быть управляемъ лучше. Цезарь оставилъ по себѣ хорошую славу въ исторіи, и никто не сравниваетъ его съ извергомъ Катилиной: а вся разница между ними состоитъ, можетъ быть, въ томъ только, что одинъ успѣлъ добиться того, къ чему безплодно стремился другой. Можетъ быть,

попытка Катилины даже облегчила путь Цезарю. Цѣли ихъ были одинаковы, но, наученный опытомъ, Цезарь умѣлъ быть осмотрительнѣе и лучше умѣлъ заискать расположеніе народа, который самъ тяготился правленіемъ аристократовъ. Въ этомъ случаѣ Цезарь былъ одушевляемъ, конечно, тѣми же чувствами, какъ и Катилина, и чувства ихъ были вполнѣ законны. Мы съ полнымъ согласіемъ приводимъ здѣсь слова г. Клеванова, изъ его біографіи Саллюстія.

«Естественна ненависть Катилины къ тому порядку общественному, гдѣ гражданину нѣтъ дороги по его достоинствамъ, гдѣ ни умъ, ни высокія дарованія ничего не значатъ безъ денегъ и особенно связей, гдѣ немногіе, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ власть, тѣсною толпою не пропускаютъ къ ней никого, кто не принадлежитъ къ ихъ категоріи. Катилина хотѣлъ каждому открыть дорогу къ власти, какъ и слѣдовало бы въ вольномъ государствѣ. Попытка его не была преступною; онъ благороднѣе и выше Суллы, Марія и другихъ, которые оружіемъ торжествовали надъ соотечественниками. Катилина прибѣгъ къ оружію, но по необходимости, прижатый, какъ бѣшенный волкъ, къ горамъ Аппенинскимъ войскомъ Антонія. Если бы Катилина былъ такъ неразборчивъ въ средствахъ, какъ его обвиняютъ, то онъ не погибъ бы, а торжествуя вошелъ бы въ Римъ».

Положеніе всякаго честолюбца, достигшаго власти, въ отношеніи къ тогдашнему народу римскому, довольно хорошо рисуется въ письмахъ Саллюстія къ Цезарю. Саллюстій восхваляетъ Цезаря за униженіе аристократической партіи и совѣтуетъ ему принять мѣры для того, чтобы воскресить народъ римскій и сдѣлать его способнымъ пользоваться вольностью, какая была у него прежде. У насъ изстари, говоритъ онъ, было двѣ партіи: патриціевъ и плебеевъ, спорившія одна съ другой. Борьба вела все къ большему расширенію правъ народа и къ ограниченію власти аристократіи. Тогда «каждый гражданинъ пользовался вольностью, не стараясь ставить свою волю выше законовъ; граждане соперничали другъ съ другомъ не въ богатствѣ и спеси, а старались превзойти одинъ другого на пути чести и добра. Послѣдній изъ гражданъ не зависѣлъ отъ другихъ и могъ быть полезенъ себѣ и отечеству и на войнѣ и въ мирѣ». Но все перемѣнилось съ увеличеніемъ римскаго могущества и съ распространеніемъ территоріи. Одни страшно обогатились, другіе же потеряли поземельные участки, бывшіе у нихъ; завидуя богатству нѣкоторыхъ, стали стремиться къ обезпеченію своего матеріальнаго положенія и уже менѣе думали о своей свободѣ, и вольность свою и выгоды государства продавали ради своихъ частныхъ выгодъ. «Такимъ образомъ,—заключаетъ Саллюстій,—большинство народа утратило въ стремленіи къ частнымъ интересамъ идею общаго блага, и, по моему мнѣнію, сдѣлалось неспособнымъ къ участію въ управленіи государственными дѣлами». Аристократы были этому очень рады и, захвативши правленіе въ свои руки, стали употреблять свою власть для личныхъ выгодъ, нимало не заботясь о народѣ, и еще поддерживая въ немъ тѣ наклонности и то положеніе, которое мѣшало народу пользоваться своими правами на участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Изложивши

свой взглядъ на положеніе Рима до Цезаря, Саллюстій говоритъ далѣе о томъ, что же теперь нужно дѣлать Цезарю, какъ человѣку, въ рукахъ котораго сосредоточена вся власть. Не обинуясь, онъ указываетъ правителю цѣль его дѣйствій. Возвеличеніе Рима извнѣ и удержаніе за собой верховной власти онъ считаетъ предметами, слишкомъ недостойными великаго духа Цезаря. Призваніе его Саллюстій полагаетъ въ томъ, чтобы воззвать къ жизни замирающій народъ, даровавъ ему возможность существованія свободнаго и обезпеченнаго. Помпей много повредилъ республикѣ, по мнѣнію историка: верховную власть, распоряженіе государственнымъ приходомъ и расходомъ, власть судебную онъ дѣлалъ исключительнымъ правомъ немногихъ сенаторовъ; народъ же римскій, бывшій прежде главою правленія, обратилъ въ рабство, уничтоживъ даже равенство всѣхъ сословій предъ закономъ. Правда, что должности судебныя, какъ бы по старому, остались принадлежностью всѣхъ трехъ сословій; но тѣ же немногіе управляютъ и ими, даютъ и отнимаютъ ихъ по произволу, отстраняютъ людей добросовѣстныхъ, всѣ почести готовятъ только для своихъ. «Они расхищаютъ и грабятъ все, что у нихъ подъ рукою, и въ городѣ нашемъ, точно взявши его приступомъ, не признаютъ другихъ правъ, кромѣ права сильнаго». Все это ведетъ неминуемо къ паденію государства, и потому Саллюстій совѣтуетъ Цезарю поступить совершенно противоположно Помпею, который допускалъ все это, не думая ни о чемъ, кромѣ своего возвышенія. Именно, Цезарь долженъ, во-первыхъ, распространить право гражданства на возможно большее количество народа и, во-вторыхъ, дать всѣмъ гражданамъ право голоса при выборахъ въ судебныя должности. Тамъ уже нѣтъ вольности, говоритъ онъ, гдѣ выборъ судебныхъ властей въ рукахъ немногихъ. Потому власть судебная должна принадлежать всѣмъ гражданамъ перваго класса, число которыхъ нужно увеличить (Салл. въ русск. переводѣ, стр. 166). Въ примѣръ приводитъ онъ родосцевъ, у которыхъ всѣ приговоры безпристрастны, потому что всякій, и бѣдный и богатый, имѣютъ равное право голоса, даже въ самыхъ важныхъ дѣлахъ. Этимъ способомъ, по мнѣнію Саллюстія, могло бы уменьшиться въ обществѣ и корыстолюбіе, такъ какъ многіе ищутъ богатства не столько для наслажденій, имъ доставляемыхъ, сколько изъ честолюбивыхъ видовъ; какъ скоро богатство не будетъ придавать общественнаго значенія человѣку, то можно надѣяться, что, по крайней мѣрѣ, честные люди не будутъ стремиться къ его пріобрѣтенію, а прямо будутъ стараться отличиться истинными заслугами. Да и дурные люди меньше станутъ искать богатства, потому что «и къ злу человѣкъ стремится всегда изъ-за какихъ нибудь выгодъ: отними ихъ, и никто даромъ не будетъ дѣлать зла». Далѣе, Саллюстій говоритъ, что «аристократія вся никуда не годится: они хотятъ повелѣвать другими,—замѣчаетъ онъ,—а сами, облѣнившись и изнѣжившись, способны скорѣе быть рабами, чѣмъ господами». Ихъ

слушать нечего: могутъ ли подать хорошіе совѣты въ управленіи государствомъ тѣ, которые не успѣли сберечь собственную свободу? Сами сенаторы потеряли сознаніе собственнаго достоинства и сдѣлались орудіемъ въ рукахъ немногихъ. Чтобы уничтожить это, надобно увеличить число сенаторовъ и установить тайную подачу голосовъ: тогда, не опасаясь ничего, никто не пожертвуетъ своимъ вліяніемъ въ пользу сильнѣйшаго, потому что «чувство самостоятельности и независимости равно есть у всѣхъ гражданъ, и у благонамѣренныхъ и у дурныхъ, и у дѣятельныхъ и у лѣнивыхъ. Бо́льшая часть измѣняютъ ему отъ страха, и по неразсудительности добровольно принимаютъ рабство, которое не ушло бы отъ нихъ и въ случаѣ неудачи въ борьбѣ: а ея результатъ еще могъ быть сомнительнымъ» (стр. 169). Саллюстій оканчиваетъ свое письмо увѣщаніемъ Цезарю отъ лица предковъ его и отъ имени отечества. Содержаніе его слѣдующее: «мы пріобрѣли отечество, честь и славу, говорятъ предки Цезаря, а ты все это получилъ готовымъ. Чтобы возблагодарить насъ за все, возвысь еще славу нашего рода дѣломъ, которое выше всѣхъ подвиговъ, всѣхъ доблестей: возстанови ниспроверженную свободу народа, клонящагося къ паденію... Иначе гибель отечества неизбѣжна». Цезарь не исполнилъ желанія Саллюстія, не исполнилъ его и Августъ,— оба, можетъ быть, потому, что не могли исполнить: Римской имперіи суждено было пасть съ паденіемъ силы и доблести народной.

По сдѣланнымъ нами извлеченіямъ можно судить, сколько интереса представляетъ изученіе эпохи, изобразителями которой являются Саллюстій, Цезарь и Цицеронъ. Г. Клевановъ вполнѣ заслуживаетъ благодарность публики за избраніе этихъ писателей для перевода. Къ сожалѣнію, переводъ сдѣланъ не совсѣмъ удовлетворительно. Попадаются такія ошибки, какъ съ сестерціями; иныя слова переводятся странно, какъ, напримѣръ *imperator* вмѣсто полководца вездѣ переводится *императоромъ*; говорится: заботиться о своей *народности*, то есть, стараться пріобрѣсти любовь народа; *manu* bona laceravit переведено: проигралъ имѣніе *въ карты*; *in exstruendo mari* divitias profundunt переведено—вырываютъ пруды, подобные морямъ—тогда какъ тутъ дѣло идетъ о зданіяхъ на морѣ. Такихъ промаховъ не мало, и они показываютъ, что переводчикъ мало справлялся съ комментаторами переводимыхъ писателей. Иногда переводъ его очень удаляется отъ подлинника, не выражая его силы и точности, иногда же слишкомъ букваленъ и тяжеловатъ. Напримѣръ: «никогда не пожелаю я, цѣною того, чтобы быть внѣ обвиненія, знать, что Катилина обнажилъ мечъ», и пр.; попадаются нерусскія выраженія, въ родѣ: скрѣпивъ *душу* (вмѣсто сердце), *скопище зла*, и т. п. Изданіе перевода не можетъ назваться изящнымъ; корректурная часть также не безукоризненна. И, несмотря на то, цѣна назначена очень высокая: три книжки, листовъ въ пятнадцать каждая, стоятъ 5 рублей сер. Это дорого, сравнительно даже съ русскими книгами.

ГУБЕРНСКІЕ ОЧЕРКИ.

Изъ записокъ отставного надворнаго совѣтника Щедрина. Собралъ и издалъ М. Е. Салтыковъ. Томъ третій. Москва. 1857.

Прошелъ съ небольшимъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ первые «Очерки» г. Щедрина появились въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и встрѣчены были восторженнымъ одобреніемъ всей русской публики. До настоящей минуты г. Щедринъ не сходитъ съ своей арены и продолжаетъ свою благородную борьбу, не обнаруживая ни малѣйшаго истощенія силъ. Онъ печатаетъ разсказъ за разсказомъ, постоянно выказывая въ нихъ, какъ великъ запасъ его средствъ, какъ неистощимъ источникъ его наблюденій. Мало того, къ нему постоянно присоединяются новые бойцы, и даже тѣ, которые молчали до сихъ поръ и прятались въ толпѣ безпечныхъ зрителей,— и тѣ, смотря на него и «вящшимъ жаромъ возгоря», отважно ринулись на поле безкровной битвы, со всемогущимъ оружіемъ слова. Публика все еще съ любопытствомъ слѣдитъ за зрѣлищемъ этихъ подвиговъ, и разсказы *въ щедринскомъ родѣ* прежде всего прочитываются въ журналахъ. Но нельзя не видѣть, что теперь нѣтъ уже, ни въ публикѣ, ни въ литературѣ, прежняго увлеченія, прежней горячности, и что многіе донашиваютъ теперь сочувствіе къ общественнымъ вопросамъ, какъ старомодное платье. Кто началъ читать русскіе журналы только съ нынѣшняго года и не имѣетъ понятія о томъ, что было у насъ два года тому назадъ, тотъ потерялъ нѣсколько прекраснѣйшихъ минутъ жизни. Странно говорить объ этомъ времени, какъ о давно-прошедшемъ: но тѣмъ не менѣе — нельзя сомнѣваться въ томъ, что оно прошло и что нескоро русская литература дождется опять такой же поры. Мы вообще какъ-то очень скоро и внезапно выростаемъ, пресыщаемся, впадаемъ въ разочарованіе, не успѣвши даже хорошенько очароваться. Ростемъ мы скоро, истинно по-богатырски, не по днямъ, а по часамъ, но, выросши, не знаемъ, что дѣлать съ своимъ ростомъ. Намъ внезапно дѣлается тѣсно и душно, потому что въ насъ образуются все широкія натуры, а міръ-то нашъ узокъ и

низокъ, — развернуться негдѣ, выпрямиться во весь ростъ невозможно. И сидимъ мы, съежившись и сгорбившись «подъ бременемъ познанья и сомнѣнья», въ совершенномъ бездѣйствіи, пока не расшевелитъ насъ что-нибудь уже слишкомъ чрезвычайное. Одинъ изъ ученыхъ профессоровъ нашихъ, разбирая народную русскую литературу, съ удивительной прозорливостью сравнилъ русскій народъ съ Ильей Муромцемъ, который сидѣлъ сиднемъ тридцать лѣтъ и потомъ вдругъ, только выпивши чару пива крѣпкаго отъ каликъ перехожіихъ, ощутилъ въ себѣ силы богатырскія и пошелъ совершать дивные подвиги. Въ самомъ дѣлѣ, вся наша исторія отличается какой-то порывистостью: вдругъ образовалось у насъ государство, вдругъ водворилось христіанство, скоропостижно перевернули мы вверхъ дномъ весь старый бытъ свой, мгновенно догнали Европу и даже перегнали ее: теперь ужъ начинаемъ ее побранивать, стараясь сочинить русское воззрѣніе.... Такъ было въ большомъ, тоже происходило и въ маломъ: рванемся мы вдругъ къ чему-нибудь, да потомъ и сядемъ опять, и сидимъ, точно Илья Муромецъ, съ полнымъ равнодушіемъ ко всему, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Два года тому назадъ, насъ расшевелила война, заставивши убѣдиться въ могуществѣ европейскаго образованія и въ нашихъ слабостяхъ. Мы какъ будто послѣ сна очнулись, раскрыли глаза на свой домашній и общественный бытъ и догадались, что намъ кое-чего недостаетъ. Едва эта догадка озарила нашъ умъ, какъ мы, съ рѣдкою добросовѣстностью и искренностью, принялись раскрывать «наши общественныя раны». Теперь многіе уже начинаютъ смѣяться надъ этимъ, и скептики, увѣрявшіе съ самаго начала, что все это

«Тяжелый бредъ души больной,
Иль плѣнной мысли раздраженье»,

теперь злобно торжествуютъ, иронически поглядывая на взрослыхъ дѣтей, всегда склонныхъ къ увлеченію и видящихъ все въ розовомъ свѣтѣ. Но, какъ хотите, а надъ ними нечего смѣяться; въ ихъ увлеченіи было тамъ много прекраснаго, благороднаго, такъ много юности и свѣжести. Любо смотрѣть было, въ самомъ дѣлѣ, на общее одушевленіе: самый робкій самый угрюмый человѣкъ не могъ, кажется, не увлечься, видя, какъ всѣ единодушно и неутомимо хлопотали о томъ, чтобы раскрыть «наши общественныя раны», показать наши недостатки во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Какихъ тогда вопросовъ не подняли, до какихъ закоулковъ не добрались!... «Отъ Перми до Тавриды» пронесся одинъ громкій энергическій возгласъ: идите всѣ, кто можетъ, спасать Русь отъ внутренняго зла! И все поднялось, все заговорило—твердо, сильно, разумно. Старые люди стряхнули, повидимому, свою давнишнюю лѣнь, возникли молодые дѣятели и съ свѣжими силами принялись за общее дѣло. Литература, какъ всегда, послужила первою выразительницею общественныхъ стремленій, приводя ихъ въ ясность

и умѣряя ихъ силу строгимъ и обдуманнымъ обсуживаньемъ всѣхъ затронутыхъ вопросовъ. И литература получила, повидимому, общественное значеніе: она почти исключительно обратилась къ тѣмъ вопросамъ, которыми занято было вниманіе публики. Публика заговорила о путяхъ сообщенія, и въ журналахъ были десятки статей о желѣзныхъ дорогахъ и другихъ средствахъ сообщенія, съ искреннимъ сознаніемъ, что до сихъ поръ мы мало имѣли хорошихъ дорогъ и оттого не мало потеряли. Поднялся вопросъ о тарифѣ, и тотчасъ явился рядъ статей о свободной торговлѣ и запретительной системѣ. Обратили вниманіе на экономическія отношенія народа, и литература заговорила о состояніи земледѣльческаго класса, о свободномъ трудѣ и другихъ экономическихъ вопросахъ, выставляя преимущественно, чего у насъ нѣтъ, и что нужно сдѣлать. Послышались въ обществѣ голоса о важности воспитанія и о неудовлетворительности того, что доселѣ у насъ было принято,—и тотчасъ о воспитаніи пишутся горькія статьи, предпринимаются педагогическіе журналы, и публика тѣмъ бо́льшими рукоплесканіямя вознаграждаетъ статью, чѣмъ болѣе горька правда, въ ней высказа́нная. Поднимается голосъ противъ злоупотребленій бюрократіи,—и «Губернскіе очерки» открываютъ рядъ блестящихъ статей, безпощадно карающихъ и выводящихъ на свѣжую воду всѣ темныя продѣлки мелкаго подьячества. Горькіе упреки слышались отовсюду, и никто не думалъ противорѣчить имъ. Поэты и прозаики, ученые и дилеттанты, теоретики и практики — всѣ бросались самоотверженно въ мрачное болото невѣжества и злоупотребленій съ пламенникомъ обличенія. Въ душѣ ихъ кипѣла могучая сила, ихъ рѣчи горѣли огнемъ вдохновенія, сожигая плевелы родной нивы. Возстань, поэтъ, ободряли поэты самихъ себя, размышляя о своемъ призваніи,

«Да звучитъ твой стихъ обронный,
Правды Божіей набатъ,
Въ пробужденье мысли сонной,
Въ кару жизни беззаконной,
На погибель всѣхъ неправдъ».

Борьба во имя высшей правды противъ мелкихъ интересовъ времени!—восклицали высоко-образованные практики. «Съ первыхъ лѣтъ жизни, при самомъ начальномъ воспитаніи, должно пріучать къ этой борьбѣ, которая ожидаетъ въ нашемъ обществѣ каждаго порядочнаго человѣка»!... — «Наука должна смѣло вступить въ борьбу противъ невѣжества и предразсудковъ»,—говорили лучшіе изъ нашихъ ученыхъ. «Мы должны благодарить войну за то, что она открыла намъ многія темныя стороны нашей жизни, противъ которыхъ мы дружно должны итти теперь, отстаивая честь родины»!... Эти мощные, благородные, безкорыстные призывы не могли не находить отзыва въ сердцахъ людей, сочувствующихъ благу отечества,—и точно—у многихъ сердце билось сильнѣе отъ этихъ вдохновенныхъ звуковъ. Многіе съ грустной улыбкой, даже

со слезами на глазахъ выслушивали русскую всенародную исповѣдь, но потомъ гордо поднимали голову, давая торжественный обѣтъ дѣятельности честной, неутомимой и безбоязненной. Были и такіе, силою обстоятельствъ и собственной слабостью увлеченные въ пошлость жизни, которые съ ужасомъ смотрѣли на собственное поприще и съ горечью сознавались въ его гадости. И что имѣли въ виду всѣ эти люди? Что заставляло ихъ съ такимъ увлеченіемъ подвергать себя торжественному самообвиненію? Ничего особеннаго. Они просто повторяли слова одного изъ своихъ глашатаевъ —

«Раскаянья слеза намъ будетъ въ облегченье
И къ новымъ подвигамъ насъ мощно воззоветъ», —

и добродушно вѣрили, что вслѣдъ за словомъ не замедлитъ явиться и дѣло. Самое пустозвонство приняло тогда характеръ серьезно-обличительный. Пустѣйшій изъ пустозвоновъ, г. Надимовъ, смѣло кричалъ со сцены Александринскаго театра: «крикнемъ на всю Русь, что пришла пора вырвать зло съ корнями»! и публика приходила въ неистовый восторгъ и рукоплескала г. Надимову, какъ будто бы онъ, въ самомъ дѣлѣ, принялся вырывать зло съ корнями... «Что смѣетесь? надъ собой смѣетесь»,—вслухъ припомнилъ слова Гоголя кто-то изъ скептиковъ, во время одного изъ представленій «Чиновника». Но эти слова никого не смутили: на скептика сосѣди его посмотрѣли такъ гордо и прямо, какъ будто бы хотѣли отвѣтить ему словами того же комика: «да, надъ собой смѣемся; потому что слышимъ благородную русскую нашу породу, потому что слышимъ приказанье высшее быть лучшими другихъ».

Такъ все оживало, все одушевлялось желаніемъ итти впередъ по пути просвѣщенія и нравственнаго усовершенствованія. Два года тому назадъ, человѣкъ сторонній, услышавшій эти клики, увидавшій это движеніе, непремѣнно подумалъ бы, что это—пробужденіе исполина, который, послѣ продолжительнаго сна, расправляетъ свои члены, приводитъ въ порядокъ свои мысли и готовится искупить свое долгое бездѣйствіе подвигами изумительнаго величія. И такое предположеніе было совершенно естественно: чистыя, возвышенныя стремленія общественныхъ и литературныхъ дѣятелей казались такъ мощны, быстры и кипучи, что они должны были итти впередъ неудержимо, разрушая всѣ преграды, поставляемыя невѣжествомъ, омывая всѣ нечистоты, произведенныя въ русской жизни силою эгоизма, корысти и лѣни общественной. Сердца бились тогда сильно и радостно, въ полномъ убѣжденіи, что сознаніе недостатковъ есть уже половина исправленія, и что русскій человѣкъ ничего не любитъ дѣлать въ половину. Святотатствомъ сочли бы тогда, если бы кто осмѣлился утверждать, что этотъ Илья Муромецъ, столько лѣтъ сидѣвшій сиднемъ, поднялся теперь только за тѣмъ, чтобы толчись на одномъ мѣстѣ. Напротивъ, онъ долженъ былъ безостановочно итти впередъ, на-

гаждаясь жизнью и совершая славныя дѣла. И всѣ ждали этихъ одвиговъ, всѣ были въ напряженномъ ожиданіи чего-то великаго, еобычайнаго. Все принимало видъ какого-то торжественнаго приотовленія, точно наканунѣ великаго праздника,

«И вились тогда толпою
Легкокрылые друзья:
Юность легкая съ *мечтою*,
И живыхъ *надеждъ* семья»....

Отрадно было то время, время всеобщаго увлеченія и горячности... Какъ-то открытѣе была душа каждаго ко всему доброму, акъ-то свѣтлѣе смотрѣло все окружающее. Точно теплымъ дыхаіемъ весны повѣяло на мерзлую, окоченѣлую землю, и всякое жиое существо съ радостью принялось вдыхать въ себя весенній оздухъ, всякая грудь дышала широко, и всякая рѣчь понеслась вучно и плавно, точно рѣка, освобожденная ото льда. Славное ыло время! И какъ недавно было оно!

Но прошло два года, и хотя ничего особенно важнаго не случилось въ эти годы, но общественныя стремленія представляются еперь далеко уже не въ томъ видѣ, какъ прежде. Много разоарованій испытали уже мы на новой дорогѣ, многія надежды оказались пустыми мечтами, много видѣли мы явленій, способныхъ бить съ толку самаго простодушнаго изъ оптимистовъ, вообще тличающихся простодушіемъ. И нѣтъ прежняго увлеченія, прежяго задушевно-гордаго тона...

«Гдѣ дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая»?...

Разговоры и теперь, конечно, продолжаются, и мы вовсе не отимъ сказать, чтобъ общественное вниманіе вовсе забыло о тѣхъ опросахъ, которые недавно возбуждены были съ такой энегіей. Мы говоримъ только, что въ дѣятельности, въ жизни общества ало оказывается результатовъ отъ всѣхъ восторженныхъ разгооровъ, чѣмъ и доказывается, что большинство нашихъ доморощенныхъ прогрессистовъ играло до сихъ поръ, по выраженію . Щедрина, «не внутренностями, а кожей».

Литература продолжаетъ свое дѣло добросовѣстно: служеніе дѣлу общественнаго совершенствованія она считаетъ своимъ священнѣйшимъ назначеніемъ. Она уже навсегда теперь вышла изъ еленокъ и, что бы ни случилось, не получатъ въ ней теперь рава гражданства ни швейцарскія поздравленія съ высокоторжественнымъ праздникомъ, ни лакейскія оды на пожалованіе такого-то господина такимъ-то чиномъ, ни трактирные диѳирамбы въ есть какого-нибудь праздника съ фейерверкомъ и иллюминаціей. Литература дѣятельно продолжаетъ свои обличенія, свои вызовы а все хорошее и благородное; она по прежнему твердитъ обще-

ству о честной и полезной дѣятельности, она все поетъ ту же пѣсню —

«Встань, проснись, подымись,
На себя погляди»!

Но уже нѣтъ прежнихъ восторженныхъ отзывовъ со стороны публики. Она уже утомилась, она уже едва ли не считаетъ свое дѣло конченнымъ, едва ли не считаетъ себя достойною вѣнка за участіе, оказанное общественнымъ вопросамъ и новымъ дѣятелямъ литературнаго обличенія. Только по временамъ вспыхиваетъ теперь кое-гдѣ, неровно и порывисто, огонь одушевленія, похожаго на прежнее. Но и эти вспышки скоро пропадаютъ безъ слѣда, не имѣя никакого вліянія на общественную дѣятельность. Оказывается, что увлеченіе и надежды были преждевременны, и что многіе изъ людей, горячо привѣтствовавшихъ зорю новой жизни, вдругъ захотѣли ждать полудня и рѣшились спать до тѣхъ поръ,— что еще бо́льшая часть людей, благословлявшихъ подвиги, вдругъ присмирѣла и спряталась, когда увидѣла, что подвиги нужно совершать не на одныхъ словахъ, что тутъ нужны дѣйствительные труды и пожертвованія. Всѣ нетерпѣливо ждали, желали, просили улучшеній, озлобленно кричали противъ злоупотребленій, проклинали чужую лѣнь и апатію, — но рѣдко-рѣдко кто принимался за настоящее дѣло. Испуганные воображаемыми трудностями и препятствіями, многіе изъ тѣхъ, кто даже могъ дѣлать истинно-полезное, —

«Въ началѣ поприща увяли безъ борьбы».

Произошло явленіе не слишкомъ возвышенное и даже довольно непредвидѣнное: русское общество разыграло въ нѣкоторомъ родѣ талантливую натуру. Читатели, конечно, прочли уже «Губернскіе очерки» и потому, вѣрно, знакомы съ нѣкоторыми изъ талантливыхъ натуръ, очерченными г. Щедринымъ. Но не всѣ, можетъ быть, размышляли о сущности этого типа и о значеніи его въ нашемъ обществѣ. Потому мы рѣшаемся подробнѣе разсмотрѣть эти натуры, въ которыхъ, по нашему мнѣнію, довольно ярко выражается господствующій характеръ нашего общества. Виды талантливыхъ натуръ чрезвычайно разнообразны, но есть у нихъ и нѣчто общее, состоящее именно въ ихъ *талантливости*, которая можетъ иногда вызвать истинное сожалѣніе и навести на очень грустныя думы. Положеніе ихъ, конечно, смѣшно, даже отвратительно, но насмѣшку надъ положеніемъ этихъ господъ не нужно переносить на самую натуру ихъ, вовсе нелишенную добрыхъ качествъ. Занятія и свойства ихъ г. Щедринъ изображаетъ такимъ образомъ.

«Одни изъ нихъ занимаются тѣмъ, что ходятъ въ халатѣ по комнатѣ и отъ нечего дѣлать посвистываютъ; другіе проникаются желчью и дѣлаются губернскими мефистофелями; третьи барышничаютъ лошадьми или передергиваютъ въ карты; четвертые выпиваютъ огромное количество водки, пятые перевариваютъ на досугѣ свое прошедшее и съ горя протестуютъ противъ настоящаго... Общее

у всѣхъ этихъ господъ, во-первыхъ, «червякъ», во-вторыхъ то, что «на жизненномъ пирѣ» для нихъ не случилось мѣста, и, въ-третьихъ, необыкновенная размашистость натуры. Но главное — червякъ. Этотъ глупый червякъ причиною тому, что наши Печорины слоняются изъ угла въ уголъ, не зная, куда приклонить голову; онъ познакомилъ ихъ ближайшимъ образомъ съ помѣщиками Полежаевымъ, Сопиковымъ и Храповицкимъ. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что Печорины водятся исключительно между молодыми людьми. Старый, заиндевѣвшій чиновникъ или помѣщикъ не можетъ сдѣлаться Печоринымъ; онъ на жизнь смотритъ съ практической стороны, а на тернія или неудобства ея — какъ на неизбѣжныя и неисправимыя. Это блохи и клопы, которые до того часто и много его кусали, что сдѣлались не врагами, а скорѣе добрыми знакомыми его. Онъ не вникаетъ въ причины вещей, а принимаетъ ихъ такъ, какъ онѣ есть, не задаваясь мыслію о томъ, какими бы онѣ могли быть, если бы.... и т. д. Молодой человѣкъ, напротивъ того, начинаетъ уже смутно понимать, что вокругъ него есть что-то неладное, разрозненное, неклеящееся; онъ видитъ себя въ странномъ противорѣчіи со всѣмъ окружающимъ, онъ хочетъ протестовать противъ этого, но, не обладая никакими живыми началами, необходимыми для примиренія, остается при одномъ зубоскальствѣ или псевдотрагическомъ негодованіи» («Губерн. очерки», т. III, стр. 69 и сл.).

Видите ли, — при всей насмѣшливости отношеній г. Щедрина къ талантливымъ натурамъ, онъ самъ не можетъ не обнаружить, что въ основаніи ихъ лежитъ нѣчто хорошее. Ихъ стремленія не заключаютъ въ себѣ ничего предосудительнаго, напротивъ — стремленія эти ставятъ ихъ дѣйствительно выше тѣхъ апатическихъ безличностей, которыя, смотря на жизнь съ практической стороны, находятъ блаженное успокоеніе отъ всѣхъ сомнѣній и вопросовъ въ учительской указкѣ или въ подписи того, кто повыше ихъ чиномъ. Вся бѣда пропавшихъ талантливыхъ натуръ состоитъ въ томъ, что у нихъ нѣтъ никакихъ живыхъ началъ. Стоитъ дать имъ во̀ время эти начала, и изъ нихъ можетъ выйти что-нибудь положительно доброе. Давно уже кто-то замѣтилъ, что на свѣтѣ нѣтъ собственно неспособныхъ людей, а есть только *неумѣстные*; что плохой извозчикъ и вываленный имъ изъ саней плохой чиновникъ, выгнанный изъ службы за неспособность, — оба, быть можетъ, не были бы плохими, если бы помѣнялись своими мѣстами: чиновникъ, можетъ быть, имѣетъ отъ природы склонность къ управленію лошадьми, а извозчикъ въ состояніи отлично разсуждать о судебныхъ дѣлахъ... Все горе происходитъ отъ ихъ неумѣстности, въ которой опять не виноваты ни чиновникъ, ни извощикъ, а виновата ихъ судьба, эта «глупая индѣйка», по залихватскому русскому выраженію. То же самое происходитъ со всѣми талантливыми натурами: онѣ получаютъ одностороннее развитіе, несоотвѣтственное ихъ потребностямъ, и, уступая силѣ враждебныхъ обстоятельствъ, попадаютъ на ложную дорогу. Онѣ не столько животны, слабодушны и слѣпы, чтобы уступить безъ всякаго усилія, въ простодушной увѣренности, что такъ должно быть: это ихъ достоинство. Но онѣ не имѣютъ и настолько внутренней силы, ума и благородства, чтобы выдержать до конца, чтобы не измѣнить своимъ добрымъ влеченіямъ и не впасть въ апатію, фразерство и даже мошенничество: вотъ ихъ существенный, страшный

недостатокъ. Но этотъ недостатокъ, очевидно, не природный. Онъ происходитъ отъ слабости характера, соединенной съ пылкостью стремленій. Пылкость стремленій сама по себѣ—вещь весьма похвальная, и притомъ составляетъ въ человѣкѣ не что иное, какъ простой признакъ живой молодости, — а характеръ, какъ всѣ согласны, не родится съ человѣкомъ, а пріобрѣтается имъ во время воспитанія, установляясь окончательно въ послѣдующихъ треволненіяхъ жизни. Слѣдовательно, по строгомъ разсужденіи, на сторонѣ самой личности остается только живая воспріимчивость натуры, признакъ вовсе не дурной; а все остальное ложится на отвѣтственность окружающей ее среды. Намъ скажутъ: отчего же эта среда не оказываетъ такого же вліянія на другихъ, отчего именно на талантливыя натуры она дѣйствуетъ такъ гибельно? Отвѣтъ простъ: эти натуры, по своей впечатлительности, забѣгаютъ дальше другихъ, часто захватываютъ больше, чѣмъ сколько могутъ вынести, и при этомъ чаще, чѣмъ другіе, встрѣчаютъ противодѣйствія, которымъ онѣ не въ силахъ противиться. Между тѣмъ какъ дѣти милыя и благонравныя наслаждаются спокойствіемъ блаженнаго невѣдѣнія, помня, что они дѣти и, слѣдовательно, должны составлять свой маленькій міръ, не вступаясь въ дѣла большихъ,—дѣти воспріимчивыя и пылкія суются безпрестанно туда, гдѣ ихъ не спрашиваютъ, рано знакомятся съ житейскими дрязгами и рано получаютъ отъ большихъ практическія опроверженія своихъ дѣтскихъ разсужденій. Въ иныхъ, естественная логика и привычка къ дѣятельности беретъ верхъ: они разсматриваютъ практическіе взгляды со всѣхъ сторонъ и оцѣниваютъ ихъ очень вѣрно; они не падаютъ предъ силою обстоятельствъ, не опускаются до злобнаго фразерства и цинической лѣни — съ досады, что ничего великаго сдѣлать нельзя, — а до конца идутъ противъ враждебной силы и если не успѣютъ ее покорить, то падаютъ, звукомъ самого паденія созывая на трупъ свой новыхъ самоотверженныхъ дѣятелей. Но такихъ крѣпкихъ людей немного. Бо̀льшая часть не выдерживаетъ враждебнаго напора и гибнетъ нравственно, безъ пользы, а часто даже съ вредомъ и для другихъ. Въ общественномъ отношеніи, разумѣется, хвалить ихъ нечего: они всегда являются въ обществѣ или тунеядцами или мошенниками. Отъ этого мы и не думаемъ ихъ оправдывать, равно какъ не думаемъ возвеличивать ихъ бездѣйствіе насчетъ незамѣтной дѣятельности скромныхъ тружениковъ. Мы только хотимъ сказать, что въ сущности своей талантливыя натуры даютъ больше задатковъ хорошаго развитія, нежели благонравныя, милыя, послушныя и т. д. дѣти— и что при благопріятныхъ обстоятельствахъ ихъ развитіе принесло бы хорошіе плоды. Мы можемъ сравнить ихъ, пожалуй, съ плодородной землей. Засѣйте гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Петербурга хорошую почву (если таковая найдется) маисомъ, рожью и крапивой. Маисъ, разумѣется, не примется, по причинѣ разныхъ прелестей петербургскаго климата, а рожь заглушена будетъ крапи-

вою. Вотъ поле и не годится никуда. Какъ же можно сравнить его по плодамъ съ другимъ, довольно, правда, скуднымъ полемъ, которое, однако же, выростило рожь, хотя и очень тощенькую. А все-таки нельзя не сказать, что въ первомъ полѣ земля лучше. Брошенное и запущенное, да еще закрытое отъ солнышка какими-нибудь заборами да постройками, заваленное всякимъ мусоромъ, оно и все поростетъ крапивой. Но попадись оно въ руки хорошему хозяину, такъ тотъ не только его отъ мусора очиститъ и крапиву выполетъ, не только хорошую жатву соберетъ, а еще цѣлую оранжерею на немъ разведетъ, и самыя нѣжныя растенія воспитаетъ, оградивши ихъ отъ разныхъ неблагопріятныхъ петербургскихъ вліяній.

Если нужно доказать наши слова примѣрами, то за ними ходить недалеко. У г. Щедрина представлены талантливыя натуры трехъ разрядовъ: мефистофельская, спившаяся съ кругу и пустившаяся въ мошенничество. Нельзя не сознаться, что выборъ этихъ трехъ категорій самъ по себѣ весьма удаченъ. Неудавшаяся дѣятельность талантливыхъ натуръ обыкновенно имѣетъ одинъ изъ этихъ исходовъ. Всѣ они гадки и вредны, или, по крайней мѣрѣ, безполезны; но посмотрите на начало жизненнаго поприща этихъ господъ, вникните въ сущность ихъ натуры, и вы увидите, что всѣ ихъ увлеченія имѣютъ доброе начало, а паденіе происходитъ просто отъ безсилія противиться внѣшнимъ вліяніямъ. Отчего такое безсиліе происходитъ, мы уже отчасти объяснили. Прибавимъ только, что, завися отъ естественной, каждому предмету въ мірѣ присущей инерціи, — качество это усиливается отъ постоянной привычки къ пассивному воспріятію чужихъ идей, и дѣлается тѣмъ отвратительнѣе, чѣмъ больше ума и свѣжихъ силъ въ такой пассивной натурѣ. На человѣка, неумѣющаго пяти словъ сказать со смысломъ, не досадно, если онъ цѣлый вѣкъ сидитъ за переписываньемъ. Да его и не замѣтишь: онъ доволенъ своей судьбою и высоко не заносится, зная, что безъ крыльевъ опасно подниматься на воздухъ... Но человѣкъ, легко и быстро понимающій предметы, имѣющій живыя и высокія стремленія, знающій очень хорошо степень собственныхъ силъ, — такой человѣкъ вдругъ, поддаваясь лѣни, отстаетъ отъ всякаго дѣла и употребляетъ свои способности только на пересыпанье изъ пустого въ порожнее или на различныя непохвальныя продѣлки — это уже досадно и горько. Такого человѣка сейчасъ всѣ замѣтятъ, потому что онъ всѣмъ надоѣдаетъ своими жалобами на несправедливость судьбы, ко всѣмъ навязывается съ пересмѣиваньемъ своихъ ближнихъ, всѣмъ кидается въ глаза своимъ сознательнымъ, преднамѣреннымъ бездѣльничествомъ. Вотъ, напримѣръ, передъ вами г. Корепановъ. Онъ не потому замѣченъ крутогорскимъ обществомъ, что тунеядствуетъ и въ пустякахъ всю свою жизнь проводитъ. Онъ пустъ не больше другихъ; какъ другіе, онъ служитъ, — какъ другіе, является на дѣтскіе балы княжны Анны Львовны, — какъ другіе, ничѣмъ особенно не занимается.

Словомъ, въ немъ ничего нѣтъ замѣчательнаго, и вы проходите мимо его, бросая на него разсѣянный взглядъ и думая: «вотъ еще одинъ изъ множества тѣхъ, которые прозябаютъ въ Крутогорскѣ, серьезно занимаясь дѣланьемъ ничего и не имѣя понятія о другихъ, лучшихъ сферахъ дѣятельности»... Но г. Корепановъ вдругъ останавливаетъ васъ восклицаніемъ: «прошу не смѣшивать меня съ этой толпой; я увѣряю васъ, что я гораздо лучше всѣхъ ихъ. Не смотрите на то, что я толкусь между ними, и такъ же, какъ они, ничего не дѣлаю... Повѣрьте, что я могъ бы сдѣлать многое, очень многое, если бы только захотѣлъ... Но я не хочу»...— «Тѣмъ хуже,—отвѣчаете вы,—значитъ вы, мсьё Корепановъ, сами виноваты въ своемъ ничтожествѣ. На этихъ людяхъ нечего спрашивать: они дѣлаютъ то, что могутъ; виноваты ли они, что у нихъ не хватаетъ силъ на большее? А вы гораздо хуже ихъ, потому что не дѣлаете и того, что можете. Вы просто дрянь, мсьё Корепановъ».—И что же бы вы думали? Корепановъ мгновенно съ вами соглашается и начинаетъ ругать себя. «Да, — говорилъ онъ, впрочемъ не безъ оттѣнка тонкой ироніи, — я глупъ, я слабъ, у меня мелкая, ничтожная душонка. Я завидую даже этому пошлому довольству и безмятежію, которое написано на лицахъ моихъ сослуживцевъ: все-таки, значитъ, ихъ жизнь прошла не даромъ... А я только все сомнѣвался да метался безъ толку, изъ стороны въ сторону... А къ чему?... Гораздо было бы спокойнѣе — добыть себѣ тепленькое мѣстечко, какъ Николай Ѳедорычъ, жениться на Анфисѣ Ивановнѣ, которая изъ старыхъ панталонъ шаль устраиваетъ, да считать себѣ денежки, какъ Семенъ Семенычъ»... Вы соглашаетесь, что это, дѣйствительно, было бы спокойнѣе, чѣмъ безъ толку цѣлый вѣкъ маяться; но Корепановъ обнаруживаетъ полное омерзѣніе къ дѣятельности Николая Ѳедорыча, Семена Семеныча и подобныхъ. Онъ даже дѣтямъ Семена Семеныча и Николая Ѳедорыча внушаетъ отвращеніе къ воровству и скаредной жизни родителей и гордится своими заслугами въ этомъ отношеніи. Онъ называетъ Крутогорскъ помойной ямой и оченъ недоволенъ тѣмъ, что здѣсь всякій долженъ безсмѣнно носить однажды накинутую на себя ливрею. По выходкамъ Корепанова вы видите, что онъ былъ въ хорошей школѣ, умѣетъ зло отъ добра отличить и имѣетъ понятіе о настоящей нравственности. Онъ и самъ признается, что въ молодости своей умныхъ людей съ каѳедры слушалъ, но только ученье не пошло ему въ прокъ. Онъ, видите, не хотѣлъ корпѣть надъ книжкой и клевать по крупицѣ, а ждалъ все, что ему кто-нибудь «вольетъ знаніе ковшомъ въ голову, и сдѣлается онъ послѣ того мудръ, какъ Минерва». Вотъ вамъ и первое паденіе передъ трудностями, первое торжество лѣни. Далѣе, Корепановъ за тѣмъ не остался служить тамъ, гдѣ бы лучше могли развернуться его таланты, что «онъ желаетъ кушать, а въ Петербургѣ или Москвѣ этого добра не найдешь сразу». А ему — видите — лѣнь добиваться чего-нибудь трудомъ, понемножку; все сразу хотѣлось бы. Вотъ онъ

и ѣдетъ въ Крутогорскъ, гдѣ у него есть родные «которыми, слѣдовательно, ужъ насижено мѣсто и для него»... Здѣсь онъ коекакъ служитъ, какъ и всѣ, но, главнымъ образомъ, злобствуетъ противъ всѣхъ, стараясь выставить собственное превосходство и несправедливость судьбы. Если хотите, судьба точно несправедлива къ нему, но несправедлива тѣмъ, что дала ему родныхъ, которые, съ грѣхомъ пополамъ насидѣвши тунеядцу мѣсто, освободили его отъ необходимости работать самому для пріобрѣтенія мѣста и хлѣба. Не будь этого, Корепановъ былъ бы славнымъ работникомъ и не погибъ бы для честной и полезной дѣятельности, обратившись въ мефистофеля средней руки.

Теперь посмотримъ на Лузгина, тоже талантливую натуру, только другого разбора. Положительно дурного въ этой натурѣ ничего нѣтъ. Припоминая прежніе годы Лузгина, г. Щедринъ говоритъ, что онъ былъ тогда безрасчетно добръ и великодушенъ, что въ немъ сильно кипѣла кровь, обильна и неистощима была животворная струя молодости. Самъ Лузгинъ, въ откровенномъ разговорѣ, высказываетъ, что у него и въ пожилыхъ лѣтахъ сохранилось еще много любви, горячности, жару. Онъ сожалѣетъ, что погано провелъ свою молодость и не столько лекціями, сколько ухорствомъ занимался. Въ жизни его есть прекрасныя явленія. Онъ женился на бѣдной гувернанткѣ своего сосѣда, которую притѣсняли сладострастный хозяинъ и капризная хозяйка. Онъ не хотѣлъ служить въ Петербургѣ за тѣмъ, что тамъ «выморозки, что-то холодное, ослизлое», бѣгаютъ цѣлый день, чтобъ имѣть счастіе искривить ротъ въ улыбку при видѣ нужнаго лица. Онъ пересталъ ѣздить къ школьному товарищу, когда тотъ вздумалъ пустить ему въ глаза пыль въ видѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Стрекозы, княгини Оболдуй-Таракановой, и такъ далѣе. Все это, нельзя не сознаться, обнаруживаетъ натуру добрую, симпатичную, съ наклонностями истинно благородными. Можно бы почесть его просто прекраснымъ мирнымъ помѣщикомъ, нашедшимъ наконецъ въ кругу семейномъ успокоеніе отъ житейскихъ треволненій. Но такое заключеніе было бы неудачно: Лузгинъ хоть и не занимался лекціями, по его собственному признанію, но все же кое-что изъ высшихъ наукъ запало ему въ голову, — и онъ уже не можетъ довольствоваться своей тѣсной сферой. «Размѣры насъ душатъ, — говоритъ онъ: — природа у насъ широкая, желалъ бы захватить и вдоль и поперегъ, а размѣры маленькіе. Жару и теперь еще пропасть осталось, только некуда его дѣвать: сфера-то у насъ узка, разгуляться негдѣ»... Да кто же вамъ не велѣлъ, г. Лузгинъ, захватывать именно столько, сколько ваши силы позволяютъ? Затѣмъ вы киснете въ деревнѣ и даже не служите, хоть бы по выборамъ? — А вотъ видите, — когда Лузгинъ воротился изъ ученья, то мать стала его упрашивать: «около меня посиди», да и сосѣди лихіе нашлись, — онъ и остался, тѣмъ болѣе что къ лѣности съ юныхъ лѣтъ сердечное влеченье чувствовалъ... Но въ деревнѣ его

томитъ скука: образованіе его не столько полно, чтобъ онъ могъ довольствоваться самимъ собою и семейнымъ кругомъ; онъ ищетъ другихъ развлеченій и находитъ ихъ, разумѣется, безъ особенныхъ затрудненій; онъ начинаетъ каждый день напиваться до пьяна, приводя въ отчаяніе свою жену и разстраивая собственное здоровье... Ну, скажите на милость, природа ли тутъ виновата? Лузгинъ всячески старается всю вину сложить на природу, хотя онъ, собственно говоря, и не думаетъ себя оправдывать. Напротивъ, онъ, какъ и всѣ талантливыя натуры, безбоязненно и безстыдно распространяется о своихъ недостаткахъ, увѣряя, что онъ свинья, что онъ опустился, что онъ гнусенъ съ верхняго волоска головы до ногтей ногъ. Но все это самообвиненіе мало помогаетъ. Подняться онъ уже не въ силахъ: я, говоритъ, до такой степени привыкъ къ праздности, такъ въѣлся въ нее, что даже ужъ и думать ни о чемъ не хочется. При всемъ томъ, онъ не хочетъ принять на себя отвѣтственности за все. Чувствуя, что не въ силахъ подняться, онъ старается увѣриться, что такъ ужъ судьбой рѣшено, что иначе и быть не можетъ, что такъ, видно, «и суждено этому огню перегорѣть въ груди, не высказавшись ни въ чемъ». И въ этой увѣренности принимается съ отчаянія за чарочку, чтобъ утопить въ винѣ свои досадные порывы. А потомъ жалуется на природу, весьма комическимъ образомъ. «Для чего,—говоритъ,—она не сдѣлала меня Зенономъ, а наградила наклонностями сибарита? Для чего она не закалила мое сердце для борьбы съ терніями суровой дѣйствительности, а, напротивъ того, размягчила его и сдѣлала способнымъ откликаться только на доброе и прекрасное?... Природа-то вѣдь дура, выходитъ»... Какая же тутъ природа, г. Лузгинъ? Природа всѣхъ людей рѣшительно выпускаетъ на Божій свѣтъ слабыми и безпомощными: никого она не калитъ и не мягчитъ нарочно, въ томъ соображеніи, что вотъ этотъ господинъ долженъ будетъ бороться, а тотъ нѣтъ, такъ — въ видахъ предусмотрительности — надобно дать имъ такія-то и такія-то свойства. Это вы все для оправданія своей лѣни выдумываете, что природа какъ-то непріязненно къ вамъ расположена и по какимъ-то интригамъ вздумала васъ размягчить. Ничего подобнаго не бывало: закаляются люди не на лонѣ природы, а въ горнилѣ житейской опытности. А этой-то закалки и нѣтъ у васъ, потому что вамъ не случилось надобности съ самаго начала преодолѣть вашу лѣнь, и вы позволили другимъ за васъ думать и дѣйствовать. Въ результатѣ и вышло, что хоть у васъ сердце доброе, хоть оно и откликается на все прекрасное, а сами-то вы вышли человѣкъ не только плохой, но и пошлый, даже грязный. Такъ скажемъ мы Лузгину, не желая поощрять его лѣни и цинизма. Но, обращаясь къ читателямъ, мы, разумѣется, не можемъ не прибавить, что дѣйствительно судьба была довольно жестока къ Лузгину. Его вывели изъ непосредственной простоты и патріархальности деревенскихъ отношеній, дали нѣкоторое понятіе о предметахъ высшихъ, но не дали основа-

тельныхъ и твердыхъ началъ, не заинтересовали даже наукой хоть бы до такой степени, чтобы предпочитать ее разнымъ ухорскимъ развлеченіямъ. При первыхъ попыткахъ что-нибудь дѣлать, ему встрѣчаются препятствія, — тамъ мать и родимое гнѣздо отвлекаютъ отъ службы, тамъ *лихіе* сосѣди увлекаютъ въ отъѣзжее поле да въ буйную оргію, тамъ надменныя выскочки и мягкотѣлые низкопоклонники отталкиваютъ его отъ петербургской жизни. Для него это уже слишкомъ много: его наклонность къ лѣни, привычка подчинять себя требованіямъ чужой воли и слишкомъ поверхностное образованіе не могутъ устоять противъ безпрестанныхъ искушеній. А тамъ судьба позаботилась приготовить родимое гнѣздо, въ которомъ можно жить на чужой счетъ... Вотъ и погибъ человѣкъ, изъ котораго, при другихъ обстоятельствахъ, могло бы и выйти что-нибудь.

Есть еще особаго рода талантливыя натуры, повидимому, совершенно непохожія на два образца, которые нами разсмотрѣны, но въ сущности чрезвычайно къ нимъ близкія. Образчикъ такихъ натуръ представляетъ Горехвастовъ, описанный г. Щедринымъ. Этотъ, съ перваго раза, можетъ показаться, пожалуй, очень дѣятельнымъ. Онъ прожектеръ, мошенникъ, шулеръ; онъ и въ офиціальное платье переодѣвался, и казенныя деньги кралъ, и заставлялъ кое-кого въ окно прыгать, и самъ изъ онаго прыгивалъ, и фортуну себѣ умѣлъ составить, и потерять оную. Кажется, чего больше дѣятельности—энергической, постоянной, только дурно направленной. Это ужъ, кажется, не слабая натура, носившая въ себѣ задатки добра, но погибшая только вслѣдствіе своей лѣни и слабости; эта сильная злодѣйская душа, талантливая только на мерзости всякаго рода. Онъ совсѣмъ непохожъ на двухъ малодушныхъ, только что нами видѣнныхъ у г. Щедрина. Такъ кажется съ перваго взгляда. Но если всмотрѣться пристальнѣе, то найдется, что и Горехвастовъ, въ сущности, рѣшительно то же самое, что Корепановъ и Лузгинъ. Разница между ними только въ томъ, что тѣ двое все-таки учились чему-нибудь и, при всей поверхностности своего образованія, усвоили нѣкоторыя, наиболѣе простыя внушенія, какъ, напримѣръ, что кража постыдна, шулерство гнусно, и т. п. Горехвастову же и этого не внушили, а учили его имѣть только пріятныя манеры и *causer* обо всемъ. Какъ натура талантливая, онъ поддался этому направленію, и манеры его, дѣйствительно, казались хороши, и *causeur* вышелъ изъ него отличный. Товарищи его ѣздили къ француженкамъ по воскресеньямъ, и онъ ѣздилъ, потому что не въ силахъ былъ противиться искушенію, не имѣя никакой внутренней опоры, точно такъ, какъ и Лузгинъ съ Корепановымъ. Петръ Бурковъ сводитъ его съ людьми, которыхъ карьера и назначеніе жизни ограничивается не совсѣмъ честными подвигами на зеленомъ полѣ, и онъ подвизается вмѣстѣ съ ними; затѣваютъ эти люди штуку en grand, чтобы купца надуть, и онъ является ревностнымъ исполнителемъ проекта; гово-

ритъ ему Петръ Бурковъ о жизни en artistes,—онъ и en artistes жить соглашается; зоветъ его по ярмаркамъ ѣздить,—онъ и на это готовъ. Иногда, какъ будто добрые инстинкты въ немъ просыпаются: ему, напримѣръ, неловко становится продать себя безобразной барынѣ, которая задумала воспользоваться его атлетическими формами. Но Бурковъ сказалъ ему, что это вздоръ, *велѣлъ* ему рѣшиться, во имя правъ дружбы,—и Горехвастовъ рѣшился. Скажите, на что же еще слабодушнѣе человѣка? Онъ гораздо слабѣе Лузгина и Корепанова, потому что еще менѣе, чѣмъ они, имѣетъ внутреннихъ убѣжденій; онъ рѣшительно не можетъ противиться окружающимъ вліяніямъ, не можетъ даже уклониться отъ нихъ въ бездѣйствіе, а прямо имъ подчиняется... А тамъ ужъ онъ идетъ дальше, по силѣ инерціи, и даже нерѣдко выказываетъ наружную твердость и храбрость, приличную обстоятельствамъ. Только эта энергія и твердость походятъ на храбрость лакея, который громогласно кричитъ съ крыльца «подавай!», а потомъ тотчасъ же подобострастно усаживаетъ барина въ карету и смиренно стоитъ передъ нимъ, если тому вздумается намылить ему шею. Храбрость Горехвастова мгновенно исчезаетъ: онъ трясется и блѣднѣетъ, какъ только увидитъ гдѣ-нибудь около себя *кавалера* или другую полицейскую власть, или даже просто въ чужомъ обществѣ получитъ «подлеца», съ любезнымъ обѣщаніемъ выбросить его изъ окна. Безсиліе противиться внѣшнимъ вліяніямъ обнаруживается въ немъ на каждомъ шагу, еще болѣе, чѣмъ въ Корепановѣ и Лузгинѣ.

Лѣнь, отвращеніе отъ труда тоже составляетъ одну изъ существенныхъ сторонъ его характера, несмотря на видимую неутомимую дѣятельность. Онъ не хотѣлъ служить и сдѣлался мошенникомъ именно потому, что не хотѣлъ «сидѣть каждый день семь часовъ въ какой-то душной конурѣ, облизываясь на мѣсто помощника столоначальника». Онъ чувствуетъ, что «стоитъ выше общаго уровня», что можетъ быть и поэтомъ, и литераторомъ, и прожектеромъ, и капиталистомъ Но ему непремѣнно хочется получить какъ можно больше безъ всякаго труда, и онъ избираетъ шулерство, какъ легчайшее средство обогащенія. Разорившись, онъ живетъ въ четвертомъ этажѣ, на манеръ артиста, и тутъ всего болѣе нравится ему полная безпечность, которой онъ можетъ предаваться. Ему тошно смотрѣть даже на своего сосѣда, Дремилова, только потому, что этотъ сидитъ все за книжкой. Негодованіе разыгрывается въ немъ при одномъ воспоминаніи о такомъ труженичествѣ. «Ну, что это за жизнь, спрашиваю я васъ,—восклицаетъ онъ,—и можетъ ли, имѣетъ ли человѣкъ право отдавать себя въ жертву геморрою? И чего, наконецъ, онъ достигнетъ»? и т. д. Горехвастову мало быть практическимъ лѣнтяемъ: онъ старается свою лѣнь возвести въ теорію. Онъ даже положительно выражается, что «геніальная натура науки не требуетъ, потому что до всего собственнымъ умомъ доходитъ. Спросите, напримѣръ, меня... Ну, о чемъ хотите!.. на все отвѣтъ дамъ, потому что это у меня русское, врожденное».

Какъ видите, и этотъ господинъ, подобно Лузгину, не прочь бы свалить свою пустоту на природу, на врожденность. Но въ его словахъ и разсказахъ нельзя не видѣть крайняго развитія лѣности, далеко превосходящей естественное и всякому человѣку дозволительное влеченіе къ покою.

«Однако онъ играетъ, мошенничаетъ, прожектируетъ,—могутъ возразить намъ.—Для этого тоже нужно много дѣятельности. Горехвастовъ работалъ и умомъ, и руками и ногами, и всѣми членами тѣла, для пріобрѣтенія фортуны. Онъ цѣлыя ночи проводилъ безъ сна, опасностямъ подвергался, странствовалъ по ярмаркамъ, путешествовалъ черезъ окна изъ втораго этажа на улицу. Какъ хотите, а къ этому неспособна натура пассивная, лѣнивая, находящая высшее блаженство въ апатическомъ бездѣйствіи». Все это кажется очень справедливымъ при первомъ взглядѣ. Но при нѣкоторомъ вниманіи нетрудно сообразить, что и дѣятельность Горехвастова — совершенно пассивная, вынуждаемая обстоятельствами чисто внѣшними. Почти всегда онъ дѣйствуетъ по чужой указкѣ, ведомый другими мошенниками, почти всегда слѣдуетъ неуклонно тому направленію, на которое его толкнули. Пожалуй, если хотите, и онъ не совсѣмъ безъ дѣла. Но развѣ тогда можно найти на свѣтѣ хоть одного человѣка бездѣльнаго? Тотъ бѣгаетъ цѣлый день около бильярда, другой сидитъ за шахматами, третій глубокомысленно куритъ сигару. Иной половину дня гуляетъ для моціона, а другую половину—употребляетъ на то, чтобы задавать работу своему желудку, который едва въ цѣлыя сутки ее выполнитъ... Иной всю жизнь свою вѣсти разноситъ, другой каждый вечеръ въ театрѣ томится, и т. д., и т. д. Все это вѣдь тоже дѣло, если хотите, и ни одинъ человѣкъ безъ дѣлъ подобнаго рода обойтись въ своей жизни не можетъ, потому что законъ самой природы непремѣнно какое-нибудь движеніе предписываетъ. Но что это за движеніе, къ чему оно стремится, какая сила его производитъ, — вотъ на что нужно обращать вниманіе при оцѣнкѣ человѣческой дѣятельности. И камень бросить, такъ онъ полетитъ, и даже, если его искусно направить на воду, то кружки на ней произведетъ. И если воду вскипятить, то она такъ разбушуется, что и черезъ край пойдетъ; но затѣмъ разольется по полу и простынетъ тотчасъ, — только лужа останется. Подобными вспышками ограничивается и дѣятельность пропавшихъ талантливыхъ натуръ. Внутреннее влеченіе къ дѣятельности имъ уже сдѣлалось непонятно; сознательно и постоянно преслѣдовать свою цѣль — у нихъ не хватаетъ терпѣнія и твердости. На одинъ порывъ, и даже сильный,—ихъ еще станетъ, потому что они вообще, по слабости своихъ внутреннихъ силъ, склонны увлекаться внѣшними впечатлѣніями; но одна неудача, одно препятствіе, котораго нельзя удалить сразу—и энергія оставляетъ ихъ, и природная лѣнь беретъ свое. Всѣ они являются дѣятельными представителями того взгляда на вещи, который высказываетъ Горехвастовъ такимъ образомъ.

«Я, Николай Иванычъ, патріотъ, я люблю русскаго человѣка за то, что онъ не задумывается долго. Другой вотъ, нѣмецъ или французъ, надъ всякою вещью остановится, даже смотрѣть на него тошно, точно родить желаетъ, а нашъ братъ только подошелъ, глазами вскинулъ, руками развелъ: «этого-то не одолѣть?— говоритъ: — да съ нами крестная сила! да мы только глазомъ мигнемъ»! И дѣйствительно — какъ почнетъ топоромъ рубить, — только щепки летятъ; геніальная, можно сказать, натура! безъ науки всѣ науки прошелъ!.. Люблю я, знаете, иногда посмотрѣть на нашего мужичка, какъ онъ тамъ дѣйствуетъ: лежитъ, кажется, цѣлый день на боку, да за то ужъ какъ примется, такъ у него словно горитъ въ рукахъ дѣло, откуда что берется»!

Вмѣстѣ съ слабодушіемъ и лѣностью, Горехвастовъ имѣетъ и другіе второстепенные признаки талантливыхъ натуръ. Онъ съ удивительною откровенностью разсказываетъ свои подвиги и при этомъ энергически ругаетъ себя, превосходя въ этомъ случаѣ Корепанова и Лузгина настолько, насколько натура его размашистѣе ихъ натуръ.—«Я подлецъ,—восклицаетъ онъ и рветъ при этомъ свои волосы: — я не стою быть въ обществѣ порядочныхъ людей! я подлецъ, я погубилъ свою молодость! я долженъ просить прощенія у васъ, что осмѣлился осквернить вашъ домъ своимъ присутствіемъ». Какое сильное раскаяніе! — можете вы подумать. Не безпокойтесь: это такъ, вспышка, для успокоенія собственной совѣсти. «Мы, дескать, не такіе пошляки, какъ другіе-прочіе; мы чуемъ нашу высшую русскую породу и знаемъ, что если бы захотѣли, такъ могли бы быть очень хорошими людьми». На дѣятельность же Горехвастова всѣ подобныя вспышки не оказываютъ ни малѣйшаго вліянія. Въ то самое время, какъ онъ декламируетъ о своемъ недостоинствѣ, его арестуютъ за кражу казенныхъ денегъ женщиною, съ которой онъ находился въ «непозволительной» связи. Проживъ свою молодость, этотъ господинъ до того излѣнился, что уже и украсть самъ не хочетъ, а заставляетъ свою любовницу.

Оставимъ теперь въ сторонѣ талантливыхъ пріятелей г. Щедрина и поставимъ вопросъ въ болѣе отвлеченномъ видѣ, чтобы не задѣвать никакихъ личностей. По нашему мнѣнію, въ обществѣ молодомъ, не успѣвшемъ еще основательно переработать всѣхъ своихъ взглядовъ и мнѣній, не успѣвшемъ, по причинѣ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, развить въ себѣ самоопредѣляемости къ дѣйствію (говоря по ученому), непремѣнно являются два главные разряда членовъ. Одни — вполнѣ пассивные, безличные и крайне ограниченные, какъ въ своихъ способностяхъ, такъ и въ потребностяхъ. Эти — смирны; они не волнуются, не сомнѣваются и не только не выходятъ изъ своей колеи, но даже не подозрѣваютъ, что можно изъ нея выйти. Въ ученьи, въ службѣ, въ жизни — они всегда *исправны*; что имъ прикажутъ, то они сдѣлаютъ, что дадутъ выучить, выучатъ, до какихъ границъ позволятъ дойти, до тѣхъ и дойдутъ. Это уже люди убитые, безнадежные; нечего ждать отъ нихъ, нечего стараться направить въ хорошую сторону. Какъ ихъ ни направьте, они не выйдутъ изъ своего ничтожества, не разовьютъ вашихъ идей, не будутъ вашими помощни-

ками. Они, какъ балластъ на кораблѣ, даютъ только устойчивость кораблю общества противъ бурныхъ вѣтровъ и толчковъ взволнованнаго моря. Они тяжелы на подъемъ, неподвижны и тупо вѣрны одному, разъ навсегда заученному правилу, разъ навсегда принятому авторитету. Отступленія дѣлаются ими только на практикѣ, и всегда безсознательно. Они могутъ похвалить романъ Жоржъ Санда, пока не знаютъ, что онъ написанъ Жоржъ Сандомъ; могутъ даже посмѣяться надъ нелѣпостью, если вы имъ не скажете, что взяли эту нелѣпость изъ уважаемой ими книги; могутъ осудить гнусный поступокъ, не зная, что онъ учиненъ генераломъ. Но какъ скоро авторитетъ является наружу, сознаніе ихъ просвѣтляется, и тутъ ужъ никакія убѣжденія не помогутъ... Убѣжденій и принциповъ нѣтъ для этихъ людей: для нихъ существуютъ только правила и формы. Въ дѣятельности ихъ есть что-то похожее на медвѣжью пляску для выгоды хозяина и для потѣхи празднаго народа; въ разговорахъ же своихъ они напоминаютъ попугая, который на всѣ ваши вопросы отвѣчаетъ одно, заученное слово, и часто совершенно невпопадъ говоритъ вамъ «дуракъ» за всѣ ваши ласки. Нѣкоторые, впрочемъ, и этимъ утѣшаются: интересно, дескать, что птица говоритъ, точно человѣкъ.

Другую половину молодого общества составляютъ именно тѣ люди, которыхъ называютъ современными героями, «провинціальными Печориными», «уѣздными Гамлетами», наконецъ «талантливыми натурами». Послѣднее названіе, можетъ быть, менѣе другихъ соотвѣтствуетъ мысли, которую мы хотимъ высказать; но — дѣло не въ названіи. Натуры тутъ, конечно, не много, а болѣе дѣйствуютъ обстоятельства житейскія, состоящія, во-первыхъ, въ отношеніяхъ времени. Печоринскія замашки и претензіи на талантливость натуры являются всегда, какъ уже замѣтилъ г. Щедринъ, въ молодомъ поколѣніи, обладающемъ сравнительно большею свѣжестью силъ, болѣе живою воспріимчивостью чувствъ. Подвергаясь разнообразнымъ вліяніямъ, молодые люди находятся въ необходимости сдѣлать наконецъ выборъ между ними. Начинается внутренняя работа, которая въ иныхъ исключительныхъ личностяхъ продолжается безостановочно, идетъ живо и самостоятельно, съ строгимъ разграниченіемъ внутреннихъ органически-естественныхъ побужденій отъ внѣшнихъ вліяній, дѣйствующихъ болѣе или менѣе насильственно. Но подобныя личности представляютъ исключеніе, тѣмъ болѣе рѣдкое, чѣмъ ниже стоитъ образованность всего общества. Самая же большая часть людей, начинающихъ работать мыслью въ обществѣ мало образованномъ, оказывается слабою и негодною, чтобы устоять противъ ожидающихъ ихъ препятствій. Съ самаго появленія своего на бѣлый свѣтъ, въ самые первые впечатлительные годы жизни, — люди новаго поколѣнія окружены все-таки средою, которая не мыслитъ, не движется нравственно, о мысли всякаго рода думаетъ, какъ о дьявольскомъ наважденіи и безсознательно-практически гнетъ и ломаетъ волю ре-

бенка. Это второе обстоятельство, — противодѣйствіе начальнаго воспитанія и всей окружающей среды идеямъ времени, которому уже принадлежитъ новое поколѣніе, — и приводитъ къ паденію бо̀льшую часть талантливыхъ натуръ. Возникли у нихъ кое-какія требованія, которымъ прежняя среда и прежняя жизнь не удовлетворяютъ: надобно искать удовлетворенія въ другомъ мѣстѣ. Но для этого надо много продолжительныхъ усилій, надо долго плыть противъ теченія. Между тѣмъ, корабль давно уже стоитъ на мели, и балластъ грузно лежитъ внизу. Талантливыя натуры, замѣтивъ, что все около нихъ движется, — и волны бѣгутъ, и суда плывутъ мимо, — рвутся и сами куда-нибудь; но снять корабль съ мели и повернуть по своему они не въ силахъ, уплыть одни далеко отъ своихъ — боятся: море невѣдомое, а пловцы они плохіе. Напрасно кто-нибудь, болѣе ихъ искусный и неустрашимый, переплывшій на противный берегъ, кричитъ имъ оттуда, указывая путь спасенія: плохіе пловцы боятся броситься въ волны и ограничиваются тѣмъ, что проклинаютъ свое малодушіе, свое положеніе, и иногда, заглядѣвшись на бѣгущую мимо струю, или ободренные крикомъ, вылетѣвшимъ изъ капитанскаго рупора, вдругъ воображаютъ, что корабль ихъ бѣжитъ, и восторженно восклицаютъ: «пошелъ, пошелъ, двинулся!» Но скоро они сами убѣждаются въ оптическомъ обманѣ и опять начинаютъ проклинать или погружаются въ апатичное бездѣйствіе, забывая простую истину, что имъ придется умереть на мели, если они сами не позаботятся снять съ нея корабль и, прежде всего — хоть помочь капитану и его матросамъ выбросить балластъ, мѣшающій кораблю подняться.

Какой изъ этихъ двухъ разрядовъ лучше,—конечно, не затруднится сказать никто. Въ настоящемъ они *оба хуже*, и горе тому обществу, которое долго остановится на этихъ двухъ категоріяхъ, и въ которомъ не будетъ съ года на годъ увеличиваться число спасительныхъ исключеній. Отсутствіе всякой самостоятельности, лѣнивая апатія и увлеченіе внѣшностью составляютъ существенные признаки — какъ талантливыхъ натуръ, такъ и людей, принадлежащихъ къ общественному балласту, хотя и не во всѣхъ находятся эти качества въ одинаковой степени. Слѣдовательно, и тотъ и другой сортъ людей — не большая находка для общества, которое хочетъ жизни и дѣятельности сознательной и самобытной. Лучшая изъ талантливыхъ натуръ не пойдетъ дальше теоретическаго пониманія того, что нужно, и громкаго крика, когда онъ не слишкомъ опасенъ. Въ случаѣ же обстоятельствъ неблагопріятныхъ, они или заговорятъ двусмысленно, или и совсѣмъ противно своимъ убѣжденіямъ. Самые отважные — замолчатъ, и свое молчаніе будутъ считать геройствомъ. «Мы, дескать, мученики своихъ убѣжденій: всѣ говорятъ противъ совѣсти и получаютъ отъ этого выгоду, и мы могли бы тоже получить выгоду, проповѣдуя чужія мысли, которыхъ не раздѣляемъ; но мы не хотимъ кривить душой и молчимъ, затаивъ въ себѣ собственное, самобытно-сочиненное воззрѣ-

ніе до того времени, когда можно будетъ его высказать безъ опасеній». Такимъ образомъ и водворяется въ обществѣ невозмутимѣйшая тишина, полнѣйшая неподвижность, возмущаемая только развѣ дебоширствами талантливыхъ натуръ, посягающихъ на безопасность смиренныхъ гражданъ.

Но у молодого, еще не совсѣмъ развитого, общества есть будущее. И для этого будущаго второй разрядъ людей, т. е. люди съ размашистыми натурами даютъ все-таки несравненно больше хорошихъ надеждъ, чѣмъ убитыя существа безъ всякихъ стремленій. Они, по крайней мѣрѣ, не будутъ имѣть такого парализующаго вліянія на дѣятельность слѣдующихъ за ними поколѣній, потому что въ нихъ есть уже хоть смутное предчувствіе истины, хоть робкое, слабое оправданіе молодыхъ порывовъ. Лузгинъ уже не смѣетъ высѣчь своихъ дѣтей за то, что они уличаютъ его во лжи; Корепановъ безбоязненно внушаетъ крутогорскому молодому поколѣнію «отвращеніе къ тѣмъ мерзостямъ, въ которыхъ закоренѣли ихъ милые родители». Рудинъ (тоже талантливая натура) имѣлъ болѣе благотворное вліяніе на молодого студента Басистова, чѣмъ всѣ его профессора вмѣстѣ. Въ талантливыхъ натурахъ есть хоть слабые зачатки дѣятельности, хоть желаніе перевертывать на разныя манеры то, что имъ передано другими; въ натурахъ безталанныхъ, безличныхъ, нѣтъ даже мысли о томъ, что нужно и можно дѣйствовать самому; пассивное воспріятіе внѣшнихъ внушеній не только не возбуждаетъ ихъ къ дѣятельности, но даже еще болѣе усыпляетъ и успокоиваетъ въ томъ процессѣ механическаго передвиженія, который они называютъ жизнью и дѣятельностью... Винить этихъ несчастныхъ тружениковъ было бы несправедливо уже и потому, что у нихъ нѣтъ своей воли, нѣтъ своей мысли, слѣдовательно, имъ и отвѣчать не за что. Но нельзя не жалѣть объ ихъ положеніи, нельзя не желать, чтобы все уменьшалось въ человѣчествѣ число подобныхъ людей, напрасно носящихъ образъ человѣческій.

Обращаясь теперь къ началу нашей статьи, мы намѣрены предложить читателямъ вопросъ: не состоитъ ли и большинство нашего общества изъ членовъ двухъ названныхъ нами категорій? Не составляютъ ли у насъ исключенія люди, соединяющіе съ правдивостью и возвышенностью стремленій честную и неутомимую дѣятельность? Вѣроятно, каждый изъ читателей можетъ насчитать въ числѣ своихъ знакомыхъ десятки людей, которымъ, кажется, сроду не приходило въ голову ни одного вопроса, не касавшагося ихъ собственной кожи, и десятки другихъ, безплодно тратящихъ всю жизнь въ вопросахъ и сомнѣніяхъ, не пытаясь разрѣшить своей дѣятельностью ни одного изъ нихъ, и измѣняющихъ на дѣлѣ даже тѣмъ рѣшеніямъ, которыя ими сдѣланы въ теоріи. Сколько мы видимъ людей, унижающихся передъ тѣми, кого они внутренно презираютъ, смѣющихся надъ тѣмъ, чего боятся, дѣлающихъ то, чего гадость они очень хорошо знаютъ, говорящихъ

то, чему сами не вѣрятъ, и т. п. Отчего происходитъ все это? Оттого же, отчего погибаютъ талантливыя натуры, — отъ недостаточнаго развитія внутренней силы, необходимой, чтобы устоять противъ внѣшнихъ вліяній. Теперь мы, слава Богу, всѣ уже знаемъ кое-что, потому что всѣ учились понемногу. Но бѣда въ томъ, что ученье это рѣдкимъ изъ насъ впрокъ идетъ: рѣдкіе рѣшаются собственнымъ умомъ провѣрить чужія внушенія, внести въ чужія системы свѣтъ собственной мысли и ступить на дорогу безпощаднаго отрицанія для отысканія чистой истины; большая часть принимаетъ ученье только памятью, и если дѣйствуетъ иногда разсудкомъ, то не потому, чтобы внутренняя, живая потребность была, а потому только, что въ голову заброшено такое ученіе, въ которомъ именно приказывается мыслить. И начинается мышленіе на заказъ, безъ всякаго участія сердца, съ соблюденіемъ только діалектическихъ тонкостей. И то хорошо, конечно: все-таки лучше, чѣмъ совершенное, мертвое безмыслie. Но жизнь не уловляется діалектикой, и кто не вникалъ въ разнообразіе ея вліяній самъ, не стѣсняясь теоріями, навязанными въ лѣта невѣдѣнія, — тотъ не пойметъ ея хода. Въ томъ обществѣ, гдѣ сильно еще дѣйствуютъ въ отдѣльныхъ личностяхъ чужія, безсмысленно взятыя на вѣру формы и формулы, долго нельзя ожидать плодотворной и послѣдовательной дѣятельности. Во многихъ умахъ могутъ появляться прекрасные порывы, произведенные присталыми убѣжденіями; но всѣ они — и порывы, и самыя убѣжденія — безполезно погибаютъ и разсыпаются въ прахъ, не въ силахъ будучи противиться давленію темной и тяжелой массы, со всѣхъ сторонъ заграждающей имъ путь. Оттого-то и бываетъ такъ медленъ переходъ народовъ изъ состоянія пассивнаго воспріятія въ состояніе самобытной дѣятельности. Медленно, чуть замѣтно увеличивается, изъ поколѣнія въ поколѣніе, число людей самобытно мыслящихъ, и еще медленнѣе получается возможность приложить мысль къ дѣлу. Идеала лично-самостоятельной дѣятельности не достигъ еще ни одинъ народъ, и немного есть народовъ, въ которыхъ сознательно развитыя личности не составляютъ исключенія.

Наше общество еще очень молодо въ отношеніи къ европейской цивилизаціи, и потому нечего удивляться, что огромное большинство его относится къ наукѣ и мысли чисто-страдательно. Между этимъ большинствомъ есть мирные люди, отличающіеся изумительной способностью легко переваривать всѣ противорѣчія, проистекающія изъ смѣшенія новыхъ понятій, вносимыхъ жизнью, съ старыми привычками, пріобрѣтенными въ дѣтствѣ. Есть и талантливыя натуры разныхъ сортовъ, шумно дающія знать о своемъ бездѣйствіи и переваривающія на досугѣ свое прошедшее, протестуя противъ настоящаго. Они-то обыкновенно и толкуютъ о высшей своей русской породѣ, которой достоинства опредѣляютъ на манеръ Горехвастова: «геніальная, дескать, натура у русскаго человѣка: безъ науки всѣ науки прошелъ»!... И дѣйствительно, —

продолжимъ мы рѣчь Горехвастова, соображая нѣкоторыя явленія нашей общественной жизни, — «какъ почнетъ топоромъ рубить — только щепки летятъ... Лежитъ, кажется, цѣлый день на боку, да за то ужъ какъ примется»... — «Въ полтора вѣка Европу мы догнали, да и перегнали», — восклицаютъ у насъ, вторя Горехвастову, многія талантливыя натуры. «Да помилуйте, мы уже восемь вѣковъ назадъ были далеко впереди отъ Европы, — возражаютъ другіе, — мы всегда были не то, что прочіе люди; мы давно уже безъ науки всѣ науки прошли, потому что геніальная натура науки не требуетъ: это ужъ у насъ у всѣхъ русское, врожденное».

Къ сожалѣнію, все это — слова, слова не имѣющія внутренняго смысла. Самые толки о необыкновенно быстромъ ростѣ нашемъ оказываются краснорѣчивымъ тропомъ. Отъ древней Руси довольно осталось намъ наивно-разсказанныхъ фактовъ кормленія и продѣлокъ подьячества. Сто лѣтъ тому назадъ Сумароковъ пріобрѣлъ благодарность современниковъ за успѣшное преслѣдованіе «крапивнаго сѣмени». За шестьдесятъ лѣтъ до нашего времени, по поводу комедіи Капниста, журналы предсказывали искорененіе взяточничества. Не дальше какъ въ прошломъ году самъ господинъ Щедринъ похоронилъ прошлыя времена. Но вотъ опять всѣ покойники оказались живехоньки и зычнымъ голосомъ отозвались въ третьей части «Очерковъ» и въ другихъ литературныхъ произведеніяхъ послѣдняго времени. Доказываетъ ли это, что мы очень выросли въ нравственномъ и умственномъ отношеніи? Не напоминаетъ ли это, напротивъ, Горехвастова, трагически декламирующаго о своей гадости и подлости, съ вырываніемъ собственныхъ волосъ приносящаго раскаяніе и, въ то же время, затѣвающаго новое воровство?...

«До чего жъ вы наконецъ договорились, — возражаютъ намъ практическіе люди: — вы сами сознаетесь наконецъ въ безсиліи вашего хваленаго рода литературы? Къ чему же привели всѣ эти отвратительныя картины, грязныя сцены, пошлые и подлые характеры? Къ чему привело все это раскрытіе общественныхъ ранъ, которое вы всегда такъ превозносили? Выходитъ, что отъ вашихъ литературныхъ обличеній никакого толку нѣтъ, да и быть не можетъ. Повѣрьте, что исправники и становые вашихъ разсужденій и очерковъ читать не станутъ, а если и прочтутъ, такъ только васъ же ругнутъ: хорошо, молъ, имъ сочинять-то у бездѣлья, а тутъ на шеѣ столько обязанностей виситъ, что только дай Богъ вынести. И повѣрьте, что сознаніе своихъ обязанностей въ отношеніи къ желудку, семейству, начальству, и пр., будетъ въ человѣкѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ убѣжденія всѣхъ вашихъ книжекъ. Напрасно только литература унижаетъ себя, опускаясь изъ свѣтлыхъ высотъ фантазіи въ омутъ грязной дѣйствительности. Она должна приносить чистыя жертвы на алтарь музъ, а вмѣсто того жрецы ея берутся за метлу. Вы рождены для вдохновенья, для звуковъ *сладкихъ* и молитвъ; зачѣмъ же вы пускаетесь въ жи-

тейскія волненія, зачѣмъ преслѣдуете какія-то цѣли, достиженіе которыхъ васъ, кажется, очень интересуетъ? Искусство цѣлей внѣ себя допускать не должно. Иначе оно искажается, профанируется, низводится на степень ремесла, и все это безъ малѣйшей пользы для общества, единственно за тѣмъ, чтобы дать исходъ желчи какого-нибудь господина. Оставьте лучше этотъ родъ; онъ не приводитъ ни къ чему хорошему. Вѣковой опытъ долженъ убѣдить васъ въ этой непреложной истинѣ. Изображайте намъ лучше чувства возвышенныя, натуры благородныя, лица идеальныя. Дайте намъ образцы добраго и изящнаго, которыми мы могли бы восхищаться, на которыхъ душа наша могла бы отдохнуть и успокоиться отъ треволненій и сердечныхъ зрѣлищъ жизненнаго поприща. Пишите объ искусствѣ, о предметахъ, повергающихъ сердце въ сладостное умиленіе или благоговѣйный восторгъ, — описывайте, наконецъ, красы природы, неба... Тогда ваша литература будетъ исполнять свое прямое назначеніе — служеніе искусству и, слѣдовательно, будетъ полезна, пріятна и, главное, художественна».

Въ словахъ практическихъ людей звучитъ ожесточеніе безпощадное. Они давно уже косятся на это направленіе, которое насолило ихъ теоріи, да не оставило-таки задѣть немножко и практику. Всѣ ихъ возраженія, конечно, не новы и составляютъ варіаціи стихотворенія Пушкина «Чернь», съ прибавленіемъ, можетъ быть, чувствительныхъ стишковъ изъ Ильи Муромца.

«Ахъ, не все намъ слезы горькія
Лить о бѣдствіяхъ существенныхъ...
На минуту позабудемся
Въ чародѣйствѣ красныхъ вымысловъ».

Отчего же и не позабыться, если хотите, — особенно, если это только на минуту. Но при врожденной талантливымъ натурамъ лѣни они любятъ забываться надолго, даже навсегда, если можно. Онѣ готовы въ своей дремотѣ отъ всего сердца проклясть «правды гласъ», если онъ вдругъ разрушитъ ихъ сладостныя мечтанія. Многія, эстетически обученныя талантливыя натуры сильно желаютъ этого забытья, чтобы блаженствовать въ покоѣ. Но, признаемся, мы никогда не понимали «блаженства безумія», и еще менѣе понимаемъ, зачѣмъ люди хотятъ сдѣлать искусство служителемъ этого безумія. Вамъ не хочется смотрѣть на гадость и пошлость жизни; да литература то что же за штопальница, что вы хотите заставить ее зашивать кое-какія прорѣхи вашего изношеннаго наряда? Вы знаете, что человѣкъ не въ состояніи самъ отъ себя ни одной песчинки выдумать, которой бы не существовало на свѣтѣ; хорошее или дурное все равно берется изъ природы и дѣйствительной жизни. Когда же художникъ болѣе подчиняется заранѣе предположенной цѣли, — тогда ли, когда въ своихъ произведеніяхъ выражаетъ истину окружающихъ его явленій,

безъ утайки и безъ прикрасъ, или тогда, когда нарочно старается выбрать одно возвышенное, идеальное, согласное съ опрятными инстинктами эстетической теоріи? И чѣмъ же искусство болѣе возвышается, — описаніемъ ли журчанья ручейковъ и изложеніемъ отношеній дола къ пригорку, или представленіемъ теченія жизни человѣческой и столкновенія различныхъ началъ, различныхъ интересовъ общественныхъ? Вамъ угодно называть служителей общественнаго направленія подметателями всякаго сора. Пусть такъ; мы противъ этого не станемъ спорить; мы даже выскажемъ вамъ нашу искреннюю благодарность и удивленіе къ вашей эстетической мудрости, уподобивъ васъ тому нѣмецкому профессору (подумайте— профессору! нѣмецкому!), который у Гейне

«Mit seinen Nachtmützen und Schlafrockfetzen
Stopft die Lücken des Weltbaues».

А что литературныя обличенія не производятъ практически-благотворныхъ результатовъ, или производятъ ихъ весьма мало,— такъ кто же опять виноватъ въ этомъ? Неужели опять вы скажете, что литература? Да на нее и безъ того вы же сами взводите обвиненія въ излишней рѣзкости, вмѣшательствѣ не въ свои дѣла, и пр. Она дѣйствуетъ такъ сильно, какъ только можетъ, а вы недовольны ея дѣйствіями и хотите ихъ прекратить, потому что они слабы! Гораздо послѣдовательнѣе было бы съ вашей стороны, если бы вы сказали, что надобно, поэтому, усилить тонъ литературныхъ обличеній, для легчайшаго достиженія практическихъ результатовъ. Тогда бы мы съ вами и спорить не стали, хотя все-таки не рѣшились бы обѣщать слишкомъ замѣтнаго успѣха въ улучшеніи нравовъ посредствомъ литературы. Литература въ нашей жизни не составляетъ такой преобладающей силы, которой бы все подчинялось: она служитъ выраженіемъ понятій и стремленій образованнаго меньшинства и доступна только меньшинству; вліяніе ея на остальную массу — только посредственное, и оно распространяется весьма медленно. Да и по самому существу своему, литература не составляетъ понудительной силы, отнимающей физическую или нравственную возможность поступать противозаконно. Она не любитъ насилія и принужденія, а любитъ спокойное, безпристрастное и безпрепятственное разсужденіе. Она поставляетъ вопросы, со всѣхъ сторонъ ихъ разсматриваетъ, сообщаетъ факты, возбуждаетъ мысль и чувство въ человѣкѣ, но не присвоиваетъ себѣ какой-то исполнительной власти, которой вы отъ нея требуете. Намъ приходитъ теперь на мысль начало одного знаменитаго въ свое время французскаго сочиненія объ одномъ важномъ вопросѣ. «Меня спросятъ,—говоритъ авторъ,— что́ я за правитель или законодатель, что смѣю писать о политикѣ? Я отвѣчу на это: оттого-то я и пишу, что я ни правитель, ни законодатель. Если бы я былъ тѣмъ или другимъ, то не сталъ бы напрасно тратить время въ разговорахъ о томъ, что нужно

сдѣлать: я сдѣлалъ бы, или бы молчалъ»... Нужно же понять наконецъ значеніе писателя, нужно понять, что его оружіе—слово, убѣжденіе, а не матеріальная сила. Если вы признаете справедливость его убѣжденій и все-таки не исправляете по нимъ своей дѣятельности, — въ этомъ вы сами ужъ виноваты: въ васъ, значитъ, нѣтъ характера, нѣтъ умѣнья бороться съ трудностями, не развито понятіе о честномъ согласованіи поступковъ съ мыслями. Если же самыя убѣжденія вамъ не нравятся,—тогда другое дѣло. Тогда выскажите намъ всенародно ваши собственныя убѣжденія, докажите, что г. Щедринъ говоритъ неправду, что онъ изобрѣтаетъ небывалыя вещи. Публика послушаетъ и васъ, разберетъ тогда, на чьей сторонѣ правда. Въ такомъ случаѣ, литература, разумѣется, и значенія больше получитъ, хотя, конечно, и тогда чудесъ дѣлать не будетъ и не остановитъ хода исторіи. Для примѣра укажемъ хоть на древнюю исторію, чтобы не вмѣшивать сюда новыхъ народовъ. Ужъ на что, кажется, литературный народъ были аѳиняне. Судебныя дѣла рѣшались умиленіемъ судей отъ чтенія хорошей трагедіи; краснорѣчіе судьбою государства правило, но ничто не отвратило упадка аѳинской силы, когда народная доблесть пропала. Аристофанъ, не чета нашимъ комикамъ, не въ бровь, а въ самый глазъ кололъ Клеона, и бѣдные граждане рады были его колкимъ выходкамъ; а Клеонъ, какъ богатый человѣкъ, все-таки управлялъ Аѳинами съ помощью нѣсколькихъ богатыхъ людей. Демосѳенъ цѣлому народу громогласно проповѣдывалъ свои филиппики. Филиппъ зналъ силу оратора, говорилъ, что боится его больше, чѣмъ цѣлой арміи и, понимая, что борьбу надобно производить равнымъ оружіемъ, подкупилъ Эсхина, который могъ помѣряться съ Демосѳеномъ. Борьба продолжалась долго, наконецъ самый ходъ событій оправдалъ Демосѳена: аѳиняне послушались его, собрали наконецъ войско и пошли на Филиппа. Но все краснорѣчіе Демосѳена было не въ силахъ возвратить времена Мильтіадовъ и Ѳемистокловъ. Аѳины покорились Филиппу. Неужто и тутъ Демосѳенъ виноватъ: зачѣмъ, дескать, онъ говорилъ? Какъ бы не говорилъ, такъ, можетъ, было бы и лучше.

Впрочемъ, подумавши хорошенько, мы убѣждаемся, что серьезно защищать г. Щедрина и его направленіе совершенно не стоитъ. Все отрицаніе г. Щедрина относится къ ничтожному меньшинству нашего народа, которое будетъ все ничтожнѣе съ распространеніемъ народной образованности. А упреки, дѣлаемые г. Щедрину, раздаются только въ отдаленныхъ, едва замѣтныхъ кружкахъ этого меньшинства. Въ массѣ же народа, имя г. Щедрина, когда оно сдѣлается тамъ извѣстнымъ, будетъ всегда произносимо съ уваженіемъ и благодарностью: онъ любитъ этотъ народъ, онъ видитъ много добрыхъ, благородныхъ, хотя и неразвитыхъ или невѣрно направленныхъ инстинктовъ въ этихъ смиренныхъ, простодушныхъ труженикахъ. Ихъ-то защищаетъ онъ отъ разнаго рода талантливыхъ натуръ и безталанныхъ скромниковъ,

къ нимъ-то относится онъ безъ всякаго отрицанія. Въ «Богомольцахъ» его великолѣпенъ контрастъ между простодушной вѣрой, живыми, свѣжими чувствами простолюдиновъ и надменной пустотой генеральши Дарьи Михайловны или гадостнымъ фанфаронствомъ откупщика Хрептюгина. И неужели это будетъ отрицаніе народнаго достоинства, нелюбовь къ родинѣ, если благородный человѣкъ разскажетъ, какъ благочестивый народъ разгоняютъ отъ святыхъ иконъ, которымъ онъ искренно вѣруетъ и поклоняется, для того, чтобы очистить мѣсто для генеральши Дарьи Михайловны, небрежно говорящей, что c'est joli; или какъ полуграмотный писарь глумится надъ простодушной вѣрой старика, увѣряя, что «простой человѣкъ, окромѣ какъ своего невѣжества, натуральнаго естества ни въ жизнь произойти не въ силахъ»; или какъ у истомленныхъ, умирающихъ отъ жажды странницъ отнимаютъ ото рта воду, чтобы поставить серебряный самоваръ Ивана Онуфрича Хрептюгина. Нѣтъ, отрицательное направленіе принадлежитъ именно тѣмъ людямъ, которые обижаются подобными разсказами и безумно отрекаются отъ своей родины, ставя себя на мѣсто народа. Они — гнилыя части, сухія вѣтви дерева, которыя отмѣчаются знатокомъ для того, чтобы садовникъ обрѣзалъ ихъ, и они-то подымаютъ вопль о томъ, что рѣжутъ дерево, что гибнетъ дерево. Да, дерево можетъ погибнуть именно отъ этихъ гнилыхъ и засохшихъ вѣтвей, если онѣ не будутъ отсѣчены. Безъ нихъ же дерево ничего не потеряетъ: оно свѣжо и молодо, его можно воспитать и выпрямить; его растительная сила такова, что на мѣсто обрѣзанныхъ у него скоро выростутъ новыя, здоровыя вѣтви. А о сухихъ вѣтвяхъ и жалѣть нечего: пусть ихъ пригодятся кому-нибудь хоть на растопку печки.

Сочувствіе къ неиспорченному, простому классу народа, какъ и ко всему свѣжему, здоровому въ Россіи, выражается у г. Щедрина чрезвычайно живо. Мы думаемъ, что самый эстетическій, самый восторженный человѣкъ можетъ отдохнуть на общей картинѣ богомольцевъ и странниковъ, ожидающихъ на соборной площади появленія святыхъ иконъ. Тутъ нѣтъ сантиментальничанья и ложной идеализаціи; народъ является какъ есть, съ своими недостатками, грубостью, неразвитостью. Тутъ и горе, и бѣдность, и лохмотья, и голодъ являются на сцену, тутъ и пѣсни о томъ, что пришло время антихристово, потому что

«Власы, бороды стали брити,
Латынскую одежду носити»...

Но эти бѣдные, невѣжественные странники, эти суевѣрныя крестьянки возбуждаютъ въ насъ не насмѣшку, не отвращеніе, а жалость и сочувствіе; становится грустно, какъ послушаешь толки женщинъ о предстоящемъ имъ переселеніи по-за Пермь, въ сибирскія страны. Жалко стараго мѣста, жалко родительскія могилки оставить, но что дѣлать? Житье-то плохое на старомъ мѣстѣ: земля — тундра да болотина, семья большая, кормиться нечѣмъ и подати взять неоткуда. А въ сибирской сторонѣ, говорятъ, и хлѣбъ

родится, и скотина живетъ... Вздыхаютъ собесѣдницы, и разговоръ, повидимому, стихаетъ. Но, продолжаетъ г. Щедринъ.

«Этой боли сердечной, этой нуждѣ сосущей, которую мы равнодушно называемъ именемъ ежедневныхъ будничныхъ явленій, никогда нѣтъ скончанія. Они безконечно зрѣютъ въ сердцѣ бѣднаго труженика, выражаясь въ жалобахъ, всегда однообразныхъ и всегда безплодныхъ, но тѣмъ не менѣе повторяющихся безпрерывно, потому что человѣку невозможно не стонать, если стонъ, совершенно созрѣвшій безъ всякихъ съ его стороны усилій, вылетаетъ изъ груди.

« — Такъ-то вотъ, братъ, — говоритъ пожилой и очень смирный съ виду мужичекъ, встрѣтившись на площади съ своимъ односельяниномъ: — такъ-то вотъ, и Матюшу въ некруты сдали!

«Въ загорѣлыхъ и огрубѣвшихъ чертахъ лица его является почти незамѣтное судорожное движеніе, въ голосѣ слышится дрожаніе, и обыкновенный сдержанный вздохъ вырывается изъ груди.

« — А добрый парень былъ, — продолжаетъ мужичекъ: — какъ есть на свѣтѣ муха, и той не обидѣлъ, робилъ непрекословно, да и въ некруты непрекословно пошелъ, даже голосу не подалъ, какъ «лобъ» сказали!

«Воображенію моему вдругъ представляется этотъ славный, смирный парень Матюша, не то, чтобъ веселый, а скорѣе боязный, трудолюбивый и честный. Я вижу его за сохой, бодраго и сильнаго, несмотря на капли пота, струящіяся съ его загорѣлаго лица; вижу его дома безропотно исполняющаго всякую домашнюю нужду; вижу въ церкви Божіей, стоящаго скромно и истово знаменующагося крестнымъ знаменіемъ; вижу его позднимъ вечеромъ, засыпающаго сномъ невиннымъ послѣ тяжкой дневной работы, для него никогда не кончающейся. Вижу я старика отца и старуху мать, которые радуются не нарадуются на ненаглядное дѣтище; вижу урну съ свернутыми въ ней жеребьями, слышу слова: «лобъ», «лобъ», «лобъ»!...

« — Чтожъ, помолиться что ли ты пришелъ, дядя Иванъ?—спрашиваетъ у мужичка его собесѣдникъ.

« — Да, вотъ къ угоднику... Помиловалъ бы Онъ его, нашъ Батюшка! — отвѣчаетъ старикъ прерывающимся голосомъ: — никакого, то есть, даже изъяну въ немъ не нашли, въ Матюшѣ-то; тѣло-то, слышь, бѣлое разбѣлое, да крѣпко таково...

«И вся эта толпа пришла сюда съ чистымъ сердцемъ, храня, во всей ея непорочности, душевную лепту, которую она обѣщала повергнуть къ пречестному и достохвальному образу Божьяго угодника. Прислушиваясь къ ея говору, я самъ начинаю сознавать возможность и законность этого стремленія къ душевному подвигу, которое такъ просто и такъ естественно объясняется всѣми жизненными обстоятельствами, оцѣпляющими незатѣйливое существованіе простого человѣка» (т. III, стр. 152—154).

Мы остановимся здѣсь, подъ вліяніемъ этого трогательнаго чувства. Замѣтимъ только, въ заключеніе, какъ ровно, безпорывно, но за то какъ беззавѣтно, просто и открыто выражается глубокое чувство, глубокая вѣра этого народа, и выражается не въ восклицаніяхъ, а на дѣлѣ. Это не то, что фразеры, о которыхъ говорили мы въ началѣ статьи. Толками тѣхъ господъ нечего увлекаться, на нихъ нечего надѣяться: ихъ стаетъ только на фразу, а внутри существа ихъ господствуетъ лѣнь и апатія. Не такова эта живая, свѣжая масса: она не любитъ много говорить, не щеголяетъ своими страданьями и печалями, и часто даже сама ихъ не понимаетъ хорошенько. Но ужъ за то, если пойметъ что-нибудь этотъ «міръ», толковый и дѣльный, если скажетъ свое простое, изъ жизни вышедшее слово, то крѣпко будетъ его слово, и сдѣлаетъ онъ, что обѣщалъ. На него можно надѣяться.

1858.

Сочиненія Пушкина. Седьмой (дополнительный) томъ. ;даніе П. В. Анненкова. Спб. 1857.

Всѣ еще помнятъ, вѣроятно, какой живой восторгъ возбудило, и года тому назадъ, во всей читающей публикѣ извѣстіе о номъ изданіи Пушкина, подъ редакціею г. Анненкова. Послѣ вя:ти и мелкоты, которою отличалась наша литература за семь и за восемь лѣтъ предъ тѣмъ, это изданіе, дѣйствительно, было 5ытіемъ, не только литературнымъ, но и общественнымъ. Русе, любившіе Пушкина, какъ честь своей родины, какъ одного ь вождей ея просвѣщенія, давно уже пламенно желали новаго ганія его сочиненій, достойнаго его памяти, и встрѣтили предіятіе г. Анненкова съ восхищеніемъ и благодарностью. И въ юмъ дѣлѣ, память Пушкина какъ будто еще разъ повѣяла знью и свѣжестью на нашу литературу, точно окропила насъ вой водой и привела въ движеніе наши, окостенѣвавшіе отъ здѣйствія члены. Вслѣдъ за Пушкинымъ вышло второе изданіе [ертвыхъ душъ», потомъ второй томъ ихъ, затѣмъ полное изда: Гоголя, потомъ изданіе Кольцова съ біографіей его, написаню Бѣлинскимъ... Впрочемъ, нечего и перечислять столь недавніе общеизвѣстные факты; довольно сказать, что со времени изданія ішкина, первые томы котораго вышли въ началѣ 1855 года, ша литература оживилась весьма замѣтно, несмотря на громы йны, несмотря на тяжелыя событія, сопряженныя съ войною. ослѣдствія показали, впрочемъ, что эти самыя бѣдствія имѣли :сьма полезное значеніе для нашего умственнаго совершенствонія: они заставили насъ и дали намъ возможность получше разотрѣть самихъ себя, пооткровеннѣе сообщить другъ другу свои гѣчанія, побольше обратить вниманія на свои недостатки. Литегура тотчасъ же явилась у насъ выразительницею общественнаго изкенія, и ея дѣятели одушевились сознаніемъ важности своего га, любовью къ дѣлу, горячимъ желаніемъ добра и правды. Это ушевленіе, при новомъ положеніи литературы, скоро выразилось шительно во всемъ, даже въ библіографіи, бывшей у насъ дол: время безплоднымъ занятіемъ празднолюбцевъ, для развлече: ихъ скуки. Въ прежнее время библіографы наши подбирали кты ничтожные, вели споры объ обстоятельствахъ пустыхъ,

занимались часто рѣшеніемъ вопросовъ ни къ чему не ведущихъ. Мы помнимъ за послѣднія десять лѣтъ множество статеекъ, написанныхъ даже людьми дѣльными и почтенными, но пускавшимися въ такія ненужныя мелочи и дѣлавшими при этомъ такія наивныя ошибки, что со стороны становилось наконецъ досадно, хотя и забавно, смотрѣть на трудолюбивыхъ библіографовъ. И замѣчательно, что цѣлыми годами труда самаго копотливаго — не добывалось тогда ровно никакихъ результатовъ: публику душили ссылками на №№ и страницы журналовъ, давно отжившихъ свой вѣкъ, а она часто и не знала даже, о чемъ идетъ дѣло. Въ послѣднее время и библіографія перемѣнила свой характеръ: она обратила свое вниманіе на явленія, важныя почему-нибудь въ исторіи литературы, она старается въ своихъ поискахъ по архивамъ и библіотекамъ отыскать что-нибудь дѣйствительно интересное, и нерѣдко сообщаетъ читателямъ вещи, доселѣ бывшія вовсе неизвѣстными въ печати. Такъ, напримѣръ, недавно были напечатаны — «Сумасшедшій домъ» Воейкова, пародія Батюшкова на «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ», и пр.; такъ, представлены были (въ запискахъ г. Лонгинова, въ «Сборникѣ» студентовъ Спб. Университета) новыя интересныя свѣдѣнія о мартинистахъ, о Радищевѣ и Новиковѣ, и пр. Ставя это въ заслугу библіографамъ послѣднихъ лѣтъ, мы, разумѣется, вовсе не думаемъ этимъ унижать лично прежнихъ дѣятелей. На поприщѣ библіографіи и нынѣ подвизаются большею частію тѣ же лица, что и прежде, и, слѣдовательно, за нынѣшніе полезные труды упрекать ихъ въ прежнихъ безполезныхъ было бы съ нашей стороны совершенно несправедливо. Мы очень хорошо понимаемъ, что удача или неудача библіографа, въ сообщеніи читателямъ интересныхъ свѣдѣній, весьма часто не зависитъ отъ его воли. Онъ всегда радъ бы печатать все хорошее, но что же дѣлать, если не имѣетъ средствъ къ этому? Личности литературныхъ дѣятелей обвинять за это нельзя, — и мы хотимъ обратить вниманіе читателей на вопросъ именно съ той точки зрѣнія, что въ послѣднее время наша библіографія значительно расширилась въ своихъ предѣлахъ и средствахъ.

Вышедшій нынѣ седьмой томъ Пушкина служитъ однимъ изъ самыхъ яркихъ доказательствъ этого расширенія средствъ библіографіи, особенно въ отношеніи къ возможности и легкости сообщать публикѣ свои находки. Правда, что въ этомъ послѣднемъ отношеніи она еще и теперь далеко несовершенна, даже неудовлетворительна; но все же, какое сравненіе съ тѣмъ, что было прежде, и незадолго прежде! Мы помнимъ, какъ, лѣтъ пять тому назадъ, двое ученыхъ — старый и молодой — ожесточенно ратовали другъ противъ друга за то, какъ нужно произнести одинъ стихъ Пушкина: на четыре *стороны* или *стóроны*; помнимъ, какъ двое молодыхъ ученыхъ глумились другъ надъ другомъ изъ одного вздорнаго стихотворенія, съ подписью Д-гъ, не зная, кому приписать его — Дельвигу или Дальбергу. Да мало ли что можно вспо-

мнить изъ этого времени въ томъ же безвредномъ родѣ, какъ будто вызванномъ отчаяніемъ скуки. И ничего не вышло изъ этихъ споровъ, изслѣдованій и открытій: г. Анненковъ взялъ просто рукописи Пушкина, да съ нихъ и печаталъ бо́льшую часть его стихотвореній: библіографическія справки также наведены имъ, кажется, почти совершенно независимо отъ указаній прежнихъ библіографовъ. Говоримъ это потому, что большая часть стихотвореній и отрывковъ, помѣщенныхъ въ VII томѣ, или является нынѣ въ первый разъ въ печати, или указана не ранѣе прошлаго года, въ «Библіографическихъ замѣткахъ» г. Лонгинова. Тамъ имъ указаны были пьесы: «На лирѣ скромной, благородной», «Когда средь оргій жизни шумной», «И нѣкій духъ повѣялъ невидимо» (отрывокъ), нѣсколько строфъ изъ Евгенія Онѣгина и другихъ стихотвореній, нѣсколько эпиграммъ, и пр. Объ этихъ произведеніяхъ мы не станемъ говорить, потому что читатели «Современника», вѣроятно, помнятъ ихъ содержаніе или, по крайней мѣрѣ, характеръ. Изъ стихотвореній, напечатанныхъ нынѣ въ первый разъ, замѣчательны особенно два, относящіяся къ послѣднему времени жизни Пушкина: «Когда по городу задумчивъ я брожу» и «Когда великое свершалось торжество». Оба они напечатаны были въ прошедшей книжкѣ «Современника», и потому о нихъ мы тоже не станемъ распространяться. Изъ ранняго періода дѣятельности Пушкина напечатаны два превосходныя посланія къ Аристарху, силою и серьезностью мысли напоминающія посланіе «Лицинію», а по энергіи выраженія не уступающія лучшимъ ямбамъ Пушкина позднѣйшей эпохи. Чтобы яснѣе обрисовать характеръ выраженія пьесы, приведемъ изъ нея то мѣсто, гдѣ поэтъ опредѣляетъ обязанности своего Аристарха. (Пушкинъ, томъ VII, стр. 32.)

«О, варваръ, кто изъ насъ, владѣлецъ русской лиры,
Не проклиналъ твоей губительной сѣкиры?
Докучнымъ евнухомъ ты бродишь между музъ:
Ни чувства пылкія, ни блескъ ума, ни вкусъ,
Ни слогъ пѣвца «Пировъ», столь чистый, благородный —
Ничто не трогаетъ души твоей холодной!
На все кидаешь ты косой, невѣрный взглядъ,
Подозрѣвая всѣхъ — во всемъ ты видишь ядъ.
Оставь, пожалуй, трудъ, нимало не похвальный:
Парнассъ не монастырь и не гаремъ печальный;
И, право, никогда искусный коновалъ
Излишней пылкости Пегаса не лишалъ».

За этимъ стихомъ въ изданіи г. Анненкова перерывъ: вѣроятно, поэтъ допустилъ «нѣкоторые намеки на современныя лица и событія», отъ которыхъ издатель старался, по его словамъ, *очищать* пьесы Пушкина. Не знаемъ, до какой степени полезно это очищеніе, потому что не имѣемъ подъ руками полной пьесы, но думаемъ, что пьеса нисколько не потеряла бы своего художественнаго значенія, если бы была напечатана вполнѣ. Да если бы и такъ, то все-таки слѣдовало бы выпущенные въ пьесѣ стихи помѣстить

хоть въ примѣчаніяхъ. Впрочемъ, такъ какъ этого не сдѣлано, и, конечно, по уважительнымъ причинамъ, то мы обращаемся къ тому, что есть. Поэтъ продолжаетъ свое обращеніе къ Аристарху.

«Зачѣмъ себя и насъ терзаешь безъ причины?
Скажи, читалъ ли ты Наказъ Екатерины?
Прочти, пойми его, увидишь ясно въ немъ
Свой долгъ, свои права; пойдешь инымъ путемъ.
Въ глазахъ Монархини сатирикъ превосходный
Невѣжество казнилъ въ комедіи народной.
. . . .
Державинъ, бичъ вельможъ, при звукѣ грозной лиры
Ихъ горделивые разоблачалъ кумиры;
Хемницеръ истину съ улыбкой говорилъ;
Наперсникъ «Душеньки» двусмысленно шутилъ,
Киприду иногда являлъ безъ покрывала, —
И никому изъ нихъ цензура не мѣшала.
Ты что же хмуришься? Признайся, въ наши дни
Съ тобой не такъ легко бъ раздѣлались они.
Ты въ этомъ виноватъ. Передъ тобой зерцало,
Дней Александровыхъ прекрасное начало:
Провѣдай, что въ тѣ дни произвела печать!
На поприщѣ ума нельзя намъ отступать»...

За этимъ стихомъ, заключающимъ въ себѣ столь высокую и благородную мысль, опять находится у г. Анненкова перерывъ, тѣмъ болѣе досадный, что тутъ слѣдовали, вѣроятно, какія-нибудь подробности, которыя могли-бы объяснить намъ нѣкоторые литературные взгляды Пушкина. Но тутъ издатель опять оставляетъ насъ въ недоумѣніи, и за послѣднимъ, приведеннымъ нами, стихомъ слѣдуютъ стихи, заключающіе въ себѣ возраженіе Аристарха, выказывающее его личность въ нѣсколько комическомъ свѣтѣ.

«Все правда, скажешь ты, — не стану спорить съ вами.
Но можно ль мнѣ, друзья, по совѣсти судить?
Я долженъ то того, то этого щадить.
Конечно, вамъ смѣшно, а я нерѣдко плачу,
Читаю да крещусь, — мараю наудачу.
На все есть мода, вкусъ. Бывали, напримѣръ,
У насъ въ большой чести Бентамъ, Руссо, Вольтеръ;
А нынче и Миллотъ попался въ наши сѣти.
Я бѣдный человѣкъ; къ тому жъ жена и дѣти»...

Разсерженный этой репликою, поэтъ заключаетъ ее, съ своей стороны, слѣдующими стихами:

«Жена и дѣти, другъ, повѣрь, — большое зло;
Отъ нихъ все скверное у насъ произошло»!

Второе посланіе къ Аристарху, писанное въ томъ же 1827 г., отличается уже тономъ гораздо болѣе умѣреннымъ. Тутъ Пушкинъ уже очень доволенъ тѣмъ, что Аристархъ его разрѣшилъ завѣтные доселѣ эпитеты: *божественный*, *небесный*, въ приложеніи ихъ къ красотѣ, — и приписываетъ это благотворному вліянію Шишкова, «воспріявшаго тогда правленіе наукъ». Стихи: «Сей старецъ дорогъ

намъ», и пр., находятся въ этомъ посланіи. Мысли обоихъ посланій интересно сличить, между прочимъ, съ позднѣйшими «Мыслями о цензурѣ», чтобы видѣть, какимъ образомъ Пушкинъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе умѣренности въ сужденіяхъ объ общественныхъ вопросахъ.

Въ VII томѣ являются также въ первый разъ довольно полные отрывки изъ «Моей родословной» (1830 г.); но и здѣсь она напечатана не вполнѣ, вѣроятно, по тѣмъ же соображеніямъ, по которымъ выкинуты нѣкоторые стихи изъ посланій къ Аристарху. Но нѣкоторые изъ выпущенныхъ стиховъ едва ли могли бы вредить пьесѣ въ какомъ-нибудь отношеніи.

Вообще, мы не понимаемъ, отчего до сихъ поръ не печатались многія изъ стихотвореній Пушкина, давно извѣстныя въ рукописяхъ и не заключающія въ себѣ ничего предосудительнаго. Ихъ бы тѣмъ скорѣе слѣдовало напечатать, что ихъ вѣдь ужъ знають же почти наизусть всѣ почитатели Пушкина. Напримѣръ, зачѣмъ не напечатаны многія литературныя эпиграммы? Мы не хотимъ подозрѣвать издателя въ согласіи съ мнѣніями «Сѣверной Пчелы» и фельетонистовъ «Русскаго Инвалида»; но все-таки не можемъ не замѣтить, что въ изданіи напрасно сдѣлана эта уступка мнѣніямъ нѣкоторыхъ господъ, которые боятся, чтобы не помрачилась память Пушкина отъ напечатанія его эпиграммъ. Въ «Сѣверной Пчелѣ» недавно помѣщена была благодарность «Инвалиду» за его брань на эпиграммы. Къ этой благодарности «Пчела» отъ себя прибавляетъ сравненіе эпиграммъ и полемическихъ статей Пушкина съ доносомъ Ломоносова на Миллера (хотя еще неизвѣстно, кто, въ отношеніяхъ Булгарина и Пушкина, болѣе приближался къ Ломоносовскому образу дѣйствій), и весьма замысловато замѣчаетъ, что отъ обнародованія этого доноса гораздо болѣе проигралъ въ мнѣніи публики Ломоносовъ, нежели Миллеръ. Изъ этого ясно должно быть выведено заключеніе, что и отъ изданія полемики Пушкина гораздо больше проиграетъ онъ самъ, нежели гг. Гречъ и Булгаринъ. Такъ думаетъ «Сѣверная Пчела» и осыпаетъ г. Анненкова укоризнами. Спрашивается теперь, къ чему же послужила деликатность г. Анненкова, вездѣ выставившаго только заглавныя буквы именъ тѣхъ, на кого нападалъ Пушкинъ, и даже вмѣсто «Видокъ Фигляринъ» поставившаго только В. Ф.? Совершенно напрасно думалъ издатель, что гг. Гречъ и Булгаринъ сконфузятся отъ напоминанія о томъ, какъ честилъ ихъ Пушкинъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоило взять одно изъ изданій, выходившихъ подъ редакціею сихъ двухъ журналистовъ во время Пушкина. Не говоря о пошлой брани, расточавшейся тамъ великому поэту, мы нашли бы тамъ, что гг. Булгаринъ и Гречъ все умѣютъ растолковать въ свою пользу!... Недаромъ же г. Булгаринъ столько лѣтъ подвизался на поприщѣ журнальномъ вмѣстѣ съ Н. И. Гречемъ; недаромъ же про него и аллегорія была сложена, что онъ владѣлъ нѣкогда мечемъ обоюду-острымъ. Нѣтъ, совершенно на-

прасно было церемониться съ тѣми господами, которые сами не церемонились съ Пушкинымъ и Гоголемъ. Намъ могутъ сказать, что о гг. Гречѣ и Булгаринѣ лучше не говорить, потому что участь ихъ въ литературѣ уже рѣшена... Пусть имя ихъ своею смертію умретъ; пусть ихъ писательская дѣятельность не донесется до потомства, не взирая на то, что ими самими многократно чужая дѣятельность доносима была до свѣдѣнія любителей въ ихъ разборахъ, и еще большею частію въ искаженномъ видѣ... Это все такъ, и въ литературномъ ничтожествѣ гг. Булгарина и Греча мы нисколько не сомнѣваемся. Но вѣдь объявляютъ же они сами о себѣ, — объявляетъ же, вѣроятно въ трехсотый разъ, книгопродавецъ Лисенковъ о томъ, что у него *поступили въ продажу* или *могутъ быть получаемы* сочиненія Ѳ. Булгарина, — вышедшія лѣтъ 20 тому назадъ, — о чемъ, впрочемъ, объявленіе благоразумно умалчиваетъ... Напоминаютъ же они о себѣ; отчего же и намъ не напомнить имъ кое-чего? Въ полемику, разумѣется, съ ними никто ужъ вступать не будетъ. Что для нихъ могли бы значить скромные, деликатные намеки и упреки новѣйшаго времени, когда яркія, живыя, энергическія, убійственно-остроумныя статьи Ѳеофилакта Косичкина не могли устыдить ихъ. Имъ сказали, что напрасно они пренебрегаютъ Александромъ Анѳимовичемъ Орловымъ, который ничуть не хуже ихъ, а г. Гречъ возразилъ на это, что въ мизинчикѣ г. Булгарина гораздо болѣе ума, чѣмъ въ головахъ многихъ рецензентовъ!... За то и досталось имъ за этотъ мизинчикъ... Жаль только, что «настоящій Выжигинъ», обѣщанный Пушкинымъ въ концѣ статьи о мизинчикѣ, — не появился въ свѣтъ. Тамъ, вѣроятно, интересны были бы въ литературномъ отношеніи многія главы, особенно VIII и XV.

Изъ другихъ полемическихъ статей, напечатанныхъ въ VII томѣ, интересенъ «отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей», съ неподражаемымъ юморомъ разсказывающій исторію о томъ, какъ г. Каченовскій «принималъ другія (нелитературныя) мѣры» противъ игриваго произвола Полевого, «бывъ увлеченъ слѣдствіями неблагонамѣренности, прикосновенными къ чести службы и къ достоинству мѣста, при которомъ г. Каченовскій имѣлъ счастіе продолжать оную». Исторія была въ самомъ дѣлѣ забавна, и положеніе почтеннаго профессора крайне незавидно: Пушкинъ скромно и спокойно, но совершенно ясно успѣлъ изобразить дѣйствія Михаила Трофимовича, такъ что для публики не могло оставаться насчетъ ихъ ни малѣйшаго сомнѣнія, особенно при помощи ядовитой эпиграммы— «Обиженный журналами жестоко», — которая появилась въ то же время.

Изъ статей историческихъ въ VII томъ вошли всѣ записки Пушкина, составленныя имъ только какъ матеріалъ для обработки. «Матеріалы для первой главы исторіи Петра Великаго» и «О камчатскихъ дѣлахъ». Обѣ онѣ впервые являются теперь въ печати. Точно также впервые напечатана статья Пушкина о Радищевѣ,

совершенно конченная и отдѣланная. Относительно этой статьи, мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ издателя, что она принадлежитъ къ тому зрѣлому, здравому и проницательному критическому такту, который отличалъ сужденія Пушкина о людяхъ незадолго до его кончины. — Въ этой статьѣ мы видимъ взглядъ весьма поверхностный и пристрастный. Пушкинъ увлекся здѣсь мыслью единственно о прямодушіи, необходимомъ въ авторскомъ дѣлѣ, и понялъ все дѣло односторонне. Онъ никакъ не хотѣлъ отдѣлить *преступленія печати*, совершеннаго Радищевымъ въ молодости, отъ всей его послѣдующей жизни. Стараясь видѣть въ Радищевѣ полу-невѣжду и полу-негодяя, Пушкинъ нерѣдко впадаетъ даже въ противорѣчія съ самимъ собою. Въ концѣ статьи, онъ говоритъ о немъ съ рѣзкостью, какую рѣдко позволялъ себѣ. «Онъ есть истинный представитель полупросвѣщенія. Невѣжественное презрѣніе ко всему прошедшему, слабоумное изумленіе предъ своимъ вѣкомъ, слѣпое пристрастіе къ новизнѣ, частныя поверхностныя свѣдѣнія, наобумъ приноровленныя ко всему, — вотъ что мы видимъ въ Радищевѣ». Такой приговоръ слишкомъ жестокъ, и эпитеты — слабоумнаго, невѣжественнаго, слѣпого — слишкомъ положительны, чтобы можно было ожидать отъ Пушкина высокаго мнѣнія объ умѣ Радищева. Несмотря на то, мы находимъ, что Пушкинъ, упрекая Радищева за его книгу, говоритъ, что онъ могъ бы лучше прямо представить правительству свои соображенія, потому что оно всегда «чувствовало нужду въ содѣйствіи людей просвѣщенныхъ и мыслящихъ»; такимъ образомъ, поэтъ не отказывается поставить въ число людей «просвѣщенныхъ и мыслящихъ» этого человѣка, которому самъ же приписалъ невѣжество, слабоуміе, поверхностность, и пр. Это непослѣдовательно. Или нужно было признать Радищева человѣкомъ даровитымъ и просвѣщеннымъ, и тогда можно отъ него требовать того, чего требуетъ Пушкинъ; или видѣть въ немъ до конца слабоумнаго представителя полупросвѣщенія, и тогда совершенно неумѣстно замѣчать, что лучше бы ему, вмѣсто «брани, указать на благо, которое Верховная власть можетъ сдѣлать, представить правительству и умнымъ помѣщикамъ способы къ постепенному улучшенію состоянія крестьянъ, потолковать о правилахъ, коими долженъ руководствоваться законодатель, дабы, съ одной стороны, сословіе писателей не было притѣснено, и мысль, священный даръ Божій, не была рабой и жертвой безсмысленной и своенравной управы; а съ другой — чтобъ писатель не употреблялъ сего божественнаго орудія къ достиженію цѣли низкой или преступной». Зачѣмъ такія высокія требованія отъ человѣка, въ которомъ, тремя строками выше, не признается ничего, кромѣ невѣжества, слабоумія, и проч., — что толковать съ такимъ человѣкомъ?... Зачѣмъ укорять его, что онъ не сдѣлалъ того, чего мы хотимъ, если мы сами признаемъ, что онъ не могъ этого сдѣлать?... Но Пушкинъ не одинъ только разъ впадаетъ въ такую ошибку. Въ другомъ мѣстѣ, онъ старается оправдать Ради-

щева въ томъ, что онъ подъ старость «перемѣнилъ образъ мыслей и не питалъ уже въ сердцѣ своемъ никакой злобы къ прошедшему». Отъ какого же обвиненія оправдываетъ онъ Радищева? Конечно, ужъ не отъ обвиненія въ томъ, что онъ оставилъ свою злобу; само по себѣ, это обстоятельство должно было представляться Пушкину очень похвальнымъ. Оправданіе здѣсь возможно было для Пушкина только въ отношеніи къ самому факту *перемѣны* мнѣній. Но стоило ли оправдывать перемѣну мнѣній въ человѣкѣ, который отличается только «*слѣпымъ* пристрастіемъ къ новизнѣ, *поверхностными* свѣдѣніями, *наобумъ* приноровленными ко всему»? Такой человѣкъ, разумѣется, долженъ мѣнять свои мнѣнія тотчасъ, какъ только проходитъ мода на нихъ. Не забудьте, что онъ *слѣпо* увлекается всѣмъ новымъ, не мыслитъ самъ, а только *наобумъ* приноровляетъ ко всему свои поверхностныя свѣдѣнія. Но Пушкинъ считаетъ нужнымъ оправдывать перемѣну Радищева, слѣдовательно, тѣмъ самымъ признаетъ въ немъ искреннія и честныя убѣжденія, оставленіе которыхъ можетъ бросать тѣнь на самый характеръ человѣка. Еще яснѣе выражается, безъ вѣдома автора, уваженіе его къ Радищеву въ самомъ оправданіи, рѣшительно противорѣчащемъ строгому приговору, произнесенному относительно всей дѣятельности этого человѣка вообще. «Время измѣняетъ человѣка, — говоритъ Пушкинъ. Глупецъ одинъ не измѣняется, ибо время не приноситъ ему развитія, а опыты для него не существуютъ (слѣдовательно, Радищевъ не былъ глупъ, не былъ невѣжественнымъ представителемъ полу-просвѣщенія, а постоянно развивался и пользовался опытами времени). Могъ ли чувствительный и пылкій Радищевъ не содрогнуться при видѣ того, что происходило во Франціи во время *ужаса?* (слѣдовательно, онъ не *слѣпо* увлекался всѣмъ новымъ). Могъ ли онъ безъ омерзѣнія глубокаго слышать нѣкогда любимыя свои мысли, проповѣдуемыя съ высоты гильотины, при гнусныхъ рукоплесканіяхъ черни? (гдѣ же тутъ слабоумное изумленіе передъ своимъ вѣкомъ?). Увлеченный однажды львинымъ ревомъ колоссальнаго Мирабо, онъ уже не хотѣлъ сдѣлаться поклонникомъ Робеспьера, этого сантиментальнаго тигра» (значитъ ли это, что онъ наобумъ примѣнялъ ко всему свои поверхностныя свѣдѣнія?)... Выразивши такимъ образомъ, противъ воли, высокія понятія о Радищевѣ, котораго непремѣнно хочетъ выставить съ дурной стороны, поэтъ-критикъ разсказываетъ вслѣдъ затѣмъ смерть Радищева и поводъ къ ней, съ явнымъ желаніемъ и тутъ осудить его. Дѣло происходило такимъ образомъ. Императоръ Александръ, по вступленіи на престолъ, вспомнилъ о Радищевѣ и, замѣтивши въ сочинителѣ «Путешествія» «отвращеніе отъ многихъ злоупотребленій и нѣкоторые благонамѣренные виды», опредѣлилъ его въ Коммиссію Составленія Законовъ и приказалъ ему изложить свои мысли касательно нѣкоторыхъ гражданскихъ постановленій. Радищевъ исполнилъ это со всею откровенностью и смѣлостью своихъ задушевныхъ убѣжденій. Начальникъ, которому принесъ онъ свой проектъ, замѣтилъ ему: «эхъ,

Александръ Николаевичъ! охота тебѣ пустословить по прежнему! или мало тебѣ было Сибири?» — Видя, что убѣжденія его принимаются такимъ образомъ, Радищевъ глубоко оскорбился и, пришедши домой, отравилъ себя. Разсказывая эту исторію, Пушкинъ, какъ бы съ намѣреніемъ кольнуть Радищева, замѣчаетъ, что «авторъ «Путешествія» вспомнилъ старину и въ проектѣ, представленномъ начальству, предался своимъ прежнимъ мечтаніямъ». Объ этомъ обстоятельствѣ, вѣроятно, забылъ Пушкинъ, когда высказалъ свое требованіе, чтобы Радищевъ, вмѣсто брани, представилъ лучше свои соображенія, и пр. Несчастный авторъ, вѣрно, зналъ себя и обстоятельства, въ которыхъ онъ находился, гораздо лучше, нежели его безпощадный критикъ.

Въ заключеніе своей статьи, авторъ спрашиваетъ: «какую цѣль имѣлъ Радищевъ? Чего именно желалъ онъ»? И говоритъ за него: «на сіи вопросы врядъ-ли могъ онъ самъ отвѣчать удовлетворительно», то есть, по мнѣнію Пушкина, несчастный авторъ, печатая свое «Путешествіе», самъ не понималъ, къ чему онъ это дѣлаетъ, и не имѣлъ въ виду никакой опредѣленной цѣли. Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе того, справедливо ли это мнѣніе само по себѣ, но замѣтимъ, что такое сужденіе противорѣчитъ другому мѣсту той же самой статьи, гдѣ Пушкинъ говоритъ: «не можемъ въ немъ не признать преступника съ духомъ необыкновеннымъ, *политическаго фанатика*, заблуждающагося, конечно, но дѣйствующаго съ удивительнымъ самоотверженіемъ и съ какою-то рыцарскою совѣстливостью». Если онъ былъ фанатикомъ, только заблуждающимся въ своихъ стремленіяхъ, то, значитъ, все-таки у него была же какая-нибудь цѣль, къ которой онъ стремился. Фанатизмъ непремѣнно долженъ привязываться къ какому-нибудь предмету, и намъ кажется, что невозможно представить себѣ фанатика, который бы не зналъ, чѣмъ онъ увлекается. Возможно ли же примирить сужденія Пушкина, что Радищевъ былъ политическимъ фанатикомъ и чтобы, несмотря на то, онъ не имѣлъ никакой цѣли въ своемъ поступкѣ?

Вообще нужно замѣтить, что статья о Радищевѣ любопытна какъ фактъ, показывающій, до чего можетъ дойти умъ живой и свѣтлый, когда онъ хочетъ непремѣнно подвести себя подъ извѣстныя, заранѣе принятыя опредѣленія. Въ частныхъ сужденіяхъ, въ фактахъ, представленныхъ въ отдѣльности, постоянно виденъ живой, умный взглядъ Пушкина; но общая мысль, которую доказать онъ поставилъ себѣ задачей, ложна, неопредѣленна и постоянно вызываетъ его на сбивчивыя и противорѣчащія фразы. Къ сожалѣнію, статья о Радищевѣ представляетъ не единственный примѣръ подобнаго несправедливаго увлеченія. Онъ составилъ себѣ кругъ идей, которыя уже были для него неприкосновенны въ своей святынѣ, хотя бы даже несправедливость ихъ и была очевидна. Онъ уже восклицаетъ:

«Да будетъ проклятъ правды гласъ,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, къ соблазну жадной
Онъ угождаетъ праздно».

Проклиная правду, когда она благопріятна была для посредственности, и наивно признаваясь въ этомъ, поэтъ, разумѣется, старался поддерживать въ себѣ всякій обманъ, казавшійся ему благороднымъ и возвышеннымъ. «Насъ возвышающій обманъ» былъ для него, дѣйствительно, дороже тьмы *низкихъ* истинъ. Въ раздѣленіи истинъ, на низкія и высокія, опять отражалось, разумѣется, вліяніе старой реторической школы, допускавшей еще и *среднія* истины, такъ же точно, какъ допускала она высокій, средній и низкій слогъ. И Пушкинъ, при всемъ своемъ презрѣніи къ реторической школѣ, не могъ отъ нея освободиться въ этомъ случаѣ, и въ послѣднее время жизни, вмѣстѣ съ полнымъ обращеніемъ его къ чистой художественности, усилилось въ немъ пристрастіе къ нѣкоторымъ исключительнымъ истинамъ, соединенное съ отвращеніемъ отъ другихъ. Онъ уже заглушалъ въ себѣ нѣкоторые изъ прежнихъ сердечныхъ звуковъ, называя ихъ дѣйствіемъ безумства, лѣни и страстей; онъ уже позволилъ себѣ въ одномъ стихотвореніи назвать наглецомъ Наполеона, о которомъ самъ писалъ за десять лѣтъ: «да будетъ омраченъ позоромъ тотъ малодушный, кто безумнымъ омрачитъ укоромъ его развѣнчанную тѣнь»... Прежнія задушевныя мечты высказывались теперь уже тономъ шутливымъ и даже насмѣшливымъ, а то, что въ молодости вызывало насмѣшки, теперь возбуждало въ поэтѣ благоговѣйное умиленіе. Прежде писалъ онъ къ одному изъ друзей гордое посланіе (не напечатанное почему-то у г. Анненкова), въ которомъ повѣрялъ своему другу свои надежды и мечты о славѣ пророка-обличителя земли своей, а черезъ нѣсколько лѣтъ онъ писалъ:

«Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,
Теперь и лѣнь, и тишина,
И въ умиленьи вдохновенномъ
На камнѣ, дружбой освященномъ,
Пишу я наши имена».

Немудрено, что при такомъ расположеніи ему очень не нравилось все, что мѣшало лѣни и тишинѣ, и что по этому случаю Радищевъ заслужилъ особенное его нерасположеніе.

Впрочемъ, здравый природный умъ предохранялъ Пушкина отъ излишнихъ крайностей въ принятомъ имъ направленіи, и, при всемъ недостаткѣ серьезнаго образованія, онъ умѣлъ понимать ошибки людей, заходившихъ слишкомъ далеко въ примѣненіи тѣхъ началъ, вѣрности которыхъ онъ самъ, повидимому, вполнѣ довѣрялъ. Въ этомъ обстоятельствѣ мы находимъ ясное подтвержденіе того, что направленіе, принятое Пушкинымъ въ послѣдніе годы, вовсе не исходило изъ естественныхъ потребностей души его, а

ю только слѣдствіемъ слабости характера, не имѣвшаго вну-
нней опоры въ серьезныхъ, независимо развившихся убѣжде-
хъ, и потому скоро павшаго отъ утомленія въ борьбѣ съ внѣ-
ими враждебными вліяніями. Оттого-то, въ послѣдніе годы его
зни, мы видимъ въ немъ какое-то странное бореніе, какую-то
йственность, которую можно объяснить только тѣмъ, что, не-
тря на желаніе успокоить въ себѣ сомнѣнія, проникнуться какъ
кно полнѣе заданнымъ направленіемъ, — все-таки онъ не могъ
ободиться отъ живыхъ порывовъ молодости, отъ гордыхъ, не-
исимыхъ стремленій прежнихъ лѣтъ. До сихъ поръ въ печати
ѣстны были почти только тѣ произведенія послѣднихъ лѣтъ
зни Пушкина, въ которыхъ выражалось, болѣе или менѣе ярко,
равленіе, господствовавшее въ немъ въ эти послѣдніе годы.
нѣ изданный дополнительный томъ сообщаетъ много произве-
ій совершенно противоположнаго характера, и они-то доказы-
отъ, что Пушкинъ и предъ концомъ своей жизни далеко еще
всей душею преданъ былъ тому направленію, которое принялъ,
идимому, такъ пламенно, которое за то произвело охлажденіе
нему въ лучшей части его почитателей. Извѣстно, напр., что
послѣднее время въ немъ особенно сильно развились генеало-
еские предразсудки; но нынѣ напечатанное стихотвореніе: «Когда
городу задумчивъ я хожу» обнаруживаетъ воззрѣніе совершенно
тое, равно какъ и нѣкоторые стихи пьесы, озаглавленной «Изъ
Пиндемонте» и написанной, также какъ и «Кладбище», въ
36 г. Въ ней есть, между прочимъ, такіе стихи:

«Не дорого цѣню я громкія права,
Отъ коихъ не одна кружится голова.
Я не ропщу о томъ, что отказали боги
Мнѣ въ сладкой участи оспаривать налоги,
Или мѣшать... другъ съ другомъ воевать...
. . Иныя, лучшія мнѣ дороги права!
. . . . Никому
Отчета не давать; себѣ лишь самому
Служить и угождать...
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи...
...Вотъ счастье! вотъ права»!...

звѣстно также, что въ стихотвореніяхъ Пушкина, и чѣмъ позднѣе,
ѣмъ ярче, постоянно высказывалось чрезмѣрное уваженіе къ штыку
презрѣніе къ оружію слова. Судя по знаменитому стиху: «Кому
іецъ? мечу иль крику?» предполагали, не безъ основанія, что
шкинъ рѣшительно не признавалъ силы убѣжденія; между тѣмъ,
печатанныя нынѣ статьи его о Радищевѣ, о мнѣніи г. Лоба-
ва, о нападкахъ на дворянство доказываютъ, что онъ прида-
ъ очень большое значеніе — не только вообще литературѣ, но
же и тѣмъ памфлетическимъ возгласамъ, которые именно можно
вать крикомъ. Слѣдовательно, до конца жизни онъ не былъ
лительнымъ, слѣпымъ поклонникомъ грубой силы, не оживлен-
і разумностью.

Въ послѣднее время Пушкинъ окончательно также склонился, повидимому, къ той мысли, что для исправленія людей нужны «бичи, темницы, топоры», а не сила слова, не сатира, не литературное обличеніе. Онъ отталкиваетъ отъ себя общественные вопросы жестокимъ восклицаніемъ —

«Подите прочь! какое дѣло
Поэту мирному до васъ»?...

Но нынѣ, въ VII томѣ, напечатано его стихотвореніе, въ которомъ онъ самъ хочетъ приняться за сатиру и клеймить пороки. Стихотвореніе это написано въ 1830 году, слѣдовательно, въ то же время, какъ и пресловутая «Чернь». Начинается это стихотвореніе такъ:

«О муза пламенной сатиры!
Приди на мой призывный кличъ»,

а оканчивается:

«О, сколько лицъ безстыдно-блѣдныхъ,
О, сколько лбовъ широко-мѣдныхъ
Готовы отъ меня принять
Неизгладимую печать»!...

Поэтъ, какъ мы знаемъ, не исполнилъ своего предположенія; но уже самое намѣреніе его служитъ лучшимъ опроверженіемъ мыслей, высказанныхъ въ «Черни» и увлекшихъ многихъ силою своего выраженія.

Въ отношеніи къ сужденіямъ о нѣкоторыхъ литературныхъ явленіяхъ, Пушкинъ тоже является не всегда вѣренъ самому себѣ. Боязливая попечительность о соблюденіи нравственности, похожая на заботу жены Платона Михайлыча о здоровьи своего мужа, въ «Горе отъ ума», все больше и больше овладѣвала Пушкинымъ въ послѣдніе годы жизни. Онъ приходилъ въ ужасъ отъ изданія «Записокъ палача Самсона» и говорилъ, что слѣдовало бы запретить ихъ. Но онъ же, въ послѣдній годъ своей жизни, очень энергически возсталъ противъ г. Лобанова, когда сей академикъ произнесъ въ Академіи рѣчь, «о нелѣпости и безнравіи» современной литературы, и говорилъ, что «по множеству сочиненныхъ нынѣ безнравственныхъ книгъ, цензура должна проникать всѣ ухищренія пишущихъ», и что Академія должна ей помогать въ этомъ, «яко сословіе, учрежденное для наблюденія нравственности, цѣломудрія и чистоты языка», то есть для того, чтобы «неослабно обнаруживать, поражать и разрушать зло» на поприщѣ словесности. Пушкинъ возражалъ на это слѣдующей репликой, которая также напечатана въ изданномъ нынѣ томѣ, и которую мы считаемъ нелишнимъ выписать для того, чтобы показать, что и въ самыхъ уклоненіяхъ своихъ отъ здравыхъ идей, въ самомъ подчиненіи рутинѣ Пушкинъ не доходилъ никогда до обскурантизма

и даже поражалъ, когда могъ, обскурантизмъ другихъ. Вотъ его мысли, опровергающія г. Лобанова.

«Но гдѣ же у насъ это множество безнравственныхъ книгъ? Кто сіи дерзкіе, злонамѣренные писатели, ухищряющіеся испровергать законы, на коихъ основано благоденствіе общества? и можно ли упрекать у насъ цензуру въ неосмотрительности и послабленіи? Вопреки мнѣнію г. Лобанова, цензура не должна *проникать всѣ ухищренія пишущихъ*. Цензура долженствуетъ обращать особенное вниманіе на духъ разсматриваемой книги, на видимую цѣль и намѣреніе автора, *и въ сужденіяхъ своихъ принимать всегда за основаніе явный смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія оной въ дурную сторону*. (Уставъ о цензурѣ, § 6.) Такова была Высочайшая воля, даровавшая намъ литературную собственность и свободу мысли! Если съ перваго взгляда сіе основное правило нашей цензуры и можетъ показаться льготою чрезвычайною, то по внимательнѣйшемъ разсмотрѣніи увидимъ, что безъ того не было бы возможности напечатать ни одной строчки, ибо всякое слово можетъ быть перетолковано въ худую сторону» (т. VII, стр. 109, второй нумераціи).

Мы коснулись всего, наиболѣе замѣчательнаго въ дополнительномъ томѣ сочиненій Пушкина. О литературныхъ отрывкахъ, помѣщенныхъ въ концѣ тома, сказать нечего; они интересны только въ томъ отношеніи, въ какомъ «всякая строка всякаго великаго писателя интересна для потомства». Читая ихъ, мы можемъ припоминать знакомыя черты, знакомые пріемы любимаго поэта; но подобные отрывки не подлежатъ критическому разбору.

Въ заключеніе, мы должны сказать нѣсколько словъ о самомъ изданіи. Оно аккуратно попрежнему; опечатокъ значительныхъ немного: въ правописаніи сохраняются своенравныя ошибки Пушкина (такъ, напримѣръ, писатель, отечество — печатаются съ большой буквы, а Горацій — съ маленькой); при каждой статьѣ находятся примѣчанія, большею частію библіографическія; въ концѣ тома приложены: алфавитный указатель всѣхъ сочиненій Пушкина, помѣщенныхъ въ семи томахъ изданія г. Анненкова, и подробный указатель къ матеріаламъ для біографіи Пушкина, помѣщеннымъ въ первомъ томѣ того же изданія. Этотъ послѣдній указатель значительно облегчаетъ пользованіе матеріалами, которое до сихъ поръ было нѣсколько затруднительно, по недостатку раздѣленія ихъ на главы. Теперь, съ изданіемъ VII тома Пушкина, дѣло г. Анненкова кончено, и всякій любитель литературы, кромѣ развѣ людей сочувствующихъ издателямъ «Сѣверной Пчелы», почтитъ, конечно, искренней благодарностью его труды по изданію нашего великаго поэта, какъ истинную заслугу предъ русской литературой и обществомъ.

Новыя стихотворенія В. Бенедиктова. Спб. 1857.

Много смѣялись надъ господиномъ Бенедиктовымъ, много разъ повторяли о немъ давно извѣстныя всему міру истины, но только все не въ прокъ. Г. Бенедиктовъ издаетъ новыя стихотворенія, пріобрѣтаетъ новыхъ хвалителей, принимаетъ новое направленіе,—

но, въ сущности, все не измѣняетъ себѣ, все фигурируетъ попрежнему. Нельзя иначе: такъ онъ привыкъ, привычка вторая природа. Слѣдовательно, критика должна наконецъ убѣдиться, что ей не остановить г. Бенедиктова, неудержимаго «какъ бурныя силы природы», по его собственному сравненію. Критика должна оставить гордыя притязанія на улучшеніе *манеры* г. Бенедиктова. Остается ей смиренная лѣтописная роль: отмѣтить фактъ появленія «Новыхъ стихотвореній» г. Бенедиктова и сказать, что въ нихъ онъ остался вѣренъ своему прежнему характеру, какъ въ содержаніи, такъ и въ формѣ.

«Но какъ же это можно? Это несправедливо, это недобросовѣстно», возопіютъ противъ насъ многочисленные почитатели г. Бенедиктова, пріобрѣтенные имъ послѣ того, какъ онъ обнаружилъ свое новое направленіе. «Помилуйте, — то ли теперь г. Бенедиктовъ, что онъ былъ прежде? Прежде онъ воспѣвалъ только аппетитныхъ дѣвъ, съ грудями въ цѣлый океанъ, бурно кидающихся на пышный диванъ и вонзающихъ въ уста сердечный поцѣлуй. Прежде онъ только и дѣлалъ, что утоплялъ въ эѳирномъ станѣ таковыхъ красавицъ пылающую ладонь свою и припекалъ поцѣлуями ихъ кудри-кольца, кудри-змѣйки. Прежде, горы представлялись ему побѣгами праха въ небеса, рванувшимися въ высь и повиснувшими отъ ужаса между небомъ и землею; пожаръ казался ему младымъ красавцемъ, прильнувшимъ сладострастно къ груди дѣвы и разметавшимъ кудри свои въ воздушныхъ кругахъ. Вотъ какъ выражалась и вотъ на что обращена была прежняя дѣятельность г. Бенедиктова. А теперь, есть ли что подобное? Г. Бенедиктовъ сталъ простъ, естественъ, остроуменъ въ выраженіи; а содержаніе его нынѣшнихъ стихотвореній дѣлаетъ честь не только ему, но и всей русской литературѣ. Онъ затрогиваетъ важнѣйшіе современные вопросы, преслѣдуетъ общественные пороки; онъ проникнутъ глубокимъ сочувствіемъ къ добру и правдѣ, горячею любовью къ человѣчеству, стремленіемъ къ прогрессу, и проч. Сказать, что г. Бенедиктовъ и теперь то же самое, что былъ прежде, значитъ обнаружить самое грубое пристрастіе или непростительное равнодушіе къ благороднымъ порывамъ поэта».

Такіе голоса раздаются отвсюду. Одинъ фельетонистъ увѣряетъ даже, что вся русская публика въ одинъ голосъ вопіетъ такимъ образомъ. Нечего дѣлать, приходится остановить лѣтописную, безыскусственную правду нагляднаго впечатлѣнія и вооружиться критическимъ разсмотрѣніемъ. Разсмотрѣніе наше все будетъ направлено противъ новыхъ почитателей г. Бенедиктова, которые за нынѣшними его заслугами не видятъ ни нынѣшнихъ его недостатковъ, ни прежнихъ достатковъ. Въ разборѣ нашемъ мы будемъ серьезны, потому что старыя насмѣшки надъ г. Бенедиктовымъ не нуждаются въ повтореніи, а новыми поражать его мы не хотимъ, изъ уваженія къ тому направленію, котораго онъ сталъ все болѣе придерживаться въ послѣднее время.

Увѣряютъ, что г. Бенедиктовъ сталъ простъ и естественъ въ своихъ новѣйшихъ стихотвореніяхъ; а мы, напротивъ, утверждаемъ, что онъ до сихъ поръ сохранилъ свою прежнюю манеру и что гиперболическая изысканность фразъ и нынѣ отличаетъ его стихъ попрежнему. Представляемъ примѣры. Поэтъ говоритъ, что Шекспиръ своими созданіями *бьетъ его* и, ударомъ *съ плеча*, возводитъ въ рыцари и, обвивши его молніей, *благородитъ простороженца*. Неужели это простое и естественное выраженіе мысли? Неужели это не можетъ стать рядомъ съ сладострастнымъ красавцемъ-пожаромъ и съ побѣгами праха въ небеса? Да вы, можетъ быть, думаете, что мы нарочно выдумали, будто Шекспиръ прибилъ г. Бенедиктова и такимъ образомъ возвелъ въ рыцари? Вотъ вамъ собственные стихи вашего поэта (Нов. стих., стр. 80).

«Онъ *бьетъ*, и я, принявъ ударъ,
Ударомъ тѣмъ не опозоренъ,
Зане ударъ тотъ — Божій даръ.
. . . .
Когда предъ вѣщимъ на колѣни
Я становлюсь, чело склоня,
Онъ, ставъ на горнія ступени
И молніей обвивъ меня,
Простороженца благородитъ,
Раба подъемлетъ и *съ* плеча
Плебея въ рыцари возводитъ
Ударомъ божьяго меча».

А хороша ли вотъ эта гипербола: во «Встрѣчномъ голосѣ», описывая торжества, бывшія въ Москвѣ лѣтомъ 1856 г., г. Бенедиктовъ замѣчаетъ, что глаза у собравшагося на иллюминацію народа такъ ярко горѣли, что помрачали даже огни фонарей, пламень шкаликовъ и фейерверковъ; сердца бились такъ громко, что заглушали звонъ всѣхъ колоколовъ московскихъ. Вотъ его стихи (стр. 2).

«Но огней потѣшныхъ пиршественной ночи
Ярче тамъ горѣли радостныя очи
Русскаго народа; бой сердецъ довольныхъ
Тамъ гудѣлъ слышнѣе звоновъ колокольныхъ».

А каково уподобленіе сѣнокоса—цырюльнѣ? (стр. 141).

«Гдѣ твои волосы, шелковый лугъ?
Гдѣ твои косы? — Все сбрито вокругъ».

Хорошо ли также, что деревья въ лѣсу стоятъ на постелѣ мховъ (стоятъ на постелѣ!) и посылаютъ свои вершины на поискъ бурныхъ облаковъ? Это находится въ недавно напечатанномъ стихотвореніи г. Бенедиктова: «Къ лѣсу» (Нов. стих., стр. 101).

«Твои стволы, какъ исполины,
Поправъ пятой постелю мховъ,
Стоятъ, пославъ свои вершины
На поискъ бурныхъ облаковъ».

Просто-ли также желаніе поэта, чтобы сердце его взвѣсило число лѣтъ (?), превратилось въ камень и поросло мхомъ? (стр. 27).

«Лучше бъ вымеръ этотъ пламень!
Лучше бъ, взвѣсивъ лѣтъ число,
Обратилось сердце въ камень
Да и мохомъ поросло»!

Намъ кажется, что все это напоминаетъ довольно сильно прежняго г. Бенедиктова и нимало не подтверждаетъ той мысли, что онъ дошелъ теперь до художественной простоты выраженія. Мы привели немного примѣровъ, но внимательное чтеніе стихотвореній г. Бенедиктова покажетъ, что эти приведенныя нами мѣста не составляютъ исключенія: въ стихотвореніяхъ безпрестанно, то поэтъ желаетъ, чтобы ему кто-нибудь дружбу бросилъ въ окошко (стр. 134), то онъ яркимъ взглядомъ брызнетъ (стр. 109), то небо къ нему нагнулось, подошло и просится въ окно (стр. 139), и т. п. Изобразительность великолѣпная! Если нѣтъ въ ней прежней размашистой, можно сказать, азартной живости, это ужъ происходитъ единственно отъ преклонныхъ лѣтъ поэта. Онъ самъ съ сожалѣніемъ отзывается объ этомъ въ одномъ стихотвореніи.

«Будь-ка ты еще со мною,
Вихорь — молодость моя,
Какъ съ тобой, моей родною,
Погулялъ бы нынче я;
Этимъ юношамъ степеннымъ
Далъ бы я какой урокъ»!

Желанія поэта остались, какъ видите, тѣ же, — «Пылъ чувства я сохранилъ», признается онъ самъ. Но силы ужъ не тѣ, нельзя дѣлать того, что прежде, и поневолѣ дѣлаешься скромнѣе, хотя въ душѣ все остаешься тѣмъ же.

«Еле ходишь, сухопарый,
  Ломитъ поясницу,
Кашель душитъ, — а и старый
  Любишь молодицу».

Только ужъ молодица не отвѣчаетъ на селадонство старика, и онъ, понимая это, ограничивается грустнымъ сожалѣніемъ.

«Во многомъ доживъ до изъяна,
Теперь не могу не тужить:
Зачѣмъ я родился такъ рано,
Зачѣмъ торопился я жить».

Вотъ вамъ и объясненіе, — кажется, весьма простое, — почему поэтъ менѣе выказываетъ теперь азарта въ своихъ стихотвореніяхъ и почему онъ перестадъ описывать аппетитныхъ красавицъ. Это совсѣмъ не означаетъ какой-нибудь особенности въ развитіи таланта, а просто показываетъ, что есть время всякой вещи на

вѣтѣ. Поэтъ вспоминаетъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 51) о томъ, акъ онъ, бывало, ударялъ кулакомъ по столу, читая свои стиховоренія: въ молодости, разумѣется, и это ничего не значило, огда кровь кипѣла сильнѣе, да и руки были крѣпче, — еще не бломались; а въ старости, слишкомъ сильно ударять кулакомъ по голу, пожалуй, и опасно для тѣлеснаго благосостоянія. Тутъ опять ѣтъ особенности въ развитіи поэтическаго таланта, а просто незбѣжное по чину естества ослабленіе физическихъ силъ. За то . Бенедиктовъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ свою молодость,— то, конечно, нисколько не предосудительно, — и даже соблазняетъ обственное воображеніе намеками нескромнаго характера, — что, о нашему откровенному мнѣнію, уже излишне. Конечно, мы поимаемъ, что и старости позволительно увлекаться, подобно молоюсти, и что увлеченія г. Бенедиктова минутны и даже, можетъ ыть, совершенно безотчетны. Мы не имѣемъ права обвинять пога въ беззубомъ цинизмѣ, которому предаются иные старички, ожуировавшіе въ своей жизни и непремѣнно желающіе сыграть о конца роль шалуновъ и повѣсъ. Но все-таки, намъ показались е слишкомъ опрятными слѣдующіе стихи, находящіеся въ юмоистическомъ стихотвореніи: «Плачъ остающагося въ городѣ, при идѣ отъѣзжающихъ на дачи» (стр. 49). Описывается возъ, на оторомъ перевозится на дачу мебель, и, между прочимъ, стулья—

«И — что за дерзкій видъ! И стулья, и столы
Предъ всею публикой — (*у нихъ стыда ни крошки*) —
Сцѣпились, ножки вверхъ, и ножки черезъ ножки
Продѣты такъ и сякъ, — трясутся, дребезжатъ»....

Въ числѣ прекрасныхъ изображеній, представленныхъ въ разыхъ стихотвореніяхъ г. Бенедиктовымъ и «такъ много говорящихъ уму и сердцу»,—эти стихи займутъ, вѣроятно, не послѣднее ѣсто. Современемъ, на нихъ могутъ указывать въ литературныхъ арактеристикахъ наряду съ извѣстными стихами о «нагломъ сукѣ» зъ «Душеньки». Впрочемъ, тамъ — фривольное изображеніе совершенно естественно и понятно: рѣчь идетъ прямо о женщинѣ. А дѣсь—помилосердуйте, о поэтъ!—здѣсь вѣдь столы и стулья. Слѣовательно, ваше замѣчаніе объ ихъ безстыдствѣ (о, если бъ не ыло этого несчастнаго замѣчанія!) совершенно неестественно, натянуто и можетъ быть объяснено только нечистой игрой вашего гарческаго воображенія.

Справедливость требуетъ, однако же, замѣтить, что эротическія тремленія не составляютъ главнаго элемента поэзіи г. Бенедиктова. Она попрежнему слагается изъ вычурности и эффектовъ, для оторыхъ канвою служатъ нынѣ нерѣдко общественные вопросы, акъ какъ прежде служили заоблачныя мечты, выписныя чувства, еличественныя картины природы, и т. п. Мы совсѣмъ не думаемъ нижать этимъ современныхъ стихотвореній г. Бенедиктова и вовсе е хотимъ сказать, чтобы его нынѣшнее направленіе не вытекало

изъ самой глубины его сердца. Напротивъ, мы имѣемъ въ виду доказать, что его сочувствія давно уже влекли его къ нынѣшнему его поприщу, и что только недостатокъ таланта удерживалъ его до послѣдняго времени отъ выраженія своихъ истинныхъ стремленій. Въ самомъ дѣлѣ, г. Бенедиктовъ давно уже, и очень громозвучно, очень рѣшительно, провозгласилъ міру свое призваніе.

«Я въ мірѣ боецъ! Да, я биться хочу...
Смотрите — я бросилъ ужъ лиру:
Я мечъ захватилъ и открыто лечу
Навстрѣчу нечистому міру.
И Богъ да поможетъ мнѣ зло поразить,
И въ битвѣ, глубоко, глубоко,
Могучей рукою сталь правды вонзить
Въ шипучее сердце порока.
Не бойтесь, друзья, не падетъ нашъ пѣвецъ!
Пусть грозно враговъ ополченье,
Какъ левъ я дерусь, — какъ разумный боецъ,
Упрочилъ себѣ отступленье».

Какъ видите, стремленіе содѣлаться дней новѣйшихъ Ювеналомъ и провозвѣстникомъ добра и правды давно уже сознано было г. Бенедиктовымъ очень ясно. Онъ давно уже чуялъ, что въ противорѣчіяхъ современной общественной жизни, въ уклоненіяхъ человѣчества отъ естественнаго пути можно найти неизсякаемый источникъ потрясающихъ эффектовъ; а это ему было нужнѣе всего, по самой сущности его дарованія. Но что же помѣшало ему исполнить свое намѣреніе въ то же время, какъ оно было высказано? Почему онъ такъ долго не являлся въ роли бойца, которую принялъ на себя такъ рѣшительно? Причину этого надобно искать въ недостаткѣ таланта. Въ то время, когда желаніе биться было впервые сознано г. Бенедиктовымъ, общественное мнѣніе въ Россіи еще не созрѣло для того, чтобы вызвать открытую борьбу съ порокомъ. Въ литературѣ тогда уже проявлялось вліяніе Гоголя и Бѣлинскаго, но читающая масса находилась еще въ Пушкинскомъ періодѣ, за весьма немногими исключеніями. Чтобы дать побѣду новому направленію, нуженъ былъ — или новый сильный талантъ, который увлекъ бы за собою публику, или обстоятельства, посторонція литературѣ, житейскія, которыя бы доказали истинность новыхъ стремленій въ литературѣ. Дарованію дюженному нельзя было итти противъ господствующихъ мнѣній; оно должно было увлечься общимъ теченіемъ. Такъ вообще бываетъ съ второстепенными литературными талантами. Они могутъ предупредить современное имъ направленіе или остаться въ сторонѣ отъ него только въ двухъ случаяхъ. Первый—бываетъ тогда, когда человѣкъ, не имѣя замѣчательнаго таланта поэтическаго, обладаетъ однакоже очень свѣтлымъ умомъ и, при помощи теоретическаго изученія или живой наблюдательности, угадываетъ тѣ потребности, которыя общество должно сильнѣе почувствовать уже спустя нѣкоторое время. Такіе писатели пользуются большимъ

успѣхомъ въ избранныхъ кружкахъ, но не увлекаютъ за собою массы, именно потому, что до ихъ воззрѣній она еще не доросла, а художественная сторона ихъ произведеній не столько совершенна, чтобы ясно говорить душѣ каждаго читателя. Другой случай бываетъ тогда, когда писатель настолько ограниченъ умственно, что уже рѣшительно ничего не въ состояніи видѣть внѣ той тѣсной сферы, которая нашла сочувствіе въ его душѣ и въ которой онъ можетъ создавать иногда вещи, дѣйствительно недурныя. Такою сферой для поэта могутъ особенно сдѣлаться изображенія и впечатлѣнія природы, и второстепенный талантъ, не одаренный особенною умственной проницательностью, можетъ преспокойно воспѣвать солнце и луну, зимніе вечера и майскія ночи, хотя бы міры рушились предъ его глазами. По счастью, или по несчастью,— г. Бенедиктовъ не принадлежалъ ни къ тому, ни къ другому сорту людей: онъ шелъ за вѣкомъ. А идя за вѣкомъ, онъ долженъ былъ поневолѣ искать для своихъ эффектовъ чего-нибудь другого, а не общественныхъ пороковъ. Тогда въ модѣ были, благодаря отчасти Марлинскому, волканическія страсти и грандіозныя картины. Г. Бенедиктовъ радъ былъ и этому, хотя, вѣроятно, и самъ чувствовалъ, что здѣсь для трескучихъ фразъ недостаетъ порядочнаго содержанія; чувствуя это, онъ, можетъ быть, безсознательно, можетъ быть и намѣренно, рѣшился прикрыть недостатокъ содержанія, — напропалую, отчаянно увеличивая трескучесть самыхъ фразъ. Такимъ образомъ и произошли великолѣпныя созданія, возбуждавшія столько насмѣшекъ лѣтъ 15 тому назадъ. Между тѣмъ въ литературѣ нашей явился Лермонтовъ; Бѣлинскій продолжалъ дѣйствовать на сознаніе публики; событія смѣнялись одно другимъ; война пробудила общество и литературу отъ недавней апатіи; публика наша выросла въ три четыре послѣдніе года; битва, которую замышлялъ когда-то г. Бенедиктовъ, поднялась со всѣхъ сторонъ: чего же лучше? — онъ и воспользовался общимъ движеніемъ, изыскивая наиболѣе эффектные предметы для своихъ звучныхъ фразъ. И, дѣйствительно, избранные имъ предметы были способны возбудить эффектъ, хотя мысли о нихъ, изложенныя г. Бенедиктовымъ, уже и не были новостью послѣ «Губернскихъ очерковъ», нѣкоторыхъ статей «Морского Сборника», «Русскаго Вѣстника» и другихъ журналовъ. Поэзіи въ нихъ, признаемся, мы находимъ не больше, какъ и въ грандіозныхъ описаніяхъ и огнедышащихъ страстяхъ того же поэта. Напримѣръ, длинное аллегорическое повѣствованіе (стиховъ въ 400) о «Посѣщеніи правды» не оживлено ни однимъ поэтическимъ мотивомъ. Однако же, это стихотвореніе, при своемъ появленіи, возбудило сильный восторгъ въ публикѣ — за нѣсколько здравыхъ мыслей, въ немъ высказанныхъ. Другія стихотворенія того же рода всѣ полны мыслей самыхъ благонамѣренныхъ и полезныхъ, и потому тоже обращали на себя вниманіе публики. И разумѣется, мысли эти, сами по себѣ, стоили общаго вниманія, кѣмъ бы и какъ бы

онѣ ни были изложены. Напримѣръ, во «Встрѣчномъ голосѣ» поэтъ обращается къ Русскому Царю съ такими словами:

«Пусть, отецъ нашъ, тѣми, кто къ тебѣ приближенъ,
Не глушится голосъ, что идетъ изъ хижинъ.
Родственно-живая связь царя съ народомъ
Пусть урокомъ будетъ алчнымъ воеводамъ.
Ты бъ насъ вѣрно не далъ никому обидѣть,
Да вѣдь гдѣ жъ, родимый, одному все видѣть?
Пусть же смотрятъ зорко верхніе-то мужи,
Чтобъ внутри все было чисто и снаружи», и пр.

Въ «Современной молитвѣ» поэтъ говоритъ:

«Гнѣздо нечестья было свито
От давнихъ лѣтъ въ родномъ краю.
Средь обновившагося быта —
Ты видишь, Господи, открыто
Несемъ мы исповѣдь свою.
Публично наше покаянье
Въ давно-таившихся грѣхахъ:
Текущихъ дней книгописанье
Есть нашей плоти истязанье —
Верига въ прозѣ и стихахъ.
Себя мы письменно бичуемъ,
Да болью новою своей
Болѣзни духа уврачуемъ,
И тихо, мирно завоюемъ
Свѣтъ человѣческихъ идей».

Въ стихотвореніи: «Что шумишь» иронически изложены возраженія нѣкоторыхъ практическихъ людей противъ гласности литературныхъ обличеній. Что намъ за дѣло до какихъ-то вашихъ истинъ, говорятъ практическіе люди, —

«Что намъ въ нихъ, когда и съ ложью,
Благъ земныхъ имѣя часть,
Можно славить правду Божью,
И, чтобъ духомъ не упасть
Да и плоти не ослабить,
Иногда немножко грабить,
Иногда немножко красть?
Не смущая нашу совѣсть,
Не ворочая души,
Дай намъ пѣсню, сказку, повѣсть,
Позабавь насъ, посмѣши, —
Такъ, чтобъ было все пустенько,
Непридирчиво, легко,
И попрыгало маленько
Въ смѣхѣ круглое брюшко,
Посреди отдохновенья
Въ важный часъ пищеваренья!
Не ломись въ число судей,
Не вноси къ намъ ни уроковъ,
Ни обидныхъ намъ намековъ,
Ни мучительныхъ идей,
И не будь бичемъ пороковъ,
Чтобъ не быть бичемъ людей!

Если жъ дико и сурово
Заревешь ты свысока, —
Эко диво! Намъ не ново:
Мы какъ разъ уймемъ дружка»....

ъ стихотвореніи на «Новый 1857 г.» Бенедиктовъ тоже предıяетъ подобныхъ господъ, и на ихъ возгласы, что «тѣхъ, что ь колышутъ, надо бы связать», отвѣчаетъ:

«Но друзья ль тутъ Руси
Съ гласностью въ борьбѣ?
Нѣтъ, — вѣдь это гуси
На умѣ себѣ!
Въ маскѣ патріотовъ
Мраколюбцы тутъ
Изъ своихъ расчетовъ
Голосъ подаютъ», и пр.

овторяемъ: тутъ поэзіи нѣтъ и слѣда (что, впрочемъ, читаи самъ видитъ); но мысли—превосходны. Кто бы и какъ бы ни высказалъ въ Россіи въ настоящее время,—всякій заслуетъ привѣта и благодарности. И шлются эти благодарные ѣты г. Бенедиктову со всѣхъ сторонъ; и мы сами готовы отъ души уважить въ поэтѣ благородство его чувствованій, возённость стремленій (совершенно некстати вспомнились тутъ нескромные стулья; но вы, читатели, постарайтесь забыть хъ)... Только все же общественныя заслуги г. Бенедиктова слѣпятъ насъ насчетъ степени его поэтическаго таланта. Мы мъ, что если бъ его дарованіе имѣло хоть сколько-нибудь внупей силы, а не было чисто-внѣшнимъ, то онъ бы выступилъ о поприще, на которомъ теперь подвизается съ такимъ успѣ, гораздо раньше,—по крайней мѣрѣ немедленно послѣ того, провозгласилъ, что онъ въ мірѣ боецъ. Что дарованіе г. Бектова внутренней силы не имѣетъ, это видно даже изъ соенныхъ его стихотвореній. Онъ въ своихъ стихотвореніяхъ не ко не ставитъ новыхъ вопросовъ, не изыскиваетъ новыхъ предвъ, но даже и въ предметахъ, давно уже вызванныхъ на Босвѣтъ, не отыскиваетъ новыхъ сторонъ, не составляетъ новыхъ инацій. Характеръ его новѣйшей литературной дѣятельности ю объяснить въ немногихъ словахъ: то зло, которое повер или, по крайней мѣрѣ, заклеймено общественнымъ мнѣніемъ,— караетъ; то добро, которое сдѣлано—прославляетъ; предъ ъ, еще нетронутымъ, обнаруживаетъ полное безсиліе, о добрѣ, не сдѣланномъ, или вовсе не заводитъ рѣчи, или говоритъ я фразы, давно сдѣлавшіяся ходячими въ обществѣ. Правда, это не есть недостатокъ, свойственный одному только г. Бектову: такова почти вся наша литература послѣдняго времени. ıктеръ ея очень напоминаетъ намъ школьный анекдотъ, чиый нами когда-то въ одной дѣтской книжкѣ. «Въ одной школѣ, у многими благонравными мальчиками, были два негодяя. Они

были старше другихъ и потому исправляли въ классѣ какую-то должность. Пользуясь этимъ, они всячески притѣсняли маленькихъ мальчиковъ, — били ихъ, отнимали у нихъ разныя вещи, несправедливо жаловались на нихъ учителю. Добрые мальчики очень страдали и много плакали, но все терпѣли. Наконецъ, учитель самъ замѣтилъ въ чемъ-то старшихъ негодяевъ, пребольно высѣкъ ихъ и лишилъ должности въ классѣ. Тогда добрые мальчики очень обрадовались и, желая исправить негодяевъ, начали упрекать ихъ въ прежнихъ поступкахъ, говоря: что взяли, гордецы, воры, забіяки, ябедники, мошенники,—что взяли? Скверно вы дѣлали? Признайтесь, вѣдь скверно? Хорошо, что добрый нашъ учитель наказалъ васъ, право, хорошо; давно пора бы... Негодные мальчики, слушая эти упреки, не знали, что отвѣчать, и имъ было очень стыдно».

Возвращаясь отъ дѣтской сказочки къ г. Бенедиктову, мы должны замѣтить у него одну мысль, которая не имъ, конечно, выдумана, но имъ развивается съ особенной любовью въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ. Это — мысль о благѣ мира и о противоестественности войны. Въ представленіи этой мысли, г. Бенедиктовъ возвышается даже до поэтическихъ образовъ, которые вообще ему такъ рѣдко удаются. Стихотворенія «Война и миръ», «И туда», «Ваня и няня», по нашему мнѣнію—рѣшительно лучшія изъ современныхъ стихотвореній г. Бенедиктова. Между прочимъ, эти самыя произведенія могутъ служить яснымъ доказательствомъ того, до какой степени сильно бываетъ подчиненіе рутинѣ у второстепенныхъ литературныхъ дарованій. Личное отвращеніе отъ дикихъ ужасовъ войны выразилъ г. Бенедиктовъ въ давнишнемъ, чуть ли не одномъ изъ первыхъ своихъ стихотвореній «Золотой вѣкъ». Тамъ говоритъ онъ, между прочимъ, довольно недурными стихами:

«Вы были-ль когда-то, златые года,
Какъ праздно лежало въ недвижномъ покоѣ,
Въ родномъ подземельи, желѣзо тупое
И имъ не играла пустая вражда;
И хищная сила по лику земному
Границъ не чертила кровавой чертой,
Но тихо катилось отъ рода къ другому
Святое наслѣдье любви родовой».

Но въ то время, какъ это было писано, у насъ сильно было бранное направленіе поэзіи. Привычка восхищаться пространствомъ Россіи и силой несмѣтныхъ ея штыковъ со временъ Ломоносова, или даже Симеона Полоцкаго, господствовала въ нашей литературѣ. Около 1830 г. Пушкинъ подновилъ воинственность нашей поэзіи нѣсколькими бранными стихотвореніями (лишенными, впрочемъ, поэтическаго достоинства), и могъ ли г. Бенедиктовъ противиться общему направленію? Онъ, и въ самомъ дѣлѣ, не только не противился, а даже ревностно послѣдовалъ ему, оставивъ свою мысль о безчеловѣчности войны,—до болѣе удобнаго времени. Онъ

оспѣлъ громозвучными стихами «Ватерлоо», съ большимъ одушев-
еніемъ описывалъ сраженія въ разныхъ мелкихъ стихотвореніяхъ,
оворилъ, что во время пира онъ «ждалъ втайнѣ праздника ме-
ей», и что

«Юной жизни пламя
Сладко несть отчизнѣ въ дань.
Ей да служитъ въ охраненье
Этотъ мечъ головосѣкъ»!

Въ томъ же самомъ стихотвореніи, желая прославить Русь, онъ
е находитъ ей другихъ похвалъ, кромѣ обширности и крѣпости
ранной —

«Широка она, родная,
Ростомъ міру по плечо,
Вся одежда ледяная,
Только сердце горячо.
Чуть зазнала пиръ кровавый,
И разсыпались враги,
Высоко шумитъ двуглавый,
Землю топчутъ русской славы
Семи-мильные шаги»!...

Совершенно противно своему убѣжденію, поэтъ восхищается
дѣсь ложнымъ блескомъ, потому что имъ тогда восхищались. Онъ
е въ силахъ былъ сказать что-нибудь свое, не въ силахъ былъ
азвить той мысли, которую мимоходомъ выразилъ, въ родѣ мечты,
ъ одномъ изъ своихъ же стихотвореній. Мало того, онъ отрекся
тъ своей мысли, принявшись воспѣвать предметъ, который, по его
обственному признанію, былъ ему ненавистенъ. За то, посмотрите,
акъ смѣло и рѣшительно говоритъ онъ объ этомъ теперь, когда
уманныя идеи созрѣли, когда война всѣми признается тяжкимъ
юмъ, которое становится все менѣе и менѣе неизбѣжнымъ въ
еловѣчествѣ. Теперь г. Бенедиктовъ не увлекается уже бранной
лавой русскаго народа, а прямо и рѣшительно говоритъ, что

«Онъ упивался ложнымъ блескомъ,
Величья въ прахѣ онъ искалъ,
И въ вихрѣ браней, съ шумомъ, съ трескомъ,
Непобѣдимый — общимъ плескомъ
Себѣ онъ самъ рукоплескалъ».

Даже о своей собственной дѣятельности и о трудахъ, подоб-
ыхъ ему воспѣвателей брани, г. Бенедиктовъ отзывается теперь
ь похвальнымъ негодованіемъ. Во время войны, говоритъ онъ,

«Злобствуетъ даже поэтъ, сынъ слезы и молитвы:
Музу свою окуривъ испареньями битвы,
Опіумъ ей онъ подноситъ, не нектаръ; святыню
Хлещетъ бичомъ; стервенитъ своихъ пѣсенъ богиню;
Судорогъ полныя, бьютъ по струнамъ его руки,
Лира его издаетъ барабанные звуки.
«Бейтесь», кричатъ сорванцы, притаясь подъ заборомъ,
И поражаютъ любителей мира укоромъ».

Вообще о войнѣ г. Бенедиктовъ говоритъ теперь съ явнымъ пренебреженіемъ. Еще во время войны извѣстно было его стихотвореніе «Молитва», въ которой онъ съ благороднымъ отвращеніемъ говорилъ о тѣхъ, которые смѣютъ молить у Бога успѣха въ убійствахъ, и заключалъ, что единственно приличная христіанину молитва во время войны есть молитва о мирѣ. Почти тѣ же мысли повторяются имъ и въ стихотвореніи «Война и миръ». Тутъ, говоритъ онъ,

«Брошены въ прахъ всѣ идеи, въ почетѣ гремушки;
Проповѣдь мудрыхъ молчитъ, проповѣдуютъ пушки;
И опьянѣлые въ оргіи дикой народы
Цѣпи куютъ себѣ сами во имя свободы:
Чувствуя въ злобѣ своей сатану душегубца
Распри заводятъ во имя Христа-миролюбца»!...

Все стихотвореніе заключается грустнымъ восклицаніемъ: «жаль мнѣ тебя, человѣчество, бѣдное стадо!»

Въ приведенныхъ нами стихахъ опять таки нѣтъ поэзіи: главное ихъ достоинство — смѣлость и твердость мысли. Но на ту же тему написаны г. Бенедиктовымъ еще два стихотворенія, въ которыхъ мы не можемъ не признать нѣсколькихъ искръ поэзіи. Одно изъ нихъ, «И туда», испорчено вычурностью представленія предмета и желаніемъ, во что бы то ни стало, произвести эффектъ. Дѣло въ томъ, что англійскіе корабли подплыли къ берегамъ Камчатки и начали ихъ обстрѣливать. Камчадалы съ изумленіемъ встрѣчаютъ незваныхъ гостей и не знаютъ, чтобы могло значить ихъ враждебное посѣщеніе. Съ виду, пришельцы, кажется, похожи на людей, но поступки ихъ вовсе не человѣческіе. Странно, «а вѣдь все же это люди», говорятъ камчадалы. Вдругъ самимъ камчадаламъ дается приказаніе защищаться.

«Камчадалъ! Пускай въ нихъ стрѣлы!
Ну, прицѣливайся! Бей!
Не зѣвай! Въ твои предѣлы,
Видишь, вторгнулся злодѣй».
И дикарь въ недоумѣньи
Слышитъ странное велѣнье:
«Какъ? Стрѣлять? Въ кого? Въ людей?»
И, ушамъ своимъ не вѣря,
«Нѣтъ», сказалъ, «стрѣлу мою
Я пускаю только въ звѣря;
Человѣка я не бью!»

Содержаніе нѣсколько аффектировано, особенно если мы вспомнимъ, что камчадалы хоть и не любятъ сражаться по своей трусости, но убійство человѣка не считаютъ неслыханнымъ дѣломъ, по крайней мѣрѣ, съ того времени, какъ они дрались съ русскими въ началѣ прошедшаго столѣтія. Поэтому, поэтическій образъ, выбранный г. Бенедиктовымъ, не совсѣмъ удаченъ. Но уже одно то, что для выраженія своей мысли поэтъ обратился къ образу, а не

олословнымъ фразамъ, — одно уже это заслуживаетъ большую алу въ такомъ поэтѣ, какъ г. Бенедиктовъ.

ругое стихотвореніе: «Ваня и няня» проще и лучше. Маль- спрашиваетъ няню про войну. Та ему начинаетъ разсказы- «Такъ они дерутся!» — прерываетъ мальчикъ. — «Да», гово- няня. — «Да вѣдь драться стыдно», снова возражаетъ Ваня:

«Мнѣ сказалъ папаша самъ:
Заниматься этимъ
Только пьянымъ мужикамъ,
А не умнымъ дѣтямъ».

Разъ мы съ Мишей поссорились за игрушки, такъ папаша къ насъ обоихъ».

«Стыдно драться, говоритъ,
Ссорятся лишь злые».
Ишь, и маленькимъ-то стыдъ!
А вѣдь тамъ большіе.
Самъ я видѣлъ сколько разъ:
Мимо шли солдаты.
У! Большущіе! Я глазъ
Не спускалъ: все хваты!
Шапки мѣдныя, съ хвостомъ!
Ружей много, много!
Барабаны тромъ томъ-томъ,
Вся гремитъ дорога.
Тромъ-томъ-томъ! И весь горитъ
Отъ восторга Ваня;
Но, подумавъ, говоритъ:
«А вѣдь вѣрно, няня,
На войну шло столько ихъ,
Гдѣ палятъ изъ пушки:
Вѣрно вышла и у нихъ
Ссора за игрушки».

сли судить слишкомъ строго, то, конечно, и это стихотворе- можно уподобить «Разговору въ царствѣ мертвыхъ». Но недиктову и такіе разговоры рѣдко удаются. Его «Посѣщеніе» «Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ», но тотъ разговоръ крайне и утомителенъ, а здѣсь въ представленіи чувствъ и мыслей чика есть даже какъ будто немножно поэтическаго воодушев- ı. Поэтому, стихотвореніе «Ваня и няня» мы причисляемъ къ олѣе удачнымъ стихотвореніямъ г. Бенедиктова не только по и, но даже и по исполненію.

Іедурныя мѣста попадаются у г. Бенедиктова во многихъ этвореніяхъ; но цѣлаго стихотворенія, вполнѣ выдержаннаго, іе можемъ указать ни одного. То какой-нибудь нелѣпый тропъ ртитъ картину, то странное изображеніе ослабитъ мысль, то неніе какое-нибудь затемнитъ дѣло, то безчеловѣчныя фразы шаютъ впечатлѣніе. И это прилагается не только къ созда- ъ собственной музы г. Бенедиктова, но даже къ его перево- , которыхъ помѣщено въ новой книжкѣ его до двѣнадцати.

Все это вообще приводитъ насъ къ тому, чтобы повторить наше заключеніе, которымъ мы начали рецензію стихотвореній г. Бенедиктова. Онъ остался тѣмъ же, что и былъ, не измѣнивши себѣ ни въ формѣ, ни въ содержаніи своей поэзіи. Эффектъ и вычурность попрежнему остались ея элементами, только канва перемѣнилась сообразно съ обстоятельствами времени. Въ зародышѣ, въ предчувствіи г. Бенедиктова давно являлись тѣ прекрасныя мысли (да и у кого же изъ мыслящихъ людей онѣ не являлись?), которыя онъ излагаетъ нынѣ; но какъ дарованіе очень слабое, второстепенное, г. Бенедиктовъ не рѣшался высказывать своихъ мыслей, пока справедливость ихъ не была наконецъ признана лучшею частью общества. И общество встрѣтило рукоплесканіями его убѣжденія въ томъ, въ чемъ оно само давно ужъ убѣждено было. (Тѣ, которые не были убѣждены, не убѣдились и стихами г. Бенедиктова и не рукоплескали ему.) Въ этомъ фактѣ мы видимъ, между прочимъ, доказательство того, что публика наша все еще не совсѣмъ твердо стоитъ на почвѣ современныхъ идей: ей нужна еще поддержка, нуженъ лишній голосъ для ея ободренія; открытыхъ приверженцевъ и постоянныхъ дѣятелей новаго направленія еще мало. Но все же ихъ ужъ несравненно больше, чѣмъ сколько было два-три года тому назадъ. Можно надѣяться, что если все пойдетъ такъ, какъ идетъ теперь, то чрезъ нѣсколько лѣтъ новыя идеи перейдутъ изъ области общихъ фразъ къ настоящимъ, живымъ примѣненіямъ, и проповѣдывать, что свѣтъ лучше тьмы, и что надо открыто итти противъ зла, будетъ столько же безполезно и странно, какъ странно теперь серьезно доказывать, что, напримѣръ, убить человѣка дурно, или что напиться пьянымъ непохвально. Тогда-то можно ожидать и истинно-поэтическихъ произведеній въ нынѣшнемъ общественномъ направленіи. А пока оно входитъ въ поэзію только какъ общая фраза, какъ отвлеченная теорія, до тѣхъ поръ, разумѣется, публика можетъ довольствоваться и стихами г. Бенедиктова, у котораго все-таки, надобно отдать ему справедливость, есть много мыслей, изложенныхъ очень звучно и весьма поучительныхъ.

Великія Луки и Великолуцкій уѣздъ. Замѣтки Михаила Семевскаго. Спб. 1857 г.

Обращаемъ на книжку г. Семевскаго особенное вниманіе г. Бенедиктова. Въ ней увидитъ онъ, что въ наше время общія фразы о современныхъ идеяхъ, сочувствіе общественнымъ вопросамъ, и т. п. уже перестаютъ быть рѣдкостью, и что на нихъ однихъ нельзя далеко уѣхать. Нынѣ, какъ бы ни былъ бездаренъ писа-

тель, какъ бы ни ограниченъ былъ кругъ его зрѣнія, какъ бы ни смутны были понятія о предметахъ самыхъ обыкновенныхъ, — все-таки онъ уже понимаетъ вредъ невѣжества, беззаконность взятокъ, притѣсненій, гадость обмана, ханжества, и т. п. Это уже теперь обязанность писателя, а не достоинство, подобно тому, какъ нынѣ уже не составляетъ достоинства умѣнье писать грамотно и складно; а прежде, всякаго, кто умѣлъ составить порядочную строчку, считали уже за нужное хвалить, какъ человѣка, «слогъ имѣющаго». Нынѣ безграмотные писатели до того доведены, что имъ ужъ и носа показать нельзя въ литературѣ, — просто сунуться некуда, развѣ только учебникъ составить или дѣтскую книжку сочинить имъ еще дозволяется. Нынѣ даже простое глумленіе надъ грамматическими промахами авторовъ считается излишнимъ; всякій готовъ пропустить безъ вниманія даже дѣйствительную ошибку противъ языка въ статьѣ, интересной въ какомъ-нибудь отношеніи. Пропускаются же эти ошибки не потому, чтобы ихъ не считали ошибками и одобряли, а просто потому, что не хотятъ въ нихъ видѣть доказательствъ безграмотности писавшаго, а считаютъ ихъ слѣдствіемъ разсѣянности, недосмотра, опечатки, и т. п. Нынѣ уже смѣшно видѣть, если кто-нибудь, въ спорѣ о важномъ предметѣ, опровергая своего противника, вдругъ начнетъ разбирать его фразу: гдѣ тутъ подлежащее, гдѣ сказуемое? и потомъ объявитъ торжественно, что во фразѣ глагола нѣтъ, слѣдовательно грамматическаго смысла нѣтъ, и потому онъ ея не понимаетъ. Къ такимъ грамматическимъ фигурамъ нынѣ прибѣгаютъ люди ужъ только тогда, когда они ничего дѣльнаго сказать не умѣютъ: до того вошло въ литературу сознаніе о томъ, что кто берется писать, тотъ ужъ не можетъ быть неграмотнымъ. То же самое скоро совершится и съ мнѣніями, провозвѣстники которыхъ теперь еще вызываютъ столь громкое, и иногда не совсѣмъ заслуженное, одобреніе публики. Отчасти, въ отношеніи къ нѣкоторымъ мнѣніямъ, это уже и начинаетъ совершаться: теперь, напримѣръ, никто не удивится и не подниметъ восторженнаго шума похвалъ, если кто-нибудь скажетъ, что у насъ въ чиновничьемъ мірѣ есть злоупотребленія, что общее образованіе важнѣе спеціальнаго, что насильственныя мѣры всегда дурны, и т. п. А нѣсколько лѣтъ тому назадъ считали же вѣдь очень дерзкимъ и отважнымъ того, кто осмѣливался сказать, что и гвардейскіе офицеры иногда дурно танцуютъ, или что и пряжка безпорочная не всегда знаменуетъ дѣйствительное отсутствіе пороковъ въ томъ, кто ее носитъ. Тогда не много нужно было, чтобы прослыть передовымъ человѣкомъ. Но теперь ужъ дѣла совсѣмъ въ другомъ положеніи. Къ тому, что было, ужъ нѣтъ возврата. Всѣ наши quasi поэтическіе возгласы противъ людей, любящихъ тьму, теперь несвоевременны и излишни. Не мы съ вами дѣлаемъ литературу, г. Бенедиктовъ: мы съ вами и прежде существовали, да вѣдь не говорили же того, что нынѣ говоримъ. Да и не мы одни, — и г. Щедринъ съ г. Печерскимъ существовали, и

г. Пироговъ тоже, и г. Бабстъ тоже,— да мало ли и еще кто былъ; а вѣдь не писалось же ничего такого, пока общество само не заговорило, пока въ немъ не являлась потребность гласности, свѣта, правды, дѣятельности. Но произошло движеніе мысли въ обществѣ,— и литература пришла въ движеніе, отдавая всѣ свои средства на служеніе общественнымъ интересамъ. Общество съ благодарностью ими воспользовалось, обратило на литературу больше вниманія, тѣснѣе сблизилось съ ней, видя, что она объясняетъ ему весьма многое и придаетъ болѣе разумности и сознательности его собственнымъ стремленіямъ.

Говоря все это, мы вовсе не хотимъ утверждать той мысли, будто наше общество такъ ужъ высоко стоитъ, что ему почти и ненужно литературы. Мы только указываемъ на то, что г. Бенедиктовъ и подобные ему обличители пороковъ, останавливающіеся все на однѣхъ и тѣхъ же общихъ фразахъ, сильно отстаютъ уже, воображая, что безъ нихъ общество и говорить не умѣетъ. Напротивъ, дѣла только дѣлать мы еще не умѣемъ, а говоримъ-то мы ужъ очень бойко и очень много, можетъ быть больше, чѣмъ требуется для настоящаго пониманія дѣла, и ужъ во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ позволяетъ себѣ литература. Литература во всякомъ случаѣ умѣряетъ слишкомъ необдуманные порывы всестороннимъ показаніемъ вопроса и хладнокровнымъ, разумнымъ его обсужденіемъ; въ этомъ и состоитъ вообще ея заслуга предъ обществомъ. Этой-то заслуги и не имѣютъ общія фразы, какія съ важностью произносятся г. Бенедиктовымъ, г. Семевскимъ, и т. п. Кстати, возвратимся къ г. Семевскому, о которомъ мы совсѣмъ позабыли, заговорившись съ г. Бенедиктовымъ.

Книга г. Семевскаго замѣчательна, какъ мы уже сказали, въ томъ отношеніи, что авторъ ея, при крайней ограниченности понятій и знаній, все-таки выражаетъ сочувствіе къ современному направленію. О степени его знаній историческихъ можетъ свидѣтельствовать слѣдующій примѣръ: разсказывая исторію Великихъ Лукъ, онъ распространяется, неизвѣстно для чего, о томъ, что христіанство было водворено въ Россіи Владиміромъ Святославичемъ, внукомъ св. Ольги, который, по общему совѣту епископовъ, уничтожилъ идолопоклонство, и пр. И чтобы кто-нибудь не усомнился въ открытомъ имъ фактѣ, имѣющемъ столь близкое отношеніе къ исторіи города Великихъ Лукъ, онъ дѣлаетъ ссылку на «Исторію Псковскаго Княжества» и на «Степенныя книги». Статистическіе пріемы г. Семевскаго характеризуются тѣмъ, что онъ представилъ таблицу числа жителей, домовъ, церквей, заводовъ и пр. въ Великолуцкомъ уѣздѣ, и поспѣшилъ замѣтить, что онъ не ручается за вѣрность и точность нѣкорыхъ цыфръ. Какихъ именно *нѣкоторыхъ*, онъ не сказалъ, и, такимъ образомъ, на всѣ цыфры падаетъ подозрѣніе въ невѣрности и неточности; зачѣмъ же было и составлять невѣрную и неточную таблицу? Въ этнографіи г. Семевскій показываетъ себя большимъ знатокомъ, потому что по-

дробно описываетъ, какъ особенность Великихъ Лукъ, то, что тамъ женихи свахъ засылаютъ, на дѣвичникѣ и на свадьбѣ пѣсни поютъ; что за столомъ великолучане пьютъ и ѣдятъ, и т. п. При этомъ онъ съ гордостью замѣчаетъ, что «Замѣтки его есть страница не безполезная при описаніи быта русскаго народа» (стр. 146). Но всего замѣчательнѣе то, что авторъ приводитъ изъ своего «Сборника великолуцкихъ пословицъ» (довольно значительнаго по его замѣчанію) такія пословицы, какъ «чужое добро въ прокъ нейдетъ», «заставь дурака Богу молиться, онъ лобъ разобьетъ», «глупому сыну не въ помощь богатство», и т. п. Если всѣ такія пословицы относить собственно къ Великолуцкому уѣзду, то, разумѣется, не трудно составить и очень значительный сборникъ: стоитъ переписать Снегирева со всѣми дополненіями. Словомъ, авторъ почти на каждой страницѣ своей книжки обнаруживаетъ такое наивное невѣдѣніе о самыхъ простыхъ предметахъ, что мы нисколько не удивились бы, если бъ увидѣли, что онъ къ особенностямъ Великолуцкаго уѣзда причисляетъ и то, что тамъ люди вверхъ головой ходятъ.

Къ числу замѣчательнѣйшихъ фактовъ, сообщаемыхъ въ книжкѣ г. Семевскаго, нужно отмѣтить слѣдующія свѣдѣнія: 1) что *въ нашемъ* городѣ (такъ г. Семевскій называетъ Великія Луки), на правомъ берегу Ловати, В. И. Семевскій, дѣдъ автора «Замѣтокъ о Великихъ Лукахъ», построилъ въ 1788 г. каменный домъ для богодѣльни; что Егоръ Семевскій, дѣдъ автора (вѣроятно другой), былъ въ числѣ лицъ, подписавшихся на сочиненіе «Историческое описаніе города Пскова, 1790 г.»; что И. Е. Семевскому, отцу автора, принадлежитъ село Федоровцево; что 12 № «Москвитянина» за 1856 г. (одинъ, увы! изъ послѣднихъ нумеровъ издыхавшаго «Москвитянина») украшенъ былъ статьею автора Великихъ Лукъ «о фамиліи Грибоѣдовыхъ». Свѣдѣнія сіи будутъ, конечно, драгоцѣнны для великолуцкихъ гражданъ, сообщая имъ родословное древо ихъ историка и этнографа.

И, однако же, этотъ самый наивный юноша, изъ «Исторіи Псковскаго Княжества» узнавшій о водвореніи въ Россіи христіанства Владиміромъ и полагающій, что свахи и дружки составляютъ исключительную принадлежность великолуцкой жизни, онъ же находитъ въ себѣ силы для того, чтобы пускать вотъ какія громоносныя фразы: «сердце невольно сжимается при взглядѣ на картину невѣжества, изувѣрства, тупоумія, поразительной жестокости, пошлаго ябедничества и тому подобныхъ пороковъ тогдашнихъ владѣтелей крестьянъ. Чѣмъ отличался помѣщихъ отъ своего крестьянина — рѣшить трудно: платьемъ и большею возможностью дѣлать всевозможныя преступленія, начиная отъ воровства и заключая явнымъ разбоемъ и убійствомъ» (стр. 129). «Подьячіе тѣснили помѣщиковъ, пользовались всякимъ предлогомъ, объѣдали и обирали ихъ. Помѣщики грызлись между собою, сильный давилъ слабаго; крестьяне великолуцкіе, по пословицѣ, каковъ попъ, таковъ и приходъ, грабили, рѣзали другъ друга безъ стыда,

безъ зазрѣнія совѣсти, а главное, почти всегда безнаказанно» (стр. 437). «Замѣчательно, что на Руси ѣдкія и въ высшей степени остроумныя изреченія противъ злоупотребленій воеводъ, судей, поповъ, приказныхъ и подьячихъ составляютъ едва ли не наибольшую часть народныхъ пословицъ» (стр. 200). И г. Семевскій даже не останавливается на фразахъ, какъ г. Бенедиктовъ: онъ приводитъ самые факты о томъ, какъ помѣщики дрались и тягались межъ собой. Приводитъ и нѣкоторыя изъ ѣдкихъ пословицъ, хотя давно уже общеизвѣстныхъ, но тѣмъ не менѣе подтверждающихъ его мысль. Въ своихъ воззрѣніяхъ, авторъ доходитъ до такой гуманности, что въ заключеніе своей книги, говоритъ слѣдующую фразу, тоже общеизвѣстную, но все-таки благонамѣренную: «страсть мужичка — вино; угнетаемый безвыходностью и безотрадностью положенія, онъ *опускается* во всѣхъ отношеніяхъ; пьетъ съ горя, чтобы забыть пошлую дѣйствительность, голодныхъ ребятишекъ, брань и упреки жены, нѣмца-управителя, либо баринова приказчика» (стр. 211). По закону справедливости, г. Семевскому слѣдовало бы пріобрѣсти такую же громкую славу, какую пріобрѣлъ Бенедиктовъ: заслуги ихъ предъ обществомъ одинаковыя; но, къ своему несчастію, г. Семевскій сказалъ свои прекрасныя фразы двумя годами позже г. Бенедиктова, и на него теперь уже не хотятъ обращать вниманія, такъ какъ еще черезъ два года не будутъ обращать вниманія и на г. Бенедиктова.

О СТЕПЕНИ УЧАСТІЯ НАРОДНОСТИ

ВЪ РАЗВИТІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(**Очеркъ исторіи русской поэзіи.** А. Милюкова. Второе, ополненное, изданіе. Спб. 1858 г.)

Книжка г. Милюкова — наша старая знакомая. Первое изданіе я было въ 1847 г., и тогда же она была оцѣнена по достоинству ъ нашихъ журналахъ. Новое изданіе этой книги пріятно напонило намъ время перваго ея появленія и заставило подумать о омъ, что произошло въ нашей литературѣ въ послѣднее десятиѣтіе. Повидимому, ничего не произошло особеннаго: въ 1847 г. ысказывались идеи и стремленія, совершенно близкія къ тѣмъ, акія высказываются въ 1858 г. Книжка г. Милюкова можетъ слуить лучшимъ тому доказательствомъ. Слѣдуя мнѣніямъ Бѣлинскаго русскихъ литературныхъ явленіяхъ, г. Милюковъ составилъ тогда черкъ развитія русской поэзіи, — и этотъ очеркъ до сихъ поръ не эряетъ своей правды и значенія. Тогда находилъ онъ хорошими элько тѣ явленія русской поэзіи, въ которыхъ выражалось сатиическое направленіе; и теперь не нашелъ онъ ничего, что можно ы было похвалить у насъ внѣ сатирическаго направленія. Тогда ключилъ онъ свой очеркъ словами Лермонтова: «Россія вся въ удущемъ» — и теперь заключаетъ его тѣми же словами... Ожиаемое будущее еще не настало для русской литературы; продолается все то же настоящее, какое было десять лѣтъ тому наэдъ... Мы еще въ томъ же Гоголевскомъ періодѣ, и напрасно демъ такъ давно новаго слова: для него еще, вѣрно, не выработалось содержаніе въ жизни.

Но если не замѣтно ничего особеннаго во внутреннемъ содерганіи и характерѣ литературы, за то нельзя не видѣть, что внѣнимъ образомъ она развилась довольно значительно. Вспомнимъ, акіе люди дѣйствовали у насъ на литературномъ поприщѣ въ эроковыхъ годахъ и до 1847 г. включительно. Хотя въ этомъ эду Гоголь уже издалъ «Переписку», но все же онъ былъ живъ, надежды на него не покидали его почитателей. За Гоголемъ озвышался геніальный критикъ его, энергически, громко и откро-

венно объяснившій Россіи великое значеніе ея національнаго писателя. За Бѣлинскимъ высились еще два-три человѣка, возбуждавшіе вниманіе публики къ вопросамъ философскимъ и общественнымъ. Подъ ихъ знаменемъ ратовала тогда литература противъ неправды и застоя; отъ нихъ заимствовала она свою энергію и жизнь.

Теперь тоже литература призываетъ общество къ правдѣ и дѣятельности, тоже возстаетъ противъ злоупотребленій, — но кто несетъ наше знамя? Вокругъ кого собрались литературные дѣятели? Изъ тѣхъ, кто одушевлялъ литературу въ сороковыхъ годахъ,

«Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече».

Изъ новыхъ же дѣятелей нѣтъ никого, кто бы, по своему таланту и вліянію, равнялся Гоголю и Бѣлинскому. Теперь нѣтъ литературныхъ вождей, подобныхъ прежнимъ; они исчезли одинъ за другимъ: русская литература утратила ихъ въ самый годъ смерти Бѣлинскаго или недолго спустя. Нѣкоторые изъ нихъ продолжали дѣйствовать и послѣ, даже еще въ бо̀льшихъ размѣрахъ, чѣмъ прежде; но для большинства русской публики труды ихъ оставались неизвѣстными въ эти года. Такъ, Гоголь до конца жизни не переставалъ работать надъ своимъ созданіемъ; но только немногіе, близкіе къ нему, люди знали, какое произведеніе готовитъ онъ. До прочихъ едва доходили темные, неопредѣленные слухи о продолженіи «Мертвыхъ душъ». Такъ было и съ нѣкоторыми изъ другихъ литературныхъ дѣятелей. Такъ и до сихъ поръ, послѣ смерти Гоголя и прекращенія дѣятельности Бѣлинскаго и нѣкоторыхъ его сподвижниковъ, продолжается у насъ отсутствіе громкаго имени, отъ котораго приходила бы въ движеніе литература, которымъ бы направлялась извѣстнымъ образомъ ея дѣятельность.

А между тѣмъ, кто не видитъ, что литература, при всѣхъ своихъ утратахъ и неудачахъ, осталась вѣрною своимъ благороднымъ преданіямъ, не измѣнила чистому знамени правды и гуманности, за которымъ она шла въ то время, когда оно было въ сильныхъ рукахъ могучихъ вождей ея. Теперь никого нѣтъ во главѣ дѣла, но всѣ дружно и ровно идутъ къ одной цѣли: каждый писатель проникнутъ тѣми идеями, за которыя, лѣтъ десять тому назадъ, ратовали немногіе, лучшіе люди; каждый, по мѣрѣ силъ, преслѣдуетъ то зло, противъ котораго прежде возвышалось два-три энергическихъ голоса. То, что было тогда достояніемъ немногихъ передовыхъ людей, перешло теперь во всю массу людей образованныхъ и пишущихъ. Кто не умѣлъ или не хотѣлъ усвоить себѣ этихъ живыхъ уроковъ недавняго прошедшаго, тотъ уже считается отсталымъ, отчужденнымъ отъ общаго дѣла, мертвецомъ между живыми, и его хоронятъ за-живо, несмотря ни на ученость, ни на талантъ. Да что же иначе и дѣлать съ человѣкомъ, который самъ зарываетъ талантъ свой въ землю и мертвой буквой убиваетъ жизнь духа? Богъ съ ними; пусть сочиняютъ себѣ надгробныя надписи, должен-

ствующія нѣкогда напомнить объ ихъ безсмертіи. Живой о живомъ думаетъ, и нынѣшняя литература стремится извѣдать жизнь и на практикѣ приложить и провѣрить истины, привитыя общему сознанію достопамятными дѣятелями прежнихъ лѣтъ. Все проникнуто этимъ духомъ, и, — повторимъ еще разъ, — хотя во внутреннемъ содержаніи литература не подвинулась впередъ, кругъ идей ея не расширился, но кругъ приверженцевъ этихъ идей значительно увеличился; усвоеніе ихъ стало тверже и полнѣе. Въ этомъ видимъ мы внѣшнее развитіе литературы, составляющее прогрессъ ея въ послѣднія десять лѣтъ, и несомнѣнную, дѣйствительную ея заслугу. Она собственною силою сохранила еще свое достоинство отъ мелкихъ продѣлокъ и жалкихъ поползновеній, унижавшихъ въ другія времена званіе писателя. Она собственною силою завоевала себѣ этотъ кружокъ людей, со всею энергіей правды и молодости отдавшихъ себя на служеніе правому дѣлу, при первой возможности честно и правдиво послужить ему. Въ этомъ уже не малая заслуга, и она можетъ сдѣлаться громадною, если распространеніе идей добра и правды будетъ продолжаться такимъ же образомъ, и если интересы, возбужденные литературою, проникнутъ наконецъ въ массы народа. Тогда-то нельзя будетъ не признать великаго значенія литературы.

Но это все будущее и, безъ сомнѣнія, довольно отдаленное. Книга же г. Милюкова даетъ намъ поводъ прослѣдить значеніе русской литературы въ прошедшемъ. Кстати здѣсь же мы можемъ объясниться съ нѣкоторыми книжниками, которые взводятъ на «Современникъ» обвиненіе, будто онъ совершенно отвергаетъ всякое значеніе литературы для общества.

Книжные приверженцы литературы очень горячатся за нее, считая прекрасныя литературныя произведенія началомъ всякаго добра. Они готовы думать, что литература заправляетъ исторіей, что она измѣняетъ государства, волнуетъ или укрощаетъ народъ, передѣлываетъ даже нравы и характеръ народный; особенно поэзія,—о, поэзія, по ихъ мнѣнію, вноситъ въ жизнь новые элементы, творитъ все изъ ничего. Въ подтвержденіе своихъ взглядовъ, они указываютъ на великія поэмы первыхъ вѣковъ человѣчества, на поэзію индійскую, еврейскую, греческую и на продолженіе ихъ въ твореніяхъ величайшихъ геніевъ новыхъ временъ. «Сколько великихъ тайнъ,—говорятъ они,—повѣдано міру въ великолѣпныхъ созданіяхъ фантазіи юнаго человѣчества! Безъ индійской и персидской поэзіи не было бы въ человѣчествѣ сознанія о бореніи двухъ началъ, добра и зла, во всемъ мірѣ; безъ Гомера не было бы Троянской войны, безъ Виргилія Эней не странствовалъ бы въ Италію, безъ Мильтона не было бы Потеряннаго Рая, безъ Данте — живыхъ представленій ада, чистилища и рая». Не было бы,—это въ высшей степени справедливо; всѣ эти прекрасныя созданія принадлежатъ творческой фантазіи младенчествующаго народа или увлеченнаго вдохновеніемъ поэта. Но знаете ли что? — созданія

фантазіи такъ вѣдь и остаются въ области фантастическихъ призраковъ и не переходятъ въ дѣйствительность. Несмотря на все величіе гомерическихъ рапсодій, героическій вѣкъ, съ своими богами и богинями, не явился въ Греціи во времена Перикла, равно какъ и въ Италіи Виргилій, при всемъ своемъ краснорѣчіи, не могъ уже возвратить римлянъ имперіи къ простой, но доблестной жизни ихъ предковъ, и не могъ превратить Тиберія въ Энея. Мало того—явленія, изображенныя во всѣхъ названныхъ нами поэмахъ, и сами по себѣ-то не имѣютъ дѣйствительности и, съ каждымъ годомъ, все далѣе отодвигаются въ туманный міръ призраковъ... Увы!

«. . . . . . Мечты поэта!
Историкъ строгій гонитъ васъ»!

Юнона не обольщала Зевса, Афродита не спасала Париса на полѣ битвы, Аѳина не обманывала Гектора, Эней не видался съ Дидоной, Шива не боролся съ Брамой, и т. д. Если во всѣхъ этихъ преданіяхъ и есть что-нибудь достойное нашего вниманія, то именно тѣ части ихъ, въ которыхъ отразилась живая дѣйствительность. Самыя заблужденія, какія мы въ нихъ находимъ, интересны для насъ потому, что нѣкогда они не были заблужденіями, нѣкогда цѣлые народы вѣрили имъ и по нимъ располагали жизнь свою. Оттого-то и нравится намъ доселѣ поэзія древняго міра и нѣкоторыя фантастическія произведенія поэтовъ новаго времени, тогда какъ ничего, кромѣ отвращенія, не возбуждаютъ въ насъ нелѣпыя сказки, сочиняемыя разными молодцами на потѣху взрослыхъ дѣтей и выдаваемыя нерѣдко за романы, были, драмы, и пр. Тамъ видна жизнь своего времени, и рисуется міръ души человѣческой, съ тѣми особенностями, какія производитъ въ немъ жизнь народа въ извѣстную эпоху; а здѣсь—ничего нѣтъ, кромѣ праздныхъ выдумокъ, стоящихъ въ разладѣ съ жизнью и происходящихъ отъ фантастическаго, произвольнаго смѣшенія понятій и вѣрованій разныхъ временъ и народовъ. Такъ, въ музыкѣ нравятся намъ нерѣдко дикіе аккорды, уклоняющіеся отъ правилъ музыкальной гармоніи, но удачно выражающіе какой-нибудь дѣйствительно существующій диссонансъ въ природѣ; между тѣмъ, намъ деретъ уши, а вовсе не производитъ пріятнаго впечатлѣнія, нечаянно сдѣланная ошибка, когда артистъ возьметъ одну ноту вмѣсто другой. Дѣлая это сравненіе, мы хотимъ сказать, что поэзія и вообще искусства, науки слагаются по жизни, а не жизнь зависитъ отъ поэзіи, и что все, что въ поэзіи является лишнимъ противъ жизни, т. е. не вытекающимъ изъ нея прямо и естественно, все это уродливо и безсмысленно. Что отжило свой вѣкъ, то уже не имѣетъ смысла; и напрасно мы будемъ стараться возбудить въ душѣ восхищеніе красотою лица, отъ котораго имѣемъ только голый черепъ. Боги грековъ могли быть прекрасны въ древней Греціи, но они гадки во французскихъ трагедіяхъ и въ нашихъ одахъ прошлаго столѣтія. Рыцарскія воззванія Среднихъ вѣковъ могли увлекать сотни

тысячъ людей на брань съ невѣрными, для освобожденія Святыхъ мѣстъ; но тѣ же воззванія, повторенныя въ Европѣ XIX в., не произвели бы ничего, кромѣ смѣха. Пиндаръ воспѣвалъ олимпійскія игры, и вся Греція благоговѣйно внимала ему; въ наше время, никто уже серьезно не воспѣваетъ церемоніальныхъ процессій и торжествъ всякаго рода; а если и находились господа, воспѣвавшіе излеровскіе фейерверки и иллюминаціи на разные случаи, то они всѣмъ показались до того пошлы, что даже не возбудили смѣха. Конечно, не поэзія произвела всѣ эти явленія въ жизни, а жизнь заставила иначе смотрѣть на поэзію. Пора намъ освободить жизнь отъ тяжелой опеки, налагаемой на нее идеологами. Начиная съ Платона, возстаютъ они противъ реализма и еще, не понявши хорошенько, перепутываютъ его ученіе. Непремѣнно хотятъ дуализма,—хотятъ дѣлить міръ на *мыслимое* и *являемое*, увѣряя, что только чистыя идеи имѣютъ настоящую дѣйствительность, а все являемое, т. е. видимое составляетъ только отраженіе этихъ высшихъ идей. Пора бы ужъ бросить такія платоническія мечтанія и понять, что хлѣбъ не есть пустой значокъ, отраженіе высшей, отвлеченной идеи жизненной силы, а просто хлѣбъ, объектъ, который можно съѣсть. Пора бы отстать и отъ отвлеченныхъ идей, по которымъ будто бы образуется жизнь, точно такъ, какъ отстали, наконецъ, отъ теологическихъ мечтаній, бывшихъ въ такой модѣ во времена схоластики. Бывало, вѣдь добрые люди пренаивно разсуждали, какъ это удивительно глазъ приноровила природа къ тому, чтобы видѣть: и зрачки, и сѣточки, и оболочка, все, точно нарочно, такъ ужъ и придѣлано, чтобы видѣть; и никакъ вѣдь не хотѣли сообразить добрые люди, что не потому глазъ такъ устроенъ, что намъ такая крайняя есть необходимость видѣть, и видѣть именно вверхъ ногами и въ миніатюрѣ; а просто видимъ мы, и видимъ такъ, а не иначе, именно потому, что глазъ нашъ такъ ужъ устроенъ. Или удивлялись, какъ рѣки текутъ: водѣ, видите, надо всегда внизъ бѣжать и,—непостижимая предусмотрительность природы! — въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ рѣка течетъ, непремѣнно въ руслѣ есть склонъ; ну, вода-то и течетъ себѣ свободно... Добрые люди и того не хотѣли подумать, что рѣка по склону-то именно и течетъ: не будь его вправо, такъ она пойдетъ влѣво, а не станетъ дожидаться, покуда подъ нею склонъ образуется. Нѣтъ, по мнѣнію добрыхъ людей, если Волга течетъ въ Каспійское море, такъ это потому единственно, что она питаетъ особенное, невещественное, идеальное сочувствіе къ Каспію, и, въ силу такой идеи, она должна была непремѣнно дойти именно до Каспія, хотя бы цѣлые Альпы встрѣтились ей на дорогѣ.

Въ естественныхъ наукахъ всѣ подобныя аллегоріи давнымъ давно оставлены; пора бы покончить съ ними и въ области литературы и искусства. Не жизнь идетъ по литературнымъ теоріямъ, а литература измѣняется сообразно съ направленіемъ жизни; по крайней мѣрѣ такъ было до сихъ поръ, не только у насъ, а по-

всюду. Когда человѣчество, еще не сознавая своихъ внутреннихъ силъ, находилось совершенно подъ вліяніемъ внѣшняго міра и, подъ вліяніемъ неопытнаго воображенія, во всемъ видѣло какія-то таинственныя силы, добрыя и злыя, и олицетворяло ихъ въ чудовищныхъ размѣрахъ, тогда и въ поэзіи являлись тѣ же чудовищныя формы и та же подавленность человѣка страшными силами природы. Когда же человѣкъ немножко попривыкъ къ этимъ силамъ и сознал отчасти свое собственное значеніе, тогда и силы природы сталъ онъ представлять антропоморфически, приближая ихъ къ себѣ. Такимъ образомъ развивалась поэзія греческая, съ своими божествами. Въ себѣ человѣкъ созналъ прежде всего внѣшнія, физическія качества—и на первой ступени развитія каждаго народа являются героическія сказанія. Сила доставляетъ однимъ преимущества, которыхъ лишаются другіе; въ элементъ поэзіи входитъ воспѣваніе того, какъ одинъ побѣдилъ другого и какія получилъ трофеи. Трофеи доставляютъ побѣдителямъ возможность давить побѣжденныхъ своимъ великолѣпіемъ, а побѣжденныхъ заставляютъ склониться предъ силою побѣдителя и признать надъ собой ея права: въ поэзіи въ это время является восторженная ода, воспѣвающая покорность рабовъ и вассаловъ. Но побѣдители забываются и начинаютъ ужъ слишкомъ тѣснить побѣжденныхъ; является ропотъ, негодованіе, и въ литературѣ оно выражается сатирой, сначала глухой, дѣйствующей намеками — въ баснѣ, потомъ болѣе открытой — въ сатирѣ лирической и драматической. Возбужденное негодованіе пробуждаетъ, разумѣется, въ обѣихъ сторонахъ взаимныя опасенія, желаніе уладить дѣло къ выгодѣ собственной, и какъ можно больше вытянуть для себя отъ противной стороны. Это обстоятельство заставляетъ обратить вниманіе на устройство общественной и семейной жизни, на отношенія однихъ членовъ общества къ другимъ, и литература склоняется къ общественнымъ интересамъ. Разнообразіе этихъ интересовъ и успѣхи борьбы изъ-за нихъ опредѣляютъ дальнѣйшее развитіе литературы. Бываетъ время, когда народный духъ ослабѣваетъ, подавляемый силою побѣдившаго класса, естественныя влеченія замираютъ на время, и мѣсто ихъ заступаютъ искусственно возбужденныя, насильно навязанные понятія и взгляды, въ пользу побѣдившихъ, тогда и литература не можетъ выдержать: и она начинаетъ воспѣвать нелѣпыя и беззаконныя затѣи класса побѣдителей, и она восхищается тѣмъ, отъ чего съ презрѣніемъ отвернулась бы въ другое время. Такъ было, напримѣръ, у нѣмцевъ въ началѣ прошлаго столѣтія, когда хотѣли заставить ихъ забыть за разными потѣхами кровавыя передряги предшествовавшаго времени. Подобное тому бывало и у другихъ народовъ. Но какъ скоро общество или народъ очнется и почувствуетъ, хотя смутно, свои естественныя нужды, станетъ искать средствъ для удовлетворенія своимъ потребностямъ,—и литература тотчасъ является служительницею его интересовъ. И голосъ ея обыкновенно бываетъ

тѣмъ рѣзче, тѣмъ тверже, чѣмъ болѣе силы пріобрѣтаетъ въ обществѣ дѣло, ею защищаемое. Наоборотъ не бываетъ; а если иногда и кажется, будто жизнь пошла по литературнымъ убѣжденіямъ, то это иллюзія, зависящая отъ того, что въ литературѣ мы часто въ первый разъ замѣчаемъ то движеніе, которое, непримѣтно для насъ, давно уже совершалось въ обществѣ. Иначе и не можетъ быть: откуда вдругъ взялись бы, хоть у насъ, напримѣръ, жалобы на злоупотребленія чиновниковъ или толки о желѣзныхъ дорогахъ, если бы въ обществѣ не было давно уже потребности въ правосудіи и въ хорошихъ путяхъ сообщенія? Для того, чтобы извѣстная идея высказалась наконецъ литературнымъ образомъ, нужно ей долго, незамѣтно и тихо созрѣвать въ умахъ людей, имѣющихъ прямое, непосредственное соотношеніе съ практическою жизнью. На вопросы жизни отвѣчаетъ литература тѣмъ, что находитъ въ жизни же. Поэтому—направленіе и содержаніе литературы можетъ служить довольно вѣрнымъ показателемъ того, къ чему стремится общество, какіе вопросы волнуютъ его, чему оно наиболѣе сочувствуетъ. Разумѣется, все это мы говоримъ о тѣхъ случаяхъ, когда голосъ литературы не стѣсняется разными посторонними обстоятельствами. Нельзя, напр., думать, что индійцы спокойно смотрятъ на неистовства англичанъ потому, что въ остъ-индскихъ газетахъ не было, нѣкоторое время, рѣзкихъ статей противъ англійскихъ злоупотребленій. Мы знаемъ, что причина такого страннаго спокойствія вполнѣ внѣшняя — запрещеніе остъ-индскаго генералъ-губернатора. Точно такъ, зная, что въ Австріи почти не выходитъ порядочныхъ философскихъ книгъ, нельзя полагать, чтобы нѣмцы, живущіе въ Австріи, отъ природы лишены были способности философствовать, которою такъ богаты ихъ единоплеменники, живущіе въ другихъ государствахъ. Не выходитъ же книгъ потому, что католическіе монахи зорко за ними смотрятъ и стараются не допускать ихъ до печати. Но это явленія исключительныя, возможныя только при австрійской подозрительности, да при остъ-индскомъ произволѣ; большею же частію общественные, жизненные интересы тотчасъ проявляются въ литературѣ, съ большею или меньшею сознательностью и ясностью.

Сознательности и ясности стремленій въ обществѣ литература много помогаетъ, — въ этомъ мы ей отдаемъ полную справедливость. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, укажемъ на то, чѣмъ полна теперь вся Россія, что́ отодвинуло далеко назадъ всѣ остальные вопросы,—на измѣненіе отношеній между помѣщиками и крестьянами. Не литература пробудила вопросъ о крѣпостномъ правѣ; она взялась за него, и то осторожно, непрямо, тогда только, когда онъ уже совершенно созрѣлъ въ обществѣ; и только теперь, когда онъ уже прямо поставленъ правительствомъ, литература осмѣливается прямо и серьезно разсматривать его. Но какъ ничтожно было участіе литературы въ возбужденіи вопроса, столь же велико можетъ быть ея значеніе въ строгомъ и правильномъ его

обсужденіи. Намъ уже много разъ приходилось слышать отъ многихъ просвѣщенныхъ помѣщиковъ, что теперь необходимо, чтобы люди науки и мысли, равно какъ и люди жизненнаго опыта, одинаково приняли на себя трудъ высказать печатно свои замѣчанія о томъ, какъ, по ихъ мнѣнію, лучше устроить это дѣло, столь важное и благодѣтельное. Въ этомъ случаѣ—литература незамѣнима. По нашему мнѣнію, она можетъ принести здѣсь гораздо болѣе пользы, чѣмъ даже открытыя, публичныя совѣщанія. Совѣщанія эти, во всякомъ случаѣ, должны имѣть болѣе или менѣе частный характеръ, и кромѣ того, въ нихъ слишкомъ много страстности, импровизація нерѣдко замѣняетъ строго-послѣдовательное разсужденіе и рѣшеніе. Литературныя разсужденія имѣютъ характеръ всеобщности: ихъ можетъ читать вся Россія. Кромѣ того, въ литературномъ изложеніи пылъ перваго увлеченія непремѣнно сглаживается, и мѣсто его необходимо заступаетъ спокойная обдуманность, хладнокровное соображеніе мнѣній разныхъ сторонъ и выводъ строго логическій, свободный отъ впечатлѣній минуты. Здѣсь роль литературы чрезвычайно важна, и великость ея значенія ослабляется въ этомъ случаѣ только малостью круга, въ которомъ она дѣйствуетъ. Это послѣднее—такое обстоятельство, о которомъ невозможно безъ сокрушенія вспомнить, и которое обдаетъ нас холодомъ всякій разъ, какъ мы увлечемся мечтаніями, о великомъ значеніи литературы и о благотворномъ вліяніи ея на человѣчество.

Въ самомъ дѣлѣ, мы впадаемъ въ страшное самообольщеніе, когда считаемъ свои писанія столь важными для народной жизни; мы строимъ воздушные замки, когда полагаемъ, что отъ нашихъ словъ можетъ перемѣниться ходъ историческихъ событій, хотя бы и самыхъ мелкихъ. Конечно, пріятно и легко—строить воздушные міры,

«И увѣрять, и спорить,
Какъ въ нихъ-то важны мы»!

Но сдѣлайте маленькій, безпристрастный расчетъ, и вы увидите, какъ велико ваше самообольщеніе. У лучшихъ нашихъ журналовъ, въ которыхъ сосредоточивается вся литературная дѣятельность, насчитывается до 20,000 подписчиковъ; столько же будетъ и у газетъ (хотя подписчики на журналы обыкновенно подписываются и на газеты). Если на каждый экземпляръ положить 10 читателей, то окажется 400,000. Можно порадоваться такой цыфрѣ, забывъ на минуту, что она преувеличена. Но скажите, что же значитъ эти сотни тысячъ предъ десятками милліоновъ, населяющихъ Россію? Какъ же живутъ эти остальные 64,600,000, не читающіе нашихъ газетъ и журналовъ? Участвуютъ ли они въ тѣхъ разсужденіяхъ о возвышенныхъ предметахъ, какія мы съ такою гордостію стараемся повѣдать міру? Интересуютъ ли ихъ наши художественныя созданія, которыми мы восхищаемся? Находятъ ли они

отраду въ тѣхъ живыхъ мысляхъ, какія мы высказываемъ, въ нашихъ литературныхъ обличеніяхъ, общественныхъ вопросахъ, поднятыхъ во имя цѣлаго человѣчества? Знаетъ ли это человѣчество, что мы о немъ хлопочемъ, что мы лѣземъ изъ кожи, готовы подраться между собой, споря о его благосостояніи?... Знаютъ ли крестьяне села Безводнаго или Многоводнаго, Затишья или Залѣсья, что ихъ исправники, становые и управители давно уже преданы суду общественнаго мнѣнія, — въ литературныхъ очеркахъ, картинахъ, воспоминаніяхъ, и т. п.? Знаютъ ли они все это и чувствуютъ ли облегченіе своей участи, подъ благотворнымъ вліяніемъ литературы? Да и сами-то исправники, становые и управители знаютъ ли о литературномъ судилищѣ? Многіе слыхали, вѣроятно, а иные, можетъ быть, и сами читали; но бо̀льшая-то часть, вѣроятно, не читала. Да и когда имъ читать? Имъ надобно службой заниматься; бросить служебныхъ занятій нельзя, потому что они выгоду доставляютъ; — а читаньемъ, вѣдь, сытъ не будешь. Если же и случится прочитать кое-что, такъ каждый пойметъ посвоему и приметъ къ свѣдѣнію то, что наиболѣе приближается къ его понятіямъ. Можно предполагать, что число негодяевъ и мошенниковъ, исправленныхъ литературою, крайне ограничено. Кажется, мы не ошибемся, если на сто тысячъ общаго числа читателей положимъ одного исправленнаго негодяя (да и то мы боимся, чтобы читатели не осердились на насъ за то, что мы предполагаемъ въ ихъ числѣ такихъ нехорошихъ людей; но просимъ извиненія, оправдываясь пословицею: въ семьѣ не безъ урода). Слѣдовательно, всѣ эти, столь многія сотни литераторовъ, проникнутыхъ горячею любовью къ добру и еще болѣе горячею ненавистью къ пороку, всѣ эти доблестныя фаланги мирныхъ рыцарей слова, должны ограничить кругъ своихъ подвиговъ только *четырьмя* обращеніями (да и то сомнительными, замѣтитъ читатель). Ту же самую ограниченность круга дѣйствій нужно замѣтить и въ тѣхъ отдѣлахъ литературы, которые имѣютъ предметомъ распространеніе знаній. Напр., сколько было у насъ толковъ о воспитаніи и обученіи. Толковали преимущественно о школьномъ воспитаніи. А сколько народу у насъ учится въ школахъ? Всего на всего, во всѣхъ вѣдомствахъ и на всѣхъ степеняхъ обученія, съ небольшимъ 350,000 мальчиковъ, да дѣвочекъ до 40,000. Изъ всего числа ихъ, статьи о воспитаніи были прочитаны, разумѣется, только нѣсколькими студентами. Да онѣ, правда, не для воспитанниковъ и назначались, а для учителей. Учителей у насъ тысячъ 15 (на всю-то Россію!), и можно полагать, что десятая часть изъ нихъ прочитала то, что было писано о недостаткахъ современнаго воспитанія и обученія. Изъ этой десятой части, половина, навѣрное, знала еще гораздо раньше то, на что наконецъ указываетъ литература; а изъ остальныхъ, одни прочитали и не согласились, а другіе согласились, да поняли по-своему, и хорошо, если хоть десятая доля поняла все, какъ слѣдуетъ. Изъ понявшихъ же, вѣро-

ятно, не болѣе, опять, какъ десятина приняла на себя трудъ приложить писаныя мудрости къ дѣлу, да изъ нихъ дай Богъ, чтобы хоть десятая часть имѣла успѣхъ. Такимъ образомъ и окажется только полтора человѣка, въ практической дѣятельности которыхъ проявится благодѣтельное вліяніе литературы. Результаты не до такой степени блистательные, чтобы за нихъ сочинять себѣ тріумфы, сплетать вѣнки и воздвигать памятники!—Напрасно также у насъ и громкое названіе *народныхъ* писателей: народу, къ сожалѣнію, вовсе нѣтъ дѣла до художественности Пушкина, до плѣнительной сладости стиховъ Жуковскаго, до высокихъ пареній Державина, и т. д. Скажемъ больше: даже юморъ Гоголя и лукавая простота Крылова вовсе не дошли до народа. Ему не до того, чтобы наши книжки разбирать, если даже онъ и грамотѣ выучится: онъ долженъ заботиться о томъ, какъ-бы дать средства полмилліону читающаго люда прокормить себя и еще тысячу людей, которые пишутъ для удовольствія читающихъ. Забота немалая! Она-то и служитъ причиною того, что литература доселѣ имѣетъ такой ограниченный кругъ дѣйствія. Не навязывай мы народу заботы о нашемъ прокормленіи и о всякомъ нашемъ удовольствіи, такъ, конечно, мы же были бы въ выигрышѣ; наши просвѣщенныя идеи быстро распространились бы въ массахъ, и мы стали бы имѣть больше значенія, наши труды стали бы цѣнить выше. Но, къ сожалѣнію, литература, т. е. ея восхвалители и многіе дѣятели находятся въ горькомъ самообольщеніи, изъ котораго трудно извлечь ихъ. Изобразивши художественнымъ образомъ красу природы, неба, цвѣтъ розо-желтый облаковъ, или совершивши глубокій анализъ какого-нибудь перегороженнаго сердца, или трогательно разсказавши исторію будочника, вынувшаго пятакъ изъ кармана пьянаго мужика, литераторъ воображаетъ, что онъ ужъ невѣсть какой подвигъ совершилъ, и что отъ его созданія произойдутъ для народа послѣдствія неисчислимыя. Напрасно: созданіе это, во-первыхъ, и не дойдетъ до народа, а во-вторыхъ, если и дойдетъ, то нимало не займетъ его и не принесетъ ему пользы. Массѣ народа чужды наши интересы, непонятны наши страданія, забавны наши восторги. Мы дѣйствуемъ и пишемъ, за немногими исключеніями, въ интересахъ кружка, болѣе или менѣе незначительнаго; оттого обыкновенно взглядъ нашъ узокъ, стремленія мелки, всѣ понятія и сочувствія носятъ характеръ парціальности. Если и трактуются предметы, прямо касающіеся народа, и для него интересные, то трактуются опять не съ общесправедливой, не съ человѣческой, не съ народной точки зрѣнія, а непремѣнно въ видахъ частныхъ интересовъ той или другой партіи, того или другого класса. Въ нашей литературѣ это послѣднее обстоятельство еще не такъ замѣтно, потому что вообще у насъ въ прежнее время мало толковали о народныхъ интересахъ; но, въ литературахъ западныхъ, духъ парціальности выставляется несравненно ярче. Всякое явленіе историческое, всякое государственное постановленіе, всякій обществен-

ный вопросъ, обсуживается тамъ въ литературѣ съ различныхъ точекъ зрѣнія, сообразно интересамъ различныхъ партій. Въ этомъ, конечно, ничего еще нѣтъ дурного, — пусть каждая партія свободно выскажетъ свои мнѣнія: изъ столкновенія разныхъ мнѣній выходитъ правда. Но дурно вотъ что: между десятками различныхъ партій почти никогда нѣтъ партіи народа въ литературѣ. Такъ, напр., множество есть исторій, написанныхъ съ большимъ талантомъ и знаніемъ дѣла, и съ католической точки зрѣнія, и съ раціоналистической, и съ монархической, и съ либеральной,— всѣхъ не перечтешь. Но много ли являлось въ Европѣ историковъ народа, которые бы смотрѣли на событія съ точки зрѣнія народныхъ выгодъ, разсматривали, что̀ выигралъ или проигралъ народъ въ извѣстную эпоху, гдѣ было добро и худо для массы, для людей вообще, а не для нѣсколькихъ титулованныхъ личностей, завоевателей, полководцевъ, и т. п. Политическая экономія, гордо провозглашающая себя наукою о *народномъ* богатствѣ, въ сущности заботится только о возможно-выгоднѣйшемъ употребленіи и возможно-скорѣйшемъ увеличеніи капитала, слѣдовательно, служитъ только классу капиталистовъ, весьма мало обращая вниманія на массу людей безкапитальныхъ, не имѣющихъ ничего, кромѣ собственнаго труда. Нѣсколько голосовъ поднималось, правда, во Франціи въ защиту этихъ безпомощныхъ людей отъ односторонняго могущества капитала; но капиталисты назвали эти голоса безуміемъ и сочинили противъ нихъ великое множество системъ, въ которыхъ строго-логически доказывали, что никто не имѣетъ права запретить имъ пріумножать свои капиталы посредствомъ труда людей безкапитальныхъ. Да ужъ что говорить о наукахъ? Даже поэзія, всегда столь сочувствовавшая всему доброму и прекрасному и презиравшая мелкіе, своекорыстные расчеты, даже поэзія постоянно увлекалась духомъ партій и классовъ, и только въ немногихъ частныхъ явленіяхъ возвышалась до точки зрѣнія чисто человѣческой, превышающей частные интересы кружковъ или какихъ-нибудь особенныхъ личностей. Она избирала всегда возвышенныя идеи, возвышенныя личности, далеко выдающіяся изъ толпы, и рѣдко спускалась до простого люда. У грековъ это еще было такъ себѣ, ничего; потому что и жизнь у нихъ была устроена особеннымъ образомъ, такъ что масса народа не исключалась изъ участія въ общемъ ея ходѣ. Поэтому и въ литературѣ ихъ, хотя возвышеннѣйшія роли играются богами, полу-богами, царями и героями, но съ другой стороны и народъ является нерѣдко въ видѣ хора, играющаго роль здравомысла и хладнокровно обсуживающаго преступленія и глупости главныхъ дѣйствующихъ лицъ пьесы. Въ началѣ греческой поэзіи видимъ мы, правда, взбалмошныхъ Менелаевъ и Агамемноновъ, да сладострастныхъ Парисовъ, изъ-за которыхъ народы проливаютъ кровь свою; но во время высшаго развитія греческой цивилизаціи являются и Аристофановы поселяне. Вообще, въ греческой поэзіи интересы народа уважались

еще нѣсколько. Но въ Римѣ находимъ уже не то: тамъ уже развивается односторонняя государственная идея, и человѣкъ имѣетъ значеніе только какъ принадлежность Рима. Тамъ уже не трогають страданія народа, не занимаютъ его интересы и радости. Римская поэзія воспѣваетъ отвлеченныя, возвышенныя идеи да сильныхъ мужей, въ родѣ того, который не поблѣднѣетъ, если весь міръ станетъ предъ нимъ разрушаться. Это отталкивающее преклоненіе предъ безчеловѣчіемъ мертвитъ всю поэзію Рима, и человѣческое чувство пробуждается въ ней почти только для эпикурейскихъ наслажденій. Даже сатира имѣетъ тамъ характеръ вовсе не гуманный, а или отвлеченный, или лично раздражительный. При императорахъ, народъ особенно подвергся презрѣнію: даже слово vulgaris (vulgaire собственно: народный) приняло значеніе пошлаго, даже неприличнаго. Въ среднихъ вѣкахъ продолжается та же исторія, только въ болѣе грубомъ видѣ. Барды, прославляющіе подвиги побѣдителей, да трубадуры и менестрели, воспѣвающіе воинскую доблесть, знатное происхожденіе и неестественно-возвышенныя чувства, овладѣваютъ всей поэзіей. Народъ награждается полнымъ презрѣніемъ; ему за милость только дозволяютъ любоваться подвигами знатныхъ рыцарей, а ужъ если придется простому человѣку угостить рыцаря, такъ это такая честь, отъ которой онъ весь вѣкъ долженъ быть счастливъ. Въ первое время, преобладаніе физической силы было такъ громадно, страхъ, нагнанный побѣдителями на побѣжденныхъ, такъ былъ силенъ, что самъ народъ какъ будто убѣждался въ томъ, что всѣ эти высокомѣрные бароны и ордалы всякаго рода — особы священныя, высшей породы, и что онъ долженъ чтить ихъ съ трепетомъ и вмѣстѣ съ радостью. Не одни сановные трубадуры, ѣздившіе съ оруженосцами, жонглерами и всякими приспѣшниками, не одни придворные паразиты, а самъ народъ наивно воспѣвалъ героевъ, «погубившихъ болѣе народа, чѣмъ жесточайшая чума», и «величавые, недоступные дворцы, у воротъ которыхъ стояли львы, какъ живые, будто готовые поглотить всякаго кто, неприглашенный, дерзнетъ приблизиться къ великолѣпному жилищу». Скоро, впрочемъ, народъ воспользовался иначе орудіемъ, которое дали ему въ руки: въ XV вѣкѣ онъ рѣшительно измѣняетъ тонъ и слагаетъ злѣйшія сатиры на своихъ притѣснителей и на тѣхъ, отъ которыхъ онъ прежде ждалъ спасенія, но въ которыхъ жестоко обманулся,—на католическихъ духовныхъ. У народовъ западной Европы до сихъ поръ сильно распространенъ этотъ родъ поэзіи, но настоящая, свѣтская, аристократическая литература пренебрегаетъ такой поэзіей. Она имѣетъ другія стремленія, другой характеръ: ей нужно сочувствіе извѣстныхъ кружковъ общества, полныхъ своими обыденными заботами и вовсе не безпокоящихся о томъ, что дѣлалось и дѣлается въ остальномъ человѣчествѣ, за предѣлами ихъ тѣснаго круга. Интересы этихъ кружковъ и отражаются въ поэтическихъ созданіяхъ новыхъ народовъ. Если же когда вздумается

литератору взглянуть и на свои отношенія къ массѣ, то онъ взглянетъ на это непремѣнно по-своему, съ точки зрѣнія собственныхъ интересовъ. Съ теченіемъ времени, разумѣется, все больше и больше начинаютъ обращать вниманіе на требованія массъ, иногда литература и расшумится, если произойдетъ какое-нибудь замѣтное столкновеніе интересовъ различныхъ классовъ въ самой жизни. Но способъ разсужденія, употребляемый въ подобныхъ случаяхъ, обыкновенно напоминаетъ графа де-Местра и его книгу о папѣ. Графъ, какъ набожный католикъ и отставной пьемонтскій сенаторъ, разсуждаетъ очень мило. «Народы страдаютъ, говоритъ онъ, отъ произвола, жестокости и насилій свѣтской власти; нужно противодѣйствіе этой власти. Но самъ народъ глупъ, грубъ, безнравственъ, подлъ, и потому противодѣйствія составить не можетъ. Единственно-возможное и дѣйствительное средство для его спасенія и сохраненія состоитъ въ томъ, чтобы обращаться къ святѣйшему папѣ и признать надъ собою его духовную и свѣтскую власть»... Въ такомъ же родѣ и современные, хоть бы французскіе писатели сочиняютъ: одинъ мелодраму—для доказательства, что богатство ничего не приноситъ, кромѣ огорченій, и что, слѣдовательно, бѣдняки не должны заботиться о матеріальномъ улучшеніи своей участи; другой—романъ, для убѣжденія въ томъ, что люди сладострастные и роскошные чрезвычайно полезны для развитія промышленности, и что, слѣдовательно, люди, нуждающіеся въ работѣ, должны всей душою желать, чтобы побольше было въ высшихъ классахъ роскоши и расточительности, и т. п.

Рѣдко, и то у высшихъ геніевъ поэзіи, являлась чистая любовь къ человѣчеству, не возмущаемая интересами партій. Еще въ невѣжественной Европѣ XVI вѣка раздались знаменательныя слова: «Человѣкъ былъ онъ», и въ нихъ выразилось сознаніе генія о достоинствѣ человѣка. Въ эпоху, близкую къ нашей, другой геній той же націи, называемый, обыкновенно, ненавистникомъ человѣчества, сказалъ пророчески, что «пройдетъ на землѣ царство меча, и невозможны будутъ поработители». Злобными сарказмами мстилъ недавно торжествующимъ партіямъ за германскій народъ Генрихъ Гейне, полагавшій весь смыслъ искусства и философіи въ томъ, чтобъ пробуждать отъ сна задремавшія силы народа. Всѣ горести и труды бѣдняковъ нашли себѣ живой и полный отголосокъ въ пѣсняхъ національнаго французскаго поэта, котораго недавно парижское правительство похоронило съ такой офиціальной торжественностью. Въ своемъ поэтическомъ пониманіи общихъ нуждъ и стремленій человѣчества, Беранже возвысился до такихъ стиховъ:

«Le pauvre a-t-il une patrie?
Que me font vos vins et vos blés,
Votre gloire et votre industrie,
Et vos orateurs assemblés!»

Но немного подобныхъ стиховъ въ европейскихъ литературахъ; немногіе поэты возвышались надъ интересами кружковъ и рѣша-

лись отказаться отъ воспѣванія отвлеченныхъ добродѣтелей—храбрости, рѣшительности, вѣрности, терпѣнія и т. п., или отъ сіяющихъ игрушекъ, въ родѣ великолѣпныхъ мостовъ, зданій, фейерверковъ, и пр., или наконецъ личныхъ ощущеній при взглядѣ на звѣзды, при прогулкѣ вдвоемъ, при посѣщеніи музея, и т. п. Возвыситься надъ мелкими интересами кружковъ, стать выше угожденія своекорыстнымъ требованіямъ меньшинства, къ сожалѣнію, не умѣла еще до сихъ поръ ни одна европейская литература.

Это небольшое отступленіе, сдѣланное нами по поводу ограниченности круга дѣйствій русской литературы, приводятъ насъ теперь именно къ тому, съ чего мы хотѣли начать нашу статью,—къ разсмотрѣнію содержанія и характера, успѣвшаго проявиться въ исторіи нашей литературы. Выше мы замѣтили, что у насъ, не такъ замѣтно выказывался характеръ парціальности, развившейся въ литературахъ западной Европы. Слова эти требуютъ поясненія. Мы вовсе не хотѣли ставить нашу литературу выше всѣхъ европейскихъ, вовсе не думали приписывать ей небывалое безпристрастіе и широту взгляда, отрѣшеніе отъ частныхъ интересовъ въ пользу общихъ, высшее сознаніе человѣческаго достоинства, и т. п. Совсѣмъ нѣтъ; мы хотѣли только сказать, что такъ какъ у насъ до сихъ поръ литература не считалась важной и существенной принадлежностью жизни, то, по большей части, никто и не думалъ дѣлать ее орудіемъ своихъ плановъ, никто не обращалъ вниманія на то, служитъ ли литература какимъ-нибудь партіямъ, и какимъ именно, къ чему она расположена, противъ чего возстаетъ. Всѣ очень хорошо понимали, что мало кто можетъ у насъ соображаться съ тѣмъ, что говорится въ книгахъ, и что ходъ нашей жизни зависитъ не отъ писанныхъ убѣжденій, до которыхъ никому нѣтъ дѣла, а отъ вещей гораздо болѣе существенныхъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе, по пословицѣ, къ *своей рубашкѣ* каждаго. Поэтому-то никто и не заботился о духѣ и направленіи литературы, и въ ней не выразилось такого замѣтнаго увлеченія духомъ различныхъ партій, какъ на Западѣ. Но нельзя же было оставаться ей безъ всякаго направленія; нужно же было выразить какія-нибудь стремленія и понятія: безъ этого не можетъ обойтись ни одно произведеніе мысли человѣческой. Всего ближе, разумѣется, было выразиться въ литературѣ интересамъ и мнѣніямъ тѣхъ, въ чьихъ рукахъ было книжное дѣло, тѣхъ, въ комъ оно находило хоть маленькую поддержку и опору. Такъ и случилось.

Во время языческой древности, у русскихъ, какъ и у всѣхъ славянъ, существовала уже поэзія народная. Не зная древней языческой русской поэзіи, въ ея настоящемъ, неиспорченномъ видѣ, мы можемъ судить о ней только по аналогіи съ поэзіею другихъ славянскихъ племенъ и по намекамъ, сохранившимся въ томъ, что до насъ дошло отъ русской древности въ измѣненіяхъ позднѣйшаго времени. Сравнительное изученіе поэзіи славянскихъ народовъ привело многихъ къ полному убѣжденію въ томъ, что въ древности

выражались въ ней дѣйствительно обще-народные интересы и воззрѣнія на жизнь. Это, разумѣется, и было совершенно естественно при господствѣ патріархальныхъ отношеній, когда еще не существовало ни малѣйшаго разлада между жизнью семейною и государственною а, напротивъ, онѣ сливались въ одно нераздѣльное цѣлое. Что можетъ быть проще и естественнѣе того, что

«Всякъ отецъ въ дому своемъ владыка:
Мужи пашутъ, жены шьютъ одежду,
А умретъ глава всѣхъ домочадцевъ,
Дѣти всѣмъ добромъ собща владѣютъ,
Выбравъ старшину себѣ изъ рода,
Чтобъ ходилъ, для пользы ихъ, на сеймы,
Гдѣ съ нимъ кметы, лехи и владыки» [1]).

Когда жизнь устроена еще такимъ образомъ, то, само собою разумѣется, поэзія непремѣнно должна выражать народные интересы. Но, къ сожалѣнію, почти ничего не имѣемъ мы отъ той древности, когда кметы разсуждали съ лехами и владыками на общественныхъ сеймахъ. По всей вѣроятности и разсуждали-то они плохо, потому что мало имѣли образованія, слишкомъ сильно еще были подавлены внѣшними вліяніями. Разсужденіямъ ихъ недоставало многого для того, чтобы удовлетворить всѣхъ, и чтобы быть вполнѣ справедливыми и разумными. Не было у нихъ пособія ни въ жизненной опытности прошедшихъ вѣковъ, ни въ знаніи природы и умѣньи владѣть ею, ни въ знаніи міра души человѣческой. Кругъ ихъ зрѣнія былъ узокъ, они ходили ощупью, дѣлали неурядицу, и, не понимая выгодъ своего положенія, сами должны были искать исхода изъ тѣхъ безпорядковъ, къ которымъ сами себя привели. Исходъ нашелся, конечно, такой же, какъ и вездѣ,— нѣсколько леховъ сказали безтолковымъ кметамъ: «вы ничего не понимаете и дѣлаете только глупости; предоставьте все намъ и дѣлайте то, что мы прикажемъ». По врожденной человѣку лѣни и по сознанію своего безсилія, кметы съ радостью согласились и даже начали сочинять пѣсни во славу мудрыхъ и сильныхъ леховъ, умѣвшихъ водворить между ними тишину и порядокъ. Тутъ-то народная поэзія и должна была измѣнить свой характеръ, сообразно съ новымъ устройствомъ жизненныхъ отношеній. Но и при этомъ измѣненіи остались слѣды общаго характера прежней поэзіи: народныя пѣсни не скоро потеряли свой простой, естественный характеръ, не скоро увлеклись чуждыми интересами, и до сихъ поръ въ нихъ замѣчаютъ слѣды первоначальной простоты естественныхъ условій быта. Въ этомъ отношеніи славянская народная поэзія имѣетъ даже преимущество предъ прочими европейскими: въ ней болѣе пѣсенъ бытовыхъ и менѣе воинственныхъ, рыцарскихъ повѣствованій; да и тѣ, какія есть, относятся большею частію къ

[1]) Кметы — простые поселяне, лехи — богатые владѣльцы, владыки — мелкіе владѣтели.

позднѣйшимъ эпохамъ, когда уже и народъ пріучился ко множеству одностороннихъ отвлеченностей. Вообще же, по отзыву одного изъ любителей-славянистовъ (Бродзинскаго), «въ славянскихъ народныхъ пѣсняхъ выражаются люди, не властолюбивые, жестокіе, страстные ко всему необыкновенному, привязанные къ мечтамъ собственнаго воображенія, но люди, далекіе отъ желаній причудливыхъ и странныхъ, отъ страстей буйныхъ и насильственныхъ», и пр. Сужденіе это вполнѣ можетъ быть примѣнено къ русской народной поэзіи. По нашему мнѣнію, въ ней заключается много доказательствъ того, что въ народѣ нашемъ издревле хранилось много силъ для дѣятельности обширной и полезной, много было задатковъ самобытнаго, живого развитія. Въ этомъ случаѣ мы не можемъ согласиться съ г. Милюковымъ, который все безобразіе русскихъ сказокъ и пѣсенъ складываетъ на народность и говоритъ, что отъ нея нечего было ожидать безъ коренной реформы. Мы думаемъ, что нѣтъ у насъ достаточно данныхъ для того, чтобы обвинять народность въ безобразіяхъ поэзіи и даже самой жизни; а есть, напротивъ, данныя, позволяющія видѣть причину ихъ въ обстоятельствахъ, пришедшихъ извнѣ. Народная поэзія, какъ видно, долго держалась своего естественнаго, простого характера, выражая сочувствіе къ обыденнымъ страданіямъ и радостямъ, и инстинктивно отвращаясь отъ громкихъ подвиговъ и величавыхъ явленій жизни, славныхъ и безполезныхъ. На дѣлѣ, народъ долженъ былъ терпѣть ихъ и даже принимать въ нихъ участіе, но въ поэзіи его нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ хоть какого-нибудь сочувствія къ подобнымъ явленіямъ. Въ этомъ отношеніи намъ кажется любопытною замѣтка г. Бодянскаго (въ сочиненіи «О славянской народной поэзіи», стр. 124), въ которой онъ говоритъ объ участіи народа въ удѣльныхъ ссорахъ князей. «Народъ не бралъ къ сердцу ихъ счетовъ между собою,—говоритъ онъ,—не интересовался ихъ выгодами и потерями; ему все равно было пустошить землю, взять на щитъ городокъ и т. п., подъ стягомъ-ли Олеговичей или Мономаховичей. Это была дѣятельность, не склонявшая въ свою пользу сердца ратовавшихъ, дѣятельность, такъ сказать, машинальная. Доказательствомъ служитъ то, что народъ не почтилъ этихъ усобицъ ни одной своей пѣсней, никакимъ почти преданіемъ, ни малѣйшею, хоть бы глухою, темною молвой». Это замѣчаніе, высказанное слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ, до сихъ поръ не опровергнуто ни однимъ фактомъ, несмотря на множество вновь изданныхъ съ тѣхъ поръ памятниковъ и изслѣдованій. Въ самомъ дѣлѣ, можно полагать, что до самой татарской эпохи народъ держалъ себя совершенно равнодушно въ отношеніи къ политическимъ событіямъ Руси, имѣвшимъ, со временъ Владиміра, большею частію династическій интересъ. Только во времена бѣдствій родной земли вспомнилъ онъ минувшую славу и обратился къ разработкѣ старинныхъ преданій, оставшихся, конечно, еще отъ временъ норманновъ. Тутъ онъ началъ организовать разбросанныя сказанія, перепуталъ

лица, мѣстности и эпохи, и цѣлый трехсотлѣтній періодъ сгруппировалъ около лица одного Владиміра, бывшаго ему памятнѣе другихъ. Возбуждалась любовь къ этимъ пѣснямъ, конечно, горькимъ чувствомъ при взглядѣ на современный порядокъ вещей. При нашествіи народа невѣдомаго, ожиданія всѣхъ обратились, разумѣется, къ князьямъ; они, которые такъ часто водили свой народъ на битву съ своими, должны были теперь защитить родную землю отъ чужихъ. Но оказалось, что князья истощили свои силы въ удѣльныхъ междоусобіяхъ и вовсе не умѣли оказать энергическаго противодѣйствія страшнымъ непріятелямъ. Они бѣгали отъ монголовъ, пока не узнали, что они не вмѣшиваются во внутреннее управленіе и довольствуются собираніемъ подати. Тогда они признали себя данниками монголовъ, и народъ узналъ, что онъ сталъ татарскимъ улусомъ и что подати на немъ прибавилось. Горько было настоящее положеніе народа, обманутаго въ своихъ ожиданіяхъ; онъ невольно сравнилъ нынѣшнія событія съ преданіями о временахъ давно минувшихъ и грустно запѣлъ про славныхъ, могучихъ богатырей, окружавшихъ князя Владиміра. Пѣсня эта была сначала горькимъ упрекомъ настоящему, а потомъ, доставляя народу забвеніе и даже утѣшеніе, стала увлекать его и заставляла примѣнять прежнія событія къ современному теченію дѣлъ. Такимъ образомъ богатырей Владиміровыхъ заставили сражаться съ татарами и самого Владиміра сдѣлали данникомъ «грознаго короля Золотой Орды, Этмануйла Этмануйловича». Дальнѣйшія искаженія объясняются также легко: въ живой дѣйствительности народъ не видѣлъ никакого средства управиться съ своими поработителями и долженъ былъ безмолвно склониться предъ ихъ силою. Но тяжела ему была эта покорность, и онъ все не оставлялъ мечтать о средствахъ освобожденія. Чѣмъ далѣе эти мечты были отъ дѣйствительности, тѣмъ болѣе онѣ принимали дѣтскій характеръ: въ нихъ являлись и волшебники, и оборотни, и неестественныхъ размѣровъ богатыри, и разумные кони, и наговоры еретическіе. А когда попались эти пѣсни въ руки книжникамъ, то и послѣднюю жизненность потеряли, подъ ихъ реторическими прикрасами. Но вліяніе книжной литературы на народную словесность заслуживаетъ болѣе подробнаго разбора. Г. Милюковъ, къ сожалѣнію, не сдѣлалъ этого, и потому его статья о народной поэзіи русской не имѣетъ окончательной полноты. Мы скажемъ здѣсь объ этомъ нѣсколько словъ, которыя кажутся намъ не лишними для того, чтобъ яснѣе понять причины и свойства разлада, постоянно господствовавшаго у насъ между литературою книжною и словесностью народа.

Наша книжная словесность, начавшаяся со временемъ Владиміра, не была, какъ всѣмъ извѣстно, произведеніемъ національныхъ элементовъ, а была перенесена къ намъ съ-чужа. Мало того, она явилась къ намъ не вслѣдствіе того, что въ народѣ явилась потребность заимствованія чужой образованности, а просто по случайному обстоятельству. Простодушный разсказъ Нестора убѣждаетъ

насъ неопровержимо, что народъ во времена Владиміра еще не созрѣлъ для той высшей цивилизаціи. которая при немъ принесена была на Русь, вмѣстѣ съ божественнымъ ученіемъ христіанства. Самъ Владиміръ отослалъ отъ себя магометанъ болгарскихъ только потому, что ему не понравилось обрѣзаніе и запрещеніе пить вино, а нѣмцевъ, потому, что «отцы наши этого не приняли». Бояре, посланные для испытанія вѣръ, вовсе не думаютъ о внутреннемъ ихъ содержаніи и достоинствѣ, а обращаютъ вниманіе только на внѣшность: болгарская служба имъ не понравилась, у нѣмцевъ не нашли они никакой красоты, а отъ Византіи были въ восторгѣ, потому что тамъ, по наивному разсказу Нестора, патріархъ, услышавъ объ ихъ прибытіи, — «повелѣ создати крилосъ, по обычаю сътвориша праздникъ, и кадила возжгоша, пѣнія и лики съставиша; и иде съ ними въ церковь, и поставиша я на пространьнѣ мѣстѣ, показающе красоту церковную, пѣнія и службы архиерейски» (Несторъ, подъ годомъ 6495). А другіе бояре, не стоявшіе на мѣстѣ пространнѣ во время архіерейскаго служенія, — тоже подали голосъ въ пользу Византіи, но уже отказываясь рѣшительно отъ собственнаго мнѣнія въ такомъ важномъ дѣлѣ, а ссылаясь просто на авторитетъ Ольги. Владиміръ удовлетворился ихъ мнѣніями. Если же князь и бояре дѣйствовали такимъ образомъ, то, разумѣется, и странно было бы ожидать отъ народа какого-нибудь сознательнаго убѣжденія. Черезъ столѣтіе послѣ самаго событія, одинъ, безъ сомнѣнія, изъ просвѣщеннѣйшихъ людей тогдашней Руси — Несторъ лѣтописецъ — и тотъ еще не понималъ необходимости внутренняго убѣжденія въ подобныхъ случаяхъ. Онъ находитъ совершенно естественнымъ, что наканунѣ невѣрные людье плачутъ о Перунѣ, котораго бросили въ Днѣпръ, и кричатъ ему: выдыбай, боже! а на другой день слышатъ приказъ: «аще не обрящется кто на рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищъ, ли работникъ, противенъ мнѣ да будетъ», и съ радостью идутъ на рѣку, говоря: «аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре пріяху». Разсматривая этотъ случай безпристрастно, можно приложить къ нему то же самое мнѣніе, какое высказано г. Бодянскимъ объ участіи народа въ междоусобныхъ ссорахъ князей. А между тѣмъ, Несторъ заключаетъ свой разсказъ тѣмъ, что «бяше си видѣти радость на небеси и на земли, толико душъ спасаемыхъ, а дьяволъ стеня глаголаше: увы мнѣ, яко отсюда прогонимъ есмь» (Нест., 6496 г.).

Все это неопровержимо доказываетъ, что народъ не былъ предварительно приготовленъ къ принятію тѣхъ высокихъ истинъ, которыя ему предлагались, и не въ состояніи былъ еще воспользоваться, какъ слѣдуетъ, благодѣяніями новой цивилизаціи, входившей въ Русь вмѣстѣ съ христіанствомъ. Для полнѣйшаго убѣжденія въ этомъ, нужно вспомнить продолженіе того же разсказа Нестора о томъ, какъ вели себя русскіе люди въ отношеніи къ новой цивилизаціи. Владиміръ, говоритъ лѣтописецъ, началъ

поставлять церкви, разрушать кумиры, ставить поповъ и «нача поимати у нарочитое чади дѣти и даяти нача на ученье книжное; матере же чадъ сихъ плакахуся по нихъ; еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но яко по мертвеци плакахуся». Нисколько не сочувствуя, конечно, отвращенію народа отъ ученья, нельзя, однако же, съ грустію не согласиться, что фактъ этотъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и что даже въ наше время въ простомъ народѣ онъ не утратилъ своего значенія. Ни самаго ученья, ни тѣхъ, которые боятся его, обвинять тутъ нечего, да и вообще здѣсь никого обвинять нельзя, кромѣ развѣ несовершенства рода человѣческаго, которое всегда мѣшаетъ исторіи итти, какъ бы намъ хотѣлось теперь, при нашихъ просвѣщенныхъ воззрѣніяхъ. Разумѣется, если бы русскіе были болѣе образованы во времена Владиміра, болѣе приготовлены самою жизнію къ отверженію своихъ языческихъ понятій и вѣрованій, то послѣдствія мѣръ, произведенныхъ Владиміромъ, были бы несравненно благотворнѣе. Но что же дѣлать, если этого не случилось? Нельзя сердиться на это, а можно только отмѣтить факты, послѣдовавшіе за тѣмъ и имѣющіе непосредственную связь съ положеніемъ образованности русскаго народа при Владимірѣ. Факты эти, правда, неутѣшительны; но пропустить ихъ нельзя, потому что они слишкомъ рѣзко обозначились и въ жизни, и въ поэзіи народной, и не истребились до сихъ поръ. Мы говоримъ о множествѣ суевѣрій и предразсудковъ, донынѣ охватывающихъ всю жизнь крестьянина и составляющихъ несомнѣнный остатокъ языческихъ вѣрованій. Эти суевѣрія тѣмъ глубже вкоренились въ народной жизни, что они издавна перемѣшались съ христіанскими воззрѣніями и, такимъ образомъ, какъ будто получили нѣкоторую законность на взглядъ простолюдина. Такого смѣшенія, разумѣется, не могло бы быть, если бы высокія истины христіанства съ самаго начала были хорошо поняты въ народѣ, и если бы онъ самъ дошелъ до сознанія ложности язычества. Тогда и успѣхи цивилизаціи въ массахъ народа были бы быстрѣе, и ходъ развитія былъ бы правильнѣе, потому что не было бы двойственности въ началахъ, управлявшихъ жизнью и дѣятельностью народа. Теперь эта двойственность должна была проявиться въ размѣрахъ весьма обширныхъ. Съ одной стороны, новое ученіе должно было проникать постепенно въ сознаніе народа, и о внушеніи его должны были стараться тѣ лица, въ рукахъ которыхъ находилась власть надъ народомъ; съ другой стороны, языческія понятія и преданія были слишкомъ сильно вкоренены во всѣхъ проявленіяхъ народнаго быта и оказывали сильное противодѣйствіе новымъ началамъ. Возникло неизбѣжное противорѣчіе въ народной жизни, и оно, самымъ естественнымъ образомъ, должно было привести къ тому, что имѣвшіе въ рукахъ своихъ силу воспользовались ею для того, чтобы доставить торжество своимъ началамъ. Мы не имѣемъ положительныхъ извѣстій объ этомъ отъ первыхъ временъ христіанства въ Россіи; но послѣдующее время

постоянно даетъ намъ аналогическіе факты, подтверждающіе мысль, что такъ велось и съ самаго начала. Въ концѣ XI столѣтія, Правило Іоанна митрополита возстаетъ противъ волхвованія и языческихъ обычаевъ; въ половинѣ XII в. обличаются суевѣрія языческія въ Вопрошаніяхъ Кирика къ Нифонту; въ XIII в. Серапіонъ обличаетъ ихъ. Начиная же съ XIV в., сохранилось множество окружныхъ посланій и грамотъ, запрещающихъ «бѣсовскія игрища» съ пѣснями. Обличенія пастырей, противъ смѣшенія языческихъ понятій съ христіанскими, не прерывались до временъ Тихона Воронежскаго, котораго поученія противъ Ярилы, и т. п., отличаются жестокою нетерпимостью. Къ несчастію, всѣ ихъ усилія не были въ состояніи возвысить народъ до совершенно чистыхъ и правильныхъ понятій о христіанской религіи. Нужно было употребить другое средство, заставить народъ по крайней мѣрѣ отставать хоть понемногу отъ привязанности къ всему языческому. Для этого надобно было дѣйствовать запрещеніями, направленными противъ всего, что носило на себѣ отпечатокъ язычества. Очевидно, что такое положеніе дѣлъ не могло быть благопріятно для развитія народной поэзіи, родившейся у славянъ тоже на языческой почвѣ. Ихъ древнія преданія должны были заглохнуть среди новыхъ условій быта или измѣниться сообразно съ этими условіями. Заглохнуть совершенно они не могли, потому что народъ, не имѣющій еще письменной литературы, и притомъ народъ славянскій, не могъ оставаться безъ устной поэзіи. Но сохранить свою первоначальную чистоту и свѣжесть эта поэзія тоже не могла, потому что новыя понятія неизбѣжно примѣшивались къ кругу прежнихъ вѣрованій и измѣняли характеръ произведеній народной фантазіи. Книжная словесность, вынесенная къ намъ изъ Византіи, старалась, конечно, внести въ народъ свои идеи; но какъ чуждая народной жизни, она могла только по-своему искажать то, что было живого въ народѣ, и не въ состояніи была ни проникнуться истинными его нуждами, ни спуститься до степени его пониманія. Что книжная словесность хотѣла сдѣлаться близкою къ народу, это доказывается множествомъ духовныхъ стиховъ, которые носятъ на себѣ самые яркіе слѣды книжнаго вліянія. Объ этихъ стихахъ г. Милюковъ совершенно справедливо говоритъ, что они «принесены къ намъ первоначально изъ Греціи и остались совершенно чуждыми народу, который, слушая слѣпыхъ нищихъ, не заимствовалъ у нихъ ни одной пѣсни и не зналъ, о чемъ они поютъ». Безъ всякаго сомнѣнія, размноженіе у насъ духовныхъ стиховъ не было случайныхъ явленіемъ, естественно возникшимъ вслѣдствіе потребности самаго народа. Необходимо предположить, что учители наши, прибывшіе изъ Византіи, старались о томъ, чтобы привить народу чуждыя ему преданія и даже прибѣгали для этого къ самимъ преданіямъ народнымъ, передѣлывая ихъ на свой ладъ и примѣшивая къ нимъ то, что считали нужнымъ. Самымъ яркимъ примѣромъ можетъ служить «Сказаніе о Мамаевомъ по-

боищѣ», въ сравненіи съ «Словомъ о полку Игоревѣ». Сравнительный разборъ этихъ двухъ произведеній очень хорошъ у г. Милюкова, и мы привели бы его здѣсь, если бъ онъ не былъ слишкомъ обширенъ (стр. 15—24). Въ немъ весьма ярко выставляются прибавки позднѣйшаго книжника, человѣка, принадлежавшаго къ клиру и потому старавшагося замѣнить народныя воззрѣнія своими понятіями, болѣе ими менѣе чуждыми народу и доселѣ. Извѣстно, что въ «Словѣ о полку Игоревѣ» вполнѣ господствуетъ языческое міросозерцаніе: предзнаменованія, сны, обращеніе къ природѣ,—все это противно духу христіанства. А между тѣмъ, составлено это сказаніе могло быть не ранѣе конца XII вѣка,—вотъ доказательство, какъ мало новыя понятія успѣли укорениться въ умахъ народа даже въ теченіе двухъ столѣтій. Но еще черезъ два столѣтія, книжникъ, вовсе незнавшій народа, вздумалъ воспользоваться канвою народнаго эпическаго сказанія для примѣненія ея къ другому событію, въ которомъ бы могъ выразиться другой взглядъ на міръ и на жизнь. И вотъ іерей Софроній пишетъ, какъ Мамай, попущеніемъ Божіимъ, отъ наученія діавола, идетъ казнити улусъ свой, русскую землю; какъ великій князь Димитрій прежде всего обращается за совѣтомъ къ митрополиту Кипріану; какъ тотъ совѣтуетъ «*утолить* Мамая *четверицею* (т. е. дать ему вчетверо больше того, что прежде давалось), дабы не разрушилъ Христовой вѣры»; какъ Димитрій получаетъ благословеніе двухъ воиновъ-монаховъ отъ св. Сергія; какъ онъ припадаетъ съ молитвою слезною къ чудотворнымъ иконамъ; какъ предъ битвою вкушаетъ присланной ему отъ св. Сергія просфоры, какъ участь сраженія рѣшается святою помощью Бориса и Глѣба. Во всей повѣсти господствуетъ строго-благочестивый взглядъ, и повсюду предвѣщанія и дива языческія замѣнены знаменіями и чудесами христіанскими. Ясно, что новыя вѣрованія много бы выиграли отъ подобнаго образа дѣйствій, если бы книжные учители древней Руси, при своемъ благочестіи, владѣли еще умѣньемъ постигнуть духъ народный и имѣли бы сколько нибудь поэтическаго такта. Къ сожалѣнію, этого не было у нихъ: въ поэтическихъ произведеніяхъ древнихъ книжниковъ господствуетъ вялость, мертвенность, отвлеченность, отсутствіе всякой поэзіи. Оттого-то они и не проникли въ народъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и идеи, вставленныя въ нихъ, распространялись очень слабо. Тѣмъ не менѣе, народная поэзія не могла уже остаться неприкосновенною, и позднѣйшіе наросты ясно видны въ томъ, что по основѣ своей должно относиться къ древнѣйшему времени. Очень жаль, что г. Милюковъ мало принялъ въ соображеніе тѣ измѣненія, какія должны были произойти въ народныхъ, особенно въ историческихъ, пѣсняхъ съ теченіемъ времени, и всю ихъ грубость и всѣ недостатки отнесъ на счетъ древней русской жизни,—не опредѣляя, какую именно древность онъ разумѣетъ. Поэтому, нѣкоторыя явленія древней русской поэзіи поняты имъ, кажется, не совсѣмъ вѣрно. Наприм., онъ, говоря, что въ историческихъ пѣ-

сняхъ русскихъ есть даже попытки на изображеніе характеровъ, указываетъ для примѣра на лицо Владиміра, которое будто-бы имѣетъ сходство съ историческимъ Владиміромъ. Съ этимъ мы никакъ не можемъ согласиться. Въ личности Владиміра, по нашему мнѣнію, болѣе, нежели въ чемъ-нибудь, выразилось византійское вліяніе на нашу народную поэзію. Не такими представлялъ народъ нашъ своихъ князей, близкихъ къ норманскому періоду; это мы видимъ въ народныхъ преданіяхъ, записанныхъ Несторомъ. Вспомнимъ величавый образъ Святослава, храбраго, дѣятельнаго, раздѣляющаго съ подданными всѣ труды и недостатки, заботящагося о богатствѣ земли своей, говорящаго: «не посрамимъ земли русскія,—ляжемъ костьми ту». Вспомнимъ и позднѣйшее изображеніе князя Игоря, въ «Словѣ», мало подвергшемся книжной порчѣ: и онъ, подобно древнимъ князьямъ, является храбрымъ и дѣятельнымъ; онъ самъ идетъ во главѣ своего войска, въ чужую землю, чтобы отомстить врагамъ за обиду земли русской; онъ не смущается предъ опасностями и говоритъ: «лучше потяту быти, неже полонену быти»... Не такимъ является Владиміръ въ нашихъ народныхъ сказаніяхъ. Въ немъ нѣтъ и признаковъ русскаго князя; это не что иное, какъ византійскій владыка, или вообще восточный правитель, недоступный для народа, стоящій отъ него на недосягаемой высотѣ, счастливый избранникъ судьбы, не имѣющій другого дѣла, кромѣ пировъ и веселья. Въ народныхъ пѣсняхъ, Владиміръ постоянно является пирующимъ. Почти каждая пѣсня начинается тѣмъ, что у ласкова князя Владиміра было пированье— почестной пиръ, было столованье — почестной столъ. Князь Владиміръ потѣшается на этомъ пирѣ, и, что бы ни случилось, онъ ничего другого не дѣлаетъ, какъ только «по свѣтлой гриднѣ похаживаетъ, да черныя кудри расчесываетъ». Являются во время пира его служители, израненные, булавами буйны головы пробиваны, съ извѣстіемъ о какихъ-то невѣдомыхъ людяхъ, появившихся на княжеской землѣ,—а князь пьетъ, ѣстъ, прохлаждается, ихъ челобитья не слушаетъ. Нападаетъ на Кіевъ Калинъ царь, Владиміръ «весьма закручинился, запечалился, повѣсилъ буйну голову и потупилъ очи ясныя», оттого, что «нѣтъ у него стоятеля, нѣтъ оберегателя»... Пріѣзжаетъ Илья Муромецъ съ Соловьемъ разбойникомъ и велитъ ему свиснуть въ полсвиста, а князя Владиміра, вмѣстѣ съ его княгинею, беретъ подъ пазуху, чтобы они не упали отъ свисту соловьинаго. А въ другой пѣснѣ, князь Владиміръ и «*окорачь ползетъ*» отъ сильнаго свисту конскаго... Есть ли во всемъ этомъ хоть какое-нибудь сходство съ чисто-русскимъ, собственнымъ, народнымъ представленіемъ князей? Есть ли что-нибудь подобное вообще въ славянскихъ пѣсняхъ, не подвергшихся восточному вліянію? Какъ хотите, сваливать подобныя представленія на коренную русскую народность невозможно. Они могли явиться только въ позднѣйшую эпоху, принесшую къ намъ много восточныхъ понятій, усердно распространявшихся въ народѣ книж-

никами, которые столь же плохо понимали требованія поэтической истины, какъ и нужды русскаго народа. Невозможно сомнѣваться, что значительная доля искаженій въ русской народной поэзіи произведена была — намѣренно или ненамѣренно — именно этими книжниками.

Съ теченіемъ времени, народная поэзія все теряла свое значеніе, слабѣла и глохла, а книжная словесность принимала все болѣе широкіе размѣры и вторгалась съ своими опредѣленіями во всѣ отдѣлы народной жизни. Но въ ней не было жизненной силы, она не могла проникнуть въ самый духъ народа и должна была ограничиться только внѣшностью, формой. Съ самаго начала, не понявши народнаго характера, она стала совершенно чуждою народности русской и заключилась въ тѣсной сферѣ своихъ схоластическихъ опредѣленій. Въ этой схоластической отвлеченности держалась она невозмутимо до тѣхъ поръ, пока жизнь Руси тянулась молчаливо и однообразно, безъ прогресса, безъ самобытнаго развитія, подъ неурядицей удѣльныхъ междоусобій, подъ игомъ татаръ, подъ вліяніемъ неустановившихся государственныхъ отношеній... Отличительною чертою этой книжной. схоластической словесности было безсиліе предъ существующимъ фактомъ и безсмысленное подчиненіе ему, даже безъ желанія объяснить его. Если встрѣчались факты противоположные, книжники склонялись предъ тѣмъ, который бралъ перевѣсъ, и во имя его преслѣдовали другой, противный. Такъ возставали они противъ языческихъ суевѣрій, съ теченіемъ времени все больше и больше, между тѣмъ какъ, по естественному порядку вещей, надобно полагать, что они съ теченіемъ времени все-таки постепенно ослабѣвали. Такъ, въ концѣ XIII столѣтія, вздумалъ Серапіонъ говорить противъ княжескихъ междоусобій, когда въ это время, подъ игомъ татаръ, удѣльныя распри сами собою уже значительно ослабѣли. Такъ было и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Но, при всей своей жалкой немощи, при всемъ отсутствіи живыхъ силъ, явленія, подобныя Серапіону, представляютъ еще отрадную сторону нашей древней письменности. Они были прогрессомъ въ сравненіи съ тою безжизненною схоластикою, какая господствовала въ большинствѣ книжниковъ. Тѣ уже стояли совершенно въ сторонѣ отъ русской жизни и толковали, весьма горячо и пространно, именно о томъ, до чего русскому не было ровно никакого дѣла. Замѣчательно, чѣмъ начали свое письменное поприще въ Россіи древніе книжники. Первое, по времени, произведеніе, написанное въ Россіи, было посланіе Льва митрополита (умеръ въ 1007 г.) противъ латинянъ, гдѣ онъ подробно разсуждаетъ объ опрѣснокахъ, о постѣ въ субботу, о безженствѣ священниковъ, и т. п. Нельзя не сознаться, что трудно было выбрать предметъ, болѣе далекій отъ русской жизни. Но выборъ его объясняется, конечно, отношеніями Византіи, которая была тогда въ самомъ разгарѣ своей вѣковой распри съ Римомъ.

Впрочемъ, при всей видимой неподвижности древней русской

письменности, при всей ея отвлеченности и безжизненной схоластикѣ, и въ ней нельзя не видѣть нѣкотораго развитія, которое съ теченіемъ времени дѣлается все примѣтнѣе. И въ ней выразился общій законъ распространенія образованности, постепенно расширяющей свой кругъ, несмотря ни на какія препятствія. Литература вообще— всегдашній спутникъ образованности; развитіе ея идетъ параллельно съ развитіемъ потребностей образованныхъ классовъ. Пока образованныхъ людей немного, литература необходимо служитъ выраженіемъ интересовъ немногихъ; когда всѣ будутъ образованы, литература, — нѣтъ сомнѣнія, — будетъ отзываться на потребности всѣхъ, расширивъ кругъ своего дѣйствія и избавившись отъ духа кружковъ и партій. Это самое расширеніе круга дѣйствія литературы совпадаетъ съ другимъ, не менѣе важнымъ обстоятельствомъ— приближеніемъ ея къ настоящей, дѣйствительной жизни, съ избавленіемъ отъ всего призрачнаго и съ признаніемъ интересовъ истинныхъ и существенно-важныхъ. Любопытно было бы сдѣлать очеркъ всей русской литературы съ этой точки зрѣнія. Г. Милюковъ не могъ этого сдѣлать, потому что въ древней Руси онъ отвергаетъ всякое развитіе, а въ новой, послѣ-петровской, видитъ развитіе уже слишкомъ быстрое. Въ основаніи, конечно, и то и другое вполнѣ справедливо, особенно въ отношеніи къ поэзіи; но намъ кажется, что если мы согласимся вполнѣ съ первымъ, отрицательнымъ положеніемъ г. Милюкова, то окажется нѣсколько преувеличеннымъ второе положеніе — о новой поэзіи. Дѣло въ томъ, что и въ древней письменности все же замѣтно нѣкоторое расширеніе взгляда, доказывающее, что, съ теченіемъ времени, книжное дѣло начинаетъ интересовать уже большее количество лицъ, чѣмъ прежде, и что эти лица принадлежатъ къ болѣе разнообразнымъ кругамъ. Въ первое время, письменность никого не интересовала, кромѣ духовенства, и ни для чего не нужна была, кромѣ распространенія истинъ вѣры. Другихъ потребностей еще не было въ обществѣ, и вслѣдствіе того являются только книги священныя, богослужебныя, и разсужденія о предметахъ, занимавшихъ только духовенство, и притомъ не русское, а византійское. Такимъ образомъ и являлись посланія противъ латинянъ, поученія о постѣ, о молитвѣ во храмѣ, объ иконахъ, и пр., вызванныя не нуждами русской жизни, а возраженіями, которымъ эти предметы подвергались въ Византіи. Вскорѣ основаны были у насъ монастыри, и вслѣдъ за тѣмъ явились монашескіе уставы, сочиненія о монашескомъ житіи, и пр. Почти при самомъ же своемъ началѣ, письменность не ограничивается уже, однако, исключительно религіозными интересами: она служитъ также орудіемъ власти свѣтской, хотя все еще не выходитъ изъ круга духовныхъ предметовъ. Владиміръ издаетъ уже «Уставъ о церковномъ судѣ», которымъ опредѣляется отчасти формальное отношеніе духовенства къ народу. За то и со стороны духовенства является вскорѣ похвала кагану Владиміру, написанная митрополитомъ Иларіономъ (полов. XI ст.). Долгое

время затѣмъ въ письменности русской видно почти исключительное проявленіе интересовъ княжескихъ и духовныхъ. Не говоря о поученіяхъ, посланіяхъ, грамотахъ монастырямъ и церквамъ, житіяхъ святыхъ, — даже древнія путешествія и лѣтописи отличаются тѣмъ же характеромъ. Путешествія предпринимались преимущественно на Востокъ, съ религіозной цѣлью; и на всѣ предметы смотрѣли наши древніе путешественники съ точки зрѣнія иноческой. Свѣтскіе интересы ихъ не занимали: игуменъ Даніилъ былъ въ Іерусалимѣ тогда, какъ имъ владѣли крестоносцы, видѣлся съ Балдуиномъ и, не обративъ ни малѣйшаго вниманія на такое историческое событіе, какъ крестовые походы, со всею теплотою души разсказалъ, какъ онъ ставилъ свое кадило и пересчиталъ за какихъ именно князей русскихъ онъ поставилъ его. Тоже и въ лѣтописяхъ: внесены сюда и проповѣдь Грека-философа предъ Владиміромъ, и исповѣданіе Владимірово, и исторія построенія Печерской обители, и житіе Бориса и Глѣба, и множество текстовъ и духовныхъ разсужденій. Съ другой стороны, тщательно записывается время рожденія и смерти всякаго князя, описывается его нравъ, его наружность; его отношеніе къ духовенству никогда не забывается, — и только. Если отношеніе князя къ дружинѣ указывается, то лишь за тѣмъ, чтобы восхвалить князя; дружина упоминается только къ слову. Если говорится, что князь былъ милостивъ и нищелюбивъ, то опять это говорится не потому, чтобы благо народное трогало душу лѣтописца, а потому, что этимъ доказывается дорогая для него мысль: «бѣ бо князь сей любя словеса книжная»; а въ словесахъ этихъ сказано: блаженъ мужъ милуяй, и т. п. Такимъ образомъ, первые представители просвѣщенія въ Россіи, ставшіе выше массы народа, выражали въ письменности свои стремленія и интересы, тѣсно связанные одинъ съ другимъ и взаимно другъ друга поддерживавшіе. Но отношенія ихъ къ массѣ народа естественно вынуждали ихъ обратить вниманіе и на то, чтобы устроить, сколько возможно лучше, эти отношенія. Выраженіе этой потребности въ книжныхъ произведеніяхъ является, съ одной стороны, въ свѣтскомъ законодательствѣ, начинающемся весьма рано, съ «Русской Правды», а съ другой стороны — въ духовныхъ поученіяхъ, имѣющихъ нѣкоторое отношеніе къ жизни. Таковы были нравственныя наставленія о смиреніи, терпѣніи, отреченіи всѣхъ благъ мірскихъ и покорности волѣ Божіей, и т. п. Бывало даже и болѣе прямое отношеніе въ народной жизни, очевидно, вызванное обстоятельствами, имѣвшими значеніе въ глазахъ князей и духовныхъ. Такъ, напр., еще въ XI в., въ Правилѣ митрополита Іоанна, находимъ статью противъ торговли рабами; такъ въ XII в., въ посланіи Никифора, читаемъ увѣщаніе князю, чтобы онъ самъ входилъ во все и не слушалъ навѣтовъ людей, окружающихъ его. Въ XII и XIII вѣкѣ самыя лѣтописи нѣсколько болѣе начинаютъ обращать вниманія на положеніе народа: обстоятельство это, безъ сомнѣнія, произошло не безъ отношенія къ тому,

что въ это время встрѣчаются между писателями многіе изъ бѣлаго духовенства, бывшіе, конечно, въ ближайшемъ соприкосновеніи съ народомъ, чѣмъ монахи. Для Нестора, жизнь ограничивалась Печерскимъ монастыремъ; а для какого-нибудь попа Іоанна или пономаря Тимоѳея — не могла ограничиваться даже однимъ ихъ приходомъ. Поэтому-то мы и встрѣчаемъ, напр., въ Новгородской лѣтописи (подъ 1230 г.) подробное и живое описаніе дѣйствій голода на новгородскихъ жителей, съ замѣчаніями даже о цѣнѣ съѣстныхъ припасовъ. Далѣе, кругъ людей грамотныхъ (значитъ, по тогдашнему, образованныхъ) расширяется, какъ видно, и въ XIV — XV в. предпринимаются и описываются путешествія уже свѣтскими людьми, какъ напр. Стефаномъ новгородцемъ, Василіемъ — гостемъ московскимъ, Афанасіемъ Никитинымъ—тверскимъ купцомъ; въ то же время организуются цѣлыя системы вѣроученія, противныя православію, и нерѣдко составлявшіяся безъ всякаго участія лицъ духовныхъ. Кругъ дѣятельности духовенства расширяется и находитъ себѣ предметъ, имѣющій дѣйствительное значеніе въ народѣ и вызванный явленіями самой жизни. Точка зрѣнія, разумѣется, остается та же, отвлеченно-возвышенная, безъ малѣйшаго приноровленія къ народнымъ нуждамъ и воззрѣніямъ, безъ всякаго живого взгляда на жизненныя отношенія, производящія то или другое явленіе въ народѣ. Но важно уже и то, что содержаніе письменности все-таки расширяется и обращается къ настоящему положенію дѣлъ: значитъ, въ самой жизни была сила, которая могла вывести даже книжную схоластику изъ ея мертвыхъ отвлеченій на поприще дѣятельности, хоть сколько нибудь живой. Мало того, изъ среды самой массы поднимаются отголоски на явленія общественной и государственной жизни. Въ этомъ отношеніи интересны дошедшія до насъ двѣ различныя повѣсти о взятіи Пскова. Одна изъ нихъ составлена въ Москвѣ и восхваляетъ подвиги московскаго воинства, приходя въ негодованіе отъ своеволія псковитянъ. Другая повѣсть принадлежитъ псковичу и смотритъ на дѣло съ другой стороны: обвиняетъ московскаго намѣстника въ притѣсненіяхъ, князя — въ вѣроломствѣ, и сожалѣетъ объ утратѣ вольности. Это — несомнѣнный знакъ, что литературные интересы теперь уже такъ расширились, что въ письменности можетъ даже отражаться мнѣніе большинства народа, въ противность покоряющей его силѣ. Въ XVI вѣкѣ размножаются частные лѣтописцы отдѣльныхъ областей, раздаются обличенія Максима Грека, направленныя даже противъ митрополита и самого царя, и, кромѣ того, это столѣтіе представляетъ намъ двѣ книги, въ высшей степени замѣчательныя: «Домострой» и «Сказанія Курбскаго». «Домострой» во всѣхъ своихъ воззрѣніяхъ вѣренъ старой рутинѣ и съ этой стороны даетъ только новое доказательство того, какъ книжное ученіе портило у насъ самыя простыя и естественныя отношенія, какъ оно узаконяло собою множество нелѣпыхъ и грубыхъ понятій. Появленіе этой книги важно въ дру-

гомъ отношеніи: оно свидѣтельствуетъ, что въ XVI вѣкѣ чувствовали уже надобность примѣнить книжную мудрость и къ семейной жизни, слѣдовательно, письменность служила уже не однимъ интересамъ церковнымъ и государственнымъ. «Сказанія Курбскаго» имѣютъ другое значеніе. Здѣсь и самый взглядъ на дѣло рѣзко отличается отъ того взгляда, который старались усвоить Россіи греческіе и огречившіеся наши книжники. Представителемъ этого взгляда является тутъ уже самъ Іоаннъ, бывшій, какъ извѣстно, весьма искуснымъ въ книжномъ ученіи. Въ перепискѣ его съ Курбскимъ, весьма интересно слѣдить, какъ онъ располагаетъ арсеналомъ доводовъ, взятыхъ изъ книгъ того времени, для того, чтобы оправдать свое поведеніе и во что бы то ни стало обвинить Курбскаго. Онъ силится доказать, что бояре, какъ и всѣ подданные, обязаны были до конца претерпѣть съ кротостью и незлобіемъ всѣ его жестокости; въ примѣръ подобной кротости приводитъ онъ раба Курбскаго, Василья Шебанова, который спокойно стоялъ предъ Іоанномъ, когда этотъ своимъ костылемъ пригвоздилъ его ногу къ полу и, облокотясь на костыль, читалъ письмо Курбскаго. Но Курбскій уже не убѣждается доводами Іоанна: у него другая точка опоры— сознаніе своего собственнаго достоинства. Взглядъ его не можетъ еще возвыситься до того, чтобы объяснить надлежащимъ образомъ и поступокъ Грознаго съ Шебановымъ; нѣтъ, — Шебановъ пусть терпитъ, ему это прилично, и князю Курбскому дѣла нѣтъ до того, что̀ приходится на долю Васьки Шебанова. Но съ собой, съ княземъ Курбскимъ, аристократомъ и доблестнымъ вождемъ, онъ не позволитъ такъ обращаться. За себя и за своихъ сверстниковъ-аристократовъ онъ мститъ Іоанну гласностью, исторіей. Книжное дѣло призывается теперь для служенія не одной духовной власти и правительственнымъ распоряженіямъ, а ужъ и для интересовъ иного класса—бояръ и высшихъ сановниковъ. Къ нимъ преимущественно относились жестокія казни и опалы Іоанновы; изъ ихъ среды и нашелся человѣкъ, который употребилъ оружіе слова для выраженія своего неудовольствія. Но въ Россіи того времени нельзя было писать того, что написалъ Курбскій; только въ наше время его сказанія могли быть повторены русскимъ исторіографомъ и изданы въ Россіи въ подлинномъ видѣ. Въ царствованіе Грознаго, горькая истина должна была высказываться въ чужой землѣ, далеко отъ Россіи, въ которой вся письменность блуждала еще въ византійскихъ отвлеченіяхъ, не касаясь жизни. Книга Курбскаго первая написана отчасти уже подъ вліяніемъ западныхъ идей; ею Россія отпраздновала начало своего избавленія отъ восточнаго застоя и узкой односторонности понятій. Вслѣдъ за нею начинаются событія, болѣе и болѣе сближающія насъ съ Западомъ и оживляющія нашу литературную дѣятельность. Унія возбуждаетъ религіозные споры, не ограничивающіеся схоластическими преніями, но сопровождающіеся важными послѣдствіями въ самой жизни. Въ то же время, вмѣстѣ съ желаніемъ, съ той и другой стороны, дока-

зать народу превосходство своихъ мнѣній, является потребность дать ему средства къ образованію. И вотъ являются катехизисы для народа, руководства къ правой вѣрѣ, и т. п. Но этого мало: надо дать возможность читателямъ понимать и обсуживать самимъ спорный вопросъ. Теперь уже нельзя ограничиться одними положеніями и запрещеніями: какъ скоро есть споръ, сомнѣніе, нужно, во что бы то ни стало, разсѣять его, подѣйствовавши на разсудокъ. А для разсудка нужны данныя, факты, знанія; и вотъ являются учебныя книжки, очевидно назначенныя для первоначальнаго образованія: грамматики, словари, синопсисы, и пр. Разумѣется, вездѣ, гдѣ можно было, во всѣхъ этихъ книжкахъ высказывался односторонній взглядъ той партіи, къ которой принадлежалъ авторъ; разумѣется само собою и то, что ни та, ни другая партія не заботилась ни о какихъ другихъ интересахъ, кромѣ своихъ собственныхъ, и что до народнаго блага имъ дѣла не было. Но важно здѣсь то, что книжники уже поставлены были въ такое положеніе, въ которомъ должны были допустить надобность нѣкотораго образованія и въ другихъ классахъ народа, не принадлежащихъ къ сословію, имѣвшему до того монополію книжнаго дѣла и вообще образованности. Въ этомъ отношеніи, Унія имѣла сходство съ Реформаціею; при движеніи реформаціонныхъ идей, папы тоже поставлены были въ невозможность поддерживать свое значеніе запрещеніемъ народу читать Библію, оставленіемъ его въ невѣжествѣ, и т. п. Все нужно было разъяснить, все выставить наружу. Конечно, движеніе, возбужденное Уніею, не имѣло такихъ размѣровъ, какъ движеніе Реформаціи, но все же оно имѣло съ нимъ нѣкоторое сходство, по своему характеру. Оно выразилось преимущественно въ западной и южной Руси, но не могло не коснуться сѣверо-восточнаго края, тѣмъ болѣе, что онъ пришелъ съ Западомъ въ ближайшее соприкосновеніе во время самозванцевъ. Тутъ интересъ былъ еще ближе къ жизни, нежели въ западной Руси во время Уніи, обращеніе къ народу еще необходимѣе, чѣмъ тамъ. Книжники должны были понять теперь, какъ слабы узы, доселѣ державшія старый порядокъ: онѣ разорваны были самимъ народомъ при первомъ появленіи призрака, принявшаго имя законнаго государя. Видя, что невѣдѣніе народа о самыхъ простыхъ вещахъ гибельно дѣлается для тѣхъ самихъ, которые его воспитывали; догадавшись, наконецъ, что невѣжество ненадежно, что на него нельзя положиться ни въ чемъ, потому что оно постоянно можетъ служить орудіемъ въ рукахъ перваго обманщика, книжники рѣшились вразумлять народъ относительно нѣкоторыхъ предметовъ: толковали ему о самозванцахъ, разсказывали исторію Годунова и Димитрія, писали увѣщательныя грамоты, и пр. Грамоты и повѣствованія эти читали теперь уже не только духовенство и правительственные люди: книжность спустилась уже и въ классъ мелкаго чиновничества, которое не только читало, но даже и само принялось сочинять. Много произведеній XVIII вѣка принадлежитъ въ

Россіи дьякамъ, подьячимъ, переводчикамъ приказовъ и другимъ чиновникамъ. Одно изъ такихъ сочиненій, написанное опять-таки не въ Россіи, а въ чужой землѣ — русскимъ подьячимъ Посольскаго Приказа—выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ произведеній старой Руси и обнаруживаетъ уже замѣчательную силу анализирующей мысли. Мы говоримъ о Кошихинѣ. У него уже взглядъ болѣе широкій, болѣе человѣчный, чѣмъ у всѣхъ русскихъ, до него писавшихъ о Россіи, даже въ отрицательномъ духѣ. Онъ является образованнымъ представителемъ интересовъ средняго сословія, надъ которымъ налегло старинное барство съ своимъ невѣжествомъ и спесью. У Кошихина ужъ не тѣ идеи, что у Курбскаго; онъ уже сожалѣетъ и о грубости семейныхъ отношеній, и о невѣжествѣ высшаго класса, и объ административныхъ обманахъ, и о жестокости пытки, и объ отчужденіи Россіи отъ Европы. И замѣчательна его точка зрѣнія: въ немъ нѣтъ непріязни къ Россіи; онъ не смотритъ на ея недостатки какъ на нераздѣльные съ природою народа, онъ объясняетъ ихъ обстоятельствами, отношеніями различныхъ классовъ между собою, и тому подобное. Такъ, напримѣръ, говоря о безстыдствѣ и невѣжествѣ бояръ, Кошихинъ объясняетъ его тѣмъ, что они наученья никакого не принимаютъ отъ другихъ народовъ; не принимаютъ же потому, что обычая не повелось ѣздить за-границу, изъ опасенія нарушить чистоту вѣры и старые обычаи. «Россійскаго государства люди породою своею спесивы и необычайные ко всякому дѣлу, понеже въ государствѣ своемъ поученія никакого добраго не имѣютъ и не пріемлютъ, кромѣ спесивства, и безстыдства, и ненависти, и неправды. Понеже для науки и обычая въ иныя государства дѣтей своихъ не посылаютъ, страшась того: узнавъ тамошнихъ государствъ вѣру и обычаи, начали бы свою вѣру отмѣнять и приставать къ инымъ, и о возвращеніи къ домамъ своимъ и къ сродичамъ никакого бы попеченія не имѣли и не мыслили... А который бы человѣкъ, князь или бояринъ, или кто-нибудь, самъ, или сына, или брата своего, послалъ для какого-нибудь дѣла въ иное государство, безъ вѣдомости, не бивъ челомъ государю, и такому бъ человѣку за такое дѣло поставлено было въ измѣну, и вотчины, и помѣстья, и животы взяты бъ были на царя; и ежели бъ кто самъ поѣхалъ, а послѣ его осталися сродственники, и ихъ пытали бъ, не вѣдали ли они мысли сродственника своего; или бъ кто послалъ сына, или брата, или племянника, и его потому жъ пытали бъ, для чего онъ послалъ въ иное государство, не напроваживаючи ль какихъ воинскихъ людей на московское государство, хотя государствомъ завладѣти, или для какого иного воровскаго умышленія по чьему наученію, и пытавъ того такимъ же обычаемъ» (стр. 41). Этотъ отзывъ привели мы для того, чтобы показать, что уже въ половинѣ XVII вѣка сознавалась людьми средняго сословія необходимость разумныхъ заимствованій отъ Европы. Сужденіе Кошихина можетъ, пожалуй, показаться исключительнымъ явленіемъ; но здѣсь

важно не то, во сколькихъ лицахъ мысль выразилась, а то, что она могла появиться въ это время, и появиться, какъ естественный выводъ изъ данныхъ, существовавшихъ въ самой жизни. Значитъ, жизнь уже сама по себѣ вела къ сближенію съ Западомъ и къ заимствованію его знаній и обычаевъ; и, значитъ, совершенно напрасно утверждаютъ нѣкоторые, что мѣры Петра шли совершенно наперекоръ естественному ходу нашей исторіи. Онъ, конечно, ускорилъ движеніе и еще, можетъ быть, отъ него зависѣла отчасти форма, въ которой проявилось заимствованіе. Но, зная нѣсколько относящихся сюда фактовъ изъ временъ, предшествовавшихъ Петру, нельзя не убѣдиться, что и здѣсь отъ естественнаго хода дѣлъ зависѣло болѣе, чѣмъ отъ личной воли преобразователя. Обыкновенно петровской реформѣ дѣлаютъ тотъ упрекъ, что, совершивши сближеніе наше съ Европой слишкомъ быстро, Петръ не далъ установиться у насъ на этотъ счетъ здравымъ и солиднымъ идеямъ, а все подражаніе обратилъ только къ одной формѣ, къ внѣшности. Фактъ самъ по себѣ справедливъ. Но невозможно приписывать его только вліянію быстроты петровской реформы: какъ бы медленно мы ни заимствовали, все-таки стали бы заимствовать сначала только внѣшность: таково было состояніе просвѣщенія даже въ высшихъ классахъ, которые болѣе другихъ имѣли средствъ къ сближенію съ «иныхъ государствъ людьми». Одни, какъ видно изъ Кошихина вовсе не хотѣли тогда ничего иностраннаго; другіе же, какъ видно изъ фактовъ, признавали необходимость введенія нѣкоторыхъ вещей на иностранный манеръ, — но на какіе же предметы обращалось ихъ вниманіе? Изъ-за границы выписывали отличныхъ архитекторовъ, кое-какихъ музыкантовъ и комедіантовъ, которые «комедь ломали». и т. п. Развѣ это не внѣшность была? И развѣ этимъ путемъ Русь вѣрнѣе могла дойти до истинныхъ началъ образованности, чѣмъ путемъ обширной, всеобщей реформы, предпринятой Петромъ? Напротивъ, при этихъ-то мелочныхъ заимствованіяхъ, удовлетворявшихъ вкусу немногихъ бояръ, которые желали воспользоваться европейскою образованностью для собственной потѣхи, Русь всего менѣе могла бы успѣть въ своемъ развитіи, тогда какъ реформа Петра, взволновавши давнишній застой Руси, разорвавши узы, которыми связывали всѣхъ остатки мѣстничества и другіе боярскіе предразсудки и обычаи, давши больше простора всѣмъ классамъ, значительно ускорила ходъ самой образованности, — которая до того подвигалась такимъ медленнымъ, едва примѣтнымъ шагомъ, — а вмѣстѣ съ тѣмъ раздвинула и предѣлы литературы. Въ періодѣ послѣ-петровскомъ, литературное развитіе, не отступая отъ своего главнаго хода, идетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ прежде, хоть не до такой степени быстро, какъ полагаетъ г. Милюковъ.

Мы чувствуемъ, что читатели уже недовольны нами за то, что мы такъ долго останавливаемъ ихъ вниманіе на предметѣ, не имѣющемъ ни малѣйшаго соотношенія ни съ однимъ изъ животрепещущихъ вопросовъ, волнующихъ современное общество. Мы

знаемъ, что теперь, когда умы всѣхъ обращены къ интересамъ первой важности, къ отмѣненію крѣпостного права, къ гласности, злоупотребленіямъ между чиновниками, недостаткамъ воспитанія и образованія, и т. п., теперь немногіе захотятъ заглянуть въ статью, толкующую о вопросахъ литературныхъ, не касающихся жизни. Знаемъ мы, что плохое время выбрали для своей скромной статьи, столь далекой отъ всѣхъ общественныхъ вопросовъ. Но что же дѣлать, если дѣло литературы такъ мило намъ,—хоть насъ и бранятъ за мнимое пренебреженіе къ ней,—если судьбы ея такъ насъ занимаютъ, что мы не умѣемъ остановиться, разъ заговоривши о ней. А говоря объ ея историческихъ судьбахъ, что же могли бы мы сказать интереснаго для современныхъ читателей, когда общественные вопросы до самаго послѣдняго времени были чужды нашей литературѣ, когда она держалась совершенно особнякомъ и существовала «для немногихъ»? Впрочемъ, мы чувствуемъ, что оправданія наши очень неудовлетворительны и, сознавая свою вину, постараемся окончить наши замѣтки какъ можно скорѣе, такъ какъ въ дальнѣйшемъ развитіи нашей литературы (нужно предупредить читателя) интересы, волнующіе нынѣ общество, оставались почти въ той же неприкосновенности, какъ было и до Петра.

Познакомившись съ нравами и государственнымъ устройствомъ другихъ народовъ, Петръ увидѣлъ, какъ важно образованіе народное для блага цѣлаго царства. Поэтому, постоянной заботой его было водвореніе въ Россіи образованія по примѣру Европы. Лучшимъ средствомъ для распространенія образованности онъ справедливо считалъ книги, и въ его время письменность русская является рѣшительно провозвѣстницею воли монарха для подданныхъ. Онъ понялъ, что, при заботѣ о просвѣщеніи народа, необходимо призвать на помощь живое убѣжденіе, и это убѣжденіе распространялъ посредствомъ книгъ. Всякое событіе его царствованія, всякій новый законъ, новое распоряженіе, находили себѣ объясненіе и оправданіе въ произведеніяхъ письменности. Такъ, являются во время Петра книга «О причинахъ, какія имѣлъ онъ къ начатію войны со шведами», «Правда воли монаршей о наслѣдованіи престола», множество регламентовъ, спеціальныхъ книгъ по части инженерной, артиллерійской, морской, и пр., наконецъ, «Вѣдомости», въ которыхъ въ первый разъ русскіе увидали всенародное объявленіе событій военныхъ и политическихъ. Всѣ новыя потребности, возбужденныя Петромъ, непремѣнно, по его же мысли и желанію, сопровождались книжными явленіями, которыя, такимъ образомъ, служили разумнымъ оправданіемъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ. Почти всѣ книги такого рода были изданы не частными людьми, а по распоряженію самого же правительства; но самая возможность писать о всяческихъ предметахъ, начиная съ политическихъ новостей и оканчивая устройствомъ какой-нибудь лодки,—расширила кругъ идей литературныхъ и вызвала на книжную дѣятельность многихъ, которые въ прежнее время никогда бы

о ней и не подумали. Замѣчательнѣйшимъ явленіемъ въ тогдашней письменности былъ, безъ сомнѣнія, крестьянинъ Посошковъ, рѣшившійся разсуждать самоучкой о вопросахъ политической экономіи,—о средствахъ умножить избытокъ въ народѣ и отвратить скудость. Не говоря о точкѣ зрѣнія Посошкова, которая, можетъ быть, не совсѣмъ удовлетворитъ требованіямъ живой народной науки, — замѣтимъ здѣсь только о томъ, какъ въ этомъ случаѣ простой здравый смыслъ русскаго человѣка сошелся съ результатами, добытыми наконецъ въ многолѣтнихъ опытахъ и изслѣдованіяхъ людей ученыхъ. Посошковъ принялся за разсужденія о богатствѣ народномъ просто потому, что этотъ предметъ былъ къ нему ближе всякаго другого и проще для него; а между тѣмъ, этотъ самый предметъ составляетъ науку, служащую вѣнцомъ всѣхъ такъ-называемыхъ общественныхъ наукъ. Справедливость требуетъ, впрочемъ, сказать, что Посошковъ, хотя и крестьянинъ, не былъ вполнѣ представителемъ своего класса, а скорѣе выходцемъ изъ него: онъ занималъ какую-то начальственную должность, и въ его разсужденіяхъ, вмѣсто естественнаго побужденія прямыхъ нуждъ народныхъ, видны нерѣдко разные административные виды. То, что въ маленькихъ размѣрахъ примѣтно у Посошкова, въ колоссальномъ видѣ выказалось у другого крестьянина, который, благодаря Петровой реформѣ, получилъ возможность выучиться разнымъ наукамъ, побывалъ за-границей и сдѣлался тоже выходцемъ изъ своего сословія. Ломоносовъ сдѣлался ученымъ, поэтомъ, профессоромъ, чиновникомъ, дворяниномъ, чѣмъ вамъ угодно, но ужъ никакъ не человѣкомъ, сочувствующимъ тому классу народа, изъ котораго вышелъ онъ. Иначе, впрочемъ, и не могло быть въ то время: хотя Петръ и уничтожилъ китайскую стѣну, отдѣлявшую до него боярина отъ окольничаго, окольничаго отъ думнаго человѣка, и т. д., хотя онъ, признавши права заслугъ и образованія, далъ всѣмъ просторъ итти впередъ,—но не могли же всѣ вдругъ пріобрѣсть образованіе и отличиться заслугами. Всего легче могли воспользоваться средствами образованія опять-таки дѣти бояръ, окольничихъ, и т. п. Низшія сословія могли также высылать теперь на состязаніе своихъ избранныхъ; но состязаніе во всякомъ случаѣ было неравное, и эти избранные все-таки оставались едва замѣтными исключеніями изъ цѣлой массы. Если русская аристократія петровскаго времени не стала во главѣ цѣлой націи по своей образованности и нравственному превосходству, то причина этого заключается, конечно, ужъ не въ недостаткѣ матеріальныхъ средствъ, а просто въ разъѣдающемъ и отупляющемъ вліяніи нашего стариннаго барства. Впрочемъ, если не по умственнымъ совершенствамъ, то по своему общественному положенію, по табели о рангахъ, боярство все-таки завладѣло тогда литературою, и она, не сдѣлавшись непосредственнымъ достояніемъ высшихъ классовъ, какъ была прежде достояніемъ духовенства, постоянно однакоже употреблялась посредственно къ ихъ услугамъ. Мы говоримъ здѣсь

о меценатствѣ, которое такъ распространилось у насъ во времена послѣ Петра, и дѣлало Россію отчасти похожею въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ на Римъ временъ имперіи и послѣднихъ годовъ республики. Князь Кантемиръ, принадлежавшій еще къ вѣку самого Петра, и притомъ самъ аристократъ, держался довольно независимо и по влеченію сердца воспѣвалъ правительственныя и общественныя реформы Петра. Но Ломоносовъ имѣлъ уже своихъ *милостивцевъ*, въ угоду которымъ сочинялъ разныя «стиховныя штуки», какъ говорилъ Тредьяковскій. Ломоносовъ много сдѣлалъ для успѣховъ науки въ Россіи; онъ положилъ основаніе русскому естествовѣдѣнію, онъ первый составилъ довольно стройную систему науки о языкѣ; но въ отношеніи къ общественному значенію литературы онъ не сдѣлалъ ничего. Какъ до него схоластическая поэзія ограничивалась изображеніемъ «Орла россійскаго», или сочиненіемъ аллегорическаго «Плача и утѣшенія», въ виршахъ Симеона Полоцкаго и Сильвестра Медвѣдева, такъ точно и Ломоносова поэзія не шагнула дальше дидактическаго нравоученія да напыщеннаго воспѣванія бранныхъ подвиговъ. Дѣйствительной жизни онъ не хотѣлъ знать и даже полагалъ, кажется, что о ней можно говорить не иначе, какъ низкимъ слогомъ, котораго долженъ избѣгать порядочный писатель. Нельзя же было, въ самомъ дѣлѣ, разсказывая хоть бы напримѣръ о затрудненіяхъ мужика, у котораго послѣдняя лошадь пала, возвыситься до того паѳоса, до какого доходили наши поэты, описывая ужинъ и фейерверкъ, данный знатнымъ бояриномъ. Тутъ уже не только чувства не тѣ, самый языкъ не тотъ будетъ. Возвышеннымъ, краснорѣчивымъ, витіеватымъ слогомъ можно воспѣвать только высокія явленія жизни—взятіе непріятельскаго города, отбитіе у врага нѣсколькихъ пушекъ, торжество по случаю побѣды, иллюминацію, раздачу наградъ, и т. п. Влѣдствіе такихъ соображеній, лучшіе представители тогдашней литературы старались, такъ сказать, вести себя сколько можно аристократичнѣе въ отношеніи къ низкимъ предметамъ и къ подлому народу, какъ называли тогда публику, не принадлежавшую къ высшему кругу. Ломоносовъ, правда, говоритъ иногда судіямъ земнымъ, чтобъ они блюлись отъ буйности и подданныхъ не презирали, а наблюдали народную льготу; но это говорится такъ, en masse, въ видахъ отвлеченной добродѣтели и справедливости и, отчасти даже, для краснаго словца, а ничуть не по глубокому сердечному сочувствію къ нуждамъ народа. Такъ точно Сумароковъ возставалъ противъ невѣжества, спеси дворянской, взяточничества, и т. п., и въ то же время сочинялъ трагедіи, въ которыхъ разные герои, владыки и ихъ наперсники вѣщали высокимъ слогомъ нелѣпѣйшія безсмыслицы. Тѣ, противъ кого писалъ Сумароковъ грозныя сатиры, слушали эти нелѣпости и хвалили, зная, что авторъ въ милости у знатныхъ особъ; а простая публика, видя, что тутъ для нея ничего нѣтъ, преоткровенно грызла орѣхи во время представленія. Тутъ уже Сумароковъ пришелъ въ истин-

ное негодованіе и отъ души высказалъ, что этотъ «подлый народъ» не стоитъ чести смотрѣть трагедіи россійскаго Корнеля и Расина, и что сей подлый народъ есть необразованная скотина, не признающая даже такихъ авторитетовъ, какъ г. Волтеръ и онъ, г. Сумароковъ. Но Сумарокову еще можно простить: у него ужъ такой нравъ былъ; онъ всѣхъ ругалъ, сколько силъ хватало, хотя самъ и восхищался очень наивно своимъ чиномъ и кавалерствомъ. Можно, съ другой стороны, простить и пресмыканіе предъ знатными какому-нибудь Тредьяковскому, котораго можно было высѣчь за непоставку къ сроку оды на маскарадъ: это ужъ былъ человѣкъ убитый; его такъ всѣ и принимали за шута. О всѣхъ этихъ Петровыхъ, Костровыхъ, и т. п., говорить нечего: они только и жили милостивцами, стараясь потѣшать ихъ невѣжество то великолѣпной стиховной галиматьей, то собственной фигурою. Такъ въ Римѣ, послѣ покоренія имъ Греціи, образованные рабы, гувернеры, піиты и, вмѣстѣ съ тѣмъ, шуты и полные невольники невѣжественныхъ патриціевъ служили имъ своимъ умомъ, образованностью, ловкостью и вмѣстѣ щеками и спиною. Учиться и работать считалось въ тогдашнемъ Римѣ недостойнымъ патриція; наука и работа признавались и въ тогдашней Россіи недворянскимъ дѣломъ. Высшій классъ выпустилъ изъ головы своей мысль объ образованности и думалъ удержать ее въ своихъ рукахъ посредствомъ подачекъ своимъ паразитамъ, торговавшимъ дарами просвѣщенія. Къ удивленію находимъ, что барамъ нашимъ продѣлка ихъ удавалась очень долго. Г. Милюкову кажется, что Державинъ цѣлымъ вѣкомъ отдѣленъ отъ Ломоносова; но мы никакъ этого не находимъ. Державина сама Императрица приняла подъ свое покровительство, но и тутъ не избавила его отъ необходимости отыскивать милостивцевъ, которыхъ производилъ онъ и въ геркулесы, и въ гиганты, и чуть не въ полубоги. Что же касается до взгляда на народъ, его нужды и отношенія, то Державинъ подвинулся немного со временъ Ломоносова или даже Симеона Полоцкаго. Довольно припомнить его восклицаніе:—

«Прочь, дерзка чернь, непросвѣщенна,
И презираемая мной»!

Восклицаніе, нужно признаться, не совсѣмъ гуманное, какъ и вообще произведенія Державина, носящія на себѣ отпечатокъ то отвлеченной мертвой схоластики, то эпикурейскихъ ощущеній, не очищенныхъ ни изящнымъ вкусомъ, ни здравой мыслью, то придворнаго шутовства въ духѣ нравовъ того времени. Нѣтъ, мы рѣшительно несогласны съ г. Милюковымъ, будто отъ Ломоносова до Державина совершилось какое-то громадное развитіе въ русской поэзіи. Если развитіе и было, то самое ничтожное, да и то скорѣе въ отношеніи къ внѣшности, къ формѣ выраженія, а ужъ никакъ не въ отношеніи къ развитію и расширенію содержанія. Какъ прежде воспѣвались отвлеченныя добродѣтели и совершен-

ства, такъ и теперь, только еще утомительнѣе. Ни одна изъ нравственныхъ одъ Ломоносова не можетъ поравняться величиной съ подобными же одами Державина, изъ которыхъ въ иныхъ нѣтъ ли, пожалуй, стиховъ до тысячи. Какъ прежде поэтъ падалъ ницъ, въ нѣмомъ восторгѣ, предъ мужемъ брани, мѣряя свое благоговѣніе числомъ людей, убитыхъ подъ его начальствомъ, такъ точно и теперь, — да еще восторженнѣе прежняго. Какъ прежде на всемірныя событія смотрѣли изъ маленькой форточки своего узенькаго окошечка съ рѣшеткой и мѣряли всю землю собственной четвертью, такъ и теперь кругъ зрѣнія нисколько не расширился. Довольно привести одинъ фактъ. Державинъ былъ кѣмъ-то обиженъ и написалъ оду *на коварство.* Черезъ три года произошла французская революція; онъ придѣлалъ къ своей «Одѣ на коварство» нѣсколько строфъ и пустилъ ее въ свѣтъ подъ названіемъ: «Ода на коварство французскаго возмущенія». Не удовольствуясь этимъ, онъ пришилъ къ ней еще похвалу князю Пожарскому. Такія воззрѣнія существовали у русскихъ поэтовъ прошедшаго вѣка!..

На кого еще указать изъ этого же періода литературы? На Хераскова и Княжнина? У нихъ еще менѣе народности, еще менѣе возвышенія до интересовъ общественныхъ, чѣмъ у Державина. Предметы поэмъ Хераскова и трагедій Княжнина уже сами собою показываютъ, какъ мало чуяли духъ русской народности сіи высокопарные пііты, пѣвшіе «отъ варваровъ Россію свобожденну» и гремѣвшіе своими Росславами. Выборъ событій миѳологическихъ или ненародныхъ, отвлеченная точка зрѣнія, стараніе дѣлать намеки, пріятные высшимъ (какъ напр. въ «Титовомъ Милосердіи»), все это обличало отчужденіе отъ народности, пренебреженіе къ нуждамъ и страданіямъ людей, если они только не пользуются громкими титулами.

О Карамзинѣ говорили у насъ, какъ о писателѣ народномъ, впервые коснувшемся родной почвы, спустившемся изъ области мечтаній къ живой дѣйствительности. Правда ли все это? Можно ли сказать, что Карамзинъ избавился отъ призраковъ, которые тяготѣли надъ его предшественниками, и взглянулъ на дѣйствительную жизнь свѣтло и прямо? Едва ли. Правда, державинское и ломоносовское пареніе является у Карамзина уже весьма слабо (а все-таки является); правда и то, что онъ изображаетъ нѣжныя чувства, привязанность къ природѣ, простой бытъ. Но какъ все это изображается! Природа берется изъ Армидиныхъ садовъ, нѣжныя чувства—изъ сладостныхъ пѣсенъ труверовъ и изъ повѣстей Флоріана, сельскій бытъ — прямо изъ счастливой Аркадіи. Точка зрѣнія на все попрежнему отвлеченная и крайне аристократическая. Главная мысль та, что умѣренность есть лучшее богатство и что природа каждому человѣку даетъ даромъ такія наслажденія, какихъ ни за какія деньги получить невозможно. Это проповѣдуетъ человѣкъ, живущій въ довольствѣ и который, послѣ вкуснаго обѣда и пріятной бесѣды съ гостями, садится въ изящ-

номъ креслѣ, въ комнатѣ, убранной со всѣми прихотями достатка, описывать блаженство бѣдности на лонѣ природы. Выходитъ умилительная картина, въ которой есть слова: природа, простота, спокойствіе, счастіе, но въ которой на дѣлѣ нѣтъ ни природы, ни простоты, а есть только самодовольное спокойствіе человѣка, не думающаго о счастіи другихъ. Отчего происходило это? Неужели писатели карамзинской школы въ самомъ дѣлѣ полагали, что наши сѣверные поселяне похожи на аркадскихъ пастушковъ; неужели они не видѣли, что въ простомъ народѣ есть свои нужды, свои стремленія, есть нищета и горе житейское, а не призрачное? Конечно, они это знали и видѣли; но имъ казалось, что этого не зачѣмъ вносить въ литературу, что это будетъ даже неприлично и смѣшно. Такъ, въ наше время чтó сказали бы мы о писателѣ, который бы описалъ съ паѳосомъ и подробностью страданія лошади, оторванной отъ корму, запряженной противъ воли въ карету и принужденной ударами кнута ѣхать, куда ей вовсе не хочется? Такъ въ карамзинское время дико было снисходить до истинныхъ чувствъ и нуждъ простого класса. Въ самой исторіи, Карамзинъ держится постоянно той точки зрѣнія, которая выразилась въ заглавіи его творенія: Исторія *Государства* Россійскаго. Черезъ 20 лѣтъ послѣ него, Полевой хотѣлъ писать исторію русскаго *народа*, но ему весьма плохо удалось его дѣло. Нельзя, впрочемъ, винить ни его за неудачу, ни Карамзина за его образъ воззрѣнія. Исторія не сочиняется, а составляется по даннымъ, сохранившимся болѣе всего въ письменныхъ памятникахъ. А что представляла историку наша древняя письменность? Мы уже видѣли, что въ ней принимали участіе только два малочисленнѣйшіе класса народа, и ихъ только интересы выражались въ ней. Слѣдовательно, исторіи народа по даннымъ лѣтописнымъ составить было невозможно, если человѣкъ не умѣлъ, какъ говорится, читать между строкъ. А Карамзинъ, если и имѣлъ отчасти это искусство, то единственно для проведенія своей главной идеи о государствѣ. Такимъ образомъ нашелъ онъ, что Іоаннъ III въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выше Петра Великаго; такимъ образомъ умѣлъ провести нить великихъ князей кіевскихъ, а потомъ владимірскихъ, черезъ весь удѣльный періодъ; такимъ образомъ порядку государственному онъ противополагалъ свободу народную; не умѣвши понять, что они нераздѣльны и взаимно другъ друга поддерживаютъ, онъ говорилъ: народы дикіе любятъ свободу, народы просвѣщенные любятъ порядокъ... До какой степени Карамзинъ сблизилъ русскую литературу съ дѣйствительностью, видно изъ твореній его поклонника и послѣдователя — Жуковскаго. Мечтательность, призраки, стремленіе къ чему-то невѣдомому, надежда на успокоеніе тамъ, въ заоблачномъ туманѣ, патріотическія чувства, обращенныя къ русскимъ шлемамъ, панцырямъ, щитамъ и стрѣламъ, соединеніе державинскаго паренія съ сентиментальностью Коцебу — вотъ характеристика романтической поэзіи, внесенной къ намъ Жуков-

скимъ. Одно только изъ русской народности воспроизвелъ Жуковскій (въ Свѣтланѣ), и это одно — суевѣріе народное. И, кажется, только въ этомъ отношеніи романтическая поэзія и могла соприкасаться съ нашимъ народнымъ духомъ; во всемъ остальномъ она отдѣлялась отъ него неизмѣримой пропастью.

И однако же, Карамзинъ и Жуковскій получили въ русскомъ обществѣ такое значеніе, какого не имѣлъ ни одинъ изъ предшествовавшихъ писателей. Чѣмъ же объяснить это? Тѣмъ, разумѣется, что оба они удовлетворяли потребностямъ того общества, которое ихъ читало. Вопросъ остается за тѣмъ, что это было за общество? Говорятъ, что Карамзина и Жуковскаго любитъ и знаетъ Россія, и этому вѣрятъ зѣло ученые люди, которые полагаютъ, что они-то, ученые и образованные, и составляютъ Россію, а все остальное, находящееся внѣ нашего круга, вовсе недостойно имени русскаго. Коренная Россія не въ насъ съ вами заключается, господа умники. Мы можемъ держаться только потому, что подъ нами есть твердая почва — настоящій русскій народъ; а сами по себѣ мы составляемъ совершенно непримѣтную частичку великаго русскаго народа. Вы, можетъ быть, намѣрены возразить мнѣ, заговоривши о преимуществахъ образованности, которая даетъ человѣку власть надъ неодушевленной природой, надъ неразумными животными, и возвышаетъ насъ надъ толпой. Но погодите хвалиться вашей образованностью, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока вы не найдете средствъ обходиться безъ этой толпы, или давать ей столько же, сколько она вамъ даетъ. Всякій законъ, всякое пріобрѣтеніе, всякое положеніе, всякая вещь, наконецъ, тѣмъ лучше, чѣмъ большему количеству личностей или предметовъ доставляетъ пользу или удобство. А это что же за великое явленіе, которое въ теченіе вѣковъ все ограничивается сотнями и тысячами людей, не обращая вниманія на милліоны!.. И повѣрьте, что эти милліоны вовсе не виноваты въ своемъ невѣжествѣ: не они отчуждаются отъ знанія, отъ искусствъ, отъ поэзіи, — а ихъ чуждаются и презираютъ тѣ, которые успѣли захватить умственное достояніе въ свои руки. Если же имъ и даютъ что-нибудь, въ родѣ мертвыхъ схоластическихъ стиховъ, вмѣсто живой народной поэзіи, то народъ, естественно, отвращается отъ подобныхъ прелестей, какъ вовсе неподходящихъ къ его потребностямъ и къ его положенію. Кѣмъ же ограничивалась литература даже во времена Карамзина и Жуковскаго? Кругъ людей, требованіямъ которыхъ удовлетворяли эти писатели, былъ, правда, шире прежняго. Ломоносовскія и державинскія оды восхвалялись и повторялись только людьми, нечуждыми придворной жизни; повѣсти Карамзина и баллады Жуковскаго перечитывались, можно сказать, во всемъ дворянскомъ кругѣ. Это и составляетъ значительный шагъ впередъ, сдѣланный карамзинскою школою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она неизбѣжно должна была теперь нѣсколько спуститься къ дѣйствительности, — хотя все еще далеко не достигла ея. Что въ прежней, пиндарической школѣ

было призрачное величіе, то здѣсь — призрачная нѣжность; тамъ великолѣпіе, здѣсь достатокъ; тамъ громъ и молнія, здѣсь роса и радуга; тамъ фейерверки, здѣсь каскады; тамъ трубы и кимвалы, грохочущіе славу князей на удивленіе смертныхъ, здѣсь арфы, призывающія простыхъ дѣтей природы наслаждаться чувствительностью. Здѣсь приближеніе къ дѣйствительной жизни находимъ мы по крайней мѣрѣ въ томъ, что уже менѣе возбуждаются всякія страшилища и разрушители земного счастія. Литература сама еще не смѣетъ подойти къ дѣйствительности и объявить себя на сторонѣ настоящаго положенія вещей; но уже съ меньшей охотой, чѣмъ прежде, восхваляетъ она то, что противорѣчитъ естественному порядку дѣлъ. Въ литературѣ видимо является наклонность къ примиренію съ жизнью и характеръ консервативный. Теперь, если недовольство дѣйствительнымъ міромъ и является, то уже не во имя какихъ-нибудь громкихъ, исключительныхъ явленій, а во имя чего-то «очарованнаго», какъ выражался Жуковскій, во имя какихъ-то глубочайшихъ стремленій человѣческаго духа, которыхъ, однако же, поэтъ и самъ не сознавалъ хорошенько. Такая перемѣна необходимо должна была явиться при расширеніи круга людей, интересующихся литературою. Очевидно, что въ древнія времена какой-нибудь скальдъ, для котораго весь міръ заключался въ высокородномъ рыцарѣ, — его господинѣ и милостивцѣ, — могъ безъ зазрѣнія совѣсти, съ самымъ искреннимъ восторгомъ, пѣть его бранные подвиги, оставаясь совершенно равнодушнымъ къ страданіямъ человѣчества. Его вѣдь никто и не слышалъ изъ этого человѣчества; онъ пѣлъ для своего рыцаря и его дружины. Если же какіе-нибудь скованные плѣнники и присутствовали тутъ же во время пѣсни, то ихъ стоны и проклятія только возвышали славу пѣвца и удовольствіе доблестнаго рыцаря съ дружиною. Нельзя было оставаться при такомъ же направленіи въ то время, когда не одна рыцарская дружина, но уже и мирные граждане стали интересоваться поэтическими созданіями. Нужно было и ихъ потѣшить чѣмъ-нибудь: и вотъ является для ихъ удовольствія украшенная природа, граціозныя китайскія куколки, изящныя чувства, и т. п. Это было—неудачный суррогатъ дѣйствительности, на которую явилась уже потребность, но которую боялись дать живьемъ, боясь оскорбить отвлеченныя требованія искусства.

Батюшковъ, любившій дѣйствительную жизнь, какъ эпикуреецъ, но тоже боявшійся пустить ее въ ходъ прямо, увидѣлъ однако, что наши попытки на созданіе золотого вѣка изъ простой жизни никуда не годятся. Онъ пошелъ по другой дорогѣ, и въ своей недолгой литературной дѣятельности выразилъ такое умозаключеніе: «вы боитесь изображать просто природу и жизнь, чтобы не нарушить требованій искусства; но у древнихъ вы признаете соблюденіе правилъ искусства; смотрите же, я буду вамъ изображать жизнь и природу на манеръ древнихъ. Это все-таки будетъ лучше, чѣмъ выдумывать самимъ вещи, ни на что не похожія». Это, дѣй-

ствительно, было лучше, но все-таки было еще плохо, тѣмъ болѣе, что у насъ почти не было людей, которые могли бы сказать, такъ-ли Батюшковъ изображаетъ міръ и жизнь, какъ древніе, — или вовсе непохоже на нихъ.

Пушкинъ пошелъ дальше: онъ въ своей поэтической дѣятельности первый выразилъ возможность представить, не компрометируя искусства, ту самую жизнь, которая у насъ существуетъ, и представить именно такъ, какъ она является на дѣлѣ. Въ этомъ заключается великое историческое значеніе Пушкина. Но и въ Пушкинѣ проявилось это не вдругъ, и притомъ проявилось не съ тою широтой взгляда, какой можно бы ожидать отъ художественной личности. Карамзинская опрятность, мечтательность Жуковскаго и эпикуреизмъ Батюшкова сильно проглядываютъ въ немъ; а къ этому присоединяется еще вліяніе Байрона, котораго, какъ справедливо замѣчаетъ г. Милюковъ, Пушкинъ не понялъ и не могъ понять, какъ по основѣ собственнаго характера, такъ и по характеру общества, окружавшаго его. Натура неглубокая, но живая, легкая, увлекающаяся и притомъ, вслѣдствіе недостатка прочнаго образованія, увлекающаяся болѣе внѣшностью, Пушкинъ не былъ вовсе похожъ на Байрона. «Пушкинъ не могъ понимать, — говоритъ г. Милюковъ, — той ужасной болѣзни, какою томилось общество европейское, не могъ питать къ нему той неумолимой ненависти и презрѣнія, какія кипѣли въ душѣ британскаго пѣвца, рожденнаго посреди самаго просвѣщеннаго народа, не могъ проливать тѣхъ горькихъ, кровавыхъ слезъ, какими плакалъ Байронъ. Общество русское не было похоже на европейское, и если въ то время въ самой Европѣ не оцѣнили еще значеніе пѣвца Чайльдъ-Гарольда и называли его главою *сатанинской школы*, то, разумѣется, Пушкинъ совсѣмъ не въ состояніи былъ понять его... Онъ плѣнился только разочарованнымъ и гордымъ характеромъ его героевъ, мрачнымъ колоритомъ картинъ и свободною легкостью формы». Такимъ образомъ, Пушкину долго не давалась русская народность, и онъ изображалъ разочарованныхъ «Плѣнниковъ» и «Алеко» вовсе не подозрѣвая, что такое разочарованіе не въ русскомъ характерѣ, хотя и встрѣчалось въ нашемъ обществѣ. Одаренный проницательностью художника, Пушкинъ скоро постигъ характеръ этого общества, и, не стѣсняясь уже классическими приличіями, изобразилъ его просто и вѣрно; общество было въ восторгѣ, что видитъ, наконецъ, *настоящую*, не игрушечную поэзію, и принялось читать и перечитывать Пушкина. Съ его времени литература вошла въ жизнь общества, стала необходимой принадлежностью образованнаго класса. Но опять вопросъ: какъ относится этотъ классъ, по количеству и качеству, къ населенію цѣлой Россіи? Здѣсь нельзя не сознаться, даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, что классъ людей, изображенныхъ Пушкинымъ и находящихся въ близкихъ отношеніяхъ къ нему, слѣдовательно имъ интересующихся, весьма малочисленъ у насъ. Повторяемъ: говоримъ

было призрачное величіе, то здѣсь — призрачная нѣжность; тамъ великолѣпіе, здѣсь достатокъ; тамъ громъ и молнія, здѣсь роса и радуга; тамъ фейерверки, здѣсь каскады; тамъ трубы и кимвалы, грохочущіе славу князей на удивленіе смертныхъ, здѣсь арфы, призывающія простыхъ дѣтей природы наслаждаться чувствительностью. Здѣсь приближеніе къ дѣйствительной жизни находимъ мы по крайней мѣрѣ въ томъ, что уже менѣе возбуждаются всякія страшилища и разрушители земного счастія. Литература сама еще не смѣетъ подойти къ дѣйствительности и объявить себя на сторонѣ настоящаго положенія вещей; но уже съ меньшей охотой, чѣмъ прежде, восхваляетъ она то, что противорѣчитъ естественному порядку дѣлъ. Въ литературѣ видимо является наклонность къ примиренію съ жизнью и характеръ консервативный. Теперь, если недовольство дѣйствительнымъ міромъ и является, то уже не во имя какихъ-нибудь громкихъ, исключительныхъ явленій, а во имя чего-то «очарованнаго», какъ выражался Жуковскій, во имя какихъ-то глубочайшихъ стремленій человѣческаго духа, которыхъ, однако же, поэтъ и самъ не сознавалъ хорошенько. Такая перемѣна необходимо должна была явиться при расширеніи круга людей, интересующихся литературою. Очевидно, что въ древнія времена какой-нибудь скальдъ, для котораго весь міръ заключался въ высокородномъ рыцарѣ, — его господинѣ и милостивцѣ, — могъ безъ зазрѣнія совѣсти, съ самымъ искреннимъ восторгомъ, пѣть его бранные подвиги, оставаясь совершенно равнодушнымъ къ страданіямъ человѣчества. Его вѣдь никто и не слышалъ изъ этого человѣчества; онъ пѣлъ для своего рыцаря и его дружины. Если же какіе-нибудь скованные плѣнники и присутствовали тутъ же во время пѣсни, то ихъ стоны и проклятія только возвышали славу пѣвца и удовольствіе доблестнаго рыцаря съ дружиною. Нельзя было оставаться при такомъ же направленіи въ то время, когда не одна рыцарская дружина, но уже и мирные граждане стали интересоваться поэтическими созданіями. Нужно было и ихъ потѣшить чѣмъ-нибудь: и вотъ является для ихъ удовольствія украшенная природа, граціозныя китайскія куколки, изящныя чувства, и т. п. Это было—неудачный суррогатъ дѣйствительности, на которую явилась уже потребность, но которую боялись дать живьемъ, боясь оскорбить отвлеченныя требованія искусства.

Батюшковъ, любившій дѣйствительную жизнь, какъ эпикуреецъ, но тоже боявшійся пустить ее въ ходъ прямо, увидѣлъ однако, что наши попытки на созданіе золотого вѣка изъ простой жизни никуда не годятся. Онъ пошелъ по другой дорогѣ, и въ своей недолгой литературной дѣятельности выразилъ такое умозаключеніе: «вы боитесь изображать просто природу и жизнь, чтобы не нарушить требованій искусства; но у древнихъ вы признаете соблюденіе правилъ искусства; смотрите же, я буду вамъ изображать жизнь и природу на манеръ древнихъ. Это все-таки будетъ лучше, чѣмъ выдумывать самимъ вещи, ни на что не похожія». Это, дѣй-

ствительно, было лучше, но все-таки было еще плохо, тѣмъ болѣе, что у насъ почти не было людей, которые могли бы сказать, такъ-ли Батюшковъ изображаетъ міръ и жизнь, какъ древніе, — или вовсе непохоже на нихъ.

Пушкинъ пошелъ дальше: онъ въ своей поэтической дѣятельности первый выразилъ возможность представить, не компрометируя искусства, ту самую жизнь, которая у насъ существуетъ, и представить именно такъ, какъ она является на дѣлѣ. Въ этомъ заключается великое историческое значеніе Пушкина. Но и въ Пушкинѣ проявилось это не вдругъ, и притомъ проявилось не съ тою широтой взгляда, какой можно бы ожидать отъ художественной личности. Карамзинская опрятность, мечтательность Жуковскаго и эпикуреизмъ Батюшкова сильно проглядываютъ въ немъ; а къ этому присоединяется еще вліяніе Байрона, котораго, какъ справедливо замѣчаетъ г. Милюковъ, Пушкинъ не понялъ и не могъ понять, какъ по основѣ собственнаго характера, такъ и по характеру общества, окружавшаго его. Натура неглубокая, но живая, легкая, увлекающаяся и притомъ, вслѣдствіе недостатка прочнаго образованія, увлекающаяся болѣе внѣшностью, Пушкинъ не былъ вовсе похожъ на Байрона. «Пушкинъ не могъ понимать, — говоритъ г. Милюковъ, — той ужасной болѣзни, какою томилось общество европейское, не могъ питать къ нему той неумолимой ненависти и презрѣнія, какія кипѣли въ душѣ британскаго пѣвца, рожденнаго посреди самаго просвѣщеннаго народа, не могъ проливать тѣхъ горькихъ, кровавыхъ слезъ, какими плакалъ Байронъ. Общество русское не было похоже на европейское, и если въ то время въ самой Европѣ не оцѣнили еще значеніе пѣвца Чайльдъ-Гарольда и называли его главою *сатанинской школы*, то, разумѣется, Пушкинъ совсѣмъ не въ состояніи былъ понять его... Онъ плѣнился только разочарованнымъ и гордымъ характеромъ его героевъ, мрачнымъ колоритомъ картинъ и свободною легкостью формы». Такимъ образомъ, Пушкину долго не давалась русская народность, и онъ изображалъ разочарованныхъ «Плѣнниковъ» и «Алеко» вовсе не подозрѣвая, что такое разочарованіе не въ русскомъ характерѣ, хотя и встрѣчалось въ нашемъ обществѣ. Одаренный проницательностью художника, Пушкинъ скоро постигъ характеръ этого общества, и, не стѣсняясь уже классическими приличіями, изобразилъ его просто и вѣрно; общество было въ восторгѣ, что видитъ, наконецъ, *настоящую*, не игрушечную поэзію, и принялось читать и перечитывать Пушкина. Съ его времени литература вошла въ жизнь общества, стала необходимой принадлежностью образованнаго класса. Но опять вопросъ: какъ относится этотъ классъ, по количеству и качеству, къ населенію цѣлой Россіи? Здѣсь нельзя не сознаться, даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, что классъ людей, изображенныхъ Пушкинымъ и находящихся въ близкихъ отношеніяхъ къ нему, слѣдовательно имъ интересующихся, весьма малочисленъ у насъ. Повторяемъ: говоримъ

это съ удовольствіемъ, потому что если бы въ Россіи было большинство такихъ талантливыхъ натуръ, какъ Алеко или Онѣгинъ, и если бы, при своемъ множествѣ, они все-таки оставались такими пошляками, какъ эти господа,—москвичи въ гарольдовомъ плащѣ,—то грустно было бы за Россію. Къ счастью, ихъ у насъ всегда было мало, и ихъ изображеніе не только народу было бы вовсе непонятно, но даже и въ образованномъ обществѣ интересовало не всѣхъ. Гораздо болѣе привлекли къ Пушкину вниманіе публики тѣ картины русской природы и жизни, какія разсыпаны повсюду въ его стихотвореніяхъ и выполнены съ удивительнымъ художественнымъ совершенствомъ. Въ то время и живое изображеніе природы было въ диковинку, а Пушкинъ такъ умѣлъ овладѣть формой русской народности, что до сихъ поръ удовлетворяетъ въ этомъ отношеніи даже вкусу весьма взыскательному.

Мы сказали: *формой* народности, потому что содержаніе ея и для Пушкина было еще недоступно. Народность понимаемъ мы не только какъ умѣнье изобразить красоты природы мѣстной, употребить мѣткое выраженіе, подслушанное у народа, вѣрно представить обряды, обычаи, и т. п. Все это есть у Пушкина: лучшимъ доказательствомъ служитъ его «Русалка». Но чтобы быть поэтомъ истинно-народнымъ, надо больше; надо проникнуться народнымъ духомъ, прожить его жизнью, стать вровень съ нимъ, отбросить всѣ предразсудки сословій, книжнаго ученія и пр., прочувствовать все тѣмъ простымъ чувствомъ, какимъ обладаетъ народъ, — этого Пушкину недоставало. Его генеалогическіе предразсудки, его эпикурейскія наклонности, первоначальное образованіе подъ руководствомъ французскихъ эмигрантовъ конца прошедшаго столѣтія, самая натура его, полная художнической воспріимчивости, но чуждая упорной дѣятельности мысли, — все препятствовало ему проникнуться духомъ русской народности. Мало того, — онъ отвращался даже отъ тѣхъ проявленій народности, какія заходили изъ народа въ общество, окружавшее Пушкина. Особенно проявилось это въ послѣдніе годы его поэтической дѣятельности. Жизнь все шла впередъ, міръ дѣйствительности, открытый Пушкинымъ и воспѣтый имъ такъ очаровательно, началъ уже терять свою поэтическую прелесть; въ немъ осмѣлились замѣчать недостатки, уже не во имя отвлеченныхъ идей и заоблачныхъ мечтаній, а во имя правды самой жизни. Ждали только человѣка, который бы умѣлъ изобразить недостатки жизни съ такимъ же поэтическимъ тактомъ, съ какимъ Пушкинъ умѣлъ выставить ея прелести. За людьми дѣло не стало: явился Гоголь. Онъ изобразилъ всю пошлость жизни современнаго общества; но его изображенія были свѣжи, молоды, восторженны, можетъ быть, болѣе, чѣмъ самыя задушевныя пѣсни Пушкина. Пушкинъ тоже тяготился пустотою и пошлостью жизни; но онъ тяготился ею, какъ Онѣгинъ, съ какимъ-то безсильнымъ отчаяніемъ. Онъ говорилъ о жизни —

«Ея ничтожность разумѣю
И мало къ ней привязанъ я».

Но онъ не видѣлъ исхода изъ этой пустоты, его силъ не хватило на серьезное обличенiе ея, потому что внутри его не было ничего, во имя чего можно было предпринять подобное обличенiе. Онъ могъ только восклицать съ лирической грустью:

«Цѣли нѣтъ передо мною,
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ».

Оттого-то онъ и не присталъ къ литературному движенiю, которое началось въ послѣднiе годы его жизни. Напротивъ, онъ покаралъ это движенiе еще прежде, чѣмъ оно явилось господствующимъ въ литературѣ, еще въ то время, когда оно явилось только въ обществѣ. Онъ гордо воскликнулъ въ отвѣтъ на современные вопросы: подите прочь! Какое мнѣ дѣло до васъ! и началъ пѣть Бородинскую годовщину и отвѣчать клеветникамъ Россiи знаменитыми стихами:

«Вы грозны на словахъ, попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой измаильскiй штыкъ?
Иль русскаго царя безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль русскiй отъ побѣдъ отвыкъ»?

Можно было бы спросить: это ли направленiе чистой художественности? Не поднимаетъ ли здѣсь поэтъ тоже общественныхъ вопросовъ, съ тою разницею, что здѣсь выражаются интересы совсѣмъ другого рода? Да, эти произведенiя были въ поэтической дѣятельности Пушкина шагомъ назадъ, — къ державинской и ломоносовской эпохѣ. Но общество наше было теперь уже не то. Г. Милюковъ справедливо говоритъ: «общество скоро поняло, что любимый поэтъ оставилъ его, что народныя радости и печали не находятъ уже въ немъ горячаго сочувствiя и даже встрѣчаютъ холодное презрѣнiе. Тогда публика, въ свою очередь, по невольному инстинкту, оставила поэта. Это охлажденiе публики сильно тревожило Пушкина въ послѣднiе годы его жизни. Онъ видѣлъ, какъ разорвалась та симпатическая связь, которая соединяла его съ обществомъ, и началъ съ лихорадочнымъ безпокойствомъ бросаться во всѣ отрасли литературы: въ исторiю, романъ, журналистику, отыскивая какой-нибудь струны, которая связала бы его съ публикою. Но ничто не помогало, и смерть избавила его отъ печальной необходимости видѣть себя живымъ мертвецомъ посреди того общества, которое прежде рукоплескало каждому его слову» (стр. 177). Все это служитъ доказательствомъ того, что Пушкинъ постигъ только форму русской народности, но не могъ еще войти въ духъ ея. Этимъ-то и объясняется, что въ послѣднее время онъ

сталъ писать стихотворенія: «Клеветникамъ Россіи», и т. п., имѣвшія, можетъ быть, прекрасную художественную отдѣлку, но, по своей мысли, все-таки назначенныя *«для немногихъ»*, а никакъ не для большинства публики. Впрочемъ, недавно изданный VII томъ Пушкина доказываетъ, что воспрінмчивая натура поэта не оставалась глуха къ призывамъ общественныхъ вопросовъ; только недостатокъ прочнаго глубокаго образованія препятствовалъ ему сознать прямо и ясно, къ чему стремиться, чего искать, во имя чего приступать къ рѣшенію общественныхъ вопросовъ.

Болѣе силъ нашелъ въ себѣ Гоголь, котораго значеніе въ исторіи русской литературы не нуждается уже въ новыхъ объясненіяхъ. Но и онъ не смогъ итти до конца по своей дорогѣ. Изображеніе пошлости жизни ужаснуло его; онъ не созналъ, что эта пошлость не есть удѣлъ народной жизни, не созналъ, что ее нужно до конца преслѣдовать, нисколько не опасаясь, что она можетъ бросить дурную тѣнь на самый народъ. Онъ захотѣлъ представить идеалы, которыхъ нигдѣ не могъ найти; онъ, не въ состояніи будучи шагнуть черезъ Пушкина до Державина, шагнулъ назадъ до Карамзина: его Муразовъ есть повтореніе Фрола Силина, благодѣтельнаго крестьянина, его Уленька—блѣдная копія съ бѣдной Лизы. Нѣтъ, и Гоголь не постигъ вполнѣ, въ чемъ тайна русской народности, и онъ перемѣшалъ хаосъ современнаго общества, кое-какъ изнашивающаго лохмотья взятой взаймы цивилизаціи, съ стройностью простой, чисто народной жизни, мало испорченной чуждыми вліяніями и еще способной къ обновленію на началахъ правды и здраваго смысла.

Если окончить Гоголемъ ходъ нашего литературнаго развитія, то и окажется, что до сихъ поръ наша литература почти никогда не выполняла своего назначенія: служить выраженіемъ народной жизни, народныхъ стремленій. Самое большое, до чего она доходила, заключалось въ томъ, чтобы сказать или показать, что есть и въ народѣ нѣчто хорошее. Съ теченіемъ времени, подобныя замѣчанія и указанія дѣлаются все чаще и чаще, и въ этомъ пока заключается развитіе нашей литературы. Въ числѣ исключительныхъ личностей, мало имѣвшихъ вліянія на литературное движеніе, нельзя забыть Кольцова и Лермонтова. Кольцовъ жилъ народною жизнью, понималъ ея горе и радости, умѣлъ выражать ихъ. Но его поэзіи недостаетъ всесторонности взгляда; простой классъ народа является у него въ уединеніи отъ общихъ интересовъ, только съ своими частными житейскими нуждами: оттого пѣсни его, при всей своей простотѣ и живости, не возбуждаютъ того чувства, какъ, напримѣръ, пѣсни Беранже. Лермонтовъ же обладалъ, конечно, громаднымъ талантомъ и, умѣвши рано постичь недостатки современнаго общества, умѣлъ понять и то, что спасеніе отъ этого ложнаго пути находится только въ народѣ. Доказательствомъ служитъ его удивительное стихотвореніе «Родина», въ которомъ онъ становится рѣшительно выше всѣхъ предразсуд-

ковъ патріотизма и понимаетъ любовь къ отечеству истинно, свято и разумно. Онъ говоритъ:

«Люблю отчизну я, но странною любовью;
Не побѣдитъ ея разсудокъ мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья».

Что же любитъ въ родинѣ этотъ поэтъ, равнодушный и къ воинской славѣ, и къ величавому покою государства, и даже къ преданьямъ темной старины, записаннымъ смиренными иноками-лѣтописцами? Вотъ что онъ любитъ:

«Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телѣгѣ,
И, взоромъ медленнымъ пронзая ночи тѣнь,
Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ,
Дрожащіе огни печальныхъ деревень.
Люблю дымокъ спаленной жнивы,
Въ степи кочующій обозъ,
И на холмѣ, средь желтой нивы,
Чету бѣлѣющихъ березъ.
Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно;
И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску, съ топаньемъ и свистомъ
Подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ».

Полнѣйшаго выраженія чистой любви къ народу, гуманнѣйшаго взгляда на его жизнь нельзя и требовать отъ русскаго поэта. Къ несчастью, обстоятельства жизни Лермонтова поставили его далеко отъ народа, а слишкомъ ранняя смерть помѣшала ему даже поражать пороки современнаго общества съ тою широтою взгляда, какой до него не обнаруживалъ ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ...

Таковъ былъ, по нашему мнѣнію, общій ходъ развитія русской литературы съ древнѣйшихъ ея временъ.

А сатирическое-то направленіе? восклицаетъ читатель. Вы о немъ ничего не говорите? Что литературное развитіе вообще было слабо, это мы знаемъ; это и г. Милюковъ говоритъ, и еще гораздо сильнѣе васъ. Но онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, превозноситъ сатирическое направленіе. Г. Милюковъ говоритъ, что безъ сатирическаго направленія никакого спасенія не было для русской литературы, и что сатирическое направленіе всегда ее поддерживало, оживляло, возносило и прославляло. Г. Милюковъ говоритъ, что «сатира всегда сражалась съ массою, которая постепенно уменьшается; что она враждовала съ настоящимъ, какъ съ остатками прошедшаго, указывая на славное будущее; что она всегда производила благотворное дѣйствіе на нравы; что въ сатирѣ общество наше нашло того двигателя, который постоянно продолжаетъ вести его

по пути къ совершенству, уничтожая преграды, поставленныя вѣковымъ отчужденіемъ и невѣжествомъ». Вотъ что говоритъ г. Милюковъ о значеніи сатиры. А вы даже не упомянули о ея благотворномъ вліяніи.

Да, — отвѣчаемъ мы, — вѣрьте г. Милюкову! Онъ слишкомъ нѣжно смотритъ на русскую литературу; онъ проникнутъ такою горячею любовью къ ней, что непремѣнно хочетъ въ ней отыскать нѣчто превосходное и благодѣтельное для нравовъ общества. Не за что взяться, такъ онъ и принялся за сатиру, какъ за прекрасное средство дать почувствовать благородныя стремленія литературы. Это съ его стороны большая поблажка, дѣлающая честь добротѣ его сердца, но тѣмъ не менѣе излишняя. Что касается до насъ, то мы вполнѣ вѣримъ г. Милюкову только тогда, когда онъ бранитъ что-нибудь: ужъ если такой добрый и снисходительный человѣкъ находитъ, что это дурно, думаемъ мы, то ужъ вѣрно и въ самомъ дѣлѣ дурно. Но когда онъ хвалитъ, то нельзя не видѣть, какъ его доброе сердце преувеличиваетъ значеніе восхваляемой вещи. Вотъ хоть бы и сатира русская... Мы о ней нарочно не говорили, именно потому, что г. Милюковъ такъ превозноситъ ее. «Очеркъ поэзіи» г. Милюкова составленъ такъ хорошо, какъ ни одна изъ исторій русской литературы, и потому намъ не хотѣлось спорить съ почтеннымъ авторомъ о предметѣ, который такъ послѣдовательно проведенъ имъ по всей книгѣ. Сатирическое направленіе, разумѣется, хорошо; кто же объ этомъ споритъ? Но зачѣмъ приходить отъ него въ такой восторгъ? зачѣмъ приписывать ему исправленіе нравовъ общества, зачѣмъ считать его какимъ-то двигателемъ? Стоитъ всмотрѣться пристальнѣе въ нашу сатиру, чтобы убѣдиться, что она проповѣдывала зады. Положеніе нашихъ сатириковъ было, въ самомъ дѣлѣ, отлично-выгодное: они видѣли передъ глазами, въ другихъ частяхъ Европы, лучшій порядокъ, и могли смѣяться надъ нашимъ дурнымъ порядкомъ, зная, чего именно хотятъ они. Они могли выставлять на позоръ наши заблужденія, наше невѣжество, почерпнувъ изъ западной науки истины, еще неизвѣстныя и недоступныя нашему обществу. Но что же дѣлала сатира? Она всегда шла позади жизни, тогда какъ, по своему исключительному положенію среди нашего общества, могла опережать ее; она видѣла порокъ только тогда, когда онъ былъ ужъ уличенъ, опубликованъ и всенародно наказанъ; ранѣе она не осмѣливалась дотронуться до него. Вѣдь были у насъ, конечно, люди образованные и раньше Кантемира; были и противники просвѣщенія: отчего же только послѣ указа Петра о томъ, что стыдно быть невѣждою, особливо дворянину, и что всѣ дворяне должны учиться,—отчего только послѣ этого является сатира на хулящихъ ученіе? Пьянство испоконъ вѣку у насъ было распространено; противъ него были указы еще въ XVI и XVII вѣкѣ; а до Кантемира опять никто сатирически не изобразилъ его. Мѣстничество при Петрѣ уже окончательно пало, а Кантемиръ по-

тѣшается надъ нимъ (то есть вообще надъ боярской спесью) въ цѣлой длиннѣйшей сатирѣ. А ханжество, лесть, обманъ, и т. п., развѣ меньше были распространены до Кантемира? Что же никто не поражалъ ихъ? Отвѣтъ, конечно, легокъ: тогда и сатиры вовсе не было, а на нѣтъ и суда нѣтъ. Ну, хорошо; а почему Кантемиръ не поражалъ тѣхъ пороковъ, какіе въ его время были сильны? Вы спросите, какіе пороки? Да возьмите современныя записки, или хоть немножко пораньше. Возьмите хоть Кошихина. Вотъ, напримѣръ, онъ говоритъ, что при царскомъ погребеніи, которое совершается всегда ночью, бываетъ страшный грабежъ, потому что московскихъ людей *натура не богобоязливая*: «и сыщется того дни, какъ бываетъ царю погребеніе, мертвыхъ людей, *убитыхъ* и *зарѣзанныхъ*, больше ста человѣкъ. И изойдется на царское погребеніе денегъ на Москвѣ и въ городахъ близко того, что на годъ придетъ съ государства казны» (стр. 17). Или, напримѣръ, тотъ же почтенный подьячій пишетъ, что «во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого на дѣвки обманства нѣтъ, яко въ московскомъ государствѣ». и описываетъ эти обманства. А они продолжались, съ разными видоизмѣненіями, и во времена Кантемира. Или—у Кошихина есть такое извѣстіе о чиновникахъ: хотя, говоритъ онъ, за взятки и положено наказаніе, и чиновники клянутся и крестъ цѣлуютъ, чтобы посуловъ не принимать, но «ни во что вѣра ихъ и заклинательство, отъ прелести очей своихъ удержати не могутъ, и руки ко взятію скоро допущаютъ, хотя не сами собою, однако по задней лѣстницѣ, чрезъ жену или дочерь, или чрезъ сына, и брата, и человѣка, и не ставятъ того себѣ во взятые посулы, будто про то и не вѣдаютъ» (стр. 93). Или вотъ это: «а буде (бояре и дворяне) учинятъ надъ подданными своими крестьянскими женами и дочерьми какія блудныя дѣла, или у жонки выбьютъ робенка, или мученая и битая съ робенкомъ умретъ, и будетъ на такихъ злочинцевъ челобитье, и по ихъ челобитью отсылаютъ такія дѣла на Москву къ патріарху» (стр. 114). Да чего тутъ ждать челобитья! Сатирой бы ихъ хорошенько, этихъ злочинцевъ! Ихъ-то именно и прикрыть бы сатирой! Но сатира Кантемирова молчала объ этомъ, а возставала съ благороднымъ негодованіемъ противъ Медора, завивающаго кудри, противъ Менандра, переносящаго вѣсти, противъ скупого Хризиппа, противъ расточительнаго Клеарха. А главной ея заботой было воспѣть пользу преобразованій, уже сдѣланныхъ Петромъ, и посмѣяться надъ тѣми, которые безсильно, на словахъ, еще отвергали ихъ пользу. А то мало ли было во время Петра и вскорѣ потомъ пороковъ, подлежащихъ обличенію литературы! Загляните только въ «Записки Желябужскаго»: чего тамъ нѣтъ! «Въ 193 (1685) г. князю Петру Кропоткину учинено наказанье: битъ кнутомъ за то, что въ дѣлѣ своровалъ, выскребъ и приписалъ своею рукою. Въ томъ же году, князь Яковъ Ивановъ, сынъ Лобановъ-Ростовскій, да Иванъ Андреевъ, сынъ Микулинъ, ѣздили на разбой по Троицкой

дорогѣ, къ красной соснѣ, разбивать государевыхъ мужиковъ, съ ихъ великихъ государей казною, и тѣхъ мужиковъ они разбили, и казну взяли себѣ, и двухъ человѣкъ мужиковъ убили до смерти.— Въ 201 (1693) году князю Александру Борисову, сыну Крупскому, чинено наказанье: бить кнутомъ за то, что жену убилъ.—Въ 202 г. Земскаго Приказу дьякъ Петръ Вязмитиновъ передъ московскимъ Суднымъ Приказомъ подыманъ съ козелъ и, вмѣсто кнута, бить батоги нещадно: своровалъ въ дѣлѣ, на правежъ ставилъ своего человѣка вмѣсто отвѣтчика». Такія явленія заслуживали, я думаю, литературнаго обличенія болѣе, нежели завиванье кудрей и пристрастіе къ французскимъ модамъ. Если хотите прослѣдить явленія русской жизни, подлежащія сатирѣ, то можете заглянуть во многія книги, только не въ сатирическія творенія. Въ русской сатирѣ современность вы рѣдко найдете; скорѣе попадется она вамъ въ какихъ-нибудь мемуарахъ Манштейна, Миниха, Храповицкаго, Грибовскаго, въ «Семена Порошина запискахъ», въ «Актахъ, извлеченныхъ изъ иностранныхъ архивовъ» Тургеневымъ, въ «Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи». Въ Полномъ Собраніи есть, напримѣръ, указъ Петра I о томъ, «что крестьянъ продаютъ на розницу, какъ скотовъ, и даже такъ, что отъ семей, отъ отца или отъ матери, дочь или сына помѣщикъ продаетъ, отчего не малый вопль бываетъ». Сатира не коснулась такихъ явленій до послѣдняго времени. Можно ли же послѣ этого сказать, что она была двигательницею общества по пути къ совершенству? стоитъ ли также говорить о ея благотворномъ вліяніи на исправленіе нравовъ? Сумароковъ преслѣдовалъ взяточничество; это было хорошо, хотя и поздно немножко, потому что объ этомъ злѣ есть уже положительныя упоминанія въ XVI столѣтіи. Но что же вышло изъ его обличеній? Черезъ 25 лѣтъ послѣ него Капнистъ опять обличалъ то же: черезъ 40 лѣтъ потомъ Гоголь возсталъ противъ того же въ «Ревизорѣ»; нынѣ, черезъ 20 лѣтъ послѣ «Ревизора», образовалась цѣлая литература приказной казуистики: видно, что мало пользы принесли сатиры русскихъ авторовъ, какъ онѣ ни были разнообразны и ядовиты. А все отчего? оттого, что сатира всегда была робка, мелочна, близорука, пока сама жизнь не опережала ея. Кого выводили преслѣдователи взятокъ? Городничаго, исправника, становаго, квартальнаго, предсѣдателя гражданской палаты, да еще какого-то нарицательнаго судью, вѣроятно уѣзднаго. Предположите же, что всѣ подобные мелкіе чиновники исправились бы послѣ сатирическихъ нападеній на нихъ: думаете ли вы, что этого было бы довольно для прекращенія взяточничества въ цѣлой Россіи?—Притомъ, посмотрите, съ какой точки зрѣнія дѣлаются у насъ всѣ обличенія сатирическія. Говоря, совершенно справедливо, что

«... Законы святы,
Да исполнители — лихіе супостаты»,

наши сатирики на этомъ и успокоиваются. Не принимая въ рас-

четъ состоянія общественной нравственности, ни историческихъ обстоятельствъ развитія порока, ни общаго положенія администраціи, ни отношеній одного класса къ другому, сатирики рады свалить всю бѣду на бѣдную личность чиновника, которая часто вовсе безъ вины виновата. Такъ, одинъ умный администраторъ, въ родѣ Сквозника-Дмухановскаго, хотѣлъ предать суду одного человѣка, пойманнаго на мѣстѣ въ азартной игрѣ. «Съ кѣмъ же онъ былъ пойманъ»? Да одинъ, видите: онъ велъ азартную игру самъ съ собою!..

Возьмите другой порокъ, который преслѣдовала наша сатира,— невѣжество. Кантемиръ смѣялся надъ тѣми, которые не слушаются указовъ Петра I; чувства его очень похвальны, хотя опять нельзя сказать, чтобъ они предупредили жизнь... Но посмотримъ, что изъ того вышло. Прошло 30—40 лѣтъ; Сумароковъ опять выводитъ господина, который говоритъ:

«... Не надобно наукъ:
Пускай убытчатся, уча ребятокъ, моты,
Мой мальчикъ не ученъ, а въ тѣ жъ пойдетъ вороты».

Прошло еще лѣтъ 20; г-жа Простакова говоритъ: что за географія? извозчики есть; что за дѣленіе? ни съ кѣмъ дѣлиться своимъ добромъ ненадобно, и пр., въ этомъ духѣ. Проходитъ еще лѣтъ 40, и мы слышимъ сожалѣніе о князѣ Ѳедорѣ, который, Богъ знаетъ зачѣмъ, учится разнымъ наукамъ... Что изъ этого слѣдуетъ? По нашему,—то, что одно изъ двухъ положеній г. Милюкова въ пользу сатиры невѣрно: или сатира не производила благодѣтельнаго вліянія на нравы; или же она производила его, и тогда, значитъ, послѣ Кантемира, она ужъ все повторяла зады единственно для своего удовольствія.

Повторять зады, впрочемъ, не въ диковинку было русской сатирѣ; она отлично умѣла бранить то, что ужъ отжило свой вѣкъ и было неопасно. Въ этомъ отношеніи особеннымъ искусствомъ отличался Державинъ. Онъ умѣлъ сочинить даже оду сатирическую, обративши стрѣлы своего остроумія на прошедшее, да на нѣкоторыя анонимныя личности, которыхъ, впрочемъ, испугался, узнавъ, что до нихъ дошла его ода. Между прочимъ, онъ остроумно и справедливо говоритъ, что при дворѣ Фелицы

«... Свадебъ шутовскихъ не парятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ;
Не щелкаютъ въ усы вельможъ;
Князья насѣдками не клохчутъ,
Любимцы въявь имъ не хохочутъ
И сажей не мараютъ рожъ».

А вѣдь когда это все совершалось, ничей сатирическій голосъ не поднялся для порицанія подобныхъ потѣхъ! Вотъ вамъ и могущество русской сатиры!

Если же не на прошедшее обращались нападенія сатириковъ,

то ужъ на такіе микроскопическіе недостатки, отъ которыхъ общественная нравственность рѣшительно не измѣняла своего положенія. Напримѣръ, въ прошломъ столѣтіи каждый сатирикъ непремѣнно преслѣдовалъ со всѣмъ жаромъ «плохихъ стихотворцевъ». На нихъ и сатиры, и басни писались, и въ посланіяхъ они задѣвались, и даже, кажется, въ разговорахъ въ царствѣ мертвыхъ осмѣивались. Не правда ли, какое достойное занятіе для русскаго сатирика! Какъ хорошо рисуется этимъ домашнее, патріархальное значеніе русской литературы, которая писалась сама для себя, находила предметы въ своемъ тѣсномъ кружкѣ и довольна была тѣмъ, что производила посланія одного поэта къ другому, эпиграммы другого на третьяго, критики третьяго на посланія перваго, сатиры перваго на критики третьяго, и т. д. Вотъ ужъ въ подлинномъ смыслѣ литература была сама для себя цѣлью: художественная, видно, была литература!

Что же касается до дѣйствительныхъ и важныхъ злоупотребленій поэзіи, они никогда не встрѣчали своевременнаго обличенія. Пиндаризмъ, имѣвшій въ виду

«.... Награду перстенькомъ,
Нерѣдко сто рублей, иль дружество съ князькомъ»,

не встрѣтилъ насмѣшки ни въ ломоносовское, ни въ державинское время; а уже тогда, когда онъ отжилъ свой вѣкъ, явилась злая сатира Дмитріева: «Чужой толкъ». Надъ поэмами Хераскова тоже стали смѣяться только съ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Только надъ Жуковскимъ Батюшковъ осмѣлился посмѣяться очень скоро, сочинивши пародію на его «Пѣвца»; за то пародія эта не не была извѣстна публикѣ до прошедшаго года.

А подражаніе французамъ! Отъ Кантемира, Сумарокова, фонъ-Визина до «Русскаго Педагогическаго Вѣстника», издаваемаго съ прошлаго года нѣкіимъ господиномъ Вышнеградскимъ — всѣ, вотъ ужъ слишкомъ сто лѣтъ, всѣ нападаютъ на подражаніе французамъ; но только все не въ-прокъ! Богъ знаетъ отчего это! — кажется, ужъ «Русская Бесѣда» и русское воззрѣніе сочинила на мѣсто французскаго, а все толку нѣтъ; какъ открылась первая возможность, такъ и отправились десятки тысячъ за-границу... А замѣтьте, что подражаніе французамъ распространено вѣдь въ ничтожномъ меньшинствѣ русскихъ: народъ и до сихъ поръ, хоть и не чуждается иноземцевъ, какъ прежде, но и не думаетъ перенимать ихъ нравы. Что же это за могучая сатира, которая съ ничтожнымъ кружкомъ, въ частномъ вопросѣ, не можетъ справиться?

Нѣтъ, какъ вы хотите, и въ сатирѣ нашей постоянно господствовала та мелкость, та узкость взгляда, которыя мы замѣтили вообще въ нашей литературѣ. И сатира не возвышалась у насъ до пониманія народныхъ интересовъ. Нельзя же вѣдь Сумарокова, напримѣръ, назвать представителемъ народныхъ интересовъ только потому, что у него есть такіе стихи:

«На то ль дворяне мы, чтобъ люди работали,
А мы бы ихъ труды по знатности глотали?
Мужикъ и пьетъ, и ѣстъ, родился и умретъ;
Господскій также сынъ, хотя и слаще жретъ,
И благородіе свое нерѣдко славитъ,
Что цѣлый полкъ людей на карту онъ поставитъ:
Ахъ, должно ли людьми скотинѣ обладать»!

Этими стихами обольщаться не должно; смыслъ ихъ не простирается далѣе такого заключенія: людьми надобно обладать не скотинѣ, а людямъ, и обладать по-людски, т. е. милостиво и справедливо. Та же мысль и у фонъ-Визина, въ отзывахъ Простаковой о Палашкѣ. Въ случаѣ надобности, это можно доказать другими мѣстами изъ ихъ сочиненій.

Вообще, что русская сатира не народна, это видно ужъ изъ того, что она противорѣчитъ народной пословицѣ: «лежачаго не бьютъ». Она постоянно возставала на лежачаго, какъ только переставала пересыпать изъ пустого въ порожнее. А большею частію занималась этимъ полезнымъ пересыпаньемъ. Вѣдь придетъ же, въ самомъ дѣлѣ, въ голову русскому сатирику переводить «Боалову сатиру о различіи страстей человѣческихъ»! Или передѣлывать на русскіе нравы Ювеналову сатиру о благородствѣ! Грибоѣдовъ какъ будто имѣлъ въ виду русскихъ сатириковъ, изображая Чацкаго. Ни къ селу, ни къ городу, людямъ, которые не хотятъ ихъ слушать и не могутъ понять, а если поймутъ, то не могутъ выполнить ихъ требованій, начинаютъ они кричать о Кузнецкомъ мостѣ и вѣчныхъ нарядахъ, объ иголкахъ и шпилькахъ (не замѣчая слона), возстаютъ противъ фраковъ и бритья бородъ (а сами выбриты и во фракѣ), противъ мелочныхъ недостатковъ, зависящихъ отъ обычая или даже приличій, принятыхъ всѣми и въ сущности никому не мѣшающихъ. И тутъ же вдругъ, какъ снѣгъ на голову, грянутъ съ какимъ-нибудь маленькимъ требованьемъ: будь, дескать, добродѣтеленъ, служи безкорыстно, ставь общее благо выше собственнаго, и т. п. абстракціи, весьма милыя и вполнѣ справедливыя, но, къ несчастью, рѣдко зависящія отъ воли частнаго человѣка... Совершенно такъ, какъ Чацкій издѣвается надъ фракомъ, очень хорошо понимая, однако, что носить или не носить фракъ, брить или не брить бороду, вовсе не зависитъ отъ восклицаній какого-нибудь одного азартнаго господина.

Нѣтъ, мы рѣшительно недовольны русской сатирой, исключая сатиры Гоголевскаго періода. Вотъ почему и не хотѣли мы говорить о ней, такъ какъ мы о многомъ не хотѣли говорить въ этой статьѣ. Просимъ читателей не видѣть въ нашихъ отрывочныхъ замѣткахъ какихъ-нибудь особенныхъ претензій. Мы даже не хотѣли проводить своего взгляда по всѣмъ явленіямъ русской литературы; мы сказали только, что любопытно было бы представить ходъ развитія русской литературы съ такой точки зрѣнія: какъ она постепенно сближалась съ народомъ и дѣйствительностью, постепенно избавляясь отъ исключительнаго вліянія книжниковъ-монополистовъ

и отъ призрачныхъ, туманныхъ идей, насильно навязанныхъ ими литературѣ. Г. Милюковъ отчасти имѣлъ въ виду этотъ взглядъ въ послѣдней половинѣ своего труда, именно въ оцѣнкѣ дѣятельности Пушкина, Лермонтова и Гоголя; но, увлекшись жаркою любовью къ сатирическому направленію, — онъ не могъ провести этого взгляда по всей книгѣ. Да если бы и провелъ, то результаты его оказались бы, вѣроятно, излишне плодотворны, опять по тому же крайнему уваженію къ сатирѣ. Мы же, съ своей стороны, признаемъ только плодотворность сатиры Лермонтова, Гоголя и его школы, — да и то не въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, какъ представляетъ г. Милюковъ. Мы видимъ, что и Гоголь, хотя въ лучшихъ своихъ созданіяхъ очень близко подошелъ къ народной точкѣ зрѣнія, но подошелъ безсознательно, просто художнической ощупью. Когда же ему растолковали, что теперь ему надо итти дальше и уже всѣ вопросы жизни пересмотрѣть съ той же народной точки зрѣнія, оставивши всякую абстракцію и всякіе предразсудки, съ дѣтства привитые къ нему ложнымъ образованіемъ, тогда Гоголь самъ испугался: народность представилась ему бездной, отъ которой надобно отбѣжать поскорѣе, и онъ отбѣжалъ отъ нея и предался отвлеченнѣйшему изъ занятій — идеальному самоусовершенствованію. Несмотря на то, художническая его дѣятельность оставила глубокіе слѣды въ литературѣ, и отъ нынѣшняго направленія можно ожидать чего-нибудь хорошаго, потому что нынѣшніе дѣятели начинаютъ явно стыдиться своего отчужденія отъ народа и своей отсталости во всѣхъ современныхъ вопросахъ. Предупредить жизни литература не можетъ, но предупредить формальное, офиціальное проявленіе интересовъ, выработавшихся въ жизни, она должна. Пока еще извѣстная идея находится въ умахъ, пока еще она только должна осуществиться въ будущемъ, тутъ-то литература и должна схватить ее, тутъ-то и должно начаться литературное обсужденіе предмета съ разныхъ сторонъ и въ видахъ различныхъ интересовъ. Но ужъ когда идея перешла въ дѣло, сформировалась и рѣшилась окончательно, тогда литературѣ нечего дѣлать: развѣ только одинъ разъ (не больше) похвалить то, что сдѣлано. Поздняя же брань будетъ просто постыднымъ пересыпаньемъ изъ пустого въ порожнее и будетъ только напоминать того хохла, который, будучи сильно побитъ, пришелъ домой и храбрился передъ родными, хвастаясь, что когда его били, такъ онъ тоже свое дѣло дѣлалъ—«показывалъ фигу»—въ карманѣ.

Пора, наконецъ, и разстаться съ г. Милюковымъ. Но мы не можемъ разстаться съ нимъ, не обративши вниманіе читателей на его превосходный разборъ «Мертвыхъ душъ», по всѣмъ правиламъ эпической поэмы. Примѣненіе всѣхъ этихъ правилъ къ «Мертвымъ душамъ» обнаруживаетъ въ авторѣ большой діалектическій талантъ. Какъ, напримѣръ, умѣлъ онъ найти *чудесное* въ «Мертвыхъ душахъ»? — это была трудная задача, а онъ нашелъ, и на-

шелъ такъ искусно, что мы не можемъ удержаться отъ удовольствія выписать это мѣсто.

«Въ героической поэмѣ, по условіямъ теоріи, должно быть чудесное: таково въ Энеидѣ вмѣшательство Эола и Юноны въ судьбу сына Анхизова, а въ Иліадѣ — участіе боговъ Олимпа во всѣхъ битвахъ и событіяхъ подъ стѣнами Трои. И это мы находимъ въ нашей отечественной эпопеѣ. Что можетъ быть чудеснѣе этихъ мертвыхъ душъ, которыя «окончили въ нѣкоторомъ родѣ свое земное существованіе», а между тѣмъ невидимо присутствуютъ передъ вами во всей повѣсти и служатъ главнымъ основаніемъ подвиговъ героя, важнѣйшимъ средствомъ его къ достиженію высокой цѣли обогащенія? И кому не покажется сверхъестественнымъ, что души крестьянъ, давно уже совершившихъ свое жизненное поприще, существуютъ еще за стиксовой гранью гражданской палаты, незримо живутъ въ грудахъ бумагъ и ревизскихъ сказокъ, таинственно прикованы еще къ землѣ и не смѣютъ вкусить успокоенія въ Елисейскихъ поляхъ, пока не прозвучитъ труба новой ревизіи и не освободитъ ихъ отъ невидимаго заключенія въ судѣбныхъ вертепахъ! Кто не увидитъ чудеснаго въ томъ, что эти мертвыя души продолжаютъ еще невидимо платить за себя подати и отправлять повинности, служить предметомъ сдѣлокъ и процессовъ, средствомъ обогащенія и спекуляціи, и даже вводятъ въ сомнѣнія Коробочку, не годятся ли онѣ еще на что-нибудь въ домашнемъ хозяйствѣ. Все это въ высшей степени чудесно, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительно и вполнѣ естественно, — выгода, какой не имѣлъ рѣшительно ни одинъ изъ древнихъ эпическихъ поэтовъ» (стр. 214—215).

Повторимъ въ заключеніе, что книжка г. Милюкова умнѣе, справедливѣе и добросовѣстнѣе прежнихъ исторій литературы, составлявшихся у насъ въ разныя времена, большею частію съ крайне-педантической точки зрѣнія. Особенно тѣмъ изъ читателей, которые стоятъ за честь русской сатиры и которымъ нашъ взглядъ на нее покажется слишкомъ суровымъ и пристрастно-неблагонамѣреннымъ, такимъ читателямъ лучше книжки г. Милюкова ничего и желать нельзя въ настоящее время.

Жизнь Магомета. Сочиненіе Вашингтона Ирвинга. Переводъ съ англійскаго, Петра Кирѣевскаго. Москва. 1857.

Сочиненіе Ирвинга не нуждается въ томъ, чтобы мы стали хвалить его, а о переводѣ г. Кирѣевскаго довольно сказать, что онъ читается очень легко. За его добросовѣстность и вѣрность съ подлинникомъ ручается имя переводчика. Слѣдовательно, съ этой стороны намъ нечего распространяться, равно какъ ненужно, мы думаемъ, дѣлать подробный обзоръ содержанія книги Ирвинга. Кому же неизвѣстна исторія жизни Магомета въ главнѣйшихъ ея фактахъ? Поэтому мы рѣшаемся ограничиться здѣсь нѣсколькими размышленіями о частныхъ обстоятельствахъ, касающихся отчасти нашей исторической науки.

Странный видъ принимаютъ историческія знанія подъ перомъ нашихъ историковъ!... Точно скучная, нелѣпая сказка для дѣтей, изъ числа тѣхъ, которыя такъ неискусно составляются къ празднику и издаются г. Генкелемъ! Начинается обыкновенно съ того, что такое-то царство основано такимъ-то царемъ, который завоевалъ такія-то страны и основалъ свою столицу въ такомъ-то городѣ. А тамъ и пойдетъ писать, все въ томъ же родѣ, до тѣхъ самыхъ поръ, какъ государство падетъ, непремѣнно отъ роскоши и развращенія нравовъ. Откуда вдругъ взялась эта роскошь и развращеніе, ученикъ никакъ не можетъ добиться въ нашихъ доморощенныхъ курсахъ исторіи. На историческое развитіе народа, на естественную, живую связь событій никогда не хотятъ обратить ни малѣйшаго вниманія наши историки. Ихъ исторія представляетъ обыкновенно не исторію, а какую-то плохо составленную «Всеобщую біографію великихъ людей». Это — Плутархъ для юношества, написанный въ дурномъ духѣ и безъ всякаго такта. Все въ нашихъ исторіяхъ предоставляется вліянію личностей: государство основалось оттого, что нашелся великій человѣкъ, который основалъ его; пало государство — оттого, что пять-шесть государей дурно имъ правили и допустили развращеніе нравовъ; новая религія явилась — оттого, что явился человѣкъ, который ее выдумалъ; война проиграна—оттого, что полководцы были неискусные; возстаніе произошло — оттого, что нѣсколько неблагонамѣренныхъ человѣкъ раздражили народъ... И такъ далѣе, и такъ далѣе, за что ни возьмитесь. Но вѣдь былъ же какой-нибудь матеріалъ, надъ которымъ всѣ эти полководцы, правители и прочіе великіе люди производили свои упражненія? Вѣдь не одинъ же, самъ собою, полководецъ велъ войну, не самъ же собою какой-нибудь молодецъ, ни съ того, ни съ сего, основалъ вдругъ цѣлое «гражданское общество», какъ выражаются наши историки. Вѣрно, кто-нибудь помогалъ ему, служилъ орудіемъ его плановъ, и, вѣрно, его замыслы потому и удались, что удовлетворяли потребностямъ тѣхъ, которые согласились содѣйствовать ему? Что же это были за люди, каково было ихъ положеніе? отчего они слушались людей неблагонамѣренныхъ, а не слушались благонамѣренныхъ? и какіе были въ нихъ самихъ качества и недостатки, которыми великая личность могла воспользоваться для того, чтобы употребить ихъ орудіемъ въ своихъ замыслахъ? Всѣ эти вопросы раждаются непремѣнно въ головѣ всякаго ребенка, не совсѣмъ еще забитаго схоластикой; но отвѣтовъ нѣтъ на эти вопросы. Наши историческіе учебники совсѣмъ не хотятъ обращать вниманія на эти вопросы. Ужъ лучше бы они сказали прямо: «вы хотите знать, что за народъ были греки и римляне? Это были народы, не сто́ящіе ни малѣйшаго вниманія; о нихъ и говорить нечего. А было между ними десятка два порядочныхъ людей; о нихъ, пожалуй, мы вамъ разскажемъ съ великою охотою». Тогда мы знали бы, по крайней мѣрѣ, что обязательные историки хотятъ дать намъ «Bibliothèque

amusante pour les enfants», — и не стали бы ожидать отъ нихъ исторіи. Такъ нѣтъ, не хотятъ: скропаютъ кое-какъ десятка два-три біографій, большею частію воинственнаго характера, да и говорятъ, что сочинили исторію. Помилуйте, какая исторія! Біографіи-то, — и тѣ плохо сшиты и еще хуже приставлены къ общему ходу дѣлъ историческихъ! По мнѣнію нашихъ историковъ — захотѣла великая личность совершить что-нибудь — и совершила: ей честь и слава! Если же она произвела что-нибудь не по нраву нашимъ историкамъ, бѣда исторической личности! Окажется, что это былъ обманщикъ, безнравственный человѣкъ, злодѣй, и т. д. Не хотятъ понять, что вѣдь историческая личность, даже и великая, составляетъ не болѣе какъ искру, которая можетъ взорвать порохъ, но не воспламенитъ камней, и сама тотчасъ потухнетъ, если не встрѣтитъ матеріала, скоро загорающагося. Не хотятъ понять, что этотъ матеріалъ всегда подготовляется обстоятельствами историческаго развитія народа и что, вслѣдствіе историческихъ-то обстоятельствъ, и являются личности, выражающія въ себѣ потребности общества и времени.

Вотъ, напр., хоть бы Магометъ: какъ онъ рисуется въ нашихъ исторіяхъ? Во-первыхъ—какъ обманщикъ, ни съ того ни съ сего вдругъ сочинившій новую вѣру и морочившій людей ложными чудесами; во-вторыхъ — какъ завоеватель, внезапно принесшій, неизвѣстно изъ какихъ тайныхъ источниковъ, новыя силы народу, слабому и лѣнивому, и мгновенно превратившій мирныхъ пастуховъ въ хищныхъ завоевателей. Почтеннымъ историкамъ не представляется ни малѣйшей надобности подумать серьезно, какъ же это, однако, — обманщикъ могъ увлечь столько милліоновъ людей и не быть уличеннымъ въ обманѣ? Что же это за сверхъестественныя силы могъ онъ вдругъ сообщить народу? Откуда взялись въ немъ-то самомъ такія силы? Читающій исторію долженъ думать, что все это произошло отъ какихъ-нибудь каликъ перехожіихъ, точно такъ, какъ богатырскія силы Ильи Муромца. Въ самомъ дѣлѣ, если Илья Муромецъ, напившись пива крѣпкаго, вдругъ пошелъ совершать славные подвиги, то почему же и съ Магометомъ не могло случиться того же самаго?

Но туманъ мало-по-малу проясняется. У насъ начинаютъ переводить хорошія историческія сочиненія, и можно надѣяться, что это будетъ имѣть вліяніе вообще на изложеніе исторіи въ нашихъ курсахъ. Въ разсматриваемомъ нами сочиненіи, Вашингтонъ Ирвингъ изображаетъ личность Магомета, его характеръ, его ученіе, и дѣлаетъ очеркъ состоянія страны и народа, въ которыхъ онъ появился. Изъ этого изображенія ясно видно и естественное происхожденіе магометовой религіи, и развитіе мусульманскаго могущества, сообразное съ характеромъ самаго ученія и съ характеромъ народовъ, которые его приняли. И во-первыхъ — былъ ли Магометъ грубымъ обманщикомъ, какъ думаютъ о немъ нѣкоторые историки? Для разрѣшенія этого вопроса, Ирвингъ прежде всего

спрашиваетъ: была ли Магомету выгода обманывать, была ли какая-нибудь надобность изобрѣтать религію? Подробный обзоръ фактовъ приводитъ къ отрицательному заключенію. Чего бы онъ могъ искать, стараясь привлечь къ себѣ поклонниковъ? Могъ бы онъ имѣть въ виду вещественныя выгоды, которыя дали бы ему средства жить пышно и безпечно: — но онъ и безъ того былъ очень богатъ. Имѣніе, пріобрѣтенное имъ женитьбою на Кидиджѣ, дѣлало его однимъ изъ богатѣйшихъ людей Мекки и давало возможность дѣлать большіе обороты. Но онъ выказалъ въ этомъ отношеніи большую умѣренность: онъ скоро вовсе отсталъ отъ торговли, чтобы вполнѣ предаться своимъ таинственнымъ созерцаніямъ. Слѣдовательно, богатства онъ не искалъ. Онъ могъ увлекаться тщеславнымъ желаніемъ—заслужить общее уваженіе; но и этого ненужно ему было желать. По своему происхожденію изъ знаменитаго рода Корейшъ, по своему богатству, по умственнымъ и нравственнымъ своимъ качествамъ, онъ пользовался глубокимъ уваженіемъ своихъ согражданъ. Одинъ изъ его историковъ, Абульфеда, говоритъ, что Магометъ, по своей честности и прямодушію, былъ извѣстенъ всѣмъ и даже получилъ прозвище — Аль-Аминъ — т. е. вѣрный. Могъ онъ искать еще власти и могущества, но, въ такомъ случаѣ, онъ могъ избрать множество другихъ, болѣе легкихъ путей. Въ его родѣ преемственно переходилъ, уже нѣсколько поколѣній, санъ блюстителя Каабы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, главенство надъ священнымъ городомъ; Магометъ могъ добиваться этого сана и, при своемъ богатствѣ, прекрасныхъ душевныхъ качествахъ и всеобщемъ уваженіи къ нему, безъ сомнѣнія, успѣлъ бы въ своихъ исканіяхъ. Но онъ пренебрегъ всѣмъ этимъ и избралъ другой путь. Могло быть, наконецъ, то, что Магометъ страдалъ ненасытнымъ честолюбіемъ и хотѣлъ непремѣнно совершить что-нибудь громкое, необычайное, чтобы прославить свое имя во всемъ человѣчествѣ. Но и тутъ, если бъ онъ былъ хитрый обманщикъ, то скоро бы оставилъ свое дѣло, видя начало совершенно неблагопріятное. У насъ въ учебникахъ говорится обыкновенно, что ученіе Магомета *быстро* распространилось при посредствѣ огня и меча. Но на самомъ дѣлѣ происходило это не такъ быстро. Магометъ долженъ былъ вытерпѣть много испытаній, переносить порицанія, насмѣшки, отчужденіе ближнихъ и родныхъ, наконецъ гоненіе, пока ученіе его не стало торжествовать. Въ первое время послѣ того, какъ онъ объявилъ о своемъ призваніи преобразовать вѣру, ему нельзя было показаться на улицахъ Мекки: толпа бѣгала за нимъ съ бранью и грубыми насмѣшками, распѣвая злые пасквили, сложенные про него молодымъ поэтомъ Амру Ибнъ-эль-Аассомъ. Даже во время молитвы Магомета, въ Каабѣ, не давали ему покою, бросали въ него грязью, а одинъ разъ даже чуть не задушили его. Въ четыре года своей проповѣди онъ пріобрѣлъ только 15 явныхъ приверженцевъ: одиннадцать мужчинъ и четырехъ женщинъ; и тѣхъ на пятый годъ принужденъ былъ отправить въ Абиссинію, чтобы

спасти отъ ярости своихъ враговъ. Противъ него самого вѣшаютъ въ Каабѣ приговоръ отчужденія, и въ продолженіе трехъ лѣтъ существуетъ запрещеніе входить въ какія бы то ни было сношенія съ нимъ и съ его приверженцами. Наконецъ, онъ принужденъ былъ спасать свою жизнь бѣгствомъ въ Медину, скрываясь на пути въ пещерахъ и пустыняхъ. Всѣ эти факты очень ясно говорятъ противъ мнѣнія о Магометѣ, какъ о безчестномъ обманщикѣ. «Зачѣмъ же онъ — замѣчаетъ Ирвингъ — сталъ бы стоять столько лѣтъ за свои обманы, которые у него отняли все земное, что у него было, и въ ту пору жизни, когда уже поздно было пріобрѣтать что-либо сызнова» (стр. 255).

Какъ доказательство шарлатанства въ Магометѣ, приводятъ обыкновенно его мнимыя чудеса. Но въ этомъ случаѣ наши историки оказываются дѣтски легковѣрными, несравненно легковѣрнѣе даже многихъ изъ поклонниковъ пророка. Невѣжественная часть его почитателей сложила про него преданія, изукрашенныя всѣми чудесами восточной фантазіи. Противники его вѣры стали злостнымъ образомъ объяснять его чудеса, увѣряя, что онъ пріучалъ голубя клевать изъ своего уха, чтобы сказать народу, что это ангелъ прилеталъ къ нему; что онъ зарылъ тихонько въ землю горшки съ молокомъ и медомъ, чтобы потомъ всенародно вырыть ихъ, будто посланные небомъ, по его молитвѣ, и пр. Умнѣйшіе изъ мусульманскихъ писателей сдѣлали гораздо проще: они сказали, что всѣ эти чудеса — позднѣйшія выдумки невѣжества, и что самъ Магометъ признавалъ одно только чудо—Коранъ. Это рѣшеніе мусульманскихъ писателей доказывается словами самого Магомета въ Коранѣ, приводимыми Ирвингомъ. «Какого вамъ нужно чуда больше, чѣмъ самъ Коранъ? — говоритъ Магометъ. — Книга откровеній, начертанная безграмотнымъ человѣкомъ, такая высота языка и неопровержимость доводовъ, что совокупное искусство людей и дьяволовъ не могло бы написать ничего подобнаго! Чего же еще больше въ доказательство того, что дать Коранъ могъ одинъ только Богъ? Самъ Коранъ — уже чудо». Въ этихъ словахъ замѣчательно рѣзко выражается предпочтеніе, оказываемое Магометомъ внутреннимъ и нравственнымъ ручательствамъ дѣла предъ внѣшними, какъ бы посторонними признаками. Основываясь на такихъ свидѣтельствахъ и самого Магомета, и лучшихъ его послѣдователей, Ирвингъ имѣлъ полное право сказать положительно: «нѣтъ доказательствъ, чтобы Магометъ унизился до подобныхъ хитростей, подкрѣплялъ ими свое ученіе и утверждалъ притязаніе свое на апостольство. Онъ, кажется, вполнѣ опирался на свой умъ и краснорѣчіе, а въ первую, еще шаткую эпоху своего поприща, поддержанъ былъ и религіознымъ одушевленіемъ» (стр. 59). Если же кто усомнился бы въ томъ, могли ли сложиться преданія о подобныхъ чудесахъ сами собою, можно привести разсказы о множествѣ чудесъ, совершившихся будто бы при самомъ рожденіи и въ малолѣтство Магомета. Разсказываютъ, что мать его не страдала му-

ками рожденія, что необыкновенное сіяніе явилось на небѣ въ самую минуту его рожденія, небо и земля колебались, озеро Сава потекло вспять, Тигръ вышелъ изъ береговъ, священный огонь Зороастровъ, хранившійся неугасимымъ уже болѣе тысячи лѣтъ, внезапно потухъ, и пр., и пр. Мулъ, на которомъ везли его, еще младенца, получилъ вдругъ даръ слова; когда онъ, еще мальчикомъ, легъ отдохнуть подъ скудной тѣнью засохшаго дерева, оно мгновенно покрылось свѣжей зеленью... Такихъ чудесныхъ разсказовъ необыкновенно много сохранилось въ преданіяхъ мусульманъ; суевѣрная толпа вѣритъ имъ, но болѣе умные послѣдователи умѣютъ смотрѣть на нихъ надлежащимъ образомъ.

Чѣмъ же объясняетъ Ирвингъ дѣятельность Магомета? Онъ очень просто считаетъ ее естественнымъ слѣдствіемъ его природныхъ наклонностей, воспитанія, характера страны, въ которой онъ жилъ,— всѣхъ обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ сложился его характеръ и взглядъ на вещи. Просто, какъ умный человѣкъ, онъ понялъ нелѣпость сабеистическаго поклоненія звѣздамъ и идоламъ, и гебрскаго обожанія огненнаго начала,—двухъ вѣръ, которыя въ его время господствовали въ Аравіи. Затѣмъ, въ своихъ путешествіяхъ съ караванами, въ которыя пустился онъ съ 12-тилѣтняго возраста, сходился онъ съ людьми разныхъ вѣръ и, между прочимъ, съ евреями и христіанами, отъ которыхъ узналъ о принципѣ единобожія. Получивъ потомъ возможность жить независимо, не занимаясь дѣлами торговли, Магометъ предался размышленіямъ о предметахъ богопочитанія, часто удалялся въ пещеры, въ которыхъ проводилъ по нѣсколько дней, изнурялъ себя постомъ, сосредоточивалъ духъ свой въ молитвѣ и, наконецъ, дошелъ до такого состоянія, въ которомъ ему начали мерещиться разныя видѣнія, слышаться голоса, и пр. Міръ собственной души принялъ для него такую осязательность, что онъ не могъ не приписать ему дѣйствительности явленій внѣшняго міра.

Все это вполнѣ естественно и тысячу разъ повторялось другими людьми, которые вовсе не хотѣли обманывать, а сами бывали обмануты галлюцинаціями собственнаго воображенія. Тѣмъ болѣе естественно это было въ Магометѣ, отличавшемся пылкостью чувствъ и воображенія даже предъ своими восточными соплеменниками. Точно такъ же весьма естественно физіологически и то явленіе, что Магометъ всегда приходилъ въ нѣкоторый родъ изступленія предъ тѣмъ, какъ хотѣлъ высказать вновь открытую ему волю Божію. У него были припадки падучей болѣзни, при которыхъ нервное раздраженіе увеличивалось, и видѣнія представлялись ему яснѣе, чѣмъ когда-нибудь. Онъ объяснялъ однажды своимъ приверженцамъ, что знаетъ о приближеніи откровенія по особенному звону, который слышитъ у себя въ ушахъ; а это есть одинъ изъ симптомовъ, обыкновенно означающихъ приближеніе припадка падучей болѣзни. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, нельзя не видѣть въ Магометѣ энтузіаста, одушевленнаго горячимъ негодованіемъ противъ

идолопоклонства и старающагося обратить своихъ соплеменниковъ къ новой вѣрѣ, которая, послѣ его созерцанія, составилась у него въ головѣ—отчасти изъ собственныхъ соображеній, отчасти же изъ вещей, узнанныхъ имъ отъ евреевъ и разныхъ христіанскихъ сектъ, существовавшихъ тогда въ Аравіи. Что онъ всѣ свои мысли выдавалъ за боговдохновенныя, это опять объясняется его мистическимъ самообольщеніемъ и вовсе не служитъ доказательствомъ того, что онъ былъ злонамѣренный обманщикъ.

Какимъ же образомъ вышелъ завоеватель изъ этого энтузіаста, искавшаго только распространенія своей вѣры? Какими силами придалъ онъ воинственность *номадамъ* Аравіи? Вотъ здѣсь-то особенно и видно ничтожество личности предъ общимъ ходомъ исторіи. Дѣло въ томъ, что онъ самъ былъ вызванъ на это своими послѣдователями. Принятый хорошо въ Мединѣ, онъ продолжалъ открыто проповѣдывать и пріобрѣталъ множество поклонниковъ между богомольцами, приходившими въ Медину. Въ числѣ ихъ было много молодыхъ, отважныхъ арабовъ, привыкшихъ къ хищничеству, постоянно упражнявшихся въ войнѣ и доселѣ не производившихъ значительныхъ завоеваній только потому, что не было общаго интереса, который бы связалъ ихъ въ одномъ дѣлѣ... Племена были разъединены и безпрестанно воевали одно съ другимъ: никто не думалъ обратить свое оружіе на служеніе какому-нибудь другому дѣлу, кромѣ племенной вражды. Эта племенная вражда выразилась и теперь, когда они соединились въ вѣрѣ Магометовой. Они вызвали его на мщеніе корейшанамъ, потомкамъ одного съ нимъ племени, но изъ другой отрасли, враждебной гашемидамъ. И первыя воинскія предпріятія мусульманъ обращены были, дѣйствительно, противъ мекккскихъ каравановъ, принадлежавшихъ корейшанамъ. Это былъ тотъ же степной разбой, къ какому давно привыкли арабы; но теперь Магометъ долженъ былъ узаконить его, сказавши, что Аллахъ послалъ его съ мечемъ въ рукахъ утвердить господство истинной вѣры, и что, поэтому, нападать на враговъ пророка есть дѣло похвальное. Долго всѣ предпріятія Магомета не выходили изъ предѣловъ этой племенной вражды, соединенной съ ревностью о распространеніи вѣры. Даже взятіе Мекки, предавшее въ руки его почти всю Аравію, было предпринято не безъ расчета уничтожить господство корейшанъ, въ рукахъ которыхъ находилось тогда храненіе Каабы. Но такова обольстительная сила власти: чѣмъ Магометъ становился могущественнѣе, тѣмъ дальше простирались его замыслы, и мало-по-малу самая пропаганда вѣры принимаетъ у него завоевательный характеръ. Послѣ одной неудачной битвы (при Оходѣ), когда всѣ были поражены отчаяніемъ, Магометъ открылъ всѣмъ положеніе о предопредѣленіи, будто бы ниспосланное ему Богомъ въ это самое время. Извѣстно, какъ много задержало оно развитіе мусульманскаго Востока впослѣдствіи; но нельзя обвинять въ этомъ только Магомета. Мысль о предопредѣленіи, явившаяся въ головѣ Магомета со всей опредѣ-

ленностью, была вполнѣ естественна въ головѣ каждаго араба того времени, да и вообще всякаго восточнаго человѣка, столь лѣниваго на дѣятельность мысли. На первый же разъ, пока продолжались завоеванія, она была очень полезна исламу. Ирвингъ замѣчаетъ, что ту же самую мысль о предопредѣленіи Наполеонъ старался внушать своимъ солдатамъ, и не безъ успѣха.

Такіе результаты извлекаются, между прочимъ, изъ данныхъ, представленныхъ въ книгѣ Ирвинга. Она можетъ представить еще много подобныхъ фактовъ и соображеній; но мы не касаемся ихъ, потому что это могло бы далеко завести насъ. Мы хотѣли только сдѣлать нѣсколько указаній на тѣ стороны историческаго явленія, которыя особенно въ ложномъ свѣтѣ представляются обыкновенно въ нашихъ курсахъ исторіи, невѣрящихъ, какъ видно, возможности естественнаго объясненія историческихъ событій.

Примѣненіе желѣзныхъ дорогъ къ защитѣ материка, инженеръ-полковника Лебедева 3.—Sur l'application des chemins de fer à la défense du continent, p. lieutenant-colonel du génie, P. Lébédeff 3. Trad. par El. Tikhanovitsch (sœur de l'auteur). Спб. 1857.

Какое торжество братской любви или, лучше сказать, сестринскаго самоотверженія! А вмѣстѣ съ тѣмъ — какое неопровержимое доказательство той истины, что наука вошла уже у насъ въ общественное сознаніе, проникла въ армію, въ гостиныя, въ будуары къ дамамъ, у которыхъ братья служатъ инженерными полковниками! Только въ литературу не проникла еще, къ несчастью, наука, особенно математическая. О, въ этой наукѣ самые ученые литераторы, знающіе все, что есть на свѣтѣ, и даже все, что было въ древнемъ мірѣ, и тѣ оказываются полнѣйшими невѣждами. Недавно вся русская литература позорно признавалась, въ лицѣ своихъ критиковъ и фельетонистовъ, что она «не можетъ смѣть свое сужденіе имѣть» о статьѣ г. Коркина о какихъ-то функціяхъ. Ужъ какъ же за то и посмѣялись надъ ея безсиліемъ ученые спеціалисты! Теперь готовится имъ новое торжество: скоро вы услышите что русская литература откажется свое сужденіе имѣть о книгѣ, переведенной съ русскаго на французскій языкъ, для назиданія Европы, г-жею Тихановичъ, sœur de l'auteur. Я первый начинаю такое признаніе и торжественно увѣряю васъ, что ничего не смыслю въ книгѣ, переведенной сестрою ея автора... Что прикажете дѣлать? Пришлось предъ женщиною стыдиться своего невѣжества! Я воображаю, какъ должно быть пріятно сестрѣ автора понимать

таинственныя предначертанія своего брата! И какъ должно быть пріятно автору имѣть сестру, которая ему сочувствуетъ и пропагандируетъ на обще-европейскомъ языкѣ его идеи, которыя онъ,— вѣроятно изъ ложнаго патріотизма, — изложилъ по-русски! Да, сестра съ авторомъ и братъ съ переводчицей должны быть довольны другъ другомъ! Но мнѣ отъ этого не легче: я очень недоволенъ тѣмъ, что не могу до тонкости понимать всѣ красоты и всѣ выгоды изобрѣтенія, сдѣланнаго авторомъ книги, переведенной его сестрою. Предо мною два столбца — русскій и французскій; слова, кажется, извѣстны почти всѣ, а о неизвѣстныхъ во французскомъ лексиконѣ можно справиться; а не могу войти во вкусъ изобрѣтенія, сдѣланнаго братомъ переводчицы книги г. Лебедева 3. Я, къ сожалѣнію, могу восхищаться только главной идеей автора en bloc, не дерзая входить въ подробности. Идея эта высказана въ предисловіи: авторъ желаетъ гоняться за кораблями на сухомъ пути. Его возмущаетъ пассивная роль, которую до сихъ поръ игралъ материкъ въ морскихъ войнахъ. «Флотъ,—говоритъ онъ,— вредитъ материку на выстрѣлъ, послѣднему недоступный, и удаляется въ море; а материкъ, хотя и можетъ нанесть посильный вредъ своему врагу, но не иначе, какъ выждавъ его приближенія». Столь горестное положеніе материка возбуждаетъ сожалѣніе автора, и, вѣроятно, переводчицы его книги. Они задумали «уравнять силы двухъ противниковъ разныхъ стихій», т. е. доставить возможность материку «вредить кораблямъ на выстрѣлъ, недоступный ему». Авторъ и переводчица сознаются, что это намѣреніе должно казаться химерою, chimérique. Но, говоритъ авторъ (и ученая сестра-переводчица повторяетъ за нимъ то же самое по-французски), «для нашего вѣка, обогащеннаго практическими приложеніями многихъ таившихся, такъ сказать, теорій, невозможности почти не существуетъ». И, какъ истинный представитель своего вѣка, г. Лебедевъ 3-й предлагаетъ обстроить всѣ морскіе берега желѣзными дорогами, съ которыхъ, по его мнѣнію, выстрѣлы будутъ легче достигать кораблей, чѣмъ съ обыкновенныхъ батарей. Я не знаю, такъ ли это, но вѣрю г. Лебедеву 3-му, потому особенно, что ученая сестра его тоже утверждаетъ по-французски. Я, въ своемъ невѣжествѣ, долженъ отказаться отъ разбора подробностей. Напримѣръ, я не понимаю устройства парка, который г. Лебедевъ считаетъ необходимымъ при желѣзной дорогѣ, и въ которомъ онъ помѣщаетъ канцелярію, офицерскіе покои, кузницу, конюшню, ледники и прочее. Можетъ быть, это все необходимо для того, чтобы выстрѣлы дальше хватали; но я никакъ не смѣю объ этомъ судить. Кромѣ этого, г. Лебедевъ говоритъ, что «неизлишне было бы имѣть при паркѣ — огородъ, баню и пороховой погребъ». Еще бы! Это ужъ и я понимаю, что не излишне было бы. Неизлишне было бы также имѣть тутъ оранжерею, кондитерскую, кафе-ресторанъ, библіотеку для чтенія, театръ... Да что вы думаете? Великолѣпная идея! Я превзойду г. Лебедева въ изобрѣтательности. У меня вотъ

какая мысль есть: крѣпости строить на желѣзныхъ дорогахъ! Невозможно себѣ представить, какія неисчислимыя выгоды произойдутъ отъ этого для блага человѣчества! Городъ построенъ на рельсахъ. Подходитъ непріятель, чтобы взять его; видитъ, что нѣтъ никакихъ приготовленій къ оборонѣ, и заранѣе радуется легкому успѣху. Вдругъ... фить... и крѣпость умчалась изъ виду по желѣзной дорогѣ... Непріятель остался одинъ, среди голой равнины. Отличная мысль! Я непремѣнно изложу ее, съ планами, чертежами и выкладками, и издамъ непремѣнно съ французскимъ переводомъ, если только у меня будетъ сестра, подобная по учености сестрѣ г. Лебедева 3-го. А до тѣхъ поръ я сдѣлаю опытъ осуществленія моей идеи въ малыхъ размѣрахъ. Опытъ этотъ будетъ состоять вотъ въ чемъ: лѣтомъ, живя на дачѣ, я всегда страдаю отъ комаровъ и мошекъ: невозможно въ садъ выйти, — такъ и облѣпятъ. При защитѣ отъ нихъ я, разумѣется, играю въ высшей степени пассивную роль. И это мнѣ столь же непріятно, какъ г. Лебедеву 3-му безсиліе материка передъ флотомъ. Силы наши, разумѣется, неравны; комаръ можетъ укусить меня, и потомъ улетѣть, а я летать за нимъ не могу. Доселѣ я безмолвно покорялся своей участи, отмахиваясь, по возможности, отъ своихъ враговъ, находящихся совершенно въ другой стихіи. Но теперь изобрѣтеніе г. Лебедева внушило мнѣ преполезную мысль: воспользоваться желѣзными дорогами для защиты отъ комаровъ. Въ слѣдующемъ же году вокругъ своей дачи и внутри ея — по всѣмъ дорожкамъ садика — проведу рельсы и заведу маленькіе локомотивы и вагоны. Какъ только увижу, что летитъ комаръ, брошусь въ вагонъ и мгновенно удеру отъ него. Если же онъ захочетъ преслѣдовать, то я самъ начну наступательныя движенія и буду гоняться за комарами въ открытомъ вагонѣ, размахивая по нимъ какой-нибудь дубовой вѣткой. Вы увидите. какъ это будетъ полезно. Осенью же издамъ непремѣнно книжку: «Примѣненіе желѣзныхъ дорогъ къ защитѣ дачниковъ отъ комаровъ».

Физіологическо-психологическій сравнительный взглядъ на начало и конецъ жизни. Сочиненіе заслуженнаго профессора В. Берви. Казань. 1858.

Продолженіе жизни мало интересуетъ г. заслуженнаго профессора Берви; заботу о продолженіи жизни онъ считаетъ даже матеріальнымъ направленіемъ, ведущимъ къ грубому сенсуализму. Чтобы стать отъ матеріи сколько возможно далѣе и чтобы, по его выраженію, «содѣйствовать по силѣ возможности» отвлеченію человѣка

отъ заботъ о настоящей жизни, г. заслуженный профессоръ Берви бросаетъ физіологическо-психологическій взглядъ на человѣка — до его рожденія и послѣ его смерти, т. е., говоря поэтически,

> «Конецъ съ началомъ сопрягаетъ
> И смертію живот дарить»...

Психологическія идеи г. Берви относятся болѣе къ младенцу, находящемуся въ утробѣ матери, а физіологическія изслѣдованія—къ мертвому трупу, въ которомъ уже прекратились всѣ физіологическія отправленія. Въ трупѣ этомъ г. Берви уловляетъ нѣкій духъ и подвергаетъ его физіологическимъ соображеніямъ, не подозрѣвая того, что духъ, отдѣляющійся при гніеніи трупа, подлежитъ уже не физіологіи, а химіи. Для всякаго другого, смѣшать химію съ физіологіей въ наше время довольно трудно; но для г. Берви это было легко, потому что онъ не хочетъ принадлежать нашему времени и всячески хлопочетъ о томъ, нельзя ли какънибудь уничтожить, убить его, наше-то время. Съ такою цѣлію издалъ онъ свой физіологическо-психологическій взглядъ, въ которомъ выражаетъ, между прочимъ, свое неудовольствіе на то, что всѣ естественныя науки обратились къ матеріальнымъ изслѣдованіямъ, полезнымъ для настоящей жизни. Такое направленіе естественныхъ наукъ для г. Берви пуще ножа востраго. Изъ-за естественныхъ наукъ онъ негодуетъ на все наше время, и, прочитавъ его брошюру, мы вполнѣ понимаемъ причину негодованія г. заслуженнаго профессора и даже сочувствуемъ ему въ его печальномъ положеніи, хотя, къ сожалѣнію, пособить его горю ничѣмъ не можемъ. Въ самомъ дѣлѣ, каждая страница физіологическо-психологическаго взгляда г. Берви доказываетъ, что онъ изучалъ естественныя науки когда-то давнымъ-давно, въ отдаленныя времена, когда Шубертъ и Эшенмайеръ царили въ области антропологіи, а можетъ быть и еще раньше, въ тѣ доисторическія времена, когда еще и Лавуазье не было. Кажется, мы не много погрѣшили бы, если бы даже отнесли время образованія г. Берви къ среднимъ вѣкамъ, судя по тому, что онъ, для подтвержденія своихъ мнѣній, приводитъ латинскія цитаты изъ Бэкона, Сенеки, Цицерона и даже (кажется въ объясненіе всей своей брошюры) латинскую пословицу: «Errare humanum est», что, какъ извѣстно, означаетъ: человѣку свойственно ошибаться. Изслѣдованія новѣйшихъ натуралистовъ совершенно неизвѣстны г. Берви. Болѣе всего основывается онъ на авторитетѣ Плинія; изрѣдка указываетъ на Блуменбаха, на Бугенвиля, а изъ новыхъ знаетъ только «своего ученаго сотрудника, П. А. Пелля, осязательно доказавшаго, какъ обманчивы всѣ выводы, долженствовавшіе доказать превращеніе овса въ рожь» (стр. 61). Мудрено ли же, что, при такомъ состояніи своихъ познаній, г. Берви крайне недоволенъ нашимъ временемъ, въ которое естественныя науки сдѣлали такой огромный шагъ впередъ, примиривши философскія разсужденія о силахъ природы съ резуль-

татами опытныхъ изслѣдованій надъ матеріею. Нынѣ въ естественныхъ наукахъ усвоенъ положительный методъ, всѣ выводы основываются на опытныхъ, фактическихъ знаніяхъ, а не на мечтательныхъ теоріяхъ, когда-то и кѣмъ-то составленныхъ наобумъ, и не на темныхъ гаданіяхъ, которыми въ старыя времена довольствовалось невѣжество и полузнаніе. Нынѣ уже не признаются старинные авторитеты, предъ которыми благоговѣетъ г. Берви, да и вообще авторитеты въ дѣлѣ научныхъ изслѣдованій не имѣютъ большого значенія. Молодые люди нынѣ не только парацельсовскія мечтанія называютъ, не обинуясь, вздоромъ, но даже находятъ заблужденія у Либиха, о которомъ г. Берви, кажется, и не слыхивалъ, читаютъ Молешотта, Дюбуа-Ремона и Фохта, да и тѣмъ еще не вѣрятъ на слово, а стараются провѣрять и даже дополнять ихъ собственными соображеніями. Нынѣшніе молодые люди, если ужъ занимаются естественными науками, то соединяютъ съ этимъ и философію природы, въ которой, опять, слѣдуютъ не Платону, не Окену, даже не Шеллингу, а лучшимъ, наиболѣе смѣлымъ и практическимъ изъ учениковъ Гегеля. Какъ же на все это не сердиться г. Берви, когда онъ въ философіи остановился на Фихте, котораго, впрочемъ, не понимаетъ и котораго ученіе (какъ самъ г. Берви сознается на стр. 13) «представляется ему въ какой-то туманной отдаленности». Какъ не сердиться ему на наше время, когда успѣхи естественныхъ наукъ совершенно уничтожаютъ его средневѣковыя теоріи и дѣлаютъ его смѣшнымъ не только въ глазахъ спеціалиста, слѣдящаго за успѣхами положительныхъ знаній, но даже и въ глазахъ всякаго образованнаго человѣка, родившагося немножко позже Лавуазье и Фихте. Г. Берви не любитъ нашего времени за то, что оно пережило его. Но время ли въ томъ виновато? Кто же велѣлъ отставать? А если не хватило силъ для продолженія пути, то зачѣмъ оставаться на дорогѣ, понапрасну мѣшая другимъ? Не можетъ же ходъ времени и знаній остановиться и дожидаться одного изъ адептовъ науки, хотя бы этотъ адептъ былъ и профессоромъ... Да, отсталъ, сильно отсталъ, отъ науки г. заслуженный профессоръ Берви, и, право, намъ отъ души жаль его. Намъ всегда внушали грустное чувство — и запоздавшія осенью птички, не успѣвшія отлетѣть въ теплыя страны, и возъ, отставшій отъ обоза и уныло подвигающійся одинъ среди пустынной дороги, и цыпленочекъ, который, заглядѣвшись по сторонамъ, не поспѣлъ, вмѣстѣ съ другими, за матерью, и потомъ мечется, какъ угорѣлый, отыскивая ее тамъ, гдѣ она была за минуту передъ тѣмъ, но гдѣ теперь, увы! ужъ нѣтъ ея, нѣтъ ея!... Подобно симъ отставшимъ существамъ, внушилъ намъ грустное чувство и г. Берви стоящій, по выраженію поэта, на распутіи живыхъ.

«Какъ будто памятникъ надгробный
Среди обителей людскихъ»....

Изъ сожалѣнія къ г. Берви, мы хотѣли было вовсе умолчать

о немъ и его физіологическо-психологическомъ взглядѣ, но, послѣ прочтенія брошюры и краткаго размышленія, мы убѣдились, что наше сожалѣніе къ г. Берви совершенно напрасно. Мы увидѣли, что почтенный авторъ «Взгляда» стоитъ на той степени самодовольствія, которая вызываетъ не состраданіе, а чувство совсѣмъ другого рода. Онъ не сознается въ своей отсталости, не старается даже понять то, что выработано новыми изслѣдователями, не хочетъ догонять опередившихъ его, а — что бы вы думали? — силится остановить тѣхъ, которые мимо г. Берви идутъ по той же дорогѣ знанія. Онъ говоритъ, что естественныя науки занимаются теперь не тѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ, что онѣ идутъ ложнымъ путемъ, иначе сказать — онъ отвергаетъ значеніе тѣхъ результатовъ, которые добыты положительными изслѣдованіями новаго времени. Что же это за задачи, которыя, по мнѣнію г. Берви, предстоятъ наукамъ и отъ которыхъ онѣ уклонились? Задачи эти весьма замысловаты, и если бы онѣ не были исчерпаны въ среднихъ вѣкахъ, то изобрѣтеніе ихъ сдѣлало бы честь даже сообразительности Кифы Мокіевича. Видите, психологія должна стремиться къ опредѣленію разницы между жизненнымъ началомъ и душою въ человѣкѣ; физіологія должна заниматься изслѣдованіемъ жизненныхъ процессовъ въ мертвомъ трупѣ; физика должна отыскать силу, отдѣльную отъ матеріи, и матерію, свободную отъ вліянія силы; химія должна, подвергая своему анализу тѣла, отыскивать въ нихъ что-нибудь сверхъ-чувственное. Вообще, перемѣшивая науки естественныя съ нравственными, г. Берви налагаетъ на натуралистовъ такое обязательство, какого никому, кромѣ средневѣковыхъ алхимиковъ, и въ голову не приходило. Онъ хочетъ, чтобы физическія изслѣдованія имѣли въ виду не познаніе измѣненій и дѣйствій матеріи, а отысканіе въ матеріи — духа, архея, эѳира, жизненной силы, словомъ чего-нибудь, только чтобы это «что-нибудь» не было положительнымъ, матеріальнымъ, а было что-нибудь «чувствамъ недоступное». Требованіе, разумѣется, нелѣпое; но для г. Берви оно очень хорошо, потому что такимъ манеромъ онъ думаетъ прикрыть свое незнаніе. «Не потому, дескать, я новѣйшихъ изслѣдованій не привожу, что я не знаю ихъ, а потому, что я ихъ отвергаю, какъ вредныя и нечестивыя, ведущія къ грубому сенсуализму. Не потому старыхъ понятій держусь, что до новыхъ не дошелъ, а потому, что новыя не заключаютъ въ себѣ стремленія къ сверхъ-чувственному». А когда такъ, то уже нечего и жалѣть о положеніи отставшаго, но самодовольнаго путника, тѣмъ болѣе, что онъ самъ же задираетъ тѣхъ, которые стараются итти впередъ, и ругается надъ ними. Мы болѣе не хотимъ укрывать г. Берви и выставляемъ его забавлять почтеннѣйшую публику своими мистически-алхимическими взглядами, которые въ средніе вѣка, можетъ быть, показались бы схоластическою премудростью (sapientia scholastica), но нынѣ могутъ быть приняты не иначе какъ за балаганное фиглярство. Будемъ откры-

вать наудачу разныя страницы; все равно—на каждой есть какая-нибудь курьезная штука.

Вотъ, наприм., въ самомъ началѣ изслѣдованія (стр. 6—7), вы находите сравненіе рожденія съ смертью, въ такомъ смыслѣ: до рожденія младенца, мать его страдаетъ; послѣ рожденія—радуется. Такъ точно, послѣ смерти человѣка родные и друзья его плачутъ и страдаютъ. Что изъ этого? Слушайте.

«Это терзаніе, эта тоска, волнующія нашу грудь, ведутъ насъ къ успокоительному убѣжденію въ безсмертіи: подобно тому, какъ родовыя потуги, предшествуя родамъ, предвѣщаютъ радостное появленіе на свѣтъ новаго человѣка» (стр. 7).

Не правда ли, какъ ловко умѣетъ г. Берви обращаться съ своимъ предметомъ? Онъ берется доказывать предметъ, о которомъ между образованными людьми давно уже не существуетъ никакихъ сомнѣній, но, несмотря на всю легкость задачи, шутовскимъ сравненіемъ умѣетъ обратить въ смѣхъ самый предметъ. Это даже лучше того остроумца, который доказывалъ, что умноженіе чиновниковъ предвѣщаетъ скорое просвѣщеніе государства, дѣлая такое сравненіе: заря *занимается* на небѣ предъ восхожденіемъ солнца, все освѣщающаго: такъ, чиновникъ *занимается* въ департаментѣ предъ распространеніемъ просвѣщенія во всемъ государствѣ.

А вотъ какъ г. Берви компрометируетъ популярность изложенія. На стр. 9, онъ говоритъ слѣдующее:

«Кто взглянетъ на трупъ человѣка или на застрѣленнаго зайца, или на зарѣзанную курицу, не останавливаясь скажетъ, что это суть тѣла мертвыя. Почему? потому, что они перестали жить, лишились жизни. Слѣдовательно, смерть лишаетъ животное жизни, и мертвое тѣло есть отрицаніе живого, или нѣчто противоположное живому тѣлу.»

Повидимому, такъ намъ кажется, можно такъ думать, что г. Берви, почтенный г. В. Берви, г. заслуженный профессоръ В. Берви полагаетъ, даже имѣетъ убѣжденіе и твердую увѣренность въ томъ, что популярность, простота изложенія, общепонятность представленія вещей или предметовъ состоитъ въ томъ, не въ другомъ чемъ заключается, какъ въ томъ, чтобы повторять нѣсколько разъ, много разъ повторять, переворачивать на разные лады простыя истины, самыя простыя положенія, всѣмъ понятныя вещи, предметы ни въ комъ не возбуждающіе недоумѣнія. Почтенный г. В. Берви, авторъ «Физіологическо-психологическаго взгляда», г. В. Берви—нисколько, повидимому, не сомнѣвается, что многократное повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ въ разныхъ видахъ составляетъ популярность изложенія.

Къ сожалѣнію, почтенный авторъ не всегда держится такой популярности: почти на каждой страницѣ попадаются у него длинные періоды, непроницаемые для человѣческаго разумѣнія и даже

лишенные логическаго, а иногда и грамматическаго смысла. Напр., на стр. 16 есть такой періодъ:

«Если впечатлѣнія, полученныя посредствомъ внѣшнихъ чувствъ, насъ не ведутъ къ познанію внѣшняго міра, такъ что мы не можемъ увѣриться въ нашемъ духовномъ бытіи, которое безъ содѣйствія своего тѣла лишено самаго необходимаго условія всѣхъ духовныхъ дѣятельностей въ семъ мірѣ».

Точка, читатели, точка. Чего вы еще ждете? Неужели вамъ мало того, что насказалъ вамъ г. Берви въ этой первой половинѣ недосказаннаго условнаго періода? Если и тутъ уже нашлось «духовное бытіе съ своимъ тѣломъ», то что же нашлось бы еще, если бы это «если» было приведено къ желанному концу!

Если вы перевернете два листа, то найдете на стр. 21 еще вотъ какой періодъ.

«Подобно духу человѣческому, одаренному свободною волею, жизненное начало проявляется въ творящихъ качествахъ самостоятельнымъ бытіемъ, превращающимъ въ кругъ дѣйствія онаго поступившія вещества, соотвѣтственно своей цѣли, не подчиняясь общимъ законамъ физики и химіи, которыя минералъ отклонять не можетъ».

Не мы это сочинили; увѣряемъ, что не мы. Мы даже ничего не прибавили, ничего не убавили въ словахъ г. Берви; даже правописаніе его мы сохранили.

За то г. Берви очень остроумно умѣетъ смѣяться надъ скептиками, или, по его выраженію, nihilist'ами». «Позволяю себѣ думать,—ядовито замѣчаетъ онъ,—что nihilist'ы, будучи укушены собакою въ ногу (замѣчаете ли здѣсь тонкое выраженіе презрѣнія?), или обрѣзавши себѣ палецъ, не примутъ боль, отъ этого происходящую, за призракъ» (стр. 14). Чрезвычайно остроумно и ядовито! Всѣмъ nihilist'амъ должно быть очень совѣстно, послѣ издѣвокъ г. Берви. Жаль только, что ядовитыя издѣвки сіи повторяются чуть ли не со временъ Сократа, а на русскомъ языкѣ напечатаны въ первый разъ, кажется, въ Письмовникѣ Курганова.

Г. заслуженному профессору Берви не должно казаться обиднымъ, что мы отнимаемъ у него честь изобрѣтенія остроты надъ скептиками. У него остается много изобрѣтеній, лично ему принадлежащихъ, и чтобы угодить г. Берви, мы готовы передать нѣкоторыя, наиболѣе любопытныя изъ нихъ, нашимъ читателямъ.

На стр. 60, г. Берви говоритъ, что зародышъ въ утробѣ, лишенный познанія внѣшняго міра, занимается *самосознаніемъ*, или,— какъ выражается почтенный профессоръ, съ свойственной ему популярностью,—«погруженъ въ субъективную ночь самосознанія».

На стр. 36, г. Берви говоритъ, что «человѣкъ, какъ тѣло природы, не можетъ уклониться отъ законовъ оной». На страницѣ же 37-й прибавляетъ: «но, какъ недѣлимое, онъ преслѣдуетъ свою собственную цѣль и *измѣняетъ всеобщіе законы природы*».

Любопытно бы узнать отъ г. Берви, какіе это *всеобщіе законы*

природы, которые человѣкъ, какъ недѣлимое, измѣняетъ по своей волѣ?... Впрочемъ, на стр. 25, находимъ положеніе, еще болѣе возвышающее надъ природою уже не только одного человѣка, но и всѣхъ животныхъ. Г. Берви утверждаетъ, что животныя живутъ внѣ условій пространства, — или приведемъ лучше собственныя слова г. Берви:—«духъ міра въ сихъ тѣлахъ (животныхъ) проявляется дѣйствіями во времени, не стѣсняемыми предѣлами пространства».

Изображая материнскую попечительность природы о животныхъ, почтенный профессоръ указываетъ, между прочимъ, на стр. 26, цѣль, для чего животныя чувствуютъ голодъ и жажду. «Дабы животное вѣдало о своихъ потребностяхъ,—говоритъ онъ,—оно побуждается къ удовлетворенію ихъ чувствомъ голода, холода, жажды, и т. д.».

Впрочемъ, такая, доведенная до крайности, телеологія иногда приводитъ автора къ заключеніямъ, которыя не могутъ быть названы удачными. Къ числу такихъ неудачныхъ выводовъ относимъ мы высказанную на 24 стр. мысль, что «часть равна своему цѣлому». Г. Берви говоритъ, что «иныя произведенія природы суть чистѣйшіе представители матеріи», затѣмъ продолжаетъ:

«Эти произведенія не имѣютъ собственнаго значенія, ниже собственнаго центра, почему всякая *часть* оныхъ по своему значенію *равна цѣлому*. Сюда относятся тѣла, составляющія въ совокупности своей природу, такъ называемую, мертвую: минералы, соли, воды, и т. п.».

Повторяемъ: это напечатано, слово въ слово, на 23—24 страницахъ брошюрки г. заслуженнаго профессора В. Берви: «Физіолого-психологическій взглядъ на начало и конецъ жизни». — Намъ могутъ сказать, что г. Берви разумѣлъ тутъ что-нибудь другое, а не величину, и что слова: «по своему значенію» измѣняютъ дѣло въ его пользу. Но мы спрашиваемъ васъ и г. Берви: чѣмъ же опредѣляется значеніе одинаковыхъ по составу неорганическихъ предметовъ, какъ не величиной? На чемъ, кромѣ величины, можете вы основать свое сужденіе о значеніи двухъ кусковъ чистаго серебра различнаго вѣса, двухъ глыбъ одинаковаго гранита, мрамора, и т. п.? Нѣтъ, какъ ни смягчайте дѣло, а положеніе, что г. Берви считаетъ части нѣкоторыхъ тѣлъ равными своему цѣлому, остается во всей силѣ.

Скажутъ: не можетъ быть, чтобъ г. Берви не зналъ аксіомы, что часть всегда меньше своего цѣлаго. Нѣтъ, можетъ быть. У насъ есть на это аналогическое доказательство, очень убѣдительное. Вотъ что говоритъ г. Берви на стр. 50: «я полагаю, что у меня есть сердце, легкія, печень и т. д. Это есть умозаключеніе, на аналогіи основанное, *точно такъ, какъ я полагаю*, что Юпитеръ и Сатурнъ суть тѣла, подобныя нашей землѣ и имѣющія, подобно ей, своихъ обитателей». Видите, если бъ мы вамъ сказали: г. Берви не знаетъ даже того, есть ли у него сердце и легкія,

вы бы не повѣрили. Но надѣемся—теперь вы повѣрите, когда мы привели его собственныя слова. Онъ высказываетъ самъ, что не знаетъ навѣрное, есть ли или нѣтъ у него сердце; *я полагаю*,—говоритъ онъ,—что есть, *точно такъ, какъ* я полагаю, что есть на Сатурнѣ жители... А вѣдь можетъ быть, что ихъ и нѣтъ... Это простая аналогія.

Такъ разсуждаетъ г. Берви, и мы ничего не прибавили отъ себя къ его мыслямъ. Можете справиться сами, если не вѣрите: за тѣмъ мы и страницы вездѣ выставляли, приводя мнѣнія г. Берви.

Не правда ли, что все это крайне забавно, и что приведенныя мнѣнія г. Берви одни были бы достаточны для того, чтобъ избавить критику отъ труда возиться съ его сочиненіемъ? Читатели, вѣроятно, давно уже дивятся, зачѣмъ мы хлопочемъ долго, выбирая разныя диковинки изъ книжки г. Берви, когда довольно бы было въ пяти строкахъ предать ее на общее посмѣяніе. Чтобы показать причину нашего вниманія къ г. Берви, мы приведемъ еще выписку, уже послѣднюю, и она, конечно, покажетъ читателямъ, что тутъ одного смѣха не довольно, что дѣло г. Берви даже вовсе не забавно. На стр. 4-й онъ говоритъ: «я пускаю въ свѣтъ то, что ежегодно преподаю моимъ слушателямъ», — и прибавляетъ: «слушатели мои—юноши, и, какъ таковые, воспріимчивы ко всему высокому, идеальному». Вотъ гдѣ серьезная-то и плачевная сторона вопроса. Пусть бы г. Берви мечталъ, о чемъ ему угодно, пусть бы онъ проклиналъ современное развитіе естественныхъ наукъ, сомнѣвался въ существованіи у себя сердца и легкихъ, и въ то же время вѣрилъ, что часть равна своему цѣлому и что животное ѣсть хочетъ собственно для того, дабы вѣдать о своихъ потребностяхъ. Но вѣдь все это онъ преподаетъ своимъ юнымъ слушателямъ: вотъ въ чемъ бѣда. И, по всей вѣроятности, преподаетъ-то онъ имъ что-нибудь еще похуже; потому что, издавая въ свѣтъ свои лекціи, каждый профессоръ непремѣнно старается обдѣлать ихъ получше. Да и кромѣ того, лекція г. Берви доказываетъ, что она составлена какъ будто на-показъ: крайне щеголевато и съ избыткомъ учености, совершенно ненужной и, правду сказать, крайне дешевой. Тутъ идетъ рѣчь и о Сципіонѣ, и о Регулѣ, и о Людовикѣ XIV, и о Наполеонѣ, и о созвѣздіи Вола, и о плодородіи крысъ, и о щукѣ, пойманной въ 1497 г., и о трудолюбіи пчелъ, и о дикихъ сибирскихъ лисицахъ, и пр., и пр., Тутъ приводятся стихи Вольтера и Гёте, говорится, что планету Нептунъ слѣдовало бы назвать Ньютономъ, что арабскія лошади превосходны, что Сѣверо-Американскіе Штаты суть ужасное зло въ человѣчествѣ, и т. п. Позаботившись о томъ, чтобы вставить въ свои лекціи подобныя, не относящіяся къ дѣлу, разсужденія, г. Берви позаботился бы конечно, если бъ могъ, и о правильности своихъ научныхъ понятій, и о логичности выводовъ, или, по крайней мѣрѣ, — о толковости изложенія. А то вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, — предположимъ даже, напримѣръ, что г. Берви и знаетъ о томъ,

что часть всегда меньше своего цѣлаго (предположеніе смѣлое и сдѣланное совершенно a priori, безъ всякихъ фактическихъ оснований; но предположимъ, въ уваженіе профессорскаго званія г. Берви): легче ли оттого его слушателямъ, если онъ съ ними такъ объясняется, какъ написана вся его брошюра? Можно думать, что нисколько не легче. И вотъ кого надобно отъ души пожалѣть въ этомъ случаѣ, а не самого г. Берви. Онъ уже потому не заслуживаетъ сожалѣнія, что, несмотря на свою отсталость въ наукѣ и невѣроятные проступки противъ здраваго смысла, обладаетъ невозмутимымъ самодовольствіемъ. Но эти «воспріимчивые юноши», находящіеся подъ его руководствомъ, вполнѣ достойны сожалѣнія всякаго образованнаго человѣка, тѣмъ болѣе, что они, во что бы то ни стало, непремѣнно обязаны слушать г. В. Берви, какъ своего профессора.

Аттила и Русь IV и V вѣка. Сводъ историческихъ и народныхъ преданій. А. Вельтмана. Москва. 1858.

Великій споръ о народно-славянскомъ воззрѣніи, еще недавно возобновленный въ «Русской Бесѣдѣ» г. Кривошапкинымъ изъ Енисейска, приходитъ, кажется, къ концу. Г. Вельтманъ, давно извѣстный русской публикѣ игривостью своего воображенія, изобрѣлъ средство примирить славянъ съ человѣчествомъ и славянофиловъ съ западниками. Средство, придуманное имъ, чрезвычайно просто. Давно уже западники говорили, что славяне—люди и что, слѣдовательно, ничто человѣческое имъ не чуждо; но противники ихъ справедливо утверждали, что мысль эта есть не что иное, какъ переводъ извѣстной латинской пословицы, и что, слѣдовательно, она, какъ родившаяся не на русской почвѣ, ничего не можетъ доказывать. Теперь г. Вельтманъ, въ видахъ пользы славянофиловъ, беретъ давно-высказанное, общечеловѣческое понятіе навыворотъ, т. е. говоритъ: всѣ люди — славяне, и слѣдовательно ничто славянское имъ не чуждо. Такимъ всеобъемлющимъ панславизмомъ доказывается совершенное тождество людей со славянами и, слѣдовательно, тождество славянскаго воззрѣнія съ общечеловѣческимъ. Затѣмъ, споръ долженъ уже прекратиться, по крайней мѣрѣ со стороны «Русской Бесѣды», которая должна остаться совершенно довольною изслѣдованіями г. Вельтмана, такъ какъ его тенденціи, свойства его учености, самые пріемы его весьма близко подходятъ къ славянофильскимъ требованіямъ. Тенденція г. Вельтмана заключается именно въ безпредѣльномъ панславизмѣ. Въ силу такой тенденціи онъ утверждаетъ, что если теперь не

всѣ люди представляются славянами, такъ это только кажется, а въ самомъ-то дѣлѣ всѣ — славяне или, по крайней мѣрѣ, были славянами въ миѳологическія времена. Миѳологическія времена славянской исторіи были, по мнѣнію г. Вельтмана, до потопа; послѣ же потопа начинаются историческія сказанія, которыя для нашего панслависта представляются въ совершенной ясности. Въ третьемъ и четвертомъ столѣтіи по Р. Х., русскіе князья представляются уже у г. Вельтмана въ стройной генеалогической таблицѣ. Въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. описывается очень подробно война славянъ съ готами-даціянами. За 500 лѣтъ до Р. Х. славянскія государства уже имѣютъ свою исторію: механхлены, скифы и кинокефалы, о которыхъ говоритъ Геродотъ, — были славяне. Даже за 1000 лѣтъ до Р. Х. славяне существовали въ Европѣ и именно — жили при Днѣпрѣ (Атт., стр. 89). Мало того, древній Ираклъ, иначе Арей, есть не что иное, какъ древне-русскій Яро или Юрій (стр. 21 и 209). А вѣдь извѣстно, что Геркулесъ былъ сынъ самого Зевса и жилъ лѣтъ за 1300 до Р. Х. Но даже и этого недостаточно: г. Вельтманъ намекаетъ на еще болѣе отдаленную древность, говоря, что славяне жили въ Даніи прежде датчанъ, которые, по инымъ сказаніямъ, пришли сюда изъ Азіи, во времена Серуха, прадѣда Авраамова, т. е. лѣтъ за 2500 до Р. Х. (стр. 61). Словомъ, если еще подлежитъ сомнѣнію, былъ ли славянинъ Ной, то одинъ изъ сыновей его навѣрное былъ уже славяниномъ. Заключеніе для славянъ чрезвычайно лестное. Можно надѣяться, что послѣдующія разысканія г. Вельтмана, совокупно съ трудами г. Черткова, Егора Классена и барона Розена, въ самомъ непродолжительномъ времени, утвердятъ такой блистательный выводъ на основаніяхъ незыблемыхъ..

Свойства и пріемы учености г. Вельтмана могутъ быть раздѣлены на общіе и частные, собственно-филологическіе. Общіе пріемы относятся всего болѣе къ критикѣ источниковъ. Всѣ почти свѣдѣнія о гуннахъ, признается г. Вельтманъ, почерпаются изъ Приска, Амміана, Іорнанда и народныхъ преданій. Но Амміанъ не понимаетъ происхожденія гунновъ, Іорнандъ пристрастенъ къ готамъ, а Прискъ, хотя и правдивъ, но считаетъ Аттилу варваромъ. Остаются народныя преданія, но и тѣ искажены, и, слѣдовательно, — нужно ихъ очистить и возстановить посредствомъ «сочувственнаго настроенія». Лучшее сочиненіе объ Аттилѣ принадлежитъ Тьерри; но Тьерри увлекся источниками и, притомъ, не имѣлъ «сочувственнаго настроенія», и потому тоже призналъ Аттилу не только гунномъ, но даже варваромъ. А между тѣмъ, это названіе греки дали ему просто изъ зависти, за то, что онъ крѣпко держался «народныхъ воззрѣній» и «не подчинялся эллинской премудрости» (стр. 7). Такимъ обращеніемъ съ источниками и обиліемъ «сочувственнаго настроенія» многіе изъ славянофиловъ должны быть очень довольны!

Филологическіе пріемы г. Вельтмана основаны на слѣдующихъ, весьма простыхъ, открытыхъ имъ законахъ языка.

1) При переходѣ словъ изъ одного языка въ другой, всякая гласная можетъ превращаться во всякую гласную.

2) Всякая согласная можетъ превращаться во всякую согласную.

3) Во всякомъ словѣ, согласно требованіямъ благозвучія, можетъ быть выпущена или прибавлена всякая, какъ гласная, такъ и согласная, буква, а равно и цѣлые слоги.

NB. Нерѣдко также гласныя превращаются въ согласныя, и наоборотъ.

Какъ видите, филогическая система—весьма простая, и г. Вельтманъ пользуется ею неутомимо и дѣлаетъ открытія, въ самомъ дѣлѣ блестящія. Напримѣръ, вотъ хоть бы гунны — кто бы это были, по вашему? По-латыни они пишутся *Guni* и *Huni*; теперь можете догадаться? Нѣтъ? Такъ г. Вельтманъ еще приближаетъ ихъ къ русскому: Chuni. Все еще не отгадываете? Ну, авторъ «Аттилы» даетъ имъ еще болѣе русскій видъ: Chueni (стр. 89). Неужели и теперь не знаете? Это ужъ, кажется, такъ чисто порусски, что чище быть нельзя; только напишите это самое русскими буквами, — что выйдетъ? Г. Вельтманъ увѣряетъ, что выйдетъ: *кыяне*, то есть кіевляне, обитатели города Кіева. Вотъ вамъ и отгадка. Къ чему она ведетъ, вы вполнѣ постигнете только тогда, когда прочтете VI главу изслѣдованія г. Вельтмана, называющуюся такъ: «Аттила, великій князь Кіевскій и всея Руси самодержецъ» (стр. 129). Съ помощію своей филологической системы, авторъ разсказываетъ, что въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. были: «Великая Русь» (Vilzenland—велька Русь; потому что *Land* часто замѣняетъ Reich, а Reich, извѣстное дѣло,—тоже, что Русь), обнимавшая Скандинавію (т. е. Свевію или Славію), Кимврію (т. е. Сербію) и Vinland (т. е. Вендскую землю); «Холмоградская Русь» (Ulmerugia) и Кыянская Русь» (Hunigard). Въ этой-то Кыянской Руси и царствовали князья, которыхъ имена греками и латинами, разумѣется, исковерканы, но нынѣ г. Вельтманомъ реставрированы, — именно, Фридлефъ или, что совершенно одно и то же, Преславъ: Гернитъ, или по-русски Яровитъ, Донатъ или Данко; Роасъ или опять Яровитъ; Осидъ или Острой, и наконецъ—Аттила. Такъ, проходя черезъ струю русскаго правописанія, всѣ греческія и латинскія слова получаютъ смыслъ и форму, сообразныя народнославянскому воззрѣнію.

Нѣтъ возможности передать всему образованному міру филологическихъ сокровищъ, обрѣтенныхъ г. Вельтманомъ на пользу славянскаго міра. Попробуемъ, однако же, указать хоть на нѣкоторыя.

Аланы — славяне, потому что они называются иногда Vulani, т. е. волынцы, отъ слова воля; это несомнѣнно подтверждаетъ

Амміанъ, который повѣствуетъ, что аланы никогда не были подъ игомъ рабства.

Вандалы—славяне. Это—тѣ же венды.

Герулы—тоже славяне, потому что они лугари (герулы, гелуры, лугеры, лугари).

Испанцы и *португальцы*—славяне же, что несомнѣнно доказывается тѣмъ, что у нихъ есть лужичане (Лузитанія) и рѣки Туга (Tago) и Туръ (Дуэро).

Козары—тоже славяне, за то, что они носили косы, т. е. чубы, на головахъ, и потому собственное ихъ имя было—*чубатые*.

Кимвры—славяне (кимвры, цимбры, симбры, сербы).

Кельты—славяне: это была *челядь* у кимвровъ, т. е. сербовъ, а историки, не имѣвшіе сочувственнаго настроенія, приняли ихъ за народъ.

Лонгобарды—славяне, т. е. лугари пограничные (отъ словъ — *лугъ* и *брдо бердо*, ребро, край).

Саксы—славяне. Названіе саксы есть испорченное имя чеховъ.

Франки—славяне. Это варяги, а варяги, извѣстное дѣло, — руссы. Иначе доказываетъ г. Вельтманъ то же самое, назвавши франковъ *гранками*, потому что они селились на *границахъ* съ Римомъ.

Шведы—славяне (свевы—славы, совершенно ясно).

Словомъ, всѣ народы древняго и новаго міра оказываются славянами, кромѣ только го̀товъ, которые, по этому самому, и признаются г. Вельтманомъ—скотами (Gothi, Scothi, Schothi).

Только два производства не совсѣмъ удачными показались намъ у г. Вельтмана (собственно по-русски *Велемудра*, потому что *вельт*—явно есть искаженное *вельк*, *великъ*, а *ман*—есть санскритскій корень, означающій—*мудръ*. — См. «Сравненіе словъ славянскихъ съ санскритскими», составленное извѣстнымъ нашимъ поэтомъ и санскритологомъ, г. Хомяковымъ, и помѣщенное въ Извѣстіяхъ II Отд. Академіи Наукъ, за 1855 г.). Въ этихъ двухъ производствахъ мы не можемъ не отдать преимущества предшественнику г. Вельтмана, знаменитому профессору элоквенціи, В. К. Тредьяковскому. Г. Вельтманъ говоритъ, что Одоакръ былъ Годичъ (т. е. Odoaker, Odoachos, Godoacus, Godeoc, Годичъ), а амазонки—галичане (Amazonoi, Alazonoi, Halazonoi, галичане). Г. Тредьяковскій утверждаетъ, что амазонки были *омужонки*, т. е. мужественныя женщины, а Одоацеръ — названъ такъ потому, что, сдѣлавшись царемъ, вскричалъ: «о, да я царь!»... Неправда ли, что это несравненно проще и естественнѣе?

За то во всемъ остальномъ мы такъ довольны г. Вельтманомъ, какъ будто бы мы были нѣмцы, которыхъ присоединилъ онъ къ семьѣ славянской, т. е. человѣческой. Воображаемъ, какъ же должны быть довольны славянофилы!

Впрочемъ, разсматривая строго, мы находимъ и нѣкоторыя

черты различія между славянофилами и ихъ велемудрымъ сторонникомъ. Такъ, напр., г. Вельтманъ имѣетъ необыкновенную склонность передѣлывать всѣхъ варваровъ въ славянъ, тогда какъ сотрудники «Русской Бесѣды» сильно желаютъ видѣть всѣхъ славянъ варварами. Г. Вельтманъ полонъ любовью къ человѣчеству, потому что видитъ въ немъ славянъ; «Русская Бесѣда» любитъ славянъ потому, что въ нихъ только видитъ человѣчество. Свое сочувственное настроеніе г. Вельтманъ выражаетъ болѣе на практикѣ, не говоря о немъ, но выражая его въ своихъ изслѣдованіяхъ. Сотрудники «Бесѣды», напротивъ, больше любятъ поговорить о немъ, а въ изслѣдованія пока не пускаются. По мнѣнію г. Вельтмана, правильному ходу развитія русской жизни помѣшалъ, въ первомъ столѣтіи по Р. Х., царь Гильвъ, путешествовавшій въ чужія страны, допустившій гòтовъ въ свои владѣнія и принявшій отъ нихъ ученіе, «весьма отъ древней истины отдѣлявшееся»; славянофилы, какъ извѣстно, утверждаютъ, что все это произведено не Гильвомъ, а Петромъ Великимъ. Всѣхъ не-славянъ г. Вельтманъ считаетъ скотами (Scothi), а славянофилы — нѣмцами. Наконецъ, г. Вельтманъ, какъ видно изъ его книги, весьма расположенъ къ миру съ европейцами, какъ съ своими однородцами; славянофилы же, напротивъ, благословляютъ споръ, именуемый *борьбою*, и это послѣднее обстоятельство, вѣроятно, препятствовало до сихъ поръ славянофиламъ стать подъ мирное знамя г. Вельтмана. Если бы они съ нимъ согласились, то имъ ужъ ровно нечего было бы дѣлать.

Стихотворенія Н. М. Языкова. При нихъ приложены: его портретъ, fac-simile, свѣдѣнія о его жизни и значеніи и написанное о немъ въ разныхъ періодическихъ и другихъ изданіяхъ. Двѣ части. Спб. 1858.

Языковъ—тоже славянофилъ въ своемъ родѣ, и вотъ почему нисколько не удивительно, что г. Перевлѣсскій, издавшій уже славянскую грамматику и хрестоматію (въ которую, впрочемъ, не попалъ Языковъ), издаетъ между прочимъ и Языкова. Стихотворенія этого «пѣвца вина и страсти нѣжной» до того нравятся г. Перевлѣсскому, что онъ, не довольствуясь однимъ разомъ, считаетъ нужнымъ, для удовольствія читателей, напечатать нѣкоторыя изъ нихъ два раза въ одной и той же книжкѣ. Такъ, напр., въ 1-й части, на стр. 4-й, напечатаны три элегіи, а на стр. 94 — 95 той же части — тѣ же элегіи, только ужъ каждая порознь. На стр. 96-й, 1-й части, посланіе Т—ву; а на стр. 296-й, 2-й части,

то же посланіе съ заглавіемъ: Татаринову. Изъ этого видно, что желаніе нѣкотораго библіографа, чтобы всѣ русскіе поэты изданы были такъ же тщательно, какъ теперь Языковъ, не совсѣмъ справедливо. Впрочемъ, изданіе г. Перевлѣсскаго хорошо тѣмъ, что въ немъ помѣщены всѣ статьи, какія были писаны по поводу стихотвореній Языкова. Вмѣстѣ съ статьями гг. Погодина, Шевырева, Ксенофонта Полевого, тутъ же есть и отзывъ Бѣлинскаго, который повторять нѣтъ нужды. Для любителей веселаго чтенія, тутъ же находится и рецензія «Библіотеки для Чтенія», весьма остроумная.

Не считая нужнымъ входить въ разсужденія по поводу значенія Языкова въ исторіи русской литературы, мы рѣшаемся указать только на одну сторону таланта Языкова, болѣе другихъ почтенную, но менѣе извѣстную русской публикѣ. На Языкова смотрятъ обыкновенно какъ на пѣвца разгула, вина, сладострастія, или какъ на возвышеннаго патріота, бранившаго всѣхъ нѣмцевъ нехристью, прославлявшаго Москву, старину и хвалившаго

«Метальный, звонкій, самогудный,
Разгульный, мѣткій нашъ языкъ»....

Все это было въ своемъ родѣ превосходно. Но мы считаемъ нелишнимъ указать также и на первое время поэтической дѣятельности Языкова, когда «шалости любви нескромной, пиры и разгулъ» воспѣвалъ онъ только между прочимъ, а лучшую часть своей дѣятельности посвящалъ изображенію чистой любви къ родинѣ и стремленій чистыхъ и благородныхъ. Въ то время муза его была еще свободна отъ многихъ предразсудковъ кружка, которые замѣтны въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ послѣднихъ годовъ его жизни. Тогда онъ воспѣвалъ родину — не какъ безусловно-совершенную страну, которой одно имя должно повергать въ священный трепетъ, не говоря уже о ея пространствѣ, ея рѣкахъ, морозахъ, кулакахъ и прочихъ затѣяхъ русской остроты. Нѣтъ, источникъ его тогдашняго сочувствія къ родинѣ былъ гораздо выше: онъ славилъ ея подвиги, ея благородные порывы, безъ всякаго затаеннаго желанія приписать ихъ именно извѣстному времени или странѣ. Онъ потому любилъ родину, что видѣлъ въ ней много великаго, или, по крайней мѣрѣ, способности къ великому и прекрасному, а вовсе не находилъ прекраснымъ и великимъ все русское только потому, что оно народное—русское. Впослѣдствіи времени Языковъ уклонился отъ своего первоначальнаго чистаго направленія и сначала призналъ разгулъ очень хорошею вещью, воображая, что тутъ сидитъ русская народность.

«Не призывай чужого Бога,
Живи и *пей по своему*»,

совѣтовалъ онъ одному изъ своихъ пріятелей.

Такъ точно, впослѣдствіи увлекся онъ другими особенностями

русской природы и жизни и, воображая, что въ нихъ-то и есть чистая народность, издѣвался надъ нѣмцами, неумѣющими ходить по гололедицѣ, увѣрялъ съ увлеченіемъ, что картины Волги краше, чѣмъ распрекрасный Кавказъ, да побранивалъ — и очень безцеремонно—тѣхъ, кому не нравились публичныя лекціи г. Шевырева, въ которыхъ, по выраженію поэта, ожила —

«Святая Русь — и величава,
И православна, какъ была»...

Всего этого не было въ произведеніяхъ ранней молодости поэта, въ періодъ 1822 — 1825 г. Тогда онъ обращался къ временамъ бѣдствій Россіи, среди которыхъ именно могъ проявиться великій духъ народа. Таковы, напр., пѣсни барда, изъ временъ монгольскаго ига. Вотъ, что поетъ бардъ, обращаясь къ Дмитрію Донскому, предъ битвой съ Мамаемъ (стих. Языкова, ч. I, стр. 25):

«Твои отцы — славяне были,
Желѣзомъ страшные врагамъ;
Чужія руки ихъ рукамъ
Не цѣпи — злато приносили,
И не свобода-ль имъ дала
Ихъ знаменитыя дѣла?
Когда съ толпой отважныхъ братій
Ты грозно кинешься на бой, —
Кто, сильный, сдержитъ предъ тобой
Враговъ тьмочисленныя рати?
Кто сгонитъ блѣдность съ ихъ лица,
При видѣ гнѣвнаго бойца?

Рука свободнаго сильнѣе
Руки, измученной ярмомъ:
Такъ съ неба падающій громъ
Подземныхъ грохотовъ звучнѣе;
Такъ пѣснь побѣдная громчѣй
Глухого скрежета цѣпей»!...

Освобожденіе Руси отъ ига монгольскаго внушило Языкову нѣсколько стихотвореній, которыя, по силѣ выраженія и по чистотѣ выражаемаго въ нихъ чувства — любви къ отечеству — должны быть отнесены къ числу лучшихъ его произведеній. Нельзя безъ удовольствія перечитывать, даже въ настоящее время, его «Пѣсни барда во время владычества татаръ въ Россіи» (стр. 18). Она сопровождается у Языкова примѣчаніями, взятыми изъ исторіи Карамзина и поясняющими его выраженія (стих. Языкова, ч. I, стр. 18—19); но мы полагаемъ, что читатели наши не нуждаются въ этихъ примѣчаніяхъ, и потому приведемъ только самые стихи, ярко рисующіе бѣдствія Руси при татарахъ.

«И вы сокрылися, вѣка полночной славы,
Побѣдъ и вольности вѣка!
Такъ сокрывается ликъ солнца величавый
За громовыя облака.

Но завтра солнце вновь возстанетъ...
А мы... намъ долго цѣпи влечь;
Столѣтья протекутъ, и русскій мечъ не грянетъ
Тиранства гордаго о мечъ.
Неутомимыя страданья
Погубятъ память объ отцахъ,
И геній рабскаго молчанья
Возсядетъ, вѣчный, на гробахъ.
Теперь вотще младой баянъ
На голосъ предковъ запѣваетъ:
Жестокихъ бѣдствій ураганъ
Рабовъ полмертвыхъ оглашаетъ;
И онъ, дрожащею рукой
Поднявъ холодныя желѣзы,
Молчитъ, смотря на нихъ сквозь слезы».

Тѣ же чувства выражаются и въ другихъ стихотвореніяхъ ранней поры Языкова. Но, къ сожалѣнію, источникъ ихъ былъ не въ твердомъ, ясносознанномъ убѣжденіи, а въ стремительномъ порывѣ чувства, не находившаго себѣ поддержки въ просвѣщенной мысли. Въ этомъ заключается, по нашему мнѣнію, главный недостатокъ всѣхъ поэтовъ пушкинскаго кружка. Языковъ не могъ удержаться сознательно на этой высотѣ, на которую его поставило непосредственное чувство; у него недоставало для этого зрѣлыхъ убѣжденій и просвѣщеннаго умѣнья опредѣлить себѣ ясно и твердо свои стремленія и требованія отъ своей музы. Оттого-то во всей его поэтической дѣятельности выражается какое-то намѣреніе, никогда не исполняемое, потому что поэтъ безсиленъ его исполнить. Онъ восклицаетъ иногда довольно рѣшительно:

«Во прахъ надежды мелочныя,
И дѣлъ и мыслей мишура!
У насъ надежды золотыя
Сердца насытить молодыя —
Дѣлами чести и добра»!...

И въ то же самое время, тотъ же поэтъ восклицаетъ, съ неменьшею рѣшительностію:

«Послѣдній грошъ ребромъ поставлю,
Упьюсь во имя прошлыхъ дней
И поэтически отправлю
Поминки юности моей»!

Такъ вотъ, чѣмъ насыщаются молодыя надежды относительно чести и добра! Вотъ гдѣ поэзія находитъ полное осуществленіе!

Немного спустя, Языковъ опять говоритъ, въ стихотвореніи «Поэту» —

«Иди ты въ міръ, да слышитъ онъ пророка,—
Но въ мірѣ будь величественъ и святъ!
Не лобызай сахарныхъ устъ порока,
И не проси и не бери наградъ.
Привѣтно ли сіяніе денницы,

Ужасенъ ли судьбины произволъ:
Невиненъ будь, какъ голубица,
Смѣлъ и отваженъ, какъ орелъ!
И стройные и сладостные звуки
Поднимутся съ гремящихъ струнъ твоихъ;
Въ тѣхъ звукахъ рабъ свои забудетъ муки,
И царь Саулъ заслушается ихъ»!...

Переверните страницу (7-ю) въ нынѣшнемъ изданіи стихотвореній Языкова, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, и вы прочтете въ стихотвореніи «Кубокъ» —

«Горделивый и свободный,
Чудно пьянствуетъ поэтъ!
Кубокъ взялъ; душѣ угодны
Этотъ образъ, этотъ цвѣтъ;
Сѣлъ и налилъ; ихъ ласкаетъ
Взоромъ, словомъ и рукой».... и пр.

Вотъ каковъ этотъ смѣлый и отважный орелъ, этотъ пророкъ, грядущій въ міръ! Вотъ каковы его поэтическіе звуки, стройные и сладостные,

«Въ которыхъ рабъ свои забудетъ муки
И царь Саулъ заслушается ихъ».

Поэтъ напрасно ищетъ во всемъ мірѣ этого чуднаго забвенія; онъ находитъ его только въ винѣ.

Съ теченіемъ времени, остепенился и Языковъ. Г. Перевлѣсскій говоритъ объ этомъ съ откровеннымъ простодушіемъ, можетъ быть даже не чуждымъ проніи, — по крайней мѣрѣ, оборотъ рѣчи, употребленный издателемъ Языкова, не особенно благопріятенъ для послѣдняго періода дѣятельности поэта. «Во время странствованій Языкова по цѣлебнымъ водамъ, — пишетъ г. Перевлѣсскій, — въ годы тяжкихъ страданій, отъ сокрушительнаго недуга, разгульный строй его лиры нерѣдко мѣнялся на важный и торжественный; вмѣсто игривыхъ, разудалыхъ пѣсенокъ, слышались спокойныя, величавыя и благоговѣйныя пѣснопѣнія отчизнѣ и религіи». Итакъ, нужны были страданія сокрушительнаго недуга, чтобы отучить Языкова отъ его пѣсенокъ! Но, отучивши отъ пѣсенокъ, къ чему же болѣзнь пріучила его? Ни къ чему, — рѣшительно. Въ это время, какъ и прежде, подъ вліяніемъ важнаго настроенія духа, Языковъ могъ написать двѣ-три возвышенныхъ пьесы; но общій характеръ, содержаніе поэзіи до конца жизни осталось у Языкова одно и то же. Измѣненіе только въ томъ, что поэтъ безпрестанно *сожалѣетъ* теперь о томъ, что прежде воспѣвалъ съ такимъ восторгомъ. Изъ пьесъ серьезнаго направленія, написанныхъ Языковымъ въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ его жизни, есть одна, дѣйствительно, замѣчательная вещь — «Стихи на памятникъ Карамзину». Особенною живостью и силою отличается здѣсь изображеніе временъ Грознаго. Но, вообще говоря, безсиліе Языкова

предъ серьезными вопросами и идеями было въ концѣ жизни, можетъ быть, еще болѣе, чѣмъ въ началѣ его поэтической дѣятельности. Въ стихотвореніи «Землетрясеніе» онъ задаетъ поэту задачу, которою, какъ извѣстно, восхищался Гоголь.

«Такъ ты, поэтъ, въ годину страха
И колебанія земли,
Несись душой превыше страха
И ликамъ ангельскимъ внемли,
И приноси дрожащимъ людямъ
Молитвы съ горней вышины,
Да въ сердце примемъ ихъ и будемъ
Мы нашей вѣрой спасены».

И прежде, какъ мы видѣли, Языковъ призывалъ поэта къ проповѣданію истинъ людямъ; теперь онъ только иначе мотивируетъ свое требованіе. Какъ же это призваніе выражается у него въ тотъ періодъ его поэзіи, къ которому относится «Землетрясеніе»? Вотъ какъ:

«Въ Москвѣ тамъ васъ, — я помню, я
Не разъ, не два, и всенародно,
Пѣлъ горячо и превосходно,
Громко-хвалебными стихами
Усердно поклонялся вамъ.
И подобаетъ тѣмъ стихамъ
Хвала моя...
...Смотрите вотъ:
Лишь мало-мальски успокоенъ,
Въ моемъ житьѣ, еще разстроенъ
Толпой болѣзненныхъ заботъ
Почти весь день, еще надеждѣ
Почти не смѣю довѣрять,
Что буду нѣкогда опять
Такимъ, какимъ бывалъ я прежде».

Смѣемъ думать, что послѣдніе стихи относятся не къ одному только возстановленію здоровья поэта, а и къ его поэтическому характеру. То же можетъ подтвердить и другое посланіе, относящееся къ тому же времени и начинающееся стихами:

«Въ достопамятные годы
Милой юности моей,
Вы меня, пѣвца свободы
И студентскихъ кутежей,
Восхитительно ласкали»,

и продолжающееся такъ:

«Поэтически-живая,
Отцвѣла весна моя,
И дана мнѣ жизнь иная,
Жизнь тяжелая, — но я...
Тотъ же я...»

Оба эти стихотворенія писаны, какъ видно, тогда, когда Языковъ немножко выздоравливалъ. Они объясняютъ намъ, какъ смотрѣть на его грустныя сожалѣнія о томъ, что онъ вину и кутежу

«Уже не можетъ, какъ бывало,
Пѣть вольнодумную хвалу»...

Да, въ натурѣ Языкова были, конечно, нѣкоторые задатки хорошаго развитія; но у него мало было внутреннихъ силъ для разумнаго поддержанія своихъ добрыхъ инстинктовъ. Онъ погубилъ свой талантъ, воспѣвая пирушки да побранивая нѣмецкую нехристь, тогда какъ онъ могъ обратиться къ предметамъ, гораздо болѣе высокимъ и благороднымъ. Такъ, впрочемъ, погибъ не одинъ онъ: участь его раздѣляютъ, въ большей или меньшей степени, всѣ поэты пушкинскаго кружка. У всѣхъ ихъ были какіе-то неясные идеалы, всѣмъ имъ виднѣлась «тамъ, за далью непогоды» какая-то блаженная страна. Но у нихъ не доставало силъ неуклонно стремиться къ ней. Они были слабы и робки...

«А туда выносятъ волны
Только сильнаго душой»!...

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

